

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

P Slav 176.25

Bd. Nov. 1888.

Harvard College Library

FROM THE FUND OF

CHARLES MINOT

(Class of 1828).

Received 30 July - 27 Aug. 1888.

JUL 30 1888

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.

ЛЮЛЯ.

ДВАДЦАТЬ-ТРЕТИЙ ГОДЪ.—КНИГА 7-я.

ЛЮЛЬ, 1888.

ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 7-я. — ПОЛЬ, 1888.

Стр.

I.—ЦЬЯНСТВО И ВОРЬБА ПРОТИВЪ НЕГО.—II.—Окончаніе.—Н. П. Янжула	5
II.—ВЪ ПЕРВЫЙ РАЗЪ У ЗАУТРЕНИ.—Народный разсказъ Л. К. Лазаревича. —Съ сербскаго.—Н. Г.	39
III.—ЛУДВИГЪ ГОЛЬБЕРГЪ, Георга Брандеса.—Съ датскаго.—А. Т-ва	56
IV.—МУСЯ.—Ромакъ въ двухъ частяхъ.—Часть первая.—I-VI. В. Д. Каренина	61
V.—РУССКІЙ ЭПОСЪ И НОВЫЕ ЕГО ИЗСЛѢДОВАТЕЛИ.—Г. Хазанскій и Дамбергъ.—Александра Веселовскаго	144
VI.—ЧУДАКИ.—Разсказъ.—В. Дьдлова	166
VII.—НОВѢЙШІЕ БРИТНИКИ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА.—III.—Окончаніе.—Л. З. Слав- инскаго	224
VIII.—ЗЛЕГІЯ.—В. Минскаго	243
IX.—СОВРЕМЕННЫЕ БЕЛЕТРИСТЫ.—Г. А. Мачтегъ; М. П. Алабовъ; А. Че- ховъ.—К. К. Арсеньева	245
X.—ИСТОРИЯ КРЕСТЬЯНСКАГО ВОПРОСА ВЪ РОССІИ.—„Крестьянский во- просъ въ Россіи“, В. И. Семеновскаго.—А. В-въ	262
XI.—ХРОНИКА.—ИМПЕРАТОРЪ ВИЛЬГЕЛЬМЪ I.—Старая и новая Гер- манія.—XII-XV.—Окончаніе.—Е. П. Утѣна	301
XII.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Законъ 4-го апрѣля о сбереженіи лѣсовъ.— Препрады, встрѣчавшіяся на его пути; категоріи лѣсовъ, подходящія подъ его дѣйствіе; составъ лѣсоохранительныхъ комитетовъ.—Усиленіе уголовной кари за лѣсныя порубки.—Основныя положенія о промышленныхъ училищахъ; слухи о проектируемыхъ измѣненіяхъ въ положеніи реальныхъ учи- лищъ.—Законъ о вольныхъ людяхъ.—Распространеніе дѣйствія крестьянскаго поземельнаго банка на царство польское.	346
XIII.—ЗАМѢТКА.—Наши оффансовыя ведуги.—Кредитные билеты, ихъ упадокъ и восстановленіе.—Л. С.	365
XIV.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Императоръ Фридрихъ III.—Получила газету по поводу его болѣзни.—Политическое значеніе его царствованія.—Первые акты Вильгельма II и ихъ особенности.—Положеніе дѣлъ въ Австро-Вен- гріи и во Франціи	378
XV.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Письма и бумаги Петра В., т. I.—Проф. Петровъ: Лекціи по всемірной исторіи, т. II-III.—А. П.—Земскія повинности, т. I.—В. Александровъ, Англійскій тайный совѣтъ и его исторія, т. I, ч. I-ва.—К. К.—Новыя книги и брошюры	392
XVI.—ЗАМѢТКА.—Новый отчетъ о вѣнскомъ торгавлѣ за 1887 годъ	406
XVII.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Слухи о предстоящихъ перемѣнахъ въ устройствѣ средняго и высшаго женскаго образованія.—Вопросъ о „все- сословности“ женскихъ гимназій, въ связи съ книгою г-жи Пизлери.— Проектируемые вновь высшіе женскіе курсы по иностраннымъ языкамъ и по другимъ предметамъ.—Открытіе тѣмскаго университета.—Новое сообще- ніе саратовскаго губернатора.—Переходъ большаго дѣла въ Одессѣ изъ рука городского общественнаго управленія подъ ближайшее наблюденіе пра- чебнаго инспектора полиціи	410
XVIII.—БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—Петербургъ до его основанія, Г. А. Не- мирова. Вып. I.—Исторія девятнадцатаго вѣка, Г. Гервинуса. Т. VI.— Лекціи по исторіи римской литературы, В. И. Модестова.—Государствен- ная служба въ теоріи и въ дѣйствущемъ правѣ Англіи, Франціи, Германіи и Царства Австріи, проф. Н. О. Кулеванскаго.	

ОБЪЯВЛЕНІЯ см. ниже: XII стр.

Съ перваго іюня открыта подписка на 2-ую половину и 3-ю четверть года.
(См. объявленіе о подпискѣ на послѣдней страницѣ обертки.)

ВѢСТНИКЪ
Е В Р О П Ы

ДВАДЦАТЬ-ТРЕТІЙ ГОДЪ. — ТОМЪ IV.

ВѢСТНИКЪ Е В Р О П Ы

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ - ПОЛИТИКИ - ЛИТЕРАТУРЫ

СТО-ТРИДЦАТЬ-ВТОРОЙ ТОМЪ

ДВАДЦАТЬ-ТРЕТИЙ ГОДЪ

ТОМЪ IV

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: Экспедиція журнала:
на Васильевскомъ Острову, 2-я линія, на Вас. Остр., Академич. переулочъ,
№ 7. № 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1888

P Slav 176.25

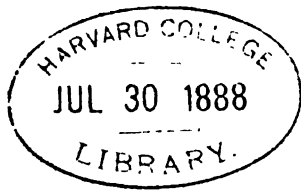
~~131.84~~

~~Slav 307~~

1888, July 30 - August 27.

Moinet fund.

ПЬЯНСТВО

и

БОРЬБА ПРОТИВЪ НЕГО

II *).

Продолжительная и упорная болѣзнь требуетъ, конечно, и серьезнаго леченія—между тѣмъ пьянство принадлежитъ къ такимъ социальнымъ недугамъ, которымъ многія страны, и специально Россія, страдаютъ уже многія столѣтія. Можно а ргіогі сазать, что здѣсь помогутъ лишь средства медленныя, но вмѣстѣ съ тѣмъ и рѣшительныя, а въ принятіи послѣднихъ необходима твердая увѣренность какъ въ опасности или серьезности самого недуга, такъ и въ практической пригодности предлагаемыхъ средствъ. Поэтому мы должны остановиться первоначально на изложеніи главнѣйшихъ пагубныхъ результатовъ пьянства для общества и указать тѣ подтвержденныя наукой послѣдствія для народныхъ интересовъ, въ которыхъ сомнѣваться невозможно.

Пьянство, какъ болѣзнь въ медицинскомъ значеніи этого слова, разумѣется, не всегда приводитъ *прямо* къ смерти, но замѣчено, что оно предрасполагаетъ къ воспріятію многихъ болѣзней и, разрушая организмъ, дѣлаетъ его менѣе устойчивымъ противъ болѣзнетворныхъ вліяній. Но, конечно, разсчитать все вредное въ этомъ отношеніи значеніе его и указать его долю вліянія въ общей смертности страны невозможно, какъ невозможно опредѣ-

*) См. выше: июнь, стр. 614.

лить и степень заболѣваемости по этой причинѣ. Для оцѣнки вліянія въ данномъ отношеніи пьянства, приходится довольствоваться лишь весьма неполными повсюду свѣденіями о заболѣваніи алкоголизмомъ, или числомъ въ странѣ умершихъ отъ опоя, причемъ большинство таковыхъ лицъ не попадаетъ въ списки, а значитъ въ случайныхъ смертяхъ или относится часто къ другимъ причинамъ и попадаетъ въ рубрики умершихъ отъ другихъ болѣзней. Тѣмъ не менѣе, какъ это подтверждается наблюденіемъ за многіе годы въ разныхъ странахъ, при всей неполнотѣ этихъ данныхъ между числомъ лицъ, злоупотребляющихъ спиртнымъ напиткомъ, и количествомъ лицъ опившихся, повидимому, существуетъ правильное соотношеніе, т.-е. изъ опредѣленнаго числа пьющихъ постоянно опивается до смерти извѣстное опредѣленное число. По свѣденіямъ, разработаннымъ г. Сидовичемъ, среднее годовое число умершихъ отъ опоя въ европейской Россіи въ предѣлахъ 1879—1884 гг. составляло 5.603 случая, или около двухъ смертей (1,93) на тысячу общей годичной смертности, причемъ максимумъ, какъ мы говорили, приходится на великороссійскія губерніи и прогрессивно возрастаетъ по направлению къ сѣверо-востоку. Въ общемъ количествѣ случайныхъ смертей пьянство занимаетъ первенствующее мѣсто, и главнымъ образомъ среди мужского населенія. Въ западной и южной частяхъ Россіи оно составляетъ отъ 1 до 10 процентовъ на все число случайныхъ смертей; въ сѣверной—отъ 10 до 20⁰/₀; въ центральной—отъ 20 до 34, и въ восточной оно доходитъ даже до 40⁰/₀; т.-е. причина почти половины всѣхъ случайныхъ смертей заключается въ злоупотребленіи спиртными напитками ¹⁾. Въ Сибири, насколько можно судить по даннымъ, нѣсколько, уже устарѣвшимъ, приводимымъ д-ромъ Шмелевымъ, число это должно быть еще выше, нежели въ европейской Россіи ²⁾. Эти цифры по своей высотѣ поразительны, особенно принимая во вниманіе всю ихъ неполноту, и лучше всякихъ иныхъ объясненій показываютъ всю глубину обще-государственнаго бѣдствія отъ пьянства. Около 6.000 людей, почти исключительно взрослыхъ, вырываются смертью! Добавимъ къ этому, что по крайне неполнымъ даннымъ отчета медицинскаго департамента за 1884 годъ у насъ значилось больныхъ алкоголиковъ цѣлыхъ 11.004 человекъ.

Чтобы надлежащимъ образомъ оцѣнить сравнительную высоту

¹⁾ Статья Сидовича въ „Вѣстникѣ Суд. Мед. и Общ. Гигіены“. Томъ I, 1887.

²⁾ См. изслѣдованіе д-ра Шмелева: „О мѣрахъ противъ пьянства“, въ „Сборникѣ сочиненій по Судебной Медицинѣ, Суд. Психіатріи, Мед. Полициѣ“ и т. д. Т. I, 1873.

приведеннаго выше статистическаго факта объ опой, достаточно указать, что въ Пруссіи, при полнотѣ и превосходствѣ ея статистическихъ свѣдѣній, число опившихся лицъ составляетъ всего лишь 4,65% на всѣ случайныя смерти, т.-е. менѣе даже чѣмъ въ западной и южной Россіи, а сравнительно — въ восточной Пруссіи опивается почти въ *девять* разъ менѣе людей.

Но помимо случаевъ прямой смерти отъ пьянства, злоупотребленіе напитками должно отражаться на продолжительности жизни. Этотъ фактъ признанъ на практикѣ англійскихъ страховыхъ обществъ (страхованія жизни), которыя, дѣйствуя чисто на коммерческихъ началахъ, нашли поэтому возможнымъ уменьшить страховыя преміи лицамъ, принадлежащимъ къ обществамъ воздержанія, т.-е. непьющимъ хмельныхъ напитковъ. Данныя, собранныя этими обществами, вполне подтверждаютъ вѣрность расчета, что смертность между пьющими несравненно сильнѣе, нежели между воздержными. Въ настоящее время въ Англіи и Америкѣ, во-первыхъ, существуютъ спеціальныя общества для страхованія жизни лицъ непьющихъ по весьма льготному тарифу, и, во-вторыхъ, такія общества, которыя, принимая всѣхъ безъ различія, для членовъ воздержанія полагаютъ уменьшенную премію. Въ одномъ изъ подобныхъ крупныхъ обществъ „United Kingdom Temperance and General Provident Institution“ за пятнадцать лѣтъ, отъ 1864 по 1879 годъ, въ отдѣленія общаго страхованія, т.-е. всякихъ лицъ, по теоріи вѣроятности ожидалось 3.450 смертей, въ дѣйствительности же случилось 3.444 смерти; между тѣмъ въ отдѣленіи членовъ воздержанія ожидалось смертей 2.002, а случилось въ дѣйствительности лишь 1.433. Таковой же фактъ рѣзкой разницы не только въ смертности, но и въ заболѣваемости непьющихъ отмѣченъ статистикой и другихъ страховыхъ обществъ и даетъ имъ право, поэтому, легко соглашаться для такихъ лицъ на уменьшеніе страховыхъ премій. По вычисленію извѣстнаго статистика Нейссона ожидаемая продолжительность жизни лица, пьющаго въ возрастѣ 20 лѣтъ, составляетъ не болѣе 15,6 лѣтъ, въ то время когда для непьющаго—44,2; въ тридцатилѣтнемъ возрастѣ для пьющаго—13,8, для непьющаго—36,5 ¹⁾.

Цѣлымъ рядомъ разнообразныхъ изслѣдованій и сопоставленіемъ статистическихъ данныхъ констатированъ только фактъ

¹⁾ См. „The National Temperance League Annual for 1881“, стр. 130; и Вагг I. с., стр. 310.

связи между пьянствомъ и количествомъ самоубійствъ. Частью опьяненіе, какъ ненормальное психическое состояніе, непосредственно можетъ привести къ такому результату; частью же самоубійство можетъ явиться какъ ближайшее послѣдствіе обидненія, причиненнаго пьянствомъ ¹⁾. По даннымъ, приводимымъ Этлин-геномъ, 12,6% всѣхъ самоубійствъ — изъ значительнаго числа разсматриваемыхъ имъ для четырехъ странъ — являются послѣдствіемъ невоздержности. По изслѣдованіямъ Brière de Boimonts въ Парижѣ, $\frac{1}{8}$ часть всѣхъ самоубійцъ въ этомъ городѣ кончаютъ жизнь подъ влияніемъ этой болѣзни. Въ Пруссіи, по наблюденіямъ за значительное число лѣтъ, около 8% самоубійцъ умираетъ подъ влияніемъ алкоголизма ²⁾.

Еще болѣе близкая и непосредственная связь между пьянствомъ и психическимъ разстройствомъ доказана наукой. Проф. Мержеевскій въ рѣчи своей при открытіи перваго сѣзда отечественныхъ психіатровъ въ Москвѣ, въ прошломъ году, категорически заявилъ, что между ненормальными условіями, благоприятствующими развитію душевныхъ и нервныхъ болѣзней у насъ, злоупотребленіе спиртными напитками, какъ и влияніе окружающей среды, занимаетъ первое мѣсто. „Состояніе, — говоритъ онъ, — извѣстное подъ названіемъ хроническаго алкоголизма представляетъ ту почву, на которой широко произрастаютъ прискорбныя общественныя явленія, находящіяся въ тѣсной взаимной связи между собой, а именно — съ одной стороны, пауперизмъ и преступленіе, съ другой — помѣшательство. Послѣднее обусловливается тѣмъ обстоятельствомъ, что алкоголикъ носитъ на себѣ признаки физическаго и психическаго вырожденія въ столь сильной степени, что, подъ влияніемъ самыхъ незначительныхъ причинъ, у него нарушается регуляторная дѣятельность психическихъ центровъ и возникаютъ психозы, то болѣе острые, то болѣе длитель-

¹⁾ Вотъ буквальная перепечатка „проншествіа“ изъ „Вѣдомостей Московской Городской Полиціи“, № 54, отъ 11-го марта настоящаго года:

„*Покушенія на самоубійство.* 9-го марта, въ ночлежной квартирѣ, содержимой крестьянкою Савушкиною, въ домѣ Зимина, въ Проточномъ переулкѣ, 2-го участка Хамовицкаго участка, неизвѣстный мужчина, покушался на самоубійство, намѣревался повѣситься, но, во-время усмотрѣнный, былъ освобожденъ изъ петля, безъ вреда для здоровья. При дознаніи мужчина этотъ, назвавшись крестьяниномъ Харлампіемъ Степановымъ, 21 года, объяснилъ, что рѣшился на самоубійство вслѣдствіе пьянства. Производится дознание“.

²⁾ См. „L'Alcoolisme en Suisse et les Moyens d'en combattre les progrès. Rapport présenté à la Société Suisse d'Utilité Publique“, par M. M. Roulet et Comte. Zürich, 1881, стр. 36.—Baer, l. c., стр. 300.

ные, и кромѣ того вырожденіе алкоголика передается его потомству“¹⁾...

По словамъ г. Мержеевского, число душевно-больныхъ, въслѣдствіе порока пьянства, доходить у насъ въ больницахъ отъ 7% до 42%. Въ то же самое время во Франціи число сумасшествій, приписываемыхъ пьянству, составляетъ отъ 27 до 38%, въ Америкѣ—до 20, а для Швейцаріи за новѣйшее время *Roulet* и *Comtesse* высчитываютъ его отъ 15 до 16%²⁾; и въ Англіи, по официальнымъ свѣденіямъ—14% общаго числа сумасшедшихъ (21,1% муж. п. и 7,6% для женщинъ)³⁾. По свѣденіямъ извѣстнаго статистическаго словаря Мюльгалля, число сумасшествій отъ пьянства въ разныхъ странахъ распределяется въ размѣрѣ отъ 12 до 28%⁴⁾.

Тѣсная связь между пьянствомъ и преступностью единогласно подтверждается множествомъ авторитетныхъ изслѣдователей; такъ, въ Пруссіи, по словамъ Бера, отъ 50 до 60% всѣхъ преступленій совершаются подъ вліяніемъ алкооля; въ Англіи—отъ $\frac{3}{4}$ до $\frac{4}{5}$ всѣхъ преступленій, по официальнымъ свѣденіямъ, являются будто бы результатомъ пьянства; въ Швейцаріи, по изслѣдованіямъ д-ра Гильома, въ пяти тюрьмахъ половина заключенныхъ были преданы пьянству; въ Голландіи, по изслѣдованію Вишера,—отъ 75 до 80% преступленія совершены подъ дѣйствіемъ алкооля; и, наконецъ, въ Швеціи, по словамъ Гилленшильда, около $\frac{3}{4}$ всѣхъ происходящихъ преступленій совершались подъ вліяніемъ водки⁵⁾.

Само собою понятно также, что если пьянство, какъ справедливо замѣчаетъ химикъ Либихъ, бываетъ весьма часто послѣдствіемъ бѣдности, то въ свою очередь, какъ доказываютъ даже ежедневныя наблюденія, и оно производитъ нищету. „Мы пьянствуемъ,—отвѣчали мазуры одному изслѣдователю,—потому что мы бѣдны; но мы бѣдны потому, что пьянствуемъ“⁶⁾. Помимо расходовъ на свою пагубную страсть, привычный пьяница прежде всего плохой работникъ, какъ бы ловець и искусень онъ отъ природы ни былъ: хозяинъ мало дорожить имъ, не даетъ

1) Труды перваго съѣзда отечественныхъ психіатровъ, происходившаго въ Москвѣ съ 5-го по 11-е января 1887 года. С.-Петербургъ, 1887. Стр. 15 и 17.

2) *Roulet et Comtesse*: „L'alcoolisme en Suisse“ etc. Zurich, 1881. Стр. 37 и 38.

3) „National Temperance League Annual for 1881“. Стр. 157.

4) *Mulhall's Dictionary of Statistics*. 1884. Стр. 154.

5) *Baer*, I. c., стр. 343 и 344.

6) *Georg Fr. Fuchs*: „Der Alcoholismus und seine Bekämpfung“. Heilbronn. 1883 стр. 31.

ему полнаго жалованья, и онъ, конечно, ничего не сбережетъ про черный день. По моимъ личнымъ наблюденіямъ и разпросамъ на многихъ московскихъ фабрикахъ, у хозяевъ и распорядителей, вполне добропорядочныхъ и достойныхъ довѣрія, приходилось неоднократно слышать, что очень часто по нѣкоторымъ спеціальностямъ труда и притомъ въ наиболѣе оплачиваемыхъ профессіяхъ (напр., въ котельномъ, машиностроительномъ, граверномъ дѣлѣ) они нерѣдко вынуждены держать иностранцевъ-рабочихъ за двойную или тройную плату и подвергаться риску выписки незнакомыхъ рабочихъ изъ-за границы по долгосрочнымъ контрактамъ, исключительно лишь вслѣдствіе частой невоздержности русскихъ рабочихъ и опасенія поэтому негодности его въ работѣ въ критическое время лишннихъ заказовъ, хотя въ трезвомъ состояніи русскій даже ничѣмъ и не уступитъ иностранцу.—На случай такихъ запоевъ мы и держимъ всегда за дорогую цѣну нѣсколькихъ нѣмцевъ, бельгийцевъ и англичанъ, которыми въ остальное время собственно мало дѣла,—разсказывалъ мнѣ, подтверждая даже книгами, одинъ добросовѣстный англичанинъ, работающій всю жизнь въ Россіи. Вообще, разъ человекъ превратилъ пьянство въ привычку, его не спасетъ, конечно, никакой заработокъ, ни крестьянскій надѣлъ, отъ нищенской суммы. Первымъ страдающимъ здѣсь являются, конечно, жена и дѣти, а затѣмъ и самъ пьяница. Но деньги, собираемыя нищенствомъ или даже заработкомъ семьи, навѣрное частью уходятъ въ тотъ же самый кабакъ ¹⁾. По расчету одного досулаго англичанина, произведшаго съ этою цѣлью спеціальное трудное изслѣдованіе, изъ каждыхъ 100 фунтовъ стерл. раздаваемой милостыни въ Англии—30 ф. въ тотъ же день уходитъ въ кабаки! ²⁾. Въ 1874 г. санитарный совѣтъ въ Массачузетъ, въ Соединенныхъ Штатахъ, разослалъ циркуляръ къ лицамъ, завѣдующимъ домомъ для бѣдныхъ, съ просьбой дать отвѣты на два вопроса: во-первыхъ, сколько бѣдняковъ, содержащихся въ этихъ домахъ или получающихъ пособія, попало въ это положеніе вслѣдствіе пьянства; второе—сколько дѣтей принято въ богадельни вслѣдствіе пьянства ихъ родителей? Изъ отвѣтовъ сообщимъ лишь нѣкоторыя

¹⁾ Напомнимъ читателямъ дѣло, которое разсматривалось въ петербургскомъ окружномъ судѣ всего лишь 5-го апрѣля сего года, жены рядового Неймана, обвинявшейся въ принужденіи своей семилѣтней дочери къ прошенію милостыни (которая уходила, какъ видно изъ дѣла, на попойки) и страшныхъ истязаніяхъ этого ребенка, когда она мало приносила денегъ. См. „Бирж. Вѣд.“, № 98, отъ 8-го апр. 1888 года.

²⁾ Влер, 1. с., стр. 318.

небольшія выдержки: отъ 51 города получено въ отвѣтъ, что 35% всѣхъ мужчинъ попали туда вслѣдствіе пьянства; отъ 35 городовъ—40% всѣхъ заключенныхъ, отъ 57—41%. На второй вопросъ получились отвѣты гораздо разнообразнѣе, но тѣмъ не менѣе въ 27 городахъ всѣ дѣти въ богадельняхъ содержатся вслѣдствіе пьянства родителей, а въ 35 городахъ содержится 145 человѣкъ дѣтей пьяницъ ¹⁾).

Наконецъ, не слѣдуетъ забывать о тѣхъ огромныхъ суммахъ, которыя затрачиваются всѣми народами непроизводительно на спиртные напитки, и которыя, не говоря уже о косвенныхъ потеряхъ, могли бы быть употреблены съ большою пользою и цѣлесообразно на удовлетвореніе различныхъ народныхъ нуждъ. Одна Англія, напр., по расчету, повидимому, точному о потребленіи въ этой странѣ хмельныхъ напитковъ за 50 лѣтъ, считая какъ стоимость напитковъ, такъ и цифру налога, истратила на питье съ 1830 по 1879 годъ страшную цифру въ 4.246 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ или 84 мил. ф. с. среднимъ числомъ въ годъ; по расчету же извѣстнаго писателя Вильяма Гойля, прибавляя сюда косвенныя потери, какъ результатъ пьянства, и процентъ на непроизводительно употребленный капиталъ, Англія или, точнѣе, Соединенное Королевство истратило за этотъ періодъ времени болѣе нежели успѣло накопить въ странѣ всего народнаго богатства ²⁾!..

Допуская даже, что нѣкоторыя изъ сообщенныхъ выше данныхъ не проверены строго, или даже нѣсколько пристрастны—несмотря на все то, нельзя не придти къ твердому убѣжденію въ чрезвычайной гибельности пьянства для общественнаго и народнаго блага: здѣсь страдаетъ рѣшительно все, что особенно дорого для человѣка: жизнь, здоровье и богатство. Уже съ незапамятныхъ временъ, какъ мы видѣли, человѣчество пришло къ сознанию всего этого зла, хотя и не имѣло еще въ своемъ распоряженіи того арсенала данныхъ, которымъ оно нынче располагаетъ, и пыталось бороться противъ пьянства, иногда даже съ помощью очень суровыхъ средствъ; но попытки эти, какъ мы видѣли, часто были неуспѣшны, потому что являлись односторонними и единичными—или со стороны одного правительства, которое строгими репрессаліями думало прекратить только крайніе эксцессы пьянства, не имѣя поддержки въ общемъ сознаниі,

¹⁾ „Zur Alkoholfrage. Vergleichende Darstellung der Gesetze u. Erfahrungen einiger ausländischer Staaten“. Bern, 1884. Стр. 560 и 561.

²⁾ См. „The National Temperance League Annual for 1881“, стр. 46—68. *William Hoyle*: „Our National Resources and how they are neasted“. Стр. 57 и далѣе.

или со стороны отдѣльныхъ представителей общества и народа, которые не встрѣчали сочувствія во всей массѣ населенія, или даже вызывали тайное противодѣйствіе органовъ правительства, вслѣдствіе фискальныхъ соображеній. Изъ всѣхъ этихъ многочисленныхъ попытокъ оказывались дѣйствительными лишь тѣ мѣры, которыя явились результатомъ совокупной дѣятельности правительства, образованнаго общества и по возможности всего народа. Само собою разумѣется, что такое единеніе стремленій нигдѣ не явилось сразу, а лишь путемъ долгой борьбы, послѣ многихъ неудачъ и многолѣтнихъ усилій лучшихъ представителей со стороны правительства и народа.

Самыя радикальныя средства противъ пьянства, если не считать попытки нѣкоторыхъ мусульманскихъ государствъ, принимались въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. Еще въ первые годы своей независимости, въ концѣ прошлаго столѣтія, Соединенные Штаты славились своимъ пьянствомъ настолько, что, по выраженію одного писателя, „его отвратительно описывать, и оно хуже, чѣмъ въ какомъ-либо современномъ государствѣ“. Уже въ началѣ нынѣшняго вѣка пытаются принимать противъ него строгія мѣры, и нѣкоторые штаты, напр. Огіо, Мичиганъ, кладутъ запретительную систему въ основаніе своего государственнаго устройства; другіе же штаты Новой Англіи выражаютъ тотъ же принципъ специальными узаконеніями. Такъ, въ пятидесятыхъ годахъ въ штатѣ Мэнъ проходитъ знаменитый законъ о питьяхъ (Maine Liqueor Law), послужившій образцомъ для постановленій подобнаго рода и въ другихъ штатахъ. Сущность его заключается въ томъ, что онъ всецѣло запрещаетъ производство или продажу хмельныхъ напитковъ, если это не для медицинскихъ или мануфактурныхъ цѣлей, и слѣдовательно напитки можно получать только по рецепту врача или съ разрѣшенія муниципальныхъ властей, которыми и производится продажа. Виновный въ нарушеніи закона подвергается тюремному заключенію до двухъ мѣсяцевъ и уплатѣ штрафа до тысячи долларовъ. Даже лицо, найденное пьянымъ въ собственномъ домѣ, подлежитъ заключенію до 30 дней, а родственники пьянаго имѣютъ право исать убытки отъ лица, продавшаго ему напитокъ. Подобный же законъ былъ установленъ въ Нью-Гэмпширѣ, Нью-Йоркѣ, сосѣдней Канадѣ и другихъ пунктахъ Америки, особенно же въ Штатахъ. Судьба этихъ запретительныхъ постановленій, какъ въ штатѣ Мэнъ, такъ и въ другихъ мѣстахъ, была весьма различна, а отзывы и свидѣтельства о дѣйствіяхъ закона до крайности противорѣчивы, какъ и слѣдуетъ ждать въ такомъ сложномъ и задѣвающимъ множество

интересовъ вопросъ. Запрещенія то вводились, то отменялись: одни свидѣтели утверждаютъ, что нигдѣ запретительный законъ полностью не соблюдается, и пьянство, благодаря ему, нисколько не уменьшилось; другіе изслѣдователи, обратно, не отрицая корчемства и приписывая его, въ значительной степени, какъ наплыву европейскихъ колонистовъ, привыкшихъ въ напиткамъ, такъ и вмѣшательству союзныхъ фискальныхъ интересовъ, вѣрятъ въ улучшение нравственности народа, его отрезвленіе и экономическое преуспѣваніе въ значительной степени, благодаря закону штата Мэнъ. Число подобныхъ свидѣтельствъ до такой степени велико и многія изъ нихъ настолько далеки отъ мѣстныхъ партій и крайностей обществъ полного воздержанія, естественно могущихъ преувеличить вліяніе закона, что, во всякомъ случаѣ, нельзя сомнѣваться въ существованіи значительнаго прогресса: если запретительное законодательство, подобное приведенному, и оказалось неудачей въ большихъ городахъ, то въ малыхъ городахъ и деревняхъ не только пьянство, но и самое даже умѣренное потребленіе напитковъ прекратилось ¹⁾. Общая картина трезвости въ современной Америкѣ не подлежитъ сомнѣнію, и, по словамъ Самуэльсона, нигдѣ не совершился такой рѣзкій переходъ отъ пьянства къ трезвости, какъ въ Америкѣ; даже путешественники, предубѣжденные въ этомъ отношеніи, какъ Маккарти, признаютъ, что „нетрезвостью отличаются преимущественно иностранцы, американцы же, большею частью, ничего не пьютъ (large by total abstainers)“ ²⁾.

Спрашивается: чѣмъ же объясняется такая рѣшительная перемена, такое быстрое, меньше чѣмъ въ столѣтіе, сокращеніе пьянства въ странѣ, куда ежегодно приливаютъ многія сотни тысячъ переселенцевъ, большею частью въ цвѣтѣ лѣтъ, въ томъ числѣ столь приверженные пьянству, какъ ирландцы? Запретительные законы, допуская даже вполнѣ ихъ успѣхъ, существуютъ лишь въ немногихъ штатахъ, прочіе же довольствуются обыкновенной акцизной системой, начиная съ самыхъ строгихъ формъ ея, въ родѣ штата Нью-Йорка, замѣнившаго ею прежнее запрещеніе, и кончая Невадой—почти съ полной свободой питейной торговли. Между тѣмъ, при всемъ этомъ разнообразіи отношенія къ пьянству въ

¹⁾ Считаю долгомъ оговориться, что мои мнѣнія по данному вопросу, подъ вліяніемъ новѣйшихъ изслѣдованій о дѣйствіи запретительныхъ законовъ въ Америкѣ, подверглись значительной переменѣ противъ мнѣній, которыя изложены мной 14 лѣтъ тому назадъ въ моей книгѣ: „Опытъ изслѣдованія косвенныхъ налоговъ“. 1874, стр. 276 и далѣе.

²⁾ Samuelson, 208—226: „Zur Alkoholfrage“. Bern, 1884, стр. 581 и далѣе.

различныхъ штатахъ, общіе успѣхи всей Америки въ смыслѣ трезвости, какъ было объяснено, подтверждаются всѣми извѣстными мнѣ документами. Такой общій успѣхъ зависитъ, нѣтъ сомнѣнія, и отъ общихъ причинъ, въ числѣ которыхъ, по мнѣнію всѣхъ изслѣдователей, помимо прямыхъ правительственныхъ мѣръ для этой цѣли, почетное мѣсто занимаетъ и частная инициатива въ видѣ дѣятельности т.-н. „Обществъ Воздержанія“, зародившихся впервые (если не считать безуспѣшныхъ нѣмецкихъ орденовъ трезвости изъ среднихъ вѣковъ) на американской почвѣ.

Мы только-что говорили о сильномъ развитіи пьянства въ Соединенныхъ Штатахъ въ началѣ нынѣшняго вѣка: несмотря на обширное поле для производительнаго труда, это страшное зло обусловливало тамъ развитіе пауперизма, и государство отъ послѣдствій его теряло до 100 милліоновъ долларовъ въ годъ. Честь первой попытки поставить оплотъ этому распространенному злу принадлежала врачу Рѣшу, который публиковалъ въ 1804 году свои изысканія о вліяніи крѣпкихъ напитковъ на тѣло и умъ человѣка, и подъ вліяніемъ котораго нѣсколько лѣтъ спустя образовалось первое американское общество трезвости (въ Бостонѣ). Общество это пропагандировало не совершенное воздержаніе отъ спиртныхъ напитковъ, но только умѣренное ихъ употребленіе. Однакожъ, оно имѣло мало успѣха, и сторонники его пришли къ убѣжденію, что для массы народа, особенно для необразованныхъ классовъ, дѣйствительнымъ средствомъ избѣжать злоупотребленія крѣпкихъ напитковъ можетъ служить только абсолютное воздержаніе отъ нихъ. Мысль эта повела къ учрежденію въ Бостонѣ, въ 1827 году, новаго общества трезвости, члены котораго обязывались, подъ присягой, совершенно не употреблять крѣпкихъ напитковъ, за исключеніемъ лекарствъ, и, кромѣ того, не предлагать ихъ никому, никого не снабжать ими и употреблять все свое вліяніе для уничтоженія причинъ и послѣдствій пьянства. Успѣхъ на этотъ разъ былъ чрезвычайный: общество это приобрѣло значительное число членовъ, и въ сосѣднихъ штатахъ быстро стали возникать подобныя же ассоціаціи, такъ что къ концу 1829 года въ Соединенныхъ Штатахъ насчитывалось уже до тысячи обществъ со ста тысячами членовъ; болѣе 400 кабацкихъ и 50 винокуровъ закрыли заведенія, и ввозъ спиртныхъ напитковъ упалъ вчетверо. Всѣ добрые граждане старались, по мѣрѣ силъ, содѣйствовать дѣлу протрезвленія; многія медицинскія общества, большая часть духовенства всѣхъ вѣроисповѣданій и большая часть судей, примкнули къ движенію: повсюду собиравались митинги, говорились рѣчи и распространялись изданія, пропагандирующія воздержаніе.

Владѣльцы судовъ начали платить высшее жалованье тѣмъ капитанамъ, которые состояли членами общества, а бостонская компания морского страхованія согласилась уменьшить 5⁰/₁₀₀ преміи для каждаго судна, отправляющагося въ плаваніе безъ спиртныхъ напитковъ. Даже военныя власти стали прекращать раздачу водки и замѣнили ее кофе и сахаромъ. 26-го февраля 1833 года члены конгресса въ Вашингтонѣ торжественно образовали изъ себя общество трезвости, президентомъ котораго былъ выбранъ военный министръ. Но на этомъ дѣятельность обществъ трезвости не остановилась, и кругъ приверженцевъ постоянно распространялся дальше и дальше, вербуя новыхъ членовъ и уменьшая потребление напитковъ: въ 1835 году насчитываютъ, что въ Соединенныхъ Штатахъ 2 мил. человекъ перестали пить, изъ нихъ 1¹/₂—сдѣлавшись членами обществъ, которыхъ число насчитывалось уже во всей странѣ до 8.000. Болѣе 4.000 винокуренъ были закрыты, болѣе 8.000 кабаковъ прекратили свою дѣятельность и 1200 судовъ вышли изъ американскихъ гаваней безъ капли водки на борту.

Движеніе это не замедлило перейти въ Англію, гдѣ, какъ мы знаемъ, пьянство было всегда очень распространено. Первые общества трезвости были основаны тамъ по образцу американскихъ въ 1829 году. Цѣль ихъ одинаково заключается вовсе не въ исцѣленіи пьяницъ, а въ предупрежденіи развитія привычки къ неумѣренности. Общества трезвости ставятъ своей задачей соединить между собой всѣхъ людей, ведущихъ трезвую жизнь, для того, чтобы показать примѣромъ, какъ во всякомъ возрастѣ, состояніи и профессіи полное воздержаніе отъ крѣпкихъ напитковъ способствуетъ самымъ очевиднымъ образомъ счастью и здоровью человека. Средствами, употребляемыми обществами трезвости, служатъ различнаго рода публичныя обращенія къ народу: рѣчи, проповѣди, публичныя чтенія. Общества содержатъ большее или меньшее число агентовъ на жалованьи, къ которымъ присоединяются добровольные проповѣдники; агенты эти — люди съ талантомъ, преданные своему дѣлу, искусные въ публичныхъ диспутахъ, путешествуютъ по странѣ, повсюду собираютъ вокругъ себя громадное число слушателей и проводятъ въ народъ идеи трезвости. Кромѣ того, мѣстное общество имѣетъ свои собранія, то годовыя, то ежемѣсячныя, иногда даже еженедѣльныя. Въ этихъ собраніяхъ не ограничиваются чтеніемъ отчетовъ и отбираниемъ присяги отъ вновь вступающихъ, но, желая соединить полезное съ пріятнымъ, организуютъ для рабочаго класса концерты, чтенія, воскресныя увеселительныя поѣздки по окрестностямъ и т. п. Важнымъ орудіемъ, разумѣется, для пропаганды трезвости и въ

Америкѣ, какъ и въ Англіи, существуетъ огромное количество повременныхъ изданій, исключительно посвященныхъ пропагандѣ идей трезвости и распространяемыхъ часто милліонами экземпляровъ въ народѣ за малую цѣну или бесплатно. Собственно въ Англіи число членовъ, по послѣднимъ извѣстіямъ, доходитъ до 4 милліоновъ человекъ, такъ что болѣе, нежели каждый десятый англичанинъ состоитъ членомъ такого общества. Понятно, какъ такая многочисленность приверженцевъ трезвости должна болѣе и болѣе обуздывать пьянство и оказывать даже давленіе на мѣры правительства. Дѣйствительно, въ послѣдніе года все чаще и чаще приходится слышать въ Англіи, какъ и въ Америкѣ, о предложеніи членамъ этихъ обществъ различныхъ ограничительныхъ мѣръ противъ питейной торговли, о проведеніи новыхъ законовъ, имѣющихъ цѣлью открытіе музеевъ по воскресеньямъ и расширеніе разныхъ народныхъ развлеченій съ цѣлью отвлечь отъ кабака и, наконецъ, удешевленіе менѣе вредныхъ напитковъ, какъ пиво и болѣе легкое вино (виноградное) на счетъ спиртуозовъ ¹⁾.

Въ обществахъ воздержанія участвуютъ лица всѣхъ классовъ обоого пола и всякаго возраста, но двигателями являются все-таки преимущественно люди образованные, и между ними почетное мѣсто въ этой борьбѣ со зломъ повсюду принадлежит духовенству. Такъ, въ Англіи важнымъ инициаторомъ въ этомъ дѣлѣ стоитъ католическій епископъ Маннингъ, а въ Америкѣ и Канадѣ почти не существуетъ церкви, при которой бы не было общества воздержанія. По словамъ Самуэльсона, во многихъ мѣстахъ Соединенныхъ Штатовъ ставится условіемъ *sine qua non*, чтобы священникъ безусловно не пилъ никакихъ хмельныхъ напитковъ и поддерживалъ движеніе къ воздержанію въ своемъ приходѣ. Существуютъ спеціальныя общества воздержанія между медиками, женщинами, дѣтьми, военными, моряками и т. д. Крупную извѣстность въ дѣлѣ преслѣдованія задачъ обществъ получилъ особенно католическій священникъ въ Коркѣ (Ирландіи), отецъ Мэтью, прозванный „апостоломъ воздержанія“. Въ первый разъ, по приглашенію квакеровъ, Мэтью предпринялъ въ 1838 году пропаганду воздержанія: онъ проповѣдывалъ на площади два раза въ недѣлю, и успѣхъ его былъ такъ великъ, что обращенія считались тысячами. По окончаніи проповѣди, народъ

¹⁾ См. Шмелевъ: О мѣрахъ противъ пьянства въ „Сборникѣ сочиненій по судебной медицинѣ“ 1873 г. т. I, стр. 179 и т. д. Samuelson, стр. 239—242. Ваер, стр. 382 и далѣе. „Zur Alkoholfrage“, стр. 455. „Temperance League Annual“, стр. 16. Рагозинъ: „О мѣрахъ противъ пьянства“ 1871. „National Intemperance and the Remedy“. 1871, стр. 14—18 и 62.

цѣлыми массами давалъ обѣтъ воздержанія, и въ концу 1838 г. въ одномъ Коркѣ считалось полтораста тысячъ человѣкъ, отрекшихся отъ спиртныхъ напитковъ; въ слѣдующемъ году отецъ Мэтью предпринялъ путешествіе по Ирландіи, и путь его сопровождался такимъ же блестящимъ успѣхомъ. Искренній, воодушевленный любовью къ человѣчеству и тому дѣлу, которое поставилъ задачей своей жизни, Мэтью вездѣ встрѣчалъ безграничное уваженіе и любовь, и во время его путешествія тысячи людей стекались издалека, чтобы только послушать его и пожать руку, давая клятву воздержанія. Вѣроисповѣданія и сословія не различались: протестанты и католики, пуритане, знатные лорды и простые рабочіе, женщины и дѣти записывались въ члены общества, и движеніе сдѣлалось національнымъ. Позднѣе, Мэтью совершилъ нѣсколько поѣздокъ по Англіи и по Америкѣ, и каждая его рѣчь увеличивала число друзей воздержанія многими десятками тысячъ. По расчетамъ современниковъ, патеръ Мэтью обратилъ къ трезвости болѣе пяти милліоновъ людей; въ томъ числѣ въ одну поѣздку по Соединеннымъ Штатамъ—до 600.000. Какъ сказался этотъ успѣхъ для его родины Ирландіи можно судить по тому, что потребление водки, составлявшее тамъ въ 1838 г. двѣнадцать съ четвертью милліоновъ галлоновъ, упало въ 1841 г. на шесть съ половиною, а число тяжкихъ преступленій—съ 12.096, въ 1837 г., уменьшилось, въ тотъ же періодъ времени, до 773. Физическое и нравственное возрожденіе обратившихся къ трезвости было такъ поразительно, что народъ сталъ видѣть въ этомъ чудо. Еще болѣе своеобразное и характерное, чисто американское направленіе приняло это движеніе въ Соединенныхъ Штатахъ въ 1874 году, въ видѣ такъ-называемаго „женскаго крестоваго похода противъ кабаковъ“. Толпы женщинъ, съ наиболѣе видными дамами мѣстнаго общества во главѣ, наполняли городскія улицы, окружали питейные дома, не пропуская туда посѣтителей, и цѣлые дни проводили такимъ образомъ на улицѣ, распѣвая гимны и молитвы и всячески убѣждая кабатчиковъ бросить ихъ вредное занятіе, прекративши торговлю. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ усилія женщинъ увѣнчались полнымъ успѣхомъ, напр. въ штатѣ Огіо и Индіанѣ до 5.000 кабаковъ было закрыто и до 20.000 человѣкъ записались въ члены воздержанія; мало того, нѣкоторые кабатчики, осаждаемые женщинами, пошли даже на такія уступки, что выкатывали бочки съ виномъ на улицу, сами рубили ихъ, выливая содержимое на землю. Это странное, хотя и понятное увлеченіе между американками продолжалось довольно

долго въ разныхъ штатахъ и улеглось только спустя много мѣ-
сцевъ.

Но общества трезвости, кромѣ Америки и Англїи, не менѣе быстро распространялись и въ другихъ странахъ, которыя имѣли нужду въ пропагандѣ воздержанія, и образованный классъ которыхъ оказался достаточно энергичнымъ, чтобы взять на себя эту задачу. Таковыми оказались прежде всего Швеція и Норвегія: общества трезвости не только подготовили въ этихъ странахъ надлежащую почву для борьбы съ порокомъ, оказавъ огромное воспитательное значеніе для народа, но и выработали даже совсѣмъ новыя формы самого законодательства—столь знаменитую нынѣ „готенбургскую систему“ борьбы противъ пьянства. Въ 1835 г., по порученію американскихъ обществъ воздержанія, нѣкто Робертъ Бэрдъ (Baigd) прибылъ въ Швецію, представлялся королю и кронпринцу, которымъ поднесъ свою исторію обществъ воздержанія въ Соединенныхъ Штатахъ, и, встрѣтивъ повсюду большое сочувствіе, положилъ основаніе въ Швеціи перваго общества воздержанія. Дѣло пошло весьма удачно, и въ короткое время въ Швеціи открылся цѣлый рядъ подобныхъ обществъ, а число членовъ дошло до полу-милліона. Трудно было найти другую страну, гдѣ такъ необходима была проповѣдь воздержанія, какъ въ Швеціи. По размѣрамъ своего пьянства она славилась во всей Европѣ, и еще въ XVIII вѣкѣ сдѣлалось нѣмецкой поговоркой: „пьянъ какъ шведъ“. Съ царствованія Густава III, съ 1788 г., въ Швеціи была установлена почти полная свобода винокурения и питейной торговли: всякій землевладѣлецъ и большая часть собственниковъ городскихъ домовъ имѣли право устроить винокурню не только для производства вина для домашняго употребленія, но и для продажи въ извѣстныхъ размѣрахъ и на сторону. Въ результатъ такой политики, имѣвшей главнымъ образомъ цѣлью поощреніе сельско-хозяйственнаго винокурения, получилось, что вся Швеція покрылась винокурнями, и въ этой относительно молодой странѣ насчитывалось, напр., въ 1824 г. 169.703 винокурни: буквально, каждый землевладѣлецъ былъ винокуръ, и каждая хижина была кабакомъ. Вино было плохо, дурно или совсѣмъ не очищено и сдѣлалось каждодневнымъ домашнимъ напиткомъ; даже заработная плата частью уплачивалась въ селеняхъ водкой. Пьянство при этихъ благоприятныхъ для него условіяхъ развилось страшно: всѣ видѣли вредъ, отсюда происходящій, чувствовали его и жаловались. Но пока не явились общества воздержанія, этому общему недовольству недоставало организациі, необходимой для всякой правильной и осмысленной

борьбы. Понятно отсюда, какое сразу значеніе это новое движеніе получило въ Швеціи. Наслѣдный принцъ Оскаръ сдѣлался первымъ почетнымъ его членомъ и оказывалъ всю свою жизнь содѣйствіе и покровительство цѣлямъ общества. Всѣ лучшіе люди страны примкнули къ нему, и въ печати, и въ рѣчахъ, въ тысячахъ брошюръ въ специальныхъ органахъ, съ церковныхъ и школьныхъ кафедръ одинаково распространялась мысль о крайнемъ вредѣ водки, о постыдности ссылаться на поддержаніе земледѣлію какъ на аргументъ, когда ядъ разливается по всей странѣ, отравляя тысячи людей, распространяя повсюду несчастія и пороки. Дѣло общества быстро крѣпло, число членовъ его росло, а вмѣстѣ съ тѣмъ пьянство настолько дискредитировалось, что и правительство начало озабочиваться принятіемъ дѣятельныхъ мѣръ къ искорененію зла. Парламентъ, побуждаемый цѣлыми сотнями прошеній, съ подписями многихъ тысячъ людей всѣхъ званій, съ разныхъ концовъ королевства, назначилъ комиссію для изслѣдованія вопроса о пересмотрѣ питейныхъ законовъ. „Во всей странѣ,—сообщаетъ комиссія въ особомъ докладѣ по этому поводу,—распространено всеобщее и опредѣленное убѣжденіе въ необходимости сильнаго противодѣйствія неумѣренному употребленію напитковъ, грозящему шведамъ полною физическою и нравственною гибелью. Въ самыхъ ясныхъ чертахъ высказываются по этому поводу опасенія всѣхъ людей, которымъ дороги интересы страны: ученые и не-ученые одинаково приходятъ къ одному выводу, что существованіе Швеціи, какъ образованнаго, способнаго и порядливаго народа стоитъ на волоскѣ, если не будетъ найдено средствъ задержать пьянство: раздается повсюду тревожный голосъ, молящій объ избавленіи отъ этого зла, получившаго поощреніе и усиленіе отъ неразумнаго законодательства“.

Въ результатъ, въ 1855 г. принятъ въ парламентъ и утвержденъ новый законъ, положившій основаніе всему существующему нынѣ въ Швеціи акцизному законодательству: онъ измѣненъ съ тѣхъ поръ въ подробностяхъ, въ смыслѣ усиленія общаго воздержанія, но въ главныхъ чертахъ и до-нынѣ остался *тотъ же самый*. Во-первыхъ, мелкія винокурни этимъ закономъ уничтожаются: назначается минимумъ производства (300 кашпъ ежедневно) и ограниченный періодъ винокуренія; весь процессъ его подлежитъ строгому контролю и обложенію. Вслѣдствіе этого еще въ 1853 г. въ Швеціи было 33.342 винокурни, а въ первый годъ дѣйствія закона, въ 1855 г., осталось 3.481, которыя съ тѣхъ поръ еще болѣе сократились. Право торговли напитками ограничено еще сильнѣе: оно поставлено въ зависимость отъ дозволенія

общины и правительства; налоги на продажу также значительно возвышены, и община поставлена въ обязанность при продажѣ права торговли съ аукціона обращать вниманіе не только на цифру налога, уплачиваемаго кабатчикомъ, но на его нравственныя и образовательныя качества. Благодаря этому, въ то время, какъ до 1855 г. можно было купить свободно вина почти во всякомъ домѣ, въ 1856 г. во всей странѣ, кромѣ городовъ, существовали только 64 винныхъ лавки на выносъ и 493 кабака. Но, кромѣ обязательнаго разрѣшенія общинныхъ властей, — что должно было значительно уменьшить число мѣстъ розничной продажи напитковъ, — новый законъ заключалъ въ себѣ еще нѣсколько постановленій въ интересахъ воздержанія. Такъ, онъ постановилъ въ принципѣ, что въ кабакахъ должны всегда продаваться кушанья и съѣстные припасы: извѣстно, что на сытый желудокъ спиртуозы дѣйствуютъ слабѣе и ихъ пьютъ вообще меньше; кромѣ того, съ цѣлью противодѣйствія стремленію питейныхъ торговцевъ завлечь своихъ бѣдныхъ потребителей кредитомъ, законъ запретилъ взыскивать долгъ за вино, а также подъ страхомъ штрафа отпускать вино подъ залогъ вещей. Наконецъ, какъ бы предвидя то, что въ дѣйствительности скоро и осуществилось, законъ опредѣлилъ, что если въ городахъ составятся компаніи, имѣющія цѣлью взять въ свое исключительное вѣденіе всѣ мѣста питейной торговли, или даже нѣкоторыя, то городское управленіе, удостовѣрившись въ благонадежности этой компаніи, можетъ отдать ей это право въ аренду, не прибѣгая къ аукціону.

Послѣднія статьи закона дали именно толчокъ къ образованію той своеобразной системы питейной торговли Швеціи и Норвегіи, которая пользуется теперь такой извѣстностью. Весьма скоро обнаружилось на практикѣ, что старанія закона обратить кабаки въ съѣстные лавочки и столовыя для народа, чтобы уменьшить поводъ и позывъ къ излишнему питью, а равно и воспрещеніе кредита и залоговъ, остались на одной бумагѣ. Въ дѣйствительности, все шло по старому; для обхода же закона въ каждомъ кабакѣ держалось какое-нибудь блюдо съ картофелемъ, никогда не потребляемое, а естественное стремленіе кабатчика увеличить свой торговый оборотъ не могло удержать его отъ риска отпуска водки въ долгъ или приѣма залога. И вотъ, въ шестидесятыхъ годахъ, въ городѣ Готенборгѣ (Gothenborg), въ которомъ на 35.000 жителей насчитывалось 136 кабаковъ и не только средній классъ, но и само рабочее населеніе долго и тщетно взывали къ городскому управленію и правительству о противодѣйствіи собственной слабости. Одинъ извѣстный въ Шве-

ція филантропъ и дѣятельный пропагандистъ трезвости, священникъ Вивельгрентъ, рѣшился воспользоваться указаніемъ закона и началъ ходатайствовать передъ городскимъ управленіемъ о различныхъ ограниченіяхъ питейной торговли, на что давалось право городу новымъ закономъ, и объ отдачѣ питейной торговли имѣющему образоваться для того обществу. Первоначально эта попытка не удалась, и интересы 136 питейныхъ торговцевъ оказались слишкомъ сильными, но затѣмъ друзья воздержанія соединили свои усилія, и черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ значительной борьбы при неизмѣненномъ составѣ городского управленія добились желаемого. Болѣе двадцати торговыхъ фирмъ и частныхъ лицъ, сочувствующихъ дѣлу, сложились вмѣстѣ и образовали „Готенбургское Акціонерное Питейное Общество“, не только благополучно существующее донынѣ, но и давшее свое собственное названіе всей системѣ новой борьбы съ пьянствомъ, принятой впоследствии далеко за предѣлами скромнаго шведскаго города.

Какъ видно изъ постановленія готенбургскаго городского управленія при разрѣшеніи этого замѣчательнаго общества, цѣль его основанія заключается *„не въ выгоду, но въ благу рабочихъ классовъ“*. Общество обѣщается, что, кромѣ обычнаго процента на затрачиваемый для оборота капиталъ (5⁰/о), оно не будетъ получать никакой прибыли, и могущій образоваться излишекъ будетъ истрачиваться исключительно на благо рабочихъ или передаваться въ общественную кассу, что въ торговыхъ помѣщеніяхъ общества, свѣтлыхъ, обширныхъ и хорошо обставленныхъ, будетъ принято такое устро' ство, чтобы старые кабаки обратились въ столовыя для рабочи хъ классовъ, чтобы лица, завѣдующія питейнымъ домомъ общества, не имѣли никакого интереса въ продажѣ хмельныхъ напитковъ, доставляя цѣликомъ всю выручку обществу, но чтобы зато въ ихъ пользу удерживалась продажа какъ кушаньевъ и другихъ съѣстныхъ припасовъ, такъ и всѣхъ немельныхъ напитковъ (кофе, полъ-пива и т. п.); чтобы, наконецъ, никакихъ спиртныхъ напитковъ въ кредитъ или въ залогъ не отпускалось. Въ этихъ словахъ почти заключается вся программа дѣятельности „Готенбургскаго Акціонернаго Питейнаго Общества“; въ основаніи его лежатъ три вѣрныя идеи, какъ результатъ ежедневнаго наблюденія. Во-первыхъ, причина опасности кабаковъ для народа. въ виду особенно притягательнаго свойства, для пьющихъ людей, водки заключается въ обычномъ интересѣ кабатчика, какъ и всякаго торговца, сбывать свой товаръ въ возможно большемъ количествѣ; поэтому онъ заинтересованъ всячески завлекать покупателя, отпускать, если нѣтъ наличныхъ, подъ залогъ и даже въ

кредитъ, и никакое запрещеніе закона не остановитъ его отъ могущаго быть при этомъ риска. Во-вторыхъ, спиртные напитки дѣйствуютъ всего сильнѣе, но въ то же время ихъ и охотнѣе пьютъ на голодный желудокъ, причемъ пьющій легче утрачиваетъ управленіе собой и скорѣе выпьетъ лишнее. Понятно поэтому, что питейный торговецъ отнюдь не сочтетъ для себя выгоднымъ накормить своего потребителя и тѣмъ уменьшить сбытъ водки. Наконецъ, въ-третьихъ, интересъ кабатчика противоположенъ и даже неприязненъ всякому невинному развлеченію народа: будь то газета въ его кабацѣ, или какой-нибудь народный театр или зрѣлище— все это, если онъ только торгуетъ исключительно виномъ, отвлекаетъ покупателя отъ единственнаго источника выгоды торговца.

Остановившись въ первый разъ на этихъ трехъ идеяхъ, какъ на ближайшихъ источникахъ народнаго пьянства, „Готенбургское Пит. Акц. Общество“ должно было естественно придти къ заключенію, что—для того, чтобы противодѣйствовать пьянству— всѣ эти три повода къ нему оно должно въ своей практической дѣятельности совершенно исключить. Прежде всего, получивъ въ свои руки питейную монополию въ Готенбургѣ (немногіе оставшіеся кабатчики были скоро устранены), оно вмѣсто 72 бывшихъ кабаковъ постепенно число ихъ уменьшило до 19 (въ 1885 году), дабы эти оставшіеся обставить по возможности лучше и завести болѣе строго избранную администрацію. Управители питейныхъ домовъ общества получаютъ отъ него весьма приличное жалованье, съ обязательствомъ до мелочей соблюдать его постановленія и имѣть всегда въ запасѣ, по утверждаемой обществомъ таксѣ, разныя кушанья и съѣстные припасы, а также кофе, чай, шоколадъ, поль-пиво и т. п. невинные напитки, которые они и подаютъ посѣтителемъ въ столовыхъ, находящихся при заведеніи. Вся выручка отъ этой продажи—обратно съ спиртными напитками—составляетъ ихъ личную выгоду; инспектора общества контролируютъ лишь цѣну и качество этихъ продуктовъ. Такимъ образомъ, сидѣлецъ этого питейнаго заведенія заинтересованъ своимъ карманомъ продавать и предлагать покупателю не спиртуозъ, а какую-либо їду или невинное питье въ родѣ кофе или сельтерской воды, отъ которыхъ онъ наживается. О кредитѣ и о продажѣ подъ залогъ, разумѣется, благодаря этой системѣ, не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ это значило бы для сидѣльца потерять выгодное мѣсто и занятіе, помимо нарушенія прямого закона и его послѣдствій. То же самое относится и къ запрещенію закона продавать спиртные напитки уже пьяному посѣтителю или ребенку. Въ этомъ случаѣ

„Готенбургское Акц. Пит. Общество“ пожелало даже повысить требование закона, и въ его заведеніяхъ не продають, ни распивочно, ни на выносъ, никакихъ спиртныхъ напитковъ лицу моложе 18-ти лѣтъ отъ роду. Мало того: оно завело обычай, что, по просьбѣ родственниковъ, лицамъ, извѣстнымъ наклонностью къ пьянству и всякаго возраста, которымъ ведутся въ городѣ списки, совсѣмъ даже отказываютъ въ продажѣ водки. Точно также оно воспользовалось и правомъ, предоставленнымъ ему закономъ, сокращать время продажи напитковъ, и вмѣсто закрытія питейныхъ домовъ по закону въ 10 ч. вечера, оно закрываетъ ихъ въ 8 и 7, смотря по времени года, и, сверхъ того, всѣ воскресные и праздничные дни, а равно и наканунѣ ихъ съ 6 ч. вечера продажа водки совершенно прекращается, хотя для другого потребленія заведенія открыты, и, какъ исключеніе, дозволяется отпускать по одной рюмкѣ водки лишь лицамъ, обѣдающимъ въ столовыхъ общества 1).

Съ цѣлью противоѣствовать послѣднему изъ указанныхъ нами побужденій къ пьянству—скуки и недостатку въ развлеченіи, общество не только держитъ во всѣхъ своихъ заведеніяхъ маленькія собранія газетъ и журналовъ, но, сверхъ того, на получаемый избытокъ доходовъ затратило значительныя суммы на устройство пяти настоящихъ читаленъ съ значительнымъ выборомъ книгъ, журналовъ и газетъ, гдѣ въ то же время за дешевую цѣну рабочій людъ можетъ имѣть всѣ напитки, кромѣ спиртуозовъ. Сверхъ того, оно устроило для народа четыре общирныя столовыя въ наиболѣе бойкихъ частяхъ города, а съ 1873 года значительно возросшіе доходы свои передаетъ уже обязательно, согласно новому по этому предмету закону, въ городскую кассу, которая и расходуетъ ихъ на разныя общепольныя цѣли, и слѣдовательно деньги, нѣкогда обогащавшія однихъ кабатчиковъ, нынѣ, при готенбургской системѣ, въ видѣ полезнѣйшихъ учрежденій возвращаются народу обратно, доставляя общую выгоду сторицею, и водка служить, можетъ быть, дѣлу народнаго просвѣщенія!..

Благопріятныя послѣдствія готенбургской системы настолько быстро оказались, что не могли не привлечь къ себѣ общаго

1) Въ Стокгольмѣ, столицѣ Швеціи, гдѣ установилась вскорѣ также готенбургская система продажи напитковъ, вслѣдствіе просьбы самихъ рабочихъ, продажа водки въ питейныхъ домахъ общества съ субботы 6 ч. вечера до понедѣльника 9 ч. утра совершается не иначе, какъ съ условіемъ, чтобы на каждую рюмку водки спрашивалось лица не менѣе, какъ на 10 беге, т.-е. обратно съ нѣмецкимъ обычаемъ во многихъ ресторанахъ: „ohne Speise keine Getränke“!

вниманія; они обнаружались скоро не только въ улучшеніи внѣшняго городского благочинія, уменьшеніи числа пьяныхъ, поднятыхъ на улицѣ или заарестованныхъ, но и въ другихъ немаловажныхъ признакахъ, напримѣръ въ значительномъ уменьшеніи въ Готенборгѣ числа больныхъ алкооликовъ: одинъ больной бѣлой горячкой, напр., въ 1865 году приходился на 390 жителей, а въ 1872 году—лишь на 1.230, т.-е. втрое менѣе, несмотря на то еще, что послѣ питейной реформы 1855 года и чрезвычайнаго сокращенія кабаковъ въ деревняхъ, города въ Швеціи сдѣлались мѣстомъ пьянства для всего окружающаго населенія на большомъ разстояніи. Отсюда становится понятнымъ, что одинъ городъ за другимъ въ Швеціи послѣдовалъ примѣру Готенборга; затѣмъ та же система принята огромнымъ большинствомъ городовъ въ Норвегіи и недавно перешла въ Финляндію. Далѣе система переселилась даже въ Англію, гдѣ ее недавно хотѣлъ примѣнить извѣстный городъ Бирмингамъ, еслибы не встрѣтилъ рѣшительнаго противодѣйствія со стороны акцизнаго надзора и, вѣроятно, фискальныхъ интересовъ британскаго правительства ¹⁾.

Исторія этого вопроса въ Норвегіи составляетъ совершенное повтореніе сказаннаго о Швеціи; разница лишь въ томъ, что пьянство въ Норвегіи было нѣсколько слабѣе, чѣмъ въ Швеціи, а успѣхи готенбургской системы оказались тамъ еще болѣе блестящими и потребленіе спиртныхъ напитковъ пало на малую цифру (3 литра на человѣка, вмѣсто 16—тридцать, сорокъ лѣтъ назадъ). Но, не довольствуясь даже такимъ успѣхомъ, норвежскій Storting, т.-е. палата представителей, нѣсколько разъ поднимала серьезный вопросъ даже о введеніи запретительной системы по образцу Америки, или всецѣломъ изгнаніи изъ страны всякихъ спиртныхъ напитковъ. Изъ полутора милліона населенія этой маленькой страны, до 100.000 человѣкъ принадлежатъ къ членамъ обществъ трезвости, и, по словамъ новѣйшаго изслѣдователя, въ Норвегіи буквально нѣтъ деревни, гдѣ бы не было подобнаго общества. Отсюда понятно, что при такомъ большомъ количествѣ друзей воздержанія готенбургская система нашла,

¹⁾ См. Wissenschaftliche Beiträge zum Kampf gegen den Alkoholismus. Heft 1. Die Mässigkeit-Gesetzgebung, von A. Lammers. Bonn, 1885, стр. 16 и др. Heft 3. Die Entwicklung der schwedischen Brandwein-Gesetzgebung von 1835 bis 1885, von Dr. Sigfried Wieselgren, стр. 78—82. Die schwedischen u. norwegischen Schank-Gesellschaften. Bericht der Reise-Commission des deutschen Vereins gegen den Missbrauch geistigen Getränke. Bonn, 1884, стр. 5 и слѣд. G. F. Fuchs: Des Alkoholismus u. seine Bekämpfung (Zeitfragen des christlichen Volkslebens. Band VIII, Heft 8). Heilbronn, 1883, стр. 57. Zur Alkoholfrage, I. c., стр. 48 и далѣе.

какъ уже испытанное средство, весьма хороши́й прие́мъ и быстро распространилась въ странѣ: изъ 59 городовъ Норвегiи система не принята лишь пока въ 9, а въ 5 городахъ совсѣмъ нѣтъ продажи напитковъ. Дѣятельность городскихъ питейныхъ обществъ въ Норвегiи еще разнообразнѣе, нежели въ Швеци, уже благодаря большимъ средствамъ въ ихъ распоряженiи, такъ какъ излишекъ прибыли общества противъ уговорнаго процента не поступаетъ въ общую городскую кассу, а расходуется самимъ обществомъ на нужды рабочихъ классовъ. Поэтому оно предпринимаетъ такія учрежденiя, какъ пивоваренный заводъ въ одномъ, напримѣръ, городѣ для того, чтобы доставить народу по крайне дешевой цѣнѣ слабое, но хорошаго качества пиво, и тѣмъ еще болѣе ограничить потребление водки и рома; въ Бергенѣ, весьма оживленномъ торговомъ и рыбацкомъ городѣ, всегда славившемся пьянствомъ, особенно въ извѣстныя времена года, во время найма матросовъ и рыбаковъ, питейное общество устроило четыре обширныхъ помѣщенiя для найма рабочихъ, гдѣ они могутъ проводить цѣлый день бесплатно, имѣя притомъ чтенiе и нѣкоторыя развлеченiя и дешевую ѣду. Благодаря лишь этому, по словамъ очевидцевъ, картина Бергена, въ смыслѣ благочинiя, совершенно измѣнилась. Другое питейное общество установило за правило въ своихъ заведенiяхъ каждому потребителю отпускать въ теченiе трехъ часовъ времени не болѣе, какъ одинъ стаканчикъ ($\frac{1}{20}$ литра) спиртныхъ напитковъ. Извѣстные въ городѣ своимъ пьянствомъ люди рискуютъ попасть въ списокъ общества, какъ это бываетъ, наприм., въ томъ же Бергенѣ, и они нигдѣ не получаютъ даже рюмки водки: всюду, по распоряженiю общества, ихъ встрѣтитъ отказъ. Вообще дѣятельность всѣхъ этихъ обществъ имѣетъ двойное направленiе: по возможности отвратить и *отзучить народъ отъ крепкихъ напитковъ* и *дать ему взаменъ другой, здоровый и дешевый напитокъ*, лишь съ самымъ слабымъ содержанiемъ алкооля. Поэтому, напр., въ настоящее время въ Норвегiи происходитъ усиленная агитація объ измѣненiи способа обложенiя пива: вмѣсто того, чтобы облагать, какъ это донинѣ дѣлалось, солодъ, предполагается назначить налогъ на самое пиво, и притомъ пропорціонально содержанiю въ немъ алкооля; пиво же, имѣющее менѣе 2% алкооля, совершенно освободить отъ налога какъ въ производствѣ, такъ и въ продажѣ.

Такова знаменитая готенбургская система, послѣднiя двадцать лѣтъ обращающая на себя общее вниманiе, какъ удачный способъ разрѣшенiя на практикѣ проблемы о пьянствѣ. Какъ всякое дѣло рукъ человѣческихъ, конечно, и эта система имѣетъ свои

недостатки и имѣть не мало противниковъ, какъ между лицами, заинтересованными прямо и косвенно въ питейномъ дѣлѣ, такъ и между крайними приверженцами абсолютнаго воздержанія, какими являются, напримѣръ, многіе члены англійскихъ обществъ трезвости, не допускающіе никакихъ компромиссовъ и считающіе единственнымъ способомъ разрѣшенія той же проблемы — полное воспрещеніе всякихъ хмельныхъ напитковъ въ странѣ ¹⁾. Комиссія изъ членовъ нѣмецкаго общества воздержанія, недавно посѣтившая Швецію и Норвегію, для провѣрки на мѣстѣ результатовъ готенбургской системы, пришла къ единогласному заключенію, что эта система является „несомненно плодотворнѣйшей мѣрой къ поднятію общественной нравственности и порядка, какую только знаетъ Европа“. Ограничимся приведеніемъ еще только двухъ свидѣтельствъ изъ области шведской статистики. Число душевно-больныхъ отъ пьянства за 5 лѣтъ до 1865 года, т.-е. до временъ готенбургской системы, составляло въ среднемъ 8,9⁰/₀; съ 1876 по 1880 г.—уже спустилось до 6¹/₂⁰/₀; число самоубійствъ вслѣдствіе пьянства, за тѣ же два пятилѣтія, равнялось: до 1865 г.—26⁰/₀, а за послѣднее—лишь 14⁰/₀ изъ общаго числа самоубійствъ ²⁾.

До сихъ поръ мы разсмотрѣли нѣкоторыя мѣры противъ пьянства, предпріятыя правительствомъ, такъ сказать, въ союзѣ со всѣмъ обществомъ и часто даже по частной инициативѣ; затѣмъ мы должны перейти къ мѣрамъ чисто правительственной дѣятельности, направленнымъ противъ пьянства и сравнительно легко осуществимымъ во всякомъ государствѣ путемъ законодательства. Первымъ и важнымъ вопросомъ здѣсь являются—*самыя свойства и качества напитка*, наиболѣе употребляемаго въ странѣ. Не только замѣчено, но и научно удостовѣрено, что на усиленіе или ослабленіе пьянства имѣетъ прямое вліяніе родъ напитка и такъ-называемая степень концентрации алкооля и химическій составъ раствора. Цѣлый рядъ данныхъ, преимущественно изъ французской статистики, показываетъ, что всѣ вредныя послѣдствія, приписываемыя пьянству, какъ-то преступность, сумасшествіе и т. д., возрастаютъ до нѣкоторой степени пропорціо-

¹⁾ Этимиъ объясняется неблагопріятное мнѣніе о готенбургской системѣ членовъ комиссіи англійскихъ обществъ воздержанія, посѣтившихъ въ началѣ 70-хъ годовъ Готенбургъ. Съ тѣхъ поръ, впрочемъ, много произошло улучшенія въ организаціи самой системы.

²⁾ См. VI. Internationaler Kongress für Hygiene u. Demographie zu Wien 1887. Arbeiten der Hygienischen Stationen. 7. Thema. P. O. Flood: Die Bekämpfung des Alkoholismus. Wien, 1887. Далѣе, см. Zur Alkoholfrage, I. с., стр. 51.

нально по отдѣльнымъ мѣстностямъ страны съ количествомъ алкоголя, т.-е. водки, выпиваемой тамъ на счетъ другихъ напитковъ. Точно также изъ двухъ странъ, Баваріи и Сѣверной Германіи, первая выпиваетъ пива въ 4 раза больше, нежели вторая, и почти настолько же меньше водки; между тѣмъ въ Пруссіи— въ четыре раза большее количество алкоголиковъ, нежели въ Баваріи. Такимъ образомъ, тѣмъ жиже растворъ алкоголя, тѣмъ безвреднѣе его потребление, и страны, въ которыхъ національнымъ напиткомъ служатъ вино и пиво, гораздо болѣе гарантированы отъ пьянства, нежели мѣстности съ исключительнымъ или преимущественнымъ употребленіемъ водки. Въ первыхъ двухъ напиткахъ, рядомъ съ продуктомъ броженія, присутствуютъ въ различныхъ соединеніяхъ другія вещества, которыя оказываютъ постоянное взаимодѣйствіе другъ на друга; между тѣмъ водка, какъ продуктъ дистилляціи, есть только алкоголь, и дѣйствуетъ гораздо сильнѣе на человѣчскій организмъ. Кромѣ того, извѣстно также, что въ спиртныхъ напиткахъ присутствуютъ такъ-называемые тяжелые алкооли— „пропильный, бутильный и амильный“, которые обладаютъ чрезвычайно ядовитымъ дѣйствіемъ на животный организмъ и нервную систему,—и въ то самое время, какъ въ виноградномъ винѣ, напр., или въ пивѣ присутствуетъ лишь такъ-называемый „этильный“ алкоголь, или малые слѣды остальныхъ видовъ его,—въ водкѣ, приготовляемой изъ хлѣба, картофеля и пр., заключается значительное количество самаго страшнаго яда—сивушнаго масла, или амильнаго алкооля. Цѣлый рядъ лабораторныхъ изслѣдованій надъ животными, Ричардсона, Кро, Дюжарденъ-Бомецъ, Рабюто и другихъ ученыхъ, выяснилъ и поставилъ внѣ сомнѣнія фактъ различной степени ядовитости разныхъ алкоолей; изслѣдованія эти, сдѣланныя съ цѣлью опредѣлить отравляющую силу алкооля, показали, что амильный алкооль, напр., во много разъ сильнѣе, нежели этильный (по изслѣдованію Dujardin-Beaumont—около 5 разъ, а по Rabuteau—даже въ 30 разъ). Понятнымъ становится отсюда, какую огромную разницу въ смыслѣ пьянства дѣлаетъ въ странѣ потребление тѣхъ напитковъ, которые наиболѣе содержатъ пропильнаго или амильнаго алкооля. Таковымъ является въ особенности водка, выдѣланная изъ картофеля, свекло-сахарной патоки и, наконецъ, хлѣбная,—въ которыхъ содержится весьма значительное количество сивушнаго масла, если только оно не удалено тщательной очисткой. Всѣ пагубныя послѣдствія для физическаго организма человека, вслѣдствіе злоупотребленія напитками, являются преимущественно при потребленіи водки. „Опытъ учить, — говорить

профессоръ Розенталь, — что собственно болѣзни пьяницъ случаются тамъ, гдѣ пьютъ водку въ большомъ количествѣ; что, напротивъ, въ странахъ винограднаго вина и пива эти болѣзни сравнительно рѣдки и проявляются только въ крайне легкихъ формахъ“. Нужно поглощать слишкомъ большое количество этильнаго алкооля и продолжительное время, чтобы придти къ тѣмъ же послѣдствіямъ, какія бывають отъ сравнительно меньшаго и непродолжительнаго потребленія какой-нибудь картофельной водки, особенно дурно очищенной ¹⁾).

Отсюда становятся очевидными тѣ задачи, которыя должно взять на себя правительство, слѣдуя выводамъ науки. Первая изъ нихъ должна состоять въ ограниченіи, всѣми зависящими отъ него способами, употребленія массою народа всѣхъ видовъ водки и, если нужно, подстановен на ихъ мѣсто напитковъ съ болѣе слабымъ содержимымъ алкооля — вина и пива. Второй задачей долженъ быть строгій законодательный и административный контроль за очисткой спиртныхъ напитковъ. „Правительства обязаны, — постановлена была резолюція на международномъ парижскомъ конгрессѣ 1878 года, — не только противоудѣйствовать злоупотребленію алкоольными напитками съ помощью законодательныхъ мѣропріятій и стараться ихъ подавить, но и употреблять также всѣ усилія къ тому, чтобы водка, предназначенная для потребленія, была очищена, по возможности, лучше и ректифицирована“. Что касается до первой задачи, то относительно ея нынѣ согласны (по крайней мѣрѣ — въ теоріи) правительства почти всѣхъ странъ и, помощью различной степени обложеній, дають нѣкоторыя преимущества обыкновенно напиткамъ слабымъ передъ крѣпкими. Другое дѣло — относительно требованія очистки и ректификаціи. Въ этомъ отношеніи законодательства принимали за послѣднее время гораздо менѣ мѣръ, а еще менѣ того эти требованія исполнялись на практикѣ, и въ большинствѣ государствъ, гдѣ только пьютъ водку, значительное ея количество весьма дурно очищено. Готенбургская система и въ этомъ случаѣ сослужила добрую службу Швеціи и Норвегіи, и когда тамъ прошелъ законъ, требующій выпуска водки для продажи, лишь совершенно свободной отъ всякихъ примѣсей и достаточно очи-

¹⁾ См. *Recherches expérimentales sur les alcools par fermentation*. Par le docteur *Dujardin-Beaumont* et le docteur *Audigé*. Paris, 1875, стр. 60.

Die Verunreinigungen des Trinkbrauntweins, von *Dr A. Baer* (въ *Wissenschaftliche Beiträge zum Kampf gegen den Alkoholismus*. Heft 2, Bonn, 1885.

Къ вопросу о пьянствѣ и его леченіи, *Д-ра С. Минора*. С.-Петербургъ, 1887, стр. 14 и пр.

щенной, городскія питейныя общества употребили всѣ старанія удовлетворить этому требованію, и въ ихъ заведеніяхъ продаются лишь напитки, совершенно (насколько технически возможно) свободные отъ сивушнаго масла. Однакоже, конечно, правительство должно озабочиваться и преслѣдованіемъ всякихъ другихъ примѣсей къ напиткамъ, разъ они признаны вредными, что дѣйствительно и дѣлается въ большинствѣ европейскихъ странъ.

Вотъ главная и, по моему мнѣнію, серьезнѣйшая форма проявленія государственной дѣятельности, желательной въ видахъ предупрежденія пьянства или его особенно вредныхъ послѣдствій; всѣ остальные предупредительныя мѣры, касающіяся, напр., устройства и правилъ производства напитковъ, или непосредственно вытекають изъ прежде поставленныхъ положеній (винокурение въ крупныхъ размѣрахъ ради производства хорошо очищеннаго спирта), или же относятся къ подробностямъ питейной торговли, и въ такомъ случаѣ имѣють, большею частью, лишь мѣстное—или (напр., устройство лечебныхъ приютовъ для алькооликовъ) второстепенное значеніе. Въ самомъ дѣлѣ, обставлены ли питейные дома такъ или иначе, производится ли продажа въ тѣ или иные часы, сидятъ ли потребители на стульяхъ, или происходитъ, по остроумному выраженію Диккенса о современныхъ англійскихъ кабакахъ, безъ мебели, — „пьянство перпендикулярное“ — все это нисколько существенно не уменьшитъ зла, если вся система питейной торговли и самые поводы къ пьянству не потерпятъ измѣненія, какъ это произошло отъ готенбургскихъ мѣропріятій. Точно также мало значенія, по моему мнѣнію, для уменьшенія зла имѣють и всѣ уголовныя устрашенія. „Запрещается всѣмъ и каждому пьянство“, гласитъ нашъ Уставъ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленія (Св. Зак., т. XIV, изд. 1857 г., ст. 241); въ глубокому сожалѣнію, всѣмъ и каждому извѣстно, однако, какъ мало наша дѣйствительность отвѣчаетъ этому требованію закона. Другія европейскія законодательства относятся къ пьянству еще строже, и одно даже появленіе пьянаго на улицѣ или иномъ публичномъ мѣстѣ признается за фактъ оскорбленія общественной нравственности и карается закономъ. Такъ это бываетъ въ Норвегіи, Голландіи, Англии и Франціи; въ послѣдней—повтореніе этого проступка можетъ повлечь за собой даже очень тяжкое наказаніе и, не ограничиваясь штрафомъ, перейти въ тюремное заключеніе, съ ограниченіемъ гражданскихъ правъ. Точно также во всѣхъ этихъ странахъ подлежатъ штрафу кабатчики, которые продають вино опьянѣвшимъ или малолѣтнимъ. Само собой разумѣется, что подобныя узаконенія не мо-

гуть оказать серьезнаго вліянія на уменьшеніе пьянства и имѣють значеніе исключительно въ смыслѣ поддержанія общественнаго благочинія и дискредитированія самого порока въ глазахъ народа фактомъ его осужденія. Однаково малое значеніе, по моему мнѣнію, имѣеть *въ смыслъ уменьшенія пьянства* и устройство специальныхъ лечебницъ для пьяницъ, съ *обязательнымъ* ихъ туда заключеніемъ, какъ того желаютъ нѣкоторые врачи. Это — мѣра палліативная и можетъ разсчитывать на успѣхъ лишь при добровольномъ леченіи, и главное — при измѣненіи всей обстановки пьянства въ странѣ, не иначе. По этимъ соображеніямъ, останавливаться долго на этой сторонѣ вопроса (уголовной) мы и считаемъ совершенно излишнимъ. Болѣе важной представляется намъ гражданская отвѣтственность кабатчиковъ по образцу нѣкоторыхъ штатовъ Сѣверной Америки; такъ, напр., въ Вермонтѣ Civil Damage Act, прошедшій въ 1869 году, постановляетъ, что продавецъ напитковъ отвѣчаетъ за всякій вредъ и ущербъ, который напившійся у него человекъ кому-либо причинить, что продавца не избавляетъ и отъ уголовной отвѣтственности за продажу вина пьяному; мало того, въ другомъ штатѣ, Нью-Гэмпширѣ, пьяный, задержанный или арестованный на улицѣ раньше своего освобожденія изъ-подъ ареста, долженъ подъ присягой показать на то лицо, у котораго онъ напился, дабы можно было его подвергнуть законному взысканію. Такимъ образомъ, по американскому законодательству, вездѣ главнымъ виновникомъ признается продавецъ напитковъ, а пьяница — лишь его жертвой, хотя и виновной.

Этимъ мы закончимъ изложеніе главнѣйшихъ мѣръ борьбы противъ пьянства — и перейдемъ, въ заключеніе, къ Россіи.

Какъ мы то видѣли изъ сдѣланнаго выше очерка исторіи пьянства, Россія не только всегда была извѣстна въ этомъ отношеніи, но и въ послѣднее даже время, если пьянство въ ней и не увеличилось, какъ утверждаютъ нѣкоторые, то нѣтъ, съ другой стороны, основанія думать, чтобы и уменьшилось — въ массѣ народа; во всей Европѣ, между тѣмъ, какъ извѣстно, пьянство значительно уменьшилось и — что видно и изъ приведенныхъ примѣровъ нѣсколькихъ иностранныхъ государствъ — этотъ болѣе или менѣе благоприятный результатъ былъ достигнутъ *лишь съ помощью соединенныхъ усилій* всего общества и правительства. Такимъ образомъ, Россія отстала отъ своихъ западныхъ сосѣдей не только въ просвѣщеніи и общей культурѣ, но и въ борьбѣ съ

своимъ старымъ внутреннимъ врагомъ, много лѣтъ подтачивающимъ народныя силы и здоровье и вызывающимъ насмѣшки иностранцевъ, начиная съ Олеарія и до современной „Kölnische Zeitung“ включительно, которая недавно торжественно объявила, что „Россія сто-шестьдесятъ дней въ году пьетъ и сто-шестьдесятъ — опохмеляется“!!.. Если мы обратимся къ вопросу о борьбѣ нашей противъ этого зла, то, нѣтъ сомнѣній, мы найдемъ въ нашей исторіи, особенно послѣднихъ ста лѣтъ, множество—со стороны правительства—благихъ начинаній и мѣръ съ этою цѣлью вплоть до самаго послѣдняго времени. Къ прискорбію, однако, слѣдуетъ сознаться, что, судя по настоящему развитію зла, вызывающаго ежедневныя повсюду жалобы противъ пьянства, предпринятая мѣры и попытки оказывались, по тѣмъ или инымъ причинамъ, недостаточно успѣшными и сильными, чтобы достигъ своей цѣли. Одна финансовая система мѣнялась на другую: государственное питейное управленіе замѣнялось откупами, откупа замѣнялись казенной монополіей, затѣмъ опять возвратились къ откупамъ, а въ новѣйшее время учредили акцизное управленіе съ регулированной и патентованной свободой питейной торговли и производства, и тѣмъ не менѣе, какъ всѣмъ извѣстно, само правительство въ настоящее время выражаетъ уже открытое недовольство этой новой системой и проектируетъ возвращеніе къ казенной монополіи, нѣсколько разъ бросаемой... Частная инициатива въ Россіи въ этомъ вопросѣ, какъ во многихъ другихъ, повидимому, отстала отъ правительственной: случаи серьезныхъ попытокъ частныхъ мѣропріятій противъ пьянства, по крайней мѣрѣ со временъ покойнаго откупа ¹⁾, встрѣчаются очень рѣдко, какъ единичныя явленія, и уже много лѣтъ у насъ, въ данномъ отношеніи, выражаясь биржевымъ жаргономъ, „слабо“ и „безъ дѣлъ“.

Спрашивается: въ чемъ же заключаются причины этого общаго неуспѣха въ борьбѣ съ пьянствомъ, и что остается намъ дѣлать, чтобы помочь бѣдѣ? Наибольше всѣхъ въ сравнительно короткое время, какъ мы видѣли, противодѣйствіе пьянству принесло хорошіе плоды въ Соединенныхъ Штатахъ и Скандинавскихъ государствахъ, т.-е. тамъ, гдѣ правительство и общество дѣйствовали совмѣстно, соединенными усиліями, и гдѣ частная инициатива шла рука-объ-руку съ законодательными мѣропріятіями.

¹⁾ См. Шмелева: „О мѣрахъ противъ пьянства“, 1. с., стр. 206—207, и Прямцова: „Исторія кабаковъ въ Россіи“, стр. 290; а также объ одной современной попыткѣ, „Борьба курляндскихъ крестьянъ съ кабакомъ“: „Русское Дѣло“, отъ 12 марта 1888 года, № 11.

Лишь при такихъ условіяхъ дѣятельности множества обществъ воздержанія и энергичной поддержки ихъ стремленій правительствомъ, при всей разницѣ средствъ, сдѣлались возможными строгія запретительныя мѣры въ Америкѣ—и готенбургская система въ Швеціи и Норвегіи.

Другой причиною, которую часто приходится слышать, когда идетъ рѣчь о неуспѣхахъ нашихъ мѣръ и апатіи нашего общества въ этомъ вопросѣ, обыкновенно выставляется огромное фискальное значеніе питейнаго дохода для русскихъ финансовъ. До тѣхъ поръ—утверждаютъ нѣкоторые—Россія не можетъ принять никакихъ рѣшительныхъ мѣръ противъ пьянства и установить для того прочный и надежный *modus vivendi*, пока этотъ доходъ не потеряетъ свое настоящее крупное значеніе въ общей системѣ финансовъ, и пока не будутъ найдены другіе источники дохода, столь же изобильные и которые его замѣнятъ.

Возраженіе это весьма серьезно, и съ нимъ нельзя не согласиться, хотя только отчасти. Нѣтъ сомнѣнія, что питейный доходъ составляетъ для нашего государственнаго казначейства наибольшій источникъ; но даже и въ Англии, которая въ этомъ отношеніи стоитъ ближе другихъ европейскихъ странъ въ Россіи, акцизный доходъ отъ напитковъ, не считая таможенныхъ пошлинъ, составляетъ всего лишь 25⁰/₀ обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ; у насъ же—30⁰/₀ (тоже безъ таможенныхъ пошлинъ на напитки), т.-е. почти треть всѣхъ обыкновенныхъ доходовъ (236 милліоновъ изъ 793—за 1886 годъ). Понятно, что наше финансовое управленіе не только дорожитъ такимъ изобильнымъ источникомъ, но и должно относиться осторожно въ своихъ дѣйствіяхъ ко всѣмъ тѣмъ мѣрамъ или начинаніямъ, которыя могутъ значительно и пожалуй сразу сократить этотъ источникъ, что нельзя не признать, съ практически-финансовой точки зрѣнія, благоразумнымъ. Но однако потребленіе хмельныхъ напитковъ, какъ мы неоднократно указывали, отнюдь не слѣдуетъ смѣшивать съ ихъ злоупотребленіемъ: мы, русскіе, извѣстны своимъ пьянствомъ, вовсе не потому непременно, чтобы мы потребляли много напитковъ; напротивъ, если перевести на градусы алкоголя все количество пива и другихъ напитковъ, потребляемыхъ нѣмцами, и винограднаго вина—французами, то, допуская даже самые крупные размѣры контрабанднаго и корчемнаго спирта, усользающіе отъ вычисленій, все-таки наше потребленіе хмельныхъ напитковъ не будетъ чрезмернымъ и не превзойдетъ средней нормы; дѣло не въ томъ только, сколько мы пьемъ, но какъ мы пьемъ: то же самое количество спирта, потребляемое болѣе регулярно, въ

меньшемъ количествѣ одновременно, не дало бы тѣхъ острыхъ проявленій пьянства, которыя особенно пагубно дѣйствуютъ на общее благосостояніе,—между тѣмъ такая форма потребления сохранила бы за государствомъ тотъ же самый доходъ, который получается теперь отъ напитковъ при ихъ нерегулярномъ и неумѣренномъ употребленіи. Отъ такого рода мѣръ, направленныхъ къ измѣненію привычки народа въ смыслѣ болѣе равномернаго распредѣленія потребления, правительству нѣтъ основанія отказываться или чуждаться по фискальнымъ соображеніямъ.

Но даже если предположить, что интересы фиска современемъ пострадаютъ отъ уменьшенія пьянства, то, во всякомъ случаѣ, это не можетъ произойти такъ внезапно, чтобы поставить финансы страны въ затруднительное положеніе. Наконецъ, нравственныя обязанности правительства даютъ намъ право ожидать, что оно не можетъ руководствоваться исключительно фискальными интересами данной минуты; оно должно вообще заботиться объ увеличеніи благосостоянія народа, которое, въ свою очередь, дастъ и новые источники для государственнаго дохода. Уменьшится пьянство въ странѣ—увеличатся больше и заработки народа, сократятся непроизводительные расходы денегъ и времени, и слѣдовательно, въ общемъ результатѣ, увеличится тотъ фондъ—народное богатство, изъ котораго государство и черпаетъ нужныя ему средства. Нельзя также упускать изъ виду и отрицательныя выгоды сокращенія пьянства. По справедливому замѣчанію норвежскаго доктора Флуда на вѣнскомъ гигиеническомъ конгрессѣ прошлаго года, „въ потребленіи воды есть что-то лживое и обманчивое, и она постоянно представляется не тѣмъ, чѣмъ является въ дѣйствительности: кажется, что она поддѣрпляетъ человѣческое тѣло, а вмѣсто того она лишь ослабляетъ его; кажется, что она согрѣваетъ тѣло, а вмѣсто того быстрѣе охлаждаетъ; кажется иногда другомъ, а является врагомъ; точно тоже дѣлаетъ вода и въ системѣ государственныхъ доходовъ: чѣмъ больше ее пьютъ, тѣмъ больше причиняется бѣдности и деморализаціи и тѣмъ большія, прямыя и косвенныя, потери несетъ страна черезъ расходъ на поддержаніе бѣдныхъ, госпиталя или больницы, тюрьмы и т. п.“¹⁾

Что же дѣлать и какія возможно принять мѣры у насъ для противодѣйствія пьянству или его вреднымъ послѣдствіямъ? Прежде всего мнѣ представляется безспорнымъ, что никакія ко-ренныя мѣры, какъ бы онѣ ни были желательны и цѣлесообразны,—

¹⁾ *L. O. Flood: Die Bekämpfung des Alkoholismus, l. c., стр. 18.*

въ родѣ готенбургской системы, — въ настоящее время, *пока*, у насъ невозможны, потому что несвоевременны. Ихъ можно осуществить, разумѣется, въ законодательномъ смыслѣ, но отсюда нельзя ждать у насъ, по крайней мѣрѣ теперь, никакихъ полезныхъ результатовъ. Во-первыхъ, всѣ подобныя попытки, какъ мы уже не разъ обращали вниманіе, приносили благіе плоды лишь подѣ условіемъ соединенныхъ дружныхъ усилій правительства съ обществомъ въ данномъ направленіи; у насъ же пока въ обществѣ не проснулось даже серьезнаго и сознательнаго стремленія въ этомъ смыслѣ, не говоря уже о всѣхъ извѣстныхъ недостаткахъ нашего городского управленія, исключаящаго до сихъ поръ изъ своей среды значительное количество образованныхъ обывателей. Вліятельная часть общества у насъ, по моему глубокому убѣжденію, не такъ сложилась, а потому и не подготовлена для того, чтобы выказывать частную инициативу или надлежащимъ образомъ поддерживать въ такомъ вопросѣ предначертанія правительства, еслибы они появились. Кромѣ того, обратно съ Скандинавскими государствами, пьянство у насъ сосредоточено не въ однихъ городахъ, а распространено по селамъ и деревнямъ, гдѣ готенбургская система неприменима ¹⁾.

Но если коренныя мѣры для противодѣйствія пьянству неосуществимы у насъ тотчасъ же, то необходимо приготовить имъ почву для будущаго и создать благоприятныя для того условія, дѣлая съ этою цѣлью все, что только возможно. Въ этомъ смыслѣ не только предстоитъ работы немало, но даже весьма много: нужны лишь доброе желаніе и готовность принести свой трудъ на пользу благого дѣла.

Со стороны правительства противодѣйствіе пьянству можетъ выразиться, прежде всего, въ общихъ мѣрахъ, направленныхъ къ поднятію образованія народа, а пока значительная часть нашего населенія безграмотна, нѣтъ сомнѣнія, никакая серьезная борьба противъ зла и никакое распространеніе привычекъ трезвости немислимы. Эта истина такъ очевидна, что совершенно излишне на ней долге останавливаться. Спеціальныя же мѣры правительства должны быть направлены на выполненіе тѣхъ задачъ, которыя съ достаточной ясностью выставлены въ этомъ отношеніи наукой и

¹⁾ Впрочемъ считаю долгомъ оговориться: такъ-называемыя „общественныя кабакъ“, которыя пробовали у насъ устроить въ нѣкоторыхъ селеніяхъ пермской и уфимской губ., — близки по идеѣ къ готенбургской системѣ, и еслибы оказалось возможнымъ ихъ хорошо организовать (напр., удалить вліяніе кулаковъ), можетъ быть, они оказали бы пользу. Во всякомъ случаѣ, слѣдовало бы испытать и помочь этой попыткѣ.

опытомъ всѣхъ иностранныхъ государствъ. Первое, на что должно обратить вниманіе правительство, касается технической стороны производства спирта. Какъ уже было объяснено въ своемъ мѣстѣ, важнымъ условіемъ, способствующимъ пьянству и его губительнымъ послѣдствіямъ, нынѣ указываютъ присутствіе сивушнаго масла въ водкѣ, и особенно картофельной и приготовленной изъ свекло-сахарной патоки; эти ядовитыя свойства устраняются лишь путемъ тщательной очистки и ректификаціи. Что же мы видимъ, однако, на основаніи нашей официальной статистики? Въ 1875—1876 году у насъ перекуривалось въ спиртъ хлѣба 56 мил. пудовъ, картофеля 31 мил. и патоки 1 мил. съ третью, а черезъ десять лѣтъ, за 1885—86 годъ, хлѣба перекуривалось 44 мил., картофеля уже 80 мил. и патоки безъ малаго 5 мил., т.-е. производство самыхъ вредныхъ и наиболѣе опасныхъ сортовъ спирта растетъ и увеличивается у насъ съ чрезвычайной быстротой, и нынѣ Россія потребляетъ вдвое болѣе картофельной водки, нежели хлѣбной. Въ то же время очистка спирта поставлена у насъ крайне слабо, и, по тѣмъ же источникамъ, потребляется спирта въ очищенномъ видѣ нѣсколько менѣе одной пятой части,—такимъ образомъ, опасность для народнаго благополучія, вмѣстѣ съ увеличеніемъ производства спирта изъ картофеля, продолжаетъ усиливаться и возрастать ¹⁾. Первой мѣрой правительства, и притомъ не терпящей отлагательства, должно, слѣдовательно, быть установленіе правилъ обязательной очистки спирта, предназначеннаго для потребленія человѣкомъ. Образцомъ можетъ послужить недавній законъ, принятый въ нашей Финляндіи, по которому продажная водка „не только не должна заключать какихъ-либо вредныхъ примѣсей, но должна быть очищена отъ сивушныхъ маселъ“. Черезъ эту мѣру, соблюдаемую на практикѣ, нѣтъ сомнѣнія, не только многія тысячи людей будутъ спасены отъ опоья, но и отъ самого пьянства, вслѣдствіе устраненія искусственнаго позыва, создаваемого, по словамъ нѣкоторыхъ изслѣдователей, именно присутствіемъ въ водкѣ сивушныхъ маселъ. Одинаково важной можетъ оказаться дѣятельность правительства въ борьбѣ съ пьянствомъ и въ другомъ направленіи, также находящемъ указанія въ выводахъ современной науки. Къ несчастію, нашимъ національнымъ напиткомъ является водка, т.-е. такое питье, въ которомъ алкоголь наиболѣе сконцентрированъ, а этимъ обуславливается, какъ было объяснено раньше, его особенная зловередность. На-

¹⁾ См. Отчетъ департамента неоплаченныхъ сборовъ за 1886 годъ. С.-Петербургъ, 1887, стр. 19 и 58.

родъ нашъ совсѣмъ почти не знаетъ винограднаго вина, кромѣ западной Россіи и столицъ; потребление пива также, сравнительно съ Европой, до крайности ничтожно. Въ Россіи, безъ царства польскаго, Финляндіи и Кавказа, потребляется пива не болѣе одиннадцати съ третью бутылокъ въ годъ на одно лицо, тогда какъ въ Германіи—105 бутылокъ, Великобританіи—160, а Бельгіи—даже 207 ¹⁾). Потребленіе другихъ невинныхъ стимулянтовъ, какъ чай и кофе, извѣстно, у насъ также весьма незначительно, сравнительно съ огромными размѣрами его въ разныхъ странахъ западной Европы, уже благодаря ихъ относительной дороговизнѣ для массы народа и высокимъ налогамъ. Такимъ образомъ, привычка русскаго народа къ водкѣ искусственно поддерживается и укореняется; если не считать кваса, на который даже фискъ, по слухамъ, предполагаетъ наложить свою руку, то русскому человѣку скоро не останется никакого дешеваго напитка взамѣнъ водки. Очевидно, если наше финансовое управленіе искренно желаетъ уменьшенія нашего народнаго порока—пьянства, то необходимо должно своими мѣрами сокрушать исключительную привязанность и привычку народа къ водкѣ—и для того не только не увеличивать обложеніе на чай, пиво и пр. (какъ оно недавно сдѣлало относительно перваго ¹⁾), но сокращать налоги и, такъ сказать, всячески популяризировать эти напитки. Всякая иная политика будетъ лишь на руку фальсификаторамъ этихъ продуктовъ и еще сильнѣе закрѣпитъ весь вредъ отъ пьянства для грядущихъ поколѣній.

Еще болѣе важнымъ въ данномъ вопросѣ является развитіе частной инициативы, самостоятельности общества съ цѣлью противодействія пьянству. Если у насъ невозможно, какъ было связано, испробовать, напр., готенбургскую систему, то прежде всего потому, что намъ недостаетъ главнаго—подготовки къ какой-либо серьезной питейной реформѣ... Чтобы имѣть успѣхъ, такая реформа необходимо должна пользоваться сочувствіемъ значительной части общества, и притомъ не на словахъ только, а и на дѣлѣ. Образованные люди всѣхъ классовъ въ Готенбургѣ жертвуютъ своимъ временемъ, личнымъ трудомъ, частью деньгами и даже

¹⁾ См. докладъ А. П. Манухина: „О нуждахъ пивовареннаго искусства въ Россіи“. 2-го сент. 1882 года.

²⁾ Наши пошлины на чай—любимѣйшій напитокъ народа послѣ водки—превосходятъ по своей высотѣ всѣ страны на свѣтѣ: въ Германіи и Австро-Венгрии пошлина на чай составляетъ 5 р. 6 к. на пудъ, Великобританіи—5 р. 66 к., Франціи—8 р. 58 к., въ Соедин. Штатахъ—безпошлинно, у насъ же въ Россіи—*двадцать одинъ* (21) рубль съ пуда..

самолюбіємъ, принимая участіе въ какихъ-то „бабацкихъ“ предпріятіяхъ, и все это потому, что сознають высокую полезность и важность для общаго блага предпринятаго ими дѣла и святость поставленной ими цѣли! Непривычка къ самодѣятельности, недостатокъ гражданственности и солидарности въ русскомъ обществѣ, наконецъ отсутствіе общаго сознанія важности этого вопроса — на вѣрное затормазили бы у насъ всякую подобную мѣру въ самомъ же началѣ. Одно же правительство, въ свою очередь, еслибы даже и вздумало, бессильно предпринять что-либо серьезное противъ пьянства, не встрѣчая общей и сознательной поддержки, по крайней мѣрѣ, въ образованныхъ классахъ народа.

Въ чемъ же должна заключаться эта предварительная подготовка нашего общества къ тѣмъ или инымъ серьезнымъ мѣрамъ противъ пьянства? На это отвѣчаетъ уже извѣстный намъ опытъ многихъ иностранныхъ государствъ. Вездѣ, прежде чѣмъ сдѣланысь возможными важныя реформы въ этомъ отношеніи, образовывались общества трезвости или воздержанія, которыя стремились распространить свои идеи въ народѣ, всѣми мѣрами противодействуя и отвлекая народъ отъ пьянства. Какъ мы видѣли, съ этою цѣлью, устраивались и устраиваются тамъ собранія для обмѣна мыслей по данному вопросу, издаются во множествѣ различныя книжки для народа и летучіе листки съ однороднымъ содержаніемъ, т.-е. прямо или косвенно направленные противъ этого порока; учреждаются для народа чайныя, кофейни, столовыя, различныя чтенія и увеселенія; поступаютъ къ правительству ходатайства, касающіяся специальной цѣли общества. Вообще, стоя на легальной почвѣ, такое общество противодействія пьянству старается не только сдѣлать народъ болѣе трезвымъ, но и создавать, по мѣрѣ силъ, благопріятныя для того условія. Вездѣ, поэтому, подобныя общества были, какъ мы упоминали, предшественниками и инициаторами серьезныхъ реформъ для искорененія пьянства.

Вотъ въ такихъ-то обществахъ противодействія пьянству, мнѣ кажется, Россія нуждается въ настоящее время. Давно уже пора намъ серьезно взглянуть на нашу народную слабость, а не стараться ее игнорировать или встрѣчать однѣми усмѣшками. Необходимо дискредитировать пьянство въ глазахъ народа и стараться снять съ него покровъ удалства и молодечества, которыми любятъ прикрывать этотъ порокъ не одни наши предки! Необходимо постараться добиться, чтобы народъ не считалъ за пьянымъ „два угоды“!.. Но для достиженія этой ближайшей цѣли важно, чтобы нашъ образованный классъ взялъ на себя инициативу этого дѣла и взглянулъ на него серьезнѣе. Не такъ давно

въ газетахъ появился слухъ, что одинъ нашъ выдающійся писатель (имя котораго считаю излишнимъ называть) въ близкомъ кругу знакомыхъ старается привлечь ихъ къ дѣлу трезвости. Какъ же къ этому сообщенію отнеслась наша пресса? Къ сожалѣнію, насколько мнѣ извѣстно, вмѣсто сочувствія или почтенія, даже безъ отношенія къ лицу, отъ котораго бы эта попытка происходила, нѣкоторыя газеты встрѣтили ее лишь шутками и ироническими замѣчаніями... Само собою разумѣется, что до тѣхъ поръ, пока мы будемъ такъ легкомысленно относиться къ стремленію—во всякомъ случаѣ достойному уваженія—заняться этимъ жизненнымъ и практическимъ вопросомъ,—до тѣхъ поръ не можетъ быть и рѣчи о его серьезномъ разрѣшеніи!

Иванъ Янжулъ.

ВЪ ПЕРВЫЙ РАЗЪ У ЗАУТРЕНИ

НАРОДНЫЙ РАЗСКАЗЪ Л. Б. ЛАЗАРЕВИЧА.

Переводъ съ сербскаго.

Было мнѣ тогда, говорятъ, лишь девять лѣтъ. Всего-то подробно я и не помню, но расскажу вамъ объ этомъ, насколько запомнилъ. Моя старшая сестра, та много помнитъ, а младшій братъ — ровно ничего. Впрочемъ, не спятилъ я еще съума, чтобы начать рассказывать ему о томъ времени!

Мнѣ еще и мать много кое-чего поразказала, когда я, подросши, спрашивалъ ее. Отецъ же — никогда ни словечка!

Мой отецъ носилъ, разумѣется, турецкій костюмъ. Словно сейчасъ смотрю на него, какъ онъ наряжается: джемаданъ на немъ ¹⁾ изъ краснаго бархата, съ золотыми шнурами въ нѣсколько рядовъ; поверхъ него — тюрче ²⁾ изъ зеленаго сукна. Силай ³⁾ расшитъ золотомъ, въ него замѣнута харбія ⁴⁾, съ ручкой изъ слоновой кости, и ножигъ въ серебряныхъ ножнахъ, съ ручкой изъ бѣлой кости. Поверхъ силая — широкій шоловый поясъ, концы котораго, украшенные бахромой, висятъ съ лѣваго

1) Въ родѣ жилета, застегивается на боку.

2) Куртка, подбитая мехомъ.

3) Силай — родъ пояса, непременно изъ кожи, спереди настолько широкаго, что закрываетъ часть груди; приновленъ для ношенія оружія, напр. пистолета, коза и пр.

4) Шолпогъ небольшого размѣра, для пистолета.

бока. Чакшире ¹⁾ съ шолковыми и серебряными шнурами, широкія пачалуци до половины приерывали ногу въ бѣлыхъ чулкахъ и полусапожкахъ. На голову, бывало, надѣнетъ феску, накренивъ ее немного на лѣвую сторону, въ рукахъ у него чубукъ съ янтарнымъ мундштукомъ, а съ правой стороны поддѣтъ подъ поясъ висеть для табаку, шитый золотомъ и бисеромъ. Настоящій франтъ!

Нрава онъ былъ — хоть онъ и отецъ мой, но ужъ разъ сталъ я рассказывать, вилать не слѣдуетъ — нрава былъ страннаго. Черезъ-чуръ серьезень, все только приказываетъ, и если что разъ скажетъ, а ты не исполнишь — удирай куда знаешь! Сердитый — и все хочеть дѣлать по своему, да нието и не осмѣливался доказывать что-либо противное ему. Когда же сильно разсердится — ругнетъ такъ, что хоть святыхъ вонъ выноси. Дрался не иначе какъ давалъ оплеухи, да и то всего разъ ударить, но ужъ такъ, братъ, отвалить, что только держись! Разсердиться ему ничего не стоило: насупится, бывало, кусаетъ нижнюю губу, крутить правый усъ, загибая его вверхъ, брови почти сойдутся на лбу, а черные глаза такъ и блестятъ. О, пусть бы тогда пришелъ кто-нибудь изъ насъ и сказалъ ему, что онъ не знаеть „алекція“ ²⁾! Не знаю, чего я такъ боялся: ну, чтожь, если даже, наконецъ, и ударить разокъ, такъ что же? Но я боялся этихъ глазъ: какъ перекосятъ онъ ихъ, такъ ты, и самъ не зная съ чего, дрожишь, какъ листъ.

Никогда онъ не смѣлся, по крайней мѣрѣ — не такъ, какъ другіе люди. Помню, однажды держить онъ на колѣняхъ моего малаго братишку. Далъ ему часы поиграть, а мой Гриша вздумалъ совать часы отцу въ ротъ, и ореть, что есть мочи, отчего тотъ не хочеть открыть ротъ. Я и сестра просто помираемъ со смѣху, и отцу это показалось смѣшнымъ: но онъ растагивалъ только лѣвый уголь рта, и возлѣ лѣваго глаза кожа собиралась. Но и это было большою рѣдкостью, и такъ онъ смѣялся, когда случалось что-либо такое, что у другого просто челюсти развалились бы отъ смѣха, а хохотъ былъ бы слышенъ чуть не въ трактирѣ у Тетребова.

Помню, когда умеръ мой дядя, въ компаніи съ которымъ отецъ работалъ и котораго такъ сильно любилъ, моя тетва, мать,

¹⁾ Панталони совершенно особаго покроя: широкія и вполнѣ свободныя сверху, они плотно облегаютъ голень ноги, имѣя застежки на разрѣзѣ, сдѣланномъ на всемъ протяженіи голени: у шиколотки застежки прекращаются, образуя нѣчто въ родѣ раструбовъ, такъ-называемыя пачалуци.

²⁾ Урокъ.

вся родня, мы, дѣти,—ну голосить, плакать, причитать; просто стоять стоять! А мой батюшка—ничего, ни слезинки не проронилъ, ни одного вздоха не испустилъ! Только когда всё простились съ покойникомъ и когда понесли его изъ дома, у отца задрожала нижняя губа, дрожить и дрожить, а онъ прислонился къ двери, блѣдный какъ полотно, но молчить.

Ужъ если что разъ скажетъ, бывало,—не отступить потомъ ни за что, хотя бы даже и раскаивался въ душѣ. Помню, разъ онъ прогналъ со службы Проку. Вижу, что и самъ раскаивается и жалѣетъ его, а уступить не хочетъ. Этого Проку онъ любилъ больше всѣхъ другихъ служащихъ. Знаю, что ударилъ его всего разъ за то, что тотъ, цѣдивши водку, не закрутилъ хорошенько крана у бочки, и нѣсколько ведеръ воды вытекло. Больше никогда его не трогалъ. Все ему довѣрялъ, посылалъ его въ села за долгами и проч. А знаете ли, за что его разсчиталъ? Ни за что, ни про что!.. Видѣлъ, какъ тотъ игралъ въ „орель и рѣшетку“! Удивительно!

Это было на св. Георгія. Пришелъ Прока въ лавку, чтобы вѣ-ново подписать условіе, а отецъ вынулъ 90 грошей ¹⁾ и говорить:—На, вотъ тебѣ жалованье! Ты мнѣ больше не нуженъ; иди и ищи мѣсто, гдѣ бы могъ играть въ „орель и рѣшетку“!

Насунулъ Прока феску на глаза, льются у него слезы, словно дождь падаетъ, и сталъ просить моего отца. Тронуло это его, я видѣлъ,—но, думаете, онъ уступилъ? Боже сохрани! Лишь вынулъ еще одинъ дукать ²⁾ и далъ ему:—На, и проваливай!—Ушелъ Прока, а онъ кается въ душѣ, что прогналъ, ни за что, ни про что, самаго лучшаго слугу.

Никогда онъ не шутилъ ни съ нами, дѣтьми, ни съ матерью, ни съ вѣмъ-либо другимъ. Чудно онъ жилъ съ моей матерью. Не то, чтобы сказать, что онъ, не дай Богъ, какъ иные мужья, хотѣлъ бы ударить ее или что-либо такое, но такъ какъ-то: всегда холоденъ, сердитъ, хуже чужого, вотъ и все! А она, бѣдная, добра, какъ ангель, и ему такъ въ глаза и глядитъ. А когда онъ огрызнется, у нея, бѣдной, чуть не духъ вонъ отъ плача, да еще должна и слезы скрывать и отъ насъ, и отъ него. Никогда и никуда онъ съ нею не ходилъ, да и не смѣла она ему напомнить, чтобы свелъ ее куда-либо. Терпѣтъ онъ не могъ, чтобы она мѣшалась въ торговлю и въ его дѣла. Скажетъ она иной разъ:

¹⁾ Грошъ—20 сантимовъ.

²⁾ Дукать—12 франковъ.

— Дмитрій, даль бы ты Стояну водки! Вѣдь будетъ и новая, такъ куда тебѣ съ ней?

Тутъ онъ и набросится на нее:

— Или ты голодна, или тебѣ мало чего? Деньги въ твоихъ рукахъ, а когда не хватитъ, ты скажи! А въ мое дѣло не вмѣшивайся!

Мать какъ-то съѣжится, да и замолчитъ.

Съ людьми тоже мало говорилъ. Въ кофейнѣ у него было свое общество, и развѣ только съ нимъ проговорить слово или два. Кума Илью онъ уважалъ какъ нельзя болѣе, и это былъ единственный человѣкъ, который смѣлъ сказать ему, что хотѣлъ, и котораго отецъ словно побаивался.

Насъ, дѣтей, какъ и мать, онъ любилъ,—нечего напрасно говорить,—это было видно; но держалъ насъ престогаго. Я не помню какого бы то ни было знака нѣжности съ его стороны. Набрывалъ насъ, правда, ночью, если мы раскроемся, и позволялъ намъ нагибаться надъ колодцемъ и лазить на тутовья деревья,—но что же намъ изъ этого? Это дѣлаютъ и другіе отцы, но они зато покупаютъ дѣтамъ и леденцы, и золотую бумагу, и резиновые мячики, которые скачутъ чуть не выше яблони!

Въ церковь ходилъ лишь на день св. Георгія, въ трактирѣ же — каждый вечеръ. Бывало, поужинаемъ, а онъ сунетъ чубукъ подъ лѣвую мышку, поддѣнетъ кيسеть съ табакомъ подъ поясъ—и пошелъ! Домой возвращался лѣтомъ въ девять часовъ, а зимой и раньше, а иной разъ и за полночь перевалить, а его нѣтъ и нѣтъ. Страшно это огорчало мою бѣдную мать и сестру,—я же еще и представленія не имѣлъ тогда о кутежѣ. Никогда онѣ не засыпали, прежде чѣмъ онъ не придетъ домой, хотя бы это было на зарѣ. Сидятъ онѣ на постеляхъ, не смѣютъ даже свѣчу зажечь. Сердится онъ, батенька, когда видитъ, что свѣча горитъ. Слышалъ я однажды, какъ онъ, придя поздно домой, ворчалъ:

— Къ чему свѣча горитъ до этихъ поръ?

— Да чтобъ было видно раздѣться тебѣ, Дмитрій,—скажетъ моя мать.

— А развѣ я самъ не могу зажечь свѣчу, или, думаешь, я пьянъ и найти не смогу?

— Да нѣтъ, Дмитрій,—увертывается моя мать,—но я говорю, какъ бы...

— Да чтѣ говоришь! Вѣрно, хочешь, чтобы сосѣди думали, что у насъ въ домѣ мертвецъ лежитъ!

Какой тамъ мертвецъ! И вы думаете, что онъ это серьезно говорить? Чтѣ ему сосѣди!.. Да не хочетъ онъ просто, чтобы

моя мать замѣчала, когда онъ приходитъ и уходитъ, а со злости не знаетъ, съ чего и начать. Хотѣлось бы ему, чтобы мать спала, хотя ей и не спится, а лишь бы онъ могъ безъ заботъ кутить. Видно было, что это ему досадно.

Пилъ онъ очень мало, да и то только вино. Водку же, даже когда пробовалъ ради покушки, выплюнетъ, да и гримасу скорчить. Не былъ онъ Богъ знаетъ какимъ охотникомъ и до кофе... Такъ что же дѣлалъ онъ всю ночь въ кофейнѣ?—спросите вы.

Несчастье, да и все! Еслибы онъ пилъ, все бы еще ничего! Но... увидите потомъ!

Поль-жизни отняло это у моей матери. Плачетъ иной разъ, ну, просто, духъ вонь! А никому не пожалуется.

Однажды пришелъ онъ поздно домой... Ничего!.. На другой день—ничего!.. Какъ вдругъ, батенька, замѣтила моя мать, что у него нѣтъ часовъ! Испугалась женщина, спрашиваетъ его:

— А гдѣ, Дмитрій, твои часы?

Онъ нахмурился, смотритъ въ сторону и говоритъ:

— Послалъ въ Бѣлградъ для починки.

— Да вѣдь часы хорошо шли, Дмитрій.

— Не слѣзь же я, да и не дуракъ; вѣрно, знаю, когда часы идутъ хорошо, а когда—нѣтъ!

Нечего дѣлать, замолчала моя мать.

Горюетъ только послѣ съ моей сестрой: „охъ, бѣда намъ! Отдасть все, что имѣетъ, и придется подѣ старость чужое бѣлье стирать!“

Однажды—было ли десять часовъ, или нѣтъ, — анъ вотъ и онъ изъ кофейни. Заломилъ на бекрень астраханскую мѣховую шапку, на груди золотая цѣпочка съ палецъ толщиною, за поясомъ пистолетъ съ серебряной отдѣлкой, украшенный золотомъ и драгоценными камнями. Входитъ онъ, и какъ будто возлѣ лѣваго глаза кожа собралась. Что-то хорошо расположень.

Какъ вошелъ, вынулъ часы изъ-за пояса, будто нужно посмотреть, который часъ.

— Развѣ вернулъ?—спохватилась она:—развѣ уже поправлены часы?

— Поправлены!—говоритъ онъ.

— А что это у тебя за цѣпочка?

— Цѣпочка какъ и всякая цѣпочка, — отвѣчаетъ онъ, но какъ-то мягко, не то чтобы огрызаясь.

— Знаю, — говоритъ моя мать, — да откуда она у тебя?

— Купилъ!

— А эта мѣховая шапка? вѣдь такая есть только у Мити-казначея.

— Купилъ и ее.

— Продалъ тебѣ?

— Продалъ!

— А какой...

Но тутъ мой отецъ какъ-то искося посмотрѣлъ на мою мать, она и умолкла.

Онъ сталъ раздѣваться, а я все смотрю изъ-подъ одеяла. Вынулъ онъ изъ-за пояса цѣлый свертокъ, величиной съ кулакъ, и бросилъ на столъ, такъ что звякнуло: все, братъ, червонцы!

— На, говорить, спрячь это!—А самъ вышелъ въ кухню.

Моя мать взяла этотъ свертокъ какъ-то двумя пальцами, словно поднимаетъ грязную дѣтскую пеленку.

— А чтó мнѣ дѣлать—говорить сестрѣ—съ этими деньгами? Онѣ прокляты!.. Онѣ дьявольскія!.. Ихъ и унесетъ чортъ, какъ и принесъ!..

Какъ видите, нѣтъ тутъ ни счастья, ни жизни!

И такъ, моя мать была несчастна, и мы, за-одно съ нею, были несчастны...

Прежде былъ онъ—разсказывала мнѣ мать—совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Да и я помню, словно черезъ сонъ, какъ часто держалъ онъ меня на колѣняхъ, когда я еще былъ совсѣмъ маленькимъ; дѣлалъ мнѣ дудки изъ лозы и возилъ съ собою въ телѣгѣ на лугъ. Но, говорить мать, съ тѣхъ поръ, какъ подружился съ Митей-казначеемъ, съ Христофоромъ изъ Маковиной улицы, съ аптекаремъ Альбрехтомъ и съ другими еще какими-то, все перевернулось и пошло—одинъ Богъ знаетъ какъ.

Ворчить. Не терпитъ никакихъ разспросовъ; сейчасъ оборветъ сердито: „знай свое дѣло!“ или: „развѣ у тебя нѣтъ другихъ заботъ?“

Чтó и говорить, и самъ онъ видѣлъ, что скверно поступаетъ, да ужъ какъ забралъ его онъ въ свои лапы, такъ и не пускаетъ.

Но все же, смѣшно сказать, все же онъ вѣдь былъ добрымъ человѣкомъ. Да, клянусь Богомъ! Да ужъ такъ видно...

Однажды вернулся онъ, не знаю въ какую пору, домой, не одинъ. Удивляется моя мать. Пропелъ онъ еще съ вѣмъ-то мимо дверей, говорятъ что-то потихоньку. Прошли во дворъ. Слышимъ мы, спустя немного, конскій топотъ и ржаніе. Не догадываюсь я, чтó бы это значило.

Когда онъ потомъ вошелъ въ комнату, я сталъ храпѣть, и

сестра моя притворилась, будто спитъ. Поздоровался, да и замолчалъ. Молчить онъ, молчить мать, я жду.

Первая начала моя мать; говорить совсѣмъ упавшимъ голосомъ:

— Увели вороного!

— Увели,—говорить онъ.

Опять замолчали, только мать все сморкается; я такъ и чувствую, что она плачетъ.

— Дмитрій, ради Бога, ради нашихъ дѣтей, перестань вести дружбу съ сатаню! Кто съ нимъ знается—теряетъ и эту, и будущую жизнь. Вонъ тебѣ картежникъ Иванъ, посмотри на него! Такой хозяинъ, а теперь дошелъ до того, что провѣтривалъ чужіе чернильные орѣшки и для жидовъ скупаеъ кожи по деревнямъ. Неужели тебѣ не жаль, если я буду вынуждена под старость ждать отъ другого корки хлѣба и если наши дѣтки будутъ служить чужимъ...—И стала рыдать.

Тутъ отецъ и набросился:

— И съ чего ты стала заклинять меня дѣтьми и плакать надо мною живымъ? И что нюни распустила изъ-за какой-то клячи? Не она меня нажила, а я ее! Завтра, если хочешь, десять купию!

Моя мать плачетъ еще сильнѣе:

— Знаю, Дмитрій,—говоритъ она ласково такъ,—да вѣдь враги все унесутъ. Оставь, именемъ нашихъ дѣтей умоляю, оставь эти проклятыя карты! Самъ знаешь, что работая, не разгибая спины, до кроваваго пота, мы приобрѣли этотъ уголокъ, и развѣ теперь какимъ-нибудь живодерамъ слѣдуетъ выгнать меня изъ моего же дома?...

— А кто тебя гонить?

— Не гонить меня никто, но выгонять, если и дальше будешь такъ поступать. Вѣдь это занятіе—Богомъ проклятое.

— Ужъ сто разъ я тебѣ говорилъ, чтобъ не смѣла мнѣ проповѣди читать и нюнить безъ нужды! Не лишился же я разсудка, чтобы мнѣ нужна была жена-опекунъ!

Молчить она, благородная душа. Сдерживаетъ рыданія. Ни слезинки нѣтъ больше. Онѣ текутъ въ груди и камнемъ ложатся на сердце.

День за днемъ, а онъ все по старому. Приносилъ часто цѣлыя свертки денегъ, и терять тоже. Приходилъ часто безъ перстня, безъ часовъ, безъ золотого силая. Иной разъ приносилъ и по двое, по трое часовъ, по нѣскольку колець. Разъ принесъ сапоги и длинную безрукавку; въ другой — сѣдло; потомъ—дю-

жину серебряныхъ ложекъ, а однажды—цѣлый боченокъ устриць и много всякой всячины. Однажды вечеромъ привелъ и вороного, того самаго, нашего.

На другой день купилъ ему новую сбрую: висять ремни ниже колѣнъ, а кисточки бьютъ его по головѣ. Запрягъ его въ повозку, стулъ поставилъ у дверей лавки, чтобъ никто не входилъ, да чрезъ городъ—рррр!—думаешь—мостовую разнесетъ.

Мы уже было и свыелись, только мать плакала и безпокоилась. Да и какъ же, батенька, не тревожиться ей? Торговля стала. Слуги одинъ за другимъ отпускаются. Все идетъ какъ въ проклятомъ домѣ, а денегъ бросается тьма.

Стали эти его пріатели приходять и къ намъ на домъ. Затворятся они въ большой комнатѣ, зажгутъ нѣсколько свѣчей; звенять червонцы, шелестять карты, дымить табакъ, а нашъ слуга, Стоянь, то-и-дѣло что готовить имъ кофе (а на завтрашній день покажетъ нѣсколько червонцевъ, полученныхъ „на водку“). А наша мать сидитъ съ нами въ другой комнатѣ; глаза у нея красны, лицо блѣдно, руки горять, и все повторяетъ: „Боже, будь Ты нашимъ защитникомъ!“

И такъ онъ совсѣмъ отбился отъ дома. Все молчить. Матери никогда не смотреть въ глаза. Насъ, дѣтей, не ласкаетъ, ни сердитаго слова не скажетъ, ни привѣтливаго. Все бѣжить отъ дома. Лишь денегъ намъ даетъ сколько угодно. Бывало, попросишь у него лишь на покупку грифеля, а онъ дастъ цѣлую плету ¹⁾. Для стола покупалъ все, что было лучшаго въ городѣ. Одежа на мнѣ лучшая въ цѣлой школѣ. Но все же мнѣ какъ-то тяжело было, смотря на мою мать и сестру: онѣ какъ будто постарѣли, блѣдныя стали, грустныя, серьезныя. Никуда не ходить, развѣ на праздникъ къ кому-нибудь, и то нѣхотя. Да и къ нимъ мало кто приходилъ изъ женщинъ, а все мужчины, да и то лишь тѣ „негодяи“ и „бездѣльники“, какъ ихъ называла мать. Въ лавкѣ почти прекратилась торговля.—Неужели я,—говаривалъ мой отецъ,—стану какому-нибудь лапотнику отвѣшивать индиго на 10 сепи? Вонъ ему жида для этого!“ Мать не смѣетъ больше ни слова промолвить. Разсказывала, однажды онъ ей сказалъ:

— Слышишь ли ты, пойми разъ навсегда, тебѣ сербскимъ языкомъ говорить: если ты мнѣ еще хоть одинъ разъ объ этомъ зайнешься, я себѣ найду квартиру и переселюсь; а ты здѣсь читай наставленія кому угодно! За-пом-ни хо-ро-шо!

¹⁾ Екатеринбургская монета въ 20 к.

Молчить она, бѣдная, словно стѣна. Сжалось сердце, со дня на день таетъ, а все Богу молится: „Боже, не оставь Ты меня!“

Эхъ, да ужъ вѣрно сами предвидите, чтѣ изъ всего этого будетъ!

Пришли они всѣ однажды вечеромъ. Пришелъ съ ними еще нѣкто Петръ Зеленбачъ, какой-то торговецъ свиньями, который будто „съ Пештомъ дѣла имѣетъ“. Усы у него шиломъ торчатъ, волосы съ проборомъ назади, пейсы чуть не до скулъ. Лицо толстое, самъ такой полный; одѣлъ на бокрень какую-то шляпочку. На жилетѣхъ золотая цѣпочка, точь-въ-точь такая, какая у отца прежде была. На пальцѣхъ у него какое-то кольцо блеститъ, батенька, такъ что и взглянуть нельзя. Ходитъ, переваливаясь; говорить басомъ и хрипло, а все усмѣхается своими маленькими, какъ трава зелеными глазами. Такой страхъ тебя заберетъ, точно волка увидѣлъ.

Пришли они, говорю. Стоянь сейчасъ къ огню, кофе готовить!

Зажгли четыре свѣчи. Дымъ отъ табаку валитъ словно изъ трубы. Пьютъ кофе, молчатъ какъ турки, только карты шелестятъ, да слышно, какъ звенятъ червонцы.

Это была страшная ночь!

Мы съ матерью затворились въ другой комнатѣ. Она уже не плачетъ больше. И сестра тоже. Лица изнуренныя, глаза впалыя, смотреть какъ-то страшно испуганно. Въ сравненіи съ этимъ смерть дяди—ничто!

Нѣсколько разъ входилъ въ нашу комнату отецъ. Онъ весь былъ въ поту. Распахнулъ джемаданъ, разстегнулъ рубашку, на груди видны у него густые черные волосы. Наморщился, словно турокъ.

— Дай еще!—говоритъ моей матери.

Сжалось у нея сердце. Молчить какъ камень, открываетъ сундукъ и горстью сыплетъ ему, а онъ завязываетъ въ платокъ.

Смотритъ онъ разъяренно и въ сторону. Ногами перебираетъ точь-въ-точь какъ я, когда меня товарищи ожидаютъ на дворѣ, а я стою и жду, пока сестра рѣжетъ хлѣбъ для меня. Беретъ деньги, голову отворачивая въ другую сторону, а уходя, прошепчетъ, словно про себя: „только эти еще!“ и просто убѣгаетъ изъ комнаты.

Но „еще это“... „Еще это“... Вошелъ онъ, кажется, пятый разъ въ нашу комнату, такъ около трехъ часовъ по полуночи.

— Дай!—говоритъ моей матери, а у самого лицо совсѣмъ земляное.

Мать подходит къ сундуку, ноги совсѣмъ подкашиваются у нея и сама еле держится.

Въ тотъ разъ я видѣлъ изъ-подъ одѣяла, какъ мой отецъ, таковой большой, пошатнулся и ухватился за печь.

— Скорѣй!—говорить матери, а самъ ногами перебираетъ и рукавомъ утираетъ потъ.

Мать ему протягиваетъ.

— Дай все!—говорить онъ.

— Последнихъ десять червонцевъ, — отвѣчаетъ она. Но это ужъ не былъ ни голосъ, ни шопотъ, а что-то похожее на предсмертное хрипѣніе.

Онъ забралъ эти деньги и буквально выбѣжалъ изъ комнаты.

Моя мать упала у сундука, потерявъ сознание. Сестра вскрикнула. Я вскочилъ съ постели; вскочилъ и Гриша. Съли мы на полу возлѣ нея; цѣловали ея руки: „мама, мама!“

Она положила руку на мою голову и что-то шептала. Потомъ вскочила, зажгла восковую свѣчу и затеплила лампаду передъ св. Георгіемъ.

— Подите, дѣти, молитесь Богу, чтобъ Онъ васъ избавилъ отъ напасти!—говорить она. Голосъ ея звенитъ какъ колокольчикъ, а глаза свѣтятся, какъ вечерняя звѣздочка на небѣ.

Мы всѣ бросились къ иконѣ, стали на колѣни, а Гриша передъ матерью, повернулся лицомъ къ ней, крестится и читаетъ, бѣдный, вслухъ ту половину „Отче нашъ“, которую ужъ выучилъ. Потомъ опять крестится и цѣлуетъ руку матери, и опять смотреть на нее. Изъ ея очей текутъ ручьи слезъ. Глаза ея были обращены на святого и на небо. Тамъ вверху было что-то, что она видѣла; тамъ ея Богъ, на котораго она смотрѣла и который смотрѣлъ на нее. И тогда по ея лицу разлилось какое-то блаженство, какой-то свѣтъ, и мнѣ показалось, что Богъ погладилъ ее рукой, и что святой усмѣхнулся, и что змій подъ его копьемъ раскрылъ ротъ. Но послѣ у меня потемнѣло въ глазахъ, и я палъ ничкомъ на край ея платья и на ея лѣвую руку, которой она придерживала меня, и я молился, сотый разъ повторяя: „Боже, Ты видишь мою маму! Боже, молю Тебя за папу!“ и потомъ, не зная къ чему: „Боже, убей того Зеленбача!“

Долго мы такъ молились.

Потомъ моя мать встала, поднялась на стулъ и поцѣловала св. Георгія. То же самое сдѣлала и моя сестра, а послѣ приподняла и меня, и Гришу, и мы тоже цѣловали. Потомъ моя мать взяла пучокъ сухой базилики, который стоялъ за иконою, и бу-

тылку съ богоявленской водой, висѣвшую подъ иконой, омочила въ этой водѣ цѣвты и, шепча что-то, окропила ими комнату. Потомъ потихоньку отворила дверь, на цыпочкахъ подошла къ большой комнатѣ и окропила двери ея.

Ахъ, какъ мнѣ было тогда легко! какое блаженство чувствовать я тогда, словно гора съ плечъ! Отчего теперь я не могу чувствовать ничего подобнаго?!

Едва мать окропила дверь большой комнаты, какъ внутри поднялся шумъ. Ничего нельзя было разобрать, только слышно было, какъ Зеленбачъ крикнулъ во все горло:

— А кто можетъ меня заставить играть дольше? Кто?

Потомъ опять неясный шумъ и ссора. Потомъ мы слышали скрипъ отворившейся двери, ворчанье и шаги.

Но отецъ не вошелъ въ комнату. Напрасно мы ждали. И день начался, я и Гриша заснули, а его еще не было.

Когда я проснулся, солнце уже стояло высоко. Я чувствовалъ себя страшно усталымъ и разбитымъ, но снова закрыть глаза я не могъ—и я всталъ.

Все смотрѣло какъ-то торжественно и печально. На дворѣ тихо; яркій лучъ пронираетъ черезъ открытое окно, а передъ иконой еще дрожитъ пламя въ лампадкѣ. Моя мать и сестра блѣдны какъ полотно, глаза у нихъ влажные, лица словно восковыя; ломаютъ руки, ходятъ на цыпочкахъ, ничего не говорятъ, а только шепчутъ какія-то молитвы. Завтрака намъ не принесли, не спрашиваютъ, голодны ли мы, не посылаетъ меня мать въ школу.

— Чтò это такое?—спрашивалъ я самъ себя. Или мертвецъ лежитъ въ домѣ, или мой покойный дядя вернулся и теперь его будутъ сызнова хоронить?

Я просто онѣмѣлъ, когда вспомнилъ, чтò было ночью, и совершенно механически прошепталъ: „Боже, спаси папу!“ И опять: „Боже, убей же того Зеленбача!“

Ничего не думая, я одѣлся и вышелъ изъ комнаты. Совсѣмъ невольно я направился къ дверямъ большой комнаты, но сейчасъ же остановился, такъ какъ почувствовалъ, что мать схватила меня за руку.

Я обернулся, но она не сказала ни слова, а лишь приложила палецъ къ губамъ, потомъ довела меня до выходныхъ дверей и оставила. Она вернулась назадъ въ комнату, а я стоялъ въ дверяхъ. Смотрю ей вслѣдъ, а самъ не знаю, чтò и думать.

Потомъ я подкрался на цыпочкахъ въ большой комнатѣ и заглянулъ въ замочную скважину.

Смотрю.

Посреди комнаты стоитъ столъ. Возлѣ него разбросаны стулья, два или три изъ нихъ опрокинуты. На полу валяются тысячи картъ, растоптанныя и нерастоптанныя папиросы, одна разбитая чашечка для кофе, а изъ-подъ одной карты виднѣтъ червонецъ. Скатерть со стола станута почти до половины. На столѣ разбросаны карты, чашки перевернуты, все полно крошекъ и пепла отъ табаку. Стоитъ еще нѣсколько пустыхъ тарелокъ, на одной изъ нихъ вытрясенъ табакъ изъ трубки. Четыре пустыхъ подсвѣчника; въ одномъ догораетъ толстая бумага, которой была обмотана свѣча, и черный дымъ тихо поднимается, доходя до потолка.

На стулѣ за столомъ, спиной къ дверямъ, сидитъ мой отецъ. Обѣ руки съ локтями положилъ на столъ, а на руки наслонился лбомъ и не двигается.

Смотрѣлъ я довольно долго, а онъ хоть бы пошевелинулся. Только видѣлъ я, какъ его бока поднимаются и опускаются. Что-то странное и мрачное приходило мнѣ въ голову. Казалось мнѣ, напримѣръ, — а не знаю, право, съ чего! — что онъ мертвъ, и я самъ удивлялся, какъ это мертвецъ можетъ дышать. Потомъ мнѣ казалось, что та сильная рука словно сдѣлана изъ мягкой бумаги, и что онъ не можетъ больше ею ударить, — и много всякой всячины.

Богъ знаетъ, до какихъ бы поръ я такъ подсматривалъ, если бы опять не дотронулась до меня рука матери. Ничего мнѣ не сказавъ, мать своими добрыми глазами показала мнѣ на дверь.

Я не знаю съ чего — вдругъ скинулъ шапку, поцѣловалъ ея руку и вышелъ на дворъ.

Въ этотъ день была суббота.

Когда я вышелъ на улицу, народъ шелъ, какъ и всегда, — всякій занятъ своимъ дѣломъ. Масса крестьянъ привезла всякой всячины на базаръ. Торговцы заглядываютъ въ мѣшки, оцупываютъ ягнятъ. Новакъ, полицейскій, кричитъ и назначаетъ, гдѣ кому поставить телѣгу. Дѣти воруютъ черешни; писарь Срета ходитъ съ барабанщикомъ по городу и читаетъ распоряженіе о томъ, что запрещается пускать свиней по улицамъ. Тришка вынулъ изъ печи жареную ягнятину и зазываетъ народъ: „пожалуйте, горячая!“ а пьяный Осипъ топчется въ лужѣ.

— А почему ваша лавка затворена? — спрашиваетъ меня Игнатъ, портной, проходя мимо.

— Такъ! — отвѣчаю я.

— Не боленъ ли Дмитрій?

— Нѣтъ! — говорю.

— Ушелъ вѣрно куда-нибудь?

— Въ деревню! — отвѣчаю я и бѣгу во дворъ.

Сейчасъ вслѣдъ за этимъ пришли оба мои такъ-называемые „девери“, т.-е. мои друзья, которыхъ послалъ учитель, чтобы узнать, почему я не пришелъ въ школу.

Тутъ только я вспомнилъ, что слѣдовало идти въ школу. Взялъ я книги, кусокъ хлѣба, да и смотрю то на мать, то на товарищей.

— Скажите, дѣти, г-ну учителю, что Миша не могъ придти раньше, занятъ былъ.

Что было у насъ дома, пока я былъ въ школѣ — не знаю... То-есть, знаю, потому что, вернувшись изъ школы, я нашелъ все такъ же, какъ и оставилъ: моя мать и сестра сидятъ, руки ихъ сложены на колѣняхъ; обѣдъ не варится; на цыпочкахъ проходятъ мимо большой комнаты и все вздыхаютъ, — точь-въ-точь какъ тогда, когда умеръ мой дядя! Гриша во дворѣ привязывалъ къ хвосту кошки обломокъ старой бляхи и забавлялся этимъ. Подмастерья шьютъ куртки въ своемъ отдѣленіи, а Стоянгъ завалился въ сѣно, да и храпитъ, словно теперь только полночь.

Мой отецъ все такъ же сидитъ, не двигается. Тюрче потянулось на его широкой спинѣ, а возлѣ пояса раздвигается отъ глубокаго дыханія.

Давно уже отзвонили къ вечернѣ. День клонится къ концу, а въ нашей душѣ все тотъ же мракъ, нигдѣ и края не видно, а облака скопляются все гуще и гуще!

Становится все несноснѣе, все страшнѣе и отчаяннѣе... Боже, Ты одинъ можешь исправить все къ лучшему!..

Я сидѣлъ на порогѣ передъ домомъ. Въ рукахъ у меня былъ какой-то учебникъ, но я его не читалъ. Видѣлъ я у окна блѣдное лицо моей матери, опущенное на ея худощавую руку. Въ ушахъ у меня звенѣло. Я совсѣмъ не могъ думать.

Вдругъ ручка двери стукнула. Моей матери не стало у окна. Я просто онемѣлъ.

Двери большой комнаты отворились. На порогѣ стоялъ онъ, мой отецъ.

Боже, неужели это мой отецъ?

Феску онъ немного засунулъ назадъ, волосы выбились изъ-подъ нея, падаютъ на его высокое чело. Усы опустились, лицо потемнѣло, постарѣло. Но глаза, глаза! Ровно ничего похожего

на тѣ прежніе! Они какъ-то потускнѣли, ввалились глубже, наполовину прикрыты рѣсницами, передвигаются медленно, глядят неподвижно и бессмысленно, ничего не ищутъ, ни о чемъ не думаютъ. Какъ-то пусто въ нихъ, словно въ подзорной трубѣ съ выбитыми стеклами. На лицѣ какая-то печальная, но ласковая усмѣшка,—никогда этого прежде не было! Такъ смотрѣлъ мой дядя, когда передъ смертью просилъ, чтобы его причастили.

Медленно онъ прошелъ черезъ переднюю, отворилъ дверь нашей комнаты, просунулъ внутрь только голову и, не связавши ничего, сейчасъ же подался назадъ, затворилъ дверь, вышелъ на улицу и медленно направился къ дому кума Ильи.

Разсказывалъ мнѣ послѣ Оома, сынъ кума Ильи, что мой отецъ затворился съ его отцомъ въ комнатѣ, что долго и потихоньку о чемъ-то разговаривали, что имъ потомъ принесли бумагу и чернила, что что-то писали они, прикладывали печати, и такъ далѣе. Но чтò такое было, неизвѣстно, да и никто никогда не узнаеть.

Около девяти съ половиной часовъ, мы всѣ лежали въ постели, только мать еще сидѣла со сложенными на колѣняхъ руками и бессмысленнымъ взглядомъ смотрѣла въ свѣчу. Вдругъ выходная дверь скрипнула. Мать моментально загасила свѣчу и сама легла въ постель.

У меня такъ билось сердце, словно кто молоткомъ стучалъ въ грудь.

Дверь отворилась, и вошелъ мой отецъ. Повернулся разъ, другой по комнатѣ, потомъ, не зажигая свѣчи, раздѣлся и легъ. Долго я еще слышалъ, какъ онъ поворачивался въ постели, да, наконецъ, уснулъ я самъ.

Не знаю, сколько времени я проспалъ, какъ вдругъ почувствовалъ что-то мокрое на лбу. Открываю глаза и смотрю: полная луна освѣщаетъ комнату, и ея блѣдный лучъ падаетъ какъ разъ на лицо моей матери. Глаза у нея закрыты, лицо словно у тяжелого больного, а грудь тяжело и неровно поднимается.

Надъ нею стоитъ отецъ. Вперилъ взглядъ въ нее и не двигается:

Немного спустя, онъ подошелъ къ нашей постели. Смотрить на насъ, смотреть на мою сестру. Снова сталъ посреди комнаты, снова поглядѣлъ вокругъ и прошепталъ:

— Спать!—Но вздрогнулъ отъ своего же шопота и словно окаменѣлъ посреди комнаты. Долго онъ такъ стоялъ, не двигаясь, только иной разъ замѣтно было, какъ блеснуть его глаза, смотря то на насъ, то на мать.

Но ни одинъ изъ насъ и глазомъ не моргнулъ.

Потомъ онъ подошелъ на цыпочкахъ къ стѣнѣ, не сводя съ насъ глазъ, осторожно снялъ тотъ пистолеть, оправленный въ серебро, сунулъ его подъ куртку, надвинулъ феску на глаза и поспѣшно, ступая цѣлой ногой, вышелъ вонъ.

Но едва только затворилась за нимъ дверь, какъ моя мать поднялась съ постели; за нею поднялась и сестра. Словно духи какіе!

Мать быстро, но осторожно встала и пошла къ дверямъ, а за нею и сестра.

— Останься съ дѣтьми!—прошептала ей мать и вышла на дворъ.

Я тоже вскочилъ и пошелъ къ дверямъ. Сестра меня схватила за руку, но я высвободился и сказалъ ей:

— Останься съ дѣтьми!

Вышедши на дворъ, я добѣжалъ до забора и, идя вдоль его въ тѣни вишневыхъ деревьевъ, я добрался до колодца и присѣлъ за нимъ.

Ночь была чудесная. Небо сіяетъ, луна блеститъ, воздухъ свѣжъ, не колыхнется ничто. Я видѣлъ, какъ отецъ заглянулъ въ окно той комнаты, гдѣ помѣщается прислуга, и опять пошелъ дальше. Наконецъ, остановился подъ навѣсомъ амбара и вынулъ пистолеть.

Но въ тотъ же моментъ, не знаю откуда, возлѣ него вдругъ появилась моя мать.

Обомлѣлъ человѣкъ; уставился на нее, разиня ротъ.

— Дмитрій, другъ мой, государь мой! что это ты задумалъ?

Отецъ задрожалъ. Стоитъ какъ столбъ, бессмысленнымъ взглядомъ смотритъ на мою мать, а голосъ у него словно разбитый колоколь.

— Иди, Марья, оставь меня... Я пропасть!

— Какъ пропасть, государь мой? Богъ съ тобой! что это ты говоришь?

— Все отдалъ!—сказалъ онъ и руки разставилъ.

— Ну и пусть, вѣдь ты же, другъ мой, и приобрѣлъ!

Отецъ отступилъ на одинъ шагъ и уставился на мою мать.

— Да вѣдь все!—говоритъ онъ:—все, все!

— Ну, и пускай!—отвѣтила мать.

— И коня!—сказалъ онъ.

— Клячу!—говоритъ моя мать.

— И лугъ!

— Богъ съ нимъ!

Онъ приблизился къ матери, смотритъ ей въ глаза, словно насквозь прожечь хочеть. А она какъ святая.

— И домъ!—говоритъ онъ, паяя глаза.

— Пускай себѣ!—говоритъ моя мать: — лишь бы ты былъ живъ и здоровъ!

— Марья!

— Дмитрій!

— Чтò ты говоришь, Марья?

— Говорю: пусть Богъ сохранить тебя и нашихъ дѣтокъ. Не домъ и не лугъ кормилъ насъ, а ты, кормилецъ нашъ! Никто изъ насъ не будетъ голодень, пока ты съ нами.

Мой отецъ, словно въ забытьѣ, оперся локтемъ на плечо матери.

— Марья!—началь онъ:—неужели ты?...—Подступавшія въ горлу слезы не дали ему говорить, и онъ, прикрывъ глаза рукавомъ, замолчалъ.

Мать взяла его за руку.

— Когда мы вѣнчались, у насъ не было ничего, кромѣ того одѣяла, одной миски и двухъ-трехъ корытъ, а теперь, слава Богу, полонъ домъ!

Я вижу, какъ изъ-подъ отцовскаго рукава упала капля и блеснула при лунѣ.

— А развѣ ты забылъ чердакъ, полный чернильныхъ орѣшковъ?

— Да, да!—говоритъ отецъ голосомъ мягкимъ, какъ шолкъ, и, вытеревъ рукавомъ глаза, спустилъ руку.

— А моя низка дукатовъ? Къ чему даромъ лежать эти деньги? Возьми ихъ для торговли!

— Мы употребимъ ихъ на житье!

— Да развѣ ужъ мы такіе старики? Здоровы мы, слава Богу, да и дѣтки наши здоровы. Будемъ Богу молиться и работать.

— Какъ честные люди!

— Да и ты не мямля какой-нибудь, какъ бываютъ иные. Однѣхъ твоихъ рукъ я не отдамъ за весь капиталъ Параносова, хотя бы онъ былъ и вдвое больше!

— И мы опять пріобрѣтемъ домъ!

— Выведемъ на дорогу нашихъ дѣтокъ,—говоритъ мать.

— И не будутъ они проклипать меня, когда умру... Какъ давно я ихъ не видалъ!

— Поди, посмотри на нихъ!—сказала мать и повела его за руку, какъ ребенка.

А я въ три прыжка—и уже въ комнатѣ. Только успѣлъ шепнуть сестрѣ:—Полѣзай!—и натянулъ одѣяло на голову.

Едва они оба переступили порогъ комнаты, въ церкви ударили въ колоколъ къ заутренѣ. Громко раздался этотъ звонъ среди ночной тишины и потрясъ душу...

— Встань, сынъ дорогой, — сказала мнѣ мать, — пойдемъ къ заутренѣ!..

Когда въ прошломъ году я отправился въ Бѣлградъ за товаромъ, видѣлъ я въ Топчидерѣ Петра Зеленбача въ арестантскомъ платьѣ:—щебенку бьетъ на шоссе!

Н. Г.

ЛУДВИГЪ ГОЛЬБЕРГЪ

ГЕОРГА БРАНДЕСА.

Съ датскаго *).

I.

Въ новѣйшее время много было говорено и писано противъ культа гения. Доказывали, что критика, подвергая гения своему анализу и въ каждомъ твореніи отыскивая другихъ еще творцовъ, кромѣ автора, освобождаетъ насъ отъ бремени благодарности гению. Гения стали считать простымъ продуктомъ вѣка и выраженіемъ націи. Вліяніе великихъ людей стало казаться преувеличеннымъ. И безъ нихъ все такъ же было бы достигнуто,—лишь медленнѣе.

Иногда къ такимъ разсужденіямъ присоединяется убѣжденіе, особенно среди заступниковъ и приверженцевъ демократіи, что человѣчество вовсе не нуждается въ руководительныхъ умахъ, что ему даже лучше безъ нихъ; другими словами—начали вѣрить въ то, что гения можетъ замѣнить сумма многихъ, ничѣмъ не выдающихся способностей, многихъ развитыхъ посредственностей.

Это стремленіе въ полному остракизму гения, внушаемое изученіемъ прикладныхъ наукъ и вскормленное, кромѣ того, простодушной или тонкой завистью, исходило изъ ошибочной основной точки зрѣнія.

*) Комедіи Гольберга вышли въ этомъ году новымъ изданіемъ въ нѣмецкомъ переводѣ подъ заглавіемъ: „Dänische Schaubühne. Die vorzüglichsten Komödien des Freiherrn Ludvig von Holberg. 2 Bände. Berlin 1888“. Характеристикъ этого извѣстнаго на Западѣ датскаго писателя, но весьма мало знакомаго у насъ, посвящаетъ настоящую статью г. Г. Брандесъ. *Перев.*

Взглядъ на литературу и искусство, по которому идеи и мнѣнія исходятъ, какъ изъ послѣдней инстанціи, изъ массы, изъ толпы, — взглядъ, выраженный французскимъ писателемъ Тэнномъ, выдающимся аристократомъ въ политическомъ отношеніи, но въ этомъ однако случаѣ поразительнымъ демократомъ, — взглядъ этотъ коренится въ господствовавшемъ слишкомъ долго обманѣ чувствъ. Идея, художественная форма, преобразовательная мысль — никогда не зарождаются въ толгѣ. Даже средневѣковыя народныя пѣсни не выходили изъ „народа“. Идеи зарождаются въ отдѣльномъ чело-вѣкѣ, который успѣетъ возвыситься надъ толпой и притянетъ ее къ себѣ. Онъ постепенно создаетъ себѣ кружокъ среди тѣхъ, чьи дарованія, хотя и въ меньшей степени, подходятъ къ его дарованію. Инициатива, однако, всегда принадлежитъ великой личности, и никогда — народу или публикѣ.

Условія жизни древнихъ народовъ, которыя вообще до сихъ поръ изучались образованными людьми Европы прежде современныхъ — главнымъ образомъ вводятъ въ заблужденіе мысль и въ наши дни. Въ древности, когда средства общенія между людьми были мало развиты и когда каждый народъ жилъ особнякомъ, — происхождение и окружающая среда, данная родиной, значили почти все. Въ новѣйшее время это не такъ. Древняя литература, какъ греческая, напримѣръ, исключительно опредѣляется характеромъ народа, среди котораго она возникла, по той простой причинѣ, что авторы ея не имѣли соприкосновенія съ другой націей. Вотъ почему литература Греціи есть сжатое выраженіе всей культуры, созданной нѣкоторыми ея представителями. Въ новѣйшее время литература — и это общее правило — лишь настолько выражаетъ собою характеръ и свойства націи, насколько эта послѣдняя сумѣла пользоваться ею или усвоить ее себѣ. Но нельзя никакимъ образомъ быть увѣреннымъ, что великій и только впоследствіи всѣми признанный авторъ былъ въ свое время выразителемъ свойствъ своего народа. Иногда величіе его сказывается всего сильнѣе въ томъ, что онъ перерабатываетъ свойства націи по образцу своихъ твореній, исподоволь завоевывая поклоненіе себѣ, и безчисленными путями вліяя на умы.

Гольбергъ — самый поразительный примѣръ этого рода. Онъ не былъ выраженіемъ національной культуры; когда онъ пробудился, какъ духовная личность, культура эта была чрезвычайно ограничена, ей было еще далеко до европейской культуры того времени; она не могла удовлетворить жажду пытливаго ума. Онъ чуждался всѣхъ формъ, въ которыхъ она проявлялась, онъ не понималъ ея, онъ пренебрегалъ ею въ

ея наивныхъ образахъ народныхъ пѣсенъ и народныхъ книгъ; онъ даже ненавидѣлъ ее, когда она выражалась въ претенціозной формѣ педантизма и ученой схоластики.

Какъ же образовался онъ самъ?

Подобно тому, какъ и нынѣ образовывается не одинъ свободный и выдающійся умъ,—посредствомъ общенія съ другими свободными и выдающимися умами, разсѣянными по Европѣ; подобно тѣмъ, которые онъ находилъ въ книгахъ, и вліяніе которыхъ онъ испыталъ на себѣ среди атмосферы чужихъ странъ. Ученое развитіе его—универсально; оно возникло на почвѣ цѣлой массы человѣческихъ расъ и народовъ; но художественное образованіе его было, скорѣе всего, романскаго характера. И что заслуживаетъ особеннаго вниманія: направленіе его ума—чисто классическое, хотя классицизмъ фактически идетъ въ разрѣзъ какъ съ обще-германскими расовыми чертами характера скандинавовъ, такъ и съ чисто сѣверными особенностями народа.

Вотъ почему при жизни онъ не создалъ школы и остался одинокимъ. И тѣмъ не менѣе теперь самое популярное имя въ литературахъ Даніи и Норвегіи — имя Гольберга, имя всѣми признаннаго „учителя“. Въ теченіе полутора вѣка онъ постепенно завоевалъ всѣ классы общества этихъ двухъ народовъ. Національныя особенности датчанъ и норвежцевъ до извѣстной степени сформировались по его характеру.

Самъ онъ былъ созданъ совершенно иначе, чѣмъ прочіе современные ему жители Сѣвера. Подобныхъ ему не было, и онъ не напоминалъ никого изъ бывшихъ раньше него писателей въ этихъ странахъ. Значеніе его большею частью и зависѣло именно отъ этого.

Одна большая опасность постоянно грозитъ современному обществу, одна духовная болѣзнь, распространяющаяся все болѣе и болѣе: эта опасность состоитъ въ томъ, что всѣ понемногу дѣлаются одинаковыми, что внутри круга, образуемаго страной или сословіемъ, всѣ понимаютъ другъ друга, но никого другого, кромѣ своихъ, а потому постепенно всѣ становятся обыкновенными, дюжинными людьми, съ общими всѣмъ представленіями и предрасудками, съ общими пороками и добродѣтелями,—мелкими пороками, маленькими добродѣтелями,—и вездѣ царитъ громадная общая посредственность.

Къ великимъ благодѣтелямъ челоѣчества принадлежатъ тѣ, которые успѣваютъ остановить теченіе, бурно несущее насъ въ пани дни ко всему обычному и нивеллирующему. Незадолго до Гольберга, англичанинъ Молесвортъ заклеилъ Данію словами: „никогда я не знавалъ страны, гдѣ весь духъ населенія

былъ бы настолько однороденъ: рѣшительно, нѣтъ ни одного выдающагося человѣка“.

Гольбергъ — это громадный камень, брошенный счастливо судьбою Даніи въ средину стоячей воды и всколыхавшій ее. Онъ описалъ намъ свое время безъ прикрасъ, со всѣми его глупостями и слабостями, съ его сужденіями и предрасудками, вдоль и поперекъ, опредѣлилъ его посредственность въ сильныхъ чертахъ, смѣло и рельефно. Самъ же онъ настолько отличался отъ всего окружающаго, что пошлая будничная фізіономія казалась ему веселой карриатурой.

Но его цѣль была не только забавлять, — нѣтъ, онъ хотѣлъ исправить націю, какъ моралистъ.

Однимъ словомъ, Гольбергъ — это великій воспитатель Скандинавіи. Онъ стремился сдѣлать изъ ея стаднаго населенія — людей. Онъ преслѣдовалъ свою цѣль, давая народу здоровую пищу, и сатирическій ударъ его бича очищалъ воздухъ отъ суевѣрій, а житейскіе пути — отъ глупыхъ преградъ.

Онъ первый внесъ европейскую культуру въ свою страну. Если ему иногда недоставало пониманія для оцѣнки различныхъ достоинствъ прошлаго своей страны, того прошлаго, съ которымъ онъ разошелся, то онъ, въ то же время, много способствовалъ тому, что страна его могла отнынѣ вступить въ семью прочихъ европейскихъ странъ.

II.

Лудвигъ Гольбергъ родился 4-го декабря 1684 г. въ Бергенѣ, самомъ оживленномъ городѣ Норвегіи и самомъ интернаціональномъ изъ всѣхъ городовъ обоихъ государствъ. Ганзейцы имѣли здѣсь свою контору; нѣмецкая и шотландская кровь примѣшивалась тутъ къ норвежской крови населенія, а голландскіе привычки и нравы, трудолюбіе и простота, служили постояннымъ примѣромъ для подражанія. Бергенъ въ то время былъ однимъ изъ выдающихся торговыхъ городовъ Европы.

Отецъ Лудвига Гольберга, Христіанъ Нильсенъ, принявшій имя Гольберга, вѣжета, отъ одного помѣстья въ Трэнделагенѣ, былъ офицеромъ изъ крестьянъ и дослужился до чина подполковника; это говоритъ о его рѣдкихъ качествахъ и необычайной храбрости въ то время, когда офицерами арміи могли быть лишь дворяне или пришлые, иностранное происхожденіе которыхъ придавало имъ значеніе дворянства. Онъ побывалъ въ молодости

на мальтійской и венеціанской службѣ, и изъ страсти къ путешествіямъ обошелъ всю Италію пѣшкомъ. Гольбергъ, очевидно, отъ отца унаслѣдовалъ свой тревожный духъ и свое фантастическое и воинственное настроеніе. Отъ матери и ея рода онъ унаслѣдовалъ страсть къ литературѣ, остроуміе и веселость.

Лудвигъ Гольбергъ былъ младшимъ изъ двѣнадцати дѣтей. Одного года онъ лишился отца, а одиннадцати лѣтъ—матери. На всемъ его существѣ и произведеніяхъ лежитъ извѣстный отбѣнокъ ранней зрѣлости и одиночества, вслѣдствіе ранняго сиротства.

Это былъ тщедушный мальчикъ, вспыльчивый и ѣдко отвѣчавшій, когда его дразнили. Сперва онъ ходилъ въ нѣмецкую школу, позднѣе—въ латинскую; онъ выучился чистому нѣмецкому языку въ первой, и хорошей латыни—во второй, но тѣмъ не менѣе всегда испытывалъ отвращеніе къ латинскимъ упражненіямъ, которыми ректоръ мучилъ учениковъ.

Поступивъ въ копенгагенскій университетъ въ 1702 году, онъ изъ крайней бѣдности вынужденъ былъ немедленно принять мѣсто домашняго учителя въ пасторатѣ Воссъ, въ Норвегіи. Вернувшись вновь въ Копенгагенъ въ 1703 г., онъ въ теченіе немногихъ лѣтъ выдержалъ философскій и богословскій экзаменъ, но занимался болѣе французскимъ и итальянскимъ языками, чѣмъ метафизикой и богословіемъ; нужда вторично заставила его вернуться въ Норвегію, гдѣ онъ опять сдѣлался домашнимъ учителемъ. Здѣсь случайно попавшійся ему дневникъ его хозяина, который тотъ велъ въ своихъ путешествіяхъ молодымъ человѣкомъ, пробудилъ въ немъ сильную страсть къ путешествіямъ.

Девятнадцати лѣтъ онъ отправляется въ свое первое путешествіе; 21 года—предпринимаетъ второе. Въ теченіе своихъ трехъ путешествій онъ проводитъ за границей, съ небольшими промежутками, пять съ половиною лѣтъ. Средствъ для за-граничныхъ путешествій у него не было,—приходилось пробиваться кое-какъ, странствуя то моремъ, то пѣшкомъ, то распѣвая подъ окнами, то давая уроки музыки (на скрипкѣ) или уроки языковъ. Такимъ образомъ онъ видѣлъ Голландію, Англію, Германію, Францію, Италію, живя чрезвычайно бережливо по необходимости и соблюдая строгую діету изъ разумной заботливости о своемъ нѣжномъ здоровьѣ. Онъ пережилъ массу путевыхъ приключеній, узналъ людей всѣхъ сословій и націй и много работалъ въ большихъ иностранныхъ бібліотекахъ. Онъ изучилъ Бейля и Гроціуса, Пуффендорфа и Томазіуса, стремясь вполнѣ страхнуть съ себя ту пыль, которою сѣверное школьное образованіе и культура копенгагенскаго университета запылили его умъ.

Онъ началъ свою дѣятельность на родинѣ, популяризируя исторію и философію права, велъ свою первую полемику съ знаменитымъ впоследствии юристомъ Андреемъ Гейеромъ (Højer), въ которой рано проявилъ свой сатирическій духъ, и послѣ нѣсколькихъ тяжелыхъ лѣтъ жестокой нужды, заставлявшей его принимать скудное и унижительное вспомошествованіе даже изъ кассы для бѣдныхъ при церкви Св. Троицы, — получилъ случайно освободившуюся при университетѣ каведру метафизики. Онъ сталъ читать науку, которая для него не была наукой, которая своимъ нелѣпнымъ и туманнымъ переливаніемъ изъ пустого въ порожнее была для него предметомъ полнаго презрѣнія и отвращенія, — только потому, что сильно нуждался въ обеспеченномъ положеніи, а это мѣсто какъ разъ было свободнымъ. Нѣтъ сомнѣнія, что такое положеніе метафизика ради куска хлѣба, метафизика противъ воли, ему самому казалось траги-комическимъ. Весь этотъ храмъ науки, членомъ котораго онъ сдѣлался, откуда было изгнано всякое живое знаніе и гдѣ ревностно занимались лишь ортодоксальнымъ богословіемъ и формальной логикой того времени, — возсталъ передъ нимъ въ самомъ смѣшномъ свѣтѣ, а вслѣдъ за тѣмъ такою же представилась ему и вся сущность школь, подготавливающая къ университету, ученые, выходившіе изъ него, адвокаты и судьи, священники, философы и доктора, воссавшіе педантизмъ изъ его пустыхъ грудей.

Въ эту-то эпоху онъ создалъ „Peder Raags“, первое его бичующее слово о Даніи, гдѣ, подъ видомъ пародіи старыхъ эпопей, воспѣвая Петра, странствующаго съ цѣлью увидѣться съ своей Доротеей, онъ вазнитъ духовенство, судопроизводство, военныхъ, филистеровъ и лже-ученыхъ, крестьянъ и рыбаковъ, закрѣпощенныхъ мучителей, грабителей потерпѣвшихъ крушеніе на берегахъ, — всѣ глупости и всѣ злоупотребленія.

Поэма „Peder Raags“, какъ юношеское твореніе, направляетъ всю силу сатиры на старшее поколѣніе, съ его тупой восностью, съ его огрубѣлыми привычками и поблекшимъ знаніемъ, не задѣвая пороковъ и смѣшныхъ сторонъ молодого поколѣнія.

Между 1722 — 24 г. съ поражающей быстротой появляются болѣе двадцати превосходныхъ комедій Гольберга, одна за другой. Какъ будто, вѣзмъ-то задуманное и 23-го сентября 1722 г. состоявшееся, открытіе датской національной сцены подняло шлюзы вышедшему изъ береговъ потоку творчества Гольберга. Отъ 37-ми до 40 лѣтъ онъ жилъ однимъ этимъ творчествомъ, въ непрерывномъ шхорадочномъ состояніи, едва ощущая свое тѣло, но съ постоянно возобновляющимся чувствомъ просвѣтленія въ душѣ. Несмотря

на всѣ непріятности Гольберга съ театромъ, жестоко и безнадежно борющимся съ угрожавшимъ ему банкротствомъ, не взирая на всѣ непріятности, испытываемыя за то, что онъ, профессоръ, занимался такимъ неподобающимъ дѣломъ, какъ писать пьесы для театра; несмотря на униженіе быть вынужденнымъ, какъ членъ совѣта, принимать участіе въ нелѣпыхъ и жестокихъ постановленіяхъ университета противъ бѣдныхъ студентовъ, поступавшихъ на сцену; несмотря на ненависть къ нему дѣйствительно или лишь по предположенію задѣтыхъ въ комедіи лицъ, —этотъ періодъ жизни Гольберга долженъ былъ быть счастливымъ для него; по всему вѣроятію это и былъ самый счастливый ея періодъ.

III.

Не легко составить себѣ представленіе о состояніи души Гольберга въ то время, когда онъ, такъ сказать, послѣ рутинныхъ лицъ старой комедіи сразу создалъ своего живого Генриха по подобію бергенскихъ уличныхъ мальчишекъ, и Пернилу ¹⁾, женщину по сердцу своему, сотворенную имъ какъ бы изъ ребра его, съ тѣмъ, чтобы она была ему помощницей; когда онъ, кромѣ того, надѣлилъ своего „Оловящика“ (Kandestöberen) своимъ честолюбіемъ, а Местерь Герта — своимъ краснорѣчіемъ; создалъ два великія чудовища: фонъ-Тюбо и Меншенъ Экрекъ; описалъ зеландскаго крестьянина въ Йеппе (Jerpe), а ютландскаго въ Студенструпе (Studenstrup), и начерталъ бессмертные силуэты Улиссо и Чильяна. Можно быть только увѣреннымъ, что душа его тогда торжествовала. Почти одновременно преподноситъ онъ копенгагенской публикѣ свои превосходныя, полныя жизни и шума зимнія картины провинціи и столицы въ комедіяхъ: „Рождественская комната“ (Jule Stub) и въ „Маскарадѣ“, — и нѣжныя, веселыя лѣтнія иллюстраціи городовъ и лѣсовъ въ комедіяхъ: „Одиннадцатое іюня“ (Den ellefte juni) и „Путешествіе ручейка“ (Kilde-Reysen). Съ необузданною рѣзвостью отдѣлывая фатовъ важною серьезностью своего школьнаго учителя или кистера, онъ всю глубину своего ума употребляетъ на созданіе вѣчно неизмѣннаго типа Эразма Монтануса и съ убѣжденнымъ чувствомъ собственного достоинства мститъ своимъ врагамъ въ комедіи: „Счастлиое кораблекрушеніе“ (Det lykkelige Skibbrud), этой самозащитѣ и апоѳеозѣ его искусства.

¹⁾ Генрихъ и Пернилла (Henrik и Pernille) — излюбленные типы слугъ у Гольберга.

Еслибы вслѣдъ за этимъ его публично увѣнчали и подняли съ триумфомъ на рукахъ, то и это было бы недостаточной наградой и безсильною благодарностью за все, что онъ подарилъ своимъ соотечественникамъ въ продолженіе этихъ лѣтъ. Но въ жизни Гольберга не было триумфовъ, на которые можно было бы указать, и вѣнки возложили на него впервые, когда онъ лежалъ въ гробу.

Если, по справедливости, Гольберга должно признать величайшимъ изъ датскихъ писателей, то изъ этого не слѣдуетъ, что въ его комедіяхъ скрывался какой-нибудь новый и глубокой взглядъ на жизнь и на смерть. Онъ всегда строго держится въ границахъ своего таланта; онъ никогда не пытается написать серьезную драму, и повсюду, въ характерахъ, жизненныхъ отношеніяхъ и положеніяхъ, усматриваетъ лишь безопасныя, сравнительно безвредныя безразсудства. Что бы онъ ни представлялъ, все у него взято съ веселой стороны. Жизнь въ этихъ комедіяхъ представляется сценой, переполненной шутами, частью симпатичными, добродушными, частью глупыми, гдѣ стоитъ вѣчная суতোлка деревенщины на рынкахъ столицы, гдѣ дураки мучатъ себя и другихъ, гдѣ простаки отдаются на произволь своей глупости, гдѣ кипитъ пустые хвастуны и луны, лишеныя жала, глупые недоросли, неразумные чудаки, забавные обжоры и еще болѣе забавные пьяницы, скучающіе бездѣльники, скука которыхъ веселитъ, ничтожныя лицемѣры и простые, безъ труда одураченные плуты, невѣжественные, суевѣрные бѣдняки, толстолюбые мѣщанскіе тузы и матроны; старыя дѣвы, изнывающія по браку; карикатуры на шарлатановъ, на наивныхъ умниковъ, на влюбленную или ищущую развлеченія молодежь обоого пола, на шутовъ, бездѣльниковъ и негодяевъ, — однимъ словомъ, та жизнь, которая служитъ выраженіемъ естества и внутренняго развитія живыхъ людей; та, которая составляетъ ихъ дѣйствія и приключенія, ихъ желанія и разнородныя влеченія, ихъ планы и цѣли, ихъ взаимныя стремленія и недоброжелательство, ихъ шахматныя ходы между собою. Смерти здѣсь нѣтъ, какъ нѣтъ и серьезныхъ несчастій, болѣзней или горя, глубокой серьезной страсти или серьезнаго преступленія, или траги-комическаго восторга, или борьбы за жизнь, или часто духовнаго стремленія къ образованію и проникновенію идей, или игры сильныхъ чувствъ; нѣтъ сильнаго — не говоря уже о властномъ — влеченія воли къ могуществу и господству. И здѣсь, относительно, очень мало другаго настроенія, кромѣ веселаго; тѣнь грусти встрѣчается весьма рѣдко и лишь изрѣдка блеснетъ лучъ трогательнаго. И здѣсь также нѣтъ никогда и слѣда настроенія, вызываемаго въ насъ природою. Времена года и часы

дня не играютъ другой роли, кромѣ чисто внѣшней. Открытая улица, гдѣ такъ часто у него происходитъ дѣйствіе, является не болѣе, какъ сценической обстановкой. Непогода никогда не застигаетъ никого врасплохъ; нигдѣ не видно слѣдовъ дождя или снѣга; никогда лучъ солнца или луны не падаетъ въ комнату изъ окна. Если здѣсь одинъ разъ и говорится о дождѣ, то лишь съ цѣлью обрисовать слабую, смѣшную сторону Монтануса, который промокаетъ насквозь, забывъ, въ своей ученой разсѣянности, захватить свой плащъ. Жизнь у Гольберга—это мѣщанская семейная жизнь, или крестьянская жизнь, или жизнь атеровъ, или жизнь писателей, — какая угодно, только не во французскомъ классическомъ духѣ, гдѣ жизнь никогда не бываетъ жизнью вмѣстѣ съ природой, или на лонѣ ея.

Въ жизнь у Гольберга смерть не вторгается, и отсюда изгнаны серьезная нужда и болѣзнь, серьезная страсть и грѣхъ; она устроена такимъ образомъ, что все, что въ глазахъ автора считается справедливымъ, всегда получаетъ полное удовлетвореніе. Пожалуй, нѣтъ другого комическаго писателя, который былъ бы болѣе оптимистъ, чѣмъ Гольбергъ. Какъ бы подавленъ онъ ни былъ лично, онъ, казалось, считалъ оптимизмъ призваніемъ и долгомъ поэта. У него всегда платится тотъ, кто заслуживаетъ наказанія. И даже если не сама добродѣтель торжествуетъ (Jule-Stub, Den pantsatte Bondedreng), то одураченные попадаютъ лишь сообразно своей ограниченности и легковѣрью. Такъ-называемая поэтическая справедливость постоянно и ревностно отстаивается въ комедіяхъ Гольберга.

Эта черта присуща всѣмъ его комедіямъ какъ роду искусства. Ихъ прямая цѣль—возбуждать смѣхъ. Но смѣхъ, возбуждаемый фатомъ, болтуномъ или лицемеромъ, есть уже само по себѣ наказаніе; палочные удары, постоянное выскальзываніе изъ рукъ невѣсты или „испанскій плащъ“¹⁾,—все это лишь простыя послѣдствія наказанія смѣхомъ, которыя вполне логично еще болѣе усиливаютъ взрывы смѣха наивной публики. Наслажденіе, преподносимое Гольбергомъ, въ концѣ концовъ, своему зрителю, это — оправданное злорадство.

Міръ, разстилающійся предъ нашими глазами, это міръ, въ которомъ безконечное безразсудство царитъ на просторѣ, но надъ которымъ, однако, витаетъ и господствуетъ разумъ, въ концѣ концовъ справляющійся съ безразсудствомъ: онъ-то и кладетъ конецъ дурачеству. А потому самое глубокое удовольствіе читателя или зрителя

¹⁾ Переносная висѣлица (употребительный въ то время родъ казни).

состоить въ томъ, что, благодаря строенію пьесы, ему постоянно кажется, будто этотъ возвышенный разумъ переселился въ его собственный мозгъ. Гольбергъ то-и-дѣло обращается къ чувству превосходства читателя надъ выведеннымъ характеромъ или даннымъ положеніемъ. Сидя постоянно лицомъ къ лицу съ этимъ комизмомъ, зритель наслаждается самимъ собою, чувствуетъ себя лучше, умнѣе, проникательнѣе и чувствительнѣе комическихъ героевъ и героинь, и наслаждается не только тѣмъ, что онъ лучше, но (какъ въ „Ulysses von Ithacia“, съ его анахронизмами и несообразностями) исключительно тѣмъ, что онъ обладаетъ лучшимъ знаніемъ и лучшимъ вкусомъ—естественнымъ послѣдствіемъ перваго.

Необычайная популярность Гольберга въ немалой степени зависѣла отъ того, что въ сущности для свѣжихъ умовъ и для людей средняго образованія нѣтъ болѣе обстоятельнаго драматическаго рода искусства, какъ то чисто комическое, на которомъ онъ подвизался. Если справедливо, что геній Гольберга воспиталъ и развилъ націю, то необходимо, съ другой стороны, указать на то, какъ въ высшей степени обстоятельно было это обучение и вся форма обращенія его къ читателю и зрителю. Онъ не принадлежитъ къ писателямъ или къ поэтамъ, цѣль которыхъ—дать почувствовать читателю его ничтожество, которымъ пріятно выставять свое превосходство надъ нимъ или намекать на него. Наоборотъ, онъ безпрестанно обращается къ здравому смыслу, который онъ убѣжденъ всегда найти въ зрителѣ, и постоянно между строкъ говорить читателю: „ты и я, мы оба смѣемся надъ этими дураками“.

Только при самомъ первомъ появленіи комедій могло случиться, что нѣкоторые изъ публики почувствовали себя задѣтыми и поднятыми на смѣхъ,—какой-нибудь педантъ въ родѣ Тихониуса (Tichonius), который, пожалуй, и имѣлся въ виду. Но позже это было невозможно болѣе. Даже тотъ, кто имѣлъ свое большое мѣсто, кто былъ не чуждъ политиканства „Оловянщика“ (Kandestöbergen), кто не могъ отдѣлаться отъ направленія Jean de France, даже и тотъ чувствовалъ, какъ зритель, свое безконечное превосходство надъ Herten von Breven или Hans Fransen (дѣйствующія лица комедій), и, увидавъ черезъ увеличительное стекло комедіи смѣшную карикатуру своей слабости, совершенно естественно старался скрыть, подавить или даже, подъ конецъ, отдѣлаться отъ нея. Но то, чего эти пьесы не могли быстро совершить съ отдѣльными личностями, было достигнуто ими впослѣдствіи—ихъ медленнымъ и неослабнымъ вліяніемъ на поколѣніе за поколѣніемъ.

Нѣкоторыя изъ комедій Гольберга, съ чисто нравственной тен-

денціей, принадлежать, вмѣстѣ, и къ его наилучшимъ комедіямъ. Но въ поэтическомъ отношеніи онъ превосходнѣе всего тамъ, гдѣ возвышается надъ педагогіей, надъ заботой о томъ, что хорошо или дурно, что дозволено или запрещено, гдѣ онъ приближается къ тому, что выше морали. Вотъ почему онъ такъ неподражаемъ въ „Улиссѣ“ (Ulysses), такъ великъ въ двухъ восхитительныхъ культурныхъ картинкахъ: смѣлой комедіи „Рождественская комната“ и брызжущей юморомъ „Родильной комнатѣ“ (Barselstue). Съ художественной точки зрѣнія, оцѣнивающей архитектуру драматическаго построения, эти мастерскія произведенія покажутся довольно слабыми, но въ поэтическомъ отношеніи нѣтъ болѣе превосходныхъ. Наблюдательность, богатѣйшій даръ характеристики, безавѣтная веселость и рѣзвое остроуміе, блестящія въ обихѣ этихъ галереяхъ лица, нравовъ и обычаевъ исчезнувшаго прошлаго, ставятъ ихъ немногимъ ниже „Монтануса“ и несравненно выше разныхъ правильно задуманныхъ и такъ же правильно выполненныхъ педагогическихъ комедій въ родѣ комедіи: „Арабскій порошокъ“ и „Безъ головы и безъ хвоста“ (Det arabiske Pulver и Uden Hoved og Hole).

IV.

Чувство комизма—совершенно особенное, смѣшанное чувство, вызываемое тѣмъ, что одинъ и тотъ же предметъ одновременно порождаетъ въ насъ чувство удовольствія и неудовольствія, пріятное и непріятное ощущеніе; при этомъ оба эти чувства немногимъ разнятся въ силѣ между собою, но послѣ взаимной борьбы пріятное беретъ перевѣсъ, будучи усилено и какъ бы приправлено побѣдой надъ непріятнымъ ощущеніемъ.

Гольбергъ забавлялъ не только своихъ современниковъ, но забавляетъ и до-нынѣ именно этимъ чувствомъ пріятнаго и непріятнаго въ ихъ взаимномъ отношеніи, которое вызывается его комизмомъ. Если онъ, вообще, извѣстными пьесами или извѣстными подробностями не можетъ уже болѣе смѣшнить, или если онъ, напримѣръ, не забавляетъ теперь утонченныя и въ условныхъ предразсудкахъ воспитанныя натуры, то причина этому та, что въ этихъ случаяхъ и для такихъ зрителей, по крайней мѣрѣ, внутренняя игра комизма, борьба чувствъ, пропадаетъ и, слѣдовательно, остается только одно неудовольствіе, какъ преобладающее.

Вотъ нѣсколько примѣровъ того, что сохраняется и что пропадаетъ въ его комизмѣ.

Пьянство въ „Ieppe на горѣ“ (Jerre paa Bjerget) настолько вызываетъ неприятное чувство, насколько всякое пьянство вообще противно развитому человѣку; но въ комедіи оно не только безвредно и невинно, а служитъ даже необходимымъ условіемъ, чтобы вообще добиться дѣйствія комизма; оно вдобавокъ чрезвычайно забавно. Винные пары дѣлаютъ героя не только постоянно невмѣняемымъ, — они пробуждаютъ въ немъ остроуміе, хитрость, юморъ; они подчеркиваютъ какъ его наивность, такъ и изворотливость, увеличивая тѣмъ ихъ силу дѣйствія. Зритель не успѣлъ еще найти пьяницу противнымъ, какъ уже нашелъ его интереснымъ. И все, что Ieppe говоритъ, даже самое несообразное, — что, какъ таковое, не можетъ нравиться, — съ извѣстной стороны, взятое хотя бы съ точки зрѣнія самого Ieppe, такъ правдоподобно, что невольно цѣнится. Когда онъ говоритъ о себѣ какъ о пассивной аренѣ, въ которой происходитъ взаимная борьба отдѣльныхъ членовъ его тѣла, когда онъ утверждаетъ, что желудокъ и ноги тянутъ его въ кабакъ, а спину — въ полицію, то это псевдо-наивное объясненіе борьбы между желаніями и трусостью представляется попеременно то невозможнымъ, то опять вѣроятнымъ, то пустымъ вздоромъ, то хитрой уловкой, шутловствомъ, бредомъ бѣлой горячки и удачной шуткой, быстро мѣняясь въ одно и то же мгновеніе, пока не ослѣдитъ все это впечатлѣніе комизма и не станетъ преобладающимъ, ритмически прерывающимся чувствомъ удовольствія, разрѣшающагося смѣхомъ.

То же впечатлѣніе въ еще большей степени производитъ цѣльность характеровъ. „Дьякъ Петръ“ (Per Degn) забавляетъ непрерывно, потому что, съ увѣренностью наивнаго самомнѣнія, онъ постоянно, съ первой минуты, придаетъ извѣстный вѣсъ своимъ словамъ. Въ теченіе нѣсколькихъ секундъ, по крайней мѣрѣ, ему удается посредствомъ точной связи между его представленіями и мыслями заразить насъ своею самоувѣренностью и навязать намъ свои взгляды, какъ правдоподобные; мы, взрывомъ смѣха, выбрасываемъ ихъ изъ своего сознанія; они возвращаются для новаго созерцанія — какъ возможные и разумные съ точки зрѣнія дьяка, какъ родственные съ выходящими намъ знакомыми, въ которыхъ мы привыкли по ходу мыслей окружающихъ насъ, и вновь выбрасываются отрывистыми толчками смѣха. Это та же исторія, какъ съ медвѣдемъ, который головой отталкиваетъ чурбанъ, повѣшенный на веревкѣ передъ ульемъ: чурбанъ бьетъ, а медъ услаждаетъ; чурбанъ падаетъ вновь, снова отталкивается; — разница въ томъ, что чурбанъ и медъ иначе кончаютъ здѣсь, чѣмъ въ баснѣ, и въ

концѣ концовъ побѣдителемъ является въ комедіи не чурбанъ, а медь.

Въ выдающихся положеніяхъ другой комедіи: „Эразмъ Монтанусъ“, главное удовольствіе зрителя состоитъ въ томъ, что неприятное чувство, вызываемое педантичною важностью главнаго дѣйствующаго лица, частью теряется въ удовольствіи, какое возбуждаетъ Яковъ, наивно разбивающій его разсужденія; частью же оно расходится отъ восхищенія кистеромъ, который неутомимо и безстрашно, превосходя парадоксы противника несравненно болѣе дикими нелѣпостями, побѣждаетъ ими и находитъ оправданіе имъ въ средѣ даннаго круга слушателей.

Наказаніе Эразма, заключенное въ формѣ обоюдоостраго діалога, столь богатаго внутренними противорѣчіями и приводящее поэтому въ движеніе такой громаднѣйшій механизмъ сложныхъ чувствъ пріятнаго и неприятнаго, — это наказаніе есть наказаніе и до-нынѣ единственно соотвѣтствующее. Палочные удары, наоборотъ, не имѣютъ болѣе никакого значенія для насъ, такъ какъ въ чувствахъ, которыя они вызываютъ, нѣтъ никакой игры, нѣтъ соревнованія, а потому такія чувства неприятны.

Эта сторона въ комедіяхъ Гольберга вредитъ имъ въ глазахъ потомства. Иногда и онъ самъ доходитъ до того, что принимаетъ плоскость за остроуміе (мы, напримѣръ, не въ состояніи болѣе смѣяться надъ грубыми латинскими ругательствами, которыя Патроніусъ, въ „Jabos von Tubos“, продаетъ Петру, вмѣсто оды); еще чаще равнодушіе современнаго зрителя объясняется его болѣе утонченной нервной системой въ сравненіи съ первоначальными зрителями. Намъ часто кажется ребяческимъ и тривіальнымъ то, что когда-то стояло на одной высотѣ со степенью образованія публики или было даже значительно выше этого средняго уровня. Противъ этого ничего нельзя сказать, въ этомъ не виноваты ни Гольбергъ, ни мы. Вина кроется въ условіяхъ времени, обойти которыя вполне не удалось даже самымъ превосходнымъ произведеніямъ искусства. Но вотъ что составляетъ исключительную вину современнаго читателя или читательницы — это недостатокъ истиннаго образованія, которое пугается смѣлой шутки, чопорность, которая легко возмущается, распушенность, скучающая при вольной рѣчи безъ скабрзности; наконецъ, непониманіе колорита величія, которое не носитъ сѣрыхъ, безцвѣтныхъ одеждъ нашего времени, но облечено въ пестрый и столь чуждый намъ костюмъ начала XVIII-го столѣтія.

V.

Гольберга основательнѣе можно узнать въ комедіяхъ, чѣмъ во всѣхъ прочихъ его сочиненіяхъ, вмѣстѣ взятыхъ.

Въ комедіяхъ мы можемъ изучать его взгляды на то, какъ должно относиться ко всему, что имѣетъ силу въ жизни, и знакомимся съ его представленіями различныхъ человѣческихъ душевныхъ настроеній и стремленій въ дѣйствіи и взаимной ихъ борьбѣ между собой. Тотъ, кто желалъ бы, напримѣръ, уяснить себѣ взглядъ Гольберга на политику, получилъ бы указаніе въ его „Оловящикъ“ (Kandestöberen), съ великимъ юморомъ проповѣдующемъ пользу специальной политической науки, и въ „Іеппе на горѣ“ (Jerre paa Bjerget), гдѣ герой задается цѣлью предостерегать всѣхъ отъ расплаты основъ общества, его порядка и обычаевъ, которыми въ то время, конечно, ничто и не угрожало; мораль этой пьесы является, впрочемъ, немного нехвата, такъ какъ бѣдный Іеппе ни одной минуты не мечталъ возложить на себя баронскую корону съ семью шариками.

Хотя Гольбергъ и не считаетъ возможнымъ предоставить власть ремесленникамъ и крестьянамъ, но его Донъ Ранудо доказываетъ, что авторъ настолько же былъ бы далекъ и отъ признанія родовой аристократіи. Его политика—это прямое и очевидное указаніе на необходимость освобожденія средняго класса отъ всякаго давленія аристократіи и дѣтски-довѣрчиваго предоставленія себя абсолютной власти короля.

Комедіи Гольберга: „Безъ головы и хвоста“ (Uden Hoved og Hale), „Колдовство или фальшивая тревога“ (Hexeri eller blind Allagm) и „Арабскій порошокъ“ (Det arabiske Pulver)—выражаютъ отношеніе автора къ религіи, вѣрѣ и суевѣрію. Первая есть прославленіе золотой середины между вѣрой во все сверхъестественное и поголовнымъ отрицаніемъ. Въ ней онъ доказываетъ, какъ наклонность къ суевѣрію со всею страстностью дѣлаетъ всякаго жертвою обманщиковъ; когда же злоупотребленія обнаруживаются, такое лицо быстро переходитъ въ противоположную крайность. Въ другомъ примѣрѣ онъ изображаетъ, какъ шатко безвѣріе по принципу, если оно не есть результатъ убѣжденія, добытаго борьбой, а лишь признакъ извѣстнаго легкомыслія, быстро побѣждающаго всѣ затрудненія, и какъ оно легко превращается въ самое невѣжественное ханжество. Свой собственный образъ мыслей, — а именно, скептицизмъ, который не рискуетъ отрицать по принципу, и есть единственно разумный, по его мнѣ-

нію, — онъ, къ сожалѣнію, выражаетъ устами мало интереснаго Овидія, который стоитъ гораздо ниже комедіи „Счастливое кораблекрушеніе“, гдѣ Филемонъ является несравненно человѣчнѣе. Но если припомнить, что самъ Гольбергъ, безусловно отрицавшій большинство исторій о привидѣніяхъ, не рѣшался, однако, отрицать самаго существованія привидѣній, и даже болѣе — твердо вѣрилъ, что самъ видѣлъ одно изъ нихъ, то поймешь, что въ безкровномъ Овидіѣ гораздо болѣе собственнаго естества автора, чѣмъ можно было ожидать. „Колдовство или фальшивая тревога“ несравненно лучшая комедія; она вся цѣликомъ — веселый вкладъ въ театральнй репертуаръ противъ суевѣрія, этого главнаго врага культуры и искусства въ тѣ времена.

Взглядъ Гольберга на сущность поэзіи, а главнымъ образомъ на сущность комедіи, совершенно ясно выраженъ въ „Счастливомъ кораблекрушеніи“ и въ „Улиссѣ“ и нѣсколько менѣе удачно въ „Мелампе“. Онъ отставиваетъ нравственную задачу правдолюбивой сатиры и съ одинаковой силой осыпаетъ насмѣшками какъ аффектированный трагическій паэосъ, такъ и театральную фантастику, нарушающую порядокъ дѣйствительности и правила классицизма.

Въ мірѣ животномъ, лежащемъ въ основѣ человѣческаго міра, построеннаго на немъ, — существуютъ два великихъ двигателя: голодъ и физическая любовь. Въ обществѣ же, принадлежащемъ нашему столѣтію, страсть къ деньгамъ, къ наслажденіямъ и погоня за почетомъ и властью — вотъ основныя стремленія, встрѣчаемыя на каждомъ шагу и служащія причиной громаднаго большинства комическихъ и трагическихъ, трогательныхъ и отвратительныхъ зрѣлищъ, которыхъ мы часто являемся свидѣтелями въ наши дни.

Для Гольберга общество представлялось не такимъ. Въ его время оно вѣроятнo и не было таково, такъ какъ конкуренція была несравненно менѣе остра. Страсть къ деньгамъ играетъ сравнительно незначительную роль въ сферѣ его комедій. Она воодушевляетъ единственнаго грязнаго негодяя Розифленгіуса, стараго лицемѣра Иеронима и цѣлую массу бѣдныхъ вертопраховъ и плутовъ. Она не совсѣмъ чужда Генриху (всего менѣе ей поддается „Оловянщикъ“), хотя у Генриха въ качествѣ ловаго лакея она не слишкомъ выдается. У Полидора, единственнаго, всецѣло отдающагося любви къ золоту, она вовсе исчезаетъ, но только потому, что онъ живетъ надеждою на магическое всемогущество и силу алхиміи.

Такъ какъ Гольбергъ изображаетъ постоянно чисто датскія природы, т.-е. природы слабыя и робкія, — вмѣсто воли, обладающія

упрямствомъ, и вмѣсто страсти—тщеславіемъ, то и жизнь въ его комедіяхъ не обнаруживаетъ стремленія въ власти. По ней вздыхаетъ одинъ лишь „Оловящикъ“, но даже и для него достиженіе власти почти всецѣло есть дѣло тщеславія.

Гольбергъ, повидимому, придавалъ несравненно болѣе глубокое значеніе физической любви, какъ двигательному колесу въ мировомъ механизмѣ. Отчасти благодаря общепринятымъ драматическимъ условіямъ, обойти которыхъ онъ не могъ,—онъ не только почти повсюду сосредоточиваетъ главный интересъ комедій на обоюдномъ стремленіи двухъ любящихъ сердецъ, но всѣ пьесы его насквозь пронитаны смѣлыми и грубоватыми намеками на любовныя отношенія; видно, что воображеніе его было занято, переполнено этимъ мотивомъ. Насколько ему было трудно изображать болѣе тонкій, разнообразный и глубокій эротизмъ, настолько онъ хорошо былъ посвященъ во все, чтѣ затрагиваетъ любовь обоихъ половъ, во все, о чемъ безъ стѣсненія говорятъ горничныя и дворники, лакеи и мужики, мѣщане и ремесленники, помѣщики и актеры, шуты, падшія женщины и старыя бабы; онъ смѣло и ни на что не обращая вниманія выражается языкомъ тогдашнихъ улицъ и гостиныхъ, даже языкомъ лакейскихъ и кухонь, — но говорить такъ, что самъ не производитъ впечатлѣнія сильно чувственной натуры: его натура такъ же мало чувственная, какъ и нѣжно эротическая; вездѣ чувствуется болѣе юмористическій наблюдатель, которому все хорошо извѣстно, который даже въ отвлеченномъ мышленіи свысока смотритъ на всю эту суету, и отъ пронизательнаго взгляда котораго не скрыты всѣ ея смѣшныя стороны,—онъ всегда готовъ на улыбку и на шутку.

Интересно видѣть, съ какою рѣшительностью Гольбергъ, начавшій писать комедіи почти сорока лѣтъ отъ роду, въ великой борьбѣ между стремленіями молодости, съ ея влюбчивостью и жаждой наслажденій, и строгостью старости, съ ея безсиліемъ, прикрытымъ моралью, съ ея серьезностью, выражающеюся въ ворчливомъ настроеніи духа, — повсюду и настойчиво въ каждомъ спорномъ пунктѣ беретъ сторону молодежи. Вотъ какъ говорить его Леонардъ въ „Маскарадѣ“: — „Онъ еще исправится, зять. Вѣдь и мы, въ молодости, до тѣхъ поръ не отворачивались отъ свѣта, пока свѣтъ самъ не повернулъ намъ спину. Будь мы опять свѣжи и веселы, какъ двадцать лѣтъ тому назадъ, мы опять пошли бы въ маскарадъ; когда мы преслѣдуемъ нашихъ дѣтей за тѣ самыя удовольствія, которыми сами пользовались въ молодости, и для которыхъ теперь уже устарѣли, то можно думать, что мы поступаемъ такъ изъ одной зависти. Мы

похожи на того, который осуждалъ танцы, потому что у него были моволи на ногахъ”.

Начни сѣверный писатель нашихъ дней писать въ годы Гольберга, онъ, конечно, не сталъ бы говорить и думать, какъ его Генрихъ или Леонардъ, а какъ Иеронимусъ, и именно тогда, когда онъ наиболѣе полонъ важности. Но Гольбергъ гораздо выше этихъ созданій своихъ. Прочтите сцену между Иеронимусомъ и Генрихомъ въ комедіи: „Дидрихъ-пугало“ (Diderich Menschen Skrak):

Генрихъ.

— Развѣ отца не радуешь то, что сынъ идетъ по его стопамъ? Не рассказывалъ ли самъ г. Иеронимусъ, что онъ сума сходилъ по одной дамѣ за границей?

Иеронимусъ (грозя палкой).

— Смѣешь ты, песь, попрекать меня...

Генрихъ.

— И не думаю. Я говорю это въ похвалу г. Иеронимусу; по моему, молодой человѣкъ, который не знаетъ, что такое любовь, не стоитъ ни гроша.

Иеронимусъ.

— Любовь и любовь—двѣ вещи разныя... Я самъ сумаспешествовалъ въ юности, я признаю мои ошибки; но я оплакалъ свои грѣхи и принесъ покаяніе за нихъ.

Генрихъ.

— Г-нъ Леандеръ тоже покается, когда состарится.

Гольбергъ обыкновенно избираетъ пожилого терпѣливаго гражданина или расторопнаго слугу для проявленія посредствомъ ихъ своего сочувствія къ праву пользоваться жизнью. Наоборотъ, онъ весьма рѣдко, почти никогда не умѣлъ пользоваться наивностью и ея божественной простотой и чистотой, чтобы сорвать маску съ условности и лицемѣрія. Зачастую настоящая дѣтская невинность замѣняется у него (какъ у Лафонтэна) ложною наивностью. Всего удачнѣе въ этомъ отношеніи Яковъ въ комедіи „Эразмъ Монтанусъ“. Гольбергъ, выводящій иногда на сцену дѣтей,— какъ въ „Рождественской комнатѣ“ (Jule-stub), никогда не умѣлъ пользоваться преимуществомъ ихъ наивности. Здѣсь чувствуется холостякъ, не имѣющій случая постоянно, ежедневно наблюдать. Дѣти его механически и комично повторяютъ скудные ученныя истины своего швольнаго учителя; пользоваться же первобытнымъ разумомъ наивности, который часто такъ же мѣтко, какъ и безсознательно, попадаетъ прямо въ цѣль,— великій поэтъ, представитель разума, — не умѣлъ.

Но вотъ все-таки что, главное, бросается въ глаза современному читателю: міръ не представлялся Гольбергу полнымъ людей, бросающихся очертя голову въ комическую и не знающую покоя погоню за деньгами и за тѣмъ, что цѣнится людьми,—за грубыми и болѣе тонкими наслажденіями, за продолжительнымъ и мимолетнымъ счастьемъ, за почетомъ и властью. Міръ представлялся ему полнымъ людей, которые почти во всемъ и вездѣ хотятъ казаться не тѣмъ, чѣмъ они есть, а чѣмъ-то большимъ, и которые по глупости (какъ Дьякъ Петръ) или по чудачеству (какъ Фильгетрей) поступаютъ безтолково, неразумно. Одни желаютъ лишь казаться, какъ Jean de France, Яковъ фонъ-Тюбо, Донъ Ранудо или Иеронимъ въ „Благородной амбиціи“; другіе — бѣдные невѣжды, не понимающіе собственнаго положенія (Оловянщикъ, Іеппе); нѣкоторые — просто чудаки, какъ „Непостоянная“, или „Золотыхъ дѣлъ мастеръ“, —или маниаки, какъ Гертъ Вестфалеръ, или преслѣдуемые одной идее фиксе, какъ воображающій себя рогоносцемъ герой въ комедіи „Родильная комната“ (Barselstueb). Другими словами: глаза и умъ Гольберга воспринимаютъ интеллектуальныя глупости, логическія несообразности. Это то, что онъ предпочтительно видитъ во всей вселенной. Міръ не кажется ему одержимымъ страстями, онъ не представляется ему ни дурнымъ, ни хорошимъ, ни великимъ и возвышеннымъ, ни ужаснымъ или страшнымъ, а безтолковымъ и смѣшнымъ, —убѣдителемъ глупцовъ и потому достойнымъ смѣха. Міръ смѣшонъ. Сдѣлать его посмѣшищемъ—значитъ оцѣнить его по достоинству и заплатить за него его же собственной монетой.

— „Ступай же на подмостки, — думалось, вѣроятно, Гольбергу,—о ты, міръ закоснѣлыхъ ограниченностей, міръ самодовольныхъ дураковъ, міръ смѣшныхъ фатовъ и полоумныхъ хвастуновъ-педантовъ въ черной и красной одеждѣ! Ты такой танецъ запляшешь подъ звуки смычка одинокаго скрипача, что самъ удивишься! Да, ты запляшешь, шутъ землякъ! Ты, Гансъ, — и ты, Петръ, —ты, Эразмъ; и ты, Ранудо! И ты, милая землячка, какъ бы тебя ни звали; ты, Ингеборгъ кровельщика, ты, Анна—оловянщика, ты, Аріанна—типографщика, ты, Эльза—школьнаго учителя; вы всѣ, Олегарды, Доротеи и всѣ прочія прелестныя двуногія! Придется вамъ раскрыть вашу соврѣннѣйшую душу; пусть всякій видитъ пустоту, составляющую ея единственное содержаніе. Волна смѣха, широкая и могучая, какъ разливъ, ровно и тихо, но неудержимо покатится по странѣ, зальетъ васъ, выполощетъ, выкупаетъ и очиститъ васъ, повсюду осаждаѣя свою ѣдкую соль“.

VI.

И вотъ, по мановенію генія, возникъ датскій народный театръ въ началѣ прошедшаго вѣка. И народъ стекался, восхищался, смѣялся и сердился, немного понимая то, что онъ видѣлъ и слышалъ на сценѣ; затѣмъ уходилъ развеселенный и скоро забывалъ видѣнное, считая датскую сцену увеселительнымъ заведеніемъ средней руки. Тогда никто не былъ еще въ состояніи подняться до мысли, что у публики есть обязательства къ театру, что она обязана помогать и поддерживать его, а не равнодушно относиться къ его шаткому положенію на краю банкротства, къ тому, что онъ время отъ времени принужденъ былъ закрываться и, наконецъ, просуществовавъ всего четыре года, погибъ, окончательно, завершивъ свою дѣятельность 25-го февраля 1727 г. грустно-веселой комедіей Гольберга: „Похороны датской комедіи“ (Den Danske Comoedies Liigbegiongelse).

Годъ спустя, копенгагенскій пожаръ, какъ извѣстно, сдѣлалъ и вовсе невозможнымъ продолженіе театральныхъ представленій.

Начиная съ 1728 года и во все время царствованія Христиана VI-го, неограниченно господствовало влияніе духовенства, и поэтому всѣ, и при дворѣ, и въ обществѣ, смотрѣли на комедію какъ на противную добрымъ нравамъ, соблазнительную вещь.

Какъ Гольбергъ ни чувствовалъ себя глубоко связаннымъ съ датскимъ театромъ, онъ вынужденъ былъ замолкнуть, какъ драматическій писатель.

Это почти единственное въ своемъ родѣ явленіе, подобное которому трудно найти въ другой странѣ. Припомнимъ для сравненія борьбу Мольера, желающаго добиться постановки „Тартюфа“, или энергическое, многолѣтнее стараніе Бомарше, чтобы „Фигаро“ былъ принятъ на сцену. Но тутъ мы видимъ нѣчто оригинальное: подарить народу литературу, театръ, открыть свою превосходнѣйшую дѣятельность 37-ми лѣтъ отъ роду—и справиться тризну по ней всего четыре года спустя! Впрочемъ, въ сущности погребальный звонъ раздавался все время, за исключеніемъ лишь половины перваго года. Былъ ли примѣръ въ какой-либо другой странѣ, гдѣ высшее общество, въ связи съ незрѣлымъ народомъ, хуже обошлось бы съ цвѣтущимъ геніемъ, съ первымъ писателемъ своей страны? Другимъ приходилось бороться съ нуждой, съ врагами,—они съ чисто внѣшней стороны страдали даже болѣе отъ совершенно другого рода зла; но гдѣ найдется параллель этому? Гольбергъ пишетъ первыя поэмы, вторыя можно было,

наконецъ, читать; какъ бы случайно, — потому лишь, что нѣкоторымъ актерамъ вздумалось выстроить театръ, — онъ вводитъ совершенно новый родъ искусства; пишетъ, для начала, десятка два мастерскихъ сочиненій, еще во цвѣтѣ лѣтъ, сорока съ небольшимъ отъ роду, и изъ его жизни, какъ драматическаго писателя, вырываютъ потомъ двадцать лѣтъ, цѣлыхъ двадцать лѣтъ! Писатизмъ отсылаетъ его драматическаго генія въ исправительный домъ на двадцать лѣтъ ученой каторги, сажаетъ его въ одиночное заключеніе ученой камеры, присуждаетъ его къ одиночеству, къ молчанію.

И геній этотъ хирѣетъ мало-по-малу, но онъ такъ еще живучъ, такъ жаждетъ общительности, что, освободившись изъ одиночнаго заключенія, ослабленный и убѣленный сѣдинами, но съ увѣренностью незаблуждающагося инстинкта, вновь обращается къ театру и старческой, дрожащей рукой набрасываетъ послѣднія сцены и выводитъ новыя лица.

Въ промежутокъ между первымъ и вторымъ періодомъ своего драматическаго творчества Гольбергъ, давно уже перемѣщенный съ метафизической кафедры на историческую, почти исключительно отдается научному изслѣдованію и является авторомъ историческихъ, популярно-философскихъ и журнальныхъ работъ. Онъ издалъ въ это время свою исторію Даніи, исторію церкви, исторію героевъ и героинь, описаніе Бергена, мысли о нравственности, свое многотомное собраніе писемъ и т. д., и одно лишь смѣлое поэтическое сочиненіе, написанное, однако, по латыни: „Нильсъ Климъ“ (Niels Klim)—философскій, аллегорическій романъ, который, описывая образъ жизни фантастическихъ обществъ и сказочныхъ народовъ, косвенно придавалъ условное значеніе тому, что на родинѣ слыло за абсолютно необходимое, и представилъ его въ ироническомъ свѣтѣ.

Неудовольствіемъ, которое вызвалъ этотъ романъ и тѣмъ, какимъ образомъ онъ подготовилъ публику къ послѣдней группѣ драматическихъ произведеній Гольберга, „Niels Klim“ напоминаетъ роль „Peder Raags'a“ въ его юношескомъ творествѣ. Какъ въ прежнее время Ростгардъ и Грамъ старались добиться запрещенія поэмы „Peder Raags“, такъ теперь придворные духовники Блуме и Понтопиданъ интриговали противъ романа „Нильсъ Климъ“. Къ счастью Гольберга послѣдняя попытка не удалась, также какъ и первая. Какъ „Peder Raags“ заключаетъ въ себѣ контуры „Оловящика“, „Гертъ Вестфалера“, „Дьяка Петра“ и зародыши „Пернилле“, „Дидериха-Пугало“ и „Филемона“, — такъ въ „Нильсъ Климъ“ зарождается — частью непосредственно, частью

благодаря изученію, по поводу этого романа, Лукана и др., — если не весь планъ, то все-таки многочисленныя частности комедій его преклоннаго возраста: „Философъ въ собственномъ воображеніи“, „Путешествіе Сганарелля въ философскую страну“, „Республика“ и „Plutus“.

Когда, съ воцареніемъ Фридриха V-го въ 1747 г., театръ открылся вновь, Гольбергъ поднесъ ему послѣдніе отпрыски своего духовнаго древа, блѣдныхъ дѣтей престарѣлаго отца, въ сравненіи съ цвѣтущимъ, здоровымъ потомствомъ его болѣе юныхъ дней.

Успѣхъ ихъ былъ невеликъ, да и на произведенія его молодости уже прошла мода. Незамысловато развитая публика находила, будто Гольбергъ пережилъ самого себя въ этотъ періодъ, тогда какъ цѣлое полстолѣтіе потребовалось еще для того, чтобы развитіе датскаго общества дошло до той высоты, съ которой всѣ начали вполнѣ понимать его. Подобно тому, какъ Мольеръ былъ вытѣсненъ Дегушемъ, такъ и Гольбергъ былъ вытѣсненъ частью народными балаганными пьесами, съ ихъ ничтожной обстановкой, — частью новой французской комедіей, съ ея важною чопорностью. Генрихъ, въ „Оловянщикѣ“, выступающій на сцену нечесанный и съ голыми руками, отталкивалъ публику. Вотъ причина, почему послѣднія письма Гольберга переполнены горькими жалобами: — „Оригинальныя творенія наши швыряютъ за окно“; имъ предпочитаютъ „плохо задуманныя пьесы шарлатановъ“. Послѣднія слова, начертанныя его перомъ, это — горькій вздохъ его музъ: „Теперь не спрашиваютъ болѣе — хорошо ли, дурно ли написана пьеса, а есть ли въ концѣ танцы и пѣсни“... „Всякій писака можетъ взяться за писаніе комедій, не боясь потерять свой трудъ даромъ, какъ бы худосоченъ, ничтоженъ и безсвязенъ онъ ни былъ“, и т. д. (593-е, послѣднее письмо, напечатанное послѣ его смерти).

Разумѣется, въ ту эпоху могло быть не мало людей, съ интересомъ читавшихъ его книги, иначе сравнительно сильный сбытъ ихъ былъ бы необъяснимъ. Но въ то время, когда сочиненія его были на пути къ тому, чтобы сдѣлаться народными книгами, онъ самъ, ни въ обществѣ, ни у ученыхъ и книжниковъ, не пользовался тѣмъ почетомъ, на который имѣлъ самое широкое право, не говоря уже о той великой славѣ, которая, много, много лѣтъ спустя послѣ его смерти, теперь осѣняетъ его имя.

Еще довольно молодымъ онъ издалъ описаніе своей жизни въ формѣ „Трехъ посланій къ знаменитому человѣку“, написанное живымъ, но не безукоризненнымъ латинскимъ языкомъ. Ему не прощали ни промаховъ въ латыни, ни того, что онъ занялъ читающій міръ частною личностью; его укоряли въ самовосхва-

лени, его обвиняли въ желаніи растрогать сердца своими жалобами на враговъ.

Правда, вслѣдствіе своего стремленія обнять какъ можно болѣе предметовъ, повсюду давая общій обзоръ, Гольбергъ время отъ времени въ своихъ сочиненіяхъ не былъ точенъ, особенно что касается древняго періода, и это наиболѣе замѣтно въ его статистическо-топографическомъ сочиненіи: „Описаніе Даніи и Норвегіи“; поэтому обвиненія въ томъ, что у него вообще не было глубокой основательности, имѣли для себя нѣкоторую почву.

Наконецъ, благодаря его нерасположенію къ вѣрѣ въ авторитетъ и его вѣрѣ въ разумъ, который, по его мнѣнію, есть ядро религіи и морали, онъ былъ заподозрѣнъ какъ вольнодумецъ, — и тѣмъ сильнѣе, тѣмъ болѣе тогда росла религіозная реакція.

Гольбергъ уже давно сложилъ съ себя профессуру. Онъ никакъ не могъ усвоить себѣ рѣзко-критическую методу, введенную Грамомъ въ историческое изслѣдованіе; онъ въ свое время дѣйствовалъ болѣе какъ учитель и писатель, нежели какъ изслѣдователь и ученый; дѣйствовалъ болѣе просвѣтительнымъ взглядомъ, чѣмъ проникновеніемъ въ предметъ, строго отдающимъ себѣ отчетъ; потому, какъ только онъ увидѣлъ себя превзойденнымъ въ исторической критикѣ, онъ бросилъ исторію Даніи и промѣнялъ профессуру на должность вестора ¹⁾.

Онъ былъ дѣльный финансистъ, какъ въ своихъ, такъ и въ чужихъ денежныхъ дѣлахъ; былъ первый и, пожалуй, единственный до сихъ поръ датскій писатель, составившій себѣ состояніе своими сочиненіями; онъ помѣстилъ свой капиталъ въ земельную собственность, купивъ имѣніе Терслѣве (Tersløisegaard), гдѣ проводилъ обыкновенно лѣто; на шестьдесятъ-третьемъ году онъ заставилъ короля Фридриха V возвести его въ баронское достоинство и завѣщалъ весь свой капиталъ, недвижимость и наличныя деньги новой академіи Сорѣ (Sorø Akademie), такъ что, еще при жизни его, академія уже должна была пользоваться процентами съ его капитала.

Повидимому, добиваясь баронскаго достоинства, онъ слѣдовалъ тому же честолюбивому стремленію, которое всю жизнь внушало ему желаніе испробовать свои силы во всевозможныхъ отрасляхъ, и ревностно желалъ отличиться на всякомъ доступномъ ему поприщѣ, гдѣ кто-либо другой успѣлъ уже отличиться. Онъ хотѣлъ, кромѣ того, сдѣлаться барономъ и по чисто вѣншней причинѣ, — чтобы доказать, какъ собственными силами и умомъ онъ

¹⁾ Базначей университета.

изъ бѣднаго и низменнаго положенія поднялся до высоты, превосходящей общій уровень ученыхъ сословій въ странѣ. Онъ хотѣлъ, чтобы изящная литература получила патентъ дворянства въ его лицѣ; это удовлетворяло его, какъ отмщеніе всѣмъ презиравшимъ театр и ненавидѣвшимъ его. Съ его великимъ учителемъ—Мольеромъ—обошлись какъ съ бродягой-цыганомъ; ему даже отказали въ приличной могилѣ, которой удостоивался каждый. Гольбергъ долженъ былъ доказать, что авторъ комедій можетъ обезпечить себѣ положеніе наравнѣ съ носящими щитъ съ дворянскимъ гербомъ. Одинъ титулъ не удовлетворилъ бы его, но разъ онъ по общимъ условіямъ былъ барономъ, т.-е. обладалъ требуемымъ для этого количествомъ земли,—онъ хотѣлъ быть имъ и по имени.

Современниковъ удивляло и отталкивало не то, что Гольбергъ былъ настолько тщеславенъ, чтобы жаждать титула, но то, что у него недоставало гордости, чтобы не обращать на титулъ вовсе вниманія. Дѣйствительно, немного обидно, что онъ подобнаго рода честь ставилъ на одну доску съ своими заслугами. Однако совершенно неразумно прилагать къ Гольбергу въ тѣ времена большій масштабъ, чѣмъ гораздо позднѣе прилагали къ Гете, Шиллеру и Виктору Гюго. Что Гете и Шиллеръ искали дворянства, это не находили страннымъ, и мало найдется порицающихъ В. Гюго за то, что онъ согласился быть перомъ Франціи.

И любопытно, что Гольбергъ, получивъ гербъ, выставилъ въ немъ свою поэтическую (а не ученую) дѣятельность, какъ существенный аргументъ на право дворянства, — равно какъ и свое норвежское происхожденіе. Сосна (въ гербѣ его), очевидно, изображаетъ Норвегію; лира—поэзію, а „пустая гора“—безъ сомнѣнія, намекъ на самое имя (Holberg).

Не трудно было ожидать, что Гольбергу поставятъ въ упрекъ возведеніе его въ дворянство. Какъ доказательство противъ него приводили комедію: „Благородная амбиція“ (Den honette Ambition), несмотря на то, что между его судьбою и этою комедіею не было ни малѣйшаго сходства. Въ одномъ процессѣ, который Гольбергъ, какъ помѣщикъ, велъ противъ одного плута-фохта ¹⁾, ему пришлось даже выслушать насмѣшки надъ своимъ титуломъ барона. Защитникъ фохта, ведшій дѣло отъ имени его, былъ самъ фохтомъ (Foged) и претендовалъ на Гольберга за безчисленные нападки его на сословіе, къ которому принадлежалъ, въ „Описаніи Норвегіи и Швеціи“ и въ комедіяхъ. Въ своемъ показаніи защитникъ не могъ отказать себѣ въ удовольствіи сравнить баро-

¹⁾ Родъ старости, управляющаго имѣніемъ.

низованнаго поэта съ его собственнымъ Йеппе (Jerre раа Vjergel): этотъ, будучи барономъ, допрашиваетъ своего фохта, котораго онъ желалъ видѣть повѣшеннымъ, и на вопросъ подсудимаго: что же сдѣлалъ онъ злого, отвѣчаетъ коротко: — „А развѣ ты не фохтъ, и еще спрашиваешь?!. Ты, который носишь лнтыя серебряныя пуговицы“, и т. д.

Какой-то французъ, по имени Бомель (Beaumelle), издававшій въ Даніи маленькую, занимавшуюся сплетнями, французскую газету „La Spectatrice danoise“, сталъ въ то время органомъ сужденія высшаго общества о Гольбергѣ. Онъ нападалъ на него подъ именемъ Плавтиберга (Plavtiberг),—обвиняя его тѣмъ самымъ въ неопозволительномъ заимствованіи положеній и характеровъ изъ сочиненій Плавта. Бомель характеризуетъ Плавтиберга какъ „пишущаго во всевозможныхъ родахъ и не отличающагося ни въ одномъ изъ нихъ; это—гуманистъ, философъ, богословъ, беллетристъ, сатирикъ, юристъ и моралистъ, обогащающійся плагиатами“. Гольбергъ обвиняется въ томъ, что, какъ Дегушъ, въ сужденіяхъ своихъ о соотечественникахъ и французакъ руководится одною завистью, и далѣе, „что онъ умаляетъ достоинство другихъ сочиненій, а въ особенности иностранныхъ, потому лишь, что его собственныя перестали хвалить по мѣрѣ развитія хорошаго вкуса“.

При такихъ обстоятельствахъ неудивительно, что въ старости взглядъ Гольберга на жизнь принялъ болѣе мрачный оттѣнокъ, чѣмъ въ дни его юности, когда смѣхъ помогалъ ему разгонять печали. За десять лѣтъ до смерти своей онъ пишетъ въ „Мысляхъ о нравственности“: „Счастливые дни, выпавшіе мнѣ на долю въ жизни, легко счесть. Большую часть жизни я провелъ въ заботахъ, болѣзняхъ и разочарованіяхъ во всемъ, что міръ называетъ хорошимъ. Если у другихъ бываетъ больше счастливыхъ дней, то я сердечно радъ; когда самъ постоянно страдаешь, не слѣдуетъ изъза этого завидовать короткимъ удовольствіямъ ближнихъ“.

Послѣдніе годы своей жизни онъ провелъ въ строгой замкнутости, по мѣрѣ возможности удаляясь отъ міра, котораго благодарность и вѣрность онъ успѣлъ познать, сохраняя все ту же скромность и проявляя то же усердіе, какими отличался въ молодости. Здоровье его всегда было слабо. Теперь онъ постоянно страдалъ головными болями и приступами изнурительной лихорадки, которая подъ конецъ перешла въ чахотку. Музыка, всю жизнь развлекавшая его, не доставляла ему уже прежняго удовольствія. Онъ находилъ еще утѣшеніе въ наукахъ, въ занятіяхъ древними языками, изучить которые прежде ему не удалось по

недостатку времени или интереса, но съ грустью замѣчалъ, что силы его слабѣютъ.

Гольбергъ скончался на семидесятомъ году, 28-го января 1754 года. Смерть его произвела мало впечатлѣнія. Населеніе Копенгагена отнеслось къ ней равнодушно. Печали не было въ обществѣ, и ни одно проявленіе въ честь умершаго не опредѣлило значенія этой потери. Не много было понимавшихъ, что кончилъ свои дни одинъ изъ величайшихъ людей Даніи и Норвегіи. И даже сцена, созданная Гольбергомъ, не замѣтила его исчезновенія, а девять дней спустя весь Копенгагенъ былъ на ногахъ по поводу кончины молодой и легкомысленной актрисы Тило. Гробъ ея былъ вынесенъ на рукахъ студентами; толпа, состоявшая изъ всѣхъ классовъ общества и провожавшая его, свидѣтельствовала о сочувствіи всего города. Когда же, передъ окончаніемъ года, останки Гольберга были перенесены изъ Копенгагена для погребенія въ Сорѣ, два крестьянина, которые везли дроги, составляли всю печальную процессію.

Около 25-ти лѣтъ спустя, академія Сорѣ рѣшила воздвигнуть памятникъ надъ гробницей Гольберга въ городской церкви, исполненный Видевельтомъ. Хорошей статуи его не существуетъ и до сихъ поръ. Единственный достойный его памятникъ, сохранившійся до-нынѣ,—тотъ, который онъ самъ воздвигнулъ себѣ въ датскомъ театрѣ.

Къ комедіямъ Гольберга можно примѣнить слова, сказанныя на другомъ языкѣ и о другомъ авторѣ: „въ каждомъ датчанинѣ или норвежцѣ, который выучивается читать, комедіи Гольберга приобрѣтаютъ новаго читателя“.

А. Т—ВА.

МУСЯ

РОМАНЪ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ *).

I.

... — Да это всё говорятъ, Олечка, что она всегда спитъ въ гробу. Это не выдумки! — заговорила Прасковья Львовна, сѣдя въ театрѣ; она какъ-то робѣла передъ своею дочерью, стараясь ее убѣдить и въ то же время ужасаясь собственныхъ словъ, а потому понизила голосъ до драматическаго шопота. — А шампанское пьетъ съ самаго утра. Мнѣ это еще въ Москвѣ сказалъ племянникъ княгини Вѣры Петровны. „Какъ проснется, говоритъ, такъ и пьетъ“. — Прасковья Львовна видимо торжествовала, что и на этотъ разъ ея свѣденія — изъ самаго вѣрнаго и прямого источника, — оправдала платье и окончательно устроилась въ ложѣ на своемъ стулѣ, позади дочери.

— Вотъ бы тебѣ, Дима, съ нею познакомиться! — насмѣшливо обратилась къ сыну Анна Евграфовна, сидѣвшая съ дочерью въ сосѣдней ложѣ Бобриня. — У нея всё твои вкусы. И этотъ утреннй „чай“ оригинальный, и страсть къ дикимъ выходкамъ и сильнымъ ощущеніямъ. Знаете, Прасковья Львовна, я думала, что мой сынъ остепенится подъ вліяніемъ вашей дочки. Да куда тутъ!.. Слышали вы, что они опять третьяго-дня натворили? — Анна Евграфовна указала вѣромъ на сына и Мириневскаго, который спокойно продолжалъ разглядывать въ бинокль противо-

*) См. выше: июль, 516 стр.

положныя ложи, точно рѣчь шла не о немъ. — Что, хороша исторія?

Прасковья Львовна испуганно и принужденно улыбалась, очевидно еще не вполнѣ зная „исторію“, о которой говорила Неридова, но зная уже настолько, чтобы ожидать услышать что-нибудь ужасное. Но Анна Евграфовна не стала рассказывать и ограничилась только тѣмъ, что прибавила:—Ужь, право, не знаю, что безразсуднѣе: это ли, или лѣтняя его продѣлка съ водолазнымъ костюмомъ. Одно одного стѣбитъ: на дно Невы спуститься, Богъ вѣсть для чего, и бродить тамъ среди тины; или это... Я и рукой на него махнула совсѣмъ. Богъ съ нимъ! А только какъ въ сказкахъ говорится: „не сносить ему головы“, такъ и про него надо сказать, если дальше такъ пойдетъ!—Анна Евграфовна строго и побѣдоносно оглядѣла всѣхъ, точно всѣ были передъ ней виноваты въ чемъ-то, и принялась энергично опаздываться вѣеромъ, хотя было еще совсѣмъ не жарко.

Прасковья Львовна только соболѣзнующе кивала головой въ тактъ рѣчи Неридовой.

— Нѣтъ,—прибавила Неридова, опять обращаясь къ сыну:—правду говорила твоя нянька: „ртутный“ ты у меня какой-то. Двухъ дней покойно не проживешь, все тебѣ...

— Да что же, папан, спокойно-то жить? Для чего? По моему, лучше...

— Ея гардеробъ, говорятъ, занялъ цѣлый вагонъ!—перебила Дмитрія Лена со своей неопредѣленной, полу-равнодушной, полу-презрительной улыбкой, которая могла относиться и къ рѣчи матери, и къ знаменитой артисткѣ. Лена ненавидѣла всякія „сѣмейныя сцены“, и видимо постаралась вернуть разговоръ на прежнюю тему. Дѣйствительно, слова Лены тотчасъ подхватила Ольга, сидѣвшая, какъ и всегда она сидѣла въ театрѣ, въ своей любимой, эффектной и небрежной позѣ: спиной къ сосѣдней ложѣ и вытянувъ руку, въ черной до плеча перчаткѣ, на бархатѣ барьера. До сихъ поръ Ольга была занята противоположными ложами и своимъ громаднымъ чернымъ вѣеромъ, который она то закрывала, то открывала, и совсѣмъ не слушала, что говорили старушки, точно рѣчь шла не о ея, Ольгиномъ, мужѣ, но теперь, на слова золовки, Ольга тотчасъ отделинулась.

— Да, да!—сказала она черезъ плечо, слегка закидывая голову въ сторону Лены.—Въ „Фигаро“ есть перепечатка изъ вѣнскихъ газетъ, и тамъ описаны ея четыре новыхъ платья. Это что-то необычайное! Я не успокоюсь, пока не увижу ихъ! Се-

годня, впрочемъ, ничего особеннаго не будетъ: лучшія платья въ „Grou-Grou“, въ „Dame“ и въ „Etrangère“.

— И что самое удивительное въ ея костюмахъ,—прибавилъ Мириневскій по-французски, тоже обращаясь къ Ленѣ и опуская бинюль:—это то, что ей удается разными ухищреніями скрывать свою ужасающую худобу. Она худа какъ скелеть, но гибка какъ змѣя, а ея позы—это что-то поразительное! Я ее видѣлъ въ прошломъ году въ Парижѣ въ роли...

— Ну, а играетъ, играетъ-то какъ?—живо перебила Анна Евграфовна.

— Тихменевъ, который пріѣхалъ изъ Москвы въ одномъ поѣздѣ съ нею, говорилъ мнѣ, что онъ сильно разочаровался,—отвѣтила Лена.—Онъ говоритъ, что это какая-то истеричная игра, что она сама больная и дѣлаетъ больными всѣхъ зрителей.

Мириневскій усмѣхнулся однѣми губами:—У каждого свой вкусъ.

— Неужели это говорить Николай Павловичъ? Не можетъ быть!—усомнился Бобринъ.— Не можетъ быть! Это ужъ я не знаю, какое странное сужденіе!

— Вотъ подите же! Такъ и говорить,—отвѣтила опять Лена немножко обиженно.—Но шш!... суфлеръ стучить. Сейчас поднимутъ... Что же это Муси нѣтъ такъ долго?

— Навѣрное опять возится со своей Вѣрочкой!—иронически замѣтила Ольга, которой ея „бѣби“ не мѣшала по прежнему проводить дни въ визитахъ, а вечера — въ театрѣ и на балахъ.

— Опоздаетъ! опоздаетъ!—тревожно заговорила Анна Евграфовна.—Вотъ ужъ и опоздала. Вотъ начали!

Занавѣсъ медленно поползъ вверхъ. Въ ложахъ торопливо усаживались тщательно скрывавшіяся до сихъ поръ въ глубинѣ ихъ дамы; другія пересаживались поудобнѣе, приготовляясь слушать. Въ двухъ-трехъ мѣстахъ щельнула дверь. Въ партерѣ поспѣшно пробирались на свои мѣста запоздавшіе или говорившіе со знакомыми въ проходахъ.

Муся дѣйствительно опоздала. Не только прошелъ первый актъ, но уже начался и шель второй; „Кино“ уже успѣлъ съ важнымъ видомъ выиграть партію въ шахматы, а „Мишоннэ“ успѣлъ отдѣлаться отъ пристававшихъ къ нему „общниковъ и общницъ Французской Комедіи“ и двадцать разъ уже громко а parte выразилъ свое желаніе сдѣлаться также „sociétaire'омъ“. И когда затихло шиканье недовольныхъ, обернувшихъ на отворенную Мусей дверь, и Муся осторожно и поспѣшно усаживалась, задерживая прерывистое, отъ быстрого подъема на лѣст-

лицу, дыханіе, и всматривалась, еще ничего не различая черезъ тьму залы въ яркій просвѣтъ сцены, откуда до слуха Муси долетѣлъ необычайно-густой, грудной голосъ, говорившій важно и мѣрно:— „Et que tout rentre ici... dans l'ordre accou-tu-mé“...

И вдругъ, совсѣмъ иначе, цѣлой октавой выше, мягко, нѣжно, вапривно, изъ металлическаго становясь бархатнымъ, другой голосъ заговорилъ:

„Non, Michonnet! Non, ce n'est pas ça! Je sens, que ce n'est pas ça. Voyons! Encore une fois!“

„Et que tout rentre ici... dans l'ordre“...—опять упалъ голосъ на цѣлую октаву, но эту фразу онъ произнесъ уже съ другими удареніями и остановками—и еще величественнѣе, тѣмъ въ первый разъ. А Муся увидѣла, среди залитой огнемъ сцены, гибкую, высокую женщину въ фантастическомъ востомѣ, которая повелительнымъ жестомъ протянула впередъ необыкновенно тонкую, нѣжную руку; другой рукой она держала какую-то тетрадку. Лицо этой странно-прекрасной женщины было совершенно блѣдно, а громадные сѣро-каріе глаза вдохновенно глядѣли прямо передъ собою.

Была ли это сцена, а на сценѣ знаменитая артистка, или это была правда, и это сама Адриеннъ, искренняя, вся отдававшая своему искусству, хрупкая, нѣжная Адриеннъ, учила роль „Роксаны“ и мечтала о своемъ далекомъ любимомъ другѣ—въ этомъ Муся не отдавала себѣ отчета, но она сразу почувствовала, что передъ ней что-то гениальное, та искра Божья, что заставляетъ трепетать самыя тайныя струны души. И Мусѣ казалось, что она уже давно знала эту Адриеннъ; Муся уже любила ее, и понимала, и страдала вмѣстѣ съ нею... И вотъ передъ глазами Муси проходитъ вся исторія бѣдной Адриеннъ, такая запутанная и такая простая въ то же время: исторія горячаго сердца, жившаго среди высокихъ идеаловъ искусства, чистаго, какъ они, и гибнущаго среди опутавшей его со всѣхъ сторонъ сѣти лжи, малодушія, придворныхъ интригъ, холоднаго, элегантнаго разврата и злобной ревности бездушнаго женщины, среди этихъ людей, вѣчно играющихъ роли, тогда какъ она, бѣдная лицедѣйка съ наивною и вѣрующей душой, даже на подмосткахъ сцены старается быть искренней и простой, ищетъ правдивый тонъ и вѣрный жестъ, а въ жизни она—сама правда, вся глубокое чувство.

Кончено! Морицъ Саксонскій и Мишоннэ склонились надъ распростертой, полумертвой Адриеннъ. Въ оркестрѣ замирають послѣдніе звуки несносной и неизбежной во французскихъ тра-

гедяхъ мелодраматической музыки, а проснувшись отъ очарованія публики раздражается громомъ рукоплесканій. Муся задыхается отъ рыданій; она все еще слышитъ этотъ отчаянный, страстный зовъ: „Maugice! Maugice!“ — и это безумное: „Je veux vivre! Je ne veux pas, je ne veux pas mourir! Vi-i-vre!“ — видеть безумные глаза, всматривавшіеся прямо передъ собой во что-то невидимое для всѣхъ, и эти руки, вѣднвившіяся въ волосы и въ порывѣ невыносимой муки рвущія ихъ.

Анна Евграфовна громко сморкается, и даже Лена, отвернувшись отъ всѣхъ, вытираетъ глаза.

— Всеволодъ Аркадьевичъ! Поѣдьте ужинать на острова! — говорить въ сосѣдней ложѣ Ольга, граціозно прикладывая платокъ къ глазамъ, но уже весело улыбаясь. — Дима, хочешь? Да гдѣ же онъ... Дима?

— Онъ куда-то уѣзжалъ, — отвѣтилъ Глуховской, который принесъ стаканъ воды женѣ и заслонилъ ее въ глубинѣ ложи отъ любопытныхъ глазъ. — Чуть ли не на сцену. Онъ совсѣмъ внѣ себя!

— Узнаю его въ этомъ! — со смѣхомъ сказалъ по-французски Глуховскому Мириневскій. — Но надо признаться, она дивная артистка. Вы замѣтили, какъ она упала? Это удивительно реально и какъ художественно въ то же время! — *Votre éventail*, Марья Никольевна! — сказалъ онъ, перегибаясь черезъ барьеръ, раздѣляющій ложи, и поднимая упавшій вѣеръ Муси.

— О, вовсе нѣтъ! — довольно рѣзко вступила Лена, уже забывшая свое волненіе. — Во все нѣтъ! Всякая ея поза, всякое движеніе, все это выдуманно, вымучено, рассчитано на эффектъ, неестественно во все. Она вся изломанная какая-то. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ она вовсе не нравится. И этотъ голосъ неестественный...

— Берегись, Лена! — Ольга погрозила ей: — тебя Дима и Муся съѣдятъ за эти слова. Правда, Муся? — спросила она, накидывая уже свою *sortie de bal*. — Однако, поѣдьте! Пусть *monsieur* Дмитрій остается, если хочетъ. Поѣдьте! А то мы дождемся того, что потушать люстры.

Муся отвернулась отъ Ольги; слова ея и Лени покоробили ее, и Муся опять вернулась къ рампѣ ложи; не отрываясь отъ бинюкля, она смотрѣла на сцену, гдѣ разъ за разомъ поднимался занавѣсъ.

— Муся! You'll take a cup of tea with us? Please, darling! ¹⁾ — упрасивала Лена Мусю, возвращаясь изъ коридора и

¹⁾ Муся! ты прѣдешь къ намъ пить чай? Пожалуйста, милочка!

догрозиваясь до ея плеча; но Муся только нетерпѣливо кивнула головой и, не опуская бинокля, глядѣла на призракъ бѣдной Адриеннѣ, раскланивавшійся съ публикой загробно-медленными поклонами. Предсказаніе Ольги сбылось относительно Муси, и когда мужъ окончательно увелъ ее изъ ложи, капельдинеры уже почти вездѣ потушили лампы, и только среди яркаго просвѣта сцены, черезъ густую тьму залы, Муся все еще видѣла блѣдную высокую женщину съ растрепавшимися волосами, медленно и важно наклонявшую голову.

За эти полтора года Муся очень измѣнилась и, по мнѣнію всѣхъ знакомыхъ, измѣнилась къ худшему. Это была уже не та тоненькая, черноглазая, румяная дѣвочка, появленіе которой встрѣчалось съ такимъ восторгомъ на всѣхъ балахъ и собраніяхъ, а довольно полная, красивая двадцатилѣтняя женщина съ матово-блѣднымъ, едва розоватымъ на щекахъ, лицомъ. Насколько Муся вся пополнѣла, настолько лицо ея потеряло дѣтскую округлость щекъ и то почти безпричинное оживленіе взгляда, которое бываетъ у очень молодыхъ дѣвушекъ. Черты лица опредѣлились. Глаза глядѣли теперь задумчиво и мягко. Вся она казалась утишей и задумавшейся надъ чѣмъ-то. Но такъ какъ отличительную черту прежней Муси составляло вѣчное оживленіе глазъ и лица, блистаніе жизни, то всѣмъ и казалось, что мадамѣ Глуховская очень подурнѣла. Очень можетъ быть, что она и не имѣла бы прежняго успѣха, но Муся нигдѣ и не бывала, за исключеніемъ театра, концертовъ и двухъ-трехъ очень близко знакомыхъ домовъ. Когда, вернувшись изъ-за границы послѣ своего замужества, она поѣхала на какой-то балъ, она проскучала весь вечеръ. Возвращаясь домой, она сказала мужу, что всѣ къ ней перемѣнились какъ-то, что всѣмъ съ нею свучно, да и всѣ какіе-то „не такіе“. А не такая была она сама, и ей самой было скучно и смѣшно вертѣться съ полу- и мало-знакомыми молодыми людьми по залѣ, или подъ музыку разговаривать съ ними о чемъ-то и вдругъ обрывать разговоръ на полусловѣ, выдѣлывать какія-то размыренныя движенія посреди залы, и опять садиться, и опять продолжать тотъ же прерывистый и мало-интересный разговоръ. Муся старалась вспомнить, о чемъ же она прежде говорила? Вѣрно, о чемъ-нибудь гораздо болѣе занимательномъ, чѣмъ теперь, потому что и ей, и тѣмъ, кто съ нею танцевалъ и говорилъ, несомнѣнно было очень весело тогда, и всѣ вечера казались слишкомъ короткими. Но оказывалось, что и тогда, какъ те-

перь, говорили объ оперѣ и о смѣшной княжнѣ Мышевиной; о новомъ англійскомъ романѣ, о картинахъ Маковского; но тогда все это было только станціями, верстовыми столбами, мимо которыхъ на перегонку неслись молодое кокетство и дѣтское оживленіе, и разговоръ выходилъ и интереснымъ, и живымъ, и даже умнымъ. Теперь остались одни верстовые столбы, и Муся ясно сознавала, что непростительно глупо и скучно говорить, ни къ селу, ни къ городу, съ однимъ о „болгарскихъ мученицахъ“, съ другимъ о Зембрихъ, чувствовала, что это же сознаютъ и всѣ говорящіе съ нею, и будто только изъ вѣжливости не показываютъ, какъ имъ скучно и смѣшно въ то же время. И Муся перестала выѣзжать на балы и вообще въ свѣтъ еще до своей беременности и рожденія Вѣрочки. Теперь она сама кормила и уже совсѣмъ замкнулась дома и въ самомъ тѣсномъ кружкѣ близкихъ людей.

И, конечно, и эту переменѣ въ Мусю, какъ полтора года назадъ ея свадьбу, усердно комментировали и пересуживали всѣ ея свѣтскіе и не-свѣтскіе знакомые. Свѣтскіе люди, въ томъ числѣ и Ольга Неридова, которая терпѣть не могла Глуховского, увѣряли, что мужъ сдѣлалъ изъ Муси „синій чулокъ“, и что они цѣлыми вечерами вслухъ читаютъ въ оригиналѣ Фукидида—это имя казалось почему-то особенно ужаснымъ Ольгѣ и пустившему эту исторію въ ходъ—Боду... Совсѣмъ съ другой стороны осуждали Мусю Рубцовъ и Александра Семеновна. Прежде они нападали на нее за ея выѣзды; теперь негодовали, зачѣмъ она сидитъ дома; этому они находили одно объясненіе: „опустилась“, „обратилась въ насѣдку“, „погрязла въ мелочахъ семейной жизни“, „утратила всякое стремленіе къ общественной“.

И, какъ всегда, и тѣ, и другіе были и правы, и неправы. Глуховскіе, дѣйствительно, много читали вмѣстѣ (но, конечно, не греческихъ авторовъ и не по-гречески), и, дѣйствительно, семейная жизнь заставила Мусю совсѣмъ охладѣть къ выѣздамъ и беззаботной болтовнѣ въ гостиныхъ. Но никому изъ близкихъ ей людей—ни мужу, ни дядѣ, ни Неридову, ни Бергамъ—не казалось, что Муся „опустилась“. По прежнему, и даже больше прежняго, Муся занималась музыкой и читала, и переводила для дяди и рисовала съ Леной Неридовой, съ которой у нихъ была странная дружба: онѣ обѣ видимо любили и цѣнили, и также видимо не понимали другъ друга, вѣчно между ними стояла какая-то неразрушимая стѣнка. По прежнему Муся вела безконечные споры съ дядей и съ Ниной, съ которой она тѣмъ тѣснѣе вновь сошлась, что совсѣмъ почти разошлась съ Ольгой: между ними установи-

лись тѣ далекія отношенія, какія были между Мусей Муранской и Ольгой Гирѣвой. Онѣ даже видѣлись нынче рѣдко.

Мужъ Ольги по прежнему былъ очень близокъ съ Глуховскими, и когда попадалъ къ нимъ, то по прежнему игралъ много на скрипкѣ съ аккомпаниментомъ Муси, читалъ виѣсты съ Глуховскими, рассказывалъ имъ о себѣ и своихъ рѣшительно все, передавалъ свои мельчайшія мысли, чувства, совѣтовался обо всѣхъ своихъ дѣлахъ, даже о „баби“, которую Ольга предоставила въ совершенное вѣденіе англичанки, miss Наггу. И споры, и задушевные разговоры эти затягивались на цѣлыя часы. Но они становились все болѣе рѣдкими, и Дмитрій все чаще и чаще пропадалъ цѣлыми недѣлями, пріѣзжалъ потомъ къ Мусѣ съ почти официальнымъ визитомъ, держался натапуто и видимо избѣгалъ всякаго слишкомъ искренняго вопроса и разговора, точно боясь, какъ бы такой разговоръ не коснулся чего-нибудь такого, о чемъ говорить онъ не хотѣлъ. Глуховской сказала какъ-то женѣ, что, по слухамъ, Неридовъ опять сильно играетъ, кутитъ и сошелся со всей своей безпутной компаніей. Вскорѣ до Глуховской со всѣхъ сторонъ стали доходить слухи о разныхъ невѣроятныхъ продѣлахъ, безумно-смѣлыхъ выходкахъ Неридова, о тѣхъ постоянно смѣняющихся одна другую крайностяхъ, въ которыя онъ бросался. Анна Евграфовна совершенно справедливо сказала, что ея сынъ вновь вернулся къ той жизни, которую онъ велъ до женитьбы. То онъ въ разгарѣ зимы на пари скакалъ въ шесть дней верхомъ до Москвы, загналъ трехъ лошадей и, едва отдохнувъ полдня, летѣлъ съ тою же быстротою назадъ. То пилъ цѣлыми ночами, а весь день игралъ на скрипкѣ. А потомъ вдругъ бросалъ скрипку, принимался заниматься пѣніемъ у вновь пріѣхавшаго профессора, размѣрилъ всю жизнь по часамъ, ложился спать въ 11 часовъ, вставалъ въ семь, эзерсировался, гулялъ аккуратно, не бралъ въ ротъ другого напитка кромѣ сельтерской воды, читалъ всевозможныя книги о пѣвцахъ, постановкѣ голосовъ и т. п., и т. п., не пропускалъ ни одного концерта, даже духовныхъ въ „капеллѣ“, шведской или петропавловской церкви. А потомъ опять безвыходно сидѣлъ въ опереткѣ, устраивалъ ужины, бросалъ деньги, два раза чуть не дрался на дуэли. Или вдругъ примется танцовать каждый вечеръ... Одно время онъ пристрастился къ лѣпкѣ изъ глины и надоѣдалъ Ленѣ, заставляя ее долгіе часы сидѣть, не перемѣняя позы, такъ какъ задумалъ вылѣпить маленькую сцену, въ которой Лена должна была изображать Франческу ди Римини. И дѣло уже пошло было на ладъ, какъ вдругъ онъ и это бросилъ и внезапно среди зимы уѣхалъ

въ деревню, заперся тамъ на цѣлый мѣсяць,—то читалъ днями, то ходилъ одинъ-на-одинъ съ рогатиной на медвѣдя... Въ одинъ прекрасный день спустился въ Неву вмѣсто водолаза—тоже на парк. Базалось, онъ не зналъ, куда дѣвать свои лишнія силы. Ольга точно не обращала на все это никакого вниманія, даже тогда, когда эти продѣлки принимали такой оборотъ, что всякая на ея мѣстѣ возмущалась бы.

Но эти продѣлки и безалаберная жизнь отдаляли Дмитрія отъ Глуховскихъ. Однако, проходила такая полоса, онъ вновь начиналъ чуть не каждый день забѣгать къ нимъ и засиживался у нихъ цѣлыми вечерами, и былъ такъ искренень, задушевенъ, простъ, точно онъ вышелъ отъ Сергѣя только вчера, и Муся и мужъ ея забывали сухость и неприятный тонъ Дмитрія въ предыдущіе дни, забывали все, что имѣли противъ него,—и между ними вновь по старому царило самое задушевное, дружное согласіе. Муся, смѣясь, говорила, что еслибъ она не знала, куда пропадаетъ Дмитрій, она подумала бы, что у него приливы и отливы дружбы, и что хотя „дни отливовъ“ за послѣднее время все чаще, но что зато въ дни приливовъ онъ такъ милъ, такую она въ немъ видитъ широкую, славную русскую душу, что забываетъ обо всѣхъ его „дурныхъ дняхъ“.

Въ этотъ вечеръ Дмитрій вошелъ къ матери, куда всѣ собрались пить чай, послѣ всѣхъ,—отказался отъ пикника, проектируемаго Ольгой, сразу почти поссорился съ Леной, дерзнувшею что-то сказать о „кривляньѣ въ манерѣ выходить на вызовы“, не могъ спокойно пить чай, то вскакивалъ и быстро ходилъ по комнатамъ, громко восклицая: „Ахъ, какая прелесть! Какой талантъ! Гений!“ и принимался восторженно рассказывать, какъ дождался артистки на подвѣздѣ, представилъ ей, выпросилъ разрѣшеніе явиться къ ней *un de ces matins à l'heure du second déjeuner*, и обѣщаніе дать ему, Дмитрію, портретъ съ надписью, а въ залогъ всего этого выпросилъ у божества, почти силой отнялъ у нея, одну изъ ея перчатокъ, которую и разсматривалъ теперь съ благоговѣніемъ. А черезъ минуту Дмитрій уже уносился окончательно въ воспоминанія только-что пережитыхъ въ театрѣ блаженныхъ волненій, „отправлялся въ путешествіе на седьмыя небеса“, по выраженію Лены, и, забывая, гдѣ онъ и кто вокругъ него, опускалъ голову на сложенные руки, въ вѣщному ужасу *miss Buttler*.

— У нея ужасныя ноги! длинныя, длинныя! — критиковала Ольга.—А руки! Богъ мой! точно спички! Потому-то она и носитъ такія перчатки и не любитъ снимать ихъ.

— А помните, Петръ Михайловичъ, *нашу* „божественную“?—спросила Анна Евграфовна. — Помните? Нѣтъ, то была „другая пара рукавовъ“. Помните ея голосъ въ „Phèdre“, какъ разъ вотъ въ той сценѣ, которая вставлена въ „Адриеннъ“? Помните? Силища какая была, металл!

— Да, да. *Та* была въ другомъ родѣ, пожалуй сильнѣе этой. Но не знаю, кто лучше. Пожалуй, „объ лучше“, какъ говорятъ дѣти.

— Нѣтъ, я ненавижу эту французскую ненатуральную игру и позы. Это что-то истеричное!—по-англійски сказала Лена, наливавшая чай изъ маленькаго моднаго чайника изъ желтоватой terra-cotta. — Я ненавижу эти трагедіи, гдѣ въ 5-мъ актѣ героиня непременно въ кружевномъ пеньюарѣ и непременно умираетъ съ распущенными волосами.

— „Ненатуральную“?—раздразился Дмитрій.—Да отъ перваго до послѣдняго слова все правдиво! Мнѣ даже жалко, что я знаю, что это было только представленіе. А я такъ люблю, такъ люблю эту несчастную Адриеннъ. Правда, Марья Ниволаевна?—обратился онъ въ Мусъ, которая, кончивъ чай, сидѣла у столика въ глубинѣ заставленнаго цвѣтами „фонаря“.

— Вамъ жалко, что вы *тогда* не жили?—спросила, въ свою очередь, Муся, поднимая на него свои темные глаза, сохранившіе еще слѣды недавнихъ слезъ.—Жалко? Вы навѣрное любили бы ее? Да? Знаете, мнѣ всегда кажется, что вотъ съ такими людьми, какъ Адриеннъ, мнѣ было бы совсѣмъ, совсѣмъ хорошо жить. Или, напримѣръ—это ужасно глупо, чтò я сейчасъ скажу—но знаете, мнѣ ни съ кѣмъ не бываетъ такъ хорошо, какъ съ Пушкинымъ или Байрономъ, понимаете, съ людьми, а не съ поэтами. Они для меня точно живые, и я до того ихъ люблю, такъ *живо* ихъ люблю, что я увѣрена, будь они живы теперь, я съумѣла бы имъ помочь, поддержать, пожалѣть и поговорить съ ними, и имъ, можетъ быть, тоже было бы со мною хорошо. И этой бѣдной Адриеннъ тоже. Мнѣ съ нею было бы и не душно, и не скучно. Или вотъ говорятъ, что у Лермонтова былъ гадкій характеръ, что онъ былъ и злой, и кутила, и тому подобное, но вѣдь въ немъ былъ огонь, живой огонь. Вы понимаете, я о немъ говорю не какъ о поэтѣ, а какъ о человѣкѣ. И такъ мнѣ жаль, такъ страшно жаль, что онъ или Адриеннъ не живы теперь... А потомъ я себя спрашиваю:—Но, можетъ быть, и теперь есть такіе люди, такіа пскры, но я ихъ не вижу и не знаю?—И я, Богъ знаетъ, Богъ знаетъ чтò бы за то дала, чтобъ встрѣтить ихъ! И я часто жду, что вотъ, вотъ встрѣчу, увижу... Впро-

чемъ, это я прежде чаще думала, теперь рѣже... теперь я ничего не жду такого... Ахъ, я не умѣю этого хорошо сказать, и выходитъ Богъ знаетъ что: точно я „лицу привлеченій“... Но вы понимаете, понимаете?

Дмитрій видимо поблѣднѣлъ, слушая Глуховскую, и опустилъ голову, но при послѣднихъ словахъ разомъ поднялъ ее и вдругъ вмѣсто отвѣта сказалъ чуть слышно, дрожащимъ голосомъ:

— А помните, у этого самаго Лермонтова:

Есть рѣчи, значенье
Темно иль ничтожно,
Но имъ безъ волненья
Внимать невозможно.
Какъ полны тѣ звуки
Безумствомъ желанья,
Въ нихъ...

Онъ оборвалъ, вскочилъ, махнулъ рукой и опять быстро заходилъ по комнатѣ.

— Ну, милочка, это нехорошая гарантія для твоего счастья, если ты вѣчно будешь рваться куда-то!—громко промолвила отъ стола Лена, слышавшая слова Мусы, но не разслыхавшая того, что сказалъ братъ. — Будь я на мѣстѣ Сергѣя Александровича, я бы пожурила жену за это основательно. Да и что за охота? Только силы даромъ тратить, здоровье портить!

— Да и вправду, — подхватила Анна Евграфовна:—что ты такая блѣдная, Муса? Ты здорова?

— Совершенно здорова. А развѣ у меня дурной видъ?

— Нехорошій! Да не только сегодня, а ужъ я недѣли двѣ—три замѣчаю, что ты все какая-то грустная, блѣдная, точно усталая. Хорошо ли тебѣ кормить самой; можетъ быть, это тебя утомляетъ?

— О, вовсе нѣтъ! Вѣра такая спокойная дѣвочка, всю ночь спать непробудно, да и съ моей Оеклой Матвѣвной мнѣ никакихъ хлопотъ нѣтъ. Я совершенно спокойно всегда оставляю съ ней Вѣру, когда уѣзжаю изъ дому. Няня, я думаю, еще лучше меня за нею ходить.

— А, начались семейные разговоры!—почти вслухъ сказала себѣ Ольга, и вполголоса, обращаясь къ Мириневскому, прибавила: — Пойдемте, Всеволодъ Аркадьевичъ, въ гостиную; я полагаю, вамъ это тоже не очень интересно!

Она перешла въ гостиную; за нею прошли Глуховской съ Леной, Мириневскій и miss Buttler съ Прасковьей Львовной.

— Такъ что же это съ тобой?—продолжала тѣмъ временемъ допрашивать Мусю Анна Евграфовна.

— Такъ что-то! Я сама не знаю,—отвѣтила Муся и перешла поближе къ Аннѣ Евграфовнѣ.—Знаете, я думаю, это просто отъ тишины, оттого, что впереди ничего нѣтъ!

— Какъ „ничего нѣтъ“?! Муся, что ты говоришь? Ты несчастлива? Что случилось, Муся?!—Анна Евграфовна съ ужасомъ заглянула ей въ глаза, притянувъ ее къ себѣ за руки.

— О, что вы, что вы, Анна Евграфовна! Какъ можно это говорить! Напротивъ, я такъ счастлива, такъ счастлива, какъ и не думала, что можно быть счастливой. Вы развѣ не видите, какъ намъ хорошо съ Сережей? А ужъ съ тѣхъ поръ, какъ у насъ Вѣрочка, такъ и лучше лучшаго! А только знаете, особеннаго, необычайнаго чего-нибудь нѣтъ впереди: живетъ какъ-то само собой, ровно, ровно, а не то что я стремилась бы къ чему-нибудь, добивалась бы чего-нибудь... Вотъ оттого-то я и стала такая тихонькая, скучная на видъ, блѣдная...

— Да чего же тебѣ еще надо?—спросилъ Петръ Михайловичъ.—О чемъ необычайномъ ты говоришь? Я, право, не понимаю тебя, Муся. Tu cherches midi à quatorze heures. Всякій позавидуетъ твоему счастью, а она, видите ли, еще чего-то ждетъ въ жизни!—Петръ Михайловичъ даже заходилъ по комнатѣ отъ волненія и негодованія.

— Подожди, милый дядя, ты не спѣши меня бранить, а лучше послушай, что я тебѣ скажу. Когда я была очень маленькая, и мы учились съ Сашей, мы всегда ждали воскресенья. У насъ всегда за недѣлю, за двѣ, строились разные планы, шли приготовленія: если имѣла я въ виду куклинъ обѣдъ, то заранѣе выпрашивали у тети немножко вина, которое заранѣе же разливали въ крошечныя бутылочки, припрятывали конфеты и апельсины, которые намъ давали, шили платья для Сашиной и моей куклы, или же какіе-нибудь „мокасины“ для игры въ индѣйцевъ à la Майнъ-Ридъ; съ пятницы мы начинали бѣгать наблюдать за барометромъ: вдругъ будетъ дурная погода, и въ намъ не отпустить Вешнихъ?! Однимъ словомъ, всю недѣлю мы жили въ ожиданіи этого воскресенья... Поступила я въ гимназію, и явились новыя „воскресенья“—то въ видѣ экзаменовъ, то въ видѣ лѣтнихъ каникулъ, на время которыхъ возлагались разные надежды, тоже строились планы: то въ видѣ окончанія гимназіи, то въ видѣ ожидаемаго приѣзда Сережи. И чѣмъ старше я становилась, тѣмъ больше въ жизни моей являлось такихъ „воскресеній“, и тѣмъ съ большимъ волненіемъ я ихъ ждала. А едва такое „воскресенье“ наступало и проходило—уже впереди видѣлось какое-нибудь новое, и опять новое... А потомъ была моя любовь къ Мюнстеру. А потомъ я

ждала, что я сама что-то необычайное сделаю... Потом впереди была новая жизнь с Сережей. Это все были воскресенья... Вот в прошлую зиму, передъ Вѣринымъ рожденіемъ, я тоже переживала такое-же ожиданіе „воскресенья“... А теперь? Все идетъ хорошо, счастливо, отлично. Но я знаю, вижу, что ничего необычайнаго, внезапнаго, новаго больше не будетъ; все будетъ выходить одно изъ другого, мало-по-малу. Будетъ расти Вѣрочка, а мы съ Сережей будемъ по прежнему вмѣстѣ читать, и играть, и учиться. Все такъ тихо, гладко, ровно... Я воображала, что мы съ Сережей что-нибудь можемъ сдѣлать, вліять на другихъ, „свѣтить“ другимъ. Но я ясно вижу теперь, что это однѣ мечты...

— Почему это ты думаешь?! Именно, именно это и долженъ дѣлать всякій мало-мальски развитой человѣкъ. Это лучшее, что...

— Да, да, но если это и дѣлается, то такъ незамѣтно, такъ тихо... Но этого мнѣ вообще недостаточно. Это меня не захватываетъ. Я бы хотѣла... — и вдругъ, точно испугавшись, что она слишкомъ высказалась, Муся перемѣнила тонъ и весело сказала:

— Ну, да это все пустяки я говорю! Анна Евграфовна правду сказала, что мнѣ грѣхъ роптать; все идетъ отлично... Дмитрій Алексѣевичъ, вы сегодня вѣрно музыкально настроены, — хотите сыграете нашу любимую сонату? Ваша скрипка вѣдь здѣсь. Сережа! иди перевертывать!

Но Дмитрій былъ слишкомъ разсѣянъ, и игра не пошла на ладъ. Муся стала прощаться. Всѣ высыпали въ переднюю провозать Глуховскихъ. А Дмитрій, взявъ изъ рубъ лакея ретонду Марьи Николаевны и подавая ей ее, прошепталъ такъ, что слышала это одна Муся:

Я сердцемъ то слово
Узнаю повсюду.
Не кончивъ молитвы,
На звукъ тотъ отвѣчу
И брошусь изъ битвы
Ему я на встрѣчу.

Муся только грустно покачала головой.

— А quoi bon? — спросила она съ печальной усмѣшкой и, еще разъ поклонившись общимъ поклономъ, быстро прошла за мужемъ въ выходную дверь.

II.

Прошло еще два съ половиной года. Въ началѣ лѣта 1884 года Ольга Неридова хотѣла уѣхать за границу. Весною она поѣхала въ Неридово, чтобы „мужъ не очень пицалъ и не жаловался бы, что она его совсѣмъ повидаетъ“, — и это она, стоя на платформѣ вагона, со смѣхомъ повторяла всекому и каждому изъ своей обычной свиты, пріѣхавшей ее провожать съ многочисленными букетами, бонбоньерками и корзиночками.

— Ольга Павловна! вѣдь вы съ тоски умрете въ этой деревнѣ! — жалобно говорилъ дѣтскимъ голоскомъ бѣлокурый офицерикъ, выходя изъ вагона, гдѣ онъ, по приказанію Ольги, уставлялъ послѣдній букетъ между плодами и корзинками.

— Ужъ и не говорите! Я знаю, что я совершенно убью свое здоровье. Одно утѣшеніе, что это будетъ продолжаться лишь до начала іюля. Къ тому же Глуховскіе общали мнѣ пріѣхать погостить у насъ до моего отъѣзда. Они нынче будутъ жить въ Рябиновѣ, у Анны Евграфовны. Ну, а до моего отъѣзда, повторяю, они пріѣдутъ ко мнѣ... Эта прелестная Муся послѣднее время еще ужасно опустилась, совсѣмъ ушла въ своихъ ребятишекъ, но все-таки я рада буду провести съ нею une quinzaine.

— Ахъ, это вы о m-ше Глуховской говорите? Она чудно хороша! — пропичалъ опять офицерикъ. — Я имѣлъ удовольствіе быть ей представленнымъ у...

— Она довольно хорошенькая, — снисходительно рѣшила Ольга. — Только эта ямба — это ей даетъ такой ребяческій видъ. Cela cloche tellement съ ея разговоромъ. Вѣдь, между нами, она ужасный „синій чулокъ“. Я ее очень люблю, но, но...

— Но вамъ съ нею скучно, Ольга Павловна?

— То-есть, я боюсь, что она меня считаетъ такой глупой, что ей со мной скучно... — Ольга сдѣлала огорченное лицо.

— Съ вами скучно?! Да развѣ есть такой человекъ, которому съ вами можетъ быть скучно?! Это какой-нибудь еретикъ. Ce n'est pas un chrétien pour sûr! — воскликнулъ Высоцкій.

— А вы хорошій христіанинъ? — опуская глаза на свой ярко-красный зонтикъ съ длиннѣйшей палкой и секунды три заставляя всѣхъ любоваться своими черными рѣсницами, кокетливо спросила Ольга. — Если такъ, можете пріѣхать къ намъ въ деревню къ Троицѣ. Я васъ повезу въ деревенскую церковь и посмотрю, умѣете ли вы молиться!

Высоцкій послѣшилъ приложиться къ козырьку. Всѣ хоромъ

стали увѣрять Ольгу, что они всё страшно богомольны. Бѣлокурый офицерикъ говорилъ, что придетъ пѣшкомъ въ Неридово, только бы она ему позволила. Рудольфъ Мюнстеръ предлагалъ прямо всѣмъ нарядиться монахами и прѣхать en partie de plaisir къ Ольгѣ Павловнѣ. Но она замахаала на нихъ руками и зонтикомъ:—Нѣтъ, нѣтъ, ни за что!—Во-первыхъ, она не позволяетъ болѣе шутить святыми вещами. О! она очень религіозна! Во-вторыхъ, она терпѣть не можетъ монаховъ. (И она сдѣлала опереточную ужимку губами.) Въ-третьихъ (и Ольга загнула третій палецъ на своей длинной, тонкой рукѣ въ ярко-желтой перчаткѣ съ грубыми черными швами),—въ-третьихъ, она дѣйствительно рѣшила отдыхать въ деревнѣ, поэтому ни за что ихъ всѣхъ туда не пустить. Они ее утомятъ, какъ здѣсь. А главное, домъ будетъ полонъ народу, разныхъ нянекъ и мамокъ, и ей некуда даже и помѣстить всѣхъ этихъ господъ.

Завозили третій звонокъ, и Ольга вошла въ вагонъ, пославъ всѣмъ воздушный поцѣлуй. Всѣ приподняли шляпы и фуражки; раздалась всевозможныя пожеланія, сожалѣнія и увѣренія. Потомъ всѣ столпились у окна вагона, стараясь разглядѣть сквозь отсвѣчивающее стекло, гдѣ сѣла Ольга Павловна. Въ окно мелькнула ея сѣрая шляпка съ громадной желтой птицей и цѣлымъ снопомъ бантовъ.

Раздался рѣзкій свистокъ. Вагонъ дрогнулъ, мягко скользнулъ впередъ, и всѣ пошли рядомъ съ вагономъ. Ольга открыла окно и выглянула, погрозя пальцемъ, и всѣ, приподнимая шляпы, стали замедлять шагъ и останавливаться на платформѣ.

— Мюнстеръ, ты куда?—окликнулъ его Высоцкій.—Поѣдемъ со мною: я ѣду къ Матильдѣ; она тоже сегодня уѣзжаетъ и общала на прощанье угостить шоколадомъ. Ыдемъ!

— Что же, ѣдемъ! Сегодня, значить, день проводовъ: Ольга, Матильда... Всѣ разѣзжаются. Тоска это лѣто! Никогда не знаешь, куда дѣться вечеромъ; а меня нынче не пускаютъ изъ Краснаго...

— Послушайте, Мюнстеръ, что это вы за одно упоминаете Ольгу Павловну и ваваю-то Матильду?—закрипятился маленькій офицерикъ.—Я полагаю...

— Я полагаю тоже, что смѣшать ихъ трудно: одна рыженькая съ черными глазами, а другая блондинка съ синими, — насмѣшливо отвѣтилъ Мюнстеръ.

— Да, но я хочу сказать...

— Ну, хорошо, хорошо! Вы не очень смущайтесь моими словами, я васъ могу успокоить: я чрезвычайно уважаю madame

Неридову, чрезвычайно! И я еще болѣе „у ея ногъ“, чѣмъ вы! Это я только такъ: языкъ мой—врагъ мой.—И, взявъ подъ руку Высоцкаго, Мюнстеръ, громко смѣясь, пошелъ къ выходу.

Глуховскіе дѣйствительно хотѣли это лѣто прожить въ Рябиновкѣ у Анны Евграфовны. Муса съ самаго начала великаго поста принялась уговаривать Петра Михайловича ѣхать съ нею. Сергѣй могъ пробыть въ деревнѣ лишь недѣли двѣ въ серединѣ лѣта, такъ какъ былъ назначенъ вмѣстѣ со своимъ прямымъ начальствомъ на ревизію въ какую-то губернію. Марья Петровна проводила это лѣто chez son cousin l'amiral, въ Царскомъ. И Муса, уговаривая Петра Михайловича, столько же хлопотала о его здоровьи и отдыхѣ, сколько радовалась для себя самой провести съ нимъ вдвоемъ въ тишинѣ деревни мѣсяць-два. Ей хотѣлось вспомнить былыя времена и на свободѣ „подвинтить себя“, какъ она выражалась, т.-е. набраться опять новыхъ знаній, читать вмѣстѣ, говорить, играть въ четыре руки.

Зима была тяжелая для Мусы. Осенью родился ея второй ребенокъ, Володя, послѣ рожденія котораго Муса долго хворала и была такъ слаба, что не могла даже сама кормить его. Поправлялась она медленно, такъ какъ для всякаго быстрого поправленія необходимо энергичное желаніе больного „поправиться скорѣе“. А Муса была такъ грустна, такъ равнодушна къ самой себѣ, что ничѣмъ не помогала докторамъ и ихъ лекарствамъ, кумысу, мясному соку и прочимъ снадобьямъ, которыми надѣялись поддержать ея унавшія силы.

Къ тому же она оставалась слишкомъ много одна. У Сергѣя была масса дѣлъ эту зиму: дни онъ проводилъ въ судѣ, по вечерамъ часто уѣзжалъ въ комиссію, куда только-что былъ назначенъ, или писалъ у себя въ кабинетѣ. Вмѣстѣ читать совсѣмъ не приходилось, даже играли рѣдко. Петръ Михайловичъ былъ тоже очень занятъ. Старуха Неридова съ дочерью всю зиму жили въ деревнѣ. Нина Бергъ вся была поглощена своими курсами, а Любочка, выѣзжавшая первый годъ, танцевала до упаду и вся ушла въ свой новый, начавшій собираться вокругъ нея, кружокъ подросточковъ и молодежи. Съ Ольгой Муса видѣлась рѣже прежняго.

Даже съ Дмитріемъ дружба какъ-то поблекла. Онъ заглядывалъ довольно часто къ Глуховскимъ, но прежнія задуманные бесѣды, въ которыхъ они понимали другъ друга съ полуслова и часто, по поводу самаго пустячнаго факта, говорили о самыхъ отвлеченныхъ теоріяхъ, совсѣмъ прекратились. Дмитрій

былъ точно занятъ какою-то, не давашею ему покоя, мыслью, часто былъ разсѣянъ. Еще чаще на него нападало насмѣшливое, нервное настроеніе духа. Онъ придирался ко всякому слову Марьи Николаевны, старался представить въ смѣшномъ видѣ каждую ея мысль или мнѣніе, и особенно часто пародировалъ съ видимымъ удовольствіемъ ея самыя задушевные вопросы и высказываемыя желанія. „Сложная машина“, „высокій разговоръ“, „чуткій человекъ“—не сходили у него съ языка. Марья Николаевна была сначала немного озадачена этимъ новымъ для нея отношеніемъ къ ней Неридова. Но она сразу попала въ его тонъ и тоже подыскала словечки, которыми можно было „изводить“ его. Подчасъ эти, вначалѣ почти ребяческія, шутки принимали очень острый характеръ, и за такими вѣчными перестрѣлками совсѣмъ забылись прежніе разговоры. Муся отвыкла высказывать всякую свою новую мысль Неридову; она даже какъ-то сказала мужу:

— Знаешь, Сережа, мнѣ теперь говорить съ Дмитріемъ Алексѣвичемъ—тоже, что съ полуглухимъ или съ плохо понимающимъ мой языкъ иностранцемъ: попросить его дать мнѣ стаканъ воды или сказать ему, что хорошая погода, однимъ словомъ, что-нибудь такое, что всякій пойметъ и безъ словъ,—я скажу и попрошу. Но говорить ему что-нибудь болѣе важное и дорогое для меня, такое, въ чемъ играютъ роль не только мысль, предметъ, о которомъ говорю, но и *слова*, и то, *какъ* я говорю—этого я не могу! Какъ глухому не стану кричать на ухо чего-нибудь задушевнаго, боюсь, что онъ отвѣтитъ невпопадъ или даже просто потому, что самъ громкій разговоръ о такой вещи мнѣ непріятенъ,—такъ и Неридову я не могу говорить ничего кромѣ самаго внѣшняго. Точно я вѣчно боюсь, что вдругъ онъ переспроситъ или начнетъ болтать невпопадъ. Да просто не могу я вѣчно возвышать, такъ сказать, голосъ, примѣняться къ пониманію этого полуглухого человека. А онъ не слышитъ моего „обыкновеннаго голоса“.

— Мнѣ казалось, вы такіе друзья съ Дмитріемъ. Я считалъ всѣ ваши препирательства шутками, хотя и вправду, за послѣднее время, вы ужъ очень другъ другу спуска не даете.

— Да мы не ссорились, а это даже очень интересно всегда быть на-готовѣ отвѣчать другъ другу тою же монетою, да еще, такъ сказать, съ процентами. Это постоянный поединокъ *égal à égal*. Это я очень люблю.

— Ну, такъ ты и не жалуйся, что онъ теперь не слушаетъ

тебя какъ слѣдуетъ. Вѣроятно, онъ къ этому такъ же относится, какъ ты сама.

— Нѣтъ, это не то!

Да, ихъ отношенія были уже не тѣ, испортились; Муся и съ этой стороны не находила прежней радости. И она все болѣе уходила въ себя, замыкалась отъ всѣхъ, впадала въ какое-то мрачное, разочарованное настроеніе духа. И все болѣе потухали ея глаза и улыбка, все медленнѣе становились ея, прежде такія быстрыя, движенія. Муся точно погружалась въ сонливое равнодушіе ко всему на свѣтѣ, и въ то же время характеръ ея становился мелочнымъ, раздражительнымъ. Музыку она почти бросила. Не пѣла, не рисовала, только читала съ болѣзненной жадностью, только и оживлялась немного за книгами.

Сергѣй сначала пробовалъ допрашивать Мусю, заставить ее понять, что она поддается какому-то бессознательнымъ настроеніемъ, имѣющимъ мало основанія въ ихъ дѣйствительной жизни, старался поддержать падающій духъ Муси, заставить ее сознательно взять себя въ руки, но—неизвѣстно, вслѣдствіе какихъ причинъ—никогда они не могли договориться какъ слѣдуетъ до сущности дѣла. Разговоръ вскорѣ принималъ враждебный, острый характеръ; Муся, совершенно по-женски, принимала всѣ доводы Сергѣя за желаніе упрекнуть или уколоть ее въ чемъ-то, раздражалась, наговаривала много лишняго, мелочного. Потомъ раскаявалась, они мирились. Но это уже была не прежняя жизнь душа въ душу. „Пошлость, какъ у всѣхъ“,—думалъ и говорилъ Сергѣй. „Гдѣ же наше счастье?“ спрашивала себя Муся.

И чѣмъ дальше шли дни, тѣмъ чаще случались такія ссоры, тѣмъ рѣже заговаривалъ Сергѣй о чемъ-нибудь важномъ и дорогомъ для нихъ обоихъ, тѣмъ озабоченнѣе становился взглядъ, которымъ онъ глядѣлъ на жену, когда она того не замѣчала. А глаза Муси дѣлались все болѣе свучающими, и въ углахъ губъ все замѣтнѣе становилась презрительно-грустная складочка. И какъ только замѣчалъ это Сергѣй, онъ только съ отчаяніемъ хватался за голову, убѣгалъ въ кабинетъ, и цѣлыми часами слышны были его мѣрные шаги, смягчаемые ковромъ. Глуховской не могъ и не зналъ, чѣмъ помочь женѣ и себѣ, какъ даже вновь заговорить съ нею о ней, помня всѣ свои неудачныя попытки. Онъ не зналъ, откуда происходитъ этотъ расколъ между нимъ и женой, чувствовалъ, что съ каждымъ днемъ этотъ расколъ становится глубже, и что съ каждымъ днемъ уничтожить его—дѣлается труднѣе и невозможнѣе. И дни шли, шли...

Въ великомъ посту вдругъ опасно заболѣла Вѣрочка. Это

точно встряхнуло Марью Николаевну. Она забыла свою апатию, свое лѣнливое равнодушіе, сдѣлалась вдругъ и бодрой, и здоровой, просиживала ночи, прислушиваясь, не хрипять ли дѣвочка, и какъ она дышетъ, подходила къ дверямъ дѣтской при малѣйшемъ шумѣ. Она усаживалась обыкновенно въ столовой съ книгой на всю ночь, часовъ до 5 утра, когда опасные часы уже проходили. Но теперь она не забывалась уже за книгами. Она почти не могла и читать. Въ это время Сергій уѣхалъ въ Псковъ по какому-то порученію, и Мусю сразу охватила такая тоска, такое чувство одиночества и пустоты въ этой разлуцѣ съ мужемъ, первой со времени ихъ женитьбы, что она немедленно рѣшила по его возвращенію „сдѣлаться опять хорошей“, опять возстановить прежнюю душевную жизнь вдвоемъ. А пока Муся еще удвоила свою заботу о дѣтяхъ, еще больше тряслась надъ ними, точно желая вдвойнѣ любить и беречь ихъ, и въ то же время въ этихъ заботахъ о нихъ чувствуя себя ближе къ Сергію; такъ она спокойнѣе и сосредоточеннѣе переносила разлуку съ мужемъ: эти заботы, эта возня—это было что-то такое же строгое и глубокое, какъ ея любовь къ нему.

Но Вѣрочка поправилась, пріѣхалъ Сергій, и рѣшенія Муси „сдѣлаться хорошей“ хватило только на какихъ-нибудь два дня, а тамъ опять пошли мелкія препирательства, взаимныя непониманія или замалчиванье самыхъ важныхъ вопросовъ. Здоровье ея окончательно испортилось; она стала даже вновь задыхаться при всякомъ движеніи, подъемѣ на лѣстницу, и Карлъ Антоновичъ сталъ пугать Мусю повтореніемъ астмы, которой она страдала еще въ дѣтствѣ, и погналъ поскорѣе въ деревню. Муся съ радостью ухватилась за предложеніе Анны Евграфовны прожить все лѣто въ Рябиновѣ и заранѣе радовалась при мысли о тѣхъ двухъ-трехъ недѣляхъ, которыя проведетъ втроемъ съ мужемъ и дядей. Она даже неохотно согласилась на предложеніе Ольги провести сначала нѣсколько времени въ Неридовѣ; но Лена, начало лѣта проводившая съ матерью у брата въ Неридовѣ, и Дмитрій, такъ просили, что отказать нельзя было.

— Отчего и не погостить у нея, Мишенька? Тебѣ надо развлечься, повеселиться, а у Ольги Павловны, кажется, всегда весело,—сказала Мусѣ Петръ Михайловичъ.—Поѣзжай-ка!

Сергій хотѣлъ самъ отвезти жену въ Неридово, пробыть съ ней нѣсколько дней, затѣмъ уѣхать на свою ревизію и вернуться лишь къ іюлю. Петръ Михайловичъ долго не рѣшался бросить свои занятія и ѣхать въ деревню, но, наконецъ, сдался на

просьбы Муси и Сергѣя и даже обѣщаль прогостить, сколько погостится, въ Неридовѣ вмѣстѣ съ ними.

— Анна Евграфовна будетъ страшно рада этому сюрпризу; она мнѣ не разъ говорила, что это было бы для нея настоящимъ праздникомъ, но не рѣшалась вась просить, такъ какъ была увѣрена, что вы откажетесь подъ предлогомъ тѣхъ или другихъ занятій,—говорилъ Сергѣй, уже сидя въ вагонѣ противъ Бобринна.

Маленькая Вѣрочка прижимала лицо матери къ стеклу окна, каждую минуту отрывая новый „домичекъ“ или „лошадеу“; на которую она должна была посмотреть. А въ слѣдующую минуту Вѣрочка уже стремительно слѣзала со скамейки, подбѣгала къ нянѣ и тащила ее къ окну, или пыталась заинтересовать виднымъ изъ окна пейзажемъ кормилицу со спящимъ Володей на рукахъ, и едва не разбудила крошку—такъ убѣдительно и горячо просила мамву „чуть-чуть поглядѣть на хорошенькую маленькую свинку“: Муса не могла отойти отъ дѣвочки ни на минуту, и только урывками переговаривалась съ мужемъ и дядей.

— Да, Анна Евграфовна права,—говорилъ Бобринъ:—для меня крайне тяжело быть въ гостяхъ долго. Безъ дѣла я не могу долго жить, даже за границей, однѣми красотами природы да смотрѣніемъ на самыя чудныя созданія искусства и цивилизаціи: это меня утомляетъ, и я скоро начинаю скучать по дѣлу. А вѣдь ужъ на чтѣ я люблю путешествовать! Подумайте же, каково въ деревнѣ! Ну хорошо: позаймемся мы съ Анной Евграфовной хозяйствомъ, потолкуемъ о разныхъ интересующихъ ее дѣлахъ; она женщина умная и оригинальная и читаетъ много, и съ толкомъ. Но вѣдь цѣлый мѣсяцъ!—Петръ Михайловичъ даже испуганное лицо сдѣлалъ. Но вслѣдъ затѣмъ подмигнулъ немного Сергѣю и весело продолжалъ:—Вотъ то-то и хорошо, что нынче у меня тамъ дѣло будетъ. У Неридовой громадная бібліотека, оставшаяся еще отъ ея прадѣда Образкова, знаете, того, что воевалъ съ Пугачевымъ. И Анна Евграфовна говоритъ, что она и сама не знаетъ, чтѣ въ этой бібліотекѣ, какія книги и бумаги. Нынче я займусь разборкой всего этого, пересмотрю бумаги, и, можетъ быть, мы отыщемъ кое-что хорошенькое.—Петръ Михайловичъ окончательно просвѣтлѣлъ.

— Дядя, позволь и мнѣ съ тобой работать. Помнишь, я Александрю Андреевичу помогала въ его изслѣдованіяхъ о татарскихъ музыкальныхъ инструментахъ? У меня есть эта способность находить въ самыхъ, повидимому, ничтожныхъ рисункахъ,

бумажонкахъ, отдѣльныхъ словахъ рукописей, именно то, что нужно для дѣла. Помнишь, Александръ Андреевичъ сказалъ...

— Мама, мама! слышишь, машина кричитъ? Скоро прѣѣдемъ! Да, мама?—Вѣрочка прыгнула на волъни къ Мусѣ и принялась ее цѣловать и пригибать ее голову къ себѣ, требуя немедленнаго отвѣта.

— Скоро, скоро! Только двѣ станціи еще.

— Еще двѣ „станціи“,—сказала серьезно Вѣрочка нянѣ, но въ слѣдующую минуту уже радостно закричала:—Тише, тише идетъ! Мама, тише идетъ! Опять кричитъ: „Остановка-а-а!“—и въ дѣтскомъ восторгѣ Вѣра схватилась за спинку дивана и принялась прыгать по скамейкѣ, поднимая страшную пыль.

Муся пересѣла ближе къ Сергѣю и дядѣ.

— Нечего, нечего тебѣ въ бумагахъ рыться!—сказалъ Сергѣй, глядя ея руку.—Лучше музыку свою вновь почаще вспоминай! Это грѣхъ такъ ее бросать! Прежде, чуть какая радость, обида, скука—сейчасъ къ ролю. А нынче?

— Да!—подхватилъ Бобринъ,—ты вѣдь у насъ Саулъ новыхъ временъ, который самъ себѣ играетъ и поетъ, и демона изгоняетъ.

— А иногда и ангела... Мнѣ иногда бывало такъ радостно, что я должна была сейчасъ же, сейчасъ же играть. Иногда вотъ и играю, играю до тѣхъ поръ, что устану, душевно совсѣмъ устану, а радость какъ-то вся и потухнетъ, успокоится... Но нынче не знаю, буду ли много и играть...

— Ну, мать моя, одинъ уговоръ: не вкиситься въ деревнѣ, а то я, въ самомъ дѣлѣ, за тебя примусь!

— Пріѣхали, мама, пріѣхали!

Повѣдь дѣйствительно остановился у полустанка. Въ окно мелькнуло розовое платье, военный скюртувъ... Послышались возгласы:

— Ah! là voilà! И Петръ Михайловичъ тоже! Какой прелестный скюрпризъ для Анны Евграфовны! Лена, Hélène, иди скорѣе! они здѣсь!

Муся очутилась въ объятіяхъ Ольги.

— Сергѣй Александровичъ! Петръ Михайловичъ, ведите дѣтей скорѣе, а вещи возьметъ Михайло. Высоцкій, подите, поддержите лошадей!—обратилась Ольга къ стоявшему за ней и улыбающемуся почтительно адъютанту.—Да! знаете, вѣдь мы съ нимъ вѣдѣтъ „въ заграницу“ ѣдемъ! Дмитрій говоритъ, что ему нельзя. Тѣхъ хуже для него, пусть здѣсь умираетъ съ тоски, пока мы

тамъ будемъ веселиться!—говорила Ольга, постоянно перескакивая съ русскаго на французскій языкъ.

Высоцкій, чуть краснѣя, раскланялся съ Глуховскими и покорно побѣжалъ къ экипажамъ. Володя, разбуженный остановкой, отчаянно заливался, несмотря на всѣ прибаутки няни и мамки, а Вѣра, держась за руку Петра Михайловича, прыгала, какъ коза, на одномъ мѣстѣ и тоже отчаянно, но весело кричала:— Приѣхали! Вотъ Неридовка! Вотъ она!

Ольга поморщилась.—*Quel tapage, bon Dieu!* Какая она большая стала, Вѣра, и все говорить!—Ольга потрепала по щекѣ дѣвочку, которая недружелюбно, исподлобья посмотрѣла на нее блестящими, какъ у ея матери, глазами.—Молодецъ Вѣрочка!—Ольга любезно улыбнулась Мусѣ и снова обернулась къ Сергѣю.—Воображаю, какая возня съ двумя! Съ меня и одного довольно; и то слава Богу, что miss Наггу такая толковая. Это такая исторія *avec ses tagmots!* Я никогда не знаю, чѣмъ мнѣ ихъ занять... Однако, поѣдемте! Тебя, Муся, я беру въ свою *corbeille*. Петръ Михайловичъ и твой мужъ ѣдутъ съ Леной, а дѣти—въ большой коляскѣ. Хорошо?

Всѣ двинулись къ экипажамъ, куда Михайло и другой кучеръ уже укладывали всѣ безчисленные узелки, мѣшечки, корзинки. Высоцкій почтительно подсадилъ Мусю. Ольга, сощуривъ презрительно глазки, оттолкнула его руку и бойко вскочила въ легкую колясочку, запряженную парой понни-мышекъ. Она взяла изъ рукъ его возжи и бичъ, со словами:—*Vite à votre place, groom!*— Не ожидая, успѣетъ ли онъ исполнить ея приказаніе, и не глядя, какъ усѣлись другіе, она тронула рысью.

До усадьбы Дмитрія Алексѣевича было недалеко: дорога съ полверсты шла лѣсомъ, затѣмъ поворачивала, поднималась въ гору, еще разъ поворачивала, и вскорѣ уже, вплоть до самаго Неридовскаго сада, по сторонамъ тянулись затѣйливо-подстриженные стѣнками и куполами елки. Въ паркѣ дорога становилась шире, вѣковыя березы смѣнили своихъ молодыхъ, вѣчно зеленыхъ, товарищей, слышался лай собакъ съ фермы, скрытой за зеленой стѣнкой акацій, мелькнули красныя стѣны оранжерей, и коляска, прокатившись по маленькому мостику черезъ ручеекъ, круто повернула налѣво и остановилась передъ главнымъ подъѣздомъ Неридовскаго дома.

Съ балкона быстро сбѣгалъ лакей, но еще быстрѣе, опережая его и прыгая черезъ двѣ ступеньки, сбѣжалъ Дмитрій и, щурясь отъ солнца и немного насмѣшливо улыбаясь, побѣжалъ къ колясочкѣ.

— Ахъ, Боже мой, наконецъ-то! Я всё глаза проглядѣлъ, ожидая васъ, Марья Николаевна. Какъ можно такъ долго не ѣхать?! Это вы навѣрное охорашивались на станціи, чтобы меня окончательно поразить. Нѣтъ, право, вы точно и не ѣхали по желѣзной дорогѣ, да еще съ цѣлымъ семействомъ. *Vous étincelez de fraîcheur et d'élégance!*

— Ну, еще бы! Я, очевидно, только и старалась о томъ, какъ бы вамъ понравиться,—не заставляя ждать отвѣта, тѣмъ же притворно-любезнымъ и насмѣшливымъ тономъ заговорила Муся.— Я всю дорогу готовилась въ этой встрѣчѣ, и только и заботилась, что о своемъ туалетѣ, зная, что встрѣчу здѣсь такого знатока и цѣнителя... Ахъ, Анна Евграфовна, голубушка, здравствуйте!— говорила она вслѣдъ затѣмъ уже искренне-радостнымъ, своимъ всегдашнимъ густымъ, груднымъ голосомъ, цѣлуя большую, красивую руку Неридовой.

— Ну, покажись, покажись-ка хорошенько, какъ петербургская зима тебя потрепала? Ничего. Блѣдна немного, и глаза что-то не прежніе, а впрочемъ ничего! Все та же красавица.— Анна Евграфовна, цѣлуя и обнимая Мусю, слегка оттолкнула ее отъ себя, внимательно заглянула ей въ глаза и опять прижала къ себѣ.— И все-то ты, матушка, не утомонисься; вотъ какихъ двухъ молодцовъ на свѣтъ Божій предоставила, а все язычокъ прежній.— И Анна Евграфовна принялась обнимать дѣтей и Бобрину...

Вѣрочка первая освоилась со всѣмъ окружающимъ; не прошло и часа, какъ она уже завязала самую тѣсную дружбу съ бѣби; онѣ играли какъ старые друзья. Няня и miss Наггу тоже, неизвѣстно, какимъ способомъ понимая другъ друга, вели самую задушевную бесѣду о томъ, сколько разъ въ день онѣ пьютъ кофе, какъ у генеральши Мальковой была приставлена особая подгорничная, которая избавляла нянюшку даже отъ труда самой молотъ цикорій, а у lord Мэннерс, гдѣ такъ долго жила miss Наггу, у нея были двѣ комнаты и лошадь, лично для нея, nurse. Нянюшки говорили объ этихъ интересныхъ вещахъ, а бѣби и Вѣрочка возили по-очередно другъ друга въ тачкѣ вокругъ лужайки или, взявшись за руки и громко визжа, носились по усыпаннымъ краснымъ пескомъ дорожкамъ.

Анна Евграфовна, окруженная своими и гостями, пила въ это время чай на террасѣ.

Домъ Неридовыхъ—розоватый съ бѣлой крышей, построенный, какъ и всѣ большіе загородные дома начала нашего сто-

лѣтія, съ фронтономъ, опирающимся на пять толстыхъ бѣлыхъ колоннъ, съ круглымъ бельведеромъ надъ серединой главнаго фасада и двумя расходящимися съ балкона лѣстницами — казался очень красивымъ и величавымъ среди густой зелени окружающаго его съ трехъ сторонъ парка. Домъ стоялъ на берегу озера, и его бѣлыя, увитыя зеленью колонны и терраса, уставленная померанцевыми деревьями и олеандрами въ кадкахъ, глядѣлись въ спокойную темную воду этого озера, изъ котораго выбѣгаль ручей, извивавшійся между зелеными лужайками и старыми елями и березами парка вплоть до впаденія въ другое, Большое озеро — границу Неридовскихъ владѣній. Съ террасы открывался широкій видъ: у самаго дома, по обѣимъ сторонамъ озера, затѣйливый, пестрый цвѣтникъ; дорожки, словно сжатые между густыми, подстриженными стѣнками шиповника и акацій; озерко, съ его бѣлой лодочкой и бѣлымъ же мостикомъ черезъ ручей; кучи сиреней и жимолости. А дальше — зеленые холмы парка, темныя аллеи елей и блѣдныя кудри березъ; усыпанныя краснымъ пескомъ дорожки — то блестятъ на солнцѣ, то убѣгаютъ въ густую тѣнь небольшихъ рощицъ; въ двухъ мѣстахъ сверкаетъ извивъ рѣчки. А еще дальше, между красными стволами сосенъ, мелькаетъ синева дальняго озера. И на самомъ краю горизонта, далеко за озеромъ и за низкимъ ельникомъ, окутавшимъ его берега, какъ бѣлая нитка на зеленомъ бархатѣ, блеститъ полотно желѣзной дороги, и воздухъ такой чистый и такъ тихо кругомъ, что слышно, какъ по временамъ пищать колеса. „Плакса“ — паровоза, подвозящаго песокъ въ этому полотну, хотя по прямой линіи до рельсовъ не менѣе десяти-двѣнадцати верстъ.

Величавая, вѣчно улыбающаяся своей загадочной улыбкой, Лена разливала чай за круглымъ столомъ, вокругъ котораго усѣлись всѣ, кромѣ Петра Михайловича и Ольги съ Высоцкимъ. Петръ Михайловичъ, который терпѣть не могъ эти „дневныя чаепитія“, отказался отъ чая даже послѣ дороги и расхаживалъ со своей всегдашней живостью по террасѣ, рассказывая Аннѣ Евграфовнѣ о разныхъ петербургскихъ дѣлахъ и знакомыхъ, часто прерывая свой рассказъ отвѣтами на внезапные вопросы Ольги. Она пила чай на маленькомъ столикѣ въ уголку террасы, у колонны, и, безпрестанно закрываясь вѣеромъ и задыхаясь отъ смѣха, о чемъ-то неустанно болтала съ Высоцкимъ, сидѣвшимъ за ея стуломъ на низенькой скамеечкѣ.

— Да, скажите, чтѣ Боде? Онъ получилъ какое-то новое и важное мѣсто, я слышала. Какой у него видъ? Все еще въ меланхоли отъ моего отъѣзда? И все еще такъ же погруженъ въ

необычайно важныя и спѣшныя дѣла на пользу Россіи? Или теперь уже новое что-нибудь? За кѣмъ онъ ухаживаетъ? Онъ не женихъ еще?

— Ну, право, Ольга Павловна, спросите объ этомъ Мусю: она его видитъ гораздо чаще меня; къ тому же мы съ нимъ и не говоримъ о подобныхъ вещахъ, да, наконецъ, ему со мной нечего принимать какой-либо „видъ“. Это касается вашего вѣдомства!.. Итакъ, — продолжалъ Бобринъ, вновь обращаясь къ Аннѣ Евграфовнѣ, — я бросился сейчасъ на поиски этой портнихи, и что же вы думаете? — картина дѣйствительно у нея оказалась. Марковъ продалъ ее покойному портному за долгъ, за какіе-то 25—28 рублей. Ну, разумѣется, я заплатилъ портному уже не 25, а гораздо побольше. Какъ бы то ни было, а картина теперь у меня. Вѣдь это единственный его законченный пейзажъ! И знаете, такого пейзажиста у насъ теперь нѣтъ: это такая поэтическая и такая правдивая кисть! Никакой погони за эффектомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ передаетъ какъ разъ то впечатлѣніе, то настроеніе, которое производитъ на насъ подчасъ извѣстное освѣщеніе, видъ въ природѣ. По-моему, это и есть задача всякаго пейзажиста. И если онъ это передаетъ — я ему прощаю даже кое-какіе промахи въ рисунгѣ. Хотя вообще долженъ сказать, что за послѣднее время наши выставки такъ наводнены пейзажами, и такъ много этихъ „послѣднихъ листьевъ“ да „заглохшихъ прудовъ“, что они мнѣ начинаютъ жестоко надоедать.

— А вотъ я не помню, были нынче на выставкѣ лошади Сверчцова? Это для меня самое интересное, — прервала опять Ольга. — Онъ ихъ такъ удивительно пишетъ, что мнѣ всякій разъ хочется спросить его, гдѣ онъ ихъ видѣлъ, чтобъ купить такую же. Ну, что можетъ быть лучше лошадей? Вы замѣтили, Андрей Петровичъ, — обратилась она уже къ Высоцкому, не дожидаясь отвѣта Бобринна, — вы замѣтили, какъ сегодня „Pretty“ закапризничала и не хотѣла брать у меня сахара? Это она вѣдь злилась на меня, зачѣмъ я не дала ей побѣгать по лугу, какъ она хотѣла. Пойдемте, я ей дамъ теперь еще кусочекъ; я не хочу, чтобъ она сохраняла досаду на меня, — сказала Ольга по-французски. — Тащите сахаръ, я бѣгу! — и она дѣйствительно быстро вскочила и такъ же быстро сбѣжала съ террасы.

Дмитрій немного нахмурился, оттолкнулъ-было свою чашку и хотѣлъ, повидимому, встать, но потомъ чему-то улыбнулся, передалъ вновь свою чашку Ленѣ и, все такъ же улыбаясь, пересѣлъ поближе къ Мусѣ.

— Ну, а вы какъ, „Миша Николаевна“? Тоже обожаете ло-

падей и любите попрежнему верхомъ кататься? Я надѣюсь, вы мнѣ позволите быть вашимъ кавалеромъ. Я это, конечно, вамъ предлагаю только потому, что мнѣ не съ кѣмъ ѣздить. Ольга нынче объявила, что хочетъ кататься только въ своей *coqbeille*, и что со мной ей скучно. Неужели же вы не захотите поѣхать со мной, мнѣ вѣдь не съ кѣмъ.—Дмитрій опять подчеркнулъ это слово.

— А, такъ это, значить, будетъ поѣзда „изъ жалости“? Ну, разумѣется, я поѣду, если только Анна Евграфовна мнѣ дастъ лошадей.

— Ну, милушка, этого и спрашивать нечего. Но нынче я здѣсь и не хозяйка. Я все сдала на руки Оленьѣ и здѣсь только гощу. Мы сюда пріѣхали съ Леной только на нѣсколько дней. Но пожалуй Лена теперь и не уѣдетъ отсюда, благо „партія“ теперь составиться можетъ, а я вѣдь въ „винтъ“ не играю.

— Какъ, Лена, неужто ты и вправду пристрастилась въ игръ?! Я думала, ты зимой шутила, дразнила насъ,—почти съ испугомъ обратилась къ ней Муся.

Лена спойно улыбнулась.—Нѣтъ, я очень люблю винтъ; это прекрасная игра.

— Да, она вотъ такъ спойно говоритъ,—перебилъ Дмитрій,—а вѣдь это ея единственная страсть; она вѣдь и рисованіе свое бросила. Знаете, я думаю, что она и за Тихменева выходитъ только изъ-за того, что и онъ такой картежникъ, простите за выраженіе.

— Какъ?! Что такое?!—Муся даже съ мѣста вскочила.— Ты выходишь за Тихменева? За Николая Павловича?! И хоть бы слово сказала! Да ты просто невѣроятное существо! Сидитъ, молчитъ и улыбается, а сама влюблена, невѣста!.. Нѣтъ, господа, это Богъ знаетъ что! И вы всѣ молчите! Ахъ, Богъ мой!—Муся обѣжала столъ и бросилась обнимать и поздравлять Лену.

Всѣ пріѣхавшіе послѣдовали ея примѣру, но, среди всѣхъ рукопожатій и поздравленій, Лена не потеряла своего невозмутимо-величаваго вида, и яркая краска, залившая ея щеки, только еще болѣе скрасила ея спойную улыбку.

— Да какъ же, когда же это все рѣшилось, Лена? Расскажи скорѣе! Анна Евграфовна, душенька, что вы молчите, расскажите же!—Муся точно умоляла.—Я такъ люблю Николая Павловича, хотя почти его не знаю; но есть такіе люди, что, увидѣвъ ихъ разъ или два, уже знаешь все, что они любятъ, знаешь, такъ сказать, высоту того камертона, по которому все

у них настроено, — прибавила Муся задумчиво, и вдруг, замѣтивъ улыбку Неридова, съ живостью обратилась къ нему: — Что вы смѣтаете? Я что-нибудь глупое сказала? Или вы опять нашли, что я гоняюсь за чѣмъ-то высшимъ и простымъ смертнымъ недоступнымъ, какъ вы однажды изволили выразиться про меня? Вамъ смѣшно мое выраженіе: „камертонъ“? Ну, пусть!

— Да вовсе нѣтъ, Миша Николаевна, съ чего вы взяли! Я улыбнулся своей собственной мысли.

— „Смѣшное слово“, вѣрно, вспомнили?

— Да-съ, „смѣшное слово“, и вотъ, если вамъ будетъ угодно, я потомъ буду имѣть честь разсказать вамъ о немъ.

— Его хлѣбомъ не корми, только говори съ нимъ а parte, — пояснила Лена, тихо отодвинула свой стулъ и собиралась позвонить, но Муся схватила ея руки, потянула за собой и усадила на низенькій диванъ въ углу террасы. — Нѣтъ, нѣтъ, погоди звать: дядя теперь съ Анной Евграфовной будутъ разсуждать о своихъ дѣлахъ, Сережа съ miss Battler, любитель а parte намъ не помѣшаетъ, или мы его прогонимъ, а ты мнѣ изволь все разсказать.

— Да что разсказывать?.. — Но, тѣмъ не менѣе, Лена, слегка смущаясь и краснѣя, — своимъ всегдашнимъ ровнымъ, низкимъ голосомъ разсказала, какъ Николай Павловичъ, проѣздомъ въ свою деревню, остановился у нихъ на два дня, какъ онъ, вмѣсто этихъ двухъ дней, прогостилъ почти двѣ недѣли, но въ продолженіе этихъ двухъ недѣль „ничего особеннаго“ не только сказано, но и замѣчено не было, какъ, наконецъ, уже наканунѣ дня его отъѣзда они пошли собирать ландыши и какъ, оставшись на большой дорогѣ съ глазу на глазъ, они высказались и рѣшили свою судьбу.

— Да нѣтъ! Вы только представьте себѣ, Миша Николаевна! — живо началъ Неридовъ, вскакивая со ступенекъ балкона, на которыхъ сидѣлъ, и подходя къ Мусѣ: — это называется „влюбленные“: двѣ недѣли живутъ подъ одной кровлей — и только и разговоровъ: „Хотите еще чашку чаю, Николай Павловичъ?“ (Дмитрій сдѣлалъ безстрастно-меланхолическую мину, воображая, что представляетъ Лену.) — „Не правда ли, какая хорошая погода, Елена Алексѣевна?“ (И онъ сдѣлалъ мрачно-меланхолическое лицо, якобы похожее на лицо Тихменева.) — „Не сыграть ли намъ въ винтъ, Николай Павловичъ?“ (Лицо слегка улыбающееся, но вслѣдъ затѣмъ опять меланхолическій взглядъ вверхъ.) — „Съ удовольствіемъ, Елена Алексѣевна“. И больше ни слова!! Наконецъ, завтра онъ уѣзжаетъ. Они идутъ гулять. Три часа —

увѣряю васъ, это истинная правда! мнѣ самъ Николай говорилъ— три часа они бродятъ по лугамъ и лѣсамъ, и все молчатъ, все молчатъ, только и разговору, что: „ахъ, какъ много цвѣтовъ!“ (замѣтите, даже и это произносится тихо и грустно). Наконецъ, идутъ домой. Вышли на дорогу: „Елена Алексѣевна, выходите за меня замужъ“. — „Хорошо, Николай Павловичъ“. И въ молчаніи пришли домой.

— Ну, ужъ это, положимъ, неправда, Дима. Конечно, мы не танцевали пляски дикихъ по дорогѣ и на шею никому не бросались, какъ ты, когда былъ женихомъ. А прикидывать все-таки нечего!

— Нѣтъ, это невѣроятные люди! Я даже не вѣрю до сихъ поръ, что они женятся. Это какіе-то „анделы“ восковые, какіе-то...

— Ну, ну, хорошо! Мы „анделы“, а ты самъ что молчишь послѣднее время и носъ повѣсилъ?—Лена, противъ своего обыкновенія, раскисилась и заговорила даже о личныхъ дѣлахъ въ присутствіи третьяго лица, чего никогда не дѣлала.—Нечего про другихъ сочинять, на себя погляди.

Дмитрій измѣнился въ лицѣ, рѣзко проговорилъ:—Это ужъ мое дѣло!—и быстро ушелъ въ комнаты.

— То-то „мое дѣло“!—уже безъ всякаго раздраженія сказала Лена.—*Riga bien qui riga le dernier*, а ему, бѣдному, теперь смѣяться-то приходится чуть ли не сквозь слезы.—И Лена указала въ сторону конюшенъ, откуда шла Ольга подъ-руку съ Высоцкимъ, который несъ надъ нею зонтикъ, тогда какъ сама Ольга гнѣвно обмахивалась краснымъ вѣеромъ.

Въ эту минуту съ другой стороны на террасу вошла Анна Евграфовна.

— Что ты, Лена?! — точно испугавшись чего-то ужаснаго, вскричала Муса.—Неужто она вправду?..

Анна Евграфовна отвѣтила за Лену:

— Нѣтъ, чего-нибудь окончательно-ужаснаго тутъ нѣтъ, но и общаго между Димой и Ольгой тоже нѣтъ. Они живутъ въ одномъ домѣ, но это чужіе другъ другу люди. И мнѣ моего Митю страшно жаль, такъ какъ онъ глубоко несчастливъ. А она... ты видѣла: все тѣ же адъютанты, бичи, лошади, экипажи; она вѣрна себѣ. А Дима—пропащій человѣкъ; ея лично ему уже пріѣлось, а кромѣ этого личива не спрашивай у нея ничего, и даже закрой глаза на многое, многое...

Муса, блѣдная, съ испуганными, остановившимися глазами, слушала Неридову, нервно теребя свой платокъ и тяжело дыша, какъ дѣти, готовая заплакать. А лицо Лены приняло еще болѣе

безстрастное и гордое выраженіе, точно она спряталась окончательно за ту невидимую стѣнку, которую такъ умѣла мгновенно воздвигать между собою и всѣмъ остальнымъ, презираемымъ, грѣховнымъ, волнующимся міромъ.

III.

Яркое солнце заливаетъ старый Рабиновскій домъ и невысокій пригорокъ, на которомъ стоитъ усадьба. Вѣтви высокихъ березъ, что сплошной двойной стѣной поднимаются къ дому отъ самаго моста черезъ мелкую шумливую рѣчку, кажутся раскаленными добѣла среди безоблачнаго, свѣтлаго неба. Пыльная дорога подъ ними тоже бѣлая, и въ концѣ ея, уже совсѣмъ бѣлоснѣжныя, блестятъ перила моста. Не дойдя до дому, березы разступаются, окружая съ запада заростающій травкою дворикъ, а дорога обѣгаетъ небольшую лужайку съ клумбой сирени по срединѣ и оканчивается передъ крыльцомъ усыпанной пескомъ площадкой. Цвѣтникъ, который примыкаетъ къ ней слѣва, весь вспыхиваетъ своими разноцвѣтными звѣздочками и крылышками, такими яркими и легкими въ жаркомъ полуденномъ свѣтѣ, точно они слетѣли лишь на минуту съ сияющаго неба и, какъ бабочки, то и дѣло трепещутъ надъ ними такими же нѣжными и яркими крылышками, готовы порхнуть и исчезнуть въ теплое воздухѣ. Молодые желтовато-бархатистые листики дивихъ авацій, которые отдѣляютъ цвѣтникъ отъ дороги, рѣзко выдѣляясь на сине-зеленомъ фонѣ подходящаго къ самой усадьбѣ еловаго лѣса, кажутся совсѣмъ воздушными и прозрачными въ этомъ горячемъ, веселомъ свѣтѣ.

На балконѣ, выходящемъ въ цвѣтникъ, невозможно сидѣть отъ жары, несмотря на опущенныя маркизы и на довольно уже густую листву хмеля и бузины, переплетающихся между столбовъ. За то по ту сторону двухъ-этажнаго, потемнѣвшаго отъ времени, дома — тѣнь и прохлада.

Сегодня воскресенье, и всѣ обитатели Неридова съѣхались въ Рабиновку и теперь, послѣ обѣдни, которую Анна Евграфовна съ дочерью и Ольгой слушали въ садовой Рабиновской церкви, пьютъ кофе въ тѣни столѣтнихъ липъ, близко обступающихъ старый домъ.

Рабиновскій садъ совсѣмъ непохожъ на Неридовскій. Вѣтви старыхъ липъ и дубовъ склоняются почти въ самой густой травѣ, заставляя гуляющихъ сгибаться въ три-погибели, чтобы про-

браться въ сыроватя, заросшія травой аллеи. Кусты сирени, бузины и жимолости, перемеживаясь съ молодыми кленами и рябинами, разрослись цѣлыми непроходимыми стѣнами, всюду образуя зеленые уголки и корридоры. Въ воздухѣ пахнетъ не то сыростью, не то грибами; всюду тѣнь и тишина. Трава высокая; въ ней блестятъ бѣлыя головки полевыхъ астръ и лиловые колокольчики; подъ деревьями раскинулся лопухъ и папоротникъ; красные гроздья щавеля мелькають рядомъ съ зонтиками дикаго укропа и зари. На дорожкахъ поросли маргаритки и одуванчики; мѣстами дорожки совсѣмъ пропадаютъ подъ зеленымъ мхомъ и шелковистою травою. Въ концѣ сада старыя деревья разступаются, и на залитой солнцемъ прогалинкѣ, за невысокою изгородью изъ горошка, бобовъ и хмеля, прячутся гряды зеленого огорода; дальше уступами внизъ сходить огородъ ягодный. Потомъ опять липы и дубы, тѣнь и прохлада и, склонившись къ самой водѣ, вѣтви деревьевъ шуршатъ въ серебристомъ камышѣ Большого Неридовскаго озера.

И безъ того многочисленное общество Неридовыхъ въ это воскресное утро еще увеличилось: явился Тихменевъ изъ своей деревни, изъ Петербурга—Рудольфъ Мюнстеръ съ Бодой и Нина Бергъ, пріѣхавшая въ Рябиновку къ Мусѣ на цѣлый мѣсяць.

За большимъ круглымъ столомъ, который снесли съ балкона подъ темныя липы, сидѣли Тихменевъ, Неридова съ дочерью и сыномъ, Муся, Нина и Бобринъ. Лена уже кончила разливать кофе и теперь тихо говорила съ Тихменевымъ, не спускавшимъ съ нея своихъ задумчивыхъ прекрасныхъ глазъ. А Лена казалась такой же спокойной, какъ всегда, только была розовѣе обыкновеннаго, да сѣрые глаза ея глядѣли ласковѣе и мягче, точно въ нихъ затеплился какой-то спокойный, тихій свѣтъ. Бодой стоя пилъ кофе подлѣ Анны Евграфовны и Лены. Прошлой зимою онъ очень серьезно старался ухаживать за Леной, не высказываясь, однако, окончательно и постоянно отвлекаясь въ сторону Ольги, которая хорошо его понимала и нарочно забавлялась своею властью надъ нимъ, видя, что этимъ тормозитъ его планы выгодной женитьбы. Теперь Бодой считалъ неловкимъ измѣнить свои отношенія къ Аннѣ Евграфовнѣ и Ленѣ и, какъ будто помолвка Лены для него лично не имѣла никакого особеннаго значенія, старался быть особенно почтительно-предупредительнымъ съ матерью и изысканно-любезнымъ съ дочерью и ея женихомъ. Однако Бодой видимо былъ сильно заинтересованъ разговоромъ на другомъ концѣ площадки, гдѣ Ольга, какъ и всегда, поодаль отъ остальнаго общества, угощала Мюнстера и Высоцкаго изъ настоящихъ

турецкихъ чашечекъ настоящимъ турецкимъ кофе съ гущей, свареннымъ ею самою. Секретарь турецкаго посольства, представленный нынче зимою madame Неридовой, подарилъ ей затѣливый кофейникъ съ вкуольными чашечками и выучилъ готовить кофе по-восточному, и съ тѣхъ поръ Ольга не пила другого, а ящичекъ съ чашками и кофейникомъ возила съ собою даже тогда, когда ѣхала на полъ-дня изъ Неридова въ Рабиновку.

— Если ужъ пить кофе à la turque, такъ надо и всю обстановку устроить по-турецки, Ольга Павловна. Я не люблю анахронизмовъ, или какъ это сказать? — говорилъ Мюнстеръ. — Я ничего не имѣю противъ вашего прелестнаго бѣлаго платья (Ольга, дѣйствительно, была особенно хороша сегодня въ своемъ пышномъ, совершенно гладкомъ бѣломъ платьѣ съ широкимъ кушакомъ *gouge crevette*), но, чтобы все было въ одномъ стилѣ съ кофе, я желалъ бы видѣть на васъ загнутыя туфельки безъ задковъ и чадру.

— Туфельки безъ задковъ не годятся для такихъ ногъ, — возетничала Ольга, вытягивая свою длинную, узкую и красивую ногу въ желтомъ, совершенно плоскомъ, безъ каблукъ, башмачкѣ. — Чадра имѣетъ свои достоинства: *elle fait ressortir les yeux*, — продолжала она, томно щура синіе глаза, — но турецкій костюмъ вообще... не думаю, чтобы это было такъ поэтично и шло бы мнѣ, — заключила она, подчеркивая слова и дѣлая видъ, что очень сконфужена.

Всѣ засмѣялись. Боде не выдержалъ и подсѣлъ къ ихъ столу, объяснивъ предварительно Ленѣ, что „такъ-какъ онъ привыкъ по своей службѣ постоянно имѣть дѣло съ разными національностями, а это, — какъ говорить Бекъ, — способствуетъ развитію взаимнаго международнаго уваженія, — то послѣ чуднаго кофе, предложеннаго ему съ такимъ *русскимъ* радушіемъ, онъ, не желая обижать Турцію, теперь хочетъ отвѣдать настоящаго *турецкаго кейфа*“.

— Миша Николаевна! — сказалъ Дмитрій, — если вы не боитесь жары, походите по саду. Я согласенъ даже нести надъ вами зонтикъ, обмахивать вѣеромъ, изображать индусскаго невольника съ вѣвномъ въ рукахъ, только поидемте походить.

— Какой непосѣда! — Муса засмѣялась, однако тотчасъ встала. — А я только-что мечтала о томъ, какъ въ такой день хорошо быть мексиканкой и лежать въ гамакѣ, ничего не думать и ничего не дѣлать. Вы просто нечеловѣволюбивы!

Она пошла по тѣнистой дорожкѣ. Дмитрій догналъ ее, захвативъ съ балкона ея большой японскій вѣеръ.

— Ну, скажите Марья Николаевна, — сразу переменяя тонъ, искренно и серьезно заговорилъ Дмитрій, какъ только они отошли нѣсколько шаговъ: — спору нѣтъ, она очень хороша, и я первый согласенъ любоваться ею, но съ утра до вечера только и слышать, что: „моя ножка, моя ручка, мои глазки“, или: „ваше платье, ваша ручка“, да разныя сладости (и хорошо еще, если только сладости, а то, вы замѣтите, ни одинъ разговоръ не кончается безъ этакаго маленькаго перехода на опереточныя темы, такъ сказать, въ родѣ „турецкаго костюма“, какъ сейчасъ), — нѣтъ, воля ваша, это ужъ слишкомъ, слишкомъ однообразно, ну, просто, мнѣ по горло надоѣло!

— Полноте, полноте, Дмитрій Алексѣевичъ: право, Ольга въ этомъ лишь наполовину виновата: она такая красавица, и всѣ ей только и говорятъ, что комплименты, ну, она и привыкла къ этому, это ей теперь необходимо, какъ рыбѣ вода. Вы сами прежде ее къ этому приучили.

— Такъ это же разница! Я говорилъ ей то, что думалъ, да еще вдобавокъ будучи ея женихомъ. А теперь всѣ они иначе съ ней и не говорятъ. Ну, скажите, отчего вамъ ничего подобнаго не говорятъ, а ужъ, извините, не знаю, кому скорѣе пристальнѣе эпитетъ красавицы...

— Тс!.. тс! „Въ чужомъ глазу сучокъ мы видимъ“ и легко впадаемъ въ тотъ же тонъ, который осуждаемъ въ другихъ.

— Но, видите, вы меня сейчасъ же остановили, а она — нѣтъ... Но не въ этомъ дѣло. Можетъ быть она и права. Вѣдь все можно объяснить, почему, да отчего, — мнѣ-то отъ этого не легче! Я знаю, что мнѣ дома тоска, что все это меня возмущаетъ, надоѣдаетъ, а все, что мнѣ дорого, интересно, ничего этого въ ней нѣтъ!

— Перестаньте, Дмитрій Алексѣевичъ! Мнѣ ужасно неприятно, что вы заговорили на эту тему; помните англійское золотое правило, что никогда ни мужъ о женѣ, ни жена о мужѣ съ посторонними говорить не должны. Помочь я вамъ не могу, а слушать все это какъ-то нехорошо... Да и тяжело.

— Какая же вы посторонняя!? Я васъ совсѣмъ не считаю посторонней; вы со всѣми моими такъ дружны... а главное, развѣ не правда, что и у насъ съ вами совсѣмъ особенныя дружескія отношенія? Развѣ есть вещь, о которой бы мы не говорили, или не могли бы говорить? Вы вспомните эти пять лѣтъ. Съ вѣтъ я совѣтовался обо всемъ важномъ? Съ вѣтъ говорилъ о себѣ и своихъ интересахъ? Да, конечно, я былъ все время влюбленъ въ Ольгу, я былъ счастливъ, если хотите, но только развѣ это то, что вы и я понимаемъ подъ словомъ „счастье“?..

— Нѣтъ, знаете, Дмитрій Алексѣевичъ, ужасная жара, и здѣсь еще хуже печеть. Вернемтесь въ дому, тамъ дышать можно.

Муса повернула назадъ къ дому и была очень занята наблюденіями надъ маленькимъ золотисто-зеленымъ хоботникомъ, который испуганно бѣгалъ по ея ладони; она ему подставляла другую руку, онъ перебирался черезъ палець и опять стремительно бѣжалъ до края руки.

— Отчего вы не хотите со мной говорить? Кому же я могу высказаться, какъ не вамъ? Я духомъ не падаю никогда, вы знаете, но, честное слово, какъ подумаешь объ этихъ пяти годахъ моей жизни, такъ и скажешь, что они просто потеряны даромъ, что не...

— Поглядите, какъ онъ мило взбирается по этой травинкѣ, и какъ спинка его отлиываетъ почти бронзово-краснымъ. Я его посажу на сирень. А какъ жаль, что въ Неридовѣ такъ мало сирени. Впрочемъ, я думаю, что мы недолго уже тамъ пробудемъ; на будущей недѣлѣ я хочу сюда совсѣмъ перебраться, такъ-какъ вотъ и Нина пріѣхала, да и у Ольги постоянно гости, я боюсь ее стѣснять.

— Вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день! Вы развѣ не видите, что я съ вами совсѣмъ другой человѣкъ сталъ, точно ожилъ, точно меня опять подвинутили? И не мудрено: мы съ вами и помузицируемъ, и почитаемъ, и похочемъ вмѣстѣ; вѣчно отъ васъ услышишь что-нибудь новое, неожиданное. Наконецъ, вы сама жизнь. А безъ васъ...

Муса отвернулась и еще ускорила шагъ. — Ужъ, я думаю, живѣе Ольги трудно найти,—съ досадою проговорила она.

— Съ другими, съ чужими, Марья Николаевна! А когда никого нѣтъ,—вы сами знаете: раскладываетъ пассіансъ, встаетъ къ завтраку и цѣлый день вздыхаетъ: „Bon Dieu, quel trou que cette деревня!“ Bon Dieu, quel ennui!“—Только это и слышишь.

Муса совсѣмъ сердито ёжила брови, ничего не сказала и еще скорѣе пошла. Они подошли къ столу, за которымъ теперь остались только Лена и Тихменевъ. Бобринъ съ Анной Евграфовной ушли въ бібліотеку, а Ольга съ Ниной и гостями играли въ крокетъ на тѣнистой широкой аллеѣ за угломъ дома, и оттуда то-и-дѣло доносились громкіе возгласы или сердитое замѣчаніе Ольги: — „Ахъ, Боже мой, да тутъ себѣ голову проломилъ о вѣтви! я положительно не вижу, куда мнѣ гнать мой шаръ. И такъ неровно! Bon Dieu!“

— Что это, — спросила Лена Мусю: — вы, кажется, опять побранились?

Муса протестовала: — Напротивъ, напротивъ, но... такая жара, что невозможно гулять! — Она хотѣла-было присѣсть къ Ленѣ, но Тихменевъ такъ вздохнулъ, когда они подошли къ нимъ, что Мусѣ не хотѣлось имъ мѣшать говорить съ-глазу-на-глазъ. Съ другой стороны, что-то мѣшало ей подойти и къ Ольгѣ и ея компаніи. — Куда бы сплавить Дмитрія? — Муса нѣсколько минутъ задумавшись постояла около стола, постукивая пальцами по массивной доскѣ краснаго дерева.

— Дмитрій Алексѣевичъ, будьте великодушны, принесите мнѣ лимонаду, страшно пить хочется! — Муса рѣшила, что въ Рябиновкѣ теперь очень можетъ быть и нѣтъ лимона, и что она такимъ образомъ заставить Дмитрія вмѣстѣ съ miss Buttler походить и поискать по дому.

Дмитрій пошелъ за лимонадомъ. Муса тоже поднялась въ домъ. Куда бы пойти? Ея комната еще не устроена: тамъ стоятъ всѣ присланные уже изъ Неридова сундуки. Муса прошла въ столовую, гдѣ стоялъ рояль.

— А, слава Богу! Можно играть. — Она никому не помѣшаетъ и ей никто не помѣшаетъ. Она принесла изъ своей комнаты нѣсколько тетрадей нотъ и сѣла къ фортепяно. Разговоръ съ Дмитріемъ ее крайне разстроилъ. Какъ жаль его! И потомъ еще что-то было въ его словахъ, что раздражало ее, даже сердило. Къ чему это? къ чему онъ все это говорить?! Было такъ хорошо, такъ весело вмѣстѣ, а онъ все портить... Она не могла бы сказать, что онъ портить, но хорошо это чувствовала.

Двѣ недѣли, что Муса прожила въ Неридовѣ, прошли такъ хорошо, а главное, такъ необычайно весело. Бобринъ увѣрялъ, что Мусѣ опять 17 лѣтъ: цѣлыми днями раздавался ея звонкій смѣхъ, пѣніе, цѣлыми днями она гуляла, каталась, безъ умолку болтала. Она была спокойна за дѣтей подъ тройнымъ присмотромъ няни, miss Buttler и Анны Евграфовны, и безъ зазрѣнія совѣсти уѣзжала верхомъ за 12—15 верстъ, или уходила къ озеру, или въ паркѣ рисовать на цѣлые часы. Дмитрій бралъ изъ дому книгу—они то читали, то просто болтали; онъ шутливо поставилъ себя на ногу ея вѣрнаго рыцаря. И воздухъ въ Неридовѣ былъ дѣйствительно удивительный, такъ какъ въ эти двѣ недѣли Муса ожила и расцвѣла. „Я вновь помолодѣла“, — говорила двадцати-двулѣтняя женщина ко всеобщему смѣху.

И вотъ теперь ей казалось, что все это почему-то должно испортиться и кончиться. — „Какой онъ несносный!“ — сказала себѣ Муса о Дмитріѣ, и стала играть „Humoreske“. Но, читая ноты глазами, она не думала о нихъ и играла машинально. Лю-

блкая пьеса выходила изъ-подъ пальцевъ сама по себѣ, а мысль шла сама по себѣ, и, сыгравъ первыя два отдѣленія, Муся вдругъ сознала, что она совсѣмъ не слыхала того, что сыграла. Она начала вновь. Первую, вторую фразу она играла внимательно, и вся душа ея была въ игрѣ, но на третьей опять глаза и пальцы пошли дѣлать свое дѣло, а умъ—свое.—Какъ это все странно и нехорошо выходитъ, точно Дмитрій у нея вѣчно стоитъ на дорогѣ!—Муся вспомнила свое первое знакомство съ нимъ и свое дѣтское минутное увлеченіе, и какъ ей трудно было удержаться отъ внезапнаго желанія заставить его обратить на нее исключительное вниманіе, просто „отбить его у Ольги“. Потомъ были они такъ дружны... Нѣтъ, Мусѣ отчего-то теперь непріятно вспоминать и эту дружбу. Она тоже *мѣшаетъ*. Лучше было нынче зимой: она ему чужая, онъ ей просто знакомый, все отлично! И вотъ теперь все было тоже отлично, и вдругъ...—Муся услышала шаги Дмитрія по гостиной и поскорѣе опять принялась играть, стараясь глядѣть на ноты какъ можно внимательноѣе.

— Вотъ лимонадъ, Марья Николаевна, я его вотъ сюда ставлю,—онъ его поставилъ на столикъ за спиной Муси.—Можно остаться послушать? Не помѣшаю?

— Мегсі! Сдѣ-айте одол-женье! — въ таетъ проговорила Муся, не останавливаясь. Теперь ея пальцы совсѣмъ уже самостоятельно дѣлали свое дѣло, а Муся думала, какъ бы Дмитрій скорѣе ушелъ, такъ какъ онъ помѣшалъ ей додумать, отчего отлично, что нынче зимою они были такъ далеки?.. Развѣ она боится чего-нибудь относительно Дмитрія? Или дружбы съ нимъ? Чего же можно бояться?.. И вдругъ, точно испугавшись, что она найдетъ отвѣтъ на этотъ вопросъ, Муся оборвала разомъ, захлопнула тетрадь и встала.

— Что же вы? Видно, я помѣшалъ?

— Нѣтъ, нѣтъ! Все не помѣшали. Такъ что-то не идетъ.

— Напротивъ, я совсѣмъ заслушался васъ. Сыграйте еще что-нибудь! Чтѣ вы охотно играете?

— Нѣтъ, не хочу, да здѣсь и темно, а открыть ставни — жарко будетъ.—Она взяла лимонадъ.

— Марья Николаевна, а вы не боитесь сцены изъ „Маскарада“ или изъ „Kabale und Liebe“? Лимонадъ-то вѣдь я приготовилъ,—пошутилъ Дмитрій.

Муся засмѣялась немножко натянутымъ смѣхомъ.—А вы хотѣли бы меня, à la Фердинандъ или à la Арбенинъ, отправить на тотъ свѣтъ?

Дмитрій вскочилъ съ кресла, на которомъ сидѣлъ, и подошелъ къ Марьѣ Николаевнѣ.

— Да, — сказалъ онъ тихо и глухо, глядя ей прямо въ глаза: — если хотите, бывають минуты, что я, дѣйствительно, хотѣлъ бы, чтобы васъ совсѣмъ не было, чтобы вы пропали со свѣта, конечно, безъ моей любезной помощи, но чтобы вы не стояли вѣчно у меня на дорогѣ!

Муся заговорила громко и насмѣшливо: — Скажите! какое странное совпаденіе! Вотъ ужъ дѣйствительно *les beaux esprits se rencontrent*: я только-что сейчасъ думала то же самое! Да, Рябиновка всѣмъ бы хороша была, еслибы только не близкое сосѣдство „Неридова“. Я вѣдь женщина, а потому о героическихъ средствахъ, въ родѣ арбенинскаго лимонада, никогда не мечтала, но охотно, зато, увеличила бы эти 12 верстѣ въ 156 разъ!

— Однако, вы любезны, Миша Николаевна! Но я не шучу...

— А я шучу. Но, вправду, вы мнѣ... очень часто... мѣшаете... — договорила Муся уже спокойно и, закрывъ рояль, пошла въ бібліотеку, откуда доносились голоса Анны Евграфовны и Бобрина.

— Марья Николаевна! Дослушайте хоть...

Муся, не останавливаясь, обернулась: — А вотъ вы отнесите стаканъ въ буфетную, а то Анна Евграфовна прочтетъ вамъ наставленіе о порядкѣ. Въ бібліотекѣ я васъ дослушаю. — И она вошла въ большую комнату, уставленную по стѣнамъ высокими дубовыми шкафами, а по срединѣ загроможденную всевозможною старинною мебелью и рухлядью. Сюда сносили все, что мѣшало въ другихъ комнатахъ Рябиновскаго дома: столики *boile*, старые выцвѣвшіе портреты, часы, принадлежавшіе нѣкогда Образкову — покорителю Пугачева, конторку, на которой онъ, говорятъ, всегда писалъ, турецкій столикъ и кальянъ, привезенный отцомъ Анны Евграфовны съ войны 28-го года. На одномъ изъ шкафовъ висѣлъ громадный тростниковый малайскій щитъ — его привезъ отецъ покойнаго Неридова изъ кругосвѣтнаго плаванья, также какъ и лодку изъ тюленьей кожи, теперь прислоненную къ сломанному мраморному столу, начала нынѣшняго столѣтія, съ инкрустаціей изъ камней, которая изображала славу, вѣнчающую медальонъ Наполеона, окруженный гирляндами розъ и летающими амурами, одѣтыми въ военные атрибуты. Здѣсь же очутился пузатенькій комодъ на бронзовыхъ ножкахъ и съ маленькимъ зеркаломъ въ массивной рамѣ краснаго дерева наверху.

Петръ Михайловичъ сидѣлъ на какомъ-то золоченомъ стулѣ передъ конторкой и весь погруженъ былъ въ чтеніе неудобопо-

вятной рукописи на сѣрой, пожелтѣвшей еще отъ времени бумагѣ.

— Муся, Муся, какая находка!—завричалъ онъ, едва завидя племянницу.—Какая находка! Да теперь я здѣсь согласенъ годъ прожить. Вѣдь это подлинный дневникъ Образкова. И чтѣ я уже прочелъ!!—Петръ Михайловичъ даже поцѣловалъ кончики своихъ пальцевъ.

— Ну и прекрасно!—говорила со скрипомъ въ голозѣ Анна Евграфовна:—значить и вамъ, и намъ нынче будетъ пріятное лѣто. Ну и прекрасно.

— Анна Евграфовна, не те prenez pas pour un mal-appris!—заглаживалъ Бобринъ:—мнѣ и такъ было бы пріятное лѣто у васъ. А ужъ про эту даму и говорить нечего!—Онъ всталъ и потрепалъ Мусю по щекѣ.—Какъ поправилась-то въ двѣ недѣли всего! Какъ весела! А?

Муся оглянулась на себя въ зеркало комода. Потемнѣвшіе, горящіе глаза глядѣли изъ залитаго нѣжнымъ румянцемъ лица. Губы смѣялись побѣдной и счастливой улыбкой, открывая яркіе, бѣлые зубы. Казалось, что и ямочка на щекѣ, и капризная бровь никогда не придавали этой улыбкѣ столько прелести. Муся невольно подумала, что она дѣйствительно красавица. Да она и была въ эту минуту хороша своею лучшею красотою: красотою жизни и счастья.

— „Отчего я такъ счастлива?“—спросила она себя, и опять испугавшись того, что знаетъ *отчего*, поспѣшно взяла изъ рукъ Петра Михайловича рукопись и стала разбирать старинный почеркъ съ титлами и завитушками.

Петръ Михайловичъ на другой же день переселился въ Рябиновку и принялся за изслѣдованіе драгоцѣннаго дневника.

IV.

Сергѣя Александровича ждали въ послѣднихъ дняхъ іюня, но Муся еще къ 10-му окончательно перебралась съ дѣтми въ Рябиновку. Въ Неридовѣ, вмѣсто уѣхавшихъ Мюнстера и Боде, гостялъ теперь Саша Муранскій и бѣлокурый маленькій офицерикъ съ дѣтскимъ голоскомъ—Лахиревъ. Тихменевъ и Высоцкій тоже еще оставались тамъ. Ольга, боясь, какъ бы ея штабъ не заскучалъ въ деревнѣ, старалась какъ можно чаще соединять общества обѣихъ деревень, и рѣдкій день проходилъ, чтобы между

усадьбами не скакала кавалькада, не летѣла маленькая corbeille или черезъ озеро не переплывала бы лодка.

Одна Муся, занятая устройствомъ комнатъ въ Рябиновѣѣ, еще ни разу не была въ Неридовѣ. Но 13-го всѣ ѣздили въ Неридово по случаю именинъ Анны Евграфовны, и Муся осталась у Ольги до слѣдующаго дня. Назадъ она поѣхала верхомъ съ Дмитріемъ. Съ того воскреснаго разговора ей приходилось видѣть Дмитрія все только мелькомъ, всегда среди другихъ, — она не сознавалась себѣ, что нарочно избѣгала всякой встрѣчи и разговора съ-глазу-на-глазь. Она себя утѣряла, что все это были пустяки, а главное—даже неприятные для нея пустяки, но бессознательно волновалась, садясь въ сѣдло, и рука, которою она взялась за лукъ, чтобы вскочить, такъ дрожала, что Дмитрій даже спросилъ ее:—Что съ вами, Миша Николаевна? Вы точно боитесь сегодня, вы совсѣмъ не такъ сѣли, какъ всегда.

— Я очень запыхалась, бѣжала съ лѣстницы, — отвѣтила она...

Лошади бѣжали ровною рысью, лишь иногда замедляя ее передъ ветхимъ бревенчатимъ мосточкомъ или передъ невысохшимъ послѣ недавняго ливня бродомъ. Дорога извивалась между березнякомъ, еще блестящимъ и яркимъ по весеннему. Кое-гдѣ на низкихъ полянкахъ, поросшихъ бѣлой пушицей, уже подымался легкій туманъ, хотя солнце еще грѣло и ласкало верхушки кустовъ, и вся линія приторковъ, за которыми лежала Рябиновка, горѣла въ свѣжемъ и свѣтломъ вечернемъ сіяніи. Отъ всего блѣднаго неба съ легкими хлопьями розоватыхъ облачковъ, отъ этой яркой зелени, отъ этихъ полянокъ, бѣлѣвшихъ пушицей, вѣяло тепломъ, спокойствіемъ и тою особенною свѣжестью и мягкостью, которой въ іюнѣ, и только въ іюнѣ, напоенъ даже прозрачный воздухъ.

Муся и Дмитрій уже нѣсколько минутъ ѣхали молча. Да и о чемъ бы они говорили? Что-то мѣшало имъ говорить въ томъ беззаботномъ тонѣ, въ которомъ они всегда говорили нынче лѣтомъ, но оно же заставляло ихъ точно инстинктивно избѣгать какого-нибудь серьезнаго вопроса. Обоимъ было точно неловко. Дмитрій нѣсколько разъ старался прервать молчаніе разговоромъ о томъ, какъ онъ училъ ѣздить верхомъ одну барышню, и какъ она въ тотъ моментъ, когда разъ ея лошадь сдѣлала скачокъ въ сторону, бросила поводья и едва не убилась; о томъ, какія у него бывали лошади—но разговоръ не клеился. Они уже доѣхали до городъ, и такъ какъ Муся общалась заѣхать на полустанокъ за письмами, то она свернула съ широкой дороги направо и посканила по лѣсной дорожкѣ.

— Знаете, Марья Николаевна, намъ торопиться некуда, покатайтесь подольше. Здѣсь такъ хорошо, въ этой лощинкѣ. Мнѣ это напоминаетъ мое путешествіе съ одной нашей полковой дамой, когда мы возвращались изъ Хивы; мы съ ней дней пять странствовали по южному Уралу. Конечно, здѣсь нѣтъ и помину тѣхъ горъ, но я ужасно люблю такія заросшія лощинки, какъ тамъ бывали, вотъ въ родѣ этой.

— Послушайте, Дмитрій Алексѣевичъ, для чего вы это мнѣ говорите? Мнѣ это можетъ быть только непріятно. Я охотно сегодня подольше покатаюсь, но зачѣмъ вспоминать про прежнее?

— Развѣ это вамъ непріятно?.. Да вѣдь это путешествіе было самое обыкновенное; къ тому же, ничего такого въ немъ не было.

— Да просто мнѣ какъ-то тяжело думать, что было многое, многое въ вашей жизни, чего я не знаю и не узнаю никогда. Можетъ быть, оно было и неинтересное и пустое, но оно было, оно ваше прежнее... — Муся не замѣчала, что она говорила съ нимъ совсѣмъ не тѣмъ тономъ, какъ нынче лѣтомъ, не тѣмъ, какъ зимою, даже не тѣмъ, какъ прежде всегда.

— Странно, это точно какая-то ревность и ревность къ тому, чего сами не знаете, и притомъ, извините, я не признаю ревности безъ...

— Безъ чего это?

— Ахъ, Миша Николаевна, не говорите такъ!

— Это почему?

— Вамъ это такъ не идетъ. Вы такой серьезный человѣкъ, хорошій человѣкъ, а теперь вдругъ это кокетство, игра... И будь вы не вы, я не затруднился бы, по моей старой привычкѣ, отвѣтить вамъ тѣмъ же, но васъ я слишкомъ уважаю, люблю какъ человѣка, и потому я скажу: „Вы со мною играете, и это вамъ не идетъ“.

Муся не отвѣтила ни слова, подобрала поводья, толкнула лошадь ногой и поскакала впередъ.

— Да вы не сердитесь, Марья Николаевна. Я ничего обиднаго вамъ не сказалъ, но зачѣмъ вы говорите то же, что Ольга или вообще другія? Это слишкомъ обыденно, какъ у всѣхъ, а вы не можете дѣлать того же, что другія. Вы лучше всѣхъ, всего я зналъ, а такую игру занимаются всѣ, всѣ рѣшительно!

— Господи! ну, чѣмъ я виновата, что тамъ, гдѣ другія играютъ, убиваютъ время отъ нечего-дѣлать,—я говорю совершенно серьезно и чувствую совершенно серьезно! Ну да, вы не признаете рев-

ности безъ любви, и я не признаю. Ну, и понимайте, какъ хотите!—вдругъ договорила она, отвертываясь.

— Марья Николаевна! чтѣ вы говорите?! Зачѣмъ вы... этимъ шутите?!

— Вы сами хорошо знаете, что не шучу, и знаете, *что* я говорю...

— Нѣтъ, я этого ничего не знаю.. не можетъ этого быть!

— А вы сами чтѣ же? Почему же вы тогда сказали, что я у васъ на дорогѣ? Въ шутку? Но я тогда же хорошо поняла, что это — шутка что-то неладная, печальная какая-то.

— Да, но я могу увлекаться, сойти съ ума, а вы, вы...

— Ну, чтѣ я? Святая? Каменная? Богъ мой! вижу человѣка пять лѣтъ чуть не каждый день, знаю его и его жизнь, какъ себя, дружна съ нимъ, и... если онъ, если онъ... однимъ словомъ, отчего я не могу...

— Оттого что вы—Марья Николаевна, и оттого что вы замужемъ.

— А! вотъ какъ! вы же будете меня наставлять! — Муся страшно поблѣднѣла и хотѣла пустить лошадь, но Дмитрій схватилъ ее за поводъ.

— Простите меня, Марья Николаевна! Ей Богу я не хотѣлъ разсердить васъ!

— Разсердить?! Развѣ въ томъ дѣло?! А вотъ вы хотѣли, чтобы я вамъ словами сказала, что я люблю васъ,—ну, я и говорю. Да, да, люблю. Довольны вы теперь? Этого вамъ надо было?

Муся разомъ пустила поводья, толкнула лошадь, ударила ее хлыстомъ и вихремъ понеслась по дорогѣ... Лошадь Дмитрія тоже подхватила, едва не выбивъ его изъ сѣдла. Но онъ скоро справился съ нею, подскакалъ вплотную къ лошади Глуховской и схватился за луку сѣдла.

— Полноте! чтѣ съ вами? Вы сердитесь? Я только хотѣлъ сказать, что не смѣю, не могу вѣрить этому!—И онъ заглянулъ ей въ лицо.

Муся тоже взглянула ему прямо въ глаза.—Вѣрите теперь?

Дмитрій не успѣлъ отвѣтить, какъ лошади, испугавшись чего-то, вдругъ опять подхватили и понесли. Нѣсколько секундъ онѣ скакали рядомъ. Дмитрій не выпускалъ луки сѣдла Муси. Потомъ лошади пошли тише. Муся взяла руку Неридова съ луки и, не выпуская ея, тихонько сжимала. Лошади перешли на шагъ. Они подвѣхали къ желѣзно-дорожной сторожеѣ надъ такъ-называемымъ „Горнымъ Озеркомъ“.

Мальчишка въ розовой рубашкѣ и полосатыхъ штанахъ, съ выгорѣвшими отъ солнца волосами и почти темнымъ отъ загара лицомъ, сынъ сторожа, взялъ поддержать лошадей.

Муся и Дмитрій, получивъ письма отъ сторожихи, пошли по песчаной, лѣсистой дорожкѣ внизъ къ озерку. Муся шла впереди, сбивая хлыстомъ головки съ цвѣтовъ и задумчиво глядя впередъ. Дмитрій догналъ ее и предложилъ руку. — Нѣтъ, этого не можетъ быть! — опять сказалъ онъ. — Это не то, вы ошиблись!

— Что же это?

— Такъ, фантазія!

— Фан-тазія? И теперь думаете, что фантазія? — Муся прижала къ себѣ его руку, поднося на него свои огромные черные глаза. — И теперь? — говорила она все тише, прислоняясь головой къ плечу Дмитрія и вся прижимаясь къ нему.

— Теперь? Нѣтъ, теперь, — Дмитрій тоже говорилъ едва слышно, — теперь!.. — и онъ, повернувъ ей руку, сталъ цѣловать въ разрывѣ перчатки надъ пуговицами чуть видную розовую ладонь.

Съ озера доносились крики и плескъ воды. Выйдя изъ густого ельника на плоскій берегъ темнаго лѣснаго озерка, Муся и Неридовъ увидѣли цѣлую толпу деревенскихъ ребятишекъ, раздѣвавшихся и уже раздѣтыхъ, которые, съ гамомъ и весельемъ, влѣзли и влѣзали въ воду; два взрослыхъ парня тоже раздѣвались, сидя въ лодкѣ у берега. Озерко — такое темное, что мѣстами трудно было различить воду отъ поросшихъ сплошнымъ лѣсомъ, извилистыхъ береговъ — лишь къ серединѣ серебрилось рябью. Надъ противоположнымъ берегомъ, въ самомъ узкомъ мѣстѣ, вился, окутывая его, прозрачный туманъ.

Муся и Дмитрій поскорѣ повернули, пожалѣвъ, что нельзя остаться на этомъ заснувшемъ озеркѣ, и вновь стали подниматься по тропинкѣ, по которой только-что спустились. Они шли молча, замедляя шаги, тѣсно прижавшись другъ къ другу. Ихъ обгоняли съ веселымъ разговоромъ выкупавшіеся уже мальчишки въ однихъ низко подпоясанныхъ рубашонкахъ, шлепая необсохшими еще ногами по скользкой лѣсной травѣ, усѣянной прошлогодними хворьями. Темнѣло. За деревьями звенѣли колокольчики возвращавшагося домой стада и въ деревнѣ Пабережной лаяла собака. Послышался стукъ копытъ по мягкой дорогѣ, и мимо посторонившагося Неридова проскакалъ мальчишка на мокрой лошади, которой Муся не замѣтила на берегу; мокрые волосы мальчишка развѣвались по вѣтру, и ситцевая рубашка прилипла къ тѣлу.

Опять сѣли на лошадей. Муся поѣхала шагомъ. Вскорѣ за

сторожкой они свернули вправо, чтобы кратчайшей дорогой проѣхать въ Рябиновку. Солнце уже сѣло, но закатъ былъ таковой яркой, что, казалось, солнце не зашло, а разошлось, расплылось по небу, захватывая до трети небосклона своей сіяющей волной. Съ высовой дороги, по которой теперь шли лошади, широкій видъ открывался на обѣ стороны: все холмы, холмы, поросшіе лѣсомъ, кое-гдѣ пашни, еще зеленныя, луга, опять лѣсъ; въ двухъ мѣстахъ сверкалъ извивъ рѣчки. Въ прозрачномъ, на высотѣ еще свѣтломъ, воздухѣ, самыя далекія горки были ясны, какъ въ двухъ шагахъ, можно было даже различать болѣе темную зелень луговъ отъ серебристо-зеленыхъ пажитей. За однимъ изъ холмовъ сверкнулъ маленькій уголокъ озера. Потомъ скрылся. Потомъ оно показалось уже ближе. Потомъ дорога опять повернула, яркій закатъ скрылся за густой чащей сосенъ.

— А вѣдь вы правы, Дмитрій. Это все на меня не похоже. Какъ я, такая честная, сказала вамъ это все? Какъ я позволила себѣ полюбить?!

— Марья Николаевна! теперь ужъ не воротить! А что вы мнѣ сказали, то какъ же было бы иначе? Мы вѣдь никогда хитрить не умѣли другъ съ другомъ.

— Но теперь-то, теперь чтѣ дѣлать?!

— А теперь нечего больше думать. Мало ли чтѣ будетъ потомъ! Мы можемъ завтра же разлюбить другъ друга, умереть, мало ли чтѣ, почему я знаю! Но теперь я счастливъ, я тебя люблю, я съ тобой!

Муся, вся вспыхнувъ, наклонилась надъ гривой лошади, точно разбирая поводья, но Дмитрій вдругъ обнялъ Мусю за талью, привлекъ къ себѣ и осыпалъ поцѣлуями ея щеки, глаза, шею, губы... Лошади шли шагомъ.

— Довольно, довольно! — прошептала Марья Николаевна, отклоняясь на сѣдлѣ.—Мнѣ слишкомъ, слишкомъ съ тобой хорошо, голова можетъ закружиться... Одинъ вечеръ, одинъ лишь вечеръ счастья,—проговорила она какъ бы про себя,—а потомъ все забыть, все кончить...

Но Дмитрій понялъ ея слова иначе. Его глаза загорѣлись.— Да? Да?..—взволнованно спросилъ онъ.—Одинъ лишь вечеръ, а потомъ все забыть?.. Хорошо, пусть такъ будетъ!.. Такъ поведемъ назадъ къ озерку! Или куда?..

Муся поблѣднѣла.—Дмитрій Алексѣвичъ! Чтѣ вы говорите?! —и она опять вспыхнула отъ стыда и досады, что онъ могъ такъ истолковать ея слова.—Я только говорю, что вотъ теперь мы счастливы, и я бы хотѣла, чтобы этотъ вечеръ никогда не

кончался, — а приѣдемъ домой, и надо все, все забыть, кончить...

Дмитрій уже совладалъ со своимъ волненіемъ.—Но зачѣмъ же, отчего же кончить?

Я отвѣчу вамъ вашими же словами: оттого, что я—я, и оттого, что я замужемъ.

— Ну, я это буду дома помнить, а теперь я помню одно, что ты меня любишь, что ты пока еще *моя* Миша, красавица моя!—онъ, было, опять нагнулся къ ней съ сѣдла, но Муся указала ему хлыстомъ впередъ: по дорогѣ на-встрѣчу имъ ѣхала, дребезжа и гремя, телѣжка, запряженная бѣлою лошадыю.

— Это священникъ!—добавила Марья Николаевна.—И знаете, пора ѣхать скорѣе, я уже и то не вижу дороги!

Они пустили лошадей по первой колеѣ, прямо черезъ поля. Вѣтеръ шумѣлъ въ ухахъ отъ скорой ѣзды; кустарникъ шуршалъ, задѣваемый краемъ амазонки; столбъ пыли вился за ними. Впереди неясно темнѣла деревня; въ какомъ-то домѣ уже звѣздочкой зажегся огонекъ. На землю сошла прозрачная, июньская, тихая ночь: безцвѣтное, точно хрустальное небо, ни тѣни, ни свѣта на землѣ. Деревья и кусты кажутся какими-то полупрозрачными силуэтами; кажется, что при приближеніи они должны исчезнуть и разсѣяться, какъ облако тумана вонъ надъ той поляной исчезаетъ, когда въ него въѣзжаютъ. Вдали однообразно, рѣзко кричатъ дергачъ. Сверчки трещатъ на лугу за канавой. Изъ глѣбныхъ вѣтвей березъ на опушкѣ Рябиновскаго сада доносятся первые удары соловьиной трели.

Приѣхали. Муся поспѣшно спрыгиваетъ съ сѣдла и бѣжить къ себѣ раздѣваться, ничего не отвѣчая на вопросъ: „отчего такъ поздно?“ который задаютъ ей всѣ выспавшіе на-встрѣчу обитатели Рябиновки и Неридова. Въ то время какъ Муся и Дмитрій ѣхали въ Рябиновку сухимъ путемъ, Ольга уже успѣла переплыть озеро со всей своей свитой и теперь торопитъ всѣхъ пить чай, чтобы идти провожать ее, Ольгу, до Рябиновскаго полустанка. Это еще новая выдумка: ѣхать отъ полустанка до Неридовки по желѣзной дорогѣ, а тамъ на лошадяхъ, которыя уже ждутъ ихъ.

Муся одѣвалась поспѣшно. Она должна что-то рѣшить, что-то обдумать, но ничего не можетъ понять. Какой-то туманъ все закрылъ. Она даже не можетъ себѣ сказать, счастлива ли она, или что-нибудь встаетъ между нею и счастьемъ? Можетъ быть ей очень хорошо, а можетъ быть что-нибудь ее мучить. Она

только торопится скорѣе внизъ, такъ какъ одно она сознаетъ, одного ей хочется: быть скорѣе вмѣстѣ съ нимъ!

На высокомъ балконѣ горѣли свѣчи въ колпакахъ. Всѣ уже кончили чай и разбрелись по комнатамъ, отыскивая шляпы и палки. Только Ольга, уже въ шляпѣ и перчаткахъ, учила Высоцкаго новому пассансу и Анна Евграфовна говорила съ Петромъ Михайловичемъ о какихъ-то хозяйственныхъ реформахъ.

— Ну что? Хорошо покатались, не ссорились? — вопросомъ встрѣтилъ Мусю дядя.

И вдругъ Муся почувствовала, что она сдѣлала что-то ужасное, что-то такое, о чемъ она никогда не скажетъ Петру Михайловичу, о чемъ онъ не долженъ знать. И какъ только Муся почувствовала это, туманъ прошелъ, она ясно сознала, что любить Дмитрія и что счастлива его любовью, и что это дурно, ужасно и это надо скрывать. И какъ только она это сознала, она тотчасъ весело стала рассказывать о поѣздѣ, и о мальчикахъ на озерѣ, и о лошади священника, и даже, сама передъ собою бравируя опасностью разказа, о томъ, какъ вдругъ „лошадь ея понесла, а Дмитрій Алексѣевичъ схватился за луку сѣдла“. Она говорила громко и весело, но ей все казалось, что дядя съ подозрѣніемъ глядитъ на нее. А Петръ Михайловичъ просто любовался на ея оживленное лицо и, слушая ее, въ то же время думалъ: слѣдуетъ ли начать монографію объ Образовѣ съ перепечатки его дневника и потомъ перейти въ выводы, или, наоборотъ, предпослать его характеристику и подробную біографію дневнику, а чтобы этотъ послѣдній служилъ, такъ сказать, лишь подтвержденіемъ и усиленіемъ его изложенія.

Но Муся была увѣрена, что Петръ Михайловичъ все понялъ, она была въ отчаяніи, и это отчаяніе заставляло ее говорить себѣ: „Ну, все равно, семь бѣдъ одинъ отвѣтъ“, и она удерживала въ своей рукѣ руку Дмитрія, передававшую ей ножикъ, такъ что это могли замѣтить, и тихонько придвинула свой стулъ ближе къ его стулу. „Все равно, чтѣ потомъ будетъ! Теперь я вотъ счастлива и знать больше ничего не хочу!“ — говорила себѣ Муся.

И когда всѣ, за исключеніемъ стариковъ, пошли провожать Ольгу съ ея свитой, Муся смѣло взяла руку Дмитрія и пошла съ нимъ сада всѣхъ.

Старыя липы дремали, свѣсивъ свои вѣтви до самой земли. Дремали высокія березы, легкими кружевными силуэтами вырѣзавшіяся на зеленоватомъ свѣтломъ небѣ. И кусты сирени и жимолости спали у ихъ ногъ. На опушкѣ сада гремѣла пѣснь соловья.

Они открыли боковую калитку и пошли по дорогѣ черезъ поле.

Пѣснь соловья стала замирать вдаль. Яснѣе и рѣзче послышался звенящій свистъ какой-то болотной птицы. Дорога стала спускаться въ оврагъ, къ полотну желѣзной дороги. Старый березовый лѣсъ подходилъ къ самому обрыву, а внизъ по склону спустился молодой березнякъ, пропадая въ морѣ бѣловатаго тумана. Небо еще не потемнѣло надъ закатомъ, но на сѣверо-востокѣ уже горѣла оранжевая полоса разсвѣта, и прямо надъ нею, дрожа и переливаясь въ блѣдномъ, зеленоватомъ небѣ, ярко сіяла бѣлая большая звѣзда.

— Я не пойду дальше, — сказала Муся, останавливаясь. — Прощай, Ольга!

— Ахъ, и я не пойду! — вдругъ рѣшила Ольга, сообразивъ, что внизу сыро, и всѣ ея кудряшки на лбу разовьются. — Adieu, mesvieurs, поѣзжайте одни, завтра я приѣду къ вамъ черезъ озеро къ завтраку вмѣстѣ съ Димой и съ Муранскимъ qui me tiendra compagnie.

Всѣ начали-было протестовать, но Ольга рѣшительно стала прощаться и погнала всѣхъ внизъ, говоря, что уже слышитъ поѣздъ. Она пошла назадъ съ Ниной и Муранскимъ. Муся все стояла на краю обрыва, опираясь на руку Дмитрія.

— Боже мой, какая ночь!

— И такая ночь не моя! — наклоняясь къ Мусѣ, почти касаясь ея волосъ, — прошепталъ въ отвѣтъ Неридовъ.

Муся молчала. Дмитрій слышалъ, какъ стучало ея сердце, и почувствовалъ, какъ при послѣднихъ словахъ она точно пошатнулась и еще крѣпче оперлась на его руку.

Вдали послышалось гудѣніе поѣзда; два огненные глаза сверкнули въ морѣ тумана и, злобѣще увеличиваясь, стали надвигаться все ближе и ближе.

— Однако, Муся, пора и домой! — раздался голосъ Ольги: Нина мѣшала ей говорить съ Муранскимъ, и тутъ только Ольга обратила вниманіе на то, что ея мужъ что-то слишкомъ много бываетъ съ Мусей.

— Точно двое влюбленныхъ! — продолжала Ольга, когда тѣ неохотно догнали ее и Нину.

— Еще бы! — Муся зло засмѣялась. — Ужъ такой воздухъ въ Рябиновкѣ и Неридовѣ: только и видишь, и слышишь, что влюбленныхъ!

Назадъ пошли черезъ деревню. Говорили всѣ вмѣстѣ, хохотали. Сама безъ умолку острилъ. Только войдя въ большой садъ, Муся съ Дмитріемъ пошли тише и остались одни, скрытые отъ

шедшихъ впереди вѣтвями липъ. Дмитрій поднесъ ея руку къ губамъ.

— Неужели разойдемся по комнатамъ уже сейчасъ? Сегодня такая ночь, что, просто, грѣхъ спать ложиться.

— Нельзя же сидѣть въ саду всю ночь? То-есть, можно бы, да никто, кромѣ насъ, не захочетъ, а вдвоемъ нельзя же!

— Отчего нельзя?—и въ голосъ его опять зазвучала страстная нѣжность.

— Вы сами знаете, что нельзя, — отвѣтила Муся строго. — И вдругъ, закинувъ обѣ руки, она пригнула къ себѣ его голову и поцѣловала его прямо въ губы.

Въ эту минуту съ балкона опять послышался капризный голосъ Ольги:

— Да идите же скорѣе! Я спать хочу. Мусъ телеграмму привезъ верховой со станціи—надо, навѣрное, завтра къ поѣзду вставать! И чтó за охота такъ долго гулять! Этакъ себѣ весь цвѣтъ лица испортишь!

— Нѣтъ, я спать не пойду! Я пойду еще гулять,—сказалъ Неридовъ и еще разъ съ мольбой посмотрѣлъ Мусъ въ глаза, сжавъ ея руки.—Она только покачала головой.

— Спокойной ночи! — и она раскрыла депешу, а Дмитрій ушелъ одинъ въ садъ.

Сергій телеграфировалъ, что его отпустили раньше, чѣмъ онъ ожидалъ, и что пріѣдетъ завтра съ утреннимъ изъ Петербурга поѣздомъ. Но Муся прочла лаконичныя, отрывистыя фразы депеши, точно онѣ были написаны по-китайски: для нея онѣ теперь ничего не значили. Она не зашла къ дѣтямъ, какъ всегда передъ сномъ, а прошла прямо въ свою комнату. Ольга раздѣвалась, сердясь и ежеминутно ворча на сонную горничную.

Мусъ хотѣлось быть одной. Она поспѣшно раздѣлась и легла въ постель. Наконецъ Ольга закрутила всѣ свои кудряшки, отпустила дѣвушку, и, сказавъ на прощанье Мусъ:—„завтра твоя воля кончится, собственный мужъ пріѣдетъ, не позволитъ больше чужихъ завлекать!“ — улеглась, очень довольная своей милой фразой. Скоро послышалось ея ровное дыханіе. Муся открыла глаза.

Въ комнатѣ было почти свѣтло; въ окно глядѣло порозовѣвшее уже небо. На большой березѣ противъ дома проснулись и щебетали воробьи. Своимъ точно надтреснутымъ, звонкимъ свистомъ, въ ровныя промежутки, синтирь выпѣвалъ однообразныя двѣ ноты.

Муся встала съ постели и подошла къ окну. Ни одинъ листъ не шевелился; все еще спало въ природѣ, кромѣ неугомонныхъ птицъ. Незамѣтно, въ торжественной тишинѣ, наступало ясное

июньское утро... Небо становилось синѣе. Дорога и стволы березъ большой аллеи порозовѣли. Легкій вѣтерокъ зашепталъ въ нѣжныхъ кудряхъ березъ, и судорожно затрепетали сѣрые листья большой осины; онъ уже давно пронесся дальше, а матовые листы все еще дрожали и вертѣлись на своихъ длинныхъ черешкахъ... Съ деревни неслась немолчная переключка пѣтуховъ: начиналъ хриплый громкій голосъ, ему отвѣчалъ молодой, болѣе звонкій, но нервнѣйшій еще, и все глуше и дальше слышались голоса этого дружнаго ансамбля... Стало совсѣмъ свѣтло. Вдругъ надъ холмомъ, за дорогой, показался яркій кровавый край солнца, а по верху деревъ хлынули чистые, словно изъ золотого хрустала, словно холодные еще лучи.

„Боже мой, какъ ясно, какъ хорошо!“ — думала Муся, стоя на волѣняхъ передъ окномъ и опираясь головой на стиснутыя руки. — „Какая ночь прошла! Какой чудный день начинается! И отчего я не съ Дмитріемъ теперь?!.. Какое счастье! Какое счастье! Милый, милый мой, какъ я тебя люблю, какъ мнѣ хорошо съ тобой, какое счастье было бы уйти съ тобой куда-нибудь далеко, далеко!.. Нѣтъ, зачѣмъ уходить? И здѣсь хорошо. Ольга говорила разный вздоръ, но въ сущности ей было бы все равно, еслибы она и догадалась, а она ни о чемъ не догадывается, какъ и всѣ!“ И Муся стало даже весело, когда она подумала, какое необычайное, громадное ея счастье скрыто отъ всѣхъ. Нѣтъ, дядя не догадывается, я ошиблась вчера. А еслибъ и догадался? Все равно, ничего не измѣнится. Это должно было быть. По правдѣ сказать, мы любимъ другъ друга съ перваго дня, какъ увидѣлись... Милый мой, милый!“

Муся открыла окно и выглянула въ садъ. Несмотря на ранній часъ, воздухъ былъ совершенно теплый и, словно лаская, зашевелилъ завитушки темныхъ волосъ на ея вискахъ. Чириканье птицъ все усиливалось. Какая-то птичка тянула свою высокую ноту; пѣвочка подражала всѣмъ другимъ птицамъ; ласточки съ рѣзкими возгласами сновали подъ крышу.

— Счастье! счастье! — почти громко сказала себѣ Муся и, не закрывая окна, легла въ постель. И засыпая, она все улыбалась и все шептала: — Счастье, да, да, счастье!

V.

Марья Николаевна проснулась поздно и еще позднѣе могла встать, такъ какъ Ольга очень долго возилась со своимъ туалетомъ и не уходила изъ комнаты. Ольга была не въ духѣ: она проспала утренній поѣздъ, встала только къ завтраку, за завтракомъ придиралась къ Сашѣ, наконецъ совсѣмъ съ нимъ поссорилась и объявила, что ни въ какомъ случаѣ не возьметъ его въ Неридово.

— Я тебя возьму съ собой! — сказала она Дмитрію будто небрежно, но всматриваясь по очереди изъ-за своего вѣера въ лицо Мусы и мужа. Муся, казалось, не обратила вниманія на ея слова, она продолжала разговаривать съ Сашей и Ниной, но Дмитрій измѣнился въ лицѣ и съ неудовольствіемъ спросилъ въ отвѣтъ:

— Развѣ ужъ никого другого нѣтъ, кромѣ меня?

— Ah, bon Dieu! Какой онъ любезный! Стоило бы, чтобы я отвѣтила тебѣ тѣмъ же, что я только оттого тебя беру, что некого больше!

— На безрыбьи ракъ рыба, — шепнулъ Саша Нинѣ, отчего та покатила съ смѣху, закрываясь газетой, которую ей передать только-что Бобринъ.

— Но я не стану мстить тебѣ, — продолжала Ольга, — я скажу правду: я прошу тебя ѣхать, чтобы провести съ тобой послѣдніе дни, такъ какъ я рѣшительно уѣзжаю на будущей недѣлѣ, — ну, и хотѣла бы побыть вдвоемъ съ тобой до отъѣзда. Я ихъ всѣхъ прогону изъ Неридова.

— Ахъ, какъ это трогательно и правдоподобно! — насмѣшливо сказалъ Дмитрій, вставая и берясь за фуражку, чтобы уйти въ садъ, но Ольга удержала его.

— Пожалуйста, пожалуйста, безъ дерзостей и насмѣшекъ! Не вымѣщай на мнѣ твоего фiasco *у друицъ*! (Ольга вывела изъ своихъ наблюдений изъ-за вѣера, что Дмитрій влюбился въ Мусю, но эта „недотрога“ обращается съ нимъ какъ со всѣми — что ступль, что человекъ — ей все равно.) А если ты будешь продолжать твои милыя выходки, я въ самомъ дѣлѣ попрошу Петра Михайловича доказать, что прежніе люди воспитаннѣе и любезнѣе теперешней молодежи. Не правда ли, Петръ Михайловичъ, вы будете такой любезный и согласитесь быть моимъ кавалеромъ, если даже мой мужъ явно показываетъ свое нежеланіе быть со мной? Я не знаю, что его здѣсь такъ удерживаетъ. Что-нибудь *очень важное*, вѣрно, такъ какъ...

— Пожалуйста, уволь отъ этихъ комедій, Ольга!—перерывъ ее Дмитрій.—Я ѣду съ тобой, и чтобъ объ этомъ разговорѣ больше не было!

— Ахъ, какой прелестный тонъ!! — начала-было Ольга, но тутчасъ остановилась. Продолжать такъ не слѣдовало; ведя дѣло такимъ образомъ, она рисковала достигнуть какъ разъ обратнаго результата. Она вдругъ сдѣлала радостную улыбку и бросилась Дмитрію на шею: — Ахъ, Дима! какой ты милый! Ты прости меня, что я такъ покапризничала, но мнѣ очень, очень хотѣлось, чтобы ты поѣхалъ со мною!—говорила она, точно растроганная. И, понижая голосъ, добавила:—Я даже нарочно поссорилась съ Сашкой, чтобы его здѣсь оставить.

— Муся, пойдѣмъ къ озеру!—тихонько сказала Нина, вставая вслѣдъ за Петромъ Михайловичемъ,—а то здѣсь все приходится быть свидѣтелями различныхъ супружескихъ сценъ. Пойдемъ!

Муся съ облегченіемъ вздохнула и стала сходить съ лѣстницы. — „Какая гадость! Какая пошлость!“ — думала она. — „Что это, она узнала что-нибудь? ревнуетъ? Какіе грубые намеки! И все это надо слушать, выносить молча и ему, и мнѣ! Ахъ, какая пошлость!“ — Она разсѣянно слушала Нину, которая увѣряла ее, что Ольга, навѣрное, задумала какой-нибудь планъ, для котораго ей нужно на время опять „приручить“ своего мужа.—Вотъ она и разыгрываетъ таковой spectacle de société, — говорила Нина.— Какъ знать, можетъ быть все это просто ради того, чтобы заставить ревновать кого-нибудь изъ своихъ поклонниковъ. Чего добраго—Ольга намѣрена разыграть комедію супружескаго счастья, нѣчто въ родѣ повторенія lune de miel,—она и на это способна.

— Ахъ, какая гадость! Какая низость!—громко, съ отчаяніемъ схватывая себя за голову, вскрикнула Муся, отвѣчая на свои мысли.

Нина даже остановилась на дорожкѣ.

— Что съ тобой?!—спросила она съ удивленіемъ.

— Такъ, такъ, ничего! Пойдемъ къ озеру!—поспѣшно сказала Марья Ниволаевна.

Онѣ шли нѣкоторое время молча. Муся была совсѣмъ надломлена, уничтожена тою бездною мелкихъ и крупныхъ униженій, обмановъ, пошлости и низости, которую ей открыли слова и намеки Ольги, и къ этой безднѣ она сама подошла невольно за эти два дня. До сихъ поръ она этого не сознавала ясно. Дмитрій вчера сказалъ правду: она призналась ему, что любить его, только потому, что слишкомъ была дружна съ нимъ и не могла не быть откровенной. Потомъ она была просто счастлива его любовью,—счаст-

лива, не думая ни о чемъ и ни о комъ. Когда она вчера говорила съ дядей, она смутно чувствовала, что дѣлаетъ что-то недоброе, что это должно скрывать отъ всѣхъ, но—она была счастлива и тѣмъ, и какъ счастлива! И вотъ теперь впервые она ужаснулась себя и того, что сдѣлала.—„Да, Дмитрій былъ правъ, зачѣмъ это я ему сказала?—подумалось Мусь.—Вѣдь это то же, что бываетъ и у другихъ, то же, что всѣ дѣлаютъ! Обманъ, гадость! Вотъ онъ долженъ ѣхать теперь съ Ольгой, которая его не любитъ, и которую онъ не любитъ, и все-таки долженъ ѣхать, долженъ переносить всѣ эти мелкія оскорбленія, долженъ скрывать свое чувство, прятать его, какъ что-то преступное... Да оно и есть преступное!! А я-то?! я-то?! Я люблю Сережу, и онъ меня любитъ, я ему не могу солгать и въ мелочахъ, не въ состояніи невѣрно передать о самыхъ пустыхъ вещахъ, а теперь?—теперь какъ я сврою отъ него, что люблю другого?! А онъ мнѣ вѣритъ по-прежнему, онъ прійдетъ ко мнѣ, какъ въ своей Мусь. А я? Какъ его встрѣчу? Какъ Ольга: думая одно, говоря другое. Боже мой, Боже мой!“—Муса закрыла лицо руками и упала на скамейку.

— Муса! что съ тобой? Ты больна, разстроена совѣмъ. Что съ тобой?!

— Нина, голубчикъ, принеси мнѣ немного воды, я вправду нездорова немного, у меня что-то нервы развинтились; а тутъ вся эта исторія! Ты не повѣришь, какъ мнѣ всѣхъ ихъ жалко: и Анну Евграфовну, и Лену, и Дмитрія Алексѣевича; а какъ меня возмущаетъ эта Ольга! вѣдь она его просто обманываетъ на каждомъ шагѣ!—„Ахъ, ахъ! вотъ я опять лгу!“—думала Муса снова, пока Нина побѣжала за водой.—„Опять сваливаю на другихъ, опять прятки, обманъ!“—и она зарыдала еще сильнѣе.

Вдругъ ей послышались шаги. „Что, если это не Нина, а Ольга? Анна Евграфовна? Дядя?“—Муса вскочила въ ужасъ, вытерла глаза и, какъ преступница, ушла за громадный кустъ дикаго жасмина. Но это пла Нина.—Муса, Муса, идѣ ты?—Она принесла ей воды.

— Знаешь, Муса, я думаю, что просто будетъ гроза,—сказала Нина.—Сегодня дѣйствительно ужасно душно. За озеромъ видны громадныя тучи. Вѣдь хоть ты и поправила послѣднее время, а все, можетъ быть, твоя астма даетъ себя знать передъ грозой.

— Ну, что ты! Вѣдь она уже давно у меня прошла!—сказала Муса, однако очень довольная тѣмъ, что Нина ни о чемъ повидимому не догадывалась и приписывала ея разстройство

просто нервамъ и грозѣ. Но въ смятенномъ сердцѣ Муси даже и это простое, дружеское отношеніе болѣзненно отозвалось.— „Вотъ она какая хорошая, Нина!—думалось Мусѣ:—она и не подозрѣваетъ, что мнѣ нельзя больше вѣрить, что я совсѣмъ пропала,—гадкая, ужасная женщина!“—И слезы опять выступили у нея на глаза, но она опять сдержалась и поскорѣе стала вмѣстѣ съ Ниной строить планы на лѣто: скоро всѣ разъѣдутся, они останутся одни въ Рябиновѣ, можно будетъ опять много читать вмѣстѣ, играть, пѣть...

— Муся! Муся!—раздался рѣзкій голосъ Анны Евграфовны. — Не пора ли послать лошадей за Сергѣемъ Александровичемъ? Какъ онъ тебѣ телеграфировалъ? Если онъ прійдетъ съ восьми- часовымъ поѣздомъ, то его подождутъ тѣ же лошади, которыя повезутъ Митю и Ольгу. А если съ шести- часовымъ, то надо сейчасъ послать Мартына! — кричала Анна Евграфовна черезъ весь огородъ. Совсѣмъ захыхавшись отъ крику и скорой ходьбы, она подошла наконецъ къ скамейкѣ.

— Фу, какая жара!—говорила она, обмахиваясь платкомъ.— Просто дышать нечѣмъ! У меня весь хлѣбъ погорить. Шутка сказать—третью недѣлю дожда нѣтъ. Тамъ за озеромъ тучи поднимаются. Дай-то Богъ, чтобы мимо не прошли!

— Ужъ эти тучи намъ бѣды надѣлали! — сказала Нина, вставая передъ Анной Евграфовной.— Вотъ Мусѣ опять что-то худо стало передъ грозой, какъ въ былыя времена.

— Нѣтъ, нѣтъ, это ничего, Анна Евграфовна. Мнѣ Нина дала воды, и все прошло уже. Это пустяки!

— А ты, вправду, что-то блѣдна. Чтѣ съ тобой?

— Нѣтъ, нѣтъ, все хорошо. Ради Бога, не говорите ничего лядѣ и Сережѣ. Это ихъ напугаетъ только, а я совсѣмъ здорова.

— Ну хорошо, хорошо.

Онѣ тихонько пошли къ дому. Въ столовой Ольга, уже совсѣмъ готовая къ отъѣзду, прикалывала къ своему шоловому *cache-poussiègre*у большой букетъ амарантовъ, подобранныхъ въ цвѣтъ къ ея подбитой гранатовымъ бархатомъ высокой шляпкѣ.

— Ну-съ, друзья мои, прощайте. Не скучайте безъ меня. Милости просимъ ко мнѣ въ Неридово, я вамъ тамъ устрою „отвальня“, какъ выражается деньщикъ вотъ сего гадкаго мальчишка,—и она послала воздушный поцѣлуй Дмитрію, который свертывалъ ей пледъ и зонтики.—Вы знаете, пашапа,—обратилась она къ Аннѣ Евграфовнѣ:—вотъ ужъ правда, что все къ лучшему въ этомъ лучшемъ мірѣ; хорошо, что я сегодня утромъ опоздала, и у меня тутъ масса вещей оставалась по шва-

памъ; я Дмитрія и заставила ихъ собирать (ваша Даша такая безтолбовая). И это была такая умора!.. Mesdames, я охотно рекомендовала бы вамъ эту „новую“ горничную, но въ сожалѣнію она мнѣ такъ необходима, что я беру ее съ собой до Париза. А тамъ — посмотримъ. Воображаю себѣ радость Высоцкаго по случаю этой перемѣны декорацій. Онъ будетъ бѣситься!—Ольга засмѣялась, сдѣлала гримаску, расцѣловала всѣхъ и пошла къ экипажу.

Дмитрій молча пожалъ всѣмъ руки и пошелъ за нею. — Маша, я еще заѣду къ вамъ передъ отъѣздомъ во всякомъ случаѣ.

Лошади натянули поводья, взяли съ мѣста крупную рысью, шарбанъ прокатился сначала между двумя рядами старыхъ березъ, потомъ простучалъ по мосту и наконецъ скрылся въ облакѣ густой бѣлой пыли.

Въ седьмомъ часу пріѣхалъ Сергій Александровичъ, совсѣмъ сѣрый отъ пыли, едва дыша отъ жары. Но ни страшный припеки, по которому ему пришлось трястись 19 верстъ (такъ какъ онъ взялъ билетъ до станціи „Неридовки“ и оттуда пріѣхалъ на простой крестьянской телѣгѣ), ни пыль, залѣпившая ему глаза, не испортили его бодрого и веселаго настроенія духа. Мусей, однако, онъ остался недоволенъ.

— Петръ Михайловичъ, — говорилъ Сергій, сидя за позднимъ обѣдомъ, который по его просьбѣ накрыли на площадкѣ подъ липами: — что же это вы мнѣ писали, что Муся такъ поправилась и посвѣжела. Она и блѣдна, и утомлена.

— Да, правда, — отозвался Бобринъ: — у нея сегодня нехорошій видъ, но я тебя могу увѣрить, что все это время мы только и дѣлали, что любовались ея цвѣтомъ лица и здоровымъ видомъ.

Муся дѣйствительно такъ осунулась за этотъ день, такъ поблѣднѣла, что вовсе не была похожа на ту торжествующую красавицу, которая при пріѣздѣ заглянула на себя въ старое зеркало въ библиотекѣ. Муся даже вовсе не была хороша теперь. Черные глаза потухли. А когда она улыбалась, то капризная бровь придавала лицу какое-то болѣзненно-недоумѣвающее выраженіе. Сергій — Муся встрѣтила съ болѣзненною, страстною радостью; ей казалось, что онъ спасаетъ ее отъ какой-то страшной опасности. Но теперь все оживленіе пропало, и она почти весь обѣдъ молчала, печальная, смущенная. Нѣсколько разъ хотѣла она заговорить о томъ или другомъ эпизодѣ своей жизни здѣсь, о своемъ

рисованіи, объ Ольгѣ,—но слова не шли у нея съ языка. Все, что она *могла* или *хотѣла* сказать, казалось ей такъ мелко, такъ лживо, сравнительно съ тѣмъ, что она *должна* была бы и не *могла* сказать... Лучше молчать.

Сергѣй нѣсколько разъ внимательно посмотрѣлъ ей въ лицо, но ничего не спрашивалъ, и вскорѣ увлекся разговоромъ съ Бобринимъ, которому долженъ былъ немедленно сообщить всѣ петербургскіе слухи, новости, сплетни. Какъ ни былъ Петръ Михайловичъ занятъ своей библіотекой, но онъ не могъ долго прожить безъ притока свѣжихъ извѣстій изъ Петербурга,—вообще извѣй. И теперь онъ, по своей всегдашней манерѣ принимая всякое дѣло близко къ сердцу, горячо доказывалъ, что назначеніе Грибова не можетъ радовать никого, понимающаго, что хорошо и что нехорошо для насъ. Грибова онъ зналъ еще по своему прежнему вѣдомству и считалъ его умомъ узкимъ, мелкой натурой, неспособной ни на какую инициативу.. „А это-то для насъ болѣе всего необходимо“,—заключалъ Бобринъ каждую серію своихъ доказательствъ, похлопывая Глуховского по рукаву. Зато другое извѣстіе, привезенное изъ первыхъ рукъ,—заказъ, полученный Барсуковымъ: написать къ какому-то торжественному случаю картину на тѣму: „Екатерина II открываетъ засѣданія коммиссіи 1767 года“,—его несказанно радовало.

— Это должно выйти удачно. Вы только подумайте, сколько портретовъ! А кто же лучше Барсукова умѣетъ такъ проникаться духомъ времени, такъ воссоздавать живые образы по старымъ, потускнѣвшимъ портретамъ? И сюжетъ такой благодарный. И даже съ чисто колоритной стороны это даетъ очень много матеріалу. Нѣтъ, я въ восторгѣ! Непремѣнно, какъ только вернусь въ Петербургъ, пойду къ Барсукову въ мастерскую, если только онъ пуститъ.

— Не знаю, право, будетъ ли теперь пускать. Я у него былъ, когда онъ еще вончалъ портретъ Леонтьевой. Превосходно! Кстати, я тамъ встрѣтилъ m-lle Кернъ съ гувернанткой. Она очень просила кланяться тебѣ, Муся. Нынче они все лѣто не уѣзжаютъ по случаю этой исторіи... Да!—спохватился онъ—вы и не знаете! Вѣдь тотъ Кернъ, ихъ троюродный братъ—знаете?—убить на дуэли (къ счастью это не попало въ газеты; принажи мѣры во-время)... Убить...

— Что ты? Когда? Кѣмъ?—спросили всѣ разомъ.

— Какже, какже! Была у него дуэль съ Хановскимъ. Онъ что-то сказалъ про сестру Хановскаго не особенно... Ну, тотъ его попросилъ извиниться или отказаться отъ своихъ словъ. Кернъ,

вонечно, не захотѣлъ—ну, и (это было въ Павловскѣ, смотрѣли „Petit Duc“) —ну, и на другой день, какъ водится, сошлись тамъ, гдѣ-то, близъ Лигова. Кернъ—наповалъ! А тотъ въ ногу сильно раненъ.

— Боже мой, какой ужасъ! — воскликнула Нина, а Муса только поблѣднѣла какъ полотно.

— „Да, да, и я должна ждать подобнаго же“, — добивала она себя. Весь день она промучилась сознаниемъ непоправимаго несчастья, которое она себя надѣлала; она вспоминала всѣ свои мелкіе недостатки, всѣ проступки и свою послѣднюю непоправимую ошибку, которая не имѣла ни оправданія, ни извиненія, — она это знала. Она сравнивала себя со всѣми тѣми женщинами, которыхъ знала, или о которыхъ слыхала въ свѣтѣ, и изъ которыхъ однѣ платились за свои увлеченія цѣлою испорченною жизнью; другія, напротивъ, продолжали пользоваться всѣми благами, духовными и матеріальными. И всѣ эти женщины казались ей лучше, выше ея. Онѣ имѣли оправданіе въ томъ, что или не любя вышли замужъ, или были несчастливы въ замужествѣ. А она? А Сергѣй? Развѣ такого человѣка можно разлюбить? И она ясно сознавала, что Сергѣй ей дорогъ до сихъ поръ, что онъ ей дороже Дмитрія. И ей нѣтъ оправданія! Да, да, Дмитрій былъ правъ, когда не вѣрилъ въ серьезность ея чувства: это увлеченіе, это не любовь, а страсть, капризъ, о которомъ стыдно вспомнить, но который теперь неизгладимымъ влечомомъ легъ на ея честную, чистую жизнь. Все, все испорчено, все пропало. Ничего хорошаго больше ей въ жизни не дожидаться, всего надо ожидать дурнаго, постыднаго. Вотъ и объ ней будутъ говорить, какъ о сестрѣ Хановскаго, а Сергѣй или Саша должны будутъ стрѣляться. Да, да, все, все пропало! Чтѣ изъ того, что она не измѣнила Сержѣ въ грубомъ смыслѣ этого слова? Это не уменьшаетъ ея вины. Она себя позволила забыть до того, что поцѣловала этого чужого человѣка, она говорила ему о своей любви и слушала его. И нѣтъ, нѣтъ ей извиненья...

Встали изъ-за стола. Аннѣ Евграфовнѣ подали кофе на маленькой столикѣ. Бобринъ и Саша курили, сидя на ступенькахъ лѣстницы. Сергѣй ходилъ взадъ и впередъ по площадкѣ, изрѣдка останавливаясь около жены и поглаживая ее по блестящимъ чернымъ волосамъ.

— Такъ Ольга Павловна скоро уѣзжаетъ, вы говорите? И даже Митьку увозить? Ну, это и отлично. Надо ему поразсвѣяться въ иностранной обстановкѣ. А то онъ всю эту весну былъ какой-то хмурый, желчный.

— Сергій Александрович! вамъ можно сказать, вы намъ не чужой, да и Нина Михайловна тоже. Ну, какъ ему не быть желчнымъ?! Развѣ ему хорошо живется? — заговорила Неридова своимъ скрипящимъ голосомъ.

— Эхъ, Анна Евграфовна, еслибы было какое несчастье непоправимое, ну, тогда можно похмуриться, да и то про себя, en tête-à-tête съ самимъ собою. А то вѣдь я знаю его бѣду: ну, да, женился не совсѣмъ удачно. Она ему не подходитъ. Но вѣдь, признаться сказать, самъ Дмитрій сильно измѣнился за послѣднее время, и (простите мнѣ эту откровенность!) большаго прежде онъ самъ и не требовалъ. Такъ что значить надо такъ выразиться: „она ему *теперь* не подходитъ“. Конечно, она немного вѣтрена, пуста, кокетлива...

— Нѣ-ѣ-ть!— съ ожесточеніемъ трясъ головой, перебила его Анна Евграфовна, и ея негодование сказывалось въ особенно сильномъ скрипѣніи и дребезжаніи голоса.— Нѣ-ѣ-ть! не немного пуста, а страшно пуста, вульгарна, груба, безсердечна и кокетка до мозга костей!

— Такъ развѣ же это ужъ такое непоправимое несчастье? Я все-таки думаю, что она его любитъ въ сущности. Должна же она понимать, какой онъ хорошій человекъ. А разъ она его любитъ — не все еще пропало.

Муса, которая еще болѣе поблѣднѣла при началѣ этого разговора, вся загорѣлась румянцемъ теперь и, поднявъ голову, съ мольбой и ожиданьемъ смотря прямо на Сергѣя, спросила дрожащимъ голосомъ:

— Такъ ты думаешь... ты думаешь, Сережа, что... что если *она* его все еще любитъ, то не все еще пропало, что еще вѣтъ несчастья?

— Конечно, конечно, моя птичка!— Сергій приподнял ея голову за подбородокъ и поцѣловалъ ея горящую щеку. Онъ былъ такъ огорченъ извѣстіемъ о несчастьѣ Дмитрія и всеобщимъ горемъ по этому поводу, что хотѣлъ и самъ себя, и другихъ убѣдить, что все это еще дѣло поправимое. Онъ не догадывался, что своими словами онъ вновь зажегъ свѣтлый лучъ надежды и вѣры въ себя въ измученномъ, наболѣвшемъ сердцѣ Мусы, гдѣ все было мракъ и смятеніе. Поэтому онъ былъ очень пораженъ, когда, въ отвѣтъ на его рѣчь, Муса прижалась плавающимъ лицомъ къ его рукамъ, и горячія слезы закапали на его пальцы.

— О, да, да! это еще все поправимо!— шептала она, борясь съ рыданіями, которые душили ее.

— Чтѣ съ тобой, Муса, чтѣ съ тобой?!

— Ахъ, Сергѣй Александровичъ,—вмѣшалась Нина.—Вы правду сказали за обѣдомъ, что у Муси нездоровый видъ. Такъ какъ вы теперь сами видите, что она разстроена и больна, то ужъ и я выдамъ ее: она сегодня совсѣмъ себя плохо чувствуетъ отъ грозы въ воздухѣ; она это мнѣ сама днемъ сказала, а вотъ теперь, кажется, готова отречься отъ своихъ словъ.

— Нѣтъ, вовсе нѣтъ! Мнѣ, правда, Сережа, что-то нехорошо, точно прежде передъ приступомъ астмы,—а все это меня такъ огорчаетъ, такъ огорчаетъ!..

— Ну, ну, птичка, полно, полно! Пойдемъ, походимъ со мною. Хочешь, внизъ по аллеѣ пойдемъ? Тамъ, навѣрное, легче дышать, тѣмъ здѣсь. Я помню, мы въ былые годы часто ходили тамъ взадъ и впередъ съ Дмитріемъ и толковали о разныхъ разностяхъ... Помните, Анна Евграфовна? Вы еще насъ прозвали „маятниками“.

— Да, хорошіе были годы!—печально отозвалась Неридова.

— Нина Михайловна, пойдите и вы съ нами! — сказалъ Сергѣй, всегда любившій Нину за ея умъ, доброту, а болѣе всего за ея дружбу съ Мусей.

Муся же какъ будто обрадовалась, что не останется съ-глазана-глазъ съ мужемъ въ эти тяжелыя для нея минуты, когда она еще не пришла въ себя отъ всего пережитаго за эти два дня. *Еще* не пришла въ себя, такъ-какъ она теперь была увѣрена, что все это было какое-то затѣвнѣе, безуміе, забытье, отъ котораго она уже начала отрезвляться, и которое скоро отгонитъ, какъ тяжелый кошмаръ. Да, она твердо рѣшила все это прогнать, забыть, будто всего этого и не было. Дмитрію она скажетъ, если только онъ не сдумаетъ понять ея молчанія, что все это было капризъ, игра, или даже прямо скажетъ, что она просто увлеклась, а теперь одумалась. Если онъ даже отшатнется отъ нея послѣ этого, перестанетъ ее уважать, и ихъ старая дружба порвется,—тѣмъ лучше! это будетъ достойное наказаніе. И имъ будетъ тѣмъ легче разойтись, что онъ вѣдь уѣдетъ совсѣмъ черезъ недѣлю. И отлично, отлично! Слава Богу, что еще такъ скоро пришла въ себя,—пока „дѣло еще поправимо“. „Милый Сережа, всегда-то онъ поможетъ!“

И Марья Николаевна крѣпко прижимала къ себѣ руку мужа, обнимая другою рукою Нину за плечи. Они ходили, осторожно шагая по мелкой, мягкой пыли, взадъ и впередъ по аллеѣ, отъ моста и до подъема въ гору. Сегодня было гораздо темнѣе, тѣмъ наканунѣ. По небу непрерывной чередой, нигдѣ не оставляя просвѣта, ползли сѣрыя тяжелыя тучи. Воздухъ былъ душный, не-

дежний; пахло гарью. Все затихло и замерло въ ожиданіи дождя, но дождь не выпадалъ, а темныя, низкія тучи все ползли, все надвигались... Тамъ и сямъ надъ далекими лѣсистыми холмами засвѣтилось блѣдное зарево невидимыхъ днемъ лѣсныхъ пожаровъ.

VI.

Была половина іюля. Жара стояла уже цѣлыхъ шесть недѣль безъ перерывовъ. Первые три недѣли погода была чудесная, солнце весело сіяло на безоблачномъ небѣ, все обѣщало хорошій урожай; иногда набѣгаль легкій вѣтеръ и освѣжалъ воздухъ; росы не выпадало, но ночи были прохладныя.

Потомъ пропалъ всякій вѣтеръ; даже ночью стало трудно дышать отъ духоты; солнце свѣтило только утромъ, а около полудня заволакивалось тяжелыми, свинцовыми тучами, которыя все однако не проливались благодѣтельнымъ дождемъ. Большія березы посѣрѣли отъ пыли, и ихъ высыхающіе листы печально повисли. Трава на открытыхъ полянахъ выгорѣла. Овесъ былъ тощій, низкій. Въ Рябиновкѣ мужики уже два раза служили молебень. Анна Егграфовна, всякій разъ что ходила въ поля, безнадежно качала головой, и скрипящій голосъ ея звучалъ особенно желчно, когда она говорила: „Нѣ-ѣтъ, не-е чего ждать больше дождя; все равно — все пропало!“

На большомъ коврѣ, разостланномъ на лужайкѣ подъ липами, въ однѣхъ рубашонкахъ возились баби и Вѣрочка и ползаль Володя. Они всѣ только-что проснулись, проспавъ отъ жары всю середину дня. Нянюшки тоже успѣли вздремнуть, но теперь жара немного свалила, и онѣ вновь принялись работать въ тѣни липъ. Оекла Матѣевна, накрытая бѣлымъ платочкомъ, вязала чулокъ, прислонившись къ темному мшистому стволу одного изъ великановъ, помнившихъ самого Образкова, когда онъ пріѣзжалъ сюда въ шитомъ кафтанѣ и съ напудренной косой; тогда и стройное молодое дерево красовалось въ своихъ густыхъ зеленыхъ локонкахъ, а теперь глубокія борозды изрыли его кору, на вѣбовомъ члѣнѣ липъ тамъ и сямъ видѣлись сѣровато-зеленыя кудри, и самъ старый великанъ покривился подъ тяжестью лѣтъ и широко раскинулъ свои корявые, обнаженные, громадныя сучья, точно желая опереться на одного изъ болѣе бодрыхъ товарищей.

Рядомъ съ нянюшкой, miss Наггу шила платье для баби, а невдалекѣ, подъ другой липой, расположилась и цѣлая компанія: Лукичъ чистилъ самоваръ, Даша подшивала balayeuse подъ

платье Марьи Николаевны; тутъ же прачка и Ксёша—горничная Ольги Павловны—чистили малину на варенье. Къ нимъ присоединился и Павлушка, „садовниковъ мальчѣна“, парень лѣтъ 18-ти, зубоскаль и балагуръ, питавшій чрезвычайную слабость къ пестрымъ „жилеткамъ“ и стальнымъ цѣпочкамъ и втайнѣ мечтавшій уже и о „спинджакаѣ“, о чемъ онъ, однако, не смѣлъ и заикаться передъ строгимъ, набожнымъ, стоявшимъ за „старинное“ дяденькой „Пётрой“.

— Это что же такое вы, примѣрно, шьете, Дарья Сергѣевна?—спрашивалъ Павлушка, съ любопытствомъ слѣдившій, какъ Даша аккуратно отмѣрала и приметывала заложенный складочками и обшитый широкимъ кружевомъ воланъ.—Ровно бы какъ подолъ отъ юбки отрѣзали, да къ другой юбкѣ пришивать стали.

— По твоему подолъ, а по нашему балахуза,—строго отрѣзала Даша, не удостоивая „мальчѣну“ болѣе продолжительнаго объясненія.

— Тоже захотѣлъ что понять!—вступилась нарядная Ксёша.—У васъ въ деревнѣ франтики небось еще посичасъ варнальны, либо панье, либо развѣ-развѣ что въ обтяжку платья носить, да и то думаютъ, какъ бы юбокъ побольше натянуть. А господа, видишь, какъ нынче платья носить: совсѣмъ гладко, въ складочку кругомъ, хотя бы какъ и мы—прислуги, только-что тюрниоръ поддѣваютъ. Ты вонъ сказала: „подолъ отъ юбки отрѣзали“, —передразнила Ксёша его тонъ,—а не подшей я его своей барынѣ, такъ она меня распушить такъ, что и-и!

— Тоже, модница!—сердито заговорилъ Лукичъ, не поднимая головы отъ поваленнаго на бокъ самовара, по которому старательно водилъ сувонкой съ порошкомъ.—Не модницы вы, а тряпичницы! Какія теперь моды? Тутъ тряпочка, тамъ кусочекъ, тутъ лоскуточекъ—будто бы какъ и вправду платье... Нѣтъ, прежде лучше было! Какъ вырядится тогда хоть бы къ примѣру наша барыня, Анна Евграфовна—платье-то шолковое цѣлое,—на одну юбку, поди, 20 аршинъ пойдетъ,—а мантилью опять-таки одѣнетъ кружевную широкую, цѣльную, хоть ты занавѣску изъ нея дѣлай! Вотъ это мода! Вотъ ужъ сразу увидишь, кто барыня, а кто—такъ себѣ дрянцо. А теперь, прости Господи, барыню и не отличишь отъ васъ, побѣгушевъ. Вотъ у Ольги Павловны у вашей платье ситцевое въ бузетахъ, а лифъ другой, да тутъ кружечки махонькія попришиты, да и у тебя, у дуры, такое же въ бузетахъ, и тоже лифъ другой, да кружечки. Хоть бы и не глядѣлъ! Тьфу!

— Ну ужъ вы тоже всегда свое старое время хвалите,

Родивонъ Лукичъ. Только и поминаете, какъ вы съ барининомъ жили. Мы-ста да поди-ста!

— А ужъ, конечно, другое тогда дѣло было! Былъ бы живъ теперь Алексѣй Микитичъ, такъ, вы думаете, сюда попали бы, да и съ вашей барыней вмѣстѣ?! Какъ же! Держи карманъ!

— Съ вами тоже свяжешься говорить, такъ и жизни не рада будешь,—обидѣлась Ксѣша, вставая и забирая корзинки и тарелки.—Одно слово, солдатъ необразованный!

— Сказать бы я одно словечко,—угрожающе возвысилъ голосъ Лукичъ, размахивая въ азартъ суконкой,—да ужъ не хочу грѣха на душу брать изъ-за такой изъ-за царевны Недотроги.—И, обращаясь къ Дашѣ, почтительно прибавилъ:—Вотъ вы, Дарья Сергѣевна, сами скажите: по нашему дому ейная-то госпожа, али нѣтъ? Такъ, по истинѣ, скажите!

— Не наше это дѣло, Родивонъ Лукичъ, вотъ чтѣ!—отвѣтила строгая Даша.

Но нянюшка не была согласна съ мнѣніемъ Дашы.—Что-жъ,—заговорила она скороговоркой:—оно точно, что дѣло господское, а мы тоже понятіе свое имѣемъ. Я такъ думаю, что пока она молода, такъ отчего ей не погулять? Я и то на *нашу*-то диву дивлюсь: красавица тебѣ писанная, а все больше дома сидитъ. Я ужъ ей даже говорю: „Насидитесь еще дома, Марья Миколовна, какъ будетъ у васъ этакъ дѣтишекъ пять-шесть, а теперь бы вы повеселились, ваше дѣло молодое“. А то только у ей утѣхи и есть, что играетъ, либо рисуеть, да книжки читаетъ. Хоть бы старухѣ—и той впору.

— Капиталовъ, знать, нѣтъ,—рѣшила прачка,—такъ и зачитаетъ книжку съ гора. Вотъ я тоже жила...

Но прачку перебила miss Наггу, ломая русскій языкъ:

— Нѣтъ! У лэди Мэннерсъ былъ большой капиталъ, но она была настоящая лэди, у ней была жизнь въ своей фамиліи, а миссисъ Перидовъ точно французженка, и у ней нѣтъ жизни въ своей фамиліи.

Всѣ молчали...

— Вы знаете, Тэкла Матѣевна,—что я люблю эту дѣвочку, какъ мое собственное дитя, и только поэтому и остаюсь въ такомъ странномъ семействѣ. Oh! они совсѣмъ не respectable,—досказала гувернантка, какъ бы обращаясь къ себѣ, и прибавила:—Вотъ старую барыню, Анну Евграфовну, я уважаю...

— Да, да!—поддержала нянюшка:—старуха она точно что хорошая, барыня какъ есть настоящая, даромъ что въ платочкѣхъ этакъ иной разъ сбѣгаетъ. И строга тоже, ай-ай, какъ строга!

Нагдась Пётру какъ распекала за клубнику: „Ты, говорить, на Бога-то не сваливай! Онъ, говорить, дождя не даетъ, такъ ты поливай, не лѣнись, она у тебя и не погоритъ. А вы, моль, всё: „Богъ да Богъ“,— да какъ бы самимъ-то ничего не дѣлать. Ты, говорить, знай затвердилъ: „такъ Богу угодно, такъ Богу угодно“. Нечего, моль, на Бога сваливать!“.. Такъ, матушка ты моя, хоть и грѣшно такое говорить, а я просто животики надорвала, ее слушавши!

Miss Нэггу продолжала между тѣмъ глядѣть съ нѣжной улыбкой на бѣби, и снова заговорила, обращаясь къ нянѣ: — Богъ поставилъ меня въ этой дѣвочкѣ, и я должна думать о ней—я должна думать и строгой быть, потому что я ее люблю! — И съ сознаниемъ исполняемаго долга miss Нэггу гордо подняла свою гладко причесанную голову.

— Точно, сиротинушка!—пожалѣла дѣвочку и Оекла Матвѣевна, и покачала съ соболѣзнованіемъ головой, на которой платокъ съѣхалъ на бокъ.—Пойти развѣ чайку заварить? Анна Робертовна, будете пить? Я ребяткамъ за молокомъ пойду, такъ за-одно скажу Ксѣнѣ, пусть за чайникомъ тамъ посмотритъ, да и сюда намъ его принесетъ. Ей теперь свободно. Ейная принцесса укутила!

Дѣйствительно, Неридовы уѣхали уже недѣлю тому назадъ. Дмитрій былъ передъ отъѣздомъ два раза въ Рябиновѣ, и оба раза съ Ольгой, которая теперь не отпускала его ни на шагъ, и при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ разыгрывала нѣжныя сцены. Муся была этимъ очень довольна; она инстинктивно, въ присутствіи Дмитрія, жалась къ дядѣ или мужу, точно спасаясь отъ какой-то опасности. Она была очень довольна и тѣмъ, что Дмитрій, крайне дружески и по-прежнему задумчиво относившійся къ Сергѣю, съ нею былъ какъ-то официально любезенъ и натянутъ. Она объясняла это себѣ вліяніемъ Ольги и тѣмъ, что Дмитрій тоже сознался и раскаялся въ минутъ увлеченія. И потому она была всѣмъ этимъ довольна.

А Дмитрій, никогда не останавливавшійся въ своей жизни передъ тѣмъ, чтобы обмануть или даже систематически обманывать какого-нибудь несимпатичнаго ему, глупаго или просто добродушнаго мужа, не могъ не чувствовать себя виноватымъ противъ своего друга, котораго уважалъ и цѣнилъ гораздо болѣе самого себя. — „Если она, какъ женщина, и способна такого человѣка обманывать,—говорилъ онъ себѣ,—то я зато знаю, что такое честь и честность. Да и она тоже должна это понять: она очень умна

и все-таки хорошая, очень хорошая женщина". Онъ безсознательно этимъ „все-таки“ оправдывалъ ее передъ самимъ собою за ея любовь къ нему, хотя самого себя нисколько не считалъ виновнымъ или требующимъ оправданія за свою любовь къ ней. И вотъ, чувствуя свою мнимую правоту и честность, Дмитрій хотѣлъ показать и Мусѣ, что она должна забыть о происшедшемъ, и держать себя съ нею натянуто и оффиціально-любезно. И онъ тоже былъ очень доволенъ, что Муся такъ легко поняла это и держала себя такъ, какъ ему хотѣлось. Онъ былъ убѣжденъ, что она въ этомъ случаѣ подчинялась ему. Они простились совершенно спокойно и просто, при всѣхъ; Муся даже дала ему порученіе въ Парижъ.

Тотчасъ послѣ отъѣзда сына и невѣстки, Анна Евграфовна перевезла въ Рябиновку и баби съ англичанкой и горничной.

Няня и miss Натту уже давно ушли съ дѣтьми въ комнаты, уложили малютокъ спать и теперь ведутъ свою мирную бесѣду, сидя у открытаго окна большой дѣтской. Подъ окномъ Лукичъ, при свѣтѣ принесенной изъ кухни маленькой лампочки, чиститъ ножи и съ чувствомъ поетъ „Черную шаль“, то ускоряя, то замедляя темпъ, смотря по тому, плавно ли скользятъ ножемъ по доскѣ, или съ ожесточеніемъ быстро водить имъ взадъ и впередъ.

— Пойтить посмотрѣть? должно, отпили!—говоритъ онъ самъ себѣ, владеть послѣдній ножъ въ корзинку, отираетъ руки о передникъ, который вѣшаетъ на гвоздь за ставнемъ окна, и идетъ черезъ садъ на балконъ, продолжая напѣвать, свирѣпо насупивъ брови:

„И мрачную душу терзаетъ печаль!“

Слово „терзаетъ“ онъ произноситъ съ особеннымъ отчаяніемъ.

Дѣйствительно, чай уже отпили, но всѣ еще сидѣли вокругъ стола, на которомъ горѣли свѣчи въ колпакахъ. Дамы работали, за исключеніемъ Муси; она сидѣла на ступенькахъ лѣстницы, всматриваясь въ потемнѣвшій садъ... Тучи собирались въ одну большую, синевато-черную; воздухъ точно замеръ,—онъ такъ тяжелъ, что едва можно дышать,—и весь былъ наполненъ запахомъ гари отъ лѣсныхъ отдаленныхъ пожаровъ, которые при этой суши распространялись неудержимо. Вдали играла зарница; она все приближалась и, наконецъ, обратилась въ блѣдную молнію, почти непрерывно стоявшую на небѣ.

Разговоръ не влекся; какъ всегда передъ грозой, у всѣхъ

на душѣ было какъ-то тревожно и тяжело. Петръ Михайловичъ предложилъ было читать вслухъ, но, едва начавши, самъ отложилъ книгу и началъ ходить по балкону, заложивъ руки за спину.

Стало совершенно темно; на горизонтѣ опять обозначились огни пожаровъ, невидимые днемъ; сильнѣе потянуло дымомъ.

Всѣ смольли, точно боясь нарушить грозную тишину; не слышно было ни шуршанья просыпавшихся и засыпавшихъ птицъ въ вѣтвяхъ, ни безконечныхъ пѣсенъ сверчка; все точно вымерло.

— „Боже мой, Боже мой, какъ тоскливо, какъ ужасно тоскливо!“ — думала Муса. Она чувствовала себя одинокой. Какая-то невѣдомая сила манила ее въ садъ, въ эту темную, ароматную, таинственную тьму, подъ старыя вѣтви липъ. И, протянувъ руки впередъ, словно раскрывая объятья, она сбѣжала со ступеней и пошла по аллеѣ. Чего ей хотѣлось, чего недоставало? — она сама не могла себѣ сказать. Все было хорошо, она была въ мирѣ съ самой собою, жизнь текла ровно и спокойно. Но Мусѣ казалось, что именно эта-то ровность и спокойствіе такъ и мучаютъ ее; ее тянуло куда-то, къ чему-то безпокойному, бурному, полному таинственныхъ силъ, какъ эта темная, жаркая ночь. Муса сѣла на скамейку, сжимая руки до боли; она тяжело и неровно дышала, раскрытыя губы горѣли. — „Чего я хочу? Чтѣ меня манитъ и зоветъ? — думала она. — Неужели это просто гроза такъ меня разстроила?“ — И вдругъ, чувствуя, какъ вся кровь прилила ей къ щекамъ при готовомъ вылиться въ страстныхъ словахъ отвѣтъ, она громко проговорила: — „Нѣтъ, нѣтъ, это не то!“

Раздался рѣзкій, сухой раскатъ грома. Потомъ другой, третій. Разыгравшійся вѣтеръ погналъ по дорожкѣ сухіе листья и траву, поднялъ на дорогѣ облако пыли и закачалъ деревья, — какое-то дерево даже застонало и заскрипѣло. Мусѣ вдругъ стало страшно, и она почти бѣгомъ вернулась на балконъ...

Пламя свѣчей колыхалось, задуваемое вѣтромъ. Большая бархатная сѣрая бабочка, какъ обезумѣвшая, носилась вокругъ нихъ. Анна Евграфовна и Лена бросились распорядиться закрываніемъ оконъ и дверей. Нина помогала Сергѣю убирать книги и работы со стола.

Ослѣпительная молнія дрогнула въ воздухѣ, и въ ту же минуту надъ самымъ домомъ разразился страшный ударъ грома... На ступени балкона шлепнулась тяжелая капля дождя — другая, чаще, чаще; деревья бѣшено закачались, и хлынул ливень.

Муса, положивъ голову на грудь Петру Михайловичу, смотрѣла вмѣстѣ съ нимъ на страшное, темное, точно поднявшееся небо, на которомъ рѣзко выступали желтоватыми, грязными хло-

пьями очертанія громадной грозовой тучи. Непрерывно мигала то фіолетовая, то ярко-бѣлая молнія, и, не умолкая почти ни на секунду, раскатывался громъ съ трескомъ разрываемаго полотна. Потомъ громъ сталъ точно выжидать, медлилъ отвѣтами на сигналы молніи, сталъ глуше, и уходилъ, все уходилъ куда-то выше и дальше. Дождь лилъ уже сповойно, непрерывными, косыми струями. Сразу стало свѣжо.

— Пойди, Муся, въ комнаты, еще простудишься, — сказали Петръ Михайловичъ. — Ты что-то очень взволнована.

— Ахъ, нѣтъ, дядя! Мнѣ такъ теперь легко стало. Я лучше еще здѣсь постою!

— Нѣтъ, Муся! — заговорилъ и подошедшій Сергѣй. — Право, пойдемъ. А если тебѣ что-нибудь не по себѣ, сдѣлай какъ всегда: поиграй.

Муся обрадовалась. — Да, да! Только — чуръ! слушать спокойно, не мѣшать мнѣ!

Она прошла въ темную залу и, не зажигая свѣчъ, сѣла у рояля. Петръ Михайловичъ и Сергѣй, затаивъ дыханіе, приготовились слушать въ дверяхъ балкона.

Дождь пересталъ. Вѣтеръ опять зашумѣлъ листьями старыхъ листвъ. Небо сѣрѣло между темными вѣтвями. Какія-то неясныя тѣни пробѣгали по лужайкѣ. Большая сѣрая бабочка билась о стекло веранды, по временамъ налетая на Сергѣя и задѣвая его наклоненную голову своимъ бархатистымъ крыломъ.

Муся подумала одну минуту и заиграла. Сергѣй не разъ потомъ говорилъ, что никогда въ жизни она такъ не играла, ни прежде, ни потомъ.

Она сыграла „Waguer“, Шумана.

В. КАРЕНИНЪ.

РУССКІЙ ЭПОСЪ

И

НОВЫЕ ЕГО ИЗСЛѢДОВАТЕЛИ

-
- Халанскій: Великорусскія былинны кievскаго цыкла. Варшава, 1885.
 - Damberg: Versuch einer Geschichte der russischen Hja-Sage. Helsingfors. 1887.
-

Въ послѣдніе годы русскій эпосъ привлекъ къ себѣ вниманіе новыхъ изслѣдователей. Одинъ изъ нихъ, г. Халанскій, посвятилъ свой трудъ на то, чтобы поколебать ученіе о началахъ кievскаго эпоса, сложившееся болѣе или менѣе прочно въ кругу его прежнихъ изслѣдователей. Послѣднихъ онъ нерѣдко упрекаетъ, по тому или другому поводу, въ поклоненіи „миражу“. Критиковать, провѣрять старыя убѣжденія и вѣрованія несомнѣнно полезно, если предлагаемое на ихъ мѣсто представляетъ въ себѣ задатокъ болѣеи жизни и внутренней правды. Но критика можетъ превратиться въ манію новшества, замѣняя прежній „миражъ“, или только кажущееся таковымъ, новымъ, существенно отъ него не отличающимся.

Г. Халанскій и достигъ этого послѣдняго результата, вмѣнивъ своимъ предшественникамъ мнѣнія, которыхъ они никогда не выражали, по крайней мѣрѣ въ такой крайности. Кто изъ нихъ говорилъ, что „древнерусская народная жизнь сосредоточивалась въ одной кievщинѣ“, что *весь* старо-кievскій эпосъ перенесенъ на сѣверо-востокъ? Областные элементы въ составѣ нашего эпоса уже давно были указаны Ѳ. И. Буслаевымъ. Никто также не сомнѣвался въ значительномъ вліянніи московскаго періода на

внутренній и внѣшній составъ нашего былиннаго цикла; не было сомнѣнія и въ томъ, что чѣмъ ближе къ намъ запись пѣсни, тѣмъ естественнѣе предположить въ ней развитіе загожихъ, сказочныхъ и даже литературныхъ мотивовъ—на счетъ древнихъ и народныхъ, навѣянныхъ историческими воспоминаніями. Надъ всѣми этими вопросами работали и ранѣе, тѣми же путями, сравнительнымъ и историческимъ, о которыхъ разсуждаетъ г. Халанскій, и является вопросъ, насколько его теоретическія разсужденія отвѣчаютъ ихъ приложенію, вѣнчаются новыми, прочными результатами.

Сравнительнымъ методомъ г. Халанскій владѣетъ слабо, матеріалъ подобранъ односторонне, преимущество отдано южно-славянскимъ и кавказскимъ параллелямъ; западныя привлекаются лишь настолько, насколько онѣ были указаны другими изслѣдователями. Отсюда рядъ недочетовъ по вопросамъ, важнымъ именно для теорій г. Халанскаго. Онъ обязанъ былъ считаться съ „предположеніемъ“, что „Ярль Иліасъ норвежскихъ сагъ—одно лицо съ нашимъ Ильей Муромцемъ“, а ограничился замѣткою, что „положительныхъ доказательствъ въ пользу такого именно вывода еще не представлено“. Онъ знаетъ, что „Кіевъ-градъ и Владиміръ упоминаются нерѣдко въ скандинавскихъ сагахъ“, и дѣлаетъ отсюда свои выводы; но въ числѣ приведенныхъ имъ старосѣверныхъ обозначеній для Руси (Gardnar, Gardhagi; но Grikland=Греція) нѣтъ отвѣчающаго Кіеву, ибо Holmgardhr=Новгородъ. Это, впрочемъ, мелочь, какъ и гипотеза, что образъ исполинской прахи, жидовки-дѣвушки въ одной сербской пѣснѣ о королевичѣ Марѣ— „могъ быть заимствованъ изъ нѣмецкихъ сказаній“. Существеннѣе — непризнаваніе результатовъ, уже добытыхъ сравненіемъ, или матеріаловъ, уже сведенныхъ въ виду результата. Разбирая былинѣ объ Иванѣ Годиновичѣ, г. Халанскій начинаетъ со сказанія Пахомія Логоета „о убіеніи злочестиваго царя Батыя“, которое будто бы не что иное, какъ „народная южно-славянская пѣсня о Батыѣ, въ книжной обработкѣ пущенная пришлымъ сербомъ въ древне-русскую письменность“; приводитъ рядъ сходныхъ южно-славянскихъ пѣсень (къ которымъ надо присоединить и варианты у Ястребова: „Обычай и пѣсни турецкихъ сербовъ“, стр. 67—68) и малорусскую: объ Иванѣ и Марѣ—Иванѣ Годиновичѣ и Марѣ Митрѣевичѣ (иначе Авдотѣ, Настасѣ), соответствующую русской былинѣ. Сходство положеній и буквальные совпаденія нѣкоторыхъ образовъ былинны и малорусской пѣсни интересны:

- 1) За Ивановъ бѣдувати,
 За Турчиномъ панувати.
 2) За царемъ за мною быть—царицею слыть,
 За Ивановъ быть—холопкой слыть.

Для освѣщенія мотивовъ нашей былины собрано было западными и нашими изслѣдователями много параллелей, западныхъ и восточныхъ; высказано было и предположеніе о томъ, какъ совершилось распространеніе ея сюжета. Если не съ этимъ предположеніемъ, то съ матеріалами, на которыхъ оно основано, необходимо было считаться, прежде чѣмъ заключить, что былина объ Иванѣ Годиновичѣ— „передѣлка зашедшей на Русь юго-славянской пѣсни того же мотива; переходъ сказанія могъ совершиться независимо отъ введенія въ нашу словесность самого мотива литературнымъ путемъ въ изложеніи серба Пахомія Логоета. Естественными посредниками въ устной передачѣ мотива были малоруссы“. Въ иныхъ случаяхъ, какъ увидимъ далѣе, допускается обратный переходъ: сѣверно-русскихъ былинъ въ обиходъ южно-русской пѣсни и легенды. Если въ нашемъ случаѣ обнаруживается другое направленіе движенія, то тому приводятся причины: русская былина отличается „натянутостью и сказочностью“; она, стало быть, поздній отзвукъ южно-славянскихъ (и малорусской), которыя глубоко правдивы: нельзя въ нихъ указать ни одного намека, ни одной черты, которыя бы отличались неестественностью, принадлежали чуждому быту, инымъ общественнымъ отношеніямъ. Если распространить этотъ критерій и на другіе западные варианты мотива о „невѣрной женѣ“ Ивана, то и къ нимъ пришлось бы примѣнить опредѣленіе сказочности и неестественности. Авторъ не поставилъ себѣ вопроса: составляютъ ли противоположныя качества непремѣнный признакъ древности пѣсни, или же доказательство того, что въ періодъ своего долгаго переживанія она находила въ окружающей исторической средѣ условія и положенія, подновлявшія впечатлѣніе естественности? Турчинъ въ роли соперника могъ и сложиться, и подновиться въ сербско-турскихъ отношеніяхъ; мотивъ былины могъ существовать и вызвать пѣсню, но вѣроятно и то, „что пѣсня существовала раньше того историческаго (и прибавимъ: бытового) факта, на который указывается, какъ на подлежащее“.

Мы не имѣемъ ничего противъ критерія правдивости, естественности и т. п.; въ вопросахъ народной поэзіи безъ нихъ не обойдешься, но они даютъ лишь подспорье при рѣшеніяхъ, основанныхъ на другихъ, менѣе субъективныхъ посылкахъ. Къ таковымъ можно бы отнести, напр., *loci communes* того или другого эпоса;

о нихъ г. Халанскій толкуеть не разъ, между прочимъ, по поводу сказанія объ Евпатіи Коловратѣ, въ которомъ усматриваетъ прозаическое отложене былинны, сохранившее ея мотивы и—*loci communes*. „Послѣднее обстоятельство очень важно: такимъ путемъ только и можно опредѣлить степень туземности и древности вѣстныхъ эпическихъ формулъ“. О древности мы не споримъ, но какъ представляетъ себѣ г. Халанскій путь къ рѣшенію вопроса о туземности? Оно, очевидно, достижимо лишь подѣ условіемъ возможно широкаго, распространеннаго на поэзію разныхъ народовъ, сравненія поэтическихъ формъ и общихъ мѣстъ, свойственныхъ всѣмъ или только нѣкоторымъ народно-поэтическимъ особямъ. Мы видѣли, что трудъ г. Халанскаго не отвѣчаетъ этимъ условіямъ; не потому ли, что это дѣло болѣе касающееся профессоровъ всеобщей литературы, чѣмъ тѣхъ, которые находятъ настоящую нужду „въ безпристрастномъ изученіи русскаго эпоса въ связи съ народной исторіей и бытомъ“?

И въ этомъ направленіи сдѣлано было много проф. Буслаевымъ; г. Халанскій желаетъ сдѣлать большее. Изъ двухъ методовъ изученія, намѣченныхъ имъ, онъ, очевидно, отдаетъ предпочтеніе историческому. Его приемы въ этомъ направленіи мы можемъ характеризовать словами, сказанными нами по поводу известной книги Райны ¹⁾; „онъ возстановляетъ эпосъ изъ лѣтописи, но мы не знаемъ, какимъ критеріемъ онъ руководится. Такимъ критеріемъ могли бы быть болѣе или менѣе древніе эпические отголоски мервингской поры, на которые мы въ состояніи были бы опереться при анализѣ историческихъ разсказовъ, но такихъ отголосковъ нѣтъ. Въ такихъ обстоятельствахъ критерій является лишь субъективный, опирающійся на знакомствѣ съ матеріаломъ, мотивами, интересами эпической пѣсни: битвы, поединки, посольства, однимъ словомъ—весь скарбъ *chanson de geste* прилагается къ критикѣ лѣтописи, и если въ ней есть эпизоды подходящаго содержанія, то и дѣлается выводъ, что обо всемъ этомъ пѣлось. Если идти такимъ путемъ, то за живописными эпизодами южно-русскихъ лѣтописей можно бы предположить цѣлый рядъ утраченныхъ былинъ; но вѣроятно также, что такихъ былинъ никогда и не было, ибо интересы и идеалы эпической пѣсни чаще всего расходятся съ интересами и идеалами лѣтописи, церковной или придворной, все равно. Французскій эпосъ грандіозно опозитивировалъ поражение при Ронсевд, кото-

¹⁾ „Новыя изслѣдованія о французскомъ эпосѣ“. Журн. Мин. Нар. Просв. 1885, апрѣль, стр. 259—260.

рому мы не придали бы никакого значенія, еслибы встрѣтили его только на страницѣ хроники; наоборотъ, русскія былины не сохранили никакой памяти о дѣятельности Владиміра по устроению земли и введенію христіанства, столь дорогой лѣтописцу“. Обобщая сказанное, мы приходимъ къ loci communes критики: что, изслѣдуя историческій субстратъ былины надо избирать исходной точкой — былины, повѣрая, гдѣ возможно, лѣтописью несходныя положенія въ лѣтописи, развивая ихъ, въ подражаніе народному гѣвцу, до идеализированныхъ образовъ гѣсни. Первый путь тѣмъ вѣрнѣе, чѣмъ далѣе отъ возможныхъ фантастическихъ выводовъ второго.

Г. Халанскій поступаетъ, какъ разъ наоборотъ. Онъ не только сопоставляетъ сказаніе о смерти рязанскаго князя Θεодора и самоубійствѣ его жены Евпраксіи съ былинной о Данилѣ Ловчанинѣ, но и повѣсть о Евпатіи Коловратѣ—съ пѣснями о Михайлѣ Даниловичѣ и Васильѣ Игнатьевичѣ, о которыхъ говоритъ далѣе въ другой связи, причемъ для первыхъ указывается, гипотетически, и соответствующая параллель въ лѣтописномъ разсказѣ о князѣ Михалѣ Юрьевичѣ. Такъ какъ намъ самимъ пришлось заниматься былинами о Михайлѣ, то мы позволимъ себѣ остановиться на нихъ подробнѣе, чтобы провѣрить не только новое мнѣніе, но и методическіе приемы г. Халанскаго.

По убіеніи Андрея Боголюбскаго, суздальцы и ростовцы позвали на княжескій столъ Ростиславичей, а Владимірцы приняли Михалка Юрьевича. Поступокъ владимірцевъ не понравился ростовцамъ и суздальцамъ; они рѣшились силою выгнать Михалка изъ Владиміра и унизить младшій городъ. „Пріѣха же со всею силою ростовская земля на Михалка во Владимірю и много зла сотвориша, Муромцѣ и Рязанцѣ приведоша и пожгоша около города; Володимерцы бяхуться съ города, Богородицѣ святой помогающимъ; и стояша около града семь недѣль, и святая Богородица избави градъ свой. Володимерци же не терпяче града, рѣша Михалку: „мирися, а лубо, княже, промышлай особѣ“. Онъ же отвѣщавъ, рече: „прави есте, чи хотите мене дѣля пошнуги?“ Поѣха въ Русь и приводина его Володимерци съ плачемъ (Лавр. лѣт., 158).

Г. Халанскій предполагаетъ, что этотъ эпизодъ мѣстной сѣверно-русской исторіи далъ сюжетъ сѣверно-русской же былины, въ которой Владимір замѣненъ былъ Киевомъ, а Михалко спустился къ роли богатыря кievскаго князя. Перенесенная на югъ, эта былина приурочена была къ Киеву и очутилась извѣстной легендой „о кievскихъ золотыхъ воротахъ“. Общее содержаніе ея

слѣдующее: татары подходятъ подъ Кіевъ; юный богатырь Михайло внушаетъ въ нихъ боязнь, и они условіемъ отступленія ставятъ его выдачу; кіевляне требуютъ у князя того же. Михайло готовится выѣхать противъ татаръ. Владиміръ останавливаетъ его, говоритъ, что онъ на то слишкомъ молодъ; тотъ отвѣчаетъ:

Господару цару Володимиру!
Возьми ты утатко молоденьке,
І пусти на море синеньке:
Воно попливе якъ і стареньке.

Михайло побиваетъ татаръ, но удаляется изъ Кіева отъ „поганой рады“ кіевлянъ.

Мы сравнили эту легенду съ былинной о Михайлѣ Даниловичѣ. Также татары обступили Кіевъ и требуютъ поединщика; на вызовъ князя всѣ его богатыри отмалчиваются, лишь двѣнадцатилѣтній Михайло хочетъ выступить противъ нихъ, и Владиміръ его также удерживаетъ. Слѣдуетъ тотъ же типическій отвѣтъ юнаго богатыря:

Государь князь Владиміръ Всеславьевичъ:
Вели, государь, понмать гоголя
И вели держать его три года,
Да пусти того гоголя на воду,
Умѣеть ли гоголь по водѣ плавати?
Такъ-то богатырское сердце неумичиво.

Далѣе — побѣда Михайлы надъ татарами; оговоренный передъ княземъ и заточенный имъ, онъ удаляется въ монастырь.

Несмотря на нѣкоторую разницу въ расположеніи частностей и въ мотивированіи удаленія Михайлы, что легко помирить предположеніемъ болѣе древняго типа гѣсни, распавшейся на варианты, былина и легенда существенно развиваютъ одно и то же содержаніе. Въ послѣдней имя богатыря устойчиво, въ первой въ трехъ вариантахъ держится имя Михайлы, въ двухъ оно замѣнено Иваномъ. Такъ и въ думѣ объ Ивасѣ Коновченѣ, отмеченной въ сравненію г. Халанскимъ. Осады нѣтъ, казаки выступаютъ въ походъ, и Ивасъ увязывается за ними въ отсутствіи матери, не пускавшей его, такъ какъ онъ былъ у нея единственный сынъ. Когда прибыли они на Черкень (или: Черкасъ-долину), полковникъ Хвиланъ выкликаетъ охотника:

У первому разі на герци погуляти,
За віру христьянську достойно и праведно стати?

Козаки молчатъ; выливается Ивасъ и на уговоры полковника, что онъ еще слишкомъ молодъ и въ походахъ не бывалъ, отвѣчаетъ знакомымъ намъ сравненіемъ:

Эй, Хвилане, Корсунскій полковниче,
 Батьку старій!
 Возьми ти утя едно старое,
 А друге малее,
 Пусти ти на воду:
 Чи не равно буде плисти младе,
 Якъ бы старе?

Указанною нами группою былинь, легендъ и думъ г. Халанскій занимается въ двухъ различныхъ главахъ своего изслѣдованія. Легенду о Михайликѣ онъ разбираетъ въ связи съ былиной о Василіѣ Игнатъевичѣ, въ отдѣлѣ о богатыряхъ татарскаго періода, ибо Михайликъ для него—Михалео Юрьевичъ. Былину о Михайлѣ-Иванѣ онъ отдѣляетъ отъ кievской легенды, хотя отличія между ними не касаются общихъ очертаній мотива и не превышаютъ мѣры, мыслимой въ вариантахъ одной и той же пѣсни, и кромѣ того замѣчается не случайная связь, соединяющая легенду о Золотыхъ воротахъ съ былиною о Михайлѣ-Иванѣ: апологъ объ утати. На эту связь мы обязаны были обратить вниманіе, когда еще не узнали думы объ Ивасѣ; тѣмъ обязательнѣе представляется она намъ теперь. Г. Халанскій другого мнѣнія: былины о Михайлѣ и думу объ Ивасѣ онъ выдѣляетъ въ особую группу до-татарскихъ пѣсенъ и для дѣйствующаго въ нихъ богатыря возстановляетъ его историческое имя: Иванъ Даниловичъ, ибо въ Никоновской лѣтописи подъ 1136 г. онъ прочелъ о боѣ Ольговичей съ Ярополкомъ кievскимъ, сыномъ Владимира Мономаха: „и снидошася на сѣчу и бишася крѣпко; но вскорѣ побѣгоша Половци отъ Ольговичевъ. И погнаша по нихъ великаго князя Ярополча дружина, и братіи его *лутчая мужи храбрыя*, и биша много гоняще Половцевъ и возвратишася вспять; и необрѣтоша князей своихъ, и впадоша Ольговичемъ въ рудѣ, а Половцы обратишася на нихъ въ тылъ, и тако многихъ *храбрыхъ* мужей избиша Ярополчихъ и братьи его, и держащихъ стогъ великаго князя Ярополча Кievскаго и братьи его изымаша, и бояръ его множество поимаша, а иныхъ многихъ безъ числа убиша, и *храброго Давыда Яруновича* тысяцкаго кievскаго, и *Ивана Данилова богатыря славнаго* убиша и Станислава *благороднаго*, и Данила Тугковича, и Дамьяна, и Янеа, и многихъ мужей *сильныхъ и храбрыхъ* и внука Владимира Мономаха Ва-

силъва Марича убиша, и много князей убиша, и едва убѣжаша въ Кіевъ съ братьею своею отнюдь въ малѣ дружинѣ Ярополѣзъ“.

Подчеркнутое въ текстѣ выдѣлено такимъ образомъ и въ оригиналѣ г. Халанскаго; особое значеніе онъ даетъ слову *храбрь*, которому посвящена особая глава, ибо храборъ, хороборъ — древнѣйшее русское, „твердо установленное“ обозначеніе для богатыря. Съ этой точки зрѣнія всѣ „лутчая мужи *храбрыя*“ или „сильные и *храбрые*“ оказались бы богатырями, и еслибы о *храборѣ* Давидъ Яруновичъ было сказано нѣчто большее, то г. Халанскій и ему отерлы бы главу въ своемъ изслѣдованіи, какъ, напримѣръ, Демьяну Куденевичу, лѣтописное сказаніе о которомъ основано, по мнѣнію изслѣдователя, „на одномъ древнемъ эпическомъ мотивѣ“, въ которому восходятъ и былины объ Ильѣ и Калинѣ и о Сухманѣ.

Кстати по поводу слова храбрь-богатырь. Далекое не всѣ примѣры, собранные г. Халанскимъ, убѣдительно въ смыслѣ его толкованія. Мы особенно указываемъ на выписку изъ „Предисловія къ одной русской редакціи Александрія“. Эта мнимая русская редакція—не что иное, какъ дословный переводъ Псевдокаллисена. Сообщаю соотвѣтствующій отрывокъ по архивскому древнѣйшему списку съ главными вариантами (въ скобкахъ) текста, который выписываетъ г. Халанскій, и съ исправленіемъ пунктуации: „Добліи (подоблі) мнитса быти и (у Халанскаго нѣтъ) храборъ Александръ Македонскій, яко все сотворивъ, поспѣвающее ему (яко все строивъ и поспѣвающе емоу), имѣя присно къ доброду дѣлу промышленіе (помышленіе). Толико бо лѣтъ проводи со всѣми языки брань творя и бѣся, яко не можаху хотящїи грады (граду) по извѣсту исписати“. Г. Халанскій видитъ въ этомъ, будто бы русскомъ, предисловіи „воззрѣніе русскаго внижника на храбра, замѣчательно сходное съ теперешнимъ понятіемъ о богатырѣ. Александръ Македонскій называется храбрымъ потому, что много лѣтъ велъ безпрестанную борьбу съ многими народами; въ этой борьбѣ онъ былъ счастливъ и непобѣдимъ: богатыри служатъ Владиміру до старости, проводя жизнь въ постоянныхъ схваткахъ съ врагами русской земли. При своихъ успѣхахъ Македонскій храборъ „имѣя присно къ доброду дѣлу промышленія“: вспомнимъ завѣтъ крестьянина Ивана Тимошеевича своему дѣтищу Ильѣ Муромцу:

Не помысли аломъ на татарина,

Не убей въ чистомъ полѣ хрїстіанина“.

Г. Халанскій полагаетъ, что *подоблі* храбрь буква въ буквую отвѣчаетъ теперешнему: *славный богатырь*. Первая строка Псевдо-

калосена удаляютъ это заключеніе и съ нимъ вмѣстѣ — ссылку на завѣты Ивана Тимофеевича. Выраженіе: „добль и храбрь“ — отвѣчаетъ тамъ ἀριτος и γυναικιστος; „храбрь“ не связанъ по контексту съ войнами Александра; непосредственно затѣмъ говорится, что онъ самъ все творилъ такъ, ибо его мудрость, его прозорливость („промышление“) споспѣшествовали его доблестямъ. О „промышленіи“ въ смыслѣ г. Халанскаго и злыхъ помыслахъ на татарина нѣтъ, стало быть, и рѣчи.

Но вернемся къ лѣтописному Ивану Даниловичу. О немъ говорится только, что онъ былъ богатырь и убитъ въ 1136 году; богатырь до-татарскій и южно-русскій; о немъ, по мнѣнію изслѣдователя, должна была ходить старая былина, отложившаяся въ думѣ объ Ивасѣ и въ былинѣ объ Иванѣ Даниловичѣ, зашедшей потомъ на сѣверъ. Мы уже знаемъ, что въ этой былинѣ имя Ивана чередуется съ именемъ Михайла: обстоятельство, которое легко было бы понять, какъ случайное, обычное въ народной поэзіи, еслибы между былинной о Михайлѣ-Иванѣ съ одной стороны и кievскимъ сказаніемъ о Михайликѣ и южно-русской думой объ Ивасѣ, съ другой, не представлялось связи, не замѣчалось сходства положеній и подробностей, невольное вызывающее рядъ вопросовъ. Если легенда о Михайликѣ — сѣверно-русская былина татарскаго періода, привязавшаяся къ Киеву, и ея герой — Михайлъ Юрьевичъ, то былинну о Михайлѣ Даниловичѣ отъ нея трудно отвязать, и въ то же время варианты послѣдней, съ именемъ Ивана Даниловича, и малорусская дума объ Ивасѣ оказываются въ основѣ южно-русской и до-татарской, вызванной событіемъ 1136 года. Мы возвращаемся въ заколдованномъ кругѣ, и будемъ возвращаться всякій разъ, если задачей историческаго метода въ области былевой поэзіи поставимъ не восхожденіе отъ пѣсни къ возможному ея мотивированію лѣтописнымъ свидѣтельствомъ, а конструированіе изъ лѣтописи, руководясь ея именами и намеками пѣсенной схемы, въ которой подгоняется заднимъ числомъ содержаніе дѣйствительныхъ былинъ.

Мы можемъ перейти теперь къ вопросу, вѣроятно наиболѣе интересующему читателя: какъ развѣнчиваетъ г. Халанскій зданіе южно-русскаго, кievскаго эпоса и какую новую постройку возводитъ на его мѣстѣ.

Если мы не ошибаемся, общее воззрѣніе на судьбы нашего эпоса сложилось такое: на югѣ областныя пѣсни о мѣстныхъ событіяхъ и богатыряхъ тянули къ Киеву и его князю, эпосомъ котораго явился Владиміръ. Пѣсни циклизировались въ направленіи политическихъ интересовъ. Этотъ старій, кievскій

южно-русскій эпосъ, мотивовъ котораго мы никогда вполне не раскроемъ изъ-подъ позднѣйшихъ наслоеній, занесенъ былъ, очевидно, не цѣликомъ, на сѣверъ, гдѣ къ нему и къ его центру, Киеву и Владимиру, пристали мѣстныя сѣверно-русскія преданія и пѣсни. Здѣсь онъ продолжалъ жить въ новыхъ условіяхъ быта и народныхъ интересовъ, понемногу примѣняясь къ тѣмъ и другимъ, не измѣняя лишь памяти о киевской цивилизаціи: это была какъ бы рамка, обводившая цѣлое, но отрывавшаяся и внесено новыхъ, сказочныхъ сюжетовъ: занесенный эпосъ легче объективируется, понимается какъ *поэтическое* данное, подлежащее развитію, чѣмъ эпосъ, не отрывавшійся отъ почвы и питающійся живыми отголосками *историческихъ* событій, впервые вызвавшихъ его въ жизни.

Г. Халанскій протестуетъ противъ такого построенія. Массоваго выселенія южно-русскаго населенія на сѣверъ и сѣверо-востокъ, которымъ объясняли и перенесеніе туда южныхъ былинъ — никогда не было, — говоритъ онъ за проф. Антоновичемъ, — не было, стало быть, и запустѣнія южной Руси, и былинны удержались бы тамъ въ памяти народа, ихъ создаващаго. Этого нѣтъ; вмѣсто того существуетъ позднѣе сложившійся эпосъ казацкихъ думъ. Выводъ, сдѣланный изъ всего этого авторомъ, потому неиренъ, что невѣрно поставлены послышки. Думы, выразившія собою новое бытовое и боевое движеніе казачества, могли заслонить собою старый былинный эпосъ, удержавшійся въ отголоскахъ на сѣверѣ, гдѣ ему на смѣну не явилось новаго, потому что и въ жизни не было фактовъ, его вызывавшихъ. И въ народной поэзіи память стараго слабѣетъ и пропадаетъ передъ захватывающимъ интересомъ новизны; старыя южныя былинны могли когда-то существовать и потомъ быть забыты, какъ во Франціи народъ, пѣвшій кантилены о Каролингахъ, знаетъ теперь лишь пѣсни балладнаго, захожаго содержанія. Что касается вопроса о массовомъ переселеніи южанъ на сѣверъ, то, не касаясь его по существу, мы ограничимся замѣчаніемъ, что для перенесенія былинъ на сѣверъ такого движенія и не было нужно. Никто не говорилъ еще, что южныя германцы должны были толпами двинуться на сѣверъ, чтобы перенести туда, въ пѣсни Эдды и народныя погвѣрья, сагу о нифлунгахъ.

Другой аргументъ, выдвигаемый г. Халанскимъ противъ существующаго взгляда, касается строя и характера малорусскаго эпоса, существенно различающагося отъ великорусскаго, теперь, какъ и прежде, ибо древнія южныя пѣсни о княжеской порфѣ должны были отличаться стилемъ современныхъ думъ. Но это

отличіе мы понимаемъ не какъ этническое, а какъ историческое показаніе большей или меньшей близости эпоса къ своему началу, къ тѣмъ фактамъ, событіямъ или впечатлѣніямъ событій, которыя его породили. Чѣмъ моложе народный эпосъ, тѣмъ ближе къ своей исторической основѣ, тѣмъ болѣе въ немъ лиризма, выраженія живого интереса къ воспѣваемому. Таковъ характеръ малорусскихъ думъ, и мы полагаемъ теоретически вѣроятнымъ, что когда южно-русскія былины, легшія въ основу нашихъ сѣверныхъ пересказовъ, были эпосомъ *новымъ*, онѣ могли отличаться такимъ же лирико-эпическимъ стилемъ. Въ дальнѣйшемъ своемъ обращеніи, среди постепенно слабѣющихъ интересовъ къ его содержанию эпосъ долженъ отрѣшиться отъ своихъ лирическихъ парій, стать болѣе эпическимъ, связывающимъ; на новой почвѣ, куда онъ былъ занесенъ, гдѣ не было и у него живыхъ корней въ народной памяти, этотъ процессъ долженъ былъ совершиться тѣмъ быстрѣе: былина-дума обращается въ былинку великорусскаго типа; дальнѣйшее движеніе будетъ къ побывальщинѣ и сказкѣ.

„Еслибы великорусскія былины, — продолжаетъ протестовать г. Халанскій, — были по своему происхожденію южныя, въ нихъ было бы болѣе дѣйствительнаго, историческаго, кіевскаго и южно-русскаго въ изображеніи Кіева и Владиміра, болѣе географической опредѣленности въ первомъ, болѣе жизни въ лицѣ послѣдняго“. Но это мнимое дозательство сворѣе во вредъ положенію изслѣдователя: именно на сѣверѣ, гдѣ былины поются и до сихъ поръ, непосредственныя представленія о Кіевѣ должны были блѣднѣть съ каждымъ новымъ перепѣвомъ, образы южной мѣстности заслоняться сѣверными, личность Владиміра и его богатырей — загрузѣть въ эпическомъ типѣ, въ уровень съ интересами и возрѣніями крестьянской среды, какъ на югѣ она поддалась бы, еслибы пережила въ пѣснѣ, вліянію казацкой пѣсни и ея идеаловъ.

Наконецъ, по мнѣнію г. Халанскаго, самый фактъ циклизации нашихъ былинь вокругъ Кіева и Владиміра — не южный. „Вся удѣльно-вѣчевая пора была эпохой героической въ жизни русскаго народа. То было время храбрства: сначала шла борьба съ печенѣгами, половцами и др., затѣмъ грянулъ громъ татарщины. Народная поэзія успѣвала только идти въ параллель съ ходомъ событій; дѣло было не до централизаціи сказаній, требующей, по необходимости, затихія въ народной жизни. Только при отсутствіи постоянныхъ волненій въ народной жизни является возможность пѣвцамъ установить сказанія въ извѣстную систему

и порядокъ“. Такой процессъ собиранія возможенъ былъ именно въ московской Руси, собирательно во всѣхъ направленіяхъ. „Въ политической жизни онъ выражался въ дѣятельности князей-собира-телей; въ письменной литературѣ—въ стремленіи московскихъ грамотѣевъ собрать и привести въ порядокъ разбросанныя по городамъ и областямъ древнія лѣтописи, сказанія, житія и т. п. Результатомъ этого стремленія, извѣстно, явились такіе компиля-тивные сборники, какъ Четьи-Миней Макарія, Нивоновская лѣ-топись и Степенная книга“—и объединенный Киевомъ и Влади-міромъ циклъ сѣверно-русскихъ былинъ.

Говоря объ ихъ „собираніи“, г. Халанскій невольно имѣть въ виду ихъ настоящее цѣлое, со всѣми его входящими, пѣсенными и связочными элементами. Очевидно, не это имѣли мы въ виду, когда назвали Владиміра собирательнымъ центромъ русскаго эпоса въ до-татарскую эпоху. Для нашего положенія совершенно достаточно фактовъ, указанныхъ г. Халанскимъ: „Стольный го-родъ Кіевъ всегда привлекалъ къ себѣ служилыхъ людей: у великаго князя было служить и выгодище, и почетище. Поѣхать на службу къ кіевскому князю было мечтой военнаго челоуѣка древней Руси. Естественно поэтому, Кіевъ являлся въ народной поэзіи идеальнымъ городомъ, кіевскій великій князь—идеальнымъ княземъ: о службѣ у него пѣлись пѣсни не только у насъ, но и у скандинавовъ. Мотивъ о поѣздѣ въ Кіевъ на службу къ великому князю былъ несомнѣнно самымъ распространеннымъ въ древне-русскомъ эпосѣ, кореннымъ, исторически возникшимъ изъ отношенія удѣльныхъ княжествъ къ Кіеву... На югѣ Руси въ XI и XII вѣкѣ Владиміръ былъ несомнѣнно эпическимъ лицомъ народной поэзіи“. О немъ и о богатыряхъ на службѣ кіевскаго великаго князя, стало быть, пѣлись пѣсни—и мы довольствуемся предположеніемъ этого небольшого эпическаго nucleus, для кото-раго не нужно было ни „затишья въ народной жизни“, ни со-бирательныхъ силъ Москвы. Обходимся же мы безъ этихъ пред-положеній, когда говоримъ о циклѣ пѣсенъ, воспѣвающихъ Марка Кралевича и бой на Косовомъ полѣ!

Г. Халанскій такъ вѣрить въ силу аргументовъ, разобранныхъ нами, что приступаетъ съ ними къ *различиванію* зданія русскихъ былинъ. Но зданіе остается; въ немъ сдѣланы нѣкоторыя ненуж-ныя перегородки, не удалившія основного плана,—точно въ сонатѣ, вамъ извѣстной, переставили нумера allegro и andante, и вы только дивитесь капризу исполнителя, а пьесу все-таки узнаете. И въ самомъ дѣлѣ, процессъ образованія великорусскаго „кѣв-скаго цикла“ оказывается слѣдующій: въ основѣ лежатъ об-

ластные преданія суздальскія, ростовскія, владимірскія; „татарская сабля разрубила русскую землю на двѣ или даже на три части: юго-западъ, сѣверо-востокъ и сѣверо-западъ. Центромъ сѣверо-востока стала Москва. И изъ Кіева, и изъ Чернигова потянулись на службу къ московскому князю служилые люди. Въ это время, вмѣстѣ съ переходомъ дружины, зашелъ въ Москву дружинный областной эпосъ кievскій и черниговскій и вступилъ въ тѣснѣйшія комбинаціи съ эпосомъ старо-суздальскимъ, тоже передвинувшимся къ центру, въ московскую область, и вновь возникшимъ московскимъ. Несомнѣнно, и раньше этого кievскія и черниговскія сказанія заходили на сѣверо-востокъ, вмѣстѣ съ дружинами кievскихъ князей, управлявшихъ залѣсской землей; но наиболѣе интензивнымъ переходъ этотъ могъ стать именно въ это время, въ періодъ наибольшаго тяготѣнія Руси къ Москвѣ (XIV—XV в.)“. „Вполнѣ опредѣлить тотъ первоначальный кругъ сказаній, мѣстныхъ и зашедшихъ съ юга, въ которыхъ дѣйствіе пріурочивалось къ Кіеву, невозможно“, — говоритъ г. Халанскій; „во всякомъ случаѣ ихъ было больше, чѣмъ указано нами“. Эти южныя пѣсни, съ именами Кіева и Владиміра оказали ассимилирующее вліяніе на сѣверныя помѣстные былины, которыя притянулись, не взирая на отличія историческаго содержанія, къ установленнымъ уже эпическимъ центрамъ; что это дѣло московскихъ или вообще сѣверныхъ „пѣтарей“, объ этомъ нѣтъ спора, но когда г. Халанскій объясняетъ появленіе Кіева и Владиміра въ пѣсняхъ, первоначально имъ чуждыхъ, популярностью имени Владиміра во всей Руси и памятью о первенствующемъ значеніи Кіева — матери городовъ русскихъ, то онъ сознательно обходитъ еще одно естественное объясненіе, не нужное, впрочемъ, для его теоріи, а именно, что явившіяся на сѣверѣ южныя пѣсни уже выработались въ цѣль, а сѣверныя въ него не сложились, чѣмъ и объясняется, почему послѣднія потянули къ первымъ, очутившись кievскими по именамъ и за пѣву, а не наоборотъ. Въ общемъ мы можемъ согласиться съ построеніемъ г. Халанскаго, ибо, въ сущности, все осталось по старому. Развѣнчиваніе не пошло далѣе его намѣренія.

Прилагая въ частности свою теорію, изслѣдователь дѣлитъ богатырей на южныхъ и сѣверныхъ и, по эпохамъ, на до-татарскихъ, богатырей татарской эпохи и московскаго періода. Къ южнымъ отнесены: Владиміръ, Добрыня, Иванъ Даниловичъ (Михайло), Вольга, Ставръ, Чурило и отчасти Иванъ Гоудиновичъ; къ сѣвернымъ: Алеша, Илья, Тимоня, ассимилировавшійся, впрочемъ, съ южнымъ Добрынею и неизвѣстный по имени, въ до-

шедшихъ до насъ былинахъ. Какъ южные богатыри заходили на сѣверъ, такъ иногда сѣверныя пѣсни заносили имена своихъ героев на югъ, гдѣ они находили и мѣстное приручение: Михайло (Михалко Юрьевичъ) очутился Михайлинкомъ въ легендѣ о кievскихъ Золотыхъ воротахъ; Илья Муромецъ присталъ на сѣверѣ къ кievскому цюклу и, далѣе, перенесся въ кievскія пещеры, куда великорусскіе богомольцы занесли какъ имя своего главнаго эпическаго героя, такъ и нѣкоторыя былины о немъ. Какъ представляетъ себѣ г. Халанскій сложеніе известной былины — духовнаго стиха о „гибели богатырей“: на сѣверѣ или на югѣ? Отъ отрицаетъ мнѣніе проф. Дашкевича и наше, что пѣсня идеализировала поражение русскихъ на Калкѣ въ 1224 году. „Несомнѣнно существовали народныя пѣсни о гибели храбровъ въ бою съ татарами не только на Калкѣ, но и на Сити и въ другихъ мѣстахъ. Въ народномъ сознаніи была подготовлена почва для воспріятія литературныхъ сказаній, книжныхъ образовъ (апокрифы), объ участіи небесной силы въ битвахъ смертныхъ, о наказаніи возгордившихся своей силой людей. Воспріятіе совершилось. Увоенное литературное сказаніе, ассимилировавшись съ туземными пѣснями, возродилось въ художественной былинѣ о гибели витязей на Сафатъ-рѣкѣ. Гдѣ совершились воспріятіе и ассимиляція, на сѣверѣ или на югѣ — остается неизвѣстнымъ и произвольнымъ мнѣніе, что лишь „московскіе грамотѣи приручили гибель витязей исключительно къ Калкинской катастрофѣ“.

Дополненіемъ и повѣркой распредѣленія богатырей между сѣверомъ и югомъ является указанное выше размѣщеніе ихъ по эпохамъ. По какому критерию слѣдовалъ при этомъ авторъ? Къ пѣснямъ московскаго періода отнесены былины о Микулѣ Селяниновичѣ, Хотенѣ Блудовичѣ, Чуримѣ Пленковичѣ, объ Алешѣ Поповичѣ и братьяхъ Сбродовичахъ, Дюкѣ Степановичѣ, Данилѣ Ловчанинѣ, сорока каликахъ, Соловьѣ Будиміровичѣ, Тугаринѣ Змievичѣ, Жидовинѣ и Святогорѣ. Въ нихъ нѣтъ явственныхъ чертъ кievщины и много бытовыхъ чертъ московскаго времени: боярская спѣсь и мѣстничество, распаденіе семьи и развращенность нравовъ, холопство, подробности великорусскаго быта и обстановка московскаго боярства XVI и XVII вѣка; прибавимъ къ этому аргументъ, ранѣе выставленный авторомъ: преобладаніе въ былинахъ сказочнаго элемента и литературныхъ сюжетовъ. Все это, очевидно, не объясняетъ, почему Жидовинъ, и въ особенности Тугаринъ, принадлежитъ московскому періоду, тогда какъ Идолице — отнесенъ къ татарскому; все это не удаляетъ соображенія, что черты „московскихъ“ нравовъ — признакъ новости не

соотвѣтствующихъ пѣсенъ, а ихъ сѣверныхъ передѣлокъ. Исслѣдователь старой, имѣющей быть развѣнчанной шлемы можетъ повторить то же и по поводу анализа г. Халанскимъ былинны о Дюкѣ: въ объясненіе ея причудъ и фантастическихъ построекъ приводятся, по Забѣлину, факты „бытовой обстановки московскаго боярства XVI и XVII вѣковъ“ — и параллель выходитъ съ виду доказательная; но съ одной стороны поднимается вопросъ о позднѣйшемъ воздѣйствіи среды на мотивы заочей пѣсни, котораго никто не отрицалъ; съ другой — московское искусство XVI и XVII столѣтій повторяло, какъ извѣстно, зады западнаго и византійскаго, которое могло и отразиться въ образахъ древней пѣсни, легшей въ основу былинны о Дюкѣ, и находить мѣсто въ болѣе древней русской же, но не московской дѣйствительности. Для восстановленія ея у насъ нѣтъ, къ сожалѣнію, матеріаловъ, бывшихъ доступными, для московской Руси, г. Забѣлину, но у насъ есть свѣденія о великолѣпнн Десятинной церкви въ Кіевѣ, о Кіевѣ, какъ одномъ изъ главныхъ украшеній „Греціи“ (Адамъ Бременскій) съ 400-ми церквами и 8-ю рынками (Титмаръ Мерзебургскій), городъ богатомъ, производившемъ именно такое впечатлѣніе на внука Чингисхана, посланнаго для его осмотра ханомъ Угедаемъ въ 1239 году.

Въ романскомъ стилѣ Дюковыхъ убранства и построекъ сжался, быть можетъ, не періодъ его художественнаго переживанія въ московской Руси XVI вѣка, а пора его жизненности на югѣ — какъ въ образахъ сторожевыхъ богатырей нашего эпоса за поздними чертами московскихъ станичниковъ надо допустить и тѣ древнія, которыя принадлежали „болѣе раннему времени“ и перешли „на сѣверъ изъ кіевской Руси, изъ эпизодовъ борьбы Кіева со степью“.

Всего произвольнѣе дѣленіе богатырей на до-татарскихъ и тѣхъ, которые проявились въ татарскомъ періодѣ. Что Иванъ Даниловичъ отнесенъ къ первымъ — объясняется, какъ мы знаемъ, пристрастіемъ изслѣдователя къ показаніямъ лѣтописи, если къ нимъ оказывается возможнымъ привязать какое-нибудь имя или черту былинны. Но почему Идолище оказывается татаринномъ по существу, не пѣсеннымъ показателемъ какого-нибудь другаго врага Руси? Потому что татары, по свидѣтельству старыхъ путешественниковъ, не помогаютъ нищимъ и бѣднымъ, что татарскій баскакъ, сарацинъ, уводилъ нищихъ, снискивавшихъ себѣ пропитаніе милостыней (Плано-Карпини), а Идолище говорить Ильѣ, явившемуся въ образѣ калики:

Отколь пришегъ ты, старый человекъ?
У насъ была кладена заповѣдь великая:
Не просить милостыни спасенныя.

Можетъ быть, эта черта татарскихъ нравовъ и имѣлась въ виду, когда въ татарскую пору дополнялся типъ былиннаго Идолица; но ничто не доказываетъ, что онъ тогда сложился впервые, какъ нѣтъ доказательства, что Илья принадлежитъ татарской эпохѣ, когда первое упоминаніе о немъ, и притомъ въ сводной нѣмецкой повѣсти, относится къ 1225 году.

Г. Холанскій несогласенъ съ нашимъ мнѣніемъ, что русскій эпосъ почти не коснулся татарина, этого сравнительно поздняго врага русской земли. Говоря такимъ образомъ, мы имѣли, между прочимъ, въ виду, что южно-русскій богатырь и до татаръ не обходился безъ врага и его эпической идеализаціи, которую впоследствии оставалось лишь развить новыми чертами—новыхъ насильниковъ. Если г. Холанскій разумѣлъ нѣчто подобное, заявивъ, что „мотивы татарской эпохи какъ-то расплылись въ русскомъ эпосѣ“, и „фантазія пѣтарей воспользовалась готовыми поэтическими образами и богатырей предыдущей эпохи привлекла къ татарщинѣ“, то между нами разногласія нѣтъ, и споръ можетъ идти развѣ о приложеніи этого взгляда къ частностямъ, къ анализу поэтическихъ образовъ, съ цѣлью распознать ихъ основныя и нанесенныя на нихъ впоследствии черты. За врагомъ татаринкомъ стоялъ въ памяти народной поганый половчинъ „Слова о полку Игоревѣ“, но авторъ не поднимаетъ вопроса, насколько онъ легъ въ основу эпической идеализаціи врага ¹⁾. Разбирая малорусскія преданія о Бунякѣ—половецкомъ ханѣ Бонякѣ, онъ отмѣчаетъ въ нихъ черты кавказскихъ нравовъ. Буняка былъ людоѣдъ, пожирившій хлопцевъ, которыхъ приводили къ нему по-очереди; желая спасти своего сына, обреченнаго на ту же участь, одна мать даетъ ему на дорогу пирожекъ, замѣшанныхъ на ея молокѣ: пусть устроить такъ, чтобъ Буняка

¹⁾ См. наши „Южно-русскія былины“, вып. 2-й, стр. 369 и слѣд. Къ легендамъ о коловцахъ (сл. повѣсть о „пѣльномъ половчинѣ“) мы присоединяемъ и слѣдующую изъ старовечатныхъ чудесъ Пресвятой Богородицы (XVII вѣка) по экземпляру библиотеки Кіево-Печерской Лавры (отд. VII, № 70), извлеченіями изъ котораго мы обязаны любезности Вл. Вл. Каллаша: „Георгій Симоновичъ, гдѣ зъ половцами ишолъ на войну противъ Іваслава Мстиславича, князя Руского, обачили зъ далека мѣсто высокое и зршедши добывали его, але много половцовъ ведле того мѣста позабыли, иншихъ равено, иншии поуतेкали, а нѣкто не вѣдалъ, якое то есть мѣсто. Потымъ довѣдалъ же то село есть Пресвятой Богородицы Печерской, а мѣста не коли тамъ не было, Пресвятая Богородица то въ села своего мѣсто высокое половцомъ показала, котораго гдѣ добывали, Пречистая Дѣва Богородица сама ихъ громила и забѣла“.

сѣбѣ хотя одинъ изъ нихъ. Это удастся, и людоѣдъ не дѣлаетъ вреда юношѣ, ибо сталъ ему братомъ, отвѣдавъ молока его матери. Таковъ обычай усыновленія у черкесовъ и у малобарцевъ; у русскихъ и славянъ его нѣтъ, хотя понятіе молочнаго брата довольно распространенное, и въ троянской притчѣ Ахиллъ называетъ Патрокла своимъ братомъ, ибо онъ его „доичищъ“, сосавшій одно съ нимъ молоко, одинъ сосецъ. Это не мѣшаетъ г. Халанскому предположить, что „малорусское преданіе о Шелудивомъ Буякѣ сложилось подъ непосредственнымъ вліяніемъ кавказскихъ и, можетъ быть, черкесскихъ сказаній и обычаевъ“. Подобныхъ сближеній съ кавказскими вѣрованіями мы встрѣтимъ у г. Халанскаго еще нѣсколько; они откроютъ намъ просвѣтъ на другихъ враговъ южной Руси, также, быть можетъ, отдавшихъ свои черты былинному Идолищу.

Разбирая типъ „поленицы“ Настасьи въ былинѣ о Добрынѣ, г. Халанскій, кетати не задавшійся вопросомъ, насколько этотъ типъ въ пѣснѣ свой, а не чужой, сравниваетъ поленицъ нашего эпоса съ эмегенами кавказскихъ повѣрій: женщинами исполинскаго роста и огромной физической силы, глупыми и кровожадными; онѣ питаются человѣческимъ мясомъ, и съ ними ведутъ постоянную борьбу нартскіе богатыри. Наши поленицы занесены къ намъ будто бы отъ эмегенъ. Постѣднія стоятъ „въ органической связи съ народною жизнью, не противорѣчатъ даннымъ исторіи и быта. Великанши-поленицы слабо связаны съ народнымъ эпосомъ и исторіей; сказанія о нихъ являются какими-то отрывками, примыкающими совсѣмъ къ другому, не-русскому, порядку отношеній. Кавказское сказаніе органически примыкаетъ къ мѣстному эпосу; образъ эмегеновъ стоитъ въ связи съ исполинской природой страны и, можетъ быть, съ исторіей“. Правда, — замѣчаетъ тотчасъ же г. Халанскій „мужественныя женщины великорусскаго эпоса, жены Ставра, Дуная, Данилы Ловчанина *рѣдко* отличаются отъ страннѣхъ, уродливыхъ, по своимъ собственнымъ особенностямъ, образовъ поленицъ-великаншъ“. Это различіе удаляетъ вѣроятность вывода. Если уже остаться въ области кавказскихъ сравненій, то ближе было вспомнить черкесскихъ *эммечъ*, имя которыхъ греческіе колонисты южной Руси передѣлали, этимологизируя, въ *амазонокъ* (безъ сосца) ¹⁾. „Въ Европѣ есть народъ скискій, живущій у Меотійскаго озера, который значительно отличается отъ другихъ народовъ; названіе этого народа—савраматы“, говоритъ Гиппократъ. „Ихъ женщины

¹⁾ См. В. Миллеръ, „Осетинскіе этюды“, III, стр. 87 и слѣд.

ѣздить на лошадяхъ, стрѣляютъ изъ лука, мечутъ дротики, сѣдя на лошадяхъ, и сражаются съ непріятелями, пока еще дѣвственны. Онѣ не выходятъ замужъ, пока не убьютъ трехъ непріятелей, и не живутъ съ мужьями, пока не принесутъ жертвъ, предписанныхъ закономъ. Выйдя замужъ, онѣ перестаютъ ѣздить верхомъ, за исключеніемъ только тѣхъ случаевъ, когда приходится всѣмъ отправиться въ походъ. У нихъ нѣтъ правой груди, потому что пока онѣ еще находятся въ раннемъ дѣтствѣ, матери выжигаютъ раскаленнымъ мѣднымъ инструментомъ у нихъ сосокъ, такъ что онѣ теряетъ способность расти, и вся сила и изобиліе соковъ переходятъ въ правое плечо и руку“. Приуроченіе классическаго преданія объ амазонкахъ въ Меотидѣ и Кавказу, повидимому, находится въ какой-то связи съ тѣмъ, что у черкесовъ до сихъ поръ сохраняется преданіе о воинственныхъ женщинахъ, — говоритъ В. Миллеръ. Какъ Геродотъ сообщаетъ анекдотическій рассказъ о происхожденіи савраготовъ отъ связи скинскихъ юношей съ амазонками, такъ подобное преданіе сохранилось среди черкесовъ: когда ихъ предки жили еще на берегахъ Чернаго моря, они вели частыя войны съ эмечъ, воинственными женщинами, жившими на сѣверѣ Сванетіи и въ восточной части нынѣшней Кабарды. Эмечъ не пускали къ себѣ мужчинъ, но принимали всѣхъ женщинъ, которыя желали участвовать въ военныхъ подвигахъ. Нѣкогда, послѣ многихъ переворотовъ военнаго счастья, оба ополченія сошлись для рѣшительнаго боя. Вдругъ предводительница эмечей, слышавъ за великую пророчицу, потребовала свиданія ведицѣ съ Тульме, предводителемъ черкесовъ, который тоже обладалъ даромъ пророчества. Поставленъ былъ шатеръ, въ которомъ и устроилось свиданіе. По прошествіи нѣсколькихъ часовъ, предводительница эмечей вышла и объявила своимъ женщинамъ, что она, склоняясь на вѣщія убѣжденія Тульме, вступаетъ съ нимъ въ супружество, прекращаетъ вражду, и что оба ополченія должны послѣдовать примѣру своихъ военачальниковъ. Такъ и случилось: женщины вступили въ супружество съ черкесами и разошлись съ ними по настоящимъ ихъ жилищамъ“.

Такъ и Настасья-поленица въ началѣ бьется съ Добрыней, а потомъ выходитъ за него замужъ, — сказали бы мы, развивая, съ другимъ матеріаломъ, кавказскую гипотезу г. Халанскаго; но мы воздержимся отъ частныхъ выводовъ, основанныхъ на аналогіи положеній, какъ воздержался и авторъ въ главѣ, посвященной Святотору и наполненной кавказскими параллелями. Къ нимъ мы позволимъ себѣ присоединить и еще одну, по поводу известной небывальщины у Рыбникова (I, стр. 39—41, прим.).

Святогоръ прїѣзжаетъ въ Сивернымъ горахъ, видитъ: въ кузницѣ кузнецъ куетъ три тонкихъ волоса. На вопросъ богатыря онъ отвѣчаетъ, что куетъ „судьбину, кому на комъ жениться“. „А мнѣ на комъ жениться?“ — „А твоя невѣста въ царствѣ поморскомъ, въ престольномъ во городѣ, тридцать лѣтъ лежитъ во гноищѣ“. Богатырь рѣшается обойти судьбу, убивъ суженую; онъ находитъ ее въ убогой избѣ; она лежитъ во гноищѣ, тѣло у нея точно еловая кора. Вынулъ Святогоръ пятьсотъ рублей, положилъ на столъ, а дѣвку бьетъ мечемъ по бѣлой груди и уѣзжаетъ изъ царства поморскаго. Съ того удара, который Святогоръ считалъ смертельнымъ, у дѣвки точно еловая кора спала, стала она красавицей, принялась на тѣ пятьсотъ рублей торговать, нажила безсчетную золотую казну и поѣхала къ городу великому на Святыхъ горахъ. Тутъ полюбилась она Святогору и пошла за него замужъ. Ночью онъ видитъ рубчикъ на ея бѣлой груди, спрашиваетъ, откуда онъ; она все ему рассказала. „Тутъ Святогоръ-богатырь дозналъ, что отъ судьбины своей нигде не уйдешь“.

Сличите съ побывальщиной слѣдующую сказку закавказскихъ татаръ ¹⁾. Заблудившись на охотѣ, царевичъ набрелъ въ лѣсу на маленькой домикъ, гдѣ какой-то старикъ одной рукой перебиралъ длинныя черныя четки, другою же перелистывалъ лежащую передъ нимъ большую книгу, въ которую по временамъ что-то записывалъ тростниковымъ перомъ. Старикъ пріютить царевича, но долго не соглашался удовлетворить его любопытства, что это онъ дѣлаетъ съ книгой? Оказалось, что онъ записываетъ въ нее судьбу людей, кому что ею опредѣлено; царевичу она предназначаетъ жениться на дочери бѣднаго пастуха, которая вотъ уже нѣсколько лѣтъ страдаетъ неизлечимою болѣзнью и въ настоящее время лежитъ больною въ хижинѣ своего отца. Царевичъ не повѣрилъ глупому предсказанію и, повернувшись спиною къ старику, стремительно вышелъ отъ него. Цѣлый день пробродилъ онъ въ лѣсу; къ вечеру тропинка вывела его на поле, и онъ поѣхалъ по направленію свѣтившагося вдали огонька. Передъ ветхой хижинной сидѣлъ на землѣ какой-то оборванецъ и чинилъ лапти; онъ оказался пастухомъ и предлагаетъ царевичу переночевать у него, если онъ не побрезгаетъ хижинной, гдѣ спитъ его больная дочь: она страдаетъ неизлечимою болѣзнью и вѣчно лежитъ не двигаясь. Царевичу тотчасъ же представилось, что это и есть его суженая; ночью онъ подошелъ къ дѣвушкѣ, со всей силой уда-

¹⁾ См. Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Изданіе управленія кавказскаго учебнаго округа, вып. 6-й (1888 г.), отдѣлъ 2-й: Захаровъ, „Народныя сказки закавказскихъ татар“, № 2.

рилъ ее кинжаломъ, положилъ у трупа мѣшокъ съ червонцами и, выйдя изъ хижины, скрылся въ темнотѣ.

Дѣвушка страдала водянкой: животъ ея былъ вздутъ такъ, что она не могла ни встать, ни сѣсть, ни ходить; ударъ кинжала прорѣзалъ ея животъ, откуда вытекла вода, смѣшанная съ кровью, и дѣвушка выздоровѣла. На деньги, оставленные царевичемъ, она переселилась съ родителями въ городъ и стала красавицей. Однажды царевичъ увидѣлъ ее, стоявшую на крыльцѣ дома, прелестную и молодую, точно говорившую солнцу: „Ты не выходи, я ужъ вышла“.

Онъ влюбился въ нее и просить у отца согласія на бракъ: не то онъ бросится съ высокой горы. Свадьба сыграна; однажды молодая, съ матерью и сестрами мужа, пошла въ баню; онъ забѣгли на животъ своей невѣстки глубокой шпамъ и сказали царевичу. Онъ распросилъ жену и, узнавъ въ ней дочь пастуха, воскликнулъ: „Правда, что все то, что написано въ книгѣ судебъ, должно исполниться, и ни одинъ человѣкъ не уйдетъ отъ своей судьбы“.

Тождество нашей побывальщины съ татарской сказкой выясняетъ сказочный характеръ первой, о чемъ мы, впрочемъ, уже знали, не ея—кавказскій источникъ. При этомъ мы не только не отрицаемъ возможности воздѣйствія кавказскихъ преданій на мотивы русской былевой поэзіи, но желали бы углубить историческую перспективу этого воздѣйствія. Г. Халанскій ограничивается общими замѣчаніями. „Связи Руси съ Кавказомъ во все периоды нашей исторіи были такъ живы и постоянны, что а ргіогі можно было ожидать встрѣчи съ вопросомъ объ отношеніи кавказскихъ народныхъ сказаній къ русскому народному творчеству. Народы, осѣвшие на этомъ этнографическомъ днѣ великой европейской равнины, находились въ частомъ и долгомъ общеніи съ югомъ и востокомъ Руси. Непремѣнно должны были отразиться въ народномъ творествѣ слѣды ихъ вліанія, какъ отразились они въ языкѣ, бытѣ, общемъ складѣ русской народности... Повдѣе, казачество запорожское и донское было естественнымъ проводникомъ кавказскихъ мотивовъ на Русь... Известно, что черкесскія поселенія существовали на югѣ Россіи. До настоящаго столѣтія здѣсь были синонимами слова: червесь и казакъ. Замѣчательно, что эти два слова и на Кавказѣ являются синонимами. По преданіямъ, сохранившимся у осетинъ, червеси еще до VII в. назывались *казахами*, имя, которое они удержали за собою и въ устахъ мингрельцевъ“. Г. Халанскій могъ бы припомнить по этому поводу нашихъ лѣтописныхъ *касогов-*

черкесовъ, князя которыхъ Редедю поборолъ и зарѣзалъ Мсти-славъ (1022); ихъ и ихъ сосѣдей ясовъ (аланъ) разбилъ въ 965 году Святославъ, вѣроятно за Дономъ, ибо старыя поселенія ясовъ простирались по сѣверо-кавказской равнинѣ, доходя на югъ до главнаго хребта, на западѣ до Азовскаго моря, нижняго теченія Дона и Крыма ¹⁾. Здѣсь, въ долину Дона и у Яскихъ горъ (Jönsugfjöllum), которыхъ знаетъ на Кавказѣ и русская летопись (Воскрес. лѣт. II, 291: „горы высокія, яскія и черкаскія“), произошла по Невгагарсага²⁾, битва готовъ съ гуннами: страшная битва, въ которой готы бились за свободу и родину, рѣки запрудились и долины переполнились отъ множества труповъ. Касоги, ясы, готы и гунны на югъ Россіи; отголоски русско-готскихъ сказаній или боевыхъ пѣсенъ въ Невгагарсага²⁾ и пѣсни готскихъ дѣвъ въ „Словѣ о полку Игоревѣ“; сѣверное преданіе о выходѣ боговъ азовъ изъ страны готовъ, понятой впоследствии какъ страна боговъ (Godhheimar), т.-е. изъ южной Руси, или изъ Азіи, т.-е. страны ясовъ: вотъ южная перспектива, въ которой располагались воспоминанія, являлись поочередно враги-со-вопросники древней Руси, пополнялись и слагались эпическіе сюжеты. Если мы позволили себѣ озаглавить свое изслѣдованіе: „южно-русскія былины“, то не въ тѣсномъ „киевскомъ“ смыслѣ этого слова, но въ болѣе широкомъ, въ которомъ Кіевъ является первымъ, достижимымъ намъ пунктомъ эпической цивилизаціи; а эпосъ на русскомъ сѣверѣ—эпосомъ въ изгнаніи. Съ указанной точки зрѣнія, задачи изслѣдователя въ этой области усложняются: недостаточно порѣшить между югомъ и сѣверомъ, Кіевомъ и Москвою, а является вопросъ о древнѣйшихъ пѣсенныхъ элементахъ, можетъ быть и не русскихъ, но объявившихся въ русской мѣстности и лишь впоследствии ушедшихъ въ организмъ киевскаго былевого цикла. Вопросъ, который едва ли когда-либо можно будетъ порѣшить, но въ которомъ дозволено кое-что угадать, иное поставить на видъ. Для этого необходимо широкое пользованіе

¹⁾ Турецкіе историки знаютъ въ Кривѣ *аскіе*, т.-е., вѣроятно, аскіе города, въ томъ числѣ Кырк-іери или Кыркоръ, иныя Чуфуть-Кала, неприступный замокъ, гдѣ „въ прежнія времена непохвальныи народъ изъ племенъ могульскихъ (или „изъ родовъ татарскихъ“), называемый *Ас*“, сопротивлялся крымскимъ ханамъ. Татары взяли крѣпость хитростью: въ ханскомъ лагерѣ въ теченіе трехъ дней и ночей били въ барабаны, тазы, горшки, играли на дудкахъ и другихъ музыкальныхъ инструментахъ. Это ошеломило жителей, все время ждавшихъ нападенія и не спавшихъ, съ оружіемъ въ рукахъ, трое сутокъ. На четвертыя, когда они заснули отъ усталости, татары овладѣли городомъ безъ боя и населили его караннами. См. В. Д. Смирновъ, „Крымское ханство подъ верховенствомъ Оттоманской Порты“. Спб. 1887, стр. 104—105.

средствами сравненія, въ которыхъ г. Халанскій отнесся настолько недоброумно, что прошелъ равнодушно мимо старо-нѣмецкой поэмы объ Ортнитѣ съ древнѣйшимъ упоминаніемъ о ней Ильи русскаго.

Не миновалъ ея г. Дамбергъ, авторъ новѣйшаго изслѣдованія объ Ильѣ; съ какою успѣхомъ и какими результатами—это читатель увидитъ изъ краткаго обзора послѣднихъ. Весьма вѣроятно, что автору „Ортнита“ было извѣстно не одно только имя Ильи, но и нѣчто большее: преданія или пѣсни—сказать трудно; тѣ и другія, во всякомъ случаѣ, сильно разнились отъ сохранившихся русскихъ былинъ. Г. Дамбергъ такъ прилежно толкуетъ и обобщаетъ ихъ, что выдѣляетъ изъ нихъ группу пѣсенъ или одну пѣсню, легшую въ основаніи нѣмецкой поэмы. Авторомъ или диаскевастомъ ея былъ Боянъ, вѣроятно норманнъ, жившій въ XII вѣкѣ при киевскомъ дворѣ; его-то писанная поэма и была оригиналомъ нѣмецкаго поэта. Въ этой древнѣйшей группѣ пѣсенъ объ Ильѣ онъ явился съ тѣмъ же характеромъ грубаго, безпощаднаго воителя, съ какою выступаетъ въ „Ортнитѣ“ и нѣкоторыхъ отвѣчающихъ ему былинахъ. Илья этихъ пѣсенъ—Олегъ Святославичъ; если за этимъ историческимъ образомъ скрывается нѣчто мифологическое, то это не что иное, какъ смерть, все уничтожающая и не знающая себѣ уничтоженія.

Рядомъ съ этими грубыми пѣснями, сохранившимися древнѣйшій типъ Ильи, существуютъ и другія, гдѣ богатырь является въ болѣе гуманномъ освѣщеніи—въ уровень съ гуманными идеями императорской эпохи. Онѣ сочинены Киршей Даниловымъ (псевдонимъ), другомъ Тредьяковскаго, въ сибирскихъ рудникахъ Демидова, куда шведскіе рудокопы занесли изданную въ 1712 г. въ Стокгольмѣ старосѣверную Тидрексагу; сочинены именно по этой сагѣ.

Критика этихъ выводовъ излишня. Если г. Халанскій желаетъ много развѣнчать, то г. Дамбергъ роздалъ новые поэтическіе вѣнцы Бояну и, совсѣмъ неожиданно, Киршѣ Данилову, пѣвцу имперскаго гуманизма. Изъ двухъ крайностей каждый, несомнѣнно, предпочтетъ первую. Трудное, однако, дѣло—работа надъ былевой и всякой другой народной поэзіей! Безъ апіорныхъ воззрѣній, безъ предположеній не обойдешься, извѣстное участіе фантазій необходимо для почина и—до повѣрки; не осмотришься, и она увлечетъ васъ—по слѣдамъ г. Дамберга.

АЛЕКСАНДРЪ ВЕСЕЛОВСКІЙ.

ЧУДАКИ

РАЗСКАЗЪ.

I.

Въ началѣ іюля, часовъ въ шесть яснаго утра, у вокзала желѣзно-дорожной линіи, пересѣкающей одну изъ бѣлорусскихъ губерній, стояли два экипажа: низенькая, стариннаго фасона каретка, съ цвѣтными гербами на дверцахъ, и большая полуколяска-полутарантасъ. Экипажи были запряжены почтовыми лошадьми, и ямщики сидѣли на возлахъ. Пріѣхавшій съ экипажами, очевидно, кого-то встрѣчать съ поѣзда, господинъ сидѣлъ на скамьѣ платформы и то читалъ газету, то посматривалъ вокругъ себя: на пустой навѣсъ, напротивъ, гдѣ лежали присланные кому-то плужки — глядя на нихъ, господинъ посмѣивался: плужки были совсѣмъ непригодные для здѣшней земли; — на кочковатое болото, съ голыми пятнами высохшихъ лужъ, и на песчаная поля, за болотомъ, стлавшіяся легкими перевалами до самаго горизонта и изрѣдка прерывавшіяся вѣтряной мельницей невидной деревни или развѣсистой курчавой сосной, съ цѣлымъ гнѣздомъ ульевъ. Господинъ былъ высокій мужчина, лѣтъ тридцати, съ тонкой таліей и широкими, прямыми плечами, худощавый лицомъ и достаточно полный тѣломъ, съ кудреватыми волосами и пепельнаго цвѣта молодой бородкой. Лицо его было обыкновенное лицо помѣщика, который самъ ведетъ свое хозяйство — загорѣлое, худощавое, нѣсколько утомленное, нѣсколько озабоченное. Что-то не совсѣмъ обыкновенное было только въ глазахъ. Они смотрѣли тоже какъ смотреть помѣщики и приказчики, оглядывающіе, все ли въ порядкѣ, но иногда, — неболь-

шіе, сѣро-каріе, въ красивыхъ темныхъ рѣсницахъ,—они привлекательно умно и нѣсколько мечтательно темнѣли не совсѣмъ приказчицею мыслию.

Одѣтъ господинъ былъ съ деревенскимъ щегольствомъ и деревенскою небрежностью. На ногахъ высокіе сапоги изъ лакированной кожи; стройный станъ облегла блуза изъ суроваго шелка, подпоясанная желтымъ кожанымъ поясомъ; сверхъ нея на плеча было накинуто легкое короткое пальто; кудреватые волосы были прикрыты мягкой круглой шляпой съ небольшими полями; бѣлье—некрахмаленное; галстухъ и перчатки отсутствовали.

На пустынную платформу вышелъ сторожъ и съ преувеличенно озабоченнымъ лицомъ прозвонилъ непостижимо мелко, совершенно изнемогающе дробью. Это значило, что ожидаемый поѣздъ вышелъ съ сосѣдней станціи. Скоро послѣ звонка изъ дверей своего „кабинета“ показался начальникъ станціи, съ недовольнымъ и заспаннымъ лицомъ. Изъ другихъ „кабинетовъ“ появились другіе, низшіе „начальники“, тоже заспанные и недовольные, какъ бы съ-похмелья. Изъ залы третьяго класса вышло нѣсколько черныхъ, долгополыхъ жидовъ и одинъ вылинявшій сельскій попикъ со своей малокровной попадѣй. Залъ втораго класса выпустило польскаго помѣщика средней руки, въ нарусинномъ длинномъ пальто съ кашпономъ, въ американской жепи, съ сивымъ усомъ, краснымъ носомъ и круглыми сѣрыми глазками, наспѣшливыми и острыми, какъ шило. Вся эта публика обратила вниманіе на сидѣвшаго на платформѣ господина и стала на его счетъ шептаться. Его, очевидно, знали. Станціонные „начальники“, кромѣ того, знали и то, зачѣмъ господинъ пріѣхалъ сегодня сюда. Они сообщили это публикѣ, и та устремила на него взгляды, исполненные внезапнаго, глубокаго удивленія.

II.

Винновникомъ такого настроенія публики былъ Петръ Николаевичъ Столбунскій, владѣлецъ крупнаго имѣнія, верстахъ въ тридцати отъ станціи, исконный помѣщикъ края, изъ рѣдкихъ здѣсь православныхъ старинныхъ родовъ. Его отецъ, скромно служившій въ военной службѣ, былъ убитъ во время севастопольской кампаніи, оставивъ годовалаго сына и жену, взятую имъ изъ семьи полковаго доктора. Мать Столбунскаго умерла десять лѣтъ тому назадъ, когда онъ кончалъ гимназію своего губер-

скаго города. Ему досталось большое имѣніе, носившее слѣды заботливаго, но женскаго хозяйничанья: хорошенекій цвѣтничокъ, sentimentalная, доморощенная, изъ сиротокъ, прислуга, очень обидчивая и мало дѣлавшая, sentimentalный и деликатнѣйшій, но совершенно дряхлый управляющій, запущенные поля и луга, необерегаемый лѣсъ и разбалованные мужики. Столбунскій, съ согласія попечителя, сдать имѣніе въ аренду за пять тысячъ въ годъ и продолжать свое ученье, часто навѣдываясь въ имѣніе и съ усердною помощью своего товарища по ученью, пріятеля и сосѣда, поляка Халевича, только и настойчиво контролируя арендатора, который никакъ этого не ожидалъ отъ богатенькаго панничка и всегда впадалъ, на время его пріѣзда, въ самое унылое настроеніе.

Столбунскій и Халевичъ окончили гимназію и переехали въ Петербургъ, въ университетъ. Халевичъ былъ тоже состоятельный человекъ, и оба пріятеля не столько учились, сколько если не наслаждались, то пользовались столичною жизнью. О ихъ житьѣ доходили на родину неисповѣдимыми путями, вѣроятно черезъ все знающихъ жидовъ, довольно вѣрныхъ вѣсти, конечно съ неизбѣжными сплетническими преувеличеніями. Сначала было слышно, что они просто пьянствуютъ и скоро получатъ бѣлую горячку или будутъ выгнаны изъ университета. Потомъ они пьянствовали будто бы съ политическими преступниками, и ихъ ждала вѣрная Сибирь. Затѣмъ, ко времени окончанія курса, они стали пьянствовать съ миллионерами, при которыхъ будто бы состояли въ качествѣ шутовъ и забавниковъ. Окончивъ курсъ, они коротко попьянствовали съ ужасно важными чиновниками и поступили на службу. Ихъ служба, по уѣзднымъ извѣстіямъ, пошла, вслѣдствіе пьянства съ важными чиновниками, баснословно успѣшно, и на родинѣ, когда они тамъ появлялись, ихъ стали встрѣчать съ поклонами и улыбками, ласками, глазами и связками; знакомые сладко зазывали къ себѣ; незнакомые — съ открытою душою знакомились на станціяхъ, въ гостиницахъ и преимущественно въ вагонахъ; исправникъ мечталъ видѣть ихъ губернаторами въ своей губерніи, а приходской батюшка, въ одинъ голосъ со своей матушкой и ея сестрой, выразили увѣренность, что не только Столбунскій, но и Халевичъ — послѣдній несмотря на его римско-католическое вѣроисповѣданіе — попадутъ въ интенданты при первой будущей войнѣ... И вдругъ, и Столбунскій, и Халевичъ, у котораго около этого времени умеръ отецъ, оба сразу вышли въ отставку и поселились въ имѣніяхъ, гдѣ вотъ уже четыре года усердно хозяйничаютъ. Выгнали со службы!

рѣшили уѣздъ,—но за что? Этого навѣрно не рѣшили, хоть и очень старались. За вятки? за грубость начальству въ пьяномъ видѣ? за политическую интригу, вступивъ съ чиновной партіей, потерявшей около того времени вліяніе?—Пріятели много работали и почти не выѣзжали. У Халевича еще гащивали по лѣтамъ многочисленныя кузины и тетки, да навѣзжали разныя дяди и дѣды. У Столбунскаго и этого не было. Его польскія родня и знакомства послѣ шестьдесятъ-третьяго года отдалились, русской родни почти не было, а русскія знакомства были непрочны: чиновники мѣнялись; помѣщики, изъ тѣхъ же чиновниковъ, попробовавъ, что такое хозяйство, сбѣгали, продавая или сдавая въ аренду имѣнія. Такимъ образомъ, уѣздъ отъ самихъ пріятелей не могъ получить вѣрныхъ свѣденій о ихъ петербургской жизни. Въ концѣ концовъ уѣздъ рѣшилъ, что пріятели были просто чудаки... Это послѣднее было пожалуй самое вѣрное, потому что чудаками ихъ звали и въ Петербургѣ. Все они дѣлали не совсѣмъ такъ, какъ другіе.

Появились они въ Петербургѣ такими стройными юношами, съ блѣдноватыми бѣлорусскими лицами, — нервно живые, склонные похандрить, хохотуны, юмористы. Столбунскій былъ серьезнѣе, Халевичъ—злѣе на языкъ. Столбунскій сдержаннѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ добрѣе; Халевичъ скорѣе сходилъ съ людьми, рѣдко къ нимъ привязывался, но зато привязанность его была глубокой, способной на всякія жертвы. Столбунскій былъ лѣнивѣе, но настойчивѣе; Халевичъ — предприимчивѣе, но жаръ предприимчивости въ немъ скоро остывалъ. Халевичъ былъ неутомимый болтунъ и забавный рассказчикъ. Столбунскій пописывалъ недурныя стишки, не безъ серьезнаго пафоса, и былъ недурной музыкантъ. Несмотря на свою живость и веселость, оба были подвержены хандрѣ, причемъ Халевичъ хандрилъ спорадически, по нѣскольکو разъ въ день, а Столбунскій—полосами. Пріятели жили душа въ душу, но часто ссорились и постоянно дразнили другъ друга. Того, что называется обыкновенной скукой, они никогда не знали, потому что когда у нихъ на душѣ было весело и ясно—они хохотали, а когда находило дурное расположеніе духа—они забавно язвили другъ друга и окружающихъ.

Въ первое время своей петербургской жизни они пустились было въ *политику* и стали посѣщать кружки „радикаловъ“. Халевичъ сразу же возненавидѣлъ ихъ.—Чтобы я, я, помѣщикъ, заботился о томъ, чтобы ограбить помѣщика въ пользу мужика!—воскликнулъ онъ однажды тутъ же на собраніи радикаловъ.—Вотъ, когда я, дастъ Богъ, сойду съ ума, какъ вы, когда мнѣ будетъ

представляться, что я мужикъ, и что я курю махорку, а не любекъ средній, тогда, пожалуй, я и захочу того, чего теперь, хоть тресни, я хотѣть не могу.—Столбунскій рассуждалъ не такъ непосредственно, чего-то ожидая отъ своихъ новыхъ знакомыхъ, присматриваясь и вдумываясь. Онъ пожалуй и не отсталъ бы отъ нихъ такъ скоро, какъ это произошло, еслибы не одно происшествіе. Однажды его попросили пріютить на время какого-то студента, выславшагося въ самый разгаръ экзаменовъ изъ Петербурга. Столбунскій согласился, и потомъ оказалось, что „студентъ“ былъ очень важный преступникъ. Только случай избавилъ Столбунскаго отъ скамьи подсудимыхъ; онъ порвалъ и личныя отношенія съ кружками, отчасти потому, что это было опасно, но больше оттолкнутой вѣроломной продѣлкой. Халевичь торжествовалъ.

— Честъ имѣю васъ поздравить! — иронически обратился онъ къ Столбунскому, когда внезапно разъяснилось, кто былъ „студентъ“.

— Что жъ мнѣ было дѣлать! Я былъ увѣренъ, что это въ самомъ дѣлѣ студентъ, — отвѣчалъ Столбунскій.

— Это безъ паспорта-то?!

— Да. Ему не выдали вида за невзносъ платы за ученье. Халевичь ядовито взглянулъ на пріятеля.

— Ты давалъ имъ деньги, когда просили? — спросилъ онъ.

— Когда очень просили, — давалъ.

— Отчего же они не попросили тебя взнести за студента плату?!

Столбунскій покраснѣлъ. Разговоръ происходилъ въ невеселую минуту, и Халевичь не пропустилъ случая и долго язвилъ пріятеля. Все припомнилъ онъ тутъ Столбунскому. Они часто спорили о томъ, герои радикалы или нѣтъ. — Халевичь сказалъ, что они и изъ Столбунскаго хотѣли сдѣлать героя, подведши его подъ Сибирь. Столбунскій превозносилъ русскій народъ — его умъ, его міросозерцаніе, его душу — надъ польскимъ. — Халевичь остановился и на всемъ этомъ. Доказательство ума онъ видѣлъ въ Столбунскомъ, котораго такъ просто и несложно одурачили. А о душѣ онъ выразился въ томъ смыслѣ, что русскій до тѣхъ поръ измышляетъ, какъ бы ему спасти душу, пока эту душу моль не съѣстъ. Войдя въ азартъ и заступаясь за поляковъ, онъ не замѣчалъ, какъ онъ обругалъ и ихъ. Поляки, несмотря на то, что оказались умнѣе, энергичнѣе, нравственнѣе, вдругъ были обвинены въ пустотѣ, лукавствѣ, напыщенности и даже въ нищетѣ, — въ этомъ послѣднемъ по сравненію съ русскими вупцами, съ

однимъ изъ которыхъ Халевичъ незадолго до того познакомился. Настоящими людьми вдругъ оказались кѣмцы, да и тѣмъ хорошо бы было объявить войну и въ возможно большемъ количествѣ искоренить.

Присутствовавшій при этомъ разговорѣ третій университетскій товарищъ—оба пріятели были замѣчательны еще тѣмъ, что у нихъ никогда не было никакихъ тайнъ—этотъ третій смотрѣлъ, смотрѣлъ на эту забавную и азартную спибку пріятелей и не могъ не воскликнуть:—Чудаки!

Покончивъ съ политикой, пріятели стали пользоваться жизнью—и имъ, что называется, повезло. Чудаковъ полюбили.

Началось съ того, что ихъ стали выбирать распорядителями на студенческіе балы, концерты и обѣды за ихъ хорошіе фраки, представительность и распорядительность. Къ нимъ пристали студенты, тоже обладавшіе хорошими фраками, дѣти богатыхъ, чиновныхъ и даже знатныхъ домовъ. Пріятели не шли къ нимъ на-встрѣчу, но и не отталкивали, и скоро ихъ квартира стала кутежнымъ сборищемъ этой молодежи. Кутилось у чудаковъ особенно весело. Хозяева никогда не пьянѣли, всегда были веселы, всегда остроумны, неутомимы въ веселыхъ похожденияхъ. Халевичъ былъ горячій спорщикъ и неистощимый рассказчикъ. Столбунскій хорошо игралъ на роялѣ. Оба нравились женщинамъ, и въ особенности тѣмъ, которыя всегда окружаютъ кутающую молодежь,—и не было числа ихъ знакомымъ приказчицамъ, хористкамъ, актрисамъ и прочимъ удалымъ бабенкамъ. Но самое главное—они держали себя настоящими коноводами. Какъ-то одинъ очень знатный барчукъ зазнался—и былъ буквально выброшенъ Халевичемъ за дверь. Онъ хотѣлъ извиниться и вернуться въ компанію, но это было отклонено самымъ рѣшительнымъ образомъ. Остальные, въ виду знатности и раскаянія виноватаго, рѣшили, что пріятели поступили немного по-чудацки, но съ тѣхъ поръ равенство царило полное.

Однажды кутили въ загородномъ ресторанѣ. Кто-то пѣлъ, Столбунскій аккомпанировалъ. Вдругъ за дверью въ сосѣдней комнатѣ чей-то славный, сильный баритонъ сталъ вторить. Растворили туда двери и пригласили сосѣдей къ себѣ. Это оказались: во-первыхъ, самъ пѣвецъ-баритонъ—Дровяниковъ, извѣстный богатъ, сынъ откупщика, издатель либеральнаго журнала, существовавшего въ 60-хъ годахъ очень недолго, бывшій меценатъ, обиженный покровительствуемыми имъ отечественными гениями, немного дѣлецъ и, главнымъ образомъ, эпикуреецъ; затѣмъ, извѣстный архитекторъ Кесарскій; дальній родственникъ

Дровяниковъ и завѣдывающій его дѣлами Гончаревскій; извѣстный живописецъ и не менѣе извѣстная кокетка. Народъ былъ все не первой свѣжести, не исключая и кокетки, съ силами, которыя уже не были равны жаждѣ жизни, а жажда была велика. Кромѣ того, это были „русскіе люди, душевные люди“. И эти люди пришли въ настоящій восторгъ отъ молодой компаніи вообще и отъ ея коноводовъ въ особенности. Живописецъ, старый, сѣдой, ерѣпкій какъ дубъ, пьяный энтузіастъ, тутъ же выпилъ съ этими послѣдними на „ты“, объявивъ, что всѣ прочіе—мелкота. Архитекторъ, большой цѣнитель смѣшного и юмора, такъ и впился въ польскія карикатуры Халевича. Дровяниковъ, избалованный, капризный эпикуреецъ, но добрый человекъ, съ мгновеніями нѣсколько дикаго паэоса, съ художественной жилкой, точно помолодѣлъ, глядя на нихъ. Съ этого вечера дровяниковская компанія была неразлучна съ пріятелями. Какъ только она набирала силъ, она или шла къ нимъ, или зазывала къ себѣ. И только одинъ изъ компаніи, Гончаревскій, не вступалъ съ ними въ болѣе близкія отношенія. Это былъ тоже чудакъ. Старый холостякъ, худой, высокій, съ уродливымъ лицомъ, съ гигантскимъ крючковатымъ носомъ, съ большимъ ртомъ, съ крошечными, глубоко запавшими черными глазами, съ низко остриженными жесткими, совершенно черными волосами на маленькой, угловатой головѣ, умный и лѣнивый, добрый, но въ личной жизни несчастный и слишкомъ опытный, онъ относился къ пріятелямъ странно. Вѣроятно и онъ полюбилъ ихъ, но не хотѣлъ, а можетъ быть и не смѣлъ признаться въ этомъ имъ, а главное себѣ. Онъ былъ неизмѣннымъ товарищемъ общихъ сходокъ, но держался на-сторожѣ, какъ будто подозрительно, и нерѣдко позволялъ себѣ язвительныя шуточки, не выходя, впрочемъ, изъ предѣловъ. Только однажды какъ-то, противъ ожиданія своего и всѣхъ, ужъ очень сильно выпивъ, онъ началъ что-то о томъ, что бываютъ на свѣтѣ прихлебатели простые и прихлебатели высшей школы, какъ есть гетеры и есть кокетки, — началъ и тутъ же остановился, какъ бы испуганный тѣмъ, что онъ сказалъ, какъ бы раскаивающійся въ сказанномъ. На другой день онъ былъ со Столбунскимъ и Халевичемъ даже привѣтливъ, почти нѣженъ. Онъ былъ изъ бѣдныхъ дворянъ, родственникъ Дровяникову по женской линіи.

Ни Халевичъ, ни Столбунскій не опустили, однако, отъ кутежной жизни. Столбунскому она скоро начала надоедать, и онъ продолжалъ потому, что ее нечѣмъ было замѣнить. Халевичъ ея боялся и со страха тщательно оберегалъ себя отъ малѣйшаго признака распущенности. Чѣмъ пьянѣе и буйнѣе была

ночь, тѣмъ раньше онъ вставалъ и тѣмъ тщательнѣе одѣвался. Иногда это кончалось даже тѣмъ, что онъ шелъ на лекціи. Мало того: пріатели приобрѣли репутацію самыхъ приличныхъ молодыхъ людей, и ихъ друзья, даже немного гордятся ими, вводили ихъ въ свои семьи и въ знакомые дома. И скоро оба завели связи съ богатымъ, блестящимъ и вліятельнымъ Петербургомъ. Убѣдная сплетня была не совсѣмъ неправа даже и насчетъ высшихъ чиновниковъ.

Нельзя сказать, чтобы пріатели не прилагали усилій, чтобы заводить и поддерживать эти знакомства. Они умѣли понравиться, умѣли, когда нужно, молчать, но не смолчать, однако; умѣли, когда нужно, поговорить, да не просто, а со всѣми тонкостями нужныхъ интонацій и жестовъ; отлично умѣли сводить богачей съ блестящими людьми, актеровъ—съ рецензентами, художниковъ—съ покупщиками, подчиненныхъ—съ начальниками. Но все это выходило у нихъ естественно и незамѣтно. И тѣмъ незамѣтнѣе, естественнѣе и для нихъ легче, что они рѣшительно не знали, зачѣмъ они это дѣлають.

— Слушай, зачѣмъ мы держимъ этотъ пьяный салонъ? — не разъ съ удивленіемъ спрашивалъ Столбунскаго Халевичъ.

— Занимательно, — довольно равнодушно отвѣчалъ Столбунскій.

— Ты знаешь, за нами слѣдитъ полиція. Должно быть, попалъ N — а за сына боится.

— Пусть слѣдитъ: и это занимательно.

Халевичъ умолкалъ.

— А какъ ты думаешь, — продолжалъ Халевичъ: — пригодятся они намъ на что-нибудь? А?

— Почему я знаю.

— Рѣшился бы ты о чемъ-нибудь попросить ихъ лично для себя? Мѣсто, жалованье, денегъ?

— Развѣ въ самомъ крайнемъ случаѣ.

Халевичъ снова задумывался. Пессимистъ Халевичъ склонялся къ тому, что пьянствовать ихъ компанія умѣетъ, и очень душевно, а друзья это ненадежные. Въ желчныя минуты онъ доказывалъ, что эти душевные люди на самомъ дѣлѣ самые безсердечные изъ эгоистовъ.

— Ты говоришь о душѣ! — обрушивался онъ въ частыхъ спорахъ о томъ, что лучше — поляки Халевича или русскіе Столбунскаго, на послѣдняго. — Ты говоришь: душа! У васъ нѣтъ души, у васъ одни болѣзненные нервы. А такой человекъ — ужасный человекъ. Прочти Достоевскаго. Перестань мы напишемъ.

пріятелямъ нравиться—на другой же день, мы съ голоду будемъ съ тумбъ сало отъ плошекъ слизывать, а они намъ копѣйки не подадутъ; а если и дадутъ, такъ только за представленіе.

Столбунскій былъ лучшаго мнѣнія о компаніи и нѣкоторыхъ даже искренно полюбилъ. Кромѣ того, онъ присматривался къ ней, какъ недавно присматривался къ „радикаламъ“. Но скоро онъ увидѣлъ, что и новые его друзья ничего не дадутъ ему „для души“, для презираемой Халевичемъ русской души.

Главнымъ образомъ, пріятели были молоды, силы въ нихъ еще играли, и ихъ тѣшило пробовать свое искусство жить съ людьми, ладить съ ними, нравиться имъ, немножко управлять ими. Это была занимательная игра, и только.

Такъ прошли университетскіе годы. Пріятели кончили кандидатами: они умѣли, когда бывало нужно, засѣсть за дѣло, — и поступили на службу. Мысль служить, служить по настоящему, дѣлу, стала назрѣвать, по мѣрѣ того, какъ они осваивались со всѣми свѣтскими успѣхами и уставали отъ кутежей.

Служба сначала пошла очень горячо. „Неужели же такіе ловкіе парни, какъ мы,—думали они,—такъ-таки ничего хорошаго и не сможемъ сдѣлать?“ Не можетъ быть. Не даромъ же они знаютъ самую глубину деревни, знаютъ всѣ тайны своихъ деревень, уѣзда и губерніи, знаютъ, что нужно дѣлать; а въ Петербургѣ выучились и тому, какъ дѣлаются дѣла. Столбунскій попалъ въ комиссію о новыхъ полицейскихъ чинахъ,—и чрезъ два года получилъ Владиміра. Халевичъ проработалъ надъ новыми аэцизными правилами и украсилъ свою выю Станиславомъ. Оба сдѣлались извѣстны своимъ министрамъ; обоихъ, „не въ примѣръ прочимъ“, несмотря на малые чины, не только сдѣлали „исправляющими“, но и „утвердили“ начальниками отдѣленій. Предъ обоими вытягивались не только департаментскіе сторожа, но и сами директорскіе курьеры. Съ обоими столоначальники, лысые, выбритые люди, говорили немного склоняясь и медовыми голосами. Оба позеленѣли отъ каторжной работы, но бойко и распорядительно бѣгали по корридорамъ и лѣстницамъ министерства, возбужденно позванивая золотыми пуговицами на хвостикахъ вицмундировъ и покачивая орденами. Обоимъ высшій генералитетъ жалъ руки и писалъ записки: когда было не очень нужно—въ третьемъ лицѣ, когда изъ записки рождалась гора спѣшной работы, то—„мигѣйшій NN“. Министерство оцѣ-

нивало все это еще полнѣе, чѣмъ уѣздъ, и пріатели были его болванскими дѣтьми. И вдругъ они подали въ отставку.

Еще за годъ до этого событія, департаменты, гдѣ служили пріатели, стали замѣчать, что пріатели залѣнились и служить, и подслуживаться. Началось это послѣ того, какъ пріатели съѣздили домой и на мѣстѣ увидѣли дѣйствіе новыхъ полицейскихъ чиновъ и новыхъ аццизныхъ правилъ. Впечатлѣніе получилось такое, точно муравьи хотятъ поднять огромную дубовую колоду, до половины вросшую въ землю. А этихъ колодъ на мѣстѣ было видимо-невидимо. Пріателямъ стало ясно, что они точь-въ-точь такіе же муравьи на такой же колодѣ, и это сознаніе, точно какое-то волшебство, сразу повергло ихъ въ непреодолимую лѣнь. Попробовали опять пускаться въ кутежи, но изъ этого ничего не вышло: молодость прошла, поэзія кутежа исчезла, да и похмелье стало такимъ тяжелымъ, что предстояло одно изъ двухъ—либо расхвораться, либо стать настоящими пьяницами. Пріатели неприятно изумились столь быстрому истощенію кутежныхъ силъ и попытались тянуть служебную лямку, какъ ее тянутъ тысячи чиновниковъ, и изъ этого ничего не вышло: лямка терла плечи и раздражала. У Халевица перемѣнился директоръ, и онъ не позаботился съ нимъ поладить. Столбунскій оставался подъ прежнимъ начальствомъ, но уже дозволил опередить себя другому, и другому писались записки, начинавшіяся: „милѣйшій NN“. Такъ прошелъ годъ, зима; подошла весна,—и въ одинъ прекрасный день обоемъ стало ясно, какъ дважды-два, что не служить имъ больше; стало имъ ясно и то, куда это ихъ давно уже тянетъ, и тянетъ такъ, что все остальное имъ немыло.

Это случилось въ первый день пасхи. Пріатели собирались съ поздравленіями по начальству и, въ вицъ-мундирахъ и при орденахъ, сидѣли за чайнымъ столомъ. Скоро чай кончили, но ни одинъ, ни другой не подымались съ мѣста и не спуская глазъ смотрѣли въ окно. Изъ окна была видна площадь съ садкомъ. Садъ уже начиналъ зеленѣть. Солнце грѣло и свѣтило такъ, что глазамъ было больно.

Столбунскій привсталъ и отворилъ форточку. На него пахнуло раздражающей весной. Онъ яснѣе, чѣмъ сквозь загрязнившіяся стекла, увидѣлъ чисто-голубое небо и выпуклыя, бѣлыя облака. Изъ окна несло то тепломъ, то холодкомъ. Въ воздухѣ были разлиты и теплые пары, и вмѣстѣ съ тѣмъ блестящій, какъ зеркальное стекло, свѣтъ. На подоконникахъ и карнизахъ дома щелкали, какъ расшалившіяся дѣти, воробьи и самодовольно, сибирски ворковали голуби. Доносился запахъ зелени, разрытой

земли. Немного потягивало дымомъ, запахомъ печенаго хлѣба, какъ будто навозцемъ, какъ будто разогрѣвшейся лошадыю.

Пріятели молчали, но чувствовали одно и то же. Петербургъ, министерство, чиновники, петербургскіе знакомые, петербургскія заботы, удовольствія, обязанности, — все это представилось имъ точно сномъ. Все это наполовину умерло для нихъ, лишившись своей плоти и превратившись точно въ видѣніе. Дѣйствительностью была весна, которая обдавала ихъ своимъ воздухомъ, красками и звуками. Они переносились въ свою деревню и видѣли ее теперь во всѣхъ ея весеннихъ подробностяхъ: ея глѣса, пѣвшіе голосами птицъ и распростававшіе свои вѣтки, наливавшіяся совами; ея рѣки и ручьи, которые бѣжали теперь, точно вырвавшіяся изъ конюшни молодая лошади, ея распаханная, влажная поля, раскрывшія свои нѣдра на-встрѣчу солнцу и теплымъ дождямъ, которые зарождаютъ въ нихъ новую жизнь; ея работу, которую дѣлаетъ человекъ, какъ сотрудникъ великаго солнца, ласковыхъ дождей и могучей земли. Такими свободными, всему и всѣмъ равными людьми пріятели видѣли самихъ себя.

И вотъ Столбунскій замѣчаетъ, что Халевичъ начинаетъ полегоньку сбрасывать съ себя вицмундиръ. Потихоньку отъ Халевича то же самое дѣлаетъ и Столбунскій. Халевичъ разоблачился, задумчиво скомкалъ вицмундиръ, задумчиво отвернулся и бросилъ его на диванъ. Онъ бросилъ одинъ вицмундиръ, — а упало ихъ два. Онъ не удивился, торжественнымъ шагомъ подошелъ къ дивану, бережно взялъ обѣ одежды и поднесъ къ форточкѣ, дѣлая видъ, что хочетъ ихъ выбросить.

— Постой. Тамъ деньги! — смѣясь, воскликнулъ Столбунскій.

Халевичъ, все въ молчаніи, стараясь не улыбаться, вынулъ изъ кармановъ бумажники и опять высунулся въ форточку. Онъ не оглядывался, но зналъ, что Столбунскій за нимъ слѣдитъ.

— Разъ... — сказалъ Халевичъ.

— А вотъ же не выбросишь!

— Два...

— Халевичъ, не дури!

— Три!

Вицмундиры лежали внизу на бойкой улицѣ, на грязномъ тротуарѣ, запруженномъ пѣшеходами, а Халевичъ и Столбунскій, высунувшись въ форточки, кричали внизъ — одинъ городовому, другой дворнику, — чтобы подняли по необыкновенному случаю выброшенную собакой въ окно одежду.

Съ поздравленіями пріятели не пошли, а въ первый же при-

сутственный день подали свои отставки. — Чудаки! — рѣшили и департаменты, и министерства.

Прошло три года. Деревня, которая въ первое время показалась пріятелямъ раемъ приволья и независимости, сильно въ ихъ глазахъ поблекла. Сама по себѣ она имѣ не надѣла, но хозяйство пошло не такъ, какъ они ожидали. Хозяйничать было трудно, — заботливо, хлопотно, напряженно. Вялые бѣлоруссы, приказчики и рабочіе, палець о палець не могли ударить безъ понуканія. Сосѣди-мужики ни на одинъ день не прекращали своихъ нападений на поля, луга, лѣса и даже дрова, сложенные на дворѣ. Безчисленное множество разныхъ мелкихъ условий по хозяйству исполнялось только тогда, когда хозяинъ ругался и грозилъ. Судъ и полиція дѣлали что-нибудь только по пріятельству, а не изъ обязанности. Продажи шли туго, кулакамъ и жидамъ. Покупки — скота, машинъ, орудій — были цѣлыми предпріятіями. „Да это какая-то тина, какой-то птичій клей — эта російская деревня!“ восклицали иногда пріатели. Халевиць никакъ не могъ сдвинуться съ того дохода, который имѣніе давало при отцѣ. Доходъ Столбунскаго, которому пришлось расширять и исправлять дамское хозяйство матери, упалъ до одной трети прежняго. Восстановленія его, безъ прекращенія улучшеній, нельзя было ожидать раньше, чѣмъ еще черезъ три года. А тѣ пятнадцать тысячъ въ годъ, которыя, по расчету Столбунскаго, сдѣланному въ памятный день его отставки съ помощью Халевица, должны были получиться уже на шестой годъ хозяйничанья, — отодвинулись въ далекое будущее. Иногда Столбунскому приходила мысль снова сдать имѣніе въ аренду, за которое теперь дали бы уже тысячею больше. Но вслѣдъ затѣмъ онъ спрашивалъ себя, что же онъ будетъ тогда дѣлать? Дѣлать было бы рѣшительно нечего. Даже нельзя было по недостатку денегъ построить новый домъ, о которомъ онъ мечталъ. Столбунскій поборялся необходимости работать и заботиться, работалъ, заботился, начиналъ даже втягиваться въ работу, пріучаясь иногда, урывками, отдыхать и наслаждаться деревней, не смущаясь мыслью о завтрашнихъ заботахъ. Изрѣдка онъ поглядывалъ на выигрышный билетъ внутренняго займа. Онъ у него былъ одинъ. Покупать больше онъ считалъ постыднымъ, а фантазировать — отчего же и не пофантазировать, — для отдыха.

Петербургскіе пріатели оправдали мнѣніе о себѣ Халевица. Послѣ торжественныхъ, шумныхъ и многолюдныхъ проводовъ, которые публичной варшавскаго вокзала въ Петербургѣ были даже приняты за отъѣздъ какихъ-то высокопоставленныхъ лицъ, пріа-

тели эти быстро испарили изъ себя расположеніе къ уѣхавшимъ. Сначала кое-кто еще писалъ, а потомъ и письма превратились. На повѣрку вышло, что прочныхъ привязанностей ни въ комъ не было. Постояннѣе другихъ оказался Кесарійскій, который очень близко сошелся со Столбунскимъ. Каждое лѣто архитекторъ писалъ, что онъ и Дровяниковъ непремѣнно пріѣдутъ къ пріятелямъ, но ни тотъ, ни другой не пріѣзжали. Такихъ лѣтъ было три. Теперь, на четвертое лѣто, тоже получилось обычное письмо. Столбунскій, даже не дочитавъ его, бросилъ подъ столъ. Однако, недѣли черезъ двѣ пришла телеграмма, которой Кесарійскій отъ себя и Дровяникова назначалъ день и часъ пріѣзда.

И вотъ, въ этотъ-то день и часъ Столбунскій сидѣлъ на платформѣ желѣзно-дорожной станціи и служилъ предметомъ общаго вниманія: имя Дровяникова было всѣмъ знакомо, и какъ имя извѣстнаго богача, и какъ имя одного изъ директоровъ мѣстной желѣзной дороги. Самъ Столбунскій немного волновался, и былъ этимъ немного смущенъ. Ему казалось, что онъ волнуется не столько отъ удовольствія встрѣчи съ старыми пріятелями, сколько по другой, скрытой причинѣ, въ которой онъ неохотно сознавался и самому себѣ.

III.

Когда раздался свистокъ приближающагося поѣзда, Столбунскій быстро поднялъ отъ газеты голову, взглянулъ, потомъ попытался—было дочитать до точки, но всталъ и съ нѣкоторымъ волненіемъ пошелъ по платформѣ.

— Вотъ-съ, и ѣдутъ ваши петербургскіе гости,—обратился къ нему начальникъ станціи. Его лицо имѣло заискивающее выраженіе, но въ то же время и не совсѣмъ увѣренное въ томъ, что нужно заискивать. Онъ то принималъ независимую осанку, то снова хихикалъ и ёжилъ глаза.

Столбунскій видѣлъ это. Онъ остановился и съ самымъ открытымъ видомъ смотрѣлъ на начальника.

— Кто ихъ знаетъ, пріѣдутъ ли!—сказалъ онъ.—Вѣдь это такой увалень, Дровяниковъ. Выбраться въ гости, это для него цѣлая революція.

Начальникъ не то слегка смутился, не то былъ чѣмъ-то восхищенъ.

— А я слышалъ, что они... что онъ,—поспѣшно поправился начальникъ,—напротивъ, очень энергиченъ.

Ему было, очевидно, и страшно, и заманчиво вести такую фамильярную бесѣду о самомъ директорѣ дороги.

Столбунскій отлично понималъ и это, но смотрѣлъ тѣмъ открытѣе и дружественнѣе.

— А вотъ увидите сами. За завтракомъ я васъ познакомлю, — сказалъ онъ. — Кстати, завтракъ готовъ?

Начальникъ сказалъ, что готовъ, улыбнулся отъ предстоящей чести, потомъ насупился и, взволнованный до смущенія, отошелъ. Весь этотъ разговоръ съ большимъ вниманіемъ выслушала стоявшая недалеко въ сторонѣ кучка другихъ служащихъ на станціи. Когда онъ кончился, кучка многозначительно и тоже не безъ волненія переглянулась. Всѣ эти люди не могли бы опредѣлить, что это съ ними продѣлываетъ Столбунскій, помощью устроеннаго имъ завтрака и дружественнаго и открытаго обращенія: покровительствуетъ ли онъ имъ по добротѣ сердца; или просто онъ веселый человѣкъ, которому пріятно хорошо позавтракать въ компаніи; или онъ хочетъ угодить Дровяникову, который, можетъ быть, и любить, чтобы его встрѣчали подчиненные; или, наконецъ, Столбунскій, который какъ-то мимоходомъ замѣтилъ, что будущей зимой будетъ отправлять свой хлѣбъ не попрежнему, съ сосѣдней станціи, а съ своей, — располагаетъ ихъ въ свою пользу съ этою цѣлью? Этого рѣшить было нельзя, но всѣ чувствовали себя не только расположенными къ Столбунскому, но и какъ бы даже опутанными имъ.

Поѣздъ подошелъ и остановился своими красивыми, точными и мощными движеніями. Было рано, и ни въ окнахъ, ни въ дверяхъ вагоновъ людей не виднѣлось. Столбунскій оглядывалъ вагоны и быстро шелъ отъ паровоза къ концу поѣзда, все волнуясь немного и чувствуя на себѣ взгляды „начальниковъ“, взгляды, которые въ эту рѣшительную минуту встрѣчи стали особенно пристальны. Наконецъ, на балконѣ вагона второго класса Столбунскій увидѣлъ небольшого, тоненькаго и худого человѣчка, лѣтъ подь-сорокъ, рыжеватаго, съ молочно-бѣлымъ и блѣднымъ лицомъ и большими сѣрыми глазами. Человѣчекъ былъ одѣтъ въ суконное куцое и узкое платье, въ огромныя клѣтки, черныя и сѣрыя, въ суконныя сѣрыя ботинки и такую же шапочку, въ видѣ ермолки, съ пуговкой наверху и мягкими козырьками спереди и сзади. Весь точно обмотанный мягкимъ сукномъ, онъ смотрѣлъ, даже и не замѣтивъ еще Столбунскаго, просто на мѣръ Божій — тепло, бодро, весело и вмѣстѣ съ тѣмъ разсѣяннo. Это былъ Кесарійскій. „Во второмъ классѣ, — значитъ, одинъ!“ подумалъ Столбунскій, и даже не то чтобы поблѣднѣлъ, а какъ бы

померкъ немного. Но сейчасъ же онъ ободрился, сдѣлалъ радостный жестъ рукою, который тутъ же былъ замѣченъ „начальниками“, и громко позвалъ:—Кесарійскій!

Маленькій человекъ, смотрѣвшій черезъ голову Столбунскаго, вздрогнулъ, взглянулъ и мигомъ очутился внизу. Его лицо засіяло радостно, возбужденно, немного лукаво. Прежде всего онъ, не говоря ни слова, потянулся цѣловаться съ высокимъ Столбунскимъ, потянулся какъ-то по-дѣтски, и тоже по-дѣтски горячо и чмокая, расцѣловалъ его. Столбунскій, который сначала почувствовалъ себя, какъ будто и неспособнымъ обрадоваться одному Кесарійскому, невольно просіялъ такъ же, какъ и гость.

— Здравствуйте, милый! Здравствуйте, голубчикъ!—воскликнулъ Кесарійскій. — Фу, какъ онъ возмужалъ. Борода! Здравствуйте, хитроумный бѣлоруссъ!.. Ну, и Бѣлорусъ же ваша! Гляжу и глазамъ своимъ не вѣрю, что она такъ-таки дѣйствительно существуетъ. До сихъ поръ я думалъ, что она—анекдотъ Халевича и Столбунскаго. Смотрите, смотрите...

И Кесарійскій просіялъ еще больше, увидѣвъ пана-помѣщика и кучку жидовъ,—и того, и другихъ совершенно изумленныхъ его невиданнымъ костюмомъ, въ клетки.

— Смотрите,—продолжалъ онъ, не давая Столбунскому вымолвить слова,—вотъ онъ, анекдотъ Халевича. Вотъ онъ, живой панъ: носъ бульбой, усы мхомъ, корпусъ мѣшкомъ и султанская важность... И жидъ, и жидъ—живой вѣдь...

Столбунскій смотрѣлъ, слушалъ и вдругъ не узналъ самого себя. Ему самому стало весело, безопасно весело, изобрѣтательно весело, послѣ трехъ лѣтъ однообразныхъ, неотступныхъ заботъ. Точно его водой spryкнули. Совсѣмъ размягченный, онъ безъ церемоній обнялъ Кесарійскаго, крѣпко прижалъ его къ себѣ и еще разъ поцѣловалъ. Кесарійскій притихъ.

— Милый!—съ нѣжностью сказалъ онъ.— Однако, идемъ, голубчикъ, къ Никитѣ.

— А пріѣхалъ-таки?—совсѣмъ спокойно спросилъ, за нѣсколько минутъ до того еще волновавшійся, Столбунскій.

— Никита Степановичъ? Воздвигся! Да и невозможенъ онъ былъ бы, еслибы, наконецъ, не собрался къ вамъ!—какъ бы съ негодованіемъ воскликнулъ Кесарійскій. И онъ, быстро цѣпляясь маленькими руками и высоко подымая маленькія ноги, взобрался на балконъ вагона, прошелъ вагонъ насквозь и черезъ новые балюнички провелъ Столбунскаго въ огромный „директорскій“ вагонъ.

Во второмъ купѣ, въ спальнѣ, они увидѣли Нивиту Степа-

новича Дровяникова, который торопливо одѣвался. Красавецъ парень, въ синей сибиркѣ, поспѣшно собиралъ постели и разбрасываемыя одѣвавшимся вещи и низко поклонился вошедшему Столбунскому. Дровяниковъ, массивный, очень плечистый мужчина, съ располѣвшимся, но все еще очень красивымъ великорусско-восточнымъ лицомъ, на которомъ особенно замѣтны были большіе, быстрые, широко открытые темные глаза, застегивалъ упрямый воротъ туго-накрахмаленной рубахи и, увидя Столбунскаго, особенной радости не выказалъ. Напротивъ, онъ, видимо, только-что проснулся, не выспался и со сна былъ не въ духѣ. Улыбаясь, насколько весело можетъ улыбаться капризный, невыспавшійся человѣкъ, онъ хлопнулъ Столбунскаго съ размаха своей могучей, толстой рукой по протянутой рукѣ, щельнулъ каблуками и промолвилъ, еще съ утренней хрипотой:

— Хозяину сихъ мѣстъ низжайшее почтеніе-съ!

— О, пока хозяинъ еще не я. Пока я у васъ въ спальнѣ, — оживленно отвѣтилъ Столбунскій и, крѣпко пожимая руку Дровяникова, замѣтно потянулся поцѣловаться, но Дровяниковъ не отвѣтилъ тѣмъ же, а опять сталъ раздраженно возиться съ непослушнымъ воротомъ и даже сердито прикрикнулъ на прислуживавшаго парня. Столбунскій покраснѣлъ, губы его шевельнулись; прежде, въ Петербургѣ, это не прошло бы Дровяникову даромъ, но теперь Столбунскій почему-то (онъ зналъ, почему!) смолчалъ и покраснѣлъ еще больше.

— Какой славный нарядъ! — раздался въ это время бодрый, ясный и милый голосъ Кесарійскаго. — Прелесть, просто прелесть!

И Кесарійскій быстрымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ ласковымъ движеніемъ снялъ съ головы Столбунскаго шляпу, съ плечъ — пальто и сіяющимъ взглядомъ осматривалъ его. Столбунскій въ самомъ дѣлѣ былъ красивъ, стройный, изящный, съ кудреватыми волосами, упавшими на бѣлый лобъ, съ нѣсколько смущеннымъ и недовольнымъ лицомъ и глядѣвшими исподлобья глазами. Дурное расположеніе духа Дровяникова исчезло, и онъ видимо любовался Столбунскимъ.

— Развѣ нарядъ хорошъ? — сказалъ послѣдній. — Да, вот каковъ я сталъ номѣщикомъ! — оправляясь отъ смущенія, весело воскликнулъ онъ и взялся-было за шляпу и пальто.

— Пойдите, пойдите! — остановилъ его Дровяниковъ: — пойдите, я васъ покажу кое-кому.

Никита Степановичъ былъ окончательно приведенъ въ хорошее настроеніе. Кесарійскій бросилъ на Столбунскаго лужавый и веселый взглядъ.

— О, хитрый бѣлорусъ!—воскликнулъ онъ.

— И это вы говорите о хитрости другихъ!—такъ же весело и лукаво отвѣтилъ Столбунскій.

Дровяниковъ быстро, съ сильной граціей и изяществомъ движеній, — которыхъ въ немъ на первый взглядъ не общало ничто, кромѣ развѣ его горячихъ черныхъ глазъ, — накинулъ на себя сюртукъ и вышелъ въ слѣдующее отдѣленіе вагона. Черезъ нѣсколько секундъ онъ вышелъ оттуда вмѣстѣ съ высокой, замѣчательно стройной и очень красивой женщиной, съ неубранными еще свѣтло-русскими косами по плечамъ. Она какъ-то преувеличенно стыдилась нѣкоторой небрежности своего туалета, а въ то же время бросала взгляды слишкомъ смѣлыхъ сѣрыхъ глазъ на Столбунскаго. Столбунскій сразу же понялъ, какъ ему держать себя съ этой особой.

— Вотъ бы дамамъ одѣваться такъ, — сказалъ Кесарійскій, указывая на Столбунскаго.

Она отрицательно качнула головой.

— Отчего же нѣтъ?—спросилъ тотъ.

— Оттого что, — заговорила она, жеманясь, и Столбунскій теперь замѣтилъ, что ее прервали на срединѣ туалета: нижняя губа была не такъ свѣже-пунцова, какъ верхняя, и она старалась прикрывать ее платкомъ: — Оттого, что у насъ все не такъ... — И женщина кокетливо закрылась платкомъ совсѣмъ.

Никита Степановичъ окончательно повеселѣлъ.

— Катерина Ивановна, поѣдемте къ нему! — сказалъ онъ, указывая на Столбунскаго.

— О, пожалуйста, пожалуйста! — живо обратился къ ней Столбунскій.

Дровяниковъ и Кесарійскій вдругъ воодушевились и изо всѣхъ силъ стали уговаривать Катерину Ивановну ѣхать. Дровяниковъ настаивалъ, какъ избалованный ребенокъ, какъ нервическая женщина. Кесарійскій добродушно сіялъ. Столбунскій, съ удовольствіемъ почувствовалъ, что къ нему возвращается его петербургская ловкая свѣтскость, и искусно попалъ въ тонъ.

— А Владиміръ Петровичъ-то какъ же? — спросила она.

— Развѣ вы... — съ удивленіемъ началъ-было Столбунскій, но въ-время спохватился. — Развѣ и Гончаревскій съ вами?! — мѣняя тонъ на радостный, спросилъ онъ мужчинъ.

— Да, съ нами, — отвѣтила она. — Онъ еще спитъ, — прибавила она.

— Пойдемъ его будить! — рѣшительно воскликнулъ Дровяниковъ.

Когда вошли въ купе Гончаревскаго, этотъ послѣдній, лежа на диванѣ, не торопясь, раскуривалъ сигару. Онъ мелькомъ взглянулъ на Столбунскаго, небрежно пожалъ ему руку и долго молча вслушивалъ приглашенія ѣхать вмѣстѣ въ гости.

— А зачѣмъ я къ вамъ поѣду?—спросилъ онъ потомъ Столбунскаго.

— Помилуйте, чтобы доставить удовольствіе принять васъ!

— А вамъ это доставить удовольствіе?—Полу-шутя, полу-сердито, не торопясь, продолжалъ Гончаревскій.

— Ну, конечно, если я прошу.

— А можетъ быть вы просите просто такъ.

Столбунскій не сердился. Онъ еще въ Петербургѣ привыкъ къ манерѣ Гончаревскаго, въ которой было больше забавнаго, чѣмъ обиднаго.

— Ну, а какое же удовольствіе будетъ мнѣ?—спросилъ тотъ Столбунскаго.

— Все, что только въ силахъ буду придумать. А главное, такъ какъ вы охотникъ—охота на утокъ. У меня на лугахъ цѣлыя тучи утокъ.

Гончаревскій подумалъ.

— Уходите, сейчасъ буду готовъ,—сказалъ онъ.—А можетъ быть, кромѣ утокъ, и на дичь покрупнѣе поохотимся, а?—вдругъ прибавилъ онъ, многозначительно подмигивая.

Что хотѣлъ онъ этимъ сказать, неизвѣстно. Но Столбунскій какъ будто смутился. Ему показалось, что Гончаревскій подмигивалъ ему на Дровяникова.

IV.

Долго еще болтали и шумѣла развеселившаяся компанія. Ея вагонъ отцѣпили и поѣздъ ушелъ безъ нихъ. Болтали ни о чемъ. То вспоминали Петербургъ, то шутили, и довольно нескромно, съ Катериной Ивановной, которая, какъ и слѣдовало ожидать, оказалась новой пріятельницей Гончаревскаго. Между прочимъ Столбунскій узналъ, что Никита Степановичъ и Кесарійскій у него проѣздомъ изъ Суздаля въ Испанію, въ Севилью. Дровяниковъ вмѣстѣ съ архитекторомъ искали стілы для церкви, которую Никита Степановичъ захотѣлъ построить въ одномъ изъ своихъ имѣній, для оживленія пейзажа.

— И носить же васъ!—не удержался Столбунскій.

— Эхъ, милый другъ, надо жить, пока живется. Помремъ,

не увидимъ ни Севильи, ни Суздаля,—пониживъ голосъ и какъ бы про себя проговорилъ Дровяниковъ.

Столбунскій взглянулъ на Кесарійскаго. И тотъ при этихъ словахъ притихъ и затуманился.

Устроенный для гостей завтракъ прошелъ не безъ затрудненій для Столбунскаго. Онъ пригласилъ къ нему двухъ „начальниковъ“. Начальники смущались, ничего не ѣли, боялись пить, чтобы какъ-нибудь не захмелѣть, и были неприятно изумлены тѣмъ, что ни Дровяниковъ, ни Гончаревскій, тоже директоръ дороги, не обращали на нихъ ровно никакого вниманія.

— Зачѣмъ вы этихъ болвановъ посадили?—шепнулъ Столбунскому Дровяниковъ: — непременно о чемъ-нибудь клянчить начнуть.

Начальники, въ самомъ дѣлѣ, были нужны Столбунскому при отправкѣ хлѣба, и онъ рѣшился на героическое средство, чтобы выйти изъ затрудненія. Одного начальника онъ отрекомендовалъ прекраснымъ скрипачемъ, а другого—искуснымъ декламаторомъ.—Я отродясь не игралъ на скрипкѣ,—сказалъ первый, весь красный, на ухо Столбунскому, а quasi-декламаторъ въ первое мгновеніе даже жестоко обидѣлся. Но Столбунскій подмигнулъ имъ: я, молъ, знаю, что говорю,—и тѣ успокоились, исполненные какихъ-то совершенно неясныхъ, но значительныхъ надеждъ и предчувствій. И дѣйствительно, Никита Степановичъ, большой любитель всякихъ искусствъ, взглянулъ на нихъ милостивѣе и на прощанье протянулъ руку. Гончаревскій былъ упорнѣе и руки не подалъ, а только махнулъ къ полямъ своей шляпы.

Послѣ завтрака тронулись въ путь. Гончаревскаго и его даму усадили въ каретку, остальные помѣстились въ тарантасъ, и поѣхали безконечной березовой аллеей екатерининскаго „шляха“, шедшаго полями, по восточному, склонявшемуся къ Днѣпру, который то былъ видѣнъ, полно налитый въ его вторыхъ низкихъ берегахъ, то прятался въ лозовыхъ кустахъ и дубовыхъ рощахъ. Днѣпръ лежалъ въ широкой долинѣ заливныхъ луговъ, а за рѣкой и долиной, верста на пять отъ путниковъ, синѣли тусклые боры, на высокихъ песчаныхъ возвышенностяхъ.

— Тамъ, на той сторонѣ земля плохая,—говорилъ Столбунскій:—тамъ и помѣщики, и мужики обдуютъ. Тамъ и у меня есть кусокъ, десятинъ пятьсотъ. Вонъ, видите, остановилось облачко, а около него желтѣется лоскутокъ; это песчаная осыпь къ рѣкѣ. Такъ вотъ какъ-разъ за нею моя земля.

Дровяниковъ оживленно смотрѣлъ то на Столбунскаго, то на далекіе незнакомые лѣса и пески. Столбунскій, приглядываясь и

даже вода пальцемъ, точно онъ отыскивалъ строку въ книгѣ, продолжалъ:

— А вотъ тутъ большое село Кривскъ. А Кривскъ—значить поселеніе кривичей. Какъ видите, мы еще сохранили нѣкоторыя связи съ до-риуриновскими временами.

— Онъ знаетъ мѣстность, точно осматривалъ ее какъ-нибудь съ воздушнаго шара!—воскликнулъ Дровяниковъ.—А вѣдь это интересно знать такъ страну. Право, начинаешь понимать страсть къ географическимъ изслѣдованіямъ, хотя еще понятнѣе страсть воздухоплателей.

— Сколько у васъ всей земли?—спросилъ Кесарійскій.

— Земли много, двѣнадцать тысячъ десятинъ,—отвѣчалъ Столбунскій,—да толку мало. Доходъ даютъ тысячи полторы, а остальное—лѣсъ, вырубленный и цѣлый, да болота.

— А вы и остальное пустите подъ хозяйство,—замѣтилъ Никита Степановичъ.

— Сначала лѣсъ нужно продать,—какъ будто задумавшись, проговорилъ Столбунскій.— Не жечь же его даромъ. А цѣны плохія, да и спроса почти нѣтъ.

Дровяниковъ съ легкой гримасой вдругъ смолкъ. Столбунскій замѣтилъ это и тоже замолчалъ, немного смутившись. Когда разговоръ возобновился, онъ уже былъ далекъ отъ лѣсовъ того берега и хозяйства. Заговорили объ искусствѣ.

На почтовой станціи, гдѣ перемѣняли лошадей, появленіе Дровяникова произвело эффектъ не меньшій, чѣмъ на желѣзнодорожномъ вокзалѣ. Въ темномъ корридорѣ станціи, Столбунскаго, который пошелъ платить прогоны, остановилъ робѣвшій смотритель, настоящій станціонный смотритель, изъ почтальоновъ, молодой, почернѣвшій отъ лишеній, отецъ уже десятерыхъ дѣтей и жаждущій образованія, вслѣдствіе чтенія чужихъ газетъ. Рядомъ съ нимъ стояло двое жидковъ, почтосодержатели, тоже черные и худые и чѣмъ-то возбужденные.

— Позвольте, господинъ Столбунскій, васъ спросить объ одной интересной вещи,—взволнованно и какъ бы даже огорченно сказалъ смотритель.—Сколько у господина Дровяникова капитала?

— Право, не знаю, а говорятъ, что миллионъ шесть, семь.

Смотритель вздохнулъ. Жидки кинулись на крыльцо и усталились на Дровяникова, какъ еслибы онъ былъ странствующимъ фокусникомъ и давалъ тутъ, у крыльца, представленіе.

Когда Столбунскій вернулся, Никита Степановичъ торопливо подозвалъ его къ тарантасу, изъ котораго не выходилъ.

— Петръ Николаевичъ,—обратился къ нему Дровяниковъ,—окажите благодѣяніе Гончаревскому.

— Что ему?

— Освободите вы его отъ этой спутницы,—продолжалъ Дровяниковъ.—Посмотрите, посмотрите только!—съ живостью указалъ онъ глазами на Гончаревскаго и Катерину Ивановну, виднѣвшихся въ окнѣ кареты.

— Посмотрите,—продолжалъ Дровяниковъ,—вѣдь отвратительно смотрѣтъ. Вѣдь если умнаго человѣка довела до такого уродства, это ужъ опасно...

— Признаюсь, все это очень пошло...

— Онъ ее изъ кафе-шантана выудилъ. Жаль человѣка. Отличный человѣкъ.

— Ну, а я-то что тутъ?

— Отвоюйте ее какъ-нибудь! А? Да знаете ли,—совсѣмъ оживившись и заинтересовавшись своимъ проектомъ, заговорилъ Никита Степановичъ,—знаете ли, какъ-нибудь такъ, чтобы онъ узналъ: ну, услышалъ или увидѣлъ бы.

Губы и брови Столбунскаго слегка дрогнули.

— Посмотримъ,—сказалъ онъ.

— Такъ по рукамъ?

— По рукамъ.

И они хлопнули по рукамъ. Но Столбунскій отошелъ отъ тарантаса и вернулся только когда уже пора было трогаться въ путь.

Пріѣздъ въ усадьбу, когда они подъѣзжали къ ней, произвелъ на гостей не важное впечатлѣніе. Столбунскій въ окнахъ кареты видѣлъ насмѣшливыя лица Катерины Ивановны и Гончаревскаго. Никита Степановичъ сталъ что-то ласковъ и глядѣлъ на Столбунскаго участливо. Одинъ Кесарійскій оживился и съ любопытствомъ осматривался.

— Такъ вотъ онъ, бѣлорусскій панскій фольварокъ! — восклицалъ онъ:—вотъ онъ, Столбунъ, гнѣздо пановъ Столбунскихъ!

На самомъ дѣлѣ, Столбунъ вовсе не былъ такъ жалокъ, какимъ онъ представлялся ѣдущимъ прямо въ Севилью и прямо изъ петербургскаго кафе-шантана. Это было и хорошее мужицкое село, и солидная господская усадьба съ широкимъ хозяйствомъ. Сначала ѣхали деревней. Правда, деревня шла оврагомъ, улица была разрыта дождевыми ручьями, но избы были хороши; мужики были рослые и видные. Они кланялись Столбунскому не особенно привѣтливо. Онъ въ отвѣтъ потрогивалъ поля шляпы, тоже не съ большой ласковостью. Бабы совсѣмъ не кланялись

и при проѣздѣ экипажей поворачивали спины и уходили во дворы, откуда смотрѣли въ щель забора. Ребятишки были и совсѣмъ непочтительны. Одинъ, безъ штановъ и съ животомъ, торчавшимъ въ прорѣху рубашки, даже бросилъ въ лошадей щепкой. Столбунскій пригрозилъ ему палкой и строго крикнулъ:—Я тебя, мошенникъ!

Между деревней и усадьбой, на пустой площади стояла большая каменная церковь съ облупившейся штукатуркой. За пустыремъ была старинная обширная усадьба. Налѣво отъ дороги черный дворъ, съ длинными, темными службами и сараями, строеными давно, изъ толстѣйшихъ бревенъ; всѣ постройки были въ порядкѣ, съ новыми соломенными крышами и новыми окнами и воротами. Налѣво—большой паркъ, спускавшійся куда-то по ко-согору. Правда, въ немъ было много суши, но еще больше густой зелени и тѣни. Заборъ вокругъ него изъ дубовыхъ плахъ, стоймя врытыхъ въ землю, былъ тоже въ порядкѣ, кое-гдѣ поправленный недавно. Словомъ, вся усадьба была такова, что любой помѣщикъ охотно и съ удовольствіемъ взялся бы въ ней хозяйничать. Столбунскій считался богатымъ и заботливымъ хозяиномъ, а его имѣніе знали по всему уѣзду.

Экипажи, проѣхавъ мимо сада до половины, свернули въ открытыя рѣшетчатые воротца и сейчасъ же подъѣхали къ низенькому каменному домику, подъ шершавой гонтовой крышей, стоявшему къ воротамъ концомъ. Вокругъ домика все былъ липовый паркъ, а на площадкѣ между нимъ и воротами росло нѣсколько молодыхъ кустовъ жасмина и сирени, очевидно посадки самого Столбунскаго.

— Вотъ мой *палацъ*!—сказалъ Столбунскій. — Не взыщите. Это бывшая оранжерея, а настоящій домъ сгорѣлъ лѣтъ сорокъ тому назадъ. Разбогатѣю—отстрою снова. Милости просимъ на освященіе.

Внутри домикъ понравился гостямъ. Чистенькій, низенькій, съ толстѣйшими стѣнами и огромными окнами, онъ былъ весь заставленъ очень изящной мебелью старинныхъ фасоновъ. Кесарійскій сразу тагъ и прилипъ къ этой мебели. Глаза его засіяли, и его никакъ нельзя было заставить войти въ отведенную ему комнату переодѣваться. Онъ пошелъ вдоль стѣнъ, отъ конца ножекъ до изнанки спинокъ оглядывая разные стулья, диваны, столики и этажерки. Кое-что онъ выносилъ на середину комнаты, самъ садился поодаль и предавался созерцанію, весь сіяя удовольствіемъ. Онъ притащилъ къ себѣ полуодѣтаго Никиту Степановича, въ туфляхъ и безъ сюртука, съ головной щеткой въ

рукъ, и скоро они вдвоемъ уже приколачивали какія-то отпавшія металлическія бляшки и очень интересовались, куда могъ пропасть носъ какого-то уroda, вырѣзаннаго на дверцѣ этажерки. Мебель сильно выручила хозяина.

Катерину Ивановну Столбунскій, по новому настоянію Дровяникова, помѣстилъ особо. Тотъ сдѣлалъ видъ, что такъ и должно быть, хотя зорко замѣтилъ дверь комнаты своей спутницы.

— Хорошо вамъ тутъ будетъ?—спросилъ Столбунскій, вводя Катерину Ивановну въ комнату.

Катерина Ивановна начала чувствовать себя неловко: хозяинъ держалъ себя съ ней утонченно-вѣжливо.

— Благодарю васъ, отлично, чудесно,—попробовала она было отвѣтить такъ же свѣтски и вѣжливо, но не выдержала, нетерпѣливо и недовольно швырнула на диванъ мѣшочекъ, который былъ у нея на рукѣ, и рѣзко обернулась къ Столбунскому спиной.

— Снимите-ка лучше съ меня тальму, чѣмъ разговаривать!—сказала она.

Столбунскій невольно окинулъ взглядомъ ея красивую шею, ея волосы, дѣйствительно прекрасные. Это была красивая, сильная, стройная женщина, какихъ онъ давно не видалъ. Предъ нимъ была настоящая красавица, благоухающая сладкими, дорогими духами. А онъ еще молодъ, и силенъ, и смѣлъ.

Столбунскій быстро обнялъ ее и крѣпко поцѣловалъ. Но едва онъ это сдѣлалъ, какъ ему стало тяжело и гадко: весь чадный, циничный, сухой разгулъ богатаго и скучающаго Петербурга воскресъ въ его воображеніи въ этомъ поцѣлѣ, въ этомъ равнодушномъ и любопытномъ взорѣ, которымъ посмотрѣла на него его гостья. Столбунскій освободилъ ее.

Кстати въ комнату вошла женщина, которая должна была прислуживать Катеринѣ Ивановнѣ.

— Вотъ вамъ и помощь, хоть и не особенно искусная, — по-прежнему вѣжливо сказалъ Столбунскій.—А пока до свиданія.

Когда онъ уходилъ, Катерина Ивановна смотрѣла ему вслѣдъ.

— Однако вы юноша не промахъ!—грубо, но весело крикнула она ему вслѣдъ.

Онъ не обернулся.

V.

До обѣда Столбунскій оставилъ гостей однихъ и обѣжалъ хозяйство. Послѣ обѣда онъ пригласилъ ихъ идти ѣсть десертъ въ паркъ, откуда, по его словамъ, открывался красивый видъ.

Но и въ виду всё, опять-таки кромѣ Кесарійскаго, шли съ недобѣриемъ, озирались на пустую, слишкомъ частую, высокую лповую рощу. Дорожка была узкая, безъ травы и коренистая. Когда дорожка окончилась, гости вышли на большую полукруглую площадку и остановились.

Передъ ихъ избалованнымъ глазомъ не было ни скалъ, окрашенныхъ сѣрватою гаммой глубокихъ красокъ, очерченныхъ причудливыми линиями, громоздящихся патетическими дивными формами; не было цивилизованной долины, разграфленной полями разноцвѣтныхъ хлѣбовъ, съ селами и городками, набросанными внизу, точно бучки опятныхъ камешковъ; не было моря, съ громадой водъ, грозно и алчно поднимающейся къ горизонту. Но всё въздрихнулось вольно, всё почувствовали себя таеъ, — точно ихъ мгновенно вознесли на огромную высоту. Съ высокой площадки, гдѣ они остановились, они увидѣли извивающуюся, безконечно длинную, широкую равнину заливныхъ луговъ и ея большую рѣку.

Огромное молчаніе, огромный просторъ, огромное и высокое небо, въ самой вышинѣ котораго остановилось вознесшееся туда тяжелое, бѣломраморное облако, — все это мощно приняло ихъ въ себя послѣ тѣсноты густой рощи и маленькаго дома.

Сильнѣе всёхъ пораженъ былъ Никита Степановичъ. Онъ молчалъ и только строго раскрылъ свои соколиные глаза, загорѣвшіеся патетическимъ удовольствіемъ. Остальные оглядывались, чтобы рассмотреть, гдѣ они стоятъ.

За ними былъ правильный полукругъ липъ, отягченныхъ тяжелой и мягкой листвою, осыпанной золотистымъ цвѣтомъ. Вѣтви поникли подъ ихъ тяжестью и висѣли тяжелыми складками. Высокая, ровная трава съ пушистыми метелками, похожими на дымокъ, высокіе синіе колокола, вытянувшійся въ гуцинѣ малиновый клеверъ и какіе-то круглые, золотистые цвѣтки, на блѣдныхъ шейкахъ, были точно коверъ площадки. Посреди нея, погрузясь въ траву и цвѣты, стоялъ столъ, покрытый бѣлою скатертью, съ ягодами, сливками и виномъ.

— Какъ все просто и какъ все красиво! — повторялъ Никита Степановичъ, показывая на равнину, на липы и на цвѣты.

— Знаете ли, какое сравненіе мнѣ приходитъ въ голову каждый разъ, когда я люблюсь этой картиной,—заговорила Столбунскій. — Въ Эрмитажѣ есть классическій торсъ Венеры, одно лишь туловище. Глядя сюда,—онъ показаль передъ собою рукой,— я вспоминаю это прекрасное, безголовое тѣло. И вмѣстѣ съ тѣмъ такую же безобразной, но дивной глыбой представляется мнѣ Россія. Скверно, — а хорошо. Уродливо, — а прекрасно, а любешься и любишь все это.

— И часто вы сюда заходите?—спросилъ Гончаревскій, на лицѣ котораго Столбунскій съ удивленіемъ увидѣлъ настоящее умиленіе.

— Да почти каждый день.

Гончаревскій, видимо, умиллся еще больше.

— Если вы каждый день ходите, отчего же, позвольте васъ спросить, трава нигдѣ не смята?—коварно спросилъ онъ, возбудивъ громкій смѣхъ.

Столбунскій быстро взялъ его подъ руку, скормъ шагомъ отвелъ на противоположную сторону площадки и побѣдоносно указаль и на смятую траву, и на тропинку, протоптанную изъ роуци, и даже на гамакъ, повѣшенный межъ двухъ столбовъ.

— А... а утокъ у васъ тутъ внизу много?—спросилъ побѣжденный Гончаревскій, и усы его зашевелились отъ сдерживаемой добродушной улыбки.

Всѣ снова разсмѣялись и сѣли за столъ. Ягодами не заинтересовался никто, не исключая и Катерины Ивановны. Компания была приучена больше къ вину, за которое и принялась не торопясь. Вина были хорошія и тѣ самыя, которыя любили гости, выписанныя нарочно въ ожиданіи ихъ пріѣзда.

— Ну, ладно,—началь Никита Степановичъ:—вы приходите сюда и садитесь. Что же вы думаете, когда сидите тутъ?

— Да чтѣ думаю! Иной разъ думаю: хорошо, еслибы пріятели пріѣхали и выпить бы съ ними и похвастаться видомъ. Иной разъ думаю, что нехорошо это, тутъ сидѣть и мечтать, когда безъ тебя изъ хлѣбовъ навозъ возять и лѣнятся, малые возы кладуть. Думаю, что нужно вонъ тамъ внизу, гдѣ Владиміръ Петровичъ утокъ ищетъ, луга всѣ раздѣлать. Тамъ ихъ у меня около тысячи десятинъ, а чистыхъ только двѣсти. А расчищенная десятина даетъ двадцать-пять рублей, въ арендѣ, а заросли—ничего, только повинности несутъ по первому разряду.

— Такъ вы бы взяли да и расчистили,—сказала Катерина Ивановна.

Столбунскій взглянулъ на нее и, не отвѣчая, продолжалъ:

— Знаете ли, что я, по настоящему, не Столбунскій, а Волкъ. Право. У меня есть какая-то привилегія, что ли, Стефана Баторія, данная моему предку на эти самыя земли въ 1580 году. Тамъ такъ и прописано: „Стефанъ, Божією милостью король польскій, великій князь литовскій, русскій, прусскій, и т. д., ознаямъ симъ листомъ нашимъ, што мы подали старостѣ нашему, Онопрію Волку, ключъ, прозываемый Столбунъ“. Вотъ мы и стали Волками-Столбунскими, въ отличіе отъ прочихъ Волковъ, которыхъ, и въ прямомъ, и въ переносномъ смыслѣ, тутъ множество,—самая національная фамилія,—а потомъ и просто Столбунскимъ.

Столбунскій оживился и продолжалъ:

— Помните, господа, когда я оставлялъ Петербургъ, вы не могли этого понять. А я такъ не могъ больше переносить его. Вы не повѣрите, какъ временами непреодолимо тянулъ меня къ себѣ вотъ этотъ самый Столбунъ, большую часть котораго я вижу отсюда, какъ онъ непонятно, но органически мнѣ милъ. Вѣдь нашъ родъ сидитъ на этомъ самомъ мѣстѣ триста лѣтъ. Мнѣ необходимъ этотъ видъ, на который смотрѣло нѣсколько поколѣній беременныхъ паней Столбунскихъ; мнѣ необходимъ запахъ хлѣбовъ, который обоняли съ шестнадцатаго вѣка паны Столбунскіе. Вѣдь тутъ каждая горсть земли, каждое дерево знаетъ прикосновеніе руки Столбунскаго. Меня что-то сосетъ, когда я долго не вижу здѣшняго мужика, который вотъ уже триста лѣтъ удивленъ и недоволенъ тѣмъ, что у Столбунскихъ земли больше, чѣмъ у него. Здѣсь жить хлопотно, трудно, иной разъ страшно; но только здѣсь я чувствую себя самимъ собой, здѣсь, въ границахъ, указанныхъ Баторіемъ: „отъ камня, на болотѣ лежачаго къ тремъ грушамъ, на селищѣ Судеревскомъ; а отъ грушъ на урочище подъ березовымъ пнемъ, а отъ туда до колодезя у грунтовъ, что были воеводины, а теперь пана маршалка“ и т. д.,—всего двѣнадцать тысячъ десятинъ, что, впрочемъ, не составляетъ и четверти прежняго столбунскаго ключа.

— Такъ вы—полякъ,—сказала Катерина Ивановна. —Я очень люблю поляковъ. Они такіе горячіе.

Столбунскій, да и всѣ, кромѣ Гончаревскаго, не спускавшаго глазъ со своей спутницы, поморщились. Катерина Ивановна все не могла найти настоящаго тона и дѣлала видъ, что ей это все равно. Замѣтивъ общую гримасу, она встала отъ стола, фамиліарно выдернула изъ-подъ Гончаревскаго его пледъ и; разоставъ его на землѣ, улеглась, напѣвая какіе-то куплеты.

— Нѣтъ, я не полякъ,—отвѣчалъ Столбунскій,—не полякъ,

а просто-на-просто обрусѣвшій бѣлорусъ. Мы всегда были православными, такъ что здѣшніе поляки зовутъ меня отродѣмъ измѣнниковъ, сгубившихъ польскую ойчизну. Конечно, они врутъ. Мой прадѣдъ сидѣлъ себѣ въ Столбунѣ, и, какъ и всѣ прадѣды здѣшнихъ поляковъ, я думаю, не скоро и узналъ, что его присоединили къ Россіи. Впрочемъ, дѣдъ былъ азартный православный и азартный хозяинъ. Можно сказать, герой исторической побѣсти: обратилъ въ православіе тысячу душъ своихъ униатовъ и вырубилъ семьсотъ десятинъ лѣса для полей.

— Удивительно какъ поэтично, рубить лѣсъ!—зѣвая, промолвила Катерина Ивановна.

— А развѣ не поэтично?—воскликнулъ Столбунскій, обращаясь, впрочемъ, не къ ней, а къ остальнымъ:—развѣ семьсотъ десятинъ лѣса—не поэзія?! Развѣ это не красиво—тысячью топоромъ врубаться въ темный лѣсъ, валить вѣковые дубы, клены, ясени, повергать къ своимъ ногамъ ихъ зеленныя вершины, которыхъ не видѣли цѣлыя поколѣнія, а видѣло только солнце, да звѣзды, да птицы? Развѣ не поэзія—открыть травамъ и цвѣтамъ, болѣзненно благоухавшимъ въ сыромъ полумракѣ, полный день; разогнать волковъ, лисицъ, барсуковъ, лосей? Развѣ не красивъ этотъ костеръ въ сотни десятинъ, запылавшій по волѣ дѣда? Развѣ не грандіозно—взодрать мотыгами и лопатами дѣвственную землю, и не наслажденье—видѣть на мѣстѣ непроходимой лѣсной чащи, лѣсного валежника и ямъ, ровное море сильной, буйной, сизо-зеленой ржи?!

Столбунскій остановился. Никита Степановичъ, глаза котораго все разгорались и разгорались, по мѣрѣ того, какъ Столбунскій все больше воодушевлялся, осторожно и ласково положилъ ему на плечо свою тяжелую, большую руку. Столбунскій вопросительно оглянулся на него, и его глаза загорѣлись тоже.

— Вотъ онъ, прежній!—удало воскликнулъ онъ:—ну, ужъ теперь онъ намъ споетъ что-нибудь... Ну-ка, Никита Степановичъ, какъ бывало!

И Столбунскій чокнулся съ нимъ полными стаканами.

Дровяниковъ и чокнулся, и выпилъ торопливо, точно ему было некогда. Онъ быстро всталъ со стула и обернулся немного поблѣдѣвшимъ лицомъ, на которомъ еще жарче выдѣлились его черные глаза,—къ лугамъ и небу. И въ тепломъ воздухѣ заката, оволотившаго просторную картину луговъ и рѣки, могучій баритонъ съ грозной страстью запѣлъ одну изъ тѣхъ трагическихъ великорусскихъ пѣсенъ, гдѣ диво и чудно сплелись любовь и острый ножъ, бурныя ласки страсти и мрачное одиночество, ко-

роткая, быть может, единственная минута счастья и годы разлуки, горя, страданій и грѣха, и гдѣ все это, мрачное и странное, роковое и загадочное, теряется въ силѣ мотива и исполненія, въ силѣ, которая непреодолимо заставляетъ вѣрить, что роковыя бѣды пройдутъ, а сила останется и пригодится...

Никита Степановичъ кончилъ.

— Что такое уніаты?—равнодушно спросила все не сдававшаяся Катерина Ивановна:—это—скопцы?

Никита Степановичъ нервно отвернулся и, ни на кого не глядя, очень явственно пробормоталъ: „чортъ знаетъ что такое!“—и ушелъ въ рощу, а оттуда въ домъ.

Столбунскій внимательно посмотрѣлъ ему вслѣдъ.

Когда разошлись спать, и Столбунскій уже дремалъ, въ нему, въ одной только рубахѣ, придававшей карикатурно-невинный видъ объемистому животу и толстымъ, волосатымъ ногамъ Никиты Степановича, со свѣчей въ рукахъ вошелъ Дровяниковъ, съ видомъ веселаго заговорщика.

— А что же нашъ проектъ-то? Пора, —зашепталъ онъ.— Валяйте. А я буду ходить по корридору и кашлять. Гончаревскій навѣрное выльзетъ изъ норы. У него бессонница, и онъ всегда ужасно доволенъ, когда ему мѣшаютъ. Тутъ я подведу его поближе къ двери, а вы тамъ—вотъ такъ.

И Никита Степановичъ изо всѣхъ силъ сталъ чмокать губами, изображая поцѣлуй. Столбунскій просительно сморщился.

— Увольте, Никита Степановичъ, —проговорилъ онъ,—право, голубчикъ, увольте! Чортъ его знаетъ, а непорядочно это какъ-то съ моей стороны, какъ хозяину, —почти умоляюще прибавилъ онъ.

Дровяниковъ порывисто всталъ и ушелъ, не сказавъ ни слова. А Столбунскій долго не могъ заснуть, съ озабоченнымъ и даже встревоженнымъ лицомъ ворочаясь съ боку на бокъ.

VI.

Въ три часа утра, Столбунскаго, по обыкновенію, разбудилъ его приказчикъ. Нужно было вставать, а между тѣмъ голова, послѣ вчерашнихъ напряженій и заботъ встрѣчи, болѣла, глаза слипались, и Столбунскому было неопровержимо ясно, что хозяйничанье его—никому и ничему ненужная глуность, и что вся истина въ томъ, чтобы спровадить приказчика, хорошенько вытянуться, пригрѣть мѣсто и сладко заснуть, а во снѣ видѣть

себя человѣкомъ, имѣющимъ въ банкѣ пятьсотъ тысячъ. Но Столбунскій не поддался рѣчамъ неопровержимой истины, которыя повторялись при раннемъ вставаньи очень часто, и, въ явное противорѣчье имъ, заставилъ себя умыться и одѣться. Тутъ начали наклеиваться причины, по которымъ не мѣшало быть на ногахъ.

— Много пришло воевъ?—спросилъ Столбунскій, и опять почувствовалъ, что воевба сѣна, которая теперь шла—занятіе, пожалуй, и суетное.

— Пятнадцать,—отвѣтилъ приказчикъ, съ лицомъ покоряющагося судьбѣ безропотно, но съ огорченіемъ.—Заказано было шестьдесятъ... Совсѣмъ не аккуратно отработываютъ за выгоны.

— Канальи! Сегодня вторникъ?

— Вторникъ.

— А вчера сколько было народа?

— Двадцать-семь.

— Кончены шутки! Ступайте къ уряднику и вмѣстѣ показывайте по деревнямъ.

— Овесъ лошадямъ нужно выдать.

— Выдамъ.

— Людямъ на хлѣбъ муки.

— Хорошо.

— Не знаю какъ: вухарка говорить, что велѣли господамъ крендели печь; такъ пшеничной муки...

— Велѣли.

— Лѣсники пришли, просятъ отвѣсить мѣсячину.

— Чтѣ такъ рано?

— Говорять, все съѣли.

— Не дамъ; еще пять дней осталось до мѣсяца.

— Я имъ говорилъ. Чтѣжъ, говорятъ, намъ помирать?!

— Пусть и помирать попробуютъ. Пусть не пропиваютъ. Да и семьямъ на деревню таскаютъ... Надо будетъ нанимать дальнихъ.

Вышли на дворъ, озаренный желтымъ свѣтомъ едва показывающагося солнца. У самаго крыльца стоялъ лѣсникъ въ рваной свитѣ, съ ярко вычищеннымъ мѣднымъ знакомъ на груди, съ барсучьей сумой черезъ плечо и съ ружьемъ. Столбунскій взглянулъ на него искусно заученнымъ, мрачно-презрительнымъ взглядомъ недовольнаго хозяина.

— Чтѣ?—спросилъ онъ отрывисто.

Лѣсникъ сталъ переминаясь, оробѣвъ подъ этимъ взглядомъ.

— Къ вапей милости,—началь онъ.

Но Столбунскій перебилъ его:

— Артемка!—сурово окликнул онъ заспаннаго подростка, очевидно въ полуснѣ летавшаго по двору и собиравшаго лошадей, чтобы гнать ихъ въ поле.

Мальчишка остановился какъ вкопанный, и его шапка какъ бы сама собой соскочила у него съ головы и упала въ правую руку.

— Зови въ амбаръ кучера и кухарку!—крикнулъ ему Столбунскій и, не обращая вниманія на лѣсника, пошелъ отъ него мѣрнымъ и широкимъ, хозяйскимъ шагомъ. Лѣсникъ остался на мѣстѣ и задумчиво ковырялъ швы картуза.

Быстро и привычно отыскивая на связкѣ ключи и взвертывая ихъ въ висячіе замки, Столбунскій отперъ овесъ, отперъ муку и остановился на крыльцѣ амбара, уже захваченный десятками мелкихъ хозяйственныхъ заботъ, которыя непрерывной цѣпью тянутся въ хозяйской головѣ отъ ранняго утра до самой ночи, продолжаясь иной разъ и во снѣ. Солнце всходило ясное, не багровое, и день продержится сухой. Въ хлѣву мычала оставленная корова; должно быть, захромала, и ей набѣрное не положили сѣна: иначе теперь она бы ѣла и не кричала. Вторую недѣлю все забываютъ поправить потрепанную бурей крышу на ригѣ; пожалуй, дождемъ размоетъ токъ... Эхъ, простояла бы погода дней десять; и для сѣна, и для жатвы отлично бы было,—да не простоятъ: солнце хоть и хорошо, а барометръ качнулся къ дождю. Впрочемъ, на гречиху дождь сильно нуженъ, сильно...

— Викентій! на весь дворъ командирскимъ голосомъ позвалъ Столбунскій, вспомнивъ что-то уже совсѣмъ неотложное.

На зовъ подбѣжалъ лѣсникъ, безъ шапки и съ лицомъ, озадавленным надеждой.

— Скажи воцпамъ, чтобы шли на лугъ, къ присяжному дубу. Я ихъ догоню.

— Сею минуточкой, паничъ,—бодро отвѣтилъ лѣсникъ.

— Да приходи сюда.

Лѣсникъ совсѣмъ повеселѣлъ.

Отсыпавъ кучеру овесъ, Столбунскій велѣлъ осѣдлатъ лошадь. Мѣшковъ муки онъ взвалилъ на лѣсника и приказалъ отнести въ людскую стряпухѣ.

— Провизіи сегодня не получишь. Приходи въ срокъ,—сказалъ онъ ему вслѣдъ.

Лѣсникъ не промолвилъ ни слова, только согнулся больше и пошелъ не такъ бодро.

Сѣвъ на лошадь, Столбунскій поѣхалъ—было на луга за косарями, но вернулся и направился къ деревнѣ. На ея краю стояла

дранная изба, задомъ къ улицѣ, единственнымъ крошечнымъ окномъ во дворъ, — самая воровская изба. Черезъ заборъ Столбунскій увидѣлъ цвѣтущаго здоровьемъ мужика среднихъ лѣтъ, съ веселымъ и открытымъ лицомъ, который, сидя на крыльцѣ, раскуривалъ трубку, чему-то про себя улыбаясь. Это былъ мѣстный охотникъ и первый воръ околотка, Степанъ Вострый.

— Ты сегодня чтò работаешь? — спросилъ его Столбунскій съ улицы черезъ заборъ.

— А ничего! — весело отвѣтилъ тотъ.

— Ну, такъ вотъ чтò, братъ Степанъ. Иди ты ко мнѣ во дворъ и жди. Когда встанетъ гость, сухой такой, старый, носъ крючкомъ, ты доложись. Пойдешь съ нимъ на охоту. Я тебѣ дамъ за это вечеромъ рубль. Возьми приказчикову собаку.

— Не возьму, паничъ!

— Ну?

— Она ни къ чорту не годится. Я у попава сына возьму, у семинариста.

— Хоть самого попава сына бери, — весело сказала Столбунскій и отбѣжалъ.

— У попава сына еще настоящіе зубы не отросли! — еще веселѣй крикнулъ ему вслѣдъ Степанъ.

Столбунскій опять направился къ лугамъ, но опять завернулъ домой и слѣзъ съ лошади. Въ передней никого не было. Садовникъ-лакей оказался въ саду. Столбунскій велѣлъ ему оставить садъ на все время, пока будутъ гости. Кромѣ того, онъ приказалъ, когда придетъ Вострый, не спускать его съ глазъ, чтобы чего-нибудь не укралъ. Только-что онъ опять хотѣлъ ѣхать, какъ его снова остановила толпа мужиковъ, откуда ни возьмись, появившихся у крыльца. Они были чужіе, и имъ, очевидно, было что-то очень нужно, потому что они были удивительно ласковые. Двое привезли молотъ рожъ на мельницу. Трое хотѣли снять лугу десятинъ пять. Еще двое пріѣхали одолжить денегъ, ровно сто рублей. Ихъ село ремонтировало церковь и задолжало штукатурамъ. Они были очень дальніе, и до нихъ, повидимому, дошли ложные слухи, что Столбунскій паничъ — дурень. Однако, видя, что паничъ такъ рано на ногахъ, слыша, какъ обстоятельно рассказывалъ онъ мужикамъ, пришедшимъ насчетъ луга, гдѣ онъ имъ дастъ лугъ, какого качества и за какую цѣну, особенно услышавъ, что помольщики, пока имъ будутъ молотъ, паничъ послалъ на работу, косить, — мужики ясно поняли свою ошибку, и разговоръ съ ними былъ коротокъ.

— Нѣтъ, братцы, не дамъ денегъ,—сказалъ имъ Столбунскій и слегка вздохнулъ, какъ бы отъ сожалѣнiя.

— Ну, бывайте, паничъ, здоровы!—отчетливо и одобрительно сказали мужики, сейчасъ же влѣзли на телѣжку и, бойко гремя и треща ею, уѣхали къ слѣдующему пану, предполагавшемуся уже настоящимъ дуракомъ.

Но и теперь не удалось Столбунскому уѣхать. Изъ роши вышелъ Кесарійскій, какъ видно, недавно проснувшiйся, немного опухшiй со сна, но сиявшiй удовольствiемъ. Въ рукахъ онъ несъ котенка, котораго ласкалъ, а за нимъ бѣжалъ молоденькiй щенокъ и трепалъ его за панталоны.

— Чтѣ за утро, чтѣ за утро! — воскликнулъ онъ, увидавъ Столбунскаго.

Столбунскiй оглянулся вокругъ.

— А въ самомъ дѣлѣ, славное утро, — проговорилъ онъ. — Я за хозяйствомъ и не разглядѣлъ.

— Варваръ! У самого Тургенева нѣтъ лучшаго. А съ вашей площадки теперь чудеса видны: вся долина въ туманѣ, который подымается — точь-въ-точь чудовищное наводненiе... Куда вы собрались?

— На луга.

— На луга, въ этотъ туманъ? Ну, я съ вами. — Пришлось подождать, пока осѣдали другую лошадь. Столбунскiй воспользовался этимъ временемъ и сходилъ взглянуть на захромавшую корову, у которой дѣйствительно не оказалось корму. Наконецъ, они поѣхали.

Спустившись съ крутого берега, они очутились въ лугахъ и точно совсѣмъ въ другой странѣ. Эти луга, казавшiеся сверху, съ площадки парка, ровными, какъ столъ, на самомъ дѣлѣ были совсѣмъ иными. Твердый, какъ камень, глинистый иль весь былъ взрытъ стремленiями вѣтрихъ водъ. Всюду были старыя русла и озера; длинныя горбы чередовались съ неглубокими, длинными оврагами. Тамъ и сямъ валялись громадныя черныя рогатыя колоды и торчали высокiе черныя пни. Мѣстами густо стояли заросли ивняка, гнувшагося подъ хмелемъ и вьюнками, раскрывшiе свои большiе бѣлые колокола. Мѣстами приходилось ѣхать рошицами старинныхъ дубовъ, бѣреста, съ его вѣтвями-перьями, и старухъ — серебряныхъ ветель. Утреннiя, похолодѣвшiя воды темнѣли тяжело и мрачно сквозъ волновавшiйся туманъ. Такими же тяжелыми отражались въ нихъ берега и небо. Въ воздухѣ было почти холодно. Слышались странные хриплые крики большихъ днѣпровскихъ птицъ: крупныхъ утокъ, цапель, гусей.

— Вотъ оно, настоящее, бѣлорусское утро!— сказала Кесарійскій, притихшій среди этой новой для него обстановки.

Но Столбунскому было хорошо. Онъ ощущалъ неуклюжую, но неизсякаемую и спокойную силу луговъ, силу большой рѣки, силу необыкновеннаго плодородія почвы, силу ея безчисленныхъ сыновъ: тяжелыхъ дубовъ, крупныхъ цвѣтовъ, травъ, стоявшихъ стѣной, выше колѣна лошадямъ. Чудлось что-то могучее и въ всплескахъ могучихъ рыбъ въ омутахъ. Чужалась какая-то своенравная сила и въ томъ, что рѣка въ своей долині сама жила и давала жизнь по своему: ея травы поспѣвали мѣсяцемъ позднѣе, ея ландыши цвѣли въ іюнѣ, земляника зрѣла въ іюлѣ; тѣ люди, которымъ доставались части ея долины, сразу дѣлались богатыми и довольными. Столбунскій любовался рѣкой-кормилицей, рѣкой — щедрымъ и могущественнымъ богачемъ и ея царствомъ. И онъ раздѣлялъ съ нею это царство, которое теперь, все въ мельчайшей росѣ, начинало проникаться теплымъ, какъ кровь, солнечнымъ свѣтомъ. Столбунскій наслаждался этой росой и этимъ разливающимся тепломъ. Ему какъ будто передавалась эта спокойная и грубая сила, нужная ему для грубаго дѣла хозяиничанья въ грубой странѣ, среди грубыхъ людей. И въ эту минуту меньше, чѣмъ когда-нибудь, онъ согласился бы промѣнять свою долю на иную.

Когда, наконецъ, пріѣхали на мѣсто, и Столбунскій разставилъ воярей, онъ передалъ Кесарійскому то, что думалъ дорогой.

— Я васъ понимаю, — сказалъ тотъ, вглядываясь въ него глубокимъ, думающимъ взглядомъ, — я понимаю: независимость, природа, трудъ. Но что же потомъ, въ концѣ концовъ?

— О, не безсмертіе, — ласково и шутя отвѣтилъ Столбунскій. — Этотъ сладкій ядъ мы, обыкновенные люди, оставляемъ вамъ, людямъ особеннымъ, талантамъ. Мы добиваемся только довольства, комфорта, спокойствія. Я работаю и работаю тяжело. Я съ утра до ночи на ногахъ и въ заботахъ, я насильно заставляю себя быть жесткимъ и грубымъ съ одними, съ которыми иначе ничего не подѣлаешь, угодливымъ съ другими, безъ которыхъ иначе не обойдешься, и это для того, чтобы сдѣлать для себя подъ-конецъ возможнымъ не работать до изнеможенія, не уродовать себя нравственно. Это и для себя, и для семьи, которою уже пора, очень пора — иной разъ такъ ея недостаетъ — обзаводиться. Вотъ ближайшая цѣль. А слѣдующія, не безпокойтесь, народятся сами. Какія онѣ будутъ, не знаю. Можетъ быть, улучшение породы мѣстныхъ лошадей; можетъ быть, крестьянская школа, можетъ быть, акклиматизація песчаного клевера; можетъ быть, сдѣ-

ляюсь мировымъ судьей; а можетъ быть просто каждый годъ за границу буду ѣздить.

Столбунскій всталъ и въ волненіи началъ ходить взадъ и впередъ, поглядывая на Кесарійскаго, желая и не рѣшаясь о чемъ-то заговорить. Наконецъ онъ снова сѣлъ, прямо противъ архитектора и прямо глядя ему въ глаза.

— Ну, вамъ я могу выдать мои тайныя — не планы, нѣтъ — а желанія, — началъ онъ. — Конецъ моей работѣ можетъ наступить очень скоро. И вы можете мнѣ помочь...

Кесарійскій продолжалъ серьезно смотрѣть на собесѣдника.

Столбунскій замаялся, набралъ въ грудь воздуха, слегка покраснѣлъ и черезъ силу проговорилъ:

— Уговорите Никиту Степановича купить мой лѣсъ для его дороги. — И онъ взглянулъ на Кесарійскаго.

Тотъ долго молчалъ.

— Другъ мой, — наконецъ медленно заговорилъ онъ: — другъ мой, вы только-что сказали, что высшее благо — независимость. Работайте, надѣясь только на свои силы, не одоляясь, не прибѣгая къ покровительству. Дѣлайте лишь то, что возможно сдѣлать собственными силами. Зависимость, хотя бы и отъ друзей, тяжела, — прибавилъ онъ, понизивъ голосъ. — Я говорю это по собственному опыту... И затѣмъ, пусть наши отношенія остаются такими исключительно счастливыми, какъ они сложились. Не... материализуйте ихъ.

Столбунскій покраснѣлъ еще гуще, порывисто всталъ, но молчалъ.

Въ это время вдали показалась толпа людей съ косами и приказчикъ верхомъ. Столбунскій оставилъ Кесарійскаго.

— До свиданія, — сказалъ онъ. — Разставлю народъ на косу и поѣду за Халевичемъ.

Кесарійскій встрепенулся.

— Давно пора! — воскликнулъ онъ. — Привозите его скорѣе! — Столбунскій сѣлъ на лошадь и отѣхалъ.

— Сколько? сообрази! — спросилъ онъ приказчика, не удостоивая толпу косарей и взглядомъ. Мужики тоже какъ будто не замѣчали его, только попрытали трубки за пазухи да примолкли. Два, три сняли шапки. Столбунскій кивнулъ имъ головой.

— Тридцать изъ Ямнаго да изъ Слободки. Въ Поболовъ урядникъ поѣхалъ.

Столбунскій съ приказчикомъ отстали отъ толпы.

— Ругались! — радостно улыбаясь, докладывалъ приказчикъ. —

„Ну, говорятъ, ваши выгоны—кровавые намъ они достаются“.—
Такъ не берите, говорю, выгоновъ.

— Я беру съ нихъ только то, что самъ плачу за ту землю,
гдѣ они пасутъ.

— Я имъ и говорю. Мы съ лошади беремъ двадцать ко-
пѣекъ въ лѣто, а въ казенной датѣ—рубль, а панъ Халевичъ—
восемьдесятъ копѣекъ. Идите, говорю, туда, коли у насъ выгонъ
кровавый.— „Такъ вы, говорятъ, берите деньгами, а не работою“.
— Какъ разъ, говорю, достанешь тогда тебя, таково-скаго, на
работу. Напачеешься тогда. У васъ, у баналій, лѣтось рожа
хорошо родила, такъ вы всю зиму на печи спали, всѣ задатки
назадъ поотдавали. Только тогда, говорю, и вытѣзали, когда
прусаки въ хатѣ начинали отъ мороза дохнуть,—дровъ накрасть.
Съ вамъ, говорю, съ гадами, тогда только хорошо жить, когда
вы голы, какъ бизуны, когда вы и себѣ, и людямъ, и Богу про-
тивны. — Столбунскій поморщился.

— Не дразните вы ихъ, пане Пѣшевичъ.

Приказчикъ изъ радостнаго мгновенно превратился въ почти-
тельнаго и молчаливо выразилъ готовность слушаться.

— На-дняхъ я прочелъ про ученыхъ волковъ въ циркѣ,—
съ улыбкой продолжалъ Столбунскій.—Такъ вотъ, двоихъ учили
палкой, а двоихъ безъ палки. И послѣдніе скорѣе и лучше вы-
учились.

— Такъ тѣ волки...—нерѣшительно и почтительно замѣтилъ
панъ Пѣшевичъ.

— Такъ что же?

— Тѣ—волки, звѣрь, значить; онъ ласку понимаетъ и бо-
ится... А тѣ—мужикъ, у него рѣзумъ ужъ очень злобный,—нѣ-
сколько рѣшительнѣе договорилъ приказчикъ.

Столбунскій слушалъ разсѣянно.

— Все-таки не дразните,—повторилъ онъ и отѣхалъ.

Проѣхавъ версты двѣ лугомъ, Столбунскій очутился у самой
рѣки. У берега былъ вое-какъ сбитый паромъ, на которомъ Стол-
бунскій и переправился черезъ рѣку.

На томъ берегу онъ вѣхалъ въ дремучее чернолѣсье. До-
рожка была твердая, зеленѣла травой, а мѣстами на ней стояли
длинные лужи или глянцовитая черная грязь. Чернолѣсье, темное
и сырое внизу, свѣтлѣло въ вершинахъ, игравшихъ пятнами зеле-
наго золота. Съ дороги при приближеніи Столбунскаго сорвалось
стадо тетеревей, вышедшее напиться воды изъ лужи, и, тяжело
хлопая крыльями, цѣпляясь за вѣтви, обламывая сухіе сучья,
своимъ растревоженнымъ куринымъ полетомъ скрылось въ чащѣ.

Столбунскій остановилъ лошадь и слушать, какъ оно умаливалось на деревьяхъ, срываясь и поправляясь. Онъ прислушивался, и чувство свободы и владычества надъ огромнымъ лѣсомъ, зеленымъ свѣтомъ лѣса, надъ этимъ испугавшимся стадомъ жирныхъ птицъ, опять тѣшило его... Но онъ вспомнилъ недавній разговоръ съ Кесарійскимъ и подогналъ лошадь.

Черезъ полчаса лѣсъ кончился, и Столбунскій выѣхалъ на большую поляну, десятинъ въ триста. Земля была такая же, какъ и въ лѣсу, ровная, постепенно и слегка понижавшаяся со всѣхъ сторонъ отъ лѣса къ серединѣ. Въ серединѣ зеленѣлъ квадратъ липовой рощи, окруженной фруктовыми садами, и стояли потемнѣвшія строенія. Надъ поляной разстилось высокое туманно-синее небо. Поля разныхъ хлѣбовъ и травъ лежали разноцвѣтными полосами и кусками, ни единымъ стеблемъ не шевелясь въ неподвижномъ воздухѣ. Столбунскій выѣхалъ къ овсамъ, высокимъ, густымъ, матово-зеленымъ и рябымъ отъ густого колоса. Вдали по ту сторону усадьбы, какъ сливки, бѣлѣла гречиха въ цвѣту. Тамъ же, правѣе стлалась темная зелень клевера. По эту сторону усадьбы, направо отъ Столбунскаго, желтѣло большое поле ржи.

Столбунскій сдержалъ лошадь на первомъ бугорѣ и пристально осмотрѣлся. Его взглядъ остановился на рязаномъ полѣ.

— Ахъ, плуть! — воскликнулъ онъ, взглянувъ, и даже ударилъ хлыстомъ лошадь, которая запрыгала отъ удара.

Съ одного края золотой ржи макомъ пестрѣли цвѣтные платки по крайней мѣрѣ сотни бабъ. Около нихъ кто-то, верхомъ на огромной гнѣдой лошади, ѣздилъ взадъ и впередъ. На этого-то всадника и смотрѣлъ Столбунскій.

— Ахъ, негодяй, негодяй! — вслухъ, жалобно и сердито повторялъ онъ.

Разсерженный Столбунскій двинулся къ всаднику на огромной лошади. Тотъ еще издалека замѣтилъ его и сейчасъ же направился къ нему, пустивъ щегольскимъ курцгалопомъ своего огромнаго англійскаго жеребца. Самъ всадникъ имѣлъ видъ вполне приличный: хорошо одѣтый, высокій, тонкій, широкоплечій. Но лицо его было больше бѣлорусское, чѣмъ польское: блѣдное, загорѣлое до какой-то сѣрой желтизны, съ рѣдкой, мягкой бородкой. Выраженіе лица было въ это мгновеніе забавно: въ большихъ темныхъ глазахъ отражались и насмѣшливое злорадство, и немного трусливости, и какая-то особенная, явно напущенная на себя, приторная ласковость. Большой ротъ на-косо сложился въ улыбку, которая имѣла быть радостной, но на са-

момъ дѣлѣ, выражала ту же курьезную смѣсь чувствъ, что и глаза. Это и былъ Халевичъ.

— Миленкѣй, прости! Ради Бога, прости, голубчикъ!—кричалъ Халевичъ, подбѣгая.

— Свиныя!—привѣтствовалъ его Столбунскій, не на шутку злой.—Вѣдь еще третьяго-дня мы сговаривались зажинать рожь разомъ, чтобы не отнимать другъ у друга работницъ. А ты что сдѣлалъ?!

— Ей Богу, милосенкѣй, я только шампанское жито хочу снять. Вѣдь я не виноватъ, что оно зрѣетъ раньше.

Халевичъ отлично зналъ, что у пріятеля этого жита столько же, сколько у него самого.

— Я тебѣ говорю, что ты—свиныя!

Халевичъ промолчалъ. Въ молчаніи подбѣхали пріятели къ жнищамъ.

— Эхъ, пане Халевичъ,—началъ Столбунскій нарочно громко, —никогда ты не умѣешь жниво начать. Вѣдь совсѣмъ зеленую жнешь; зерно у тебя сморщится какъ сушеный грибокъ. Правду твой отецъ, покойникъ, говорилъ: нѣтъ, никогда не будетъ изъ Стаса хозяина; все торопится, все торопится.

Никогда ничего подобнаго покойникъ Халевичъ не говорилъ, но Столбунскій рѣшилъ мстить за измѣну.

— Pierre, devant les gens, devant les... бабы!—прошепталъ Халевичъ.

— А я ему говорю,—продолжалъ Столбунскій еще громче, —а я говорю: „охъ, правда ваша, не будетъ изъ него хозяина; лѣтъ черезъ десять проторопить онъ весь вашъ майонтежъ“. Такъ онъ даже заплакалъ. Помнишь?

— Pierre!!

— А еще покойникъ говорилъ...—началъ-было Столбунскій, но Халевичъ покраснѣлъ, сверкнулъ глазами, повернулся и побѣжалъ прочь. Столбунскій—за нимъ. Халевичъ прибавилъ рыси—Столбунскій перешелъ на галопъ. Халевичъ пустилъ своего великана сначала тоже въ галопъ, потомъ въ карьеръ... И „les бабы“ могли любоваться бѣшеной скачкой паничей. Жеребецъ летѣлъ, какъ вихрь, огромными скачками, высоко вскидывая то голову на длинной шеѣ, то огромный крупъ съ кудымъ хвостомъ, и сильно подбрасывая въ сѣдлѣ всадника. Рыжая кобылка Столбунскаго, наоборотъ, точно повалилась по землѣ, оставляя за собой узенькій, дымящійся слѣдъ пыли и жмураясь вмѣстѣ съ сѣдовомъ отъ комьевъ земли, которыми швырялъ въ нихъ, какъ изъ пращи, жеребецъ. Конечно, Столбунскій сейчасъ же сталъ отставать.—Постой, по-

стой же!—началь кричать Столбунскій, — постой! я къ тебѣ за дѣломъ!

Но Халевичъ все летѣлъ и, казалось, готовъ былъ мчаться такъ цѣлый день. Столбунскій выбранился и сталъ останавливать лошадь. Тогда обавилъ ходъ и Халевичъ. Остановился Столбунскій—сталъ и Халевичъ.

— Я прїѣхалъ звать тебя къ себѣ!—крикнулъ первый.

— Ты мнѣ такъ надоѣлъ, что я тебя ближе, чѣмъ ты теперь, не подпущу,—отвѣтилъ второй.

— Не все же ты на лошади. Я тебя поймаю, когда ты будешь пѣшкомъ.

— А я велю работникамъ прогнать тебя съ моей земли колыями.

Столбунскій испуганно оглянулся: но жницы были далеко позади.— „Ага,—подумать онъ,—разовлечь-таки тебя какъ слѣдуетъ“.—Однако онъ воскликнулъ:

— Ты съ ума сошелъ!

— А ты мнѣ надоѣлъ твоими глупыми шутками.

— Ну, больше не буду,—смягчаясь, сказалъ Столбунскій.

— Ты мнѣ съ перваго класса гимназіи все обѣщаешь, что больше не будешь.

— Да ты знаешь ли, зачѣмъ я къ тебѣ, дураку, прїѣхалъ?

— И знать не желаю, господинъ умный...

— А вотъ пожелаешь. У меня Кесарійскій и Дровяниковъ съ компаніей.

Въ ту же секунду Халевичъ преобразился. Лицо его расцвѣло восторгомъ. Горделивая поза на сѣдлѣ, напоминавшая Наполеона Перваго, раздающаго на полѣ сраженія своимъ храбрымъ маршаламъ ордена, превратилась въ позу храбраго маршала, подѣзжающаго за орденомъ къ Наполеону Первому.

— Миленькій, дунечка!—воскликнулъ Халевичъ, направляясь къ Столбунскому. — Вотъ радость, вотъ удовольствие! Когда же они прїѣхали? Когда же я могу ихъ видѣть?

— Теперь восемь часовъ,—отвѣчалъ Столбунскій. —Прїѣзжай въ девяти и зови къ себѣ обѣдать.

Онъ круто повернулъ лошадь, и теперь убѣгалъ уже онъ, а догонялъ и молилъ остановиться Халевичъ. Лѣсъ былъ совсѣмъ близко, и Столбунскій мчался прямо туда. А тамъ неповоротливый жеребецъ Халевича съ первыхъ же шаговъ могъ разбить о деревья и себя, и сѣдока въ дребезги.

VII.

Когда Столбунскій вернулся домой, его встрѣтилъ по крайней мѣрѣ десятокъ новыхъ дѣлишекъ, заботъ и просьбъ по хозяйству, но онъ отложилъ ихъ до завтра, когда гости уйдутъ. Гостей, за исключеніемъ Катерины Ивановны, которая еще одѣвалась, и Гончаревскаго, отправившагося на охоту, онъ нашелъ въ столовой. Кесарійскій устроилъ себѣ изъ стула мольбертъ и что-то архитектурное „творилъ“, то болтая съ Никитой Степановичемъ, то всѣми своими чувствами уходя въ рисунокъ, и въ эти промежутки едва ли ясно сознавая, кто онъ и гдѣ онъ. Дровяниковъ былъ свѣжъ, бодръ и упругъ, осанисто похаживалъ по комнатамъ и весело блистала глазами.

Когда Столбунскій вошелъ, оба быстро и весело оглянулись на входящаго. Они ждали Халевица, и о немъ-то рассказывалъ Кесарійскій.

— Не тотъ,—сказалъ Столбунскій, взглянувъ на нихъ,—но *тотъ* будетъ сейчасъ.

— По мѣстнымъ обычаямъ—четверней, въ коляскѣ, съ бычемъ?—воскликнулъ Кесарійскій.

— Конечно. Никто такъ педантично не придерживается приличій, какъ Халевицъ, когда онъ дома. А у насъ верхъ коммодности—четверня цугомъ, коляска, бычъ и помѣщикъ, голову положившій въ мѣшокъ откинутаго верха, а ноги—кучеру на плечи.

— Пресыщенное величіе! — продолжалъ Кесарійскій, оставивъ работу и мысленно вглядываясь въ Халевица такъ же серьезно, какъ только-что онъ смотрѣлъ на свой рисунокъ. — А въ рукѣ тросточка съ головой Костюшки?

— Ну, нѣтъ! У насъ не очень-то съ Костюшкой погуляешь. Не Костюшко,—а малахитовый шаръ, величиной съ бомбу, который Халевицъ, по торопливости, называетъ изумруднымъ.

— Человѣкъ-анекдотъ! — отозвался Кесарійскій, и, точно насытившійся мысленнымъ созерцаніемъ Халевица, онъ снова нагнулся къ своему рисованію.

— Знаете что,—заговорилъ совсѣмъ развеселившійся Дровяниковъ:—давайте караулить. Какъ онъ покажется въ воротахъ, мы въ почтительныхъ позахъ выйдемъ на крыльцо и на рукахъ высадимъ его изъ экипажа.

Кесарійскій даже подскочилъ на стулѣ при этомъ дивномъ планѣ и бросилъ работу.

Мало-по-малу болтовня и веселость стали переходить въ первное дурачество, и когда, раньше чѣмъ ждали, увидѣли въ окно дѣйствительно коляску, какъ и говорили, четверню цугомъ, кучера съ бичемъ и изнѣженно развалившася Халевица, котораго увидѣть скорѣе вдругъ всё стали уже просто жадать,— всё трое, опрокидывая мебель, кинулись на крыльцо.

На крыльцѣ, однако, произошла измѣна. Дровяниковъ въ самое послѣднее мгновеніе заважничалъ и не только не сошелъ со ступенекъ, а еще и руки заложилъ въ карманы. За нимъ остановился Столбунскій. Не измѣнилъ одинъ Кесарійскій и объявилъ, что скажетъ привѣтственную рѣчь.

Халевиць, въ черномъ сюртукѣ, съ пальто черезъ руку, увидѣвъ встрѣчавшихъ, тонно приподнял шляпу, но улыбнулся широко, въ самомъ дѣлѣ радостно и комично. Лошади стали у крыльца; кучеръ съ совершенно ненужной силой хлопнулъ, какъ изъ пистолета, бичемъ, и вскрикнувшій при этомъ выстрѣлъ Кесарійскій началъ рѣчь:

— Наяяснѣйшій панъ Халевиць! — заговорилъ онъ: — мы, барбаженскіе москалі, знающіе лишь больно бьющій кнутъ, а не громко стрѣляющій бичъ вашей прекрасной ойчизны, встрѣчаемъ васъ...

Но Халевиць не далъ продолжать. Съ тактомъ и достоинствомъ онъ обнялъ Кесарійскаго и сказалъ:

— Ахъ, путешѣй, путешѣй! И когда это вы остепенитесь?

Потомъ онъ элегантно и сдержанно раскланялся передъ Дровяниковымъ.

— Весьма радъ!—процѣдилъ сквозь зубы Нивита Степановиць. Онъ уже былъ недоволенъ тѣмъ, что встрѣча Халевица не вышла шутовской.

— И я тоже! — почти явно передразнивая его, отвѣтилъ Халевиць, слегка покраснѣвъ.

Дровяниковъ вскинулъ на него глазами и подобрался.

Халевиць совсѣмъ не оправдалъ возлагавшихся на него ожиданій. Изъ него вышелъ самый обыкновенный помѣщикъ, изъ свѣтскихъ и образованныхъ. Говорилъ любезности, ваялся иностранной политики, сдержанно осуждалъ внутреннюю. Онъ уже слегка путалъ названія петербургскихъ улицъ и имена прежнихъ знакомыхъ, точно не зналъ, кто теперь министрами, а Верещагина, котораго выставка прогремѣла прошлой весной, чуть было не назвалъ Вешняковымъ. Когда вышла Катерина Ивановна, онъ сначала изумился, потомъ сталъ говорить ей свѣтскія любезности

и, наконецъ, забеспокоился и вызвалъ Столбунскаго въ другую комнату.

— Приятельница!—рѣшительно сказалъ онъ.—Чья?

— Гончаревскаго.

— Но у меня, миленькій, говори, что это его жена. А то хоть матери и сестры и нѣтъ дома, а все неловко...—Халевичъ съ чувствомъ сжалъ руку пріятеля и забѣгалъ глазами по сторонамъ.—А теперь я помчусь готовиться къ приему.

Столбунскій улыбнулся.

— Чему ты смѣешься?

— Тому, что ты ѣдешь вовсе не къ приему готовиться, а отъ жнива у тебя голова кругомъ пошла. А напрасно: ты бы помогъ мнѣ поухаживать за Никитой.

— Зачѣмъ?

— Можетъ быть, я и спустилъ бы ему лѣсъ.

Халевичъ съ глубокимъ презрѣніемъ посмотрѣлъ на Столбунскаго.

— Это—Кастилія, Инезилія, Мантилія, Севилія, а не лѣсъ! —сказалъ онъ и ушелъ.

Часа въ три всѣ, кромѣ Гончаревскаго, таеъ и пропавшаго на охотѣ, сидѣли въ гостиной Халевича, которою тотъ въ душѣ очень гордился,—большой комнатѣ съ куполомъ, разрисованнымъ подъ лѣшную работу,—перелистывали альбомы фотографическихъ карточекъ и—такое ужъ это каторжное занятіе—зѣвали. Одинъ только Бесарійскій, не безъ юмора, съ искорками въ глазахъ, забавно ѣжа ротъ, посматривалъ на разрисованный потолокъ, на плохіе, олеографическіе пейзажи по стѣнамъ и на изображеніе свирѣпаго итальянскаго бандита, свирѣпо глядѣвшаго на гостей и до половины вытацившаго изъ ноженъ выкалывалъ. „Что бы тебя живымъ поселить въ этомъ уѣздѣ и заставить тутъ разбойничать!“—думалъ Бесарійскій и представлялъ себѣ, какое глупое выраженіе получило бы это театрално-зловѣйское лицо уже на третій день пребыванія бандита среди болотъ, клюквы, мужичья съ дубьемъ и становыхъ.

Халевичъ все не хотѣлъ разойтись и при гостяхъ изображалъ стереотипнаго хозяина, принимающаго и занимающаго гостей. Зато за кулисами онъ ужасно суетился съ обѣдомъ, безпрестанно выбѣгая. Въ одно изъ такихъ исчезновеній онъ высунулся изъ-за двери и поманилъ къ себѣ Столбунскаго.

— Что пьешь Никита Степановичъ? — испуганно спросилъ онъ, и вдругъ хлопнулъ себя по лбу. — Вѣдь онъ, помнится,

одно какое-то пить. А? Ты, кажется, выписать это вино, когда ждал их в прошлом году.

— Выписать, — улыбаясь, отвѣтил Столбунскій.

— Душка, милый, ангель... — умильно, сладко и униженно начал Халевичъ, но вдругъ сталъ солиденъ и независимъ. — Надо послать за нимъ на вокзалъ.

Вокзалъ былъ въ тридцати верстахъ, а обѣдъ нужно было подавать черезъ часъ.

— Посылай, — хладнокровно сказалъ Столбунскій.

— Какъ оно называется? — торопливо говорилъ Халевичъ. — Напиши мнѣ, голубчикъ. — И Халевичъ заметался по комнатѣ, какъ будто бы ища пера и бумаги. — Только поясни мнѣ напиши... Или ужъ лучше послать въ городъ?

До города было сорокъ верстъ.

— Посылай, — съ прежней невозмутимостью отвѣчалъ Столбунскій, стараясь не смотрѣть на пріятеля.

На мгновеніе темные глаза Халевича сверкнули ненавистью, и онъ въ напряженномъ молчаніи снова сталъ искать по комнатѣ бумагу и перо. Вдругъ онъ схватилъ Столбунскаго за обѣ руки, въскользко откинулся назадъ и сталъ пристально и преданно смотрѣть ему въ глаза.

— Душка! Выручи! Одолжи твоего вина! — заговорилъ онъ. — Или лучше продай. А то, хочешь, возьми за вино моего жеребца. Хочешь? Ей Богу, отдамъ. Ей Богу, сейчасъ велю къ тебѣ отвести, на арканѣ.

— Кто же англійскихъ жеребцовъ водить на арканѣ?! — не выдержавъ, расхохотался Столбунскій.

— Ну, на поводу, — дураковато улыбаясь, сказалъ Халевичъ.

— Посылай за виномъ ко мнѣ.

Халевичъ совершенно серьезно, молча поцѣловалъ пріятеля и очень естественно вздохнулъ отъ избытка благодарности. Потомъ, уже уходя и какъ бы между прочимъ, онъ прошепталъ:

— Такъ, пожалуйста, насчетъ этой-то... моимъ холоумъ скажи какъ-нибудь, что она — жена Гончаревскаго. Самъ знаешь, мать, сестра... — И онъ пожалъ плечами, досадуя и сожалея, что ему судьба совсѣмъ некстати навязала мать и сестру.

Обѣдъ, по суетливости хозяйина, сильно опоздалъ, и гости сѣли за столъ часовъ въ шесть, втайнѣ недовольные. Халевичъ продолжалъ разыгрывать свѣтскаго помѣщика. Въ срединѣ обѣда мимо оконъ прогремѣлъ экипажъ. Халевичъ, сидѣвшій лицомъ къ окнамъ, даже поблѣднѣлъ.

— Вольернъ! — воскликнулъ онъ.

Столбунскій поморщился.

— Что дѣлать, — сказалъ онъ. — Если наши гости согласятся видѣть въ немъ только зрѣлище, это будетъ любопытно. Это одно изъ здѣшнихъ нашихъ начальствъ.

— И, господа, при немъ не много разговаривайте, — прибавилъ Халевичъ.

Онъ хотѣлъ еще что-то сказать, но лицо его засіяло восторгомъ, онъ едва успѣлъ отереть салфеткой губы, всталъ изъ-за стола и, разставивъ руки, пошелъ на встрѣчу гостю.

— Николай Александровичъ! Какъ мило, какъ вѣстати! — говорилъ онъ, горячо лобызаясь и обнимаясь съ вошедшимъ. — Вотъ, это по-дружески. И виноцо у насъ, батенька, припасено такое, что чудо!

Вошедшій былъ очень высокъ, широкостью; съ длинной бородой и длинными, причесанными назадъ, полусъдыми волосами. Лицо его, худое и землистаго цвѣта, было чрезвычайно благородно, точь-въ-точь оперный Фаустъ въ прологѣ. Но большіе сѣрые глаза сверкали жидкимъ, недобримъ, нездоровымъ и ужъ очень малоблагороднымъ блескомъ. Одѣтъ онъ былъ въ отлично сшитый, но старый и неряшливый сюртукъ.

— Вино?! — воскликнулъ онъ и, полюбивъ Халевича за талію и самъ направляясь, свѣтски и съ хорошей манерой, къ столу, не торопясь продекламировалъ какое-то итальянское двустипіе о винѣ.

Халевичъ познакомилъ его съ Кесарійскимъ.

— Ба, синьоръ говорить по-итальянски! — на томъ же языкѣ воскликнулъ Кесарійскій.

Гость отвѣтилъ новымъ итальянскимъ стихомъ, восхвалявшимъ прелесть итальянскаго языка, и совершеннымъ джентльменомъ пожалъ руку Дровяникову.

— Помоги его скорѣ напоить и спроводить спать! — шепнулъ на ходу Халевичъ Столбунскому и представилъ гостя Катеринѣ Ивановнѣ. Волькорнъ поклонился ей, какъ свѣтской дамѣ, сѣлъ около нея и съ изысканной любезностью заговорилъ съ нею по-французски. Замѣтивъ, что она не понимаетъ, онъ заговорилъ съ Дровяниковымъ, и опять съ большимъ тактомъ, не по провинціальному, не о Дровяниковѣ, не о его желѣзной дорогѣ, а о чемъ-то совершенно постороннемъ и свѣтскомъ. Никита Степановичъ выразилъ на своемъ лицѣ капризную гадливость, и Волькорнъ заговорилъ съ Кесарійскимъ о его послѣдней архитектурной работѣ. Въ промежуткахъ онъ выбралъ рюмку побольше, налилъ водки и выпилъ, и тутъ уже сказался пьяница,

совсѣмъ не свѣтскій: онъ слезливо сморщился и брянулъ. Вслѣдъ затѣмъ онъ снова обратился къ Катеринѣ Ивановнѣ, уже по-русски, и, сейчасъ же разгадавъ ее, передъ второй рюмкой чокнулся съ нею.

— Какъ жаль, что нѣтъ дома милыхъ хозяекъ! — сказалъ Волькорнъ, выбирая кусокъ селедки. — Нѣкому принять вашу гостью, — обратился онъ къ Халевичу, и его глаза съ злой силой вонзались въ него.

Но Халевичъ не сморгнулъ. Онъ налилъ себѣ рюмку вина и протянулъ ее къ Волькорну.

— Да, жаль, — мимоходомъ сказалъ онъ. — Ну, чокнемтесь! — весело воскликнулъ онъ. — За вашу милую супругу!

— Его жена — содержала одно веселое заведеніе; она его купила за пятнадцать тысячъ, — шепнулъ Столбунскій Дровяникову.

Волькорнъ при тостѣ Халевича слегка дрогнулъ и поблѣднѣлъ, но глаза его заблестали до веселости, до восхищенія злобно.

— Когда мы мѣняемся ударами комплиментовъ, летятъ искры. Я это люблю, — сказалъ онъ, чокнулся съ Халевичемъ и выпилъ.

Послѣ этой, третьей, рюмки стало уже совсѣмъ видно, что старая, когда-то элегантная машина испорчена въ конецъ, испорчена до того, что ее слѣдуетъ бросить. Началось съ того, что Волькорнъ, довольно некстати, сталъ вспоминать, какъ онъ учился въ пажемскомъ корпусѣ и играть съ сильными міра сего въ патнашки. За этимъ послѣдовали воспоминанія о службѣ въ гвардіи и о петербургской жизни. Волькорнъ сдѣлалъ даже такой промахъ противъ свѣтскости, что похвастался, что у него была очень дорогая пріятельница, но онъ выразился безъ обиняковъ.

— И вотъ, послѣ шума и блеска столицы, — закончилъ онъ, — я отдалъ всего себя на служеніе моему бѣдному, забытому народу, который я защищаю въ этой окраинѣ отъ напихъ общихъ друзей. — И онъ повлонился Халевичу и Столбунскому.

За этимъ послѣдовала на чистомъ англійскомъ языкѣ цитата о народѣ и свободѣ изъ Байрона, котораго онъ назвалъ щегольски „Бирономъ“, на французскій ладъ.

— Каждый понимаетъ свободу по своему, — продолжалъ онъ: — Станиславъ Людвиговичъ Халевичъ подразумѣваетъ подъ ней право стрѣлять въ богомолковъ. Я недавно разбиралъ это интересное дѣло и имѣлъ слабость оправдать моего друга...

— Развѣ я стрѣлялъ! — перебилъ Халевичъ. — Я только раз-

билъ пистонъ незаряженнымъ ружьемъ. Пусть не шлеются. Въдъ каждый день! И все собираютъ какому-то есендзу на ризы, чортъ ихъ побори!

Вольборнъ выслушалъ это, склонилъ голову въ знакъ того, что Халевичъ кончилъ, и продолжалъ:

— Я понимаю свободу иначе. Aux armes, citoyens! Formez vos bataillons! И я это подготавливаю всѣми моими силами, защищая мой бѣдный народъ противъ здѣшнихъ пановъ. Не правъ ли я? — спросилъ онъ, обращаясь къ Дровяникову. Дровяниковъ нервно и недовольно шевельнулся. Одинъ Кесарійскій съ глубокимъ и печальнымъ любопытствомъ разсматривалъ Вольборна. Вольборнъ замѣтилъ движеніе Дровяникова, по его лицу внезапно пробѣжала тяжелая страдальческая судорога, и онъ вдругъ сталъ добрее, глаза его сдѣлались печальны.

— Господа, — обратился онъ къ Дровяникову и Кесарійскому: — если я не ошибаюсь, наши хозяева — ваши друзья. Я не шучу словомъ: „другъ“, я его понимаю, я цѣню дружбу. На свѣтѣ жить холодно, господа. Жизнь грѣеть — любовь и дружба. Правда, что есть такіа стынуція жизни, которыхъ ничѣмъ не сдѣлаешь теплее... Такова моя жизнь. Не будьте же жестоки, не бросайте въ меня комками льду...

Всѣ притихли. Голосъ Вольборна звучалъ серьезно, почти строго и печально.

— Я ѣзжу въ этотъ домъ вашихъ друзей, — продолжалъ старикъ, вдругъ возвышая голосъ и выпрямляясь, — для того, чтобы хоть немного отдыхать. Я во всѣхъ отношеніяхъ человекъ разбитый, безвозвратно, въ дребезги. Починить меня нельзя, но забиваться съ людьми, которые пока чище меня, я еще могу. Это капля воды горящему въ огнѣ. Не отравляйте этой капли. Господа, я съ гордостью могу сказать, что ваши друзья въ то же время и мои друзья. И я заслужилъ ихъ дружбу. Станиславъ Людвиговичъ, скажите, что это неправда... — вдругъ обратился онъ къ Халевичу.

Дровяниковъ и Кесарійскій изумленно осматривали присутствующихъ. Столбунскій и Халевичъ были серьезны. Глаза Халевича потемнѣли, лицо напряженно разглядилось. Онъ порывисто всталъ съ своего мѣста, подошелъ къ Вольборну и крѣпко поцѣловалъ его въ лобъ.

— Нѣтъ, вы говорите правду, — сказалъ онъ. Вольборнъ сидѣлъ, опустивъ голову.

— Вы вашимъ друзьямъ говорили обо мнѣ дурно? — негромко спросилъ онъ Халевича.

— Дурно, голубчикъ.

— Передъ самымъ мной приходомъ? Имъ ужъ все извѣстно? — спрашивалъ Волькорнъ, и въ его голосъ слышалось что-то очень горькое, но не злое...

— Да, да, — отвѣтилъ на оба вопроса Халевиць.

Волькорнъ помолчалъ. Потомъ онъ медленно налилъ вина, очень крѣпкаго, въ большой стаканъ, полно, до краевъ, обвелъ всѣхъ взглядомъ — взглядъ этотъ встрѣчалъ печальные, но не злые взгляды — и сказалъ, протянувъ стаканъ на середину стола:

— Господа, кто броситъ въ меня камнемъ? Кто откажетъ мнѣ въ милостынь?

И сейчасъ же всѣ стаканы протянулись въ Волькорну. Его рука задрожала, раслискивая вино; онъ постигнулъ его выпить однимъ духомъ и отвалился въ спингѣ стула.

— Благодарю, — прошепталъ онъ.

Нѣсколько мгновений длилось молчаніе. Дровяниковъ опять безпокойно зашевелился, но на этотъ разъ не отъ неудовольствія. Глаза его горѣли.

— Удивительные люди! удивительные люди! — какъ бы про себя, но обращаясь во всѣмъ, проговорилъ онъ. — Богъ ихъ знаетъ, о другихъ такихъ только читать можно. — И онъ указалъ на Столбунскаго и Халевица. Потомъ онъ налилъ себѣ вина. — За ваше здоровье! — громко сказалъ онъ.

Шумно чокнулись. Халевиць, глаза котораго уже нервно загорѣлись, толкнулъ Столбунскаго и шепнулъ ему: — А съ лѣсомъ все-таки ничего не подѣлаешь.

Халевиць послѣ этой сцены вдругъ превратился въ настоящаго Халевица. Онъ выпилъ стоявшій передъ нимъ стаканъ вина, подумалъ, потомъ поднялъ голову и началъ:

— Господа, помните вы въ Петербургѣ у Пивато эпизодъ съ моими подтяжками?

— На которыхъ были вышиты розы и незабудки, — подхватилъ Кесарійскій.

— Да, да, розы и незабудки. Какъ онъ помнить! — удивился Халевиць. — Помните, тогда мы доутились „до полотеровъ“, до восьми часовъ утра. Ровно въ половинѣ восьмого вы меня лечили отъ ужаснаго припадка морской болѣзни, раздѣли и обложили компрессами...

— А вы, — снова перебилъ Кесарійскій, — держали въ рукахъ подтяжки, сокрушенно на нихъ глядѣли и баялись въ томъ, что вы недостойны той, кто ихъ выпивалъ.

— Ихъ вышила моя невѣста, кузина Викторія. Слушайте,

чѣмъ кончились эти подтяжки съ розами и незабудками. Кончилось это худо, но еслибы не мой другъ, господинъ Вольборнъ— могло бы быть и еще хуже...

Всѣ притихли, видя, что готовится цѣлая исторія. И Халевичъ началъ, вставая, садясь, наливая сосѣдямъ вино, закуривая и бросая папиросы, изображая все въ лицахъ, то хохоча отъ всей души, то огорчаясь. Онъ быстро одушевился и вновь явился великолѣпнымъ болтуномъ, какимъ его знали прежде, веселымъ, ядовитымъ, изумительно наблюдательнымъ, карриатурнымъ, нескончаемымъ и немножечко безтолковымъ.

Сначала были описаны дѣйствующія лица. Кузина Викторія — вертушка, тараторка, кокетка и богомолка. Самъ кузенъ Стась — чувствительный, чувственный деревенскій паничишко, нервный и сорванецъ. Лукавая, толстая тетка, мать кузины. Дядя — отставной майоръ, хвастунъ и враль, подъ башмакомъ у жены. Мать кузена — хохотунья и плакса, легкомысленная и угнетаемая мрачными предчувствіями, заботливая хозяйка и цѣломудренная. „Не вѣрю я женщинамъ, охъ, не вѣрю: у всѣхъ у нихъ есть чортикъ, который вдругъ одурить ее, — и пропало дѣло, болталъ закусившій удила Халевичъ, — а матери вѣрю. И при мужѣ, и послѣ мужа“... — Халевичъ! — съ упрекомъ остановилъ его Столбунскій. Халевичъ кивнулъ головой: спасибо, молъ, что остановилъ въ-время, и перешелъ къ исторіи любви кузины Викторіи и кузена Стаса, тянувшейся лѣтъ пять.

Сначала — поцѣлуи и ласки, украдкой, за спиной у матери, при подсаживаньѣ на лошадь, при переносѣ черезъ лужу, поцѣлуи и ласки, сейчасъ же забывавшіеся. Потомъ случайная встрѣча поздно вечеромъ на таинственной тропинкѣ, которая въ помѣщичьихъ усадьбахъ обыкновенно ведетъ отъ задняго крыльца къ кусту сиреней. Громкій смѣхъ сопровождалъ это признаніе. Послѣ этого кузену подарили знаменитыя, собственноручно вышитыя подтяжки... Черезъ годъ любовь случайно вспыхнула ярко и жарко — и загорѣлась. Начались свиданія, устраиваемыя съ сумасшедшею смѣлостью въ комнату, рядомъ со спальней матери, сестры и тетки, гдѣ спала и откуда должна была выходить кузина. Кузенъ жилъ отдѣльно, во флигельѣ и лазилъ въ комнату черезъ окно. Возвращаясь, онъ каждый разъ руками заметалъ свои слѣды на пескѣ дорожки.

Однажды влюбленные сидѣли на обычномъ диванѣ у окна. Ночь была лунная, и мѣсяцъ освѣщалъ ихъ какъ днемъ. Они были такъ увлечены, что не замѣтили, какъ легкій вѣтерокъ время отъ времени постукивалъ плохо притвореннымъ окномъ.

Вдругъ въ сосѣдней залѣ раздаются шаги босыхъ ногъ. Она прычется съ ногами ему за спину. Она подбоченивается, какъ можно шире, чтобы закрыть ее. Дверь отворяется, и показывается старая экономка, въ ночной кофточкѣ и со свѣчей въ рукѣ. Она идетъ прямо на нихъ. Она оглядывается и видитъ, что ея нѣтъ, а вмѣсто нея—бѣлый комочекъ, величиной съ кулакъ, не больше,—ей Богу, пусть его мать умретъ, если больше! Экономка ближе—онъ, затанувъ дыханье, подбоченился шире. Экономка еще ближе—онъ отъ страха вытаращилъ глаза и оскалилъ зубы. Экономка у окна; протягиваетъ руку; плотно запираетъ окно; дѣлаетъ пол-оборота назадъ—и видитъ у самаго своего лица огромныя глазища, пожирающія ее, оскаленныя зубы, адски усмѣхающіеся, и сверхъестественно подбоченившееся туловище. „Извините!“—и экономка исчезаетъ.

Черезъ пять минутъ весь домъ на ногахъ. Всѣ, и она въ томъ числѣ, въ ужасѣ смотрятъ на диванъ. Ею еле добудились въ его флигелъ, и, когда онъ пришелъ, ему рассказываютъ, что только-что вотъ на этомъ диванѣ экономка видѣла призракъ его покойнаго отца: въ одномъ бѣлѣ, съ вытаращенными, огненными глазами, съ оскаленными зубами и подбоченившимся.

На другой день въ ближайшемъ костелѣ служили торжественную заупокойную обѣдню. Она молилась усерднѣе всѣхъ, такъ что мать кузена со слезами расцѣловала ее. Она тоже расплакалась, тоже цѣловалась и говорила, что теперь душа покойника навѣрное успокоилась. „Молилась о дядѣ, какъ о родномъ отцѣ“, съ чувствомъ повторяла она нѣсколько разъ...

Дальше-больше, дальше-больше, и кончилось тѣмъ, что кузень жить не могъ безъ кузины.—И вѣдь морда была, какъ я теперь вижу!—воскликнулъ онъ, и въ удостовѣреніе бросился рыться въ альбомахъ и принесть варточку кузины.

Наконецъ, рѣшено было жениться, два года тому назадъ. Но кузина почему-то просила никому не говорить объ этомъ. Всворѣ послѣ этого она уѣхала съ родителями въ Вильну. Вдругъ получается изъ Вильны письмо отъ другой кузины, которая, между прочимъ, пишетъ, что Викторія, счастливица, черезъ два мѣсяца выходитъ замужъ за очень хорошенькаго и богатаго помѣщика. Кузень вѣ себя летитъ въ Вильну; вѣмъ-то извѣщенная кузина съ родителями—изъ Вильны домой, въ деревню, здѣсь по близости. Кузень—домой, они—въ Вильну. Кузень за ними, онъ—снова домой.—„И вѣдь это дѣйствительно такъ и было“,—подтвердилъ Столбунскій.—„Рублей въ шестьсотъ я имъ эти перелеты вогналъ!“—торжествуя, воскликнулъ Халевицъ. Наконецъ, онъ поймалъ

ихъ въ деревнѣ: тетку въ кухнѣ—смотрѣла, какъ пеки булки; дядя заперся въ кабинетъ и заставилъ дверь комодомъ; кухня неизвѣстно гдѣ скрылась,—говорять, на чердакѣ. Тетка со страху упала на колѣни. Дядя изъ-за двери кричалъ, что онъ сейчасъ же отправитъ негодя на конюшню и на попойкѣ выпьетъ ему сто бизуновъ; но когда этотъ негодя сталъ ломиться въ дверь, дядя началъ кричать караулъ. Изъ заднихъ комнатъ появилась сѣдая бабушка, съ крестомъ въ рукѣ, и, почти обмирая со страха, начала напоминать кузену, своему внуку, какъ она носила его на рукахъ, младенцемъ, и какъ онъ ей говорилъ тогда: „я, бабуна, Косцюшко, и ты—мой конь“. Онъ плюнулъ и уѣхалъ.

Тутъ началась трагедія. Вышитыя подтяжки были сожжены. Двѣ лошади загнаны на безумной скачкѣ по лѣсамъ и болотамъ. Бѣдная мать!.. Тутъ слѣдовало длинное отступление о томъ, какъ Халевицъ любить мать; какъ онъ, когда она захворала холерой, сдѣлалъ въ три часа шестьдесятъ верстъ, чтобы привести доктора; и какъ мать, выздоровѣвъ, какъ будто помѣшалась и, еле живая, все лазила подъ диваны и шкафы, вытирать пыль, чтобы хоть чѣмъ-нибудь заслуживать тотъ хлѣбъ, которымъ ее кормили дѣти. Итакъ, бѣдная мать и сестра Зося не смѣли къ нему подступиться. Онъ сдѣлался таковаго цвѣта, какъ черный горшокъ для молока, и распухъ вотъ такъ, вотъ (слѣдовало кругообразное движеніе руками, очертившее у головы шаръ діаметромъ въ два аршина). Наконецъ, онъ слегъ въ постель, положивъ рядомъ съ собой заряженное ружье, и двое сутокъ не вставалъ, но и не спалъ. На третьи сутки онъ началъ видѣть на потолкѣ, и особенно на печкѣ, не чертиковъ, а котятъ: сѣренькіе съ полосками, глазки зеленые, сидятъ и умываются или блохъ ищутъ. Это его такъ перепугало, что онъ пришелъ немного въ себя и верхомъ полетѣлъ къ Столбунскому. Того не оказалось дома. Тогда что-то толкнуло его къ Вольборну.

— До того времени, вы знаете, я ненавидѣлъ васъ, какъ послѣдняго конокрада!—вдругъ обратился онъ къ Вольборну.— А съ тѣхъ поръ, господи, а его люблю. Безъ него, ей Богу, я удавился бы. Насмѣялись надо мной, наплевали, бросили какъ старую онучу. Вотъ меня и мучило, страшно мучило, что я—старая онуча, — былъ, есть и буду. И вотъ этотъ старикъ, какъ дважды два, доказалъ мнѣ, что я, самъ того не зная, чистъ и мученикъ... И повозился-таки онъ со мною: дня два я и плакалъ, и хотѣлъ стрѣляться, и начиналъ пить, и ругалъ весь свѣтъ, а больше всего его... О, чтѣ я ему говорилъ!.. Бѣдняга!.. А онъ нянчился со мной, какъ мать, какъ сестра милосердія...

Халевичъ не вытерпѣлъ, еще разъ подошелъ къ Волькорну и поцѣловалъ его. Въ то же время онъ, дѣйствительно возбужденный, нервный, растроганный, сумѣлъ мигнуть Столбунскому, чтобы тотъ налилъ Волькорну стаканъ вина. Самъ онъ взялъ маленькую рюмку, до половины пустую.

— Ваше здорье, дорогой мой Николай Александровичъ!— воскликнулъ онъ, чокаясь съ Волькорномъ.

Этотъ стаканъ свалилъ старика. Онъ сталъ хлопать глазами, плохо попадалъ напирасой въ ротъ и молча согласился на предложеніе Халевича заснуть минуточку послѣ обѣда.

— А чтѣ, mon cher, говорилъ Волькорнъ, укладываясь на диванъ въ задней комнатѣ:—я думаю, вамъ купчина въ первый разъ наслушался столько непонятныхъ для него иностранныхъ цитатъ.

— Успокойтесь, онъ всѣ эти языки понимаетъ свободно.

— Bravo! Ай да „третье сословіе“! Дворянство, mon cher, гибнетъ: дворянство—это я... А все-таки у него, у „третьяго сословія“, на лицѣ всегда написано опасеніе, опасеніе до испарины, какъ бы, по закону наследственности, вдругъ не рыгнуть рѣдьюкъ съ квасомъ. Вы замѣтили? Испугъ и легкая испарина въ обществѣ, и брутальность и крупный потъ въ своей компаніи...

Халевичъ осклабился. Ему смерть закотѣлось развить эту тему съ Волькорномъ, въ два ядовитыхъ языка. Но еще живѣе овладѣло имъ другое желаніе, и лишь только онъ вернулся въ гости, онъ, оглядываясь на дверь, громкимъ шопотомъ воскликнулъ:

— Вотъ вамъ нашъ обруситель! Хорошъ?!

И раскодившійся Халевичъ ударился въ политику. Цѣлые томы можно было бы наполнить тѣмъ, чтѣ онъ успѣлъ наболтать въ одно послѣ-обѣда.

Обѣдъ безъ перерыва перешелъ въ попойку. Появился съ скоты Гончаревскій, поѣлъ и тоже плотно присѣлъ къ вину. Халевичъ угощалъ усердно. Гости слегка осовѣли, но воодушевленный хозяинъ не давалъ пьянѣть. Болтали, спорили, хохотали. Халевичъ и Столбунскій посвящали гостей въ тайны своей деревенской жизни. Жить тутъ, въ глуши, среди распущенныхъ мужиковъ, среди еще больше распущенныхъ, обѣдѣвшихъ и озабоченныхъ помѣщиковъ, подъ опекой чиновниковъ, образчикъ которыхъ гости видѣли въ Волькорнѣ, было трудно.

— Я бы на вашемъ мѣстѣ,—сказалъ Кесарійскій,—продать пѣніе и сталъ бы просто жуировать, эпикурейски жуировать. Вы молоды, сильны, свѣжи, и, право же, вы грѣшите противъ

своей молодости, зарывъ себя здѣсь, работая безъ результатовъ, живя съ какими-то человеко-волками. Жизнь дается только одна, и надо провести ее по возможности лучше. Жизнь должна быть радостью, а вы сами себя сослали на поселеніе...

— Вѣдь я вамъ сегодня утромъ говорилъ, что вы можете помочь мнѣ устроиться, — въ полголоса сказалъ Кесарійскому Столбунскій.

Кесарійскій добродушно разсмѣялся.

— О, бѣлоруссъ упрямый! — воскликнулъ онъ.

— Ему говорятъ дѣло, а онъ выдумалъ что-то чудаческое и стоитъ на своемъ... Кто это такая? — спросилъ онъ Столбунскаго, указывая на фотографію въ альбомѣ, который онъ перелистывалъ.

Онъ указывалъ на портретъ молодой дѣвушки, съ широкими плечами и небольшой миловидной головкой, обвитой густою волосой. По нѣсколько большому рту и очертанію глазъ сейчасъ же можно было узнать сестру Халевица; но глаза смотрѣли гораздо добрѣе; искорка лукаваго смѣха, которая была у нея, какъ и у брата, лишь придавала добротѣ ея глазъ особую, умную прелесть.

— Премилая, — сказалъ Кесарійскій.

Пока онъ разсматривалъ портретъ, грудь Столбунскаго дышала быстрѣе, губы пріоткрылись, а лицо стало мягкимъ — и свѣтлымъ. Онъ вдругъ обнялъ Кесарійскаго за плечи и что-то шепнулъ ему.

— Это рѣшено? — радостно спросилъ Кесарійскій.

— Да. Но это еще секретъ отъ всѣхъ.

— Эта любовь не похожа на любовь Халевица? — спросилъ архитекторъ.

Столбунскій не обидѣлся.

— Ну, — сповойно сказалъ онъ. Я полюбилъ, — онъ загнулся на этомъ словѣ, слегка покраснѣлъ, но продолжалъ: — я полюбилъ не мальчишкой, уже продѣлавъ всѣ эти безтолковыя исторіи.

— И женитесь?

— Конечно.

— Когда?

— Послѣ того, какъ вы продадите мой лѣсъ.

Кесарійскій опять разсмѣялся.

— Чудакъ! Упрямый чудакъ! повторялъ онъ.

Въ это время Халевиць, съ которымъ Никита Степановиць еще до обѣда шептался, указывая на Катерину Ивановну, сталъ усиленно за нею ухаживать. Дровяниковъ весело похаживалъ отъ одного къ другому, попивалъ и то прислушивался, то самъ го-

ворить. Когда ему стало ужъ совсѣмъ весело и пріятно, онъ сѣлъ за фортепіано и сталъ пѣть, и зацѣлъ молодцомъ.

Первые же звуки музыки просто удивили Столбунскаго. Отъ вина ли, или послѣ двухъ дней нервной жизни, или подъ вліяніемъ недавнихъ словъ Кесарійскаго, они подѣйствовали на него съ неожиданной силой. Давно уже онъ не испытывалъ ничего подобнаго, и онъ отдался этому обаянію почти съ жадностью. Его кровь вдругъ забилась и побѣжала по жиламъ, какъ рѣчка, прорвавшая плотину. Его воображеніе, неожиданно для него самого, вдругъ залетѣло Богъ знаетъ куда. По непонятной прихоти, почти къ его испугу, оно вдругъ открыло ему давно забытое прошлое, его раннюю молодость. Вдругъ онъ самъ помолодѣлъ, и это было невыразимо сладко: молодья, нѣжныя и прекрасныя, какъ только-что распустившійся *belle de jour*, силы молодости, ея тонкія, благоухающія мечты, ея вѣра, ея ожиданія, ея плачущія отъ жажды счастья noci, ея знойные дни счастья. Да, это было невыразимо сладко. Но въ то же время почти безумная тоска присоединилась къ этой сладости: едва припекло солнцемъ, нѣжный цвѣтокъ завялъ. Что же теперь замѣнить молодость?!...

Никита Степановичъ вдругъ прервалъ свое пѣнье, всталъ и положилъ ему на плечи свои руки.

— Столбунскій,—сказалъ онъ ласково и какъ будто конфузясь:—Столбунскій, поѣдемъ съ нами!

— Bravo, Никита! Конечно, ѣдемъ!—воскликнулъ Кесарійскій,—тутъ не можетъ быть никакихъ колебаній. Я только-что говорилъ...

— Мы еще застанемъ бой быковъ,—продолжалъ Никита Степановичъ.—Дорога не будетъ...—началъ онъ, но умолявъ, взглядомъ прося Кесарійскаго помочь.

— Ѣдемъ, Столбунскій,—заговорилъ тотъ, сейчасъ же понявъ Никиту Степановича.—И туда, и назадъ поѣдемъ въ нашемъ вагонѣ, такъ что дорога обойдется самые пустяки.

Столбунскій молчалъ. „А вѣдь Кесарійскій правъ,—думалъ онъ:—свобода и наслажденія только и могутъ хоть отчасти замѣнить молодость“. И разгулявшееся воображеніе занесло его далеко-далеко отъ дома, отъ страны, гдѣ онъ жилъ. Изъ холода, изъ ночной росы, похожей на холодную испарину больного, изъ утреннихъ тумановъ и влажныхъ лѣсовъ, оно перенесло его на горячій югъ. Ни заботъ, ни труда, ни прочныхъ привязанностей, ни тяжелыхъ обязанностей, и красота, и наслажденія...

Столбунскій провелъ рукой по лицу.

— Нѣтъ, не поѣду, — негромко сказалъ онъ.

— Какъ это глупо! — не удержавшись, воскликнулъ Кесарійскій, а Дровяниковъ по обыкновенію круто отвернулся.

— Надо себя обуздывать, — проговорилъ Столбунскій и, пожмая плечами, прибавилъ почти про себя: — что можетъ быть глупѣе прокутившагося жуира?!

— Да, не поѣду! — встрепенувшись заговорилъ онъ. — Большое вамъ спасибо за приглашеніе, но не мѣшайте мнѣ. Дайте мнѣ устроиться, какъ я хочу, и если тогда повторится такая славная минута, я — вахтъ. Впрочемъ, если и не повторится, я постараюсь вызвать ее.

Кесарійскій и Дровяниковъ недовольно переглянулись. Осмотрѣвшись, собесѣдники увидѣли, что они въ комнатѣ одни. Уже горѣли свѣчи и пробило девять часовъ.

— Однако пора домой, — сказалъ Кесарійскій. — Завтра вѣдь надо рано подыматься къ поѣзду.

Въ это время въ комнату вошли сначала Халевичъ, подруку съ Катериной Ивановной, а за ними Гончаревскій! Катерина Ивановна сейчасъ же оставила Халевича и сѣла у окна, какъ-то оскорбленно кутаясь въ платокъ. Халевичъ былъ красенъ и болталъ съ живостью, неестественной даже для него. Гончаревскій былъ тоже оживленъ, что было уже почти противоположенно. Оба удивительно заинтересованно говорили о томъ, какъ странно всходить луна. Халевичъ сейчасъ же подошелъ къ Дровяникову.

— Какъ, уже ѣхать? Да подождите еще! — воскликнулъ онъ, въ отвѣтъ на просьбу о лошадяхъ, и затѣмъ тревожнымъ шопотомъ добавилъ: — ну, батенька, влопался такъ, какъ и не желалъ. Уль слишкомъ!

Никита Степановичъ въ изумленіи взглянулъ на Халевича, на Катерину Ивановну, на Гончаревскаго — и радостно потеръ руки.

— Я васъ расцѣлюю потомъ! — шепнулъ онъ Халевичу.

VIII.

Когда сѣли въ экипажи, луна была, пожалуй, и въ самомъ дѣлѣ странная. Она всходила въ облакахъ, и отъ нея видѣнье было только средній поясъ, широкій и красный, какъ мѣдь. Вечеръ былъ темный и теплый.

— А что же вы забываете свою даму, Станиславъ Людви-

говить? — проговорилъ Гончаревскій, когда всѣ толпились на крыльцѣ. — Предложите ей руку и усадите. Будьте любезнымъ до конца и послѣ конца.

И Гончаревскій направился въ задній экипажъ, гдѣ уже сидѣлъ Кесарійскій.

Халевичъ съ чрезвычайной любезностью засмѣялся, но руки не предложилъ. Катерину Ивановну повелъ въ экипажъ Никита Степановичъ, пришедшій въ самое лучшее настроеніе, и усѣлся съ нею въ коляску, запряженную знаменитой четверней цугомъ, вмѣстѣ съ Халевичемъ и Столбунскимъ. Катерина Ивановна, сначала было-растерявшаяся, принялась усиленно кокетничать съ Дровяниковымъ. Тотъ дѣлалъ видъ, что принимаетъ это благо-склонно.

Болтая, пересмѣиваясь и кокетничая, проѣхали лѣсъ и приѣхали въ парому. На паромѣ, при Гончаревскомъ, Катерина Ивановна удвоила свой натискъ на Дровяникова. Гончаревскій удвоилъ наблюденія надъ луной. Халевичъ, очень развязный и возбужденный, держался отъ него подальше: „а вдругъ двинетъ въ ухо“, — сообщилъ онъ причину Никитѣ Степановичу. Кесарійскій успѣлъ мирно заснуть.

За паромомъ по лугу пришлось ѣхать шагомъ, и то коляску ворочало такъ, что Катерина Ивановна съ крикомъ ужаса принуждена была обнимать Никиту Степановича, чѣмъ вскорѣ и вызвала съ его стороны поцѣлуй прямо въ губы, и совсѣмъ не холодный, а за нимъ — другой, третій и, наконецъ, цѣлый рядъ, общавшій сдѣлаться непрерывнымъ.

На возлахъ сидѣлъ кучеръ Халевича, Кузьма, изъ крѣпостныхъ, носившій на рукахъ не только Халевича, но еще и его отца, старый, бритый, сухой, негнувшійся и мрачный. Онъ вдругъ остановилъ лошадей.

— Пане Столбунскій, — заговорилъ онъ по-польски, отчетливо и медленно выговаривая, въ промежуткахъ тпрукая на горячившихся лошадей, и въ его голосѣ слышался укоръ и сдержанное негодованіе. — Пане Столбунскій, — сказалъ онъ: — хіхи и хіхи, все это хорошо... Но прошу васъ взглянуть, что дѣлается въ Столбунѣ.

Столбунскій, сидѣвшій на передней скамейкѣ, оглянулся, и то, что онъ увидѣлъ, и укоръ, и негодованіе Кузьмы — такъ и рванули его по сердцу. На томъ мѣстѣ, гдѣ былъ Столбунъ, поднимался огромный дымнорозовый столбъ пожарнаго зарева. Столбунскій понялъ, что теперь его усадьбы, со всѣми постройками, машинами и скотомъ, уже нѣтъ. Никакіе гости, никакіе ихъ

хѣхи и хѣхи ея не выстроить. Въ первую минуту онъ чувствовалъ то, что долженъ чувствовать приговоренный къ тюрьмѣ: мгновеніе—и впереди долгіе-долгіе годы постылой неволи. Халевиць судорожно схватилъ Столбунскаго за руку и закричалъ:

— Ай, скоть, скоть! Ай, скоть сгорить! Хотъ бы скоть выгнали!

— Ну, Кузьма, гони, пане, лошадей вскачь!—не торопись и негромко промолвилъ Столбунскій измѣнившимся голосомъ.

Но Кузьма остался неподвиженъ.

— Прошу васъ отпрячь переднюю лошадь,—сказалъ онъ,—и ѣхать верхомъ. Въ экипажѣ нельзя ѣхать скоро.

Халевиць выскочилъ изъ коляски первый. За нимъ—Столбунскій; онъ молчалъ и не торопился. Халевиць былъ какъ въ лихорадкѣ, и его руки тряслись.

— Вальей дайте мнѣ на козлы,—размѣренно говорилъ Кузьма, сдерживая напуганныхъ суетою лошадей.—Постромки заложите за шлеи и перевяжите узломъ. Сѣдѣлки тоже подайте сюда.

Но пріятели не слышали его приказаній и вскочили на отпряженныхъ лошадей.

— Да кто же мнѣ вальей сюда подасть!?!—вдругъ приходя въ ярость, закричалъ Кузьма, и хрипло и продолжительно завашлялся.

Пріятели были уже далеко, поднявъ лошадей въ карьеръ.

Халевиць говорилъ безъ умолку, соображая, гдѣ именно горить въ усадьбѣ и какъ спастись. Онъ хотѣлъ вернуться, пересадить всѣхъ гостей въ одинъ экипажъ, а за другимъ поѣхать къ себѣ за рабочими. Хотѣлъ сѣздить за ними верхомъ. Потомъ опять начиналъ повторять:—ай, скоть! ай, скоть!

Столбунскій угрюмо молчалъ. „Конечно, поджоги,—думалъ онъ:—вѣдь грозилась поджечь, когда я сѣлъ на хозяйство и сталъ подтягивать мужиковъ, до меня хозяйничавшихъ въ имѣніи, какъ хотѣли“. Онъ думалъ такъ, и нехорошія мысли приходили ему въ голову. Когда онъ узналъ, что „можетъ и найдется разумный человекъ, да и подпалить паничишеву“, онъ велѣлъ подъ руку передать мужикамъ, что тогда „можетъ и найдется какой-нибудь цыганъ или бѣглый арестантъ, да и запечетъ деревню съ двухъ концовъ“. „Что-же,—думалъ онъ теперь,—неужели же наступила необходимость исполнить эту дикую угрозу?!“ Его пьянила злоба, и онъ зналъ, что исполни онъ обѣщаніе—волоска бы его потомъ не тронули, или... напши бы его, годъ, два спустя, гдѣ-нибудь на лугу подъ колодой, потому что туда сбѣгались бы деревенскія собаки и что-то рвали...

Чѣмъ ближе подъѣзжалъ Столбунскій къ усадьбѣ, тѣмъ угрюмѣе онъ становился по наружности и тѣмъ злобнѣе, рѣшительнѣе и безпощаднѣе въ душѣ. Онъ билъ запыхавшуюся лошадь, правильно поднимая и опуская руку съ постромкой, и норовилъ ей большой стальной пряжкой прямо подъ животъ, побольнѣе.

Кончились луга, поднялись на песчаную гору, обогнули рошу, свѣтившуюся пожаромъ, какъ свѣта, и увидѣли усадьбу. Она стояла спокойная, тихая и невредимая, мерцающая свѣтомъ и тѣнями близкаго пожара: — горѣла деревня.

Халевичъ вскрикнулъ отъ радости. Столбунскій не повеселѣлъ: дурныя, слышомъ дурныя мысли и чувства прошли черезъ его мозгъ и сердце.

Когда подѣхали остальные, они нашли пріятелей на пожарѣ. Халевичъ работалъ пожарной трубой, а Столбунскій съ толпой мужиковъ ломалъ избу, рядомъ съ горѣвшей. Всѣ подошли въ Столбунскому съ такимъ выраженіемъ лица, мягкимъ, нѣжнымъ, ласковымъ, съ какимъ поднимаютъ упавшаго ребенка или развлекаютъ женщину, только-что оправившуюся отъ истерическаго припадка. И это участіе тоже кольнуло Столбунскаго, послѣ его недавнихъ мыслей.

Катерина Ивановна и Гончаревскій шли и остановились поодаль отъ другихъ.

— Оглянитесь-ка! — шепнуть Дровяникову Халевичъ.

Тотъ оглянулся. Катерина Ивановна стояла, гордо и оскорбленно кутаясь въ платокъ. Около нея — носатый, уродливый Гончаревскій. Онъ что-то говорилъ ей, не умоляя; на глазахъ какъ будто блистали слезы, а лицо было и печальное, и потерянное и умоляющее.

Никита Степановичъ протяжно свистнулъ. Халевичъ свистнулъ ему въ отвѣтъ.

Кесарійскій стоялъ около Столбунскаго, который вмѣстѣ съ мужиками ломалъ избу, и долго глядѣть на него, на его ловкія и сильныя движенія, на его озабоченное и невеселое лицо. Столбунскій замѣтилъ это и обернулся.

— Такъ трудно живется? — спросилъ Кесарійскій. Столбунскій пожалъ плечами.

— Сами видите, — рѣзко отвѣтилъ онъ. — А иначе было бы еще труднѣе, — было бы бессмысленно.

Прошла недѣля послѣ того, какъ уѣхали гости. Столбунскій, необыкновенно веселый, сидѣлъ у себя на крыльцѣ, ожидая лошадь, которую велѣлъ сѣдлатъ. Въ это время, верхомъ на своемъ англичанинѣ, въ воротахъ появился Халевичъ.

— А я собирался къ тебѣ!—воскликнулъ Столбунскій.

Пріятели вошли въ домъ. Халевичъ началъ было длинно, хитро и ласково мотивированную просьбу—одолжить ему конныя грабли, но Столбунскій остановилъ его, подавъ ему полученную телеграмму. Халевичъ прочелъ и удивленно взглянулъ на пріятеля.

— А теперь,—началъ Столбунскій, и голосъ его задрожалъ, —теперь я могу просить у тебя руки твоей сестры.

Халевичъ нѣсколько мгновеній стоялъ неподвижно. Его лицо было совершенно серьезно. На пріятеля онъ глядѣлъ такъ внимательно, какъ будто онъ видѣлъ его первый разъ въ жизни и при обстоятельствахъ совершенно непостижимыхъ.

Онъ прошелся, остановился и вдругъ принялся душить пріятеля въ объятіяхъ.

— Ты... ты, чортъ тебя знаетъ, и въ самомъ дѣлѣ порядочный человекъ! — кричалъ онъ, таская Столбунскаго по комнатамъ, и даже слезы выступили у него на глазахъ. — Я, братъ, зналъ; я, братъ, видѣлъ. Но я думалъ, что у тебя другое на умѣ и... того, все время, братъ, былъ на-сторожѣ, ужъ извини...

Телеграмма была изъ какого-то городка на югѣ Франціи; она извѣщала, что Дровяниковъ покупаетъ лѣсъ Столбунскаго. Подписана она была Кесарійскимъ. Халевичъ, стыдливо умалчивая о сестрѣ, не теряя времени, въ помощь Столбунскому, приступилъ къ обсужденію хозяйственныхъ проектовъ, связанныхъ съ продажей лѣса и получкой за него денегъ. Вытащили планы, счетныя книги, каталоги машинъ и земледѣльческихъ орудій, и принялись высчитывать и разсчитывать. Халевичъ все больше разгорался и становился бодрѣе. Столбунскій вначалѣ не отставалъ отъ него, но вдругъ сталъ стихать, слабѣть и, наконецъ, улегся на диванъ въ знакомой Халевичу позѣ: на боку, ладонь руки подъ щекой, а глаза неподвижно устремленные въ пространство.

— Меланхолія!—иронически усмѣхаясь, сказалъ Халевичъ:— ужъ давно что-то ея у тебя не было!

Столбунскій молчалъ. Халевичъ снова заговорилъ — о томъ, какъ дѣлаются закупки воловъ для отвармливанія бардой на нѣжинской ярмаркѣ, и снова не встрѣтилъ никакого сочувствія.

— Ну, о чемъ ты думаешь?—почти съ негодованіемъ воскликнулъ онъ.

Столбунскій опять не отвѣтилъ. Онъ никакъ не могъ перестать думать—о томъ, какъ Дровяниковъ посылать его, и чуть не послать, соблазнять Катерину Ивановну,—и о томъ, съ какими дрянными мыслями и чувствами онъ скакалъ въ себѣ домой на пожаръ. И ему настойчиво представлялись—то собачонка, на заднихъ лапахъ, съ кускомъ сахара на носу, то огромный волкъ, горящими глазами высматривающій изъ кустовъ на стадо. Это не давало ему покоя; онъ все больше и больше блѣднѣлъ и смотрѣлъ передъ собой все неподвижнѣе...

В. Дядловъ.

НОВѢЙШЕ КРИТИКИ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА

Окончаніе.

III *).

Въ странахъ, гдѣ представительное правленіе составляетъ давнишній, прочно установившійся фактъ, — преимущества демократическаго строя вовсе не обращаютъ на себя особеннаго вниманія: всѣ привыкли пользоваться свободою, не задумываясь надъ ея происхожденіемъ, и склонность къ критикѣ парламентаризма доходила иногда до неблагодарности. Французскіе и англійскіе писатели, нападающіе на парламентаризмъ, забываютъ нерѣдко, что самое право нападать на существующіе порядки принадлежитъ имъ только въ силу тѣхъ конституціонныхъ началъ, которыя они критикуютъ. Это забвеніе почвы, на которой движется современная политическая жизнь въ западной Европѣ, выражается замѣчательно рѣзко въ этюдахъ о „народномъ правительствѣ“, принадлежащихъ перу умершаго недавно изслѣдователя, сэра Генри Сомнера Мэна.

Главный доводъ, выставляемый обыкновенно противъ демократіи, — непрочность и непостоянство народнаго правленія. „Со времени введенія политической свободы во Франціи, — говоритъ Мэнъ, — правительство было свергнуто *три* раза парижской чернью — въ 1792, 1830 и 1848 годахъ; *три* раза — арміею, — въ 1797, 1799 и 1851 годахъ; *три* раза правительство разрушалось ино-

*) См. выше: май, стр. 96 и слѣд.

страннымъ нашествіемъ—въ 1814, 1815 и 1870 годахъ, причѣмъ нашествіе вызывалось каждый разъ французскимъ нападѣніемъ, которому сочувствовала большая часть народа. Итого, оставляя въ сторонѣ ненормальный (?) періодъ отъ 1870 года до настоящаго времени, мы видимъ, что Франція съ самаго начала своихъ политическихъ опытовъ имѣла 44 года свободы и 37 лѣтъ суровой диктатуры“. Въ этомъ небольшомъ счетѣ можно отмѣтить нѣсколько крупныхъ ошибокъ. Паденіе Бурбоновъ и Орлеановъ доказываетъ непрочность монархіи во Франціи, а не переменчивость демократическаго режима; Карль X и Людовикъ-Филиппъ пали не вслѣдствіе избытка политической свободы, а вслѣдствіе неудачныхъ попытокъ ограничить эту свободу, вопреки конституціи. Насильственные перевороты, совершонные двумя Бонапартами, не могутъ быть причислены къ грѣхамъ демократіи; такъ же точно непріятельскія нашествія, вызванныя Наполеоновскими войнами, свидѣтельствуютъ объ опасностяхъ личной династической политики временъ имперіи, а не о слабостяхъ народнаго правленія. Непонятно также, почему періодъ третьей республики (съ 1871 г.), свободный отъ всякихъ междоусобій, переворотовъ и войнъ, долженъ считаться болѣе ненормальнымъ, чѣмъ каковой-либо изъ предшествующихъ періодовъ, съ конца прошлаго столѣтія. Столь же ошибочны указанія автора изъ области новѣйшей исторіи Испаніи. „По моему счету,—замѣчаетъ онъ,—между первымъ установленіемъ народнаго правительства въ 1812 году и воцареніемъ короля Альфонса XII было 40 военныхъ восстаній серьезнаго свойства, въ большинствѣ которыхъ участвовало населеніе; девять изъ нихъ были успѣшны вполнѣ или отчасти. Только въ теченіе девяти лѣтъ послѣ 1845 и девять лѣтъ послѣ 1857 года была сравнительная, хотя и неполная, свобода отъ военныхъ замѣшательствъ“. Но время отъ 1812 до 1833 г. нельзя относить къ господству демократіи, съ точки зрѣнія самого автора; ибо, по его же словамъ, „конституція 1812 года не была признана Фердинандомъ VII, и король царствовалъ неограниченно“ почти до самой своей смерти въ 1833 году, благодаря поддержкѣ, оказанной ему „священнымъ союзомъ“ послѣ военнаго восстанія 1820 года. Значитъ, конституціонную эпоху въ Испаніи надо считать только съ 1833 года; но можно ли серьезно говорить о народномъ правленіи при королевахъ Христинѣ и Изабеллѣ, и оно ли было причиною изгнанія этихъ королевъ и насильственнаго воцаренія Альфонса? Защитники демократіи могли бы сослаться на прочность правительства въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ верховная власть дѣйствительно принадлежитъ народу и его

представителямъ; но значеніе этой ссылки, по мнѣнію Мэна, „ослабляется, если не уничтожается, поучительнымъ зрѣлищемъ многочисленныхъ республикъ отъ мексиканской границы до Магеллана“. Въ этихъ испанско-американскихъ обществахъ наблюдается непрерывный рядъ тиранній и переворотовъ. „Такъ, въ Бولیвіи изъ 14 президентовъ республики 13 убито или умерло въ изгнаніи. Невниманіе къ этимъ фактамъ объясняется только тѣмъ, что испанскій языкъ мало извѣстенъ въ Англіи, Франціи и Германіи. Что въ Южной Америкѣ населеніе отчасти индійской крови и подчинялось римской церкви—это не доводъ въ устахъ тѣхъ, которые считаютъ демократію одинаково доступною всѣмъ народамъ“. Къ сожалѣнію, авторъ обходитъ молчаніемъ тѣ спеціальныя условія, въ какихъ находятся указываемыя имъ страны; онъ не разбираетъ фактическихъ причинъ постоянныхъ междоусобій, раздирающихъ эти государства, а заранѣе рѣшаетъ, что все зло заключается въ „народномъ правленіи“. Выводъ Мэна является, по меньшей мѣрѣ, слишкомъ поспѣшнымъ и произвольнымъ; но еслибы онъ даже оказался справедливымъ, то, во всякомъ случаѣ, онъ не имѣлъ бы никакого отношенія къ вопросу о демократіи въ европейскомъ смыслѣ этого слова. То, что происходитъ гдѣ-нибудь въ Бولیвіи или въ Перу, не можетъ служить доводомъ для Франціи или Англіи, подобно тому какъ правительственная система персидскаго шаха или афганскаго эмира не можетъ быть выставляема, какъ возраженіе противъ монархическаго устройства европейскихъ державъ. Мэнь не пытается даже объяснить, какимъ образомъ великій опытъ Соединенныхъ Штатовъ можетъ ослабляться печальной исторіею мелкихъ южно-американскихъ республикъ. „Убѣжденные сторонники демократіи,—говоритъ онъ,—мало обращаютъ вниманія на примѣры, доказывающіе непрочность демократическихъ правительствъ. Это будто бы только отдѣльные случаи торжества злого начала. Но заключеніе трезваго изслѣдователя исторіи будетъ иное. Онъ скорѣе отмѣтитъ, какъ фактъ, требующій самаго серьезнаго разсмотрѣнія, что съ того вѣка, когда римскіе императоры были въ зависимости отъ преторіанцевъ, не было еще такого непостоянства правительствъ, какое увидѣлъ свѣтъ со времени признанія правителей делегатами общества“. Чтобы дойти до правильнаго заключенія, авторъ долженъ былъ бы принять въ расчетъ и факты, касающіеся неограниченныхъ монархій, такъ какъ только путемъ сравненія можно было бы убѣдиться въ существованіи причинной связи между непрочностью правительствъ и владычествомъ демократіи. И этого элементарнаго научнаго приѣма мы не находимъ

у Мэна, вообще столь опытнаго и осторожнаго въ дѣлѣ историко-юридическихъ изслѣдованій. Даже термины, употребляемые авторомъ, не опредѣляются имъ съ надлежащею точностью; онъ говоритъ безразлично о „народномъ правленіи“, идетъ ли рѣчь о конституціонномъ правительствѣ Альфонса XII или о настоящихъ республикахъ, въ родѣ сѣверо-американской или французской. Оттого и разсужденія его часто попадаютъ вовсе не въ ту цѣль, которую онъ имѣлъ въ виду.

Самый вопросъ о прочности правительствъ далеко не столь простъ, какъ онъ кажется съ перваго взгляда. Подъ прочностью управленія можно разумѣть—во-первыхъ, неизбѣмость правительственной формы, монархической или республиканской; во-вторыхъ, долговѣчность министерствъ или кабинетовъ, управляющихъ страной, и въ-третьихъ, постоянство и послѣдовательность политики, преслѣдуемой министрами и правителями. Что касается формы правленія, то о прочности ея можно судить только въ примѣненіи къ обстоятельствамъ каждаго отдѣльнаго государства; очевидно, что для Соединенныхъ Штатовъ и для Швейцаріи самой прочною и непоколебимою является республика, какъ для Пруссіи или Австріи—монархія. Спорнымъ считается вопросъ только относительно Франціи. Когда говорятъ о шаткости и неустойчивости „народнаго правленія“, то при этомъ думаютъ почти исключительно о нынѣшней французской республикѣ. Французское республиканское устройство уже потому кажется непрочнымъ, что оно свободно обсуждается и осуждается во Франціи, тогда какъ въ другихъ государствахъ запрещено возбуждать сомнѣнія въ превосходствѣ существующей формы правленія. При оцѣнкѣ французскаго режима смѣшиваютъ обыкновенно положеніе республики съ судьбою ея министерствъ, шаткость которыхъ имѣетъ свои особыя причины, не зависящія нисколько отъ демократическаго характера конституціи. Республика сама по себѣ, какъ правительственная форма, держится неизмѣнно уже восемнадцать лѣтъ; т.-е. она дожила до того срока, котораго не удалось пережить ни монархіи Орлеановъ, ни второй имперіи. Это продолжительное существованіе республики достигнуто притомъ безъ всякихъ рискованныхъ внѣшнихъ усилій, безъ шумныхъ предпріятій и войнъ, къ которымъ долженъ былъ прибѣгать Наполеонъ III для утверженія своего царствованія. Республика не должна была придумывать искусственные политическіе эффекты, которыми столь озабочены были министры Людовика-Филиппа; она не затѣвала ссоръ съ какими-либо великими державами и не вовлекала страну въ круговоротъ европейскихъ событій ради поддержанія своего пре-

стижа. Республика успѣла безъ особенныхъ затрудненій справиться съ нѣсколькими, весьма серьезными, кризисами, изъ которыхъ каждый былъ бы достаточенъ въ былое время для насильственной переменѣны правленія. Вспомнимъ парижскую коммуну 1871 года, реакціонныя попытки во время президентства маршала Макъ-Магона, печальный конецъ второго президентства Гриви и, наконецъ, новѣйшую буланжистскую агитацію: троны Карла X и Людовика-Филиппа не выдержали напора волненій, гораздо менѣе значительныхъ и возникшихъ по поводамъ гораздо менѣе существеннымъ. Такимъ образомъ, для современной Франціи республика оказывается болѣе устойчивой и жизненной, чѣмъ каждая изъ трехъ монархическихъ реставрацій настоящаго столѣтія. Этотъ фактъ объясняется прежде всего безличнымъ характеромъ республиканской власти: революція теряетъ свой *raison d'être*, когда правители суть только выборные делегаты, которыхъ можно смѣнить законнымъ способомъ.

Второй признакъ непрочности—частая смѣна министерствъ—сопутствуетъ парламентаризму въ тѣхъ случаяхъ, когда въ общественномъ мнѣніи народа установился разладъ, когда ни одна изъ политическихъ партій не получаетъ полного перевѣса на выборахъ и когда поэтому нѣтъ въ палатахъ однороднаго большинства, на которое могло бы опираться правительство. Разладъ проходить; то или другое направленіе приобретаетъ наибольшее довѣріе въ странѣ и сосредоточиваетъ около себя лучшія силы общества; единство достигается и въ парламентѣ, и министерскія шатанія исчезаютъ сами собою. Кабинетныя кризисы происходятъ и отъ недостатка въ выдающихся государственныхъ людяхъ, на которыхъ могъ бы остановиться общественный выборъ, отъ преобладанія посредственностей, прочное водвореніе которыхъ у кормила власти совсѣмъ нежелательно съ точки зрѣнія народныхъ интересовъ. Гдѣ нѣтъ парламента и гдѣ общественно-политическіе мотивы не играютъ руководящей роли въ дѣлахъ государства, тамъ министры мѣняются столь же часто, вслѣдствіе завуалированныхъ интригъ, возведенныхъ въ систему, какъ это бывало, напр., во Франціи при Бурбонахъ. Но сторонники постоянства и прочности управленія ошибаются въ самой основѣ: они считаютъ безусловнымъ преимуществомъ то, что нерѣдко противорѣчитъ дѣйствительнымъ пользамъ страны. Если видѣть достоинство правительства въ неизмѣнности его личнаго состава, то пальму первенства въ этомъ отношеніи пришлось бы признать за Турціею или Персіею. Можно ли признавать выгоднымъ для государства упорное владычество министровъ бездар-

ныхъ или корыстолюбивыхъ, не гнушающихся къ себѣ общественнаго довѣрія? Чтѣ лучше—прочное ли господство Персиньи и Морни, Базеновъ и Руэровъ, или переменчивое управленіе Гладстона, Биконсфильда и Солсбери, выдвигаемыхъ парламентскою дѣятельностью? Одно изъ двухъ: или министры не отвѣчаютъ желаніямъ и потребностямъ населенія,—и тогда кабинетный кризисъ представляется полезнымъ и необходимымъ; или они стоятъ на высотѣ своихъ задачъ и выполняютъ ихъ талантливо и съ знаніемъ дѣла; тогда они обезоружаютъ оппозицію и укрѣпляютъ свое положеніе, несмотря на существованіе парламентаризма. Наконецъ, частыя смѣны министровъ, мало выдѣляющихся изъ общаго уровня, не приносятъ, въ сущности, никакого положительнаго вреда государству: поверхностныя личныя перемены не затрогиваютъ обычнаго хода сложнаго правительственнаго механизма и не оказываютъ существеннаго вліянія на политику, если элементы парламентскаго большинства остались тѣ же.

Третій и наиболѣе важный признакъ прочности—послѣдовательность и твердость политическихъ программъ, проводимыхъ правителями на практикѣ. Лучшую гарантію этой послѣдовательности находятъ именно въ долговѣчности министровъ, при ерѣпкой и неизблемой формѣ правленія. Такое предположеніе далеко не всегда оправдывается, однако, на дѣлѣ. Если сопоставить необычайно долгое управленіе Бисмарка въ Пруссіи и множество кабинетовъ, смѣнявшихся во Франціи съ 1871 года, то устойчивость нѣмецкой политики за все это время должна бы оказаться вѣдъ всякаго сравненія выше французской. Между тѣмъ мы видимъ нѣчто совсѣмъ другое. Пруссія, при одномъ и томъ же министерствѣ князя Бисмарка, успѣла сначала отречься отъ узкаго консерватизма и создать либеральную эру (въ концѣ шестидесятыхъ и въ началѣ семидесятыхъ годовъ), затѣмъ отречься отъ либерализма и вступить на путь консервативной реакціи, предпринять „культурную борьбу“ съ католическою церковью и отречься потомъ отъ этой борьбы, замѣнивъ ее тѣснымъ сближеніемъ съ Ватиканомъ. Такіе же радикальные скачки дѣлались и во вѣднней политикѣ: Пруссія то выставялась оплотомъ мира въ Европѣ, то грозила войною Франціи или Россіи поочередно, то увлекалась колониальными предпріятіями и ссорилась изъ-за этого съ Англіею, то, напротивъ, сближалась съ Англіею, то старалась умиротворить Эльзасъ посредствомъ разумной администраціи, то прибѣгала къ ненужнымъ строгостямъ и придиркамъ, раздражавшимъ пограничное населеніе. Вмѣсто твердаго постоянства и логической послѣдовательности, мы видимъ здѣсь

какое-то странное сдѣленіе противоположностей; переменны становятся съ годами все болѣе рѣшительными и тревожными, отражая въ себѣ какъ будто личную нервность и состояніе здоровья престарѣлаго канцлера. Съ другой стороны, Франція, управляемая длиннымъ рядомъ министерствъ, придерживалась неизмѣнно однихъ и тѣхъ же началъ въ дѣлахъ внутреннихъ и международныхъ; она одинаково охраняла у себя свободу внутри, не поддаваясь ни напору реакціи, ни домогательствамъ чрезмѣрнаго радикализма, постепенно развивала свои учрежденія, улучшала законодательства, умножала народныя школы и ограничивала вліяніе римской церкви. Внѣшняя политика республики, крайне сдержанная и осмотрительная, проникнута одною мыслью, съ 1871 года по настоящее время, мыслью объ избѣжаніи войны, о подготовленіи могущественной и хорошо вооруженной арміи для защиты отъ возможныхъ нѣмецкихъ посягательствъ. Идея франко-русскаго союза культивируется съ 1875 года и остается понынѣ общимъ девизомъ французской дипломатіи. Временное уклоненіе отъ этой основной программы, при министерствѣ Ферри, было быстро ступешвано, и виновникъ его наказанъ самой беспощадной непопулярностью, какая когда-либо выпадала на долю политическаго дѣятеля. Такимъ образомъ внѣшняя переменчивость управленія можетъ совпадать съ стойкою и неизмѣнно-послѣдовательною политикою, а прочная власть одного министерства, даже въ рукахъ „железнаго“ и гениальнаго руководителя, выражается въ рядѣ колебаній и скачкѣвъ. Желанія и интересы цѣлаго народа мѣняются не такъ легко, какъ настроеніе и дѣйствія отдѣльнаго лица. Государственные люди, не столь выдающіеся, какъ Бисмаркъ, періодически передѣлываютъ свои убѣжденія и взгляды, подчиняясь извѣстнымъ вліяніямъ; либеральные проповѣдники общественныхъ реформъ превращаются въ ярыхъ реакціонеровъ, ревнители народнаго образованія становятся его противниками и гонителями, дѣятели самоуправленія готовятъ могилу мѣстной свободѣ. Одного десятка лѣтъ достаточно, чтобы вызвать самыя радикальныя переменны въ направленіи внутреннихъ дѣлъ, при совершенномъ отсутствіи кабинетныхъ и парламентскихъ кризисовъ. Постоянство власти далеко еще не означаетъ постоянства и послѣдовательности въ политикѣ; оно не служитъ также символомъ того спокойствія, которое порождается господствомъ законности и твердой увѣренностью въ завтрашнемъ днѣ. Гдѣ теперь источникъ хронической тревоги въ Европѣ, общихъ опасеній войны и общаго недоуверія въ ближайшему будущему? Въ политикѣ германской имперіи,

имѣющей безспорно крѣпкое и устойчивое правительство, а не въ дѣйствіяхъ демократической Франціи, съ ея всесильными палатами и шаткими министерствами. Очевидно, что зло, усматриваемое Мэнномъ въ парламентской демократіи, не имѣетъ предполагаемаго имъ значенія.

Разбирая главнѣйшіе и отчасти извѣстные всѣмъ недостатки „народнаго правленія“, Мэнъ не касается вопроса о томъ, искупаются ли они какими-либо достоинствами и свободны ли отъ всякихъ недуговъ другія правительственныя формы. Поэтому весь анализъ автора остается какъ бы незаконченнымъ. Два начала преобладаютъ, по мнѣнію Мэна, въ западной Европѣ—империализмъ и радикализмъ, стремленіе къ вышнему могуществу и величію и въ то же время противорѣчащее тому стремленіе къ свободѣ и народному режиму. Авторъ находитъ прямую противоположность между строго-дисциплинированной арміею и демократически управляемою націею: тамъ безусловное подчиненіе, а тутъ свобода критики, чѣмъ и объясняются будто бы военные перевороты, совершаемые, напримѣръ, въ Испаніи, и отъ которыхъ избавлены только Соединенные Штаты. Еслибы антагонизмъ, указываемый Мэнномъ, существовалъ въ дѣйствительности, то онъ обнаружился бы сильнѣе всего во Франціи, имѣющей миллионную армію при свободныхъ политическихъ учрежденіяхъ. И однако французская республика не только не испытывала съ 1871 года никакихъ военныхъ волненій или беспорядковъ, но даже не проявляла ни малѣйшей тѣни безпокойства относительно повиновенія войскъ республиканскимъ законамъ и начальникамъ. Это и понятно! Современная армія имѣетъ чисто-демократическій, народный характеръ; это не что иное какъ „вооруженный народъ“, и для антагонизма съ населеніемъ нѣтъ уже никакой почвы. Испанскіе „pronunciamento“, о которыхъ упоминаетъ авторъ, совершались болѣею частью при монархіи, когда не было ни „народнаго правленія“, ни свободной критики. Въ Соединенныхъ Штатахъ, во время войны за освобожденіе негровъ, образовалась могущественная армія, подъ предводительствомъ даровитыхъ и энергическихъ генераловъ; тѣмъ не менѣе республиканскій строй оставался непоколебимымъ, и блестящія побѣды Гранта, Шермана, Шеридана—не только не пошатнули, а, напротивъ, укрѣпили авторитетъ конституціи.

„Народное правленіе, — продолжаетъ Мэнъ, — неоднократно испровергалось арміею и чернью вмѣстѣ, но въ общемъ разрушеніе этихъ правительствъ въ ихъ болѣе крайнихъ формахъ совершалось арміею, а въ болѣе умѣренныхъ—они главнымъ сво-

имъ врагомъ имѣли чернь“. По странному смѣшенію понятій, подъ народнымъ правленіемъ разумѣется у автора царствованіе Карла X, приведшее къ іюльской революціи, и режимъ Людовика-Филиппа, завершившійся февральскимъ переворотомъ. Въ качествѣ революціонеровъ выступали обыкновенно „непримиримые“, отличающіеся вообще „слѣпымъ сектантствомъ“; революціонный способъ дѣйствія—прежде баррикады, теперь—динамитъ. По мнѣнію Мэна, самый неудобный видъ непримиримыхъ—это націоналисты. „Національныя стремленія парализуютъ демократію, ибо, признавая право большинства на управленіе, можно отрицать, что данное большинство есть то самое, которое имѣетъ это право“. Разноплеменные государства сдерживаются только монархією. „Почти всѣ цивилизованныя страны имѣютъ свое національное единство отъ общаго подчиненія—бывшаго или настоящаго—королевской власти; Соединенные Штаты, напримѣръ, составляютъ націю потому, что они нѣкогда подчинялись королю“. И эти замѣчанія не вполнѣ согласуются съ фактами. Швейцарія, при своемъ разноплеменномъ составѣ, сохраняетъ свое единство посредствомъ чисто-народнаго политическаго устройства и управленія. Вѣбовое подчиненіе австрійскихъ народовъ Габсбургской династіи не сдѣлало изъ нихъ единой націи и скорѣе усилило, чѣмъ ослабило вражду между различными элементами имперіи, между мадьярами, славянами и нѣмцами. О нынѣшнихъ Соединенныхъ Штатахъ нельзя сказать, что они когда-то подчинялись королю, такъ какъ англійскія колоніи, изъ которыхъ они выросли, составляли лишь небольшую часть обширной территоріи, занимаемой нынѣ сѣверо-американскою республикою. Наконецъ, демократія не парализуется національными стремленіями, а сама вліяетъ на нихъ существеннымъ образомъ, придавая имъ болѣе широкій характеръ, противодействуя узкоплеменной нетерпимости и одностороннему шовинизму. Притягательная сила демократіи въ области національныхъ чувствъ ярво освѣщается отношеніемъ эльзасцевъ—нѣмцевъ по происхожденію—къ побѣжденной ихъ соплеменниками Франціи.

Парламентская система, по взгляду Мэна, не обезпечиваетъ интересовъ народа отъ злоупотребленій и ошибокъ. „Политическая свобода, въ смыслѣ одинаковаго права всѣхъ участвовать въ управленіи, утилизируется отдѣльными лицами, умѣющими собирать около себя частицы политической власти, т.-е. голоса избирателей“. Организція партій, съ ея дисциплиною, создаетъ особое партійное чувство, „остатокъ первобытной воинственности, приводившей прежде къ кровавымъ расчетамъ“. Смыслъ разногласій

между партіями не доходить до массъ; „тысячи и тысячи избирателей вотируютъ просто за желтый, синій или красный цвѣтъ, поддавшись призывамъ казого-нибудь популярнаго оратора“. Радикалы требуютъ расширенія избирательныхъ правъ и пользуются этимъ требованіемъ, какъ орудіемъ партійной борьбы. „Одна изъ самыхъ странныхъ и вульгарныхъ идей та, что широкое право голоса содѣйствуетъ прогрессу, вызывая новыя идеи, новыя открытія и изобрѣтенія, новыя искусства въ жизни“. Такое всеобщее голосованіе, вытекающее изъ программы радикализма, „разрушило бы въ значительной мѣрѣ существующія учрежденія и въ концѣ концовъ породило бы вредную форму консерватизма. Возвести въ законъ среднее мнѣніе цѣлаго общества—не значить прогрессировать. Законодательныя начала, въ которыхъ ведутъ эти принципы, вѣроятно положили бы конецъ всякой соціальной и политической дѣятельности и остановили бы все связанное когда-либо съ либерализмомъ“. Для доказательства авторъ предлагаетъ „вспомнить великія эпохи научныхъ изобрѣтеній и соціальныхъ переменъ въ продолженіе двухъ столѣтій и разсмотрѣть, что случилось бы, еслибы всенародное голосованіе установилось въ одну изъ этихъ эпохъ. Оно... безъ сомнѣнія запретило бы ткацкую машину, не допустило бы принятія грегорианскаго календаря“ и пр. Ожидаютъ лучшаго отъ распространенія образованія въ народѣ, но распространяются шаблоны, общія мѣста. И теперь проявляется разладъ между наукою и демократическимъ мнѣніемъ (авторъ ссылается при этомъ на судьбу теорій Мальтуса и Дарвина!); и просвѣщенность вождей не устранитъ того, что надо подчиняться теперь мнѣнію и настроенію массъ. Человѣчество двигалось впередъ не тѣми обществами, которыя устроены въ духѣ демократіи; прогрессъ совершался аристократією, хотя и подъ названіемъ республикъ. Господство толпы отнимало бы мотивы къ дѣятельности трудящихся; водворилась бы праздность вслѣдствіе ожиданія общаго раздѣла имуществъ, что разорило бы страну остановкою производства. Во всякомъ случаѣ,—заключаетъ Мэнъ,—нѣтъ достаточныхъ данныхъ для общей вѣры въ прочность и продолжительность демократическихъ правительствъ, и „образецъ этихъ правительствъ, британская конституція, составляя до сихъ поръ исключеніе, находится въ опасности быть брошеннымъ въ пространство и найти свои послѣднія черты въ тишинѣ и холодѣ“ (?).

Мрачная картина, нарисованная Мэнномъ, должна быть признана вполне фантастическою. Никто не связывалъ расширенія народныхъ правъ съ научными и промышленными успѣхами, съ

развитіемъ новыхъ идей и открытій, ибо наука и техника не входятъ вовсе въ кругъ дѣятельности выборныхъ политическихъ собраній. „Вульгарная идея“, которую опровергаетъ авторъ, нигдѣмъ не высказывалась и не заслуживала бы возраженія; она основана лишь на подмѣнѣ однихъ понятій другими, не имѣющихъ съ ними ничего общаго. Улучшенія общественной жизни и народнаго быта не создаютъ прогресса въ наукахъ и искусствахъ, но, по меньшей мѣрѣ, и не мѣшаютъ ему, вопреки произвольнымъ предположеніямъ Мэна. Если гдѣ-нибудь ставились преграды духу научной изобрѣтательности, развитію новыхъ идей и открытій, то это было, конечно, не въ демократіяхъ. Примѣненіе силы пара въ мореходствѣ было отклонено Наполеономъ, а не какими-либо народными представителями; первоначальное устройство желѣзныхъ дорогъ во Франціи остановлено было не парламентомъ и не всеобщимъ голосованіемъ, а совѣтниками короля Людовика-Филиппа, которые находили этотъ способъ сообщеній непрактичнымъ и неосуществимымъ. Нигдѣ не процвѣтаютъ такъ изобрѣтенія и усовершенствованія всякаго рода, какъ въ Сѣверной Америкѣ, при полномъ господствѣ началъ народнаго правленія. Мэнъ не могъ обойти этотъ фактъ, но онъ объясняетъ его постановленіями американской конституціи о правахъ изобрѣтателей и авторовъ, о патентахъ, о правѣ собственности и обязательной силѣ договоровъ, — какъ будто самые эти законы не составляютъ дѣла демократовъ. Постановленія конституціи не могли бы сами по себѣ направить жизнь въ ту или другую сторону; они не предупредили бы тѣхъ бѣдъ, о которыхъ говоритъ авторъ, еслибы демократическій строй государства создавалъ для нихъ благопріятную почву. О стѣсненіи научнаго развитія, объ ограничительныхъ мѣрахъ противъ народнаго образованія ничего не слышно въ Соединенныхъ Штатахъ, во Франціи или въ Швейцаріи, — такъ что печальныя предсказанія автора адресованы имъ невѣрно. Соціализмъ также получилъ наибольшую силу не въ сѣверо-американской демократіи и не въ французской республикѣ, а въ населеніи германской имперіи.

Опредѣленіе демократіи, какъ „особой формы правленія“, кажется весьма „важною истиною“ сэру Генри Мэну, хотя оно въ сущности ничего не выражаетъ и не объясняетъ. Оно имѣетъ то преимущество въ глазахъ автора, что ставитъ вопросъ на чисто-практическую основу и устраняетъ изъ него примѣсъ чувства, слѣбую вѣру, возведеніе данной формы на степень догмата. Демократія, по словамъ Мэна, есть не что иное какъ опрокинутая монархія; у нихъ тѣ же функціи, тѣ же условія дѣйствія,

и разница только въ органахъ. Одна изъ главныхъ задачъ правителей—сохраненіе національнаго существованія, забота о могуществѣ и прочности государства. Для достиженія этихъ цѣлей необходимы извѣстныя качества и добродѣтели. „Еслибы нужно было сдѣлать выборъ, и если дѣйствительно существуетъ реальная связь между демократіею и свободою, то лучше остаться націею, способною проявлять добродѣтели націи, чѣмъ даже быть свободою“. Къ сожалѣнію, для читателя не совсѣмъ ясно, какія именно качества вырабатываются лучше безъ свободы, во тѣмъ и въ рабствѣ; очевидно только, что эти качества чужды англичанамъ, и что не они сдѣлали ихъ тѣмъ великимъ народомъ, который создалъ величіе и славу нынѣшней Англіи. Съ демократіею, — говоритъ авторъ далѣе, — соединяютъ идею обособенной реформаторской дѣятельности законодательства; но наибольшая плодовитость въ дѣлѣ реформъ замѣчается, напротивъ, въ могущественныхъ монархіяхъ. Мнѣ могъ бы прибавить, что эти реформы часто не соответствуютъ потребностямъ и желаніямъ населенія, что онѣ часто не доводятся до конца и уступаютъ мѣсто реакціи, и что даже лучшія намѣренія кончаются иногда печально, какъ это можно видѣть на примѣрѣ Іосифа II. Теоріи Руссо и Бентама подвергаются авторомъ ѣдкой, хотя нѣсколько запоздалой критикѣ. Мысль о владычествѣ большинства, какъ наиболѣе заинтересованнаго въ успѣшномъ ходѣ общихъ дѣлъ, составляетъ издавна аксіому для англійскаго и вообще западно-европейскаго радикализма. А между тѣмъ она ошибочна, по мнѣнію Мэна. „Демократія, — поясняетъ онъ, — самая трудная форма правленія. Народъ и толпа не имѣютъ воли по множеству социальныхъ и политическихъ вопросовъ, и нѣтъ вовсе возможности достигнуть какого-либо единства мнѣній въ обществѣ. Все сводится къ тому, что усваиваются мнѣнія и воля одного или нѣсколькихъ лицъ. Какъ въ правосудіи, роль народа—сказать только „да“ или „нѣтъ“. Чѣмъ многолюднѣе собраніе, тѣмъ меньше толку въ его преніяхъ, и если прежде члены парламента мало посѣщали палату, то это было очень полезно для дѣла. Чистая демократія, какъ видно изъ плебисцитовъ, привела бы къ застою и регрессу. Вся цивилизація—дѣло меньшинства. Еслибы за четыре столѣтія до настоящаго времени существовало въ Англіи широкое право голоса, которымъ пользовались бы значительныя массы избирателей, то не было бы реформаціи, переменъ династій, терпимости относительно диссидентовъ и даже точнаго календаря. Даже теперь оспопрививанію грозитъ опасность, и для всякаго законодательства, основаннаго на научномъ

мѣнѣи, постепенное привлеченіе народныхъ массъ къ власти служить самымъ худшимъ предзнаменованіемъ". Съ точки зрѣнія Мэна всѣ консервативные элементы европейскихъ обществъ должны бы желать водворенія демократіи, такъ какъ послѣдняя не допускала бы смѣлыхъ реформъ и охраняла бы status-quo отъ вторженій „научнаго“ законодательства. Но повсюду консерваторы, какъ и прогрессисты, держатся прямо противоположнаго взгляда на идею народовластия — и вѣроятно имѣютъ для этого фактическое основаніе. Самъ же авторъ неоднократно и подробно возражаетъ противъ неумѣреннаго реформаторства, къ которому стремятся будто бы приверженцы демократическаго строя. Онъ видитъ опасность и со стороны „научныхъ мѣнѣи“, въ случаѣ союза ихъ съ демократіею. „Если демократія,—говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ своей книги (стр. 190),—выработаетъ аристократію знанія и ума, то соединеніе власти съ наукою и увѣренность въ безошибочности выводовъ едва ли принесутъ пользу человѣчеству“. Чего же надо ждать отъ торжества демократіи—культы невѣжества и регресса или, наоборотъ, слышномъ быстро и неосновательнаго движенія впередъ? Авторъ одновременно даетъ на этотъ вопросъ два противоположныхъ отвѣта; но изъ всего содержанія его книги можно заключить, что онъ больше боится реформъ, чѣмъ реакціи.

Мэнь направляетъ сильнѣйшіе свои доводы противъ „обычной иллюзіи постояннаго реформаторства“, противъ стремленія къ переменамъ и къ новизнѣ. Реформаторское законодательство, по его словамъ, не можетъ длиться постоянно; задачи его будутъ исчерпаны, и что же потомъ? Большинство человѣчества строго консервативно; страсть къ переменамъ свойственна небольшой части общества въ западной Европѣ и, притомъ, касается только политики. Всѣмъ извѣстно упорство человѣческихъ привычекъ даже въ мелочахъ. Обычаи и нравы передаются изъ поколѣнія въ поколѣніе; даже люди мѣняются далеко не существенно. И это счастье, ибо „внезапныя и частыя перемѣны въ женскихъ модахъ, затрогивая въ большей или меньшей мѣрѣ половину человѣчества въ богатѣйшихъ странахъ свѣта, вызывали бы промышленныя революціи самаго страшнаго свойства. Ни кровопролитная война, ни опустошительный голодъ, ни убійственная эпидемія не породили бы такихъ долгихъ и сильныхъ страданій человѣческихъ, какъ переворотъ въ модѣ, вслѣдствіе котораго женщины одѣвались бы, подобно мужчинамъ, въ одинокую каковую-нибудь цвѣтъ. Постоянныя перемѣны противорѣчили бы человѣческой природѣ, которая по существу своему консерва-

тивна; до сихъ поръ не измѣнились въ западно-европейскомъ человѣкѣ многіе первобытные инстинкты, проявляющіеся понинѣ въ такихъ явленіяхъ, какъ война, охота, страсть къ риторикѣ, поклоненіе партіи или газетѣ, какъ чему-то священному". Авторъ даетъ понять, что реформы не нужны народу, и что о нихъ хлопчуть больше для удовлетворенія пустаго любопытства толпы. Публика нуждается въ интересныхъ парламентскихъ преніяхъ, событіяхъ, рѣчахъ, митингахъ. Новые законы и преобразованія возбуждаютъ интересъ; безъ нихъ была бы скука, застой. Это исканіе впечатлѣній заставляло воевать при Наполеонѣ III и т. д. Прогрессъ, какъ производство новыхъ идей, не требуетъ непременно новаго законодательства, какъ это бываетъ на Востокѣ, гдѣ научныя идеи затрогиваютъ священные традиции и самыя основы быта. Неподвижность общества—правило; переменчивость—исключеніе. Выносить перемены и вѣрять въ ихъ преимущество только въ наименьшей части человѣческаго рода, и даже въ этой части оно—явленіе новѣйшее (сто лѣтъ ему въ западной Европѣ, а въ Англии—50 лѣтъ, по счету Мэна,—что, конечно, противорѣчитъ его предшествующимъ указаніямъ на перевороты и реформы за послѣднія четыре столѣтія). Ходячія фразы о прогрессѣ и радикальныхъ реформахъ имѣютъ свой корень въ идеяхъ Бентама и Руссо; этотъ источникъ теперь забыть, а заимствованныя изъ него слова и понятія господствуютъ понинѣ. Демократія снабжается всѣми прерогативами короля-собственника; только принципъ законодательства теперь иной—„наибольшее счастье наибольшаго большинства“—причемъ упускается изъ виду, что само большинство—плохіе судьи. Осуществить серьезныя политическія перемены чрезвычайно трудно; къ нимъ должны еще приноровиться общественныя условія и возрѣнія. Конституціи, выработанныя исторически, имѣютъ поэтому безспорное преимущество передъ сочиненными a priori, болѣе или менѣе эфемерными, какихъ было около 350 съ конца прошлаго столѣтія".

Когда авторъ ближе подходитъ къ тѣмъ требованіямъ, которыя предъявляются англійскимъ радикализмомъ, то оказывается, что дѣло идетъ вовсе не о прогрессѣ въ смыслѣ „производства идей“ и не о пустой страсти къ переменамъ, а о чемъ-то весьма реальномъ и положительномъ. Дѣло идетъ о преобразованіи или упраздненіи верхней палаты, воплощающей въ себѣ владычество новоземельной аристократіи, палаты наследственныхъ законодателей-лордовъ. Сэръ Генри Мэнь стоитъ за непривосновенность этой старинной части парламента. Вторая палата служитъ для

него отрицаніемъ того положенія, что „голосъ народа — голосъ божій“; это „протестъ большой доли здраваго смысла противъ того принципа“. Проверка постановленій народныхъ представителей необходима, какъ прибавочная гарантія для интересовъ общества. Авторъ готовъ признать, что по отношенію къ выборнымъ палатамъ лучшія конституціи—тѣ, въ которыхъ допущено возможно широкое участіе народнаго элемента; но изъ вторыхъ палатъ прочно и продолжительно существуютъ только двѣ—американскій сенатъ и англійская палата лордовъ. „Наиболѣе компетентными реформаторами палаты лордовъ,—скромно замѣчаетъ Мэнъ,—будутъ, вѣроятно, люди, понимающіе ее вслѣдствіе принадлежности къ ея составу... Наступитъ время, когда будетъ признано, что владѣніе обширнымъ помѣстьемъ,—какъ это и натурально при формѣ собственности, происходящей отъ формы верховенства,—предполагаетъ больше административнаго искусства и болѣе доброжелательныя отношенія къ другимъ классамъ, имѣющимъ подчиненныя интересы, чѣмъ какой-либо другой видъ превосходства, основанный на богатствѣ“. Въ средѣ ограниченнаго класса лицъ существуетъ „больше шансовъ компетентности и передачи ея по наслѣдству“. Но, кромѣ пониманія и искусства, важны для народа практическія цѣли, преслѣдуемыя правителями; а точка зрѣнія лордовъ, ихъ спеціальныя интересы и симпатіи могутъ находиться въ разладѣ съ потребностями большинства населенія: объ этомъ забываетъ Мэнъ. Въ сущности такъ-называемые радикалы требуютъ, чтобы предполагаемая и иногда несуществующая компетентность лордовъ замѣнена была дѣйствительною, признанною общественнымъ мнѣніемъ, чтобы на мѣсто свѣтскихъ бонвивановъ и спортсменовъ назначались въ верхнюю палату выдающіеся и серьезные дѣятели, ученые писатели, какъ сэръ Генри Мэнъ и Спенсеръ, подобно тому какъ во Франціи засѣдаетъ въ сенатѣ Жюль Симонъ. Ничего опаснаго и произвольнаго не было бы въ этомъ нововведеніи. Автора особенно пугаетъ мысль объ упраздненіи верхней палаты; ему рисуется „страшная перспектива единаго полновластнаго собранія, въ родѣ конвента, управляемаго комитетомъ общественнаго спасенія и удерживаемаго отъ подчиненія ему обструкціонизмомъ“, къ чему клонятся будто бы тенденціи англійской демократіи. Примѣръ конвента, дѣйствовавшаго въ бурную революціонную эпоху, совершенно не убѣдителенъ въ данномъ случаѣ: для нормальныхъ условій политической жизни единая палата можетъ оказаться вполне безобидною, какъ это подтверждается разумными дѣйствіями французскаго національнаго собранія 1871 г.,

хотѣ и избраннаго при исключительныхъ обстоятельствахъ,—собранія, подписавшаго миръ, блистательно устроившаго французскіе финансы и давшаго странѣ республиканскую конституцію, несмотря на монархическія стремленія большинства.

Принципальныя возраженія противъ политическихъ реформъ въ западной Европѣ имѣютъ вообще какой-то странный оттѣнокъ, какъ у Мэна, такъ и у другихъ писателей пессимистическаго направленія. Въ прошломъ было много крупныхъ перевѣнъ и насильственныхъ переворотовъ въ пользу высшихъ сословій и ихъ представителей; теперь же, когда заходитъ рѣчь о нѣкоторыхъ обратныхъ преобразованіяхъ въ пользу обдѣленныхъ исторіею народныхъ массъ, выступаютъ на сцену теоретики, доказывающіе необходимость закрыть эру реформъ и успокоиться на существующемъ status-quo. Такая точка зрѣнія вполне понятна со стороны заинтересованныхъ классовъ и лицъ, имѣющихъ всѣ выгоды отъ охраны достигнутаго ими порядка вещей; но она не логична со стороны ученыхъ изслѣдователей и публицистовъ. Нѣтъ основанія думать, что западно-европейскіе демократы добиваются перевѣнъ изъ любви къ новизнѣ; а если они обнаружили бы подобную склонность, то встрѣтили бы надлежащій отпоръ въ средѣ самой демократіи, которая по природѣ консервативна, по справедливому замѣчанію Мэна. Что законодательство когда-нибудь исчерпаетъ свои задачи и должно будетъ остановиться въ бездѣйствіи, это могло бы служить доводомъ не только противъ идеи постоянного реформаторства, но и противъ существованія постоянныхъ законодательныхъ учреждений, котормя, однако, повсюду работаютъ непрерывно и не успѣваютъ удовлетворять потребности общества. Свободно развивающаяся жизнь современныхъ народовъ выдвигаетъ все новые нужды и вопросы; прежніе законы старѣютъ; въ нихъ замѣчаются пробѣлы и недосмотры; является надобность въ регулированіи новыхъ, болѣе сложныхъ житейскихъ отношеній, и едва ли настанетъ когда-либо такой моментъ, когда законодатели будутъ имѣть право сказать, что задачи ихъ вполне исчерпаны. Не возникнетъ поэтому и вопросъ: чтѣ же потомъ?—который заранѣе ставитъ авторъ.

Слабыя стороны парламентаризма изображались много разъ болѣе или менѣе ярко и краснорѣчиво; Мэну оставалось только сгруппировать и рѣзче оттѣнить высказанное другими. Демократія, —говоритъ онъ,—не могла бы дѣйствовать безъ посредства нѣкоторыхъ силъ и прежде всего безъ организованныхъ партій. Положеніе этихъ политическихъ группъ характеризуется какъ-то

двойственно. Онѣ зависятъ отъ избирателей и потому „лѣзть народу и толпѣ, какъ прежде королю,—только болѣе грубымъ образомъ“. И въ то же время „къ предводителямъ партій можно всецѣло примѣнить разсужденія Макіавели“ о тиранніи: „воля и мнѣнія одного или нѣсколькихъ лицъ усвоиваются массою“ и т. д. Авторъ не упоминаетъ только одного, что такое „усвоеніе“ и вытекающая изъ него тиранніа достигаются лишь силою убѣжденія и таланта; онѣ останавливаются зато на незаконныхъ вліяніяхъ и средствахъ, практикуемыхъ во время выборовъ,—какъ будто эти мелкіе способы агитаціи играли замѣтную роль въ устѣхахъ Гладстона или Гамбетты. Съ господствомъ партій связана, по его мнѣнію, продажность голосовъ въ той или другой формѣ; прежде покупали голоса въ парламентѣ, теперь—голоса избирателей. Программы партій состоятъ изъ легкихъ обобщеній и формулъ, которыя выставляются на показъ или отбрасываются, смотря по обстоятельствамъ, ради цѣлей партійныхъ. Пренія въ парламентѣ часто не что иное, какъ „обмѣнъ слабыхъ обобщеній и сильныхъ личностей“. Отмѣчая недостатки и злоупотребленія партій, принадлежащихъ по своему составу къ высшимъ и образованнымъ классамъ общества, авторъ тѣмъ не менѣе усматриваетъ какуюто гарантію въ образовательномъ цензѣ для избирателей и восхваляетъ основанную на этомъ началѣ систему мѣстныхъ выборовъ въ Бельгіи. Казалось бы, что, наоборотъ, слѣдовало бы желать возможно большаго расширенія избирательныхъ правъ, чтобы затруднить попытки незаконнаго вліянія на выборы,—такъ какъ злоупотребленія несравненно доступнѣе и легче при ограниченномъ кругѣ избирателей, чѣмъ при подачѣ сотенъ тысячъ голосовъ изъ разныхъ слоевъ населенія.

Независимо отъ этихъ противорѣчій, въ которыя впадаетъ сѣръ Генри Мэнъ, нельзя не обратить вниманія на безцѣльность всей аргументаціи, направленной имъ противъ парламентаризма. Въ Англіи и въ другихъ западно-европейскихъ государствахъ принципъ публичнаго обсужденія публичныхъ дѣлъ вошелъ издавна въ общее народное сознаніе, какъ необходимая основа политическаго и общественнаго быта; а изъ этого принципа, котораго не коснулся авторъ, вытекаетъ все остальное. Гдѣ народъ имѣетъ голосъ при рѣшеніи своей судьбы и принимаетъ участіе во всѣхъ своихъ общихъ дѣлахъ, тамъ существуетъ выборное народное представительство въ томъ или въ другомъ видѣ. Гдѣ есть представительство, тамъ есть парламентъ и его неизбѣжные спутники—политическія партіи и группы. Пока въ странѣ существуютъ различія мнѣній и интересовъ между равными класса-

ми общества, до тѣхъ поръ будутъ существовать партіи, отражающія въ себѣ эти различія. Можно находить эти факты почему-либо неудобными или нежелательными, но бесполезно осуждать ихъ, пока остается въ силѣ ихъ живой и непрерывно дѣйствующій источникъ—демократическій духъ и строй націи. Авторъ считаетъ особенно вредною преобладающую на Западѣ вѣру въ неизбежное торжество демократіи, какъ естественной будто бы формы правленія; эта вѣра, подрывающая энергію у правящихъ, имѣетъ будто бы связь съ „ложными идеями“ естественномъ правѣ. Въ дѣйствительности, передъ демократіею открыты настежь двери вездѣ, гдѣ политическая жизнь сдѣлалась общимъ достоинствомъ народа; и чѣмъ болѣе распространяется образованіе въ массахъ, тѣмъ сильнѣе и правильнѣе становится стремленіе ихъ къ фактическому пользованію пріобрѣтенными правами. Что можетъ остановить этотъ стихійный напоръ, непрерывно продолжающійся на легальной почвѣ? Мнѣ не задается этимъ вопросомъ; онъ полемизируетъ противъ природы вещей, когда убѣждаетъ англичанъ въ опасностяхъ режима, который у нихъ уже существуетъ, и который логически долженъ рано или поздно привести къ господству демократіи. Въмѣсто туманнаго „естественнаго права“, о которомъ спорили юристы, выступаетъ реальное, признанное законами, народное право, котораго нельзя уже ни устранить, ни ограничить. Ожиданіе дальнѣйшаго демократическаго развитія въ Англіи вызывается не какими-либо „ложными идеями“ или безпричинною вѣрою, а всею совокупностью условій англійской политической жизни.

Наиболѣе удачная и интересная часть книги Мэна посвящена разбору конституціи Соединенныхъ Штатовъ сравнительно съ британскою и французскою. Авторъ пытается объяснить, почему американское устройство оказалось столь крѣпкимъ и жизненнымъ; онъ излагаетъ теоріи и воззрѣнія основателей республики, приводитъ характеристическія черты федеральной конституціи и дѣлаетъ изъ нихъ общіе выводы, которые впрочемъ едва ли могутъ удовлетворить читателя. Существенныя начала американской конституціи заимствованы изъ Англіи; отпали только королевская власть и аристократія. Президентъ имѣетъ почти тѣ же права, что и король англійскій; но нѣтъ кабинета, который занимаетъ такое исключительное положеніе у англичанъ. Конституціонныя перемены обставлены въ Америкѣ значительными гарантиями, тогда какъ въ Англіи нѣтъ специальныхъ правилъ о пересмотрѣ конституціи, и основныя государственныя законы не различаются отъ обыкновенныхъ. Напримѣръ, проектъ преобразо-

ванія городского лондонскаго управления рассматривался бы въ Америкѣ какъ мѣстный законъ штата и былъ бы проведенъ безъ особенныхъ затрудненій; а вопросъ о расширеніи избирательныхъ правъ требовалъ бы цѣлаго ряда условій, касающаго конституціи. Верховный судъ рѣшаетъ конституціонные вопросы только по отдѣльнымъ поводамъ. Мэнъ говоритъ объ американской республикѣ только съ точки зрѣнія федеральной конституціи; онъ какъ будто забываетъ объ организаціи отдѣльныхъ штатовъ, живущихъ самостоятельною жизнью, имѣющихъ свое собственное законодательство и управление ¹⁾. Поэтому и заключенія, дѣлаемые авторомъ, должны быть признаны слишкомъ односторонними. Прочное развитіе и процвѣтаніе демократіи въ Соединенныхъ Штатахъ остаются все-таки самымъ нагляднымъ опроверженіемъ взглядовъ Мэна; и убѣдительная сила этого факта нисколько не ослаблена ссылками на особыя достоинства федеральной конституціи. Если все дѣло въ хорошихъ законахъ, а не въ опасностяхъ „народнаго правленія“, и если послѣднее можетъ давать блестящіе плоды при извѣстной политической обстановкѣ, то значительная часть доводовъ противъ демократіи падаетъ сама собою. Авторъ справедливо указываетъ на неудачные конституціонные законы во Франціи, устанавливающіе отвѣтственность министерства при республикѣ; онъ весьма мѣтко характеризуетъ неопредѣленное положеніе главы государства, президента безъ власти: „Старые короли царствовали и управляли. Конституціонный король, по Тьеру, царствуетъ, но не управляетъ. Президентъ Соединенныхъ Штатовъ управляетъ, но не царствуетъ. На долю президента французской республики выпало—не царствовать и не управлять“. Но ошибки законодателей могутъ быть исправлены, недостатки—устранены, и тогда, конечно, должны будутъ измѣниться также и сужденія критиковъ о демократіи и парламентаризмѣ.

Л. Слонимскій.

¹⁾ На этотъ пробѣлъ въ объясненіяхъ Мэна уже указано было критикомъ. См. замѣтку E. Boutmy, въ *Annales de l'école libre des sciences politiques*, 1887, № 3.

ЭЛЕГИЯ.

Все мгновенно, все пройдетъ:
Что пройдетъ, то будетъ мило.

А. Пушкинъ.

О, память блѣдная! Надъ жизнью одинокой
Взошла ты вновь, какъ томная луна
Восходить надъ пучиной водъ глубокой.
О, грустныхъ думъ царица, какъ она—
Царица волкъ. Сіяя мертвымъ свѣтомъ,
Былого счастья озаряешь даль,
Но столько красоты въ сіяньѣ этомъ,
Что счастья прошлаго душѣ почти не жаль!

Въ своихъ гробахъ, твоимъ лучомъ облитыхъ,
Какъ хороши умершія мечты!
Слова забытыхъ вѣтъ—не мной забытыхъ—
Какъ нѣжно повторять умѣешь ты!
Но въ дни, когда спокойно и не жадно
Я пилъ изъ кубка счастья,—было ль мнѣ
Отраднѣй, чѣмъ теперь, когда о снѣ
Исчезнувшей любви мнѣ такъ скорбѣть отратно?..

Скажи, о, память! Счастливъ ли я былъ
Въ тотъ день—желанный день!—когда предъ нею
Я сердца тайну сладкую открылъ
И въ первый разъ назвалъ ее своею?
Еще въ любви клялись мои уста,
А ужъ душа, съ родной простившись тайной,
Была опять угрюма и пуста,
И радость новая казалась ей случайной...

Или въ ту ночь, когда сбылся мой сонъ—
 Блаженно-жгучій сонъ ночей несчетныхъ?
 Зачѣмъ, скажи, блаженствомъ упоенъ,
 Вдоль улицъ, полныхъ сумерекъ дремотныхъ,
 Въ то утро я задумчиво бродилъ?
 Сбылась мечта—и сдѣлалась минувшей.
 Загласъ заря—и съ грустью я слѣдилъ
 За утренней звѣздой, въ сѣннѣ дня тонувшей...

И такъ всегда. Какъ призраки, спѣша,
 То радость, то печаль въ душѣ мелькаетъ.
 Но чуть спрошу: счастлива ль ты, душа?
 Страдаешь ли?—она въ отвѣтъ вздыхаетъ.
 Текущій мигъ блаженства или заботъ,
 Едва родясь, отравленъ созерцаньемъ.
 Святое впереди: оно зоветъ,
 Прекрасное за мной горитъ воспоминаьемъ.

Такъ богомольцы въ лѣтній, жаркій день
 Шагаютъ той же поступью покорной
 Средь пустырей и мимо деревень,
 И черезъ лѣсъ, гдѣ слышенъ влочь проворный.
 Безъ ропота впередъ они идутъ.
 Покинувши приваль безъ сожалѣнья.
 Въ далекій храмъ надежды ихъ влекутъ,
 Мечты летятъ назадъ, въ родимыя селенья...

Н. Минскій.

СОВРЕМЕННЫЕ РУССКІЕ БЕЛЛЕТРИСТЫ

- Г. А. Мачтетъ: „Повѣсти и рассказы“. Москва, 1887.— „Жидъ“. Одесса, 1887.— „Слуга“ . Москва, 1888.
- М. Н. Албовъ: „На точкѣ“. Спб., 1888.— „Рыбы стонъ“. Спб., 1888.— Второе, дополненное изданіе „Повѣстей и рассказовъ“. Спб., 1888.
- А. Чеховъ, Рассказы. Спб., 1888.

Между беллетристами, выступившими на сцену въ восьмидесятихъ годахъ, довольно видное мѣсто занимаетъ г. Мачтетъ. Съ перваго взгляда можетъ показаться, что его повѣсти и рассказы, изданные недавно въ двухъ томахъ, имѣютъ кое-что общее съ произведеніями г. Короленко. Обоимъ авторамъ хорошо извѣстны двѣ противоположныя окраины Россіи—Сибирь и правобережная Малороссія; оба черпаютъ иногда свои сюжеты изъ эпохи крѣпостного права („Лѣсъ шумитъ“, г. Короленко; „И одинъ въ полѣ воинъ“, г. Мачтета) или изъ жизни полу-дикой глуши, еще незатронутой преобразованіями („Очерки сибирскаго туриста“ и „Соболинецъ“, г. Короленко; „Вторая правда“, „Мы побѣдили“, „Мірское дѣло“, г. Мачтета). При ближайшемъ сравненіи, однако, сходство между обоими писателями оказывается чисто внѣшнимъ; во многихъ отношеніяхъ они даже прямо противоположны одинъ другому. Простота, составляющая отличительную черту г. Короленко, далеко не всегда свойственна г. Мачтету. Первый не старается поразить читателей чрезвычайными происшествіями, бьющими въ глаза контрастами, изобиліемъ эпитетовъ и сравненій; у второго и въ замыслѣ, и въ исполненіи, слишкомъ часто замѣтно намѣренное, рассчитанное стремленіе къ эффекту. Въ раз-

сказахъ г. Короленко главную роль играютъ настроенія; въ разсказахъ г. Мачтета—событія; у г. Короленко дѣйствіе замедляется, ничего отъ этого не теряя, психологическимъ анализомъ; у г. Мачтета оно идетъ, большею частію, скачками, останавливаясь только на выдающихся, рѣзко освѣщенныхъ пунктахъ. Возьмемъ, для примѣра, разсказъ: „Жидъ“ (вышедшій отдѣльной книжкой). Его герой—Давидъ Гурвейсъ является передъ нами въ четыре различные момента своей жизни: какъ гимназистъ, выручающій товарищевъ; какъ студентъ, удивляющій своимъ великодушіемъ и хладнокровіемъ во время навязанной ему дуэли; какъ неустрашимый участникъ сербской войны; какъ врачъ, самоотверженно ухаживающій сначала за опаснымъ больнымъ, потомъ за однимъ изъ виновниковъ „еврейскаго погрома“. По той же схемѣ построены разсказы: „Онъ и мы“ и „Безгласный“. Въ первомъ—прозванный „бабою“ съ одинаковой страстностью защищаетъ голубя, которому хотятъ свернуть шею товарищи-гимназисты, и падшую женщину, надъ которой глумятся товарищи-студенты; во-второмъ—„безгласный“ жертвуетъ собою сначала какъ гимназистъ, потомъ какъ студентъ, наконецъ какъ доброволецъ (во время той же сербской войны). На этихъ трехъ произведеніяхъ мы можемъ изучить всего удобнѣе нѣкоторыя черты писательской манеры г. Мачтета. Онъ любитъ все необыкновенное—необыкновенныя положенія, необыкновенныхъ людей; они интересуютъ его сами по себѣ, независимо отъ своего генезиса. Онъ беретъ завязанный уже узелъ, готовую уже натуру и ограничивается изображеніемъ ихъ въ такомъ свѣтѣ, въ которомъ всего рельефнѣе выступали бы на видѣ всѣ ихъ особенности. Откуда взялось безграничное, наивное самоотверженіе, общее тремъ только-что названнымъ нами фигурамъ, этого намъ г. Мачтетъ не говоритъ. О „бабѣ“ мы не узнаемъ даже и того, къ какой онъ принадлежалъ общественной сферѣ, какимъ поступилъ въ учебное заведеніе; намъ предоставляется только любоваться его добродѣтелью, не задавая себѣ вопросовъ о ея происхожденіи. Сцены школьной жизни во всѣхъ трехъ разсказахъ до утомительности похожи другъ на друга; дуэль „бабы“ напоминаетъ дуэль „жида“; въ Сербіи „жидъ“ блещетъ такимъ же спокойнымъ мужествомъ, какъ и „безгласный“. Авторъ очевидно хочетъ внушить намъ глубокую симпатію къ своимъ героямъ, но это удается ему только отчасти, потому что мы видимъ въ нихъ скорѣе воплощеніе принципа, чѣмъ настоящихъ, живыхъ людей.

Съ тѣмъ же эпизодическимъ способомъ изложенія, съ тѣмъ же окрашиваніемъ дѣйствующихъ лицъ въ слишкомъ однообраз-

ный и слишкомъ яркій цвѣтъ мы встрѣчаемся и въ нѣсколькихъ другихъ произведеніяхъ г. Мачтета. Возьмемъ, на примѣръ, разсказъ: „Его часъ насталь!“. Герой этого разсказа — идеалистъ николаевской эпохи, сохранившій до сѣдыхъ волосъ всю силу молодыхъ увлеченій, ненавидящій рабство и ненавидимый рабовладельцами. Невозможнаго въ такомъ типѣ нѣтъ ничего — такіе люди несомнѣнно существовали, но существовали только благодаря счастливой комбинаціи рѣдкихъ, исключительныхъ условий. Съ этими условиями и долженъ былъ познакомиться насъ г. Мачтетъ, для того, чтобы вдохнуть жизнь въ фигуру „дѣда“; но онъ поступаетъ иначе, показывая намъ „дѣда“ уже старикомъ, съ установившимися воззрѣніями, неизвѣстно когда и какъ пріобрѣтенными. Остается только недоумѣвать, почему этотъ стойкій, убѣжденный человѣкъ такъ долго медлилъ съ проектомъ освобожденія своихъ крестьянъ и выступилъ съ нимъ лишь тогда, когда осуществленіе его перестало быть возможнымъ. Исторія развитія, преемственность душевныхъ процессовъ здѣсь, какъ и почти вездѣ, мало интересуесть г. Мачтета; поставивъ дѣда, разъ навсегда, въ опредѣленное положеніе, онъ пріурочиваетъ къ этому положенію цѣлый рядъ болѣе или менѣе эффектныхъ сценъ — столкновеніе съ сосѣдними помѣщиками, объясненіе съ предводителемъ дворянства, тщетныя попытки найти судебную защиту для обиженнаго крѣпостнаго человѣка, заподозриванія, доносы, преслѣдованія, оканчивающіяся благополучно только благодаря наступленію новой эпохи. Въ финалѣ разсказа правдоподобность принесена въ жертву жаждѣ сильныхъ впечатлѣній. Завѣдомый противникъ крѣпостнаго права едва ли выбирался гдѣ-либо съ *единодушнымъ* восторгомъ въ члены губернскаго комитета подготовлявшаго реформу, да и освобожденіе крестьянъ, въ этотъ періодъ времени едва ли совершалось такъ просто, безъ всякихъ формальностей, по одному словесному разрѣшенію губернатора. Автора прельстила, повидимому, картина всеобщаго чистаго одушевленія, сопровождающаго иногда первый приступъ къ великому дѣлу, и онъ нарисовалъ скорѣе то, что могло бы быть, чѣмъ то, что было на самомъ дѣлѣ.

Такой же точно картиной, только еще болѣе фантастичной, кажется намъ разсказъ: „Именемъ закона!“. Мы переносимся здѣсь въ медовый мѣсяцъ судебной реформы, изображенный не безъ предвзятой мысли — мысли въ высшей степени симпатичной, ищущей въ свѣтломъ прошедшемъ противовѣса мрачному настоящему и надежды на лучшее будущее. Отчасти подъ влияніемъ этой мысли (прямо выраженной въ вступленіи къ разсказу),

отчасти подъ вліяніемъ обычнаго расположенія къ эффектамъ, г. Мачтетъ увлекается далеко за предѣлы вѣроятнаго. Толпа желѣзнодорожныхъ рабочихъ, обманываемыхъ инженеромъ-строителемъ и притѣсняемыхъ администраціей, волнуется у входа въ городъ, требуя немедленнаго разсчета; она готова перейти къ насилию; полиція съ военной командой готова приступить къ „усмиренію“. Въ эту критическую минуту „кто-то пробрался въ толпу, на которую, казалось, слетѣлъ вдругъ голубъ мира, но кто и съ чѣмъ — различить сразу было нельзя“. — Именемъ закона!.. „Да, только эти два слова раздались въ наступившемъ, точно мертвомъ, безмолвіи, и все продолжало оставаться такъ же неподвижно, точно пораженное магическимъ жезломъ, точно очарованное или изумленное... Кто, какою волшебницею унялъ вдругъ внезапно вспыхнувшую, разъяренную стихію, какою нечеловѣческой силой моментально остановила готовую разразиться бурю?.. Я увидѣлъ, какъ съѣжился инженеръ, какъ поблѣднѣлъ исправникъ, какъ, вздрогнувъ, отхлынула толпа, какъ странно блеснули ея глаза, но я еще не понималъ ничего, не могъ разглядѣть, почти не вѣрилъ себѣ, весь охваченный очарованіемъ этой дивной, непередаваемой картины. — Именемъ закона!.. Теперь я все повялъ, разглядѣлъ, увидѣлъ... Туда, гдѣ выпѣли и бушевали страсти, вошелъ представитель закона и права, вошелъ неожиданно прокуроръ съ своимъ товарищемъ, судьей, и это онъ произнесъ эти два волшебныя слова... Всякое волненіе исчезло, поднятыя руки опустились, заступы и ломы исчезли... Толпа дрогнула вновь, по ней вновь пробѣжалъ какой-то неясный шопотъ, точно шелестъ, но уже не предвѣстникъ бури, а яснаго ведра, мира, покоя... Не знаю, что чувствовалось тамъ, въ толпѣ, но у меня что-то свалилось; я вздохнулъ вдругъ глубоко и вольно, въ глазахъ у меня блеснули какія-то теплыя, благодатныя слезы... Я почувствовалъ себя гражданиномъ, человѣкомъ, у котораго есть и родина, и законъ, и право“... Мировой судья тутъ же открываетъ засѣданіе. „Ярко свернула на солнцѣ его золотая судейская цѣпь. Кругомъ царило безмолвіе, какъ въ храмѣ, и то же благоговѣніе, мирное, торжественное, покойное, — благоговѣніе, которое охватываетъ какъ-то невольно, неудержимо, всецѣло, — охватило всѣхъ“. Судья что-то говоритъ, что-то спрашиваетъ; блѣдный, перепуганный инженеръ увѣряетъ его, что непременно удовлетворитъ всѣ претензіи и немедленно приступить къ разсчету. „Вдругъ судья поднялся. По указу... — началъ онъ, и толпа, какъ одинъ человѣкъ, грохнулась на колѣни, слушая, затаивъ дыханіе. Чтеніе кончилось, и наступилъ моментъ напря-

женнаго безмолвія... Но вотъ что-то дрогнуло, поднялось, что-то шевельнулось, что-то большое, тысячегрудное вздохнуло или зашептало... Молитву или что-то другое зашептала толпа, не знаю, но она крестилась,—я это видѣлъ... И вдругъ страстное, громкое ура потрясло воздухъ, и вдругъ эта толпа подняла на руки высоко-высоко представителей закона и права“. Картина вышла, безспорно, красивая и привлекательная; жаль только, что къ ней приходится поставить нѣсколько вопросительныхъ знаменъ. Допустимъ, что слова: „именемъ закона“, столь мало значившія въ до-реформенное время, могли быть сразу схвачены, во всей своей силѣ, не только инженеромъ и исправникомъ, но и цѣлою толпою; допустимъ, что опытный аферистъ и эксплуататоръ могъ быть доведенъ ими одними до безпрекословнаго признанія и безотлагательнаго удовлетворенія претенвій—съ формальной стороны, по всей вѣроятности, не особенно доказательныхъ. Остается еще узнать, въ силу какого закона мировой судья приступилъ къ разбирательству гражданскихъ исковъ по собственной своей инициативѣ, безъ требованія заинтересованныхъ лицъ? Какую роль игралъ при этомъ прокуроръ, совершенно неприкосновенный къ судебному разбирательству у мирового судьи? Если судья и прокуроръ считали себя въ правѣ вступить за рабочихъ, почему они не сдѣлали этого раньше, не откладывая своего вниманія до такой минуты, когда оно легко могло оказаться запоздалымъ? Почему они, предупрежденные молодыми ревнителями правды о беззаконіяхъ, творящихся при постройкѣ желѣзной дороги, не разъяснили рабочимъ возможность обращенія къ суду, путемъ обыкновенной исковой просьбы? Не потому ли, что тогда не осталось бы мѣста для театральной сцены, изображенной г. Мачтетомъ?.. Не споримъ, можетъ быть, въ первые мѣсяцы послѣ введенія въ дѣйствіе судебной реформы и произошло гдѣ-нибудь что-либо *ex rodit* описаннаго г. Мачтетомъ; но столь экстраординарный, исключительный фактъ не годится для характеристики цѣлаго историческаго момента. Своеобразную прелесть настроенія, вызваннаго въ обществѣ и въ самихъ судебныхъ дѣятеляхъ первыми днями жизни новаго суда, болѣе простой случай, въ болѣе простой обстановкѣ, передалъ бы, думается намъ, гораздо лучше.

Погоня за кричащими красками и сильными ощущеніями вредитъ иногда г. Мачтету и при удачномъ выборѣ тѣмы. „Человѣкъ съ планомъ“ задуманъ очень хорошо; мысль о власти, приобретаемой таинственностью и молчаніемъ, должна быть названа весьма счастливою. Величіе Анчарова въ кружкѣ передовой мо-

лодежи шестидесятыхъ годовъ принимается на вѣру; слава и честь отпускаются ему, если можно такъ выразиться, въ кредитъ, прежде чѣмъ онъ что бы то ни было для нихъ сдѣлалъ или хотя бы попытался сдѣлать. Мало того: ему не вѣняются въ вину даже поступки, явно противорѣчащiе убѣжденiямъ кружка, потому что въ нихъ предполагается скрытая цѣль, оправдывающая средства. Онъ такъ внушительно безмолвствуетъ, такъ загадочно смотритъ на все и на всѣхъ, такъ ловко, въ рѣдкихъ случаяхъ, проговаривается двумя-тремя неопредѣленными словами, что сомнѣваться въ немъ могутъ только „завистники“ или неисправимые скептики. Небольшая сцена, въ которой онъ поворачиваетъ сердце Лели нѣсколькими горячо произнесенными стихами, проведена г. Мачтетомъ съ большимъ искусствомъ. Къ сожалѣнiю, на первый планъ слишкомъ скоро выступаютъ нѣсколько „хорошихъ“ людей, нарисованныхъ по обычному шаблону г. Мачтета. Кушнревъ въ особенности сильно напоминаетъ триумвирать „жидъ“, „бабы“ и „безгласнаго“. Анчаровъ быстро превращается изъ „человѣка съ планомъ“ въ низкаго соблазнителя и подлаго труса, потомъ — въ спекулятора и афериста, хладнокровно разоряющаго довѣрившихся ему людей, наконецъ — въ раскаявшагоса грѣшника. Всѣ эти переходы, за исключенiемъ послѣдняго, намѣчены только въ самыхъ общихъ чертахъ; внутренняя жизнь Анчарова — сравнительно съ приключенiями его и другихъ дѣйствующихъ лицъ (вызовъ на дуэль, ссылка, банкротство, два самоубiйства) — занимаютъ въ рассказѣ очень мало мѣста. То же самое, въ еще большей степени, можно сказать и о „Блудномъ сынѣ“.

Задача рассказа „И одинъ въ полѣ воинъ“ напоминаетъ „Первую борьбу“, В. Крестовскаго (псевдонима). И тамъ, и тутъ лицо, отъ имени котораго ведется рассказъ, пишетъ исторiю своего собственнаго позора, выставляя на показъ, точно драгоценные камни, самыя черныя стороны своей души. Справиться съ такою тѣмой не легко. Нужно убѣдить читателей, что рассказчикъ не сознаетъ настоящаго значенiя передаваемыхъ имъ фактовъ, искренно гордится тѣмъ, чего стыдился бы всякiй другой; нужно создать такую точку зрѣнiя, съ которой нравственное казалось бы безнравственнымъ, безнравственное — нравственнымъ, и показать, какимъ образомъ герой рассказа усвоилъ себѣ эту точку зрѣнiя и остается ей неуклонно вѣрнымъ. Авторъ „Первой борьбы“ вышелъ побѣдителемъ изъ всѣхъ этихъ трудностей. Какъ ни отвратителенъ Сергѣй Николаичъ, онъ для насъ вполне понятенъ. Мы ясно видимъ, откуда онъ заимствуетъ свое невозмутимое

спокойствіе, свою вѣру въ собственное превосходство, въ служебную роль всѣхъ его окружающихъ; мы сознаемъ, что онъ—одинъ изъ многихъ, только болѣе послѣдовательный и откровенный, чѣмъ другіе члены той же группы, другіе представители того же взгляда. Когда онъ оправдываетъ свои грѣхи и превозноситъ свои пороки, когда онъ смѣло и самоувѣренно предъявляетъ свои права на наслажденіе, какою бы цѣною оно ни покупалось, онъ дѣйствуетъ на основаніи теоріи, обставленной длиннымъ рядомъ философскихъ и житейскихъ доказательствъ, и именно этимъ объясняется его свобода отъ сомнѣній и колебаній. И дѣйствительно, *дмать* гадости можно безъ всякой системы, но *хвастать* ими и возводить ихъ въ перлъ созданія можно только въ силу какого-нибудь общаго начала. Въ глазахъ героя „Первой борьбы“ такимъ началомъ была прирожденная привилегія „избранныхъ“, составляющихъ „свѣтъ общества“, украшающихъ его своимъ „изяществомъ, тактомъ, граціей“; принадлежность къ этимъ „избраннымъ“ вазалась ему открытымъ листомъ на успѣхъ и уполномочіемъ взять его съ бою. Въ чемъ же заключается начало, руководящее героемъ г. Мачтета? Повидимому, въ признаніи законности и разумности того строя, въ силу котораго одни были облечены безграничною властью надъ другими, въ силу котораго весь міръ дѣлился на полноправныхъ пановъ и безправныхъ хлопковъ! Но вѣдь этотъ строй больше не существовалъ, когда Ясь записывалъ свои воспоминанія, и слѣдовательно едва ли могъ служить краеугольнымъ камнемъ его міросозерпанія. Конечно, Ясь не ошибался, предполагая, что „и при волѣ останутся паны и мужики“—но высшими существами, единственными субъектами права паны все же могли казаться только до 19-го февраля. Сергій Николаичъ, въ „Первой борьбѣ“, приуроченъ Крестовскимъ именно къ той эпохѣ, которая всего легче могла производить такихъ людей; Ясь, пишущій послѣ освобожденія крестьянъ, является, наоборотъ, несомнѣннымъ анахронизмомъ... Въ исполненіи своей задачи г. Мачтетъ не избѣжалъ утрировки, отъ которой свободна „Первая борьба“. Мерзости, которыя творить и о которыхъ повѣствуетъ Сергій Николаичъ, принадлежать болѣею частью къ числу тѣхъ, къ которымъ въ свѣтѣ относятся не слишкомъ строго; аргументы, которыми оправдываетъ ихъ рассказчикъ, никогда не отличаются излишнею наивностью. Благодаря этимъ двумъ обстоятельствамъ, сочиненность въ рассказѣ Сергія Николаича не чувствуется вовсе; *такая* рѣчь, въ устахъ *такого* чело-вѣка, представляется вполне естественной. Нельзя сказать того же самаго о нѣкоторыхъ мѣстахъ записокъ Яся. Когда онъ доно-

силь на сына Солохи, онъ совершаетъ поступокъ, о которомъ едва ли могло быть два различныхъ мнѣнія даже въ средѣ панской семьи и панской дворни; извѣстно, что доносителей презираютъ, всегда и вездѣ, сами пользующіеся ихъ доносами. А между тѣмъ Ясь приписываетъ этотъ поступокъ... „инстинкту и влеченію своего *чистаго* сердца“!.. *C'est un peu fort*; натяжка выходитъ слишкомъ очевидной... Доносъ на сына Солохи былъ вызванъ, по крайней мѣрѣ, чувствомъ мести; но доносъ на родного брата, Тараса, не можетъ быть объясненъ даже и этимъ побужденіемъ. Не очень-то правдоподобно звучать и тѣ страницы записокъ, въ которыхъ Ясь сравниваетъ себя съ Наполеономъ, съ Сперанскимъ, называетъ свою мать „великой“ за то, что она „посѣяла и развила въ его душѣ сѣмена добра, любви и красоты“... Авторъ „Первой борьбы“ вовсе не заботится о томъ, чтобы потомки, наполняющія душу Сергѣя Ниеолаича, казались еще болѣе темными отъ сравненія съ окружающимъ ихъ свѣтомъ; онъ не противопоставляетъ своему герою цѣлую вереницу добродѣтельныхъ людей, чтобы тѣмъ сильнѣе подчеркнуть его порочность. Въ разсказѣ г. Мачтета контрастъ между бѣлымъ и чернымъ играетъ, наоборотъ, большую роль; отецъ Яся, Солоха, Тарасъ, Галя, Федь—все это образуетъ радужный фонъ, на которомъ рѣзко выдѣляется гнусная фигура самого Яся. Внѣшнихъ эффектовъ и здѣсь такъ же много, какъ въ большинствѣ другихъ разсказовъ г. Мачтета: самоубійство, покушеніе на убійство, варварскія экзекуціи, покушеніе на самоубійство, поджогъ, убійство—все это слѣдуетъ одно за другимъ, оставляя мало мѣста для характеристикъ второстепенныхъ лицъ. Панъ, Кондрать, Стась—не столько живыя фигуры, сколько *вообще* помѣщикъ, управляющій, дворецкій „добраго стараго времени“.

Содержанію разсказовъ г. Мачтета, слишкомъ богатому „приспешствіями“, соотвѣтствуетъ весьма часто и форма, слишкомъ богатая украшеніями. Одну отличительную черту автора наши читатели могли замѣтить уже въ выпискѣ, сдѣланной нами изъ разсказа „Именемъ закона“: это—обиліе эпитетовъ и парафразъ, неоднократное повтореніе, въ различныхъ видахъ, одного и того же образа или одной и той же мысли. Мы не сомнѣваемся въ законности такого приѣма, сплошь и рядомъ усиливающего и углубляющаго впечатлѣніе; но въ употребленіи его должна господствовать извѣстная мѣра, не всегда соблюдаемая г. Мачтетомъ. Возьмемъ хотя бы слѣдующую фразу: „онъ копошится въ нихъ (въ воспоминаніяхъ) лихорадочно, страстно, суетливо, чтобы найти тамъ, въ погребенномъ, забытомъ, во всемъ, мимо чего онъ про-

ходилъ всегда такъ легко и бодро, въ чему относился какъ къ мимолетной картинѣ калейдоскопа, чтобы найти тамъ хоть одинъ лучъ своего счастья и своей связи съ другими, хоть одинъ намекъ на него, чтобы найти тамъ то, чего нѣтъ у него, чего недостаетъ ему въ этомъ бездонномъ сознаніи, что онъ одинъ, одинъ и одинъ!“ Безъ повторенія не обходится здѣсь положительно ни одинъ шагъ впередъ, и въ результатъ получается только утомительно длинный и до крайности тяжелый періодъ. Или вотъ еще другой, аналогичный примѣръ: „больной, изможденный, еле дышущій, похожій скорѣе на скрюченный скелетъ, обтянутый сухимъ, сморщеннымъ пергаментомъ, чѣмъ на живого человѣка, онъ отдалъ бы теперь все на свѣтъ, всю эту ненавистную ему нынѣ роскошь, богатство, значеніе, все, что до сихъ поръ онъ ставилъ всегда и вездѣ впереди всего, за чѣмъ гонялся всю жизнь, чѣмъ только и жилъ, и дышалъ до сихъ поръ, — какъ все это глупо, глупо и глупо! стучало теперь его замиравшее сердце, — все это отдалъ бы онъ за одинъ проблескъ пониманія, за одинъ моментъ мира и покоя“. Обѣ фразы заимствованы нами изъ одного и того же разсказа („Конецъ Анчарова“); онѣ стоятъ почти рядомъ, и въ близкомъ сосѣдствѣ съ ними нетрудно было бы найти нѣсколько другихъ, столь же многотажныхъ. Въ этомъ нагроможденіи словъ чувствуется то же самое, что и въ нагроможденіи событій, что и въ выборѣ тѣмъ и даже самыхъ заглавій („Его часъ насталъ!“ „Именемъ закона!“): намѣреніе подѣйствовать на читателей, сообщить имъ, во что бы то ни стало, то волненіе, которое испытываетъ самъ авторъ.

Мы настаиваемъ на нашихъ послѣднихъ словахъ: „волненіе, которое испытываетъ самъ авторъ“. И дѣйствительно, г. Мачтетъ никогда не остается равнодушнымъ къ своему предмету. Если онъ слишкомъ усердно ищетъ средствъ и источниковъ вліянія на читателей, то это обуславливается именно интенсивностью чувства, подъ властью котораго онъ пишетъ. Онъ навизываетъ одинъ оборотъ рѣчи на другой, вращается нѣсколько разъ вокругъ одной и той же точки не потому, чтобы ему нужно было прикрыть шумихой словъ пустоту мысли или холодность ощущеній, а потому, что все кажется ему недостаточнымъ и блѣднымъ сравнительно съ образами, носящимися передъ его глазами. Отсюда указанныя нами слабыя стороны г. Мачтета, но отсюда и пріятельность лучшихъ его страницъ, полныхъ горячаго одушевленія. Такихъ страницъ не мало и въ „Жидѣ“, продиктованномъ неподдѣльнымъ негодованіемъ противъ вѣковой несправедливости, и въ разсказахъ, дышущихъ ненавистью къ крѣпост-

ному праву („И одинъ въ полѣ воинъ“, „Его часъ насталь!“), и въ картинахъ пробуждающейся жизни, общественной или личной („Именемъ закона!“, „Онъ и мы“, „Человѣкъ съ планомъ“). Съ большою силою обрисовано въ „Жидѣ“ трагическое положеніе человѣка, оторваннаго отъ одного берега и не могущаго пристать къ другому, переставшаго раздѣлять предрасудки своихъ едино-вѣрцевъ, но удерживаемаго въ ихъ средѣ состраданіемъ къ ихъ несчастью и сознаниемъ общей доли. Всего выше г. Мачтетъ поднимается тогда, когда ему удается быть сдержаннымъ и простымъ— простымъ и въ обработкѣ сюжета, и въ способѣ изложенія. Таковъ онъ въ особенности въ „Разказахъ изъ сибирской жизни“, за исключеніемъ развѣ „Мы побѣдили“, нечуждаго его обычныхъ недостатковъ и отзывающаго, мѣстами, подражаніемъ Салтыкову. „Вторая правда“ и „Мірское дѣло“—это, въ нашихъ глазахъ, лучшее изъ всего написаннаго г. Мачтетомъ. Здѣсь нѣтъ ни длинныхъ фразъ, ни лишнихъ словъ, ни цвѣтовъ краснорѣчія; несложное событіе рассказано безъ прикрасъ и претензій, но впечатлѣніе получается глубокое и длащееся. Вопросъ о „второй правдѣ“ встаетъ передъ читателями почти съ такою же силою, какъ передъ докторомъ Кожинымъ. Картина административныхъ нравовъ далекой окраины сливается въ гармоническое цѣлое съ одной изъ тѣхъ трагедій, которыя слишкомъ часто таятся подъ покровомъ обыденной жизни. Еслибы г. Мачтетъ написалъ только сцены между Кожинымъ и Романомъ Петровымъ, между Аксиньей и міромъ, между Аксиньей и Кузьмой, это служило бы, въ нашихъ глазахъ, достаточнымъ доказательствомъ его таланта. Въ другихъ произведеніяхъ своихъ г. Мачтетъ, если можно такъ выразиться, форсируетъ ноту или беретъ однимъ тономъ выше, чѣмъ слѣдуетъ; хорошо было бы, еслибы онъ возвратился къ діапазону „Сибирскихъ рассказовъ“.

Г-на Альбова никакъ нельзя упрекнуть въ недостаткѣ, свойственномъ многимъ нашимъ молодымъ беллетристамъ: въ многописаніи. Съ тѣхъ поръ, какъ мы говорили о немъ съ читателями нашего журнала ¹⁾, прошло уже болѣе четырехъ лѣтъ, и въ продолженіе всего этого времени онъ написалъ (если не считать неудачнаго романа, сооруженнаго имъ, скорѣе въ видѣ шутки, вмѣстѣ съ г. Баранцевичемъ) не болѣе шести небольшихъ отрывковъ, эскизовъ или рассказовъ. Три изъ нихъ („Диссонансъ“, „Призраки“, „Крестonosцы“) вошли въ составъ втораго изданія его „Повѣстей“; два

¹⁾ См. № 4 „Вѣстника Европы“ за 1884 г.

(„Филиппъ Филиппычъ“ и „О томъ, какъ горѣли дрова“) напечатаны подъ общимъ заглавіемъ: „На точкѣ“; послѣдній („Рыбьи стоны“) вышелъ въ свѣтъ особой книжкой. „Призраки“—это глава изъ „ненаписаннаго романа; судя по началу, онъ могъ бы быть интереснымъ, но дѣйствіе прерывается, едва успѣвъ завязаться. Безъ „Диссонанса“ и „Крестоносцевъ“ сборникъ повѣстей и рассказовъ г. Альбова не потерялъ бы ровно ничего; въ описаніи Невскаго проспекта, съ его крайностями роскоши и нищеты („Диссонансъ“), слишкомъ мало новаго, а сцены изъ послѣдней войны („Крестоносцы“) слишкомъ далеко уступаютъ военнымъ рассказамъ Гаршина или даже воспоминаніямъ г. А. Верещагина. „Рыбьи стоны“ называется фантастическая исторія стерляди, ожидающей, въ трактирномъ акваріумѣ, своей очереди быть съѣденною и отмѣчающей впечатлѣнія, производимыя на нее всѣмъ, что она видитъ и слышитъ. Это—талантливо написанная бездѣлушка; весьма недурно изображенъ контрастъ между прежнимъ привольемъ и тѣсной тюрьмой, въ которой каждый узникъ думаетъ только о себѣ, боится только за себя и безпрестанно переходитъ отъ тупого забытья къ ожиданію близкой смерти. Хотя стерлядь судитъ о человѣческой жизни только по происходящему въ трактирѣ, общій выводъ, къ которому она приходитъ, далеко не лишень оснований. „Я нашла, что люди отличаются отъ насъ, скромныхъ рыбъ, очень немногимъ, и что міръ человѣчскій есть не что иное, какъ нѣкій огромный водоемъ, въ родѣ нашего Ладожскаго озера, что ли... И здѣсь, какъ и тамъ, существуютъ породы. Существуютъ въ человѣческомъ мірѣ и грубый, простодушный судакъ, и отвлеченно-мыслящій лещъ, и беззаботный ершъ, и хищная щука; существуетъ даже и наша сестра—эспансивная и пытливая стерлядь... Разница въ томъ, что изъ насъ, бѣдныхъ рыбъ, лишь очень немногія поѣдаютъ другъ друга, люди же всѣ, поголовно, поѣдаютъ сами себя и другихъ, и вдобавокъ еще ѣдятъ тоже и насъ!“

На одинъ уровень съ лучшими изъ числа прежнихъ произведеній г. Альбова могутъ быть поставлены оба рассказа, соединенные подъ заглавіемъ: „На точкѣ“. Мы находимъ здѣсь вновь всѣ черты, составляющія главную его силу: наблюдательность, не впадающую въ протоболлизмъ; чувство, не расплывающееся въ сантиментальность; психологическій анализъ, не сосредоточивающійся исключительно на болѣзненныхъ явленіяхъ душевной жизни. Въ „Филиппъ Филиппычъ“ нѣтъ ни завязки, ни развязки; это, если хотите, отрывокъ, но отрывокъ, производящій цѣльное впечатлѣніе. Всѣ немногочисленные дѣйствующія лица—самъ Филиппъ

Филиппычъ, гимназистикъ Сапа, Анна Платоновна—живутъ передъ нами своею маленькою, тихою жизнью, такую же тихую и скромную, какъ и жизнь „южнаго города Пыльска“. Мы интересуемся горемъ гимназиста, не выдержавшаго экзаменъ, сочувствуемъ жалобамъ его матери и успокаиваемся вмѣстѣ съ ними, когда Филиппъ Филиппычъ, послѣ сытнаго обѣда и здороваго сна, потрясаетъ стѣнныя бесѣдки громогласнымъ чтеніемъ Вальтера Скотта. Возвращеніе Филиппа Филиппыча домой, въ чудную весеннюю ночь, мимо стараго сада, освѣщеннаго луной и оглашаемаго пѣніемъ соловья, составляетъ совершенно естественный переходъ къ воспоминаніямъ о прошедшемъ, дорисовывающимъ его фигуру. Это—одинъ изъ идеалистовъ стараго покроя, какихъ теперь уже немного, отчасти родственникъ Якова Пасынкова, отчасти—Гамлета шигровскаго уѣзда, только состарившійся, смирившійся и успокоившійся. У него есть привязанность къ чужой, но сроднившейся съ нимъ семьѣ, есть трудъ, который едва ли когда-нибудь будетъ оконченъ, но на который привѣтливо смотрять со стѣнъ портреты его любимыхъ писателей. „Счастливъ ли онъ?.. Да, онъ счастливъ... Онъ счастливъ этой, всегда интересной, разнообразной, таинственной, вѣчно юной и неизмѣнной жизнью природы. Онъ счастливъ своимъ личнымъ побоемъ, книгами и полной ни отъ кого независимостью... Да, онъ счастливъ, счастливъ, конечно! Но чтѣ же значать эти приливы глубокой и безысходной тоски одиночества, которые по временамъ его посѣщаютъ, такъ что все, чѣмъ полна его жизнь, становится вдругъ ему ненавистнымъ?.. Въ эти минуты ему хотѣлось бы лишь одного. Ему бы хотѣлось, чтобы все, что онъ когда-либо пережилъ, изучилъ, перечувствовалъ, оказалось однимъ смутнымъ сномъ... Тихое, теплое пожатіе женской руки... Нѣжный, ласковый голосъ... Слова безъ значенья, звучація лишь трепетной музыкой робкаго чувства... Мигъ, только мигъ такого блаженства—онъ больше не требуетъ, потому что ни одного такого онъ не извѣдалъ еще никогда!“ Все въ этомъ настроеніи какъ нельзя болѣе просто и обыкновенно. Жизнь, прошедшая безслѣдно, незамѣтно, подкрившаяся старость, горькое сознаніе безповоротности прошлаго, ощущение надвигающагося холода и мрака—всему не знакома эта картина? И все-таки мы не остаемся равнодушными къ Филиппу Филиппычу, потому что индивидуальныя черты берутъ въ немъ верхъ надъ общими, потому что авторъ сумѣлъ сдѣлать изъ него живое лицо.

Еще болѣе удался г. Альбову разсказъ: „О томъ, какъ горѣли дрова“. Правда, въ немъ есть нѣчто недосказанное, неясное. Мы желали бы знать точнѣе, въ чемъ заключается про-

шлое безыменнаго героя, то прошлое, съ которымъ онъ рѣшилъ „совсѣмъ, совершенно порвать“, и которое внезапно, неудержимо притянуло его къ себѣ, именно въ ту минуту, когда онъ считалъ себя отъ него освобожденнымъ. Мы можемъ только догадываться, чтѣ именно онъ хотѣлъ сжечь и уничтожить вмѣстѣ съ старыми письмами, и чтѣ возстало изъ ихъ пепла, несокрушимое и мстительное. Для интереса разсказа достаточно, однако, и этихъ догадокъ: человекъ, жизнь котораго догораетъ вмѣстѣ съ дровами, стоитъ на рубежѣ душевнаго недуга, но еще не подпалъ подт. его власть. Авторъ не вводитъ насъ всецѣло въ область психіатріи; характеръ его этюда преимущественно психологическій, не имѣющій ничего общаго съ скорбнымъ листомъ или отрывкомъ клиническаго журнала. Мы должны признаться, что видимъ въ этомъ одно изъ его достоинствъ. Сумасшествіе, разсматриваемое *ap und für sich*, только въ рѣдкихъ случаяхъ можетъ дать хорошій матеріалъ для художественнаго произведенія. Другое дѣло—ступени, ведущія къ нему, пограничныя состоянія, съ нимъ соприкасающіяся. Элементъ чисто медицинскій не преобладаетъ здѣсь надъ всѣми остальными, приемы изученія не отличаются существенно отъ тѣхъ, которые примѣнимы къ нормальнымъ душевнымъ настроеніямъ. Когда герой разсказа, за нѣсколько мѣсяцевъ до роковой ночи, боится встрѣчи съ знакомымъ лицомъ, бѣжитъ отъ людей, бродитъ по окраинамъ города и почти безсознательно готовится спрыгнуть въ манящую и зовущую его воду, онъ, безъ сомнѣнія, не можетъ быть названъ вполне здоровымъ человекомъ. Что-то болѣзненное совершается въ немъ и тогда, когда онъ чувствуетъ себя точно призваннымъ къ новой жизни письмомъ Вырезубова, и тогда, когда это письмо внезапно теряетъ для него свою обаятельную силу. Во всѣ эти минуты, однако, основными мотивами его дѣйствій остаются мысли и чувства, лежащія по сю сторону демаркаціонной линіи. Онъ ищетъ уединенія, потому что знакомыя лица напомнили бы ему о ненавистномъ, послыломъ прошломъ; онъ страстно радъ письму Вырезубова, потому что видитъ въ немъ средство отдѣлаться отъ этого прошлаго; онъ рѣшается на самоубійство, когда сознаетъ небыточность послѣдней своей надежды. Трагизмъ его положенія заключается именно въ неотступности воспоминаній, въ неодолимости преграды, воздвигаемой ими передъ близкимъ, казалось, счастьемъ. Последовательность настроеній, быстро смѣняющихся въ душѣ усталаго путника, связана весьма искусно съ процессомъ горѣнія дровъ, зажигаемыхъ въ его комнатѣ. „Дрова разгораются“ — и онъ еще разъ чувствуетъ приливъ радужныхъ

ожиданій; „дрова горять“ — и въ его памяти возстаетъ лучшая или, быть можетъ, единственная хорошая минута его жизни; „дрова горять полнымъ жаромъ“ — и передъ нимъ пронесется все то, что онъ переживалъ и передумалъ послѣ получения письма, воскресившаго въ немъ вѣру въ будущее; „дрова сгорають“ — и онъ спѣшитъ бросить въ угасающій огонь все, напоминающее ему о прошломъ; „дрова сгорѣли“ — и онъ убѣждается въ томъ, что прошлое неистребимо. Въ его душѣ, какъ и вокругъ него, воцаряются „холодъ и мракъ“. Онъ все сидѣлъ на своемъ стулѣ у печки, съ тупымъ, остановившимся взглядомъ, устремленнымъ на потухшіе уголья. Да, они уже потухли совсѣмъ, и тамъ, гдѣ назадъ тому часа полтора пылали дрова, были теперь холодъ и мракъ. И повсюду они — холодъ и мракъ... И тамъ, позади, и вокругъ, и дальше, въ невѣдомомъ безконечномъ пространствѣ грядущаго — холодъ и мракъ. И какъ это странно, что никому не приходитъ такая простая мысль въ голову!.. Росло гдѣ-то дерево, ель, сосна или береза, но явился топоръ и порубилъ его на дрова; потомъ сложили дрова эти въ печку, зажгли — и вотъ они горять и пылаютъ ровно и дружно, исполняя свое назначеніе безотчетно, бессмысленно, не зная, почему и зачѣмъ это съ ними творится. А потомъ сгорѣли дрова, и нѣтъ уже ихъ, и въ печкѣ осталась одна лишь зола... Ну, а если предположить вдругъ, что природа дала бы имъ сознаніе и способность предвидѣнія будущаго, — спрашивается, не возмутились ли бы они тогда противъ своего положенія?“... Для человѣка, ничего не ждущаго въ будущемъ и безсильнаго „порвать“ съ прошедшимъ, единственный возможный способъ „возмущенія“ — самоубійство. Развязка разсказа напоминаетъ развязку „Дня итога“; кое-что общее есть и между обоими героями, но, по сжатости и простотѣ, послѣднее произведеніе г. Альбова выше перваго, положительнаго начало его извѣстности.

Въ новомъ сборникѣ „разказовъ“ г. Чехова самое видное мѣсто занимаетъ „Степь“ — первая попытка талантливаго автора расширить рамки своего творчества. Оказывается однако, что разница между „Степью“ и прежними произведеніями г. Чехова — скорѣе количественная, чѣмъ качественная. „Степь“ занимаетъ сравнительно много мѣста, но приемы разсказчика измѣнились очень мало. Сцены слѣдуютъ одна за другой, но не вытекаютъ другъ изъ друга; едва связанные между собою, онѣ не потеряли бы ровно ничего, еслибы распались на нѣсколько отдѣльныхъ очерковъ, еслибы вмѣсто „Степи“ мы имѣли „Жаркій день въ

степи“, „Еврейскую корчму“, „Обозъ ночью подь грозою“ и т. д. Самая большая роль принадлежит Егорушѣ, девятилѣтнему мальчику, котораго везуть въ гимназію; но, несмотря на массу небольшихъ штриховъ, потраченныхъ на его изображеніе, онъ выходитъ не такимъ рельефнымъ, какъ нѣкоторыя лица въ прежнихъ этюдахъ г. Чехова, обрисованныя двумя-тремя мазками. Мы узнаемъ подробно ощущенія Егорушки въ разные моменты его странствованія, но самъ Егорушка остается фигурой довольно блѣдной; изъ-за деревьевъ, въ данномъ случаѣ, не совсѣмъ хорошо виденъ лѣсъ. Мальчикъ, которому отецъ старается доказать вредъ куренья (см. рассказъ „Дома“, въ сборникѣ, озаглавленномъ: „Въ сумеркахъ“), проходитъ передъ нашими глазами съ несравненно ббльшей быстротой, чѣмъ Егорушка—но оставляетъ впечатлѣніе болѣе живое. Всего больше удался автору отецъ Христофоръ, благодушный, болтливыи старичокъ, сохранившій лишь кое-какіе обрывки семинарскихъ знаній, но крѣпко вѣрящій въ могущество образованія. Кузьмичевъ, его кучеръ, оба еврея, обозчики—все это не болѣе какъ силуэты. Дѣйствія, въ настоящемъ значеніи этого слова, нѣтъ вовсе; разговоры слѣдуютъ за описаніями, описанія—за разговорами. Это не значитъ еще, конечно, чтобы г. Чеховъ не былъ способенъ создать крупное произведеніе—крупное не по одному лишь объему. Первый опытъ, сдѣланный имъ въ этомъ направленіи, не можетъ даже быть названъ неудачнымъ; онъ только нерѣшителенъ, и поставленный имъ вопросъ по-прежнему долженъ считаться открытымъ.

Разсматриваемая какъ новый шагъ по старой дорогѣ, „Степь“ заключаетъ въ себѣ множество страницъ, ни въ чемъ не уступающихъ лучшимъ рассказамъ г. Чехова. Картины степного раздолья, то радостнаго и свѣтлаго, то однообразнаго и томительно-скучнаго, то таинственнаго и грознаго, написаны съ мастерствомъ, свойственнымъ г. Чехову. Онъ умѣетъ найти эпитетъ, заставляющій насъ смотрѣть его глазами, видѣть именно то, что онъ хочетъ показать намъ!.. Утромъ, пова еще не высохла роса и не высоко поднялось солнце, степь улыбается и блещетъ, точно готовится зажить новою жизнью; „но проходитъ немного времени, роса испаряется, воздухъ застываетъ—и *обманутая* степь „принимаетъ свой унылый, іюльскій видъ“. Одно слово: *обманутая* стѣжитъ здѣсь цѣлаго десятка фразъ—до такой степени сильно оно возбуждаетъ въ насъ впечатлѣніе чего-то хмурающагося и хмураго, впечатлѣніе рѣзкаго перехода отъ свѣта къ мраку. Последующее описаніе сохраняетъ колоритъ, заранѣе брошенный на него этимъ словомъ. „Трава поникла, жизнь замерла. Заго-

рѣлые холмы, буро-зеленые, вдали лиловые, равнина съ туманной далью и опрокинутое надъ ними небо, которое въ степи кажется странно глубокимъ и прозрачнымъ, представлялись теперь безвечными, одѣвѣнными отъ тоски“. Природа, точно раздѣляющая наши ощущенія, точно живущая нашею жизнью, всегда становится намъ понятнѣе и ближе. Конечно, при этомъ способѣ изображенія возможны преувеличенія, неловкости, возможны нарушенія такта и чувства мѣры, но г. Чеховъ большею частью остается отъ нихъ свободнымъ, и даже его ошибки проходятъ безслѣдно. Егорушка слышитъ пѣсню, и ему кажется, что это поетъ трава. „Въ своей пѣснѣ она, полумертвая, уже погибшая, безъ словъ, но жалобно и искренне убѣждала кого-то, что она ни въ чемъ не виновата, что солнце выжгло ее понапрасну; она увѣрала, что ей страстно хочется жить, что она еще молода и была бы красивой, еслибы не зной и не засухи; вины не было, но она все-таки просила у кого-то прощенія и клаясь, что ей невыносимо больно, грустно и жалко себя“. Егорушкѣ все это, очевидно, не могло придти въ голову; но если мы о немъ забудемъ и удержимъ въ памяти только звукъ, долетѣвшій неизвѣстно откуда въ степной тишинѣ, среди полуденнаго зноя, то получимъ поэтической образъ, полный художественной правды... Работа фантазіи возбуждается въ г. Чеховѣ не только картинами природы, но и самыми обыденными предметами. Вотъ какъ онъ описываетъ, на примѣръ, обстановку убогой еврейской корчмы. „Стулья были какимъ-то жалкимъ подобіемъ мебели, съ отжившей свой вѣкъ клеенкой и съ неестественно сильно загнутыми назадъ спинками, придававшими стульямъ большое сходство съ дѣтскими санями. Трудно было понять, какое удобство имѣлъ въ виду невѣдомый столяръ, загибая такъ немилосердно спинки, и хотѣлось думать, что тутъ виноватъ не столяръ, а какой-нибудь проѣзжій силачъ, который, желая похвастать своей силой, согнулъ стульямъ спины, потомъ взялся поправлять и еще больше согнулъ. На полу тянулись щели и зіяли дыры непонятнаго происхожденія; думалось, что ихъ пробилъ каблукомъ все тотъ же силачъ“. Широкая степная дорога наводитъ Егорушку на „сказочныя мысли“: „можно подумать, что еще на Руси не перевелись громадные, широко-шагающіе люди въ родѣ Ильи Муромца или Соловья-разбойника, и что еще не вымерли богатырскіе кони“.

Остальные рассказы, вошедшіе въ составъ сборника, весьма неодинаковы по достоинству. Нѣкоторые изъ нихъ, на примѣръ „Тина“, Тайный совѣтникъ“—не возвышаются надъ уровнемъ анекдота; другіе,—на примѣръ „Счастье“, „Тифъ“, „Перекаати-

поле" — слишкомъ бѣдны и содержаніемъ, и отдѣльными красотами, составляющими иногда главную силу очерковъ г. Чехова. Недурны „Ванька“, „Свирѣль“, „Задача“; еще лучше „Письмо“ и „Поцѣлуй“, особенно первое. На пространствѣ нѣсколькихъ страницъ нарисованы здѣсь три лица, соперничающія между собою по рельефности очертаній: отецъ благочинный, строгій, увѣренный въ себя, не знающій ни сомнѣній, ни колебаній; дьяконъ, ступшевывающійся передъ величіемъ своего начальника, искренно поклоняющійся его уму, его талантамъ, и „запрещенный“ отецъ Анастасій, низко падшій, но познавшій, въ своемъ паденіи, высокую цѣну милосердія и кротости. Отецъ благочинный, по просьбѣ дьякона, диктуетъ ему грозное письмо къ его сыну, забывшему завѣты старины; дьяконъ восторгается краснорѣчіемъ суровыхъ фразъ, ожидаетъ отъ нихъ самаго лучшаго дѣйствія на заблудшую овцу и не хочетъ сначала и слушать отца Анастасія, совѣтующаго ему не посылать письма. „Ежели отецъ родной его не проститъ, — говоритъ Анастасій, — то кто-жъ его проститъ? Такъ и будетъ, значить, безъ прощенія жить? А ты, дьяконъ, рассуди: наказующіе и безъ тебя найдутся, а ты бы для родного сына милующихъ поискалъ!“ Чрезвычайно естественно рѣшеніе, на которомъ, въ концѣ концовъ, останавливается дьяконъ; онъ посылаетъ письмо, потому что не можетъ поступить иначе, изъ уваженія къ отцу благочинному, но прибавляетъ къ нему, подъ влияніемъ словъ отца Анастасія, благодушнѣйшую приписку, совершенно разрушающую эффектъ предшествовавшихъ громовъ. Все въ этомъ небольшомъ разсказѣ дышетъ простой, неподкрашенной житейской правдой... Въ „Поцѣлуй“ очень хорошо главное дѣйствующее лицо, штабсъ-капитанъ Рябовичъ, въ сѣренькую скучную жизнь котораго внезапно проникаетъ лучъ солнца. Положимъ, что этотъ лучъ вовсе не ему былъ предназначенъ, но все-таки онъ чувствуетъ себя пригрѣтымъ и оживленнымъ. Его поцѣловала въ темнотѣ какая-то женщина, принявъ его за другого, и онъ цѣлые мѣсяцы живетъ воспоминаніями объ этомъ поцѣлуйѣ, чего-то ждетъ, на что-то надѣется. Когда, наконецъ, исчезаетъ сладкая иллюзія, жизнь представляется ему „необыкновенно скудной, убогой и безцвѣтной“. Картина закончена вполне, несмотря на всю ея миниатюрность. Рябовичу и не суждено, можетъ быть, дожить до другого эпизода, который заставилъ бы его забыть о таинственномъ „поцѣлуйѣ“.

К. Арсеньевъ.

ИСТОРІЯ КРЕСТЬЯНСКАГО ВОПРОСА

— Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX-го вѣка.
В. И. Семеваго. Два тома. Спб., 1888.

Больше тридцати лѣтъ крестьянскій вопросъ остается однимъ изъ тѣхъ предметовъ, къ которымъ наиболѣе привязано вниманіе правительства, общества и литературы. Въ концѣ пятидесятихъ годовъ и до 19-го февраля, и затѣмъ въ первую эпоху освобожденія—это былъ основной предметъ, къ которому сводились и правительственныя мѣропріятія, и общественныя толки: и естественно, — потому что въ крестьянскомъ вопросѣ, въ самомъ дѣлѣ, рѣшался одинъ изъ коренныхъ и труднѣйшихъ вопросовъ всей нашей государственной жизни и общественнаго быта, преобразовывались вѣковыя отношенія двухъ сословій, изъ которыхъ одно было главною массою рабочей силы, другое—главною массою правящаго класса и интеллигенціи. Общественный бытъ затронутъ былъ въ реформѣ за самое живое; измѣнились радикально и отношенія экономическія, и строй нравственныхъ понятій, и характеръ быта... Но за тридцать лѣтъ назадъ этотъ предметъ, которому посвящалось теперь столько многосложныхъ и крайне трудныхъ изысканій, въ которомъ всё безъ исключенія, и друзья и недруги реформы, видѣли основной интересъ нашей государственности и общественнаго быта, къ которому относились одни съ недоувѣріемъ, страхомъ, личными и сословными опасеніями, другіе—съ самыми горячими патріотическими надеждами, этотъ предметъ былъ именно строжайшимъ образомъ закрытъ отъ обще-

ственного обсуждения; ни в литературу, ни в общественных собраниях дворянского класса, которому этот предмет был особенно близок по всем условиям его привилегированного положения, не могло быть речи об этом предмете—преследовался даже самый отдаленный намек на присутствие этого вопроса, который, однако, стоял перед обществом, как неотвратимое требование исторического хода вещей.

Таково было положение дѣлъ, и оно было чрезвычайно характерно для истории развития русского общества. В то время, когда национальная жизнь настоятельно шла къ новому порядку вещей и внутренний процесс подвигался съ неодолимою силой истории, этот вопрос официально не существовалъ для русского общества: оно должно было имѣть убѣжденіе, что существующія отношенія представляютъ наилучшій порядокъ вещей, что никакихъ преобразованій не требуется; сомнѣніе въ этомъ являлось неблагонамѣренностью, попытка выразить его была преступленіемъ. Такимъ образомъ, одна изъ самыхъ существенныхъ сторонъ національнаго бытія должна была быть въ общественномъ сознаніи окружена какимъ-то недоумѣніемъ или лицемѣріемъ, была поставлена въ такія натянутыя искусственныя рамки, что въ результатѣ получалась неестественная двойственность, которая не могла не отражаться вредно на нравственномъ воспитаніи цѣлаго общества. Послѣдствія этихъ стѣсненій общественнаго мнѣнія сказались въ особенности въ двухъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, онѣ отозвались вредно на самомъ ростѣ общественной мысли: она такъ долго была удерживаема, въ массѣ, въ состояніи ребяческаго невѣдія, что кромѣ наиболѣе просвѣщенныхъ людей большинство не умѣло впоследствии правильно отнестись къ преобразованію, когда оно стало осуществляться на дѣлѣ, а въ разрядѣ людей болѣе образованныхъ, понимавшихъ необходимость реформы и отдававшихъ ей самыя пламенныя сочувствія, недостатокъ оцѣнки всѣхъ практическихъ размѣровъ положенія повелъ къ преувеличеннымъ ожиданіямъ и къ ненормальному возбужденію. То и другое приводило къ весьма печальнымъ явленіямъ. Съ одной стороны, преобразование, наступившее вдругъ, безъ достаточнаго пониманія въ массѣ общества, при своемъ выполненіи встрѣтило затрудненія, которыхъ могло бы не быть, еслибы вопросъ былъ выясненъ ранѣе. Далѣе, дворянское хозяйство въ громадномъ большинствѣ случаевъ было захвачено реформой върасплохъ, и это повело къ такому обѣдненію дворянства (выразившемуся въ особенности переходомъ множества дворянскихъ имѣній въ руки кулаковъ и промышленниковъ) и

даже упадку его общественнаго значенія, что въ послѣднее время, какъ извѣстно, въ самой правительственной сферѣ обдумываются мѣры къ поднятію этого значенія искусственными средствами, какова, на примѣръ, предполагаемая реформа мѣстнаго управленія. Наконецъ, надежды, возбужденныя началомъ реформы, за отсутствіемъ въ прежнее время возможности какого-нибудь серьезнаго знакомства съ практическими сторонами государственной и общественной жизни, кончались преувеличеніями, принимавшими иногда характеръ болѣзненнаго политическаго возбужденія. Все это, какъ легко теперь видѣть, было совершенно естественнымъ результатомъ тѣхъ условій, въ которыхъ долго стояло общественное мнѣніе, то-есть вся умственная и нравственная жизнь общества; и очевидно, что многое изъ подобныхъ неблагополучныхъ явленій могло бы быть избѣгнуто, еслибы это общественное мнѣніе имѣло прежде какой-нибудь правильный путь для своего выраженія, еслибы реформа была подготовлена въ умахъ ранѣе, еслибы общество успѣло постепенно и заранѣе освоиться съ существенными условіями его собственныхъ интересовъ.

Изъ этихъ стѣсненій общественнаго мнѣнія послѣдовали также затрудненія для самого правительства въ правильномъ рѣшеніи вопроса. Даже въ то время, когда въ принципѣ было рѣшено освобожденіе крестьянъ, правительство, подъ вліяніемъ всѣхъ прежнихъ отношеній самой власти къ этому предмету, не рѣшилось назвать этого слова: оно само не знало истиннаго положенія вещей; подъ впечатлѣніемъ старинныхъ страховъ оно говорило только объ „улучшеніи быта“, скрывая великое государственное дѣло подъ рутинной канцелярской фразой; оно только нѣхотя открывало вопросъ для обсужденія въ печати, продолжая относиться къ ней не весьма дружелюбно, хотя печать заслуживала бы вниманія, потому что все-таки была единственнымъ выраженіемъ общественнаго мнѣнія. И какъ ни ограниченны были тогда средства самой печати въ изученіи вопроса, правительство все-таки имѣло бы возможность извлечь изъ нея не мало полезныхъ указаній, тѣмъ болѣе, что хотя правительство принимало съ своей стороны обширныя мѣры къ изученію вопроса въ трудахъ редакціонныхъ комиссій, работа все-таки сдѣлана была въ торопяхъ, въ теченіе какихъ-нибудь четырехъ-пяти лѣтъ, — тогда какъ самая сложность вопроса и разнообразіе мѣстныхъ условій народнаго быта должны были бы именно потребовать массы свѣдѣній, какія могла доставить и печать. Извѣстная сторона мнѣній о крестьянскомъ вопросѣ была оставлена совсѣмъ, или почти безъ вниманія, и въ результатѣ вопросъ оказался не довольно

изученнымъ и рѣшеннымъ болѣе или менѣе односторонне; недостатки рѣшенія крестьянскаго дѣла стали оказываться уже вскорѣ.

Такимъ образомъ, исторія крестьянскаго вопроса тѣсно связывается съ исторіей нашего общественнаго мнѣнія, нашихъ нравовъ, административныхъ обычаевъ и т. д., и въ этомъ смыслѣ она приобретаетъ двойной историческій интересъ. Такъ понялъ ее и авторъ книги, на которой мы теперь остановимся. В. И. Семевскій уже много лѣтъ посвящаетъ свои труды чрезвычайно внимательному изученію крестьянскаго вопроса и исторіи его рѣшенія. Не говоря о множествѣ отдѣльныхъ статей въ журналахъ, по разнымъ предметамъ исторіи крестьянскаго быта, въ 1881 г. вышелъ цѣлый обширный трудъ его о положеніи крестьянъ въ царствованіе Екатерины II. Съ тѣхъ поръ стали появляться въ журналахъ его изслѣдованія по исторіи крестьянскаго вопроса съ начала прошлаго вѣка и до половины настоящаго столѣтія, то есть до рѣшенія его при имп. Александрѣ II. Эти послѣднія изслѣдованія собраны имъ теперь въ цѣлое сочиненіе, составившее два большихъ тома.

Въ нашей литературѣ не было до сихъ поръ подобнаго цѣльнаго труда по исторіи крестьянскаго вопроса; были разработаны болѣе или менѣе только отдѣльные эпизоды этой исторіи. Таковы были: опытъ г. Романовича-Славатинскаго въ книгѣ: „Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII-го вѣка до отмены крѣпостнаго права“ (1870); сочиненіе г. Энгельмана: „Die Leibeigenschaft in Russland“ (1884); отдѣльныхъ эпизодовъ исторіи крестьянскаго вопроса касались г. Муллоу—въ статьѣ: „Заботы объ улучшеніи быта крестьянъ во второй половинѣ XVIII-го вѣка“ (1859); Ходлевъ—въ „Исторіи Импер. Вольнаго Экономическаго Общества“ (1865); г. Ивонниковъ, сообщившій нѣкоторыя свѣденія о положеніи крестьянскаго дѣла при Александрѣ I, въ биографіи Н. С. Мордвинова (1873); г. Вешняковъ—въ книгѣ о „Крестьянахъ-собственникахъ въ Россіи“; далѣе, составитель „Матеріаловъ для исторіи упраздненія крѣпостнаго состоянія помѣщичьихъ крестьянъ въ Россіи въ царствованіе императора Александра II“, гдѣ сообщены также свѣденія о положеніи дѣла въ предыдущее царствованіе; Виталій Шульгинъ—въ статьѣ: „Юго-Западный край подъ управленіемъ Д. Г. Бибикова“ (1879)—о крестьянскомъ вопросѣ въ юго-западной Россіи въ сороковыхъ годахъ; наконецъ, А. П. Заблоцкій-Десятовскій—въ извѣстной биографіи П. Д. Киселева (1882). Свѣденія о ходѣ крестьянскаго вопроса, сообщенныя въ этихъ сочиненіяхъ, были или слишкомъ кратки, или, въ специальныхъ работахъ, давали подробности только о частныхъ

эпизодахъ этой исторіи или только о дѣятельности отдѣльных лицъ. Г-нъ Семевскій въ первый разъ даетъ послѣдовательное и подробное изложеніе предмета, важное между прочимъ тѣмъ, что, исчерпавъ всю относящуюся сюда печатную литературу, онъ воспользовался также многими неизданными матеріалами и архивными дѣлами, которыя до сихъ поръ еще не были затронуты или разработаны историками крестьянскаго вопроса. Такъ, онъ нашелъ множество любопытнаго матеріала въ архивѣ Вольнаго Экономическаго Общества, который доставилъ ему свѣденія относительно конца XVIII-го и начала XIX-го столѣтія; въ архивѣ министерства государственныхъ имуществъ, образованнаго изъ V-го отдѣленія собственной Его Величества канцеляріи и находившагося въ первое время подъ управленіемъ гр. Киселева, наиболѣе заслуженнаго дѣятеля по крестьянскому вопросу въ царствованіе императора Николая; въ архивѣ кодификаціоннаго отдѣленія государственнаго совѣта, гдѣ, между прочимъ, находятся дѣла Екатерининской законодательной комиссіи; въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ; въ рукописномъ отдѣленіи Публичной Библіотеки въ Петербургѣ и Румянцовскаго музея въ Москвѣ; въ рукописномъ собраніи редакціи „Русской Старины“; наконецъ, въ рукописяхъ, принадлежащихъ самому автору, гдѣ особливо важны копія съ дѣлопроизводства секретныхъ комитетовъ, которые учреждались нѣсколько разъ по крестьянскому вопросу въ царствованіе императора Николая. Благодаря этому обширному матеріалу, авторъ имѣлъ возможность изложить судьбу крестьянскаго вопроса съ такою подробностью, что передъ нами отчетливо выступаютъ всѣ черты этой исторіи, со всѣми колебаніями мнѣній по крестьянскому вопросу какъ въ средѣ самого правительства, такъ и въ умахъ общества, и, наконецъ, въ произведеніяхъ литературы. Особымъ достоинствомъ труда г. Семевскаго является то, что онъ не останавливается только на внѣшней административной и законодательной сторонѣ вопроса, но слѣдитъ судьбу его въ общихъ представленіяхъ власти о положеніи народной жизни, въ складѣ мыслей помѣщичьяго сословія, въ настроеніи народа, то-есть самого крѣпостнаго населенія, наконецъ, въ умахъ просвѣщеннѣйшихъ людей и лучшихъ дѣятелей литературы. Такимъ образомъ, въ книгѣ автора мы находимъ не одну специальную исторію учрежденія, но цѣлую картину политическаго быта и общественной культуры, какъ они выражались по отношенію къ вопросу, который былъ однимъ изъ важнѣйшихъ, хотя долго подавляемымъ вопросомъ нашей національной жизни.

Нѣкогда, вопросъ прикрѣпленія крестьянъ въ землѣ былъ административной мѣрой, въ необходимости которой правительство было убѣждено и вѣроятно не сомнѣвались и помѣстные владѣльцы, кому эта мѣра была удобна и выгодна; мнѣнія крестьянъ не спрашивали. Впослѣдствіи, прикрѣпленіе въ землѣ, оставлявшее однако крестьянъ лично болѣе или менѣе свободными, превратилось мало-по-малу въ полное личное закрѣпощеніе: въ XVIII вѣкѣ крѣпостное рабство достигаетъ полнаго развитія, и въ „блестящій вѣкъ“ Екатерины и затѣмъ въ царствованіе имп. Павла доходитъ до своего апогея, такъ какъ въ это время не только развилась вполнѣ власть помѣщиковъ надъ крестьянами, но, кромѣ того, тогда обращаемы были въ крѣпостное состояніе сотни тысячъ дотошъ свободныхъ людей. Съ давнихъ временъ, однако, крѣпостное право начинаетъ вызывать хотя единичныя сомнѣнія и осужденія, исходящія какъ изъ чисто нравственной точки зрѣнія, такъ и изъ соображеній государственно-экономическихъ. Историкъ отыскиваетъ теперь эти давнія заявленія и находитъ въ нихъ интересъ первыхъ опытовъ общественнаго мнѣнія по этому вопросу; но, оставаясь единичными и случайными взглядами отдѣльныхъ лицъ, въ свое время эти сомнѣнія въ крѣпостномъ правѣ не оказывали никакого вліянія на развитіе учрежденія. Извѣстное вмѣшательство общественнаго мнѣнія начинается съ тѣхъ поръ, когда оно успѣло нѣсколько установиться, нашло извѣстную возможность выраженія въ печати, и когда поводъ къ этому подавало само правительство. Такъ это было въ царствованіе Екатерины II, собственно только въ его первые годы, въ эпоху „Наказа“, когда императрица, въ порывѣ своего либеральнаго настроенія, вызывала въ обществѣ нравственно-политическіе вопросы, въ числѣ которыхъ явился и вопросъ о крѣпостномъ правѣ; въ это время мы встрѣчаемся съ первыми опредѣленными осужденіями крѣпостнаго права или сомнѣніями въ его нравственной и экономической состоятельности; но либеральное настроеніе императрицы держится недолго, и къ концу царствованія отрицаніе крѣпостнаго права становится государственнымъ преступленіемъ. Въ слѣдующее царствованіе немислимо было никакое выраженіе мнѣній ни по этому, ни по какому бы ни было общественному и политическому вопросу. Въ царствованіе Александра I повторилось почти то же, что было нѣкогда при его бабкѣ: въ первые годы царствованія — либеральныя и филантропическіе проекты, кончившіеся ничѣмъ или почти ничѣмъ (они ограничились закономъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ, имѣвшимъ крайне ограниченное дѣйствіе, и безземельнымъ освобожденіемъ остзейскихъ крестьянъ), а въ концѣ

опять полное закрытіе крестьянскаго вопроса для общественнаго мнѣнія. Въ слѣдующее царствованіе не было и этого временнаго либеральнаго порыва: самъ императоръ Николай, какъ достаточно теперь разъясняется, былъ очень занятъ крестьянскимъ вопросомъ, — но никогда ни на минуту не думалъ дѣлать его доступнымъ для общественнаго мнѣнія: вопросъ былъ безусловно закрытъ для литературы, которая могла касаться его только очень отдаленнымъ образомъ, или въ условныхъ терминахъ политической экономіи, или въ не всегда уловимой для цензуры формѣ поэтической.

Тѣмъ не менѣе, исторія крестьянскаго вопроса еще разъ указываетъ, что если „гнать природу въ дверь, она влетаетъ въ окно“: бытовой и экономическій процессъ совершался своимъ путемъ и приводилъ къ своимъ неизбѣжнымъ послѣдствіямъ. Сколько ни старался могущественный авторитетъ власти сохранить учрежденіе въ его *statu quo*, крестьянскій вопросъ постоянно развивался и давалъ все болѣе и болѣе чувствовать необходимость преобразованія; правительство, наименѣе либеральное, упорно вездѣ настаивавшее на неизмѣнномъ сохраненіи преданія, само озабочено было планами освобожденія, которымъ могли только горячо сочувствовать вовсе имъ не поощряемые либералы. Стали все болѣе бросаться въ глаза различныя ненормальныя явленія крѣпостнаго права: и его противорѣчія нравственному чувству, такъ какъ оно слишкомъ наглядно оскорбляло человѣческое достоинство; и его неудобство въ смыслѣ общественнаго спокойствія, потому что все чаще повторялись случаи волненій, не дававшія забывать о крестьянскомъ бунтѣ времяя Пугачева; наконецъ, его несостоятельность экономическая, потому что нужно было придти къ убѣжденію въ простой невыгодности обязательнаго крѣпостнаго труда въ сравненіи съ трудомъ вольнонаемнымъ. Стѣсненіе общественнаго мнѣнія было невыгодно для самихъ плановъ правительства: вопросъ, обсуждаемый „секретно“ и „келейно“, разумѣется, не могъ быть оцѣненъ такъ широко и многосторонне, какъ еслибы онъ былъ достояніемъ цѣлаго общества, гдѣ — несмотря на предполагаемую обыкновенно непритовленность общества судить о политическихъ предметахъ — могли, однако, найтись большіе практическіе знатоки дѣла, каковыхъ не могла воспитать канцелярія. Многіе недоумѣнія и страхи, каковыми пугали себя „секретныя“ коммиссіи, могли легко отпасть при болѣе открытой постановкѣ всего вопроса — какъ это было послѣ, передъ самой реформой, хотя и тогда общественное мнѣніе далеко не могло высказываться съ какой-нибудь полнотой.

Устраненіе общества отъ всякаго участія не только въ рѣ-

пени, но даже въ скромномъ обсужденіи вопроса, не остановило, однако, все большаго распространенія въ обществѣ интереса къ крестьянскому вопросу и убѣжденія въ необходимости его рѣшенія. Трудно сказать, когда могла зародиться первая мысль объ этомъ; во всякомъ случаѣ эта мысль возникла уже давно, но едва ли сомнительно, что въ болѣе опредѣленномъ смыслѣ она складывается только съ тѣхъ поръ, какъ возникаетъ первая литература подъ европейскими вліяніями, приблизительно со второй половины XVIII вѣка. Съ этой литературой явился проводникъ для европейскихъ общественныхъ и нравственныхъ понятій и первая возможность книжнаго распространенія и обмѣна мыслей. Еще съ начала столѣтія и даже раньше, съ конца XVII вѣка, русскій читатель находилъ въ переводныхъ иностранныхъ книгахъ разсужденія о предметахъ нравственной и общественной жизни, какихъ не давала ему традиціонная письменность; теперь бывали доступны иностранныя книги уже въ подлинникѣ и въ гораздо большемъ количествѣ, чѣмъ прежде; книга начинала становиться потребностью; наконецъ, французская литература дѣлалась модной, а въ первые годы царствованія Екатерины II либеральныя идеи французской философіи проповѣдывались съ высоты престола. Много было говорено о поверхностномъ характерѣ тогдашнихъ иностранныхъ вліяній, но не подлежитъ сомнѣнію, что въ то же время въ умы русскаго общества глубоко западали многія нравственныя представленія, которыя были для него новы и дѣлались положительнымъ приобрѣтеніемъ. Теперь, когда нѣсколько разработана литература нашего XVIII вѣка, мы ясно видимъ слѣды того воспитательнаго значенія, которое имѣли у насъ первостепенные писатели тогдашней нѣмецкой, французской и англійской литературы. Мысль о нравственномъ человѣческомъ достоинствѣ, о необходимости противодѣйствовать общественной несправедливости, общее филантропическое настроеніе нерѣдко оказывали у насъ сильное вліяніе и создавали новый слой людей съ нравственными запросами, переходившими и въ самую жизнь. Таковы бывали и вольнодумцы, и мистики конца XVIII вѣка. Въ этомъ кругу привились и укрѣпились новыя мысли о крѣпостномъ правѣ и съ тѣхъ поръ уже не забывались въ русскомъ обществѣ. Сколько съ тѣхъ поръ ни повторялись запрещенія говорить объ этомъ предметѣ въ печати, эта мысль нивогда уже не исчезала изъ обращенія и высказывалась каждый разъ, когда представлялась въ этому какая-нибудь возможность. Такъ, отъ 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія эта мысль перешла въ первые годы царствованія Александра I и затѣмъ отъ юношескихъ сти-

хотвореній Пушкина развилась до стихотвореній Некрасова и до первыхъ разсказовъ Тургенева. Строго преслѣдуемая официально, эта мысль неуловимо жила въ теоретическихъ представленіяхъ и поэтическихъ идеалахъ наиболѣе просвѣщенной части общества, и когда, наконецъ, заявлена была правительственная программа преобразованія, въ обществѣ высказалось тотчасъ множество горячихъ и искреннихъ сочувствій, которымъ, повидимому, некогда было развиться до такого открытаго энтузіазма—онъ былъ подготовленъ задолго ранѣе всѣмъ ходомъ внутренняго развитія общества, когда эта мысль, преслѣдуемая официально, жила наперекоръ всему, какъ идеаль свѣтлаго будущаго. Замѣтимъ при этомъ, что это общественное сочувствіе не было только однимъ чувствомъ платонической филантропіи, а, напротивъ, заключало въ себѣ и болѣе или менѣе ясныя представленія о желаемыхъ практическихъ пріемахъ самаго освобожденія: таково было, на примѣръ, убѣжденіе въ необходимости освобожденія крестьянъ съ гораздо болѣе значительнымъ земельнымъ надѣломъ, чѣмъ тотъ, какой былъ принятъ официальными комиссіями.

Мы не имѣемъ возможности слѣдить подробно за богатымъ содержаніемъ книги г. Семевскаго: это—рядъ обстоятельно исполненныхъ трактатовъ, въ которыхъ собрано множество свѣденій по исторіи крестьянскаго вопроса со временъ Петра, даже съ конца XVII столѣтія, и до начала реформы 19-го февраля. Любопытно, что первая мысль объ освобожденіи крестьянъ относится еще къ концу XVII вѣка и принадлежала извѣстному любимцу царевны Софьи, князю В. В. Голицыну. Свѣденіе объ этомъ сохранилось въ книгѣ французскаго путешественника Невилля, который руководился въ этомъ случаѣ разсказами ученаго Спафарія, находившагося въ то время на русской службѣ. Невилль видалъ и самого князя, который, повидимому, произвелъ на него большое впечатлѣніе своею личностью и своими широкими планами. „Цѣлью князя было,—говоритъ французскій путешественникъ,—поставить Россію на одну доску съ прочими государствами: для этого онъ велѣлъ собрать свѣденія обо всѣхъ европейскихъ державахъ и ихъ правленіи. Онъ хотѣлъ начать *освобожденіемъ крестьянъ и предоставленіемъ имъ тѣхъ земель, которыя они обрабатываютъ, съ пользою для царя—за ежегодный оброкъ, который, по сдѣланному имъ вычисленію, увеличилъ бы болѣе чѣмъ на половину доходъ этихъ государей*“. Невилль прямо замѣчаетъ, что Голицынъ надѣялся этимъ средствомъ возбудить въ народѣ трудолюбіе и промышленную дѣятельность въ надеждѣ обогащенія государства и что вмѣстѣ съ тѣмъ онъ

желалъ замѣнить регулярною арміею „поля крестьянъ, земли которыхъ остаются необработанными, когда ихъ уводятъ на войну, и вмѣсто этой бесполезной для государства повинности обложить ихъ умѣренною поголовною податью“. Г. Семейскій считаетъ эти показанія весьма вѣроятными, хотя, впрочемъ, Голицынъ, занятый военными и дипломатическими дѣлами, не успѣлъ выполнить своихъ предположеній. Царствованіе Петра, съ одной стороны, ухудшило положеніе крестьянскаго дѣла тѣмъ, что уравняло крестьянъ съ холопами въ отбываніи государственныхъ повинностей: въ прежнее время кабальные холопы дѣлались свободными въ случаѣ смерти господина, теперь они потеряли это право; но, съ другой стороны, Петръ нѣсколько ограничилъ власть помѣщиковъ надъ крестьянами: онъ позволялъ дворовымъ людямъ поступать въ военную службу и безъ согласія господина, разрѣшилъ торговымъ крестьянамъ приписываться къ городамъ даже вопреки желаніямъ помѣщика, причемъ послѣдній не могъ брать съ нихъ оброка больше, чѣмъ съ остальныхъ крестьянъ; принималъ мѣры противъ помѣщиковъ, разорявшихъ свои имѣнія, указывалъ сенату на необходимость ограничить торговлю крестьянами безъ земли и т. п. Современникъ Петра, извѣстный Посошковъ, считалъ нужными болѣе правильныя мѣры для обезпеченія крестьянъ и предвидѣлъ въ будущемъ возможность освобожденія. „Крестьянамъ помѣщики не вѣковые владѣльцы, — говорилъ онъ, — того ради они не весьма ихъ и берегутъ, а прямой ихъ владѣтель — всероссійскій самодержавецъ, а они владѣютъ временно. И того ради не надлежитъ ихъ помѣщикамъ разорять, но надлежитъ ихъ царскимъ указомъ хранить, чтобы крестьяне крестьянами были прямыми, а не нищими; понеже крестьянское богатство — богатство царственное“. Для своего времени Посошковъ не считалъ возможнымъ прекращеніе личной зависимости крестьянъ отъ помѣщиковъ, но онъ желалъ точнаго опредѣленія поборовъ въ пользу помѣщика.

Авторъ удивляется (стр. 7), что не нашлось ничего въ записку поработанныхъ земледѣльцевъ у Ломоносова, который, въ своемъ „Разсужденіи о размноженіи и сохраненіи россійскаго народа“, только мимоходомъ коснулся „помѣщичьихъ отягощеній крестьянъ“: можно припомнить, что „Разсужденіе“ Ломоносова сохранилось не вполне, хотя возможно и то, что онъ, какъ и множество его современниковъ, болѣе или менѣе образованныхъ, не отрицалъ самаго учрежденія, считая, какъ и Посошковъ, что крестьяне нуждаются въ надзорѣ, и осуждая только злоупотребленія помѣщичьей власти. Противникомъ крѣпостнаго права не

быль и Татищевъ, извѣстный историкъ, принадлежавшій къ образованнѣйшимъ людямъ первой половины прошлаго столѣтїя. Въ общемъ смыслѣ онъ понималъ возможность свободы крестьянъ, и въ исторїи онъ зналъ примѣры, что „вольность крестьянъ... многую въ себѣ государствамъ пользу заключаетъ“, но для своего времени считалъ уничтоженіе крѣпостного права невозможнымъ: „оное съ нашею формою правленія монаршескаго не согласуеть, и вкоренившійся обычай неволи перемѣнить небезопасно“. Подобнымъ образомъ авторъ не находитъ никакихъ протестовъ противъ крѣпостного права у Кантемира, который въ своихъ сатирахъ въ двухъ-трехъ мѣстахъ осуждаетъ только злоупотребленія крѣпостного права, именно жестокость помѣщиковъ.

Самъ авторъ замѣчаетъ, что отсутствіе всякой мысли объ освобожденіи крестьянъ въ теченіе первой половины прошлаго столѣтїя до самаго царствованія Екатерины II находитъ объясненіе въ томъ, что закрѣпленіе крестьянъ не казалось особенной аномалїей въ то время, когда закрѣпощены были всѣ сословія и когда онѣ несли государственное тягло. Само дворянство несло нелегкую службу и прежде всего старалось само освободиться отъ обязательной службы, чего и достигло при Петрѣ III. „Мѣра Петра III, освободившая дворянъ отъ обязательной службы, заставила крестьянъ встрепенуться отъ надежды на ихъ грядущее освобожденіе и, въ то же время, поставила самую серьезную задачу его талантливой преемницѣ, которую литературныя извѣщенія уже привели къ теоретическому осужденію крѣпостного права“.

Авторъ весьма обстоятельно излагаетъ положеніе крестьянскаго вопроса въ царствованіе Екатерины II, ея собственные либеральные планы въ первые годы ея правленія, взгляды на дѣло ея приближенныхъ и, наконецъ, ея послѣдующія практическія дѣйствія, совершенно противорѣчація заявленїямъ прежняго времени. Повидимому, Екатерина II именно предстояла освободительная роль относительно крестьянства, когда въ предыдущее царствованіе устранено было самое серьезное препятствіе къ уничтоженію крѣпостного права—обязательная служба дворянства; когда вслѣдствіе этой мѣры у самихъ крестьянъ явилась надежда на измѣненіе ихъ быта, выразившаяся тогда многочисленными волненїями; когда сама императрица была горячей поклонницей французской философіи, пропитанной филантропическими и освободительными идеями (извѣстно, что въ практическомъ вопросѣ объ освобожденіи крестьянъ французскіе философы оказались не особенно либеральны—но они полагали, и сами русскіе ихъ въ томъ

увѣрили, что русскій народъ есть народъ варварскій). „Императрица Екатерина, повидимому, была самымъ подходящимъ человекомъ, чтобы если не довести до конца, то по крайней мѣрѣ начать измѣненіе быта крестьянъ. Съ освободительными идеями она носилась еще будучи великой княгиней: въ своихъ замѣткахъ, набросанныхъ въ концѣ царствованія Елизаветы, она писала: „противно *христіанской старѣ и справедливости* дѣлать невольниками людей; они всѣ рождаются свободными“, и полагала, что можно постепенно уничтожить крѣпостное право, объявляя крестьянъ свободными во всѣхъ имѣніяхъ, переходящихъ въ руки новаго владѣльца; такъ какъ, по ея мнѣнію, во сто лѣтъ, если не всѣ, то по крайней мѣрѣ большая часть имѣній переимѣнитъ господъ, слѣдовательно въ теченіе этого времени народъ будетъ освобожденъ отъ рабства. Уничтоженіе крѣпостного права дѣйствительно совершилось черезъ сто лѣтъ послѣ того, какъ Екатерина заносила эти мысли на бумагу, но, къ сожалѣнію, она сама только тѣмъ содѣйствовала ихъ осуществленію, что обратила на крестьянскій вопросъ вниманіе общества и литературы; для практическаго же его рѣшенія она не только ничего не сдѣлала, но еще болѣе ухудшила положеніе крѣпостныхъ“.

Начало царствованія заставляло ожидать, что правительство приметъ какія-нибудь мѣры для ограниченія крѣпостного права. Не только сама императрица, но многіе изъ ея приближенныхъ, между прочимъ и такіе, которые отличались весьма консервативнымъ образомъ мыслей, находили, что тогдашнее положеніе крѣпостныхъ необходимо требуетъ преобразованія. Графъ П. И. Панинъ въ запискѣ, поданной императрицѣ еще въ 1763 году, указывалъ, что помѣщики собираютъ со своихъ крестьянъ поборы и налагаютъ на нихъ работы, „не только превосходящіе примѣры ближнихъ *заграничныхъ жителей*, но частенько выступающіе и изъ *снотности человеческой*“; онъ обращалъ также вниманіе на продажу людей въ рекруты и полагалъ, что одной изъ причинъ побѣговъ крестьянъ въ Польшу была „ничѣмъ не ограниченная помѣщичья власть“. Къ тѣмъ же 1760-мъ годамъ относятся нѣсколько другихъ записокъ, предлагающихъ разныя мѣры по крестьянскому дѣлу съ тою же цѣлію какого-нибудь огражденія крестьянъ отъ произвола и тиранніи помѣщиковъ; дѣлались, на примѣръ, предложенія о надѣленіи крестьянъ собственностью, которая одна можетъ побудить человека къ трудолюбію и усовершенствованію своего хозяйства; придумывались особые трибуналы, которые разбирали бы отношенія крестьянъ съ помѣщиками, и т. п.

Авторъ подробно разсматриваетъ содержаніе этихъ записокъ, частью извѣстныхъ только въ рукописяхъ, и, опредѣляя ихъ источники, указываетъ, что въ значительной степени эти новыя работы о крестьянскомъ населеніи были внушены именно вліяніемъ тогдашней философской и экономической литературы, которая съ одной стороны выступала въ защиту угнетенныхъ классовъ общества, а съ другой—ставила вопросъ о развитіи и усовершенствованіи сельскаго хозяйства. Вліяніе школы физиократовъ очевидно, напримѣръ, на запискахъ князя Д. А. Голицына, который въ половинѣ 50-хъ годовъ прошлаго столѣтія еще очень молодымъ человѣкомъ поселился въ Парижѣ, сошелся тамъ съ кружками писателей и художниковъ, а въ 60-хъ годахъ, при Екатеринѣ II, былъ русскимъ посланникомъ въ Парижѣ. Русская дѣйствительность доставляла къ сожалѣнію слишкомъ обильный матеріалъ для подобной критики. Подъ тѣми же литературными вліяніями сложились и мысли самой императрицы Екатерины.

Въ 1765 году, опять по французскому образцу, основана въ Петербургѣ при участіи многихъ аристократическихъ лицъ „Патріотическое общество для поощренія въ Россіи земледѣльческаго и экономіи“, которое, послѣ утвержденія его устава, поступило подъ исключительное покровительство императрицы, не завися ни отъ какаго правительственнаго учрежденія, и съ тѣхъ поръ стало называться „Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ къ приращенію въ Россіи земледѣлія и домостроительства“. Извѣстно, что въ этомъ обществѣ впервые открыто поставленъ былъ вопросъ о мѣрахъ къ поднятію земледѣльческаго класса и къ облегченію, если не устраненію крѣпостнаго права, когда общество объявило въ печати премію за лучшее рѣшеніе вопроса: „что полезнѣе для общества, — чтобы крестьянинъ имѣлъ въ особенности землю или токмо движимое имѣніе, и сколь далеко его права на то или другое имѣніе простирались должны“. Объявленіе Вольнаго Экономическаго Общества вызвало множество (больше полутора ста) отвѣтовъ въ сочиненіяхъ французскихъ, нѣмецкихъ и русскихъ; это было первое начало печатной литературы по русскому крестьянскому вопросу. Г. Семевскій разобралъ подробно не только тѣ сочиненія, которыя были тогда изданы, но и нѣсколько другихъ, которыя остались въ рукописяхъ и сохранились въ архивѣ Вольнаго Экономическаго Общества. Инициатива всего этого дѣла принадлежала самой императрицѣ. Въ то время, когда вновь образовавшееся Общество собиралось разсуждать о лучшихъ способахъ агрономіи, императрица въ концѣ 1765 г. послала въ Общество письмо, подписанное

буквами И. Е., под которыми сначала вовсе не узнали автора, где поставила основной вопрос нашего сельского хозяйства и вместо агрономии приглашала Общество разрешить вопрос о положении самого крестьянства и крестьянской собственности.

„Многие разумные авторы, — говорилось в письме, — поставят (т. е. утверждают) и самые опыты доказывают, что не может быть там ни искусного рудокопа, ни твердо основной торговли, где земледелие в уничтоженіи или незначительно производится, что земледелие не может процветать тут, где земледельец не имеет ничего собственного. Все сіе основано на правде весьма простомъ: всякій человекъ имеетъ болѣе пожеланія о своемъ собственномъ, нежели о томъ, чего опасаться можетъ, что другой у него отниметъ“, — и дальше ставится вопрос, сводившійся къ тому, что будетъ лучшей формой крестьянской земельной собственности — участки, принадлежащій естественной и наследующей семьѣ, или участки, устроенный искусственно съ известнымъ числомъ работниковъ. Императрица видимо не знала объ общинной формѣ землевладѣнія. Безыменное письмо оставлено было въ Обществѣ безъ вниманія, и о немъ вспомнили только черезъ годъ, когда въ ноябрѣ 1766 г. секретарь Общества доложилъ второе письмо отъ того же И. Е., съ приложеніемъ тысячи червонцевъ: неизвестный корреспондентъ, въ виду недостатка денегъ у Общества, просилъ принять посланнаго денга для раздачи наградъ за рѣшеніе объявляемыхъ задачъ, для пяти переводчиковъ и пр., и наконецъ высказывалъ желаніе, чтобы объявлена была задача на премію по тому же вопросу о крестьянской собственности.

Въ 1767 году вышелъ изъ печати знаменитый „Наказъ“. Сама императрица въ письмѣ къ д'Аламберу говорила, что она „обобрала президента Монтескье“. Сличеніе текстовъ указываетъ, что изъ 526 статей „Наказа“ около 100 взято изъ известнаго сочиненія Бенариа о преступленіяхъ и наказаніяхъ, и болѣе 250 у Монтескье: или въ видѣ буквального перевода съ сокращеніемъ самого порядка статей подлинника (въ первомъ случаѣ), или въ видѣ болѣе свободной компіляціи (во второмъ случаѣ). Въ печати „Наказъ“ появился уже съ различными исключеніями: первоначальная форма представляла гораздо болѣе положеній разительныхъ для тогдашняго уровня понятій большинства и господствующихъ правовъ. Когда еще до окончанія труда императрица показывала его Гр. Орлову и Н. И. Панину, первый былъ отъ него въ восторгѣ, второй замѣтилъ: „ce sont des axiomes à renverser des mirailles“. Конечно, въ „Наказѣ“ не могъ быть

обойденъ вопросъ рабства или крѣпостного права. Императрица не думала о настоящемъ освобожденіи крестьянъ, и самой авторитетъ императрицы, Монтескьё, находилъ, что не слѣдуетъ вдругъ, и общимъ узаконеніемъ, дѣлать большого числа освобожденныхъ людей, — но императрица видѣла необходимость наказывать „злоупотребленія рабства“ (т.-е. рабовладѣльчества), опредѣлить размѣръ обязанностей крестьянина, обезпечить его собственность и т. п. Въ тѣхъ статьяхъ, которыя не вошли изъ первоначальной редакціи въ печатную, заключалась болѣе рѣшительная защита крѣпостныхъ, и въ отвѣтахъ императрицы на замѣчанія, вызванныя „Наказомъ“, видно, что дѣйствительное положеніе вещей, т.-е. взаимныя отношенія помѣщиковъ и крѣпостныхъ, были ей очень достаточно извѣстны. Между прочимъ въ „Наказѣ“ упомянуто было и то, что нужно избѣгать случаевъ „приводить людей въ неволю, развѣ крайняя необходимость къ учиненію того привлечетъ, и то не для собственной вырости, но для пользы государственной“.

Крестьянскій вопросъ вызвалъ оживленныя разсужденія и въ комиссіи о составленіи новаго уложенія. Нашлись между самими помѣщиками лица, ревностно стоявшія за облегченіе участи угнетеннаго крестьянства; у своихъ противниковъ (а такими оказалось большинство депутатовъ) они прослыли опасными вольнодумцами. Любопытно, что депутаты другихъ сословій (исключая только чернососныхъ крестьянъ и, разумѣется, кромѣ дворянства, уже владѣвшихъ крестьянами) всѣ добивались разрѣшенія владѣть крестьянами: купечество, бѣлое духовенство, приказные служители, сибирскіе служилые люди, однодворцы. Возстали противъ этого притязанія не только дворяне, оберегавшіе свои привилегіи, но даже и лица изъ другихъ сословій, — знакомые съ существующими нравами. Такъ, однимъ изъ противниковъ этого желанія явился депутатъ хоперской крѣпости, казакъ Алейниковъ: онъ считалъ вреднымъ для государства, чтобы купцы, приказные и казаки владѣли крѣпостными, потому что тогда богатые купцы, владѣя деревнями, покинутъ торговлю, а прочіе изъ ихъ сословія будутъ своихъ дворовыхъ употреблять „безъ пощады“ на всякія домашнія работы и доведутъ ихъ до такого отчаянія, что тѣ будутъ обращаться въ бѣгство, собираться шайками и затѣмъ грабить и мучить кого попало. На замѣчаніе, что крестьяне могутъ быть жалуемы казацкимъ начальникамъ въ награду за „отличныя ихъ службы“, этотъ депутатъ отвѣтилъ, что на войнѣ и простые рядовые казаки оказываютъ такія же „отличныя службы“, и что „мы видимъ цѣлую Европу, которая

въ крѣпостныхъ крестьянахъ никакой нужды не имѣть". Депутаты заключили слѣдующимъ общимъ разсужденіемъ: „Не больше ли будетъ предосудженія всѣмъ господамъ депутатамъ и всему нашему государству предъ другими европейскими странами, когда, по окончаніи сей высочайшей комиссіи, узаконено будетъ покупать и продавать крестьянъ какъ скотину, да еще такихъ же христианъ, какъ и мы сами“¹⁾.

Слухи о дѣятельности законодательной комиссіи не могли, конечно, не дойти до народной массы; крестьяне возмѣли нѣкоторыя надежды, посылали иногда челобитныя на господъ, заводскіе рабочіе отказывались работать—до рѣшенія вопроса объ ихъ положеніи; но изъ трудовъ комиссіи не вышло никакого результата, и крестьянскія надежды были обмануты. Распространеніе упомянутыхъ слуховъ было, разумѣется, совершенно естественно; но любопытно, что уже тогда оно приписывалось „злонамѣреннымъ людямъ“. Въ указѣ, изданномъ по поводу подачи въ 1767 г. челобитныхъ на своихъ господъ крестьянами нѣсколькихъ помѣщиковъ, было именно сказано: „изъ обстоятельствъ сего дѣла усматривается, что такія преступленія (т. е. подача челобитныхъ) большею частію происходятъ отъ разглашенія *злонамѣренныхъ людей*, разсѣвающихъ *вымышленныя* ими слухи о *перемѣнѣ законовъ*“. Въ подобномъ смыслѣ говорилъ современный авторъ „Размышленія о неудобствахъ въ Россіи дать свободу крестьянамъ“: онъ не могъ перевернуть, что въ законодательной комиссіи были голоса въ пользу крѣпостного населенія. Въ бывшей комиссіи о сочиненіи уложенія,—говорилъ онъ,—„неосторожно предлагаемыя мнѣнія отъ господъ депутатовъ, а паче отъ Коробьина (онъ наиболѣе рѣшительно говорилъ въ пользу крестьянъ), всѣяли паче сію заразу въ сердца низкихъ людей, тутъ находящихся депутатами, и... тщетно многими лучшими сынами отечества совсѣмъ испровержено было мнѣніе г. Коробьина: упившіяся сердца лестнымъ ядомъ сямъ не могли вкусить представляемаго имъ лекарства, и духъ неподданства и разврата въ грубыя и несмысленныя души вкоренился, зарождающійся отъ разныхъ несправедливыхъ слуховъ и отъ разглазольствій крестьянскихъ, однодворческихъ, старыхъ службъ и другихъ низкихъ чиновъ, депутатовъ, которые по развѣдѣ своимъ сімена сіи злыя и въ отдаленнѣйшія области Россіи распростерли“²⁾. Г. Семейскій замѣчаетъ напротивъ, что съ начала

¹⁾ Т. I, стр. 99; Сборникъ Историч. Общества, т. VIII, стр. 170—171, 369—376.

²⁾ Т. I, стр. 177 и далѣе.

дѣйствию комиссіи въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ не было ни одного волненія крѣпостныхъ, но помѣщичьи злоупотребленія продолжались, и въ 1774 году крестьянство, наконецъ, возволновалось. Современники поняли, что важность дѣла въ Пугачевщинѣ была не въ нелѣпомъ самозванствѣ. Одинъ изъ усмирителей бунта, Бибиковъ, говорилъ, что „не Пугачевъ важенъ—важно общее негодованіе“, но, по заключенію автора, это громадное волненіе не побудило ни правительство, ни дворянство къ какому-нибудь мѣрамъ для улучшенія крѣпостного быта; напротивъ, помѣщики желали всевозможныхъ казней и еще большаго порабощенія. Такъ рассуждалъ, напримѣръ, сочинитель упомянутого сейчасъ рассужденія: „Таковое почти, можно сказать, всеобщее преступленіе, кажется, должноствовало бы, еслибы они и право имѣли къ вольности и собственности, на немалое время ихъ отнять и, еслибы не были рабами, предать ихъ въ рабство, дондеже исворонится злая сѣмена изъ сердца ихъ“. Находились лишь немногіе люди, понимавшіе настоящій характеръ событій, какъ, напримѣръ, извѣстный новгородскій генераль-губернаторъ Сиверсъ. Въ 1775 году онъ писалъ императрицѣ, что весьма значительная часть ея подданныхъ, именно крѣпостные крестьяне, „лишены ея милостей“. „Я позволяю себѣ сказать, что неограниченное рабство погубитъ государство, и, мнѣ кажется, я не ошибаюсь, считая невыносимое рабское иго главною причиною волненій отъ Оренбурга до Казани и на нижнемъ теченіи Волги“.

Благія намѣренія, какія высказывала императрица Екатерина въ началѣ царствованія, къ концу его были совершенно забыты. Исторія крестьянскаго вопроса приводитъ къ заключенію, что положеніе крестьянъ въ это время стало еще хуже, чѣмъ прежде. Волненія Пугачевского бунта только усилили помѣщичью власть, и увѣренность, что правительство покинуло всякія мысли объ ограниченіи крѣпостного права, повела въ тому, что помѣщичье самовластіе стало доходить до полной необузданности, до настоящей свирѣпости. Правительство иногда вмѣшивалось, какъ, напримѣръ, въ дѣлѣ извѣстной Салтычки, но, говоря вообще, крѣпостное право поддерживаемо было во всей его силѣ. Наконецъ, забыто было и старое предостереженіе, что не слѣдуетъ „приводить людей въ неволю“ (слова „Наказа“), и время императрицы Екатерины II-й извѣстно, между прочимъ, тѣмъ, что приведены были въ неволю сотни тысячъ свободныхъ людей въ имѣніяхъ, которыхъ даруемы были тогда разнымъ сановникамъ и приближеннымъ лицамъ. Вторая половина XVIII-го столѣтія была высшимъ пунктомъ въ развитіи крѣпостного права. Въ виду господствующаго

принципа, лишь немногие сохранили убеждение въ необходимости его уничтоженія; даже люди съ сильнымъ критическимъ умомъ и знаниями, какъ известный историкъ Болтинъ, не считали нужнымъ освобожденіе крестьянъ, хотя видѣли всѣ крайности ихъ „несчастнаго“ положенія: полагаюсь, что виновны только нѣкоторые жестокіе помещики, но въ томъ и была бѣда, что противъ этой жестокости никогда не было принято никакихъ достаточныхъ мѣръ; она прикрывалась и самими помещиками, и продолжалась администраціей, и судами, и притѣры ея дожили до 19-го февраля 1861 года.

Авторы собирали изъ современной литературы отзывы о крѣпостномъ правѣ и находили цѣлый рядъ изображеній жестокихъ и расточительныхъ помещиковъ, угнетающихъ своихъ крестьянъ непосильными работами, разоряющихъ свои имѣнія для пустыхъ прихотей и т. п. Въ ряду этихъ обвинителей находился даже Суворковъ, несмотря на то, что вообще онъ былъ защитникомъ крѣпостного права; былъ въ числѣ ихъ и Крыловъ, относившійся къ вопросу весьма равнодушно. Все это допущалось въ печать, повидимому, на томъ основаніи, что въ этихъ обвиненіяхъ видѣли только невинную и тогда вообще весьма популярную цѣль „исправленія нравовъ“, то-есть обращенія помещиковъ жестокихъ и расточительныхъ въ добрыхъ и бережливыхъ; но когда затронуть было однажды крѣпостной вопросъ во всемъ безобразіи его тогдашнихъ проявленій, какъ это было въ книгѣ Радищева, писатель подвергся жестокому преслѣдованію, какъ политическій возмутитель.

Въ слѣдующее царствованіе жизнь общества замерла; въ крѣпостномъ вопросѣ не было никакого движенія, кромѣ того, что продолжалась широкая расдача населенныхъ имѣній. Вступленіе на престолъ Александра I было встрѣчено самыми свѣтлыми надеждами; то, что давно бродило въ умахъ, стало снова высказываться, между прочимъ и въ крестьянскомъ вопросѣ. Достаточно извѣстно, какими либеральными идеями исполненъ былъ молодой императоръ и его приближенные въ первое время. Продолжительная духота предшествующей эпохи угнетала одиозно всѣхъ, и начало царствованія, повидимому, обѣщало рядъ крупныхъ преобразованій. Въ дѣйствительности, какъ извѣстно, сдѣлано было весьма немногое, какъ по неустойчивости личнаго характера императора Александра, такъ, вѣроятно, и вслѣдствіе прежней исторіи крестьянскаго вопроса: дѣло въ томъ, что въ правленіе императрицы Екатерины, не говоря объ ея преемникѣ, крестьянскій вопросъ былъ заврѣшенъ и затруденъ едва ли не

больше прежняго. Съ одной стороны, раздача имѣній, распространение крѣпостного права на обширное число свободныхъ прежде людей усиливали въ помѣщичьемъ классѣ, да и въ другихъ слояхъ общества, убѣжденіе въ незыблемости крѣпостного права какъ государственнаго учрежденія; съ другой стороны, увеличивался страхъ передъ рѣшеніемъ крестьянскаго вопроса: предполагалось, что воснудиться его во всемъ его объемѣ, то-есть рѣшиться на освобожденіе крестьянъ, значило бы подвергать опасности спокойствіе всего государства, хотя бы казалось, что отмѣна отяготительныхъ условій народной жизни должна была, напротивъ, подѣйствовать на массы умиротворяющимъ образомъ и укрѣпить порядокъ. Въ этомъ фальшивомъ кругѣ долго оставался крестьянскій вопросъ: съ одной стороны чувствовали, что и нравственность, и сама религія, и практическія соображенія побуждаютъ отмѣнить учрежденіе, унижительное для человѣческаго достоинства и, наконецъ, политически опасное, какъ источникъ народныхъ волненій, и въ то же время боялись дотронуться до него, опасаясь, что уничтоженіе его будетъ причиною взрыва. Недоразумѣніе питалось отсутствіемъ простаго отношенія въ народной жизни, недостаткомъ ея изученій, устраненіемъ открытыхъ выраженій общественнаго мнѣнія. При Александрѣ повторилось приблизительно то же, что происходило при Екатеринѣ II: благія намѣренія, нерѣшительныя съ самаго начала, кончились равнодушіемъ и, наконецъ, совершеннымъ отказомъ отъ прежнихъ плановъ.

Авторъ и здѣсь весьма отчетливо излагаетъ всѣ подробности колебаній крестьянскаго вопроса въ мѣрахъ правительства, въ общественномъ мнѣніи, въ ученыхъ сочиненіяхъ, въ журналистикѣ, въ литературѣ; онъ излагаетъ содержаніе печатныхъ сочиненій по этому вопросу, какъ книги Пнина („Опытъ о просвѣщеніи“), Кайсарова, Стройновскаго, какъ сочиненія Меркеля, Якова, Комарова, курсъ политической экономіи Шторха, книга Н. Тургенева („Теорія налоговъ“) и пр.; излагаетъ взгляды извѣстныхъ дѣятелей Александровскаго времени, какъ Карамзинъ, Шишковъ, масоны: Лопухинъ и Поздѣвъ, Каразинъ и пр.; указываетъ взгляды на крестьянскій вопросъ у Батюшкова, Пушкина, кн. Вяземскаго, Грибоѣдова, Нарѣжнаго и Державина; исчисляетъ различные частные проекты по крестьянскому дѣлу и т. д. Къ Пушкину, кн. Вяземскому и Грибоѣдову авторъ возвращается и даѣе, когда говоритъ о временахъ импер. Николая. Существующія въ литературѣ данныя по исторіи крестьянскаго вопроса въ царствованіе Александра I-го авторъ обильно допол-

неть новыми фактами, извлеченными изъ архивныхъ дѣлъ и неизданныхъ записокъ.

Общій результатъ Александровскаго времени относительно крестьянскаго вопроса былъ невеликъ. „Несмотря на то, что императоръ Александръ I-й самъ желалъ освобожденія крестьянъ, въ его царствованіе, если не считать неудачной крестьянской реформы въ Остзейскомъ краѣ, было очень мало сдѣлано для ослабленія крѣпостнаго права. Самыми важными мѣрами въ этомъ отношеніи слѣдуетъ считать прекращеніе пожалованія населенныхъ имѣній въ полную собственность и указъ 1803 года о свободныхъ хлѣбопашцахъ; затѣмъ нужно упомянуть объ уничтоженіи правила „по холопу раба“¹⁾, о запрещеніи запродавать трудъ крѣпостныхъ на фабрики и заводы, запрещеніи торга крѣпостными на ярмаркахъ (обсужденіе въ 1820 году въ государственномъ совѣтѣ вопроса о совершенномъ прекращеніи продажи людей безъ земли опять не имѣло никакихъ результатовъ) и объ уничтоженіи права помѣщиковъ отдавать своихъ крѣпостныхъ въ каторжную работу“. Въ другомъ мѣстѣ авторъ, обобщая факты Александровскаго времени, замѣчаетъ, что многія требованія отдѣльныхъ мѣръ для улучшенія быта крестьянъ, заявленныхъ въ это время, встрѣчаются и въ планахъ Екатерининской эпохи, но теперь они выставляются рѣшительнѣе и болѣе числомъ лицъ, такъ что извѣстный прогрессъ въ развитіи вопроса несомнѣненъ: въ Вольное Экономическое Общество поступаетъ не мало русскихъ мнѣній на заданныя темы о барщинномъ трудѣ; вопросъ объ измѣненіи быта крестьянъ вызываетъ горячую полемику въ рукописяхъ и въ печати; является, наконецъ, мысль объ основаніи общества съ цѣлью освободить крѣпостныхъ. „Прогрессъ этотъ тѣмъ важнѣе, — замѣчаетъ г. Семеvскій, — что общество Александровской эпохи не имѣло такого удобнаго случая коснуться крестьянскаго вопроса, какой при Екатеринѣ II-й представила коммиссія для составленія новаго уложенія. Что касается общаго плана крестьянской реформы, то хотя при Екатеринѣ II-й Радищевъ опередилъ въ этомъ отношеніи свой вѣкъ, но зато въ Александровскую эпоху мы находимъ болѣе количество болѣе или менѣе цѣльныхъ проектовъ, составленіе которыхъ вызывалось нерѣдко самою верховною властію“²⁾. Положительнымъ приобрѣтеніемъ было хоть и раньше высказываемое, но только

¹⁾ Т.-е. правила о закрѣпощеніи свободной женщины, если она выходила замужъ за крѣпостнаго; оно было уничтожено указомъ 1808 г. Обратное правило: „по рабѣ холопъ“ было отмѣнено еще при Екатеринѣ II-й.

²⁾ Т. I, введеніе, стр. XXV, стр. 481 и слѣд.

теперь вполне и научнымъ образомъ доказанное положеніе, что свободный трудъ выгоднѣе крѣпостного и что освобожденіе крестьянъ можетъ быть полезно для самихъ помѣщиковъ. Что касается вопроса о землѣ, то теперь гораздо рѣче прежняго выступаетъ мысль о правѣ собственности помѣщиковъ на землю, и въ этомъ отношеніи Александровская эпоха была довольно опаснымъ временемъ: безземельное освобожденіе крестьянъ въ Остзейскомъ краѣ было дурнымъ прецедентомъ; даже люди съ наилучшими намѣреніями, какъ Якушкинъ (впослѣдствіи декабристъ), считали добрымъ дѣломъ освобожденіе крестьянъ лишь съ усадьбою землею и общимъ выгономъ: собственники его крестьяне отказались отъ свободы, предложенной на такихъ условіяхъ, и впослѣдствіи оны уникды своею ошибкою. При распространенности понятій о возможности такого освобожденія, — замѣчаетъ г. Семевскій, — мы тѣмъ болѣе должны принять протестъ противъ обезземеленія народа, высказанный столь вліятельнымъ лицомъ, какъ Сперанскій, точно также намъ и протестъ противъ конституціонныхъ мечтаній ранѣе уничтоженія крѣпостного права и указаніе на необходимость, для выполненія этой послѣдней задачи въ Россіи, неограниченной самодержавной власти, что такъ ясно формулировано было Н. И. Тургеневымъ¹⁾.

Развитію общественнаго интереса къ вопросу, кромѣ общихъ условій времени, содѣйствовало и то, что самъ императоръ Александръ, при всемъ колебаніи его мнѣній, былъ расположенъ къ мысли о необходимости освобожденія, а съ другой стороны нерѣшительность правительства возбуждала недовольство въ кругу образованнѣйшихъ людей и дѣлала крѣпостной вопросъ тѣмъ болѣе живымъ интересомъ для молодого поволенія и тайныхъ обществъ. Это не осталось потомъ безъ послѣдствій для развитія пониманія предмета въ обществѣ.

Цѣлая половина труда г. Семенова, именно весь второй томъ его книги, посвящена исторіи вопроса въ царствованіе импер. Николая, и здѣсь въ подробномъ изложеніи того, что дѣлалось и предполагалось въ это время по крестьянскому вопросу, опять собрано много любопытныхъ и новыхъ данныхъ, ранѣе неизвѣстныхъ въ нашей литературѣ. Это близкое къ намъ время до сихъ поръ остается весьма мало изученнымъ, между прочимъ и по данному предмету, и многое объ этой эпохѣ мы узнаемъ только теперь. Въ Николаевскія времена общество было совершенно устранено отъ всѣхъ вопросовъ политики внѣшней и вну-

¹⁾ Тамъ же, стр. 482.

твенней, не имѣло никакого голоса въ дѣлѣхъ, составлявшихъ самый крупный интересъ общественный и даже національный; все закрывалось отъ общества господствовавшей всюду канцелярской тайной; въ томъ числѣ закрыто было и то, что дѣлалось въ правительственной сферѣ по крестьянскому вопросу. Изучать его исторію приходится почти только по архивамъ тогдашнихъ канцелярій.

Дѣятельность тогдашняго правительства въ этой области повсюду возбуждаетъ недоумѣніе. Рѣдко правительственный авторитетъ бывалъ такъ могущественъ и общество такъ слѣпо и безусловно подчинялось ему, и однако же въ данномъ случаѣ правительство оказывалось до крайней степени боязливо и нерѣшительно. Привыкшее во всѣхъ другихъ случаяхъ рѣшать и повелѣвать безусловно, здѣсь оно дѣйствовало съ крайней осторожностью, переходившею въ настоящую робость. Причина была та же, какую мы указывали раньше: во-первыхъ, старая память о крестьянскихъ волненіяхъ прошлаго вѣка возбуждала опасенія о возможности чего-либо подобнаго теперь, а во-вторыхъ, незнаніе народной жизни, привычка къ бюрократическому управленію, отсутствіе той массы свѣдѣній, какія могла бы — въ другихъ условіяхъ — давать литература, все это заставляло недоумѣвать при встрѣчѣ съ живою дѣйствительностью. Въ вопросахъ, закрытыхъ отъ общественнаго мнѣнія, распространялся туманъ, скрывававшій предметы и отъ самой бюрократіи, и въ туманѣ являлись воображенныя пугала, отъ которыхъ не имѣли средствъ отрѣшиться. Все царствованіе императора Николая наполнено было въ этомъ вопросѣ постоянными колебаніями. Правительство одушевлено было наилучшими наміреніями, но боялось открыто заявить ихъ; нѣсколько разъ оно собирало комитеты, — конечно, изъ высокопоставленныхъ лицъ — для обсужденія крестьянскаго вопроса, но всѣ эти комитеты (числомъ десять) были „особые“, „секретные“, „кабинетные“, совѣщанія должны были вестись „безъ всякой огласки“, „въ совершенной тайнѣ“ и т. п.; не допускалось мысли о томъ, чтобы въ разъясненія дѣла могла принять участіе печать, хотя бы въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ, а между тѣмъ въ секретныхъ комитетахъ дѣло велось вообще довольно странно: люди, расположенные къ освобожденію крестьянъ, были, конечно, постоянно въ меньшинствѣ, а въ большинствѣ были или люди равнодушные, или прямые противники освобожденія крестьянъ, которые если бывали разбиты въ одномъ комитетѣ, то все-таки называемы были и въ слѣдующій, или, наконецъ, люди крайне нерѣшительные, боявшіеся компрометтировать свою бюрократиче-

скую мудрость какою-нибудь опредѣленною мыслью и предпочитавшіе лавировать между измѣнявшимися настроеніями самой власти. Можно было бы думать, что разнообразіе взглядовъ будетъ полезно для многосторонности сужденій; но этого не было; большинство только затягивало дѣло или передавало имп. Николаю свою боязливость.

Въ тѣхъ волненіяхъ, какими началось новое царствованіе, господствовали два стремленія: одно искало политическихъ реформъ, другое—освобожденія крестьянъ. „Представители перваго направленія,—говорить г. Семеvскій,—потергѣли рѣшительное пораженіе 14-го декабря 1825 г.; самодержавіе побѣдило, но вмѣстѣ съ тѣмъ самодержецъ долженъ былъ не только взять на себя рѣшеніе той задачи, которую декабристы собирались возложить на временное правительство, т.-е. выработать основныя начала освобожденія крестьянъ, но и примѣнить эти начала къ дѣлу“.

Во время процесса надъ декабристами оказалось, что у нихъ были весьма опредѣленныя мнѣнія о необходимости освобожденія крестьянъ, былъ цѣлый планъ внутреннихъ преобразованій; нѣкоторые съ первыхъ словъ своихъ показаній говорили о крестьянскомъ вопросѣ; иные,—какъ Н. Тургеневъ, Якушкинъ, Трубецкой и др.,—задолго ранѣе заявляли свои мысли по этому предмету и обращались къ правительству съ планами освобожденія и съ попытками его въ своихъ собственныхъ мнѣніяхъ. Новое правительство должно было увидѣть, что вопросъ принялъ такіе размѣры, что производилъ въ умахъ сильное броженіе,—и, пожалуй, могъ грозить другими волненіями. Были, кромѣ того, иныя причины, привлекавшія вниманіе къ этому предмету. Императоръ Николай, хотя въ предшествующее царствованіе не принималъ никакого участія въ дѣлахъ, зналъ однако, что имп. Александръ былъ постоянно занятъ мыслью объ освобожденіи крестьянъ и не осуществилъ ея только потому, что она была еще „несвоевременна и неудобна въ исполненію“. Самому имп. Николаю эту мысль внушала одинъ изъ его преподавателей, ученый Шторхъ, читавшій великимъ князьямъ лекціи по политической экономіи. Шторхъ, по его собственнымъ словамъ, „не оправдалъ бы довѣрія“, которымъ его почтили, еслибы изложилъ своимъ августѣйшимъ слушателямъ нѣкоторые „деликатные вопросы“ политической экономіи „не съ точки зрѣнія истины и разума“. Шторхъ, какъ и слѣдовало человеку ученому, былъ рѣшительный противникъ „рабства“, какимъ считалъ и крѣпостное право, но русскія поземельныя и крестьянскія отношенія не были ему въ точности извѣстны, и потому онъ не выработалъ относительно ихъ опредѣленной

программы: онъ считалъ возможнымъ освобожденіе съ землей и безъ земли, всѣ средства были ему хороши, лишь бы покончить съ рабствомъ, — но, во всякомъ случаѣ, онъ внушалъ своимъ слушателямъ мысль о вредѣ крѣпостного права для экономическаго благосостоянія страны, для ея земледѣлія, промышленности и торговли. Наконецъ, напомнили о себѣ и крестьяне. По замѣчанію г. Семейскаго, почти каждое новое царствованіе съ тѣхъ поръ, какъ дворянство освободилось отъ обязательной службы, начиналось волненіями крѣпостныхъ крестьянъ, ожидавшихъ какой-либо мѣры въ свою пользу; теперь между крестьянами распространились слухи, что они получаютъ землю и кромѣ того будутъ освобождены отъ податей. Понадобилось особымъ манифестомъ опровергать эти и подобныя слухи, распространяемые „злонамѣренными людьми“, и грозить нарушителямъ общественнаго спокойствія строгими наказаніями. Но затѣмъ, въ двухъ рескриптахъ на имя министра внутреннихъ дѣлъ, въ іюнѣ и сентябрѣ 1826 года, дворянству предписывалось „христіанское и сообразное съ законами обращеніе съ крестьянами, такъ какъ до свѣденія императора дошли факты, доказывающіе нарушеніе со стороны помѣщиковъ ихъ обязанностей, какъ христіанъ и вѣрноподданныхъ. Государь будетъ самъ наблюдать за исполненіемъ этого долга и по закону наказывать за его нарушеніе; предводители дворянства должны стараться предупредить подобныя проступки помѣщиковъ“.

Съ перваго года царствованія правительство начинаетъ обдумывать мѣры въ улучшенію быта крѣпостныхъ крестьянъ. Въ декабрѣ 1826 года назначенъ былъ первый секретный комитетъ, которому поручено было разсмотрѣніе разныхъ мѣръ къ усовершенствованію внутренняго управленія и, между прочимъ, разсмотрѣніе крѣпостного вопроса, и въ который поэтому переданы были многіе проекты, представленные правительству при имп. Александрѣ. За комитетомъ 1826 года послѣдовало нѣсколько другихъ въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, до тѣхъ поръ, пока въ концѣ сороковыхъ годовъ волненія въ западной Европѣ отразились реакціонными мѣрами въ самой Россіи и, между прочимъ, прервали всѣ предположенія правительства по крестьянскому дѣлу. Въ концѣ концовъ, труды секретныхъ комитетовъ имѣли весьма скудный результатъ: то, что говорилось въ пользу крестьянскаго дѣла, или само по себѣ было весьма неполно и нерѣшительно, или тотчасъ встрѣчало возраженія со стороны эгоистическихъ защитниковъ дворянскихъ привилегій, такъ что дѣло кончалось полумѣрами, не имѣвшими почти никакого практиче-

сваго дѣйствія. Правительство опасалось сдѣлать само какой-нибудь рѣшительный шагъ; оно хотѣло только совѣтовать, убѣждать самыхъ помѣщиковъ къ улучшенію быта ихъ крестьянъ, къ условному ихъ освобожденію, къ добровольнымъ соглашеніямъ, какъ будто преобразование столь давно выроставшихъ отношеній и укрѣпившихся злоупотребленій и предрассудковъ могло быть достигнуто этими платоническими средствами. Когда въ средѣ приверженцевъ освобожденія возникала какая-нибудь смѣлая надежда, когда противники умѣли выставить какое-нибудь путающее возраженіе, правительство заявляло не однажды, что оно не думаетъ объ освобожденіи крестьянъ, такъ что въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ вопросъ оставался неизмытымъ и для общества, и для самого правительства, и всего болѣе для крестьянъ. Тѣмъ не менѣе работы комитетовъ не остались совершенно безплодными; если въ нихъ и не было собрано всёхъ данныхъ необходимыхъ для рѣшенія вопроса, какъ это приблизительно сдѣлано было позитивными редакціонными коммиссіями, если въ этихъ работахъ не были подведены итоги и точныя заключенія, то, по крайней мѣрѣ, въ этихъ продолжительныхъ совѣщаніяхъ раскрыты были теоретически нѣкоторыя существенныя стороны предмета. Такъ, въ этомъ фазисѣ крестьянскаго вопроса выработалось отрицательное убѣжденіе въ невозможности и даже опасности безземельнаго освобожденія и положительный выводъ о необходимости обезпеченія крестьянъ землею и сохраненія поземельной общины. Наконецъ, и это было уже внѣ расчетовъ правительства, тайна официальныхъ работъ не могла быть вполне сохранена; отдѣльные кружки дворянъ, съ вѣдома или даже по вызову правительства, поднимали вопросъ о крестьянскомъ дѣлѣ въ своихъ мѣстныхъ собраніяхъ; печать, хотя отрывочно и косвенно, но тѣмъ не менѣе иногда довольно сильно затрогивала крестьянскій вопросъ, и уже въ сороковыхъ годахъ, по свидѣтельству министра внутреннихъ дѣлъ Перовскаго, вопросъ объ уничтоженіи крепостнаго состоянія сдѣлался „однимъ изъ довольно обыкновенныхъ предметовъ откровенной бесѣды въ образованныхъ состояніяхъ“.

Факты, собранные г. Семейскимъ относительно дѣятельности секретныхъ комитетовъ Николаевскаго времени, чрезвычайно характерны, какъ примѣръ несостоятельности бюрократіи въ рѣшеніи жизненныхъ вопросовъ народнаго быта. Прежде всего, какъ мы замѣтили, былъ очень мало удовлетворителенъ самый составъ лицъ, изъ которыхъ состояли комитеты; призывались въ нихъ лица, находившіяся на высшихъ ступеняхъ администраціи—не-

рѣдко; однако, совершенно чуждыя вопросу, который знали они только какъ заинтересованные помощники. Когда императоръ Николай принималъ во второй секретный комитетъ (1835 г.) Киселева, онъ говорилъ ему о крестьянскомъ дѣлѣ, какъ о такомъ предметѣ, который его постоянно занимаетъ, но котораго онъ не можетъ исполнить „безъ добраго пособія“ ¹⁾, и Киселевъ былъ едва ли не единственный человѣкъ, способный принести это доброе пособіе, какъ горячо преданный интересу дѣла и внимательно его изучавшій; напротивъ, добрымъ пособіемъ не могли быть люди совсѣмъ неспособные или не желавшіе понимать всю государственную важность вопроса, и которые, однако, были привываемы въ комитеты.

Труды комитетовъ, какъ мы замѣтили, облакаемы были въ величайшую тайну: работать „безъ огласки“, „хранить въ совершенной тайнѣ“, совѣщаться „калейно“ и „секретно“ — съ этими выраженіями мы встрѣчаемся постоянно въ исторіи комитетовъ; правило исполнялось, т.-е. обществу никогда не заявлялось о происходившихъ совѣщаніяхъ, и въ концѣ концовъ это только вредило самому дѣлу, стѣсняя горизонтъ комитетовъ и не давая доступа другимъ мыслямъ, кромѣ круга шести-семи человѣкъ. Сперанскій, имѣвшій много опыта въ нашихъ государственныхъ дѣлахъ, прямо говорилъ объ одномъ изъ комитетовъ, въ которомъ участвовалъ, что не ждетъ отъ его работы никакого успѣха ²⁾: это можно было бы сказать и о всѣхъ вообще, потому что ихъ составъ и способъ дѣйствій были одинаковы. Иногда труды комитетовъ оставались безплодны даже въ самомъ началѣ; дѣло оставалось „впредь до удобнаго времени“. Наиболѣе заслуженнымъ дѣятелемъ комитетовъ, едва ли не болѣе всѣхъ потрудившимся тогда для крестьянскаго вопроса, былъ извѣстный Киселевъ, впоследствии министръ государственныхъ имуществъ и подъ конецъ русской посланникъ при французскомъ дворѣ послѣ крымской войны. Человѣкъ широко образованный и съ умомъ дѣйствительно государственнымъ, онъ стоялъ выше всѣхъ своихъ со товарищей по комитетамъ по ширинѣ своихъ знаній, по дѣйствительному пониманію государственныхъ нуждъ, по отсутствію мелкаго сословнаго себялюбія, который въ другихъ дѣятеляхъ комитетовъ иногда слишкомъ явно вліялъ на сужденія о предметѣ. Киселевъ хранилъ лучшія преданія Александровскаго времени, неизвѣстныя

¹⁾ Т. II, стр. 21.

²⁾ Тамъ же, стр. 25.

другимъ или забытыя въ бюрократической рутинѣ и личныхъ рас-счетахъ. Въ секретныхъ комитетахъ принималъ участіе и Сперанскій, которому принадлежало не мало здравыхъ мыслей и полезныхъ указаній; но это былъ человекъ, частью утомленный, частью формалистъ, частью не вѣрившій въ возможность каго-нибудь сильнаго рѣшенія. Въ числѣ остальныхъ были явные противники освобожденія крестьянъ или люди доводившіе до послѣдней крайности то, что казалось имъ мудрой осторожностью и что было только канцелярской трусостью.

Мы не будемъ перечислять мѣръ, какія придуманы были комитетами для исполненія плановъ императора Николая объ улучшеніи положенія крестьянъ; всѣ эти мѣры были весьма второстепенныя, на практикѣ имѣвшія очень слабое дѣйствіе, какъ законъ объ обязанныхъ крестьянахъ 1842 года и др., иногда уже вскорѣ отмѣняемыя, какъ законъ 8-го ноября 1847 года. Но и эти второстепенныя мѣры выработывались съ величайшими усилиями. Нѣсколько примѣровъ дадутъ понятіе о томъ, съ какимъ трудомъ давались даже эти невинныя полумѣры, имѣвшія, въ сущности очень мало вліянія.

Въ комитетѣ, назначенномъ въ 1844 году, поставленъ былъ вопросъ о дворовыхъ людяхъ. Правительство находило вообще этотъ классъ людей вреднымъ и искало средствъ воспрепятствовать его размноженію; предполагались для этой цѣли различныя мѣры, на примѣръ: обложить помѣщиковъ особою податью за имѣющихся у нихъ дворовыхъ, устроить для послѣднихъ особыя условія рекрутства, допустить продажу рекрутскихъ квитанцій, взятыхъ за дворовыхъ, но которыя могли бы служить замѣной рекрутской повинности для всѣхъ сословій; наконецъ, запретить переводъ крестьянъ изъ пахотныхъ въ дворовые. При тогдашнихъ условіяхъ всѣ эти мѣры были бы въ сущности возможны, но каждая возбуждала споры, и самъ императоръ Николай принималъ горячо въ сердцу опасенія—не будетъ ли въ предполагаемой мѣрѣ нарушенія крѣпостного права...

Князь Волконскій въ своемъ мнѣніи по этому предмету высказалъ именно мысль, что при новой переписи слѣдовало бы запретить перечисленіе крестьянъ съ пашни во дворъ, „если, впрочемъ, сіе не будетъ сочтено нарушеніемъ крѣпостного права“. Эти послѣднія слова, — говоритъ г. Семейскій, — вызвали со стороны императора Николая замѣчаніе, что, конечно, эта мѣра „будетъ сочтена нарушеніемъ правъ, утвержденныхъ необходимою и стариннымъ обычаемъ, а потому прямого воспрещенія помѣ-

щикамъ брать изъ крестьянъ въ дворовые слѣдуетъ избѣгать до послѣдней крайности“¹⁾).

Графъ Бенкендорфъ въ этомъ вопросѣ оказался на сторонѣ „либераловъ“, т.-е. высказался въ пользу мѣръ для уменьшенія численности дворовыхъ людей, напр. въ пользу учрежденія цеха или артели слугъ, и полагалъ, что важно было бы изъять этихъ людей отъ произвола помѣщиковъ, который ихъ безпрестанно раздражаетъ, такъ что, не видя особенной выгоды быть лучшими, они предаются праздности и порокамъ. Гр. Бенкендорфъ былъ убѣжденъ, что приступъ къ этому дѣлу „не повлечетъ за собою никакого неустройства“. Онъ ставилъ даже вопросъ очень рѣзко. „При постоянныхъ опасеніяхъ ни до чего достигнуть нельзя,— говорилъ онъ:—причины взрыва, которыя въ-время можно отклонить, не уничтожаются нерѣшимостью, а лишь укрѣпляются, и чѣмъ позднеѣ будетъ сей взрывъ, тѣмъ сильнѣе и опаснѣе“. „Послѣдняя мысль была одобрена во время чтенія государемъ,— замѣчаетъ г. Семевскій,—но, къ сожалѣнію, импер. Николай не послѣдовалъ этому благому указанію на дѣлѣ: всѣ его добрыя намѣренія по крестьянскому вопросу парализовались крайнею нерѣшительностью въ этомъ отношеніи“²⁾).

Въ томъ же категорическомъ смыслѣ говорилъ гр. Левашовъ. Онъ предостерегалъ отъ излишней медлительности, которая сама можетъ быть небезопасна. „Я смѣю думать, что въ дѣлѣ, такъ близко связанномъ съ частными интересами двухъ противоположныхъ сословій, лучше дѣйствовать рѣшительно: всякія полу-мѣры бесполезны и даже вредны“³⁾).

Другой пріемъ рекомендовалъ Блудовъ—великій авторитетъ въ бюрократическихъ дѣлахъ; онъ также считалъ полезнымъ уменьшить число дворовыхъ, но желалъ достигнуть этого какъ-то такъ, чтобы никто этого не замѣтилъ: именно, достигнуть этого „надежнымъ и безвреднымъ образомъ можно лишь чрезъ употребленіе мѣръ не крутыхъ, а постепенныхъ и, такъ сказать, *невидимыхъ*“ (1). Полагая, что одной изъ первыхъ мѣръ въ уничтоженію крѣпостного состоянія должно быть отдѣленіе крестьянъ отъ дворовыхъ, Блудовъ, однако, тотчасъ оговаривался: „я признаю вмѣстѣ со многими членами комитета, что *нѣтъ еще нужды* спѣшить рѣшительнымъ запрещеніемъ переводить крестьянъ во дворъ, тѣмъ болѣе, что переводы сего рода, благодаря измѣненію въ образѣ

¹⁾ Стр. 122.

²⁾ Стр. 124.

³⁾ При другомъ случаѣ также рѣзко—но и бесполезно—говорилъ Киселевъ. См. т. I, стр. 147.

жизни помѣщиковъ и самому обѣдненію ихъ, нынѣ уже довольно рѣдки“. Эта крайняя уклончивость характеризовала какъ личныя свойства этого дѣятеля, такъ и господствующее настроеніе власти. Самъ императоръ Николай обнаружилъ и здѣсь мало понятную мнительность: при окончательномъ обсужденіи вопроса, запрещеніе помѣщикамъ переводить крестьянъ во дворъ императоръ Николай призналъ „рѣшительно на долгое время невозможнымъ“ — такъ опасался онъ затронуть крѣпостное право, потому что въ такомъ запрещеніи онъ предполагалъ нарушеніе этого права.

Въ результатѣ вопросъ оставался нерѣшеннымъ часто даже и тамъ, гдѣ хотѣли его рѣшить, хотя въ нѣкоторой степени.

Въ іюнѣ 1844 года состоялось два распоряженія правительства: именной указъ сенату о предоставленіи помѣщикамъ отпустить дворовыхъ на волю безъ земли по обоюднымъ договорамъ, и высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта объ освобожденіи дворовыхъ людей изъ имѣній, заложенныхъ въ банковыхъ учрежденіяхъ безъ предварительнаго ихъ разрѣшенія. Но эти распоряженія, хотя состоявшіяся въ одинъ и тотъ же день, обнародованы были не одновременно, и г. Семеvскій думаетъ (стр. 131), что это сдѣлано было вслѣдствіе опасенія, чтобы изданіе ихъ сразу не слишкомъ взволновало общественное мнѣніе, „а между тѣмъ они были не только крайне невинны, но, по всей вѣроятности, остались даже безъ всякаго результата“.

8-го ноября 1847 года состоялся указъ, которымъ предоставлялось крестьянамъ, при продажѣ имѣній съ публичнаго торга, выкупать самимъ свою свободу вмѣстѣ съ землею, посредствомъ взноса суммы, какая причтется по обстоятельствамъ торга, послѣ чего выкупившіеся поступали въ число государственныхъ крестьянъ. Повидимому, этотъ законъ могъ бы примѣняться совершенно безопасно и послужить къ нѣкоторому облегченію крѣпостнаго населенія, но и здѣсь кончилось неудачей: возможность выкупа была на дѣлѣ затруднена бюрократически придуманными вѣязами (всего выкупилось, на основаніи этого закона, меньше тысячи человекъ въ 23 имѣніяхъ), вслѣдствіе чего крестьяне, по обыкновенію, не умѣли понять неяснаго закона и произошли во многихъ мѣстахъ волненія, которыя пришлось усмирять силою.

Черезъ полтора или два года законъ былъ уже отмѣненъ. При обсужденіи въ секретномъ комитетѣ неблагопріятныхъ явленій, происшедшихъ изъ этого закона, когда надо было только улучшить его редакцію, нѣкоторые изъ членовъ, въ томъ числѣ послѣдній цесаревичъ, настаивали на совершенной отмѣнѣ указа, а опытный Блудовъ полагалъ, что при продажѣ недвижимыхъ

имѣній съ публичнаго торга можно установить такія новыя правила, „что продажи будутъ болѣе чѣмъ вдвое рѣже“, и всѣ возбуждающія опасеніе правительства послѣдствія указа 8-го ноября устранятся „безъ формальной его отмѣны и даже безъ существеннаго нарушенія дарованныхъ имъ правъ“. Новыя правила были прибавлены, и хотя не было формальной отмѣны указа, но, въ сущности, онъ былъ уничтоженъ, притомъ не „безъ существеннаго нарушенія“ дарованныхъ крестьянамъ правъ, какъ это обѣщаль Блудовъ. Въ самомъ дѣлѣ, практическое дѣйствіе указа, какъ мы видѣли, было совершенно ничтожно: имъ могло воспользоваться не больше тысячи человѣкъ крѣпостныхъ—изъ десяти милліоновъ.

Черезъ нѣсколько лѣтъ Самаринъ въ своей запискѣ о крѣпостномъ состояніи (составленной въ пятидесятыхъ годахъ) говорилъ объ исторіи этого указа: „повсемѣстныя представленія указали на необходимость подвергнуть пересмотру этотъ указъ. Представлялось два способа къ устраненію встрѣченныхъ неудобствъ: вовсе отмѣнить законъ 8-го ноября или развить его, *придумавъ средства къ облегченію выкупа*. Правительство предпочло первый способъ: оно лишило крестьянъ дарованнаго имъ права, но не имѣло мужества сдѣлать это открыто и явно. Законъ 8-го ноября не былъ отмѣненъ установленнымъ порядкомъ, а втихомолку исключенъ при изданіи новыхъ правилъ объ оцѣнкѣ и продажѣ имуществъ. Этою канцелярскою продѣлкой были устранены канцелярскія затрудненія, но чтѣ же подумалъ народъ?.. Сперва крестьяне ожидали, что правительство, даровавъ имъ заманчивое право, конечно, облегчитъ и способы къ выкупу; потомъ они долго не хотѣли вѣрить, что самый вызовъ къ выкупу былъ отмѣненъ: во многихъ мѣстахъ, для убѣжденія ихъ въ непослѣдовательности правительства, вынуждены были прибѣгать къ мѣрамъ крайней строгости. Зато для защитниковъ крѣпостнаго права это новое проявленіе несостоятельности нашего законодательства послужило поводомъ къ новому торжеству“¹⁾.

Такимъ образомъ, только-что правительство приходило къ какому-нибудь плану, какъ тотчасъ оказывались всякія неудобства: или правительство еще на полъ-пути впадало въ сомнѣніе, или предположенная мѣра въ такой степени была запутываема разными оговорками, что теряла самую возможность практическаго выполненія, какъ въ данномъ случаѣ, или, наконецъ, правительство совсѣмъ отступало назадъ. Оно не рѣшалось взглянуть

¹⁾ Стр. 205—207.

вопросу прямо въ глаза, и его сокровенная мысль была, очевидно, та, чтобы помѣщики какъ-нибудь сами возымѣли великодушное желаніе порѣшиться съ крестьянскимъ вопросомъ, чтобы правительство, по крайней мѣрѣ, съ этой стороны, могло сослаться на собственное добровольное желаніе.

По закону, дворянство имѣло право, окончивъ выборы въ губернскомъ собраніи, отправлять депутатовъ для принесенія государю благодарности за дарованныя ему права; для этого должно было испрашиваться высочайшее соизволеніе. Обыкновенно эти депутаціи отклонялись, но въ 1847 году импер. Николай выразилъ желаніе принять депутацію смоленскихъ дворянъ, съ губернскимъ предводителемъ, вв. Друцкимъ-Соколинскимъ, во главѣ. Въ маѣ 1847 депутація представлялась императору, и онъ держалъ къ ней рѣчь; императоръ заявилъ, что хотѣлъ поговорить съ дворянами „велейно“ объ обязанныхъ крестьянахъ, „какъ первый дворянинъ въ государствѣ“. „Въ указѣ моемъ по этому предмету,—сказалъ императоръ,—я ясно выразилъ мысль мою, что земля, заслуженная нами, дворянами, или предками нашими, есть наша, дворянская; но крестьянинъ, находящійся нынѣ въ крѣпостномъ состояніи, утвердившемся у насъ почти не по праву, а обычаемъ, чрезъ долгое время, не можетъ считаться собственностью, а тѣмъ менѣе вещь“,—поэтому императоръ вызывалъ смоленское дворянство содѣйствовать его видамъ посредствомъ постепеннаго перевода крестьянъ изъ крѣпостныхъ въ обязанные, —что одно можетъ „предупредить крутой переломъ“. Дворяне и особенно самъ предводитель дворянства горячо взялись за дѣло, составили свои предположенія съ нѣкоторыми благими желаніями относительно *личнаго* освобожденія крестьянъ, но вообще не особенно тароватыя, даже прямо крѣпостническія. Между тѣмъ уже къ концу того года оказалось, что эти довольно умѣренные хлопоты смоленскаго дворянства были излишни. Одинъ изъ смоленскихъ дворянъ въ декабрѣ 1847 года отправилъ, на имя цесаревича, письмо съ приложеніемъ записки подъ заглавіемъ: „Нѣсколько патріотическихъ мыслей“. Въ отвѣтъ получено было извѣщеніе Олсуфьева, что онъ представлялъ письмо и записку на разсмотрѣніе наследника, который, отдавая полную справедливость благонамѣренному содержанію записки, велѣлъ однако объявить автору ея слѣдующее: „такъ какъ ему (наслѣднику цесаревичу) извѣстно, что государь императоръ отнюдь *не имѣетъ намѣренія* измѣнять настоящихъ отношеній крестьянъ помѣщичьихъ къ ихъ владѣльцамъ, то и не находитъ нужнымъ представлять записку на воззрѣніе его величества“. Къ этому

Олсуфьевъ прибавлялъ, что содержаніе его письма дозволяется сообщать „всѣмъ тѣмъ, которые полагаютъ, что правительство имѣетъ подобныя намѣренія“... 1)

Мѣры правительства, какъ ни были скромны и безобидны, очень волновали помѣщиковъ; только незначительное меньшинство людей, болѣе образованныхъ, понимало необходимость преобразования и желало большаго, чѣмъ дѣлалось; большинство, привыкшее къ крѣпостному праву, неразвитое и лѣнивое, было недовольно. Сохранился рассказъ о томъ, какъ принять былъ законъ 1842 года объ обязанныхъ крестьянахъ. Вѣсть о немъ распространилась еще до его выхода и его ожидали съ „тревожнымъ чувствомъ“. Въ день выхода онъ сталъ предметомъ всеобщихъ толковъ. „Изъ всей безобразной массы этихъ толковъ высказывалось выше всего — злословіе, часто переходившее въ клевету на лицъ, которыхъ считали главными виновниками указа. Рассказывали утвердительно, что эти лица (правильнѣе, лицо) продали дорогою цѣною свои имѣнія въ казну и потомъ пустили въ ходъ указъ. Выдавали за достовѣрное, что одинъ вельможа (Киселевъ) продалъ, такимъ образомъ, имѣніе свое въ харьковской губерніи, и на возраженіе, что у него нѣтъ и не было ни одной души въ этой губерніи, подозрительно показывали головой“... Изъ Москвы пришли извѣстія, что помѣщики бѣгутъ изъ деревень въ Москву, потому что крестьяне будутъ непременно бунтовать. Находились помѣщики, готовые сейчасъ на освобожденіе крестьянъ, съ тѣмъ, чтобы отдать имъ то, что *ихъ*, т.-е. свободу, а помѣщикамъ оставить *ихъ* собственность, т.-е. землю. Но были и люди, недовольные крайнею боязливостью правительства 2)... Подобное озлобленіе противъ приверженцевъ освобожденія бывало и въ другомъ кругѣ общества. Къ числу упорнѣйшихъ крѣпостниковъ принадлежалъ кн. Меншиковъ; онъ имѣлъ такую ненависть къ А. П. Заблоцкому, который былъ одинъ изъ главныхъ помощниковъ Киселева, что впоследствии велъ даже агитацію противъ избранія его въ члены англійскаго клуба, въ чемъ и успѣлъ 3).

Въ письмѣ Олсуфьева, гдѣ передавались слова цесаревича (впоследствии импер. Александра II), было уже сказано, что импер. Николай не имѣетъ никакого намѣренія измѣнять отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ. Въ мартѣ 1848 г. самъ императоръ, при приемѣ депутатовъ отъ петербургскаго дворянства, между

1) Стр. 163—169.

2) Стр. 68—70.

3) Стр. 331.

прочимъ сказалъ: „нѣкоторые русскіе журналы дозволили себѣ напечатать статьи, возбуждающія крестьянъ противъ помѣщиковъ и вообще неблаговидныя, но я принялъ мѣры, и этого впредь не будетъ“. Г. Семевскій полагаетъ, что эти слова относились именно къ „Запискамъ охотника“ Тургенева, которыя, впрочемъ, едва ли были читаемы крестьянами. Во всякомъ случаѣ, приведенныя слова вызвали настоящій цензурный терроръ относительно всего, что хотя бы отдаленнымъ образомъ касалось крѣпостного права. Этотъ терроръ протянулся на нѣсколько лѣтъ, вплоть до новаго царствованія, распространяясь не только на крестьянскій вопросъ, но на русскую исторію (запрещалось говорить объ ея смутныхъ эпохахъ, народныхъ волненіяхъ и т. п.), политическія науки и т. д.

Окончивъ съ исторіей крестьянскаго вопроса въ правительственной сферѣ, г. Семевскій даетъ еще рядъ любопытныхъ изслѣдованій о судьбѣ вопроса въ литературѣ и общественной жизни. Онъ пересматриваетъ мнѣнія объ этомъ предметѣ у Пушкина, кн. Вяземскаго, Грибоѣдова въ Николаевское время, отмѣчая у первыхъ двухъ охлажденіе ихъ прежнихъ свободлюбивыхъ стремленій; далѣе, у Лермонтова, Гоголя, Даля, гр. Соллогуба, Григоровича и Тургенева. Этотъ обзоръ содержанія писателей по реальнымъ вопросамъ жизни интересенъ, безъ сомнѣнія, какъ для опредѣленія ихъ собственнаго литературнаго значенія, такъ и для исторіи общественнаго мнѣнія, потому что въ нашихъ условіяхъ литература имѣла немалое воспитательное значеніе. Дальше авторъ говоритъ объ отношеніяхъ къ крестьянскому вопросу въ кругу такъ-называемыхъ людей сороковыхъ годовъ—у Бѣлинскаго, Станкевича, Огарева, Герцена и Некрасова. Между прочимъ, относительно Огарева, г. Семевскій, на основаніи имѣвшихся у него данныхъ, сообщаетъ свѣденія о его сдѣлкѣ съ крестьянами въ селѣ Бѣлоомутѣ, значительно различающаяся съ тѣми, какія были сообщены въ разсказѣ Анненкова ¹⁾. Затѣмъ авторъ останавливается на малоизвѣстной, но замѣчательной дѣятельности А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго, который былъ однимъ изъ главныхъ сотрудниковъ Киселева и еще въ 1841 году составилъ замѣчательную записку „о крѣпостномъ состояніи въ Россіи“. Эта записка была результатомъ путешествія или командировки во внутреннія губерніи, исполненной Заблоцкимъ вмѣстѣ съ другимъ чиновникомъ министерства, по порученію Киселева, въ 1841 году, когда, подъ предлогомъ обзорнія управ-

¹⁾ Вѣстн. Европы 1888, № 4: „Идеалисты 30-хъ годовъ“.

ленія государственныхъ имуществъ, онъ долженъ былъ вникнуть въ положеніе помѣщичьихъ крестьянъ. Трудъ Заблоцкаго былъ едва ли не самымъ замѣчательнымъ изъ всего, что было писано по крестьянскому вопросу до эпохи освобожденія; его взглядъ на крѣпостное право былъ совершенно отрицательный и, главное, подтверждаемый фактическими доказательствами. Записка, конечно, не могла быть напечатана въ свое время ¹⁾, самое распространеніе ея въ рукописи могло быть небезопасно для автора; какимъ-то образомъ успѣлъ добыть ее Меншиковъ, которому она и дала поводъ къ неумѣреннымъ порицаніямъ противъ автора и противъ самого Киселева, вслѣдствіе чего послѣдній прервалъ съ Меншиковымъ всякія сношенія. Впослѣдствіи долю своего взгляда на экономическую несостоятельность крѣпостного права Заблоцкій изложилъ въ замѣчательной статьѣ: „Причины колебанія цѣнъ на хлѣбъ въ Россіи“ (Отеч. Записки, 1847), не называя, впрочемъ, крѣпостного права и указывая на него только техническими терминами политической экономіи.

Запрещеніе говорить о крѣпостномъ правѣ въ печати не вдругъ прекратило возможность говорить о немъ — хотя и не вполне открыто — съ университетской кафедрой. Г. Семейскій приводитъ рассказы о профессорской дѣятельности Кавелина и очень извѣстнаго въ свое время казанскаго (подъ-конецъ петербургскаго) профессора Д. И. Мейера... Когда съ 1848 года приняты были вообще усиленныя цензурныя мѣры противъ печати, въ частности противъ всякихъ упоминаній о крѣпостномъ правѣ, обращено было вниманіе и на профессорскія лекціи. Въ „наставленіи ректору и деканамъ“ отъ октября 1849 было указано прямо: „въ видахъ охраненія внутренняго въ Россіи спокойствія, ректоръ и деканы не дозволяютъ въ лекціяхъ профессорамъ изъяслять въ неумѣренныхъ выраженіяхъ сожалѣніе о состояніи крѣпостныхъ крестьянъ, говорить съ преувеличеніемъ о злоупотребленіи власти помѣщиковъ или доказывать, что перемѣна въ отношеніяхъ первыхъ къ послѣднимъ была бы полезна для государства“. Такимъ образомъ, даже теоретически крѣпостное право было взято подъ особое покровительство, и Самаринъ въ своей запискѣ, составленной въ 1853—54 годахъ, замѣчаетъ, что крѣпостное право не только изъято было изъ числа предметовъ, доступныхъ для литературы, но „въ нашей литературѣ и въ изданіяхъ казенныхъ стали появляться апологіи крѣпостного права, выведенныя не

¹⁾ Она издана была впервые въ составленной Заблоцкимъ біографіи Киселева, т. IV, стр. 271—345.

изъ юридическихъ или административныхъ соображеній, но изъ общихъ религіозно-нравственныхъ началъ, — апологіи самаго существа крѣпостного права“. Въ подтвержденіе онъ приводитъ цитаты изъ наставленія для образованія воспитанницъ женскихъ учебныхъ заведеній, 1852 года. Здѣсь въ пользу крѣпостного права приведены тексты св. писанія, и весь смыслъ совѣтовъ инструкціи по этому предмету можетъ быть выраженъ такъ: „берегите крѣпостное право какъ учрежденіе божественное, какъ божью заповѣдь, употребляйте его какъ власть родительскую надъ дѣтьми“¹⁾.

Это было всего за четыре года до того, какъ возникли приготовленія къ совершенному уничтоженію этой заповѣди.

Разсматривая книгу Н. И. Тургенева: „*La Russie et les Russes*“, 1847, г. Семевскій указываетъ, что по взглядамъ на крестьянскій вопросъ Тургеневъ уже не стоялъ на уровнѣ тѣхъ понятій, какія къ тому времени развились въ средѣ русскаго общества. Такъ, онъ колебался между безземельнымъ (лишь съ усадьбой) освобожденіемъ и надѣленіемъ крестьянъ землею. Повидимому, онъ думалъ только, чтобы хотя не вполнѣ, но освобожденіе совершилось скорѣе. Слабыя стороны его плана встрѣтили рѣзкое осужденіе въ отзывахъ двухъ лицъ, которыя были его же современниками, декабристовъ Н. Бестужева и М. Фонъ-Визина.

Разсказавъ далѣе о томъ, какія представленія о крѣпостномъ правѣ существовали въ кружкѣ Петрашевскаго, авторъ переходитъ къ славянофиламъ. Отдавая справедливость ихъ заслугамъ въ этомъ вопросѣ, онъ, однако, не преувеличиваетъ этихъ заслугъ. Еще ранѣе, разбирая статьи Хомякова по поводу указа объ обязанныхъ крестьянахъ, 1842, г. Семевскій не нашелъ въ нихъ достаточнаго пониманія сельскихъ отношеній, какъ въ собственномъ хозяйствованіи Хомякова — особеннаго благодушія къ своимъ крестьянамъ. Затѣмъ, относительно общаго значенія славянофильства г. Семевскій замѣчаетъ: „Вполнѣ признавая заслуги славянофильской школы въ крестьянскомъ дѣлѣ, мы должны еще разъ повторить, что она далеко не можетъ претендовать на какою-либо монополію относительно правильнаго выясненія крестьянскаго вопроса: мы видѣли, что въ Николаевскую эпоху западники успѣли сдѣлать въ этомъ отношеніи нисколько не менѣе, а скорѣе даже болѣе, чѣмъ славянофилы, а между прочимъ и полезное значеніе общиннаго землевладѣнія было прекрасно понимаемо

¹⁾ Стр. 348 — 349.

(какъ это видно, напримѣръ, изъ записокъ декабриста Фонъ-Визина) людьми совершенно иного образа мыслей¹⁾).

Однимъ изъ важныхъ фактовъ въ развитіи крестьянскаго вопроса была извѣстная книга барона Гакстгаузена о Россіи. Путешествіе его по Россіи и потомъ изданіе его книги сдѣланы были съ немалыми пособиями отъ русскаго правительства, и хотя окончательные взгляды нѣмецкаго публициста не отвѣчали ожиданіямъ тѣхъ, кто полагалъ, что его трудъ будетъ содѣйствовать скорѣйшему разрѣшенію крестьянскаго вопроса,—напротивъ, Гакстгаузенъ отлагалъ это рѣшеніе въ неопредѣленное будущее,—но онъ подтвердилъ своимъ авторитетомъ мысль о вредѣ безземельнаго освобожденія и поддержалъ также мнѣніе тѣхъ, кто, подобно Киселеву, стоялъ за сохраненіе общиннаго землевладѣнія.

Г. Семейскій останавливается затѣмъ на различныхъ частныхъ проектахъ освобожденія крестьянъ, на отношеніи общества къ крестьянскому вопросу; довольно подробно говоритъ о положеніи крестьянскаго дѣла въ юго-западномъ краѣ (подъ управленіемъ кievскаго генераль-губернатора Д. Г. Бибикова) и въ сѣверо-западномъ краѣ; излагаетъ исторію введенія инвентарныхъ правилъ, которыя должны были съ точностью установить обязательства крестьянъ въ помѣщикамъ, ограждающія первыхъ отъ помѣщичьяго произвола, и, наконецъ, указываетъ, какъ отражался крестьянскій вопросъ въ малорусской литературѣ съ начала столѣтія и до Шевченка.

Особую главу авторъ посвящаетъ итогамъ крестьянскаго вопроса въ царствованіе имп. Николая. Не исчисляя разныхъ предложеній, какія дѣлались въ то время по частнымъ подробностямъ дѣла, авторъ группируетъ тѣ мнѣнія, которыя касались способовъ дарованія крестьянамъ свободы и порядка ихъ увольненія, а также окончательнаго упраздненія крѣпостнаго права. Общій выводъ автора тотъ, что если сопоставить тогдашнія требованія различныхъ комитетовъ, членовъ администраціи и частныхъ лицъ съ тѣмъ, что было дѣйствительно сдѣлано, то окажется, что ограниченіе крѣпостнаго права подвинулось за это время чрезвычайно мало. „Мы видѣли, до какой степени назрѣлъ вопросъ о запрещеніи продажи крѣпостныхъ безъ земли, но полнаго ея запрещенія не послѣдовало... Повинности крестьянъ были точно опредѣлены только въ юго-западномъ краѣ. Для устройства быта дворовыхъ не было принято никакихъ рѣшительныхъ мѣръ;... относительно предоставленія крестьянамъ права собственности

¹⁾ Стр. 426.

также ничего не было сдѣлано... Размѣра выкупа, за который можно приобрести свободу, установлено не было. Распространеніе въ 1847 на всю Россію (съ примѣра грузинскихъ крестьянъ, по закону 1824 года) права выкупаться на свободу, при продажѣ имѣній съ публичнаго торга, было отмѣнено менѣе чѣмъ черезъ два года. Указъ объ обязанныхъ крестьянахъ, какъ мѣра не обязательная, не принесъ почти никакихъ плодовъ... Такимъ образомъ, за исключеніемъ частныхъ, неполныхъ мѣръ, относительно продажи безъ земли и ограниченія повинностей лишь въ одной мѣстности, въ Россіи, не было сдѣлано ничего серьезнаго; но очень важно то, что въ Николаевскую эпоху въ правительственныхъ сферахъ выработалось убѣжденіе въ необходимости надѣленія крестьянъ землею при уничтоженіи крѣпостного права¹⁾.

Любопытенъ фактъ, что, несмотря на всю неудовлетворительность мѣръ для ограниченія крѣпостного права, численность крѣпостного населенія въ царствованіе императора Николая стала однако, хотя незначительно, понижаться, тогда какъ прежде она постоянно повышалась. Кромѣ того, что нѣкоторое число крѣпостныхъ перешло теперь въ свободные хлѣбопашцы и обязанные крестьяне или куплено въ казну; кромѣ того, что еще со времени императора Александра I прекратилось пожалованіе населенныхъ имѣній, уменьшенію числа крѣпостныхъ содѣйствовали еще другія обстоятельства: крѣпостные, взятые въ рекруты, дѣлались свободными; крестьяне имѣній выморочныхъ или отчужденныхъ въ казну переходили въ государственные; не мало людей получали отпускныя; въ западныхъ губерніяхъ много имѣній было конфисковано; случалось, наконецъ, что правительство оставляло бѣглыхъ на мѣстахъ ихъ поселенія (въ Новороссіи, Бессарабіи, на Кавказѣ), вознаграждая помѣщиковъ опредѣленною суммой; въ концѣ концовъ 9-я и 10-я ревизіи давали уже меньшее число крѣпостныхъ противъ предыдущей.

Упомянувъ еще разъ о благихъ намѣреніяхъ императора Николая и его крайней нерѣшительности въ крестьянскомъ вопросѣ, авторъ такъ, между прочимъ, объясняетъ неудачу тогдашнихъ мѣръ. „Одною изъ главныхъ причинъ того, что дѣятельность пѣлаго ряда правительственныхъ комиссій осталась безплодною, была крайняя боязнь гласности, столь необходимой въ этомъ дѣлѣ, и неосновательная увѣренность, что такое сложное дѣло, какъ ограниченіе крѣпостного права, можетъ быть обсуждено и подготовлено исключительно бюрократическими средствами, безъ

¹⁾ Стр. 568—569.

содѣйствія общества и печати: отсюда и нежеланіе допустить какую бы то ни было общественную самодѣятельность въ дворянствѣ и воспрещеніе представителямъ науки, литературы и журналистики оказывать съ своей стороны содѣйствіе правительству въ томъ святомъ дѣлѣ, за которое оно бралось такъ нерѣшительно“. Дѣятели науки и литературы могли бы оказать правительству немалое содѣйствіе, одни—прямымъ обсужденіемъ мѣръ, другіе—распространеніемъ въ обществѣ болѣе гуманнаго отношенія къ заурѣпощенному крестьянству. „Но правительство съ величайшею нетерпимостью отвергло содѣйствіе этихъ людей, а среди высшей администраціи Чернышевы, Орловы, Перовскіе тормазили инициативу Киселева, единственнаго, болѣе другихъ энергическаго, челоѣка въ крестьянскомъ дѣлѣ, и сводили на нуль иногда благія начинанія, положенныя въ основу дѣятельности того или другого комитета“¹⁾.

Слѣдующая, опять весьма любопытная, глава посвящена борьбѣ крѣпостныхъ съ помѣщичьей властью въ царствованіе императора Николая. Эта борьба была, разумѣется, самая несчастная и печальная. Авторъ приводитъ жалобы крестьянъ на помѣщиковъ и вызываемыя ими разслѣдованія; рассказываетъ о побѣгахъ крѣпостныхъ, о поджогахъ, о насиліяхъ надъ помѣщиками, о покушеніяхъ на жизнь и убійствахъ помѣщиковъ и управляющихъ, наконецъ, о массовыхъ волненіяхъ крѣпостныхъ крестьянъ.

Въ послѣдней главѣ авторъ говоритъ о „свободномъ русскомъ словѣ по крестьянскому вопросу“, именно о заграничной литературной дѣятельности Герцена по этому предмету, и, наконецъ, указываетъ нѣкоторыя особыя вліянія, экономическія и внутреннеполитическія, подготовлявшія паденіе крѣпостнаго права.

Таково богатое и разнообразное содержаніе книги г. Семейскаго, представляющей одно изъ замѣчательнѣйшихъ явленій нашей исторической литературы за послѣдніе годы. Читатель могъ видѣть изъ нашего обзора, съ какимъ вниманіемъ авторъ отнесся къ своей задачѣ: онъ весьма обстоятельно изучилъ существующій матеріалъ по этому вопросу, расширивъ его обильными извлеченіями изъ неизданныхъ архивныхъ и частныхъ документовъ; онъ обслѣдовалъ всѣ стороны вопроса, начиная съ его перваго возникновенія и до кануна реформы 19-го февраля, относясь съ большимъ безпристрастіемъ къ обѣимъ сторонамъ, которыя встрѣтились въ этомъ историческомъ спорѣ. „Мы не находимъ воз-

¹⁾ Стр. 534—535.

возможнымъ, — говоритъ авторъ однажды ¹⁾, — подвергать огульному порицанію даже завязатыхъ крѣпостниковъ: и среди нихъ были люди, которые, возражая противъ предложеній нѣкоторыхъ либераловъ по крестьянскому вопросу, высказывали иной разъ весьма здоровое пониманіе народныхъ нуждъ, между тѣмъ какъ другіе ихъ соратники преслѣдовали лишь грубо-эгоистическіе интересы; тѣмъ болѣе огульное одобреніе или порицаніе невозможно при разборѣ мнѣній ихъ противниковъ. Словомъ, къ обоимъ лагерямъ, и къ либеральному, и къ консервативному, и къ западникамъ, и къ самобытникамъ, мы должны относиться безпристрастно, обращая вниманіе прежде всего на то, въ какой степени полезно для русскаго крѣпостнаго крестьянства то, что они проповѣдуютъ“. Такова и должна быть настоящая историческая точка зрѣнія, потому что консервативныя идеи, какъ бы мало ни были сочувственны намъ въ этомъ и подобныхъ вопросахъ, бываютъ также наслѣдіемъ исторіи, котораго ихъ приверженцы могутъ держаться съ полнымъ и искреннимъ убѣжденіемъ: другое дѣло, если онѣ служатъ только орудіемъ для себялюбія и противообщественныхъ цѣлей. — Наконецъ, особенный интересъ труда г. Семевскаго придаетъ, какъ мы замѣчали уже, то обстоятельство, что исторію учрежденія онъ ставитъ въ связь съ историческимъ развитіемъ общественности и литературы: такъ это и должно было быть, потому что въ крѣпостномъ правѣ былъ ненормальный Гордіевъ узелъ, связывавшій крѣпостную часть народа съ высшимъ дворянскимъ классомъ.

А. В—нъ.

¹⁾ Т. II., стр. 81.

ИМПЕРАТОРЪ ВИЛЬГЕЛЬМЪ I.

СТАРАЯ И НОВАЯ ГЕРМАНИЯ.

Окончаніе.

XII *).

Еще въ началѣ семидесятихъ годовъ задача всей жизни императора Вильгельма была уже доведена имъ до конца; уже тогда мечта сдѣлалась дѣйствительностью, и идея нѣмецкаго единства воплотилась въ образѣ могущественной Германіи; но все это совершилось не тѣмъ путемъ, какимъ мечтали достигнуть того же политики-идеалисты. Патриотическія пѣсни и горячая проповѣдь на неизмѣнную, въ теченіе трехъ четвертей вѣка, тѣмъ должны были уступить мѣсто „желѣзу, огню и крови“,—и тѣмъ не менѣе нѣмецкій народъ съ увлеченіемъ и восторгомъ послѣдовалъ за своимъ побѣдоноснымъ вождемъ, который съ такою рѣшимостью и настойчивостью велъ его въ обѣтованную землю. Всѣ самые чистые идеалы, всѣ самыя дорогія политическія стремленія были принесены съ радостью въ жертву на священный алтарь единства Германіи.

Политическіе и соціальные идеалы, однако, живучи, и въ этомъ скоро долженъ былъ убѣдиться императоръ Вильгельмъ и его сподвижники. Между правительствомъ и народомъ, или, вѣрнѣе, его представителями, оставалось коренное недоразумѣніе. Императоръ Вильгельмъ имѣлъ, съ своей точки зрѣнія, основаніе искренно предполагать, что послѣ побѣдоносныхъ войнъ, доставившихъ нѣмецкому на-

*) См. выше: июнь, 754 стр.

роду національное единство и могущество, ему не придется больше сталкиваться съ тѣми либеральными домогательствами, которыя омрачили первые годы его царствованія. Ему казалось, что достигнутые имъ результаты такъ громадны и блестящи, что ни одна партія не рѣшится снова оспаривать у него право располагать по своему усмотрѣнiю всѣми матеріальными и нравственными силами народа.

Не такъ, однако, думало населеніе въ лицѣ своихъ представителей. Притомъ, жертвы, принесенныя на благо родины, были велики. Кровопрлитныя войны, несмотря на лавры, увѣнчавшія нѣмецкое оружіе, потребовали страшнаго напряженія всѣхъ народныхъ силъ, а такое напряженіе не можетъ быть безконечно. Въ минуты опасности, угрожавшія самой дорогой мечтѣ нѣмецкаго народа, никто не хотѣлъ задумываться передъ матеріальными и нравственными жертвами, вызванными суровою необходимостью, но лишь только опасность миновала, цѣль была достигнута, итоги подведены,—явилось естественное и законное желаніе вздохнуть свободнѣе и вернуться къ болѣе нормальнымъ условіямъ государственной жизни.

Строгое соблюденіе конституціонныхъ правъ явилось однимъ изъ такихъ и притомъ самыхъ существенныхъ условій. Если во время разгара борьбы изъ-за нѣмецкаго единства громадное большинство населенія, увлеченное патриотическимъ духомъ, охотно мирилось съ нарушеніемъ конституціонныхъ правъ, то теперь, когда великое дѣло было завершено, у правительства императора Вильгельма не было, повидимому, больше повода оспаривать у народнаго представительства его права на дѣятельное, а не на призрачное только участіе въ государственныхъ дѣлахъ.

Новая Германія не могла довольствоваться военно-боевымъ прусскимъ началомъ, но императоръ Вильгельмъ слишкомъ сжился съ королемъ Вильгельмомъ для того, чтобы онъ могъ обратиться къ иной, отличной отъ прусской, политикѣ, болѣе отвѣчающей новому порядку вещей, созданному образованіемъ единой Германіи. Единая Германія представлялась ему только усилившеюся и расширенною въ своихъ границахъ Пруссіей. Онъ не видѣлъ никакого основанія, сдѣлавшись нѣмецкимъ императоромъ, руководиться другими началами, а не тѣми, которыми онъ такъ успѣшно руководился, будучи только прусскимъ королемъ. Между тѣмъ задача воинственной Пруссіи, напругавшей всѣ свои силы для достиженія своей завѣтной цѣли—могущества, не могла быть болѣе задачей единой Германіи, видѣвшей въ могуществѣ лишь средство для широкаго внутренняго развитія, а вовсе не конечную цѣль.

Если даже въ Пруссіи слишкомъ пренебрежительное отношеніе въ конституціоннымъ правамъ вызывало политическія столкновенія и

кризисы, грозившіе взрывомъ народныхъ страстей, то могла ли мириться новая Германія съ такимъ своеобразнымъ толкованіемъ конституціонныхъ правъ, благодаря которому вся дѣйствительная власть ускользала отъ установленнаго закономъ вліянія со стороны народнаго представительства.

Ко всѣмъ спорнымъ конституціоннымъ вопросамъ, послужившимъ поводомъ для распри между прусскою палатою депутатовъ и королемъ Вильгельмомъ, — въ нѣмецкомъ рейхстагѣ присоединились новые, столь же, если еще не болѣе жгучіе, вопросы, вызвавшіе упорную борьбу между императоромъ Вильгельмомъ и народнымъ представительствомъ цѣлой Германіи, борьбу, проводившую его до самой могилы.

Обрисовка фигуры покойнаго императора была бы неполна, еслибы мы не остановились на выдающихся моментахъ этой борьбы и не показали отношенія престарѣлаго творца нѣмецкой имперіи къ выпавшимъ на закатѣ его дней часто непосильнымъ задачамъ.

Три вопроса внутренней политики проходятъ красною нитью черезъ всѣ послѣднія пятнадцать лѣтъ царствованія императора Вильгельма, — три вопроса первостепенной важности, вызывавшіе упорную, порою страстную, борьбу между правительствомъ и народнымъ представительствомъ. Одинъ изъ нихъ былъ уже старый вопросъ объ отношеніяхъ между короной и народнымъ представительствомъ, о толкованіи конституціи, объ основныхъ условіяхъ истиннаго парламентаризма; другой — вызванъ былъ отношеніемъ церкви къ государству, и наполнилъ собою въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ общественную жизнь отчаяннымъ поединкомъ между католицизмомъ и протестантизмомъ, оставшимся въ исторіи извѣстнымъ подъ именемъ Culturkampf; и наконецъ третій, наиболѣе трудно разрѣшимый даже въ отдаленномъ будущемъ, — вопросъ социальный.

Конституціонный вопросъ составилъ часть наслѣдства, завѣщаннаго Пруссіею нѣмецкой имперіи. Мы уже видѣли, съ какою настойчивостью, доходившею до самыхъ крайнихъ предѣловъ, корона отстаивала въ Пруссіи свое право не стѣсняться волею народнаго представительства въ самыхъ важныхъ вопросахъ государственнаго управленія. То же стремленіе не замедлило обнаружиться уже не въ прусской, а въ имперской политикѣ императора Вильгельма. Столкновеніе изъ-за конституціонныхъ правъ народнаго представительства могло быть предупреждено лишь подъ тѣмъ условіемъ, чтобы императоръ Вильгельмъ и его геніальный совѣтникъ признали, что внутренняя политика единой Германіи должна покоиться на совершенно иныхъ основаніяхъ, чѣмъ внутренняя политика Пруссіи въ ту эпоху, когда она, съ оружіемъ въ рукахъ, приступила къ осуществленію своей исто-

рической миссии. Но этого-то именно и не случилось. Отчасти вслѣдствіе долгой, укоренившейся привычки относиться свысока къ народному представительству, какъ къ чему-то недозрѣлому и недостижному еще политическаго совершеннѣтїа; отчасти вслѣдствіе глубокаго монархическаго убѣжденїа, что конституціонныя права не могутъ парализовать воли законнаго государя; отчасти, наконецъ, вслѣдствіе сознанїа, что нѣмецкая имперїа не достигла еще такой незыблемой крѣпости, чтобы она спокойно могла взирать на всякія опасности, грозящїя извнѣ государству,—императоръ Вильгельмъ не признавалъ возможнымъ, сдѣлавшись главою новой единой Германїи, держаться иныхъ принциповъ во внутренней имперской политикѣ, а не тѣхъ, какими онъ руководился, будучи только прусскимъ королемъ.

Если разногласіе въ толкованїи конституціонныхъ правъ вызывало въ прусской палатѣ депутатовъ настойчивый и энергическій протестъ со стороны либеральнаго народнаго представительства, то въ нѣмецкомъ рейхстагѣ такой протестъ долженъ былъ встрѣтить новыхъ горячихъ сторонниковъ, оспаривавшихъ у правительства всякое законное основанїе для противодѣйствїа правильному теченїю конституціонной жизни. Нарушая конституціонныя права, король прусскїй могъ защищаться исключительными обстоятельствами, въ которыя поставлена была Пруссїа, взявшая на себя осуществленїе идеи нѣмецкаго единства,—невозможностью раскрыть передъ народнымъ представительствомъ преслѣдуемую цѣль, необходимостью выковать прежде всего то орудїе, благодаря которому могла быть воздвигнута нѣмецкая имперїа. Сопротивленїе прусской либеральной оппозиціи было сломано военными побѣдами, сразу освѣтившими великіе замыслы прусской политики. Поводъ для нарушенїа конституціонныхъ правъ былъ таковъ, что онъ легко могъ увлечь за собою людей, наиболѣе горячо отстаивавшихъ политическую свободу нѣмецкаго народа.

Такого повода не было больше у короля прусскаго, сдѣлавшагося нѣмецкимъ императоромъ. Естественно, что либеральная оппозиція, слѣпо слѣдовавшая за правительствомъ въ рейхстагѣ сѣвернаго германскаго союза, когда впереди рисовалась гигантская борьба съ Франціей, когда дѣло объединенїа не было еще завершено, теперь снова схватила за брошенное на время знамя политической свободы, внутренняго прогрессивнаго развитїа.

Тому самому вопросу, который послужилъ источникомъ упорной борьбы между императоромъ Вильгельмомъ, въ то время, когда онъ не возлагалъ еще на свою голову императорской нѣмецкой короны, и прусскимъ народнымъ представительствомъ, суждено было вызвать первое столкновенїе между императорскимъ правительствомъ и депу-

татами отъ всей нѣмецкой земли. Армія была всегда излюбленнымъ дѣтищемъ императора, предметъ самой горячей его заботливости; онъ не допускалъ, чтобы по вопросу о необходимомъ постоянномъ контингентѣ, равно какъ и по вопросу военного бюджета, его воля могла столкнуться съ волею парламента, какъ это случилось въ то время, когда онъ былъ только королемъ прусскимъ; онъ всегда и постоянно настаивалъ на томъ, что армія должна всецѣло зависѣть отъ короля, а не отъ парламента, а потому и теперь жалалъ, чтобы отъ нѣмецкаго рейхстага не зависѣли ни численность арміи, ни вообще военный бюджетъ.

Но такое желаніе шло въ разрѣзъ съ конституціоннымъ порядкомъ, однимъ изъ главныхъ основаній котораго всегда является утвержденіе бюджета народнымъ представительствомъ. При самомъ открытіи перваго нѣмецкаго рейхстага, правительство предъявило сравнительно скромное требованіе, — чтобы рейхстагъ вотировалъ военный бюджетъ на три года, впредь до той поры, пока окончательно не будетъ выработана новая организація императорской арміи. Это требованіе натолкнулось, однако, на сопротивленіе либеральной оппозиціи, доказывавшей, что время войнъ миновало, и что правительство отнынѣ не должно уклоняться отъ нормальнаго конституціоннаго порядка. Но война только-что кончилась, запахъ пороха носился еще въ воздухѣ, и правительству на этотъ разъ не трудно было убѣдить народное представительство, что безопасность Германіи и суровыя требованія внѣшней политики не дозволяютъ Германіи тотчасъ же сбросить съ себя военные доспѣхи. Трехлѣтній контингентъ и трехлѣтній военный бюджетъ были вотированы, но все же императоръ Вильгельмъ долженъ былъ убѣдиться, что военные триумфы не искоренили въ Германіи стремленія въ горячей охранѣ народныхъ вольностей.

Желая разъ навсегда устранить всякое столкновеніе между короной и народнымъ представительствомъ изъ-за вопроса объ арміи, правительство черезъ три года внесло въ рейхстагъ проектъ закона, въ силу котораго постоянный контингентъ арміи въ 400 тысячъ человекъ долженъ былъ оставаться неизмѣннымъ впредь до новаго закона. Такое предложеніе было равносильно предложенію рейхстагу, чтобы онъ навсегда отказался отъ вмѣшательства въ дѣла арміи и въ обсужденіе необходимаго для нея военного бюджета. Согласно имперской конституціи, никакой законъ не могъ подвергнуться измѣненію безъ предварительнаго соглашенія между императоромъ, федеральнымъ советомъ и рейхстагомъ. Послѣдній очень хорошо понималъ, что императоръ никогда не дастъ своего согласія на измѣненіе закона, и такимъ образомъ рейхстагъ лишень будетъ законнаго права контролировать въ этомъ отношеніи правительство. Военный проектъ вы-

звали противъ себя самую рѣшительную оппозицію. Но чѣмъ сильнѣе была оппозиція, тѣмъ настойчивѣе было желаніе правительства провести проектъ, которымъ такъ дорожилъ престарѣлый императоръ.

У ближайшихъ совѣтниковъ императора Вильгельма вошло съ этихъ поръ въ обычай—каждый разъ, что парламентъ противится принятію какого-либо военного закона, клонящагося къ усиленію боевыхъ средствъ Германіи—пользоваться однимъ, до поры до времени, безопаснымъ, орудіемъ для борьбы съ либеральною оппозиціей. Орудіе это не разъ уже сослужило службу правительству императора Вильгельма. По всей официальной и офиціозной печати раздается какъ бы барабанный бой, указывающій на козни враждебной Франціи и призывающій мирныхъ гражданъ къ оружію. На всѣ лады каждый день, въ цѣлой сотни газетъ и журналовъ, начинается воинственная проповѣдь, сводящаяся къ одной тѣмѣ: Франція готовится къ нападению; Германія должна подняться какъ одинъ человѣкъ; правительству должна быть оказана всякая поддержка,—всякая оппозиція ему является преступленіемъ! Всѣ знаютъ, что это политическій маневръ, но сила его такова, онъ такъ туманитъ головы, что и невѣрующіе въ него превращаются въ вѣрующіхъ. Когда почва достаточно подготовлена, на политическую сцену рейхстага выступаетъ самъ канцлеръ или „мыслитель войны“, престарѣлый Мольтке, и тотъ или другой произноситъ рѣшающее слово. „То, что мы завоевали въ теченіе шести мѣсяцевъ, мы должны будемъ защищать въ продолженіе пятидесяти лѣтъ“,—говорилъ Мольтке, отстаивая правительственный проектъ и какъ бы не подозрѣвая, какое осужденіе произносилъ онъ этими словами завоеванію двухъ французскихъ провинцій.

Императоръ Вильгельмъ никогда не желалъ оставаться лично въ борьбѣ. Онъ всегда выступалъ впередъ, покрывая своихъ совѣтниковъ, возвышая свой голосъ въ пользу того или другого правительственного проекта. Могъ ли не выступить онъ теперь, когда дѣло шло о томъ, что такъ близко лежало къ его сердцу—объ арміи. „Я не могу скрыть отъ васъ, —говорилъ онъ въ 1874 году явившимся къ нему съ поздравленіями 22-го марта, т.-е. въ день его рожденія, генераламъ,— что опять надъ арміей носится кризисъ. То, на чемъ я настаивалъ въ прежнее время въ теченіе цѣлыхъ четырехъ лѣтъ, и чего я въ концѣ концовъ добился,—то, что освящено опытомъ, на томъ я настаиваю и въ настоящее время и не откажусь отъ моихъ требованій“. То, на чемъ настаивалъ императоръ Вильгельмъ въ четырехъ-лѣтній памятный конфликтъ, состояло въ независимости арміи отъ рѣшеній парламента. Рейхстагъ это хорошо понималъ и тѣмъ съ большою рѣшимостью сопротивлялся принятію правительственного проекта. Новый конфликтъ, уже иного значенія и иныхъ размѣровъ, угрожалъ теперь

не Пруссіи, а цѣлой Германіи; но въ послѣднюю минуту обѣ стороны, ради его предупрежденія, пошли на компромиссъ. Несмотря на свою непреклонную волю во всемъ, что касалось арміи, императоръ Вильгельмъ, памятуя свое обѣщаніе, что конфликтъ никогда болѣе не возобновится, не рѣшился на открытую борьбу съ имперской конституціей, и правительство не вступило въ соглашеніе съ народнымъ представительствомъ. Рейхстагъ вотировалъ составъ арміи на семилѣтній срокъ.

Не въ послѣдній разъ армія служила поводомъ для столкновенія между императоромъ и рейхстагомъ, и императоръ Вильгельмъ никогда не успокаивался на позятыхъ лаврахъ. Въ теченіе всего его царствованія онъ энергично работалъ надъ усовершенствованіемъ боевой силы Германіи, постоянно увеличивая ея составъ, постоянно требуя отъ рейхстага новыхъ кредиторовъ, постоянно защищая проекты, разрабатываемые его сподвижниками. Не проходило почти ни одной сессіи рейхстага, чтобы имперское правительство не вносило какого-либо новаго проекта, предназначеннаго для усиленія военнаго могущества Германіи. Рейхстагъ вотировалъ септеннатъ, побуждаемый къ тому великимъ нѣмецкимъ стратегомъ, неустанно твердившимъ, что Германія только въ томъ случаѣ можетъ удержать свои завоеванія, несмотря на возрастающее вооруженіе Франціи и на перекоръ Европѣ, среди которой, по его словамъ, „Германія приобрѣла дружбу, но вовсе не симпатію народовъ“,—если Германія въ каждую данную минуту будетъ вооружена съ ногъ до головы. Но правительство потребовало отъ рейхстага новыхъ жертвъ.

Рейхстагъ—нельзя не отдать ему справедливости—не обнаруживалъ особеннаго желанія идти на-встрѣчу правительству. Народные представители ясно сознавали, что постоянное увеличеніе арміи и неизбежно сопряженное съ такимъ увеличеніемъ усиленіе военныхъ издержекъ ложатся тяжелымъ бременемъ на нѣмецкій народъ. Нація подъ ружьемъ не представлялась идеаломъ для народнаго представительства; но, несмотря, однако, на сопротивленіе, правительство, не доходя до конфликтовъ, благодаря искусному маневрированію среди партій, всегда достигало преслѣдуемой цѣли. Съ 1-го января 1878 года императоръ Вильгельмъ имѣлъ уже въ своемъ распоряженіи грозную силу—двухъ-милліонную армію. Но и этого казалось недостаточно. Въ послѣдующія сессіи рейхстага правительство снова требовало увеличенія военныхъ силъ, и не дальше какъ за двѣ недѣли до смерти императора Вильгельма князь Бисмаркъ произнесъ одну изъ своихъ самыхъ замѣчательныхъ рѣчей въ защиту новаго военнаго закона и новаго займа на потребности арміи—въ 288 милліоновъ марокъ. „Наибольшее развитіе арміи, нашей арміи,—гово-

рилось при представленіи новаго закона,—продолжаетъ быть предметомъ особенной заботливости его величества императора и союзныхъ правительствъ. Проектъ закона, который вамъ будетъ представленъ, касающійся ландвера и ландштурма имѣетъ своею цѣлью привести къ существенному увеличенію военныхъ силъ имперіи“. И всѣ эти внушительныя приготовления къ войнѣ прикрывались постоянно обычными увѣреніями, что правительство заботится исключительно о сохраненіи ненарушаемаго мира. Одинъ лишь Мольте бывалъ искрененъ, когда онъ говорилъ, что „всеобщій миръ—это мечта, и притомъ дурная мечта“.

Несмотря на всю прирожденную императору Вильгельму скромность, онъ, умирая, не могъ не сознавать, что военное могущество Германіи есть дѣло его собственныхъ рукъ. Его твердая воля, его настойчивость, его даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ подчиненіе взглядамъ избранныхъ имъ совѣтниковъ—вознесли Германію на степень господствующаго въ Европѣ военнаго государства. Но человеческое дѣло никогда не бываетъ совершенно, и военное могущество Германіи, значительно увеличившееся даже со времени войны 1870 г., имѣетъ и свою обратную сторону. Оно неизбѣжно должно было отозваться на внутреннемъ развитіи нѣмецкой государственной жизни,—мало того, оно, постоянно поддерживая напряженное состояніе Европы, невыгодно отовалось и продолжало отзывать на внутренней жизни всѣхъ главныхъ европейскихъ государствъ. Трудно не согласиться съ французскимъ писателемъ, которому нельзя было бы даже поставить въ вину отсутствіе полнаго безпристрастія, когда, сравнивая старую Германію съ новою, онъ говоритъ: „Теперь всѣ границы зазубрены; желѣзныя дороги превратились въ орудіе войны; науки призваны на службу разрушенія, и даже естественная исторія, довазывающая право сильныхъ и вину слабыхъ. Нѣтъ больше націи, которая не готовится убивать, чтобы самой не быть убитой. Бюджеты и военные законы всюду душатъ національную дѣятельность. Европа походитъ на громадное Марсово поле въ ожиданіи, когда оно превратится въ поле рѣзни. Все это—созданіе Пруссіи и непосредственное послѣдствіе объединенія Германіи... Эта слава—быть всегда угрожающей—неразлучна съ опасностью быть, въ свою очередь, угрожаемой. Въ прежнее время Германія не знала враговъ; теперь Бисмаркъ только и дѣлаетъ, и говоритъ ей, что она въ постоянной опасности со стороны ея двухъ противоположныхъ границъ, и что ея военныя силы, столь грозныя, все-таки недостаточны. Нужно усиливать составъ арміи, бомбардировать крѣпости, строить новыя стратегическія желѣзныя дороги, и слѣдовательно увеличивать налоги и прибѣгать къ займамъ. Никто не можетъ

предвидѣть, каковъ будетъ конецъ этихъ дорого стоящихъ усилій... Германія страдаетъ отъ послѣдствій побѣдъ, которыя заставляютъ ее всегда опасаться войны. Не одинъ крестьянинъ и не одинъ рабочій находятъ слишкомъ тяжелыми и военную службу, и свои обязательства по отношенію въ сборщику податей, и велико число добрыхъ людей, которые желали бы жить спокойно“¹⁾).

Если военное могущество Германіи, доведенное императоромъ Вильгельмомъ до своего апогея, тяжело отзывалось на матеріальномъ благосостояніи страны, что, какъ мы скоро увидимъ, и содѣйствовало необыкновенному усиленію соціальной партіи, то вмѣстѣ съ тѣмъ оно тяжело отозвалось и на политическомъ развитіи государственнаго организма. Военный режимъ, военное государство—плохо дружатся съ политическими вольностями. Долгіи политическіи опытъ и государственный здравый смыслъ императора Вильгельма привели его къ сознанію пользы конституціоннаго порядка, и онъ не устранился даже приблизиться къ главному орудію демократіи—къ всеобщей подачѣ голосовъ. Но если онъ мирился съ конституціоннымъ режимомъ, то лишь какъ съ неизбежнымъ въ современномъ государствѣ зломъ; сердце же его никогда не лежало къ широкому развитію конституціонныхъ правъ, и онъ всѣми силами противодействовалъ установленію въ Германіи истиннаго парламентаризма. Его преданный совѣтникъ былъ только истолкователемъ его воли, когда онъ энергично протестовалъ каждый разъ, какъ только возвышались голоса, требовавшіе установленія имперскаго министерства, отвѣтственнаго передъ рейхстагомъ. Императоръ Вильгельмъ желалъ не только „царствовать“, но и „управлять“, и потому не допускалъ, чтобы министры могли нуждаться въ довѣрїи рейхстага, когда они пользовались его довѣрїемъ. Онъ понималъ, что введеніе отвѣтственнаго передъ рейхстагомъ министерства будетъ лишь первымъ этапомъ къ установленію противнаго его натурѣ парламентаризма.

Императоръ Вильгельмъ не желалъ, однако, выходить изъ установленныхъ имперскою конституціей рамокъ, казавшихся ему достаточно широкими. Ни одинъ новый законъ не можетъ быть введенъ безъ согласія рейхстага, ни одинъ новый налогъ не можетъ быть установленъ помимо его воли,—но дальше этихъ ограниченій монархическихъ правъ онъ не желалъ идти, тѣмъ болѣе, что и такія ограниченія часто ставили правительство въ весьма затруднительное положеніе и волей-неволей обязывали его къ большей уступчивости, нежели оно желало. Если рейхстагъ былъ безсиленъ провести какой-либо законъ, несогласный съ намѣреніями правительства, то и послѣднее,

¹⁾ „Essais sur l'Allemagne Impériale“, par Ernest Javisse. Paris, 1888.

въ силу конституціи, лишено было возможности издать новый законъ, почему-либо негодный рейхстагу. Эта необходимость соглашенія короны съ рейхстагомъ не разъ въ послѣдніе годы царствованія императора Вильгельма порождала враждебныя отношенія между правительствомъ и оппозиціонными элементами народнаго представительства, но самая эта враждебность, самая рѣзкость борьбы являлись доказательствомъ, что германская конституція—вовсе не пустой призракъ, не слова, не форма, лишняя содержанія, какъ то многіе думаютъ и говорятъ.

Если до сихъ поръ послѣднее слово въ такой борьбѣ почти никогда еще не оставалось за оппозиціей, то изъ этого вовсе еще не слѣдуетъ, чтобы послѣдняя навсегда была обречена на роль побѣжденнаго. Въ безсиліи либеральной оппозиціи виновата была не столько имперская конституція, дающая вовсе не такое уже дурное орудіе для защиты народныхъ правъ, сколько подавляющій авторитетъ Бисмарка и то уваженіе и любовь, которыя куплены были императоромъ Вильгельмомъ цѣною великихъ услугъ, оказанныхъ имъ Германіи.

Несмотря на громадное обаяніе покойнаго императора, правительство его не разъ, однако, терпѣло временныя пораженія въ борьбѣ изъ-за развитія политическихъ правъ, и пораженія эти тѣмъ болѣе удручали императора Вильгельма, что онъ считалъ своимъ долгомъ каждый разъ лично вмѣшиваться въ борьбу. Никогда, однако, парламентское пораженіе такъ близко его не коснулось, какъ въ 1878 году, когда послѣ покушенія, произведеннаго на его жизнь двумя выстрѣлами рабочаго Геделя, правительство внесло въ рейхстагъ проектъ закона съ цѣлью „предохранить государство и общество отъ опасности, угрожающей имъ со стороны социалистовъ-демократовъ“. Правительство требовало, чтобы союзному совѣту было предоставлено право конфисковать произведенія печати и запрещать собранія этой партіи.

Императоръ Вильгельмъ вовсе не желалъ возлагать ответственность на цѣлую націю за преступленіе одного безумца; онъ не желалъ, чтобы выстрѣлъ Геделя послужилъ поводомъ для усиленія реакціи; но правительство,—несмотря на то, что социальная партія громко заявила, что она не имѣетъ ничего общаго съ челоувѣкомъ, рѣшившимся покуситься на жизнь престарѣлаго императора,—связывало все-таки Геделя съ социальной партіей и рѣшилось поэтому дѣйствовать мѣрами строгости противъ распространенія идей социалистовъ-демократовъ. Рейхстагъ, однако, не убѣдился доводами князя Бисмарка и, отстаивая политическую свободу Германіи, отвергъ предложенный ему проектъ закона. Онъ хотѣлъ показать, что народное представительство не всегда является покорнымъ орудіемъ въ рукахъ

авторитетнаго министра, что германская конституція вовсе не такъ уже бессильна, несмотря на отсутствіе въ ней истиннаго парламентаризма.

На несчастье Германіи, примѣръ Геделя увлекъ за собою другого фанатива Нобилинга, который, три недѣли спустя послѣ перваго покушенія, рѣшился вновь посягнуть на жизнь создателя единой Германіи. Преступный замыселъ Нобилинга не достигъ своей конечной цѣли, но тѣмъ не менѣе императоръ Вильгельмъ былъ раненъ. Вся Германія, все общественное мнѣніе, безъ различія партій, отвѣтили взрывомъ негодованія на преступное дѣяніе Нобилинга. Самый способъ, къ которому прибѣгъ Нобилингъ для осуществленія своего замысла, возмутилъ общественную совѣсть. Оружіе его было заряжено мелкою дробью, и престарѣлый императоръ, всю свою жизнь посвятившій благу дорогой ему родины, получилъ до тридцати ранъ. Жизнь императора была въ опасности; онъ вынужденъ былъ передать власть въ руки регента, нынѣ уже покойнаго императора Фридриха III, и только благодаря своему сильному организму императоръ Вильгельмъ не сдѣлался жертвою безумнаго фанатизма.

Хотя социальная партія, въ лицѣ своихъ представителей, опять громко протестовала противъ смѣшенія ея съ убійцами, но послѣдовательныя одно за другимъ покушенія двухъ лицъ, называвшихъ себя социалистами-демократами, несомнѣнно ослабляли значеніе всѣхъ подобныхъ протестовъ. Общество не вѣрило больше Карлу Марксу и другимъ вождямъ социално-демократической партіи, когда они заявляли, что „социалистическія ученія имѣютъ такъ же мало общаго съ политическими убійствами, какъ съ гибелью панцырнаго корабля „Великій Курфюрстъ“ или съ собраніемъ берлинскаго конгресса“¹⁾.

Понятное возмущеніе охватило тогда всѣ слои нѣмецкаго народа. Даже самыя крайніе политическіе противники, готовые на неустанную борьбу съ монархическими убѣжденіями императора Вильгельма, никогда не отказывали въ глубокомъ личномъ уваженіи къ благородству, прямотѣ его характера, къ чистотѣ его намѣреній, увѣренныя, что онъ можетъ ошибаться, но, и ошибаясь, онъ руководится исключительно мыслью о благѣ и величій Германіи. Нужно ли говорить, какое впечатлѣніе произвели эти два покушенія на правительственныя сферы, всегда скорѣе поддающіяся обобщеніямъ отдѣльныхъ преступныхъ фактовъ. Сознаніе, что даже императоръ Вильгельмъ, несмотря на свои 80 лѣтъ, несмотря на честность его

¹⁾ „Kaiser Wilhelm und die Gründung des neuen deutschen Reichs“, von Dr. Egelhoff. Stuttgart, 1886.

натуры и великія заслуги, оказанныя имъ родинѣ, не застрахованъ отъ преступныхъ покушеній на его жизнь, производило удручающее впечатлѣніе, краснорѣчиво выраженное Бисмаркомъ въ разговорѣ его по этому поводу съ бывшимъ президентомъ Грантомъ. „Вотъ,— говорилъ онъ,— старикъ, одинъ изъ лучшихъ людей на землѣ, и все-таки дѣлаются покушенія на его жизнь. Никогда не было человѣка по характеру болѣе скромнаго, болѣе великодушнаго, болѣе гуманнаго, чѣмъ императоръ. Онъ рѣшительно отличается отъ людей, родившихся въ такой высокой сферѣ, или, по крайней мѣрѣ, отъ большинства изъ нихъ. Вы знаете, что люди въ его положеніи, принцы по рожденію, склонны считать себя людьми, отличными отъ всѣхъ другихъ. Они обыкновенно придаютъ слишкомъ мало значенія чувствамъ и желаніямъ другихъ людей. Все ихъ воспитаніе какъ бы направлено къ тому, чтобы задушить въ нихъ гуманную сторону. Императоръ же, напротивъ, во всемъ—человѣкъ. Онъ никогда въ своей жизни не сдѣлалъ никому вреда, никогда не оскорбилъ чужого чувства, никогда не зналъ жестокости. Это одинъ изъ тѣхъ людей, которые привлекаютъ къ себѣ всѣ сердца, работая постоянно для счастья и блага своихъ подданныхъ и всѣхъ окружающихъ его. Невозможно представить себѣ типа болѣе благороднаго, болѣе добраго, украшеннаго всѣми высокими качествами государя и всѣми достоинствами человѣка. Я полагалъ, что императоръ можетъ пройти черезъ все государство изъ одного конца въ другой, одинъ и безъ малѣйшей опасности; и вотъ теперь стремятся его убить. Нашъ императоръ во всемъ настолько предался общественному благу, что даже самый крайній республиканецъ отнесся бы къ нему съ удивленіемъ, еслибы только сужденіе его было безпристрастно... Вотъ монархъ, который, въ силу доброты своего сердца, какъ бы уничтожилъ смертную казнь, и все же онъ становится жертвою покушенія на убійство“.

Оцѣнивая такимъ образомъ покойнаго императора, Бисмаркъ могъ быть увѣренъ, что оцѣнка эта не встрѣтитъ возраженій ни среди нѣмецкаго народа, ни среди избраннаго имъ рейхстага, но онъ вѣдѣлъ съ тѣмъ зналъ, что можно преклоняться передъ личными достоинствами государя и все-таки быть несолидарнымъ съ его внутреннею государственною политикою. Быть можетъ, подъ впечатлѣніемъ второго покушенія на жизнь императора, рейхстагъ, желая заявить свое сочувствіе раненому престарѣлому монарху, и принялъ бы теперь внесенный правительствомъ проектъ закона, направленный противъ соціально-демократической партіи, но правительство не рѣшилось подвергнуть проектъ еще разъ риску быть отвергнутымъ. Пользуясь общественнымъ настроеніемъ, возбужденнымъ преступными

покушеніями на жизнь императора, правительство прибѣгло не къ насильственному введенію отвергнутого народнымъ представительствомъ закона, а къ мѣрѣ вполне законной—къ распущенію рейхстага. Бисмаркъ былъ увѣренъ, что въ новомъ рейхстагѣ консервативная партія значительно увеличится, благодаря преступленію Геделя и Нобилинга, и онъ не ошибся въ расчетѣ. Предлогомъ для распущенія рейхстага послужило непринятіе закона для противодѣйствія стремленіямъ соціальной партіи, и новыя выборы происходили на почвѣ этого закона. Внося вновь свой проектъ въ новый рейхстагъ, правительство усилило его строгость. Къ запрещеніямъ печатныхъ произведеній этихъ партій и сходокъ прибавилось еще воспрещеніе пребыванія въ извѣстныхъ городахъ и округахъ людямъ, обвиненнымъ въ принадлежности къ соціально-демократической партіи. Несмотря на общественное настроеніе, оппозиція противъ правительственного проекта была необычайно сильна. Рейхстагъ сначала не хотѣлъ признать, чтобы даже часть населенія могла быть признана отвѣтственной за вину одного или нѣсколькихъ фанатиковъ. Проектъ, въ концѣ концовъ, былъ однако принятъ, но съ довольно значительными поправками. Срокъ временнаго закона былъ опредѣленъ двумя съ половиною годами.

Этотъ временный законъ противъ соціалистовъ не переставалъ служить поводомъ для борьбы между парламентомъ и правительствомъ вплоть до самой смерти покойнаго императора. Каждый разъ, что заходилъ вопросъ о продленіи этого закона, правительство встрѣчало упорную оппозицію, и не разъ также требовалось личное вмѣшательство императора Вильгельма, чтобы преодолѣть настойчивость сопротивленія. Принимая депутацію рейхстага въ 1884 году, императоръ Вильгельмъ обратился къ ней съ горькими упреками по адресу оппозиціи, не соглашавшейся на новое продленіе этого закона, говоря, что послѣдняя забываетъ, при какихъ обстоятельствахъ появился законъ противъ соціалистовъ, что нужно было, чтобы пролилась его кровь, чтобы оппозиція убѣдилась въ опасности, угрожающей обществу, и что оппозиція закону на этотъ разъ направлена лично противъ него.

Императоръ Вильгельмъ, исходя изъ того положенія, что онъ не только царствуетъ, но и управляетъ, никогда не допускалъ, чтобы отвѣтственность за какой-либо правительственный актъ падала на того или другого министра; онъ не мирился съ основнымъ конституционнымъ положеніемъ, что лицо монарха остается всегда внѣ борьбы; онъ желалъ, напротивъ, чтобы всѣ были убѣждены, что не принимается ни одна мѣра, не предлагается никакой проектъ закона безъ того, чтобы предварительно онъ не выразилъ на то свою

волю. Каждый разъ, что рейхстагъ выражалъ порицаніе или недо-
вѣріе правительству за ту или другую принятую имъ мѣру, импе-
раторъ Вильгельмъ тотчасъ же выступалъ на сцену, при помощи ли
прямого обращенія къ рейхстагу, при помощи ли рескриптовъ вы-
званному неудовольствію парламента министру, громко провозглашая,
что министры являются лишь исполнителями его предначертаній.
Такъ было и при обсужденіи закона противъ социалистовъ, при обсуж-
деніи предложеній правительства, касавшихся мѣръ для обезпеченія
судьбы рабочихъ; такъ оно было каждый разъ, что вопросъ касался
правильности функціонированія конституціоннаго механизма.

Оппозиція, настойчиво стремясь къ достиженію парламентскаго
режима, не разъ производила генеральную атаку противъ прави-
тельства за оказываемыя имъ вліяніе и давленіе во время выборовъ.
Министръ внутреннихъ дѣлъ не только защищалъ правительство
противъ нападеній оппозиціи рейхстага, но доказывалъ, что прави-
тельство такъ и должно поступать, что всѣ служащіе обязаны ока-
зывать правительству свое содѣйствіе въ томъ духѣ, въ какомъ это
угодно правительству, и что, дѣйствуя такимъ образомъ, чиновники
могутъ заслужить только благодарность императора. Теорія эта вы-
звала негодованіе рейхстага, которое большинствомъ голосовъ воти-
ровало порицаніе правительству. Императоръ Вильгельмъ порѣшилъ
принять на свой счетъ выраженное министру порицаніе. Онъ обра-
тился къ министру съ письмомъ, въ которомъ, высказывая ему свое
довѣріе, настаивалъ на правѣ королевской и императорской власти
руководить всею, какъ внутреннею, такъ и внѣшнею, политикою го-
сударства. Всѣ дѣйствія и акты правительства суть дѣйствія и акты
короля и императора. Онъ предупреждалъ еще разъ отъ заблужденія
разсматривать правительственные дѣйствія, какъ дѣйствія, обуслов-
ленные только волею министра. Императоръ Вильгельмъ, отстаивая
монархическую власть противъ атаки парламентаризма, держался
того мнѣнія, что всѣ чиновники обязаны во время выборовъ защи-
щать правительственную политику и по меньшей мѣрѣ воздержива-
ться отъ всякой оппозиціи.

Но если императоръ Вильгельмъ горячо настаивалъ на непри-
косновенности монархическаго принципа, то съ не меньшею горяч-
ностью настаивала либеральная оппозиція рейхстага на строгомъ со-
блюденіи конституціонныхъ началъ. Несмотря на рѣшительный ха-
рактеръ письма императора, нѣсколько времени спустя, даже не въ
рейхстагѣ, а въ прусской палатѣ, утратившей свое значеніе съ воз-
становленіемъ имперіи, оппозиція потребовала преданія суду долж-
ностныхъ лицъ, дозволившихъ себѣ оказать давленіе на выборахъ.
Вопросъ о правительственномъ вліяніи на выборы во все время цар-

ствования императора Вильгельма постоянно вызывалъ упорную борьбу между оппозиціей и правительствомъ, и нужна была перемѣна царствования, вступленіе на престолъ болѣе проникнутаго конституціонными идеями императора Фридриха III, чтобы борьба эта окончилась ясно выраженнымъ желаніемъ новаго императора, чтобы правительство отнынѣ воздерживалось отъ всякаго стѣсненія свободы выборовъ.

Голосъ императора Вильгельма много вѣсилъ во внутренней политикѣ Германіи, но воля его не могла устранить того коренного противорѣчія, которое существуетъ между двумя противоположными началами: началомъ абсолютной власти и началомъ конституціоннымъ. Императоръ Вильгельмъ искренно желалъ оставаться вѣрнымъ принесенной имъ присягѣ, соблюдать конституціонныя права народа, но вмѣстѣ съ тѣмъ, воспитанный въ строго монархическихъ идеяхъ и глубоко къ нимъ привязанный, онъ никакъ не могъ освоиться съ мыслию, что конституціонныя права въ чемъ-либо могутъ стѣснять его волю, тѣмъ болѣе, что онъ сознавалъ, что воля его всегда направлена на благо страны. Онъ не мирился съ парламентскою оппозиціею, не признававшей, казалось ему, его заслугъ и оспаривавшей у него законную власть. Въ борьбѣ оппозиціи онъ видѣлъ недоумѣніе къ себѣ, глубоко его оскорблявшее. Въ дѣйствительности не было ничего подобнаго. Оппозиція относилась къ императору съ довѣріемъ и любовью, но она преслѣдовала задачу, къ которой стремится каждый парламентъ, т.-е. быть настоящимъ парламентомъ, съ дѣйствительною, а не фиктивною властью. „Чего вы хотите, наконецъ?—говорилъ Бисмаркъ въ парламентѣ, отвергавшемъ всѣ его проекты:—Вы походите на дѣтей, которыя играютъ, пряча какую-нибудь вещь, которую одинъ изъ играющихъ долженъ искать; но когда послѣдній приближается къ тому мѣсту, гдѣ вещь спрятана, его по крайней мѣрѣ предупреждаютъ звуками музыки. Вы же, вы никогда не дѣлаете и такого предупрежденія“. Если императоръ Вильгельмъ вполне чистосердечно не понималъ оппозиціи, то князь Бисмаркъ, по остроумному замѣчанію одного писателя, всегда отлично зналъ, что „прячетъ“ рейхстагъ?—страстное желаніе сдѣлаться истиннымъ парламентомъ со всѣми его правами.

Императоръ Вильгельмъ полагалъ, что съ достиженіемъ нѣмецкаго единства старая оппозиція замретъ, что у нея не будетъ болѣе повода бороться съ правительствомъ. Дѣйствительность не оправдала такого ожиданія,—напротивъ, оппозиція значительно усилилась, и такое усиленіе ея представлялось какъ нельзя болѣе естественнымъ. Одна задача, поглощавшая всѣ помыслы, всѣ заботы, была выполнена; другая задача—внутренняго развитія Германіи—сосредоточила на себѣ

всю народную энергію. Но помимо этой послѣдней, достаточной самой по себѣ, причины для усиленія либеральной оппозиціи, была еще и другая, лежавшая въ самомъ способѣ образованія единой Германіи. Возникшая при помощи огня и желѣза, нѣмецкая имперія заключала въ себѣ элементы, слитые въ одно цѣлое не доброю волею, а насиліемъ. Эти элементы неизбѣжно должны были увеличить ряды оппозиціи, доставить спорной либеральной оппозиціи не всегда безкорыстныхъ союзниковъ, которыхъ князь Бисмаркъ окрестилъ именемъ „враговъ имперіи“.

Изъ кого же состояли эти враги, присоединявшіеся къ оппозиціи каждый разъ, что правительству императора Вильгельма можно было нанести ударъ?

Пруссія никогда не обладала даромъ располагать къ себѣ сердца побѣжденныхъ и присоединенныхъ къ ней народностей. Несмотря на свои солидныя качества, на традиціонный порядокъ, на честность администраціи, независимость судебного персонала, на строгое отношеніе правительства къ своему долгу, Пруссія никогда не внушала и неспособна была внушать къ себѣ симпатіи другихъ народовъ. Пруссія представляла собою всегда наиболѣе дисциплинированное государство; она создана была военной дисциплиной, экономіей, суровымъ порядкомъ; увлеченіе, страсти, позвія жизни—не были ея удѣломъ. Обыкновенно говорятъ, что Пруссіи, ея правительство, ея населеніе отличаются особеннымъ „прусскимъ духомъ“. Въ этомъ „прусскомъ духѣ“ есть, безъ сомнѣнія, очень много хорошаго—рѣшительность, энергія, умѣнье преслѣдовать однажды намѣченную цѣль, самое щепетильное исполненіе своихъ обязанностей,—но вмѣстѣ съ тѣмъ есть и жесткость, крайняя требовательность къ себѣ и къ другимъ, нѣкоторая сухость сердца и ума, чуждаго всякой чувствительности. „Пруссійскій духъ“ игнорируетъ человѣческія слабости, а люди да и цѣлыя народы ничему такъ не симпатизируютъ, какъ слабостямъ. Какъ отдѣльный человѣкъ, не знающій никакихъ увлеченій, страстныхъ порывовъ, непосредственныхъ вспышекъ сердца, можетъ пользоваться уваженіемъ, почетомъ, подчасъ даже внушать страхъ своимъ строгимъ отношеніемъ къ жизни, по рѣдко способенъ вызывать симпатіи, сочувствіе, инстинктивное къ себѣ влеченіе,—такъ бываетъ и съ цѣлымъ народомъ. Къ Пруссіи питаютъ уваженіе, ее боятся, но не любятъ.

Создавая Германію своею собственною мощью, Пруссія естественно перенесла въ ея политическое устройство, въ ея внутреннія и внѣшнія отношенія, тотъ самый „пруссійскій духъ“, благодаря которому она приобрѣла въ Европѣ преобладающія силу и значеніе. Но вмѣстѣ съ „прусскимъ духомъ“ она перенесла на имперію и ту нелюбовь,

которая до сихъ поръ была лишь удѣломъ одного прусскаго королевства въ Германіи. У создателя же нѣмецкой имперіи, поглощеннаго заботой о ея могуществѣ, не было ни времени, ни навыка выковать то наиболѣе связующее различныя народности звено, которое зовется любовью. Нѣмецкій рейхстагъ долженъ былъ неизбежно отразить въ себѣ образъ насильственно, огнемъ и желѣзомъ, созданной Германіи. въ его средѣ долженъ былъ раздаться протестующій противъ насилія голосъ датчанъ, поляковъ и, наконецъ, приобретенныхъ нѣмецкимъ оружіемъ эльзасцевъ.

Бисмаркъ не преувеличивалъ, называя ихъ „врагами имперіи“. Да, это были враги, враги непримиримые, носившіе въ своемъ сердцѣ одну лишь ненависть къ навязанному имъ силою отечеству—Германіи.

Патріотическое стремленіе императора Вильгельма доставить силу, могущество и спокойствіе своей родинѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, можетъ быть, и вполне законное честолюбіе и гордость побѣдителя—заставили его совершить, по основательному мнѣнію многихъ, опасную политическую ошибку, заключавшуюся въ отторженіи отъ Франціи и присоединеніи къ Германіи двухъ, силою привязанности и любви сдѣлавшихся чисто французскими, провинцій: Эльзаса и Лотарингіи. Императоръ Вильгельмъ и его ближайшіе совѣтники полагали, что единство происхожденія скоро залечитъ нанесенную имъ рану и примиритъ ихъ съ совершившимся фактомъ. Заблужденіе было непродолжительное. Депутаты Эльзаса и Лотарингіи появились въ нѣмецкомъ рейхстагѣ съ единственною цѣлью, при каждомъ удобномъ случаѣ, протестовать противъ учиненнаго надъ ними насилія и пользоваться всякими средствами, чтобы наносить вредъ имперскому правительству. Тамъ, гдѣ шла лишь рѣчь о протестѣ, тамъ, гдѣ завязывалась борьба противъ правительства императора Вильгельма, тамъ, гдѣ оппозиція собиралась съ силами, чтобы оказать рѣшительное противодѣйствіе планамъ и проектамъ, вносимымъ въ рейхстагъ, тамъ всегда неизмѣнно были депутаты Эльзаса и Лотарингіи. Правительство императора Вильгельма, желая ослабить враждебность двухъ отторженныхъ отъ Франціи провинцій, рѣшилось примѣнить къ нимъ опытъ децентрализаціи. Императоръ Вильгельмъ назначилъ намѣстникомъ этихъ провинцій одного изъ самыхъ приближенныхъ къ нему лицъ, графа Мантейфеля, тщетно старавшагося перетянуть на свою сторону симпатіи населенія. Попытка не увѣчалась успѣхомъ, и скоро „прусскій духъ“ вступилъ въ свои права, раздражая и еще болѣе озлобляя враждебное населеніе.

Императоръ Вильгельмъ, сознавая свой престижъ, нѣсколько разъ совершалъ поѣздки въ завоеванныя провинціи, но каждый разъ онъ встрѣчалъ болѣе чѣмъ сдержанный, холодный приѣмъ. Относясь съ уваженіемъ къ престарѣлому монарху, воздавая должное его личному

характеру, население весьма явственно давало чувствовать, что оно не мирится съ своею новою родиною, и что всѣ помыслы его обращены въ сторону Франціи. Депутаты Эльзаса и Лотарингіи были лишь вѣрными представителями населенія, когда они неизмѣнно вотировали противъ правительства, поддерживая своими голосами такъ или иначе группировавшуюся оппозицію.

Рядомъ съ депутатами Эльзаса и Лотарингіи стояли всегда дружно противъ правительства другіе „враги имперіи“, которыхъ цѣлое столѣтіе не успѣло примирить съ завоевателемъ: это—польскіе депутаты, не устававшіе протестовать противъ давнишняго уже насилія. До 1867 года поляки не входили въ составъ германскаго союза. Только къ этому году Пруссія включила ихъ въ составъ сѣверо-германскаго союза. При преобразованіи же въ 1871 году этого союза въ германскую имперію, поляки, противъ своей воли, увидѣли своихъ представителей въ нѣмецкомъ рейхстагѣ. Впервые появляясь сначала въ рейхстагѣ сѣверо-герм. союза, затѣмъ въ имперскомъ рейхстагѣ, поляки громко протестовали противъ включенія ихъ въ составъ нѣмецкой имперіи. Они напоминали манифестъ Фридриха-Вильгельма III, отца императора Вильгельма, обѣщавшаго имъ не лишать ихъ автономіи, но всѣ такіе протесты вызывали лишь рѣзкій отпоръ гнѣвнаго канцлера, доказывавшаго, быть можетъ не безъ основанія, что эти „враги имперіи“ стремятся лишь къ одному: къ полному отложенію отъ Германіи, и что только подъ этимъ условіемъ прекратилась бы ихъ вражда. Онъ сознавалъ, что было бы желательнѣе для нѣмецкаго государства, еслибы оно не заключало въ себѣ разлагающаго польскаго элемента, но ради достиженія таковой цѣли Германія не можетъ отказаться отъ польской территоріи, сдѣлавшейся для нея государственною необходимостью.

Со времени возстановленія имперіи польскій вопросъ, сохраняющій необыкновенную живучесть, несмотря на энергически преслѣдуемое онѣмеченіе части польскаго королевства, сдѣлавшейся добычею Фридриха II, не разъ служилъ въ нѣмецкомъ рейхстагѣ поводомъ для проявленія оппозиціоннаго духа. Правительство императора Вильгельма въ 1885 году рѣшилось на исключительную мѣру, вызвавшую громкій протестъ не только среди тѣхъ, чьи интересы прямо затрогивались правительственною мѣрою, но среди всей разношерстной оппозиціи въ рейхстагѣ, возставшей противъ правительства во имя принципа свободы и уваженія къ правамъ побѣжденныхъ. Правительство рѣшилось на изгнаніе изъ Пруссіи, а слѣдовательно и изъ Германіи, всѣхъ подданныхъ Россіи и Австріи польскаго происхожденія. Императоръ Вильгельмъ, отрывая сессіи прусскихъ палатъ въ 1886 году, счелъ необходимымъ дать объясненіе принятой прави-

тельствомъ мѣры, вызвавшей естественное волненіе среди польскаго населенія и негодование всей либеральной оппозиціи. „Подавленіе нѣмецкаго элемента—говорилъ императоръ—польскимъ элементомъ въ нѣкоторыхъ восточныхъ провинціяхъ налагаетъ на правительство обязанность принять мѣры, способныя обезпечить существованіе и развитіе нѣмецкаго населенія“.

Хотя слова эти были произнесены въ прусскихъ палатахъ, но „враги имперіи“ польскаго происхожденія заявили въ рейхстагѣ намѣреніе интерпеллировать министерство по поводу произвольной мѣры, принятой правительствомъ. Императоръ Вильгельмъ не желалъ обсужденія этой мѣры въ имперскомъ рейхстагѣ, какъ не желалъ и того, чтобы отвѣтственность за нее возлагалась на его министровъ. Черезъ нѣсколько дней появилось посланіе императора, въ которомъ онъ объявилъ, что имперскій парламентъ не имѣетъ права вмѣшиваться во внутреннія дѣла Пруссіи. Несмотря, однако, на такое категорическое заявленіе императора Вильгельма, нѣмецкій парламентъ подвергъ своему обсужденію правительственную мѣру, направленную противъ польскаго населенія, и громаднымъ большинствомъ вотировалъ порицаніе правительству, признавая, что изгнаніе поляковъ представляется ненаходящимъ себѣ оправданія и неотвѣчающимъ національнымъ интересамъ нѣмецкой имперіи.

Такое вмѣшательство нѣмецкаго парламента въ дѣла, которыя, по взгляду императора Вильгельма, не подлежали его обсужденію, вызвало въ немъ глубокое недовольство. Онъ усматривалъ въ поведеніи рейхстага все болѣе и болѣе проявляющееся стремленіе превратиться въ настоящій, полновластный парламентъ, что противорѣчило его представленію о монархической власти, и что, главнымъ образомъ, не соответствовало конституціи такъ, какъ онъ понималъ послѣднюю. Онъ не желалъ нарушенія конституціонныхъ правъ, но онъ настойчиво противодѣйствовалъ толкованію ихъ въ болѣе широкомъ смыслѣ.

Вмѣшательство нѣмецкаго рейхстага и выраженное имъ порицаніе не остановило и на этотъ разъ правительство отъ приведенія въ исполненіе предначертанныхъ плановъ. Черезъ нѣсколько дней князь Бисмаркъ, умѣвшій всегда пользоваться парламентомъ и ссылаться на народныя чувства и волю, когда тѣ представлялось для него выгоднымъ, но никогда не желавшій подчиняться его рѣшеніямъ, успѣшилъ дать отвѣтъ на вызовъ, брошенный правительству высказаннымъ порицаніемъ. „Мы должны были признать,—говорилъ онъ,—что всѣ усилія, чтобы привлечь польское дворянство на сторону Германіи, оказались безплодными, и что необходимо измѣнить систему, уменьшить польское населеніе и усилить нѣмецкій элементъ.“

Для насъ слишкомъ довольно нашихъ собственныхъ поляковъ; мы должны избавиться отъ поляковъ чужеземныхъ. Это—политическая мѣра, на которой мы энергически будемъ настаивать, и двадцать голосованій имперскаго парламента не въ состояннн побудить правительство отступить отъ его рѣшенія“.

Нѣмецкій рейхстагъ былъ обойденъ, и правительство провело въ прусскихъ палатахъ нѣсколько законовъ, направленныхъ къ усиленнн въ польскихъ провинцняхъ нѣмецкаго элемента. Правительство образовало фондъ въ сто миллiоновъ для скупки польскихъ земель и для водворенн на нихъ нѣмецкихъ колонистовъ, равно какъ для постройки школъ и нѣмецкихъ церквей.

Мѣры эти могли вызывать недовольство нѣмецкой либеральной партн, но она никомъ образомъ не могла обвинять правительство въ противозаконныхъ дѣйствняхъ. Правительство императора Вильгельма польскихъ земель не конфисковало; оно не обявляло поляковъ къ насильственной продажѣ своихъ земель, оно даже не воспрещало полякамъ прнобрѣтать въ собственность поступающн въ продажу земли. Правительство являлось лишь самостоятельнымъ и притомъ даже непривилегированнымъ покупщикомъ. Отъ собственниковъ зависѣло продавать или не продавать свои земли правительству. Вотъ почему упрекъ въ незаконности дѣйствнй правительства представляется до очевидности несправедливымъ. Недовольство могло быть вызываемо направлениемъ политики императора Вильгельма,—но это уже другой вопросъ.

Политическая борьба съ польскимъ элементомъ осложнялась еще борьбою религiозною. Католическое польское духовенство вносило въ эту борьбу не только свой національно-патрiотическнй пылъ, но и всю страстность, на которую только способны люди, отстаивающн неприкосновенность своихъ религiозныхъ вѣрованнй. Польскне депутаты явились не послѣдними борцами въ разгорѣвшейся войнѣ между католицизмомъ и протестантизмомъ.

Эльзасъ и Лотарнгн, польскн провинцн, датскн округъ Шлезвнга, окончательно прнсоединенный къ Германн съ согласн Австрн, послѣдовавшаго въ 1878 г. во время берлинскаго конгресса, въ противность 5-му пункту пражскаго договора, были не единственными „врагами имперн“. Къ „врагамъ“ князь Бисмаркъ относилъ и всѣхъ партикуляристовъ, недовольныхъ военнымъ способомъ образованн Германн и сообщениемъ ей „прусскаго духа“ и съ грустью вспоминавшихъ о томъ добромъ старомъ времени, когда нѣмцы не знали ни подавляющихъ налоговъ, ни суровой прусской дисциплины, ни страшнаго бремени всепоглощающей военной организацн. Партикуляристы забывали, что даромъ ничто не дается, что военное могу-

дество, значеніе господствующей въ Европѣ державы—неизбѣжно сопряжены съ тяжелыми жертвами.

Но самыми опасными и вмѣстѣ самыми сильными „врагами имперіи“ явились двѣ партіи: партія католическая, вызвавшая памятную историческую борьбу, сохранившую названіе Culturkampf, и партія социальна-демократическая, объявившая войну всему современному государственному устройству.

Вопросъ церковно-религіозный и вопросъ социальный—вотъ тѣ два вопроса, которые внесли особенную ѣдкость и остроту во внутреннюю политику императора Вильгельма. Къ этимъ двумъ вопросамъ мы теперь и обратимся, но не для того, конечно, чтобы излагать подробно исторію какъ церковно-религіозной, такъ и социальной борьбы, что далеко вышло бы изъ рамокъ нашей задачи, а для того лишь, чтобы постараться очертить личную роль въ этихъ двухъ вопросахъ императора Вильгельма.

ХІІІ.

Императору Вильгельму, глубоко проникнутому религіознымъ настроеніемъ, борьба съ католическою церковью была особенно тяжела. Если въ этой борьбѣ онъ рѣшился слѣдовать агрессивной политикѣ своего ближайшаго совѣтника, то лишь благодаря сознанію, что того требуетъ его государственный долгъ. Исполненіе своего долга было руководящимъ началомъ всей жизни императора Вильгельма; не было жертвы, которой онъ не принесъ бы на его алтарь. Церковно-религіозная борьба была съ его стороны именно такою жертвою долгу, и тѣмъ только успокаивалась его совѣсть, встревоженная нарушеніемъ религіознаго мира. Въ традиціяхъ голенцоллернскаго дома всегда было—жить въ мирѣ съ католическою церковью, и, въ сущности, до возстановленія германской имперіи не было и серьезныхъ поводовъ къ упорной борьбѣ. Пруссія была долго исключительно протестантскимъ государствомъ, и только присоединеніе къ ней въ XVIII в. Силезіи и Познани ввело въ составъ королевства католическое населеніе. Свободный мыслитель, Фридрихъ II, вовсе не желалъ установленія господствующей церкви; всѣ христіанскія вѣроисповѣданія должны были пользоваться полною равноправностію. Католическимъ общинамъ въ прусскихъ провинціяхъ предоставлено было сохранить ихъ устройство, что вовсе не обязывало вступать прусское правительство въ какія-либо обязательныя отношенія къ главѣ католической церкви—къ папѣ. Отношенія между прус-

скими королями и Римомъ были всегда наилучшія, и отецъ императора Вильгельма, Фридрихъ-Вильгельмъ III, явился на вѣнскомъ конгрессѣ однимъ изъ самыхъ горячихъ защитниковъ восстановления свѣтской папской власти, и нѣсколько лѣтъ спустя, въ 1821 году, надана была папская булла, получившая санкцію короля Фридриха-Вильгельма III, утверждавшая родъ конкордата между прусскимъ правительствомъ и папскимъ престоломъ. Доброе согласіе, однако, на короткое время было нарушено распрей, получившей довольно рѣзкій характеръ. Поводами въ ней послужили два обстоятельства: смѣшанные браки и недостаточная ортодоксальность ученія, по мнѣнію католическаго епископа, одного изъ боннскихъ профессоровъ, Гермеса. Правительство, во исполненіе дѣйствующаго закона, требовало, чтобы дѣти отъ смѣшанныхъ браковъ слѣдовали вѣрѣ отца, но требованіе это раздражило католическое духовенство, которое, съ благословенія и повелѣнія папы, стало отказывать въ совершеніи смѣшанныхъ браковъ католиковъ съ лютеранами, если вступающіе въ бракъ письменно не дадутъ обѣщанія воспитывать дѣтей въ католической вѣрѣ. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ тянулася борьба между Римомъ и прусскимъ правительствомъ, пока послѣднее не рѣшилось покончить споръ силою и нанести католическому духовенству тяжелый ударъ. Два архіепископа, вельнскій и познанскій были схвачены и заключены въ тюрьму за неисполненіе законовъ прусскаго королевства и распространеніе волненій среди населенія.

Трудно сказать, чѣмъ окончилась бы эта борьба, еслибы, три года спустя, въ 1840 году не вступилъ на прусскій престолъ предшественникъ императора Вильгельма, Фридрихъ-Вильгельмъ IV. Онъ рѣзко измѣнилъ политику своего отца, освободилъ изъ заточенія двухъ католическихъ архіепископовъ, заключилъ миръ съ Римомъ, предоставилъ католической церкви разрѣшать всѣ вопросы, касающіеся догматовъ и свободы совѣсти, и учредилъ при министерствѣ духовныхъ дѣлъ особое отдѣленіе для завѣдыванія всѣми дѣлами, касающимися католической церкви. Въ это отдѣленіе могли быть назначаемы лица только католическаго вѣроисповѣданія. Миръ, такимъ образомъ, снова водворился между протестантскою Пруссіею и католическою церковью. Католики явились въ революціонную эпоху 1848 года самыми лояльными подданными прусскаго короля, который высказывалъ это, говоря: „вѣрности моихъ католическихъ подданныхъ я обязанъ сохраненіемъ моего трона“. Католическое населеніе посылало въ палату самыхъ консервативныхъ депутатовъ. Движимый, съ одной стороны, чувствомъ благодарности, съ другой—ради укрѣпленія, въ лицѣ церкви, консервативнаго начала, Фридрихъ-Вильгельмъ IV ввелъ въ прусскую конституцію 1850 года начала полной автономіи като-

лической церкви, свободы совѣсти и равенства всѣхъ въ гражданскихъ и политическихъ правахъ, безъ различія вѣроисповѣданій, и, наконецъ, полную свободу въ отношеніяхъ между католическимъ духовенствомъ съ Пруссіею и папою. „Евангелическая и римско-католическая церкви,—говорилось въ 19 ст. конституціи,—а равно каждый другой религіозный союзъ распоряжаются и управляютъ своими дѣлами самостоятельно и продолжаютъ владѣть и пользоваться учрежденіями, заведеніями и фондами, назначенными для нихъ богослужебныхъ, учебныхъ и благотворительныхъ цѣлей“. Статья 16-ая устанавливала, что „свошеніе церковныхъ союзовъ съ ихъ главами совершается безпрепятственно“¹⁾.

Въ первые годы царствованія императора Вильгельма церковно-религіозный миръ не нарушался. Напротивъ, императоръ Вильгельмъ нѣсколько разъ имѣлъ случай выражать свое удовольствіе католическому духовенству по поводу добрыхъ отношеній, установившихся между протестантскою Пруссіею и католическою церковью. Мирное положеніе дѣлъ быстро стало измѣняться съ войны 1866 года. Годъ этотъ былъ фатальнымъ для католическаго населенія, преданнаго Риму. Образованіе итальянскаго королевства сдѣлало вопросомъ мѣсяцевъ и даже часовъ существованіе свѣтской власти папы, безъ которой глава католической церкви не считалъ себя свободнымъ и независимымъ. Союзницей Италіи являлась теперь протестантская держава, выбросившая изъ Германіи католическую Австрію, на которую католическое населеніе взирало всегда съ надеждою и любовью. Пова Австріи принадлежала гегемонія въ Германіи, католическое населеніе послѣдней было спокойно за свою судьбу. Теперь положеніе измѣнилось въ корнѣ. Отъ доброй воли протестантскаго государства зависѣлъ религіозный миръ католическаго населенія. Послѣднее, довольно естественно, не могло относиться съ особеннымъ сочувствіемъ къ образованію новой Германіи, гдѣ вся власть, все значеніе принадлежали протестантской державѣ. Недостаточно горячее отношеніе католическаго населенія въ восстановленію имперіи вызывало къ нему, въ свою очередь, извѣстную враждебность какъ либеральной, такъ и консервативной партіи, слѣпо преданной политикѣ императора Вильгельма и его сподвижника. Уже въ рейхстагѣ сѣверо-германскаго союза католическіе депутаты сплотились въ особую группу и поставили себѣ едва ли не главною задачею сохраненіе независимости и свободы католической церкви, которой въ то время правительство императора Вильгельма вовсе не думало угрожать. Тѣсный союзъ съ

¹⁾ Подробное изложеніе церковно-религіозной борьбы въ Пруссіи, а затѣмъ и въ Германіи, читатель найдетъ въ статьяхъ А. Д. Градовскаго: „Государство и церковь въ Пруссіи“. Вѣстн. Европы 1886 г., июль, августъ, сентябрь.

Италией заставлялъ католиковъ относиться подозрительно къ прусскому правительству.

Самъ Римъ подалъ первый поводъ къ болѣе рѣшительной борьбѣ. Свѣтское владычество папы ограничивалось теперь однимъ Римомъ, и то охраняемымъ французскими солдатами. Опасаясь, что уменьшеніе территоріи папскихъ владѣній можетъ ослабить авторитетъ главы католической церкви, когда-то либеральный Пій IX принялъ рѣшеніе провозгласить догматъ папской непогрѣшимости, надѣясь тѣмъ возвысить свое поколебленное положеніе. Едва ли могло быть какое-нибудь сомнѣніе, что, рѣшаясь на такой шагъ и созывая съ этою цѣлью вселенскій соборъ, папа весьма мало думалъ о религіозной сторонѣ явля. Въ теченіе столѣтій уже религія служила для папскаго престола лишь орудіемъ его свѣтской власти, и теперь, когда его свѣтскому владычеству былъ нанесенъ послѣдній ударъ, онъ возмечталъ провозглашеніемъ догмата непогрѣшимости вернуть себѣ утраченное вліяніе. Онъ упустилъ изъ виду лишь одно, что времена свѣтскаго владычества святого отца, основаннаго на нравственномъ авторитетѣ, миновали безвозвратно, и что коренное стремленіе XIX-го вѣка заключается въ полномъ отдѣленіи государства и церкви. Затѣя Пія IX была вѣрно понята почти всѣми дипломатическими агентами при римскомъ престолѣ, и прусскій посланникъ, столь злополучный впослѣдствіи, благодаря своему антагонизму съ Бисмаркомъ, графъ Арнимъ, сдѣлалъ представленіе своему правительству о необходимости занять въ этомъ вопросѣ опредѣленную позицію и противодействовать намѣренію провозгласить такіа начала въ сферѣ отношеній церкви къ государству, которыя не вяжутся съ современнымъ государственнымъ устройствомъ.

Правительство императора Вильгельма не желало активно вмѣшиваться въ дѣла римской куріи, отчасти не придавая особеннаго значенія фантастической затѣи Пія IX, отчасти не желая своимъ вмѣшательствомъ раздражать ровностное католическое населеніе южныхъ нѣмецкихъ государствъ, окончательно еще въ то время не слившихся съ пруссифицированной Германіей. Но тогда же, однако, князь Бисмаркъ установилъ правильную исходную точку въ опредѣленіи отношеній церкви къ государству. Отвѣчая графу Арниму, онъ говорилъ: „для Пруссіи имѣется только одна конституціонная и политическая точка зрѣнія: полная свобода церкви въ дѣлахъ религіозныхъ и рѣшительный отпоръ всякому ея вмѣшательству въ государственную область“.

Прусское правительство тѣмъ спокойнѣе могло выжидать событій, что рѣшеніе папы провозгласить догматъ непогрѣшимости вызвало значительный расколъ среди католическаго нѣмецкаго духовенства.

Нѣмецкіе католическіе епископы, не рѣшаясь открыто возстать противъ главы католической церкви, тѣмъ не менѣе заявили себя противниками новаго догмата и уѣхали изъ Рима, прежде чѣмъ вселенскій соборъ торжественно провозгласилъ папскую непогрѣшимость. Къ несчастію для религіознаго мира въ Германіи, епископы не были послѣдовательны; они не остались вѣрны своему убѣжденію и преклонились передъ совершившимся фактомъ. Нѣмецкіе ученые богословы, ииѣя Деллингера во главѣ, были болѣе стойки. Они отдѣлились отъ Рима, образовали новую секту старо-католиковъ, громко заявляя, что провозглашеніе догмата непогрѣшимости составляетъ опасное нововведеніе, революціонный актъ со стороны Ватикана, и что они одни остаются истинными и вѣрными католиками.

Въ то время, когда въ Ватиканѣ разыгрывалась папская комедія, вниманіе всей Европы было поглощено кровавою борьбою, завязавшею между Германіей и Франціей, доставившею Италіи возможность закрѣпить свое объединеніе перенесеніемъ въ Римъ столицы молодого королевства. При извѣстіи о занятіи Рима итальянскими войсками нѣмецкій католическій миръ зашевелился. Растерявшійся папа горько убѣдился теперь, что столь несвоевременно провозглашенный догматъ непогрѣшимости не заставилъ историческій ходъ событій своротить съ своего пути, и послалъ къ протестантскому государю, къ побѣдителю двухъ католическихъ государствъ—Австріи и Франціи, заискивающія поздравленія съ торжествомъ нѣмецкаго оружія и съ просьбою о защитѣ отъ узурпаторовъ свѣтской власти папскаго престола. Не безъ колебаній и не безъ внутренней борьбы императоръ Вильгельмъ вступилъ въ тѣсный союзъ съ Италіей. Революціонное происхожденіе итальянскаго единства не могло быть по сердцу императору Вильгельму, если не всегда служившему, то, по крайней мѣрѣ, всегда желавшему служить воплощеніемъ строгаго консервативнаго принципа. Исполняя волю Провидѣнія,—а въ этомъ глубоко и искренно убѣжденъ былъ императоръ Вильгельмъ,—онъ низлагалъ съ престоловъ столѣтними царствовавшими нѣмецкія династіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ глубинѣ своего сердца онъ не могъ примириться съ потрясеніемъ монархическаго начала въ Италіи, съ изгнаніемъ тосканскихъ, неаполитанскихъ и всякихъ другихъ герцоговъ и королей. Дружба Германіи съ Италіей не была дѣломъ душевнаго влеченія императора. Извѣстіе о занятіи Рима вызвало въ немъ сильное неудовольствіе. Къ римскому папѣ, какъ законному представителю католическаго міра, онъ относился всегда съ глубокимъ почтеніемъ. Иначе и не могло быть. Церковь и монархическая власть—естественные союзники въ дѣлѣ охраны консервативныхъ началъ. Еще раньше въ прусскихъ палатахъ императоръ Вильгельмъ заявилъ, что его католическіе подданные имѣютъ

право рассчитывать на его заботливость объ охраненіи достоинства и независимости главы ихъ церкви. Теперь, милостиво принимая католическую депутацію, явившуюся къ нему въ Версаль ходатайствовать о заступничествѣ въ пользу папы, императоръ Вильгельмъ ничего не взялъ назадъ изъ того, что онъ говорилъ прежде, и не стѣснялся высказывать свой взглядъ на занятіе Рима, въ которомъ онъ усматривалъ актъ насилія и узурпаціи со стороны Италіи. Онъ далъ даже общаніе, по окончаніи войны, совѣтство съ другими государями, обсудить мѣры для противодѣйствія такого рода насиліямъ. Но политика и государственный соображенія имѣють свои требованія, подчиняться которымъ императоръ Вильгельмъ всегда признавалъ своимъ долгомъ передъ Германіей. Разрывъ съ Италіей изъ-за папы былъ бы слишкомъ невыгоденъ для Германіи. Вотъ почему, открывая сессію перваго имперскаго парламента, императоръ Вильгельмъ заявилъ е своему твердомъ намѣреніи всегда относиться съ уваженіемъ къ независимости другихъ государствъ во всемъ, что касается ихъ внутреннихъ дѣлъ. Католическіе депутаты поняли очень хорошо, что въ словахъ тронной рѣчи заключается только косвенный отвѣтъ на читавшіяся ими надежды, будто императоръ Вильгельмъ вступится за папскій престолъ. Обманулись они и въ другой надеждѣ. Основываясь на конституціи 1850 года, католическіе депутаты настаивали на включеніи въ императорскую конституцію параграфовъ, обезпечивающихъ автономію и независимость католической церкви, но князь Бисмаркъ возсталъ противъ такихъ предложеній, и рейхстагъ отклонилъ ихъ.

Неудача католическихъ депутатовъ, нѣсколько вызывающее отношеніе къ нимъ протестантскаго большинства, находившагося подъ впечатлѣніемъ борьбы свѣтской власти съ духовною, вызванной провозглашеннымъ догматомъ о непогрѣшимости папы, заставили ихъ сидѣть въ одну воинствующую и протестующую партію, получившую по мѣсту, которое они занимали въ залѣ рейхстага, названіе центра.

Но, отстаивая интересы католической церкви, эта партія была, вмѣстѣ съ тѣмъ, политической партіей, рѣшительно враждебной руководителю какъ внутренней, такъ и внѣшней политики новой Германіи. Ея контингентъ состоялъ, главнымъ образомъ, изъ депутатовъ Баваріи, всегда мало симпатизировавшей главенству Пруссіи въ нѣмецкихъ дѣлахъ, изъ поляковъ, насильственно включенныхъ въ составъ германской имперіи и искренно ненавидѣвшихъ ее, изъ депутатовъ Ганновера, принадлежавшихъ къ партіи гвельфовъ, оставшейся вѣрной своему изгнанному королю. Центръ, какъ политическая партія, всегда готовъ былъ заключить наступательный и оборонительный

союзъ, направленный противъ политическихъ плановъ князя Бисмарка, съ любою партіей, враждебной ему. Центръ вотировалъ съ прогрессистами, центръ вотировалъ съ социалистами, готовъ былъ вотировать съ кѣмъ угодно, лишь бы доставить поражение правительству. Религіозные интересы служили покровомъ, подъ которымъ прослѣдовались политическія цѣли; центръ являлся, по своей численности, самымъ опаснымъ политическимъ врагомъ князя Бисмарка. Когда послѣдній пришелъ къ убѣжденію, что церковь служить лишь знаменемъ, подъ которымъ католическіе депутаты идутъ на борьбу съ его политикой, и притомъ знаменемъ, дорогимъ всему католическому населенію, то тогда, съ своею обыкновенной рѣшительностью, настойчивостью и неустрашимостью въ борьбѣ, онъ вступилъ въ бой съ самою католическою церковью и направилъ свои выстрѣлы въ самое знамя, подъ которымъ тѣснились католическіе депутаты.

Переходя изъ обороны въ наступленіе, князь Бисмаркъ провелъ двѣ мѣры, весьма чувствительныя для католической церкви. Прежде всего онъ уничтожилъ состоявшее при министерствѣ исповѣданій католическое отдѣленіе, пользуясь въ этомъ случаѣ конституціей, которую въ другихъ случаяхъ онъ готовъ былъ рвать на части. „Въ абсолютномъ государствѣ было вполне основательно, что король, рѣшавшій въ послѣдней инстанціи всѣ вопросы, хотѣлъ выслушивать совѣтъ свѣдущихъ католиковъ по католическимъ дѣламъ... Но какъ только мы перешли въ конституціонныя формы, по моему мнѣнію, совершенно несогласно съ основнымъ началомъ конституціи, что доступъ къ нѣкоторымъ мѣстамъ политическихъ совѣтниковъ въ министерствахъ былъ поставленъ въ зависимость отъ вѣроисповѣданія. Министерская отвѣтственность не ладитъ съ такимъ порядкомъ: или министръ исповѣданій обязанъ слѣдовать совѣтамъ своимъ католическихъ товарищей, — но тогда онъ не можетъ нести отвѣтственности за эту часть своего вѣдомства; или онъ не имѣетъ такой обязанности — и тогда особое католическое отдѣленіе лишено смысла“. Такъ говорилъ князь Бисмаркъ, не пугаясь на этотъ разъ словъ: „министерская отвѣтственность“, хотя, правда, онъ былъ настолько остороженъ, что не прибавилъ словъ: передъ „рейхстагомъ“.

Другая мѣра еще болѣе глубоко затронула интересы католической церкви. Правительство внесло въ рейхстагъ проектъ закона, въ силу котораго школьная инспекція вырывалась изъ рукъ духовенства и передавалась чиновникамъ, назначаемымъ отъ правительства. Благодаря этому закону, между свѣтскою и духовною властью завязалась открытая война. Епископы отлучали отъ церкви учителей, отказавшихся признать догматъ непогрѣшимости, лишали ихъ права заниматься религіознымъ образованіемъ юношества; правительство же

не только оставляло низложенныхъ учителей на своихъ мѣстахъ, но обязывало дѣтей продолжать свое ученіе у отлученныхъ отъ церкви. Правительство домогалось, чтобы епископы брали назадъ свое отлученіе; послѣдніе не исполняли такого требованія, громко протестуя противъ насилія свѣтской власти въ дѣлѣ вѣры.

Эта война съ католическимъ духовенствомъ смущала спокойствіе императора Вильгельма, но его всемогущій министръ подчинилъ его своему вліянію, убѣдивъ его, что духовенство и католическіе депутаты, подъ предлогомъ церковныхъ вопросовъ, стремятся къ ослабленію его государственной власти. Императоръ Вильгельмъ находился въ большомъ колебаніи. Съ одной стороны, на него вліяла придворная партія, съ ужасомъ смотрѣвшая на разрушеніе авторитета религіи, церкви, духовенства; съ другой, онъ слишкомъ дорожилъ своимъ геніальнымъ совѣтникомъ, чтобы рѣшиться на сопротивленіе въ такомъ вопросѣ, который занялъ господствующее положеніе во всей внутренней политикѣ. Личное поведеніе папы помогло князю Бисмарку сломить противодѣйствіе императора Вильгельма его слишкомъ рѣшительной церковной политикѣ. Папа отказался принять посланникомъ при своемъ дворѣ предложеннаго княземъ Бисмаркомъ князя Гогенлоэ. Съ трибуны рейхстага, какъ отвѣтъ на дерзкій отказъ папы, раздались грозныя слова князя Бисмарка: „будьте спокойны; мы не пойдемъ въ Каноссу“... Назначеніе министромъ исповѣданій Фалька обозначало полное подчиненіе императора Вильгельма своему всемогущему министру.

Затѣмъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ нѣмецкое законодательство наполняется цѣлымъ арсеналомъ „боевыхъ законовъ“, направленныхъ къ подчиненію духовной власти свѣтской. Вводится гражданскій бракъ, изгоняются іезуиты и другія конгрегаціи, отменяются статьи прусской конституціи, обезпечивавшія автономію католической церкви; образованіе духовенства подчиняется государственнымъ требованіямъ, ограничивается дисциплинарная власть высшаго духовенства относительно низшаго, учреждается свѣтскій судъ надъ духовными лицами, сопротивляющимися правительственнымъ требованіямъ и свѣтскимъ законамъ и властямъ; отъ епископовъ требуется новая формула присяги; наконецъ, духовенству, не выразившему согласія подчиниться требованіямъ свѣтской власти, воспрещается отправленіе духовныхъ обязанностей; непокорные служители церкви лишаются содержанія; свѣтская власть принимаетъ на себя завѣдываніе тѣми епископствами, которыя сдѣлались вакантными, вслѣдствіе насильственнаго низложенія высшихъ пастырей католической церкви.

Большинство этихъ законовъ получило историческое названіе „майскихъ законовъ“—по времени ихъ появленія въ 1873 году.

Въ этой борьбѣ князя Бисмарка противъ католической духовной власти онъ встрѣтилъ энергическую поддержку со стороны огромнаго большинства рейхстага, и даже—что съ тѣхъ поръ болѣе нигдѣ не повторялось—прогрессивная партія, свято охраняющая либеральныя начала и потому всегда столь враждебная руководителю гѣмецкой политики, въ этомъ вопросѣ стала рѣшительно на сторону правительства. Она доказала тѣмъ, что въ своей оппозиціи правительству она вовсе не руководится партійными интересами. Партія центра оснивала горькими упреками прогрессистовъ за ихъ измѣну знамени систематической оппозиціи, но одинъ изъ наиболѣе вліятельныхъ членовъ прогрессивной партіи съ достоинствомъ отвѣчалъ, что они, прогрессисты, оказываютъ въ этомъ дѣлѣ поддержку правительству во имя великихъ и культурныхъ „интересовъ человечества“, стремящагося освободиться отъ незаконныхъ притязаній духовной власти. Если для самого князя Бисмарка, какъ это скоро и оказалось, борьба эта имѣла значеніе лишь какъ политическая борьба противъ сильной оппозиціонной партіи, враждебно относившейся къ его политикѣ, то для либеральныхъ элементовъ рейхстага, и въ особенности для прогрессивной партіи, она имѣла значеніе борьбы двухъ противоположныхъ началъ: начала свободы и свѣта противъ начала зстоя и тьмы. Отсюда самое названіе Culturkampf'a.

Съ обѣихъ сторонъ борьба эта велась съ ожесточеніемъ, но сила оказалась на сторонѣ правительства, которое, въ пылу борьбы, не разбирало уже средствъ. Оно дѣйствовало по военной системѣ. Преслѣдованіе католическаго духовенства походило на военную экзекуцію.

Римъ былъ озаобленъ. Приписывая враждебное отношеніе къ католической церкви вагубному вліянію князя Бисмарка, папа рѣшился обратиться съ письмомъ къ императору Вильгельму, зная, какъ говорилъ онъ, что императоръ не одобряетъ принятыхъ его правительствомъ мѣръ, способныхъ подхонать его императорскій тронъ. Онъ говорилъ, что считаетъ своею обязанностью высказывать правду всѣмъ, даже не-католикамъ, такъ какъ каждый получившій крещеніе принадлежитъ до нѣкоторой степени папѣ. Императоръ Вильгельмъ никогда не переносилъ, чтобы кто-либо дерзалъ становиться между нимъ и его министрами, чтобы кто-либо подвергалъ сомнѣнію дѣятельность его власти и его собственную инициативу во всѣхъ дѣлахъ внутренней и виѣшней политики. Письмо папы вызвало рѣзкій отвѣтъ императора Вильгельма. Ни одна мѣра—отвѣчалъ онъ папѣ—не принимается безъ его одобренія. Католическая партія, преслѣдуя политическія цѣли, нарушила сама церковный миръ, и онъ предупреждаетъ, что будетъ дѣйствовать съ величайшею строгостью по отношенію ко всѣмъ, кто рѣшится преступать существующіе законы.

Папа—говорилъ императоръ Вильгельмъ—дурно знаетъ положеніе вещей, и онъ приглашаетъ его употребить все свое вліяніе, чтобы положить предѣлъ агитаціи, не имѣющей ничего общаго съ религіей. Наконецъ, какъ бы протеста протязъ вѣнчалъ папа, императоръ Вильгельмъ указывалъ ему, что онъ не признаетъ другого посредника съ Богомъ, кромѣ Иисуса Христа.

Рѣзкій отзывъ папы, въ его обращеніи къ одной изъ явившихся къ нему католической депутаціи, о церковной политикѣ Германіи, о яростномъ преслѣдованіи чадъ католической церкви, высказанная имъ надежда, что настанетъ день, когда колоссъ будетъ раздавленъ, послужили поводомъ для правительства императора Вильгельма прервать дипломатическія отношенія съ Ватиканомъ.

Борьба достигла до своего послѣдняго предѣла. Почти всѣ нѣмецкіе католическіе епископы были низложены: одни заключены въ тюрьму,—правда, на короткое время,—другіе сосланы, приходы опустѣли, приходжане остались безъ пастырей. Сбылось пророчество нѣмецкихъ католиковъ, которые еще при началѣ борьбы говорили: „Всѣ епископства сдѣлаются вакантными, и некому будетъ замѣстить ихъ. Большое или меньшее число приходовъ опустѣетъ, и никто не въ силахъ будетъ помочь злу. Мало-по-малу прекратится божественная служба; напрасно будутъ взывать къ служителямъ церкви. Если такое положеніе продлится нѣсколько лѣтъ, не будетъ больше даже кандидатовъ для священнаго сана. Такъ подготовляется въ Германіи пріостановка церковной жизни. Всегда такъ продолжаться не можетъ. Весь вопросъ состоитъ въ томъ, кто долѣе способенъ выдержать такое состояніе, церковь или государство“¹⁾..

Преслѣдованіе, переступавшее часто мѣру, нѣмецкаго католическаго духовенства, не желавшаго поступиться своимъ вліяніемъ, глубоко потрясло религіозный миръ въ царствованіе императора Вильгельма. Церкви наполнялись вѣрующими, совершавшими свою молитву въ отсутствіе священника. Католическое духовенство стонало отъ нанесенныхъ ему ударовъ, но оно не признало себя побѣжденнымъ и находило себѣ поддержку во всемъ католическомъ населеніи Германіи. Партія центра, при каждыхъ новыхъ выборахъ, росла въ своей численности и достигла, наконецъ, въ 1878 году до значительной силы—100 католическихъ депутатовъ. Правительству все больше и больше приходилось считаться съ этою „черною“ партіей, хорошо дисциплинированной и тяжело вѣсившей на парламентскихъ вѣсахъ. Бисмаркъ долженъ былъ убѣдиться, что онъ бесцельно сломить „центръ“, что вся его церковно-религіозная борьба не

¹⁾ „Essais sur l'Allemagne Impériale“, par E. Lavisse.

привела ни къ какимъ практическимъ результатамъ, что политическое значеніе враждебной ему партіи не только не ослабѣло, но, напротивъ, усилилось. Безплодной борьбой Бисмаркъ не любилъ, и пылъ его во время этой семилѣтней войны остылъ.

Императоръ Вильгельмъ, съ своей стороны, не могъ признавать такого направленаго враждебнаго отношенія между государствомъ и церковью—ни нормальнымъ, ни желательнымъ. Приходилось, волей-неволей, думать о какомъ либо исходѣ. Коса нашла на камень. Католическое духовенство не сдавалось, оно оказалось настойчивѣе и уверѣе князя Бисмарка. Государству приходилось дѣлать первый шагъ къ примиренію, къ прекращенію ожесточенной войны. Случайное обстоятельство—смерть князя Пия IX и восшествіе на папскій престолъ болѣе сговорчиваго, болѣе толкаго политика, Льва XIII—помогло правительству выйти изъ затруднительнаго положенія. Новый папа обратился съ письмомъ къ императору Вильгельму, выражая свое соболгоузованіе по поводу существующихъ непріязненныхъ отношеній между германскою имперіей и Ватиканомъ. Императоръ отвѣчалъ на это письмо увѣреніемъ, что онъ искренно желаетъ возобновленія добрыхъ отношеній, и выражалъ надежду, что папа Левъ XIII повліяетъ на римское католическое духовенство въ томъ смыслѣ, чтобы оно подчинилось существующимъ въ Германіи законамъ. Новое письмо папы заключало въ себѣ указаніе на неизбежное для возобновленія религіознаго мира въ Германіи условіе—измѣненіе суровыхъ майскихъ законовъ. Правительство императора Вильгельма не желало признать себя побѣжденнымъ, оно не хотѣло идти въ Каноссу,—но всякая дорога ведетъ въ вѣчный городъ, а потому оказалось, что существуетъ такая другая дорога, помимо Каноссы ведущая въ Римъ.

Оказалось также, что можно, не отменяя законовъ, парализовать ихъ силу, ихъ исполненіе. На послѣднее и вынуждено было рѣшиться правительство императора Вильгельма. Отставка Фалька, бывшаго правой рукой Бисмарка въ затѣянной имъ съ католическимъ духовенствомъ борьбѣ, означала рѣшительный поворотъ въ церковной политикѣ правительства. Дѣло примиренія быстро пошло на ладъ. Правительство испросило себѣ дискреціонную власть для приимѣненія или смягченія „боевыхъ“ законовъ и широко воспользовалось своимъ правомъ. Скоро вернулись сеньные епископы, большая часть вакантныхъ приходовъ была замѣщена, и мало-по-малу, шагъ за шагомъ, уступка за уступкой,—и всѣ грозные законы противъ католическаго духовенства были отменены. Князь Бисмаркъ, всегда откровенный въ сознаниіи своей силы, не побоялся сдѣлать признаніе, что „майскіе законы“ и

вся „культурная борьба“ оказались безплодными и не достигли своей цѣли.

Между правительствомъ императора Вильгельма и Ватиканомъ возобновились дружескія отношенія, закрѣпленныя еще больше избраніемъ Льва XIII въ посредники для разрѣшенія возникшаго между Германіей и Испаніей спора о владѣніи Каролинскими островами. Папа Левъ XIII украсилъ грудь великаго врага церкви, какъ называлъ Бисмарка Пій IX, орденомъ Спасителя, что едва ли, однако, могло уничтожить въ немъ горечь сознанія, что политика Ватикана восторжествовала въ борьбѣ между протестантскою Германіей и католическимъ духовенствомъ. Борьба эта осталась безплодною и въ другомъ отношеніи: партія центра не сложила своего оружія! По прежнему она вела дѣятельную оппозицію противъ политики ближайшаго совѣтника императора Вильгельма, поглощеннаго теперь заботой предотвратить „ту опасность, какую представляли собою социалистическія тенденціи для благоденствія и правильнаго развитія государственнаго организма“,—какъ выразился императоръ Вильгельмъ, открывая сессію парламента 1877 года. Соціальный вопросъ представилъ собою инныя трудности, и нужна была рѣдкая смѣлость, самоувѣренность и сознаніе собственной силы, чтобы рѣшиться подступить къ этому вопросу не съ одними исключительными законами и осадными положеніемъ, что не требуетъ большой государственной мудрости, а съ цѣлою системой—хорошей или дурной, это другой вопросъ,—получившей названіе „государственнаго социализма“.

XIV.

Соціально-демократическая партія выступила въ первый разъ на политическую сцену въ сѣверо-германскомъ рейхстагѣ 1866 года. Правда, партія эта въ количественномъ отношеніи не была представлена слишкомъ блистательно. Всего шесть депутатовъ образовали небольшую самостоятельную группу—соціально-демократическую. Появленіе этой партіи въ рейхстагѣ было, однако, знаменательно. Идея, давно шевелившаяся гдѣ-то далеко, точно подъ землей, пробилась теперь наружу и имѣла возможность громко заявить о своемъ существованіи. По поводу появленія этой группы въ нѣмецкомъ рейхстагѣ князь Бисмаркъ имѣлъ полное право сказать то же, что въ тридцатыхъ годахъ говорилъ министръ Луи-Филиппа, когда въ палатѣ появился первый, но и единственный республиканскій депутатъ Гарнье-Пажесъ. Казиміръ Перье былъ встревоженъ, и на вопросъ: какъ можетъ его озабочивать одинъ человѣкъ?—онъ отвѣчалъ: важенъ не

человѣкъ, а идея, которую онъ представляетъ; человѣка можно уничтожить, идею—никогда!

Поэты обладаютъ иногда даромъ удивительнаго пророчества. Такииъ именно даромъ обладалъ Гейрихъ Гейне. Когда Германія была раздроблена на мелкія и безсильныя государства, нѣмецкій поэтъ предсказывалъ, что настанетъ день, когда маленькій гигантъ вырветъ корень дуба и, вооруженный молотомъ, окровавить спину и раздробить голову своимъ сосѣдямъ. Какъ сбылось это пророчество, такъ сбылось и другое. Онъ предсказывалъ, что Франція увидитъ день, когда коммунисты восторжествуютъ въ Парижѣ, повалить на землю Вандомскую колонну и бронзоваго человѣка, стоящаго на ея вершинѣ. Фантазія подсказывала ему еще одно пророчество: онъ видѣлъ Германію, охваченную социальною революціей, по сравненіи съ которой французская великая революція покажется дѣтскою забавою.

Долго социальное движеніе оставалось въ области поэтической фантазіи, и только въ самомъ началѣ шестидесятыхъ годовъ появились первыя попытки къ практическому осуществленію социальныхъ теорій. Инициатива социального движенія всецѣло принадлежала Фердинанду Лассалю, который въ рѣчи, произнесенной имъ въ 1862 г. въ многочленномъ собраніи въ Берлинѣ, доказывалъ, что какъ революція 1789 года призвала къ господству третье сословіе, такъ революція 1848 г. выдвинула впередъ четвертое сословіе. Благодаря своей неукротимой дѣятельности, безчисленнымъ рѣчамъ, сочиненіямъ, брошюрамъ, митингамъ, полемикамъ, Лассаль быстро двигалъ впередъ начатое имъ дѣло. Образованная имъ ассоціація нѣмецкихъ рабочихъ (Allgemeine deutsche Arbeiterverein), заключавшая въ себѣ въ концѣ 1863 г. всего до тысячи членовъ, въ іюлѣ 1864 года насчитывала уже до пяти тысячъ человѣкъ. Вскорѣ затѣмъ послѣдовавшая смерть Лассалья, убитаго на дуэли въ томъ же 1864 г., не остановила начатаго имъ движенія. Оно шло, развиваясь, быстро впередъ, далеко обгоняя идеи, брошенныя Лассалемъ. Рядомъ съ „Союзомъ рабочихъ“ возникла другая ассоціація „Democratische Arbeiterverein“, во главѣ которой стали два депутата рейхстага, Бебель и Либкнехтъ. Схожія въ цѣли, къ которой они стремились, они расходились въ средствахъ къ ея достиженію. Лассаль требовалъ вмѣшательства государства для преобразованія социального общественнаго устройства; другіе вожди социального движенія не признавали иного способа, кромѣ революціи, для осуществленія ихъ идеаловъ ¹⁾. Не погибни преждевременно Лассаль, болѣе чѣмъ вѣроятно, что, благодаря его громад-

¹⁾ „Socialisme Contemporain“, par Emile de Lavelaye, 1883.—„Der Socialismus und seine Gönner“, von H. Treitscke, и „l'Allemagne actuelle“. Paris, 1887.

ному вліанію, соціальное движеніе не отступило бы отъ выработанной имъ программы и удержалось бы на почвѣ государственнаго социализма, правда, болѣе опредѣленнаго, чѣмъ тотъ, представителемъ котораго явился теперь князь Бисмаркъ. Но послѣ его смерти восторжествовали другія вліанія, болѣе радикальнаго характера, и основанный имъ союзъ нѣмецкихъ рабочихъ слился въ одно цѣлое съ демократическимъ союзомъ, получивъ новое наименованіе „соціальной партіи нѣмецкихъ рабочихъ“ (Socialistische Arbeiterpartei Deutschlands).

Въ первые года своего существованія соціальное движеніе развивалось въ Германіи довольно свободно. Правительство, занятое войнами и политикою, не придавало особаго значенія народившимся рабочимъ союзамъ, и какъ бы игнорировало дѣятельную соціальную пронаганду. Въ движеніи рабочихъ классовъ оно не усматривало для себя никакой опасности. Парижское возстаніе 1871 г., сила, обнаруженная коммуной, заставили всѣ правительства встрепенуться и прислушаться къ сдѣланному Жюль Фавромъ предложенію принять сообща всѣмъ государствамъ общія мѣры для противодѣйствія соціальному движенію.

Князь Бисмаркъ—и въ этомъ нельзя не отдать ему справедливости—не былъ такъ удивленъ, какъ другіе государственные люди Европы. Онъ давно уже присматривался къ соціальному движенію, и, несмотря на отвлекавшія его политическія задачи, онъ старался отдать себѣ ясный отчетъ въ стремленіи и домогательствахъ соціальной партіи. Еще въ началѣ шестидесятыхъ годовъ онъ вступилъ въ непосредственныя сношенія съ Лассалемъ, идеи котораго по многимъ государственнымъ вопросамъ встрѣчали полное сочувствіе руководителя нѣмецкой имперіи. Лассаль развивалъ въ одномъ изъ своихъ литературныхъ произведеній идею, что всѣ великія историческія событія совершаются „огнемъ и желѣзомъ“. Лассалю принадлежала мысль, что во всѣхъ человѣческихъ дѣлахъ сила является господствующимъ началомъ, и мысль эта была развита, съ свойственнымъ ему блескомъ, въ брошюрѣ: „Macht und Recht“. Онъ же доказывалъ, что весь конституціонный вопросъ сводится къ вопросу: кто является наиболѣе сильнымъ? Всѣ эти идеи раздѣлялись вполне Бисмаркомъ, который усвоилъ себѣ даже нѣкоторые выраженія Лассалья, сдѣланныя историческими. Князь Бисмаркъ никогда не защищался, когда его упрекали въ сношеніяхъ съ талантливымъ соціальнымъ агитаторомъ. „Лассаль, — говорилъ онъ, — обладалъ весьма сильнымъ національнымъ и монархическимъ чувствомъ; идеаль, къ которому онъ стремился, было образованіе нѣмецкой имперіи, и въ этомъ отношеніи между нами была точка соприкосновенія. Тѣмъ несчастнымъ эпитетамъ, которые теперь хотятъ мѣряться съ нимъ, онъ бы бросилъ

презрительное quos ego; онъ бы отвернулся отъ нихъ съ негодованіемъ и не дозволилъ бы злоупотреблять своимъ именемъ. Да, Лассаль былъ человѣкъ энергическій, уминый, съ которыми полезно было разсуждать: наши бесѣды продолжались цѣлые часы, и я всегда сомнѣвалъ, когда онъ сванчивался“.

Изъ продолжительныхъ бесѣдъ съ Лассалемъ Бисмаркъ вынесъ убѣжденіе, что противъ социальнаго движенія нельзя дѣйствовать одними штыками, что государство имѣетъ другія обязанности, болѣе плодотворныя, что оно должно идти на-встрѣчу социальнымъ задачамъ, заботясь объ удовлетвореніи справедливыхъ требованій рабочихъ классовъ. Лассаль требовалъ сто милліоновъ талеровъ, чтобы пересоздать общественное устройство, основывая кооперативныя общества. „Еслибы кто-нибудь,—говорилъ онъ въ рейхстагѣ,—пожелалъ произвести подобный опытъ, весьма возможно, что потребовалось бы сто милліоновъ. Такой опытъ вовсе не кажется мнѣ совершенно сумасшедшимъ и дикимъ. Въ министерствѣ земледѣлія мы постоянно дѣлаемъ опыты надъ различными системами культуры. Я думаю, что полезно было бы примѣнить эти опыты къ труду человѣка, и попробовать разрѣшить, посредствомъ улучшенія судьбы рабочаго, такъ называемый вопросъ демократическо-соціальный, который я бы назвалъ просто вопросомъ социальнымъ. Упрекъ, который мнѣ можно было бы сдѣлать, такъ какъ я остановился на этомъ пути, заключается только въ томъ, что я не упорствовалъ въ достиженіи благопріятнаго результата. У меня не хватило времени заниматься этимъ вопросомъ. Виѣшняя политика меня совершенно поглотила. Какъ только у меня будетъ время и представится случай, я твердо рѣшился возобновить попытки, которыя мнѣ ставятъ въ упрекъ, но я ими горжусь“.

Случай не замедлил представиться. Покушенія на жизнь престарѣлаго императора, приписанныя социальной партіи, несмотря на всѣ ея протесты противъ такого обвиненія, заставили императора Вильгельма и князя Бисмарка сосредоточить свои заботы надъ социальнымъ вопросомъ.

Князю Бисмарку не трудно было убѣдить своего государя, что рядомъ съ мѣрами преслѣдованія революціонныхъ тенденцій социальнo-демократической партіи слѣдуетъ выработать цѣлую программу мѣръ, направленныхъ къ улучшенію и обезпеченію судебъ рабочихъ классовъ. Еще въ 1865 году Бисмаркъ настоялъ на приѣмѣ рабочей депутаціи, желавшей изложить лично передъ королемъ свои жалобы. На запросъ по этому поводу, обращенный къ нему въ парламентѣ, Бисмаркъ отвѣчалъ: „Господа, короли прусскіе никогда не были преимущественно королями богатыхъ. Фридрихъ Великій говорилъ: „Когда

я буду королемъ, я буду настоящимъ королемъ нищихъ“... Наши короли остались вѣрны этому принципу“. Съ этихъ поръ, т.-е. начиная съ покушеній на жизнь императора Вильгельма, правительство его неустанно преслѣдовало двойную задачу: съ одной стороны оно дѣйствовало мѣрами строгости, съ другой—проводило въ рейхстагѣ проекты законовъ, направленныхъ въ болѣе большому обезпеченію судебъ рабочихъ классовъ. Нельзя, впрочемъ, не сказать, что первая задача преслѣдовалась съ гораздо болѣею настойчивостью, рѣшительностью и энергіею, чѣмъ вторая. Оно и понятно. Первая не представляла ничего, что давно уже не было бы извѣдано.

21-го октября 1878 г. князь Бисмаркъ провалъ въ рейхстагѣ, избранномъ подъ впечатлѣніемъ покушенія Нобилинга, законъ противъ социалистовъ. Въ силу этого закона въ Германіи всѣ ассоціаціи, преслѣдующія социальныя задачи и стремящіяся къ ниспроверженію существующаго порядка вещей, были запрещены. Запрещеніе ассоціаціи влечетъ за собою конфискацію ея денежныхъ средствъ и имущества. Всякія собранія социалистическаго характера немедленно разгоняются. Всѣ сочиненія и произведенія печати, въ которыхъ будетъ усмотрѣнъ социальный оттѣнокъ, подвергаются запрещенію. Всякій, уличенный въ принадлежности къ воспрещенной ассоціаціи или предоставляющей помѣщеніе для сборища социалистовъ, подвергается штрафу и тюремному заключенію. Правительство имѣетъ право вводить малое осадное положеніе въ теченіе одного года во всѣхъ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя будутъ заповѣрны въ революціонной агитаціи. Малое осадное положеніе предоставляетъ право изгнанія опасныхъ для общественнаго порядка личностей, запрещенія продажи въ публичныхъ мѣстахъ какихъ бы то ни было произведеній печати, наконецъ запрещенія всякихъ публичныхъ собраній, на которыя не было испрошено предварительнаго разрѣшенія.

Строгость этихъ, какъ называютъ ихъ въ Германіи, драконовскихъ законовъ подорвала довѣріе къ искренности правительства императора Вильгельма во всемъ, что только оно предпринимало съ цѣлію парализовать социальное движеніе.

Можно, конечно, съ большимъ основаніемъ утверждать, что князь Бисмаркъ не оказался на высотѣ задуманнаго имъ дѣла разрѣшенія социальнаго вопроса, и упрекъ этотъ не можетъ быть чувствителенъ для государственнаго человѣка, стяжавшаго себѣ такую громкую и заслуженную славу, такъ какъ до сихъ поръ никто еще не смогъ отыскать твердыхъ основаній для разрѣшенія социальнаго вопроса. Будущее его закрыто еще густою и страшною завѣсой. Но сомнѣваться въ искренности и чистотѣ намѣреній императора Вильгельма не представляется никакихъ основаній. Чуждый теоретической под-

готовки для уясненія себѣ громадной трудности, представляемой для разрѣшенія каждаго просто неразрѣшимымъ социальнаго вопроса, императоръ Вильгельмъ отнесся съ величайшимъ сочувствіемъ къ реформаторскимъ планамъ своего ближайшаго совѣтника, и осуществленіе ихъ поставилъ задачей послѣднихъ лѣтъ своей жизни. Начиная съ 1879 года, не было почти ни одной тронной рѣчи, въ которой императоръ Вильгельмъ не касался бы социальнаго вопроса и не выражалъ настойчиваго желанія придти на помощь рабочимъ классамъ. „Парламентъ, — говорилъ онъ, — долженъ содѣйствовать излеченію отъ социальныхъ недуговъ... мы же должны работать надъ увеличеніемъ благосостоянія рабочаго...“ Въ другой разъ онъ говорилъ: „Наша обязанность настаивать передъ парламентомъ по этому предмету; мы желали бы унести съ собою мысль, что отечеству обезпеченъ прочный внутренній миръ, что всѣмъ нуждающимся обезпечена дѣйствительная помощь, на которую они имѣютъ право“. Императоръ Вильгельмъ охотно признаетъ и настаиваетъ на этомъ, что одніе строгія мѣры преслѣдованія слишкомъ недостаточны. „Наша обязанность, — повторяетъ онъ, — не пренебрегать никакимъ средствомъ для улучшенія судьбы рабочихъ и для водворенія мира между различными классами общества“.

Мѣры государственнаго социализма, предложенныя княземъ Бисмаркомъ, не встрѣтили себѣ сочувствія въ парламентѣ, относившемся болѣе чѣмъ скептически къ реформаторскимъ планамъ всемогущаго канцлера. Если парламентъ уступалъ и принималъ проекты предлагаемыхъ ему законовъ, то лишь благодаря настойчиво выраженному желанію императора Вильгельма, голосъ котораго, благодаря окружавшему его уваженію, никогда почти не раздавался напрасно. Создана была касса для обезпеченія на случай болѣзни рабочаго, касса для обезпеченія нуждъ рабочихъ въ случаяхъ увѣчи и другихъ несчастій, наконецъ создана была касса для инвалидовъ труда и восстановлены, правда, безъ обязательнаго характера, ремесленные цехи. „Мы хотимъ, — говорилъ Бисмаркъ, — поддерживать свои проекты, достигнуть такого положенія вещей, при которомъ никто не имѣлъ бы права сказать: „я существую лишь для того, чтобы нести бремя государственныхъ тягостей, и никто не хочетъ позаботиться о моей судьбѣ“. Наша династія всегда стремилась къ этой цѣли. Уже Фридрихъ Великій характеризовалъ свою миссію, говоря: я король нищихъ! — и онъ осуществилъ ее, водворяя строгую справедливость. Фридрихъ-Вильгельмъ III даровалъ свободу крестьянамъ. Нашъ нынѣшній государь воодушевленъ благороднымъ намѣреніемъ посвящать свою старость дѣлу обезпеченія обездоленныхъ и слабыхъ, доставляя имъ если не права, равныя съ тѣми, которыя

дарованы были крестьянамъ семьдесятъ лѣтъ тому назадъ, то по крайней мѣрѣ серьезное улучшение условий ихъ существованія, и чтобы каждый изъ нашихъ обездоленныхъ гражданъ имѣлъ въ будущемъ увѣренность, что онъ можетъ разсчитывать на помощь государства“.

Если реформаторскіе планы князя Бисмарка не находили сочувствія въ нѣмецкомъ рейхстагѣ, то еще менѣе удовлетворяли они социальную-демократическую партію, которая пользовалась ими только для того, чтобы указывать, что само правительство признаетъ несправедливымъ и ненормальнымъ существующій общественный строй.

Предлагая мѣры для улучшения судьбы рабочихъ классовъ и провозвѣщая ихъ настойчиво въ жизнь, правительство императора Вильгельма надѣялось, что вмѣстѣ съ суровымъ закономъ, направленнымъ противъ социальной пропаганды, ему удастся если не поразить въ самое сердце социальную-демократическую партію, то по крайней мѣрѣ остановить ея дальнѣйшее развитіе. Надежда эта не оправдалась. Несмотря на всю строгость преслѣдованій и на энергическое примѣненіе исключительнаго закона, повлекшаго за собою въ теченіе всего двухъ мѣсяцевъ послѣ его обнародованія закрытіе 200 ассоціацій, запрещеніе 58 журналовъ и 210 различныхъ сочиненій, социальная-демократическая партія продолжала увеличиваться съ поразительною быстротою. Одинъ изъ депутатовъ нѣмецкаго рейхстага, въ своихъ статьяхъ о государственномъ социализмѣ въ Германіи, приводитъ такіе статистическія данныя, которыя показываютъ, насколько безуспѣшенъ оказался законъ противъ социалистовъ и насколько бесплодны филантропическія мѣры князя Бисмарка въ отношеніи распространенія этой партіи. Каждые новые выборы въ нѣмецкій рейхстагъ свидѣтельствуютъ о прогрессивномъ движеніи социальной-демократической партіи. Въ 1871 г. число голосовъ, поданныхъ за социальную-демократическихъ депутатовъ, не превышало цифры 124.655. Число это возросло къ выборамъ 1887 г. до 763.128. Всѣ большіе города Германіи, какъ-то: Берлинъ, Франкфуртъ, Ганноверъ, Гамбургъ, Бреславль, Дюссельдорфъ, Альтона, Нюрнбергъ, всѣ имѣютъ своими представителями того или другого депутата социалиста. Насколько сильно дѣйствуетъ пропаганда, несмотря—или, можетъ быть, вѣрнѣе будетъ сказать—благодаря исключительному закону противъ социалистовъ, можно убѣдиться изъ того, что округи, въ которыхъ о социальной-демократической партіи не было слышно, въ настоящее время насчитываютъ тысячи голосовъ, подаваемыхъ за социалистовъ. Въ Берлинѣ, гдѣ полиція дѣйствуетъ съ особою энергіею и суровостью, число социалистическихъ голосовъ возрастаетъ съ удивительною быстротою. Въ 1871 году число такихъ голосовъ достигало ничтожной цифры 2.058;

въ 1884 году, шесть лѣтъ спустя послѣ изданія исключительнаго закона, цифра выросла до 68.535, а еще три года спустя она достигла до 94.259.

Никакія правительственныя мѣры строгости не могутъ разрушить сильной организаціи социальна-демократической партіи.—„Ни тайныхъ обществъ, ни заговоровъ!—говорятъ вожди этой партіи.—Довольствуйтесь собраніемъ изъ четырехъ, пяти человѣкъ въ вашихъ собственныхъ жилищахъ. Не существуетъ такой полиціи, которая могла бы помѣшать подобнымъ сборищамъ; для этого не хватило бы всѣхъ полицейскихъ агентовъ Берлина“. Партія повинуется такому паролю, и съ каждымъ днемъ становится сильнѣе и сильнѣе.

Несмотря на осадное положеніе, несмотря на постоянныя конфискаціи печатныхъ органовъ этой партіи, она обладаетъ газетами, журналами, которые всюду разносятъ ея идеи. Подписчики на социальныя органы насчитываются десятками тысячъ. Но постоянныя, періодическія изданія представляются далеко не единственнымъ ихъ орудіемъ борьбы. Въ десяткахъ тысячахъ экземпляровъ, несмотря ни на какія преграды, распространяются манифесты, рѣчи предводителей партіи. Ежегодно выпускаемый альманахъ „Der arme Soldat“ печатается въ 50.000 экземплярахъ. Словомъ, 25 солдатъ Гутенберга, какъ называютъ социалисты нѣмецкую азбуку, дѣлаютъ свое дѣло, неустанно стараясь за идеи социальна-демократической партіи.

Идеи социальна-демократической партіи расползаются всюду, поарывая точно паутиною всю Германію. „Мы имѣемъ сторонниковъ тамъ,—громко говоритъ Бебель,—гдѣ вы ихъ и не подозреваете, и куда полиція никогда не проникаетъ“. Откидывая естественное и вѣроятно довольно значительное преувеличеніе, допускаемое руководителями социальнаго движенія, всегда желающими импортировать своей силой, нельзя отрицать нѣкотораго значенія за словами одного изъ нихъ, утверждающихъ, что изъ пяти солдатъ, находящихся въ строю нѣмецкой арміи, одинъ принадлежитъ социальна-демократической партіи.

Среди социальна-демократической партіи существуютъ два направленія: одно болѣе умѣренное, остающееся вѣрнымъ принципамъ, установленнымъ Лассалемъ, разсматривавшаго социальный вопросъ какъ вопросъ желудка, ein Magenfrage, и полагавшаго, что рабочіе классы могутъ совершить социальную революцію, не прибѣгая къ другому орудію, какъ избирательный бюллетень; и другое, объявляющее современному строю войну не на животъ, а на смерть и открыто заявляющее, что цѣль ихъ не можетъ быть достигнута иначе, какъ насильственнымъ разрушеніемъ существующаго общественнаго порядка.

Эти два направленія сказались и въ имперскомъ рейхстагѣ. Въ то время, когда одинъ изъ вождей социальна-демократической партіи старается отклонить отъ себя и своихъ единомышленниковъ упрекъ въ стремленіи къ насильственному перевороту, другой, отвѣчая министру внутреннихъ дѣлъ, уномянувшему о времени, когда противъ социалистовъ придется дѣйствовать штыками и пулями, гордо отвѣчалъ, что социальная партія не отступится передъ междоусобною войною, сваливая при этомъ всю отвѣтственность на вызывающій образъ дѣйствія правительства. „Не ждите отъ насъ,—говорилъ онъ въ рейхстагѣ,— чтобы въ то время, когда правительство вызываетъ и толкаетъ рабочіе классы на баррикады, чтобы мы остались позади“. Къ несчастію для современнаго нѣмецкаго общества, въ то время, какъ направленіе, вѣрное идеямъ Лассалля, постепенно утрачиваетъ своихъ сторонниковъ, другое направленіе, благодаря отчасти и дѣйствію раздражающаго исключительнаго закона противъ социалистовъ, все усиливается, вербуя новыхъ и новыхъ адептовъ. Неудивительно, если среди людей, принадлежащихъ къ этому крайнему направленію, выскрываются и такіе, которые въ борьбѣ съ современнымъ общественнымъ строемъ рѣшаются даже на такіа преступныя дѣла, какъ то, которое было задумано въ 1883 году, когда лишь простая случайность предупредила страшное несчастіе.

28-го сентября 1883 г. на берегахъ Рейна, въ Нидервальдѣ, происходило открытіе колоссальной статуи, изображающей Германію, въ воспоминаніе восстановленія нѣмецкой имперіи. Освященіе этого національнаго памятника обставлено было величайшею торжественностью. Престарѣлый императоръ Вильгельмъ, окруженный всею своею семьею и всѣми оставшимися нѣмецкими государями, присутствовалъ при торжествѣ. Несмѣтныя толпы народа стеклись на великое празднество. „Еслибы приподнять былъ цоколь, на которомъ стоитъ торжествующая „Германія“, рассказываетъ наблюдательный авторъ „Современной Германіи“, то увидѣли бы бочку съ динамитомъ, соединенную съ фитилемъ, не исполнившимъ своего назначенія“. Что предупредило страшное бѣдствіе,—мученіе ли совѣсти одного изъ участниковъ, обрѣзавшаго въ послѣднюю минуту фитиль, вѣтеръ ли, задувшій слабый огонекъ,—осталось неизвѣстнымъ, но адскій замыселъ указывалъ на адскую рѣшимость не останавливаться ни передъ чѣмъ для осуществленія намѣченной цѣли.

Князь Бисмаркъ могъ и тогда уже убѣдиться, что исключительные законы, суровыя преслѣдованія достигаютъ прямо обратной цѣли. Вожди социальна-демократической партіи не скрываютъ, что законъ противъ социалистовъ, тяжело отзывающійся на судьбѣ многихъ, въ концѣ концовъ оказываетъ величайшую услугу идеямъ со-

ціально-демократической партіи, усиливая озлобленіе и разжигая ненависть.

Тщетность церковно-религіозной борьбы, живучесть соціально-демократической партіи, бесплодность всѣхъ принятыхъ исключительныхъ мѣръ—не могли не дѣйствовать удручающимъ образомъ на послѣдніе годы жизни императора Вильгельма. Германія была создана имъ, но внутренній миръ, крѣпость, сплоченность всѣхъ общественныхъ элементовъ—представлялись далеко не вполне обеспеченными. Своимъ преемникамъ онъ оставлялъ тяжелые, неразрѣшенные вопросы внутренней политики. Такъ же ли они будутъ счастливы въ разрѣшеніи этихъ вопросовъ, какъ счастливъ былъ онъ самъ въ разрѣшеніи вопросовъ внѣшней политики? Если будущее питаетъ надежды, то оно питаетъ и самыя жгучія, мучительныя сомнѣнія.

XV.

Такія тяжелыя сомнѣнія относительно будущаго должны были тревожить душу покойнаго императора не только со стороны внутренняго спокойнаго развитія созданной имъ Германіи, но и со стороны внѣшней политики. Онъ оставлялъ своимъ наслѣдникамъ сильную, могущественную имперію, но созданіе ея путемъ крови, огня и желѣза, путемъ разгрома сосѣднихъ государствъ, породило непримиримое чувство вражды къ нѣмецкому колоссу въ сердцѣ народа, неспособнаго забыть захватъ двухъ цвѣтущихъ провинцій. Искусная политика, всеобщее уваженіе, окружавшее императора Вильгельма, доставили новой Германіи семнадцать лѣтъ мира, но не разъ за это время политическій горизонтъ омрачался черными, грозowymi тучами.

Какъ ни сильно было желаніе императора Вильгельма обезпечить Европѣ послѣ окончанія войны 1871 года благо мира, но миръ этотъ дорого обошелся всѣмъ европейскимъ государствамъ. Никогда еще всеобщія вооруженія не достигали такихъ размѣровъ, какъ послѣ завершения нѣмецкаго единства, никогда народы не несли еще такихъ жертвъ для обезпеченія своей независимости и своего существованія, какъ со времени возстановленія нѣмецкой имперіи. Вся Европа очутилась подъ ружьемъ; всѣ жаждутъ мира, и всѣ поспѣшно и усмеленно вооружаются.

Какое-то мучительное безпокойство овладѣло и всѣми народами, и всѣми правительствами. Трудно, кажется, отрицать, что это безпокойство вызывается въ значительной степени грознымъ положеніемъ, занятымъ въ центрѣ Европы Германіей и новымъ отношеніемъ ея

къ главнымъ европейскимъ государствамъ: Россіи, Франціи, Австріи и Италіи.

Вѣщнія отношенія новой Германіи въ царствованіе императора Вильгельма были всегда почти самыя дружественныя. Если поддержаніе добрыхъ отношеній съ Италіей легко объясняется братствомъ по оружію въ рѣшительную минуту 1866 года и отсутствіемъ всякихъ поводовъ къ столкновенію, то тѣсное сближеніе съ австрійской имперіей явилось плодомъ мастерской политики Бисмарка и непосредственнаго вліянія самого императора Вильгельма. Заставитъ Австрію забыть перенесенное ею пораженіе, принудитъ ее примириться съ изгнаніемъ изъ Германіи и съ утратой даже всякаго вліянія на южныя нѣмецкія государства, обратить ея взоры на Востокъ и, наконецъ, сдѣлать ее самою надежною союзницею изъ такъ недавно еще своего заклятаго врага—было дѣломъ, требовавшимъ чрезвычайнаго искусства. Послѣ неожиданной для австрійскаго императора встрѣчи въ Баденѣ, о которой мы имѣли случай упомянуть, не проходило почти ни одного года безъ личныхъ свиданій Франца-Іосифа съ императоромъ Вильгельмомъ. Эти свиданія, постоянныя обмѣны визитами, сблизили двухъ императоровъ, а ихъ личное сближеніе повлекло за собою и сближеніе двухъ имперій. Какъ Францъ-Іосифъ поддался обаянію императора Вильгельма, какъ онъ былъ очарованъ прямою и благородствомъ его характера, неизмѣннымъ добродушіемъ и удивительною предупредительностью въ обращеніи, такъ и австрійская политика поддавалась обаянію тончайшаго политика XIX вѣка, Бисмарка, и начала говорить его языкомъ и смотрѣть на событія его глазами. Союзъ съ Германіей доставилъ Австріи весьма положительныя выгоды, онъ обезпечилъ за ней сферу вліянія на Востокъ.

Дружественныя отношенія между двумя государствами повлекли за собою въ 1879 году заключеніе формальнаго тѣснаго наступательнаго и оборонительнаго союза, лишь недавно получившаго европейскую огласку. Союзъ этотъ, къ которому примкнула и Италія, направленъ противъ двухъ государствъ: Россіи и Франціи—и союзники нисколько не скрываютъ.

Что отношенія къ Франціи новой германской имперіи не могли сдѣлаться дружественными, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Эльзась и Лотарингія прорыли между двумя государствами глубокую пропасть.

Едва ли можетъ быть какое-нибудь сомнѣніе въ томъ, что императоръ Вильгельмъ, озабоченный мыслью объ упроченіи мира, искренно желалъ восстановленія добрыхъ отношеній съ Франціей. Къ несчастью, отторженіе двухъ французскихъ провинцій дѣлало такое желаніе мало осуществимымъ. Францію нельзя, конечно, обвинять, что она

не может примириться съ идеею объ окончательной утратѣ Эльзаса и Лотарингіи, что она напрягаетъ всѣ свои усилія, чтобы подняться, послѣ рокового для нея пораженія, и стремится занять подобающее ей мѣсто въ сонмѣ великихъ европейскихъ государствъ. Между тѣмъ усиленныя вооруженія Франціи служатъ постояннымъ поводомъ къ обостренію и безъ того натянутыхъ отношеній къ ея могущественному сосѣду. Въ вооруженіяхъ Франціи Германія видитъ постоянную для себя угрозу, забывая подчасъ, что ея собственное вооруженіе точно также не представляется для другихъ народовъ залогомъ прочнаго мира. Семнадцать лѣтъ, протекшія со времени окончанія кровавой распри между двумя народами, не подвинули ни на шагъ дѣла ихъ замиренія. Много разъ въ теченіе этого періода времени Европа съ трепетомъ прислушивалась, не слышится ли на французской границѣ первый фатальный выстрѣлъ. Страхъ этотъ вызывался тѣми рѣчами, которыя подчасъ раздаются въ нѣмецкомъ рейхстагѣ и, главнымъ образомъ, рѣзкими, иной разъ даже надменнымъ и вызывающимъ тономъ газетной полемики. Зная, какъ часто печать являлась орудіемъ въ рукахъ „железнаго“ канцлера, естественно зарождалось опасеніе, чтобы за голосомъ печати не скрывался голосъ самого руководителя нѣмецкой политики. Презрительный и заносчивый тонъ нѣмецкой печати, когда рѣчь идетъ о Франціи и французскомъ народѣ, поддерживаетъ въ послѣднихъ чувство раздраженія и заставляетъ правительство французской республики быть постоянно на-сторожѣ. Германія это знаетъ, и руководители нѣмецкой политики много разъ выставляли въ парламентѣ стремленіе Франціи къ *revanche*’у поводомъ, вынуждающимъ нѣмецкое правительство постоянно увеличивать свою армію. Эльзасъ и Лотарингія бросили два народа въ какой-то заколдованный кругъ, изъ котораго, повидимому, нѣтъ никакого иного выхода, кромѣ новой и на этотъ разъ еще болѣе кровавой войны. Должна ли она была, въ самомъ дѣлѣ, вспыхнуть въ 1875 году, остановилъ ли ее императоръ Александръ II, приготовлялась ли Германія произвести нападеніе на Францію, съ цѣлью нанести ей смертельный ударъ прежде, чѣмъ она успѣетъ окончить свое перевооруженіе,—все это представляется вопросомъ, на который трудно отвѣчать положительно. Франція говоритъ: да! Князь Бисмаркъ рѣшительно отрицаетъ, чтобы у Германіи когда-либо существовалъ такой умыселъ. За Францію говорятъ недавно обнародованныя письма французскаго посланника въ то время въ Петербургѣ, генерала Лефлѣ, и циркуляръ того времени князя Горчакова; за Германію — искренность императора Вильгельма, который, при встрѣчѣ съ французскимъ военнымъ агентомъ, добродушно обратился къ нему со словами: „насъ хотѣли посорить!“ Во всякомъ случаѣ эпизодъ

1875 года, равно какъ и недавній эпизодъ съ арестомъ Шнебеле, съ одной стороны является доказательствомъ, какъ мало нужно для того, чтобы война между двумя государствами возгорѣлась какъ бы сама собою, съ другой—свидѣтельствуетъ о твердой рѣшимости, которую постоянно выказывалъ лично императоръ Вильгельмъ, всячески предупреждая возможность взрыва. Въ эпизодъ съ арестомъ Шнебеле императоръ Вильгельмъ принялъ непосредственное участіе и своимъ рѣшительнымъ словомъ положилъ конецъ печальному инциденту. Эпизодъ же 1875 г. имѣлъ большое значеніе и по отношенію къ Россіи.

Желала ли, въ самомъ дѣлѣ, Германія произвести нападеніе на Францію, или нѣтъ, но во всякомъ случаѣ русскій кабинетъ, извѣщенный о томъ французскимъ посланникомъ въ Петербургѣ, принялъ самое живое участіе и выказалъ твердое намѣреніе воспрепятствовать нарушенію европейскаго мира. Князь Бисмаркъ былъ недоволенъ поведеніемъ князя Горчакова, разославшаго циркулярную ноту дипломатическимъ агентамъ, въ которой онъ извѣщалъ ихъ, что миръ обезпеченъ. Гордая своими побѣдами, Германія сдѣлалась крайне чувствительна, и въ заботѣ его о сохраненіи европейскаго мира готова была видѣть вмѣшательство въ ея внутреннія дѣла. Отношенія между двумя канцлерами охладѣли, что рано или поздно должно было отозваться на отношеніяхъ двухъ государствъ. Правда, императоръ Вильгельмъ питалъ самыя дружескія чувства къ императору Александру II, и дружба эта поддерживалась частыми свиданіями. Императоръ Вильгельмъ памятовалъ услуги, оказанныя ему въ тяжелыя минуты императоромъ Александромъ II, но всегда выражалъ самыя горячія пожеланія, чтобы традиціонная дружба двухъ сосѣднихъ могущественныхъ государствъ никогда не подвергалась никакому испытанію.

Того ли взгляда держался и князь Бисмаркъ—вопросъ остается открытымъ. Во всякомъ случаѣ, недовольство русскимъ канцлеромъ связалось на берлинскомъ конгрессѣ 1878 года, гдѣ Россія не встрѣтила той поддержки Германіи, на которую она считала себя въ правѣ разсчитывать. Правда, князь Бисмаркъ, въ недавней своей рѣчи, 6-го февраля 1888 г., слагаетъ съ себя всякую отвѣтственность за неблагопріятный для насъ исходъ конгресса, но во всякомъ случаѣ можно одно сказать съ достовѣрностью, что интересы Австріи лежали ему ближе къ сердцу, чѣмъ интересы Россіи.

Несмотря на то, что личныя отношенія между двумя монархами продолжали носить характеръ все той же неизмѣнной привязанности и дружбы, отношенія двухъ державъ, со времени берлинскаго конгресса, въ значительной степени подверглись охлажденію. Германія

укрѣпила свою восточную границу, а нѣмецкая печать была тревогу по поводу передвиженія того или другого изъ русскихъ полковъ. Князь Бисмаркъ, чуждый всякаго сантиментализма и мало полагающійся на дружбу, рѣшился на шагъ, прямо уже направленный противъ Россіи. Онъ началъ переговоры съ австрійскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, графомъ Андраши, о заключеніи формальнаго союза между Австріей и Германіей, — союза (это подразумѣвается само собой) для поддержанія европейскаго мира. Проектъ союза былъ выработанъ осенью 1879 г., но онъ нуждался въ одобреніи императора Вильгельма для того, чтобы превратиться въ совершившійся фактъ. Императоръ Вильгельмъ, вѣрный своему прямому и честному характеру, рѣшительно воспротивился приложить къ договору свою подпись, но князь Бисмаркъ умѣлъ быть настойчивымъ, зная, что императоръ никогда не рѣшится разстаться съ своимъ сподвижникомъ въ дѣлѣ объединенія Германіи. Надобно было уступить министру, и 15-го октября Вильгельмъ подписалъ союзный договоръ съ Австріей, но лишь съ условіемъ, что онъ не останется тайной для русскаго императора. И послѣ этого личныя отношенія двухъ государей не поколебались; императоръ Вильгельмъ прилагалъ всѣ свои заботы, чтобы отношенія Россіи и Австріи никогда не вынудили его на враждебныя дѣйствія противъ Россіи. Съ этою цѣлью онъ старался о сближеніи русскаго государя съ австрійскимъ императоромъ, и старанія его не оставались безплодны. Тѣмъ не менѣе, направленный противъ Россіи союзный договоръ между Германіей и Австріей оставался въ своей силѣ, что, конечно, не могло не вліять на отношенія двухъ государствъ. Несмотря на всю добрую волю императора Вильгельма, черныя тучи стали все болѣе и болѣе сгущаться на политическомъ горизонтѣ, отравляя послѣдніе годы его жизни.

Такимъ образомъ, тяжесть внутреннихъ вопросовъ, неувѣренность въ прочности европейскаго мира, возможность новыхъ кровавыхъ столкновений для Германіи — вотъ передъ чѣмъ, въ концѣ своего долгаго и блестящаго царствованія, стоялъ готовый сойти въ могилу императоръ Вильгельмъ — этотъ „честный, простой и преисполненный здраваго смысла человекъ“. Но и это было далеко не все: къ тяжелымъ государственнымъ заботамъ присоединилась, на закатѣ его дней, тревога сердечная, преисполнившая его неутѣшнымъ горемъ, — и только смерть избавила его отъ тяжкаго удара и не дала ему пережить трагической кончины сына.

Е. Утинъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюля 1888 г.

Законъ 4-го апрѣля о сбереженіи лѣсовъ. — Препяды, встрѣчавшіяся на его пути; категоріи лѣсовъ, подходящія подъ его дѣйствіе; составъ лѣсоохранительныхъ комитетовъ. — Усиленіе уголовной кары за лѣсныя порубки. — Основныя положенія о промышленныхъ училищахъ; слухи о проектируемыхъ измѣненіяхъ въ положеніи реальныхъ училищъ. — Законъ о вольныхъ людяхъ. — Распространеніе дѣйствія крестьянскаго поземельнаго банка на царство польское.

Намъ не разъ уже случалось упоминать о препятствіяхъ, съ которыми пришлось бороться законопроекту о лѣсоохраненіи. Агитація противъ него шла преимущественно съ двухъ сторонъ: отъ дворянскихъ собраній и отъ реакціонной печати. Иногда своеобразная подкладка оппозиціи обнаруживалась совершенно ярко; протестъ противъ проектируемыхъ ограниченій принималъ характеръ откровенно-словесный; съ ходатайствомъ о сохраненіи за дворянствомъ полной свободы распоряженія лѣсами соединялось ходатайство о запретительныхъ мѣрахъ по отношенію къ лѣсамъ крестьянскимъ. Болѣе опаснымъ противодѣйствіемъ реформѣ становилось тогда, когда оно прикрывалось общими экономическими и юридическими соображеніями. Здравыя понятія о свойствахъ и предѣлахъ права собственности распространены у насъ такъ мало, что декламаціи о замышляемомъ его нарушеніи легко могли найти для себя благодарную почву; наивные люди могли повѣрить, что обязательное сбереженіе лѣсовъ составляетъ посягательство на частную собственность, а ловкіе люди могли воспользоваться этой вѣрой. Въ пользу мѣтвія, враждебнаго законопроекту, можно было привести авторитетъ разныхъ экономистовъ, напримѣръ г. Чичерина, возстающаго, въ своей книгѣ: „Собственность и государство“, противъ всякихъ стѣсненій частнаго права собственности, устанавливаемыхъ во имя имущественныхъ интересовъ цѣлаго общества. Совокупность житейскихъ и научныхъ предразсудковъ могла оказаться стѣною, способною остановить задуманное движеніе. На самомъ дѣлѣ, къ

счастію, случилось иначе; законопроектъ, составленный министерствомъ государственныхъ имуществъ, преодолевъ всѣ противопоставленныя ему преграды, и положеніе о сбереженіи лѣсовъ—частныхъ наравнѣ съ казенными—получило, 4-го апрѣля, силу закона. Весьма можетъ быть, что нѣкоторыя отдѣльныя постановленія проекта принесены въ жертву для спасенія цѣлаго; но съ занимающей насъ теперь точки зрѣнія это имѣетъ второстепенное значеніе. Важно то, что признано *право* государственной власти регулировать и регламентировать пользованіе частными лѣсами; *границы и размеры* этого права — вопросъ *цѣлесообразности*, а не *принципа*, и дальнѣйшее ихъ расширеніе, если опытъ докажетъ его необходимость и возможность, не встрѣтитъ, нужно надѣяться, никакихъ *теоретическихъ* возраженій.

Повсемѣстно, во всей европейской Россіи, положеніе 4-го апрѣля принимается только къ тремъ категоріямъ лѣсовъ: къ крестьянскимъ лѣснымъ надѣламъ, къ лѣсамъ *защитнымъ* и къ лѣсамъ, охраняющимъ верховья и источники рѣкъ или ихъ притоковъ. Остальные лѣса подчиняются дѣйствию новыхъ правилъ только въ меньшей половинѣ губерній европейской Россіи. Свободными отъ ограниченій лѣсовладѣльцы — за вышеупомянутыми исключеніями — остаются, до времени, на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ: губерніи архангельская, олонеккая, с.-петербургская, новгородская, псковская, вологодская, вятская, пермская, уфимская, область уральская; на верхней Волгѣ: губерніи тверская, ярославская, костромская, нижегородская, — за исключеніемъ двухъ уѣздовъ,—казанская, симбирская; подъ Москвою: губерніи московская, калужская, смоленская—за исключеніемъ двухъ уѣздовъ—и владимірская—за исключеніемъ семи уѣздовъ; въ Бѣлоруссіи: губерніи витебская, могилевская, минская; въ Курляндіи, въ волынской губерніи (за исключеніемъ одного уѣзда), за Кавказомъ и на Кавказѣ (за исключеніемъ губерніи ставропольской). Итакъ, въ сферу усиленной лѣсной охраны входят преимущественно губерніи черноземныя и степныя—центръ Россіи, нижнее поволжье, Новороссія, Малороссія, а также двѣ изъ числа остзейскихъ губерній и всѣ литовскія. Географическое распространеніе области дѣйствія новыхъ правилъ можетъ состояться, впрочемъ, и безъ дополненія ихъ въ законодательномъ порядкѣ; оно можетъ быть рѣшено комитетомъ министровъ, по представленію министра государственныхъ имуществъ. Нужно надѣяться, что для большинства перечисленныхъ нами губерній это рѣшеніе не заставитъ себя ждать слишкомъ долго. Гораздо лучше предупредить зло въ самомъ его началѣ, чѣмъ поправлять его, когда оно уже достигло широкихъ размѣровъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что процессъ обезлѣсенія коснулся уже многихъ

мѣстностей изъ числа тѣхъ, которыя не подчинены всецѣло новому закону. Укажемъ, для примѣра, на хорошо извѣстные намъ южные уѣзды петербургской губерніи, въ которыхъ лѣсныя пространства уменьшаются, за послѣднія 15—20 лѣтъ, съ большою быстротою. Строгость охраны, при дѣйствіи правилъ 4-го апрѣля, можетъ быть весьма различна; въ губерніяхъ, сравнительно богатыхъ лѣсами, нѣтъ надобности доводить ее такъ далеко, какъ въ губерніяхъ до крайности ими бѣдныхъ. Важно только, чтобы правительственный надзоръ былъ введенъ по возможности вездѣ, чтобы положенъ былъ конецъ наиболѣе безобразнымъ видамъ лѣсоистребленія. Если крестьянскіе лѣсные надѣлы поставлены подъ охрану закона во всѣхъ частяхъ имперіи, не исключая даже самыхъ сѣверныхъ, то нѣтъ никакихъ основаній медлить съ принятіемъ той же мѣры по отношенію къ частнымъ лѣсовладѣльцамъ.

Защитными законъ 4-го апрѣля называетъ тѣ лѣса и кустарники, безусловное сохраненіе которыхъ необходимо въ видахъ государственной или общественной пользы. Это общее опредѣленіе ограничивается частнымъ, въ силу котораго защитными признаются только лѣса и кустарники, препятствующіе распространенію сыпучихъ песковъ, песчанымъ заносамъ, обрывамъ, обваламъ или размыву почвы. Съ точки зрѣнія перваго опредѣленія, защитными представляются, безъ сомнѣнія, и лѣса, охраняющіе верховья рѣкъ,—но подъ второе опредѣленіе они не подходятъ и не причисляются закономъ къ лѣсамъ защитнымъ, отличаясь отъ лѣсовъ обыкновенныхъ только тѣмъ, что *нѣкоторая* степень охраны устанавливается, по отношенію къ нимъ, *повсемѣстно*. Мы затрудняемся объяснить это противорѣчіе. Многоводность рѣки, зависящая, отчасти, отъ лѣса, защищающаго ея верховья, необходима, очевидно, „въ видахъ государственной и общественной пользы“; естественнымъ выводомъ отсюда было бы признаніе такого лѣса подлежащимъ „безусловному сбереженію“. Казуистическія опредѣленія всегда представляютъ опасность неполноты; гораздо правильнѣе было бы, какъ намъ кажется, ограничиться установленіемъ общаго понятія о *защитности*, предоставивъ ближайшее его разъясненіе времени и опыту... Лѣсъ, однажды объявленный защитнымъ, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть уничтоженъ; почва, на которой онъ растетъ, не можетъ получить другого назначенія; рубка въ его предѣлахъ можетъ быть произведена только согласно съ утвержденнымъ хозяйственнымъ планомъ; запрещенію можетъ подлежать все то (напр. пастьба скота, корчеваніе пней), что будетъ признано несовмѣстнымъ съ сохранностью лѣса и съ достиженіемъ цѣли, во имя которой онъ объявленъ защитнымъ. Если для сбереженія защитныхъ лѣсовъ, принадлежащихъ частнымъ вла-

дѣльцамъ, окажутся необходимыми расходы, которыхъ владѣлецъ принять на свой счетъ не согласится, то министерство государственныхъ имуществъ можетъ приобрѣтать такіе лѣса въ казенную собственность, на основаніи общихъ правилъ объ экспроприаціи; но владѣльцу, въ продолженіе десяти лѣтъ, принадлежитъ право обратнаго выкупа, съ уплатой, кромѣ покупной суммы, стоимости всѣхъ произведенныхъ въ лѣсу работъ.

Что касается до остальныхъ лѣсовъ, подлежащихъ дѣйствию новаго закона, то обращеніе ихъ въ другой видъ угодій допускается при наличности одного изъ условій, перечисленныхъ въ законѣ. Этихъ условій очень много; одно изъ нихъ формулировано такимъ образомъ: „когда того требуетъ болѣе выгодное устройство имѣнія“. Воспрещаются лѣсовладѣльцамъ такія опустошительныя (сплошныя) рубки растущаго лѣса, вслѣдствіе которыхъ „истощается древесный запасъ, естественное лѣсовозобновленіе дѣлается невозможнымъ и вырубленныя площади обращаются въ пустыри“. Воспрещается также пастьба скота на вырубкахъ и въ молодомъ лѣсу, не достигшемъ пятнадцатилѣтняго возраста. Составленіе хозяйственныхъ плановъ эксплуатаціи лѣса и представленіе ихъ на утвержденіе подлежащей власти не обязательно для лѣсовладѣльцевъ; съ цѣлью побудить ихъ къ этому принято за правило, что рубка лѣса, согласная съ утвержденнымъ планомъ, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть признана опустошительною. Санкціей новаго закона — какъ для лѣсовъ защитныхъ, такъ и для всѣхъ остальныхъ, подчиняемыхъ охранѣ — является, съ одной стороны, обязанность искусственнаго облѣсенія неправильно вырубленныхъ или расчищенныхъ лѣсныхъ пространствъ ¹⁾, съ другой — уголовная отвѣтственность, ограничивающаяся, впрочемъ, денежными взысканіями.

Составляя, во всякомъ случаѣ, большой шагъ впередъ сравнительно съ настоящимъ порядкомъ—или безпорядкомъ,—только-что приведенныя нами правила далеко не свободны отъ недостатковъ, по крайней мѣрѣ въ той части, которая касается лѣсовъ не-защитныхъ. Обращеніе этихъ лѣсовъ въ другой видъ угодій слишкомъ облегчено; достаточнымъ основаніемъ къ нему едва ли слѣдовало бы признавать одну только *выгодность* операціи. Необходимость закона, охраняющаго частныя лѣса, обуславливается именно тѣмъ, что личный интересъ лѣсовладѣльца противорѣчитъ, сплошь и рядомъ, общественной или государственной пользѣ. Для лѣсовладѣльца обращеніе лѣса въ поля или дуга можетъ казаться или даже дѣйствительно быть выгоднымъ,

¹⁾ Въ случаѣ неисполненія этой обязанности въ опредѣленный срокъ, облѣсеніе производится лѣснымъ ведомствомъ за счетъ лѣсовладѣльца.

но для всего окрестнаго населенія оно можетъ сдѣлаться источникомъ весьма серьезныхъ невыгодъ. При такомъ столкновеніи интересовъ преимущественное право на охрану имѣеть, очевидно, интересъ общій, — а между тѣмъ онъ приносится въ жертву интересу частному. Буквальный смыслъ закона представляется здѣсь не совсѣмъ яснымъ; трудно сказать съ достовѣрностью, *обязательно* ли для подлежащей власти разрѣшить обращеніе лѣса въ другой видъ угодій, разъ что доказана выгодность такого обращенія, или это составляетъ только ея *право*. Если и принять послѣднее толкованіе — болѣе согласное, въ нашихъ глазахъ, съ общимъ духомъ закона, — то просторъ для лѣсоистребленія все-таки остается еще слишкомъ широкій. Чтобы отказать въ разрѣшеніи, выгодномъ для лѣсовладѣльца, лѣсоохранительный комитетъ долженъ будетъ установить, что сохраненіе лѣса, въ данномъ случаѣ, необходимо, а это потребуетъ тогда сложныхъ и трудныхъ изысканій. Гораздо проще и легче будетъ уступить настояніямъ просителя и удовлетворить его ходатайство, отложивъ въ сторону докучную мысль объ отдаленныхъ его результатахъ. Способствовать такому исходу дѣла будетъ и то правило новаго закона, въ силу котораго обращеніе лѣсной почвы въ другой видъ угодій можетъ быть разрѣшаемо безъ предварительнаго изслѣдованія на мѣстѣ, если въ виду лѣсоохранительнаго комитета не имѣется никакихъ заявленій о необходимости признанія лѣса защитнымъ или подлежащимъ сбереженію для охраненія верховьевъ рѣкъ. Отсутствію такихъ заявленій не слѣдовало бы давать столь рѣшительнаго значенія, потому что сбереженіе лѣса часто представляется желательнымъ и помимо двухъ вышеуказанныхъ цѣлей.

Трудно одобрить, далѣе, то постановленіе новаго закона, по которому утвержденіе хозяйственныхъ плановъ *обязательно* лишь по отношенію къ лѣсамъ защитнымъ. Отсутствіе плана неудобно и для лѣсовладѣльца, и для наблюдающаго учрежденія. Первому оно угрожаетъ неприятными сюрпризами: рубка, произведенная имъ *bona fide*, можетъ быть признана „опустошительною“ и подвергнута его значительной имущественной отвѣтственности. Для послѣдняго оно затрудняетъ возбужденіе преслѣдованія противъ лѣсовладѣльца, нарушающаго законъ, и уменьшаетъ шансы выигрыша дѣла передъ судомъ. Далеко не одно и то же — обнаружить уклоненіе лѣсовладѣльца отъ утвержденного хозяйственнаго плана или доказать, что онъ произвелъ рубку, „истощающую древесный запасъ и устраняющую возможность естественнаго лѣсовозобновленія“. Первое гораздо легче, чѣмъ послѣднее; легче точно также и надзоръ, если въ основаніи его лежитъ заражѣ утвержденный планъ лѣснаго хозяйства... Санкціи противъ нарушеній, устанавливаемая новымъ закономъ, могутъ быть признаны

достаточными; мы сдѣлаемъ по этому поводу только одно замѣчаніе. Обязанность искусственнаго облѣсенія, о которой мы уже говорили, возлагается на виновнаго въ такомъ лишь случаѣ, если естественное облѣсеніе опустошенныхъ площадей будетъ признано невозможнымъ. Не вытекаетъ ли отсюда явное неравенство отвѣтственности, при полномъ равенствѣ вины? Допустимъ, что два лѣсовладѣльца совершили однородныя нарушенія закона, при условіяхъ вполнѣ одинаковыхъ, за исключеніемъ лишь одного: на мѣстѣ вырубленнаго лѣса въ одномъ случаѣ возможно, въ другомъ невозможно естественное облѣсеніе. Первый владѣлецъ отдѣляется однимъ только штрафомъ; второй долженъ будетъ понести, кромѣ того, значительные расходы на искусственное облѣсеніе. Чтобы устранить эту аномалію, слѣдовало бы постановить, что при возможности естественнаго облѣсенія виновный подвергается, сверхъ штрафа, взысканію суммы, приблизительно равной расходамъ, которыхъ потребовало бы искусственное облѣсеніе. Такое постановленіе представлялось бы тѣмъ болѣе справедливымъ, что всѣ денежныя суммы, подлежащія взысканію на основаніи новаго закона, обращаются исключительно на нужды лѣснаго хозяйства въ лѣсахъ общественныхъ и частныхъ.

Всѣ расходы по составленію плановъ хозяйства въ лѣсахъ защитныхъ (за исключеніемъ дачъ удѣльныхъ и военныхъ) принимаются на счетъ казны. Всѣ лѣса, признанные защитными, освобождаются отъ государственныхъ и земскихъ поземельныхъ сборовъ. Тою же свободой пользуются, въ теченіе тридцати лѣтъ, лѣсныя площади, занятыя искусственно разведенными лѣсонасаженіями, если взамѣнъ этихъ площадей не были произведены расчистки. На чиновниковъ лѣснаго вѣдомства возлагается, по приглашенію лѣсовладѣльцевъ, осмотръ принадлежащихъ послѣднимъ лѣсныхъ дачъ, подача совѣтовъ относительно ихъ эксплуатаціи и руководство разными лѣсными работами. Изъ всѣхъ этихъ льготъ несправедливой кажется намъ только податная свобода, предоставляемая владѣльцамъ лѣсовъ защитныхъ. Если въ защитномъ лѣсу не допускалось никакой рубки, еслибы онъ вовсе переставалъ служить источникомъ дохода, освобожденіе его отъ государственныхъ и земскихъ сборовъ было бы вполнѣ понятно; но вѣдь эксплуатація его остается возможной, она подчиняется лишь надзору, сберегающему лѣсъ не только въ интересахъ общества и государства, но и въ интересахъ самого владѣльца. Нѣкоторыя неудобства, вытекающія изъ объявленія лѣса защитнымъ, вознаграждаются принятіемъ на счетъ казны всѣхъ расходовъ по составленію плана эксплуатаціи этого лѣса. Съ другой стороны, неудобствамъ подвергаются и владѣльцы другихъ лѣсовъ, подлежащихъ охранѣ, и никакихъ льготъ правила 4-го апрѣля имъ за это не

даютъ. Болѣе чѣмъ сомнительной слѣдуетъ признать также правильность того постановленія новаго закона, въ силу котораго бывшіе владѣльцы защитныхъ лѣсовъ, принудительно отчужденныхъ въ казну, могутъ выкупать ихъ обратно въ продолженіе цѣлыхъ десяти лѣтъ. Экспроприація защитнаго лѣса допускается только тогда, когда владѣлецъ отказывается принять на свой счетъ расходы, необходимыя для сбереженія лѣса. Основаніемъ для такого отказа будетъ служить, въ большинствѣ случаевъ, неувѣренность владѣльца, что расходы окупятся увеличеніемъ доходности и цѣнности лѣса. Справедливо ли, затѣмъ, возлагать весь рискъ операціи на казну, такъ чтобы, въ случаѣ неудачи, лѣсъ оставался казеннымъ, а въ случаѣ успѣха — возвращался частному владѣльцу, съ возмѣщеніемъ только непосредственныхъ затратъ казны? Выгоды (*commoda*), согласно извѣстному юридическому афоризму, должны принадлежать тому, кто несетъ тягости (*onera*); лѣсъ, улучшенный и сохраненный стараніями казны, по праву долженъ быть и на будущее время казенною собственностью. Обратный выкупъ лѣса можно было бы признать цѣлесообразнымъ въ такомъ лишь случаѣ, еслибы увеличеніе площади лѣсовъ казенныхъ представлялось нежелательнымъ, невыгоднымъ съ экономической точки зрѣнія; но справедливо какъ разъ обратное положеніе. Тѣ же самыя соображенія, которыя заставляютъ ограничить права частныхъ лѣсовладѣльцевъ, говорятъ въ пользу сосредоточенія возможно бѣльшаго количества лѣсовъ въ рукахъ казны, и въ особенности лѣсовъ защитныхъ, требующихъ спеціальной, усиленной охраны.

Исполненіе новаго закона возлагается, подъ высшимъ контролемъ министерства государственныхъ имуществъ, на лѣсоохранительные комитеты, учреждаемые въ каждомъ губернскомъ городѣ. По своему составу они напоминаютъ другія смѣшанныя присутствія, которыхъ у насъ уже безъ того такъ много. Предсѣдательство въ комитетѣ принадлежитъ, конечно, губернатору; само собою разумѣется также участіе въ немъ губернскаго предводителя дворянства, предсѣдателя или члена суда, предсѣдателя или члена губернской земской управы и непремѣннаго члена губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія. Лѣсное вѣдомство представлено въ комитетѣ управляющимъ государственными имуществами и однимъ лѣснымъ ревизоромъ; частное лѣсовладѣніе — двумя лѣсовладѣльцами, по выбору губернскаго земскаго собранія; ко всѣмъ этимъ лицамъ присоединяется еще управляющій удѣльною конторою, а при рѣшеніи дѣлъ о лѣсахъ, охраняющихъ верховья рѣкъ или ихъ притоковъ — представитель вѣдомства путей сообщенія (не совсѣмъ понятно, почему послѣдній не приглашается въ комитетъ и по дѣламъ о лѣсахъ защитныхъ, если назначеніе ихъ — охрана каналовъ и дорогъ отъ песчаныхъ заносовъ,

обрывовъ и размывовъ). Двадцатилѣтній опытъ доказалъ, что смѣшанныя присутствія, члены которыхъ всѣ, или почти всѣ, обременены другими, болѣе важными для нихъ, занятіями, рѣдко бываютъ хорошими органами управленія. Для того, чтобы они могли хоть сколько-нибудь справляться съ своей задачей, необходимы, по меньшей мѣрѣ, два условія: дѣла, предоставленныя ихъ рѣшенію, не должны быть слишкомъ спеціальными и ихъ не должно быть слишкомъ много. Если училищные совѣты, напримѣръ, приносятъ нѣкоторую долю пользы, то это объясняется именно тѣмъ, что кругъ вѣдомства ихъ довольно ограниченъ, и для исполненія обязанностей, на нихъ лежащихъ, достаточно одного общаго образованія. Положеніе лѣсоохранительныхъ комитетовъ совсѣмъ иное. Главныя ихъ функціи — призваніе лѣсовъ защитными или подлежащими сохраненію въ видахъ охраны верховьевъ рѣкъ, утвержденіе плановъ лѣсного хозяйства, разрѣшеніе обращенія лѣсныхъ площадей въ другой видъ угодій, установленіе сроковъ для искусственнаго облѣсенія и т. п. Все это требуетъ спеціальныхъ техническихъ знаній, которыми будутъ обладать весьма немногіе члены комитета. Остальнымъ членамъ придется либо слѣпо подчиняться мнѣнію меньшинства, либо возражать противъ него по основаніямъ, не имѣющимъ ничего общаго съ спорнымъ вопросомъ. Не трудно предвидѣть, что представители частнаго лѣсовладѣнія будутъ отстаивать, гдѣ только можно, свободу распоряженія лѣсами, оспаривать необходимость ограничительныхъ мѣръ; на ихъ сторонѣ окажется, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, предводитель дворянства, а иногда и представитель земской управы. Принципіальнаго противника всякое стѣсненіе лѣсовладѣльческихъ правъ очень легко можетъ найти и въ представителѣ суда. Въ глазахъ юриста, привыкшаго требовать отъ истца точныхъ, несомнѣнныхъ доказательствъ, ходатайство лѣсного вѣдомства, основанное на предположеніяхъ, мотивированное *возможностью* вреда отъ облѣсенія, можетъ показаться слишкомъ шаткимъ, хотя бы оно и соотвѣтствовало вполне обстоятельствамъ даннаго случая. Съ другой стороны, число дѣлъ въ лѣсоохранительныхъ комитетахъ, особенно въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ законъ 4-го апрѣля вводится въ дѣйствіе въ полномъ объемѣ, будетъ, по всей вѣроятности, весьма значительно; тщательное разсмотрѣніе ихъ потребуетъ частыхъ и продолжительныхъ засѣданій, непосильныхъ для большинства членовъ комитета. Болѣе правильнымъ было бы, какъ намъ кажется, предоставленіе спеціальнаго дѣла спеціальному учрежденію, съ тѣмъ только, чтобы въ нѣкоторыхъ случаяхъ, особенно важныхъ, постановленія его могли быть переносимы на разсмотрѣніе коллегіи, устроенной на подобіе административнаго суда. Нельзя, конечно, сдѣлать лѣсное

управленіе единственнымъ, безапелляціоннымъ рѣшителемъ вопроса о защитномъ свойствѣ лѣса; но въ утвержденіи плановъ лѣсного хозяйства ему слѣдовало бы дать полную свободу, ограниченную только надзоромъ высшей инстанціи — лѣсного департамента министерства государственныхъ имуществъ. Чисто-техническое дѣло всего лучше возложить на техникувъ, которые и несли бы полную отвѣтственность за свое рѣшеніе. Если правилами 4-го апрѣля вопросъ о составѣ лѣсоохранительныхъ комитетовъ разрѣшенъ иначе, то объясненіе этому слѣдуетъ искать, повидимому, въ излишней заботливости объ интересахъ лѣсовладѣльцевъ. Дѣйствительными признаются только тѣ постановленія комитета, въ которыхъ участвовали, кромѣ предсѣдателя и одного изъ представителей управленія государственными имуществами, губернской предводитель дворянства, предсѣдатель окружного суда и предсѣдатель губернской земской управы или замѣняющія ихъ должностныя лица. Итакъ, въ рѣшеніи дѣла можетъ не участвовать единственный, иногда, техникъ, входящій въ составъ комитета (лѣсной ревизоръ), но непрежѣнно должны участвовать тѣ члены комитета, отъ которыхъ можно ожидать систематической защиты частнаго лѣсовладѣнія. Еще важнѣе слѣдующее обстоятельство. Право заявлять лѣсоохранительнымъ комитетамъ о необходимости признать данную лѣсную площадь защитною или подлежащею сбереженію въ видахъ охраны верховьевъ рѣкъ, предоставлено новымъ закономъ исключительно земскимъ управамъ — губерскимъ и уѣзднымъ — и управленіямъ вѣдомствъ путей сообщенія, удѣльнаго и государственныхъ имуществъ ¹⁾. Всѣ дальнѣйшія формы начатаго такимъ образомъ производства происходятъ съ вѣдома и при участіи лѣсовладѣльца; онъ извѣщается о времени изслѣдованія на мѣстѣ; получаетъ копію съ протокола изслѣдованія, имѣетъ право подать противъ него отзывъ, извѣщается о времени слушанія дѣла въ комитетѣ и допускается, въ случаѣ явки, къ представленію изустныхъ объясненій. Ничего подобнаго не установлено по отношенію къ учрежденію, по заявленію котораго начато дѣло; а между тѣмъ представителю этого учрежденія, въ качествѣ одной изъ сторонъ, очевидно, слѣдовало бы предоставить тѣ же права, какъ и лѣсовладѣльцу. Намъ могутъ возразить, что вѣдомства, уполномоченныя на возбужденіе дѣла, имѣютъ уже своихъ представителей въ самомъ составѣ комитета; но это *не совсѣмъ такъ* по отношенію къ вѣдомству путей сообщенія, представитель котораго присутствуетъ въ комитетѣ только въ одномъ случаѣ, упомянутомъ нами выше, и *совсѣмъ не*

¹⁾ Слѣдовало бы распространить это право и на городскія управы, такъ какъ признаніе лѣса защитнымъ необходимо иногда для охраненія *города* отъ заносовъ, обваловъ, и т. п.

можеть по отношенію къ уѣзднымъ земскимъ управамъ, вовсе не представляемымъ въ комитетъ. Представитель губарискаго земства можеть, сидишь и рядомъ, не раздѣлять мнѣнія уѣзднаго земства, возбужденнаго дѣла. Неравенство положеній продолжается и послѣ рѣшенія дѣла. Право жаловаться на постановленіе комитета (министру государственныхъ имуществъ) принадлежитъ лѣсовладѣльцу, но не принадлежитъ учрежденію, возбужденному дѣло ¹⁾; представители администраціи и управленія государственныхъ имуществъ не облечены даже правомъ протеста противъ постановленій, нарушающихъ интересы общества или государства. Это право предоставлено имъ только по дѣламъ распорядительнымъ (распредѣленіе надзора надъ лѣсами, возбужденіе уголовныхъ преслѣдованій за нарушенія правилъ о лѣсоохраненіи и т. п.), но не по дѣламъ, прямо касающимся сбора лѣсовъ и составляющимъ важнѣйшую часть зачатій комитета.

Успѣшность или неуспѣшность примѣненія новаго закона будетъ зависѣть всего больше отъ степени дѣйствительности надзора, который будетъ установленъ *на мѣстѣ*, въ непосредственной близости къ охраняемымъ лѣсамъ. Этотъ надзоръ предполагается распределить между чинами казеннаго лѣснаго вѣдомства, полиціей и уѣздными по крестьянскимъ дѣламъ учрежденіями. Послѣднія, впрочемъ, могутъ быть привлекаемы къ надзору только по отношенію къ крестьянскимъ лѣснымъ надѣламъ или къ лѣсамъ, обремененнымъ крестьянскими сервитутами; что касается до чиновъ казеннаго лѣснаго вѣдомства, то на нихъ должно быть возлагаемо преимущественно наблюденіе за лѣсами защитными. Вѣдлая часть охраняемыхъ лѣсовъ останется, такимъ образомъ, подъ надзоромъ одной полиціи, крайне недостаточнымъ уже вслѣдствіе массы дѣлъ, лежащихъ на обязанности полицейскихъ чиновниковъ. Увеличить составъ лѣснаго вѣдомства настолько, чтобы оно одно было въ силахъ справиться съ задачей лѣсоохраненія, безъ сомнѣнія, невозможно; это потребовало бы такихъ расходовъ, о которыхъ въ настоящее время нельзя и думать. Единственнымъ надежнымъ сотрудникомъ лѣснаго управленія могли бы быть уѣздныя земскія учрежденія. Конечно, уѣздныя земскія управы не имѣютъ постоянныхъ исполнительныхъ органовъ на мѣстахъ, и это въ значительной степени парализуетъ ихъ дѣятельность;

¹⁾ „Частныя лица, общества и установленія, — сказано въ ст. 48 правилъ 4-го апрѣля, — въ случаѣ нарушенія или *правъ* постановленіями лѣсоохранительныхъ комитетовъ, могутъ приносить на такіа постановленія жалобы министру государственныхъ имуществъ“. Эта редакція закона доказываетъ несомнѣнно, что рѣчь идетъ только о лѣсовладѣльцахъ, потому что только по отношенію къ нимъ мыслимо *правонарушеніе* со стороны комитета.

но все же онъ стоитъ такъ близко къ мѣстной жизни, что имъ было бы сравнительно нетрудно слѣдить за точнымъ исполненіемъ правилъ о лѣсоохраненіи. Здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, обнаруживается съ особенною ясностью необходимость мѣстной административной реформы—только не такой, которая сосредоточила бы исполнительную власть въ рукахъ одного сословія, усложнила бы ее, безъ всякой надобности, судебными функціями, уничтожила бы ее земскій характеръ и оставила бы ее отдаленной отъ массы, а такой, которая привинула бы ее къ населенію, возложила бы на нее попеченіе о всѣхъ мѣстныхъ нуждахъ и сдѣлала бы ее правой рукой и земства, и правительственной власти. Всесословная, самоуправляющаяся волость была бы той единицей, въ которой всегѣ удобнѣе могъ бы осуществиться и ближайшій надзоръ за лѣсоохраненіемъ. На земскихъ начальниковъ нельзя было бы возложить его какъ потому, что ихъ будетъ слишкомъ мало, такъ и въ особенности потому, что они будутъ представителями сословія, заранѣе протестовавшаго противъ правилъ о сбереженіи лѣсовъ и наиболѣе заинтересованнаго въ ихъ неисполненіи.

Правила 4-го апрѣля возбуждаютъ одинъ общій вопросъ, для всесторонняго обсужденія котораго у насъ нѣтъ подъ рукой достаточныхъ данныхъ, но котораго мы должны коснуться хоть мимоходомъ. Цѣлесообразность закона о лѣсоохраненіи подвергалась сомнѣнію, между прочимъ, на томъ основаніи, что размѣры рубки лѣса обуславливаются, главнымъ образомъ, потребностью въ лѣсѣ, которая не можетъ быть ни искусственно увеличена, ни искусственно уменьшена. О лѣсонстребленіи, о хищническомъ лѣсномъ хозяйствѣ не можетъ, съ этой точки зрѣнія, быть и рѣчи; обезлѣсаніе подвигалось впередъ такъ быстро, такъ необузданно и неразсчитливо не потому, что лѣсовладельцы забывали о будущемъ изъ-за настоящаго и говорили самимъ себѣ: *après nous le déluge*, а потому, что былъ спросъ на лѣсные матеріалы, который необходимо было удовлетворить. Возростанію спроса, за послѣднюю четверть вѣка, способствовали въ особенности постройки желѣзныхъ дорогъ, развитіе пароходства, устройство новыхъ фабрикъ и заводовъ. Конечно, въ этихъ замѣчаніяхъ есть доля правды; но представимъ себѣ, что свободѣ лѣсонстребленія не было бы положено никакихъ предѣловъ, что оно продолжалось бы, въ тѣхъ же или еще большихъ размѣрахъ, еще нѣсколько десятилѣтій. Наступила бы, наконецъ, такая минута, когда частнымъ лѣсовладельцамъ почти нечего было бы больше рубить и продавать—а потребность въ лѣсѣ осталась бы та же или еще большая. Очевидно, что нужно было бы обратиться къ суррогатамъ лѣсныхъ матеріаловъ или усилить, не выходя изъ нормы, вырубку казеннаго лѣса. Не

лучше ли сдѣлать и то, и другое теперь, не ожидая полного уничтоженія частныхъ лѣсовъ, со всѣми неизбежными послѣдствіями обезлѣсенія? Дѣтъ пятнадцать тому назадъ частныхъ лѣсовъ числилось около 36 милліоновъ десятинъ, казенныхъ—слишкомъ вдвое больше, около 77 милліоновъ. Уменьшеніе лѣсной площади на цѣлую треть было бы тѣмъ болѣе чувствительно, что казенные лѣса не распределены равномерно по всей Россіи, а сосредоточены преимущественно въ губерніяхъ сѣверныхъ и восточныхъ. Законъ 4-го апрѣля, при правильномъ его приложеніи и постепенномъ распространеніи его круга дѣйствій, увеличитъ мало-по-малу, потребление другихъ горючихъ матеріаловъ, отворостъ новые пути сбыта для казеннаго лѣса, рубка котораго, пропорціонально къ его количеству, была до сихъ поръ весьма незначительна, отчасти, быть можетъ, именно вслѣдствіе трудности соперничества съ частнымъ лѣсомъ, массами поступающимъ на рынки—и вѣдѣтъ съ тѣмъ оберегать для будущаго нѣтъ сомнѣніемъ лѣсныя богатства. Пожалѣть можно только о томъ, что законъ запаздывалъ на нѣсколько десятилѣтій.

Въ тѣсной связи съ правилами о лѣсосбереженіи, состоитъ законъ 21-го марта о взыскаціяхъ за похищеніе и самовольную порубку чужого лѣса. Ограждая лѣсъ отъ произвола самихъ лѣсовладѣльцевъ, законодатель считъ справедливымъ усилить его охрану противъ посягательствъ постороннихъ лицъ. Это было бы совершенно логично, еслибы только увеличенію уголовной кары всегда соответствовало уменьшеніе преступности. На самомъ дѣлѣ, какъ извѣстно, такое соотвѣтствіе не существуетъ; чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только припомнить исторію законодательства о лѣсныхъ порубкахъ. Въ первоначальномъ своемъ видѣ уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, угрожалъ за лѣсную порубку, въ первый или второй разъ произведенную, только денежнымъ взысканіемъ, равнымъ двойной цѣнѣ срубленнаго лѣса; лишеніе свободы назначалось только за третью порубку. Въ 1882 г. этотъ законъ былъ измѣненъ въ томъ смыслѣ, что уже за вторую порубку виновный могъ быть подвергнутъ, сверхъ денежнаго взысканія, аресту на срокъ до трехъ мѣсяцевъ. Теперь приговореніе къ аресту, за вторую порубку, становится *обязательнымъ*, присоединяясь къ денежному взысканію, которое, притомъ, изымается изъ дѣйствій правилъ о совокупности преступленій, т.-е. взыскивается полностью за всѣ порубки, хотя бы одно и то же лицо было осуждено за нихъ однимъ и тѣмъ же судебнымъ приговоромъ. Увеличено также и наказаніе за первую порубку; къ взысканію двойной стоимости порубленнаго прибавленъ еще денежный штрафъ, въ размѣрѣ до 50 рублей, такъ что за порубку дерева, стоящаго 1 рубль, вмѣсто прежнихъ *двухъ*, можетъ быть взыскано

теперь *пятьдесятъ-два* рубля. А вѣдь дѣла о лѣсныхъ порубкахъ предполагается отнести къ предметамъ вѣдомства земскихъ начальниковъ!.. Уже самая быстрота, съ которою одно пониженіе ответственности слѣдуетъ за другимъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что первое изъ нихъ не достигло цѣли. По справедливому замѣчанію „Русскихъ Вѣдомостей“, единственнымъ правильнымъ средствомъ борьбы противъ лѣсныхъ порубокъ представляется не усиленіе уголовной кары, а возможно большее устраненіе причинъ, вызывающихъ лѣсныя порубки. Главная изъ этихъ причинъ—недостатокъ лѣса въ крестьянскихъ надѣлахъ и трудность добыванія его крестьянами для самыхъ необходимыхъ надобностей. Около $\frac{9}{10}$ всѣхъ случаевъ преслѣдованія приходится на порубки малоцѣнныхъ, на сумму не свыше 10 рублей; самымъ обыкновеннымъ побужденіемъ къ порубкѣ служить, слѣдовательно, не корысть, а простое нужда. Мы совершенно раздѣляемъ мнѣніе „Русскихъ Вѣдомостей“ о необходимости льготной, гдѣ это только возможно, продажи крестьянамъ казеннаго лѣса, по пониженнымъ цѣнамъ и въ количествѣ, соответствующемъ дѣйствительной потребности. Такая мѣра принесетъ гораздо больше пользы, чѣмъ періодически повторяемыя перемѣны въ уголовномъ законѣ, колеблющія его нравственный авторитетъ и весьма мало представляющія къ его реальной силѣ.

Болѣе года тому назадъ министерствомъ народнаго просвѣщенія были внесены въ государственный совѣтъ проекты уставовъ реальныхъ и промышленныхъ училищъ, разобранные нами тогда же въ двухъ номерахъ журнала (1887 г., № 4 и 5). Эти проекты не были утверждены; вопросы, первоначально соединенные въ одно цѣлое, были отдѣлены одинъ отъ другого и получили различное направленіе. Вопросъ о *преобразованіи* реальныхъ училищъ остается еще неразрѣшеннымъ, а вопросъ объ *учрежденіи* промышленныхъ училищъ разрѣшенъ, въ принципѣ, основными положеніями, Высочайше одобренными 7-го марта нынѣшняго года. Нельзя не порадоваться тому, что реальныя училища избѣжали угрожавшей имъ участи. Читатели припомнятъ, что эти училища должны были сохранить только пять классовъ, потерять право выпускать своихъ учениковъ въ высшія техническія учебныя заведенія и сдѣлаться не чѣмъ инымъ, какъ подготовительной ступенью для коммерческихъ или для среднихъ техническихъ училищъ. Удлинненіе курса ученя, открывающаго реальстамъ доступъ въ высшія техническія школы (вмѣсто семи лѣтъ—девять: пять лѣтъ въ реальномъ и четыре года въ среднемъ техническомъ училищѣ), должно было служить первымъ шагомъ къ про-

возглашенію высшаго техническаго образованія достояніемъ однихъ только гимназистовъ, получившихъ аттестатъ зрѣлости. Мысль о такой реформѣ не оставлена, повидимому, и теперь, но осуществленіе ея отложено на нѣкоторое время. Нормальный курсъ въ реальномъ училищѣ остается шестилѣтній; за окончившими этотъ курсъ удерживается, пока, право перейти въ дополнительный (седьмой) классъ, а оттуда поступить въ одно изъ высшихъ спеціальныхъ училищъ. Последнее право признано, основными положеніями о промышленныхъ училищахъ, и за окончившими курсъ въ среднемъ техническомъ училищѣ и получившими званіе техника. Все это очень хорошо; насъ беспокоитъ только слухъ о томъ, что изъ новой редакціи устава о реальныхъ училищахъ предполагается исключить постановленія о дополнительномъ классѣ и осудить, такимъ образомъ, эту существенно-важную часть реального училища на постепенное вымирание. Другими словами, въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ предполагается лишить учениковъ реальныхъ училищъ возможности поступать, прямо оттуда, въ высшія техническія учебныя заведенія. Это было бы косвеннымъ возвращеніемъ къ проекту 1886 года, причемъ на сторонѣ послѣдняго оказалось бы преимущество послѣдовательности и откровенности. Если реальное училище не должно болѣе служить преддверіемъ къ высшему образованію, то къ чему оставлять въ немъ шесть классовъ? Прохожденіе пяти классовъ реального училища даетъ, за силою основныхъ положеній о промышленныхъ училищахъ, право на вступленіе въ среднюю техническую школу; къ чему же поведетъ еще одинъ годъ пребыванія въ училищѣ? многіе ли захотятъ перейти въ шестой классъ, почти ничего не прибавляющій къ приобретеннымъ уже правамъ и слишкомъ мало увеличивающій, самъ по себѣ, сумму общаго и спеціальнаго образованія? Разбирая проектъ 1886 года, мы подробно объяснили соображенія, по которымъ семилѣтній курсъ въ реальномъ училищѣ кажется намъ вполне достаточнымъ для подготовки къ высшему техническому образованію; не повторяя сказаннаго нами тогда, напомнимъ только, что общій нормальный планъ промышленнаго образованія въ Россіи, составленный въ 1885 г. и послужившій исходной точкой для всѣхъ послѣдующихъ проектовъ министерства народнаго просвѣщенія, считалъ возможнымъ сократить курсъ ученія въ реальныхъ училищахъ на одинъ годъ (до шести лѣтъ) и все-таки сохранить за окончившими этотъ курсъ право вступать въ высшія техническія школы.

Въ учебныхъ планахъ реальныхъ училищъ, сводимыхъ къ шестиклассному составу и отдѣляемыхъ непреодолимой стѣной отъ высшихъ техническихъ школъ, проектируются, какъ мы слышали, слѣдующія

главныя перемены. Математикѣ отводятся большіе мѣста въ младшихъ классахъ (до четвертаго), меньше—въ старшихъ. Химія и механика вовсе исключаются изъ числа учебныхъ предметовъ; естественная исторія передвигается изъ пятаго и шестаго классовъ въ третій, четвертый и пятый; преподаваніе физики начинается годомъ раньше, съ четвертаго класса; рисованіе и черченіе теряютъ въ двухъ старшихъ классахъ по одному уроку. Часы, освобождающіеся, такимъ образомъ, въ старшихъ классахъ, отводятся на усиленіе преподаванія закона Божія, иностранныхъ языковъ, исторіи и географіи. Цѣлесообразнымъ изъ всѣхъ этихъ нововведеній кажется намъ только усиленіе преподаванія исторіи и уменьшеніе числа часовъ, занимаемыхъ, въ старшихъ классахъ, рисованіемъ и черченіемъ. Повтореніе въ шестомъ классѣ географіи, законченной въ четвертомъ, едва ли принесетъ какую-нибудь пользу; болѣе ранній, чѣмъ прежде, приступъ къ преподаванію естественной исторіи и физики неизбѣжно повлечетъ за собою пониженіе уровня преподаванія. Въ настоящее время преподаваніе въ старшихъ классахъ реальныхъ училищъ имѣетъ ясно выраженный, опредѣленный характеръ. Преобладающую роль играютъ науки физико-математическія и естественныя, которымъ, въ двухъ классахъ (пятомъ и шестомъ), отведено 32 урока въ недѣлю. По новому учебному плану за ними сохранилось бы только 18 уроковъ, и не осталось бы никакого центра, около котораго группировалось бы обученіе.

Обращаясь къ промышленнымъ училищамъ, мы находимъ, что основанія положенія, опредѣляющія ихъ устройство, совпадаютъ, въ главныхъ чертахъ, съ министерскимъ проектомъ 1886 года. Промышленныя училища раздѣляются на три категоріи: среднія техническія школы, приготовляющія *техниковъ*, т. е. помощниковъ для высшихъ заправителей промышленнаго дѣла; низшія техническія школы, приготовляющія *мастеровъ*, т. е. непосредственныхъ руководителей труда рабочихъ въ промышленныхъ заведеніяхъ, — и ремесленныя школы, приготовляющія искусныхъ, знающихъ *рабочихъ*. Для вступленія въ ремесленную школу требуется окончаніе курса въ начальномъ училищѣ, для вступленія въ низшую техническую школу—окончаніе курса въ городскомъ, уѣздномъ или двухклассномъ сельскомъ училищѣ, для вступленія въ среднюю техническую школу—окончаніе курса въ первыхъ пяти классахъ реального училища или другого, равнаго ему, среднеобразовательнаго учебнаго заведенія. Нѣтъ ли здѣсь ошибки или неточности въ терминологіи? Не слѣдовало ли бы сказать вмѣсто: *окончаніе курса—знаніе предметовъ курса?* Трудно предположить, чтобы новый законъ имѣлъ въ виду закрыть доступъ къ промышленному образованію для мальчиковъ или юношей, обу-

чавшихся дома; вѣдъ разрѣшаетъ же онъ принимать въ промышленныя школы молодыхъ людей, работавшихъ не менѣе двухъ лѣтъ въ промышленномъ заведеніи, если они окажутся, при испытаніи, способными успѣшно слѣдовать за курсомъ училища, въ которое желаютъ поступить. Продолжительность курса въ средней технической школѣ не должна превышать четырехъ, въ школахъ низшей технической и ремесленной—трехъ лѣтъ. Промышленныя училища могутъ быть соединяемы какъ одно съ другимъ (напр. среднее техническое училище съ низшимъ), такъ и съ приготовительными къ нимъ школами общаго образованія, съ тѣмъ чтобы общая продолжительность курса не превышала нормальной продолжительности курса обоихъ училищъ. Такъ напримѣръ, въ среднемъ техническомъ училищѣ, соединенномъ съ общеобразовательной школой (соотвѣтствующей по курсу первымъ пяти классамъ реального училища), общая продолжительность курса не должна превышать девяти лѣтъ. При соединеніи промышленнаго училища съ общеобразовательнымъ преподаваніе общеобразовательныхъ предметовъ можетъ быть завершаемо въ классахъ, назначенныхъ для прохожденія специальныхъ предметовъ, и наоборотъ, обученіе въ некоторыхъ прикладныхъ предметамъ и практическимъ работамъ можетъ начинаться до окончанія общеобразовательнаго курса. Всѣ эти постановленія кажутся намъ вполне цѣлесообразными, за исключеніемъ развѣ слишкомъ абсолютнаго опредѣленія максимальнаго срока продолжительности курса. Мы понимаемъ его по отношенію къ училищамъ правительственнымъ, но не видимъ причины, почему земства, общества, сословія и частныя лица, открывающія промышленныя училища на собственный счетъ, не могли бы выйти за предѣлы четырехъ- или трехъ-лѣтняго срока. Большимъ достоинствомъ новаго закона слѣдуетъ признать, зато, возможность сокращенія сроковъ ученія. Мы имѣли уже случай объяснить, что въ ремесленномъ училищѣ, соединенномъ съ общеобразовательной школой (соотвѣтствующей старшему классу двухъ-класснаго сельскаго училища), общіе и спеціальныя предметы могутъ быть пройдены въ три года. При такой непродолжительности курса, онъ становится гораздо болѣе доступнымъ для дѣтей изъ среды крестьянскаго сословія; уменьшается также рискъ разобщенія ихъ съ средой, потери привычекъ необходимыхъ для крестьянина. Получивъ, въ три года, и знанія, входящія въ программу двухъ-класснаго сельскаго училища, и навыкъ къ ремеслу, крестьянскій мальчикъ легко можетъ возвратиться въ свою прежнюю обстановку и сдѣлаться полезнымъ учителемъ деревни, одинаково нуждающейся и въ развитыхъ, сравнительно, людяхъ, и въ опытныхъ ремесленникахъ. Для будущаго мастера девятилѣтній срокъ ученія (шесть лѣтъ въ городскомъ училищѣ и три года

въ нижней технической школѣ) также слишкомъ продолжителенъ; сокращеніе его года на два, путемъ соединенія обоихъ училищъ, представляется очевидно весьма желательнымъ. Что касается до средней технической школы, то при соединеніи ея съ общеобразовательной сокращеніе общей продолжительности курса и здѣсь было бы вполне возможно; необходимо только оговорить въ будущемъ уставѣ промышленныхъ училищъ, что окончаніе ученья въ такой средней технической школѣ не служитъ препятствіемъ къ немедленному вступленію въ высшее техническое учебное заведеніе. Доступъ въ высшія техническія школы не закрытъ, впрочемъ, и для такихъ лицъ, которыя окончили ученье въ средней технической школѣ съ трехъ- или двухъ-лѣтнимъ курсомъ. Послѣ непрерывной двухъ- или трехъ-лѣтней промышленной дѣятельности, они получаютъ отъ школы, въ которой учились, званіе техника, а вмѣстѣ съ нимъ и право на высшее техническое образованіе.

Кромѣ правилъ о сбереженіи лѣсовъ и основныхъ положеній о промышленныхъ училищахъ, въ послѣднее время обнаружены еще два закона, имѣющіе менѣе общее, но все же весьма важное значеніе.

Первый изъ нихъ—это Высочайше утвержденное 21-го марта мнѣніе государственнаго совѣта о поземельномъ устройствѣ такъ-называемыхъ вольныхъ людей второго разряда (т.-е. числившихся вольными до 20-го ноября 1857 г.), поселенныхъ на владѣльческихъ земляхъ въ западныхъ губерніяхъ. Въ главныхъ чертахъ, этотъ законъ совпадаетъ съ положеніемъ 3-го іюня 1882 г.; существенная разница между ними заключается въ томъ, что положеніе 1882 г. касалось только сѣверо-западнаго края (губерній виленской, ковенской и гродненской), а законъ 21-го марта распространяется и на юго-западные губерніи (киевскую, волынскую и подольскую). Вольнымъ людямъ, во всѣхъ поименованныхъ губерніяхъ, предоставляется право заявлять, до 1-го января 1891 г., о выкупѣ занимаемыхъ ими участковъ, и самый выкупъ производится при содѣйствіи казны, въ размѣрѣ 85% отъ-ночной суммы. Дѣло поземельнаго устройства крестьянъ подвигается, такимъ образомъ, еще на одинъ шагъ впередъ, въ направленіи, указанномъ положеніями 19-го февраля.

Другимъ мнѣніемъ государственнаго совѣта, Высочайше утвержденнымъ 11-го апрѣля, всѣ губерніи царства польскаго включены въ кругъ дѣйствій крестьянскаго поземельнаго банка. Банковыя ссуды могутъ быть выдаваемы здѣсь лицамъ русскаго, польскаго и литовскаго происхожденія, имѣющимъ право приобрѣтать земли, подходящія подъ дѣйствіе

Височайшаго указа 19-го февраля 1864 г. (объ устройствѣ быта крестьянъ въ царствѣ польскомъ). Устранены отъ покупки, такимъ образомъ, только лица еврейскаго и нѣмецкаго происхожденія, — послѣднія, безъ сомнѣнія, по причинамъ политическаго свойства, первыя, по всей вѣроятности, вслѣдствіе непринадлежности ихъ ни къ крестьянскому сословію, ни къ земледѣльческому классу. Уравненіе русскихъ, поляковъ и литвиновъ составляетъ, въ нашихъ глазахъ, крупное достоинство закона, а не недостатокъ, каковымъ считаютъ его нѣкоторыя газеты, ожидавшія особыхъ привилегій для крестьянскаго населенія „холмской Руси“. Не находя ничего подобнаго въ текстѣ закона, эти газеты угѣщаются тѣмъ, что выдана ссудъ обуславливается удостовѣреніемъ мѣстнаго комиссара по крестьянскимъ дѣламъ о немѣннѣи препятствій къ выдачѣ ссуды. Предполагается, слѣдовательно, что недопущенная въ дверь „національная политика“ войдетъ въ окно, и что комиссары будутъ налагать свое veto на покупки, слишкомъ выгодныя для польскаго населенія. Такое толкованіе закона кажется намъ не только вреднымъ, но и совершенно неправильнымъ. Подъ именемъ препятствій, отсутствіе которыхъ удостовѣряется комиссаромъ, слѣдуетъ понимать, по нашему мнѣнію, только обстоятельство, прямо предусмотрѣнное въ законѣ, напр. обремененіе покупаемой земли сервитутами или принадлежность ея продавцу на основаніи указа 19-го февраля 1864 г. Въ спискахъ семействъ, покупающихъ землю при содѣйствіи банка, спискахъ, выдаваемыхъ гминными войтами и провѣряемыхъ комиссарами, должно быть показано, между прочимъ, количество принадлежащей этимъ семействамъ земли; но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы комиссаръ имѣлъ право признавать то или другое семейство достаточно обезпеченнымъ землею и отказать, по этому поводу, въ выдачѣ удостовѣренія. Выводить какія-либо заключенія изъ свѣденій, содержащихся въ спискѣ — дѣло самого крестьянскаго банка, а не комиссара. Крестьянскій банкъ можетъ отклонить выдачу ссуды, въ виду многоземелья покупателей, но комиссару это право ни въ какомъ случаѣ не принадлежитъ и принадлежать не должно.

Вполнѣ цѣлесообразнымъ кажется намъ то постановленіе закона 11-го апрѣля, въ силу котораго земля, купленная при содѣйствіи крестьянскаго поземельнаго банка, можетъ быть отчуждаема, до погашенія долга, только съ согласія банка, и приобрѣтаема (помимо случаевъ понудительной продажи) только лицами, имѣющими право на покупку съ помощью банка. Если владѣльцемъ земли сдѣлается, по наслѣдству или путемъ даренія, лицо, не имѣющее только-что упомянутаго права, то она должна быть продана лицу, обладающему этимъ правомъ, въ теченіе года со дня открытія наслѣдства или

полученія дара. Находящіеся на землѣ дома и надворныя строенія не должны быть отчуждаемы отдѣльно отъ земли. Всѣ эти правила слѣдовало бы включить въ текстъ положенія о крестьянскомъ банкѣ, т.-е. сдѣлать ихъ повсемѣстно обязательными для всѣхъ, воспользо-вавшихся помощью банка. Еще важнѣе было бы распространеніе на всю Россію тѣхъ льготныхъ правилъ относительно размѣра ссудъ, которыя установлены для царства польскаго. Кромѣ 75% одѣнотной суммы, выдаваемыхъ въ ссуду изъ средствъ крестьянскаго банка, покупатель имѣетъ право получить еще до 15%, изъ передаваемой въ распоряженіе банка части капитала на общепользныя надобности царства польскаго. Этотъ дополнительный источникъ, значительно сокращающій доплаты изъ собственныхъ средствъ покупателей, составляетъ уже теперь два милліона рублей, и на увеличеніе его будетъ обращаться часть прибыли банка. До какой степени обременительны доплаты, до какой степени важно ихъ уменьшеніе — объ этомъ мы говорили уже много разъ, при разборѣ отчетовъ крестьянскаго банка; новыя доказательства этому можно найти въ напечатанномъ недавно отчетѣ члена совѣта банка, *Θ. Θ. Воропонова*, о командировкѣ его, лѣтомъ 1887 г., въ кievскую губернію. Доплаты достигаютъ здѣсь особенно большихъ размѣровъ, потому что нигдѣ не высока до таковой степени цѣнность земли, покупаемой съ помощью банка. Можно было думать, по крайней мѣрѣ, что онѣ повлекутъ за собою большую устойчивость владѣнія. На самомъ дѣлѣ оказалось совершенно иное: гдѣ больше доплаты, тамъ больше и передвиженій владѣнія, больше также и распрей между покупателями, больше неравномѣрности въ распредѣленіи между ними купленной земли. Крупныя доплаты были внесены покупателями сравнительно достаточными, и все-таки дѣло не обошлось безъ продажи необходимаго имущества или безъ займовъ, на условіяхъ иногда весьма обременительныхъ (отъ 8 до 4% въ мѣсяцъ). Итакъ, указанія опыта говорятъ рѣшительно противъ доплатъ, и если законодательная власть наша возможнымъ принять мѣры къ ограниченію ихъ въ царствѣ польскомъ, то справедливость требовала бы изысканія къ тому ресурсовъ и во всѣхъ остальныхъ частяхъ Россіи, гдѣ введено въ дѣйствіе положеніе о крестьянскомъ банкѣ.

ЗАМѢТКА.

НАШИ ФИНАНСОВЫЕ НЕДУГИ.

— *И. И. Кауфманъ.* Кредитные билеты, ихъ упадокъ и восстановленіе. Спб., 1888.

Издавна у насъ практикуется двойкій приемъ при оцѣнкѣ нашихъ финансовыхъ и прочихъ недуговъ: или отрицается самый фактъ, дающій поводъ къ неприятнымъ заключеніямъ, или отвѣтственность за существующее зло приписывается иностранной интригѣ. Съ одной стороны дѣлались настойчивыя попытки доказать, что печальное состояніе нашего государственнаго кредита есть пустая выдумка доктринеровъ, что упадокъ цѣнности русскаго рубля даже выгоденъ для большинства населенія, и что наша система бумажныхъ денегъ нуждается только въ дальнѣйшемъ самостоятельномъ развитіи для полнаго процвѣтанія промышленности и торговли. Публицисты, считавшіеся весьма серьезными, предлагали устранить нашу зависимость отъ заграничныхъ биржъ и увеличить общее богатство страны посредствомъ неограниченнаго печатанія бумажекъ, т.-е. посредствомъ созданія капиталовъ изъ ничего. Въ то же время постоянное паденіе нашего курса и безспорная слабость нашего вѣншнаго кредита объяснялись враждебными вліяніями Берлина, нападками оффиціозной нѣмецкой печати, спекуляціями нѣмецкихъ аферистовъ и даже недружелюбіемъ самого князя Бисмарка: всѣ оказывались виноватыми, кромѣ насъ самихъ. Признавались, правда, кое-какіе промахи и недостатки нашей финансовой политики; но это были ошибки того или другого бывшаго министра, чисто личныя и случайныя заблужденія, которыя всегда могутъ быть исправлены при помощи личныхъ же перемѣнъ. Такъ смотрять у насъ многіе до сихъ поръ на первостепенные вопросы народнаго и государственнаго хозяйства. Наружные симптомы болѣзни принимаются за ея причины; упроченіе зла рекомендуется какъ лекарьство. Почему никакія иностранныя интриги не колеблютъ кредита Франціи,—хотя, напримѣръ, Германія и Англія очень желали бы подорвать довѣріе къ французамъ? Почему финансы нинѣшней Италіи или даже небольшой Бельгіи не зависятъ отъ заграничныхъ биржъ, а кредитомъ Россіи могутъ успѣшно распорядиться въ Берлинѣ? Почему, наконецъ, мы не находимъ противовѣса берлинскимъ вліяніямъ даже въ сочувственномъ намъ Парижѣ, столь богатомъ свободными капиталами? Достаточно

только поставить себѣ эти вопросы, чтобы убѣдиться въ произвольности обычныхъ толкованій объ умысленномъ подрывѣ нашего кредита нѣмцами. Ни въ Лондонѣ, ни въ Парижѣ, ни въ Амстердамѣ намъ также не предлагаютъ денегъ на болѣе выгодныхъ условіяхъ, чѣмъ въ Берлинѣ. Очевидно, что наше дѣйствительное финансовое положеніе вездѣ оцѣнивается одинаково, независимо отъ международной политики. Въ денежныхъ вопросахъ господствуетъ космополитизмъ, и, напримѣръ, англійскіе капиталисты, вступающіе въ сдѣлки даже съ прямыми врагами Англій, не усомнились бы пристроить у себя русскій заемъ, еслибы могли рассчитывать на вѣрную прибыль, безъ всякаго риска. Въ системѣ нашихъ финансовъ долженъ существовать какой-нибудь основной порокъ, для устраненія котораго нужны серьезныя общія мѣры. Голое отрицаніе не поможетъ въ этомъ случаѣ, какъ не помогутъ и бесплодныя жалобы на иностранцевъ.

Среди существующей въ нашемъ обществѣ путаницы понятій по финансовымъ вопросамъ приобретаютъ особенное значеніе такіа солидныя и научныя и въ то же время практическія работы, какъ изслѣдованія г. Кауфмана, вышедшія недавно отдѣльной книгой. Авторъ составилъ себѣ почетное имя въ ученой литературѣ цѣлымъ рядомъ весьма значительныхъ и цѣнныхъ трудовъ о кредитѣ и о банкахъ, и едва ли найдется у насъ писатель, который могъ бы считаться болѣе компетентнымъ въ этой спеціальной области политической экономіи. По справедливому замѣчанію автора, „строго-научное изслѣдованіе предмета, выясненіемъ послѣдствій того или иного къ нему отношенія, въ состояніи оказать сильное содѣйствіе не только устраненію угрожающей опасности, но и укрѣпленію довѣрія страны къ ея собственнымъ силамъ“,—хотя это содѣйствіе науки далеко не всегда приводитъ къ практическимъ результатамъ. Запутанное состояніе нашего денежнаго обращенія какъ нельзя лучше освѣщается книгой г. Кауфмана. Авторъ не можетъ быть причисленъ къ пессимистамъ,—скорѣе, напротивъ; но изъ его обстоятельныхъ, по возможности объективныхъ разсужденій сами собою вытекаютъ выводы, имѣющіе мало общаго съ нашимъ доктринерскимъ оптимизмомъ.

Книга г. Кауфмана распадается на три отдѣла: въ первомъ—рѣчь идетъ объ „условіяхъ появленія звонкой монеты въ Россіи въ настоящее время“; во второмъ—разобраны проекты возстановленія валюты, въ томъ числѣ проекты Н. Х. Бунге и самого автора книги; въ третьемъ—говорится подробно объ „экстраординарныхъ финансахъ и бумажныхъ деньгахъ“. Объясняя причины упадка нашего курса, авторъ не упускаетъ изъ виду и причинъ политическихъ, которыя онъ, однако, понимаетъ лишь въ смыслѣ международномъ. „Основною цѣнью золота въ означенныхъ (бумажно-денежныхъ) странахъ,—гово-

рить онъ, между прочимъ, — служить не только экономическія обстоятельства, но и политическія. Политическія обстоятельства въ этомъ случаѣ дѣйствуютъ своимъ вліяніемъ на биржевую оцѣнку того положенія, въ которомъ находится государственный кредитъ... Эту оцѣнку производятъ биржа и пресса, не всегда основательныя въ своихъ сужденіяхъ, не всегда справедливыя въ своихъ дѣйствіяхъ, очень часто страстныя, одностороннія, зарывающіяся и забывающіяся. Удивительно ли, что ихъ оцѣнка не имѣетъ никакого необходимаго отношенія къ состоянію „международнаго баланса“?.. Ухудшеніе курса произошло прежде всего отъ все болѣе и болѣе неблагоприятной для насъ торгово-политической оцѣнки нашего государственнаго кредита“ (стр. 11—12, 17 и др.). Далѣе, авторъ точно и ясно излагаетъ сущность нашего хроническаго денежнаго кризиса. Золото не появляется у насъ и неудержимо уплываетъ за-границу вслѣдствіе значительной разницы между цѣнностью кредитнаго рубля по отношенію къ звонкой монетѣ и цѣнностью того же рубля относительно всякаго рода товаровъ на внутреннемъ рынкѣ. „Внутри страны нѣтъ надобности въ процвѣтаніи государственнаго кредита для того, чтобы бумажный рубль сохранялъ свою покупную силу безъ ущерба или съ незамѣтнымъ, неощущаемымъ ущербомъ, во всякомъ случаѣ не съ тѣмъ ущербомъ, который соответствуетъ дажу на звонкую монету... Противъ золота кредитный рубль потерялъ уже почти половину своей покупной силы; но никому не придетъ въ голову утверждать, что столько же кредитный рубль потерялъ повсемѣстно въ Россіи сравнительно съ прочимъ всякимъ имуществомъ, потому что на все и на вся цѣны въ кредитныхъ рубляхъ не только не удвоились, но въ очень многихъ случаяхъ совсѣмъ не измѣнились, а во многихъ случаяхъ даже понизились. При наличности такого факта золото не можетъ къ намъ возвратиться, потому что его покупная сила была бы меньше, чѣмъ покупная сила кредитныхъ рублей“. Авторъ допускаетъ, въ видѣ простаго предположенія, что внутри страны кредитный рубль потерялъ уже четверть своей покупной силы, или что „на сто рублей кредитныхъ покупаютъ столько товаровъ, сколько при покупкѣ золотомъ можно добыть лишь уплатою 75 рублей“. Поэтому, „еслибы кто-либо пожелалъ размѣнять сто кредитныхъ рублей на 50 золотыхъ и явился на наши товарные рынки съ этими золотыми рублями, то онъ получилъ бы за свои сто кредитныхъ рублей на 25 рублей меньше товаровъ, чѣмъ еслибы онъ своей операціи размѣна не произвелъ“. Такимъ образомъ, „пока обезцѣненіе кредитныхъ рублей противъ золота и противъ товаровъ не уравнилось вполне и окончательно, пока во внутреннемъ обращеніи стоимость кредитнаго

рубля еще не, подверглась окончательно и безповоротно той же убыли, которой она подверглась для вѣшнихъ платежей, пока она для внутреннихъ платежей, какою бы то ни было помощью, въ состояніи себя отстаивать, до тѣхъ поръ кредитные билеты еще располагаютъ тою силою, которою они вытѣсняють золото изъ обращенія, которую они его заставляютъ оставаться за границею и уходить туда или прятаться въ кубышки". Эта сила заключается въ „страхѣ, который инстинктивно всякая бумажно-денежная страна чувствуетъ передъ той грозой, передъ тѣмъ кризисомъ, которые должны разразиться надъ странюю для того, чтобы рядомъ и совместно съ обезцѣненными бумажными деньгами въ обращеніи могла появиться звонкая монета". Трудно даже представить себѣ,—продолжаетъ авторъ,—что было бы съ экономической жизнью нашею, еслибы покупная сила бумажнаго рубля противъ товаровъ колебалась совершенно параллельно колебаніямъ лажа на золото. Она вся состояла бы изъ однихъ лишь ошеломляющихъ неожиданностей, слѣпыхъ случайностей, тяжелыхъ безостановочныхъ ударовъ, не дающихъ опомниться, не допускающихъ никакого соображенія. Противъ своей воли каждый былъ бы втянутъ въ безконечную азартную игру и разорительнѣйшую лотерею, съ тиражами не два, а двадцать или двѣсти разъ въ годъ, распредѣляющими вмѣсто большихъ выигрышей большія имущественныя катастрофы. Этого никакая жизнь вынести не въ состояніи. И поэтому всякая бумажно-денежная страна до послѣдней крайности, до послѣдняго изнеможенія отстаиваетъ цѣнность обращающихся въ ней бумажныхъ денегъ, инстинктивно охраняя и поддерживая ее незамѣчаемою, но громадною затратою производительныхъ силъ, и этимъ не давая ей окончательно упасть противъ товаровъ такъ низко, какъ они упали противъ золота, не допуская ее до тѣхъ азартныхъ колебаній, которыя свойственны лажу на монету". Но такая задача можетъ оказаться не по силамъ странѣ, какъ было у насъ во время и послѣ войны 1812 года: „звонкая монета торжествуетъ, покоряетъ себѣ поле и можетъ явиться рядомъ съ обезцѣненными бумажными деньгами; но тогда она предписываетъ свои условія, какъ безпощадный завоеватель". Авторъ подтверждаетъ свои объясненія фактическими примѣрами и особенно исторіею русскихъ ассигнацій. Принудительный курсъ бумажныхъ денегъ по нарицательной цѣвѣ имѣеть, по его словамъ, значеніе главнымъ образомъ какъ охрана финансоваго ресурса, заключающагося въ бумажно-денежныхъ выпускахъ. „Никакого иного сколько-нибудь серьезнаго значенія онъ не имѣеть. Но какъ только правительство отгвѣняетъ принудительный курсъ по нарицательной цѣвѣ и предоставляетъ звонкой монетѣ явиться въ обращеніе съ лажемъ, рядомъ съ обез-

цѣненными бумажками, о выпускахъ уже не можетъ быть рѣчи, какъ о финансовомъ ресурсѣ: какъ только правительство пожелаетъ сдѣлать выпускъ, ресурсъ немедленно и быстро начнетъ изсякать, потому что бумаги очень быстро потеряютъ вслѣду цѣну“. Причина тому очень простая: „бумажныя деньги своей собственной внутренней стоимости не имѣютъ, потому что производство сторублевой бумаги и рублевой одинаково стоитъ не болѣе одной копейки“.

Г-нъ Кауфманъ полагаетъ, что у насъ еще вполне возможно было бы достигнуть восстановления цѣнности бумажныхъ денегъ посредствомъ энергическихъ и послѣдовательно проведенныхъ мѣръ. До сихъ поръ, однако, у насъ не замѣчалось склонности къ подобнымъ мѣрамъ; авторъ отмѣчаетъ даже обратное явленіе, котораго нельзя объяснить одною нашею апатіею и пассивностью. Такъ, въ первую половину 1870-хъ годовъ, „среди глубокаго мира и при значительномъ улучшеніи финансовъ государства, производились новые выпуски кредитныхъ билетовъ съ прямымъ намѣреніемъ воспрепятствовать курсу слишкомъ сильно поправиться, якобы во избѣжаніе неумѣренныхъ его колебаній: фактъ невѣроятный и тѣмъ не менѣе нѣсколько лѣтъ продолжавшійся. Зато если не всегда были успѣшны старанія удержать курсъ отъ очень сильнаго паденія, то болѣе успѣшными оказались противоположныя старанія: курсъ дошелъ до 88% нормальнаго его уровня, обнаруживая полиѣйшую способность, поднимаясь далѣе, дойти, быть можетъ, до нормальнаго уровня, но на пути онъ встрѣтилъ усиливаемый посредствомъ новыхъ выпусковъ кредитныхъ билетовъ размѣнный фондъ, и въ этомъ фондѣ до-нынѣ мирно покоятся останки безвременно задержанныхъ успѣховъ нашего курса“ (стр. 83, примѣч.). Авторъ не указываетъ, можетъ ли быть обезпечено—и какими способами—избѣжаніе такого неудачнаго образа дѣйствій въ будущемъ, и потому всѣ предположенія его о прочномъ улучшеніи нашихъ финансовъ кажутся намъ пока лишенными необходимаго фундамента. Финансовая политика можетъ мѣняться весьма существенно каждыя нѣсколько лѣтъ; ошибки прошлаго могутъ безпрепятственно повториться вновь, пока основы финансоваго управленія остаются тѣ же. Авторъ рѣшительно возстаетъ только противъ „девальваци“, т. е. официальнаго пониженія цѣнности бумажныхъ денегъ до уровня даннаго биржевого курса ихъ въ золотой монетѣ. „Девальвацию, — какъ картинно поясняетъ г. Кауфманъ, — можно уподобить постановкѣ въ беззубый ротъ новыхъ челюстей съ фальшивыми зубами. Это, конечно, всегда операція простая, а для беззубыхъ ртовъ она легка, не связана съ болью и не лишена удобствъ. Но что сказали бы о человѣкѣ, который вздумалъ бы рвать себѣ здоровыя зубы,

чтобы украситься фальшивыми? А въ такомъ именно отношеніи мы нынѣ находимся къ девальваціи. Наше денежное обращеніе изъ кредитныхъ билетовъ, слава Богу, еще не превратилось въ беззубый ротъ. Въ немъ, правда, нѣкоторыя части по временамъ шатаются и причиняютъ сильнѣйшую боль; но въ цѣломъ, какъ механизмъ, кредитные билеты, слава Богу, еще дѣйствуютъ, какъ исправные зубы. Эти зубы необходимо предварительно вырвать, подвергнуться еще болѣе мучительной операціи, чѣмъ нынѣ ощущаемая, подвергнуть риску всѣ силы государственнаго и народнаго хозяйства, — и для чего? для того только, чтобы въ нашемъ денежномъ обращеніи воцарился тотъ самый хаосъ, изъ котораго Канеринъ искалъ выхода“ (стр. 73—4). „Наша бумажно-денежная система, — говорится далѣе, — несмотря на тридцатилѣтнюю неразвѣнность, не переставала служить странѣ, какъ не совсѣмъ исправные зубы служатъ человѣку, страдающему отъ времени до времени зубною болью, и очень сильною, но не какъ беззубая челюсть. Никакого дѣйствительнаго, серьезнаго обезцѣненія бумажныхъ денегъ странѣ переживать не приходилось. Никакого повально вздорожающаго, неблагоприятнаго, ощутительнаго вліянія на цѣны бумажныя деньги не оказывали; напротивъ, онѣ не мѣшали успѣхамъ отечественной промышленности обнаруживаться именно въ удешевленіи ея произведеній“ (стр. 89). Сравнивъ кредитные билеты съ здоровыми, но шаткими зубами, авторъ прибѣгаетъ затѣмъ еще къ другому, болѣе сильному сравненію. „Когда у человѣка падаютъ волосы съ головы, то это еще не поводъ, чтобы онъ самъ добровольно отрѣзалъ себѣ голову. А нѣчто подобное именно и представляетъ мысль о девальваціи въ примѣненіи къ кредитнымъ билетамъ въ ихъ нынѣшнемъ положеніи“ (стр. 92). Но почтенный авторъ вѣроятно согласится съ нами, что все же нельзя называть здоровыми тѣ поддѣльные бумажные „зубы“, которые существуютъ у насъ вмѣстѣ настоящихъ, металлическихъ, и что для каждаго государства въ высшей степени желательно обойтись безъ кредитной „головы“, съ которой „падаютъ волосы“. Богатѣйшія страны Европы не имѣютъ совсѣмъ государственныхъ кредитныхъ билетовъ, и никто не жалѣетъ о томъ, что послѣднимъ „добровольно отрѣзали голову“¹⁾

Оставляя въ сторонѣ эти нѣсколько рискованныя сравненія, мы не можемъ не обратить вниманіе на оптимизмъ, которымъ въ то же время проникнута вся положительная часть книги г. Кауфмана. „Наши финансы, по мнѣнію автора, не процвѣтаютъ, — но они очень далеки отъ скудости и оскудѣнія. Они вполне дозволяли правительству сильно рас-

¹⁾ Въ другомъ мѣстѣ самъ же авторъ объясняетъ, что наши бумажныя деньги — „дурныя деньги“ (стр. 216); слѣдовательно едва ли можно утверждать, что онѣ, „слава Богу, дѣйствуютъ исправно“.

ширять государственные расходы, въ томъ числѣ и расходы на лажъ, для исполненія лежащихъ на государствѣ обязательствъ, съ такою строгою аккуратностью, съ такимъ вниманіемъ и такою предупредительностью къ кредиторамъ по государственнымъ долгамъ, которые стоятъ совершенно одинаковымъ примѣромъ. Такъ напримѣръ, въ австрійскомъ бюджетѣ различались всегда государственные долги не только по тому, уплачиваются ли по нимъ проценты бумажными деньгами или „звонкою монетою“, но и по тому, какою именно монетою производится уплата—серебряною или золотою. У насъ, напротивъ, щепетильность не допустила даже вопроса о томъ, нѣтъ ли у насъ такихъ долговъ, по которымъ уплата купоновъ можетъ быть произведена серебромъ, а не золотомъ. Правительство не желало допустить даже и отдаленнаго повода къ имѣющимъ хотя бы лишь спорное основаніе намекамъ на его расположеніе въ чемъ бы то ни было и какимъ бы то ни было способомъ „обижать“ кредиторовъ по нашимъ государственнымъ долгамъ. И это вполне естественно, потому что это было не трудно сдѣлать правительству“ (стр. 93—4). Если это такъ, если наша всегдашняя аккуратность доходить до щепетильности, которую можно бы считать даже излишнею, и если намъ не трудно платить свои долги, то чѣмъ же въ такомъ случаѣ объяснить упадокъ нашего кредита? Мы имѣемъ предъ собою загадку, которую авторъ, въ сожалѣнію, оставилъ безъ разрѣшенія. Дѣло именно въ томъ, что въ дѣлахъ финансовыхъ общее довѣріе вызывается и поддерживается не одною добросовѣстностью въ исполненіи обязательствъ, но также и организаціею и способомъ веденія хозяйства, публичностью или неизвѣстностью предпріятій, степенью доступности ихъ своевременному контролю и общественной оцѣнкѣ. Эта существенная сторона вопроса не затронута г. Кауфманомъ, что составляетъ, по нашему мнѣнію, важный пробѣлъ въ его книгѣ. Оттого и разсужденія его объ относительномъ благополучіи нашихъ финансовъ грѣшатъ нѣкоторою односторонностью. „Платежи по государственнымъ долгамъ, конечно, велики,—говоритъ онъ,—но они велики во всякомъ современномъ бюджетѣ. Они не велики только въ бюджетѣ германской имперіи, но и то лишь потому, что ей—безъ году недѣля, а по истеченіи полустолѣтія существованія и у нея, конечно, будутъ большіе расходы по государственнымъ долгамъ. Въ наше время исправность по государственнымъ долгамъ совершенно совпадаетъ съ исправностью государства въ дѣлѣ поддержанія занимаемаго имъ политическаго положенія: одна безъ другой невозможна, въ самомъ прямомъ и буквальный смыслѣ. Государственный кредитъ сталъ нормальнымъ финансовымъ ресурсомъ, безъ котораго невозможны большіе чрезвычайные расходы, а безъ нихъ невозможно поддержаніе занимаемаго государствомъ

положенія среди другихъ государствъ. И наоборотъ: страна, съ достоинствомъ поддерживающая занимаемое ею положеніе среди другихъ государствъ, всего лучше этимъ охраняетъ и свою кредитоспособность. Теряютъ ее только народы, находящіеся въ политическомъ упадкѣ. До тѣхъ поръ, пока прочности государства ничто не угрожаетъ, не можетъ и его бюджету угрожать оскудѣніе; а до тѣхъ поръ и почва подъ государственнымъ кредитомъ остается прочная“. Трудно безусловно согласиться съ такимъ взглядомъ автора: для прочности государства и для охраны его достоинства болѣе важно имѣть миллионную армию, но для прочности кредита нужно нѣчто другое—раціональное финансовое управленіе, цѣлесообразность и послѣдовательность въ политикѣ, свобода публичной оцѣнки и контроля.

Весьма любопытны указанія автора относительно особенностей нашей монетной системы. По закону „государственной россійско-монетной единицею“ признается лишь серебряный рубль, содержащій опредѣленное количество чистаго серебра; а такъ какъ серебру пало въ цѣнѣ сравнительно съ золотомъ, то на послѣднее возникъ естественный даже въ 33%, и серебряный рубль стоитъ теперь около 75 копѣекъ золотомъ. „Такимъ образомъ, изъ двухъ нашихъ металлическихъ рублей одинъ стоитъ сто копѣекъ серебромъ, а другой—нынѣ 133 $\frac{1}{3}$ коп. серебромъ, но въ зависимости отъ цѣны серебра можетъ быть дороже и дешевле“. Размѣнный металлическій фондъ государственнаго банка считается у насъ на золото, и потому въ немъ предполагается гораздо меньшее количество рублей, чѣмъ слѣдовало бы по законному счету на серебро. А именно, „210.346.812 руб. золотомъ, съ лажемъ въ 33 $\frac{1}{3}$ %, составляютъ около 280.500.000 руб. серебромъ звонкою серебряною монетою, или больше чѣмъ обыкновенно у насъ принято считать, на сумму свыше 70 миллионъ рублей серебромъ. А вѣдь совсѣмъ не безразлично,—прибавляетъ авторъ,—больше ли, или меньше размѣнный фондъ кредитныхъ билетовъ на 70 миллионъ рублей: сумма эта очень не маленькая, для безпроцентнаго государственнаго дѣла по кредитнымъ билетамъ весьма существенная“. Это капитальное недоразумѣніе поддерживается и въ отчетахъ государственнаго банка. „Вслѣдствіе того, — замѣчаетъ авторъ,—что въ настоящее время размѣнный фондъ исчисляется въ золотыхъ рубляхъ, выходитъ, что и безпроцентный долгъ опредѣляется въ золотыхъ же рубляхъ, а это совершенно несогласно съ прямымъ смысломъ закона. Весь первый отдѣлъ баланса государственнаго банка — о размѣнномъ фондѣ и кредитныхъ билетахъ—оказывается вслѣдствіе того съ пассивомъ въ серебряныхъ рубляхъ при активѣ въ золотыхъ рубляхъ, что едва ли согласно съ основаніями правильнаго счетоводства“ (стр. 117). Поэтому, еслибы курсъ

рубля дошелъ до 75 коп. золотомъ, то наши кредитные билеты „были бы равноцѣнны той монетѣ, представителями которой они служатъ“, и вопросъ о дальнѣйшемъ поправленіи курса былъ бы уже вопросомъ не о цѣнности бумажныхъ денегъ, но о томъ, оставаться ли намъ при монетной системѣ, построенной на серебрѣ, или перейти къ золоту?“ (стр. 101). Авторъ какъ-то неопредѣленно относится къ этому важному вопросу и не останавливается надъ нимъ вовсе, ограничиваясь лишь констатированіемъ существующей у насъ путаницы. „По общему закону у насъ допускаются какъ будто одни лишь договоры на металлическую и притомъ только серебряную валюту, а между тѣмъ чеканится же для чего-нибудь русская золотая монета; въ дѣйствительности же внутри страны договоры ни на какую металлическую валюту не заключаются“ (стр. 123—4). Относительно золотой монеты г. Кауфманъ не идетъ далѣе мимоходнаго замѣчанія, что „самая чеканка ея и связанные съ нею расходы едва ли имѣютъ какое-либо оправданіе, если законъ совершенно отвергаетъ всякую возможность, чтобы наша золотая монета могла приносить какую-либо пользу внутри страны“. Предлагаемое авторомъ допущеніе золотой монеты для извѣстнаго разряда сдѣлокъ не устраняетъ очевидно указанной имъ ненормальности въ чеканкѣ золота по устарѣлому и давно не существующему курсу серебра. Имѣетъ ли смыслъ приготовленіе такой монеты, которая номинально должна означать пять серебряныхъ рублей, а дѣйствительно содержать въ себѣ золота на 6 р. 80 копѣекъ серебромъ? Прежде всего необходимо измѣнить законы, опредѣляющіе количество металла въ монетѣ, и точнѣе опредѣлить законную роль золота и серебра въ нашемъ денежномъ обращеніи, а затѣмъ можно уже будетъ говорить о свободѣ сдѣлокъ на металлическую валюту. Почему въ самомъ дѣлѣ не держаться легальнаго счета на серебро, и что заставляетъ насъ заботиться о курсѣ кредитнаго рубля по отношенію къ золоту, когда единственная монетная единица у насъ—серебряная? Отчего не воспользоваться дешезною серебра для подготовленія разнѣна кредитныхъ билетовъ на серебряные рубли? Авторъ косвенно рекомендуетъ эту мѣру, указывая на „мудрое“ рѣшеніе задачи англійскимъ правительствомъ въ Остъ-Индіи; но въ дальнѣйшемъ изложеніи уже не упоминается обо всѣхъ этихъ вопросахъ, и о нихъ нѣтъ рѣчи въ собственномъ проектѣ автора относительно возстановленія цѣнности кредитныхъ билетовъ.

При разборѣ проектовъ реформы нашего денежнаго обращенія авторъ обнаруживаетъ большую силу критическаго анализа, много знаній и остроумія; особенно строго отнесся онъ къ предположеніямъ, высказаннымъ въ 1878 году профессоромъ Н. Х. Бунге. Но проектъ

самого автора едва ли можетъ быть признанъ удачнымъ; онъ составляетъ, какъ намъ кажется, самую слабую часть книги. Г-нъ Кауфманъ предлагаетъ прибѣгнуть къ ряду внѣшнихъ и внутреннихъ займовъ на колоссальную сумму—916 милліоновъ, для изытія излишнихъ кредитныхъ билетовъ изъ обращенія въ размѣръ 640 милліоновъ, для консолидаціи нѣкоторыхъ другихъ государственныхъ долговъ и для снабженія государственнаго банка коммерческимъ фондомъ въ 170 милліоновъ. И эти грандіозныя операціи авторъ возлагаетъ на тотъ же правительственный банкъ, при тѣхъ же отношеніяхъ его къ министерству финансовъ, при такомъ же характерѣ государственнаго контроля, какъ нынѣ! Если до сихъ поръ нельзя было достигнуть дѣйствительнаго уничтоженія кредитныхъ билетовъ, предназначенныхъ къ изытію, и если эти билеты часто выпускались обратно для удовлетворенія нуждъ государственнаго казначейства, то чѣмъ думаетъ гарантировать авторъ употребленіе новыхъ колоссальныхъ суммъ на тѣ именно цѣли, для которыхъ онѣ назначены? Можно ли быть увѣреннымъ, что не явится надобность въ этихъ суммахъ для болѣе близкихъ государственныхъ потребностей, чѣмъ предполагаемое въ будущемъ возвышеніе цѣнности бумажныхъ денегъ? Казенному банку, зависящему всецѣло отъ министерства финансовъ, авторъ поручаетъ ту роль, которую играютъ независимыя центральныя банки Франціи и Англіи; онъ поручаетъ нашему государственному банку самостоятельныя коммерческія функціи, съ правомъ выпуска старыхъ билетовъ подъ „солидные“ торговые векселя. Мы не говоримъ уже о неправдоподобности успѣха займовъ въ томъ видѣ, какъ ихъ предлагаетъ авторъ. „Операціи,—по словамъ г. Кауфмана,—могли бы быть поведены, напр., слѣдующимъ образомъ: правительство въ *четыре* пріема заключало бы *ежегодно по два займа* (!), на сто милліоновъ каждый, одинъ внутренний и одинъ внѣшній, а въ *пятый* годъ—только одинъ внутренний, на 116 милл. рублей (т.-е. всего девять займовъ въ теченіе пяти лѣтъ, — не считая, конечно, обычныхъ займовъ, которые могутъ понадобиться для покрытія дефицитовъ и для пополненія средствъ государственнаго казначейства). Это выходитъ уже какъ-то слишкомъ просто и мало-вѣроятно. Самые результаты операціи опредѣляются авторомъ лишь предположительно и условно, такъ что новые громадныя долги могли бы не привести къ желанной цѣли, по сознанію самого г. Кауфмана. Онъ рассчитываетъ, что, благодаря цѣлесообразному употребленію добытыхъ суммъ, „вексельный курсъ *можетъ бы* постепенно подняться“. „Еслибы это даже и не было достигнуто по истощенію средствъ отъ первыхъ четырехъ внѣшнихъ займовъ,—говорится далѣе — то вмѣсто послѣдняго внутреннего (въ 116 милл.) слѣдовало бы заключить еще одинъ

вѣрнѣй, съ тѣмъ, чтобы суммы, имъ доставленныя, были всѣ израсходованы для продажи векселей на биржѣ и для изыятія кредитныхъ билетовъ, полученныхъ отъ этой продажи. *Врядъ ли можетъ быть сомнѣнiе* въ томъ, что предоставленiе странѣ значительной помощи реальнымъ капиталомъ въ 211 милл. рублей (который на дѣлѣ, замѣтимъ мы, помогъ бы только оживленiю биржевой спекуляцiи), при вышеуказанномъ сокращенiи кредитной циркуляцiи на 47%, совершенно достаточно, чтобы *не только временно* поднять вексельный курсъ до пары съ серебромъ, но и прочно удержать его на такомъ уровнѣ. Поднятый вексельный курсъ имѣлъ бы подъ собою неизблемую (?) почву умѣренного кредитнаго обращенiя (до слѣдующихъ новыхъ выпусковъ бумажныхъ денегъ), сильнаго размѣннаго фонда, солиднаго (?) коммерческаго портфеля и ничтожной цифры безпроцентнаго долга. Очевидно, что при такихъ условiяхъ (которыхъ можетъ и не быть?) правительство въ состоянiи *было бы безъ опасенiя* открыть размѣнъ“ (на серебро или золото?) (стр. 246—7). Изъ подчеркнутыхъ нами выраженiй можно заключить, что самъ авторъ не вполнѣ увѣренъ въ осуществимости и реальной пользѣ своего плана, ради котораго онъ совѣтовалъ государству войти въ неоплаченные долги.

Впрочемъ, послѣдняя заключительная глава книги убѣждаетъ насъ, что г. Кауфманъ готовъ замѣнить свой грандиозный, фантастическiй проектъ 1870-хъ годовъ новымъ, болѣе скромнымъ, но построеннымъ также на нѣкоторыхъ иллюзiяхъ. Оказывается, что не нужно вовсе уничтожать излишнiе кредитные билеты, что въ сущности даже нѣтъ и не бываетъ „лишнихъ денегъ“, такъ какъ онѣ всегда пригодятся, хотя бы въ видѣ запаса для будущаго, и что, наконецъ, упадокъ нашего курса зависитъ не отъ какихъ-либо серьезныхъ финансовыхъ недуговъ, а отъ случайныхъ, постороннихъ причинъ, которыя легко могутъ быть устранены правительствомъ. Вся бѣда въ томъ, что кредитные билеты „вышли изъ-подъ власти правительства и разсѣялись между миллионами рукъ невольныхъ кредиторовъ казны“, которые боятся новыхъ выпусковъ и колеблютъ цѣнность бумажекъ. Поэтому, — неожиданно заключаетъ авторъ, — „существуетъ одинъ способъ поддержать кредитные билеты: увеличить власть правительства надъ ними, поколебать и обезсилить страхъ за ихъ цѣнность“. Стоитъ только правительству „сосредоточить въ своихъ рукахъ и въ своей власти, посредствомъ государственныхъ займовъ внутреннихъ, 300—500 миллионовъ, конечно не сразу, а въ нѣсколько лѣтъ, — и тогда его положенiе и положенiе кредитныхъ билетовъ измѣнится самымъ кореннымъ образомъ“. Правительство держало бы добытыя деньги „въ своемъ государственномъ банкѣ,

строго и свято соблюдая лишь одно коренное условіе: ни подъ какимъ видомъ и ни подъ какимъ предлогомъ, ни для какихъ цѣлей, какъ бы онѣ ни оправдывались, добытыми суммами не пользоваться для собственныхъ текущихъ нуждъ“. Едва ли авторъ вѣрить въ убѣдительную силу своихъ увѣщаній: соблазнъ всегда великъ, и въ этихъ случаяхъ лучше всего не создавать повода къ искушенію. Дѣлать внутренніе займы для того, чтобы откладывать деньги въ государственный банкъ и „свято“ воздерживаться отъ какого бы то ни было пользованія ими—было бы довольно странно; но еще болѣе странно дѣлать эти государственные займы для раздачи „коммерческой публикѣ“ подъ учетъ векселей или въ ссуду на короткіе сроки, какъ совѣтуетъ авторъ. Что краткосрочность этихъ ссудъ измѣнить характеръ русской торговли, сдѣлаетъ ее болѣе подвижною и быстрой, — объ этомъ можно было упомянуть только въ видѣ смѣлой гипотезы, для увеличенія перспективы ожидаемыхъ благъ отъ предложенныхъ операцій. Еще удивительнѣе дѣйствовало бы сосредоточеніе какихъ-нибудь 500 милліоновъ руб. въ рукахъ правительства—на общее состояніе нашего кредита. „Прежде всего, очевидно, эти милліоны сомкнули бы уста всѣмъ любителямъ разсужденій на тему объ упадкѣ русскихъ финансовъ“. Какіе это любители, почему имъ надо „сомкнуть уста“, и какое отношеніе имѣли бы полученные займы милліоны къ состоянію нашего финансоваго хозяйства—неизвѣстно. По мнѣнію автора, правительство, обладая, напр., полу-миллиардомъ кредитныхъ рублей, могло бы регулировать денежное обращеніе, пускать въ коммерческой оборотъ черезъ государственный банкъ сколько нужно билетовъ, по мѣрѣ спроса, и сохранять остальное для будущихъ надобностей, для предупрежденія дальнѣйшихъ выпусковъ бумажныхъ денегъ. Тогда „окончились бы пререванія о достаточности, недостаточности или излишествѣ кредитныхъ билетов“, ибо количество послѣднихъ, пускаемое въ обращеніе, опредѣлялось бы только реальными потребностями торговли и промышленности. Употребленіе этихъ бумажныхъ капиталовъ для государственныхъ надобностей, какъ мы видѣли выше, воспрещается г. Кауфманомъ, но санкція такого запрещенія остается тайной автора. Мало-малу кредитные билеты превращаются у него въ настоящія, реальныя цѣнности, которыя могутъ быть излишни въ томъ же смыслѣ, какъ излишняя пшеница, излишній сахаръ или „излишнія квартиры“, вслѣдствіе чрезмѣрнаго производства товаровъ, сооруженія излишняго числа домовъ и т. п. (стр. 374). Лишнія бумажки будутъ лежать спокойно въ государственномъ банкѣ, причемъ „получается возможность приноровить ихъ къ спеціальному ихъ назначенію — служить государству, только ему (?) и только тогда, когда они государству

необходимы" (стр. 376). Еслибы, однако, оказалось, что изъ добытыхъ 500 милліоновъ всѣ могутъ быть государственнымъ банкомъ рождены въ кредитъ въ солидныя руки и сами въ состояніи оплачивать расходы, вызванные займами по нимъ, то правительство могло бы повторить ту же операцію второй разъ, и лишь вторые 500 милліоновъ, предупреждающіе будущіе новые выпуски и устраняющіе ихъ необходимость, составлять бремя для государственной росписи (стр. 379).

Извлечъ изъ обращенія кредитныя билеты, чтобы заняться банкерскимъ дѣломъ и обратно выпустить ихъ снова, затѣмъ снова извлечъ ихъ путемъ займа и держать ихъ въ запасъ для чрезвычайныхъ государственныхъ расходовъ—это что-то совершенно непостижимое, и мы ни на минуту не останавливались бы надъ подобными „планами“, еслибы они не связывались, къ нашему крайнему удивленію, съ именемъ такого почтеннаго ученаго спеціалиста, какъ г. Кауфманъ. Мысль о серьезной реформѣ денежнаго обращенія брошена авторомъ въ концѣ книги, такъ какъ—говоритъ онъ—„въ настоящее время всякіе помыслы о рѣшеніи этой задачи должны быть отложены въ сторону“ (стр. 383); а полумилліардные и даже милліардные займы рекомендуются намъ подѣ предлогомъ „огражденія цѣнности кредитныхъ билетовъ отъ упадка“, хотя эти займы, принимаемые безъ достаточныхъ мотивовъ и безъ опредѣленной цѣли, противорѣчили бы самымъ элементарнымъ началамъ государственнаго хозяйства. Разсужденія автора въ заключительной главѣ, какъ и во всемъ вообще отдѣлѣ о чрезвычайныхъ финансахъ, мало согласуются, по нашему мнѣнію, съ весьма дѣльнымъ и поучительнымъ содержаніемъ остальныхъ частей книги г. Кауфмана.—Л. С.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го іюля 1888.

Императоръ Фридрихъ III. — Полемика газетъ изъ-за его болѣзни. — Политическое значеніе его царствованія. — Первые акты Вильгельма II и ихъ особенности. — Положеніе дѣлъ въ Австро-Венгріи и во Франціи.

Двухъ императоровъ потеряла Германія въ теченіе одного года, и теперь она имѣетъ третьяго, молодого, полного силъ и энергіи. Такія быстрыя перемѣны, слѣдующія одна за другою, внесли что-то новое, непривычное, въ мирную жизнь настоящаго нѣмецкаго поколѣнія, выросшаго при долгомъ правленіи Вильгельма I. Перемѣнчивость, отъ которой казалась избавленною германская имперія при могущественной династіи Гогенцоллерновъ, отозвалась и во внутренней политикѣ, и во внѣшнихъ дѣлахъ. Вопросы о будущемъ стали впервые волновать германское общественное мнѣніе; разочарованія и надежды, опасенія и сомнѣнія завладѣвали поочередно нѣмецкою печатью, придавая ей какой-то безпокойный, нервный характеръ. Волненіе далеко еще не улеглось съ воцареніемъ Вильгельма II, хотя переходное время кризисовъ, повидимому, уже прошло.

Трехмѣсячное царствованіе Фридриха III (отъ 9-го или, вѣрнѣе, 11-го марта до 15-го іюня нов. ст.) носило на себѣ отпечатокъ глубокой грусти. Блестящій принцъ, одаренный лучшими качествами правителя, вступилъ на престолъ молчаливо, съ смертельнымъ недугомъ въ организмѣ, — безъ способности даже говорить, но съ твердою рѣшимостью исполнить свой долгъ до конца. Съ замѣчательнымъ героизмомъ переносилъ свои страданія больной императоръ; онъ ни на минуту не забывалъ о дѣлахъ государства, стараясь дать имъ по возможности то человѣчное, благотворное направленіе, которое такъ прекрасно выразилось въ его первыхъ вступительныхъ манифестахъ. Мучительная болѣзнь не мѣшала ему работать по мѣрѣ силъ, принимать доклады министровъ и генераловъ, совѣщаться съ княземъ Бисмаркомъ и настойчиво проводить свои гуманные взгляды, несмотря на глухую оппозицію военно-консервативной партіи. Положеніе Фридриха III было весьма тяжелое и въ нравственномъ отношеніи, съ самаго момента вступленія его на престолъ. Послѣ смерти императора Вильгельма, вліятельныя сферы Берлина ожидали отъ кронпринца, что онъ останется въ Санъ-Ремо и поручитъ управленіе наслѣднику, съ званіемъ регента; тогда переходъ власти совершился

бы сразу, безъ того критическаго промежутка, какимъ представлялось неизбѣжно-кратковременное и эфемерное царствованіе опаснаго больного государя. Учрежденіе регентства было въ высшей степени желательно для всѣхъ сторонниковъ политики князя Бисмарка, такъ какъ извѣстны были давнишнія разногласія между кронпринцемъ и канцлеромъ въ нѣкоторыхъ весьма важныхъ принципиальныхъ вопросахъ. Назначеніе регентства было бы обязательно на основаніи конституціи, еслибы официально было признано, что болѣзнь императора неизлечима, и что она не позволяетъ ему фактически управлять государствомъ. Этому признанію не допустили англійскіе врачи, поддерживаемые принцессою Викторіею, нынѣ вдовствующею императрицею, и благодаря ихъ упорному оптимизму, пронестекавшему больше изъ политическихъ, чѣмъ изъ медицинскихъ мотивовъ, Фридрихъ III могъ осуществить свои наслѣдственные монархическія права. Рѣзкая и отчасти грубая полемика консервативныхъ газетъ противъ англійскихъ врачей и противъ „женской политики“, публичныя утвержденія раздраженныхъ нѣмецкихъ ученыхъ о существованіи рака у больного, жалобы „патріотовъ“ на оскорбленіе германской науки и постоянные газетные намеки на англійскія связи и симпатіи императрицы,—все это должно было отравлять послѣдніе мѣсяцы надломленной жизни императора. Нѣмецкіе знаменитые хирурги и многопатріотическія газеты не пожелали принять во вниманіе, что ни одному пациенту не сообщаютъ о безнадежномъ или злокачественномъ характерѣ его болѣзни, и что скрывать печальную истину въ подобныхъ случаяхъ есть долгъ простаго человѣколюбія. Почему наслѣдникъ великой имперіи не имѣетъ права на то утѣшеніе, которое выдаетъ на долю всякаго обыкновеннаго смертнаго? Почему надо было лишать его послѣдняго луча надежды, когда и безъ того развязка не заставляла себя долго ждать? Сэръ Морель Мэкензи остался вѣренъ обязанностямъ врача, смягчая по возможности выводы своего діагноза и избѣгая страшнаго слова „ракъ“, произнесеннаго прямо профессоромъ Бергманомъ; онъ предпочелъ высказываться уклончиво и возбуждать спасительныя сомнѣнія, опираясь на такіе же уклончивые результаты микроскопическихъ анализовъ Вирхова. Эта тактика предписывалась не только чувствомъ деликатности относительно больного и ближайшихъ къ нему лицъ, но и важными политическими интересами, связанными съ тѣмъ или другимъ взглядомъ на природу недуга. Удивительно ли, что безусловное довѣріе и признательность были наградою врачу, внушавшему надежду и бодрость окружающимъ? Профессоръ Вилльротъ изъ Вѣны, въ обнародованномъ нынѣ письмѣ въ „Neue Freie Presse“, заявляетъ, что онъ „никогда не понималъ, ради чего германскіе ученые добивались оглашенія факта,

который хорошо былъ извѣстенъ вѣроятно и самому Мэкензи“. Желаніе продлить иллюзію и надѣяться до конца было исполнѣ естественно со стороны императрицы. Такая солидная газета, какъ „National-Zeitung“, не можетъ до сихъ поръ примириться съ признаніемъ авторитета „иностранца“, который будто бы „наглымъ образомъ помогаль обманывать нѣмецкій народъ“ насчетъ истиннаго характера болѣзни. Безсердечная грубость не можетъ идти далѣе; она не разъ проявлялась въ нѣмецкой печати и при жизни Фридриха III. Что имѣли противъ него патриоты, зачѣмъ отравляли они своимъ бездушіемъ тяжелое личное горе самой близкой и преданной больному особы, самоотверженіе которой невольнo вызывало всеобщія симпатіи? Еслибы дѣйствительно истина скрывалась для того, чтобы доставить страдальцу великое и послѣднее утѣшеніе въ жизни—возможность сдѣлать что-нибудь для страны и для потомства, въ качествѣ фактическаго императора, то что было бы въ этомъ дурнаго и достойнаго порицанія? Чѣмъ объяснить эту безпощадность консерваторовъ къ благороднѣйшему, несчастному принцу, пожелавшему озарить преждевременный конецъ своего существованія заманчивымъ царственнымъ ореоломъ? Выходки патриотической прессы дѣйствовали тѣмъ больнѣе, что онѣ задѣвали въ сущности самого Фридриха III, а не только его окружающихъ,—ибо всѣмъ было извѣстно, что рѣшеніе отклонить опасную операцію, предложенную еще въ прошломъ году нѣмецкими хирургами, было принято самимъ кронпринцемъ послѣ долгаго размышленія. Предъ нимъ поставлена была дилемма—или подвергнуться риску немедленной смерти подъ ножомъ оператора, или прожить еще годъ или два, въ ожиданіи естественнаго исхода; въ первомъ случаѣ оставался весьма небольшой шансъ прочнаго выздоровленія, во второмъ—жизнь обезпечена была по крайней мѣрѣ на короткій срокъ, достаточный для вступленія на престолъ. Можно ли было винить кронпринца за то, что онъ предпочелъ послѣднее? Несмотря на ядовитую травлю реакціонеровъ, для которыхъ монархическія чувства служатъ лишь прикрытіемъ честолюбія и корысти, Фридрихъ III могъ умереть спокойно, съ сознаніемъ, что его мимолетное царствованіе не пройдетъ безслѣдно для народа и государства.

Незадолго до своей кончины императоръ добился отставки главнаго представителя реакціи въ министерствѣ князя Бисмарка—вице-президента совѣта министровъ, близкаго родственника канцлера, министра внутреннихъ дѣлъ фонъ-Путкаммера. Это былъ единственный и весьма существенный практическій результатъ политики, возвѣщенной въ манифестахъ. Ударъ былъ особенно чувствителенъ для канцлера потому, что нанесенъ былъ неожиданно для послѣдняго,

вопреки его энергическому заступничеству и настоятельнымъ совѣтамъ. Для значительнѣйшей либеральной части нѣмецкаго общества эта закулисная борьба съ княземъ Бисмаркомъ была тѣмъ важнѣе, что она велась во имя нарушенныхъ правъ населенія, во имя свободы выборовъ, стѣсняемой угрозами и давленіемъ администраціи. Въ началѣ мая послушное правительству большинство прусской палаты депутатовъ утвердило законъ о замѣнѣ трехлѣтняго срока парламентскихъ полномочій — пятилѣтнимъ. Чѣмъ рѣже обновляется составъ палаты, тѣмъ меньше вліяетъ на нее общественное настроеніе, и тѣмъ легче для правительства обезпечить себѣ успѣхъ на выборахъ. Трудно и рискованно пускать въ ходъ весь сложный аппаратъ административнаго воздѣйствія черезъ каждые три года: оружіе можетъ притупиться и ослабить свою силу. Гораздо удобнѣе дѣлать это въ болѣе продолжительные сроки, разъ въ пятилѣтіе. Императоръ соглашался подписать законъ только съ тѣмъ условіемъ, чтобы гражданамъ обезпечена была полная свобода выборовъ. Министерство находило неудобнымъ это условіе, которое пришлось бы огласить въ особомъ указѣ, одновременно съ опубликованіемъ закона, — и законъ не былъ обнародованъ въ теченіе цѣлаго мѣсяца. Министръ фонъ-Путкаммеръ представилъ подробную записку, въ которой оправдывалъ администрацію отъ упрековъ въ незаконномъ вліяніи на выборы; онъ ссылался на то, что правильность выборовъ всегда подтверждалась парламентомъ, который только въ очень немногихъ случаяхъ находилъ признаки злоупотребленій. Министръ старался замаять дѣйствительную сущность вопроса: дѣло шло не о прямыхъ нарушеніяхъ закона, но о нравственномъ давленіи, о попыткахъ дѣйствовать на избирателей посредствомъ косвенныхъ угрозъ, при помощи фальшивой военной тревоги и неблаговидныхъ приѣмовъ офиціозной журналистики. Консервативныя и министерскія газеты выражали увѣренность, что оставленіемъ закона безъ королевской подписи закончится все это разногласіе; нужно было выиграть время до новаго царствованія, и фонъ-Путкаммеръ думалъ удержаться на мѣстѣ до перехода власти къ „восходящему свѣтилу“, о благосклонности котораго онъ усиленно хлопоталъ заранѣе. Но министръ ошибся въ своихъ расчетахъ. Законъ о пятилѣтнемъ парламентскомъ срокѣ былъ обнародованъ офиціально 7-го іюня, безъ всякихъ комментаріевъ. Министерская печать торжествовала побѣду; для нея было очевидно, что императоръ уступилъ въ послѣднюю минуту и отказался отъ своей идеи о свободѣ выборовъ. Эта уступка связывалась съ продолжительною аудіенціею, которую имѣлъ у него, за два дня до того, князь Бисмаркъ. Торжество продолжалось, однако, не болѣе одного дня. Вслѣдъ затѣмъ стало извѣстно, что фонъ-

Путкаммеръ получилъ такой отвѣтъ на свой меморандумъ, что ему ничего не оставалось дѣлать, какъ немедленно подать въ отставку. Отставка была немедленно же принята и съ 9-го іюня служила уже предметомъ оживленныхъ газетныхъ толковъ. „Сѣверо-германская Всеобщая Газета“ подтвердила, что эта важная мѣра состоялась безъ вѣдома главы министерства, германскаго канцлера, въ противность будто бы принципу солидарной отвѣтственности министровъ. По мнѣнію газеты, это обстоятельство должно было считаться неприятнымъ симптомомъ для правильнаго развитія и примѣненія конституціи. Выходило какъ будто, что императоръ, защищающій свободу выборовъ отъ произвола администраціи, нарушаетъ этимъ самымъ конституціонныя права, — какъ будто министерство въ Пруссіи есть независимое учрежденіе, поставленное рядомъ съ верховною властью и облеченное какими-то самостоятельными полномочіями, въ силу конституціи. И это говорили консерваторы, которые въ теченіе многихъ лѣтъ доказывали, что прусскіе министры суть только вѣрные слуги государя и прямые исполнители его воли, что они не обязаны подчиняться парламенту и отвѣчать предъ нимъ за свои дѣйствія! Усердно прикрываясь авторитетомъ короля и императора, пока онъ дѣйствуетъ въ духъ ихъ интересовъ („wenn er unsegen Willen thut“), они первые готовы подрывать этотъ авторитетъ и противодѣйствовать ему, когда затрогиваются ихъ спеціальныя выгоды и привилегіи. „Сѣверо-германская Газета“ явно намекала прогрессистамъ, что корона пользуется еще слишкомъ широкими правами, и что отказъ въ утвержденіи закона, принятаго обѣими палатами, долженъ былъ бы вызвать оппозицію со стороны передовыхъ либераловъ. Подобныя софизмы свидѣтельствовали лишь о лицемеріи мнимыхъ бойцовъ монархизма и еще болѣе укрѣпляли общее сочувствіе къ благородной личности Фридриха III. Вся либеральная журналистика Германіи горячо привѣтствовала предсмертныя усилія императора внести живую правду въ дѣйствія правительственной власти и положить конецъ изворотамъ, направленнымъ къ замѣнѣ настоящаго народнаго представительства искусственнымъ его подобіемъ. Умирающій императоръ отстаивалъ ясную и простую мысль, которая должна была найти отголосокъ въ каждомъ здравомыслящемъ нѣмецкомъ патриотѣ; онъ желалъ, чтобы парламентскіе выборы дѣйствительно выражали собою свободное мнѣніе большинства народа, чтобы они дѣйствительно давали просторъ народнымъ желаніямъ, и чтобы всякія попытки затемнить и поддѣлать истинную волю нѣмецкой націи были разъ навсегда устранены изъ прусской правительственной практики. Верховная власть стоитъ настолько крѣпко въ Германіи, что ей нечего бояться свободнаго выраженія

народныхъ чувствъ и требованій; эта боязнь можетъ имѣть силу только для министровъ, опасющихся за прочность своего личнаго положенія и заинтересованныхъ въ возможномъ стѣсненіи общественнаго и парламентскаго контроля. Упреки, обращенные къ фонъ-Путкаммеру, заключали въ себѣ осужденіе системы, усвоенной за послѣдніе годы княземъ Бисмаркомъ; а отставка министра, бывшаго правой рукою канцлера, указывала на рѣшимость императора не отступить даже передъ общимъ министерскимъ и канцлерскимъ кризисомъ. „Кельнская Газета“ и другіе офиціозные органы сообщали, что вопросъ объ удаленіи всего министерства, съ канцлеромъ во главѣ, не поднимается только въ виду крайне болѣзненнаго состоянія монарха, и что кризисъ является неминуемымъ, когда наступитъ улучшение, которое, впрочемъ, считалось уже мало-вѣроятнымъ. Черезъ два дня Фридриха III не стало. Исчезли поводы къ разногласіямъ, и положеніе князя Бисмарка сдѣлалось тверже и сильнѣе, чѣмъ когда-либо.

Великій политическій урокъ вытекаетъ изъ скромнаго, страдальческаго царствованія Фридриха III. Ничего крупнаго и реальнаго не успѣлъ совершить императоръ; онъ едва намѣтилъ слабѣющую рукою свою политическую программу и не могъ уже приступить къ исполненію отдѣльныхъ ея пунктовъ. А между тѣмъ онъ приобрѣлъ искреннее расположеніе и любовь не только всего нѣмецкаго народа, но и со стороны чужихъ, сосѣднихъ и отдаленныхъ націй; имя его повторялось съ соболѣзнованіемъ и симпатіей даже во Франціи, которой онъ, какъ полководецъ, нанесъ столь тяжкіе удары подъ Вертомъ, Седаномъ и Парижемъ, въ эпоху 1870 года. Французы видѣли въ немъ не врага и побѣдителя, а человѣка въ высшемъ смыслѣ этого слова; и это неуловимое, но всѣмъ понятное чувство человѣчности неотразимо привлекало къ нему сердца людей, безъ различія національностей, партій и направленій. Австро-Венгрія была обязана ему своимъ пораженіемъ при Кѣниггрецѣ въ 1866 году, и однако для австрійцевъ онъ былъ тѣмъ же популярнымъ принцемъ, какъ и для нѣмцевъ. Личныя его качества, его широкіе политическіе взгляды, чуждые того мелкаго, нетерпимаго націонализма, который такъ назойливо проявляется въ специально патріотической печати, наконецъ, его научные и артистическіе вкусы—значительно содѣйствовали, по общему признанію, нравственному примиренію южно-германскихъ народностей съ вѣнскимъ владычествомъ Пруссіи. Извѣстно, что въ войнѣ 1870 тогдашній кронпринцъ командовалъ войсками южно-нѣмецкихъ государствъ. Имѣть славу искуснаго и энергическаго полководца, твердо защищать интересы страны и въ то же время внушать къ себѣ любовь и безусловное довѣріе среди друзей и враговъ

—это выпадаетъ на долю весьма немногихъ историческихъ личностей. Въ прокламаціи его къ населенію Эльзаса и Лотарингіи выражено было достаточно ясно, что онъ не думаетъ дѣлать никакихъ уступокъ въ пользу мѣстнаго франкофильства; онъ же подписалъ стѣснительныя правила о паспортахъ для проѣзжающихъ черезъ присоединенныя провинціи, и тѣмъ не менѣе французскіе патріоты вполне полагались на его миролюбіе и справедливость, называли его „императоромъ-философомъ“ и рѣзко отдѣляли его отъ покойнаго Вильгельма I и отъ князя Бисмарка. Изъ этого видно, какъ мало въ сущности нужно для завоеванія прочнаго сочувствія народныхъ массъ и какъ легко найти дорогу къ общему успокоенію и удовлетворенію, занимая высокій постъ правителя. Фридрихъ III былъ „человѣкомъ“ на тронѣ; онъ дѣйствовалъ и страдалъ по-человѣчески, и „ничто человѣческое не было ему чуждо“. Онъ писалъ свои манифесты и выражалъ свою волю простымъ человѣческимъ языкомъ, не надѣвая на себя таинственной государственной полумаски; онъ хотѣлъ только достигнуть того, чтобы его царствованіе было когда-нибудь вспомнито добрымъ словомъ, „какъ полезное для страны и благотворное для народа“. Справедливый и прямодушный по природѣ, онъ разорвалъ бы, какъ паутину, ту сѣть лжи и лицемерія, которою оффиціозные патріоты опутали нѣмецкое общественное мнѣніе. Онъ не могъ бы допустить, чтобы правительство въ одно и то же время признавало конституцію и не давало ей осуществиться въ жизни, чтобы оно затѣвало ненужные пограничные споры съ французами и въ то же время выставляло Францію какъ нарушительницу мира, или чтобы оно грозило кому-нибудь войною въ оффиціозной прессѣ и въ то же время обвиняло сосѣдей въ воинственности. Одно ожиданіе болѣе справедливаго образа дѣйствій смягчило уже натянутость международнаго положенія и обезоружило даже такихъ непримиримыхъ противниковъ Пруссіи, какъ дѣятели французской лиги патріотовъ, предводимые Деруладомъ; что же было бы, еслибы это ожиданіе успѣло перейти въ дѣйствительность и еслибы воззрѣніямъ Фридриха III дано было превратиться въ руководящіе принципы германской политики? То, чего не удалось добиться князю Бисмарку многими годами вооруженій и угрозъ, могло бы исполниться само собою, безъ всякихъ жертвъ и усилій. Такова чарующая сила разумной человѣчности и правдивости. Изъ этого видно, какое громадное, даже чисто-практическое превосходство имѣетъ политика гуманнаго просвѣщеннаго идеализма надъ грубо-реальною, никогда не достигающею своихъ цѣлей, безпокойною и раздражающею системою вражды и репрессалій.

Три мѣсяца, отдѣляющіе вступленіе на престолъ Вильгельма II отъ кончины его дѣда, перваго императора новой Германіи, не мо-

гутъ быть вычеркнуты изъ нѣмецкой исторіи. Свѣтлыя впечатлѣнія, оставленныя Фридрихомъ III, должны оказывать невольное дѣйствіе на политику его старшаго сына и преемника. Нынѣшній король прусскій и императоръ германскій, тридцатилѣтній Вильгельмъ II, принадлежитъ уже къ новому поколѣнію, не участвовавшему въ борьбѣ за національное единство и выросшему уже въ эпоху блестящаго могущества имперіи. Величіе объединенной Германіи составляетъ для него наследственное достоиніе, перешедшее отъ дѣда и отца; онъ свободенъ поэтому отъ тѣхъ тревожныхъ воспоминаній прошлаго, которыя такъ часто заставляли устроителей германскаго объединенія опасаться за прочность добытыхъ результатовъ. Онъ можетъ съ большою увѣренностью и спокойствіемъ охранять цѣлость и достоинство имперіи, не ожидая ни отъ кого нападеній и не имѣя повода чувствовать личную вражду къ побѣжденной его предшественниками Франціи. Онъ не можетъ также питать никакого горькаго или непріязненнаго чувства по отношенію къ Россіи, которая остается для него лишь державою, принимавшею близкое участіе въ судьбахъ Пруссіи и ея правителей; онъ можетъ проще и свободнѣе относиться къ русской политикѣ, съ которою у него не было никакихъ щекотливыхъ пререканій. Императоръ Вильгельмъ II выросъ и воспитанъ во время наибольшей славы и наибольшихъ успѣховъ князя Бисмарка; онъ не былъ свидѣтелемъ его политическихъ дебютовъ и не можетъ помнить ни его конфликта съ парламентомъ, ни его роли въ датской войнѣ и въ приготовленіяхъ къ разгрому Австріи. Германскій канцлеръ, какъ основатель нѣмецкаго единства подъ главенствомъ Пруссіи, перешелъ къ молодому императору какъ будто по наследству, вмѣстѣ съ имперіею, — и неудивительно поэтому, что Вильгельмъ II, привыкшій съ дѣтства видѣть въ князѣ Бисмаркѣ истиннаго руководителя нѣмецкихъ судебъ, исполнилъ къ нему безусловнаго довѣрія и всецѣло отдаетъ въ его руки дальнѣйшее руководство политическими дѣлами Германіи. Онъ краснорѣчиво выразилъ это свое отношеніе къ канцлеру въ извѣстномъ тостѣ, произнесенномъ послѣ воцаренія Фридриха III и надѣлавшемъ много шума въ свое время; онъ сравнивалъ тогда князя Бисмарка съ знаменосцемъ, за которымъ всѣ пойдутъ безъ колебаній и сомнѣній. Вмѣстѣ съ тѣмъ новый императоръ всегда отличался своею особенною любовью къ арміи и къ военнымъ упражненіямъ; это обстоятельство создало ему репутацію воинственности и сильно тревожило общественное мнѣніе другихъ странъ, особенно Франціи. Наконецъ, онъ не скрывалъ своего сочувствія къ такъ-называемому „христіанскому социализму“, проповѣдникомъ котораго былъ пасторъ Штекеръ, и который имѣетъ убѣжденнаго приверженца въ лицѣ талантливаго генерала, помощника и

вѣроятнаго преимника Мольтке, графа Вальдерсе, пользующагося особымъ расположеніемъ Вильгельма II. Всѣ эти три вліянія—военное, социальное и Бисмарковское — выразились поочередно въ первыхъ торжественныхъ актахъ и манифестахъ императора.

Прежде всего, въ самый день смерти своего родителя, 15-го (3) іюня, императоръ обратился съ горячимъ воззваніемъ къ арміи и флоту, гдѣ указалъ на свою тѣсную, неразрывную связь съ войскомъ, на военную славу своихъ предковъ, на незабвенный образъ своего дѣда, какъ полководца, и на свою рѣшимость поддержать честь и славу арміи. „Мы принадлежимъ другъ другу—я и армія,—говорилось въ приказѣ,—мы рождены другъ для друга, и мы будемъ неизмѣнно и твердо держаться вмѣстѣ, будетъ ли, по волѣ Божіей, миръ или буря“. Второй манифестъ—къ народу—появился только черезъ три дня, въ день похоронъ Фридриха III, 18-го (6) іюня. Въ этомъ манифестѣ, проникнутомъ духомъ христіанскаго благочестія, императоръ въ теплыхъ выраженіяхъ вспоминаетъ о возвышенныхъ качествахъ и неувядаемой славѣ покойнаго монарха; затѣмъ онъ даетъ обѣтъ „быть справедливымъ и кроткимъ государемъ, соблюдать набожность и страхъ Божій, охранять миръ, способствовать благосостоянію страны, быть защитникомъ бѣдныхъ и угнетенныхъ, быть вѣрнымъ хранителемъ права“ и вообще „быть вѣрнымъ государемъ вѣрнаго народа“. Но настоящая политическая программа изложена въ двухъ тронныхъ рѣчахъ, составленныхъ, по обыкновенію, княземъ Бисмаркомъ,—а именно въ обращеніи къ имперскому сейму, 25-го (13) іюня, и къ обѣмъ прусскимъ палатамъ, 27-го (15) іюня, въ торжественныхъ засѣданіяхъ, состоявшихся съ необычайною пышностью въ присутствіи всѣхъ почти союзныхъ германскихъ государей, въ старомъ королевскомъ дворцѣ. Въ рѣчи къ имперскому сейму сказано прямо, что императоръ пойдетъ по стопамъ своего дѣда, какъ во внѣшнихъ, такъ и во внутреннихъ дѣлахъ. Вильгельмъ II заявляетъ далѣе, что главною его обязанностью будетъ охрана „важнѣйшаго изъ законовъ—имперской конституціи, во всѣхъ правахъ, которыя она даетъ обоимъ законодательнымъ собраніямъ націи и каждому члену, равно какъ и въ правахъ, которыя она обезпечиваетъ императору и отдѣльнымъ союзнымъ государствамъ и ихъ правителямъ“. Императоръ „въ полномъ объемѣ усвоиваетъ себѣ содержаніе посланія 17-го ноября 1881 года и будетъ дѣйствовать въ томъ же направленіи, стараясь при помощи имперскаго законодательства доставить трудящемуся населенію ту защиту, которую можно оказать, согласно ученію христіанской морали, слабымъ и бѣдствующимъ въ борьбѣ за существованіе“. Этимъ путемъ можно будетъ „приблизиться къ разрѣшенію нездоровыхъ общественныхъ противорѣчій“. Само собою, конечно, разумѣется, что особенное внима-

ніе должны были обратить на себя заявленія, касающіяся внѣшней политики: они оказались, какъ и слѣдовало ожидать, вполне миролюбивыми. Выразивъ свое желаніе „хранить миръ со всѣми, насколько это отъ него зависитъ“, Вильгельмъ II продолжаетъ: „Моя любовь къ нѣмецкой арміи и мое положеніе относительно ея никогда не введутъ меня въ искушеніе лишить страну благодѣяній мира, если война не сдѣлается необходимостью, навязанною намъ, вслѣдствіе нападенія на имперію или на ея союзниковъ. Наше войско должно обезпечить намъ миръ, и если онъ все-таки будетъ нарушенъ, оно должно быть въ состояніи завоевать его съ честью. Оно будетъ имѣть возможность достигнуть этого, благодаря той силѣ, которая дана ему единодушно принятымъ вами послѣднимъ военнымъ закономъ. Моему сердцу чуждо намѣреніе употреблять эту силу для наступательныхъ войнъ. Германія не нуждается ни въ новой военной славѣ, ни въ какихъ-либо завоеваніяхъ, послѣ того какъ она окончательно завоевала себѣ право существованія въ видѣ единой и независимой націи“. Специальные параграфы посвящены союзу съ Австро-Венгеріею и отношеніямъ съ Россіею. Австро-германскій оборонительный союзъ будетъ соблюдаться твердо не только потому, что онъ заключенъ, но потому, что въ немъ императоръ усматриваетъ „основу европейскаго равновѣсія и завѣтъ нѣмецкой исторіи, сущность котораго поддерживается теперь общественнымъ мнѣніемъ всего германскаго народа и соотвѣтствуетъ традиционному европейскому международному праву, какъ оно имѣло безспорное дѣйствіе до 1866 года“. „Наши соглашенія съ Австро-Венгеріею и Италіею,—говорится затѣмъ въ тронной рѣчи,—позволяютъ мнѣ, къ моему удовольствію, старательно поддерживать мою личную дружбу къ російскому императору и существующія, въ теченіе ста лѣтъ, мирныя отношенія съ сосѣднею російскою державою, которыя согласуются одинаково съ моими собственными чувствами и съ интересами Германіи“. Что касается обращенія къ палатамъ прусскаго сейма, то оно содержитъ въ себѣ указанія относительно внутреннихъ вопросовъ и задачъ законодательства въ королевствѣ. Король далъ установленную присягу на вѣрность конституціи, обѣщая „охранять ее твердо и ненарушимо и управлять согласно съ нею и съ законами“; онъ будетъ „вѣрно и добросовѣстно уважать законы и права народнаго представительства“, оказывать защиту „всѣмъ религіознымъ исповѣданіямъ при свободномъ отлравленіи ихъ вѣры“ и помнить слова великаго Фридриха, что въ Пруссіи—„король есть первый слуга государства“.

Всѣ тронныя рѣчи императора Вильгельма II—и особенно первая, обращенная къ рейхстагу—составлены съ такимъ дипломатическимъ

искусствомъ, что онѣ должны были повсюду произвести благопріятное впечатлѣніе. Обстановка, при которой императоръ читалъ свою рѣчь къ имперскому сейму, имѣя около себя саксонскаго короля, баварскаго принца-регента и прочихъ германскихъ государей, имѣла какъ будто цѣлью наглядно показать всему міру, что формальное единство имперіи держалось не на личномъ авторитетѣ престарѣлаго императора Вильгельма I или его заслуженнаго сына, а на непоколебимыхъ законахъ Германіи и на неразрывномъ фактическомъ единствѣ нѣмецкаго народа. Иллюзіи, которыя въ этомъ отношеніи питались значительною частью французской печати, неизбѣжно разсѣются сами собою. Миролюбивая программа новаго царствованія устранить опасенія, которыя вызывались молодостью императора и его предполагаемыми военными наклонностями. Но эта программа не могла, конечно, удовлетворить всѣхъ въ Европѣ. Общественное мнѣніе Австро-Венгріи чрезвычайно довольно тѣми категорическими словами, которыми опредѣлена важность австро-германскаго союза для европейскаго равновѣсія; но указаніе на „завѣтъ нѣмецкой исторіи“, хранимый сознаниемъ „всего нѣмецкаго народа“, и на принадлежность Австріи къ германскому союзу до 1866 года должно было непріятно задѣть самолюбіе вѣнскихъ правительственныхъ сферъ и оскорбить въ то же время впечатлительныхъ мадьяръ, ибо намекъ на воссоединеніе съ Германіею заключаетъ въ себѣ мысль о признаніи главенства новаго императорскаго дома Гогенцоллерновъ надъ нѣмецкими владѣніями Австріи, а съ другой стороны, взглядъ на нынѣшнюю имперію Габсбурговъ, какъ на нѣмецкую державу, равносильенъ полному игнорированію Венгріи и всего дуалистическаго устройства монархіи. Мадьяры недовольны также слишкомъ теплымъ отзывомъ о дружбѣ съ Россіею; недовольны этимъ и вѣнскіе политики, опасяющіеся теперь новыхъ попытокъ сближенія между берлинскимъ кабинетомъ и русскою дипломатіею, въ ущербъ австрійскимъ интересамъ на Балканскомъ полуостровѣ. Французскія газеты принимаютъ къ свѣденію миролюбіе тронной рѣчи 25-го іюня, но онѣ находятъ въ ней мнѣнія и желанія не столько Вильгельма II, сколько князя Бисмарка; и поэтому, пока живъ послѣдній, до тѣхъ поръ не произойдетъ существенной перемѣны въ ходѣ политическихъ дѣлъ Германіи. Личныя стремленія императора, по словамъ французскихъ газетъ, отразились ярко въ его первомъ, непосредственномъ воззваніи къ арміи и флоту, а также въ его религіозномъ обращеніи къ народу; и потому, какъ думаютъ французы, нужно быть насторожѣ и не придавать преувеличеннаго значенія документамъ, авторство которыхъ принадлежитъ германскому канцлеру.

Мы упомянули бы здѣсь и о комментаріяхъ русской печати, но на этотъ разъ всѣ наши газеты сошлись въ одинаковомъ признаніи

благополучія, установившагося въ отношеніяхъ Германіи къ Россіи, — такъ что отмѣчать тутъ нечего. Можно только порадоваться тому, что фактъ, казавшійся имъ еще недавно сомнительнымъ, признается теперь возможнымъ и желательнымъ, и что германская политика, еще недавно подвергавшаяся такимъ сильнымъ нападкамъ по поводу событій на Востоке, оказывается теперь ни въ чемъ невинною, въ глазахъ нашихъ перемѣнчивыхъ „патріотическихъ“ газетъ. Мы тѣмъ болѣе рады такому повороту въ мнѣніяхъ, что онъ какъ нельзя болѣе соответствуетъ дѣйствительнымъ потребностямъ и условіямъ русскаго народа, для котораго война съ иностранными державами, хотя бы и изъ-за Болгаріи, составляетъ совсѣмъ ненужную роскошь.

Исключительный интересъ, возбужденный послѣдними событіями въ Германіи, отодвинулъ на задній планъ политическія дѣла другихъ государствъ; вездѣ съ нетерпѣніемъ ожидали первыхъ заявленій новаго нѣмецкаго императора, и даже буланжистская агитація ослабла у французовъ подъ вліяніемъ интересныхъ извѣстій изъ Берлина.

Въ Австро-Венгріи сессія делегацій отъ парламентовъ обѣихъ половинъ имперіи прошла сравнительно тихо. Засѣданія открылись въ Пештѣ 9-го іюня и закончились 28-го числа (н. ст.). Тронная рѣчь императора Франца-Иосифа, прочитанная 10-го іюня, упоминала по обыкновенію о необходимости новыхъ финансовыхъ жертвъ на военныя надобности, въ виду „продолжающейся непрочности политическаго положенія Европы и постоянного возрастанія военныхъ силъ и боевой готовности всѣхъ другихъ государствъ“. Президенты обѣихъ делегацій, австрійской и венгерской, престарѣлый Смолка и графъ Людвигъ Тисса заранѣе выразили императору готовность утвердить военныя требованія правительства, для надлежащей охраны внѣшней безопасности и интересовъ въ имперіи. По обыкновенію, международною политикою занимались съ особеннымъ усердіемъ мадьярскіе ораторы и государственные люди. Представители и патріоты мадьяръ, небольшой въ сущности національности, до того привыкли считать себя великою, могущественною державою, что они принимаютъ высокомѣрный, пренебрежительный тонъ даже относительно такихъ народовъ, какъ французскій; для нихъ ничего не стоитъ грозить войною Россіи, заявлять свое неудовольствіе Берлину и читать нотации Парижу. И на этотъ разъ не обошлось безъ смѣлыхъ политическихъ рѣчей, полныхъ сознанія собственной силы и авторитета. Докладчикъ комиссіи венгерской делегаціи для разсмотрѣнія бюджета иностранныхъ дѣлъ, Максъ Фалькъ, редакторъ „Пештскаго Ллойда“, доказывалъ подробно, что интересы монархіи на Балканскомъ полу-

островѣ прекрасно охраняются графомъ Кальноки, что самостоятельное развитіе балканскихъ племенъ будетъ гарантировано и впредь отъ всякихъ постороннихъ посягательствъ, что непризнание принца Кобургскаго законнымъ княземъ Болгаріи со стороны вѣнскаго кабинета достаточно оправдывается шаткимъ положеніемъ этого принца въ княжествѣ, и что вообще благоразумная политика министра заслуживаетъ полного одобренія. Графъ Кальноки, въ свою очередь, объяснялъ политическія цѣли правительства, говорилъ о защитѣ автономіи и независимости балканскихъ государствъ, высказывалъ надежду на сохраненіе мира и давалъ понять, что онъ вполне доволенъ результатами своей политической программы. Обратная сторона медали выступила передъ делегаціями, когда пришлось обсуждать новый чрезвычайный кредитъ на сумму 47 милліоновъ гульденовъ, для удовлетворенія нуждъ военнаго министерства. Эти ежегодно повторяющіеся чрезвычайные военные кредиты, прибавляемые къ крупному обыкновенному бюджету военныхъ расходовъ, все болѣе запутываютъ состояніе австрійскихъ финансовъ, безъ серьезной въ этомъ надобности. Игра мадьяръ въ большую политику обходится очень дорого Австро-Венгріи. Ораторы обѣихъ делегацій хотѣли добиться отъ военнаго министра обѣщанія довольствоваться нынѣшнимъ кредитомъ и избѣгать дальнѣйшихъ требованій въ будущемъ; понятно, что министръ могъ только удивиться такой наивности. Кто хочетъ имѣть удовольствіе располагать военнымъ могуществомъ и говорить въ грозномъ тонѣ о внѣшнихъ дѣлахъ, тотъ долженъ давать на это деньги—и много денегъ, а домогаться крупной политической игры и въ то же время думать объ экономіи и расчетливости въ финансахъ—значитъ впадать въ печальное, непримиримое противорѣчіе. Послѣ долгихъ и напрасныхъ финансовыхъ преній, представлявшихъ странный контрастъ съ широкорѣчьными политическими рѣчами, делегаціи разрѣшили требуемый кредитъ, въ засѣданіяхъ 23 и 25-го іюня. Между тѣмъ, что такое въ сущности эти 47 милліоновъ, изъ-за которыхъ волновались австрійскіе патріоты, сравнительно съ тѣми сотнями милліоновъ, которыя легко, почти безъ преній, назначаются на военные цѣли французскими или нѣмецкими депутатами? Франція и Германія имѣютъ возможность дѣлать колоссальныя затраты, не истощая своихъ хозяйственныхъ средствъ, а усилія Австро-Венгріи и другихъ державъ тянутся вслѣдъ за ними только привести ихъ къ полному финансовому разстройству и безсилію. Притомъ неустанныя военныя приготовленія Австріи не имѣютъ какъ будто реальной политической цѣли; если дѣло идетъ о борьбѣ изъ-за балканскихъ областей, то значительная часть этихъ земель заранѣе уступлена вѣнскому кабинету безъ борьбы и даже безъ всякихъ дипломатическихъ возраженій; что же касается Болгаріи, то, по неоднократному официальному

признанію князя Бисмарка, она не входитъ въ предѣлы законнаго австрійскаго вліянія, и на этомъ пути Австро-Венгрія не была бы поддержана Германією. Оставалось бы предположить, что австрійское правительство готовится къ вооруженному столкновенію изъ-за болгарскаго княжества, безъ содѣйствія и даже вопреки совѣтамъ своего могущественнаго союзника, что казалось бы мало правдоподобнымъ. Такимъ образомъ, въ австрійской виѣшной политикѣ нельзя не замѣтить весьма существеннаго темнаго пункта, котораго не разъ асынаютъ ни заявленія графа Кальноки, ни разсужденія и разоблаченія офиціозныхъ австро-венгерскихъ газетъ.

Подобныхъ темныхъ пунктовъ нельзя найти въ сдержанной и пассивной международной политикѣ Франціи. Франція не названа совсѣмъ въ германской тронной рѣчи, при упоминаніи о державахъ, съ которыми нѣмецкій народъ находится въ мирныхъ отношеніяхъ; но она присутствуетъ во всемъ содержаніи этой рѣчи—и въ словахъ объ оборонѣ отъ нападенія, и о силѣ арміи, добывшей нѣмцамъ національное единство и способной вновь завоевать миръ, въ случаѣ его нарушенія, и въ указаніяхъ на славныя побѣды Вильгельма I и даже въ заявленіи о вѣковой дружбѣ съ Россією. Устранить Францію отъ возможныхъ для нея политическихъ сближеній и союзовъ—къ этому всегда неуклонно стремился князь Бисмаркъ. Отчасти ему помогало въ этомъ отношеніи неустойчивое внутреннее состояніе французской республики, о которомъ такъ много говорилось въ послѣднее время, и о которомъ еще недавно счелъ нужнымъ разсуждать въ англійскомъ парламентѣ консервативный министръ Гивсъ-Бичъ (въ засѣданіи 27 (15) іюня, при обсужденіи вопроса о ламаншскомъ туннелѣ). Много повредило французамъ въ общественномъ мнѣніи Европы шумное, хотя и поверхностное, буланжистское движеніе, которое впрочемъ начинаетъ клониться къ упадку. Генераль Буланже, послѣ личной своей неудачи въ палатѣ депутатовъ, 4 іюня, когда рѣчь его о пересмотрѣ конституціи была осмѣяна ораторами большинства, потерпѣлъ вслѣдъ затѣмъ еще болѣе крупное фіаско въ лицѣ своего друга Поля Деруледа, который не былъ избранъ въ департаментъ Шаранты, на выборахъ 17-го іюня, несмотря на горячія рекомендаціи генерала и на дѣятельныя старанія всей буланжистской партіи. Въ интересахъ Франціи нужно пожелать, чтобы этимъ закончились политическіе успѣхи бывшаго военнаго министра, внесшаго смуту и безпокойство въ мирную жизнь французскаго общества.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го іюля, 1888.

— *Писма и бумаги императора Петра Великаго. Томъ первый (1688—1701).*
Спб., Государственная типографія. 1887.

Заглавіе этой книги достаточно, чтобы судить о величайшемъ интересѣ начатаго изданія. Это—огромный томъ (XXXII, 888, LIІ стр. въ большую 8-ву), первый, вѣроятно, изъ многихъ послѣдующихъ. Мысль объ этомъ изданіи восходитъ къ 1872 году, когда праздновалось двухсотлѣтіе рожденія Петра Великаго. Тогдашній министръ народнаго просвѣщенія, представляя имп. Александру II нѣкоторыя изданія, вышедшія тогда по этому поводу, высказалъ мысль, „что было бы достойно торжественнаго дня, празднуемаго Россією, и весьма важно для вѣрной и безпристрастной оцѣнки личности и многосторонней дѣятельности Петра Великаго—приступить къ изданію такого собранія его писемъ и бумагъ, которое совмѣстило бы въ себѣ все, что вышло изъ-подъ пера монарха, посвятившаго всю жизнь возведенію горячо любимой имъ Россіи“. Эта мысль получила Высочайшее одобреніе, и въ концѣ 1872 года образована была, подъ предсѣдательствомъ министра просвѣщенія, коммиссія изъ нѣсколькихъ специалистовъ по русской исторіи для приведенія въ извѣстность и собранія матеріала. Въ исполненіе этого плана сдѣланы были, во-первыхъ, сношенія съ министрами и главноуправляющими отдѣльныхъ вѣдомствъ о разысканіи въ архивахъ писемъ и бумагъ Петра Великаго и о доставленіи ихъ копій или самихъ подлинниковъ въ коммиссію; во-вторыхъ, министерство иностранныхъ дѣлъ поручило нашимъ дипломатическимъ агентамъ за границей ходатайствовать у иностранныхъ правительствъ, при которыхъ они аккредитованы, о сообщеніи указаній о бумагахъ, имѣющихся въ иностранныхъ архивахъ; наконецъ, такъ какъ не мало писемъ и бумагъ, и между прочимъ важныхъ, находилось въ русскихъ фамильныхъ архивахъ и въ частныхъ

рукахъ, въ газетахъ сдѣлано было приглашеніе частнымъ лицамъ о сообщеніи въ министерство просвѣщенія этихъ бумагъ для снятія съ нихъ копій. Всѣ эти мѣры возымѣли свое дѣйствіе: въ комиссію стали поступать многочисленныя матеріалы, собранныя ея членами въ разныхъ нашихъ архивахъ; документы, доставленные дипломатическими агентами и самими иностранными правительствами (изъ Австріи, Англіи, Голландіи, Даніи, Пруссіи, Саксоніи, изъ архивовъ мелкихъ бывшихъ нѣмецкихъ государствъ), частію собранныя за границей однимъ изъ членовъ комиссіи, А. Θ. Бычковымъ; наконецъ, бумаги, поступившія отъ частныхъ лицъ (комиссія замѣчаетъ, впрочемъ, что нѣкоторые изъ частныхъ лицъ не захотѣли сообщить имѣющихся у нихъ бумагъ). Въ февралѣ 1875, предсѣдатель комиссіи докладывалъ имп. Александру, что въ комиссіи имѣлось уже болѣе 4.000 писемъ Петра Великаго и бумагъ, писанныхъ его рукою; черезъ два года, въ апрѣлѣ 1877, въ распоряженіи комиссіи было уже до 10.000 документовъ, хотя въ этомъ числѣ должно было заключаться известное количество дублетовъ, такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ встрѣчались по архивамъ въ нѣсколькихъ спискахъ. Но при возроставшемъ числѣ переписываемыхъ въ комиссію матеріаловъ между ними уже не попадались больше документы за первые годы царствованія Петра Великаго; поэтому комиссія уже въ началѣ 1876 года возымѣла мысль о возможности начать печатаніе своихъ матеріаловъ и уже тогда составила правила, которыхъ хотѣла держаться при изданіи бумагъ Петра Великаго.

Еще при началѣ своего дѣла комиссія такъ опредѣлила составъ документовъ, которые должны были войти въ ея собраніе. Во-1-хъ, должны были войти сюда письма, указы и инструкціи Петра Великаго, а также его резолюціи на докладахъ и прошеніяхъ, сохранившіяся какъ въ подлинникахъ, такъ и въ спискахъ; 2) письма и бумаги, писанныя Петромъ Великимъ не отъ своего имени, какъ напр. нѣкоторыя письма Федора Алексѣевича Головина къ Патвулю; концептъ капитуляціи при сдачѣ крѣпости Нотебурга, подписанный графомъ Б. П. Шереметевымъ; письмо къ нарвскому коменданту отъ имени князя Ивана Юрьевича Трубецкого и проч.; 3) трактаты и договоры, заключенныя съ иностранными государствами, а также грамоты къ иностраннымъ государямъ, такъ какъ документы этого рода, подписанныя и не подписанныя Петромъ Великимъ, составлялись болѣею частію по мысли и указаніямъ самого государя; 4) учебныя его тетради, замѣтки для памяти и черновыя наброски собственной его руки; 5) не дошедшія до насъ ни въ подлинникахъ, ни въ спискахъ письма и бумаги Петра Великаго, но помѣщенныя въ прежнихъ печатныхъ изданіяхъ; 6) наказы нашимъ дипломатическимъ

агентамъ за границею и переписка съ ними лицъ, завѣдывавшихъ посольскимъ приказомъ, если въ сохранившихся черновыхъ отпускахъ тѣхъ и другихъ встрѣчаются поправки или дополненія, писанныя Петромъ; 7) жалованныя грамоты разнымъ лицамъ, свидѣтельствующія о заботахъ монарха къ водворенію и развитію у насъ того, что онъ считалъ полезнымъ и необходимымъ; 8) тѣ узаконенія, въ текстѣ которыхъ встрѣчаются поправки, сдѣланныя Петромъ Великимъ, хотя бы эти узаконенія были довольно обширнаго объема, какъ напр. Духовный регламентъ. Войскій уставъ, Морской уставъ и др.; и 9) исправленныя Петромъ реляціи и переводы разныхъ сочиненій.

Такимъ образомъ, въ изданіи не будетъ упущено ничего изъ выраженной Петровской мысли въ самыхъ разнообразныхъ областяхъ его дѣятельности: эта широкая программа отразится, конечно, на вѣншнемъ объемѣ изданія, которое должно очень разрастись, но зато оно будетъ имѣть выгоду необычайной полноты историческаго матеріала, какой мы не имѣемъ ни для одной эпохи нашей исторіи. Понятно, что при изданіи должна была сохраняться величайшая точность въ передачѣ документовъ—и, быть можетъ, она даже заведена теперь слишкомъ далеко. Когда въ комиссіи обсуждалось самое печатаніе изданія, то при этомъ приняты были слѣдующія правила: 1) письма и документы сопровождать необходимыми примѣчаніями и указаніями, гдѣ они хранятся, и если были напечатаны, то въ какихъ именно изданіяхъ; 2) если имѣется бѣловое письмо Петра Великаго, имъ только подписанное, и черновой отпускъ, весь или только частію написанный его рукою, то вводить въ текстъ бѣловаго письма все, написанное государемъ; 3) шифрованныя письма печатать не шифрами, а буквами, причѣмъ ключи помѣщать въ приложеніяхъ; навонецъ, относительно самого написанія комиссія постановила—въ письмахъ и замѣткахъ Петра Великаго исправлять очевидныя ошибки, оговаривая это внизу страницъ; пропущенныя въ словахъ буквы или по ошибкѣ пропущенныя слова вносить въ текстъ, заключая ихъ въ круглыя скобки; буквы, вынесенныя на верхъ строки (по обычаю тогдашней скорописи) вносить въ строку, но печатать курсивомъ и т. п. При такомъ способѣ, по мнѣнію комиссіи, получается возможность возстановить каждое изъ писемъ Петра въ томъ видѣ, какъ оно было написано. Въ вышедшемъ теперь томѣ такъ это и сдѣлано: получается обновленно текстъ очень пестрый, и мы не думали бы, чтобы это было совершенно необходимо. Основная цѣль изданія есть, конечно, передача мыслей Петра Великаго, а не его ореографіи: объ этой послѣдней могли бы дать достаточное понятіе нѣсколько образчиковъ его способа писанія для cadaго тома, которые и для фило-

логовъ указали бы достаточно его фонетику. Теперь этотъ способъ печатнаго факсимилірованія его писаній можетъ пожалуй затруднить непривычнаго читателя, по крайней мѣрѣ, развлекать вниманіе.

Когда, наконецъ, пересматривался матеріалъ, предназначенный для перваго тома, то оказалось, что изъ первыхъ лѣтъ царствованія Петра Великаго сохранилось его писемъ очень немного, между тѣмъ какъ по разнымъ даннымъ несомнѣнно, что онъ и тогда велъ дѣятельную переписку: изъ его собственныхъ писемъ и изъ массы писемъ отвѣтныхъ видно, что „огромное число“ (по выводамъ комиссіи) погибло для насъ безвозвратно. Уничтоженію ихъ способствовали и пожары, особливо въ помѣщичьихъ усадьбахъ (между прочимъ въ пожарѣ Зимняго дворца въ 1837 г. погибло собраніе писемъ Петра Великаго, принадлежавшее гр. Віельгорскому, къ которому оно поступило отъ извѣстнаго любителя старины Бекетова), и еще больше, вѣроятно, „наше небрежное отношеніе къ письменнымъ документамъ“, другими словами, невѣжественное отношеніе къ своей исторіи. Чтобы нѣсколько вознаградить эту потерю, предсѣдатель комиссіи нашель полезнымъ помѣстить сполна (въ примѣчаніяхъ) всѣ отвѣтныя письма, въ которыхъ сохранились указанія на потерянные письма Петра Великаго: такихъ писемъ помѣщено въ первомъ томѣ 362, отъ 50 лицъ. Большое число писемъ Петра въ настоящемъ томѣ взято изъ печатныхъ изданій, — и для нихъ въ комиссіи нашлось только очень немного подлинниковъ.

Въ такомъ состояніи находится матеріалъ предпринятаго изданія, и должно, по крайней мѣрѣ, отдать справедливость комиссіи, что она старалась передать его сколько можно обстоятельно. Въ первомъ томѣ помѣщено 402 письма и другихъ документовъ, писанныхъ Петромъ или составленныхъ по его указаніямъ; въ примѣчаніяхъ, какъ сейчасъ замѣчено, помѣщено нѣсколько сотъ отвѣтныхъ писемъ къ нему. Для болѣе удобнаго обозрѣнія матеріала приложено нѣсколько указаній: во-первыхъ, хронологическій указатель писемъ и бумагъ Петра, какъ сохранившихся, такъ и затерянныхъ, о которыхъ остались свидѣтельства въ отвѣтныхъ письмахъ и другихъ источникахъ; во-вторыхъ, указатель писемъ разныхъ лицъ къ Петру; въ-третьихъ, въ концѣ тома, обстоятельный указатель лицъ, географическихъ именъ и предметовъ. Таково внѣшнее исполненіе изданія. Что касается самого содержанія, то не подлежитъ сомнѣнію, что, когда это изданіе будетъ довершено, оно откроетъ новыя, гораздо болѣе обработанныя, чѣмъ было до сихъ поръ возможно, изученія личности и дѣятельности Петра Великаго. Въ общихъ чертахъ мы давно знаемъ и гениально-энергическій характеръ, и необычайное разнообразіе его трудовъ: о томъ и другомъ давно, еще съ его вре-

мень, говорили его панегиристы; мы еще по преданію привыкли изумляться необыкновеннымъ событіямъ его царствованія — но извѣстно, что какъ въ старое время говорила противъ Петра большая масса людей стараго обычая, такъ и въ новѣйшее время славянофильскіе историки и политики отвергали дѣятельность Петра въ самомъ принципѣ, какъ противонаціональный, деспотическій произволъ. Единственный путь къ уничтоженію историческаго недоразумѣнія есть подробное, во всѣхъ отношеніяхъ, и изо дня въ день изученіе фактовъ, и теперь это изученіе начинается дѣлаться возможнымъ. Въ настоящемъ томѣ мы имѣемъ еще весьма незначительную долю цѣлой массы Петровскихъ бумагъ, не считая того, что безвозвратно погибло; настоящая дѣятельность Петра еще впереди, но и здѣсь, въ этихъ первыхъ начаткахъ, въ его еще юношескихъ трудахъ, передъ нами раскрывается нѣчто необычайное. Спокойный историкъ нашего времени можетъ обойтись безъ панегирика, какъ съ другой стороны не будетъ закрывать глазъ на мрачныя событія той эпохи и суровыя черты самой личности; но онъ со вниманіемъ соберетъ тѣ фактическія данныя, которыя нарисуютъ ему историческій переворотъ, совершавшійся тогда въ русской жизни. Въ этомъ смыслѣ въ высшей степени интересны именно частныя подробности, въ которыхъ является передъ нами историческая эпоха, какъ она есть, въ ея подлиннѣйшихъ чертахъ, не закрытая отъ насъ позднѣйшими теоретическими толкованіями. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ эти толки объ оторванности отъ своего народа, о чужихъ, насильственно введенныхъ стихіяхъ, о слѣпомъ пристрастіи къ иноземному и т. п., падаютъ въ соприкосновеніи съ реальными фактами, которые должна представить переписка Петра Великаго, и которые, отчасти, являются передъ нами уже теперь, когда эта переписка едва раскрывается въ началѣ изданія. Въ этихъ письмахъ нѣтъ, вонечно, теоретическихъ разсужденій: болѣею частію это коротенькія записки, писанныя на-скоро по разнымъ крупнымъ и мелкимъ дѣламъ, но характеръ лица выражается въ нихъ очень рельефно. Вообще мы видимъ здѣсь Петра, такъ сказать, за работой: онъ говоритъ, обыкновенно, очень кратко (почему нѣкоторыя подробности писемъ остаются иногда неясны) и всегда о дѣлѣ; въ двухъ же словахъ онъ говоритъ и свои шутки, или упоминаетъ о веселомъ препровожденіи времени. Отъ этого перваго времени, какъ мы сказали, писемъ сохранилось сравнительно мало; но и они доставляютъ чрезвычайно интересный біографическій матеріалъ. Очень характерно, что первыя сохранившіяся записки Петра относятся къ его занятіямъ ариеметикой въ 1688 г. или, по другимъ историкамъ, нѣсколько раньше: это уже не прежнее нелѣпое обученіе счету,

чуть не по пальцамъ, какое существовало въ московской Россіи,— это ариметика правильная, хотя излагаемая нѣсколько смутно и съ латинскими названіями ариметическихъ дѣйствій („адиціо“, которая написана у Петра „адицоа“; „субстракція“ или по его написанію— „супъстракція“ и т. п.). Среди крупныхъ политическихъ дѣлъ онъ занятъ множествомъ разныхъ практическихъ заботъ; къ нему обращаются съ вопросами по подробностямъ военнаго дѣла, судостроенія— изъ Голландіи онъ вернулся уже знаткомъ этой послѣдней специальности; онъ занятъ вызовомъ нужныхъ иностранцевъ, и дома слѣдитъ, чтобы иностранный мастеръ не „гулялъ“, т.-е. не оставался безъ работы и обучалъ русскихъ; нѣкоторое пристрастіе къ голландскому языку оказывается еще раньше путешествія. Общее впечатлѣніе этой постоянной заботы, хлопотъ, труда—то, что они вызывались настоятельной необходимостью, потребностью во всякихъ практическихъ знаніяхъ и мастерствахъ, нужныхъ для государственнаго интереса, и которыхъ онъ не нашелъ въ обиходѣ старой московской жизни. Пересматривая въ этихъ частныхъ подробностяхъ труды Петра, историкъ безпристрастный долженъ убѣдиться въ органической необходимости того новаго направленія, которое принимала русская жизнь по инициативѣ Петра. Было, конечно, не мало крайняго, рѣзкаго, наконецъ жестокаго, что принадлежало и личному характеру, и старому необузданному обычаю,—но эти крайности не были главнымъ въ дѣятельности Петра и никакъ не перевѣшивали глубокаго образующаго значенія его дѣятельности.

Еще одна черта очень оригинальна въ письмахъ Петра Великаго; это—языкъ. Онъ оставилъ также и условный путь старой книжности: дѣловой языкъ московской Россіи носилъ уже сильную народную печать, — она сохраняется въ этой перепискѣ, но языкъ ея становится еще реальнѣе и начинаетъ вводить новый элементъ для выраженія вновь приобретаемыхъ знаній и понятій: это—первый зародышъ новѣйшаго литературнаго языка. Петръ, очевидно, писалъ какъ говорилъ: этому отвѣчаетъ и полное отсутствіе орфографіи; онъ руководился только выговоромъ, и это не лишено важности для филологовъ.

Любители русской исторіи будутъ, конечно, съ живѣйшимъ любопытствомъ ожидать продолженія изданія, которое обѣщаетъ драгоценный матеріалъ для изученія одной изъ величайшихъ, рѣшительныхъ эпохъ нашей исторіи.

- Проф. М. Н. *Петровъ*. Лекціи по всемірной исторіи. Томъ II. Исторія средних вѣковъ, обработанная и дополненная проф. В. Е. *Надлеромъ*. Харьковъ, 1888.
- (Тоже). Томъ III. Исторія новыхъ вѣковъ (Реформаціонная эпоха) въ обработкѣ прив.-доц. В. П. *Бузескула*. Харьковъ, 1888.

Въ одной изъ предыдущихъ книжекъ „В. Е.“ сказано было о началѣ изданія лекцій по всеобщей исторіи покойнаго харьковскаго профессора Петрова. Передъ нами продолженіе этого изданія, представляющее во II-мъ томѣ исторію среднихъ вѣковъ, и въ III-мъ— начало исторіи новѣйшей, именно полтора вѣка исторіи реформаціи. Раньше мы упоминали о томъ, въ какомъ видѣ эти лекціи остались вообще послѣ покойнаго профессора: только часть ихъ была имъ самимъ написана; гораздо большая доля осталась въ литографированныхъ запискахъ студентовъ, съ обычною неполнотою и неисправностями подобныхъ изданій. Г. Надлеръ, товарищъ Петрова по профессурѣ, и г. Бузескулъ, его ученикъ, взяли на себя трудъ исправить и дополнить этотъ не всегда удовлетворительный текстъ, конечно оберегая по возможности подлинныя мысли и слова автора; кое-гдѣ пришлось сдѣлать прибавки, болѣе или менѣе значительныя (онѣ указаны въ предисловіи и отмѣчены въ текстѣ скобками); исправлены нѣкоторыя устарѣлыя мнѣнія и прибавлены указанія на новѣйшую историческую литературу, особливо имѣющуюся и на русскомъ языкѣ.

Мы говорили раньше, что издатели лекцій Петрова придаютъ имъ большое значеніе, какъ рѣдкому въ нашей литературѣ самостоятельному изложенію всемірной исторіи, замѣчательному по цѣльности историческаго взгляда, по умѣнью выдѣлать и указать основные элементы историческаго движенія, характеризовать особенности разныхъ эпохъ, народовъ и событій. Лекціи Петрова дѣйствительно имѣютъ эти достоинства, хотя, быть можетъ, не совсѣмъ въ той степени, какая принимается его издателями. Едва ли сомнительно, что лекціи вышли бы въ болѣе совершенномъ видѣ, еслибы авторъ самъ успѣлъ окончательно обработать ихъ для печати; немаловажныя добавки, сдѣланныя, напримѣръ, во II да и въ III томѣ, и дѣйствительно необходимыя, свидѣлствуютъ о значительныхъ неполнотахъ, какія были въ подлинникѣ. Изложеніе въ этихъ двухъ томахъ неравномѣрно: въ исторіи среднихъ вѣковъ Петровъ довольствовался широкими очерками, не вдаваясь въ фактическія подробности и какъ бы предполагая ихъ извѣстными; въ исторіи реформаціи онъ, напротивъ, рассказываетъ съ гораздо большею подробностью самыя событія и ближе характеризуетъ дѣйствующія лица. Особеннымъ достоинствомъ

исторіи средних вѣковъ, въ изложеніи Петрова, издатель полагаетъ то, что здѣсь весьма подробно введена исторія славянскаго міра. „Исторія славянскаго міра,—говоритъ г. Надлеръ,—отодвигаемая до сихъ поръ на второй планъ въ громадномъ большинствѣ даже русскихъ учебниковъ и общихъ сочиненій по этому отдѣлу всемірной исторіи,—стоитъ у М. Н. Петрова на первомъ планѣ, налагается, пожалуй, даже съ большею подробностью, нежели исторія западнаго, романо-германскаго міра, и, что самое главное, не стоитъ особнякомъ, какъ бы приставленная сбоку, подобно тому какъ прицѣпляется иногда чисто внѣшнимъ образомъ къ исторіи древности исторія Китая, а вводится органически въ изображеніе всеобщаго развитія человѣчества. Изъ книги Петрова, написанной, впрочемъ, вполне объективно, всякій читатель вынесетъ самое ясное и опредѣленное понятіе о славянствѣ, какъ историко-этнографическомъ типѣ, о всемірно-исторической роли славянскаго племени, о тѣхъ принципахъ, которые легли въ основу исторической жизни славянскихъ народовъ и государствъ. И въ этомъ отношеніи покойный профессоръ въ общемъ и цѣломъ стоялъ на высотѣ современной науки“. Опытъ введенія исторіи славянскихъ народовъ въ курсъ средних вѣковъ былъ уже сдѣланъ раньше въ учебникѣ г. Бѣлова, и въ русскомъ изложеніи средневѣковой и новой исторіи, конечно, должны занять мѣсто близкія намъ племена славянскія, но ихъ участіе въ общемъ ходѣ исторіи западно-европейской остается тѣмъ не менѣе въ наибольшей степени пассивнымъ. Въ изложеніи византійской исторіи указано, обыкновенно мало отмѣчаемое подобными курсами, значеніе Византіи (собственно въ первой половинѣ средних вѣковъ), какъ высшаго центра образованія, искусства и промышленности, влиянію котораго много обязана была сама западная Европа, но недостаточно выяснено, по какимъ причинамъ въ послѣдствіи (т.-е. уже во второй половинѣ средних вѣковъ) образованіе западно-европейское не только освободилось отъ этихъ вліяній, но и создало новое движеніе, какового не знала сама Византія. Въ объясненіи историческихъ особенностей русскаго племени Петровъ указываетъ необходимость того политическаго склада, какой созданъ былъ великорусскимъ племенемъ, и затѣмъ дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: „самая національная замкнутость великоруссовъ для дѣла славянской народности могла быть только спасительной. Славяне, по свидѣтельству всѣхъ древнѣйшихъ о нихъ писателей, при всѣхъ своихъ хорошихъ качествахъ отличались искони двумя существенными недостатками, бывшими главной причиной всѣхъ ихъ несчастій въ исторіи: племенными раздорами и легкомысленною привязанностью къ чужеземному. Установленіемъ крѣпкой государственной власти и своею народною исключительностью великоруссы изле-

чилисъ (?) отъ обоихъ этихъ обще-славянскихъ недуговъ и тѣмъ отстояли какъ государственную независимость по крайней мѣрѣ восточнаго славянства, такъ и неприкосновенность славянскаго типа" (т. II, стр. 117). Мысль опять недоразвитая: во-первыхъ національная замѣнутость великоруссовъ, которая изображается какъ „неприкосновенность славянскаго типа“, не совсѣмъ вяжется съ тѣмъ, что нѣсколько выше (стр. 113) авторъ говоритъ о Руси, какъ о „народѣ совершенно оригинальномъ, чуждомъ всякой національной исключительности“ (и это приписывается у Петрова также и всему славянскому типу); во-вторыхъ, эта національная замѣнутость если и была, въ особыхъ историческихъ условіяхъ, выгодой, то была также и большой невыгодой, потому что, безъ сомнѣнія, мѣшала успѣхамъ образованія, и въ этомъ смыслѣ вредъ ея продолжается даже до настоящей минуты. Наконецъ, неужели „привязанность къ чужеземному“ происходила у славянъ отъ одного только легкомыслія? Историкъ забылъ, что у южныхъ (въ Византіи) и западныхъ сосѣдей славяне встрѣчали обыкновенно болѣе высокую ступень просвѣщенія; такъ отъ южныхъ сосѣдей русское славянство приняло самое христіанство и начатки литературы.

Издатели полагаютъ, что книга Петрова можетъ быть въ особенности полезна какъ руководящее пособіе для студентовъ и преподавателей среднихъ учебныхъ заведеній, и дѣйствительно она можетъ хорошо служить для этой цѣли именно своими общими объясненіями, какихъ мало даютъ обыкновенные учебники, а также и указаніями исторической литературы, которыя прибавлены самими издателями лекцій. Мы думали бы, что эти указанія съ пользою для дѣла могли бы быть сдѣланы съ нѣсколько болѣею подробностью. Желательна также болѣе исправность корректуры, особливо въ собственныхъ именахъ; напримѣръ, стр. 252, „Карль изъ Жиротина“, читай: Жеротина; стр. 259, „Коневичъ“, читай: Кеневичъ; стр. 268, „отецъ Іоакимъ“, читай: Іакинъ, и т. п. (эти ошибки остались неисправленными).

Изданіе будетъ закончено четвертымъ томомъ, который будетъ обнимать вѣкъ Людовика XIV и XVIII столѣтіе съ продолженіемъ до вѣнскаго конгресса.—А. П.

— *Земскія повинности.* Томъ I. Земскія доходныя смѣты и раскладки на 1885 годъ. Изданіе департамента окладныхъ сборовъ. С.-Петербургъ, 1888.

Это изданіе предпринято весьма кстати. Вопросъ о регулированіи земскаго обложенія поставленъ на очередь; для правильнаго его разрѣшенія необходимо всестороннее знакомство съ существующими раз-

мѣрами земскихъ смѣтъ и основаніями земскихъ раскладокъ. Такого знакомства не даютъ ни „Земскіе ежегодники“, ни прежнія оффиціальныя изданія. Отсюда рѣшимость министерства финансовъ приступить къ собранію и группировкѣ данныхъ, по возможности полныхъ, точныхъ и относящихся къ ближайшему прошлому. Инициатива этой мысли принадлежитъ бывшему директору департамента окладныхъ сборовъ, А. А. Рихтеру, а руководство ея исполненіемъ—такому знатоку земскаго дѣла, какъ В. Ю. Скалонъ, бывший редакторъ газеты „Земство“ и предсѣдатель московской уѣздной земской управы. Первый томъ, теперь вышедшій въ свѣтъ, обвиняетъ собою доходныя смѣты и раскладки на 1885 г.; слѣдующіе выпуски будутъ заключать въ себѣ подробную разработку этихъ матеріаловъ, свѣденія о земскихъ расходахъ и натуральныхъ повинностяхъ и сводъ свѣденій о смѣтахъ и раскладкахъ за время съ 1865 по 1889 г., по губерніямъ, гдѣ не введены земскія учрежденія. Въ 34 земскихъ губерніяхъ, въ 1885 г., земскаго сбора съ земель приходилось, среднимъ числомъ, около 50 копѣекъ на душу, въ 16 губерніяхъ не-земскихъ—около 17 копѣекъ. Въ этой разницѣ нѣтъ ничего удивительнаго, если принять во вниманіе, сколько потребностей, вовсе не удовлетворяемыхъ или плохо удовлетворяемыхъ въ губерніяхъ не-земскихъ, покрывается земскимъ сборомъ въ губерніяхъ, гдѣ введены въ дѣйствіе земскія учрежденія. Такіе же, приблизительно, выводы получаются и при опредѣленіи отношенія земскаго поземельнаго сбора не къ душѣ, а къ десятинѣ. Среднее обложеніе земли въ земскихъ губерніяхъ составляетъ $12\frac{2}{5}$ коп. съ десятины, въ не-земскихъ— $4\frac{1}{10}$ коп.; но при этомъ необходимо имѣть въ виду, что въ числѣ не-земскихъ губерній есть такія, какъ архангельская, въ которой десятина обложена только $\frac{1}{2}$ коп., или оренбургская, въ которой сборъ съ десятины не превышаетъ $2\frac{1}{4}$ коп. Ошибочно было бы думать, что земскій поземельный сборъ въ земскихъ губерніяхъ всегда больше, чѣмъ въ не-земскихъ; въ шести губерніяхъ изъ числа первыхъ онъ не достигаетъ 10 копѣекъ съ десятины, между тѣмъ какъ въ двухъ изъ числа послѣднихъ (могилевской и подольской) онъ превышаетъ эту сумму. Особенно интересными, въ первомъ выпускѣ, представляются свѣденія объ основаніяхъ раскладки земскихъ сборовъ; финансовая политика земства обрисовывается здѣсь во всѣхъ своихъ разнообразныхъ отгѣнахъ. Покажѣтъ это только сырой матеріалъ, но къ общепланной оффиціальной его разработкѣ не замедлитъ, по всей вѣроятности, присоединиться цѣлый рядъ частныхъ трудовъ, и многолѣтній опытъ земства приведетъ, наконецъ, къ опредѣленнымъ результатамъ. Изъ множества любопытныхъ фактовъ, встрѣчающихся въ этой части изданія, укажемъ для примѣра на контрастъ между

детальностью раскладокъ—губернской и нѣсколькихъ уѣздныхъ—въ черниговской губерніи, гдѣ давно уже начаты и по нѣкоторымъ отдѣламъ закончены земскія статистическія работы, и элементарностью раскладокъ въ губерніи петербургской, гдѣ поздно предпринятое статистическое изслѣдованіе не успѣло еще повліять на оцѣнку земель. Черниговская губернская раскладка опредѣляетъ доходность земель по мелкимъ территориальнымъ единицамъ—межевымъ дачамъ, которыхъ въ отдѣльныхъ уѣздахъ отъ 50 до 120, а въ цѣлой губерніи около 1.000; внутри каждой дачи отдѣльно выводится доходность каждаго вида угодій. Петербургская губернская раскладка ограничивается дѣленіемъ земель на два разряда; въ четырехъ уѣздахъ для каждаго разряда устанавливается одна огульная оцѣнка, а въ другихъ четырехъ принимается въ расчетъ, сверхъ того, разстояніе отъ столицы. Это—недурная иллюстрація къ вопросу о значеніи земскихъ статистическихъ работъ, которыя теперь въ модѣ обезцѣнивать, унижать и заподозривать.

— *В. Александренко*, Англійскій тайный совѣтъ и его исторія. Т. I. Часть первая. Отъ начала XIII столѣтія до смерти Генриха VIII. Сиб., 1888.

Намъ случалось слышать недоумѣвающіе вопросы о томъ, почему и для чего молодые русскіе историки посвящаютъ свои труды тѣмъ слишкомъ спеціальнымъ, недостаточно общепитереснымъ, въ родѣ избранной г. Александренко. Подобныя недоумѣнія и тѣсно связанныя съ ними упреки кажутся неосновательными. Разъ что у насъ существуетъ университетская кафедра всеобщей исторіи, разъ что въ нашихъ юридическихъ факультетахъ изучается не только догма, но и исторія права, и притомъ не одного русскаго права,—появленіе историческихъ монографій, по всѣмъ отраслямъ и отдѣламъ науки, представляется совершенно естественнымъ и неизбѣжнымъ. Нельзя же требовать отъ всѣхъ одной популяризаціи знаній, нельзя же ожидать, чтобы всѣ имѣли въ виду только большинство публики и старались быть доступными для каждаго читателя. Между молодыми людьми, занимающимися всеобщей исторіей или исторіей западно-европейскаго права, не могутъ не быть и такіе, которыхъ привлекаетъ всего сильнѣе ближайшее изслѣдованіе отдѣльныхъ вопросовъ. Однимъ свойственно стремиться въ ширину, другимъ—въ глубину, и оба стремленія, если они не переходятъ черезъ край, должны быть признаны одинаково законными. У насъ въ Россіи, въ виду нѣкоторыхъ особенностей нашей науки и нашего общества, отъ историка, избравшаго свою спеціальностью не отечественную исторію, позволительно, какъ намъ кажется, желать только одного: чтобы онъ не

зарывался черезъ-чуръ далеко въ мелочныя подробности, чтобы сочиненіе его было приобрѣтеніемъ не только для маленькаго кружка ученыхъ, но и для значительной части образованныхъ людей. Число силъ, работающихъ у насъ надъ всеобщей исторіей, такъ невелико, что мало-производительная ихъ затрата не можетъ не возбуждать сожалѣнія. Въ Германіи не пропадаетъ даромъ ни одинъ камешекъ, прибавленный къ громаднѣмъ и постоянно растущимъ постройкамъ; у насъ постройка до крайности мало, и потому трудъ каменотеса не долженъ развиваться въ ущербъ труду строителя. Примѣняя все сказанное къ книгѣ г. Александренко, мы находимъ, что въ неудачномъ выборѣ тѣмъ автора обвинить никакъ нельзя. Исторія государственнаго строя Англіи имѣетъ высокую важность не для однихъ англичанъ, а въ этой исторіи роль королевскаго совѣта является и весьма крупной и недостаточно выясненной. Слабую сторону сочиненія г. Александренко мы видимъ не въ замыслѣ, а въ исполненіи. Ему недостаетъ, прежде всего, сжатости, систематичности. Авторъ какъ будто бы не рѣшилъ заранѣе, о чемъ ему слѣдуетъ говорить, о чемъ можно не упоминать; онъ не провелъ яркой демаркаціонной черты между тѣмъ, что прямо касается его задачи, и тѣмъ, что соединено съ нею лишь весьма косвенною и шаткою связью. Отсюда множество деталей, совершенно излишнихъ. Исторія тайнаго совѣта слишкомъ часто и безъ всякой видимой причины обращается просто въ политическую исторію Англіи. Къ чему, напримѣръ, всѣ свѣденія о войнѣ Генриха IV съ шотландцами, о затрудненіяхъ, встрѣченныхъ имъ въ Ирландіи? Къ чему масса фактовъ, относящихся къ внѣшнему ходу борьбы между обѣими Розами? Значительно сокращены могли бы быть и тѣ части книги, которыя имѣютъ болѣе прямое отношеніе къ тайному совѣту. Авторъ приводитъ слишкомъ много именъ, слишкомъ много цифръ. Зачѣмъ намъ знать фамиліи лицъ, помогавшихъ архіепископу Йоркскому управлять Англіей въ отсутствіи Генриха III, или членовъ совѣта, сочувствовавшихъ, при Ричардѣ II, ученію Виллефа? Имена, однажды названныя, сплошь и рядомъ не астрѣчаются больше ни разу; обойтись безъ нихъ было вполне возможно, потому что носители ихъ не играли никакой выдающейся роли. Не избѣгаетъ г. Александренко и повтореній, рѣшительно ничѣмъ не оправдываемыхъ. Канцлеры, слѣдовавшіе одинъ за другимъ въ первые годы управленія Эдуарда III—Стратфордъ, Бурше, Парвингъ, Садингтонъ, Уффордъ,—перечисляются два раза (на стр. 70—71 и 93—95), между тѣмъ какъ книга ровно ничего бы не потеряла и отъ совершеннаго умолчанія о нѣкоторыхъ изъ нихъ. О томъ, что Вильгельмъ Завоеватель, уѣзжая на время изъ Англіи, поручилъ управленіе, изъ предосторожности, не одному замѣстителю, а двумъ,

упоминается два раза (на стр. 6 и 27), причемъ во второй разъ, *par dessus le marché*, оба замѣстителя названы по имени. Два раза сказано и о томъ, что Томасъ Бекетъ изучалъ въ Парижѣ богословіе, а въ Болоньѣ—римское право (стр. 4 и 33). Два раза приводятся слова Фортескью о главѣ или шефѣ тайнаго совѣта, который долженъ назначаться королемъ и называться *capitalis conciliarius* (стр. 241 и 249). Все это вмѣстѣ взятое свидѣлствуетъ о томъ, что авторъ не вполне справился съ своимъ матеріаломъ, слишкомъ часто остающимся въ совершенно сыромъ видѣ. Извлечь изъ него все дѣйствительно цѣнное и важное можно только путемъ продолжительной работы, непосильной, конечно, для огромнаго большинства читателей. Между подстрочными примѣчаніями не мало такихъ, которыя только увеличиваютъ объемъ книги. Неужели, напримѣръ, нужно было приводить латинскую цитату, чтобы доказать, что замѣстителей короля Вильгельма I дѣйствительно звали Одономъ и Осборномъ? Неужели нужно было перечислять имена всѣхъ папъ, при которыхъ Гильдебрандъ (будущій Григорій VII) былъ секретаремъ, и выписывать изъ англійскаго историка (стр. 18) характеристику папской политики, не заключающую въ себѣ ничего, кромѣ всѣмъ извѣстныхъ положеній? Неужели нужно было доказывать, что въ XV вѣкѣ сожженіе еретиковъ было дѣломъ весьма обыкновеннымъ (стр. 101)? Затрудняется чтеніе книги г. Александренко, кромѣ избытка балласта, и изложеніемъ, оставляющимъ желать весьма многого. Авторъ употребляетъ иногда безъ надобности иностранныя слова—*супремасія*, лидеръ (въ смыслѣ вождя), магистратъ (въ смыслѣ должностнаго или власть имѣющаго лица),—оставляетъ безъ объясненія нѣкоторые техническіе термины (напр. „принудительная коммендація“), не всегда достаточно заботится о ясной и правильной постройкѣ фразы. Мы читаемъ, напримѣръ, что великая хартія была оплотомъ англійскихъ учреждений, „которому, какъ и всему существующему на свѣтѣ, пришлось выдержать испытаніе при Тюдорахъ и Стюартахъ“. Не говоря уже о томъ, что подчеркнутое нами обобщеніе оказывается, въ данномъ случаѣ, совершенно ненужнымъ, конструкція фразы такова, какъ будто бы все существующее на свѣтѣ выдерживало испытаніе именно при Тюдорахъ и Стюартахъ. Спѣшимъ прибавить, что тѣ главы, въ которыхъ авторъ всего меньше уклоняется отъ своей основной задачи—въ особенности глава одиннадцатая—представляютъ немало интереснаго. Въ послѣдующихъ частяхъ своего труда г. Александренко общается изобразить исторію образованія кабинета и восстановленія, въ новѣйшее время, почти самостоятельной дѣятельности тайнаго совѣта, въ области народнаго образованія и контроля мѣстнаго управленія. Все это можетъ составить нѣчто весьма цѣнное, если

только искусство обработки фактовъ будетъ доведено авторомъ до той высоты, на которой стоитъ у него теперь усердіе въ ихъ собраніи. — К. К.

Въ теченіе іюня мѣсяца поступили въ редакцію слѣдующія книги и брошюры:

- Александръ*, В. Кебетъ. Картина. Перев. съ греч. Спб. 1888. Стр. 24.
Анисимовъ, И. Ш. Кавказскіе еврей-горцы. М. 1888. Стр. 152. Ц. 1 р.
Анненковъ, К. Опытъ комментарія къ уставу гражд. судопроизводства. 2-е изд., исправл. и дополн. Т. V. Исполненіе рѣшенія. Спб. 1888. Стр. 588. Ц. 3 р. 50 к.
Бразоль, Л. Е. Публичныя лекціи о гомеопатіи. Спб. 1888.
Вейденбаумъ, Е. Путеводитель по Кавказу. Тифлисъ. 1888. Стр. 434.
Гобшиттеръ, И. Земскіе зерновые склады, какъ учрежденіе кредитное и посредническое. Черниговъ. 1888. Стр. 16. Ц. 20 к.
Григорова, Е. Христофоръ Колумбъ. М. 1888. Стр. 63. Ц. 30 к.
Карцовъ, П. П. Изъ прошлаго. Личныя и служебныя воспоминанія. 1831—1878 гг. Спб. 1888. Стр. 515. Ц. за двѣ части 5 р.
Куплеваскій, Н. О. Государственная служба въ теоріи и въ дѣйствующемъ правѣ Англій, Франціи и Цислейтанской Австріи. Харьковъ. 1888. Стр. 288. Цѣна 2 руб.
Лашиковъ, В. Л. Стихотворенія. Одесса. 1888. Стр. 120. Ц. 1 р.
Литвинъ. Стихотворенія. Вильна. 1888. Стр. 214. Ц. 1 р. 50 к.
Львовъ, Дм. Курсъ финансоваго права. Казань. 1888. стр. I—XV и 1—520. Ц. 3 р. 50 к.
Маминъ, Д. Уральскіе рассказы. Т. I. М. 1888. Стр. 471. Ц. 1 р. 50 к.
Масленниковъ, Б. И. Общедоступный громкоотводъ. Спб. 1888. Стр. 12. Ц. 30 к.
 ——— Элеваторы, ихъ конструкція и значеніе для Россіи Спб. 1888. Стр. 47. Ц. 40 коп.
Модестовъ. Лекціи по исторіи римской литературы. Спб. 1888. Стр. 764. Цѣна 5 руб.
Охороковъ, В. П. Возвращеніе къ честному труду падшихъ дѣвушекъ. М. 1888. Ц. 30 к.
Панаевъ, И. И. Полное собраніе сочиненій въ 6 томахъ. Тт. 2 и 4. Спб. 1888. Ц. 6 р.
Петровъ, М. Н. Лекціи по всемірной исторіи. Т. III. Исторія новыхъ вѣровъ. Харьковъ. 1888. Стр. 216. Ц. 1 р. 50 к.
Симоновъ, Л. Иллюстрированный словарь нравственныхъ свѣденій, необходимыхъ въ жизни всякому. Вып. 10 и 11. Спб. 1888. Стр. 817—1008. Ц. 3 р.
Степовичъ, А. Славянская Бесѣда. Бн. I. Киевъ. 1888. Стр. 240.
Фанъ-деръ-Флитъ, Н. Возраженіе на докладъ М. И. Казки: „Добровольный флотъ и русское Общество пароходства и торговли передъ государствомъ“. Одесса. Стр. 57.
Хоценковъ, В. Опытъ разбора трагедіи Пушкина: „Моцартъ и Сальери“. Псковъ. 1888. Стр. 46. Ц. 20 к.
Цотътава, М. Головоногія верхняго яруса средне-русскаго каменноугольнаго известняка. Съ 6-ю таблицами. Спб. 1888. Стр. 58. Ц. 35 к.

Шнейдеръ, Е. Ф. Медя, Эврипида. Переводъ. Спб. 1888. Стр. 66.

Ярошевскій, С. О. Граница. Романъ. Спб. 1888. Стр. 435. Ц. 2 р.

Ясинскій, I. Полное собраніе повѣстей и разсказовъ. Три книжки. 1882—1886. Спб. 1888. Ц. 4 р. 50 к.

Эккъ, Н. Опытъ обработки статистическихъ данныхъ о смертности въ Россіи. Спб. 1888. Стр. 85 и 70.

Экономистъ. Виновата ли наука въ ошибкахъ нашей финансовой практики, и значеніе періодической прессы для предупрежденія ихъ. Съ приложеніемъ статей *ею же*: о вывозныхъ преміяхъ на сахаръ и нормированіи производства его, съ точки зрѣнія экономической науки. Варшава, 1888. Стр. I—XV и 79.

Brueckner, A. Die Europäisirung Russlands. Land und Volk. Gotha. 1888. Стр. 598.

— Das Weltproblem. Eine politisch-ökonomische (?) Studie, gewidmet der entwickelten Vernunft. Рига. 1888. Стр. 20 (съ таблицей).

— Законодавство и владоци српски XVI века и народности у Македоніи. Београд. 1888. Стр. 22.

— Кавказъ. Справочная книга, составленная старожиломъ. Вып. VI и VII. Правительственныя и общественныя учрежденія, мѣстные законы, сельское хозяйство, промышленность и торговля. Тифлисъ, 1888. Стр. 299—411. Ц. 30 к.

— Краткій очеркъ дѣятельности общества попеченія о начальномъ образованіи въ г. Томскѣ. 1882—87 г. Томскъ, 1888. Стр. 48.

— Къ юбилею бывшаго начальника военно-учебныхъ заведеній ген.-ад. Исакова. Спб. 1888. Стр. 23.

— Общество попеченія о начальномъ образованіи въ г. Барнауль, за 1887 г. Барнаулъ, 1888. Стр. 40.

ЗАМѢТКА.

Новый отчетъ о внѣшней торговлѣ за 1887 г.

Появившійся недавно officialный отчетъ о внѣшней торговлѣ по европейской границѣ за 1887 годъ даетъ намъ одинъ изъ частныхъ отвѣтовъ по вопросу о современной нашей экономической политикѣ. Извѣстно, что съ нѣкотораго времени у насъ пошли въ ходъ особыя экономическія теоріи. Напримѣръ, явилось ученіе о пользѣ умноженія кредитныхъ билетовъ въ народномъ обращеніи, якобы оживляющемъ промышленность, и о вредѣ сокращенія числа этихъ денежныхъ знаковъ; увѣрили, что можно производить богатства изъ „бумаги“, а невѣріе въ спасительность такого производства объявляли вредною „доктриною“; избытокъ бумажекъ, — говорили, — не роняя ихъ цѣны, только обогатитъ страну. И вотъ, начавшееся было изыатіе

кредитныхъ билетовъ для ихъ уничтоженія прекратилось, сожженіе ограничилось всего-на-все 87 милліонами кредитныхъ рублей, и извѣстные кредитные билеты снова пошли въ обращеніе, особенно благодаря операціямъ дворянскаго банка. Другое ученіе, диктуемое преимущественно изъ Москвы, говоритъ о необходимости всемірно повышать таможенные пошлины, такъ какъ отъ этого, съ одной стороны, разовьется отечественная промышленность, а съ другой—достигнуть будетъ перевѣсъ отпуска надъ привозомъ, отчего опять поднимется цѣна ходячихъ у насъ денегъ; перевѣсомъ отпуска мы—говорилось—заставимъ потечь къ намъ изъ-за границы денежную рѣку. Положимъ, тутъ предъ нами выступаетъ старинная, давно утратившая кредитъ, меркантильная теорія, только диктуемая теперь изъ Москвы, но мы умудряемся и заброшенными задами. Еще новое ученіе—спасительность подъема хлѣбныхъ цѣнъ, иначе сказать—необходимость созданія дороговизны; говорятъ, что вопросъ о сельско-хозяйственномъ кризисѣ кое-гдѣ такъ и окрестили вопросомъ о „поднятій цѣнъ“ на продукты земледѣлія. Правда, экономическій прогрессъ всегда понимался въ смыслѣ увеличенія производства и сообщенія его продуктамъ наибольшей доступности для всего населенія, да и поднятіе цѣнъ, будучи выгодно одной части населенія, убыточно для другой, для всей массы потребителей. Но вѣдь все это, пожалуй, тоже „доктрины“, а безъ доктринъ живется куда легче, особенно когда не требуется заглядывать впередъ дальше сегодняшняго дня.

Но со времени появленія новыхъ теорій прошелъ уже изрядный періодъ времени, такъ что пора бы провѣрить результаты ихъ приложенія и подсчитать всѣ блага, полученныя при ихъ помощи. Сдѣлать это было бы тѣмъ болѣе встать, что теоріи примѣнялись довольно рѣшительно. Таможенные пошлины, напр., поднимались круто, и огульно, и по частямъ. Еслибы ожидаемыя блага получились на дѣлѣ, то это было бы хорошимъ оправданіемъ для свободной отъ всякихъ доктринъ политики и дало бы извѣстный научный вкладъ. Понятно, что экономическіе факты тутъ получаютъ особенный интересъ. Что же мы, однако, видимъ?

Въ сферѣ денежнаго обращенія дѣло очевидно не удалось. Курсъ нашъ долгое время не только не поправлялся, а падалъ все больше и больше. Въ годъ съ небольшимъ цѣна рубля понизилась почти на 20% и дошла до полтинника. Противники доктринъ тутъ все сваливали на политическія причины, хотя замѣчательно, что именно они же, два-три года назадъ, производя свои финансовыя агитаціи, положительно отвергали вліяніе политики въ тогдашнихъ колебаніяхъ курса. Ни „Кушка“, ни болгарскія осложненія, по ихъ словамъ, курса ронять не могли; а теперь вдругъ та же „политика“ приобрѣла способность оказывать

сильнѣйшее вліяніе на курсъ. Однако, нисколько не отрицая значенія политическихъ событій, нельзя не замѣтить, что долгое время и въ политикѣ было тихо, а рубль все-таки равнялся 51 копѣйкѣ съ дробью. И если курсъ поднялся въ самое послѣднее время, то опять при такихъ политическихъ событіяхъ, отъ которыхъ можно было ожидать самаго рѣшительнаго его паденія. Значить, оправданія новой теории не было видно. Не было ли больше удачи по части таможенной политики?

Таможенные пошлины, какъ замѣчено выше, повышались усердно, и цѣликомъ, и по частямъ; поднимались онѣ и на издѣлія, и на сырой матеріалъ (хотя къ послѣднему благосклоннѣе относились сами меркантилисты, находя, что дешевое сырье помогаетъ развитію домашняго производства); поднимались онѣ и для такихъ предметовъ, которые у насъ вовсе производимы быть не могутъ, напр. чай, нѣкоторые фрукты и т. п., такъ что тутъ собственно не было никакого покровительства мѣстному промыслу. И вотъ результаты, выведенные, конечно, съ свойственною официальнымъ свѣденіямъ по такому предмету осторожностью: общая сумма нашего отпуска въ 1884 году составляла 352 милліона металлическихъ рублей; въ 1885 году—319 милліоновъ; въ 1886 году—279 милліоновъ, а въ 1887 году—336 милліоновъ. Привозъ же составлялъ: въ 1884 году 313 милліоновъ; въ 1885 г.—244 милліона; въ 1886 г. 238 милліоновъ, а въ 1887 г.—только 191 милліонъ.

Такимъ образомъ, дѣло шло къ тому, что нашъ международный обмѣнъ постоянно и быстро сокращался, т.-е. достигалась большая экономическая уединенность. Пошлины уменьшали несомнѣнно привозъ, но вмѣстѣ съ этимъ сокращался и отпускъ, сокращалось иностранное требованіе на наши продукты. Оба явленія шли параллельно. Сокращеніе же спроса на наши предметы отпуска не могло не отразиться на выгодахъ нашихъ хозяевъ, которые громко заговорили о своемъ кризисѣ. Связь между размѣрами отпуска и привоза сказалась явственно, и односторонніе расчеты по внѣшней торговлѣ не совсѣмъ оправдались. Однако, за всѣмъ тѣмъ, бросается въ глаза перевѣсъ нашего отпуска надъ привозомъ. Тутъ достигнуть очевидный результатъ (если только приемы оцѣнки товаровъ въ нашей таможенной статистикѣ совершенно правильны). Какъ ни сокращался общій размѣръ нашей внѣшней торговли, а все-таки привозъ сокращался сильнѣе. Въ 1884 году отпускъ превышаетъ привозъ только на 12%; въ 1885—уже на 30%; въ 1886 г.—на 17%, а въ 1887—почти на 75%. Если точно достигнуть такой крупный результатъ, то слѣдовало бы ожидать, наконецъ, появленія денежной рѣки изъ-за границы и всѣхъ прочихъ благъ, ожидавшихся отъ новой меркантильной теории.

Перейдемъ къ поступленію таможенныхъ пошлинъ. Въ 1887 г. ихъ поступило всего 64 милліона рублей металлическихъ и 2 милліона кредитныхъ. Этотъ размѣръ самый низшій за все послѣднее шестилѣтіе (въ 1882 получено 64½ мил. мет. и 2¼ кред.; въ 1883 г. 66½ мет. и 2 м. кред.; въ 1884 г. 65 мил. мет. и 2 мил. кр.; въ 1885 г.—64½ мил. мет. и 1¾ мил. кред., а въ 1886 г.—70¾ мил. мет. и 2 мил. кр.). Слѣдовательно, повышеніе пошлинъ не только не увеличило государственнаго дохода, но вызвало такое сокращеніе ввоза, что доходъ этотъ и при увеличенныхъ пошлинахъ сталъ понижаться. Вотъ это-то пониженіе казеннаго дохода, сказавшееся въ цѣломъ рядѣ лѣтъ, представляется вполне реальнымъ результатомъ теоріи. Сильно сократился въ 1887 году ввозъ чая (конечно, не поощрившій отечественной промышленности, за исключеніемъ развѣ сбора „копорскаго“ чая, чаще и чаще теперь обнаруживаемаго въ торговлѣ); меньше привезено кофе, табаку, фруктовъ, шерсти, угля и т. д. Въ теченіе всего пятилѣтія особенно сильно уменьшился ввозъ жизненныхъ припасовъ. Такимъ образомъ, страна меньше получила изъ-за границы цѣнностей, казна меньше получила дохода, а хозяева жаловались, что имъ некуда сбывать хлѣбъ.

Какъ бы то ни было, перевѣсъ отпуска надъ привозомъ достигнуть въ сильнѣйшей степени, скажутъ намъ. Допустимъ, что это такъ, и не станемъ входить въ провѣрку этого вывода. Но если подобный перевѣсъ дѣйствительно достигнуть и достигался въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ, то, конечно, не ради одного показанія въ отчетахъ, а ради какихъ-нибудь реальныхъ выгодъ въ экономической жизни, ради фактическихъ благъ, которыя были намъ обѣщаны. Въ чемъ бы состояло достоинство упомянутого перевѣса, еслибы онъ оставался безрезультатнымъ и ни для кого неощутительнымъ. Если шесть лѣтъ сразу дѣйствовало благоприятное намъ экономическое условіе, то не можетъ же оно оставаться только на бумагѣ. Вотъ теперь и позволительно попросить указанія фактовъ существеннаго экономическаго улучшенія въ нашей жизни, явившихся отъ „выгоднаго“ оборота внѣшней торговли. Куда же именно скрылись эти факты? Въдѣ передъ нами до самыхъ послѣднихъ дней оставался низкій денежный курсъ, недостатокъ сбыта домашнихъ произведеній при низкихъ цѣнахъ, пониженіе таможеннаго дохода казны и общія жалобы на кризисъ, а о благахъ не было слышно; отечественная промышленность не росла, капиталы шли только на биржу, а не въ новыя предпріятія, заработная плата тоже не повышалась. Стало быть, что-нибудь одно: или выводъ благоприятнаго торговаго баланса не совсѣмъ точенъ, или балансъ этотъ не приводитъ къ полезнымъ результатамъ на дѣлѣ, являясь тоже чѣмъ-то въ родѣ доктрины, — и

весьма неудачной. Во всякомъ случаѣ, принесенныя для новой теоріи жертвы до сихъ поръ не оправданы фактически, а ссылатся на внезапное повышеніе курса въ послѣдніе дни едва ли было бы основательно: оно имѣетъ для себя свои спеціальныя причины, съ исчезновеніемъ которыхъ можетъ прекратиться и ихъ послѣдствіе.

Е.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1-го іюля 1888.

Слухи о предстоящихъ перемѣнахъ въ устройствѣ средняго и высшаго женскаго образованія. — Вопросъ о „всесословности“ женскихъ гимназій, въ связи съ книжкой госпожи Пиллеръ. — Проектируемые вновь высшіе женскіе курсы по иностраннымъ языкамъ и по другимъ предметамъ. — Открытіе томскаго университета. — Новое сообщеніе саратовскаго губернатора. — Переходъ больничнаго дѣла въ Одессѣ въ руки городского общественнаго управленія подъ ближайшее наблюденіе врачебнаго инспектора полиціи.

Если вѣрить газетнымъ слухамъ, вопросъ о женскомъ образованіи, нѣсколько лѣтъ сряду обсуждавшійся въ особой комиссіи, приближается къ окончательному разрѣшенію. Въ государственный совѣтъ внесены или вносятся проекты преобразованія женскихъ гимназій, учрежденія женскихъ профессиональныхъ школъ и открытія, на новыхъ основаніяхъ, высшихъ женскихъ курсовъ. Не касаясь, на этотъ разъ, профессиональныхъ школъ, остановимся на нѣкоторыхъ вопросахъ, относящихся къ гимназіямъ и высшимъ курсамъ.

Въ женскія гимназіи — все равно, состоятъ ли онѣ подъ управленіемъ министерства народнаго просвѣщенія или вѣдомства императрицы Маріи — предполагается, какъ говорятъ, принимать на будущее время преимущественно дѣвочекъ изъ высшихъ общественныхъ классовъ. Если это правда, то нельзя не спросить себя, прежде всего, будетъ ли уместно въ положительномъ законѣ такое слово, какъ *преимущественно*. Постановленія закона не должны оставлять мѣста ни для недоразумѣній, ни для произвола. Дѣйствующій уставъ о женскихъ гимназіяхъ прямо открываетъ къ нимъ доступъ для „ученицъ всѣхъ сословій“. Если это правило признается подлежащимъ отиженію, то на мѣсто его должно быть поставлено другое, столь же опредѣлительное и ясное. Нужно установить, во-первыхъ, что слѣдуетъ понимать подъ „высшими общественными классами“: одно лишь дворянство, потомственное и личное, или также духовенство, хотя у него

есть свои (епархіальныя) среднія женскія школы, или еще почетное гражданство (только потомственное, или также и личное?) и купечество (только первой гильдіи, или также и второй?). Нужно, во-вторыхъ, опредѣлить точнѣе, въ чемъ заключаются *преимущества*, предоставляемыя „высшимъ общественнымъ классамъ“: въ томъ ли, что дѣвочки, принадлежащія къ „низшему роду людей“, могутъ поступать только на тѣ вакансіи, которыя останутся свободными за пріятіемъ всѣхъ желающихъ изъ среды привилегированныхъ сословій, или въ томъ, что рѣшающее значеніе признается за происхожденіемъ лишь при равенствѣ всѣхъ остальныхъ условій, — или въ томъ, что пріемъ дѣвочекъ-мѣщанокъ и крестьянокъ подчиняется особенно строгимъ требованіямъ и ставится въ зависимость отъ состоятельности ихъ родителей? Всѣ эти толкованія одинаково возможны, и выборъ одного изъ нихъ едва ли можетъ быть отданъ на усмотрѣніе учебной администраціи. Въ государствѣ каждый долженъ знать заранее объемъ своихъ правъ и сущность условій, которыми обставлено ихъ осуществленіе. Прошлагодній циркуляръ министерства народнаго просвѣщенія произвелъ такое тягостное впечатлѣніе на общество, между прочимъ, именно потому, что онъ шелъ въ разрѣзъ съ этимъ основнымъ началомъ и вводилъ полную неопредѣленность въ одну изъ самыхъ важныхъ областей общественной жизни.

Какое бы ни было, однако, содержаніе „преимуществъ“, проектируемыхъ комиссією, еще болѣе серьезнымъ представляется вопросъ о ихъ цѣлесообразности и справедливости. Соображенія, приводимыя обыкновенно противъ „всесословности“ среднихъ учебныхъ заведеній, сгруппированы довольно тщательно въ недавно вышедшей книгѣ госпожи Пиллеръ: „Итоги женскаго образованія въ Россіи и его задачи“. Основываясь на личномъ опытѣ (госпожа Пиллеръ была начальницей одной изъ одесскихъ женскихъ гимназій), авторъ рисуетъ картину неудобствъ, представляемыхъ совмѣстнымъ обученіемъ дѣвочекъ изъ разныхъ общественныхъ классовъ. Здѣсь являются на сцену и неопытность бѣднѣйшихъ дѣвочекъ, заставляющая избѣгать сосѣдства съ ними, и недостатокъ у нихъ достаточно теплой и достаточно приличной одежды, и развитіе между ними дурныхъ привычекъ, и отсутствіе домашняго надзора за ними, и затрудненія, съ которыми сопряжено для нихъ правильное ученіе. Если вѣрить госпожѣ Пиллеръ, въ провинціальныхъ гимназіяхъ почти нѣтъ дочерей богатыхъ людей или дѣвочекъ изъ высшаго круга общества; ихъ не отдаютъ туда изъ боязни, „чтобы онѣ не попали въ дурную компанію, не очутились въ одномъ классѣ съ дочерью своего дворника, прачки, швеи, не научились вульгарнымъ выраженіямъ и неблагопристойнымъ пріемамъ, наконецъ, не сдѣлались бы нигилистками“.

Когда попечители учебныхъ округовъ, „идя, можно сказать, на встрѣчу желаніямъ родителей, стали устранять изъ гимназій тотъ элементъ учащихся, который тормазитъ успѣхъ обученія“, „общество, — утверждаетъ госпожа Пиллеръ, — вдругъ заговорило другимъ языкомъ, языкомъ лицемерія и фальши. Правдивый и незамаскированный тонъ циркуляра (министерства народнаго просвѣщенія) слишкомъ опередилъ эпоху (1) и не совпалъ съ тономъ фарисейскаго настроенія публики, оттого и зазвучалъ такимъ диссонансомъ именно въ той средѣ, гдѣ наиболѣе долженъ былъ бы встрѣтить сочувствія, и это непремѣнно должно было случиться, еслибы у насъ въ обществѣ не были еще такъ сильно развиты незрѣлыя истинны и вкусы — рисоваться разными либеральными идеями и тенденціями и драпироваться плащами демократизма, народолюбія, равноправія... на словахъ“.

Таковъ, въ главныхъ чертахъ, плохо написанный, но достаточно откровенный обвинительный актъ противъ „всесловныхъ“ женскихъ гимназій, неожиданно обращающійся въ обвинительный актъ противъ русскаго общества. Итакъ, родители изъ среды общества сами, по собственному почину, начали уклоняться отъ отдачи своихъ дочерей въ женскія гимназій? Этому противорѣчатъ статистическія данныя, удостоверяющія, что значительное большинство ученицъ въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ принадлежатъ именно „привилегированнымъ классамъ“. Не споримъ, въ нѣкоторыхъ „богатыхъ“ и „высоко поставленныхъ“ семействахъ существуетъ, можетъ быть, предубѣжденіе противъ гимназическаго образованія; но не для этихъ семействъ и учреждены гимназій, — въ ихъ услугамъ по-прежнему остаются институты и частныя пансіоны. На массу семействъ средняго положенія и средняго достатка всесловная гимназія не производила и не производитъ отталкивающаго, устрашающаго дѣйствія; принимать эти семейства подъ официальную защиту и „идти на встрѣчу ихъ желаніямъ“ не было и нѣтъ ни малѣйшаго основанія. Фарисействомъ, лицемеріемъ можно объяснить образъ дѣйствій нѣсколькихъ отдѣльныхъ лицъ, но отнюдь не настроеніе массъ. Признавая, что прошлогоднія рестриктивныя мѣры прозвучали диссонансомъ именно въ той средѣ, въ интересѣ которой онѣ, повидимому, были приняты, госпожа Пиллеръ сама произноситъ надъ ними самый рѣшительный приговоръ. Поголовное „либеральничанье“ немислимо само по себѣ, да ему и не благоприятствуютъ обстоятельства. Въ обществѣ, открещивающемся отъ предлагаемой ему привилегіи, заговорило, очевидно, не что иное, какъ хорошее, здоровое чувство справедливости... Циркуляръ 14-го іюля 1887 г., по мнѣнію госпожи Пиллеръ, „опредилъ эпоху“. Другими словами, впереди насъ лежитъ все большее и большее нарушеніе равенства и равноправности, распространеніе

всякаго рода „преимущества“, возстановленіе и возвышеніе сословныхъ и иныхъ перегородокъ? Мы имѣли и имѣемъ наивность думать, что все это осталось, наоборотъ, позади насъ, что реставрація тѣхъ или другихъ обломковъ прошлаго не можетъ быть долговѣчной, и что „опережаютъ эпоху“ только тѣ, которые готовятъ лучшее будущее.

Обращеніе гимназій изъ „всесословныхъ“ учебныхъ заведеній въ училища для привилегированныхъ классовъ представляется, далѣе, совершенно ненужнымъ, въ виду тѣхъ мѣръ, которыя отчасти приняты, отчасти проектированы въ послѣднее время. Одною изъ главныхъ причинъ громаднаго наплыва въ гимназій дѣтей изъ всѣхъ сословій было до сихъ поръ отсутствіе или недостатокъ школъ другого рода, съ курсомъ менѣе продолжительнымъ и менѣе труднымъ. Съ особенною силой эта причина дѣйствовала именно по отношенію къ женскимъ гимназіямъ и прогимназіямъ. Намъ извѣстенъ небольшой уѣздный городъ, въ которомъ есть женская прогимназія, но нѣтъ ни одного женскаго начальнаго училища. Понятно, что въ такомъ городѣ поступало и поступаетъ въ прогимназію не мало дѣвочекъ, родители которыхъ, при иныхъ условіяхъ, никогда и не подумали бы объ этой дорогѣ. Двухъ-классныхъ сельскихъ училищъ для дѣвочекъ у насъ чрезвычайно мало; такихъ женскихъ училищъ, которыя соотвѣтствовали бы мужскимъ уѣзднымъ или городскимъ (образованнымъ по закону 1872 г.), не существуетъ почти вовсе. Такъ-называемыя маринскія училища появились лишь недавно и распространены, покамѣстъ, весьма слабо. Профессиональное образованіе находится въ зачаточномъ состояніи, не только для дѣвочекъ, но и для мальчиковъ. Теперь, по утвержденіи основныхъ положеній о промышленныхъ училищахъ, все это должно измѣниться; за открытіемъ техническихъ и ремесленныхъ школъ для мальчиковъ послѣдуетъ, безъ сомнѣнія, открытіе такихъ же школъ и для дѣвочекъ, и какъ въ тѣ, такъ и въ другія, главный контингентъ учащихся будетъ поступать изъ среды рабочихъ классовъ. Не лучше ли подождать осуществленія всѣхъ этихъ нововведеній, и уже потомъ, сообразно съ указаніями опыта, приступить къ пересмотру устава женскихъ гимназій? Весьма можетъ быть, что въ ограничительныхъ мѣрахъ, даже съ точки зрѣнія нынѣшнихъ ихъ защитниковъ, не окажется тогда никакой надобности, и что распредѣленіе учащихся между различными категоріями училищъ произойдетъ само собою, безъ помощи запрещеній и привилегій.

Выражая это предположеніе, мы, конечно, далеки отъ мысли, что *вся масса* дѣтей изъ среды непривилегированныхъ сословій, представленная самой себѣ, направилась бы въ промышленныя или про-

фессіональныя школы. Нѣкоторая ихъ часть—при отсутствіи запретительной регламентаціи—непремѣнно будетъ поступать, по прежнему, въ гимназіи и прогимназіи; но иначе, при правильномъ устройствѣ учебной системы, и быть не можетъ. Способности и призванія не приурочиваются ни къ „благородству“ происхожденія, ни къ известной степени богатства; они проявляются всюду, и всюду должны находить для себя дорогу къ дальнѣйшему развитію. Госпожа Пиллеръ подробно обсуждаетъ вопросъ, что больше способствуетъ появленію и росту дарованій—достатокъ или бѣдность. Весьма интересный въ теоріи, этотъ вопросъ не имѣетъ никакого практическаго значенія въ томъ спорѣ, который насъ теперь занимаетъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что даровитые люди *могутъ* рождаться во всѣхъ сословіяхъ и классахъ общества; этого довольно, чтобы не закрывать — и не затруднять — ни для одного изъ нихъ доступъ къ среднему (а слѣдовательно и высшему) образованію. Задача средней школы, по мнѣнію госпожи Пиллеръ, можетъ быть исполнена только тогда, „когда родители солидарны въ своихъ взглядахъ и дѣйствіяхъ съ требованіями школы, а для этого они должны быть образованы и имѣть такой минимумъ матеріальнаго достатка, чтобы дѣти ихъ являлись въ классъ чисто одѣтыми, причесанными и вымытыми и имѣли бы при себѣ всѣ требуемыя книги и учебныя принадлежности“. Не говоримъ уже о томъ, что образованіе и принадлежность къ привилегированному классу—далеко не синонимы, точно такъ же какъ и образованіе, и матеріальный достатокъ; насъ поражаетъ, въ приведенныхъ словахъ, въ особенности, логическій скачокъ, типичный для опровергаемаго нами взгляда. Безспорно, школа имѣетъ свои требованія, обязательныя и для учащихся, и для ихъ родителей; но зачѣмъ же судить объ исполненіи или неисполненіи этихъ требованій по косвеннымъ, часто обманчивымъ признакамъ, тогда какъ есть полная возможность идти другимъ путемъ, болѣе прямымъ и болѣе вѣрнымъ? Этотъ путь—наблюденіе надъ учащимися, вполне осуществимое и въ открытомъ учебномъ заведеніи. Ничто не мѣшаетъ школьному начальству изучить каждаго отдѣльнаго ученика и составить себѣ ясное понятіе о томъ, удовлетворяетъ ли онъ требованіямъ школы. Если да — не все ли равно, кто его родители, къ какому онъ принадлежитъ общественному классу, съ чьею помощью приобрѣтаетъ форменную одежду и учебныя пособія? Къ чему догадки, когда легко приобрѣсти увѣренность? Къ чему *предрывать* вопросъ, а priori, когда онъ можетъ быть разрѣшенъ совершенно точно, сообразно съ обстоятельствами каждаго отдѣльнаго случая? Пускай школа удаляетъ тѣхъ, кто не можетъ исполнять ея основныхъ требованій—противъ этого нельзя сказать ни слова,—лишь бы только самыя требованія не были

чрезмѣрно строги и нарушение ихъ было обнаружено съ достаточною ясностью; но пускай она не закрываетъ своихъ дверей для *цѣлой категории или цѣлыхъ категорій* лицъ, въ силу одного *предположенія*, что они *окажутся* неподходящими подѣ школьныя условія. Дочь прачки, швеи, дворника столь же легко можетъ видѣть дома примѣръ трудолюбія и честности, какъ дочь „образованнаго“ и достаточнаго человѣка—примѣръ совершенно противоположный. Изъ числа мелкихъ фактовъ, разсыпанныхъ въ книгѣ госпожи Пиллеръ, въ качествѣ иллюстрацій ея основной мысли, многіе доказываютъ совсѣмъ не то, что хотѣлъ доказать авторъ. Они свидѣтельствуютъ о томъ, что нарушения школьной дисциплины происходятъ не отъ одной только нищеты, не отъ одного только недостатка образованія. Не къ рабочему классу принадлежала, безъ сомнѣнія, та дѣвочка, которая „ѣдила съ мамашей на вечеръ, поздно вернулась, проспала“ и опоздала въ гимназію, оправдываясь „сочиненной“ запиской; не прачки и не дворники водятъ своихъ дѣтей въ оперетки и кафе-шантаны, одѣвая ихъ въ неформенныя платья и снабжая ихъ синими очками, чтобы ихъ не могло узнать начальство. Что сказала бы госпожа Пиллеръ, что сказали бы ея единомышленники, еслибы кто-нибудь предложилъ не принимать въ гимназіи дѣтей изъ богатыхъ и свѣтскихъ семействъ, такъ какъ разсѣянный образъ жизни ихъ родителей мѣшаетъ ихъ занятіямъ и заставляеть ихъ подавать дурной примѣръ товарищамъ? А между тѣмъ въ основаніи такой мѣры лежало бы *предположеніе*, совершенно равносильное тому, которымъ оправдывается гимназическое veto на дѣтей „низшихъ сословій“.

Когда мы слышимъ или читаемъ жалобы на заразу, приносимую въ мужскія и женскія гимназіи дѣтьми прачекъ, кухарокъ, дворниковъ и „тому подобныхъ людей“, мы невольно вспоминаемъ о начальныхъ училищахъ, сельскихъ и городскихъ, и спрашиваемъ себя: тѣмъ объяснить разницу въ воспитательномъ значеніи средней и нижней школы? Начальныя училища поставлены, повидимому, въ положеніе гораздо менѣе выгодное, чѣмъ гимназіи. Дѣти остаются въ начальной школѣ только три года или еще менѣе; многія изъ нихъ посѣщаютъ школу неаккуратно, въ деревняхъ—не болѣе шести или семи мѣсяцевъ въ году; въ родителяхъ и родственникахъ школа не находитъ, болѣею частью, никакой поддержки—напротивъ того, она сплошь и рядомъ должна противодѣйствовать ихъ вліанію. И все-таки вездѣ, гдѣ только народный учитель—и въ особенности учительница—стоитъ хотя отчасти на высотѣ своего призванія, начальная школа не только *обучаетъ* своихъ учениковъ, но и *воспитываетъ* ихъ, смягчаетъ ихъ нравы, укрѣпляетъ въ нихъ хорошія чувства. Они забываютъ, иногда, приобрѣтенныя въ школѣ свѣденія,

но сохраняютъ данную ею складку, внушенные ею взгляды. Относительно деревни это можно было бы, пожалуй—хотя и съ большою натяжкой—приписать свѣжести и неспорченности матеріала, поступающаго въ распоряженіе школы, позднимъ развитіемъ деревенскаго ребенка, душа котораго составляетъ, въ 7—8 лѣтъ, нѣчто въ родѣ *tabula rasa*; но въ городѣ, особенно въ столицѣ, всѣ эти соображенія непримѣнимы, а между тѣмъ указанное нами явленіе повторяется и здѣсь, поражая, на примѣръ, всѣхъ изучающихъ петербургскія городскія начальныя училища. Загадка становится еще болѣе сложной, если припомнить, что именно въ лучшихъ начальныхъ школахъ меньше всего въ ходу карательныя мѣры, да и въ болѣе заурядныхъ онѣ употребляются несравненно рѣже, чѣмъ въ гимназіяхъ. Не слѣдуетъ ли заключить отсюда, что если гимназіи недостаточно вліяютъ на нравы и привычки учащихся, недостаточно сглаживаютъ различія между дѣтьми, принадлежащими къ болѣе образованнымъ и менѣе образованнымъ общественнымъ классамъ, то это зависитъ, въ значительной степени, отъ неправильной постановки воспитательнаго дѣла? Не слѣдуетъ ли признать, что педагогическій персоналъ гимназій относится къ своей главной задачѣ гораздо формальнѣе и холоднѣе, чѣмъ учителя и учительницы начальныхъ школъ? Въмѣсто того, чтобы объявлять многочисленнымъ разрядамъ дѣтей, что они—*indigni intrare*“, не лучше ли было бы приложить всѣ усилія къ нравственному воспитанію учащихся, безъ различія сословій, и постараться довести каждого изъ нихъ до того уровня, на которомъ долженъ стоять ученикъ средней школы? Конечно, это гораздо труднѣе, чѣмъ принять ту или другую ограничительную мѣру, — но не гимназіямъ подобаетъ отступать передъ трудностями, съ которыми справляется начальная школа. Найдутся, быть можетъ, отдѣльныя личности, по отношенію къ которымъ окажутся тщетными всѣ усилія воспитателей; ихъ незначѣмъ удерживать въ гимназіи,—но незначѣмъ и осуждать, изъ-за нихъ, множество другихъ дѣтей, сходныхъ съ ними только по внѣшней обстановкѣ. Съ открытіемъ достаточнаго числа промышленныхъ и профессиональныхъ школъ число дѣтей изъ бѣдныхъ и необразованныхъ классовъ, желающихъ поступить въ гимназіи или прогимназіи, уменьшится само собою, — и тѣмъ легче будетъ подѣйствовать на тѣхъ, сравнительно немногихъ, которые все-таки изберутъ общеобразовательную школу. Что касается до средствъ къ продолженію ученья, то они найдутся, лишь бы только частная и общественная благотворительность была предоставлена самой себѣ, а не приурочена искусственно къ однимъ только дѣтямъ „бѣдныхъ, но благородныхъ родителей“.

Высшіе женскіе курсы, какъ мы слышали, проектируются двоякаго

рода: одни—для изученія наукъ историко-филологическихъ и математическихъ, другіе — для изученія новыхъ иностранныхъ языковъ. Общія черты тѣхъ и другихъ заключаются въ слѣдующемъ: продолжительность ученія и тамъ, и здѣсь—четыре года; курсы составляютъ правительственное учрежденіе, во главѣ котораго стоятъ назначенные министромъ народнаго просвѣщенія директоръ и инспектриса; хозяйственною ихъ частью завѣдуетъ попечительный комитетъ, члены котораго также назначаются министромъ изъ числа лицъ, сдѣлавшихъ пожертвованія въ пользу курсовъ или могущихъ быть имъ полезными по знаніямъ, общественному положенію и вліянію. Источниками содержанія курсовъ служатъ проценты съ пожертвованныхъ капиталовъ, пособие отъ государственнаго казначейства, одновременныя пожертвованія и плата за ученье. Отрываются курсы лишь въ такомъ случаѣ, если, по меньшей мѣрѣ, одна треть расходовъ можетъ быть покрыта изъ перваго источника. Остановимся сначала на этомъ послѣднемъ постановленіи. Минимумъ ежегодной стоимости высшихъ курсовъ — при одномъ математическомъ отдѣленіи — опредѣляется, круглой цифрой, въ 23.000 рублей; эта цифра возвышается для высшихъ курсовъ, имѣющихъ цѣлью изученіе одного иностраннаго языка — до 26½ тысячъ, для высшихъ курсовъ съ однимъ историко-филологическимъ отдѣленіемъ — почти до 32 тысячъ, для высшихъ курсовъ, имѣющихъ цѣлью изученіе двухъ иностранныхъ языковъ — до 37 тысячъ, для высшихъ курсовъ съ двумя отдѣленіями (математическимъ и историко-филологическимъ) — до 48½ тысячъ рублей. Итакъ, для открытія самыхъ скромныхъ высшихъ курсовъ потребуется наличный капиталъ въ полтораста тысячъ, а для открытія курсовъ, которые соотвѣтствовали бы — и то не вполне — существующимъ петербургскимъ (бестужевскимъ) курсамъ ¹⁾ — наличный капиталъ въ триста тысячъ рублей. До какой степени это затруднитъ открытіе курсовъ — понятно само собою, а до какой степени это затрудненіе излишне, доказательствомъ тому можетъ служить примѣръ бестужевскихъ курсовъ, весь капиталъ которыхъ, въ концѣ десятаго года ихъ цвѣтущаго существованія, едва превышалъ 90.000 рублей (около 16 тысячъ рублей наличными деньгами и, сверхъ того, собственный домъ, стоящій, за вычетомъ лежащихъ на немъ долговъ, около 75 тысячъ руб.). Если проектируемое правило вступить въ силу, то высшіе курсы, даже въ самомъ скромномъ размѣрѣ, несро можно будетъ открыть даже въ Петербургѣ, хотя бы общество для доставленія средствъ бестужевскимъ курсамъ и согласилось передать принадлежащее ему

¹⁾ На бестужевскихъ курсахъ три отдѣленія: словесное, физико-математическое и специально-математическое.

имущество въ распоряженіе будущихъ курсовъ. Трудно понять также, почему дѣло, основанное частными лицами и прекрасно веденное ими и въ Москвѣ (курсы профессора Герье), и въ Петербургѣ, должно быть изъято изъ ихъ рукъ и сосредоточено въ непосредственномъ завѣдываніи учебной администраціи. Безспорно, высшія образовательныя учрежденія не могутъ оставаться внѣ правительственнаго контроля,— но въ этомъ контролѣ и до сихъ поръ не было недостатка; ни одинъ профессоръ не могъ читать на курсахъ безъ правительственнаго разрѣшенія, распорядитель курсовъ утверждался въ этомъ званіи надлежащею властью. Надзоръ, въ случаѣ дѣйствительной необходимости, могъ бы быть еще усиленъ, регламентація курсовъ сдѣлана еще болѣе точною, но едва ли предстоить надобность въ совершенной ломкѣ порядковъ, блистательно выдержавшихъ продолжительный опытъ (пятнадцатилѣтній—въ Москвѣ, десятилѣтній—въ Петербургѣ). Ничто не мѣшаетъ, конечно, учрежденію правительственныхъ высшихъ женскихъ курсовъ наряду съ частными, но ничто не мѣшаетъ и сохраненію послѣднихъ наряду съ первыми.

Высшіе женскіе курсы иностранныхъ языковъ должны быть, судя по слухамъ, заведеніемъ закрытымъ, для того, чтобы слушательницы могли практиковаться въ разговорѣ на иностранныхъ языкахъ; предполагается, однако, допускать и приходящихъ, изъ числа дѣвицъ, семейства которыхъ живутъ въ томъ же городѣ. Отъ вступающихъ на эти курсы требуется представленіе свидѣтельства о томъ, что у нихъ есть средства на взносъ платы за ученіе и денегъ за содержаніе въ пансіонѣ. Другіе высшіе курсы проектируются какъ заведенія открытыя, но при нихъ, по возможности, должны быть устраниваемы общежитія или общія квартиры, преимущественно для слушательницъ иногородныхъ. Отъ вступающихъ требуется удостовѣреніе, что у нихъ есть средства для безбѣднаго существованія во все время ученія, или ручательство попечительнаго комитета, что имъ будутъ доставляемы эти средства. Намъ кажется, что высшіе женскіе курсы, какова бы ни была ихъ спеціальность, должны быть заведеніями безусловно открытыми. Для установленія въ этомъ отношеніи какого-либо различія между высшими курсами иностранныхъ языковъ и всѣми другими мы не видимъ достаточнаго основанія. Еслибы для изученія иностраннаго языка пребываніе въ стѣнахъ пансіона было совершенно необходимо, изъ общаго правила не было бы сдѣлано исключенія; приходящія слушательницы были бы устранимы безусловно или допущены только изъ среды тѣхъ семействъ, гдѣ говорятъ на изучаемомъ иностранномъ языкѣ. На высшіе курсы поступаютъ дѣвушки взрослые, сознательно избирающія себѣ спеціальность, понимающія важность практическаго знакомства съ новыми

языками; приобрести это знакомство онъ сьумѣютъ и безъ заключенія въ пансіонѣ. Закрытыя заведенія для изученія иностранныхъ языковъ—или, по крайней мѣрѣ, одного изъ нихъ, французскаго—существуютъ, притомъ, уже теперь (назовемъ, для примѣра, петербургскій николаевскій сиротскій институтъ); увеличивать ихъ число едва ли нужно, тѣмъ болѣе, что преподаваніе новыхъ языковъ всегда можетъ быть усилено въ томъ или другомъ институтѣ. Другое дѣло—общежитіе или общія квартиры; устройство ихъ, безъ сомнѣнія, весьма желательно, лишь бы только пребываніе въ нихъ не было обязательно для слушательницъ. Требованіе свидѣтельствъ о достаточности средствъ для безбѣднаго существованія или для уплаты взносовъ за ученіе и за содержаніе въ пансіонѣ, затруднить, безъ всякой надобности и пользы, поступленіе на курсы. Принимать такія свидѣтельства безъ повѣрки—значило бы обратить ихъ въ пустую формальность, а производить по каждому изъ нихъ особое изслѣдованіе—значило бы вторгаться въ домашнія, семейныя дѣла, часто неподлежащія огласкѣ. Опытъ бестужевскихъ курсовъ удостовѣряетъ, что плата за ученіе вносится слушательницами, вообще говоря, очень исправно, гораздо исправнѣе, чѣмъ студентами. Систематическое устраненіе нуждающихся было бы здѣсь еще болѣе несправедливо, чѣмъ въ гимназіяхъ, съ одной стороны, потому, что слушаніе курсовъ представляется естественнымъ завершеніемъ гимназическаго образованія, съ другой—потому, что взрослые дѣвушки—слушательницы курсовъ—легче могутъ заработать себѣ средства къ жизни, чѣмъ дѣвочки, ученицы гимназій.

Для вступленія на высшіе курсы иностранныхъ языковъ достаточно окончанія ученія въ институтѣ или въ семи классахъ гимназій; для вступленія на другіе высшіе курсы требуется аттестатъ зрѣлости, т. е. знаніе полнаго курса мужской гимназій. Это послѣднее требованіе не только надолго задержитъ открытіе высшихъ курсовъ, такъ какъ громадному большинству дѣвицъ негдѣ, покамѣсть, изучать древніе языки¹⁾, но и до крайности уменьшитъ число лицъ, могущихъ поступать на курсы. Въ этомъ отношеніи мы можемъ сослаться на „достоверную свидѣтельницу“—на госпожу Пиллеръ, которую никто, конечно, не заподозритъ въ увлеченія „модными теоріями“, въ сочувствіи къ „женской эмансипаціи“. Въ книгѣ госпожи Пиллеръ несправедливость и безцѣльность требованія аттестата зрѣлости, какъ условія для вступленія на курсы, доказаны неопровержимо. Не повторяя ея доводовъ, замѣтимъ только, что един-

¹⁾ Въ настоящее время существуетъ, если мы не ошибаемся, только одна женская (частная) гимназія госпожи Фишеръ, въ Москвѣ, курсъ которой соотвѣтствуетъ вполнѣ курсу мужской гимназій.

ственнымъ возможнымъ оправданіемъ вышеупомянутаго требованія могла бы служить полная равноправность между женщиной, окончившей высшіе курсы, и мужчиной, окончившимъ университетъ. О такой равноправности, конечно, нѣтъ и рѣчи,—не должно бы быть рѣчи, слѣдовательно, и объ уравнианіи условій вступленія въ университетъ и на высшіе женскіе курсы. Слушательницамъ этихъ курсовъ предполагается предоставить право преподаванія во *всѣхъ* классахъ среднихъ женскихъ учебныхъ заведеній; но кто же станетъ утверждать, что одно это право—эквивалентъ *всѣхъ тѣхъ*, которыя даетъ окончаніе курса въ университетѣ? По отношенію къ иностраннымъ языкамъ оно распространяется, притомъ, и на окончившихъ высшіе курсы иностранныхъ языковъ; а если можно преподавать, въ старшемъ классѣ женской гимназіи, французскій или нѣмецкій языкъ, не имѣя аттестата зрѣлости, то мы не видимъ причины, почему нельзя было бы преподавать, при одинаковыхъ условіяхъ, и математику или физику. Намъ могутъ возразить, что новые языки часто преподаются у насъ, въ старшихъ классахъ гимназій, иностранцами, обладающими весьма недостаточнымъ общимъ образованіемъ, вслѣдствіе чего допущеніе къ этому преподаванію женщинъ, не имѣющихъ аттестата зрѣлости, не будетъ представлять ничего аномальнаго. Но настоящій порядокъ не что иное, какъ уступка необходимости; чтобы вполнѣ достигать своей цѣли, преподаваніе иностранныхъ языковъ, какъ и другихъ предметовъ, должно находиться въ рукахъ широко образованнаго человѣка. Спѣшимъ прибавить, что широкое образованіе не тождественно, въ нашихъ глазахъ, съ знаніемъ древнихъ языковъ. Примѣръ бестужевскихъ курсовъ доказываетъ, сверхъ того, что на высшихъ курсахъ одинъ, по меньшей мѣрѣ, древній языкъ можетъ быть изученъ довольно хорошо и безъ всякаго предварительнаго съ нимъ знакомства. Возможность такого изученія не отвергаютъ, повидимому, и составители новыхъ проектовъ; латинскій языкъ включенъ ими въ программу высшихъ курсовъ иностранныхъ языковъ, хотя для вступленія на эти курсы и не требуется знанія латыни.

Прежде чѣмъ покончить съ вопросомъ объ аттестатѣ зрѣлости, необходимо бросить взглядъ на программы проектируемыхъ курсовъ. На высшихъ женскихъ курсахъ иностранныхъ языковъ предполагается сдѣлать для *всѣхъ* одинаково обязательнымъ слушаніе богословія, логики, психологіи, исторіи, латинскаго языка, римскихъ древностей и исторіи литературъ римской и западно-европейскихъ; затѣмъ, смотря по избранной каждою слушательницею спеціальности, онѣ должны слушать исторію образованія германскихъ—или романскихъ нарѣчій, исторію грамматики и современную грамматику нѣ-

мецкаго или французскаго языка, изучать методикѣ преподаванія и лучшія произведенія нѣмецкой или французской литературы и заниматься практическими упражненіями. Если припомнить, что для всего этого отводится четыре года, то нельзя не признать, что слушательницы высшихъ курсовъ иностранныхъ языковъ будутъ получать весьма основательное, весьма серьезное образованіе, необходимой подкладкой котораго не признается, однако, знаніе древнихъ языковъ. Это одно доказываетъ уже, въ нашихъ глазахъ, возможность обойтись безъ аттестата зрѣлости и на другихъ высшихъ женскихъ курсахъ, отличающихся отъ первыхъ только предметами преподаванія, но не его характеромъ. На математическомъ отдѣленіи высшихъ женскихъ курсовъ предполагается читать, кромѣ богословія, сферическую тригонометрію, аналитическую геометрію, алгебраическій анализъ, дифференціальное и интегральное исчисленіе, сферическую астрономію, физику, неорганическую химію, физическую географію и аналитическую механику. Возможность основательнаго усвоенія всѣхъ этихъ предметовъ, безъ предварительнаго изученія древнихъ языковъ, подтверждается примѣромъ бестужевскихъ курсовъ; не слѣдуетъ забывать, притомъ, что задача математическаго отдѣленія исчерпывается приготовленіемъ учительницъ математики и физики для *среднихъ* женскихъ учебныхъ заведеній. Что касается, наконецъ, до историко-филологическаго отдѣленія высшихъ женскихъ курсовъ, то его устройство представляется, во многихъ отношеніяхъ, копіей съ устройства историко-филологическаго факультета, преобразованнаго на основаніи новаго университетскаго устава. Историко-филологическое отдѣленіе высшихъ женскихъ курсовъ предполагается раздѣлить на два разряда — славяно-русской филологіи и исторіи (всеобщей и русской). Для слушательницъ обоихъ разрядовъ обязательны слѣдующіе предметы: богословіе, психологія, логика, славянской языкъ, исторія русской грамматики, исторія Греціи и Рима, исторія греческой и римской литературы, греческія и римскія древности, чтеніе римскихъ и греческихъ авторовъ. Все это наполняетъ около двухъ третей общаго числа учебныхъ часовъ; чтеніе римскихъ и греческихъ авторовъ продолжается непрерывно съ начала до конца курса, занимая по восьми часовъ въ недѣлю. На долю спеціальныхъ предметовъ остается только *одна треть* учебныхъ часовъ. Въ первомъ разрядѣ эти предметы слѣдующіе: памятники славянскаго языка, обзоръ славянскихъ нарѣчій, исторія литературъ русской и западно-европейскихъ, русская исторія, обзоръ исторіи славянскихъ племенъ, а во второмъ разрядѣ — исторія (всеобщая, русская и славянскихъ племенъ), исторія церкви и исторія искусствъ. Само собою разумѣется, что для прохожденія курса, сосредоточивающагося, главнымъ

образомъ, вокругъ классической древности, необходимо предварительное знаніе древнихъ языковъ, въ объемѣ программы мужскихъ гимназій; но нельзя не спросить себя, чѣмъ оправдывается самое уравненіе историко-филологическаго отдѣленія высшихъ женскихъ курсовъ съ историко-филологическимъ факультетомъ? Развѣ у нихъ одна и та же цѣль, одна и та же задача? Развѣ для будущихъ учительницъ женскихъ гимназій необходимо знать то же самое и въ такомъ же размѣрѣ, какъ и будущимъ учителямъ мужскихъ гимназій, будущимъ профессорамъ, академикамъ, двигателямъ науки? Положимъ, что требованіе аттестата зрѣлости, какъ условія вступленія на высшіе женскіе курсы, предполагаетъ учрежденіе *нѣсколькихъ* женскихъ гимназій, въ которыхъ на первомъ мѣстѣ стояли бы древніе языки; но развѣ для приготвленія *немногихъ* учительницъ древнихъ языковъ, необходимыхъ для этихъ гимназій, нельзя было бы учредить при историко-филологическомъ отдѣленіи особый разрядъ классической филологіи, подобно тому, какъ на бестужевскихъ курсахъ, рядомъ съ отдѣленіемъ физико-математическимъ, существуетъ особое специально-математическое отдѣленіе? Къ чему заставлятъ *всѣхъ* слушательницъ историко-филологическаго отдѣленія посвящать главную массу своего труда изученію предметовъ, необходимыхъ только для весьма немногихъ? Можно ли ожидать отъ слушательницъ достаточно основательнаго знанія исторіи и литературы, разъ что для этихъ предметовъ остается свободной значительно меньшая часть учебнаго времени? Можно ли пройти какъ слѣдуетъ новую исторію, если ей отведено только по четыре часа въ недѣлю, въ теченіе двухъ полугодій? Можно ли одобрить учебный планъ, по которому для русской исторіи и для исторіи Греціи и Рима назначается одинаковое число уроковъ? Возможно ли изученіе исторіи безъ изученія философіи, безъ изученія литературъ западно-европейскихъ и *даже русской*? Конечно, многія изъ этихъ замѣчаній относятся и къ историко-филологическимъ факультетамъ, новая организація которыхъ много разъ была предметомъ нашихъ возраженій; но къ историко-филологическому отдѣленію высшихъ женскихъ курсовъ, въ виду specialнаго назначенія послѣднихъ, они примѣнимы съ еще болѣею силой. Заключительный нашъ выводъ таковъ: въ составъ историко-филологическаго отдѣленія высшихъ женскихъ курсовъ слѣдовало бы ввести особый разрядъ классической филологіи, и требовать аттестата зрѣлости только отъ тѣхъ, кто изъявитъ желаніе заниматься по этому разряду. Въ обоихъ остальныхъ разрядахъ древнимъ языкамъ—или, еще лучше, одному изъ нихъ—слѣдовало бы отвести лишь такую роль, какую играетъ теперь латинскій языкъ на словесномъ отдѣленіи бестужевскихъ курсовъ.

Противники существовавшихъ у насъ до сихъ поръ высшихъ женскихъ курсовъ исходили и исходятъ не изъ однихъ и тѣхъ же побужденій. Одни встаютъ противъ высшаго женскаго образованія вообще, считая его излишнимъ, ведущимъ къ безнравственности и ингилизму. По мнѣнію другихъ, петербургскіе и московскіе курсы грѣшатъ слишкомъ большою близостью къ университету, между тѣмъ какъ высшее женское образованіе должно имѣть совершенно другой характеръ, стремиться только къ развитію „человѣчности, теплоты сердца, поэтическаго направленія ума и эстетическихъ стремленій“. Задачей высшихъ женскихъ курсовъ не должно быть, съ этой точки зрѣнія, приготовленіе къ какой-либо специальной роли, все равно, будетъ ли это роль учительницы, или—„жены образованнаго человѣка“, или „просвѣтительницы общества“; они просто должны „способствовать расширенію умственнаго горизонта, философскаго направленія ума, въ связи съ утонченнымъ развитіемъ эстетическихъ вкусовъ“. Третій взглядъ, исключительно утилитарный, видитъ въ высшихъ женскихъ курсахъ не что иное, какъ подготовительную школу для учительницъ; именно онъ лежитъ въ основаніи разбираемыхъ нами проектовъ. Представительницей второго мнѣнія можетъ служить госпожа Пиллеръ. Самой сильной частью ея аргументаціи является та, которая направлена противъ завязатыхъ враговъ высшаго женскаго образованія. Когда она утверждаетъ, что „систематическое, законченное образованіе—самый вѣрный щитъ, какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ, отъ увлеченія преступной пропагандой“, когда она защищаетъ нравственность учащихся женщинъ, ея свидѣтельство имѣетъ несомнѣнную цѣнность, потому что она стоитъ, во многихъ отношеніяхъ, на одной почвѣ съ своими противниками и не можетъ быть заподозрена или въ неблагонамѣренности или неблагонадежности. Госпожа Пиллеръ права и тогда, когда возражаетъ противъ узкопрактическаго взгляда на женское образованіе, но она впадаетъ въ крайность и даже въ противорѣчіе сама съ собою, когда хочетъ замѣнить его всецѣло въ рамки такъ-называемыхъ словесныхъ наукъ. Всеобщая и русская исторія, всемірная литература, русская литература, славянскія нарѣчія, богословіе, исторія философіи, исторія искусствъ, педагогика, психологія, землевѣденіе, важнѣйшія данныя политической экономіи и законовѣденія, иностранные языки—вотъ, по убѣжденію госпожи Пиллеръ, единственно-возможная программа высшихъ женскихъ курсовъ. Она упускаетъ изъ виду, что „расширеніе умственнаго горизонта“, „философское направленіе ума“—могутъ быть приобрѣтены не однимъ только путемъ; она забываетъ, что у женщинъ, какъ и у мужчинъ, различны способности, различны призванія, и что нѣтъ никакого основанія закрывать для женщинъ до-

ступъ въ область наукъ математическихъ и естественныхъ. Не случайно же число учащихся на физико-математическомъ отдѣленіи бестужевскихъ курсовъ всегда превышало число учащихся на словесномъ отдѣленіи ¹⁾; не случайно находилось всегда достаточное число слушательницъ по специально-математическому отдѣленію; не случайно, наконецъ, между окончившими курсъ, особенно многія заявили себя научными трудами по естествознанію. Въ виду такихъ фактовъ, необходимость изученія на высшихъ женскихъ курсахъ точныхъ наукъ наравнѣ съ словесными, по свободному выбору слушательницъ, едва ли требуетъ еще какихъ-либо доказательствъ.

Въ сравненіи съ мнѣніемъ госпожи Пиллеръ, проекты, составленные особою комиссіею, имѣютъ то безспорное преимущество, что они открываютъ для женщинъ доступъ къ изученію высшей математики; тѣмъ болѣе поразительнымъ представляется совершенное исключеніе ими изъ программы высшихъ женскихъ курсовъ наукъ естественныхъ. Если сопоставить учебный планъ физико-математическаго отдѣленія бестужевскихъ курсовъ съ учебнымъ планомъ математическаго отдѣленія вновь проектируемыхъ высшихъ женскихъ курсовъ, то въ послѣднемъ не окажется слѣдующихъ предметовъ, входящихъ въ составъ перваго: органической химіи, геологіи, минералогіи, зоологіи, ботаники, анатоміи, гистологіи и физиологіи. Этотъ пробѣлъ кажется намъ, прежде всего, несогласнымъ съ основною задачею проекта. Высшіе женскіе курсы должны снабжать учительницами старшіе классы женскихъ гимназій, а въ программу этихъ классовъ, какъ нынѣ дѣйствующую, такъ и вновь проектируемую, входитъ и естественная исторія. Почему же по отношенію къ ней одной дѣлается исключеніе, почему же для нея одной не признается нужнымъ готовить учительницъ? Развѣ есть какія-либо особыя причины, въ силу которыхъ естественная исторія должна быть преподаваема, въ женскихъ гимназіяхъ, непремѣнно учителями? Очевидно—нѣтъ. Остается только предположить, что естествознаніе считается вреднымъ, и притомъ вреднымъ именно для женщинъ. Угадать основаніе такого взгляда мы не беремъся. Если естествознаніе способствуетъ развитію матеріализма и разныхъ другихъ *измовъ*, то во имя логики слѣдовало бы закрыть естественные факультеты и въ университетахъ. Если оно способствуетъ уничтоженію „женственности“, то не слѣдовало бы проектировать учрежденіе „женскаго медицинскаго института“—да не слѣдовало бы открывать и математическаго отдѣленія, такъ какъ математика также пользуется репута-

¹⁾ Въ 1886—7 учебномъ году на словесномъ отдѣленіи бестужевскихъ курсовъ было 170 слушательницъ, на физико-математическомъ и специально-математическомъ — 357.

ціей науки, „изсушающей сердце“. Съ этой точки зрѣнія преимущество послѣдовательности оказывается на сторонѣ госпожи Пиллеръ, не отступающей ни на шагъ отъ своей теоріи „эстетическаго развитія женщинъ“. Еще болѣе серьезный недостатокъ проектовъ, составленныхъ комиссіею—если только не лишены основанія дошедшіе до насъ слухи—мы видимъ въ томъ, что они приурочиваютъ высшіе женскіе курсы исключительно къ практическимъ цѣлямъ, и притомъ цѣлямъ довольно узкимъ. Наше высшее образованіе всегда страдало, если можно такъ выразиться, слишкомъ прикладнымъ характеромъ. Это объясняется, между прочимъ, самою его исторіею; оно было призвано къ жизни правительственною властью, въ видахъ чисто утилитарныхъ—для подготовки техниковъ и спеціалистовъ, въ которыхъ чувствовалась потребность. Отсюда преобладаніе практическихъ соображеній и въ средѣ тѣхъ, кто стремился къ высшему образованію; лишь для немногихъ оно представлялось цѣннымъ само по себѣ,—для большинства оно было только средствомъ. Высшіе женскіе курсы были у насъ чуть не первыми учебными заведеніями, не дававшими никакихъ *правъ*—и все-таки они привлекли къ себѣ массу учащихся. Объяснить это увлеченіемъ, модой—нельзя, потому что наплывъ слушательницъ продолжался, и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ, болѣе десяти лѣтъ, а мода не бываетъ такъ долговѣчна. Мы знаемъ изъ словъ профессора Герье, приведенныхъ нами въ предыдущей хроникѣ, что именно въ первое время послѣ открытія курсовъ его всего чаще спрашивали о правахъ, ими предоставляемыхъ, а потомъ этотъ вопросъ не возникалъ, и слушательницы стекались на курсы, не помышляя о „правахъ“. Образованіе оказалось притягательной силой, не нуждающейся въ искусственныхъ приманкахъ—и это явленіе въ высшей степени отрадное, въ высшей степени поучительное. Аномалія заключается не въ томъ, что существуетъ школа, не ведущая ни къ какой „карьерѣ“, а въ томъ, что съ такою школою признается нужнымъ какъ можно скорѣе покончить. Мы далеки отъ мысли, чтобы окончившимъ высшіе женскіе курсы не слѣдовало давать никакихъ *правъ*; мы сочувствуемъ вполне назначенію ихъ преподавательницами въ старшихъ классахъ гимназій—мы утверждаемъ только, что курсы не должны быть перекраиваемы исключительно по этой мѣрѣ, что они должны сохранить общеобразовательный характеръ и служить прибѣжищемъ для всѣхъ молодыхъ дѣвушекъ, желающихъ, помимо всякой практической цѣли, идти впередъ на пути развитія и знанія.

Послѣ долгихъ отсрочекъ опредѣлено, наконецъ, время открытія сибирскаго—или, какъ онъ называется официально, томскаго уни-

верситета. Онъ начнетъ дѣйствовать въ предстоящемъ учебномъ году (1888—89), на первое время—въ составѣ одного только медицинскаго факультета; открытіе остальныхъ факультетовъ будетъ зависеть, вѣроятно, отъ числа поступающихъ студентовъ. Чтобы увеличить это число, министру народнаго просвѣщенія предоставлено разрѣшать пріемъ въ студенты томскаго университета воспитанниковъ духовныхъ семинарій, удовлетворяющихъ требованіямъ, которыя будутъ установлены министромъ. Это уже второй примѣръ отступленія отъ общаго начала, въ силу котораго для доступа въ университетъ требуется аттестатъ зрѣлости; первое отступленіе было допущено—также въ пользу воспитанниковъ духовныхъ семинарій, по отношенію къ варшавскому университету. Нисколько не возражая противъ подобныхъ изъятій, оправдываемыхъ, въ нашихъ глазахъ, не только мѣстными условіями, но и излишнею исключительностью и односторонностью системы, мы думаемъ, что они могли бы быть распространены еще дальше, особенно въ Сибири. Отчего бы не допустить въ студенты сибирскаго университета, по медицинскому факультету (да и по физико-математическому, когда онъ будетъ открытъ), окончившихъ курсъ въ реальныхъ училищахъ Сибири? Къ изученію естественныхъ наукъ они приготовлены гораздо лучше, чѣмъ воспитанники духовныхъ семинарій; привлекать послѣднихъ въ университетъ можно, вдобавокъ, лишь въ ограниченномъ числѣ, потому что иначе окажется недостатокъ въ кандидатахъ на священническія мѣста въ Сибири. Пополняясь только гимназистами и немногими семинаристами, сибирскій университетъ слишкомъ скоро займетъ мѣсто, соответствующее необходимымъ для него затратамъ; слишкомъ скоро представится возможность уравнивать его съ другими университетами, открытіемъ всѣхъ или, по меньшей мѣрѣ, нѣсколькихъ факультетовъ. Въ Сибири три реальныхъ училища—въ Тюмени, Томскѣ и Троицкосавскѣ; еслибы часть учениковъ, прошедшихъ черезъ дополнительные ихъ классы, направилась въ томскій университетъ, это послужило бы для него большимъ подспорьемъ. Отъ нихъ можно было бы требовать знанія латинскаго языка, въ такихъ размѣрахъ, въ какихъ оно нужно для будущихъ врачей и желательно для будущихъ естествоиспытателей. Такое требованіе не остановило бы, безъ сомнѣнія, тѣхъ молодыхъ людей, которые, окончивъ реальное училище, чувствуютъ потребность въ дальнѣйшемъ образованіи; для нихъ было бы, безъ сомнѣнія, гораздо легче пройти элементарный курсъ латыни, чѣмъ отправляться въ Петербургъ, съ неопредѣленной надеждой на вступленіе въ одно изъ высшихъ техническихъ училищъ. Безусловно затворять передъ ними двери въ университетъ, во имя единодержавія древнихъ языковъ, значило бы дѣйствовать

въ смыслѣ известнаго изреченія: *périssent les colonies plutôt qu'un prince!*

Въ нашу редакцію присланъ, вѣроятно по поводу сказаннаго нами въ предыдущей хроникѣ, печатный экземпляръ новаго сообщенія саратовскаго губернатора, съ надписью на немъ карандашомъ: „Доказательство, что и исправники что-нибудь могутъ сдѣлать“. Въ этомъ сообщеніи генераль-лейтенантъ Косицъ говоритъ о наблюденіяхъ, сдѣланныхъ имъ во время недавней поѣздки по уѣздамъ аткаревскому и балашовскому. Что же, изъ числа этихъ наблюденій, можетъ служить опроверженіемъ нашихъ замѣчаній? Въ селѣ Баландѣ жители начинаютъ обсаживать свои дома деревьями, согласно совѣту, данному въ одномъ изъ прежнихъ циркуляровъ губернатора; въ селѣ Таловѣ строятся, послѣ пожара, не деревянные, а глинобитные дома, о чемъ, кажется, также когда-то говорилъ губернаторъ; въ селѣ Романовкѣ состоялся недавно, согласно желанію губернатора, общественный приговоръ о преслѣдованіи неприличныхъ, бранныхъ словъ; послѣдніе выборы сельскихъ должностныхъ лицъ оказываются болѣе „внимательными“ и позволяютъ надѣяться, что крестьянское самоуправленіе скоро выйдетъ изъ своего „хаотическаго“ состоянія. Все это очень отрадно, но причемъ же тутъ дѣятельность исправниковъ? Мы не сомнѣвались и не сомнѣваемся въ томъ, что благоразумные, доброжелательные *советы* губернатора могутъ принести хорошіе плоды; мы утверждали только, что нравственность и хозяйственность не могутъ быть насаждаемы *par ordre*, мѣрами полиціи; что приговоры, состоявшіеся подъ давленіемъ начальства, останутся мертвой буквой; сдѣланное въ угоду власти или изъ страха передъ ея неудовольствіемъ не переживетъ первой перемѣны въ личномъ ея составѣ. Пускай губернаторы разъясняютъ крестьянамъ значеніе общественныхъ выборовъ, пускай убѣждаютъ относиться къ нимъ „внимательно“, выбирать лучшихъ людей — противъ этого нельзя сказать ни слова; но отсюда еще далеко до полицейскаго вмѣшательства въ выборы, до увазанія кандидатовъ, до агитаціи въ пользу назначенія имъ достаточнаго жалованья. Въ глазахъ полиціи волостные старшины и сельскіе старосты всегда останутся, прежде всего, взыскателями податей и оберегателями наружнаго порядка. Можно вполне соответствовать условіямъ этой двойной роли, и все-таки быть весьма плохимъ представителемъ крестьянскаго самоуправления... Полиція имѣетъ свой опредѣленный кругъ дѣйствій, внутри котораго она можетъ сдѣлать не только „что-нибудь“, но даже довольно много: мы желаемъ только одного—чтобы она не выходила за его предѣлы, хотя бы и съ самыми лучшими цѣлями. „Благія намѣренія“, легче чѣмъ

гдѣ бы то ни было, могутъ разыграть здѣсь ту роль, которую приписываетъ имъ французская поговорка.

Въ самый послѣдній день, когда наша хроника была уже закончена, почта доставила намъ № 4.100 одесской газеты „Новороссійскій Телеграфъ“, отъ 14-го сего іюня; въ отдѣлѣ „Ежедневной Хроники“, между прочими извѣстіями, обыкновенно сообщаемыми редакціямъ ихъ репортерами, находится также извѣстіе, озаглавленное редакціею: „Генераль-губернаторское внушеніе гласнымъ одесской Думы“. Самое мѣсто помѣщенія такого извѣстія, указывающее на его вполне неофициальный характеръ и болѣе или менѣе сомнительный источникъ, заставило насъ осторожно отнестись къ точности сообщеннаго газетѣ ея репортеромъ, а изъ самаго текста вышеупомянутаго извѣстія оказалось даже, что репортеръ мало знакомъ съ существующими законоположеніями, или иначе онъ не сдѣлалъ бы столько ошибокъ и промаховъ въ своемъ сообщеніи; притомъ, несомнѣнно и то, что онъ разсказалъ все происшедшее своими словами, и только тѣмъ можно объяснить присутствіе въ названномъ газетою „внушеніи“ такихъ выраженій, которыя вовсе не употребительны въ официальномъ мірѣ и особенно въ языкѣ нашихъ высшихъ административныхъ сферъ, какъ напри- мѣръ: „вредные болтуны“, какими называлъ, будто бы г. ген.-губернаторъ тѣхъ гласныхъ, которые были приглашены имъ же къ себѣ по дѣлу о городской больницѣ. Еще менѣе кажется вѣроятнымъ то сообщеніе репортера, будто бы, лицамъ, собравшимся въ помѣщеніи ген.-губернатора, было высказано предостереженіе, что на будущее время въ подобномъ случаѣ тѣ члены Думы, которые въ собраніи ея высказутся, по хозяйственнымъ вопросамъ, несогласно съ предложеніями ген.-губернатора, будутъ высылаемы изъ города. Хотя репортеръ и приводитъ какъ бы собственныя слова говорившаго лица, но все же остается неизвѣстнымъ, хорошо ли онъ запомнилъ сказанное и точно ли изложилъ; а между тѣмъ — *litera docet, litera nocet!* „Мнѣ предоставлена — такъ записалъ репортеръ слова ген.-губернатора — громадная власть для водворенія порядка и охраненія достоинства власти. Я очень осторожно пользовался этою властью, но вы, господа, вынудите меня прибѣгнуть къ крайнимъ мѣрамъ. Въ пять лѣтъ моего пребыванія здѣсь, я успѣлъ полюбить Одессу, мнѣ пріятно видѣть сердечное ко мнѣ отношеніе гражданъ. Судите же, какъ мнѣ будетъ больно принять *энергичныя мѣры* относительно ихъ избранныхъ“... Все это, виѣсть взятое, заставляеть насъ сомнѣваться въ документальной точности сообщеннаго газетѣ ея репортеромъ.

Самое же дѣло, вызвавшее такое предостереженіе гг. гласнымъ, въ сущности, состоитъ въ слѣдующемъ: одесская Дума, подобно нашей, петербургской Думѣ, приняла, на основаніи п. 4, ст. 2 Городового Положенія, Высочайше утвержденнаго 18-го іюня 1870 г., въ свое завѣдываніе больничное дѣло, и при этомъ получила изъ приказа общественнаго призрѣнія капиталъ на содержаніе богоугодныхъ заведеній, приносящій всего 25.000 рублей ежегодно—на больничное дѣло. О степени расширенія и улучшенія городомъ этого дѣла на собственныя средства можно судить по одному тому, что по росписи на 1888 годъ, одесская городская Дума расходуетъ на больничное дѣло не 25.000 руб., а 309.084 рубля, т.-е. 15% всего городского бюджета! Такъ какъ больницы отнесены Городовымъ Положеніемъ (ст. 139 и 140) къ числу *необязательныхъ* расходовъ, которые городъ дѣлаетъ потому въ тѣхъ размѣрахъ, какіе для него окажутся возможными, за удовлетвореніемъ расходовъ обязательныхъ, то окажется, что одесское городское общественное управленіе, принявъ на себя больничное дѣло, присоединило къ упомянутымъ 25 тысячамъ больничнаго капитала, изъ своихъ средствъ, около 285 тысячъ ежегоднаго расхода. Тѣмъ не менѣе г-нъ ген.-губернаторъ, при личномъ осмотрѣ глазнаго отдѣленія больницы, нашелъ безпорядокъ. „Усматривая бездѣятельность городского управленія,—говоритъ репортеръ газеты,—въ содержаніи городской больницы, его высокопревосходительство нашелъ необходимымъ образовать, подъ предсѣдательствомъ г. одесскаго градоначальника, комиссію для выясненія причинъ безпорядковъ“. Правительственная комиссія, однако, объяснила эти безпорядки не бездѣятельностью городского управленія, а указала на другую ихъ причину, а именно на „устарѣлость дѣйствующаго больничнаго устава“, а потому,—продолжаетъ репортеръ,— „была образована г.-губернаторомъ новая комиссія изъ почтенныхъ лицъ,—весьма компетентныхъ въ больничномъ дѣлѣ“,—для выработки проекта устава одесской больницы; когда этотъ проектъ устава былъ, послѣ годичныхъ почти трудовъ комиссіи, выработанъ, г. начальникъ края отправилъ его на разсмотрѣніе одесской Думы, полагая,—говоритъ репортеръ газеты,— „что гг. гласные помогутъ ему своими практическими совѣтами и, по пословицѣ: „умъ хорошо, а два лучше“, дополнять проектъ устава своими *замѣчаніями*, которыя охотно были бы приняты во вниманіе“. Подобный мотивъ препровожденія проекта устава въ Думу, подкрѣпленный ссылкой на извѣстную пословицу, могъ придти въ голову только репортеру, такъ какъ въ дѣйствительности мнѣніе Думы въ такомъ случаѣ требуется не пословицею, а Городовымъ Положеніемъ; еслибы проектъ больничнаго устава не былъ разсмотрѣнъ Думою, а предписанъ ей, то съ нея снималась бы всякая дальнѣйшая отвѣтственность за больничное дѣло и пала бы всецѣло на составителей этого

устава. Изъ дальнѣйшаго изложенія видно, что городская Дума не ограничилась „замѣчаніями“, но и сдѣлала возраженія по проекту, такъ какъ больничное дѣло есть, съ одной стороны, чисто-техническое, а съ другой — хозяйственное, но никакъ не политическое; о дѣлахъ же техническихъ и хозяйственныхъ откровенное выраженіе своего мнѣнія считается даже прямымъ долгомъ и добросовѣстнымъ исполненіемъ обязанности, въ чемъ никогда и никто еще не усматривалъ „оппозиціи“. Оказалось, что „одесское городское управленіе предполагаетъ строить новыя больничныя зданія для каждой спеціальной болѣзни“, какъ это уже существуетъ у насъ въ Петербургѣ, гдѣ болѣзни тифозныя, сифились, дифтеритъ и т. п., имѣютъ для себя или спеціальныя больницы, или спеціальныя отдѣленія въ особыхъ зданіяхъ. Составители ген.-губернаторскаго устава, очевидно, не имѣли этого обстоятельства въ виду, а потому городская Дума, отвѣчая на запросъ г. ген.-губернатора и указывая между прочимъ и на это обстоятельство, высказалась, — по словамъ репортера, какъ ниже окажется, не совсѣмъ точнымъ, — что „вопросъ о введеніи новаго устава преждевремененъ, и во всякомъ случаѣ городское управленіе само составитъ себѣ больничныя уставы“.

Сообщая, далѣе, самыя пренія въ собраніи Думы по поводу этого дѣла, репортеръ пришелъ уже совсѣмъ къ странному и на этотъ разъ непростительному для него заключенію: „Подобнаго (?) рода пренія, — говорить онъ, — сдѣлавшіяся немедленно достояніемъ мѣстной печати, внушаютъ массѣ населенія превратныя понятія о требованіяхъ власти“. Если газетный репортеръ можетъ еще какъ-нибудь отговариваться незнаніемъ Городового Положенія, то законы о печати должны быть ему хорошо извѣстны, а потому онъ не можетъ не знать, что газетные отчеты о засѣданіяхъ земскихъ собраній и городскихъ Думъ не могутъ быть печатаемы даже въ подцензурныхъ изданіяхъ иначе, какъ съ разрѣшенія мѣстнаго губернатора или лица, замѣняющаго его, а потому пренія въ Думѣ никакъ не могутъ дѣлаться „немедленно достояніемъ мѣстной печати“, такъ какъ отъ власти всегда зависитъ, чтобы пренія не „внушали массѣ населенія превратныхъ понятій о требованіяхъ власти“.

Впрочемъ, вслѣдъ за газетнымъ извѣстіемъ, появились въ печати и официальные документы, сообщающіе намъ точные факты: 1) постановленіе одесской Думы, мая 18-го дня, вполне подтверждающее высказанное нами объ опасности опираться, въ обсужденіи общественныхъ дѣлъ, на одни репортерскія показанія: оказывается, что городская Дума вовсе не уклонялась отъ разсмотрѣнія проекта устава, и самое ея журнальное постановленіе изложено репортеромъ вовсе не такъ; 2) обязательное постановленіе временнаго одесскаго г.-губернатора,

генераль-отъ-инфантеріи Роопа, 12-го іюня 1888 г. Ограничимся приведеніемъ въ подлинникѣ того и другого:

I. „1888 года, мая 18-го дня, одесская городская Дума, выслушавъ докладъ комиссіи и управы по разсмотрѣнію иже препровожденнаго при предложеніи г. одесскаго градоначальника отъ 9-го ноября 1887 г., за № 13367, проекта новаго устава одесской городской больницы (№ 30 „Вѣд. Общ. Упр.“ 1888 г.) и выработанныя ими, по порученію Думы, соображенія по поводу означеннаго проекта, — приговорили: поручить городской управѣ, во исполненіе вышеприведеннаго предложенія г. градоначальника, представить его превосходительству сказанныя соображенія комиссіи и управы, причѣмъ доложить, что Городская Дума, озабочиваясь въ настоящее время существующую общую больницу замѣнить, въ интересахъ больничнаго дѣла, отдѣльными специальными больницами, для которыхъ она, на основаніи предоставленнаго ей закономъ права, предполагаетъ въ свое время выработать отдѣльные уставы, сообразно специальности каждой изъ нихъ, признаеть болѣе полезнымъ, впродъ до преобразования городской больницы, руководствоваться существующимъ уставомъ и послѣдующими законоположеніями“.

II. Обязательное постановленіе временнаго одесскаго генераль-губернатора, 12-го іюня 1888 года:

„Принимая во вниманіе: 1) что въ одесской городской больницѣ, вслѣдствіе отсутствія должной заботливости городского управленія, допускаются серьезные беспорядки; 2) что беспорядки эти, отражаясь на интересахъ массы недостаточнаго населенія, которому приходится пользоваться больницею, требуютъ немедленнаго устраненія; 3) что одесская городская дума подъ совершенно неосновательными предлогами отказалась войти въ разсмотрѣніе внесеннаго, согласно моему распоряженію, на ея обсужденіе проекта устава одесской больницы, составленнаго въ видахъ устраненія означенныхъ беспорядковъ, я, на основаніи п. г. § 16 Высочайше утвержденного 14-го августа 1881 года Положенія¹⁾, постановляю:

„а) ввести съ 1-го августа сего года въ одесской городской больницѣ составленный для нея проектъ устава, вполне отвѣчающій потребностямъ больничнаго дѣла;

„б) обязать городское управленіе отпускать на содержаніе городской больницы соответствующія по смѣтамъ суммы, не уменьшая размѣра ихъ въ сравненіи съ отпускаемыми нынѣ;

„в) возложить на обязанность одесскаго врачебнаго инспектора ближайшее наблюденіе за точнымъ исполненіемъ вновь вводимаго для городской больницы устава;

„г) обязать городское управленіе по прежнему отпускать въ распоряженіе одесскаго врачебнаго инспектора изъ городскихъ средствъ

¹⁾ П. г. § 16: „Генераль-губернаторамъ предоставляется также — воспрещать отдѣльнымъ личностямъ пребываніе въ мѣстностяхъ, объявленныхъ въ положеніи усиленной охраны“. — Положеніе о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія, 14 авг. 1881 г.

ту сумму, которую онъ до настоящаго времени получалъ на расходы по наблюденію за дѣятельностью санитарнаго надзора“.

Всѣ эти четыре пункта находятся въ полномъ противорѣчій съ Высочайше утвержденнымъ Городовымъ Положеніемъ, 18-го іюня 1870 г., ибо, по статьѣ 139—140 Город. Пол., отпускъ на больничное дѣло отнесенъ въ число необязательныхъ расходовъ; по п. 4 ст. 2 того же Положенія, завѣдываніе больницами составляетъ обязанность городского общественнаго управленія, а теперь больница изъята изъ вѣдѣнія города и ближайшее наблюденіе за нею возложено единолично на врачебнаго инспектора; наконецъ, по Городовому Положенію, Дума не обязана содержать на счетъ города врачебнаго инспектора. Но съ другой стороны, обязательное постановленіе основывается на другомъ законѣ, политическаго характера, а потому компетентное обсужденіе такой коллизіи между различными законоположеніями для насъ затруднительно; подобнаго рода коллизіи могутъ находить себѣ авторитетное разъясненіе только въ Правительствующемъ Сенатѣ, на который Верховною властью возложена обязанность наблюдать за точнымъ исполненіемъ законовъ въ имперіи.

Мы, съ своей стороны, можемъ въ настоящемъ дѣлѣ, какъ оно представляется теперь по официальнымъ документамъ, обратить вниманіе только на одно обстоятельство: мотивомъ къ обязательному постановленію служить то, что Дума „отказалась войти въ разсмотрѣніе внесеннаго, согласно распоряженію г. ген.-губернатора, на ея обсужденіе проекта устава одесской больницы“; а изъ постановленія Думы видно, что проектъ былъ обсуждаемъ подробно дѣломъ городской комиссіею и Управою, составившими особый докладъ, разсмотрѣнный потомъ Думою, и все это было препровождено г. ген.-губернатору. Имѣя случай пользоваться изданіями городскихъ Думъ важнѣйшихъ городовъ, мы читали и этотъ въ высшей степени интересный и обширный (99 печатн. стран. больш. форм.) докладъ одесской Думы,—потому никакъ не можемъ объяснить себѣ, какимъ образомъ этотъ докладъ оказывается неизвѣстнымъ г. ген.-губернатору, такъ какъ, по словамъ обязательнаго постановленія, Дума будто бы „отказалась войти въ разсмотрѣніе“ генераль-губернаторскаго проекта, — чего на дѣлѣ однако не было.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ЛИСТОКЪ.

Петербургъ до его основанія. Опытъ исторіи сиб. Варжа, въ связи съ исторіей С.-Петербурга какъ торговаго порта. Г. А. Нгмирова. Вып. 1. Сиб. 1888. Стр. 1—56. Подписная цѣна на 1-ую серію 25 р.

Прежде чѣмъ начать весела обширнаго и столь же интереснаго труда, или, вѣрнѣе сказать, дѣлаго предпріятія—дать геологическую и затѣмъ заломическую исторію неяской дельты, занимаемой ширѣ столѣтій имперіи,—до 1703 г., когда былъ основанъ Петербургъ. Въ настоящемъ выпускѣ собраны весьма тщательно всѣ матеріалы, при помощи которыхъ авторъ даетъ вѣдливое понятіе о тѣхъ геологическихъ перемѣнахъ, которые совершились въ этой мѣстности еще до начала образованія будущей неяской дельты, когда рѣка Невѣ предшествовала широкой проливѣ, соединявшей непосредственно озеро Нево (Ладожское) съ морскимъ заливомъ, вѣнчивъ берегомъ котораго въ IX столѣтіи были возвышенности Пузкова и Дудергофа (устьица селенія Пузловъ и Духора, дѣль сѣма въ дѣльи и подливомъ новгородскіе послѣ, имѣвшие порушеніе призвать варяговъ). Въ XVI вѣкѣ неяская дельта имѣла еще всего два населенныхъ острова: Васильевъ (Васильевскіе) и Ошмиа Конецъ (Петерб. Стрѣна); всѣ прочіе острова были подъ водою; главнымъ русломъ тогда была вѣнчившая Малая Невѣ, отдѣляющая Васил. островъ отъ Петербургской; вся эта мѣстность составляла икорскій погостъ одной изъ новгородскихъ лѣтъ (вотской), а по паденіи Новгорода она составила волость подъ именемъ: „Вѣдливый князь волость на рѣкѣ на Невѣ, у моря, Тавомбеская Грузова“. Между 1497—1499 гг. въ этой волости основано было село Усть-Охта, —предшественница Петербурга, какъ это подробно разложено въ первомъ выпускѣ предпріимавшаго изданія, которому нельзя не пожелать довести это дѣло до конца такъ же успѣшно, какъ оно начато.

Исторія девятнадцатаго вѣка отъ времени вѣнскаго конгресса. Г. Гервинуса. Т. VI. Сиб. 1888. Стр. 434. Ц. 2 р. 75 в.

Настоящій выпускъ заключаетъ собою исторію востанія и возрожденія Греціи, совершавшихся одновременно съ такими же востаніемъ въ Дунайскихъ князствахъ. Всѣ эти востанія положили тогда начало „восточному“ вопросу, который, возникшему, и въ настоящее время не можетъ быть признанъ близкимъ къ разрѣшенію; но это послѣднее обстоятельство только увеличиваетъ интересъ именно этой части классическаго труда Г. Гервинуса. Роль дѣствующихъ сторонъ съ того времени переѣнчилась, но въ общемъ—возоженіе дѣлъ, тогда и теперь, представляется еще икоторую аналогію, съ тѣмъ только исключеніемъ, что Меттерниховская Австрія 20-хъ годовъ, ставъ послѣ вѣнскаго конгресса въ главѣ всеевропейской реакціи, не могла правдою назвать народнаго движенія на Балканскомъ полуостровѣ, какъ шедшаго въ разрѣзъ съ идеалами Священнаго Союза и потому назавалась ей революціоннымъ; повѣнная Австрія смотритъ иначе на то же дѣло. Исторію самой реакціи отъ вѣнскаго конгресса до итальянской революціи Гервинусъ изложилъ подробно еще въ первыхъ двухъ томахъ; третій и четвертый завети филологическимъ верхнимъ доплаткамъ къ противобѣдственной реакціи, за которыми и послѣдовали возмущенія на Балканскомъ полуостровѣ; исторія

повстаній и составляетъ содержаніе пятого и шестого томовъ. Въ послѣдующихъ двухъ томахъ авторъ возвращается къ оставленной имъ исторіи реакціи и объясняетъ, какъ именно сама реакція и подготовила итальяскую революцію, заключившую собою первую эпоху европейской „реставраціи“, или реакціи.

Лекціи по исторіи римской литературы, читанныя въ Кіевскомъ и с.-петербургскомъ университетахъ В. П. Модестовымъ. Позднее изданіе (три курса въ одномъ томѣ). Сиб. 1888. Стр. 764. Ц. 5 р.

Цѣль настоящаго, пошго изданія лекцій по исторіи римской литературы состоитъ не только въ необходимомъ дополненіи той части, которая была читана еще въ началѣ 70-хъ годовъ, но также и въ томъ, чтобы „по мѣрѣ силъ противобѣдствовать вѣдливому направленію, охватившему преподаваніе классической филологіи у насъ въ послѣдніе годы“ — и влѣкшемуся, по мнѣнію автора, результатомъ учебнаго плана по историко-филологическому факультету русскихъ университетовъ, оставляющаго исторію римской и греческой литературы самое скромное мѣсто; на такой предметъ отпускается всего одно полугодіе. Зато, какъ замѣчаетъ авторъ, много времени университетскихъ слушателей посвящается переводамъ на латинскій языкъ исторіи г. Изаваскаго или чего-нибудь тому подобнаго. „Я убѣжденъ, — заключаетъ востаній профессоръ, — что мой голосъ, если не теперь, то въ ближайшемъ будущемъ, приметъ во вниманіе, тѣмъ болѣе, что организованное новымъ учебнымъ планомъ преподаваніе видимо для всѣхъ ведетъ классическую филологію къ упадку“ — или, правнѣе говоря, не приведетъ къ процвѣтанію, котораго, по правдѣ сказать, у насъ классическая филологія еще и не видѣла. Впрочемъ, независимо цѣли, какою задался авторъ, его трудъ, какъ трудъ у насъ почти единственный оригинальный въ области исторіи римской литературы, не пройдетъ безслѣдно и возбуждетъ интересъ въ обширномъ кругу читателей, тѣмъ болѣе, что лекціи снабжены многочисленными образцами древнихъ писателей въ хорошемъ русскомъ переводѣ.

Государственная служба въ теоріи и въ дѣйствительности правъ Англіи, Франціи, Германіи и Цислейтанской Австріи. Проф. Н. О. Кулевскаго. Харьковъ, 1888. Стр. 268. Ц. 2 р.

Нельзя не согласиться съ авторомъ настоящаго труда какъ въ томъ отношеніи, что правнѣная постановка государственной службы облегчаетъ правительству достиженіе двухъ его главныхъ цѣлей, а именно обезпечить гражданамъ въ государствахъ законности и имарантъ администраціи къ общему благу,—такъ и въ томъ отношеніи, что внимательное изученіе правового и фактическаго положенія администраціи въ другихъ государствахъ имѣетъ для насъ весьма важное значеніе; замѣшанія у другихъ народовъ — по справедливому замѣчанію автора — вовсе не находятся въ противорѣчіи съ національной самобитностью государства. Мы еще будемъ имѣть случай возвратиться къ интересному труду проф. Кулевскаго, а теперь пока укажемъ на одну изъ его главъ: „Государственные экзамены“, которая обращаетъ на себя особенное вниманіе, вслѣдствіе того, что такіе экзамены вводитъ и у насъ.

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОДПИСКѢ

въ 1888 г.

(Двадцать-третій годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЬ ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

— выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ, отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
		Янв.	Юль.	Янв.	Апр.	Юль.	Окт.
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 80 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкой	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес.	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ госуд. почтов. союза	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкой и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе. — Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ, въ январѣ и юльѣ, и по четвертямъ года, въ январѣ, апрѣлѣ, юльѣ и октябрѣ, принимается — безъ повышенія годовой цѣны подписки.

Съ перваго іюня открыта подписка на 2-ую половину и 3-ью четверть года.

Книжные магазины, при годовой и полугодовой подпискѣ, пользуются обычномъ услугою.

ПОДПИСКА принимается — въ *Петербургѣ*: 1) въ Конторѣ журнала, на Вас. Остр., 2 лин., 7; 2) въ ея Отдѣленіи, при книжн. магаз. Э. Меллѣ, на Невск. просп., у Полиц. моста; — въ *Москвѣ*: 1) въ книжныхъ магазинахъ Н. П. Мамонтова, на Кузнецкомъ Мосту, и Н. П. Карбасникова, на Моховой, домъ Коха, и 2) въ Конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи. — Иногородные обращаются: 1) по почтѣ, въ Редакцію журнала, Спб., Галерная, 20; и 2) лично — въ Контору журнала. — Тамъ же принимаются извѣщенія и ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Примѣчаніе. — 1) *Почтовый адресъ* долженъ включать въ себѣ: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерціи, уѣзда и мѣстожительства, съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (НВ) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія — самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) *Перемѣна адреса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иногородіе, доплачиваютъ 1 руб. 50 коп., а иногородные, переходя въ городскіе — 40 коп. — 3) *Жалобы* на несправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышеупомянутыхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже какъ по полученіи слѣдующей книги журнала. — 4) *Билеты* на получение журнала высылаются Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыхъ марокъ.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:

Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., 2 л., 7

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., Академ. пер., 7.

AUG 27 1888

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.

ПРОСВЕЩЕНІЯ.

ДВАДЦАТЬ-ТРЕТИЙ ГОДЪ.—КНИГА 8-я.

АВГУСТЪ, 1888.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Издательство

А. С. Суворина

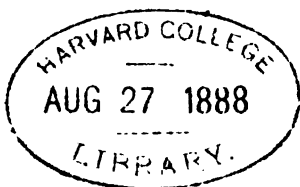
КНИГА 8-я. — АВГУСТЪ, 1888.

Стр.

I.—МУСОН — Романъ въ двухъ частяхъ.—Часть вторая.—VII-XV.—Окончаніе — В. Д. Каренина	433
II.—ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVIII-го ВѢКА, въ письмахъ братьевъ гр. С. и А. Вороцоловыхъ.—I-VII.—А. Брикнера	519
III.—ВОСКРЕСЕНЬЕ.—Поэма Широкомы.—Ф. Михайловой.	545
IV.—ИЗЪ ИСТОРИИ ЦЕХОВЪ У НАСЪ И ВЪ ЕВРОПѢ.—Очеркъ.—М. И. Ку- лишера	554
V.—ИВАНЪ КУЦЫЙ И ЖЕНА ЕГО ФЕСЬБА.—Разсказъ изъ южно-русскаго на- роднаго быта.—В. Лѣвицкой	603
VI.—СИБИРЬ И ИЗСЛѢДОВАНІЯ ЕЯ.—VI. Польская литература о Сибири.— Новыя путешествія западно-европейскія и американскія.—VIII. Сибирская исторіографія.—Окончаніе.—А. П. Пыпина	622
VII.—СЪ ТОГО СВѢТА.—Поэма.—Соч. Дэвидъ-Кристи Муррей.—Съ англійскаго.— I-VIII.—А. Э.	669
VIII.—ГРЕКО-БОЛГАРСКАЯ РАСПРЯ въ шестидесятихъ годахъ.—Историческій очеркъ.—I-II.—Ф. Стоянова-Бурнова	715
IX.—ХРОНИКА.—Переутюженіе учащихъ и его послѣдствія.—А. П. Добро- славина	760
X.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Земскія финансы.—Итоги земскихъ сборовъ въ истекшее двадцатипятилѣтіе земства.—Отношеніе доходовъ населенія къ земскимъ сборамъ въ различныхъ губерніяхъ.—Различіе въ обложеніи дви- жимаго и недвижимаго имущества.—Способы обложенія имущества зем- ствами, и уклоны отъ обложеній.—Земскія недомыки.—Обязательные и необязательные расходи.—Общія итоги	773
XI.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Русско-германское сближеніе.—Презнаніе германскаго императора въ Россіи.—Газетные толки и споры.—Отношеніе Германіи къ болгарскому вопросу.—Миролюбивыя понятія и ихъ зброу- ныя цѣли.—Уवादокъ „буланжизма“ во Франціи.—Роль президента Карно.— Семейно-политическій кризисъ въ Сербіи.—Положеніе дѣлъ въ Болгаріи	813
XII.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Воспоминанія о поѣздкѣ въ Константино- поль, А. Контева.—Древне-русскія сказанія и повѣсти о slutномъ времени XVII-го вѣка, С. О. Платонова.—Путеводитель по Кавказу, Е. Вейден- баума.—А. П.—Материалы для оцѣнки земельныхъ угодій. Крелевскій уѣздъ, П. П. Червянскаго.—Ф. В.—Теорія денежнаго и кредитнаго обращенія, А. Федоровича.—Подготовительныя мѣры къ возобновленію обращенія звон- кой монеты.—La France, la Russie et l'Europe, par A. Leroü-Beaulieu.— А. С.—Новыя книги и брошюры	837
XIII.—ЗАМѢТКА — Ученія потуги. — „Чувство законности и мировая истица“, сочиненіе проф. К. Н. Ярома.—Д. Деларю	849
XIV.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Каленъ тысячелѣтія христіанства въ Россіи.—Рѣчь о. Іакова Новицкаго.—Итоги первыхъ девяти вѣковъ, и за- дачи послѣдняго вѣка.—Наши крупныя городскія хозяйства и ихъ обще- ственное управленіе.—Результаты дѣятельности одесскаго городского обще- ственнаго управленія за послѣдніи 10 лѣтъ до 1887 г. включительно, и со- временное финансовое положеніе города.—Общественное хозяйство города Москвы за двадцать-пять лѣтъ: 1863—1887 гг.	862
XV.—БИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОВЪ.—Замѣтки о мѣстной реформѣ, Г. А. Евреинова.—Великая княгиня Екатерина Павловна, П. Н. Бажернова.— Физиологія любви, Паоло Мантегацци.	

ОБЪЯВЛЕНІЯ см. ниже: XII стр.

Съ перваго іюня открыта подписка на 2-ую половину и 3-ю четверть года.
(См. Объявленіе о подпискѣ на послѣдней страницѣ обертки.)

МУСЯ

РОМАНЪ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

Окончаніе.

VII *).

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ; отъ лѣта и деревни остались одни воспоминанія. Все по прежнему собралось въ Петербургѣ, чтобы повторить предыдущую зиму—въ ожиданіи новаго лѣта; между прочимъ повторился и одинъ изъ блестящихъ благотворительныхъ базаровъ.

Аккуратная Нина съ одиннадцати часовъ начала уже торопить Любочку, чтобы въ-время поспѣть къ Мусѣ, за которой онѣ уговорились зайти, чтобы вмѣстѣ ѣхать на базаръ, устраиваемый Александрой Семеновной Вешниной. Любочка была почти готова, но никакъ не могла собраться окончательно. Еще пока горничная причесывала ее, Любочка какъ-то поспѣла заглянуть, скосивъ глаза, въ лежавшую подлѣ туалета на столѣ книгу новаго журнала, заинтересовалась прочитанной фразой — изъ середины какой-то статьи—и, едва прическа кончилась, Любочка, таеъ и не надѣвая лифа, и все въ той же неудобной позѣ, бокомъ къ книгѣ и столу, погрузилась въ чтеніе и была совершенно глуха къ приставаніямъ Нины, чтобы „Петрушка не читаль въ книжку“. ишь когда тонъ Нины становился черезъ-чуръ серьезнымъ, Любочка, не отрывая глазъ отъ страницы, сердито просила, чтобы Нинка не стояла у нея надъ душой“.

*) См. выше: июль, стр. 81.

Потомъ Любочка взялась - было уже за свой корсажъ, но вдругъ ей пришло въ голову примѣрить новую верховую шляпу, и Любочка, все такъ и не надѣвая лифа, принялась прикалывать то сѣрый, то черный вуаль на разные лады и надѣвать передъ зеркаломъ цилиндръ то совсѣмъ на глаза, то на бокъ, то прямо. — Нина, какъ ты думаешь, вотъ такъ? Или лучше сѣрый? Или купить бѣлый?

Нина совершенно разсердилась, отобрала отъ сестры шляпу и заставила одѣться. Благодаря настойчивости Нины, онѣ успѣли во-время къ Мусѣ и не позже пяти минутъ перваго уже подѣзжали къ обитому тикомъ и украшенному флагами подъѣзду, около котораго стоялъ околоточный.

— Ну, вотъ видишь, ты боялась опоздать, а всего лишь двѣ кареты, кромѣ нашей, и сани чьи-то, — проговорила укоризненно Любочка, первая готовясь выскочить изъ кареты, прежде даже, чѣмъ она остановилась совершенно. Нина и Муса едва успѣли удержать ее за шубку.

Въ прихожей было еще совершенно пусто. И три присланные изъ дому лакея Вешниной, выѣздной Неридовой, швейцаръ и два сторожа, всѣ разомъ, точно обрадовавшись, бросились помогать раздѣваться Бергамъ и Глуховской. На вѣшалкахъ висѣли двѣ-три ротонды, военное пальто и большая медвѣжья шуба.

— Это шуба Ивана Степановича, я узнала ее! — сказала Любочка, поднимаясь за сестрой по широкой лѣстницѣ.

Шаги вошедшихъ гулко раздались въ совершенно еще пустыхъ залахъ. Въ первой комнатѣ изъ-за столика съ искусственными цвѣтами вынырнула голова гвардейскаго офицера и тотчасъ опять скрылась подъ столомъ.

— Саша! — окрикнула Муса, узнавъ Муранскаго. — Что это ты — solo въ прятки играешь?!

— Ахъ, это ты, Муса! — радостно воскликнулъ Муранскій, выбѣгая къ ней изъ-за своей засады. — Ты тоже продаешь? Чтѣ ты продаешь? Ты скажи заранѣе; я хоть и состою сегодня тоже въ приказчикахъ, но у тебя приду покупать.. А это я подъ столъ пряталъ коробки: намъ сейчасъ еще цвѣтовъ прислали. Посмотри, какъ я хорошо развѣсилъ! — говорилъ Муранскій, вновь подходя къ своему столу и показывая гирлянды и отдѣльныя гроздыя и вѣтви цвѣтовъ, искусно развѣшанныя на невидимыхъ веревочкахъ и составлявшія точно потолокъ бесѣдки надъ столомъ, заваленнымъ цѣлыми ворохами искусственныхъ цвѣтовъ, среди которыхъ виднѣлись двѣ-три майоликовыя вазочки, корзиночки, тарелочки.

— А ты у кого продаешь?

— Да у Вязьмовой, у Мэри Орестовны. Какъ ты думаешь: *un joli cadre pour son divin visage?* — Онъ указаль на бекъдеу.

Муса раскохоталась. — Ну, ты, я вижу, и въ гробъ такимъ „фанативомъ“ сойдешь. Но скажи, гдѣ же всё? Неужто никого еще нѣтъ?

— Какъ можно! Наша президентша съ мужемъ здѣсь, — Керны, m-lle Неридова, еще нѣсколько дамъ. Они всё въ буфетѣ, завтракають. Это и отъ нечего-дѣлать, ну и для того, чтобы поскорѣе положить рубль-два „на счастье“ въ кассу.

— А кто въ буфетѣ продаетъ?

— Сама! — сказала Муранскій, строя испуганно-подобострастную мину, и тѣмъ тономъ, какъ лакеи говорятъ о хозяевахъ.

— А! понимаю теперь, почему она никому не поручила продавать въ буфетѣ... — сказала изъ-за своего столика Нина, но тотчасъ прикусила язычокъ. Она уже поставила передъ собой ящикъ изъ-подъ перчатокъ, въ видѣ кассы, наложила въ него мелкихъ денегъ и бумажекъ для размѣна и спокойно усѣлась.

Любочка и Муса прошли въ буфетъ.

— Ah! chère Marie! Ah! que vous êtes ravissante! Какъ мило съ вашей стороны быть такой аккуратной! И вы, m-lle Люба! А ваша сестра? Какой прелестный туалетъ у васъ, Марья Николаевна! — какъ всегда, одобрила Вешнина, но тонъ ея сегодня былъ вполонину менѣе величественъ, чѣмъ всегда.

— Ну, садитесь подлѣ меня, возьмите чашку чая. Я со-вѣтую даже не снимать перчатокъ. Здѣсь пока страшный холодъ. M-lle Люба, et vous? Un petit gâteau peut-être?

Александра Семеновна, въ своемъ ярко-синемъ платьѣ съ красными пушинками и полосками, со значкомъ „Краснаго Креста“ и еще какими-то двумя орденами, уже вошла въ роль расторопной буфетчицы и то-и-дѣло угощала сидѣвшихъ за столиками дамъ — все продавщицъ — тартинками, бисквитами, пирожками, шokolадомъ, конфектами, приговаривая: — „Съ вашей легкой руки, Богъ дастъ хорошо пойдетъ“.

Все это были знакомыя Мусы, и она, поздоровавшись со всѣми, тоже должна была присѣсть у столика, рядомъ съ Леной, съѣсть два пирожка, потомъ взять конфетъ, потомъ бисевитеу, хотя терпѣть не могла сладкаго утрома.

Въ сосѣдней залѣ слышались чьи-то шаги. Маленькая Кернъ вскочила испуганно и радостно и, обращаясь ко всѣмъ вообще, громко прошептала: „Можетъ быть, это покупатель!“ — и побѣ-

жала въ залу къ своему прилавку. За дочерью поднялась и баронесса Кернъ; шелестя шолкомъ платья и звеня стеклярусной бахромой и браслетами, она тоже прошла въ залу. Но тревога была ложная: это лакей madame Деодати принесъ корзины съ живыми цвѣтами, которыя и поставилъ подъ свѣтью двухъ громадныхъ латаній на столъ, обруженный цѣлымъ лѣсомъ растений, гдѣ должно было продаваться шампанское. Потомъ лакей доложилъ Вешниной, что „Анна Ильинишна будутъ ровно къ двумъ“.

Вешнина обратилась къ мужу: — Иванъ Степановичъ, какъ ты думаешь, до двухъ никто не спроситъ шампанскаго? А вдругъ?..

— Никто не спроситъ, матушка, никто не спроситъ! — съ какой-то безнадежной ноткой въ голосѣ отвѣтилъ женѣ Вешнинъ.

— Ну, а если спросятъ, вѣдь и я могу налить въ крайнемъ случаѣ, — прибавила словно самой себѣ Вешнина, и тонъ ея ясно говорилъ, что этотъ „крайній случай“ доставилъ бы ей истинное удовольствіе.

Александра Семеновна, устраивая базаръ, концертъ или лотерею, можетъ быть совершенно искренно имѣла въ виду одну только серьезную и хорошую цѣль ихъ: доставить стипендію гимназистѣмъ или педагогичкѣмъ, внести плату за дѣвочекъ въ пріютъ, или отереть постель „имени покойнаго графа Симона Реверса“ въ больницѣ ихъ общины, — однимъ словомъ, тѣмъ или другимъ средствомъ помочь тому или другому изъ всѣхъ тѣхъ безчисленныхъ благотворительныхъ обществъ, гдѣ она состояла предсѣдательницей, секретаремъ, дѣлопроизводительницей или просто дѣйствительнымъ членомъ. Александра Семеновна была въ самомъ дѣлѣ добрая и энергичная женщина, и въ самомъ дѣлѣ приносила много пользы. Но она была слишкомъ уже энергична, съ одной стороны, а съ другой — слишкомъ привыкла слышать, что „безъ нея ничего бы не вышло“, что „все она“, что „никто, кромѣ нея“. И вслѣдствіе этого у нея явилась излишняя и необычайная ревность ко всему, что касалось ея обязанностей. Она дѣлала не только то, что было нужно, но и то, что было совершенно ненужно, вмѣшивалась въ обязанности и кассира, и библіотекаря, и экономовъ; часто мѣшала, надѣдала, утомляла, утомлялась сама понапрасну, цѣлыми днями пропадала изъ дому, обѣдала кое-какъ, торопясь въ комитетъ, возвращалась въ два часа ночи, разбитая и раздраженная; на другой день у нея была мигрень; Иванъ Степановичъ огорчался; члены комитета потихоньку вздыхали и посмѣивались, а Александра Семеновна только

повторяла про себя, что „еслибъ не она сама, все сдѣлали бы не такъ“. Она такъ есмь сердцемъ хотѣла быть полезной и необходимой, такъ, въ то же время, безсознательно хотѣла, чтобы она, только она, была такою, что по временамъ почти огорчалась, когда оказывалось, что секретарь Петръ Сергѣевичъ былъ знакомъ съ пѣвицей Д., а баронесса Кернъ съ пианистомъ К., и, значить, не одна Александра Семеновна „всѣхъ пригласила“ для концерта. Александра Семеновна почти была недовольна тѣмъ, что не могла одна продавать на базарѣ, и утѣшалась однимъ — тѣмъ, что восемь изъ десяти продавщицъ навѣрное приглашены лично ею. Александра Семеновна считала даже за личное оскорбленіе, если кто-нибудь вызывался помочь ей развезти билеты. И въ сущности лучшія минуты ея жизни были тѣ, когда она, почти въ обморокѣ отъ усталости, четверть третьяго ночи, говорила мужу едва слышнымъ голосомъ: „Завтра... опять комитетъ... Не знаю просто, какъ и поѣду... Это просто мученье... Je ne me sens plus de fatigue. Это наказаніе чистое!“... И теперь она безсознательно обрадовалась, подумавъ, что Деодати можетъ опоздать, и „въ крайнемъ случаѣ“ она, Вешнина, должна будетъ подбѣжать отъ своего буфета къ столу съ шампанскимъ, сама нальетъ, лишній разъ покажетъ всѣмъ, какая она дѣятельная и умѣлая, и потомъ опять поспѣшно, не теряя ни минуты, вернется за буфетъ...

Муса прошла въ ту залу, гдѣ былъ ея столъ. Все еще было пусто. Нѣсколько барышенъ съ унылымъ видомъ бродили взадъ и впередъ. Двѣ дамы сидѣли уже у своихъ столиковъ. Муса подошла къ Бергамъ, около которыхъ стояло нѣсколько продавщицъ и Муранскій. — *Et bien, mesdames*, мнѣ кажется, мы страшно рано собрались. Мы только замерзнемъ здѣсь.

— Нѣтъ, отчего же?! — отвѣтила Нина. — Во-первыхъ, Александра Семеновна просила, а во-вторыхъ, уже скоро часъ. Теперь весь Петербургъ завтракаетъ, а черезъ четверть часа какіе-нибудь уже и станутъ приходить.

Къ часу, почти всѣ продавщицы были уже на своихъ мѣстахъ. Вскорѣ, дѣйствительно, показались и рѣдкіе посѣтители. Какая-то дама, повидимому гувернантка, прошла съ двумя дѣтьми въ отдѣленіе игрушекъ и сразу купила тамъ двѣ игрушки; видимо, ихъ прислали, заранѣе наказавъ, что и на сколько купить. Потомъ пришелъ старикъ Кернъ, со своими добродушными шуточками обошелъ всѣхъ знакомыхъ дамъ и дѣвицъ, у всякой купилъ какую-нибудь вещь и, нагруженный всевозможной бесполезной дрянью, прошелъ, наконецъ, въ буфетъ, гдѣ Вешнина встрѣтила

его радостными восклицаніями: она знала, что онъ теперь, „отбывъ повинность“, какъ онъ выражался, усядется спокойно у столика, будетъ завтракать, курить (за это платили 30 копѣекъ штрафа въ пользу общества), однимъ словомъ, сдѣлаеть все точно такъ, какъ должно „порядочному человѣку, пришедшему на базаръ“. Потомъ пришелъ Рудольфъ Мюнстеръ, тотчасъ накупилъ массу букетиковъ у одной изъ двухъ некрасивыхъ барышень, которыхъ Вешнина прозвала „жираффами“, и отправился подносить эти букетики всѣмъ знакомымъ барышнямъ. Потомъ и онъ тоже прошелъ въ буфетъ. Пришли еще двѣ дамы съ разраженной бѣлокурой дѣвочкой; онъ разсѣянно проплылъ вдоль залы и исчезли въ дверяхъ дѣтскаго отдѣленія. За ними вошли въ залу два пажа подъ руку и подошли прямо къ маленькой Кернъ; старикъ съ очень чопорной и надутой старушкой, еще двѣ дамы. Цѣлая компанія правовѣдовъ, товарищей Пети Берга и молодого Вешнина, направилась прямо въ буфетъ. Потомъ еще и еще, по двое и по трое, стала входить съ лестницы и собираться элегантная публика. Большинство осторожно скользили мимо незнакомыхъ продавщицъ, подходили съ любезными улыбками къ знакомымъ и, видимо совершая тяжкій долгъ, нерѣшительно выбирали разныя бездѣлушки. Только около „бочки съ овсомъ“ стояла толпа и раздавались радостные голоса дѣтей, вытаскивавшихъ сюрпризы.

Муранскій, подражая гостиннодворскому приказчику, зазывалъ знакомыхъ и незнакомыхъ: „У насъ лучше! Къ намъ пожалуйте! У насъ первый сортъ!“ Хорошенькая Вязьмова, продававшая съ нимъ, всякій разъ пряталась за свой вѣрѣ. Около нихъ останавливались, смѣялись; Муранскій, все подражая приказчику, показывалъ и расхваливалъ то бѣлую сирень, то шиповникъ, навязывалъ свой товаръ, и почти никто не отходилъ отъ ихъ стола, не купивъ вѣтки или букетика. Вязьмова перестала прятаться за вѣрѣ и уже два раза доставала новыхъ цвѣтовъ изъ корзинки подъ столомъ.

На другихъ столахъ было тише. Молоденькія продавщицы такъ и впивались глазами во всякое входившее новое лицо. Другія дѣлали видъ, что имъ все равно, и сидѣли, улыбаясь и небрежно смотря въ сторону, но втайнѣ мучились завистью, что у нихъ не такъ идетъ, какъ у Вязьмовой и Глуховской или у маленькой Кернъ.

Къ тремъ часамъ во всѣхъ залахъ, у всѣхъ столовъ толпились, но, по мнѣнію барышень, продажа все-таки шла довольно тихо. Это были, по большей части, молодые люди и родные про-

давщицъ, зашедшіе съ прогулки поболтать со знакомыми. Въ буфетѣ „дѣла шли“ лучше всего. Оттуда доносился непрерывный шумъ голосовъ, точно гудѣніе громаднаго улья. Вешнина такъ и сновала взадъ и впередъ между маленькими столиками и уже попросила къ себѣ двухъ барышень на помощь. Потѣмъ она пошла провѣдать, какъ шло въ другихъ комнатахъ.

Публика все прибывала и двумя непрерывными потоками тянулась мимо столовъ. Къ четыремъ часамъ въ залахъ стало душно и тѣсно.

— Голубчикъ, Елена Сергѣевна, размѣняйте мнѣ три рубля, надо сдачи, у насъ больше мелочи нѣтъ,—просила какая-то барышня въ голубомъ у маленькой Кернъ.

На что та ей гордо отвѣтила:

— У меня совсѣмъ мелочи нѣтъ. Мнѣ не пришлось ни разу мѣнять. — И еще съ большею гордостью прибавила: — У меня въ кассѣ уже 184 рубля, а у васъ сколько?

Барышня только вздохнула и подбѣжала къ Глуховской.

— Чтѣ вамъ угодно? Ахъ! да вы тоже продаете!.. Размѣнять?.. *Georges, servez mademoiselle!*—сказала Муса своему помощнику Бергу, завязала розовой тесемочкой маленькій пакетикъ и подала его стоявшему передъ ней въ почтительной позѣ конно-гвардейцу. — *C'est cinq roubles cinquante, monsieur.* — И она хотѣла сдать съ десяти рублей.

— О, Марья Николаевна, pour qui me prenez-vous? C'est un bazar de bienfaisance!

— Vous êtes bien gentil! Merci!—и тотчасъ, не останавливаясь, Муса обратилась къ пожилой дамѣ, выбиравшей изъ двухъ кожаныхъ вѣровъ:—Возьмите оба, тогда, по крайней мѣрѣ, вамъ не жалко будетъ оставить ни красный, ни зеленый. Навѣрное ваша дочь будетъ въ восторгѣ, что у нея вѣрь подходитъ къ востюму. Для концерта, съ чернымъ платьемъ — красный; для обѣда—у нея навѣрное есть теперешнее модное зеленое, въ этомъ родѣ,—Муса указала на свое:—для такого—зеленый.

— Ну, пожалуй! Хорошо,—сказала дама очень неохотно. И заплативъ за вѣра, дама положила ихъ, не завертывая, въ савоажъ и отошла.

— Однако, Марья Николаевна, вы ей почти съ ножомъ къ горлу пристали.

— Oh, elle m'a embêtée. Стояла, стояла!.. Вамъ чтѣ угодно? — Муса уже опять любезно наклонилась передъ старикомъ въ *pince-nez*. — *Un carnet? Un agenda? Un porte-cigares? Cuir de Russie? Peau de crocodile?* Это очень модно.—Муса, какъ на-

стоящая продавщица, перебирала на своемъ столѣ. Около ея стола постоянно покупали, и Юрочка едва успѣвала завертывать и сдавать сдачу. Къ нимъ на столъ уже принесли непродававшіеся въ отдѣлѣ духовъ альбомы въ атласныхъ обложкахъ съ акварелями.

— Не идутъ?—дѣловымъ тономъ спросила Муся подошедшую Вешнину.—Такъ мы сдѣлаемъ лотерею. Georges, напишите билетки. Monsieur Мириневскій, un petit billet!—такъ же живо обратилась Муся къ конногвардейцу, все еще медлившему у ихъ стола.—А въ награду можете войти въ нашу лавочку и присѣсть. Я вижу, что вы падаете отъ усталости. Soyez le bien venu!

— Ну, а я пока убѣгу,—сказалъ Юрочка.—Я общалъ Аннѣ Ильинишнѣ начать ей бутылку. Да, я видѣлъ сейчасъ мужа Деодати, значить и она сама тутъ. Голубчикъ Мириневскій, замѣни меня на минутку, напиши билеты. Я—сейчасъ!

— Нѣтъ, пожалуйста, подольше!—крикнулъ вслѣдъ убѣгающему Юрочкѣ Мириневскій, и тотчасъ, положивъ фуражку, вступилъ въ свои обязанности помощника, въ то же время упрасивая Мусю быть на вечерѣ у Бергъ въ слѣдующую субботу.—Да вы скажите, по крайней мѣрѣ, почему вы такъ рѣшительно отказываетесь отъ этого вечера; вѣдь вообще вы нынче много выѣзжаете?

— Послушайте, вы хорошо знаете, что я слишкомъ избалована для того, чтобы то, что я сейчасъ скажу вамъ, было fishing of compliments. Такъ? Ну, такъ я скажу вамъ, что я слишкомъ уже стара для такихъ баловъ, а съ другой стороны все еще недостаточно стара.—Un carnet, madame? Monsieur Мириневскій, дайте тотъ, который на рамкѣ лежитъ. — C'est trois roubles soixante-quinze, madame.

— Ну, я этого не понимаю, простите!—продолжалъ Мириневскій, завертывая въ то же время маленькую книжечку.

— Видите, для того, чтобы на такомъ балу веселиться, надо быть новичкомъ, чтобы радоваться самому процессу танцевъ. Вы меня, я надѣюсь, уже не считаете таковой проступшой. Съ другой стороны, балъ можетъ занимать, когда il y a un je ne sais qui ou je ne sais quoi, т.-е. чье-нибудь или общее поклоненіе. Перваго, вы знаете, для меня не можетъ существовать. А второго, второго... я уже слишкомъ много видѣла,—докончила Муся смѣло.—Ну, а для того, чтобы быть только зрительницей, для этого надо другой характеръ бала, что-нибудь болѣе грандіозное. Для этого я нынче представлялась ко двору; тамъ мнѣ всегда весело, даже когда я не танцую.

— Вы ужасны, Марья Николаевна! Такое заранѣе поставили условіе, что нельзя и отвѣчать вамъ то, что думаешь. Примите за банальность. Но, во-первыхъ, вы немного уклоняетесь отъ истины: вы очень обружены на балахъ при дворѣ, и даже, какъ говорятъ злые языки, вы этому не мѣшаете, не строго запрещаете это. А во-вторыхъ, во-вторыхъ... все-таки пріѣзжайте!

— Посмотримъ, посмотримъ! — отвѣчала Муса, улыбаясь, но совершенно безучастно. Она уже устала. Марья Николаевна въ этомъ году, къ изумленію всѣхъ родныхъ и знакомыхъ, вдругъ опять начала выѣзжать не только на маленькіе вечера, но и въ большой свѣтъ. Какъ въ прошлые годы она рѣдкій вечеръ уѣзжала изъ дому, такъ нынче рѣдко сидѣла дома. Она не пропускала ни маленькихъ, ни большихъ вечеровъ, ни любительскихъ спектаклей, ни раутовъ, ни музыкальныхъ утръ, ни базаровъ. Косточкову опять приходилось каждую субботу отмирать ея туалеты въ Михайловскомъ театрѣ. Она при первой возможности представилась ко двору. И черезъ мѣсяць уже только и было разговоры въ свѣтскомъ Петербургѣ, что о réapparition этой „обаятельной Муси Глуховской“. Она выѣзжала и съ мужемъ, и съ дядей, — чаще всего одна. Но и выѣзжала она не какъ всѣ свѣтскія женщины, точно исполняя тяжелый долгъ, а бросалась въ удовольствія съ весельемъ, со страстью, съ самозабвеньемъ. Еслибы ее спросили, отчего она ведетъ такую разсыпанную жизнь, она бы сама не знала, что отвѣтить, но ее тонуло изъ дому, изъ дому! Какъ въ былые годы, когда она была молоденькой дѣвочкой, — ей опять хотѣлось, чтобы кругомъ нея было вѣчно веселье, шумъ, красивыя лица и костюмы, оживленье, жизнь. И эта перемѣна въ ея жизни сразу отразилась на отношеніяхъ къ ея окружающимъ и ихъ къ ней. Она никакъ не могла болѣе относиться къ знакомымъ съ тою манерой, которую Ольга характеризовала словами: „что стулъ, что человекъ — все равно“, т.-е. одинаково къ старымъ и молодымъ, къ дамамъ и мужчинамъ. И прямымъ слѣдствіемъ этого явилось то, что за ней опять начали ухаживать. И хотя Марья Николаевна сознавала смутно, что все дѣлается какъ-то не такъ, какъ бы слѣдовало, — она никакъ не могла встать на иную почву, не могла заставить всѣхъ вновь относиться къ ней какъ къ скучной и немного чопорной дамѣ, влюбленной въ своего мужа. Это и радовало, и пугало ее, а болѣе всего развлекало. Поэтому она съ радостью приняла предложеніе Вешниной участвовать въ ея базарѣ.

Но сегодня она скоро устала. Отъ непрерывнаго шума, жужжанья вокругъ нея, отъ мельбанія знакомыхъ и незнако-

мыхъ лицъ, оттого, что все время почти приходилось стоять на ногахъ, наклоняться, считать, записывать,—у Мусы кружилась голова. И, кромѣ того, ей съ самаго утра было какъ-то то-скливо, не по себѣ, она смутно чувствовала какую-то вину передъ самой собой, точно она все время дѣлала постыдное и нехорошее дѣло.—Нѣтъ, базары больше не для меня!“—говорила она себѣ мысленно.— „C'est trop bête, et trop ridicule et trop...“— Она не хотѣла договорить себѣ, что еще было „trop“ въ базарахъ, и уже не разъ оглянулась на дверь, надѣясь увидѣть мужа или дядю, чтобы уѣхать домой. Мириневскій былъ ей прежде симпатиченъ, особенно своею выдержкой и врожденнымъ изяществомъ всего вѣшняго и внутренняго облика, но сегодня и онъ не подходилъ къ ея настроенію духа: онъ напоминалъ ей что-то такое, о чемъ она хотѣла бы забыть. Однако, по вѣщности Мусы казалась все такой же оживленной; она кокетливо болтала съ Мириневскимъ и другими знакомыми, разыгрывала бойкую продавщицу...

Когда билетики были написаны и свернуты, Муся положила ихъ въ бѣлую фуражку.—Пойдите, Всеволодъ Аргадьевичъ, попросите у Nelly Кернъ одинъ изъ ея бронзовыхъ колокольчиковъ на пять минутъ.

Мириневскій вернулся, смѣясь и пожимая плечами.—Ну, m-lle Nelly fait des affaires! Я ей посоветовалъ открыть настоящую лавочку въ Гостиномъ Дворѣ. Вообразите, она меня заставила дать въ залогъ за колокольчикъ пять рублей; а когда я далъ, объявила, что считаетъ колокольчикъ проданнымъ мнѣ. Ну и хохотали же мы надъ ней. Такая крошка, на видъ c'est un petit ange de douceur, а смѣлость какая! Молодецъ барышня!

Муся сдѣлала гримаску.—Всѣ мы хороши здѣсь!—сказала она презрительно. Ну, пойдете!—Она дала Мириневскому въ руки тарелку и альбомы, которые тщательно покрыла большимъ листомъ бумаги, сама взяла фуражку съ билетами, а колокольчикъ дала вернувшемуся Бергу.—Юрочка! впередъ! Звоните!—и она тихонько скомандовала: „Съ мѣ-ста ша-гомъ!“

Бергъ изо всей силы зазвонилъ, и всѣ трое торжественно пошли по залѣ мимо столовъ.

— Un billet de loterie, mesdames, messieurs! Deux charmants albums de satin!—говорила Муся громко, останавливаясь передъ знакомыми и незнакомыми.—Un billet, madame!—и она протягивала фуражку которой-нибудь изъ продавщицъ. Всякого взявшаго билетъ Муся просила не развертывать его и слѣдовать за Мириневскимъ, и процессія все увеличивалась, вытягивалась,

напоминаая дѣтскую игру: „море волнуется“. На нихъ всѣ оглядывались, толпа со смѣхомъ разступалась, молодые люди ради шутки становились „въ хвостъ“. Многія продавщицы, не слышавъ за шумомъ разговоревъ, въ чемъ дѣло, изумленно переглянулись черезъ свои прилавки и спрашивали другъ друга: „Что это? Что они дѣлаютъ?“

Двѣ барышни, понявъ, въ чемъ дѣло, тотчасъ загѣяли то же самое, и когда Муся, обойдя всѣ залы, возвращалась въ первую комнату, она встрѣтила въ дверяхъ уже другую процессію: пажъ неся, высоко держа надъ головой, кабую-то гравюру; за нимъ два молодые человека несли зажженные свѣчи, потомъ двѣ барышни шли съ тарелкой и съ билетами въ бронзовой чашечкѣ. Барышни загородили дорогу первой процессіи и стали пропускать всѣхъ по одному, заставляя брать билеты en réage. Это возбудило еще большіи смѣхъ.

Когда, наконецъ, всѣ собрались въ большую залу, Глуховская попросила всѣхъ разомъ развернуть билетики. Одинъ альбомъ выигралъ какой-то генераль, другой достался маленькому гимназисту, который никакъ не рѣшался подойти взять его, пока мамаша не вытолкнула переконфузившагося мальчика впередъ; онъ поспѣшно взялъ его изъ рукъ Муси и такъ же поспѣшно скрылся въ толпѣ, точно сдѣлалъ что-то преступное. Но на него никто не обратилъ вниманія. Теперь всѣ прислушивались къ веселому гаму, долетавшему изъ сосѣдней залы, и, точно море при отливѣ, толпа уже отхлынула туда. Глуховская еще не успѣла усѣсться за свой прилавокъ, какъ къ ней приближалась Любочка.

— Муся, голубушка!—заговорила Любочка взволнованнымъ шопотомъ.—Пойди, посмотри, что у насъ тамъ дѣлается. Деодати совсѣмъ съума сошла: продаетъ шампанское съ аукціона, отпиваетъ при этомъ бокалы и потомъ дороже продаетъ, или пальчики свои опускаетъ въ бокалы; распродаетъ всѣ цвѣты, которые приволоты у нея на ворсажѣ. Ну, просто, Богъ знаетъ что! Софья Петровна ушла изъ-за своего стола—она рядомъ продавала фрукты—и, говорятъ, совсѣмъ уѣхала. Нина страшно злится, а меня такъ смѣхъ разбираетъ. Голубушка, пойди—посмотри! Литвиновъ, знаешь, богатъ этотъ, такъ ей сто рублей за цвѣтокъ далъ. Tu sais,—прибавила Люба еще таинственнѣе:—Юра dit qu'il la embrassée. А кто-то, кажется Шахъ-Бекъ, вывусилъ кусочекъ бокала!.. Александра Семеновна въ дикомъ бѣшенствѣ!—продолжала Любочка, по привычѣ употребляя гимназическое выраженіе.—Она говорить, что это—поворъ для нашего базара!

— Ахъ, какая жалость, что ты здѣсь, Люба!—сказала Муся

съ неудовольствіемъ. — Совсѣмъ тебѣ не мѣсто эти базары, только пустяки разные увидишь и услышишь.

— Я не стану же хуже? — возразила Любочка обидчиво.

— Хуже не станешь, а это лишнее. Садись за мой столъ. Я пойду, уведу оттуда Нину. Нельзя же оставить ее одну. Юрочка, останьтесь съ Любой. А вы, Всеволодъ Аркадьевичъ, дайте мнѣ вашу руку, а въ особенности не подавайте виду, что мы идемъ туда изъ любопытства! Пойдемте съѣсть мороженого въ буфетъ, мнѣ и въ самомъ дѣлѣ страшно пить хочется. — Мусѣ стало еще болѣе стыдно и тяжело; она почувствовала себя виновной и въ вигѣ Деодати, и во всемъ, что было здѣсь гадкаго, постыднаго, мишурнаго. Они сдѣлали два шага къ двери. Но вдругъ Муся, точно боясь упасть, схватилась за руку Мириневскаго и вновь отступила за прилавокъ. Исчезъ базаръ съ его давкой, пестрой толпой, жужжаньемъ, исчезло сознание чего-то неудобнаго, въ чемъ она принимала участіе и что ее мучило здѣсь съ самаго утра, и то тоскливое чувство одиночества, безцѣльности своей жизни, которое всю эту осень и зиму, и вчера и сегодня, неотступно гнело ее; она безуспѣшно старалась все это отогнать и разсѣять выѣздами и развлеченіями, и сегодня, здѣсь, она отгоняла болтовней и внѣшнимъ оживленіемъ — и теперь все это разомъ исчезло, — и радость, неожиданная, громадная, почти испугъ, потрясла ее всю. Изъ дверей дѣтскаго отдѣленія, осторожно пробираясь между дамами и дѣтми и придерживая пашку, подходилъ Дмитрій Неридовъ и подходилъ прямо къ столу Муси.

Муся попыталась схитрить сама съ собой и тотчасъ прибѣгла къ приему смѣлыхъ людей: назвать вещи ихъ точнымъ именемъ и тѣмъ самымъ лишить ихъ черезъ-чуръ глубокаго или тревожнаго значенія, какое онѣ имѣютъ, когда онѣ только слегка задѣты въ разговорѣ или неясно сознаны. Но это ей не удалось. — „Ну, да, конечно, я *страшно* рада его видѣть... и это такъ неожиданно!“ — хотѣла себѣ смѣло и точно выговорить Муся. Но произнесла она это про себя съ замѣшательствомъ, а вторая половина фразы уже совсѣмъ прозвучала въ ея сознаниі, какъ оправданіе себя въ чемъ-то; и то страшное, недосказанное, чему Муся хотѣла *не дать досказаться*, придать точными словами простой и невзначайшій смыслъ, — вслѣдствіе этого тона досказалось и стало означать какъ разъ то, тѣмъ было на самомъ дѣлѣ. И Муся, подавленная ужасомъ и счастьемъ, не двигаясь, чувствовала, какъ Дмитрій все ближе и ближе подходилъ къ ней.

— Здравствуйте, Марья Николаевна! Зная ваши взгляды на

всякія благотворительныя затѣи, я и не повѣрилъ-было Ленѣ, что вы тоже здѣсь сегодня,—сказалъ Дмитрій совершенно спойно, почти насмѣшливо, и ни тѣни волненія не было видно на его красивомъ лицѣ.—Тѣмъ пріятнѣе сюрпризъ! Какъ выживаете?.. Мириневскій, comment ça va?.. А я только-что вчера вернулся... Ну, какъ у васъ продажа идетъ? Это обязательный вопросъ сегодня.

— Merci, очень хорошо,—отвѣтила Муся почти спойно, но еще негромко отъ волненія, лишившаго ее голоса, а неудержимая радость сіяла въ ея вдругъ загорѣвшихся глазахъ.— Вотъ Всеволодъ Архадьевичъ отличный помощникъ. Уже скоро можно будетъ и закрыть нашу лавочку: видите, какъ у насъ мало остается. А вы довольны вашей поѣздкой? Какъ Ольга? Поправилась ли?

— Да она и не хворала,—отвѣтилъ Дмитрій весело.—Это было такъ, предлогъ только, чтобы уѣхать за границу. Она и теперь тамъ только и дѣлаетъ, что выѣзжаетъ, театры посѣщаетъ, на музыку ходитъ. Она и не думала лечиться.

— Такъ Ольга осталась еще за границей?

— Ну, разумѣется!

— А бѣби?

— Бѣби у мамы по прежнему, да и теперь останется у нея; вѣдь я не гожусь въ няньки. Я—не „règè exèmplaire“, какъ Сережа, по словамъ Марьи Петровны. Ну, что она? Не перешла еще окончательно въ католичество? Или въ редстокисты?

— Нѣтъ, она теперь поклонница Пашковскаго ученія.

— C'est la mème râte. Этого можно было ожидать. А всѣ ваши остальные—какъ? Петръ Михайловичъ, какъ я слышалъ, кончилъ свое сочиненіе. За границей про него мнѣ говорили два три человѣка, даже и не изъ русскихъ. Да вотъ: „когда говорить о солнцѣ“...—Дмитрій уже пошелъ на встрѣчу подходившему Бобрину.

Петръ Михайловичъ сообщил Мусѣ, что мужа ея кто-то задержалъ дома, и что поэтому онъ самъ, Петръ Михайловичъ, пріѣхалъ за ней; затѣмъ спросилъ, какъ шла торговля, попросилъ указать ему, гдѣ и кто изъ знакомыхъ продаетъ, чтобы „никого не обидѣть“, и, пообѣщавъ Мусѣ придти „поддержать ей коммерцію“, пошелъ въ другую залу. Любочка вызвалась провести Бобрину къ Александрѣ Семеновнѣ.

— Позвольте и мнѣ, Миша Николаевна, „поддержать вашу коммерцію“,—сказалъ Неридовъ шутливо.—Выберите мнѣ что-нибудь сами!

— Ну, что же я вамъ выберу?—Муся уже совсѣмъ оправилась отъ своего волненія, и ей казалось—она очень довольна, что они встрѣтились такъ просто, какъ знакомые, которые видѣлись вчера, и только. „Забито—и слава Богу, и слава Богу!“—говорила она себѣ. „Да оно такъ и должно было быть. Этого можно было ожидать. Была ошибка, капризь, игра, о которой и у меня самой осталось только воспоминаніе, какъ о непростительномъ легкомысліи, болтовнѣ отъ нечего-дѣлать“. И Муся хотѣла, какъ всегда, когда она думала объ этомъ, осудить себя, настроить себя на строгій тонъ, но не смогла. Ей вдругъ стало такъ радостно, такъ весело, что она не могла спокойно стоять на мѣстѣ, не могла придать своему лицу равнодушнаго выраженія, затушить сіяющую улыбку губъ и загорѣвшихъ, потемнѣвшихъ глазъ. Она стала выбирать для Неридова. — Вотъ этотъ porte-cartes? хотите?

— Отлично! это какъ разъ мнѣ по вкусу. И видите, какъ я хорошо выбралъ время: Александра Семеновна идетъ сюда, увидить, что я покушаю,—и я буду dans ses bonnes grâces.—Честь имѣю кланяться, Александра Семеновна!—заговорилъ Неридовъ, не то почтительно, не то насмѣшливо раскланываясь передъ Вешниной.—Боже мой, какой официальный видъ! точно заслуженный унтеръ-офицеръ изъ севастопольскихъ героев!—сказалъ онъ, указывая на ея орденъ.

— Что же!—грустно вздыхая, отвѣтила Вешнина.—Это мнѣ и по лѣтамъ, я такой ветеранъ!—И полу-небрежно она прибавила:—А я еще не надѣла моего „Такова“ сегодня. Во-первыхъ, я вообще ненавижу зеленый цвѣтъ, а во-вторыхъ, съ этимъ платьемъ это было бы уже совершенно невозможно.—Вешнина говорила, какъ бы не придавая своимъ словамъ никакого значенія. Но эту фразу про орденъ Такова, которымъ она очень гордилась, и про который тѣмъ чаще говорила, что дѣйствительно рѣдко его надѣвала,—эту фразу она сегодня сказала уже, по меньшей мѣрѣ, десять разъ. И опять прибавила:—Да, я такой ветеранъ!..

— Помилуйте, надо скорѣе сказать: „si jeune et si désoagée!“—почти дерзко сказалъ Неридовъ.

— Марья Николаевна!—обратилась Вешнина къ Мусѣ.—Черезъ полчаса можно и закрывать. О! какъ у васъ мало осталось! Да вы неоцѣненная продавщица!! А знаете, какъ отлично у насъ въ игрушечномъ отдѣленіи было много туровъ для котильона, такъ Бергъ-старикъ все купилъ для вечера, который у нихъ будетъ.

— Продолженіе базара—благотворительный балъ,—вставилъ Мириневскій.

— Да, и вдвойнѣ продолженіе базара, — подтвердилъ подошедшій Саша: — Нина Михайловна сегодня многихъ приглашаетъ изъ продавщицъ.

Дмитрій въ ту же минуту подхватилъ Мириневскаго подъ руку, шутливо вытолкнулъ его изъ-за прилавка и сталъ на его мѣсто. — Я хоть пять минутъ постою, авось и меня пригласятъ!

— „Соломенный вдовецъ“ нынче, видно, кутить собрался, — сказалъ со смѣхомъ Мириневскій. — Марья Николаевна! — прибавилъ онъ: — Давайте же считать наши капиталы. Пора кассу сдавать.

На сосѣднихъ столахъ тоже кончали уже торговлю. Убирали непроданныя вещи въ картонки и корзинки, сводили счета, отмѣчали проданное. Madame Вязьмова, уже въ шляпѣ и наевидѣ, пересчитывала деньги съ помощью Саши и Берга. Гувернантка маленькой Кернъ сдавала Александрѣ Семеновнѣ и сторожу оставшіяся бронзовыя вещи, которыя горничная укладывала въ корзину, сидя на полу. На двухъ-трехъ столахъ даже тушили лампы. Залы быстро пустѣли. Многія продавщицы уже уѣхали. Другія съ озабоченнымъ видомъ, съ кассами или купленными вещами въ рукахъ, сновали взадъ и впередъ, и шаги ихъ гулко раздавались въ громадныхъ пустыхъ залахъ. Александра Семеновна появлялась поминутно тамъ и здѣсь и отдавала громкія приказанія сторожамъ, своей помощницѣ-экономкѣ, лакеямъ, которые поспѣшно убирали непроданныя вещи.

— Иванъ Степановичъ, ты поѣзжай, ужъ я сегодня къ обѣду не приѣду: мнѣ еще надо здѣсь все устроить; кое-что сегодня же сдать въ магазины, другое поручить убрать сторожамъ до завтра.

Цѣлыя вереницы продавщицъ спѣшили къ лѣстницѣ. Разговоры вездѣ стихли. Слышно было только шуршанье бумаги, звонъ мелкихъ денегъ, вполголоса произносимое: „109, 110, 111 и 50 копѣекъ, сто-одиннадцать рублей и пятьдесятъ копѣекъ“...

Рѣзкій, звонкій смѣхъ заставилъ всѣхъ обернуться къ выходу. Въ дверяхъ, подъ-руку съ мужемъ, окруженная толпой военной молодежи, рѣзко выдѣляясь въ своемъ серебристомъ vert romme платьѣ на темно-красномъ фонѣ стѣны лѣстницы, стояла madame Деодати, и, какъ-то странно закидывая назадъ голову и показывая свои перламутровые зубки, хохотала надъ чѣмъ-то, вѣроятно надъ тѣмъ, что ей рассказывалъ старичокъ-генералъ съ аксельбантомъ. Мужъ, не выпуская ея руки, старался незамѣтно подвигаться къ лѣстницѣ.

По всѣмъ направленіямъ къ выходу тоже спѣшили продавщицы: всѣ торопились домой къ обѣду. Муса сдала кассу, про-

стилась съ Вешниной и Бергами, которыя уѣзжали съ отцомъ, и догнала дядю и Сашу уже на лѣстницѣ. Они оба, посмѣиваясь, смотрѣли на madame Деодати, которая все еще не хотѣла уѣзжать и о чемъ-то громко толковала, стоя на средней площадкѣ. А мужъ все тихонько тянулъ ее за руку, стараясь скорѣе увести ее домой.

Мириневскій принесъ Марьѣ Николаевнѣ ея ретонду.—Ну, что же, ѣдете въ субботу? Мнѣ мазурку дадите? Скажите! Марья Николаевна, ѣдете?

— Ъду! Ъду! Ъду!—такъ весело отвѣтила Муся, что Мириневскій невольно съ подозрѣниемъ заглянулъ ей въ лицо.

VIII.

— Нѣтъ, ты только послушай, что она выдумала!—кричала изъ гостиной Любочка своему брату Юрiю, когда тотъ только-что входилъ въ залу, отряхивая порошинки снѣга со своей котиковой шапки. — Нѣтъ, ты скажи, развѣ это не комедiя: тогда сказала папѣ, что будетъ, а теперь увѣряетъ, что она, молъ, ужъ недостаточно молода для нашихъ вечеровъ, что у насъ веселье безъ оглядки, а она—une mère de famille. И вѣдь все это выдумки. Она хочетъ, чтобъ ее просили, какъ Бориса Годунова на царство. Правда, Юра? Ну, проси же! Не то самъ первый будешь въ меланхоли, если она въ самомъ дѣлѣ вздумаетъ дома засѣсть. Нѣтъ, нѣтъ, Мусинька, это вздоръ, я и слушать не хочу,—протянула Любочка, вскакивая и зажимая себѣ уши маленькой муфточкой и свободной ручкой въ крошечной желтой перчаткѣ.—Изволь прiѣхать, хотя бы Петербургъ провалился. И очень хорошо знаешь, что тебѣ будетъ веселѣе всѣхъ и танцовать будешь больше всѣхъ. Вѣдь сколько разъ вмѣстѣ танцовали, матушка! Такъ я знаю... Это ты всегда такъ! Ну, а теперь прощай, мнѣ еще надо непременно захватить заказать... Тс! я чуть не проболталась. Вотъ прiѣзжай, увидишь, что я выдумала!.. И еще надо къ Кочурову, и еще въ пропасть мѣсть. Папѣ некогда, а мама со мной. Она ждетъ меня въ каретѣ,—ужъ и то замерзла навѣрное, и меня бранить. Прощайте!—и Любочка побѣжала черезъ залу, крича на ходу Юрочкѣ, чтобъ онъ не забылъ сговориться съ Сашей относительно туровъ и орденовъ для котильона, относительно того, кто будетъ дирижировать и всѣхъ вообще распоряженiй по „его вѣдомству“.

Какъ только она уѣхала, Юрочка, который, все время улыбаясь

и переводя глаза съ Муси на сестру, слушалъ ея болтовню, бросилъ шапку на диванъ и взялъ Мусю за обѣ руки.

— Миша, милая, неужели вы, правда, хотите не быть? Голубушка, прѣвжайте! А то что же я безъ васъ буду дѣлать? Вѣдь я съ тоски пропаду!

— Ну, ну, полноте! Во-первыхъ, вамъ некогда будетъ скачать *avec votre bâton de commandement*, а во-вторыхъ, я вѣдь васъ просила мнѣ больше не говорить ничего. Ну, а главное то, что я *буду* у вашихъ, и даже навѣрное!—Муся улыбулась немного хитрой улыбкой.

— Слава Богу! Только зачѣмъ вы запрещаете говорить вамъ это? Вѣдь вы все равно знаете, что когда васъ нѣтъ...

— Довольно, довольно, Юрій Михайловичъ!—прервала она его довольно рѣзко.—Скажите лучше, что новаго? Скажите мнѣ что-нибудь хорошенькое. Мнѣ что-то такъ грустно сегодня.—Муся наклонилась надъ своей акварелью-копией одного изъ видовъ Премацци, чтобы скрыть готовя брызнуть слезы. Все утро, рисуя, она думала о Дмитріѣ и о своей неизлечимой любви къ нему, и теперь, взглянувъ на рисунки, мгновенно пережила вновь всѣ эти думы, и слезы сдавили ей горло.

— Ничего новаго и хорошаго нѣтъ, вы сами знаете!—проворчалъ Юрій.

Муся вздохнула. Съ минуту оба молчали. Бергъ, мрачно насупившись, смотрѣлъ въ окно, за которымъ непрерывно, безшумно падали мелкія, пушистыя хлопья, залѣпившія стекла.

— „Господи, неужели я все испортилъ, неужели она никогда не будетъ со мной такою, какъ прежде?“—думалъ Бергъ.

А Муся, какъ и всегда за послѣднее время, въ его присутствіи чувствовала себя безконечно виноватой передъ нимъ,—виноватой за ту внезапно вспыхнувшую его любовь къ ней, которой она когда-то добивалась изъ-за непростительнаго дѣтскаго каприза, и всю муку которой она теперь вполне понимала, любя Дмитрія и страдая отъ этой нераздѣленной любви. И въ то же время Муся досадовала на Юрочку, зачѣмъ онъ любитъ ее, зачѣмъ страдаетъ, зачѣмъ такъ малодушно говорить ей о своей любви. Она ловила себя въ такомъ безжалостномъ отношеніи къ страданію другого, а вслѣдъ затѣмъ, совсѣмъ по-дѣтски, говорила себѣ: „Ну, я-то чѣмъ виновата, что они всѣ въ меня влюбляются? Пусть!“ Но въ глубинѣ души она чувствовала, что виновата именно сама она, что въ ней нынче что-то такое, что мѣшаетъ и Юрочкѣ, и Мириневскому, и другимъ, относиться къ ней просто какъ къ „человѣку“; и, не зная, какъ помочь дѣлу, боясь болѣе всего

кокетства, она становилась излишне строгой и сухой съ Юрочкой; это доводило его до отчаянія, и онъ малодушно показывалъ ей его. А Муся злилась на себя и на него. Это все пережила Муся и теперь, въ эти двѣ-три минуты молчанія.

— Послушайте, Юра!—прервала она наконецъ это тяжелое молчаніе: если вы не очень устали, и не очень холодно, пройдите-ка со мной до Жуэгу: мнѣ надо прибавить себѣ листьевъ въ гирлянду на мое новое платье. Ахъ, какое прелестное, еслибъ вы знали! Хотите, покажу? Нѣтъ, нѣтъ, я такъ только нарочно говорю. Завтра вы его увидите и поразитесь!

Юрій, поддавшись уже ея тону, весело спросилъ:—А какъ же это?—отвѣзывается, а уже платье готово?

— Видите,—и Муся вся просіяла радостной, чуть-чуть плутоватой улыбкой. — Я очень, очень хочу ѣхать, и потому тогда же заказала себѣ платье, когда ваша мама прислала намъ карточку пригласительную. Но въ то же время,—Муся немного опустила голову и, смотря исподлобья своими блестящими глазами, капризно прибавила: — и не хочу, не хочу ѣхать, и оттого и сказала Любочкѣ, что не буду.

— Это прелестно, нѣтъ, это прелестно! Узнаю нашу Марью Николаевну!—воскликнулъ совсѣмъ уже веселый Юрочка. — „Я хочу ѣхать, и я не хочу ѣхать“. Да, да, узнаю логику нашего логическаго Михаила Николаевича. Нѣтъ, ну, развѣ возможно быть такой пре...

Но Муся, услышавъ опять черезчуръ горячую ноту въ его голосѣ, уже выбѣжала изъ комнаты и, вмѣсто того, чтобы позвонить, сама побѣжала за Дашей, и уже въ корридорѣ звенѣлъ веселый голосъ: „Даша! Даша-а! Одѣваться скорѣе-е!“—закончила она руладой на слова: „какъ во снѣ“, изъ каватинны Людмилы.

Первый вальсъ уже кончился. Барышни, едва раскраснѣвшись, уже обмахивались вѣерами, но особеннаго оживленія не было еще видно ни на ихъ лицахъ, ни во всей атмосферѣ бальной залы. Два-три молодые человекъ изъ толпы молодежи въ углу, у входа, еще только-что натягивали перчатки.

Муся, ярко горя румянцемъ оживленія, точно борясь съ этимъ оживленіемъ, и нарочно втягивая себя въ чопорный тонъ, сидѣла подлѣ старой баронессы Кернъ и слушала ея вѣчный рассказъ о томъ, какъ ей помогло морское путешествіе въ Стокгольмъ, и какъ наши доктора, да и всѣ вообще въ мірѣ доктора, въ сущности лечить не умѣютъ, а всѣ ихъ чудеса—чистыя слу-

чайности, и она бы никогда не повала доктора, да дѣлаетъ это ради дѣтей. Муся все это уже слыхала много разъ, знала, какъ баронесса мнительна и вѣчно лечится, но слушала ее и нарочно поддерживала этотъ скучный разговоръ, точно желая отдалить отъ себя то знакомое, торжествующее, радостное настроеніе, то свое прежнее дѣвическое бальное настроеніе, которое охватило ее еще дома, когда она изъ-за начесанныхъ на лобъ и незавитыхъ еще кудряшекъ взглядывала на руки m-lle Ernestine, прикалывавшей ее густые волосы, въ видѣ затѣйливаго банта, прямо надъ этими кудряшками. Муся думала, что сегодня она „въ ударѣ“, и, думая это, радостно слушала рассказы Ernestine, какъ „m-g Béginoff marie sa fille contre son grès avec un vieux général“; и какъ „madame Lagraine avait dernièrement une robe d'un rouge tarageur au bal de la Colonie“. Муся знала, что ей будетъ весело, и она досадовала на себя за это и хотѣла казаться самой себѣ серьезной и ничего неожиданной, и не могла!

— „Ну, чтó это?“ — уговаривала она себя, взглядывая невольно, какъ блѣдно-розовые перья, укрѣпленные тремя крупными брилліантами, красиво трепетали на черныхъ волосахъ: — „Ну, чтó это, я точно молоденькая дѣвочка. Ну, развѣ мнѣ можетъ быть весело, какъ прежде?“ — „Можетъ, можетъ!“ — радостно отвѣчали изъ зеркала блестящіе глаза. — „И я знаю, отчего особенно будетъ весело“, — говорила сіяющая улыбка. — Ну, все равно, я ничего такого не знаю и знать не хочу, — проговорила Муся почти вслухъ, боясь, какъ бы что-нибудь слишкомъ серьезное не затемнило ее веселья.

Точно также и теперь она точно играла въ прятки сама съ собой, когда слушала монотонные рассказы баронессы.

— Марья Николаевна, заключенье вальса! Что же это вы сюда скрылись? — запыхавшись проговорилъ, подбѣгая къ ней, Юрочка. — Это невозможно, чтобы я перваго вальса съ вами не танцевалъ!

Муся вышла изъ гостиной и уже во весь вечеръ больше не могла вернуться ни въ эту гостиную, ни спрятаться отъ своего радостно-оживленнаго настроенія: пока она дошла до залы, уже всѣ кадрили были разобраны, и именно тѣми, съ кѣмъ ей хотѣлось танцевать, и она несомнѣнно знала, что она сегодня хороша, и что сегодняшній балъ—ея балъ. А главное, въ дверяхъ, пропуская ее и почтительно ей кланяясь, стоялъ Дмитрій, и она знала, что съ нимъ она танцуетъ котильонъ, и что Дмитрій, приглашая ее, такъ взглянулъ на одинъ мигъ ей въ глаза, что она едва могла перевести дыханіе и спокойно, даже немного

насмѣшливо отвѣтитъ: „Pourquoi pas. Avec grand plaisir. Интересно посмотрѣть, не разучились ли вы танцовать?“

Когда она потомъ вспоминала этотъ балъ, онъ ей представлялся чѣмъ-то неопредѣленно-свѣтлымъ и радостнымъ. Все, все на балу было хорошо и весело, все точно нарочно было устроено, чтобы перенести ее въ знакомую и любимую сферу ея прежнихъ баловъ: знакомыя лица замужнихъ и незамужнихъ подружекъ, умѣнье Любочки сдѣлать вечеръ оживленнымъ и блестящимъ, доходящій до Муси шопотъ восторженныхъ похвалъ ея красотѣ и изящному наряду,—вся эта вновь воскресшая вокругъ нея атмосфера успѣха и молодого веселья опьяняла ее и придавала ея лицу то особенно шедшее ей выраженіе радости жизни.

Юрочка Бергъ говорилъ ей въ вальсѣ что-то сумасбродно-влюбленное, и она, вмѣсто строгаго отвѣта, радостно улыбаясь, смотрѣла куда-то вдаль и, смѣясь, совѣтовала Бергу все это изобразить въ стихахъ. Любочка подбѣжала къ ней: — Ну, что, Муся? Весело? Какая ты сегодня красавица; мнѣ всѣ только про тебя и говорятъ! — И Муся, какъ всегда отрекаясь, увѣряла, что она такая, какъ всегда, а что весело ей очень, и что у Любочки и ей, и всѣмъ всегда весело было и будетъ, что ея Любочка—прелесть, милочка... Высоцкій говорилъ Мусѣ запутанные комплименты и не казался ни скученъ, ни самодоволенъ, какъ всегда. Онъ былъ добрый, милый человекъ, и навѣрное искренно говорилъ все это. Мириневскій открыто восхищался и ухаживалъ за нею. Даже встрѣтившись среди кадрили съ Павломъ Мюнстеромъ, Муся улыбнулась ему своей очаровательной улыбкой, и онъ, глядя ей вслѣдъ, вдругъ сказалъ себѣ: — „Нѣтъ, въ ней, вправду, что-то есть особенное. Или она такъ переѣнилась? Или это было всегда? Но это прелестная женщина! Пожалуй и правы тѣ, кто женится любя, не думая о разныхъ fortunes. Да, какой счастливецъ этотъ Сергѣй!“ — И когда наступилъ его чередъ подходить въ *qualités*, онъ шепнулъ дирижеру: — „Подведи меня къ *m-me* Глуховской“, — и спойкой и увѣренно, какъ все теперь дѣлалъ, поднесъ ей розу въ стеклянкѣ. По лицу Муси пробѣжало выраженіе не то удивленія, не то насмѣшки, но почти въ то же мгновеніе прежняя торжествующая улыбка уже опять играла на ея губахъ, и ямочка на щекѣ, и капризная бровь—смѣялись на перегонку. Мусю точно ничто не удивляло сегодня, и то, что Мюнстеръ подошелъ пригласить ее на туръ вальса, послѣ того что съ того памятнаго года встрѣчался съ нею только издали, показалось ей такимъ же простымъ и понятнымъ, какъ и то, что Юрочка не выбиралъ никого,

кромѣ нея, и то, что Дмитрій, не танцовавшій мелкихъ танцевъ, танцовалъ съ нею два раза, и что вся эта молодежь, знакомая и незнакомая, спѣшила быть ей представленной и осыпала ее букетиками, бантиками и разными другими бальными игрушками.

— Ты, кажется, много танцуешь сегодня, птичка?—шепнулъ женѣ Сергѣй, проходя за ее спиною изъ залы, гдѣ играли, въ столовую.—А я, признаться, страшно усталъ и спать хочу.

— Ахъ нѣтъ, я еще много, много буду танцовать, а теперь вѣдь я танцую съ Дмитриемъ!—отвѣтила Муся въ какомъ-то забытьѣ, не обращая вниманія на слегка вопросительное лицо Сергѣя и на смыслъ его словъ.

— Ну, ну, хорошо! Веселись хорошенько!—И онъ тихонько сталъ пробираться между сдвинувшейся кругомъ стульевъ стѣной нетанцующихъ.

Муся во весь вальсъ не сказала съ Дмитриемъ ничего особеннаго. Онъ въ глаза восхищался ею, расхваливалъ, со свойственной ему самоувѣренностью и видомъ знатока, каждую складочку ея наряда, но къ нимъ подходили, Мусю приглашали, она вставала, танцевала, „выбирала“, возвращалась. Разговоръ не вязался, но ей было все такъ же радостно и теперь было еще какъ-то страшно. Ей не хотѣлось думать, что вотъ она сидитъ рядомъ съ нимъ, съ тѣмъ Дмитриемъ, о которомъ думаетъ день и ночь, видѣть котораго ей такъ безумно хочется по временамъ, котораго она такъ страстно и молчаливо любитъ. Ей было все равно также, о чемъ съ нимъ ни говорить; когда онъ подошелъ къ ней, его глаза сказали ей, что онъ и теперь ее любитъ, что онъ ей этого теперь не скажетъ, но что тѣмъ болѣе онъ ее любитъ. И ее глаза безобязанно отвѣтили ему тѣмъ же самымъ, а сама она, вся сіяя подъ его горящимъ взглядомъ, спокойно рассказывала, что намѣрена нынче много веселиться и выѣзжать, что это, навѣрное, ее послѣдняя танцевальная зима, что на будущей недѣлѣ концертъ Зембрихъ и пойдетъ ли онъ, Дмитрій? Спрашивала, давно ли онъ былъ въ Рябиновкѣ? И онъ совершенно спокойно отвѣтилъ: „Нѣтъ, я не былъ съ твоею порѣ“. И онъ и она понимали значеніе этихъ словъ.

Ей бы не хотѣлось и вовсе говорить, а только смотрѣть, смотрѣть въ эти любимые глаза, чувствовать, какъ вся кровь приливаетъ къ сердцу, дыханье захватываетъ, а потомъ опять въ вискахъ стучить до потери сознанія, хотѣлось невольно сжимать его руку и чувствовать, всѣмъ существомъ своимъ чувствовать, что, вотъ, наступило счастье, то счастье, о которомъ ей и мечтать больше не хотѣлось. И какъ это случилось? Когда же

Дмитрій опять полюбилъ ее? Или и тогда?.. Но ей не хотѣлось останавливаться на этихъ вопросахъ. Она знала, что онъ ее любитъ. Чего же больше?..

Юрочка превзошелъ себя. Въ концѣ вечера барышни, подъ предводительствомъ Nelly Кернъ, даже устроили ему маленькую овацію, и Муся тоже сквозь туманъ ему улыбнулась, проходя мимо него къ ужину, и весело сказала:—Bravo! bravo! toutoujours unique!—Но какъ эти слова пришли ей на умъ, она сказать бы не могла, какъ не могла бы потомъ сказать, гдѣ это сидѣлъ, гдѣ она сама сидѣла за ужиномъ, долго ли онъ продолжался, какъ она домой уѣхала. О, нѣтъ, вотъ это она помнила. Она помнила, какъ она спускалась съ лѣстницы подъ-руку съ Дмитріемъ, и какъ онъ, тихо прижимая къ себѣ руку, шепталъ: „Милая, хорошая“, а потомъ, укутывая ее въ шубу, рассказывалъ о своемъ новомъ Ворономъ, просилъ позволенія покатать Мусю на немъ и даже спросилъ:—Хотите завтра? Въ которомъ часу?—Въ три!—отвѣтила она ему, не задумываясь. Потомъ Дмитрій, вжется, выѣжалъ на улицу въ одномъ мундирѣ и что-то, смѣясь, приказывалъ Матвѣю кучеру, на что Матвѣй, понимая шутку и степенно смѣясь, отвѣчалъ: „Слушаю, ваше высоблагородіе, слушаю“. И потомъ опять все слылось въ этомъ свѣтломъ туманѣ. Всю дорогу домой въ каретѣ Муся была до того оживлена и возбужденно весела, что дядя и мужъ смѣялись надъ ней и назвали пятнадцатилѣтней попрыгуньей, выѣхавшей на свой первый балъ. А Муся опять играла сама съ собой въ прятки и теперь за этимъ весельемъ прятала свое безумное, невозможное счастье. Она была все еще въ волшебномъ свѣѣ и, такъ и не просыпаясь отъ него, уснула настоящимъ сномъ.

IX.

— Мама, мама! Вставай, миленькая мамочка, вставай! Поздно, гулять пора!—будила Марью Николаевну Вѣрочка.

Муся, розовая, улыбающаяся сквозь сонъ, повернулась на бокъ. На дворѣ былъ яркій морозный день. Вся комната за перегородкой сіяла въ этомъ бѣломъ, веселомъ свѣтѣ; солнечные лучи пробивались и за перегородку, отражались на верхушкѣ печки и на потолокъ, и даже голубой свѣтъ за перегородкой былъ какъ-то особенно нѣженъ и веселъ. Муся полуоткрыла глаза.

— А! проснулась! проснулась! вставай!—и Вѣрочка съ веселымъ крикомъ уѣжала къ нянѣ, поджидавшей ее за дверью и

вполголоса ворчавшей: зачѣмъ Вѣринька будить мамашу, мамаша, моля, поздно вернулись, спать хотѣть.

Мусѣ, дѣйствительно, не хотѣлось вставать. Она еще не стряхнула съ себя сонъ, а онъ былъ такой хорошій. Смутно помнилось что-то счастливое, наполнявшее душу нѣгой и радостью. Мусѣ хотѣлось опять закрыть глаза и оставаться въ томъ утреннемъ забытѣ, въ которомъ сонъ и дѣйствительность смѣшиваются; когда что-то смутно помнишь въ прошломъ, чего-то смутно ожидаешь въ будущемъ и какъ-то смутно хорошо въ настоящемъ, а ясно ничего не сознаешь... Но заснуть Муся больше не могла; она слышала, какъ сердце ея шибко билось, какія-то невѣдомыя силы волновали ее и не давали лежать спокойно.

Веселый солнечный лучъ дрожалъ и переливался на потолкѣ, серебра уголокъ печки; внизу все потонуло въ голубомъ, мягкомъ полусвѣтѣ, только сквозъ приподнятую портьеру пробрался другой лучъ, скользнулъ по розовой гирляндѣ ковра, свернулъ на графинчикахъ и флаконахъ умывальнаго стола, на его бѣломъ мраморѣ и добрался до кресла въ углу, лаская на коврѣ пару маленькихъ розовыхъ башмачковъ и свѣсившійся съ кресла, подбитый розовымъ плюшемъ, шлейфъ платья.

Муся съ минуту, улыбаясь, смотрѣла въ этотъ уголокъ, и вдругъ все припомнила.—Ахъ, вотъ что!..—сказала она себѣ.—Да, да, знаю... Дмитрій... И вообще все такъ хорошо было, весело!— Она сама себѣ засмѣялась.—Онъ меня любить!—рѣшилась выговорить она словами то, что наполняло ее всю счастьемъ.— „Да, да, правда! Это я навѣрное знаю теперь! Онъ меня любить. И какъ это хорошо, какъ чудно, что это я безъ словъ знаю! И отчего это я такъ заранѣе радовалась и веселилась и торжествовала, будто я предчувствовала, что такъ будетъ. А вѣдь я ужъ и мечтать перестала объ этомъ. Я даже думала одно время, что и сама забыла объ этомъ лѣтнемъ снѣ. А про Дмитрія и не думала. Нѣтъ, нѣтъ! какое счастье! Боже мой, какое счастье! Онъ меня любить!“—и Муся, вся вспыхнувъ, закрыла лицо руками.

— „Но чтѣ же теперь будетъ?“—Муся сразу сѣла на постели. Точно что-то больнуло ее въ сердце.— „Ахъ, зачѣмъ думать, зачѣмъ все сразу портить словами и раздумываньемъ! Вѣчно эти размышленія!“ Муся нахмурила брови.— „Нечего, нечего думать. Счастье, счастье, вотъ и все“,—ея поблѣднѣвшее лицо опять загорѣлось. Она закрыла его руками и нѣсколько секундъ не отнимала ихъ. „Милый! дорогой!“—вдругъ почти громко воскликнула она, простирая руки. И испугавшись своего движенія,

она вдрогнула, быстро спустила ноги съ постели и стала одѣваться.

— Мамаша, мы сегодня гулять не пойдемъ, слишкомъ десять градусовъ!— сказала Фекла Матвѣевна, входя съ Володей на рукахъ. Вѣрочка, съ какой-то растрепанной игрушкой, въ припрыжку вбѣжала за няней въ будуаръ.

Марья Николаевна, закутанная въ мягкій розовый капотъ, обшитый у горла и рукавовъ густымъ желтоватымъ кружевомъ, пила чай у маленькаго столика.—Здравствуйте, малыши! Какъ спали?—Муся перецѣловала обоихъ.

— Здравствуй, здравствуй!—картавила Вѣрочка, стараясь въ ту же минуту утащить няню въ дѣтскую.—Мамочка, я хочу въ дѣтскую, у меня тамъ вагоны, мы ѣдемъ въ Рябиновеу.

— Ну, поѣзжай, поѣзжай!—Мусѣ вдругъ стало грустно и жутко. Безконечное счастье, которое всю наполняло ее, заставляло торопиться, куда-то одѣваясь—точно улетѣло разомъ. Еще за минуту передъ тѣмъ Муся, точно усталая, счастливо улыбаясь, какъ кошечка забивалась въ самый уголокъ дивана и, сжимая на колѣняхъ руки, вся отдавалась своей любви и счастью. И вотъ теперь—кончено. Все улетѣло. Какъ Муся ни старалась отогнать свои мысли, но стоило ей увидѣть дѣтей, чтобы эти мысли вторглись, нахлынули цѣлой толпой и вмигъ разрушили, уничтожили все, чтò сияло и цѣло въ счастливой душѣ.—„Ничего, ничего нѣтъ и не будетъ хорошаго!“—сказала себѣ Муся. Маленькія руки, въ такой сладкой истомѣ только-что сжимавшіяся на колѣняхъ, закрыли лицо, и сквозь розовые пальцы хлынули горячія слезы.

— „Чтò же это я дѣлаю, чтò я дѣлаю?“—съ отчаяніемъ спросила Муся.—„Столько боролась, столько ломала себя, такъ твердо знаю, что все это невозможно, нечестно, безобразно. Столько разъ я думала и чувствовала, что эта любовь—несчастье и мученье, что я не сумѣю быть счастливой, когда всѣ мои убѣжденія, все, что мнѣ дорого, возстаетъ противъ такой любви. Вѣдь *только одно счастье*, полное счастье, могло бы оправдать ее. А я и счастлива не могу вполнѣ быть съ Дмитріемъ. Развѣ я могу бросить Сергѣя, Вѣрочку, Володю? Боже мой, я люблю Дмитрія, но развѣ я не любила, не люблю Сережу? Развѣ я могу жить безъ него, безъ этой необходимой для меня, какъ воздухъ, нѣжной и глубокой любви его ко мнѣ. Или развѣ я могу взять дѣтей отъ него? И имъ испортить ихъ душу и дѣтское, одно вѣрное и полное, счастье, счастье настоящей семьи?! Ни-

чего, ничего не могу я измѣнить, ничего поправить не могу!“ Она упала головой на ручку дивана, вся потрясаемая беззвучными рыданіями.— „Что мнѣ дѣлать?! Боже мой, что дѣлать?!“ — твердила она, заламывая руки.— „И побороть себя не могу. Вѣдь вотъ я ломала себя столько времени, думала, что все прошло. Но стоило мнѣ побить съ Дмитриемъ двѣ минуты, увидѣть его любовь, и я опять ничего не могу съ собой сдѣлать, опять люблю, опять счастлива съ нимъ! И какъ я могу такъ бороться между этими двумя чувствами?! Порвать прежнее и начать новое счастье я не могу и не хочу. А неужели же я могу жить такъ,— между этими двумя чувствами? Быть такой мелкой, безчестной, какъ всѣ, хуже чѣмъ всѣ, такъ какъ другія поступаютъ безсознательно, ослѣпленные страстью, отдавшись ей безъ борьбы. А я? И какъ я могу, говоря съ Сережей обо всякой мелочи, молчать съ нимъ о томъ, что душа моя вполнину не его? Но какъ же я ему скажу?..“

Она вскочила и стала нервно и быстро ходить по комнатѣ.

— „Что я ему скажу? Что я его не люблю?—Неправда. Что я хочу начать новую жизнь?—Нѣтъ, нѣтъ! Такъ зачѣмъ же я буду мучить, убивать Сережу, отнимать у него все счастье, вѣру въ меня, когда я не могу разлюбить его, бросить?.. Но вѣдь я Дмитрія люблю? Вѣдь вотъ я его теперь жду... Вотъ я какая!“—поймала себя Муся на томъ, что, проходя мимо камина, бессознательно взглянула на часы и, не переставая думать свои горькія мысли, въ то же время успѣла замѣтить, что уже была половина второго, и такъ же бессознательно сосчитать, сказать себѣ радостно: „Еще полтора часа!“

— „Господи, какая я гадкая, ничтожная! И зачѣмъ я общала ему ѣхать кататься? И что я буду говорить? Молчать? Но я не могу... О! только бы разъ сказать ему, что люблю его, услышать это слово отъ него! Только бы разъ, на одну минуту сказать ему, что для меня нѣтъ радости въ жизни безъ него, что онъ—мое солнце, моя любовь! Милый, голубчикъ!“ — шептала Муся, вновь отдаваясь своему чувству.— „Хочу тебя видѣть, слышать твой голосъ!“

Опять слезы полились изъ глазъ, опять она стала ломать руки. „Къ чему, къ чему я ему это скажу! Только для того, чтобы вслѣдъ затѣмъ отказать отъ него!.. Но вѣдь иначе я ничего сдѣлать не могу“.—Муся прислонилась къ висяеу двери. Темныя тонкія брови были сурово сдвинуты; заплаканные прелестные глаза смотрѣли мрачно впередъ, ничего не видя. Долго, долго стояла Муся неподвижно; безжизненно опущенныя

руки ея только нервно сжимались и разжимались по временамъ. — „Я должна, должна рѣшиться на что-нибудь“, — твердила она. Но ничего не могла рѣшить ея смятенная душа.

„Нѣтъ, довольно, а этого больше вынести не могу! Это безчестно. Надо кончить“, — говорить себѣ Муся и, точно страшивая неотвязное чувство, поднимаетъ голову; но взглядъ Муси встрѣчаетъ циферблатъ часовъ, потухшій блескъ глазъ вновь зажигается, ямочка на щекѣ смѣется, и Муся почти громко, радостно шепчетъ: „Черезъ 55 минутъ“. — Сердце ея стучить, ей кажется, что она сейчасъ задохнется, ей мало воздуха, что-то давить ей грудь и горло. Но Мусѣ хочется громко засмѣяться отъ радостнаго ожиданья. Она подходитъ къ камину, опирается обѣими руками на его мраморную полку, уставленную разными фарфоровыми и бронзовыми бездѣлушками, прижимается лицомъ къ крѣпко-сжатымъ рукамъ и, улыбаясь и волнуясь, смотреть, какъ ползетъ минутная стрѣлка. — „53 съ половиной минуты, 53, 52. А чтѣ если онъ опоздаетъ? Вдругъ лошадь захромала, и онъ совсѣмъ не прійдетъ? Нѣтъ, онъ прійдетъ, но позже, и скажетъ, что нельзя ѣхать. Это пожалуй и лучше... Ахъ нѣтъ! нѣтъ! только бы поѣхать. Вѣдь это въ первый и послѣдній разъ. Одинъ, только одинъ день, одинъ часъ счастья!.. Погода такая чудная“. — Муся закинула голову, чтобы заглянуть въ окно. — „И ничего дурного нѣтъ въ таковой поѣздкѣ“, — оправдывала она себя... — „Но, Боже мой, вѣдь это же невозможно! О чемъ я думаю! Онъ сейчасъ прійдетъ, а я еще ничего не рѣшила. Это невыносимо. Надо кончить!“

Муся опять быстро стала ходить по комнатѣ. Она уже не плакала, но еще судорожно вздыхала и хваталась по временамъ за грудь. „Ужасно грудь болитъ и какъ-то дышать больно. Да, да, надо скорѣе кончить, рѣшить“.

Вотъ глаза поднялись спокойно, брови распрямились, въ послѣдній разъ руки сжались до боли; Муся тряхнула головой: „Да, да, такъ“, — сказала она громко и позвонила.

— Даша! синее платье и шубку приготовьте! — приказала она вопедшей дѣвушкѣ.

— Гулять пойдете, Марья Николаевна? Погода сегодня великолѣпная, — говорила Даша, помогая Мусѣ одѣваться. — Только вы, барыня, потеплѣе одѣньтесь, морозъ сегодня сильный.

— Я поѣду кататься, Даша! — отчего-то Мусѣ захотѣлось поболтать съ ней.

— Ну и что же? Отличное дѣло послѣ вечера головку освѣжить. Вы и въ барышняхъ, бывало, все съ Ниной Михайловной

гуляли послѣ баловъ. Зато и здоровы да веселы всегда были. Вотъ будете старше, тогда и гулять не захотите, а теперь-то что дома сидѣть! Еще насидитесь!—морализировала Даша, сходявшаяся во мнѣнїяхъ съ нянюшкой, и подала Мусѣ шапочку и муфту.

— Ну, идите, Даша, я немного подожду еще!—слегка сконфуженно сказала Марья Николаевна.

И только-что Даша вышла, и Муся захотѣла взглянуть на часы, вдругъ вся кровь отхлынула у нея къ сердцу, оно отчаянно забилося, и безъ силъ, вся блѣдная, Муся опустилась на кресло. По залѣ приближались быстрые шаги и звяканье шпоръ по звонкому паркету...

— Vous êtes visible, Марья Николаевна?—сказаль въ дверяхъ веселый и самоувѣренный голосъ Неридова.

Но не успѣла Муся оглянуться, какъ голосъ этотъ, уже тихій и взволнованный, звучаль подлѣ нея и говорилъ ей что-то такое сумасшедше-горячее, такое хорошее, карїе счастливые глаза смотрѣли на нее съ восторгомъ и любовью, а руки Муси горѣли подъ его поцѣлуями.

— Неужто это правда? — говорилъ Дмитрій черезъ минуту, не выпуская изъ своихъ рукъ ея руки и цѣлуя ее безпрестанно. — Или я ошибся вчера? Вѣдь не ошибся, голубка моя? Я такъ, такъ счастливъ, что просто поглупѣлъ, самъ не знаю, что дѣлаю и говорю. Что вы смѣтаетесь, дорогая? Вѣрно, я вамъ кажусь глупымъ, вздоръ говорю?

Муся дѣйствительно смѣялась, такъ смѣялась, какъ бывало хохотала еще гимназисткой. — Голубчикъ, простите! Я сама не знаю почему, но мнѣ такъ, такъ хорошо, что мнѣ хочется хохотать, какъ мнѣ всегда хотѣлось хохотать маленькой, когда я бывала чѣмъ-нибудь счастлива. Милый, родной мой, я сама не вѣрю, что это правда. Я со вчерашняго дня какъ въ туманѣ... Вѣдь я васъ не переставала любить,—проговорила она уже задумчиво, — вѣдь я васъ еще больше прежняго люблю, не могу справиться съ этой глупой любовью. — Она гладила его волосы, любуясь имъ, сіяя и волнуясь подъ его восторженнымъ взглядомъ.

— „Глупой, глупой“!—передразнилъ онъ ее.—Ну, какъ вы можете такъ говорить! Счастье мое, дорогая, голубка, красавица! —и онъ опять припадалъ головой къ ея рукамъ.—Вы говорите: „я не переставала“. А я? Сколько лѣтъ я морочилъ, морочилъ себя и васъ. То я думалъ, что ненавижу васъ, что мы съ вами враги, и Богъ знаетъ, что я не выдумывалъ еще! Вѣдь я не пропускалъ случая сдѣлать вамъ что-нибудь непрїятное и, замѣ-

чая потку досады въ вашемъ голосѣ, радовался какъ ни вѣсть какому счастью. Помните?

— Помню, помню, какъ же! Да вѣдь и я платила вамъ тѣмъ же.

— Ну, еще бы! Помните, я разъ сказала: „нашла коса на камень“. Какая тутъ коса! Вотъ я счастлива теперь, что косу-то сломали и въ полонъ забрали, что я вотъ такъ передъ вами на колѣняхъ, что я могу сказать вамъ, что отъ меня—отъ прежняго меня—ничего не осталось. Весь я вашъ, и дѣлайте со мною что хотите!

— А помните, я васъ увѣряла, что мы съ вами все-таки современемъ будемъ друзьями настоящими? А вы еще сказали, что такіе два характера, какъ мы, друзьями быть не могутъ. — Муся взяла его обѣими руками за голову и поглядѣла ему прямо въ лицо.

— Друзья? Да развѣ мы друзья? Да развѣ съ вами можно быть другомъ!? Тебя любить можно, тебя нельзя не любить, любоваться на тебя надо, цѣловать тебя вотъ такъ!—Онъ пригнулъ къ себѣ ея голову, цѣлуя ея лицо и волосы.—И вотъ такъ!—и Муся вздрогнула и замерла подъ поцѣлуемъ, ожегшимъ ея губы, и, не помня себя, отдала ему этотъ поцѣлуй.—Милая, хорошая, любимая! — шептала онъ, прижимая свою темную голову къ ея плечу.—Ты сама видишь, что только любить тебя, быть счастливымъ съ тобою можно, а другомъ?!.. Вспомни, вѣдь всѣ, кто были дружны съ тобою, всѣ кончали тѣмъ, что...

При этихъ словахъ Марья Николаевна вдругъ поблѣднѣла такъ, что даже губы ея поблѣзли, схватила руками за голову и рванулась въ сторону.

— Что съ вами, Марья Николаевна, милая?

Муся стояла передъ окномъ неподвижно, не опуская рукъ отъ головы и словно глядя въ окошко. Но ея помертвѣлый взглядъ не видѣлъ ни яркаго неба, ни подымавшихся въ недвижимомъ морозномъ воздухѣ безчисленныхъ густыхъ столбовъ дыма, ни блестящихъ на солнцѣ оконъ, ни сверкавшаго снѣга. Опять были сурово сдвинуты тонкія брови, только-что горѣвшіе глаза безжизненно смотрѣли передъ собой, на лицѣ застыло выраженіе отчаянія. Дмитрій съ испугомъ схватилъ Мусю за руку.

— Марья Николаевна, что съ вами?

Муся сразу обернулась къ нему. Его испугъ смѣнился ужасомъ, и Дмитрій весь похолодѣлъ и словно сжался, ожидая какого-то неминуемаго, близкаго несчастья.—Муся!.. — началъ онъ, притягивая ее къ себѣ за руки, но голосъ его оборвался,

когда онъ заглянулъ въ это отчаянное лицо съ потухшимъ взглядомъ и дрожащими отъ неслышныхъ рыданій губами.

— Да что это такое наконецъ?!—почти закричалъ онъ. — Марья Ниволаевна, говорите же!

Губы Мусы какъ-то болязненно и насмѣшливо покривились. — А помните вы, — тихимъ отъ глубокой боли голосомъ сказала она: — разъ, когда мы съ вами поссорились, я дразнила васъ, что поздно, молъ, будетъ мириться, а тетя Мари прибавила еще: „les longues espérances usent la joie“. Вотъ оно и есть — поздно! Только тогда я это говорила въ шутку. А теперь это правда, — добавила она уже спокойно. И вдругъ ея лицо дрогнуло, она пошатнулась и съ воплемъ бросилась къ нему. — Дмитрій, поѣдемъ, поѣдемъ скорѣе! Я тутъ задыхаюсь, мнѣ на воздухъ будетъ легче, и я тебѣ все скажу, а то, право, силъ не хватаетъ. Боже мой, даже одну минуту я не могу быть вполне счастлива! Все отравлено! Поздно, поздно!

Она стала съ лихорадочною поспѣшностью надѣвать шапочку и перчатки.

— Да нѣтъ, подожди, что случилось, что съ тобой такое?

— А то случилось, что ты самъ мнѣ невольно напомнилъ то, о чемъ я все утро готовилась тебѣ сказать, да вотъ забыла, когда тебя увидѣла. Ты не подумай, что я съ ума сошла, только я вотъ что тебѣ скажу: я теперь поѣду съ тобой — но это въ первый и въ послѣдній разъ, и ѣду я только для того, чтобы хоть часъ, хоть полчаса побыть съ тобой съ глазу на глазъ и чтобы проститься съ тобой. Да, да, проститься, и пожалуйста не думай, что это какое-нибудь романтическое рѣшеніе, что я что-нибудь „разыгрываю“, какъ ты прежде выражался. Ну, вѣришь ли, дорогой, что я люблю тебя больше себя, больше свѣта, больше жизни, я безъ тебя не могу жить, но я тебѣ говорю, что мы съ тобой должны разстаться, и что сегодня мы въ послѣдній разъ вмѣстѣ, послѣдній разъ такъ! — Она прижалась вся къ нему, заглядывая ему прямо въ глаза.

— Но отчего, отчего?

— Отчего! Да развѣ я могу быть вполне счастлива съ тобой? Развѣ намъ можетъ быть такъ хорошо, какъ вотъ сейчасъ было? Когда мы любили порознь — мы могли бороться съ собой. Но развѣ теперь мы можемъ оставаться посторонними людьми? Мы съ тобой не изъ тѣхъ, что выносить что-нибудь двойственное, неясное, нечестное. Ни я, ни ты любить слегка, не отдаваясь своему чувству вполне — не можемъ. Что же намъ остается дѣлать?

Быть счастливыми вполнѣ, принадлежать другъ другу мы не можемъ, мы оба не свободны...

Дмитрій хотѣлъ ее прервать, но она остановила его.

— Да, да, мы не свободны оба. И я скажу вамъ всю истину: я и не *хочу* быть свободна. Не удивляйтесь и не ужасайтесь. Сергѣя я люблю, вы это сами знаете. Ни его, ни дѣтей я не брошу, я безъ нихъ жить не могу, не говорю уже о томъ, что неспособна была бы купить свое счастье ихъ несчастьемъ. А если не разорвать со всею прежнею жизнью моею, то какъ же я могу васъ любить? Полнаго счастья, полной любви быть не можетъ, да значить ея и нѣтъ, какъ вы видите. Такъ неужто же продолжать любить другъ друга такъ, какъ до сихъ поръ: молча, никогда не проговариваясь ни словомъ, ни жестомъ? Неужели же ты можешь это?! Послѣ вчерашняго дня, послѣ того, что сейчасъ было?!

Дмитрій сидѣлъ, низко опустивъ голову.—Такъ неужто же ты думаешь, что мы можемъ разлюбить другъ друга?—спросилъ онъ ее горячо.—Вѣдь, кажется, ты видишь, что это невозможно, какъ мы ни хитрили, какъ ни боролись сами съ собой. Сказалось же! Ты видишь, что это сильнѣе насъ. Ничего не подѣлаешь!

— Какъ ничего не подѣлаешь!? Нѣтъ, извини, этого я именно и не допускаю!—вспылила Муся и вдругъ остановилась, прислушиваясь къ стуку дверей въ комнатѣ Петра Михайловича.

— Поѣдемъ, пожалуйста!—попросилъ ее теперь Дмитрій.—Такъ прервать этотъ разговоръ на серединѣ я не въ состояннн, а намъ сейчасъ могутъ помѣшать!

— Поѣдемъ! — и Муся быстро пошла въ переднюю, надѣла шубку.—Скажите барину, что я поѣхала кататься съ Дмитріемъ Алексѣвичемъ,—на ходу сказала она Тимоѣю.—Попросите Сергѣя Александровича посмотрѣть, какъ Вѣрочка будетъ обѣдать,—добавила она дрогнувшимъ голосомъ и стала спускаться съ лѣстницы.

Дмитрій, на ходу надѣвая пальто, сбѣгалъ за нею. У подъѣзда, нетерпѣливо тряся головой, переступая съ ноги на ногу и натягивая поводья, которыя держалъ въ прозябшихъ рукахъ Демкинъ, бывшій деньщикъ, теперь кучеръ Неридова—стоялъ Вороной, запряженный въ маленькія сани.

— Давай!—крикнулъ швейцаръ. И Вороной, обрадовавшись и сдерживая свою радость, степенно подѣхалъ къ крыльцу.

— На Островъ! По первой линіи Васильевскаго поѣдемъ! — приказалъ Дмитрій, когда выдрессированный Гаврила, уже проѣхавъ цѣлую улицу, молчаливо обернулъ къ нему свое широкое,

вѣчно улыбающееся лицо. Вороной точно по собственной волѣ надалѣ, и сани еще быстрѣ полетѣли, скрипя и визжа по твердому, искрившемуся снѣгу, завернули налѣво и выѣхали на Николаевскій мостъ.

Неридовъ и Муся молчали. Морозный, рѣзкій воздухъ, едва они вышли изъ подъѣзда, успокоилъ и ободрилъ ихъ. Не хотѣлось портить это бодрое, веселое настроеніе, продолжая тяжелый разговоръ. Муся, со своею всегдашнею отзывчивостью на всякое новое впечатлѣніе, отдавалась вся удовольствію быстрой ѣзды, закуталась въ шубку отъ щипавшаго ей уши мороза и почти весело смотрѣла на сіяющій зимній день.

На мосту и въ ту, и въ другую сторону сплошной массой медленно ползли сани, кареты визжали колесами по примерзшему снѣгу, тянулся обозъ пустыхъ розвальней и конка звонила какъ обезумѣвшая. Среди пара, валившаго отъ лошадей, стоялъ гамъ и крикъ, ломовые бранились „желтоглазыми чертами“, городской что-то быстро, быстро и надъ самымъ ухомъ оралъ на мальчишку въ передникѣ, пробравшагося со своею корзинкой на салазкахъ въ самую тѣсноту экипажей; казалось, вотъ-вотъ его задавить пара храпѣвшихъ сѣрыхъ лошадей, надъ которыми паръ стоялъ облакомъ. Покрытая пушистымъ бѣлымъ ковромъ уходила вдаль, въ обѣ стороны, Нева. У самаго моста на ней сверкали бирюзово-прозрачныя „кабаны“, вокругъ которыхъ копошились темныя фигуры чухонъ. Немного далѣе, черезъ бѣлую скатерть рѣки, какъ переселяющіеся муравьи, черною движущею нитью виднѣлись пѣшеходы. Еще дальше, въ концѣ непрерывнаго ряда домовъ, надъ сѣроватыми силуэтами заиндевелыхъ деревьевъ, окна Зимняго дворца и Адмиралтейства сверкали какъ раскаленные. А на той сторонѣ дома Петербургской Стороны и Острова терялись въ морозномъ туманѣ и на зеленоватомъ, поблѣднѣвшемъ уже зимнемъ небѣ яркимъ золотомъ горѣла крѣпостная игла. Часовня на мосту, подернутая инеемъ, тоже точно вспыхивала своими золотыми рамами и крестами подъ холодными, ясными лучами зимняго солнца.

Сѣхали съ моста. Столпившіеся на мосту экипажи словно таяли, расплываясь въ разныя стороны. Сани Неридова раскатились-было на заледнѣвшемъ скатѣ и вновь быстро понеслись вдоль набережной.

Дмитрій, слегка прижимая къ себѣ Мусю, которая до кончиковъ розовыхъ ушей ушла въ свою шубу, такъ что только черные глаза блестѣли изъ-подъ бобровой шапочки, спросилъ:

— Ну, такъ что же намъ дѣлать?

Оживленный блескъ опять разомъ потухъ въ этихъ глазахъ.— „Что намъ дѣлать?“—повторила Муса.—А вотъ что!—Она высвободила свой подбородокъ изъ темнаго мѣха и, повернувъ голову, близко взглянула въ лицо Дмитрія.—А вотъ что: ты вѣришь, ты видишь, до чего я тебя люблю, какъ мнѣ хорошо съ тобой? И тебѣ тоже вѣдь хорошо?

— Милая! Зачѣмъ ты это спрашиваешь! Вѣдь ты...

— Знаю, знаю! — нѣжно улыбаясь ему, отвѣтила Муса и крѣпче оперлась о его плечо.—Такъ вотъ давай забудемъ теперь все дурное, все тяжелое, и пусть намъ будетъ только хорошо, только радостно вдвоемъ. Сегодня нашъ день, сегодня мы можемъ быть счастливы и веселы. Будемъ помнить только настоящее. А прійдемъ домой, тогда наступитъ будущее, конецъ всему!..

— Муса, полно! Это невозможно! Это было бы слишкомъ дико. Это просто глупо! Развѣ можно отказываться отъ такого счастья? Не могу, не могу я этого. Да какъ ты хочешь, чтобы я забылъ, что ты меня любишь!? Вѣдь по волѣ не выкинешь изъ головы того, что знаешь!

— Да ты и помни, если хочешь. Видѣться мы не будемъ.

— Ну, ужъ нѣтъ! Этого ты запретить мнѣ не можешь.

— Я принимать васъ не буду, а устроить такъ, чтобы не встрѣчаться, очень легко. Я могу уѣхать за границу.

— Послушайте, Марья Николаевна! — раздраженно заговорилъ Дмитрій:—этимъ шутить нельзя, это съ вашей стороны просто...

— Голубчикъ!—Муса высвободила ручку изъ ротонды и взяла его за руку.—Ты погляди только на меня: развѣ я шучу? развѣ мнѣ легко? Это такъ же серьезно, такая же правда, какъ и то, что я люблю тебя безконечно. Видишь ли, тогда, лѣтомъ, я, можетъ быть, меньше теперешняго тебя любила, но тогда у меня не хватило бы рѣшимости все это порвать. Я тогда могла натворить Богъ знаетъ какія глупости, забыть все... Слава Богу, что ты тогда уѣхалъ, хоть и не по своей волѣ. Теперь я вся поглощена моимъ чувствомъ; бороться ни съ собой, ни съ тобой я больше не могу. Но зато въ это время я все передумала, я измучилась въ этой борябѣ—и она пришла не даромъ. Я прямо говорю: я тобой пожертвую и раскаиваться себѣ въ этомъ не позволю!

— Муса! ты сама не выдержишь. Да не хочу, не хочу я этого! Не отдамъ я тебя!

— Ахъ ты горячка! Но ты знаешь: я всегда долго не рѣшаюсь на что-нибудь, бросаюсь изъ стороны въ сторону. Но если я уже рѣшила—тогда... Однимъ словомъ—*это такъ будетъ*. А теперь довольно. Неужели ты такъ перемѣнился, что уже неспо-

собенъ отдаться настоящей минутѣ? Неужели ты, какъ всѣ, будешь раздумывать о будущемъ да о прошедшемъ?! Скажи же мнѣ что-нибудь!

— Нечего говорить!—сказалъ онъ мрачно.

— Помолчимъ!

Сани, застучавъ по деревянному спуску, съѣхали на ледъ. На противоположномъ берегу бѣжали кружевные силуэты покрытыхъ пушистымъ инеемъ деревьевъ, отъ которыхъ голубыя тѣни падали на ледъ. Направо замерзшая рѣка уходила въ синеватый морозный паръ, среди котораго тамъ и сямъ виднѣлись какіе-то желтые домики, чернѣли заборы. Налѣво снѣгъ искрился подъ лучами низкаго солнца, и небо уже переходило изъ зеленовато-голубого въ блѣдно-оранжевое. На самомъ горизонтѣ поднимался бурый туманъ.

Опять подъ ногами Вороного застучали обледенѣлыя доски вѣзда, и сани заскользили по дѣвственно-бѣлому снѣгу какой-то совершенно занесенной аллеи. Бриллиантами горѣлъ иней на освѣщенныхъ вѣткахъ и стволахъ, а оставшіяся въ тѣни казались бѣлыми сталактитами, спускавшимися съ фантастическаго, полупрозрачнаго, кружевнаго свода. Все кругомъ было бѣло и неподвижно,—лишь налѣво, между деревьями, мелькалъ изрѣдка кусочекъ желто-зеленоватаго неба, окна домовъ на противоположномъ берегу сверкали, да слышалось издали заунывное пѣніе и уханье рабочихъ, влоачивавшихъ сваи у берега, и по временамъ доносилось гудѣніе какой-то фабрики... Сани покачнулись на поворотѣ, врѣзавшись въ глубокій снѣгъ, и медленно завернули въ боковую аллею. Кругомъ, кромѣ холмовъ снѣга, запорошенныхъ стволовъ да причудливыхъ, словно засахаренныхъ, бѣлыхъ кустарниковъ, ничего не было видно.

— А морозъ крѣпкій, ваше благородіе!—сказалъ Гаврила, оборачивая въ Неридову свое покраснѣвшее, съ бѣлыми усами и бровями, лицо.—Щиплется!

Муса засмѣялась.—Отлично здѣсь. Какъ-то совсѣмъ оригинально, и я, право, не знаю, гдѣ мы ѣдемъ. Мостъ какой-то! Какая это рѣка: Невка, Карповка? Я ничего не знаю!

— Нѣтъ, я все-таки несогласенъ!—отвѣтилъ ей совсѣмъ на другое Дмитрій.

— „Все-таки, все-таки“—это по-женски разсуждать! Тогда вы скажите такъ лучше: она *все-таки* теперь со мной, она теперь *все-таки* моя,—сказала Муса, кладя голову ему на плечо и счастливыми глазами глядя ему прямо въ глаза.—Какъ здѣсь чудно!—продолжала она.—Сколько разъ я бывала на Островахъ

зимой, но всегда вечеромъ, или среди болтовни я не замѣчала, или всегда бывало теплѣе и инея такого не было, а сегодня такой морозъ, что развѣ такіе сумасшедшіе, какъ мы, пойдутъ. Зато и видимъ такую прелесть.—Муся, слегка закинувъ голову и совсѣмъ распахнувъ шубу, глядѣла вверхъ на матово-серебряныя вѣтви.

— Нѣтъ, вотъ это такъ сумасшествіе!—вскричалъ Дмитрій, укутывая ее, и вдругъ, не въ силахъ долѣе бороться съ искушеніемъ, видя такъ близко это милое, разгорѣвшееся на морозѣ лицо, онъ пригнулъ голову и припалъ къ улыбающимся розовымъ губамъ долгимъ, беззвучнымъ поцѣлуемъ. Муся не отстранилась отъ него, она закрыла глаза, и Дмитрій почувствовалъ сквозь бархатъ и мѣхъ шубы, какъ тонкій, мягкій станъ точно сложился на его руцѣ, и, какъ усталая, Муся прислонилась къ плечу Неридова.

— Пусть онъ скорѣе, скорѣе ѣдетъ!—попросила она.

— Гаврила, впередъ!—И опять, прежде чѣмъ Гаврила успѣлъ пошевелить возжами, Вороной, слышавъ знакомое приказаніе, сразу наддалъ, и сани полетѣли. Сухой, блестящій снѣгъ засыпалъ въ лицо, деревья замелькали мимо; опять простучалъ какой-то мостъ; мелькнули заколоченныя окна дачъ, будва, какое-то громадное зданіе среди синѣвшей вечерними тѣнями бѣло-снѣжной площади. Опять зашуршалъ снѣгъ занесенной аллеи. Короткій январскій день кончался. Прямо впереди кроваво-огненный полукругъ солнца безъ лучей опускался въ красноватое облако тумана, внизу становившееся лиловатымъ, потомъ сѣрымъ, и сливавшееся на горизонтѣ съ бѣлою волнистою поверхностью замерзшаго взморья.

Муся не поднимала головы съ плеча Дмитрія, и они ѣхали молча, глядя другъ другу въ глаза, прижавшись другъ къ другу.

— Нѣтъ! это вдоръ!—сказалъ Дмитрій, но Муся съ безконечною любовью и грустью глядѣла ему въ глаза; онъ видѣлъ слезы на ея пушистыхъ рѣсницахъ и опять замолчалъ. Чтò сказать? Онъ видѣлъ, что Муся въ самомъ дѣлѣ твердо рѣшила все кончить, но видѣлъ также, что она его дѣйствительно любитъ. И его счастливое сердце не могло понять грозящаго несчастья. Неридовъ былъ такъ счастливъ въ эту минуту, что ему не хотѣлось думать, что что-нибудь можетъ измѣниться, что можетъ быть большее счастье; ему не вѣрилось, что этотъ зимній день потемнѣетъ, что это огненное солнце не вѣчно будетъ отражаться въ блестящихъ глазахъ, такъ нѣжно глядящихъ ему въ глаза,

что онъ не вѣчно будетъ чувствовать въ своей рукѣ этотъ тонкій станъ.

Сани стали. Отъ Вороного валилъ паръ. Гаврила съ ожесточеніемъ махалъ застывшими руками и хлопалъ въ ладони. Муся и Неридовъ молча смотрѣли на закатъ. Какъ послѣдній раскаленный уголь въ мягкой сѣрой золѣ, чуть-чуть виднѣлся узкій кровавый край солнца въ поглощавшемъ его облакѣ бураго тумана, незамѣтно сливавшася съ яркой оранжевой полосой, которая выше становилась желтой, потомъ нѣжно-зеленой, безцвѣтно-голубой. Тамъ, наверху, уже мигали блѣдныя звѣзды. Оттуда-то издали въ недвижномъ морозномъ воздухѣ донесся ударъ колокола. Еще одинъ. На томъ берегу зажегся огонекъ среди бѣлыхъ деревьевъ. Снѣгъ подъ ними уже блестялъ синеватымъ блескомъ, и дорога, синѣя, уходила подъ волшебный сводъ волшебныхъ деревьевъ.

— Поѣдемъ домой, пора!—произнесла Муся, очнувшись.

И отдохнувшій Вороной весело, бросая снѣгъ, понесся назадъ. Когда они пріѣхали на Васильевскій Островъ, сумерки совсѣмъ спустились на землю, и фонари зажигались въ туманномъ воздухѣ. Вотъ уже звонитъ конка на Николаевскомъ мосту. Опять шумъ и давка. Два ряда золотыхъ звѣздочекъ убѣгаютъ по обѣимъ берегамъ рѣки, сливаясь вдаль въ сплошныя огненные линіи. Полозья саней визжатъ, переѣзжая два раза вкось черезъ рельсы. Повернули направо.

— Прощай!—говоритъ Муся, сжимая руку Дмитрія.—Совсѣмъ прощай! Не забывай меня! Нѣтъ, забудь, забудь скорѣе! А я тебя люблю, слышишь, люблю!

— Нѣтъ, я не прощаюсь. Я зайду къ тебѣ еще, и мы поговоримъ. Одумайся!

— Я говорю тебѣ: прощай совсѣмъ. Прощай!

Сани остановились у подъѣзда. Дмитрій высаживаетъ Мусю. Она какъ бы медлить одну минуту, потомъ еще разъ говоритъ:— Прощайте!—и быстро уходитъ въ подъездъ.

— „Что же это такое?“ Дмитрій минуты двѣ стоитъ въ нерѣшительности, потомъ стремительно вскакиваетъ въ сани и севозъ зубы, отрывисто, приказываетъ:

— Домой! Живо ѣхать!

А Муся, пройдя съ оживленнымъ и гордымъ видомъ мимо швейцара и весело спросивъ у Тимоея: купала ли Вѣрочка?—почти бѣжитъ въ свою комнату. Тутъ Муся прямо бросается къ окну, прислоняется головой къ холодному стеклу и смотритъ внизъ. Вотъ доносится съ улицы слабый визгъ полозьевъ по ого-

лившимся у подъѣзда камнямъ, и въ голубоватомъ зимнемъ сумракѣ черезъ улицу мелькаетъ черный силуэтъ саней. А входящая въ комнату Даша съ ужасомъ видитъ, что Марья Николаевна соскальзываетъ съ подоконника и, не крикнувъ даже, падаетъ на коверъ.

X.

— „Что же это такое?“ — спрашивалъ себя Дмитрій, пока сани уносили его домой.— „Что это такое?“ Она меня любитъ, она такъ искренна, такъ правдива въ своемъ чувствѣ... И отъ такого счастья отказаться?! Бороться съ собой долгіе, долгіе мѣсяцы, годы, измучиться въ этой борьбѣ, наконецъ высказаться, взглянуть счастьемъ въ лицо—и вдругъ опять все забыть! Да это невозможно! Это абсурдъ!.. И для чего? Я самъ знаю, что то, что мы дѣлаемъ, безчестно. Но до проповѣдей ли теперь мнѣ? Это сильнѣе насъ. Мы не можемъ разлюбить другъ друга!“

Пріѣхавъ домой и рассказывая по своей великолѣпной, но пустой и имѣвшей заброшенный видъ квартирѣ, Дмитрій думалъ все то же. Онъ не понималъ, какіе тутъ еще могли быть разговоры и размышленія послѣ того, что они другъ другу сказали, что любятъ. Не сказать этого, выдержать характеръ — это еще куда ни шло, можно понять. Онъ, на примѣръ, все лѣто и осень не позволилъ себѣ написать Мусѣ, постарался думать о всемъ прошедшемъ, какъ о мимолетномъ *flirt* отъ нечего-дѣлать, такъ какъ считалъ безчестнымъ относительно Сергѣя говорить его женѣ о своей любви, и даже относительно самой Муси считалъ это непорядочнымъ—слишкомъ она хорошая женщина. Но теперь? О чемъ теперь разсуждать? Они проговорились оба. Они любятъ оба и должны быть счастливы. Все равно, мужа она не любитъ, счастлива съ нимъ быть не можетъ, а слѣдовательно нечего обманывать ни его, ни себя. Надо все это порвать. Безъ Муси онъ жить не можетъ.

Дмитрій сѣлъ въ маленькой гостиной жены, гдѣ топился каминъ, и сталъ вспоминать эти два дня. Иванъ пришелъ его звать обѣдать, но Дмитрій сказалъ, что обѣдать не будетъ, не велѣлъ зажигать и лампы и продолжалъ, глядя на огонь, думать о Мусѣ. Опять его счастье показалось ему несбыточнымъ. Развѣ Муся похожа на всѣхъ тѣхъ женщинъ, которыхъ онъ любилъ, не исключая и Ольги? Ахъ, на эту менѣ всего. И Дмитрій вдругъ припомнилъ дѣвизникъ у Гирѣвыхъ и свой разговоръ съ Му-

сей въ столовой—какъ онъ тогда вдругъ понялъ Мусю всю, догадался, какъ она непохожа на всѣхъ окружающихъ, какъ тогда онъ, Дмитрій, любовался на ея молодой, гибкій и глубокий умъ, оригинальность мнѣній и словъ, и, главное, на эту удивительную искренность и прямоту. И еще что-то было въ Мусѣ, чего онъ себѣ опредѣлить не могъ, но тогда еще сказалъ себѣ: „Она не чета всѣмъ имъ“, не замѣчая, что въ этомъ „всѣмъ“ онъ безсознательно причислилъ и свою красавицу-невесту. Теперь онъ повторалъ это уже совсѣмъ сознательно. Онъ постарался вспомнить, какъ же это и когда онъ полюбилъ Мусю — и не могъ. Онъ хорошо помнилъ, что послѣ этого разговора въ столовой у нихъ установились какія-то особенныя, болѣе чѣмъ дружескія отношенія, такая задушевная откровенность, что не было вещи, о которой бы имъ не хотѣлось переговорить вдвоемъ и о которой они бы не говорили. Они спорили иногда до ссоры, такъ какъ не прощали другъ другу ни малѣйшей ошибки въ мысли или несправедливости въ мнѣніи, имъ всегда нужно было договориться до конца, — тогда они усновивались. И сколько разъ Дмитрій говорилъ себѣ, что знаетъ и понимаетъ Мусю... Потому наступала полоса вражды. Дмитрій смѣялся надъ этой „сложной машиной“, какъ онъ называлъ ея душу; ему Муся бывала вся антипатична, со своими вѣчными вопросами и порываніями куда-то, со всей своей сложной душевной работой. Но отдѣлаться отъ обаянія этой живой души онъ и въ такія времена не могъ. Онъ нарочно говорилъ и дѣлалъ все возможное, чтобы обидѣть, оскорбить, задѣть за живое своего врага, и не замѣчалъ, что этимъ самымъ непрестанно перебиралъ и провѣрялъ всѣ ея симпатіи и антипатіи, всѣ ея убѣжденія и вѣрованія, и что даже такимъ отрицательнымъ путемъ ея образъ все сильнѣе западалъ въ его душу. И обыкновенно такая полоса вражды кончалась новымъ взрывомъ откровенности, — и опять Дмитрій говорилъ себѣ, что не знаетъ Мусю, и преклонялся передъ нею... Но никогда бы онъ не повѣрилъ, что Муся можетъ его полюбить. Всѣ разговоры лѣтомъ онъ принималъ за игру съ ея стороны, за капризъ избалованной женщины, которая привыкла, чтобы за ней всѣ ухаживали и признавались ей въ любви; онъ держалъ себя не такъ, какъ всѣ, и считалъ все то, что она говорила и дѣлала, за ловкіе маневры, которыми она хотѣла добиться своего. Она была лучшая женщина изъ всѣхъ, кого онъ зналъ, но она была женщина, а онъ былъ такъ увѣренъ въ своемъ знаніи женщины, что даже ей приписывалъ всѣ мелкія, себялюбивыя побужденія, которыя встрѣчалъ у другихъ... Онъ тоже никогда не повѣрилъ

бы, что онъ ее такъ полюбитъ. И потому, когда Ольга мало-помалу сдѣлалась ему совсѣмъ чужой, и онъ, вмѣсто ожидаемой тоски, вдругъ почувствовалъ облегченіе и свободу, и его, точно обновленнаго, потянуло къ Глуховской, когда онъ сталъ ловить себя на каждомъ шагѣ въ томъ, что все, что онъ дѣлаетъ, все, что говоритъ — онъ самъ судить съ точки зрѣнія и съ высоты пониманія Мусы, однимъ словомъ, когда онъ понялъ, что она для него необходима, что она для него все въ жизни—Дмитрій ужаснулся.

Такъ полюбить ему не приходилось, да онъ думалъ, что онъ и не умѣетъ. До сихъ поръ всѣ его романы были просто болѣе или менѣе сильными увлеченіями, и какъ онъ имъ искренно ни отдавался, онъ всегда зналъ, что они не вѣчны, а потому и скоро утѣшался, когда такой романъ кончался. Увлеченіе Ольгой, этимъ балованнымъ, какъ ему казалось, ребенкомъ, женитьба, счастье перваго времени, разочарованіе потомъ — въ сущности мало его задѣли. Это было совсѣмъ въ иной обстановкѣ, но то же, что и всѣ прежніе его романы. А то чувство, которое онъ считалъ одной изъ общечеловѣческихъ своихъ привязанностей, это чувство охватило всю его жизнь. Онъ сказалъ правду Марьѣ Николаевнѣ—прежній Дмитрій пропалъ, а теперешній весь былъ въ ея рукахъ, онъ жилъ ею и для нея. И все-таки онъ не зналъ ея вполнѣ.

И хотя сознаніе ея любви и счастья минутами охватывало его такой жгучей волной, что онъ почти громко звалъ: „Муса, Муса!“ и сжималъ руки на колѣняхъ (этотъ жестъ онъ тоже невольно перенялъ отъ нея),—но какое-то неясное чувство тоски и предчувствіе несчастья давило его. Опять онъ возмущался, негодовалъ на Мусю, на ея вѣчныя разсужденія. Всѣ его прежнія мысли о Сергѣѣ, объ отношеніи ихъ обоихъ къ нему не приходили ему больше въ голову. А объ Ольгѣ онъ даже и не задумывался. Ей что! Она будетъ даже очень довольна, если онъ ее оставитъ въ покоѣ и предоставитъ ей полную свободу дѣйствій. И Дмитрій, какъ всегда въ такія серьезныя минуты жизни, сразу рѣшилъ весь планъ своихъ дальнѣйшихъ дѣйствій: онъ поѣдетъ къ Сергѣю, прямо скажетъ, что любитъ Марью Николаевну и она его, предложитъ ему какое угодно удовлетвореніе. Будутъ стрѣляться — ну, тогда будь что будетъ, судьба сама все рѣшитъ. А если Сергѣй дѣйствительно такой неестественно-гуманный, необычайный, фантазирующій человекъ, какъ о немъ говоритъ Муса, и не захочетъ портить Мусѣ жизнь изъ-за того только, что она его разлюбила,—тогда Дмитрій приметъ то мѣсто, которое ему

предлагають въ Средней Азiи, отдасть все состоянiе Ольгѣ, разведется, взявъ вину, конечно, на себя—и увезетъ Мусю на далекий востокъ, а тамъ „никакой чортъ не помѣшаетъ нашему счастью“... И какъ всегда, Дмитрiй тотчасъ повеселѣлъ, когда все представилось ему въ такомъ ясномъ и опредѣленномъ свѣтѣ.

— Иванъ, одѣваться! Новый аксельбантъ и погоны. И вели Гаврилъ заложить „Бурку“.

— Никакъ нельзя, ваше высокоблагородiе, Гаврила какъ есть пьянъ! Говорить, даже замерзъ давеча, такъ хотѣлъ отогрѣться, а теперь спать. Будили, чтобъ ключъ отъ овса достать, никакъ невозможно добудиться.

Въ другое время Дмитрiй раскричался бы, но теперь онъ былъ такъ полонъ своими мыслями, что только сказалъ: — Ну, позови мнѣ извозчика! — И Дмитрiй поѣхалъ въ Мусѣ, зная, что застанетъ ее вечеромъ одну. Но когда онъ смѣлымъ, радостнымъ шагомъ вошелъ въ подъездъ и хотѣлъ уже сбросить шинель на руки швейцара,—этотъ остановилъ его словами:—Петръ Михайловичъ и Сергѣй Александровичъ изволили уѣхать въ концертъ, а Марья Николаевна не принимаютъ, нездоровы, должно быть. Давеча Тимоея послали за докторомъ.

Дмитрiй оторопѣлъ. Нѣтъ, рѣшительно все отъ начала до конца въ этой исторiи дѣлалось не по его волѣ, не устраивалось, какъ прежде все устраивалось всегда! Опять какой-то голосъ говорилъ ему, что громадное несчастье ждетъ его, и что все то, что только-что занялось яркой зарей, потухнетъ, не освѣтивъ его жизни... Онъ поѣхалъ домой, сказавъ, что завтра же прiдетъ узнать о здоровьѣ Марьи Николаевны, и рѣшившись непременно увидѣть ее, въ крайнемъ же случаѣ узнать отъ Сергѣя, чтѣ съ нею. Дмитрiй невольно понималъ, что больна она послѣ всего этого. И это еще болѣе утвердило его въ мнѣнiи, что нельзя согласиться съ нею и подчиниться ея рѣшенiю.

„Красавица моя, умница!“ — по дорогѣ домой повторялъ онъ себѣ то, чтѣ хотѣлъ сказать ей завтра.— „Я дорожу каждой минутой твоей жизни, а ты вотъ хворашь и мучишь себя изъ-за меня. Перестань бороться и страдать! Люби меня и будь счастлива, а я уже обо всемъ подумаю и позабочусь“.

Онъ легъ рано, попробовалъ читать, но вскорѣ отбросилъ книгу. Муся, со своей чарующей улыбкой и задумчивымъ взглядомъ, стояла у него передъ глазами. Она говорила ему что-то, и онъ, волнуясь и улыбаясь въ одиночествѣ своей комнаты, слушалъ этотъ дрожащiй отъ горячаго чувства голосъ и всѣ страстные и вѣжныя слова, какiя она ему говорила сегодня утромъ.

Или онъ видѣлъ, что она только глядитъ ему прямо въ глаза, какъ вчера на балу, или сегодня во время катанья—и ея глаза блестятъ такъ близко отъ него, говорятъ ему такъ много, гораздо больше, чѣмъ всѣ ея слова,—что Дмитрій вскакиваетъ на постели и протираетъ руки, точно Муся тутъ, и онъ можетъ обнять ее. Онъ потушилъ свѣчу и закрылъ глаза. Но Муся не уходила. Всю ночь онъ не могъ заснуть, ворочаясь съ боку на бокъ, улыбаясь чему-то въ темнотѣ. Опять онъ не сомнѣвался въ своемъ счастьѣ и ждалъ съ нетерпѣніемъ и надеждой утра и той минуты, когда увидитъ Мусю.

Но когда на слѣдующій день онъ спросилъ у швейцара Глуховскихъ: какъ здоровье Марьи Николаевны? — тотъ ему отвѣтилъ, что онъ сегодня, слава Богу, ничего, но принимать никого не приказано. Дмитрій послалъ свою карточку, но выпешная Даша сказала, что барыня извиняются, но выйти никакъ не могутъ, такъ какъ нездоровы.

— Марья Николаевна лежитъ?

— Нѣтъ-съ, только видѣть васъ не могутъ.

Дмитрій попросилъ передать свое сожалѣніе и уѣхалъ. Онъ былъ неохотникъ до писемъ, боялся довѣрить имъ что-нибудь слишкомъ откровенное, а потому, пріѣхавъ домой, написалъ Мусѣ лишь маленькую записку, прося дать ему знать о здоровьѣ, выражая сожалѣніе, что дважды не могъ ее видѣть и прося дать знать, когда онъ можетъ быть у нея.

Дмитрій опять расхаживалъ вдоль своихъ пустыхъ комнатъ, волнуясь и ожидая отвѣта съ такимъ же безпокойствомъ, съ какимъ когда-то тринадцатилѣтнимъ правовѣдомъ послалъ свое первое любовное письмо къ хорошенькой барышнѣ, жившей на дачѣ противъ Неридовыхъ и бывшей на цѣлые четыре года старше Дмитрія. Прошли долгихъ два часа. Еще часъ. „Что этотъ дуракъ Гаврила такъ долго не ѣдетъ, вѣдь нарочно послалъ его на „Буркѣ“!“

Раздались шаги въ залѣ, и Дмитрій бросился было на-встрѣчу Ивану, но тотчасъ спохватился и сѣлъ къ столу. Рука Неридова, протянутая къ розовому маленькому конверту съ длинной монограммой, дрожить, и даже знаменитый въ командованіи голосъ какъ-то робко замѣчаетъ: — что Гаврила такъ долго ѣздилъ?

— Ждать, говорить, долго.

— Ну, иди!—Дмитрій осторожно и бережно разрѣзаетъ конвертъ и читаетъ:

„Дмитрій Алексѣевичъ! Вы напрасно беспокоитесь о моемъ здоровьѣ. Это была просто маленькая лихорадка, происшедшая, вѣроятно, отъ простуды: вѣрно я не хорошо закуталась послѣ ве-

чера. Но я не могу сказать вамъ, когда мы увидимся. Вѣрите, я нахожу это совершенно излишнимъ. Новаго я ничего сказать вамъ не могу. Переимѣнить своего рѣшенія тоже не могу. Для чего же мы увидимся? Чтобы только еще тяжелѣе было? Я слишкомъ слаба, чтобы выдержать еще разъ такой разговоръ, какъ вчера. Я боюсь за себя. Я боюсь васъ и за васъ. Я ни отъ чего сказаннаго не отрекаюсь, но и ничего болѣе не скажу. Все кончено, Дмитрій Алексѣевичъ. Зачѣмъ же еще мучить другъ друга видѣнiемъ невозможнаго счастья? Его нѣтъ и не будетъ. Попадите же и не старайтесь меня видѣть, хоть пока я снова не соберусь съ силами. А самое лучшее, если вы постараетесь избѣгать даже встрѣчь со мною. Вы сумѣли покориться этому осенью. Найдите предлогъ и теперь.

„Прощайте, Дмитрій Алексѣевичъ! Простите меня и не осудите, что эти два дня я такъ многое высказала, какъ будто для того, чтобы уже окончательно замолчать. Вѣрите: именно то, что васъ такъ поражаетъ и сбиваетъ съ толку, именно это и служить ручательствомъ въ моей искренности, въ томъ, что это все правда. Да, я правду сказала вамъ, что люблю васъ, и вы знаете, что значить это слово для меня. Но и то правда, что все останется, какъ было, даже хуже чѣмъ было, такъ какъ я постараюсь стать для васъ совсемъ чужой.

„Я сама себя не вѣрю, Дмитрій, что я пишу это тебѣ, моему милому, моему любимому,—но тебя прошу принять все до слова за самую ужасную и неизмѣнную правду... Ну, прощайте! Не могу больше. Будьте счастливы, если можете. Не забывайте меня совсемъ. Это было бы слишкомъ, слишкомъ! Ваша М.“

Дмитрій давно прочелъ уже письмо, но все, не поднимая головы, глядѣлъ на розовую бумажку.

— Да что же это!? Она въ самомъ дѣлѣ думаетъ такъ кончить!—громко вскрикнулъ онъ вдругъ, вскакивая!—Это не мыслимо! Это вздоръ! Я не отдамъ тебя, слышишь, Муся! не отдамъ! И собою я не дамъ играть!

И опять пришли лѣтнія мысли на умъ: „Неужели все это комедія? Гадкая, женская комедія? Всѣмъ шутить, чтобы только поставить на своемъ? Нѣтъ, это на нее не похоже!.. А развѣ похоже на нее подчиняться какимъ-то размышлениямъ и проповѣдямъ: когда она любить, такъ любить, какъ она все дѣлаетъ—забывая все на свѣтъ, все отдавая своему чувству, когда она одного меня любить... Одного? То-то и есть, что нѣтъ! Она

прямо говорить, что любить Сергѣя. Такъ это же чортъ знаетъ что такое!!

Дмитрій, сжавъ кулаки (по оставшейся у него съ дѣтства дурной привычкѣ), ходилъ взадъ и впередъ, почти сбѣгалъ по комнатѣ. „Кого же она любитъ? Какая же это любовь? Къ нему—привычка, во мнѣ—капризъ, чувственное увлеченіе... Но если капризъ, зачѣмъ тогда она такъ долго боролась съ собою? А теперь, сказала... Такъ зачѣмъ опять все ломается? Нѣтъ, это не капризъ! Да развѣ Муса способна на такія вещи!.. Но что же это тогда?“

Дмитрій просто не могъ разобраться въ этихъ сбивчивыхъ мысляхъ. Онъ присидѣлъ и проходилъ по комнатѣ день и ночью, раза четыре начиналъ письма къ Мусѣ, рвалъ ихъ, хватался за голову, то приписывалъ Мусѣ все, что только приходило ему на умъ оскорбительнаго, то умолялъ ее помочь ему, простить его, повторялъ ей про свою любовь. Къ утру онъ заснулъ тяжелымъ сномъ, но и во снѣ увидѣлъ Мусю, такою сіяющею и прекрасною, какъ она была на балу. Она подвывала его къ себѣ и, смѣясь, убѣждала, что хочетъ посмотрѣть, какъ онъ ее любитъ, и въ доказательство онъ долженъ сейчасъ же забыть ее, а она—исчезнуть. Для этого онъ долженъ былъ брать снѣгъ и засыпать ее снѣгомъ; но какъ только онъ насыпалъ ее снѣгомъ, снѣгъ разсыпался мелкими блестящими звѣздами, а Муса все стояла и не исчезала; но теперь ея лицо уже было блѣдно и не смѣялось, а черные глаза были полны слезъ. „Не забываете, не засыпайте!“ молила она его, и вдругъ начинала страшно рыдать... И Дмитрій, просыпаясь, чувствовалъ, какъ горячія слезы текутъ по его щекамъ, и онъ шепталъ: „Милая, милая! да развѣ можно тебя забыть?“

Онъ проснулся совершенно измученный и, какъ иногда бываетъ съ нами въ первую минуту послѣ пробужденія, вдругъ ясно понималъ все. Да! вотъ она какая! — сказалъ онъ про себя, угадывая Мусю не словами и не мыслями, а какъ-то инстинктивно (какъ и прежде съ нимъ бывало). И тотчасъ спросилъ себя: „Какая же?“ Но какъ только начиналъ рассуждать, опять все спуталось и сбилось.—Нѣтъ, попробую послѣдній разъ, поѣду къ ней и поговорю, а до тѣхъ поръ не стану думать, этакъ съ ума сойду!—рѣшилъ онъ и очень обрадовался, когда Иванъ доложилъ ему о приходѣ Боды.—Это хоть внѣшнимъ образомъ отвлекало его отъ мыслей.

— Ну, какъ поживаете? — спросилъ его Бода, когда Неридовъ, поспѣшно умывшись и одѣвшись, вышелъ въ кабинетъ.--

Все еще соломеннымъ вдовцомъ? Скучаете? Не очень-то кажется, такъ какъ васъ никогда дома не застаешь. Я вотъ уже третій разъ захожу къ вамъ отъ генерала, все не застаю, да и генералъ уже спрашивалъ: что это, молъ, Неридова не видно, не уѣхалъ ли, молъ, ужъ прямо къ эмиру, не простившись съ нами?

— Нѣтъ, какъ видите, еще здѣсь!—смѣясь, отвѣчалъ Неридовъ.—Хотите чаю? Я еще не пилъ. Онъ позвонилъ.

— Поздно вы встаете однако!—съ усмѣшкой сказалъ Боде, который, должно быть, считалъ себя въ правѣ быть немного колкимъ съ человѣкомъ, о которомъ уже самъ генералъ отозвался съ такой нескрываемой насмѣшкой.

— А что это онъ такъ обо мнѣ беспокоится?—продолжалъ Дмитрій, не замѣчая точно послѣдней фразы Боде.

— Да вотъ прислалъ узнать окончательно, хотите ли вы, какъ говорили, удержать эту вакансію для себя? А то онъ скажетъ Адлеру, чтобы тотъ прислалъ своего protégé! Я и не сомнѣваюсь, что вы вовсе не желаете туда ѣхать.

— Отчего? Напротивъ!..—И Дмитрій, со своей всегдашней способностью разсказывать, не останавливаясь, что угодно, и теперь увѣрилъ Боде, что онъ очень серьезно хочетъ ѣхать въ Среднюю Азію, по случаю проведенія тамъ новой границы, что онъ уже соскучился по Ташкенту, Хивѣ и всей азіатчинѣ, что въ Петербургѣ онъ скучаетъ, никакого интереса тутъ нѣтъ, тѣмъ болѣе, что жена не хочетъ возвращаться ранѣе года, что состояніе ихъ разстроено, и что вообще ему, Дмитрію, непремѣнно хочется ѣхать. И въ то время, какъ онъ говорилъ только для того, чтобы не согласиться съ Боде, онъ вдругъ твердо и ясно рѣшилъ, что въ самомъ дѣлѣ, что бы ни случилось, а онъ приметъ это мѣсто: если Муся любитъ его и порветъ съ прежнею жизнью—онъ ее увезетъ; если же она играетъ съ нимъ, если это все было лишь увлеченіе, капризъ, и она дѣйствительно серьезно рѣшила все кончить—тогда тѣмъ болѣе онъ не останется въ Петербургѣ.

Они еще поговорили объ общихъ товарищахъ, о томъ, что Брейтеръ застрѣлился черезъ два дня послѣ свадьбы, что Мирвова, говорятъ, выходитъ за этого ужаснаго стараго милліонера Норреля, что впрочемъ неизвѣстно навѣрное, кто изъ нихъ выходитъ, мать или дочь, такъ какъ объ онѣ добивались чести стать m-me Норрель. Боде разсказалъ еще о разныхъ перемѣнахъ, ожидаемыхъ въ ихъ вѣдомствѣ, о томъ, что на Розанова, говорятъ, дуются, и онъ, чего добраго, слетитъ, а впрочемъ кто его знаетъ? очень онъ ужъ нуженъ—но просилъ объ этомъ не рас-

пространяться, такъ какъ генераль сообщилъ ему это „конфиденціально“. И, взглянувъ на часы, Бодѣ разомъ вскоцилъ, вспомнивъ, что ему еще надо заѣхать въ два мѣста по порученію генерала и поспѣть къ нему вернуться до часу.

— Ну, до свиданья! Такъ вы завтра же приходите къ нему, да и рѣшайте все скорѣе. Но, право, бросьте думать о томъ мѣстѣ. Не пропадутъ всѣ эти текинцы, мервцы и афганы безъ васъ. А мы здѣсь со скуки пропадемъ.—И, очень довольный своимъ ловкимъ оборотомъ, Бодѣ еще разъ крѣпко пожалъ руку Неридова и ушелъ, напѣвая модный „air des clochettes“.

Къ двумъ часамъ Неридовъ опять поѣхалъ къ Глуховскимъ. Муся не принимала.

Такъ прошло почти двѣ недѣли. Неридовъ чуть не каждый день посылалъ записку къ Марьѣ Николаевнѣ. Иногда она двумя-тремя официальными словами на раздушенной бумажкѣ съ длинной монограммой благодарила его за любезный вопросъ о ея здоровьѣ и отвѣчала, что ей лучше, но что еще докторъ не позволяетъ ей выходить изъ комнаты, и потому она, Муся, должна отказать себѣ въ удовольствіи видѣть Дмитрія Алексѣевича. Иногда просто Иванъ приносилъ устное: „Приказали кланяться и благодарить“.

Дмитрій ничего не понималъ. Онъ бѣсился, негодовалъ, прямо говорилъ себѣ, что Муся имъ играла, а теперь это ей надоѣло, и она хочетъ отъ него отдѣлаться. Но онъ не позволить собою играть, онъ не мальчишка. Наконецъ, онъ просто заставитъ ее сказать ему правду. Довольно прятаться за разныя громкія слова! Одно изъ двухъ: любить его—такъ какъ же она можетъ такъ его мучить? Не любить—такъ пусть имѣетъ смѣлость сознаться ему въ глаза въ своемъ обманѣ.

Онъ забылъ о всѣхъ своихъ мудрыхъ правилахъ предосторожности и написалъ ей рѣзкое и отчаянное письмо, полное насмѣшекъ, взрывовъ отчаянія, полное любви и негодованія. „Если даже она не любитъ меня, но мало-мальски чувствующая и чуткая женщина, а не безсердечная бальная красавица, бездушное существо,—она мнѣ отвѣтитъ и отвѣтитъ правду. На такое письмо нельзя не отвѣчать“.

Но Марья Николаевна не отвѣтила. Даже Иванъ, вернувшись, не сказалъ обычнаго: „велѣли кланяться“.

— Что, она больна, тебѣ не сказали люди?

— Ничего не говорили. Должно, здоровы: кататься поѣхали съ тетенькой да съ маленькой барышней, какъ я уходилъ.

„Кататься поѣхала! Такъ вотъ какъ! Она здорова значить, она просто видѣть меня не хочетъ. Ну, хорошо! Но зато отвѣтить мнѣ она должна. Подожду вечера“.

Опять ходилъ Неридовъ по комнатѣ, опять то проклиналъ Мусю и не зная, что приписать ей самаго мелкаго и оскорбительнаго, то призывалъ ее къ себѣ, молилъ пощадить его, отвѣтить ему, дать ему счастье. Опять онъ отослалъ звавшаго его обѣдать Ивана, который, съ фамиллярностью преданнаго деньщика, началъ ворчать:— Да если вы этакъ кушать не будете, такъ и захвораете, похудѣете! Легкое ли дѣло, почитай недѣлю ничего не обѣдаете!

Насталъ вечеръ. Пришла ночь. Письма не было. Ждать больше нечего. Все кончено. Было и прошло.

— Отлично, отлично! — говорилъ себѣ Неридовъ, не раздѣваясь, лежа на постели.— Привыкла всѣми вертѣть, привыкла къ общему поклоненію: „какъ это, молъ, онъ одинъ не у моихъ ногъ“?! Ну и добилась! Измучила, изломала человекѣка и довольна собой: „Я, молъ, честная женщина“. Хорошо, Марья Николаевна. Какъ бы вы потомъ сами не пожалѣли только! Но не безпокойтесь—я стрѣляться не буду! И унижаться предъ вами тоже не стану больше. И такъ уже слишкомъ долго не понималъ, какъ мнѣ надо было себя держать съ вами. Но здѣсь я не останусь— это тоже вѣрно! Да оно и во всякомъ случаѣ къ лучшему. Ольга опять требуетъ денегъ, изъ имѣнія тоже требуютъ. Ну, вотъ я подъемныя получу—прямо ихъ къ Ольгѣ; баби окончательно поручу шапан, и прощайте, Марья Николаевна! предоставляю вамъ упражняться надъ кѣмъ угодно, а съ меня довольно. Прощайте!

Но это слово вызвало опять образъ Муси: изъ-подъ мѣховой шапочки на Дмитрія смотрять грустные черные глаза, и онъ слышитъ: „Ну прощайте! Совсѣмъ прощайте! а я тебя люблю, слышишь, люблю“. Дмитрій со стономъ вскакиваетъ съ постели и принимается вновь ходить по комнатѣ. „Нѣтъ, это невозможно! Это какое-то ужасное недоразумѣніе. Я поѣду къ ней завтра. Я добьюсь отъ нея слова!.. Скоро ли это утро наступитъ?“

Дмитрій прислонился головой къ холодному стеклу. На улицѣ была та полная тишина и пустота, которая въ зимнюю безпокойную петербургскую ночь наступаетъ только на часъ, на два передъ разсвѣтомъ. Фонари печально горѣли, изрѣдка колеблясь подъ порывами вѣтра. Крупными, рѣдкими слезами, со звенящимъ, монотоннымъ шумомъ падала вода отъ таявшаго на крышахъ снѣга, расходясь темными пятнами на тротуарахъ и на твердомъ еще снѣгѣ улицы. Издалека донесся откуда-то тоскли-

вый свистокъ фабрики. И опять все тихо, опять звенять капли да изрѣдка вѣтеръ застучитъ листами крыши на сосѣднемъ домѣ.

Вотъ небо стало бѣлѣть. Вѣтеръ стихъ. Капли все падали. Раздался въ концѣ улицы визжащій, рѣзкій звукъ лопаты, скребущей снѣгъ съ тротуара. Другой такой же звукъ раздался ближе. Вотъ и на тротуарѣ, напротивъ, показался дворникъ въ большихъ рукавицахъ и съ лопатой въ рукахъ. Лѣнливо бредеть домой извозничья лошадь, увозя крѣпко спящаго хозяина, пригнувшаго головой къ козламъ. Вотъ еще мелкой рысцой протрусили двѣ лохматая лошади ночныхъ извозчиковъ. Въ концѣ улицы показалась закутанная фигура фонарщика съ длинной палкой. И фонари стали потухать одинъ за другимъ. Вотъ и послѣдній погасъ. Все кругомъ сѣро и тускло.

Издали доносится басовая металлическая нота колокола, ей отвѣчаетъ другая порѣзче и поближе, и на сосѣдней церкви тоже прозвучалъ какимъ-то замирающимъ стономъ первый ударъ къ заутренѣ. Изъ воротъ большого дома напротивъ вышелъ человѣкъ, остановился, перекрестился на четыре стороны и пошелъ вдоль по улицѣ. За нимъ прошли еще двѣ какія-то темныя фигуры. Медленно проплелась старушонка въ большомъ платкѣ.

Визгъ лопать все усиливался. Раздавался цѣлый дружный хоръ этихъ неприятныхъ, пронзительныхъ звуковъ. Небо еще побѣлѣло, и когда послѣднія ночныя тѣни обѣжали съ домовъ и дороги — въ этомъ безцвѣтномъ, бѣлесоватомъ свѣтѣ начинающагося сѣвернаго дня улица казалась еще пустыниѣ, еще унылѣе.

XI.

— И какая это избитая фраза: „искусство, молъ, смягчаетъ нравы и возвышаетъ душу“! Это такая же банальность, какъ то, что будто „исторія насъ учитъ“. Ничему исторія еще насъ не научила; все дѣлаемъ мы по своему, какъ въ данный вѣкъ и данную минуту намъ требуется!—все это услышалъ Дмитрій еще въ передней Глуховскихъ и тогда же узналъ знакомый басъ Рубцова. — А! — привѣтствовалъ Александръ Андреевичъ Неридова: — здравствуйте, Марсъ! Ну, вотъ вы хоть его въ примѣръ возьмите!—обратился Рубцовъ опять къ Мусѣ и Вешниной: — Онъ тоже, небось, восхищается: „Рубинштейнъ, Шуманъ, Листъ, ахъ!“—и Рубцовъ закатывалъ глаза и присѣдалъ, воображая, что представляетъ меломановъ, и размахивалъ руками:—а вотъ по-

плюют сего Марса на войну, и такъ-то онъ вамъ будетъ этихъ самыхъ турокъ рубить, да и солдатика по дорогѣ нагайкой по спинѣ съѣздить какъ нельзя лучше, можетъ лучше даже того, кто во всю свою жизнь кромѣ полевыхъ сигналовъ и музыки никакой не слыхивалъ. Искусство никогда и нивого не исправляло и не смягчало, и роли такой гувернантки „tenez-vous droite“ не играетъ!

— Но вѣдь вы сами себѣ противорѣчите, Александръ Андреевичъ,—сказала Муся.—Вы намъ сейчасъ только доказывали, что не только итальянцы, которыхъ я вамъ уступаю, но и Шуманъ и Шопенъ—„трень-брень съ трелью“. Значить, музыка, по вашему, должна быть не „трень-брень“, а чѣмъ-то посерьезнѣе и получше. Но не все ли равно, какая она будетъ, если искусство вообще ни къ чему не служить, а такъ себѣ, пріятная игрушка для тѣхъ, кто можетъ и хочетъ ею развлекаться? Такъ пусть у каждаго будетъ игрушка, которая ему нравится; у меня—Шуманъ, у Александры Семеновны—Вагнеръ, у другихъ—Доницетти.

— Ну, или вотъ вы такъ восхищаетесь Верещагинимъ, неужели вы тоже скажете...—начала Вешнина.

— Что его картины къ чему-нибудь служить, нравы смягчаютъ? Все это—съ вздоръ! Вонъ Мольке, вы читали, ему руку жаль: „Ach, Ihre Bilder, Herr Wereschagin, sind prächtig!“

— А онъ это говорилъ?—со смѣхомъ спросила Муся.

— Какже-съ, какже-съ! „Prächtig!“—такъ и сказалъ, а можетъ быть и того трогательнѣе. А на завтра выдать премію тому, кто изобрѣлъ какія-то воздушныя торпедо, чтобъ насъ при случаѣ въ пухъ и прахъ раскатать, такъ что мокренько только останется.

— Ну, премію-то еще не выдать,—опять опровергъ его на этотъ разъ Дмитрій.—Эти торпедо существуютъ пока только въ фантазіи ихъ изобрѣтателя, и только еще...

— Все равно! Завтра другой нѣмецъ получше изобрѣтетъ, такъ Мольке тому премію-то и выдастъ!

— Такъ вы мнѣ объясните, пожалуйста, какъ же вы можете всю свою жизнь—то снимать для вашего общества фотографіи со сенскихъ могилъ, то рыться въ татарскихъ рукописяхъ, добиваться, взяли ли финны у татаръ, или татары у финновъ кабую-то балалайку, или даже какую-то завитушку на балалайкѣ, отыскивать какую-то „свастику“ и радоваться, если она окажется у татаръ: это, моль, тѣ и тѣ обозначаетъ. Однимъ словомъ, не только самимъ искусствомъ, но даже прикладною его стороною

заниматься съ такою страстью и интересомъ, и послѣ того объявлять намъ, что искусство—такъ, само по себѣ, а жизнь сама по себѣ?

— Положимъ,—сказала Вешнина, опять перескакивая,—я тоже согласна съ тѣмъ, что все это росеешь, и меня всегда возмущаетъ, когда я читаю, что тамъ или здѣсь городъ отпустилъ такіа-то суммы на театръ или рисовальную школу. Это, мнѣ кажется, слѣдовало бы сдѣлать въ XX-мъ столѣтіи. А намъ пока должно позаняться больницами, шеолами, ночлежными домами...

— Чѣмъ вы и занимаетесь!—любезно замѣтилъ вошедшій Петръ Михайловичъ.—Значить, вы одна дѣлаете въ нашъ вѣкъ то, что слѣдуетъ. Ну, а что до меня касается, то я прямо скажу, что, право, не знаю, какъ бы я жилъ, еслибъ не всѣ эти рисовальныя шеолы, картины и музыка. Знаете, когда ты тутъ да тамъ постоянно видишь гадость, грубость, все васъ обманываетъ, все идетъ скверно, все портятъ, тормазятъ, и самъ-то ты ничего въ свою жизнь не сдѣлалъ и сдѣлать не можешь, такъ и уходишь поскорѣе въ искусство: тутъ все вѣчно, хорошо, истинно, все идетъ впередъ. Тутъ жизнь, живой духъ!

— Но вѣдь это безобразіе, это позоръ нашей цивилизаціи, что мы вонъ накупаемъ себѣ картины и рояли тысячные, тогда какъ миллионы людей умираютъ съ голода, или у нихъ нѣтъ ничего, кромѣ корки хлѣба! Я думаю, вы и сами не прежде играете, какъ пообѣдавъ и притомъ очень вкусно. А во всякомъ случаѣ, уходить въ искусство, какъ вы выражаетесь, это значитъ эгоистично закрывать глаза на настоящую жизнь, это „искусство для искусства“, это значитъ прятаться въ разные „сладкіе звуки, розы и грезы“,—съ пафосомъ говорила Вешнина.

— Это громкія слова, Александра Семеновна! Очевидно, я не имѣлъ бы времени ни играть, ни вообще заниматься искусствомъ, еслибы долженъ былъ добывать себѣ хлѣбъ. Можетъ быть, очень хорошо было бы для всего міра, еслибы мы съ вами принялись пахать или дома строить, но вѣдь это все „еслибы“! Ни пахать, ни строить я не умѣю. Если теперь я этимъ займусь, никому отъ этого лучше не будетъ. А вотъ если я откажусь отъ всего того, что для меня составляетъ главный и лучший интересъ въ жизни, мнѣ навѣрное будетъ очень плохо. Да такъ и со всякимъ, кто любитъ, понимаетъ искусство и привыкъ жить разными сторонами души. Вотъ вы спросите Мусю (она, кстати, такъ много играетъ послѣднее время), спросите, какъ бы она жила безъ музыки и всего тому подобнаго?

Дмитрій, котораго мало интересовалъ этотъ споръ, и который

былъ къ тому же крайне раздраженъ и разстроенъ тѣмъ, что не засталъ Марью Николаевну одну, обратился къ ней, радуясь, что разговоръ повернуть на личные темы:

— Въ самомъ дѣлѣ, Марья Николаевна? Вы много играете? А я вѣдь заключилъ, что вы такъ были больны, что не выходили изъ своей комнаты. — Онъ прямо посмотрѣлъ ей въ глаза.

Краска залила лицо Муси, когда она отвѣтила: — Нѣтъ, я вовсе не была настолько больна, я много играла, но изъ комнаты я дѣйствительно не выходила и никого не принимала. — И снова Муся поблѣднѣла.

— Да какое же тутъ „принимать“, когда у нея по два, по три раза въ день дѣлались какія-то удушья, спазмы въ горлѣ, и она какъ-то хрипѣла и дышала на всю комнату, — вмѣшался опять Петръ Михайловичъ, говорившій у окна съ Вешниной.

— Нѣтъ, нѣтъ, это все пустяки, все прошло, я совсѣмъ здорова! — перебила послѣшно Муся. — А вотъ вы лучше скажите, — говорила она съ какою-то лихорадочною живостью, — скажите мнѣ, Александръ Андреевичъ, видѣли ли вы Барная? Не правда ли, что у него удивительно изучены всѣ жесты, малѣйшее движеніе?

Опять всѣ заговорили разомъ. Рубцовъ восторгался костюмами. Вешнина огорчалась, что ни одного таланта въ труппѣ нѣтъ. Дмитрій пытался нѣсколько разъ разспросить Марью Николаевну объ ея здоровьѣ или игрѣ, чтобы завести съ ней отдѣльный разговоръ, но Муся всякій разъ очень ловко заставляла его переходить на другое и опять вмѣшивала въ общую бесѣду.

Только теперъ Дмитрій разглядѣлъ, какъ Муся за эти дни поблѣднѣла и измѣнилась. Большіе черные глаза казались совсѣмъ огромными на похудѣвшемъ лицѣ; между тонкими бровями легла какая-то болѣзненная дума, и даже капризная лѣвая бровь не поднималась, когда Муся смѣялась. Да и улыбка была какая-то не живая. Что-то потухло въ этомъ миломъ лицѣ, и всякаго, кто давно не видѣлъ Марью Николаевну, поражала эта перемѣна, хотя никто не могъ отдать себѣ отчета, что измѣнилось. Но Дмитрія не тронула эта перемѣна. „Сама виновата“, — говорилъ его почти враждебный взглядъ. Неридовъ начиналъ серьезно злиться; его злили всѣ эти лишніе люди, мѣшавшіе ему поговорить съ нею, злила ея выдержка и спокойствіе, ея непринужденная, казалось, болтовня. И всего болѣе то, что, какъ онъ понималъ, Муся все это время не была настолько больна, чтобы его не видѣть. Значитъ, она нарочно его не принимала. Это уже былъ верхъ жестокости. Да, теперъ онъ былъ убѣжденъ, что все

это былъ капризъ избалованной красавицы. Что она похудѣла, такъ это навѣрное просто отъ лихорадки. Очень нужно было въ такой морозъ такъ неосторожно распахивать шубу! А можетъ быть Муса дѣйствительно была разстроена, раздосадована тѣмъ, что эта исторія такъ противорѣчила ея планамъ; она вѣрно считывала, что позабудется, весело проведетъ время; „сегодня, моль, люблю, завтра уже довольно“. А онъ, дуракъ, все это принялъ такъ серьезно, такъ горячо. Хорошо же! Онъ накажетъ ее. Онъ заставитъ ее пожалѣть о немъ! Онъ заставитъ ее раскаться въ своемъ безсердечномъ кокетствѣ, въ этой игрѣ съ огнемъ!

Раза два Дмитрій, вмѣшавшись въ разговоръ, довольно рѣзко и колю поднялъ на смѣхъ слова Мусы. Она внимательно поглядѣла ему въ лицо и только еще больше поблѣднѣла. Но онъ этого не замѣтилъ.

Наконецъ, Вешнина собралась уѣзжать, заставивъ Мусю дать ей слово помѣстить 12 билетовъ на имѣвшійся въ виду благотворительный вечеръ. Дмитрій воспользовался общимъ движеніемъ и разговоромъ, чтобы спросить Марью Николаевну, прямо глядя ей въ глаза.

— Вы получили мое письмо?

— Получила! — отвѣтила Муса, спокойно выдерживая его взглядъ.

— Кажется, простая вѣжливость требуетъ отвѣта? — со злою нотой въ голосѣ договорилъ Дмитрій, въ то же время дѣлая шагъ къ Вешниной, которая протягивала ему руку, прося и его взять билетовъ для раздачи.

— Сочтите меня на этотъ разъ невоспитанной и невѣжливой, — почти шопотомъ сказала Марья Николаевна.

— Такъ отвѣта не будетъ? — еще рѣзче переспросилъ Неридовъ.

— Не будетъ. — Муса какъ-то странно улыбаясь и странно расширенными глазами смотрѣла ему прямо въ глаза.

— Что же, Дмитрій Алексѣевичъ, возьмете дюжину? — еще разъ громко спросила Вешнина уже изъ дверей.

— Право, боюсь ручаться, Александра Семеновна! — Дмитрій говорилъ очень громко и съ особенными удареніями. — Какъ вы вѣроятно слышали, я получилъ назначеніе въ Азію, и можетъ быть скоро придется уже ѣхать; много хлопотъ передъ отъѣздомъ, пожалуй и не успѣю о билетахъ хлопотать.

— Въ Азію? въ Ферганъ? въ Мервъ? Куда? — воскликнула Вешнина. — Ахъ, вотъ новость! я и не знала. Воображаю, какъ это неприятно вамъ! Бѣдная Оленька! Она, навѣрное, въ отчаяніи.

— Напротивъ, мы оба очень довольны!

— Подите вы! Не говорите пустяковъ! А что касается до хлопотъ передъ отъѣздомъ, то они нисколько не помѣшаютъ билетамъ. Напротивъ! Вы прїѣзжаете съ прощальнымъ визитомъ и сейчасъ даете билетикъ: „сдѣлайте-моль мнѣ въ послѣдній разъ удовольствіе, чтобы я и въ Ферганѣ вспоминалъ о васъ, какъ о добрѣйшемъ человѣкѣ“. *C'est une idée!* Я вамъ даже пятнадцать пришлю по этому случаю.—И Вешнина, очень довольная своей шуткой, еще разъ пожала всѣмъ руки и уѣхала.

Теперь Дмитрій уже совершенно не могъ найти минуты поговорить съ Марьей Николаевной. Рубцовъ завидаль его вопросами и порученьями. Петръ Михайловичъ радовался за него, что ему удастся увидѣть такую малоизвѣстную и интересную страну, а можетъ быть придется еще играть видную роль.

— Знаете, мы такъ вдругъ читаемъ въ „Daily News“: m-g Neridoff, the celebrated russian officer, — весело фантазировалъ Бобринъ.—И потомъ, знаете, масса разныхъ англійскихъ страховъ: „онъ, моль, изслѣдовалъ всю границу, строитъ уже дорогу прямо къ Инду, подвупилъ афганцевъ and the polar bear is almost master of the country“.

Дмитрій долженъ былъ рассказать о точномъ значеніи миссиі, въ которой онъ принималъ участіе, поспорить съ Рубцовымъ о нашихъ настоящихъ выгодахъ и невыгодахъ занятія Мерва. Онъ самъ не понималъ хорошо, что онъ говорилъ и какъ онъ могъ говорить; онъ только чувствовалъ все время, какъ страшное отчаяніе охватываетъ его, и только видѣлъ передъ собою веселое, торжествующее, какъ ему казалось, лицо Мусы. А она неподвижно сидѣла въ уголку дивана и въ самомъ дѣлѣ все такъ же улыбалась какою-то странною, застывшею улыбкой.

Наконецъ, Дмитрій не выдержалъ.—Марья Николаевна! Вы точно радуетесь моему отъѣзду. Ужъ это не по-дружески. Это ужъ нехорошо!

Муса не сразу отвѣтила, и, когда она наконецъ заговорила, ея голосъ былъ немного беззвученъ и низокъ, но въ лицѣ ея ничто не дрогнуло, и разсѣянная улыбка не исчезла съ почти безъ кровныхъ губъ и изъ огромныхъ темныхъ глазъ.—Я, конечно-за васъ радуюсь, Дмитрій Алексѣевичъ! И даже завидую вамъ. Вы такъ много новаго увидите и услышите. Ну, хотя бы, на примѣръ, разные восточные мотивы. Вотъ вы ихъ запишите и привезите Ронскому или Кузьмину; они симфонію восточную напишутъ и вамъ вѣкъ благодарны будутъ.

Петръ Михайловичъ обернулся-было на странный звукъ голоса Мусы, но въ это время влетѣли Нина и Люба Бергъ.

Дмитрій потерялъ терпѣніе.—Марья Николаевна!—обратился онъ къ Мусѣ, воспользовавшись тѣмъ, что Нина и Люба съ первыхъ же словъ о чемъ-то горячо заспорили съ Рубцовымъ, а Бобринъ сталъ, смѣясь, ихъ еще болѣе поддразнивать.—Марья Николаевна, я ничего не понимаю! Я васъ совершенно не понимаю. Мы оба пресерьезно дѣлаемъ какой-то ужаснѣйшій вздоръ. Въ самомъ дѣлѣ, въ такіе дни, въ такое время, когда намъ надо было бы видѣться почаще и говорить, говорить безъ конца, договориться до чего-нибудь рѣшительнаго, мы играемъ въ какія-то прятки. Т.-е. играете вы, а не я!—и голосъ его опять сталъ жесткимъ.—Я только о томъ и думаю, только того и добиваюсь, чтобы скорѣе, скорѣе кончилось это невозможное, невыносимое, неопредѣленное положеніе. А вы? Вы меня нарочно не принимаете, притворяетесь больной,—говорилъ Перидовъ, все ближе наклоняясь къ Мусѣ и все болѣе горячась.—Да, притворяетесь, потому что вонъ я слышу, что вы и играете, и сегодня я у васъ засталъ массу народа!—все съ болѣею настойчивостью говорилъ онъ.

Когда онъ заговорилъ, съ ея лица сбѣжала послѣдняя краска вмѣстѣ съ улыбкой, и среди его мертвенной бѣлизны одни черные глаза горѣли испуганнымъ блескомъ, но при послѣднихъ словахъ Мусы опять почти насмѣшливо улыбнулась.

Дмитрій оковчательно потерялъ всякое самообладаніе:—Нѣтъ, это ужъ Богъ знаетъ что такое!—почти громко заговорилъ онъ.—Вы смѣетесь! Надъ чѣмъ вы смѣетесь? Вамъ смѣшно, что человѣкъ, который на своемъ вѣку испыталъ не мало, тутъ попался, какъ мальчишка, повѣрилъ Богъ знаетъ чему и голову потерялъ. Такъ ни смѣшного, ни веселаго тутъ ничего нѣтъ! И только женщины способны забавляться тѣмъ, что ломаетъ всего человѣка, всю душу ему разрываетъ... Да отвѣчайте же вы что-нибудь! Говорите! Я не понимаю, какъ вы могли, какъ вы можете молчать. Я сейчасъ уйду, я совсѣмъ уйду, Муся! Мы съ вами, можетъ быть, и не увидимся больше, такъ отвѣчайте мнѣ хоть теперь, что все это значить? Вы казались мнѣ всегда непохожей на всѣхъ женщинъ—неужели же у васъ теперь не хватаетъ честности сказать мнѣ правду въ глаза!

— Я вамъ все сказала,—прошептала Муса чуть слышно.— Больше... больше я... больше я ничего не могу вамъ сказать и не скажу!—Она поднялась, слегка пошатнулась, но потомъ твердо и быстро подошла къ Нинѣ.

— Что это ты такъ давно у меня не была?

Дмитрій вскочилъ.—Однако я засидѣлся!—сказалъ онъ какимъ-то неприятно-развязнымъ тономъ.—Пора и честь знать!—онъ подчернулъ это слово, горько улыбувшись надъ самимъ собой.—Постараюсь передъ отъѣздомъ забѣжать къ вамъ, Петръ Михайловичъ, и попрощаться съ Сережей. Честь имѣю кланяться, Марья Николаевна! Нина Михайловна, Любовь Михайловна, счастливо оставаться!—И онъ быстро пошелъ по залѣ.

— Постойте!—протягивая впередъ руку, точно удерживая его, сказала Муся.—Постойте, Нина и Люба!—и она провела рукой по лбу, припоминая что-то.—Подождите меня одну минуту, я забыла передать ему порученіе къ Ольгѣ.—Муся сдѣлала нѣсколько нетвердыхъ шаговъ къ залѣ.—Впрочемъ нѣтъ! Не надо. Я сама напишу ей.—И Муся вернулась въ гостиную.—Такъ отчего же ты у меня не была такъ давно?—лихорадочно оживленно заговорила Марья Николаевна, усаживая Нину подлѣ себя на диванъ. Любочка уже опять спорила съ Рубцовымъ.

— Да видишь ли, мнѣ надо было писать свое выпускное сочиненіе, такъ-называемую диссертацию, ну а потомъ мама была все...—начала Нина и вдругъ испуганно закричала:—Люба, Люба, Александръ Андреевичъ! Что это съ ней?! Посмотрите! Что это съ ней?! Дайте воды скорѣе!

Муся, вся бѣлая, неподвижно лежала поперекъ дивана; голова ея неестественно свѣсилась черезъ ручку, изъ полуоткрытаго рта вырывалось прерывистое дыханіе, руки ея судорожно прижимались къ груди, черные остановившіеся глаза были широко раскрыты.

ХІІ.

Звѣздная мартовская ночь. Влажный, теплый вѣтеръ прогналъ на сѣверо-востокъ всѣ дождевыя облака, цѣлые три дня поливавшія улицы проливнымъ дождемъ, смывшимъ и послѣдніе слѣды снѣга на почернѣлой Невѣ. Теперь вѣтеръ, внезапно налетая изъ-за угла, силится задуть ряды плошекъ, красноватымъ, дрожащимъ свѣтомъ озаряющихъ нижнія окна домовъ, вывѣски и трепещущіе у подѣздовъ флаги; и при каждомъ такомъ дуновеніи колеблющійся свѣтъ пробѣгаетъ по мокрой мостовой, заставляя тамъ и сямъ, по лужамъ, вспыхивать красноватые огоньки.

Уже одиннадцатый часъ, но улицы полны народомъ. Вереницы каретъ и извозчиковъ обгоняютъ и пересѣкаютъ путь такимъ же

безконечнымъ вереницамъ пѣшиходовъ, слѣдующихъ по всѣмъ направлениямъ. Большинство этихъ пѣшиходовъ несетъ узелки въ рукахъ. На Невскомъ такъ же людно, какъ днемъ. У Казанскаго собора особенно густая толпа, море людей, разлившееся безконечными ручьями въ одну сторону почти до Полицейскаго моста, а съ другой стороны соединившееся съ такимъ же людскимъ потокомъ у гостиннодворской часовни. На паперти католическаго собора тоже толпа, и въ раскрытыя настежь двери видна вся горящая огнями церковь.

Любочка Бергъ ѣдетъ съ отцомъ, матерью и сестрой въ одну изъ домовыхъ церквей. Чтобы не помять своего новаго, удивительнаго, по ея мнѣнью, платья, она надѣла пальто въ накидку, несмотря на всѣ увѣщанія матери. И хоть она увѣряла дома, что „на улицѣ страшная жара“, однако теперь она каждую минуту старается осторожно запахнуть расходящіяся полы этого моднаго, неудобнаго пальто. Въ ея чернокудрой головкѣ съ маленькой высокой прической, почти пропадающей подъ припигленнымъ на самой маковкѣ необычайно высокимъ букетомъ, бродятъ, должно быть, самыя радостныя мысли, такъ какъ всякій разъ, когда въ карету падаетъ свѣтъ фонаря, Нина видитъ передъ собой улыбающееся лицо и безпрестанно спрашиваетъ: „Что ты смѣешься, Люба?“ — На что Любочка неизмѣнно отвѣчаетъ: „Такъ, ничего“. — И вдругъ она обращается къ отцу: — Папочка, миленькій! ты хоть посиди въ дортуарѣ, чтобы не устать, только останемся пожалуйста до тѣхъ поръ, пока придутъ изъ дворца. Мнѣ очень, очень нужно дожидаться всего этого!

— „Очень нужно“! — передразниваетъ ее отецъ, однако со своей всегдашней добротой тотчасъ и соглашается.

Приѣхали. Нина и Люба послѣшно высказываютъ, бѣгутъ въ сѣни и, такъ же послѣшно сбросивъ на руки лакея и швейцара свои пальто и платки, торопливо поднимаются по лѣстницѣ. Любочка стаскиваетъ перчатку съ правой руки и по виду и шагу входящихъ старается опредѣлить, не опоздали ли онѣ къ началу, много ли уже собралось, и гдѣ имъ удастся стать. Вотъ она поднимаетъ портьеру, закрывающую дверь, и, перекрестившись, немного робко начинаетъ пробираться вслѣдъ за сестрой, между разряженной толпой, шепчущей и переговаривающейся въ ожиданіи начала службы. Дойдя до колоннъ, Нина беретъ влѣво къ стѣнѣ, останавливается и оглядывается. Любочка становится подлѣ нея и тоже оглядывается. Въ первую минуту глаза ея разбѣгаются, и она плохо разбираетъ въ этой свѣтлой, тѣсно-скупчен-

ной толпѣ, обдавшей ее со всѣхъ сторонъ. Церковь еще слабо освѣщена. Съ клироса доносится чтеніе.

Любочка въ продолженіе нѣкотораго времени старается не развлекаться окружающимъ и молиться. Она религіозна, но никогда не можетъ хорошо молиться въ эту заутреню; Любовь все кажется, что ужасно долго не начинается крестный ходъ, и все хочется, чтобы онъ скорѣе начался. Великій постъ, его печальныя службы, исповѣдь, всегда до глубины души ее трогаящая, полумракъ церкви, что-то серьезное и строгое—все это уже кончилось для Любочки еще вчера, когда она поздно вечеромъ пріѣхала домой отъ исповѣди съ чувствомъ обновленія и святости, и до того была внимательна ко всякому своему поступку, что для того, чтобы не поступить противъ желанія матери, согласилась выпить чашку чая между исповѣдью и причащеніемъ,—а это было противъ ея убѣжденій, но она не хотѣла согрѣшить непослушаніемъ тотчасъ послѣ таинства. Длинная литургія утромъ въ субботу, церковь, озаренная солнцемъ, свѣтлыя ризы духовенства, радостно-блаженное причастное настроеніе, бѣлое платье, поздравленія—все это уже какъ-то не относилось къ великому посту. Это уже было начало праздника, который точно уже чувствовался въ воздухѣ, подходилъ неслышно и все-таки ужасно долго не наступалъ. И это былъ удивительно хорошій день—страстная суббота. Чувство какой-то чистоты и святости послѣ причащенія смѣшивалось съ этимъ радостнымъ ожиданіемъ и ощущеніемъ приближенія праздника, и потому никогда и ни за что Любочка не рѣшилась бы говѣть не на послѣдней недѣлѣ и пріобщаться не въ субботу. И Любочка бродила весь день изъ комнаты въ комнату, не принимаясь ни за что: работать послѣ причащенія грѣшно, а главное—это очень поворобить старуху няню; читать не хочется; играть нельзя, такъ какъ вѣдь даже говорить громко въ этотъ день нельзя, поютъ же за обѣдней: „Да молчить всякая плоть человѣча“... Вотъ принесли большую корзину цвѣтотъ;—то, навѣрное, папа прислалъ сюрпризъ для мамы. И вслѣдъ затѣмъ, входя въ свою комнату, чтобы еще разъ пересмотрѣть всѣ свои самодѣльные и купленные подарки для всѣхъ домашнихъ, Люба видитъ на окнахъ и письменномъ столѣ розы и гіацинты, а въ противоположную дверь стремительно выскакиваютъ Юрочка и Петя. — „Ахъ вы этакіе! да какъ вы смѣете такъ меня баловать!“—и Любочка такъ же стремительно выскакиваетъ—бывало за ними въ корридоръ, готовая пролетѣть его съ топотомъ и смѣхомъ до самой комнаты мальчиковъ, но вспоминаетъ, какой сегодня день, и чинно, стараясь быть какъ можно благодарна и

пѣжиѣ къ братьямъ,—идеть ихъ поцѣловать... Уже отобѣдали. Вотъ уже мамѣ принесли на ревизію всѣ куличи, крашенныя яйца и все вообще, что готовить къ завтрашнему дню. А весенній, долгій вечеръ все не хочетъ кончатся. Однако, вотъ уже Петя уѣхалъ заранѣе въ церковь: воспитанники должны быть въ сборѣ къ 10¹/₄ часамъ. Вотъ Любочка поспѣшно одѣвается, стараясь не забыть, что, несмотря на бѣлое платье и цвѣты, не надо надѣвать по возможности никакихъ украшеній, такъ какъ „вѣдь церковь—не бальная зала“... Вотъ уже Любочка въ передней и съ неудовольствіемъ рѣшается надѣть валопи: „страшная жара на улицѣ!“ Но бѣлые башмачки такъ милы, а всѣ эти дни такой былъ дождь, и, главное, уже такъ поздно, что спорный вопросъ рѣшенъ очень скоро, — Любочка уже бѣжитъ по лѣстницѣ, пробѣгаетъ мимо швейцара, и вотъ она съ отцомъ, Ниной и мамой уже въ каретѣ, и въ окна уже мелькаютъ плошки на площади (съ прошлой зимы Берги жили въ Новоисакиевской), вотъ флаги на Невскомъ, но карета, кажется, не двигается съ мѣста. „И всегда это Андрей найметъ такую карету, что ѣдешь три часа, и навѣрное мы опоздаемъ“... Однако доѣхали не только во-время, но даже „Богъ знаетъ какъ рано“, стали хорошо, и все вообще хорошо, очень хорошо, и главное, такъ весело, такъ радостно! И ужасно хочется, чтобы скорѣе заплѣли: „Христось воскресе“. Но до этого еще долго!

Вотъ только-что раздается густое діаконовское: „Вонмемъ!“ Толпа зашевелилась, крестясь. Степенно оборачиваясь, одни у другихъ начинають зажигать свѣчи. Тихій шопотъ тамъ и сямъ: „Allumez donc votre cierge“. — „Благодарю васъ“. — „Позвольте“. — „Merci“. — Нѣсколько секундъ слышенъ порохъ платьевъ, легкій трескъ свѣчей. Потомъ все успокоивается, всѣ становятся въ прежнія позы, только вся церковь сіяетъ сотнями маленькихъ огней.

Любочка осматривается, осторожно заслоня свѣчу рукой, чтобы не подпалить легкаго голубого платья стоящей передъ нею молоденькой дѣвочки съ длинной русой косой. — Нина, Нина! — шепчетъ Люба черезъ минуту: — *regarde à gauche, je crois que c'est Nelly Kernъ en rose*. А видишь, сейчасъ за ней Ольга Павловна. Только она одна, я нигдѣ не вижу Дмитрія Алексѣевича. Кажется, она хорошо одѣта очень.

— *Voyons, tais-toi!* На тебя оборачиваются! — не повернувъ головы и даже не взглянувъ на сестру, тихонечко наставляеть Нина.

„Что же это, какъ долго не начинается шествіе?“ — думаетъ

Любочка. Еще только-что сторожа послѣшно убираютъ катафалкъ изъ-подъ плащаницы, коверъ и свѣчи, и довольно нецеремонно раздвигаютъ публику, приговаривая: „Позвольте, позвольте, господа“, отодвигая катафалкъ къ стѣнѣ. Но вотъ шествіе начало строиться у алтара, и вотъ оно потянулось. Впереди идетъ бѣлокурый, плотный воспитанникъ съ фонаремъ; за нимъ два очень высокіе юноши съ хоругвями; другіе воспитанники съ образами, свѣчами; потомъ, за идущимъ къ нимъ лицомъ регентомъ, нѣвчіе воспитанники; потомъ басы—не-воспитанники; еще ученики со свѣчами; духовенство, начальство; потомъ маленькіе, крошечные мальчики въ бѣлыхъ воротничкахъ; другіе побольше, безъ воротничковъ, еще и еще, все бѣльшіе и бѣльшіе, и потянулись безчисленныя пары воспитанниковъ.

Сестры и матери приподнимаются на носкахъ, заглядываютъ впередъ и назадъ, отыскивая своихъ. — „Видѣла Васю?“ — „Гдѣ?“ — „Онъ шель съ Ивановскимъ“. — „А Петя несъ что-нибудь?“ — „Александръ Александровичъ шель съ иконой“.

Вотъ уже послѣднія пары замелькали живѣе, прибавляя шагъ. За ними прошли нѣкоторые бывшіе воспитанники, за ними отхлынула и часть толпы. Въ церкви сразу стало просторно и тихо послѣ только-что замолкшихъ шаговъ нѣсколькихъ сотенъ людей.

Сторожа, торопясь и звеня хрустальными подвѣсками люстры, зажигаютъ свѣчи въ ней. Въ церкви всѣ почти задвигались; одни продвигаются больше впередъ; другіе, напротивъ, становятся ближе къ дверямъ залъ, чтобы потомъ легче уйти. Раскланиваются, улыбаются знакомымъ. Многіе тушатъ свѣчи, прислоняются къ колоннамъ или переступаютъ съ ноги на ногу. Величина стала рядомъ съ Бергами. Юрочка размыскалъ пріѣхавшаго къ празднику изъ деревни князя Острожскаго и вполголоса говорилъ съ нимъ. Къ нимъ же вскорѣ подошелъ и Сергѣй Глуховской. Почти повсюду слышенъ сдержанный шопоть.

И вдругъ, откуда-то издали, изъ дальнихъ залъ, доносится обрывокъ пѣнія. Шопоть обрывается. Всѣ прислушиваются, крестятся. Потомъ опять шепчуть.

— Здравствуйте, Любочка! какая вы сегодня хорошенькая! — тихонько говорила Величина. — Вы съ кѣмъ? Папа, татапа, братья? Гдѣ они? Ахъ да, да! вижу! Юрій Михайловичъ говоритъ съ Глуховскимъ... А вы знаете, эта бѣдная Муса...

— Что? что?!—неволью громко спрашиваетъ Люба и конфузится своего громкаго восклицанія.—Я такъ давно у нея не

была. Эта погода... и потомъ я говѣла, — сразу перемѣняетъ она голосъ на едва слышный попотъ.

— Да вы знаете, эти припадки кашля и удушья, что ее мучили весь конецъ зимы?..

— Ну да! ну да!

Тутъ онѣ замолкають, и у Любочки застучало сердце, такъ какъ она ясно разслышала, что донесшійся до нихъ обрывокъ пѣвннн былъ уже не протяжный, тихій, а мѣрный, точно отчеканиваемый, почти веселый напѣвъ... Опять все смолкло.

Теперь заговорила уже Нина.

— Что же съ Мусей? — тихо спросила она Вешнину, не поворачивая головы и не измѣняя своей спокойной позы.

— Такъ вотъ, видите, ей стало особенно плохо въ концѣ пятой недѣли. Призвали доктора, и онъ сказалъ, что это астма, и чтобъ Мусю, не дожидаясь ни минуты, ѣхала за границу, главное, чтобъ уѣхала, пока Нева не пошла.

— Ахъ, Боже мой!.. — взглядывая испуганными глазами въ сторону Сергѣя, начала было Люба, но въ эту самую минуту такъ явственно раздалось гдѣ-то уже невдалекѣ: „Христось воскресе изъ мертвыхъ“. Наконецъ! наконецъ Люба слышитъ это пѣвннн; она забываетъ все, что сейчасъ слыхала печальнаго, ей вновь радостно на душѣ.

Двери открываются. „Христось воскресе изъ мертвыхъ!“ — гудятъ басы: — „смертію смерть поправъ“. Жиденькіе голоса пѣвчихъ воспитанниковъ отвѣчаютъ имъ тотчасъ: „И сущимъ во гробѣхъ животь даровавъ!“ — И вотъ опять мелькають мимо свѣчи, хоругви, напряженное лицо регента, безчисленныя пары воспитанниковъ.

— Христось воскресе! Христось воскресе! Христось воскресе! — благоговѣнно говорить священникъ.

— Во истину воскресе! — перекатывается по церкви отвѣтъ молящихся, сдержанный тамъ, гдѣ стоитъ публика, и дружно гудить, дойдя до рядовъ воспитанниковъ.

У Любочки на душѣ такъ же свѣтло и радостно, какъ и въ церкви. Удивительная служба!

И вдругъ она вспоминаетъ Мусю. „Бѣдная, она больна, ей плохо. И здѣсь ея нѣтъ! А всегда бывала! Въ прошломъ году какая она была прелестная и еще такъ мило похристосовалась съ Юрой. Неужто ей такъ худо?“

Заутреня кончилась. Всѣ зашевелились. Тушатъ свѣчи, христосуются, поздравляютъ другъ друга. Люба счастлива, что пер-

вая поздравила свою маму и счастливо глядитъ на подходящихъ родныхъ и знакомыхъ.

— Что Марья Николаевна? Ея тутъ нѣтъ? — спрашиваетъ м-ше Бергъ, отвѣтивъ на поздравленіе подошедшаго къ нимъ Глуховскаго.

— Какое, Любовь Васильевна! Она только четыре дня какъ встала. Вотъ настояла, чтобъ я хоть пріѣхалъ въ свою alma mater. Говорить, что не можетъ себѣ представить, какъ я въ эту ночь не буду здѣсь... А вы, Нина Михайловна, и вы, Любовь Михайловна, заѣзжайте къ ней поскорѣе. Она хотѣла вамъ писать, да я этому воспротивился. А она скоро ѣдетъ, вѣроятно уже въ среду. Пріѣзжайте непременно, она такъ будетъ рада! Но не заговаривайтесь! — прибавилъ онъ, печально улыбаясь: — вѣдь вы, я знаю, страшная болтушка!

Вмѣстѣ съ толпою они вышли изъ яркаго свѣта церкви въ полумракъ дортуаровъ.

— Куда же она ѣдетъ? — спросила Люба, идя рядомъ съ Сергѣемъ; Нина съ матерью и братомъ шла передъ ними.

— Да сначала въ Висбаденъ, а потомъ, лѣтомъ, на Риги или въ Рейхенгалль; это ужъ какъ тамошніе доктора рѣшатъ.

— Господи, вотъ ужасно! Всегда была такая здоровая... — начала было Люба, но, увидѣвъ, какъ по всегда спокойному лицу Сергѣя вдругъ пробѣжала точно судорога, спохватилась и поспѣшно прибавила:

— Да это все скоро пройдетъ. Очень можетъ быть, что доктора все преувеличиваютъ; я увѣрена, что это ничего!

— Дай Богъ, дай Богъ! Только вы сами увидите, какая она стала!.. Однако, теперь честь имѣю кланяться: я здѣсь былъ и исполнилъ желаніе Муси, а ужъ дольше оставаться не могу, я ни минуты не спокоенъ, когда не съ нею теперь. Вотъ вашъ второй братъ и Острожскій. Вы мнѣ позволите уступить имъ свое мѣсто?

— Еще бы, еще бы! — сказали въ одинъ голосъ Нина и Люба, издали уже улыбаясь брату и Острожскому, которые ихъ разыскивали въ нарядной, шумно поздравлявшей другъ друга толпѣ. И Нина прибавила: — Если это не повредитъ, не утомитъ Мусю, я завтра же пріѣду къ ней. Можно, Сергѣй Александровичъ?

— Пожалуйста, пожалуйста, милая Нина Михайловна! Это будетъ ей хорошо. А то она такая пригнетенная, такая грустная, что просто не знаешь, чѣмъ ее пріободритъ!

Подошли Петя и Острожскій, раздались вновь поздравленія и поцѣлуи. Сергѣй откланялся и поспѣшно пошелъ къ выходу,

а Нина и Люба, одна подъ руку съ Острожскимъ, другая съ братомъ, стали вмѣстѣ съ толпой медленно подвигаться черезъ слабо-освѣщенные дортуары, гдѣ на кроватяхъ сидѣли, отдыхая и тихо разговаривая, матери и сестры воспитанниковъ; потомъ шли черезъ какія-то комнаты съ высокими шкапами, потомъ нѣсколько секундъ выдерживали давку въ дверяхъ большой залы, куда старались пройти одни и откуда уже возвращались другіе, наконецъ они попали и въ самую эту большую залу. Тутъ было прохладно и свободно. Взадъ и впередъ ходили воспитанники съ родными, барышни по двѣ и по три, дамы, военные. Вездѣ слышались веселые голоса, смѣхъ, поцѣлуи. Внезапно то тѣ, то другіе останавливались, встрѣчая знакомыхъ, или воспитанникъ отыскивалъ своихъ родныхъ, которыхъ уже долго тщетно искалъ по заламъ и дортуарамъ; опять раздавались восклицанія и поцѣлуи.

Вотъ одинъ маленькій воспитанникъ старается догнать товарища, идущаго съ сестрой.

— Грейнертъ, Грейнертъ!—окликаетъ онъ.—Je vous demande pardon, mademoiselle! — Не забудь завтра заѣхать расписаться къ Ѡадееву, а то придирается будетъ. Мы всѣ ѣдемъ.

— Да, да знаю. Катя, позволь тебѣ представить Жиркова!

Маленькая барышня и маленькій молодой человѣкъ церемонно раскланиваются и поздравляютъ другъ друга со свѣтлымъ праздникомъ.

— Мѣшковъ получилъ Бѣлаго Орла,—говоритъ, проходя, бѣлокурая дама, сияя бѣлымъ атласомъ платья и безчисленными брилліантами, приколотыми во всѣхъ направленіяхъ среди кружевъ корсажа и въ волосахъ.

— On le dit, on le dit! — иронически поднимая плечи, отвѣчаетъ идущій съ нею высокій господинъ съ длинными висячими бакенбардами и въ лентѣ.

— А Роденбергу рескриптъ,—добавляетъ низенькій и толстенный господинъ, тоже въ лентѣ.

— Ну, чтожъ, это такъ и слѣдуетъ,—одобряетъ дама.

— Господи! Коля! посмотри, какими судьбами Шредеръ не во дворцѣ, и, видишь, въ аксельбантѣ? Видишь, у стѣны налѣво?—необычайно тонкимъ голосомъ щебечетъ толстенная барышня въ розовомъ брату-правовѣду.—Да, да, вѣрно его адъютантомъ назначили.

— Шредеръ! Поздравляю!—окликаетъ гвардейца правовѣдъ, жестомъ рисуя у себя на плечѣ и груди аксельбантъ.

Шредеръ издала съ особенной аффектаціей почтительности медленно и низко наклоняетъ голову и щелкаетъ шпорами. „Онъ

быть представленъ баронессѣ разъ на балу, но она, можетъ быть, его не помнитъ?" — означаетъ его поклонъ, который выдаетъ, что и онъ былъ нѣкогда правовѣдомъ.

— Я только теперь поняла, что такое свобода! — прищуривая свои чудные синіе глаза и играя вѣромъ изъ перьевъ, говорила въ то время Ольга Неридова, гуляя подъ руку съ Мюнстеромъ. — Я только теперь оцѣнила, какое великое благо — зависѣть только отъ самой себя. И оцѣнила я это только когда вернулась сюда и вновь надѣла свои цѣпи.

— А вы, навѣрное, долго пробыли въ Парижѣ, Ольга Павловна, такъ какъ вы успѣли, я вижу, не одинъ разъ повидать Зорта. Вы говорите о цѣпяхъ, но на васъ я вижу только созданіе этого дамскаго бога.

— Ахъ, какая отвратительная игра словъ. И притомъ я не шучу! Я васъ увѣряю, что вотъ Дима выдумалъ почему-то уѣхать въ Ферганъ или въ Мервъ — я, право, не знаю куда? — для своей карьеры, какъ онъ говорить, — но я васъ увѣряю, что это чрезвычайно хорошо для нашей семейной жизни. Каждый свободенъ, мы не портимъ другъ другу жизнь, и можемъ такимъ образомъ даже сохранять un brin de tendresse другъ къ другу.

— Ольга Павловна! Христосъ воскресе! — протягивая ей руку, говорить Вешнина со своей всегдашней покровительственной манерой. — Давно ли изъ-за границы? Гдѣ вы были?

— Я была въ Парижѣ; собственно меня доктора отправили въ Италію, такъ какъ я совершенно испортила свое здоровье въ этой отвратительной деревнѣ, — говорила Ольга такъ томно и тонно, что уже очень немного оставалось ей до того, чтобы говорить на манеръ Вешниной. Ольга сдѣлала громадныя успѣхи за эти шесть лѣтъ своего замужества! — Но я точно также чуть не умерла съ тоски и въ этой противной Италиі, среди всѣхъ этихъ старыхъ дворцовъ, озеръ, вѣчныхъ красотъ природы. Тоска! Я „сдѣлала поскорѣе свои пакеты“, и скорѣе въ милый Парижъ! И вы видите — ожила!

Нина была такъ разстроена извѣстіемъ о болѣзни Мусы, что только вполонину слушала брата и его товарищей, безпрестанно подходившихъ къ ней. Ей хотѣлось скорѣе приѣхать домой, скорѣе дожидаться завтрашняго дня и скорѣе увидѣть Мусю. Нина себя упрекала, что съ того дня, когда Муся такъ напугала ихъ, она не была у нея. Но она такъ была поглощена своимъ сочиненіемъ, что почти не выходила изъ дому послѣднія недѣли и еще менѣе прежняго видѣлась съ людьми и не слышала ново-

стей. Машинально ходила теперь Нина съ сестрой и Острожскимъ. Они доходили до запертыхъ дверей въ другую залу, поворачивали, шли по залѣ, изрѣдка останавливаясь при встрѣчѣ со знакомыми, кланялись или христосовались и доходили до дверей библіотеки. Опять поворачивали, опять шли къ запертымъ дверямъ. М-ше Бергъ, встрѣтивъ свою старую пріятельницу Марью Петровну, давно уже усѣлась съ нею на одномъ изъ подовонниковъ библіотеки, а Нина и Люба все ходили. Иногда онѣ проходили черезъ библіотеку, физическій кабинетъ, шли черезъ полутемные дортуары, доходили до небольшой, узкой комнаты, издали уже сіявшей десятками свѣчей, гдѣ два длинныхъ стола исчезали подъ безчисленными пасхами и куличами, украшенными бумажными розами и стоявшими здѣсь въ ожиданіи освященія; подлѣ столовъ виднѣлись дѣвушки въ платочкахъ, какіе-то люди въ поддевахъ или пальто, дворники, — и эта публика, прислушивавшаяся къ долетавшимъ изъ церкви звукамъ гнѣнія, такъ же отличалась отъ гулявшей по заламъ народной массы, какъ отличались полутемные дортуары и слабо-освѣщенные залы отъ этой, словно елка, сіявшей комнаты... Отсюда опять Нина и Люба поворачивали, опять доходили до залы. Нинѣ все это ужасно надоѣло, но ей не хотѣлось мѣшать сестрѣ, которая, вся подъ впечатлѣніемъ своего глубокаго чувства, что всегда охватывало ее въ эту заутреню, вся сія дѣтскою, непосредственною радостью, безъ умолку болтала и была такъ мила, такъ прелестно-оживлена, что и Острожскій, и Юрочка залюбовались на нее.

Залы пустѣли. Воспитанниковъ уже давно „построили“ и увели въ церковь. Большинство публики тоже ушло за ними. Многіе уже уѣзжали. Люба это такъ же мало замѣтила, какъ не замѣтила того, что уже давно пріѣхали всѣ тѣ сановники изъ дворца, пріѣзда которыхъ она такъ хотѣла дожидаться, и что всѣ они уже давно прошли въ церковь, найдя своихъ женъ или сыновей. Люба видѣла и эти шитые мундиры, и ленты, но какъ-то нарочно старалась не замѣтить ихъ, такъ какъ ихъ появленіе означало скорый отъѣздъ Берговъ. А Любочка еще совсѣмъ, совсѣмъ не устала и спать не хотѣла, а Сапа Муранскій только что-пріѣхалъ. (Онъ увѣрялъ, что такъ устроилъ во дворцѣ съ шинелью, что досталъ ее первымъ, и сейчасъ же прилетѣлъ сюда, чтобы поспѣть сегодня же поздравить Любовь Михайловну, „что, конечно, не означаетъ, чтобъ онъ пропустилъ случай поздравить ее и завтра“). И только-что успѣли они съ нимъ начать приставать другъ къ другу, въ чемъ такъ мило по-

могаль ей Острожскій, какъ подошла уставшая м-ше Бергъ: — Дѣвочки, поѣдемте! Уже поздно; вы обѣдно не стоите, такъ что же здѣсь оставаться. И какъ это вы не устанете?!

— О, напротивъ,—начала Любочка, но такъ и не договорила, что такое „напротивъ“, такъ какъ м-ше Бергъ и чуть не зѣвавшая Нина рѣшительно пошли къ выходу.

Муранскій въ одномъ мундирѣ и Острожскій въ своемъ открытомъ жилетѣ высочили на улицу вслѣдъ за Андреемъ усаживать Берговъ въ карету.

На улицахъ безлюдно, даже извозчиковъ не видно. Лишь церкви опоясаны точно огненными кольцами да темныя неподвижныя толпы народа, стоящія вдоль тротуаровъ у каждой церкви, озарены огненными потоками изъ тысячъ неподвижно горящихъ въ сонномъ воздухѣ свѣчей, и потоки эти, изливаясь отъ моря огня передъ одною церковью, часто сливаются съ другими подобными же потоками, катящими свои сіяющія недвижныя волны отъ другого храма. Колокола на время смолкли, на улицѣ стояла задумчивая предразсвѣтная тишина. Вѣтеръ съ полночи уналь. Облака всё ушли съ прозрачно-темнаго, мигавшаго бѣлыми звѣздами неба. И прерывая эту торжественную тишину, каждыя пять секундъ ударяла крѣпостная пушка, и небо надъ Невою на мгновение вспыхивало слабою зарницей.

ХІІІ.

Рейхенгаль, 15-го (27) мая 1885.

„Милая моя Нина! Ты меня прости, что я тебѣ не отвѣчала ни на одно изъ твоихъ писемъ. Сначала мнѣ было такъ нехорошо, что и докторъ (какъ онъ потомъ мнѣ сознался), и я сама думала, что я не поправлюсь, что моя астма кончится чахоткой. А когда здоровье стало лучше, то—выражаясь по-гимназически—я „впала въ такую меланхолію“, что бѣда! Только поэтому я тебѣ и не писала. Ты вѣдь хорошо знаешь, что съ тобой я иначе не говорю, какъ вполне откровенно, а именно такъ я и не хотѣла говорить съ тобой, пока была въ Висбаденѣ, такъ какъ я до того упала духомъ, что мнѣ было совѣстно самой себя.

„Теперь мнѣ стало какъ-то лучше. Рейхенгаль—прекрасное и тихое мѣстечко. Прогулокъ масса. И если я не ѣду на какую-нибудь болѣе отдаленную прогулку въ экипажѣ съ Марьей Петровной, я постоянно одна брожу въ горахъ, каждый день открываю какія-нибудь новыя мѣста, иногда цѣлыми часами про-

сизиваю въ горной чащѣ. Особенно я люблю уходить на такъ-называемый Alpgarten. Это совсѣмъ дикое мѣсто. Представь себѣ глубокую лощину, всю заросшую чудными старыми деревьями, между которыми перебрасывается плющъ; земли не видно подъ сплошнымъ ковромъ душистыхъ лиловыхъ цвѣткѣ. Лощина эта поднимается между двумя гѣсистыми горами. Идешь все выше, выше, долина становится ущельемъ, цвѣткѣ пропадаютъ, орѣшникъ и буекъ смѣняются елями и соснами; въ берегахъ, поросшихъ мхомъ и альпійскими кустарниками, шумить по красноватому каменистому дну бѣшеный горный ручей. Идя противъ его теченія, приходишь къ изумрудной горной лужайкѣ, на которой стоитъ Sennhütte и большой сарай для возъ, которыхъ сюда загоняютъ, когда внезапно налетаетъ непогода. Я иду все выше, поднимаясь по зеленой лужайкѣ. Потомъ дорога совсѣмъ становится невозможной, ущелье все суживается, нога вязнетъ въ крупномъ пескѣ и мелкихъ камняхъ—потокъ наноситъ ихъ по берегамъ весною. Наконецъ, съ грѣхомъ пополамъ добираюсь до отвѣсной скалы, съ которой бросается въ долину потокъ, наполняя прозрачный воздухъ брызгами, тамъ и сямъ заставляя загораться лучъ радуги. На нѣсколько аршинъ ручей совсѣмъ пропадаетъ въ пескѣ, до котораго долетаетъ одними каплями и только, собравшись опять съ силами, бѣшено несется внизъ. Вотъ у этой-то скалы я и сажу всего чаще. Сажу и думаю....

„Изъ этого ты, Нина, можешь справедливо заключить, насколько мнѣ хорошо, если я предпринимаю такія великія путешествія и притомъ sola. Я даже убѣждена, что эти прогулки мнѣ помогли болѣе хожденія мимо Gradierhaus'a. Ходить тутъ взадъ и впередъ и дышать — вотъ и все здѣшнее леченіе. Но, повторяю, горный воздухъ и прогулки мнѣ навѣрное еще больше помогли, и ты увидишь, что я вернусь къ вамъ такой здоровой, какъ было лѣтъ пять назадъ.

„Поцѣлуй моихъ малышей. А тебя ужъ не знаю, какъ и благодарить за всѣ твои милыя заботы о нихъ и о Серожѣ. Онъ мнѣ пишетъ, что я могла бы просто ревновать—до того онъ привязался къ тебѣ, и до того ты стараешься не давать ему скучать и падать духомъ. Узнаю мою Нину—всегда и во всемъ она умѣетъ помочь другимъ. Обнимаю тебя, дорогая. Поцѣлуй Любу.—Твоя Муса“.

23 мая (10 июня).

„Ты права, Нина. Я захворала не отъ простуды и не „неизвѣстно отъ чего“. Я тебѣ въ двухъ словахъ скажу, въ чемъ дѣло. Я любила Д. Н., и онъ—меня. Вотъ первое дѣйствіе. И мы навѣки разошлись съ нимъ—это второе и послѣднее, и *finita la comedia*. Коротко и печально...

Doch wem das just passiert,
Dem bricht das Herz entzwei—

и того посылаютъ залечивать *das gebrochene Herz* рейхенгальскимъ соленымъ воздухомъ... А *другіе* уѣзжаютъ и прямо въ страну солончаковъ. Кстати, не знаешь ли ты что-нибудь объ этихъ *другихъ*? Впрочемъ не надо! Все равно!

„Ты, конечно, будешь поражена этимъ извѣстіемъ. Когда ты была у меня на Пасхѣ, я видѣла, что ты подозрѣвала кое-что, но вѣдь ты была очень далека отъ мысли, что тогда, на первой недѣлѣ поста, я такъ внезапно заболѣла изъ-за отъѣзда Н.? Ты мнѣ ничего не сказала, и теперь, я знаю, не скажешь, но объ одномъ только умоляю тебя—не суди меня слишкомъ строго, не думай ничего ужаснаго, хотя и не старайся извинить меня. Я сама себя не извиняю и даже не смогу объяснить, какъ это случилось... Правда, что въ первую же встрѣчу мы произвели другъ на друга какое-то странное, можетъ быть черезъ-чуръ сильное впечатлѣніе, но потомъ это все изгладилось. Ты знаешь, мы цѣлыхъ четыре года были просто дружны, и вдругъ прошлымъ лѣтомъ... Однимъ словомъ, мы нечаянно проговорились другъ другу, что дружбы между нами нѣтъ. Потомъ мы старались встать въ прежнія простыя отношенія, постарались все обратить въ шутку, даже избѣгали другъ друга. Но это была очень серьезная шутка. И когда уже нынче зимой (я скажу даже, когда именно:—у васъ на вечерѣ), когда мы опять противъ воли сказали другъ другу, что это чувство, казавшееся намъ лишь увлеченіемъ, даже игрою,—захватило всю нашу жизнь, все поглотило, все грозитъ перевернуть... тогда, Нина, я сдѣлала то, за что ты, навѣрное, какъ въ былыя времена, скажешь мнѣ: „12 балловъ“... Но это было такъ больно, что вотъ я до сихъ поръ поправиться не могу.

Anfangs wollt' ich fast verzagen
Und ich glaubt', ich trüg' es nie.
Und ich hab' es doch getragen—
Aber, fragt mich nur nicht—wie?

„Ахъ, еслибъ ты только знала, Нина, какой борьбы мнѣ стоило тогда остаться, не пойти за нимъ! Я знаю, что я была бы несчастлива, что счастье было бы такое короткое и неполное, я знала, что моего поступка не могли бы оправдать никакія самыя гуманныя и либеральныя теоріи, а главное, что моя совѣсть не дала бы мнѣ ни минуты покоя. Но вѣдь я его любила, Нина! Я сознавала вполнѣ, что всякое слово между нами, всякая минута, которую я проводила съ нимъ,—все это было ужасно, вовсе не согласовалось съ моими убѣжденіями, противорѣчило моимъ самымъ дорогимъ взглядамъ, всему, что я считала хорошимъ. Я скрывала все это отъ Сергѣя—значить, я разбивала то, что для меня было лучшимъ счастьемъ нашей любви, основаніемъ ея: полное единство душевное. И въ то же время, развѣ я хорошо поступала относительно Д.? Онъ самъ былъ настолько прямой и честный человѣкъ, что не могъ понять моей двойственности, и такъ какъ считалъ меня лучшей изъ всѣхъ женщинъ, какихъ встрѣчалъ, то согласенъ былъ скорѣе счесть мою любовь къ нему за простой капризъ, чувственное увлеченіе, чѣмъ понять, какъ я любила двоихъ одновременно.

„Онъ уѣхалъ, не вѣря мнѣ. Когда передъ отъѣздомъ онъ пришелъ проститься, я, помнишь, провожала его при всѣхъ, я не отвѣтила ему ни на одинъ его вопросъ, не показала ни взглядомъ, ни словомъ своей пытки, перенося поворно его упреки и злыя слова, которыми онъ, видимо, и себя мучилъ. О, я такъ хорошо понимала его, я такъ любила его за это—и все-таки ничего не сказала. Онъ ушелъ. Я его больше не видѣла. Когда онъ ушелъ, я бросилась-было за нимъ, хотѣла сказать, чтобы онъ понималъ меня, простилъ бы, что я люблю его. Но, къ счастью, я могла остановиться въ-время. Онъ, конечно, понималъ бы и простилъ, но онъ вернулся бы, онъ опять бы видѣлъ мою любовь и любилъ бы. А надо было кончить. Я помню только, что я перемогла себя, послѣднею моею мыслью было, чтобы ты и Люба ничего не замѣтили. Потомъ я потеряла сознание. Это было начало моей болѣзни. Остальное ты знаешь... И вотъ теперь все кончено; его я потеряла навсегда, моя любовь и къ нему, и къ Сережѣ, погибла навѣки, по крайней мѣрѣ вся прелесть и свѣжесть чувства улетѣли. Весь чадъ жизни, который было вновь заманилъ меня, весь свѣтъ и солнце—пропали. Остается чувство долга, мысли, убѣжденія, остается сознание, что я не испортила чужой жизни, не оставила моихъ малышей безъ матери, но гдѣ радость, гдѣ прелесть и ароматъ жизни? Гдѣ моя гордая и честная вѣра въ себя? Гдѣ мое счастье? Развѣ я не вижу, что и

Сергій не такъ счастливъ, какъ онъ это понимаетъ? Развѣ та необычайно-полная душевная жизнь, которую мы жили вначалѣ, не порвалась? Развѣ ее можно опять начать съ той минуты, когда мы стали каждый жить про себя? Вѣдь хоть минута такой жизни порознь дѣлаетъ цѣлую пропасть. Тутъ или все, или ничего.

„Сереза думаетъ, что я не въ силахъ его понять, что я ниже его,—а все мое несчастье въ томъ, что я все такъ хорошо понимаю, и его понимаю, что я равна ему, но что этого мнѣ мало... И чтѣ ужасно: чѣмъ болѣе я за него думаю и чувствую, чѣмъ болѣе стараюсь жить его жизнью, тѣмъ болѣе сознаю, что это не то. Прежде я думала только о *своемъ* счастьѣ—и мы были счастливы, такъ какъ счастье было *общее*. Теперь я живу для Серези, для дѣтей—и точно все потухло кругомъ.

„А тутъ еще распустили этотъ слухъ о смерти Дмитрія. Я его для себя потеряла давно. Но мысль о смерти такъ не вязалась съ представленіемъ о немъ, что я долго, долго не могла придти въ себя. Я роптала и боролась съ безуміемъ; я его слишкомъ любила за него самого, чтобы, даже потерявъ его, помириться съ его смертью. Я просто не понимала, какъ это я его больше никогда не увижу, не услышу, какъ это его нѣтъ, какъ я могу жить?—Это меня окончательно сломило. Все исчезло. Даже сожалѣнія, даже упреки себѣ за то, что не дала ему хоть нѣсколькихъ дней жизни и счастья. Все улетѣло, все померкло, спуталось, исчезло. Даже странно, что мнѣ не пришла мысль о самоубійствѣ, а вѣдь я не религіозна. Сказать, что я живу для другихъ—будетъ ложь, такъ какъ люди, живущіе для другихъ, ощущаютъ полноту жизни, спокійствие душевное, счастье. Для чего я живу? Чтѣ останется отъ моей жизни? Ты видѣла, какъ никакая дѣятельность меня не удовлетворяетъ, ничто не увлекаетъ меня всю, ничто не свѣтитъ впереди. Для чего же я живу?

„И чтѣ ужаснѣе всего: когда я жила исключительно сегодняшнимъ днемъ, не думала ни о комъ, была вполнѣ эгоисткой—я приносила свѣтъ и радость въ жизнь другихъ. Всѣ точно ждали чего-то отъ меня. Да просто эта молодая жизнь, это вѣчное горѣніе и блистаніе приносили всѣмъ счастье. А теперь? Развѣ я могу сказать, что хоть кому-нибудь я дала счастье въ этой жизни, такое счастье, какъ я могла бы дать? Хотя счастье-то дала ли я, если ничего другого не дѣлаю и не сдѣлала? Нѣтъ! И этого нѣтъ! Отчего же, отчего же это? Что это—судьба, характеръ? Но вѣдь я знаю, что я лучше, выше многихъ. Я все

понимаю, я могу сопоставить, объяснить всѣ черты моего характера, всѣ обстоятельства своего развитія, жизни—и никакого отвѣта все-таки не получу... И ничего я не знаю, ничего не могу понять. Отчего? Зачѣмъ? Все общее, все освѣщающее пропало для меня!..

„Остается мнѣ одно: Вѣра и Володя. Что изъ нихъ будетъ, не знаю. Зачѣмъ и они живутъ, и не придутъ ли они въ тому же, къ чему и ихъ беспокойная мать, — и этого я знать не могу. Одно ясно: по волѣ судьбы я дала жизнь двумъ существамъ—и я должна жить для нихъ, сдѣлать ихъ людьми. Моя жизнь кончена, я должна теперь сумѣть жить ихъ жизнью... Но вѣдь всѣ матери и всѣ отцы дѣлаютъ то же? Въ чемъ же моя-то жизнь? Это великая и безконечная загадка. А будетъ ли когда-нибудь ея разрѣшеніе? Ужели весь вопросъ и весь отвѣтъ въ этомъ словѣ—„жизнь“?

„Спору нѣтъ, мои дѣти, какъ я, не разрѣшать его въ общемъ, но пусть хоть они не спросятъ себя съ такою горечью и болью: „Wagun?“ Пусть они будутъ людьми въ лучшемъ смыслѣ этого слова; можетъ быть имъ будетъ и больше дѣла въ жизни, чѣмъ мнѣ. (Хотя, по правдѣ сказать, это малодушная отговорка: дѣла и теперь на свѣтѣ не оберешься, было бы желаніе и вѣра въ это дѣло.) Но не дай имъ Богъ вѣчно говорить себѣ: „Зачѣмъ?“ Пусть лучше они будутъ проще по натурѣ и полезнѣе себѣ и другимъ. Ну, а такъ какъ всего этого ни предвидѣть, ни узнать заранѣе нельзя, то и надо прежде всего помочь имъ стать людьми. И вотъ, это мое первое и единственное дѣло теперь—и тутъ я не говорю себѣ: „Wagun?“ Тутъ все понятно и ясно.

Поэтому, Нина, теперь одно у меня желаніе, одна цѣль: скорѣе окончателно поправиться, скорѣе, скорѣе вернуться домой и заняться исключительно своими дѣтвami. Изъ этого ты можешь видѣть, насколько я добросовѣстно исполняю всѣ предписанія Негг'а Мауге'а, и твое подозрѣніе, m-lle Оома Невѣрный, что я, какъ всегда, negliжирую своимъ здоровьемъ, совершенно неосновательно. Однако, прощай, Нина! Я слишкомъ повольновалась за этимъ письмомъ, и падаю отъ усталости. Цѣлую тебя и всѣхъ обитателей Рябиновки.—Твоя М. Г.“

10-го (22-го іюня) 1885.

„Ты несправедлива къ нему, Нина! Ты его совершенно не вѣрно оцѣняла и оцѣняешь. Правда, что онъ былъ и самонадѣянъ, и отчасти эгоистиченъ, и избалованъ, но чѣмъ же онъ

виновать, что жизнь такъ баловала его до сихъ поръ и сдѣлала такимъ? Зато нельзя отрицать въ немъ другихъ, хорошихъ чертъ: ума, живости, энергии, подвижности, прямоты. Я думаю, что все это и привлекало меня такъ въ немъ. Въ немъ я находила то, чего такъ не доставало и недостаетъ всѣмъ, даже лучшимъ людямъ, меня окружающимъ: жизнь и любовь къ ней. Да! болѣе всего, даже болѣе самого себя, онъ любилъ веселье, жизнь. Ради нѣсколькихъ хорошихъ или даже просто веселыхъ минутъ онъ согласенъ былъ потомъ подвергаться какимъ угодно неприятностямъ по службѣ, въ обществѣ; часто жертвовалъ своимъ временемъ, именемъ, положеніемъ—ради какаго-нибудь своего каприза или, еще чаще, каприза той, которую онъ въ ту минуту любилъ. Вѣдь я знаю всю его жизнь и могла бы привести тебѣ массу случаевъ такого рода. Ради того, чтобы просидѣть со мной лишніе полчаса,—которые чаще всего проходили въ самомъ пустомъ разговорѣ,—но только ради того, чтобы сдѣлать *по-своему* („украсть у судьбы то, чего она не даетъ“,—какъ онъ выражался), онъ рисковалъ своей карьерой и не задумывался надъ этимъ ни минуты. Вотъ ужъ полная противоположность стиха Лермонтова: „Ничѣмъ не жертвуя ни злобѣ, ни любви“. О, напротивъ, онъ жизнь бы свок отдалъ, чтобы исполнить какую-нибудь мою глупѣйшую прихоть.

„Ты говоришь, что онъ былъ безумно самолюбивъ, и что онъ не понималъ меня. Это, отчасти, правда. Напримѣръ, трудно согласить то, что онъ, какъ мальчишъ, сохранялъ разные цѣточки, ленточки, перчатки, не только подаренные ему, но и случайно поднятые имъ—и въ то же время онъ никогда бы не сказалъ первый слова: „люблю“, еслибъ заранѣе не зналъ отвѣта; до этого забытья онъ не могъ; его любовь не была настолько глубока, чтобы прорваться неволью робкимъ или горячимъ словомъ или, наоборотъ, сковать его уста безмолвіемъ боязни и надежды. Онъ любилъ меня со всею нѣжностью и обожаніемъ, на которыя только была способна его живая натура, но онъ всегда „отвѣчалъ“, никогда не „спрашивалъ“. Когда онъ добивался признанія и давно ожидаемаго, страстно имъ желаемаго поцѣлуя,—о! тогда онъ весь преображался, его темные глаза сіяли торжествомъ и счастьемъ, тогда онъ забывалъ себя и былъ счастливъ, какъ никто! Но выдавать себя, показать свою любовь раньше—о, никогда! И все-таки онъ былъ человекъ увлекающійся до безумія, любящій безъ оглядки, вообще характеръ исключительно прямой и открытый. Онъ ничего не дѣлалъ нарочно, съ намѣреніемъ—

можетъ быть оттого все и выходило по его желанію, какъ-то само собой.

„Но правда, что то была горячая, живая, одаренная натура, самолюбивая однако прежде всего и неглубокая. При всемъ своемъ умѣ, жизненности, Дмитрій многого тогда не понималъ и никогда не понялъ. Онъ меня очень любилъ (а я—я, кажется, и теперь еще не могу совсѣмъ его разлюбить), но какъ тогда онъ не могъ понять всю меня, такъ теперь ужъ онъ меня окончательно не знаетъ. Это былъ яркій, южный, блистающій пейзажъ—и я, какъ сѣверянка, восхищалась и цѣнила всѣ его краски, тоны, блескъ. А я—позволь продолжать сравненіе—изображала нашъ сѣверный скромный ландшафтъ, который можно понять, любя, и любить, понимая. Дмитрій былъ слишкомъ несложная, не тонкая и яркая натура для этого... А любилъ онъ меня—о, да! очень! очень!..

„Но знаешь, какъ мы съ тобой ни ставимъ ниже Ольгу, я не понимаю, отчего они такъ скоро разошлись: ее онъ не долженъ былъ такъ часто не понимать, какъ меня, а она не должна была его утомлять разными сложными мыслями и чувствами, какъ я. Развѣ только то, что она прежде всего холодна и безсердечна, а онъ, напротивъ, прежде всего горячій и добрый человѣкъ. Его многіе бранили, считали даже дурнымъ человѣкомъ, а другіе любили, не понимая. Я его какъ-то сразу поняла и думаю, что онъ это также сразу почувствовалъ и сразу же за это полюбилъ. Да, онъ меня полюбилъ съ перваго раза, какъ увидѣлъ. А я лишь потомъ, и гораздо позднѣе, сказала себѣ это.

„Я, кажется, повторяюсь, Нина! Но ты должна знать, что я сегодня пишу столько же для тебя, какъ и для самой себя. Помнишь, у насъ съ тобой еще въ гимназіи была „такая система“. Если насъ что-нибудь мучило, беспокоило, и мы не могли выйти изъ-подъ давленія такого чувства — мы сейчасъ старались все разобрать, опредѣлить, и тогда уже наполовину освобождались отъ такого гнетущаго состоянія. Я сегодня попробовала сдѣлать то же. До сихъ поръ я просто боялась касаться этого, сама съ собой хитрила, хитрила, чтобы не думать обо всемъ этомъ.

„Теперь, Нина, ты знаешь всю короткую и печальную исторію моей любви. Настоящаго счастья не было. Да, какъ я теперь подумаю, счастья не было бы, даже еслибъ мы были свободны. Дмитрій понялъ мою искренность, прямоту, мою глубокую любовь, мое безсиліе передъ страстью, и онъ же поберегъ меня. До сихъ поръ еще я не знаю, что со мной дѣлается, когда я вспоминаю его, его взглядъ, улыбку, одинъ долгій, ясный, лѣтній

вечеръ. Сколько жизни, сколько ума, какое хорошее сердце было у Дмитрія! И самое лучшее было, это—чувствовать счастье жизни, которая была въ немъ включена. Онъ и несчастливъ былъ не такъ, какъ другіе, и злился и плакалъ не такъ, какъ всѣ. Но понять мою борьбу, горе, отгѣнки чувства и мысли—онъ не могъ.

„Но ты, Нина, повторяю, ты его не знала, а потому и невѣрно судишь о немъ. Не обвиняй же его и не удивляйся мнѣ!

„И вотъ, голубчикъ, столкнула судьба двухъ людей, испортила имъ обоимъ жизнь—и вновь развела ихъ по разнымъ дорогамъ. Однимъ дорогимъ воспоминаніемъ больше, и еще разъ скажешь вмѣстѣ съ однимъ изъ французскихъ авторовъ: „L'aggrégout de la vie est bien amer“. И вѣчно все тотъ же безотрадный вопросъ: „Wagun?“

„До свиданія, Нина, теперь уже до скорого. Въ концѣ этого мѣсяца буду въ Россіи и расцѣлю тебя за всѣ твои безконечныя заботы и хлопоты обо мнѣ и всѣхъ моихъ.—Твоя—Муся“.

XIV.

„28-го іюня Марья Петровна съ Мусей пріѣхали въ Петербургъ и остановились на своей городской квартирѣ съ тѣмъ, чтобы черезъ день продолжать путь въ Рябиновку. Петръ Михайловичъ встрѣтилъ ихъ и долженъ былъ ѣхать съ ними вмѣстѣ.

Когда онъ увидѣлъ еще въ окно вагона порозовѣвшее и улыбающееся лицо Муси, онъ сразу припелъ въ свое нѣсколько безпокойное, дѣятельное настроеніе духа и всю дорогу отъ вокзала до дому строилъ разные планы и даже сталъ уговаривать Мусю ѣхать сегодня же въ Павловскъ смотрѣть Ермолову. Петръ Михайловичъ сговорился съ Сашей Муранскимъ ѣхать туда вмѣстѣ, а теперь такъ сталъ уговаривать Мусю, что наконецъ Марья Петровна возстала.

— Нѣтъ, Петръ Михайловичъ! Cela n'a pas de pom! Слава Богу, только-что поправились, не успѣла вздохнуть съ дороги, а вы ужъ готовы тащить ее по Богъ знаетъ какимъ театрамъ. Того и гляди, опять...

— Ну, не буду, не буду! Только театръ этотъ совсѣмъ не Богъ знаетъ какой, а очень милый, и не жарко въ немъ. А главное, Муся иначе не увидитъ Ермолову. А это большая потеря!

— Нечего сказать, потеря! Только бы скорѣе до Рябиновки доѣхать, да сдать Мусю живу-здорову на руки Сергѣю Але-

ксандровичу, тогда я буду спокойна. А потому и не пушу ее нигуда въ Петербургѣ. Oh! j'aurai des yeux d'Argus!

— Ну, ну, хорошо!

И дѣйствительно, тотчасъ послѣ обѣда Петръ Михайловичъ уѣхалъ въ Павловскъ одинъ: Муранскій долженъ былъ ждать его въ павловскомъ вокзалѣ. Марья Петровна, по своей всегдашней привычкѣ, сѣла въ столовой раскладывать пассіансъ.

Мусъ не хотѣлось ни читать, ни играть, — сидѣть на мѣстѣ тоже не хотѣлось. Крѣпко сжавъ свои маленькія руки, она скорыми и неровными шагами ходила по залѣ, бессознательно стараясь не переступить черезъ полосу яркаго свѣта, падавшую изъ двери гостиной, дорожкой черезъ всю залу. Сердце Муси стучало, въ вискахъ шумѣло. Страшная тоска, ожиданіе чего-то, какое-то смутное желаніе охватили ее въ этой привычной, родной обстановкѣ, давили грудь. И вдругъ Мусъ такъ смертельно захотѣлось увидѣть Дмитрія, услышать его, и даже не его, а хоть бы что-нибудь, что напоминало бы его, что побывало въ его рукахъ. Господи! хоть бы книга его какая-нибудь, ноты, записка его остались у нея! Ничего, ничего! То дорогое, ужасное письмо она тогда же изорвала: не все ли равно, кончать, обрывать — такъ все разомъ! А теперь вотъ: онъ гдѣ-то такъ далеко, далеко отъ нея, и ничто подлѣ нея не напоминаетъ его, ничего отъ него не осталось съ нею!.. Вдругъ Муся вспомнила: у нея была какая-то карточка съ надписью: „Юлія“ и двумя, намалеванными конфетными красками, птичками среди гирлянды какихъ-то небывалыхъ цвѣтовъ. Тогда на вечерѣ у Берговъ Дмитрій вытянулъ билетикъ съ надписью: „Ромео“ — и Муся протанцовала этотъ туръ съ нимъ.

Муся поспѣшно прошла въ свою комнату, достала связку ключей изъ мѣшечка, отперла ящикъ стола и отыскала карточку, брошенную въ коробку вмѣстѣ съ разными лентами, букетиками, жювейскими шапочками, ключами на бантахъ и т. п. бальными трофеями. Муся взяла въ руки хорошенькую бумажку, повертѣла ее нѣсколько секундъ, точно стараясь открыть въ ней какое-нибудь воспоминаніе, какой-нибудь слѣдъ его прикосновенія — и черезъ минуту съ досадой ее отбросила. Что было общаго между этимъ глупымъ, этимъ банальнымъ билетикомъ, который даже не самъ Дмитрій далъ ей, а дирижеръ, и тѣмъ жгучимъ чувствомъ, которое наполняло Мусю всю? И странная тоска охватила ее. Неужели ей вновь хотѣлось бы, чтобъ онъ былъ тутъ? Съ нею?

Она испугалась этой мысли, захлопнула крышку ящика и быстро прошла въ столовую, гдѣ Марья Петровна все еще рас-

кладывала пассіансъ, ожидая возвращенія Петра Михайловича изъ театра.

— *Voyez, Marie!* что у меня выходитъ!

Муся присѣла подлѣ тетки и силсилась хоть машинально слѣдить глазами за тѣмъ, какъ десятка трефъ низачто не хотѣла лечь подъ девятку, а все выходила раньше ея, изъ-за чего послѣ троекратнаго раскладыванія приходилось объявить, что „Каторжники“ не выходятъ.

— Ну, я подмигну одну карту, — сказала Марья Петровна. — Это ничего не значить. Можно себѣ позволить эту маленькую помощь. Зато, если выйдетъ, то это будетъ значить, что задуманное мною случится, но для этого потребуется капля усилія съ моей стороны! — хитрила она сама съ собою.

Муся почти не слыхала, что ей говорила Марья Петровна. „Неужели же правда мнѣ его недостаетъ, неужели я никогда отъ этого чувства не отдѣлаюсь? Вѣдь, слава Богу, тогда я выдержала до конца, не выдала себя. Ни Сережа, ни дядя, никто не догадывается, отчего я заболѣла. Значить, я могу владѣть собою. Неужели же я не совладаю и съ этимъ чувствомъ?! Вѣдь все хорошо идетъ. И жизнь можетъ быть опять спокойная, хорошая. Сережа, дядя — мнѣ дороги по прежнему. Дѣти здоровы и такія прелестныя, ласковыя, куколки мои. И теть, со всѣми своими причудами, все такъ же насъ любить, съ нами. Могла бы я быть счастлива — такъ нѣтъ же! Все эта мысль, это неотступное чувство меня грызетъ!“ Муся судорожно сжала на волѣныхъ руки. Она рвалась и стремилась куда-то, она точно ждала чего-то, все еще надѣялась на что-то.

Вдругъ она подумала, что ея лицо выдаетъ ее, и она опять такъ же поспѣшно, какъ пришла, встала и вернулась въ темную залу и стала вновь ходить въ его прозрачной тѣни, стараясь не переступать на свѣтлую дорожку. Мусѣ хотѣлось отвлечь себя отъ этого чувства, отъ своихъ „нехорошихъ“ мыслей. И много разъ прежде это ей удавалось. Она привыкла владѣть собой и своей душой и часто отгоняла неотвязчивую мысль, чувство, воспоминанье, заставляя себя раздумывать надъ какимъ-нибудь постороннимъ серьезнымъ вопросомъ, принимаясь играть на фортепiano что-нибудь новое и трудное или разучивая пассажъ трудной аріи. Но сегодня ей это рѣшительно не удавалось. Прошедшее захватило ее, затуманило ея голову, парализовало сильную волю, точно опутало ее всю — и вотъ Муся то нервно, быстро ходить по залѣ, то, совсѣмъ безсильная, прижимается въ уголь кресла въ темной глубинѣ маленькой гостиной.

Муся не видитъ ни этой тьмы, ни гостинной, ничего изъ того, что *теперь* вокругъ нея. Ее охватило воспоминанье, то воспоминанье, которое мы не можемъ вызвать произвольно, которое не передаетъ фактовъ въ ихъ послѣдовательности, не приноситъ разговоровъ далекихъ лѣтъ, — но то воспоминанье, которое въ одно мгновенье заставляетъ *пережить* все настроеніе какой-нибудь минуты, дня, тотъ воздухъ, ароматъ, всю совокупность впечатлѣній той минуты, даже одного мига, но такъ полно, отчетливо, ярко, — что человѣкъ, *такъ* вспомнившій, весь вздрогнетъ, невольно затанцуетъ дыханіе, закроетъ на минуту глаза, сожметъ руки до боли — и весь, какъ онъ есть, вдохнетъ этотъ прежній мигъ, все равно, былъ ли онъ горемъ или радостью. Такое воспоминанье всегда болѣзненно, потому что и воспоминанье былой радостной минуты, вновь пережитой мысленно, говорить намъ: „это *было*, но этого уже *нѣтъ*“, и болѣзненно сжимается сердце.

И вотъ, Муся на одинъ мигъ увидѣла далекій горизонтъ въ дымѣ свѣтлой, июньской ночи, яркую розовато-оранжевую полосу разсвѣта на сѣверо-востокѣ, ярко-бѣлую звѣздочку въ блѣдномъ небѣ надъ самой этой полосой, и заснувшія деревья, спускавшіяся темными рядами съ высокаго пригорка вплоть до самой рѣчки и полотна дороги. И Муся словно вдохнула прозрачный, теплый воздухъ, и услышала слова: „И эта ночь не моя!“ — и все пережила, что тогда пережилось въ одинъ мигъ въ отвѣтъ на эти слова.

Потомъ Муся уже сознательно припомнила возвращеніе домой и даже острогу, связанную тогда Сашей по поводу деревенскаго колодца. Вспомнила и слѣдующій день, и цѣлый рядъ дней потомъ. Но она вспомнила все это уже по своей волѣ. То воспоминанье налетѣло помимо ея, оно потрясло Мусю, и она не могла вырваться, очнуться отъ цемящаго чувства тоски и одиночества.

„Господи, что за день-то былъ! Сколько въ немъ было и счастья, и горя! И никогда этого не вернешь!.. Да и нужно ли? Право, кажется, все равно. Было бы кратковременное счастье, да и то нехорошее, отравленное, а потомъ все пошло бы гладко, мелко, такъ же, какъ и теперь! Ничто хорошее не можетъ вѣчно продолжаться, да и дурное не вѣчно. Все это временное, все преходящее, все не стѣить, въ сущности, ни сожалѣнія, ни раскаянія. Вотъ я тогда хорошо поступила, а кому отъ того лучше? Ни мнѣ, ни другимъ. Нѣтъ, все это не то, о чемъ нужно заботиться и думать. Что-то другое, вѣрно, есть въ жизни, другая

точка, на которую должно встать, а это все не то, такъ просто потеряешься, запутаешься въ безотраднѣхъ мысляхъ...”

„Да если даже взять другое: отношенія мои къ Сережѣ. Развѣ это то, о чемъ я прежде мечтала и думала? Я думала составить его счастье не такъ, какъ другія, и не такое, какъ у другихъ. Мечтала работать вмѣстѣ. А главное, хотѣла, чтобы все въ нашихъ отношеніяхъ было свѣтло, честно, высказано, все совсѣмъ по новому, чтобы Сережа въ самомъ дѣлѣ имѣлъ право сказать: „Да развѣ ты, Муся, такая, какъ другія? Развѣ я не знаю, что съ тобой я и счастливъ буду совсѣмъ не такъ, какъ всѣ другіе? Ты, слава Богу, не похожа на другихъ женщинъ ни умомъ, ни характеромъ, а въ то же время всѣ лучшія черты женственности въ тебѣ особенно ярки и хороши“. А развѣ это такъ? Да, я любила его, была влюблена въ него, съ ума сходила (и Муся вся вспыхнула, вспоминая свое счастье съ Сергѣемъ).—А потомъ все какъ-то затемнилось... Была больна, капризна, мелочна, скучала нашей тихой жизнью, стала рваться куда-то, ждать еще чего-то лучшаго, стала все чаще думать порознь отъ Сережи... А потомъ и эта исторія... Ложь, мелочность, обманъ! Чѣмъ я лучше другихъ? Только тѣмъ, что не сдѣлала ничего окончательно безчестнаго. Но развѣ сказать Дмитрію: „люблю“, и не сказать объ этомъ Сережѣ—не то же самое, какъ еслибы я измѣнила ему? Развѣ это не есть худшая измѣна? Вѣдь это самое важное и лучшее я испортила, сломала въ своей любви... Ахъ, Сережа, Сережа, отчего я не могу всего этого сказать тебѣ! Все рассказать, чтобы опять ты все зналъ про меня!

„Нѣтъ, сказать этого всего нельзя и не должно“. Сергѣй, правда, замкнулся отъ Муси, ушелъ въ себя, но она твердо знала, что онъ къ ней ни на минуту не переставалъ относиться по прежнему такъ, какъ съ самаго начала ихъ любви. И каково же ему-то было видѣть, что она, Муся, точно пропала, ушла отъ него! Какъ ему, навѣрное, тяжело жилось!.. Но говорить всего ему не должно. Это окончательно унесло бы всю радость, всю красоту ихъ прежней любви, это слишкомъ было бы ужасно для него. Притомъ Муся смутно чувствовала, что Сергѣй давно все знаетъ, все понялъ, но молчитъ изъ того же чувства береженія ихъ любви.

Зато и Муся поняла теперь, что ей надо дѣлать. Да, такъ жить нельзя! Это по-дѣтски: быть счастливой или несчастливой, жить такъ, какъ жизнь складывается. Пора самой все это взять въ свои руки, жить такъ, какъ должно, какъ *хочешь*. Довольно подчиняться всякимъ случайностямъ и мелочамъ. „Ein Jeder ist

seines Glückes Schmied“. Толкуютъ, что всякіе идеалы—вздоръ, и что они вѣчно разбиваются. Но Муса теперь знаетъ, что только и можно жить, когда стремишься достигнуть какого-нибудь идеала, всю свою жизнь подчинивъ одному чему-нибудь, идеѣ, дѣлу, чувству, но одному, всегда и во всемъ „сознавая себя“, не подчиняясь ничему временному, случайному.

„Тогда все будетъ хорошо и ясно. И Сережѣ будетъ хорошо... Скорѣе, скорѣе бы насталъ только завтрашній день, скорѣе бы попасть въ Рябиновку!“

Въ передней раздался звонокъ,—и Муса поспѣшила на встрѣчу Петру Михайловичу, который, еще не снимая пальто, уже восторженно рассказывалъ объ игрѣ Ермоловой въ „Марин Стюартъ“.

XV.

Лошади, посланныя на полустанокъ за Мусей, Марьей Петровной и Бобринымъ, должны были привезти ихъ не ранѣе, какъ къ половинѣ шестого. Но Сергій Александровичъ уже съ четырехъ часовъ началъ выбѣгать на крыльцо и всматриваться въ даль. Наконецъ, онъ не выдержалъ, вышелъ изъ дому и пошелъ по дорогѣ, на встрѣчу женѣ. Сергій очень волновался, думая о предстоящемъ свиданіи. Какою-то она вернется? Здоровою, веселою, прежнею Мусей, *его* Мусей, съ открытой, любящей душою, съ постоянными переходами отъ серьезной думы къ ребяческому веселью, съ порывами ко всему свѣтлому, съ живымъ интересомъ ко всему на свѣтѣ, и опять настанетъ ихъ хорошая прежняя жизнь вдвоемъ, жизнь, отъ которой Сергій уже почти отвыкъ, но которую онъ вспоминалъ всегда съ глубокой нѣжностью и тоскливымъ сожалѣніемъ? Или Муса вернется хоть и поправившеюся физически, но все такую же грустной, спрятавшейся въ себя, равнодушной ко всему міру и къ нему, Сергію, и только болѣзненно-нѣжной къ дѣтямъ,—такой, какой она уѣхала? А можетъ быть она уже справилась со своимъ отчаяніемъ (Сергій и наединѣ самъ съ собою не позволилъ себѣ точными словами подумать о причинѣ ея отчаянія, но какъ всегда при этой мысли у него съ мучительной болью сжалось сердце),—можетъ быть она справилась съ этимъ отчаяніемъ, но пріѣдетъ еще болѣе далекою отъ него, еще болѣе замкнутою въ себя? И жизнь потянется опять такъ же холодно, тяжело и порознь, какъ послѣдніе два года. Сергій положительно не зналъ, чего ожидать. Муса писала ему ласковыя и дружескія письма, но въ нихъ слишкомъ видимо скво-

зимо, съ одной стороны, желаніе успокоить его насчетъ своего здоровья и настроенія, съ другой стороны въ нихъ слишкомъ много было недосказаннаго, а Сергѣй черезъ-чуръ хорошо зналъ, какъ богата душа Мусы, чтобы принимать эти письма за чистую монету и думать, что Муса вся въ нихъ высказалась. И вотъ теперь Сергѣй волновался, ожидая прїѣзда жены, ждалъ его съ нетерпѣніемъ и боялся его.

Вотъ показалось вдали облако пыли. Сергѣй остановился, всматриваясь. Сердце его застучало; въ первую минуту передъ глазами пошли свѣтлые круги, и онъ не могъ разглядѣть лошадей. Но вотъ облако приближается, слышенъ уже стукъ колесъ, дребезжаніе экипажа. Вотъ видна уже и лошадь, и самъ экипажъ: простая крестьянская телѣга, нагруженная чѣмъ-то. Молодая, миловидная баба, повязанная краснымъ платочкомъ, править, усѣвшись бокомъ на самомъ краю телѣги и свѣсивъ ноги.

— Баринъ, а баринъ!—окликаетъ она Сергѣя, а поровнявшись съ нимъ, спрашиваетъ сильно на о:—горшковъ не надо ли?

— Не знаю, милая. Спроси на кухнѣ.

Баба весело улыбается, точно услышала какое-нибудь самое прїятное извѣстіе.

— На кухнѣ, значить, спросить-то?—повторяетъ она звонко и чмокаетъ на лошадь:—Ну! Машка!

Лошадка труситъ мелкой рысцой, телѣга опять дребезжитъ, баба подскакиваетъ на камняхъ, болтая ногами, и красный платочекъ срывается за столбомъ пыли.

— Какъ мнѣ ее встрѣтить? — думаетъ опять Сергѣй.— Неужели быть съ нею такимъ же сдержаннымъ, какъ зимою и весною? Не подавать виду, что знаю что-нибудь? Не высказаться? Неужели не помочь ей опять придти ко мнѣ? Я увѣренъ, что она и сама теперь хотѣла бы быть со мною по прежнему, что это стоитъ между нами, дѣлаетъ пропасть, черезъ которую она не знаетъ, какъ перешагнуть. Ее мучитъ то, что она не можетъ всего сказать мнѣ, и пока она не скажетъ, она все будетъ сознавать, что не все ясно и гладко между нами. Ея чуткая, честная душа возмущается этимъ. Она слишкомъ высоко цѣнитъ нашу любовь, чтобы мириться съ такимъ взаимнымъ молчаливымъ соглашеніемъ: обходить этотъ ужасный вопросъ... А любить ли она еще меня?—Сергѣй ни минуты не подумалъ, что Муса позволила себѣ окончательно увлечься. Онъ очень хорошо понималъ и ея борьбу, и разрывъ съ Дмитріемъ, какъ понималъ и то, что влекло Мусю къ Неридову, но что-то говорило Сергѣю все время, что ея любовь къ нему не угадала, что она выше и восторжествуетъ.

Сергѣй слишкомъ зналъ душу своей жены, а потому-то онъ такъ и поступалъ все время: не показавъ, что онъ все знаетъ, не пытался остановить Мусю ни намекомъ, ни словомъ, а ждалъ, что она сама къ нему вернется и уже окончательно. Но когда и какъ? Вотъ это-то его и мучило, и онъ боялся, что въ первыя минуты послѣ встрѣчи не совладеетъ съ собою, что лицо его выдастъ эту борьбу противорѣчивыхъ чувствъ и мыслей, Муся это замѣтитъ, произойдетъ объясненіе, а онъ менѣе всего хотѣлъ насильно вызывать такой разговоръ и откровенность съ ея стороны... Но что же она не ѣдетъ?

Вотъ опять показалась пыль, но Сергѣй, еще не видя экипажа, услышалъ, по звуку копытъ и бубенчиковъ, что это скакала почтовая тройка, должно быть, со станціи въ сосѣдній уѣздный городъ... Потомъ проѣхалъ возъ сѣна. Потомъ еще баба на пустой телѣгѣ.

Глуховской повернулъ назадъ къ дому. Тутъ, на дорогѣ, еще тяжелѣе ждать. Волненіе и нетерпѣніе Сергѣя достигли такихъ предѣловъ, что онъ предпочелъ вернуться и заняться чѣмъ-нибудь, чтобъ какъ-нибудь убить тянувшееся безконечно время. Въ столовой никого не было: Мюнстеръ и Ольга еще не вернулись съ прогулки; дѣти съ обѣими англичанками и няней были тоже въ поляхъ; Тихменевъ спалъ, какъ всегда, до обѣда; Анна Евграфовна съ дочерью и Ниной занималась приготовленіемъ разныхъ вареній и консервовъ изъ ягодъ во флигелѣ. Сергѣю сама собою пришла мысль о музыкѣ. Онъ сталъ играть свою любимую сонату Шопена, въ которой особенно любилъ маршъ и послѣднюю часть: это гениальное изображеніе вѣтра, несущагося безконечными струями надъ могилами и героевъ, и безвѣстныхъ, павшихъ въ бою, воиновъ.

Но когда Сергѣй игралъ ее, вдругъ совсѣмъ другая картина, картина прошлаго, съ необычайною ясностью представилась ему: шумить вѣтеръ мокрыми вѣтвями, послѣднія грозовыя тучи уходятъ съ темнаго неба, бабочка бьется со слабымъ шорохомъ о стекла веранды, а изъ темной залы несутся звуки рояля: Муся играетъ „Wagum“.

И какъ это почти всегда бываетъ при музыкальномъ воспоминаніи, Сергѣй почувствовалъ потребность, необходимость сейчасъ же въ дѣйствительности услышать то, что звучало въ его памяти. И только-что онъ кончилъ сонату, какъ взялъ ноты и началъ „Wagum“. Сергѣй всегда находилъ, что ни одинъ поэтъ и ни одинъ композиторъ не слились такъ, какъ Гейне и Шуманъ, но особенно сильно онъ почувствовалъ эту духовную связь

теперь, играя „Wagum“, и онъ невольно повторялъ про себя: „O, sprich, mein herzallerliebstes Lieb, warum verliessest du mich?“..

Вдругъ дверь отворилась, и въ комнату вбѣжала Муся.

— Не надо, не надо этого играть! Не надо... теперь!—проговорила она прежде всего и потомъ уже бросилась обнимать мужа.

— Муся! Какъ это!? Ты приѣхала? Голубушка!—заговорилъ Сергѣй, задыхаясь отъ радостнаго испуга и безпрестанно цѣлуя Мусѣ руки, съ которыхъ она еще не успѣла снять перчатокъ. —Какъ это я не слыхалъ?!

— Да ты игралъ. А я еще съ дороги узнала, что это именно ты играешь Шопена. А потомъ вотъ *это* заигралъ... Ну, здравствуй, здравствуй! Да гдѣ же дѣти? Гдѣ Лена? Всѣ?

Но уже защелкали двери, слышались возгласы въ саду и въ сосѣднихъ комнатахъ, быстрые шаги по коридору.

— Ахъ, Боже мой! Да гдѣ же она?—почти сердито заговорила въ дверяхъ Анна Евграфовна, на ходу стараясь отвязать передникъ, весь закапанный ягоднымъ сокомъ, и отъ нетерпѣнія немилосердно теребя тесемки; наконецъ, она оборвала ихъ, швырнула передникъ на кресло въ уголъ и бросилась обнимать Мусю.

За нею влетѣла и Нина. Съ другой стороны входили Бобринъ съ Марьей Петровной и встрѣтившая ихъ въ передней Лена.

— Vous avez un temps d'ange, et Berlin est inondé de pluie.

— Нѣтъ! она очень поправилась!

— Сними же шляпу!... А ты знаешь, Павелъ Васильевичъ разошелся со своей вдовушкой и женится на какой-то купчихѣ.

— А та-то ловкая какая!... Да не хочешь ли чаю?

— Нѣтъ, merci! Ну, какъ я рада, какъ я рада, что приѣхала... Вообразите, съ кѣмъ мы ѣхали отъ Вержболова!...

— Надо же ей показать дѣтей. Гдѣ же дѣти-то?...

— А ты похудѣла, Нина... Я думаю, Володя страшно выросъ?

— Бѣгаетъ отлично. Вчера они съ бѣби...

— Ахъ, голубчикъ Муся, какъ я рада!

— Да дайте же ей вздохнуть съ дороги, умыться, переодѣться!

— Нѣтъ, ты послушай!

Всѣ говорили разомъ, перебивали другъ друга и сами себя, смѣялись, цѣловались. Привели дѣтей, и это еще болѣе увеличило суматоху: Володя, улыбаясь, пошелъ на руки матери съ веселымъ равнодушіемъ очень маленькихъ дѣтей, но Вѣра заапризничала,

заартачилась, спряталась за платье miss Buttler; а когда попробовали вытащить дѣвочку впередъ, она подняла такой ревъ, что ее поспѣшили увести отъ матери.

— Отвыкла отъ меня! Вотъ что значать какіе-нибудь два-три мѣсяца разлуки для этого возраста. Ну, Богъ дастъ, опять скоро привыкнетъ,—сказала Муся, слабо улыбаясь, но ея материнское самолюбіе страдало: ея Вѣрочка такъ скоро ее забыла.

Вообще Муся испытывала разочарованіе и странное чувство отчужденности отъ всѣхъ своихъ. Она привыкла за послѣднее время утѣшать себя во всѣхъ горестяхъ, поддерживать свою бодрость, постоянно говоря себѣ: „Вотъ приѣду домой. Вотъ вернусь къ своимъ. Вотъ буду съ Сережей“. Это была постоянная исходная точка и цѣль ея, которыми неизбѣжно начинались и оканчивались всѣ ея мысли, стремленія, надежды, планы. И вотъ теперь Муся вовсе не испытывала той полноты счастья, которой ожидала отъ первыхъ минутъ свиданія со своими—и это испугало и огорчило ее: точно она лишилась послѣдней точки опоры въ жизни.

Она не знала, что въ этомъ случаѣ подчинялась тому же закону, какъ и маленькая Вѣрочка. За эти три мѣсяца Муся стала уже другимъ человѣкомъ, и потому нужно было употребить нѣкоторое усиліе воли, чтобы опять примѣниться къ тѣмъ людямъ и той формѣ жизни, въ которой она жила до отъѣзда, точно также какъ Вѣрочкѣ, у которой маленькій душевный мірокъ успѣлъ и расшириться, и измѣниться за эти три мѣсяца, нужно было привыкнуть вновь къ матери, чтобы относиться къ ней, какъ до отъѣзда. Но маленькая Вѣрочка совсѣмъ не сознавала этого и не дѣлала никакого усилія, а просто кричала, когда ее толкали къ мамѣ, отъ которой она отвыкла. А Муся *заставляла* себя почувствовать себя прежней въ той жизни, отъ которой отвыкла, сознавала это усиліе—и ей было тяжело.

Къ счастью, день прошелъ, какъ всѣ дни приѣздовъ: въ безтолковой, прерывистой болтовнѣ, разборѣ привезенныхъ подарковъ и вещей, въ отпираніи сундуковъ и комодовъ, раскладываніи бѣлья, въ разспросахъ о всѣхъ близкихъ и знакомыхъ и сообщеніи новостей,—въ этихъ стараніяхъ хоть внѣшнимъ образомъ поставить скорѣе свое существованіе въ прежнія рамки, сгладить тѣ шероховатости, которыя происходятъ оттого, что близкіе другъ другу люди въ теченіе нѣкотораго времени жили не вмѣстѣ, думали, чувствовали и даже говорили порознь и о разномъ. Въ такіе дни впечатлительные люди невольно желаютъ, чтобы скорѣе наступила ночь. Неизвѣстно почему, но несомнѣнно, что, проведя хотя бы

одну ночь на новомъ мѣстѣ, человѣкъ на другой же день гораздо легче осваивается съ окружающею обстановкой: вѣроятно, сонъ смягчаетъ слишкомъ сильныя воспоминанія предыдущаго, открывая свободное поле вниманія и сознанія для новыхъ впечатлѣннй. А такъ какъ при возвращеніи въ старую обстановку тавими новыми впечатлѣннями на другой день являются старыя, забытыя, то понятно, что они съ новой силой выплываютъ въ сознаніи, охватываютъ человѣка вновь, и онъ говоритъ: „Точно я никогда и не уѣзжалъ“.

Муся знала это свойство сна, и будь она дома, она нарочно бы ушла пораньше въ свою комнату, чтобы поскорѣе покончить съ противорѣчивыми, борющимися между собою впечатлѣннями заграничной и старой жизни, скорѣе сбросить съ себя первыя и захитъ вторыми. Но жизнь окружавшихъ людей, чуть-чуть и ненадолго лишь поколебленная прїѣздомъ Муси, шла своимъ чередомъ, и послѣ чаю Лена съ мужемъ, Ольга и Мюнстеръ, — изображавшій ея спеціальнаго адъютанта этимъ лѣтомъ, — усѣлись за свою каждодневную партію, Анна Евграфовна съ Ниной и miss Buttler опять принялись чистить ягоды, и даже Сергѣй, подчиняясь желанію нелюбившей перемѣнъ въ строго заведенномъ порядкѣ дня Неридовой, долженъ былъ читать имъ вслухъ продолженіе какой-то очень интересной статьи въ англійскомъ журналѣ. И Муся должна была присѣсть тутъ же, на балконѣ.

Она не умѣла внимательно слушать изъ середины и вскорѣ пересѣла поближе къ лѣстницѣ и стала безцѣльно смотрѣть въ садъ.

Желтая, безъ лучей, громадная луна медленно, медленно поднималась изъ-за темнаго еловаго лѣса. Вѣтеръ чуть-чуть шепталъ въ верхушкахъ березъ. Мягкій воздухъ, весь напоенный ароматомъ распускающихся липъ и дикаго жасмина, ласкалъ и нѣжилъ. Мусю потянуло въ садъ, въ сумракъ аллеи, но она не смѣла прервать чтенія. На ея счастье, Анну Евграфовну вызвали къ вернувшемуся изъ уѣзднаго города и привезшему письма и разныя покупки неридовскому управляющему. Муся тотчасъ этимъ воспользовалась.

— Развѣ можно, ну, развѣ можно теперь сидѣть тутъ?! — взмолилась она, сбѣгая съ балкона. — Пойдемте въ садъ! Право, такая прелесть! Ахъ, какая прелесть! Ну, пойдемте же!

— Муся, не пора ли тебѣ лучше въ комнату? — замѣтила благоразумная и заботливая Нина. — Марья Петровна сказала, что послѣ заката солнца докторъ тебѣ всегда велѣлъ уходить въ домъ.

— Ну, вотъ еще! Довольно я его тамъ слушалась! Теперь я свободна! Теперь я на своей волѣ, какъ вотъ этотъ вѣтеръ!.. — Муся вдругъ остановилась въ своемъ быстромъ отвѣтѣ и задумалась. Потомъ она прибавила утихшимъ голосомъ: — Сережа, — пойдемъ.

Сергѣй сошелъ въ садъ. Остальные не пошли, не желая прерывать партіи, а Нина продолжала чистить клубнику, объщая Аниѣ Евграфовнѣ кончить это до ночи, и низачто бы не встала, прежде чѣмъ не отдѣлила бы послѣдній стебелекъ отъ послѣдней ягоды.

— Лена! Да бросьте вы свои карты! — попробовала Муся еще разъ смутить игравшихъ: — ну, что за занятіе, право! Да еще въ такую ночь! Ну, какъ тебѣ не стыдно!

— Ахъ, оставь, пожалуйста! Что тебѣ за дѣло! Разъ намъ это пріятно, отчего не играть?! Пусть каждый живетъ, какъ хочетъ, и оставляетъ жить другихъ. Ты вѣчно „мудрствуешь лукаво“. Надо жить проще, — отвѣтила Лена. — Иди себѣ! Гуляй.

Муся пошла съ мужемъ по аллеѣ въ озеру. Было тихо, тихо и тепло. Только кузнечики трещали взапуски, и звонко пѣли, налетая, комары. Или опять пробѣгалъ по верху деревь легкій вѣтеръ и нѣжно-нѣжно шепталъ въ темныхъ листахъ что-то таинственное и заманчивое.

Сергѣй и Муся шли молча. Имъ было не по себѣ съ-глазунна-глазъ. Сергѣй не зналъ, какъ ему держать себя съ нею. Ея послѣднія слова: „не надо... теперь“, значили очень многое, но все же онъ боялся, какъ бы слишкомъ живая радость, душевная откровенность съ его стороны не были ей тягостны: можетъ быть, Муся чувствуетъ себя еще слишкомъ далекою отъ него? Но онъ боялся казаться и слишкомъ сдержаннымъ; онъ инстинктивно чувствовалъ, что его сдержанность, спокойствіе, та выдержка душевная, которая является у людей, много передумавшихъ и пережившихъ, и которая была отличительною чертою его характера, — едва ли не это было главной причиной разлада между нимъ и Мусей съ ея безпокойной, не установившейся еще душою. И Сергѣй молчалъ. А Муся тоже боялась заговорить. Она подыскивала какую-нибудь безобидную тему, хотѣла бы заговорить о чемъ-нибудь постороннемъ, но чувствовала, что стѣбитъ ей сказать слово — и прорвется плотина между ними, которая охраняла ихъ до сихъ поръ отъ слишкомъ откровеннаго объясненія и разговора, чего Муся невольно боялась... Они шли по аллеѣ, вышли потомъ на прогалину у огорода, и Муся остановилась, охваченная поэтической прелестью свѣтлой ночи.

— Сережа!..—вдругъ начала она, и страстная тоска зазвучала въ ея голосѣ.—Сережа! Скажи, вотъ въ такую ночь, когда такое небо, такой воздухъ, скажи, тебѣ не кажется, что тебя что-то особенное, хорошее ждетъ впереди, что еще что-то будетъ въ жизни? Скажи, ты ждешь этого? Да?

— Какое ты еще дитя!—вмѣсто отвѣта сказалъ Сергѣй, лаская ея руку, лежавшую на его рукѣ.

Въ это время съ балкона раздались громкіе голоса, возгласы. Лена громко звала Мусю и Сергѣя. — Скорѣе! скорѣе!—кричали весело Мюнстеръ.

— Ну! Что еще тамъ?—съ неудовольствіемъ промолвила Муся. Навѣрное какой-нибудь „большой племъ“, или что-нибудь въ этомъ родѣ. Ну ихъ! Не пойду!

— Сергѣй Александровичъ! Скорѣе!—закричала и Ольга.

— Пойди ты одинъ, да захвати и мой платокъ, пожалуйста. А я еще здѣсь постою,—сказала Муся.

Сергѣй пошелъ къ дому, а Муся сѣла на скамейку, всматриваясь изъ-подъ темнаго навѣса вѣтвей на залитую свѣтомъ серебристо-зеленую изгородь, на гряды, на акаціи, которыя попадали въ тѣни, падавшей отъ лѣса, и на рѣзкіе, темные силуэты елей, надъ которыми все выше поднималась луна.

„Не можетъ быть, не можетъ быть, чтобы все уже было извѣстно въ жизни для меня, все кончено! Что ничего болѣе не случится въ моей жизни таинственнаго, прекраснаго, неожиданнаго! Что-то есть тамъ, тамъ гдѣ-то, чего я еще жду, что будетъ, придетъ! Я это знаю! Будетъ!“—чуть не вслухъ говорила себѣ Муся, протягивая руки къ свѣтлому небу, къ темному лѣсу, точно тѣ, что это небо могло сіять такой задумчивой красотой, и то, что лѣсъ могъ шептать такъ таинственно и смутно — точно это несомнѣнными словами говорило о далекомъ и широмъ мірѣ, полномъ неизвѣданныхъ тайнъ, и о томъ, что и она когда-нибудь ихъ проникнетъ...

А Сергѣй тѣмъ временемъ дошелъ до балкона. Когда онъ поднялся на лѣстницу, ему прежде всего бросились въ глаза разбросанныя въ беспорядкѣ по столу карты, два опрокинутые стула и кувшинъ съ водой посреди пола. Потомъ Глуховской увидѣлъ Анну Евграфовну: она лежала безъ чувствъ на креслѣ, и въ то время какъ Нина, держа въ перепачканныхъ ягодами рукахъ мокрый платокъ, примачивала ей виски, Лена, стоя на колѣняхъ передъ матерью, растирала ея судорожно-сжатия руки, а мужъ ея держалъ передъ лицомъ Неридовой баночку съ солями.

Но, къ великому изумленію Сергѣя, Марья Петровна воскли-

цала не въ минорномъ, а въ самомъ мажорномъ тонѣ и самымъ сладкимъ голосомъ: — „Ah, quel bonheur! Quelle gloire pour la famille! Que les larmes et la joie sont inséparables!“ — а Ольга, противъ обыкновенія оживленная и раскрасившаяся, чуть не танцевала по балкону, размахивая кажимъ-то письмомъ.

— Чтò такое? Чтò случилось? — обратился Сергѣй къ Ленѣ, но она только махнула рукой, такъ какъ была не въ состоянiи произнести ни слова, и крупныя слезы беззвучно текли по ея щекамъ.

Сергѣй повернулся къ Ольгѣ, но, къ его полному поражению, она подхватила его подъ-руку и закружила его по балкону, дѣлая пѣ вальса.

Въ эту минуту влетѣлъ изъ залы Мюнстеръ съ каплями въ рукахъ. Онъ передалъ ихъ Тихменеву, и видя, что послѣ такого неожиданнаго танца, Сергѣй остановился въ полномъ недоумѣнiи, — тотчасъ заговорилъ громко и торжественно: — Великая, удивительная новость! Радостная и прискорбная вѣсть въ одно и тоже время. Нашъ дорогой товарищъ, нашъ безцѣнный Дмитрій оказался достойнымъ сыномъ своей родины и достойнымъ сыномъ этой уважаемой, родной намъ всѣмъ семьи Неридовыхъ, достойнымъ своего имени!

— Фу ты! часъ отъ часу не легче! Да чтò же такое съ Дмитріемъ случилось!? — съ нетерпѣнiемъ прервалъ Сергѣй эту удивительную рѣчь. — Говори ты, ради Бога, толкомъ, а паеось оставь покамѣсть въ сторонѣ!

— Отличился, отличился! — заговорила Ольга. — Участвовалъ въ первомъ же дѣлѣ, какъ только пріѣхалъ, и представленъ къ Георгію. Къ Рождеству пріѣдетъ сюда. А можетъ быть и осенью. Ахъ! я въ восторгѣ! Ахъ, какъ я его люблю, моего Димку! Какой онъ молодець! Ахъ, онъ всегда былъ такимъ смѣлымъ! — Ольга говорила такъ быстро и оживленно, какъ никогда.

— Ольга Павловна! откуда это онъ пишетъ вамъ, позвольте-ка, мы справимся! — сказалъ Бобринъ, уже принесшій изъ гостинной карту Средней Азiи, которую Анна Евграфовна съ самаго января всюду возила и носила съ собой. — Какъ это мѣсто называется: Ташъ?..

— Ah, quel bonheur! Quel digne jeune homme! — ахала Марья Петровна.

— Да что вы всё такъ разахались!? — съ досадою заговорила Анна Евграфовна, едва приди въ себя. — Вѣдь раненъ онъ, Сергѣй Александровичъ, раненъ въ плечо, и пулю еще не вынули, а можетъ быть и вовсе не вынуть. Еще слава Богу, что въ лѣ-

шую руку. И пишеть, что лихорадка еще до сихъ поръ не вполне прекратилась (А тоже порядки же у насъ: письмо шло чуть не два мѣсяца съ половиной!)... Есть чему радоваться! калѣйкой, можетъ быть, навсегда останется, а они всё утѣшаются крестикомъ!

— Comment done, Анна Евграфовна! Вы и должны радоваться: вашъ сынъ—герой!!!

— Конечно, конечно!—воскликнула Ольга.

— Сдѣлалъ то, что долженъ былъ, а никакого геройства тутъ нѣтъ!—сухо сказала Лена, уже осиливъ свое волненіе.

Сергій не сталъ больше слушать, схватилъ голубой платокъ жены и бѣгомъ пустился съ балкона. — Побѣгу скорѣе, скажу Мусѣ!—прокричалъ Глуховской уже изъ аллеи. Онъ прежде всего подумалъ о Мусѣ, о томъ, какъ она приметъ это извѣстіе, что она почувствуетъ, узнавъ, что Дмитрій раненъ. И со своей всегдашней чуткостью Сергій понялъ, что надо уберечь Мусю отъ внезапнаго потрясенія, приготовить ее къ извѣстію. Какъ знать: можетъ быть, она еще любитъ Дмитрія по прежнему!? Не говоря уже о томъ, что Сергій безпокоился о ея здоровьѣ, но онъ заботился о ея чести, самолюбіи: Муся можетъ испугаться, взволноваться, пожалуй она лишится чувствъ, какъ Анна Евграфовна, и выдастъ себя. И Сергій бѣжалъ по аллеѣ къ женѣ, боясь, какъ бы Муся его не предупредила, отправясь на балконъ другой дорогой. Но, къ счастью, Муся сидѣла все еще на той же скамейкѣ.

Сергій подбѣжалъ къ женѣ.—Вотъ тебѣ, Муся, платокъ!—сказалъ онъ, набрасывая ей на плечи мягкую голубую ткань.—Что же? Развѣ ты уже назадъ?—спросилъ онъ, видя, что Муся встала и сдѣлала нѣсколько шаговъ къ дому.—Побудемъ еще здѣсь!

— Да вѣдь они такъ звали, да и ты тамъ такъ долго пропадалъ; а подумала, что что-нибудь нужно имъ. Что случилось тамъ?

Сергій не сразу отвѣтилъ и взялъ Мусю подъ-руку. — Ничего не случилось...—началъ онъ, но потомъ рѣшилъ, что сейчасъ кто-нибудь можетъ прибѣжать къ нимъ и неосторожно объявить Мусѣ о полученномъ извѣстіи, и что гораздо лучше ему одному быть съ ней, если это извѣстіе взволнуетъ ее, и дать ей наединѣ придти въ себя, оправиться.—То-есть, видишь ли,—заговорилъ онъ мягко и почти шопотомъ:—тамъ привезли Аннѣ Евграфовнѣ письма... Не съѣсть ли намъ, Муся, опять сюда?—перебилъ онъ себя, указывая на скамейку.

— Ну, и что? Отъ кого письма?—тревожно спросила Муся,

уже предчувствуя что-то важное. — Отъ кого? Какое-нибудь несчастье съ близкими?!

— Нѣтъ, нѣтъ! Какое же несчастье можетъ быть съ близкими?.. Вѣдь всѣ здѣсь... Только одного Дмитрія...

— Съ Дмитріемъ несчастье? Отъ кого же письмо? Убить? Умеръ? Сережа, да?—воскликнула Муса, схватывая мужа за обѣ руки.

— Нѣтъ, нѣтъ, живъ! Не совсѣмъ здоровъ, такъ какъ былъ раненъ, но теперь поправляется!.. Представленъ 'въ Георгію... Здоровъ почти совсѣмъ... Только въ лѣвое плечо... Приѣдетъ сюда къ Рождеству... а можетъ быть и осенью... Живъ, живъ!—задыхаясь отъ волненія, быстро, быстро говорилъ Сергѣй, чувствуя разомъ и страхъ, и облегченье, что выговорилъ эти слова, жегшія ему губы. И, не въ силахъ долѣе бороться съ глубокой нѣжностью и состраданіемъ къ Мусѣ, онъ обнялъ ее за плечи, притянулъ къ себѣ и поцѣловалъ въ волосы.

Муса нѣсколько секундъ не поднимала головы съ плеча мужа, потомъ встала, вѣрнее пожала руку Сергѣю и сказала бодро, почти весело:—Пойдемъ же скорѣе къ Аннѣ Евграфовнѣ, поздравимъ ее... и Ольгу. Это такая радость для нихъ.

— Ну, поспѣемъ!—сказалъ теперь въ свою очередь Сергѣй. — Побудемъ еще здѣсь вдвоемъ, вѣдь я съ тобой сегодня двухъ минутъ не былъ.—И задумчиво прибавилъ:—Вотъ ты и вернулась, наконецъ.—Лицо его, озаренное желтоватымъ, слабымъ свѣтомъ іюньской луны, сіяло своей самой счастливой, доброй улыбкой.—Вотъ ты и вернулась!

И, какъ это бывало постоянно въ прежнее, хорошее время, и чего такъ давно уже не было, Муса въ этихъ простыхъ словахъ поняла все, чего не досказалъ Сергѣй, и все, что онъ зналъ и думалъ о ней, и все, что чувствовалъ, и все, что хотѣлъ ей сказать, и тоже, отвѣчая какъ будто на внѣшній смыслъ его словъ, она отвѣтила на его *мысль*:

— Да! вернулась!—сказала она съ виноватой, пристыженной и нѣжной улыбкой. И, быстро перемѣнивъ тему, увѣренная, что Сергѣй теперь тоже пойметъ скачокъ въ ея мысли, Муса прибавила:

— А то, что я тогда сказала тебѣ про луну и тому подобное—это дѣйствительно еще остатки ребячества. Только ты не смѣйся! Не смѣй смѣяться! Вѣрно ужъ это на вѣки вѣковъ во мнѣ останется!

И они подъ-руку пошли къ балкону.

В. Каренинъ.

ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVIII-го ВѢКА

ВЪ ПИСЬМАХЪ БРАТЬЕВЪ ГР. С. И А. ВОРОНЦОВЫХЪ.

Братья графы Семенъ Романовичъ и Александръ Романовичъ Воронцовы были свидѣтелями-очевидцами царствованія Елизаветы Петровны, Петра III, Евкатерины II и Павла I. Александръ Романовичъ въ началѣ царствованія императора Александра I нѣкоторое время занималъ мѣсто канцлера. Оба они были горячими патриотами, опытными дѣловыми людьми и замѣчательными государственными дѣятелями. Благодаря занимаемому ими положенію, они хорошо знали все, что происходило въ ихъ эпоху и въ Россіи, и въ западной Европѣ. Ихъ отзывы и разсужденія о лицахъ и фактахъ могутъ считаться важнымъ источникомъ для исторіи второй половины XVIII-го и даже начала XIX-го вѣка. Ихъ связывала между собою истинная дружба; они писали другъ другу откровенно. Понятно, что такая переписка едва ли не превосходить своимъ значеніемъ всѣ другіе памятники, напечатанные въ богатой коллекціи „Архивъ князя Воронцова“¹⁾. Изъ этой переписки мы узнаемъ весьма подробно о впечатлѣніи, какое производилось на Воронцовыхъ современными имъ событіями, образомъ мыслей и дѣйствій выдающихся людей того времени. Г-нъ Бартеневъ въ предисловіи къ IX-му тому справедливо замѣчаетъ о графѣ Семенѣ Романовичѣ: „Живя въ дальнемъ углу

¹⁾ О нѣкоторыхъ изъ такихъ памятниковъ было уже сообщено въ „Вѣстникъ Европы“: 1887, авг., 637 стр.; сент., 109 стр.; 1888, мартъ, 232 стр.

Европы (въ Англии), онъ служитъ намъ историческимъ зеркаломъ, и въ его письмахъ о Россіи, писанныхъ изъ Англии, отражаются тогдашнія событія русской жизни; взглядъ его свѣзь и ходъ мысли ясенъ¹⁾.

И при изданіи переписки С. Р. Воронцова съ братомъ Александромъ, какъ и въ другихъ случаяхъ, оказывается къ сожалѣнію чрезвычайно неудобнымъ то обстоятельство, что бумаги Воронцовскаго архива не были приведены въ порядокъ до печатанія этихъ драгоценныхъ матеріаловъ, такъ что въ ихъ изданіи нельзя искать ни системы, ни порядка. Переписка братьевъ Воронцовыхъ помѣщена въ разныхъ томахъ изданія. Въ IX-мъ и X-мъ томахъ напечатаны письма С. Р. Воронцова къ Александру Романовичу отъ 1784—1804 гг. Въ XVII-й томъ (стр. 112) попало случайно одно письмо. Въ XXXII-мъ томѣ помѣщены письма, относящіяся къ 1760—84 годамъ, и тутъ, въ концѣ этой коллѣкціи, во-второй разъ напечатаны письма, уже изданныя въ IX-мъ томѣ „Архива“ (сравн. IX, 11, съ XXXII, 199; и IX, 19—23, съ XXXII, 200—206)²⁾. Въ XXXI-мъ томѣ напечатаны письма Александра Романовича къ брату 1783—85 годовъ, а въ XXXII-мъ томѣ—еще три письма, относящіяся къ 1802 и къ 1803 годамъ.

I.

Письма С. Р. Воронцова къ брату, писанныя до 1785-го года, т.-е. до начала дипломатической его дѣятельности въ Англии, почти вовсе не имѣютъ значенія источника для политической исторіи этой эпохи. Зато они могутъ служить важнымъ матеріаломъ для біографіи Семена Романовича. Семейныя дѣла въ нихъ занимаютъ самое видное мѣсто, а потому можно бы было издать эти письма въ сильно сокращенномъ видѣ. Въ нихъ говорится объ управленіи имѣній и заводовъ, которые Воронцовы имѣли въ разныхъ мѣстахъ Поволжья, о родственникахъ Воронцовыхъ,

¹⁾ Зато слѣдующее замѣчаніе г-на Бартенева представляется, однако, лишеннымъ всякаго основанія: „Его дипломатическіе приемы напоминаютъ собою такъ-называемые статейные списки умныхъ русскихъ посланниковъ старо-давняго закала“. Никогда нельзя сравнивать умъ, опытность и образованіе С. Р. Воронцова съ играющими, почти безъ исключенія, жалкую роль московскими дипломатами до-петровскаго времени.

²⁾ Въ виду уже напечатанныхъ въ IX-мъ томѣ писемъ, писанныхъ по поводу кончины супруги С. Р. Воронцова, объясненіе причинъ, почему не раньше какъ въ XXXII-мъ томѣ могли быть напечатаны письма 1760—85 гг. (стр. 78), оказывается несостоятельнымъ.

напр. о графинѣ Строгоновой, о сестрѣ Семена и Александра Романовичей, Елизаветѣ Романовнѣ Полянскоѣ, и т. под. Встрѣчаются очень рѣзкія замѣчанія объ отцѣ, Романѣ Ларіоновичѣ, не отличавшемся щедростію и часто отказывавшемъ дѣтамъ въ деньгахъ (см., напр., XXXII, 110—113). Между отцомъ и сыновьями происходили непріятности по поводу вопроса о выдачѣ послѣднимъ материнскихъ имѣній. Сыновья были въ долгахъ; благодаря скуности отца, ихъ положеніе было весьма затруднительнымъ (166). Впрочемъ, въ семидесятыхъ годахъ отношенія С. Р. Воронцова къ отцу поправились (188). Романъ Ларіоновичъ умеръ въ 1784 году во Владимірѣ-на-Клязьмѣ, и при этомъ случаѣ Семенъ Романовичъ, находившійся въ это время въ Италіи, сильно жаловался на невѣжество докторовъ во Владимірѣ (IX, 2). Около этого времени между Семеномъ Романовичемъ и его братомъ происходили кое-какія недоразумѣнія по поводу денежныхъ дѣлъ, такъ что въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ между ними существовали натянутыя отношенія (XXXII, 195—197). Однако этотъ споръ былъ лишь эпизодомъ, и затѣмъ мы не встрѣчаемъ болѣе примѣровъ такихъ недоразумѣній. Напротивъ, между братьями постоянно господствовала истинная привязанность и готовность во всѣхъ отношеніяхъ помогать другъ другу.

Нѣкоторыя довольно любопытныя данныя въ письмахъ Семена Романовича къ брату относятся къ его дядѣ, канцлеру Михаилу Ларіоновичу, котораго оба племянника любили и уважали какъ нельзя болѣе. Скоро послѣ воцаренія императрицы Екатерины II М. Л. Воронцовъ путешествовалъ по Европѣ и пробылъ нѣкоторое время въ Италіи. вмѣстѣ съ нимъ путешествовалъ и Семенъ Романовичъ, сообщавшій брату Александру разныя извѣстія объ этой поѣздкѣ, о пребываніи во Флоренціи, въ Миланѣ и пр. По случаю пребыванія путешественниковъ въ Берлинѣ, Михаилъ Ларіоновичъ игралъ нѣкоторымъ образомъ роль дипломата при прусскомъ дворѣ (XXXII, 86 и слѣд.). Особенно подробно Семенъ Романовичъ писалъ брату о послѣдней болѣзни и о кончинѣ дяди, котораго онъ называлъ „благодѣтелемъ“, „отцомъ“ и пр. (97). Семенъ Романовичъ страстно любилъ свою двоюродную сестру, графиню Строгонову, которая развелась съ мужемъ и жила у родителей. Она скончалась въ 1769 году. С. Р. Воронцовъ, въ это время участвовавшій въ турецкой войнѣ, былъ въ отчаяніи. Въ его письмахъ къ брату очень часто говорится о Строгоновой (126, 129 и пр.). Нѣтъ сомнѣнія, что любовь была взаимна (131). Еще въ 1773 году Семенъ Романовичъ упоми-

наеть о невозвратимой потерѣ страстно любимой имъ и въ цвѣтѣ лѣтъ сошедшей въ могилу женщинѣ (168).

Молодой Воронцовъ, какъ извѣстно, участвовалъ въ турецкой войнѣ. Около тридцати писемъ его къ брату относятся къ этому времени. Однако эти письма не могутъ служить особенно важнымъ источникомъ исторіи этихъ походовъ. Хотя Семень Романовичъ принималъ участіе даже въ нѣкоторыхъ сраженіяхъ, напр. дрался при Кагулѣ и при Ларгѣ, онъ въ своихъ письмахъ лишь мимоходомъ говоритъ объ этихъ военныхъ дѣйствіяхъ. Впрочемъ нѣкоторыя замѣчанія о военной администраціи, о нѣкоторыхъ лицахъ, игравшихъ болѣе или менѣе важную роль во время войны, достойны вниманія. И тогда, и впоследствии, Воронцовъ былъ очень высокаго мнѣнія о Румянцовѣ, съ которымъ онъ во все время войны находился въ весьма близкихъ сношеніяхъ. Зато онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ брату сильно жалуется на недостатокъ хорошихъ генераловъ и офицеровъ въ русскомъ войскѣ. Онъ не безъ раздраженія говоритъ о малодушіи Исакова, не исполнившаго порученій, данныхъ имъ въ началѣ войны главнокомандующимъ. Воронцовъ этого генерала называетъ прямо трусомъ ¹⁾. Отзвѣы Воронцова о характерѣ и способностяхъ князя Голицына также не особенно благоприятны (125). Семень Романовичъ находилъ, что русскіе офицеры недостаточно образованы, и поэтому во время войны, благодаря нерадѣнію и невѣжеству, не исполняли успѣшно своихъ обязанностей (127). И тогда, и впоследствии, Воронцовъ жаловался на отсутствіе интеллигенціи въ русскомъ войскѣ; его мнѣніе подтверждается другими современниками-знатоками ²⁾. Семень Романовичъ, постоянно занимавшійся техникою и исторіею войны, относился къ подчиненнымъ ему офицерамъ съ нѣкоторою строгостью, о чемъ онъ въ письмахъ къ брату сообщаетъ нѣкоторыя подробности (133). Послѣ сраженій у Кагула и при Ларгѣ его произвели въ полковники (143). Впрочемъ, онъ не былъ доволенъ своимъ положеніемъ. Такъ, напр., между нимъ и извѣстнымъ генераломъ Бауеромъ происходили кое-какія недоразумѣнія; о поединкѣ Семена Романовича съ Штапельбергомъ писалъ не только Воронцовъ самъ къ брату, но и другое лицо—быть можетъ Лафермьеръ (151 и слѣд.). Быстрая карьера Потемкина сильно не понравилась Воронцову, и онъ неоднократно въ письмахъ къ брату жало-

¹⁾ 122: „C'est une chose affreuse et déshonorante à nous de voir quels généraux subalternes que nous avons“... „la lâcheté de mr. Issacow“ (128) и т. п.

²⁾ Еще недавно появились бумаги герцога Ришельё, участвовавшаго въ штурмѣ Измаила и сильно порицавшаго недостатки военной администраціи въ Россіи.

вался на несправедливость, заключающуюся въ томъ, что на Потемкина сыпались награды, между тѣмъ какъ онъ, Воронцовъ, и другіе офицеры были забыты. Карьера Потемкина, котораго Семенъ Романовичъ презиралъ и въ послѣдствіи, заставила его отказаться отъ военной службы тотчасъ же послѣ окончанія турецкой войны (166 и 176).

Всѣ эти частности скорѣе относятся къ біографіи С. Р. Воронцова, нежели къ исторіи этой эпохи вообще. Нельзя, однако, отрицать, что самая жизнь этого замѣчательнаго человѣка во многихъ отношеніяхъ представляетъ важныя характеристическія черты для исторіи этого времени. На этотъ счетъ, напр., достойны вниманія въ письмахъ С. Р. Воронцова къ брату нѣкоторыя замѣчанія о книгахъ, которыми онъ занимался въ это время. Такъ, напр., онъ еще въ 1765 году просилъ Александра Романовича достать ему книгу: „*La philosophie de l'Histoire*“¹⁾; такъ, въ 1767 году онъ съ извѣстнымъ историкомъ Г.-Ф. Миллеромъ бесѣдовалъ о знаменитомъ сочиненіи Беккариа: „*Dei delitti e delle pene*“ (101); такъ, въ его письмахъ къ брату встрѣчаются кое-какія замѣчанія о Боскюэтѣ и другихъ французскихъ писателяхъ, о покушкѣ цѣлыхъ сотенъ книгъ (102—103) и пр. Насколько Воронцовъ въ это время находился подъ вліяніемъ литературы „просвѣщенія“, видно, между прочимъ, изъ его письма, отъ 22-го ноября 1767 г., въ которомъ по поводу чтенія повѣсти „*l'Ingénu*“, Вольтера, говорится о религіозныхъ вопросахъ въ духѣ рационализма и деизма (114—115). Во время войны Семенъ Романовичъ чрезвычайно усердно занимался исторіею турецкихъ войнъ (121 и 125), тактикою, математикою (131) и пр. Неоднократно онъ съ жаромъ говорилъ о своей любви къ военному искусству (168); и въ послѣдствіи, во время дипломатической карьеры, онъ часто сожалѣлъ о томъ, что обстоятельства заставили его покинуть любимую дѣятельность—военную. Наука и литература занимали Воронцова постоянно. Находясь въ Италіи въ 1777 году, онъ, въ письмѣ изъ Пизы, просилъ брата прислать ему изъ Петербурга сочиненія Ломоносова, Сумарокова, ежемѣсячныя сочиненія Академіи Наукъ, трудъ Крашенинникова о Камчаткѣ и пр. (192).

Особенно много С. Р. Воронцовъ занимался чтеніемъ въ Англіи, во время пребыванія тамъ въ качествѣ посланника. Литература занимаетъ довольно видное мѣсто въ его письмахъ къ

¹⁾ 90 Быть можетъ тутъ идетъ рѣчь о соч. Вольтера: „*Essai sur l'esprit et les mœurs des nations*“.

брату. Посылая Александру Романовичу нѣсколько сочиненій объ англійской революціи въ XVII вѣкѣ, онъ дѣлаетъ нѣкоторыя замѣчанія объ извѣстныхъ письмахъ Юніуса (IX, 47); другой разъ онъ пишетъ о знаменитомъ трудѣ Адама Смита, о какихъ-то письмахъ, относящихся къ исторіи царствованія Петра II ¹⁾; немногимъ позже онъ просилъ брата о доставленіи ему исторіи Россіи, князя Щербатова, и продолженія исторіи торговли, Чулкова (106); весьма глубокое впечатлѣніе на него произвело чтеніе изданія Голикова: „Дѣянія Петра Великаго“: „Несмотря на странность слога этого компилятора,—писалъ онъ,—я съ жадностью прочелъ (*j'ai dévoré pour ainsi dire*) эти девять томовъ и охотно прочелъ бы 900 такихъ томовъ; до того предметъ любопытенъ“. Къ тому отзыву о книгѣ Голикова прибавлены многія замѣчанія о дѣятельности Петра Великаго, причемъ мѣстами проводится параллель между событіями этого царствованія и образомъ дѣйствій Еватерины (158—161); во время французской революціи Семень Романовичъ читалъ множество сочиненій о Франціи, политическія брошюры, памфлеты разныхъ партій и пр. (см., напр., 154, 169, 178).

II.

Письма А. Р. Воронцова къ брату Семену Романовичу, писанныя въ 1783—1785 годахъ, не особенно богаты содержаніемъ. Большая часть этихъ писемъ писана по-французски. Но попадаются и русскія письма, которыми Семень Романовичъ былъ очень недоволенъ. „Прошу тебя,—писалъ онъ брату,—писать не на русскомъ языкѣ; ибо я четыре дня разбиралъ твое письмо и съ трудомъ понялъ содержаніе: такъ твой почеркъ природной труднѣе французскаго“ (IX, 24). Въ другомъ письмѣ С. Р. Воронцова къ брату сказано: „Позволь себѣ примѣтить, мой другъ Алексаша, что когда пишешь мнѣ по-русски, то употребляешь слогъ между братьями въ нашемъ языкѣ несродный: вы... Но я надѣюсь, что перестанешь ко мнѣ совсѣмъ писать на природномъ языкѣ, ибо по чести ни двадцатой доли не разбираю“ (IX, 31).

Въ письмахъ Александра Романовича часто идетъ рѣчь о семейныхъ и денежныхъ дѣлахъ. Все это можно бы было напечатать въ значительно сокращенномъ видѣ.

¹⁾ Вѣроятно, письма лэди Рондо, явившіяся впервые въ Англии на англійскомъ языкѣ въ 1776 году.

Зато достойны вниманія нѣкоторыя данныя о событіяхъ, происходившихъ въ Россіи въ то время (1783—85). Такъ напр., упомянуто о волненіяхъ крестьянъ въ прибалтійскомъ краѣ въ 1784 году, именно въ то время, когда Александръ Романовичъ былъ отправленъ въ эти губерніи для составленія отчета о состояніи этого края (XXXI, 441). Пребывая въ Ригѣ, онъ въ письмѣ къ брату пишетъ о процвѣтающей торговлѣ этого города, о числѣ кораблей въ этомъ портѣ, о значительныхъ таможенныхъ доходахъ въ Лифляндіи и пр. Воронцова не было въ Петербургѣ, когда тамъ скончался любимецъ Ланской. Однако Александръ Романовичъ, узнавъ объ этомъ событіи въ Ригѣ, сообщаетъ брату нѣкоторыя подробности о ходѣ болѣзни Ланского, объ отчаяніи императрицы и т. п. (442, 448). Впрочемъ Екатерина, какъ мы узнаемъ и изъ этого источника, сумѣла скоро оправиться послѣ этого горя. Нѣсколько недѣль послѣ кончины Ланского А. Р. Воронцовъ, вернувшись въ Петербургъ изъ Риги, имѣлъ аудіенцію у Екатерины и замѣчаетъ въ письмѣ къ брату: „Императрица продолжаетъ оставаться въ нѣкоторомъ уединеніи; она здорова и работаетъ много“ (XXXI, 448). Немногомъ позже А. Р. Воронцовъ пишетъ о намѣреніи императрицы предпринять путешествіе въ полуденный край Россіи (463). И изъ другихъ источниковъ видно, что уже въ 1783 году начались приготовления къ этой знаменитой поѣздкѣ, состоявшейся, однако, не раньше какъ въ 1787 году ¹⁾.

О дѣлахъ, о вопросахъ политики въ письмахъ Александра Романовича говорится не много. Только въ видѣ исключенія затрогиваются вопросы внѣшней политики. Воронцовы были сторонниками австрійско-русскаго союза и не любили Пруссіи. Вотъ почему Александръ Романовичъ въ 1784 году радовался сближенію между Іосифомъ и Екатериною, вспоминалъ объ эпохѣ императрицы Елизаветы Петровны и надѣялся, что союзъ Россіи съ Австріею окажется полезнымъ ²⁾.

Около этого же времени графъ Семенъ Романовичъ собирался покинуть постъ русскаго дипломата въ Венеціи и переѣхать въ Англію, гдѣ старшій братъ въ началѣ царствованія Екатерины занимал мѣсто русскаго посланника. Отлично знакомый съ Ан-

¹⁾ Воронцовъ опасался для императрицы чумы, иногда свирѣствовавшей въ южной Россіи. Онъ писалъ въ ноябрѣ 1784 г.: „Le voyage de Cherson est remis à l'année 1785, c'est-à-dire à l'hiver de l'année prochaine, et peut-être qu'alors il n'aura pas lieu aussi; je suis très-aise, qu'il est retardé“.

²⁾ Стр. 482: „j'espère que dans ce système-là, la Russie s'en trouvera bien assurément“.

глію, А. Р. Воронцовъ составилъ для Семена Романовича записку о политическомъ состояніи этого края и вообще давалъ брату наставленія, какъ должно вести себя во время пребыванія въ Лондонѣ. Въ виду того обстоятельства, что С. Р. Воронцовъ вскорѣ послѣ занятія дипломатическаго поста въ Англіи сдѣлался англоманомъ и въ продолженіе нѣсколькихъ десятилѣтій оставался въ этой странѣ, замѣчанія Александра Романовича объ Англіи, писанныя въ 1784 году, достойны вниманія. Такъ, напр., онъ говоритъ въ письмѣ къ брату (по-русски): „Правленіе ихъ (англичанъ), вонечно, безпримѣрное, но дѣйствительно только что на ихъ островъ и сдѣлано. Нѣтъ народа, въ которомъ въ приватной жизни было болѣе добродѣтели, праводушія и дружбы, какъ у нихъ; хорошо жить и родиться тамъ“. Зато дѣятельность иностраннаго дипломата въ Англіи, какъ сказано далѣе въ письмѣ Александра Романовича, сопряжена съ особенными затрудненіями, о которыхъ Воронцовъ зналъ по собственному опыту. Объясняя положеніе дѣлъ между Россією съ одной—и Англією, Францією и Австрією—съ другой стороны, онъ указываетъ на личныя соображенія въ области внѣшней политики императрицы Екатерины. Любопытно слѣдующее замѣчаніе въ письмѣ Александра Романовича: „Есть еще пунктъ, въ которомъ надо очень остерегаться, о коемъ я тѣмъ удобнѣе говорить могу, что признаться должно, что по молодости моей я не могъ отъ того спастись: чѣмъ болѣе ознакомишься въ Англіи, тѣмъ больше привяжешься въ ихъ дѣла, а сіе самое нечувствительнымъ образомъ, что и сдѣлаешься участникомъ дворовой ли партіи, или той, которая противу министровъ. Г. Симолинъ, не желая, отъ онаго все же не избѣгнуть; а изъ сего родятся всегда непріятныя слѣдствія во вреду иностраннаго министра; а въ оное, безъ большой осторожности, нечувствительнымъ образомъ впадешь“. Послѣ нѣкоторыхъ замѣчаній о житьѣ-бытьѣ въ Англіи въ хозяйственномъ отношеніи, А. Р. Воронцовъ замѣчаетъ: „Я радуюсь особливо для Мишеньки, что вы въ Англію ѣдете, и ему воспитаніе дать можно такое, какое трудно-бъ было здѣсь имѣть“ (XXXI, 438—441).

Супруга Семена Романовича была очень довольна возможностью переселенія въ Англію; однако ей не было суждено увидѣть этой страны, гдѣ ея дѣти воспитывались особенно успѣшно, и гдѣ ея дочь, вступивъ въ бракъ съ лордомъ Пемброккомъ, оставалась до гроба. Графиня Екатерина Алексѣевна скончалась въ Италіи отъ чахотки.

Въ письмахъ братьевъ Воронцовыхъ, понятно, говорится подробно объ этомъ печальномъ событіи. Александръ Романовичъ

глубоко уважалъ свою невѣстку, съ которою онъ иногда переписывался, и о болѣзни которой онъ узналъ еще въ июлѣ 1784 г. Вскорѣ затѣмъ онъ получилъ извѣстіе о кончинѣ графини. Семенъ Романовичъ писалъ брату о своемъ горѣ въ тонѣ полнаго отчаянія ¹⁾. Александръ Романовичъ старался успокоить и ободрить брата (XXXI, 450—451), совѣтуя ему скорѣе поѣхать въ Итацію и искать утѣшенія въ занятіяхъ дѣлами въ Лондонѣ. Цѣлый рядъ писемъ А. Р. Воронцова посвященъ этому предмету (452—466).

Семенъ Романовичъ былъ не только нѣжнымъ супругомъ, но и нѣжнымъ отцомъ. Въ его письмахъ къ брату изъ Англіи чрезвычайно подробно говорится о воспитаніи дѣтей, Михаила и Екаторины. А. Р. Воронцовъ особенно любилъ своего племянника „Мишеньку“, и поэтому интересовался всѣми частностями занятій и успѣховъ даровитаго мальчика. Объ этомъ предметѣ часто писалъ Семенъ Романовичъ. „Мишенька“ учился въ Англіи русскому языку, занимался чтеніемъ Иліады и Энеиды, драмъ Расина и пр. (IX, 242). Отецъ впоследствии хотѣлъ-было отправить сына въ геттингенскій университетъ (246), однако „Мишенька“ оставался въ Англіи; русскій языкъ изучался по грамматикѣ Ломоносова, составлялись переводы изъ англійскаго и французскаго языковъ на русскій; читались книги, писанныя на церковно-славянскомъ языкѣ (265); сообщая объ успѣхахъ сына, отецъ замѣчаетъ: „Я помню, что въ его годы я не сдѣлалъ бы половины того, что онъ успѣлъ сдѣлать“ (315). Александръ Романовичъ долженъ былъ высылать изъ Россіи для племянника разныя книги, въ томъ числѣ латинско-русскій словарь (322); когда графу Михайлу Семеновичу было тринадцать лѣтъ, онъ уже, во время глазной болѣзни отца, былъ чѣмъ-то въ родѣ секретаря у него (336); особенное вниманіе обращалось на изученіе математики (339).

¹⁾ Вотъ, что сказано между прочимъ въ письмѣ С. Р. Воронцова, отъ 8-го ноября 1784 г., изъ Пизы: „Mon malheur n'a pas de pareil. Chaque jour empoisonne de plus en plus mon âme. J'ai été trop heureux pour ne pas sentir que je ne suis plus ce que j'ai été et que l'horrible état dans lequel je me vois durera tant que durera ma misérable vie. J'ai toujours présents à ma mémoire ces mots de ma femme le premier mois de sa maladie, quand elle croyait et que nous étions tous persuadés qu'elle était hors de danger: en vérité, mon cher Сенюла, Dieu aurait été trop cruel, s'il nous avait séparés. C'est en pleurant et en m'embrassant qu'elle me disait ces paroles. Nous voilà séparés! Il n'y a plus de Dieu pour moi, et s'il y a quelque être, ce ne peut être qu'un très mal-faisant, qui accable avec atrocité ceux qui jouissent de leur bonheur avec pureté et innocence“ (IX, стр. 11, и XXXII, 199). Изъ за послѣднихъ строкъ, вышеченныхъ въ IX-мъ томѣ, по словамъ г-на Бартенава, всѣ 54 письма С. Р. Воронцова къ брату, помѣщенные въ XXXII-мъ томѣ, сначала вообще не были напечатаны раньше. Неужели не было другихъ причинъ нарушенія хронологической очереди при изданіи этихъ бумагъ?

III.

Важнѣе этихъ семейныхъ дѣлъ въ перепискѣ братьевъ Воронцовыхъ — отзывы о политикѣ. Особенно любопытны въ письмахъ Семена Романовича замѣчанія о Россіи и Англіи.

Отзывы о Россіи не всегда благопріятны. Попадаютъ мѣстами довольно рѣзкія выходки противъ императрицы Екатерины и ея сотрудниковъ. Привыкнувъ къ учрежденіямъ Англіи, къ болѣе высокой степени культуры въ западной Европѣ, Семенъ Романовичъ часто былъ недоволенъ государственнымъ и общественнымъ строемъ своей родины. Не безъ раздраженія онъ жаловался на нерадѣніе и лѣнь вице-канцлера Остермана, оставлявшаго его довольно часто безъ извѣстій о ходѣ текущихъ дѣлъ (IX, 13, 20); дѣятельность Потемкина въ южной Россіи казалась ему далеко не заслуживающею одобренія, а скорѣе положительно вредною (18); о военныхъ способностяхъ Потемкина онъ говорилъ съ презрѣніемъ, и для подтвержденія неблагопріятнаго отзыва приводитъ разные любопытные и характеристическіе случаи (26, 27); въ другомъ мѣстѣ говорится о небрежности и неряшливости Потемкина, оставляющаго по цѣлымъ недѣлямъ на своемъ письменномъ столѣ самыя важныя и тайныя бумаги (78); по мнѣнію Воронцова, всѣ деньги, истраченныя на администрацію вѣрренныхъ Потемкину губерній, могли считаться брошенными изъ окна (86). Достоинъ вниманія то обстоятельство, что эти замѣчанія сдѣланы, такъ сказать, наканунѣ знаменитаго путешествія императрицы въ Крымъ въ 1787-мъ году.

Встрѣчаются различныя отзывы о Екатеринѣ; Воронцовъ порицалъ нѣкоторыя мѣры, принятыя ею. Такъ, напримѣръ, ему не понравился законъ о дворянствѣ (1785 года), между тѣмъ какъ постановленіе о банкѣ казалось ему замѣчательнымъ подвигомъ (69). Твердость Екатерины во время опаснаго кризиса въ 1791-мъ году, когда ежечасно можно было ожидать разрыва между Россіею и Англіею, привела Семена Романовича въ восторгъ. Онъ отдавалъ императрицѣ при этомъ случаѣ полную справедливость и гордился честью служить столь замѣчательной государынѣ ¹⁾. Это не мѣшало Семену Романовичу обнаруживать нѣкоторую холодность при полученіи извѣстія о кончинѣ Екате-

¹⁾ „Ne croyant pas possible qu'elle voulût céder à des menaces et hostilités et recevoir la loi des puissances étrangères, elle a bien justifié ma confiance dans son grand caractère, et je me trouve tout fier de servir une si grande souveraine“ (207).

рины (X, 1); въ 1798-мъ году онъ замѣтилъ, что во время долгого царствованія Екатерины неблагодарная Россія совсѣмъ забыла благодаренія и добродѣтели Елизаветы (X, 25).

Укажемъ на нѣкоторые примѣры разногласія между Семеномъ Романовичемъ и Екатериною по довольно важнымъ вопросамъ. Вооруженный нейтралитетъ, по мнѣнiю Воронцова, былъ крупною ошибкою императрицы. Будучи убѣжденнымъ въ необходимости сохраненія самыхъ близкихъ и дружескихъ сношенiй между Англiею и Россiею, русскiй дипломатъ въ Лондонѣ не могъ не сожалѣть обо всемъ томъ, что могло бы препятствовать сохраненiю такого союза. Англичане же не безъ основанiя были крайне недовольны вооруженнымъ нейтралитетомъ. Семень Романовичъ, въ своихъ письмахъ къ брату неоднократно возвращаясь къ этому предмету, порицалъ образъ дѣйствiй русскаго правительства. Каждый разъ, когда происходили между Англiею и Россiею переговоры о торговомъ трактатѣ, вооруженный нейтралитетъ являлся камнемъ преткновенiя, — „*cette absurde neutralité armée*“, писалъ Семень Романовичъ въ 1790-мъ году (IX, 164); онъ доказывалъ, что вслѣдствiе вооруженнаго нейтралитета „шведская и прусская торговля возросли, а наша ничего не выиграла, напротивъ потеряла; а государство потеряло въ Англiи естественнаго друга, не приобрѣта другого на его мѣсто“ (180); враждебное отношенiе Англiи къ Россiи во время шведской и турецкой войнъ Семень Романовичъ главнымъ образомъ приписывалъ вооруженному нейтралитету (190, 204, 226). Императрица, гордившаяся введенною ею въ области морского права реформою, узнавала кое-что объ этомъ взглядѣ Семена Романовича на этотъ предметъ, и это обстоятельство, какъ можно думать, содѣйствовало нѣкоторой холодности въ ея отношенiяхъ къ замѣчательному дипломату.

Строгость Екатерины въ дѣлѣ Радищева также сильно не понравилась Семену Воронцову, и онъ довольно рѣзко въ своихъ письмахъ къ брату осуждалъ образъ дѣйствiй императрицы при этомъ случаѣ. Онъ не понималъ, какъ было возможно приговорить Радищева къ смертной казни за неосторожную книгу: „Этотъ приговоръ надъ бѣднымъ Радищевымъ, — писалъ Воронцовъ брату, — мнѣ причиняетъ несказанную боль. Сколь страшный приговоръ и сколь страшное смягченiе наказанiя — и все это за шалость (*étourderie*)! Какъ же стануть наказывать настоящiя преступленiя и открытый бунтъ? Ссылка въ Сибирь на десять лѣтъ — это хуже смерти для человѣка, у котораго есть дѣти... это ужасно!“ (181) Въ другомъ мѣстѣ Семень Романовичъ замѣчаетъ, что вина Радищева заключается въ ошибку, сдѣланной

головою, но что его сердце не принимало никакого участія въ этой „étourderie“ (212). Говоря нѣсколько позже о пользѣ отправления посольства въ Китай, графъ пишетъ: „Мнѣ кажется, что тутъ представляется удобный случай покончить съ опалю бѣдлаго Радищева, присоединя его къ посольству и поручивъ ему веденіе переговоровъ о торговлѣ, такъ какъ онъ хорошо знакомъ съ этимъ предметомъ“ (231).

Неоднократно Семень Романовичъ жаловался въ своихъ письмахъ къ брату на существенные недостатки въ области администраціи и дѣлопроизводства въ Россіи, на отсутствіе чувства долга и отвѣтственности у чиновниковъ, на медленность хода дѣлъ и пр. (см. напр. 79); зато онъ неоднократно хвалилъ Англію ¹⁾. Говоря объ англійскихъ купцахъ, проживающихъ въ Россіи, онъ пишетъ: „Всѣ эти англичане, составляющіе себѣ у насъ большое богатство, непременно возвратятся со своимъ капиталомъ въ Англію; никто не будетъ до того глупымъ (imbécile), чтобы для себя и для своихъ потомковъ отказаться отъ англійскихъ правъ и предпочесть жизнь въ странѣ деспотической пребыванію въ самомъ свободномъ краѣ всего міра“ (104). Въ сильномъ раздраженіи Семень Романовичъ писалъ о придворныхъ интригахъ въ Петербургѣ и о несправедливости, съ которою тамъ обращались съ его братомъ (118). Нерѣдко ему приходилось сравнивать Англію съ Россіею, причемъ послѣдняя не оставалась въ выигрышѣ. Такъ, напр., въ 1788-мъ году, когда въ Россіи во время турецкой и шведской войнъ правительство прибѣгло къ умноженію бумажныхъ денегъ, Семень Романовичъ высказалъ опасенія, что при существующемъ въ Россіи невѣжествѣ публики эта мѣра можетъ повлечь за собою разныя неудобства, въ томъ числѣ и поддѣлку бумажныхъ денегъ. Затѣмъ онъ продолжаетъ: „Въ Англіи совсѣмъ иное дѣло. Отношеніе публики къ денежнымъ знакамъ гораздо правильнѣе, чѣмъ у насъ. Всѣ умѣютъ читать и писать“, и пр. Печальное положеніе, въ которомъ находилась Россія, сильно безпокоило графа Воронцова: „Ты не можешь вообразить себѣ, мой другъ,—писалъ онъ брату,—какъ я печаленъ, видя, въ какомъ состояніи находится наше отечество; контрабандная торговля, подвѣщивающая финансы, недостатокъ въ звонкой монетѣ, бумажныя деньги, наводняющія страну и со дня на день все болѣе и болѣе падающія въ цѣнѣ, обороты, всюду встрѣчающіе затрудненія, война, разоряющая народное благосостояніе, въ добавокъ еще неурожай!“ (126—127).

¹⁾ „Le gouvernement le moins imparfait qui ait jamais été imaginé par les hommes“ (99).

Неоднократно и въ другихъ письмахъ Семень Романовичъ возвращается къ вопросу о неблагопріятномъ состояніи Россіи, о чрезмѣрной роскоши въ высшихъ классахъ русскаго общества (148), о неудачныхъ денежныхъ операціяхъ, о неопытности государственныхъ дѣятелей въ Россіи. Упомянувъ о послѣднихъ, онъ замѣчаетъ: „Это соотвѣтствуетъ просвѣщенію какого-либо марокскаго правительства“ (156). Чрезвычайно рѣзко Семень Романовичъ отзывался также о русскомъ обществѣ, сильно порицая внѣшній лоскъ образованія молодыхъ дворянъ, не имѣвшихъ никакихъ убѣжденій, не руководствовавшихся никакими началами, утопавшихъ въ роскоши и, слѣпо подражая въ модахъ французамъ, отличавшихся невѣжествомъ и невниманіемъ къ интересамъ Россіи. Описывая подробно житье-бытье русской молодежи въ Парижѣ, Семень Романовичъ замѣчаетъ: „Tout cela fait pitié“ (160—161).

Во многихъ отношеніяхъ, по мнѣнію С. Р. Воронцова, Англія могла служить образцомъ для Россіи; такъ напр., онъ сожалѣлъ о томъ, что въ Россіи употребляется столько дровъ, между тѣмъ какъ слѣдовало бы эксплуатировать каменно-угольные копи (166); далѣе онъ находить, что чиновники въ Англіи работаютъ несравненно энергичнѣе, чѣмъ служащіе въ Россіи (213); въ противоположность въ недостатку въ замѣчательныхъ дѣлцахъ въ Россіи, Семень Романовичъ хвалитъ опытность въ дѣлахъ, умъ, образованіе и ловкость англичанъ, указывая на цѣлый рядъ знаменитостей, оказавшихъ самыя существенныя услуги своему отечеству; далѣе, Воронцовъ съ восторгомъ говоритъ о значеніи развитія наукъ въ Англіи и примѣненіи ихъ къ практикѣ, и пр. (226). Сравнивая свой садъ въ Лондонѣ съ садомъ въ имѣніи Воронцовыхъ близъ Петербурга, Муринъ, онъ даетъ предпочтеніе англійскому способу разведенія садовъ (330), и пр.

IV.

Высокое мнѣніе объ Англіи, разумѣется, не мѣшало графу Семену Романовичу въ дипломатическихъ сношеніяхъ съ государственными людьми въ Англіи дѣйствовать исключительно въ духѣ интересовъ Россіи. Въ его письмахъ къ брату дѣла, а именно отношенія Россіи къ Англіи, занимали тѣмъ болѣе видное мѣсто, что содержаніе нѣкоторыхъ и особенно длинныхъ писемъ имѣло, такъ сказать, оффиціозное значеніе. Семень Романовичъ, рассуждая подробно о разныхъ политическихъ вопросахъ, желалъ, чтобы его

письма къ брату читались при дворѣ и служили руководствомъ для графа Безбородки, завѣдывавшаго въ то время дѣлами внѣшней политики и состоявшаго въ весьма близкихъ сношеніяхъ съ графомъ А. Р. Воронцовымъ, и даже для самой императрицы, которая уважала умъ, способности и патріотизмъ Семена Романовича. Такимъ образомъ эти письма могутъ считаться перво-класснымъ источникомъ при изученіи истории англо-русской политики за все это время. Отношенія между обѣими державами въ послѣдніе годы царствованія Екатерины были порою натянутыми. Нельзя не удивляться дипломатическому искусству С. Р. Воронцова, остававшагося въ благопріятныхъ отношеніяхъ къ Питту и въ то же самое время дѣйствовавшаго подъ-часъ заодно съ оппозиціею противъ знаменитаго англійскаго министра. Чрезвычайно любопытны въ письмахъ Семена Романовича къ брату всѣ частности переговоровъ русскаго дипломата съ англійскимъ министерствомъ о торговомъ трактатѣ; особенно подробно говорится о стараніяхъ Пруссіи сѣять раздоръ между Россіею и Англіею (43); далѣе воспроизводится содержаніе бесѣдъ Семена Романовича съ Питтомъ (64, 88 и пр.), сообщается ходъ преній въ парламентѣ по нѣкоторымъ важнымъ вопросамъ, объясняется положеніе разныхъ политическихъ партій въ Англии, и пр. При всѣхъ выгодахъ сближенія съ оппозиціонною партіею, съ Фоксомъ и другими противниками Питта, Семенъ Романовичъ дѣйствовалъ крайне осторожно даже тогда, когда около 1790—91 года англійское правительство мечтало о разрывѣ съ Россіею, между тѣмъ какъ оппозиція желала сохраненія мира. Зорко слѣдя за настроеніемъ умовъ въ Англии, Семенъ Романовичъ старался въ свою очередь дѣйствовать на англійскую публику. Во все это время онъ требовалъ, чтобы Россія твердо и рѣшительно настаивала на своемъ, не обнаруживала слабости, уступчивости; и дѣйствительно стойкость императрицы во время этого кризиса дала Россіи возможность удачно выйти изъ нѣсколько опаснаго положенія. Семенъ Романовичъ, руководя значительною долею дѣйствіями русскаго правительства, сообщая разныя подробности о состояніи дѣлъ въ Англии, имѣлъ важную долю въ сохраненіи мира. При обсужденіи характера и политическихъ пріемовъ Питта, при оцѣнѣ силы и значенія противоположныхъ другъ другу партій въ Англии, онъ, какъ видно изъ его писемъ къ брату, былъ экспертомъ. Продолжительное пребываніе въ Англии дало ему возможность близко и точно ознакомиться съ учрежденіями этой страны и опредѣлить мѣру вліянія этихъ учреждений на ходъ внѣшней политики. Подробное объясненіе всѣхъ этихъ

обстоятельствъ придаетъ этимъ письмамъ особенное значеніе. И послѣ заключенія мирныхъ договоровъ со Швеціею и съ Турціею, Семень Романовичъ указывалъ на опасность, которая могла грозить Россіи со стороны Англіи, и поэтому онъ постоянно требовалъ, чтобы ему сообщали подробности переговоровъ между русскими министрами и англійскимъ посломъ въ Петербургѣ (235, 313), причеиъ онъ неоднократно жаловался на лѣнь и неряшливость лицъ, завѣдывавшихъ внѣшними дѣлами въ Россіи.

Слѣдя во время турецкой и шведской войнъ (1787—91) за всѣми подробностями событій, Семень Романовичъ иногда подвергалъ строгой критикѣ мѣры дипломатовъ и военачальниковъ въ Россіи. Такъ, напр., онъ не одобрялъ вовсе намѣренія Екатерины отправить русскій флотъ въ Архипелагъ. Достоинно вниманія то обстоятельство, что адмиралъ Грейгъ, командовавшій флотомъ, предложилъ въ 1787 году графу С. Р. Воронцову занять должность главнокомандующаго войсками, которыхъ предполагали отправить въ Архипелагъ (113). Хотя Семень Романовичъ неоднократно говорилъ, что предпочитаетъ военную карьеру дипломатической, онъ не принялъ этого предложенія, такъ какъ онъ не могъ рѣшиться на разлуку съ дѣтми. Враждебныя дѣйствія Англіи, Пруссіи и Швеціи заставляли его думать, что русскій флотъ окажется гораздо болѣе нужнымъ въ Балтійскомъ морѣ, чѣмъ въ Архипелагѣ. Къ тому же онъ не безъ основанія приписывалъ раздраженіе Англіи главнымъ образомъ проекту этой экспедиціи; поэтому онъ въ началѣ мая 1788 года, въ письмѣ къ брату, жаловался на „проклятую эскадру, на которую миллионы тратятся совершенно по пустому“ (119). Вообще турецкая война, по мнѣнію Семена Романовича, была менѣе важною, чѣмъ шведская (см. 125, 128, 129). Довольно часто онъ оставался недоволенъ дѣйствіями русскаго флота въ борьбѣ съ шведскимъ. Оставаясь все время занятымъ противникомъ Пруссіи, Семень Романовичъ въ началѣ 1790 года писалъ къ брату, что въ Англіи рассчитываютъ на скорую перемѣну на престолѣ въ Россіи и на сближеніе между Павломъ и Фридрихомъ-Вильгельмомъ II. „Здѣсь думаютъ, — сказано въ этомъ письмѣ, — что наслѣдникъ такой же пруссакъ, какимъ былъ Петръ III... Вотъ до чего насъ довела непростительная оплошность императрицы, не обращающей достаточнаго вниманія на людей, окружающихъ ея сына и позволяющей ему проникнуться прусскою системою и взорениться въ оной“ (165). Въ другомъ письмѣ, отъ 2-го февраля 1790, сказано: „Прусскій король объявилъ англичанамъ: погодите, импе-

ратрицѣ не долго жить, а я въ вамъ приведу совершенно преданнаго мнѣ наслѣдника“ (167).

Во все время до заключенія верельскаго мира Швеція казалась Семену Романовичу весьма опасною державою. Его мучила мысль о возможности занятія Петербурга шведами, объ ущербѣ для русской торговли вслѣдствіе военныхъ дѣйствій на Балтійскомъ морѣ. „Однимъ словомъ,—писалъ онъ,—я бы охотно отдалъ 30 Крымовъ за Гельсингфорсъ и Свеаборгъ, безъ которыхъ Петербургъ никогда не будетъ въ безопасности“, и пр. (173). Довольно подробно въ этихъ письмахъ указано на условія, которыя нужно имѣть въ виду при заключеніи мирнаго договора со Швеціею. Такъ напр., онъ настаивалъ на томъ, чтобы Россія приобрѣла Нишлотскую крѣпость (208).

Въ девяностыхъ годахъ Семень Романовичъ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за дѣйствіями Россіи въ Польшѣ. Въ 1792 году въ Петербургѣ зашла рѣчь объ отправленіи его въ качествѣ дипломата въ Польшу. Александръ Романовичъ, чрезъ котораго онъ узналъ объ этомъ намѣреніи, зная, что братъ неохотно возьметъ на себя такое порученіе, воспрепятствовалъ осуществленію этого предположенія (235).

Семень Романовичъ не всегда былъ доволенъ распоряженіями русскаго правительства въ Польшѣ. Такъ напр., онъ подвергнулъ строгой критикѣ одну изъ записокъ русскаго правительства, въ которой восхвалялось прежнее политическое устройство Рѣчи-Посполитой ¹⁾ (240). Сначала Семень Романовичъ не повѣрилъ, что авторомъ этой деклараціи былъ Марковъ. Узнавъ положительно объ этомъ, онъ оставался при своемъ прежнемъ мнѣніи о безтактности редакціи этого документа (252). Въ Англіи образъ дѣйствій Россіи въ отношеніи къ Польшѣ въ 1792-мъ году возбуждалъ сильное негодованіе. Быть можетъ это раздраженіе англичанъ заставило Семена Романовича желать, чтобы дѣло не дошло до второго раздѣла, причемъ онъ указывалъ между прочимъ и на то обстоятельство, что каждый раздѣлъ Польши увеличиваетъ силы и средства Пруссіи (243). Любопытно, что Семень Романовичъ былъ совершенно доволенъ польскою конституціею 3-го мая 1791 г. (199, 200, 214—215). И на этотъ счетъ,

¹⁾ „Il ne fallait pas entrer dans les éloges ridicules de l'ancienne forme du gouvernement, sous lequel la république a fleuri et prospéré tant de siècles. Cela a l'air de stupidité, si on le dit de bonne foi, ou de dérision outrageante, si on est persuadé, comme tout le monde l'est, que c'était le gouvernement le plus absurde et le plus détestable. Comment pouvait-on faire une déclaration si ridicule, je ne le conçois pas“, и пр. См. также стр. 302.

какъ довольно часто и въ отношеніи къ другимъ вопросамъ, взгляды Воронцова расходились съ воззрѣніями и желаніями императрицы Екатерины.

Лѣтомъ 1792 года Семенъ Романовичъ писалъ объ образованіи въ Англіи общества для оказанія помощи полякамъ (249); далѣе, онъ говорилъ о необходимости допустить нѣкоторыя реформы въ Польшѣ, усилить монархическую власть; о намѣреніяхъ Пруссіи и Австріи въ отношеніи къ Польшѣ; о своихъ бесѣдахъ съ англійскими государственными людьми по поводу второго раздѣла Польши и пр. (284, 287). Въ довольно рѣзкихъ выраженіяхъ онъ, въ письмѣ отъ 7-го мая 1793 г., осуждалъ политику Россіи при этомъ случаѣ. Такъ, напр., сказано тамъ: „Несправедливость бьетъ въ глаза тѣмъ болѣе, что при этомъ было поступлено съ вопіющимъ вѣроломствомъ... Кто послѣ этого будетъ имѣть къ намъ довѣріе“ и пр. (307). Изъ переписки графа Завадовскаго съ С. Р. Воронцовымъ ¹⁾ намъ уже извѣстно, до чего доходило негодованіе послѣдняго, какъ смѣло онъ осуждалъ образъ дѣйствій русскаго правительства, и какъ Завадовскій старался оправдывать крайнія мѣры, принятія Екатериною.

V.

Въ продолженіе всего этого времени и французская революція которой въ будущемъ году исполнится первое столѣтіе, обращала на себя серьезное вниманіе Семена Романовича; его взгляды на людей той эпохи и событія представляютъ не мало интереснаго, а иногда и новаго, по сравненію съ другими показаніями современниковъ революціи. За два года до ея начала, въ 1787 г., онъ писалъ объ отчаянномъ финансовомъ положеніи Франціи (IX, 104); между тѣмъ какъ братъ его хвалилъ Неккера, онъ не былъ доволенъ распоряженіями этого министра (114); въ 1789 г. въ письмахъ Семена Романовича слѣдуютъ разные любопытныя замѣчанія о національномъ собраніи; особенно подробно обсуждаются финансовыя мѣры, принятія въ то время во Франціи; не безъ негодованія Семенъ Романовичъ говоритъ о деспотизмѣ города Парижа, который „управляетъ и королемъ, и такъ-называемымъ національнымъ собраніемъ, и всѣмъ королевствомъ“.

Въ Англіи Воронцовъ встрѣчался со многими французскими эмигрантами; ему казалось невозможнымъ, чтобы „республикан-

¹⁾ См. „Вѣстникъ Европы“ 1887, т. V, стр. 136—137.

свѣя учрежденія, годныя, пожалуй, для казого-либо кантона Аппенцеля или Швица, были примѣнны къ великому государству, какова Франція съ 24 милліонами жителей“. Читая брошюры всѣхъ партій, Семень Романовичъ старался составить себѣ все-стороннее и безпристрастное понятіе о положеніи Франціи; лучшимъ журналомъ ему казался „*Courrier de Provence*“, причѣмъ онъ хвалилъ политическія и литературныя способности графа Мирабо ¹⁾). Любопытны также нѣкоторыя замѣчанія о герцогѣ Орлеанскомъ, отцѣ короля Людовика-Филиппа, находившемся въ концѣ 1789 года въ Англіи (156). О Людовикѣ XVI сказано въ письмѣ отъ 9-го ноября 1790 г.: „Что касается до жизни короля, то я, еслибы я былъ на его мѣстѣ, считалъ бы смерть за благодѣяніе; зависимость и униженіе дѣлають его существованіе невыносимымъ“ (183).

О бывшемъ французскомъ министрѣ Калоннѣ, находившемся въ то время въ Англіи, Семень Романовичъ пишетъ: „Это человѣкъ очень остроумный, но у него нѣтъ способности судить правильно о вещахъ. Онъ воображаетъ, что Питтъ его сердечный и откровенный другъ, и поэтому онъ довѣряетъ ему разныя тайны, между тѣмъ какъ Питтъ состоитъ въ сношеніяхъ съ демократами въ Парижѣ и противодѣйствуетъ всѣми мѣрами планамъ г-на Калонна, состоящимъ въ возстановленіи прежней монархической власти“. Въ доказательство этого Семень Романовичъ въ письмѣ къ брату приводитъ разные факты, проливающіе свѣтъ на отношенія Питта къ революціонной партіи во Франціи (209).

Перемѣна, происшедшая во Франціи, заставила Семена Романовича обратиться къ своему правительству съ вопросомъ, какъ онъ долженъ относиться къ французскому посланнику въ Лондонѣ. Ему казалось невозможнымъ примѣнять прежнія правила дипломатическаго этикета къ представителю революціонной Франціи. „Онъ же,—замѣчаетъ Семень Романовичъ,— не можетъ считаться представителемъ узника Людовика XVI, а скорѣе повѣреннымъ въ дѣлахъ господъ Робеспьера, Петіона и Грегуара“ (211). Далѣе онъ насмѣхается надъ чисто демократическимъ составомъ національнаго собранія и, между прочимъ, рассказываетъ случай выбора одного кучера въ члены этого парламента.

¹⁾ О немъ сказано: „L'auteur est un scélérat, il est vrai, dont le but est de tout renverser en France, et il le cache avec beaucoup d'art; mais il y a sur d'autres choses des réflexions qu'on peut utilement appliquer à tous les pays“; стр. 154—158.

Къ этому прибавлено: „Говорять, что это самый честный членъ во всемъ собраніи“ (218).

Особенно подробно въ письмахъ С. Р. Воронцова къ брату говорится объ отношеніи Англии къ Франціи во время революціи; при этомъ Семень Романовичъ рассчитывалъ на то, что содержаніе его писемъ дойдетъ до императрицы. Иногда онъ даже прямо просилъ Александра Романовича донести государынѣ объ этихъ весьма важныхъ частностяхъ. „Аглицкая нація, — писалъ онъ (по-русски), — вообще смотритъ равнодушно на дѣла французскія, не прилипаясь нисколько ни къ угнетенной, ни къ угнетающей тамо партіи, и обазываетъ до сихъ поръ совершенное и прелюбное отвращеніе воспользоваться разстройкою несчастной своей соперницы... Питтъ не можетъ, однакожъ, сколь ни старается, скрыть свое желаніе продлить французскія замѣшательства и пользоваться оными сколь можно болѣе. Руководству здѣсь всѣми дѣлами, французскія онъ взялъ подъ собственное и весьма тайное управленіе. Имѣетъ претѣсную связь съ бѣшенными главами демократической въ Парижѣ партіи. Имѣетъ тамъ своихъ агентовъ, между коими отличается нѣкто, называемый Кларксонъ, другъ господина Вильберфорса, съ коимъ онъ, г. Питтъ, издавна въ тѣсной дружбѣ находится. Сей первый министръ имѣетъ потаенное сношеніе съ тамошними журналистами, съ главами жакобинскаго клуба и съ нѣкоторыми членами народнаго собранія. Въ числѣ всѣхъ сихъ сумасбродныхъ головъ, или предателей ихъ отечества, суть Петіонъ, Робеспьеръ, Редезь, Бриссотъ, Горзасъ, Кора, Кондорсетъ и много еще другихъ, кои, по глупости, по гнусному корыстолюбію или по надменному властолюбію, въ семъ безпутномъ и анархическомъ правленіи Франціи, слѣпо преданы управляющему здѣсь министру. Г-нъ Питтъ послалъ недавно въ Парижъ еще собственнаго своего секретаря Смита, къ которому онъ имѣетъ великую довѣренность. Все это дѣлается мимо посла лорда Гора“.

Такъ какъ эти событія прямо относились къ политикѣ и должны были интересовать русскаго посланника въ Лондонѣ, ибо сообщеніе этихъ данныхъ въ письмахъ Воронцова къ брату, очевидно, имѣло оффиціозное значеніе, — то этотъ источникъ заслуживаетъ полнаго вниманія историковъ, изучающихъ состояніе Европы во время революціи. Въ немъ встрѣчаются многія частности, совершенно неизвѣстныя изъ другихъ источниковъ.

Понятно, что въ этихъ письмахъ довольно подробно говорится объ эмигрантахъ. Многіе французы находились въ то время въ Англии; многіе англичане ѣзжали въ Парижъ. Такимъ

образомъ, Семень Романовичъ могъ собрать разныя данныя о состояніи дѣла. Въ одномъ изъ его писемъ сказано (по-русски): „Меня увѣряли, что всякое военное покушеніе принцевъ, находящихся теперь въ Кобленцѣ, не только уничтожить начинающую наклонность націи къ законному монархическому правленію, но еще утвердить надолго нынѣшнюю бѣшеную анархію, что не токмо дворянство, вошедшее съ войскомъ, погибнетъ, но и то, которое живетъ теперь спокойно во внутри государства, будетъ неповинно, но неизбѣжно жертвою овлобленного народа, и что даже король, и королева, и ихъ дѣти погибнутъ отъ буйной челяди Парижа, гдѣ пуще всего необузданная суровость сего подлаго народа сохраняется. Вотъ что люди весьма разсудительные, безпристрастные и кои въ Парижѣ и въ провинціяхъ прилежно примѣчали, мнѣ единогласно утверждаютъ“. Затѣмъ слѣдуютъ разныя замѣчанія объ англійскихъ агентахъ „во всѣхъ островахъ французскихъ“, о личности французскаго дипломата Бартелеми, о проискахъ Питта, о дѣйствіяхъ Эдмунда Бёрке (Burke), объ отношеніяхъ Пруссіи къ Франціи, и пр. (218—223).

Какъ многіе другіе современники этихъ событій, такъ и С. Р. Воронцовъ удивлялся медленности военныхъ дѣйствій герцога Брауншвейгскаго, который, во главѣ коалиціонныхъ войскъ, лѣтомъ 1792 года долженъ былъ воевать противъ революціи. Между тѣмъ партія якобинцевъ восторжествовала совершенно. Семень Романовичъ писалъ: „¹⁹/₂₀ народа стоитъ за якобинцевъ; фраза о суверенномъ правѣ народа вскружила голову всей націи. Мы не получаемъ теперь никакихъ достовѣрныхъ извѣстій изъ Франціи, такъ какъ редакціи всѣхъ неякобинскихъ журналовъ и газетъ прекратили свои дѣйствія. Мы узнаемъ только то, что публикуется злодѣями (scélérats). Тайные агенты г-на Питта въ Парижѣ продолжаютъ дѣйствовать“, и пр. (257).

Достойны вниманія разсужденія Семена Романовича объ извѣстной „канонадѣ“ при Вальми въ сентябрѣ 1792 г., послѣ которой герцогъ Брауншвейгскій началъ отступать (262). Далѣе, сообщаются весьма любопытныя данныя объ эмигрантахъ, которыхъ осуждали въ Англии въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ („des étourdis, des fanfarons, des lâches, des dissipateurs et des intriguants“). Семень Романовичъ считалъ ошибкою старанія русскаго правительства помочь эмигрантамъ и сожалѣлъ о деньгахъ, истраченныхъ въ ихъ пользу (263); онъ презиралъ французскихъ дворянъ и порицалъ ихъ легвомысліе, ихъ расточительность и пр. (266).

Мало-по-малу русскій дипломатъ въ Англии началъ разсуждать

съ общей пессимистической точки зрѣнія о громадномъ и роковомъ значеніи государственнаго переворота во Франціи. Онъ писалъ между прочимъ въ концѣ 1792 г.: „Это не что иное, какъ отчаянная борьба между имущими и неимущими; такъ какъ имущихъ гораздо меньше, то они непременно погибнутъ. Зараза будетъ общаю. Такъ какъ мы находимся въ сторонѣ, то мы пока останемся цѣлы и невредимы; до насъ очередь дойдетъ позже, но и мы также сдѣлаемся жертвами этой общей чумы. Мы съ тобою не доживемъ до этого; но мой сынъ, напротивъ, увидитъ все это. Я рѣшился заставить его выучиться какому-либо ремеслу, сдѣлаться слесаремъ или столяромъ, чтобы на случай, если его подчиненные откажутъ ему въ повиновеніи и раздѣлять между собою его имѣнія—зарабатывать себѣ хлѣбъ и имѣть честь сдѣлаться членомъ городского управленія въ Пензѣ или въ Дмитровѣ. Ремесла ему принесутъ болѣе пользы, чѣмъ языки греческій и латинскій и математика. Нельзя не признать, что настоящая эпоха чрезвычайна, и что такъ-называемый вѣкъ философіи можетъ вѣрнѣе считаться вѣкомъ парадоксовъ и преступленій“ (267—269). „Напрасно,—замѣчаетъ Семенъ Романовичъ въ другомъ письмѣ, —нѣкоторые государи считали для себя выгодною унимать дворянство, забывая правило, что монархія безъ дворянства немыслима. Гришка Отрепьевъ, Стенька Разинъ и Пугачевъ не были дворянами: они, напротивъ, убивали и разоряли дворянъ“ (269). Какъ сторонникъ такъ-называемаго „ancien régime“, графъ С. Р. Воронцовъ трепеталъ за существованіе троновъ вообще, за монополію и привилегіи дворянства и духовенства. Онъ ожидалъ безпорядковъ и въ самой Англіи и находилъ, что Питтъ и Фоксъ дѣйствовали неосторожно, не принимая энергичныхъ мѣръ противъ революціи (272, 278). Въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ онъ писалъ о „преступленіяхъ“ и объ „atrocités“ Марата, Робеспьера и пр., о казни короля Людовика XVI, о впечатлѣніи, произведенномъ извѣстіемъ объ этомъ событіи въ Лондонѣ, о необходимости войны съ Франціею (309). Все это, однако, не мѣшало Семену Романовичу глумиться надъ французскими эмигрантами-дворянами, которыхъ онъ называлъ „la plus abominable race que j'aie jamais vue“! „Разумѣется,—писалъ онъ,—французскіе демократы ужасны; нужно стереть съ лица земли этихъ кровопийцъ; однако не думай, чтобы аристократы были лучше ихъ; они тоже постоянно говорятъ, что нужно колесовать и вѣшать ихъ противниковъ, не имѣя достаточнаго мужества вступить въ открытую борьбу съ ними“ и т. п. (313—315).

О замѣчательной эрудиціи графа свидѣлствуетъ параллель,

проведенная между англійскою революціею въ XVII столѣтіи и событіями во Франціи въ концѣ XVIII вѣка (317—321). Тутъ видны знакомство съ государственными учреждениями Англии и опытность при обсужденіи политическихъ вопросовъ вообще. Говоря объ ужасахъ гильотины во Франціи, Семень Романовичъ употребляетъ самыя сильныя выраженія, раздраженіе его растетъ въ продолженіе 1794 года, но въ то же время онъ отдаетъ справедливость французамъ, хваля ихъ энергію, удивляясь ихъ громаднымъ средствамъ при веденіи войны съ Англіею и другими державами (328). Слѣдя за частностями войны и за разными явленіями внутренней политики Франціи, онъ сожалѣлъ о томъ, что у французозъ „не хватитъ силы для того, чтобы вернуться къ прежней монархической формѣ правленія, при которой они были счастливы“ (338). Узнавъ о кончинѣ несчастнаго сына Людовика XVI, Семень Романовичъ старался склонить англійское правительство къ тому, чтобы оно признало графа Прованскаго королемъ Людовикомъ XVIII (342). Когда, однако, вскорѣ послѣ этого былъ обнародованъ безтактный манифестъ этого претендента, Семень Романовичъ подвергнулъ этотъ документъ строгой критикѣ и опять-таки сильно нападалъ на эмигрантовъ, приверженцевъ Людовика XVII. Въ письмѣ отъ 4-го декабря 1794 г. сказано: „Еслибы Людовикъ XVIII былъ разумнѣе, онъ непремѣнно оставался бы въ выигрышѣ; онъ, однакоже, походитъ на человѣка, который, желая переѣхать изъ одной квартиры на другую, бросаетъ свои лучшія зеркала изъ окна на улицу, чтобы выиграть время, вмѣсто того, чтобы приказать ихъ нести осторожно по лѣстницѣ“ (349). Весьма остроумны письма Воронцова о французскихъ бумажныхъ дѣлахъ, о сочиненіи Берье, направленномъ противъ Франціи, о военныхъ дѣйствіяхъ эрцгерцога Карла, о малодушіи Франца II, и пр.

VI.

Письма Семена Романовича къ брату, относящіяся къ царствованію Павла I (X, 1—94), какъ источникъ для изученія этой эпохи, заслуживаютъ также полного вниманія.

Первыя правительственныя распоряженія этого государя произвели благопріятное впечатлѣніе на Воронцова (3). Нигдѣ въ письмахъ послѣдняго не выражено сожалѣнія о кончинѣ Екатерины. Возвращеніе изъ ссылки Радищева обрадовало Семена Романовича (5); зато его озадачивало отправленіе въ ссылку кня-

гини Дашевой (6). Онъ самъ сначала пользовался расположеніемъ государя, которому генералъ Измайловъ тотчасъ же послѣ кончины Екатерины сообщилъ объ образѣ дѣйствій молодого Воронцова во время государственнаго переворота 1762 г. (10). При Екатеринѣ ея фавориты, Мамоновъ, Потемкинъ, Зубовъ, не благоприятствовали Семену Романовичу (12). Теперь же, при имп. Павлѣ, его друзья, Ростопчинъ и Безбородко, игравшіе оба весьма важную роль при дворѣ и пользовавшіеся довѣріемъ государя, могли дѣйствовать въ его интересахъ. Однако онъ не желалъ вернуться въ Россію, и поэтому не принялъ предложенія сдѣлаться вице-канцлеромъ или канцлеромъ, или воспитателемъ великаго князя Николая Павловича (VII, 34, 39).

Вскорѣ произошли однако событія, которыя не могли не внушать Семену Романовичу серьезныхъ опасеній. Быть можетъ, не всѣ замѣчанія о Павлѣ I въ письмахъ къ Александру Романовичу напечатаны. Въ письмахъ къ другимъ лицамъ, напр. къ Кочубею, Новосильцову и пр., встрѣчаются весьма рѣзкіе отзывы объ императорѣ Павлѣ. Сообщая брату о полученіи отставки, Семенъ Романовичъ выражается скромно и почтительно (75). Когда Александръ Романовичъ предложилъ ему сумму 40.000 рублей, онъ не взялъ этихъ денегъ (86); вскорѣ однако онъ узналъ о секвестрѣ, наложенномъ, по приказанію имп. Павла, на всѣ его имѣнія. При такихъ обстоятельствахъ нельзя удивляться тому, что его чрезвычайно обрадовало извѣстіе о воцареніи императора Александра. Лѣтомъ 1801 г., онъ писалъ о Павлѣ I: „Я ни въ чемъ не обвиняю этого несчастнаго государя; за многое отвѣчаетъ Кутаисовъ; я убѣжденъ, что покойный государь имѣлъ несчастіе быть помѣшаннымъ; дѣйствительно придерживаясь этого мнѣнія, я считаю его столь же мало виновнымъ, сколько можно обвинять ребенка, изранившаго и себя, и другихъ бритвою, которую онъ увидѣлъ въ первый разъ въ жизни, и о назначеніи которой онъ не имѣетъ понятія. У меня есть письма Панина, писанныя при жизни этого государя, и въ которыхъ говорится о сумасшествіи и пр., но я не могу употреблять во зло частную и дружескую переписку“ (110). Въ другихъ письмахъ Семена Романовича встрѣчаются болѣе сильныя выраженія объ эпохѣ царствованія Павла ¹⁾).

При Екатеринѣ нѣкоторая часть писемъ Семена Романовича

¹⁾ Такъ, напр., въ письмѣ къ брату отъ 8-го декабря 1801 г. говорится о „régne doux et juste (Александра), qui a succédé à un autre, dont la tyrannie n'a pas d'exemple et dont l'affreuse mémoire ne s'effacera jamais parmi les russes, tant que cette nation existera“ (152).

къ брату, какъ мы видѣли, имѣла характеръ и значеніе дипломатическихъ реляцій, потому что путемъ такихъ частныхъ писемъ, въ которыхъ подробно говорилось о политическихъ дѣлахъ, русскій дипломатъ чрезъ брата сообщалъ самой императрицѣ разныя частности о состояніи важныхъ вопросовъ, а также и свои соображенія и взгляды насчетъ разныхъ предметовъ. При императорѣ Павлѣ графъ Александръ Романовичъ не участвовалъ въ дѣлахъ. Онъ уже въ послѣднее время царствованія Еватерины удаленъ отъ двора. Теперь также онъ не имѣлъ никакихъ сношеній съ государемъ и проживалъ все время въ имѣніи. Поэтому письма къ нему Семена Романовича въ это время имѣютъ исключительно характеръ частной бесѣды. Субъективный элементъ при отзывахъ о лицахъ, при сужденіи о дѣлахъ занимаетъ тѣмъ болѣе видное мѣсто.

Особенно часто въ это время въ письмахъ Семена Романовича встрѣчаются отзывы о разныхъ сановникахъ, находившихся при дворѣ. Такъ, напримѣръ, говорится нѣсколько разъ о Ростопчинѣ, котораго Воронцовы уважали за умъ и способность и за привязанность къ нимъ этого царедворца (8, 12, 20). Когда Ростопчинъ занялъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, Семенъ Романовичъ былъ очень доволенъ этимъ назначеніемъ. Зато онъ осуждалъ Ростопчина вскорѣ послѣ этого за нѣсколько натянутыя отношенія его къ Безбородкѣ и Кочубею, съ которыми Воронцовы находились въ тѣсной дружбѣ (39). Кочубей сдѣлался вице-канцлеромъ, но недолго пользовался довѣріемъ государя и вскорѣ былъ удаленъ отъ дѣлъ, о чемъ крайне сожалѣли Воронцовы (70).

Семенъ Романовичъ продолжалъ говорить въ письмахъ къ брату о Франціи и Англіи, о борьбѣ противъ революціи; онъ писалъ между прочимъ о дѣйствіяхъ англійскаго флота, о Наполеонѣ и его пребываніи въ Египтѣ и пр. Такъ какъ отношенія между Россіею и Англіею во время царствованія Павла сдѣлались натянутыми, Семену Романовичу приходилось бороться съ разными затрудненіями. Оказалось дѣломъ чрезвычайно труднымъ руководствоваться инструкціями, которыя присылались изъ Петербурга, и въ то же самое время не нарушать настоящихъ интересовъ Россіи. Русскій флотъ долженъ былъ дѣйствовать заодно съ англійскимъ, однако русское правительство вдругъ распорядилось о возвращеніи эскадры въ Балтійское море, и эта мѣра оказалась несоотвѣтствующею обстоятельствамъ. Объясненія Семена Романовичу по этому предмету въ письмѣ къ брату любопытны (19).

Рѣзкія выраженія о Франціи продолжаютъ и въ это время (см., напр., 21), когда французы мечтали о десантѣ въ Англіи; впрочемъ Семенъ Романовичъ считалъ положеніе Англіи совершенно безопаснымъ. Онъ не переставалъ проповѣдывать общую войну противъ революціи, чрезвычайно опасной, по его мнѣнію, для монархическаго начала во всей Европѣ (28). Слѣдя съ напряженнымъ вниманіемъ за военными дѣйствіями, Семенъ Романовичъ ожидалъ, что Бонапартъ погибнетъ въ Египтѣ. Его предположенія оказались лишними основанія. Однако его разсужденія на этотъ счетъ (40) заслуживаютъ вниманія. Въ 1799 г. онъ писалъ между прочимъ о побѣдахъ Суворова, (51, 53, 57): „Ты не можешь вообразить себѣ, какъ здѣсь восхищаются подвигами Суворова. Онъ и Нельсонъ могутъ считаться идолами англійскаго народа. Ежедневно пьютъ за здоровье обоихъ и во дворцахъ, и въ трактирахъ, и въ хижинахъ. Нашего государя обожаютъ, и наши войска считаются лучшими въ мірѣ“, и пр. (57). Зато русскія войска въ Голландіи дѣйствовали неудачно, и Семенъ Романовичъ горько жаловался на командировъ, которыхъ считалъ неспособными (60, 41). Любопытны замѣчанія Семена Романовича, опытнаго въ военныхъ дѣлахъ, о дѣйствіяхъ французовъ и австрійцевъ въ Верхней Италіи (65, 69 и пр.); особенно его раздражали образъ дѣйствій австрійцевъ въ Швейцаріи и неудача Корсакова, которую онъ приписывалъ бесилію и равнодушію австрійцевъ (69). Въ февралѣ 1800 г. Семенъ Романовичъ писалъ подробно о Людовикѣ-Филиппѣ, который, побывавъ въ Америкѣ, явился въ Англію и искалъ сближенія съ графомъ Артуа. Русскій дипломатъ былъ приглашенъ въ обѣду у послѣдняго вмѣстѣ съ Людовикомъ-Филиппомъ и его двумя младшими братьями (72). О Наполеонѣ сказано въ письмѣ отъ 11-го февраля 1800 г.: „Его всѣ во Франціи ненавидятъ, и развѣ только войско въ Парижѣ и окрестностяхъ расположено въ его пользу. Его карьера скоро кончится“ (73).

Говорится также и о разныхъ мѣрахъ, принятыхъ русскимъ правительствомъ въ это время. Такъ напр., Семенъ Романовичъ порицалъ распоряженія по банковому дѣлу (41), запрещеніе выдавать паспорта иностранцамъ, желающимъ отправиться въ Россію (56), доказывалъ, что Россія не можетъ обойтись безъ англійскихъ садовниковъ, нянекъ, пастуховъ, рабочихъ, конюховъ и пр., и что англичане нисколько не опасны (57), ратовалъ противъ измѣненій въ русскомъ тарифѣ (88) и пр.

VII.

Переписка С. Р. Воронцова съ братомъ продолжалась и во время царствованія императора Александра. Его обрадовало извѣстіе о приглашеніи ко двору Александра Романовича, вскорѣ занявшаго мѣсто канцлера. Понятно, что въ это время въ письмахъ Семена Романовича къ брату часто говорится о юномъ государѣ. Оба брата восхищались способностями, любезнымъ нравомъ и идеализмомъ императора Александра (97) и изъявляли полную готовность быть его сотрудниками. Семену Романовичу казалась дѣломъ опаснымъ скромность государя, неупотребленіе имъ широкой самодержавной власти; онъ не считалъ удобною и полезною переимѣну въ государственномъ строѣ Россіи; таковаго же мнѣнія былъ и Александръ Романовичъ (99—101). На этотъ счетъ любопытны разсужденія въ письмѣ С. Р. Воронцова отъ 14-го іюня 1801. Тутъ говорится о необходимости окружить государя дѣльцами, опытными и благонамѣренными людьми, причѣмъ Семенъ Романовичъ жалуется на недостатокъ въ такихъ сановникахъ, вакихъ имѣлъ Петръ Великій (173—174). Болѣе всего Воронцовъ удивлялся необычайной рабочей силѣ юнаго государя. Зато ему не понравилось то обстоятельство, что императоръ Александръ обмѣнивался частными письмами съ прусскимъ королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ III: „Если эта интимная и секретная переписка будетъ продолжаться, — сказано въ письмѣ Семена Романовича, — то, вѣроятно, берлинскій кабинетъ употребитъ ее во зло, какъ и уже нынѣ замѣчено злоупотребленіе. Въ этихъ интимныхъ и яко бы частныхъ сношеніяхъ нѣтъ взаимности; императоръ пишетъ *de bonne foi*, между тѣмъ какъ слабый король подчиняется вліянію хитраго Гоугвица и Ломбара; они для него сочиняютъ письма, которыя онъ списываетъ своею рукою. У насъ никто не видитъ этихъ писемъ, между тѣмъ какъ письма императора читаются прусскими министрами и даже сообщаются Талейрану и Бонапарте. Нельзя не сожалѣть о томъ, что государь рѣшился переписываться партикулярно даже съ Бонапарте, который также злоупотребляетъ такимъ довѣріемъ“, и пр. Объясняя мѣру опасности такихъ частныхъ корреспонденцій вообще и выставляя на видъ, что менѣе всего слѣдуетъ вступать въ сношенія съ такою загадочною личностью, какъ Бонапарте, Семенъ Романовичъ приходитъ къ такому заключенію: „Суверены должны писать лишь официальные документы (*des pancartes publiques comme sont les lettres de créance et de notification*), предоставляя

министрамъ отъ ихъ имени переписываться о дѣлахъ" (197—198). Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, въ июлѣ 1803 г., Семень Романовичъ, упоминая опять объ этихъ частныхъ сношеніяхъ императора Александра съ Наполеономъ, замѣчаетъ: „У государя недостаетъ опытности; онъ не знаетъ, сколь опасны и вредны такіе двойные переговоры; есть даже люди, думающіе, что Бонапарте пишетъ императору чрезъ Хитрово; но я не вѣрю этому. Впрочемъ я тебѣ сообщилъ свое мнѣніе объ этой перепискѣ государя съ Бонапарте и прусскимъ королемъ. Очень жаль, что ты не показывалъ моего письма государю; нужно сдѣлать все возможное для охраненія его отъ опасностей, неминуемо возникающихъ отъ этихъ секретныхъ и дружескихъ корреспонденцій, иначе онъ останется обманутымъ" (*il en est complétement la dupe*) (212—213). Въ другомъ письмѣ Семень Романовичъ порицалъ чрезмѣрную щедрость государя, раздававшего большія награды за неважныя услуги. „Какъ же награждать,—сказано тутъ,—за настоящія важныя услуги, оказанныя государству, или за охрану отечества въ случаѣ войны? *Cela fait pitié en vérité!*" (219—220).

Во всемъ этомъ слышится нѣкоторое разочарованіе. Воронцовъ даже мечталъ объ удаленіи отъ дѣлъ. Онъ писалъ однажды: „Я бы оставилъ службу; мнѣ надоѣли дѣла; впрочемъ я доволенъ; я могу лишь хвалить государя и особенно князя Чарторыжскаго ¹⁾; но мнѣ все опротивѣло уже въ послѣднее время царствованія покойной императрицы, а царствованіе Павла еще болѣе усидило мое отвращеніе къ дѣламъ" (230).

Въ первое время царствованія императора Александра I графъ Н. П. Панинъ руководилъ внѣшнею политикою. Съ нимъ С. Р. Воронцову приходилось переписываться о дѣлахъ. Однако онъ какъ-то не довѣрялъ Панину и нерѣдко сильно сталкивался съ нимъ. Въ письмахъ къ брату онъ горько жаловался на Панина, подозрѣвая, между прочимъ, что послѣдній распечатываетъ и читаетъ его письма въ Александру Романовичу. Оказалось, что Панинъ позволяетъ себѣ распечатывать письма и пакеты, адресованные къ английскому послу въ Петербургѣ (110, 117). Въ Англіи такая нескромность считалась вопіющимъ фактомъ, и министръ Гоксбери (*Hawkesbury*) въ бесѣдѣ съ Воронцовымъ жаловался на этотъ образъ дѣйствій русскаго сановника. Получая разныя инструкціи отъ Панина, Семень Романовичъ былъ доволенъ ими, не соглашался съ его взглядами и постоянно обви-

¹⁾ Завѣдывавшаго въ то время внѣшнею политикою.

нялъ его въ коварствѣ (121). Онъ порицалъ самолюбіе и честолюбіе Панина и слогъ составляемыхъ имъ записокъ, и повторялъ, что для Россіи такого министра должно считать несчастіемъ (124). Жалобы на Панина занимаютъ много мѣста въ письмахъ Семена Романовича. Особенно его раздражало то обстоятельство, что важныя дѣла обсуждались не въ совѣтѣ императоровъ, а въ частной бесѣдѣ между государемъ и Панинымъ (136). Напрасно Александръ Романовичъ просилъ брата отзываться осторожнѣе о Панинѣ и не обнаруживать слишкомъ открыто враждебнаго образа мыслей (141). Семенъ Романовичъ не переставалъ нападать на министра не только въ частныхъ письмахъ къ другимъ лицамъ, но и въ перепискѣ съ самимъ Панинымъ. Такъ, напр., онъ его упрекалъ въ томъ, что Панинъ не сообщалъ ему достаточно подробно о переговорахъ съ англійскимъ посломъ въ Петербургѣ (144) и т. п. Впрочемъ Панинъ не долго оставался министромъ; но и послѣ его удаленія отъ дѣлъ Воронцовъ не переставалъ говорить о „гнусныхъ поступкахъ“ Панина (157).

Во всемъ этомъ видна раздражительность Семена Романовича. Къ тому же правительство вообще не придерживалось тѣхъ правилъ, которыя онъ проповѣдывалъ. Сближеніе Россіи съ Пруссіею сильно ему не понравилось. Переписка императора Александра съ Наполеономъ казалась ему вопіющимъ фактомъ. Онъ ненавидѣлъ Францію и ея диктатора.

Живя въ Англій, Воронцовъ, какъ уже выше было сказано, не могъ не сравнивать высокой цивилизаціи въ западной Европѣ со многими недостатками государственнаго и общественнаго строя въ Россіи. Неоднократно онъ въ письмахъ къ брату возвращался къ этому предмету. Такъ, напр., онъ указывалъ на необходимость созданія путей сообщенія въ Россіи, какъ на важнѣйшее условіе развитія народнаго богатства, причемъ онъ ссылаясь на мнѣніе аббата Галіани (129); по его мнѣнію, въ Россіи недостаточно заботились объ этомъ предметѣ. Поѣздивъ въ Россію въ 1802 г. не заставила Семена Романовича измѣнить свой взглядъ на родину. Возвращаясь въ Англію въ концѣ 1802 г., онъ удивлялся успѣхамъ внутренняго управленія въ Пруссіи, и въ письмѣ къ брату хвалилъ дѣятельность прусскихъ министровъ; сравнивая дороги, устройство почтъ, сельское хозяйство, народное благосостояніе въ Пруссіи со всѣмъ этимъ въ Россіи, онъ находилъ многіе недостатки въ послѣдней и писалъ: „Мы, вѣроятно, во всей Европѣ одни останемся лишенными всѣхъ этихъ выгодъ и сохранимъ видъ народа неустроеннаго (d'une nation non policée) и

неумѣющаго извлечь пользу изъ сокровищъ народнаго богатства (laissant étouffer nos richesses naturelles)" (177).

Въ то время, когда Семень Романовичъ былъ въ Россіи, его братъ уже занималъ должность канцлера. Поэтому въ письмахъ, писанныхъ послѣ пребыванія Семена Романовича на родинѣ, говорится подробно о дѣятельности Александра Романовича, о томъ, какъ государь съ нимъ работаетъ, о разныхъ мѣрахъ, принятыхъ канцлеромъ (173, 204, 228). Зато С. Р. Воронцовъ оставался недовольнымъ другими сановниками. Такъ, напр., онъ рѣзко порицалъ образъ дѣйствій русскаго резидента въ Регенсбургѣ, Булера (182), нападалъ на графа Н. Румянцова (183), осуждалъ образъ дѣйствій Державина въ сенатѣ (203, 218), находилъ, что въ Россіи нѣтъ правосудія, законности, правильнаго хода дѣлъ, и сожалѣлъ о томъ, что государю недостаточно извѣстно о всѣхъ этихъ недостаткахъ ¹⁾.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе писемъ Воронцова къ брату. Нельзя не признать, что именно интимный, частный характеръ этой переписки, въ которой государственныя дѣла занимаютъ столь видное мѣсто, придаетъ ей особенную прелесть. Отзывы о лицахъ и фактахъ отличаются, правда, крайнею субъективностью, мѣстами—отсутвіемъ безпристрастія; однако вообще авторъ этихъ писемъ производитъ впечатлѣніе умнаго государственнаго дѣятеля и горячаго патріота. С. Р. Воронцовъ не могъ ожидать, что его письма современемъ будутъ напечатаны. При оцѣнкѣ ихъ содержанія должно имѣть въ виду это обстоятельство.

А. Р. Воронцовъ умеръ въ концѣ 1805 г. Можно думать, что переписка его съ братомъ продолжалась до самой его кончины; между тѣмъ въ десятомъ томѣ „Архива кн. Воронцова“ позднѣйшее письмо Семена Романовича относится еще къ концу 1804 года.

А. БРИКНЕРЪ.

¹⁾ Вотъ примѣръ негодованія Семена Романовича: „Tout est faible, contradictoire et décousu chez nous, excepté (et cela grâce à vous seul) nos rapport avec les puissances étrangères“ (205). Въ другомъ мѣстѣ: „Peut on appeler gouvernement régulier là, où la justice n'est qu'une injustice perpétuelle, ayant à sa tête un poète fougeux (Державинъ), sans jugement, d'un caractère entreprenant et vindicatif, qui non seulement a secoué toute responsabilité, mais a assujetti même le sénat, qui devait avoir une surveillance légale sur lui et qu'il a assujetti en l'insultant par écrit“ (208).

ВОСКРЕСЕНЬЕ

Поэма В. Сырокомли.

Да, случается вдругъ,
Что болѣзненный звукъ
Я изъ лиры своей извлекаю;
Сердце гложетъ печаль,
Словно острую сталь
Я въ его глубинѣ ощущаю.

— Гдѣ ты звуки взяла?
Гдѣ ихъ слышать могла?
И отвѣтила лира поэту:
— Я правдиво пою,
Шепчетъ пѣсню мою
Буйный вѣтеръ, что ходитъ по свѣту!

I.

У Т Р О.

Наступаетъ праздникъ Божій,
И въ лазури неба чистой
Свѣтитъ солнышко пригожѣй
Изъ-за тучки золотистой.
Вѣетъ тихимъ дуновеньемъ
Теплый вѣтеръ, и красиво
Поднялася за селеньемъ
Зеленѣющая нива.

Пролетая надъ холмами,
 Ангелъ вѣсть несетъ долинь:
 —Дѣти! Миръ Господень съ вами!
 Воскресенья праздникъ нынѣ.

Зеленѣетъ луговина—
 Ждетъ къ себѣ съ зарею стадо,
 И мычитъ уже скотина,
 Утру солнечному рада.
 Поднялися пышно травы,
 Всѣ цвѣтами заперстѣли,
 И несется изъ дубравы
 Звукъ пастушеской свирѣли.
 Съ высоты креста Господня
 Льется жаворонка игъне,
 Какъ молитва... вѣдь сегодня
 Праздникъ общій—воскресенье.

Раздается на разсвѣтѣ
 Скрипъ колесъ у хаты Яна,
 И шумять босми дѣти,
 Пробудясь утромъ рано.
 Янъ давно уже въ амбарѣ,
 Мѣрять рожь свою мѣшкнами,
 Чтобъ сегодня на базарѣ
 Сбыть торговцамъ съ барышнами.
 Онъ собирается въ дорогу
 Безъ тревогъ и опасенья,
 Городъ близко, слава Богу,
 А сегодня воскресенье.

Нѣтъ зерна въ закромахъ болѣ,
 Опустѣли всѣ боченки,
 Продаешь же по-неволѣ,
 Коль семьѣ нужны деньжонки.
 Вотъ жена кричить, что нужно
 Соли въ домѣ, ребятишки
 Всѣ къ отцу пристали дружно,
 Чтобъ привезъ съ базара книжки.
 —Нынче рожь продамъ дороже,
 Лишь имѣйте вы терпѣнье,

Будеть соль и книжки тоже,
Вѣдь сегодня воскресенье.

Янъ садится, и возжею
Тронулъ лошадь:—Эй, гнѣдая!—
И бѣгутъ за нимъ гурьбою
Ребятишки, провожая.
Янко ѣдетъ шагомъ скорымъ,
Чтобъ вернуться до заката:
—Съ Богомъ, съ Богомъ, батя!—хоромъ
Вслѣдъ кричать ему ребята.
Мимо храма проѣзжая,
Шапку снялъ онъ въ умиленъѣ
И сказалъ себѣ вздыхая:
—Вѣдь сегодня воскресенье.

Людь сзывая богомольный,
Далеко по сельской пашнѣ
Звонъ несется колокольный.
Что же это? Вдругъ на башнѣ,
Звону радостному вторя,
Крикъ совы раздался смѣло—
Предвѣщанье зла и гора!
Какъ кричать она посмѣла?
Кто же далъ ей позволенье
Такъ безчинствовать сегодня—
Въ утро праздника Господня,
Въ день желанный воскресенья?..

II.

ВОЗВРАЩЕНИЕ СЪ БАЗАРА.

—Все спустилъ, денегъ нѣтъ!
Ну, такъ что жъ за бѣда?
Угощаетъ сосѣдъ—
Я отвѣчу всегда!
Чарку—онъ, чарку—я,
Стало сразу легко...
Ну, лошадка моя,
Шевелися, гнѣдоб!

Сторонись! я хмельной!
 Сторонись! Господамъ
 Стыдь и знаться со мной...
 Богъ разсудитъ насъ тамъ!
 Спроситъ всѣхъ Судя:
 „Кто бѣднякъ? Кто богачъ?
 Гдѣ, молю, совѣсть твоя?“
 Эй, лошадушка, вскачь!

Тпру! Постой предъ шинкомъ!
 Трубку выкурить, что-ль?
 Бѣсъ мигаетъ глазомъ...
 Выпить чарку?.. Изволь!
 Какъ ужъ тамъ ни верти—
 Бѣсъ сильнѣе всегда...
 Эй, лошадка, вати!
 Веселѣе... Гайда!

Ну, жена, не бранись,
 Нынче соль дорога,
 Безъ нея обойдись—
 Вотъ и вся недолга.
 Эхъ! забылъ—виновать—
 Книги взять для дѣтей!
 Будетъ вой у ребятъ...
 Ну, лошадка, живѣй!

Проку мало притомъ
 И въ ученѣ для насъ:
 Будешь вѣкъ мужикомъ,
 Да напьешься подчасъ.
 А случися наборъ—
 И ушлютъ далеко!
 Впереди—косогоръ,
 Шевелися, гвѣждо!

Вотъ и крестъ на пути,—
 Я жъ—пьянѣ вина!
 Боже, Боже, прости,
 Одолѣлъ сатана!
 Темень я—вотъ бѣда,
 Загублю и дѣтей,

Ждетъ ихъ та же нужда...
Эй, лошадка, живѣй!

Громъ гремитъ... Почему
Раздробило грозой
Не еврея ворчму,
А дубокъ молодой?..
Безъ того два шипца
По дорогѣ одной
Тянуть кровь мужика!..
Эй, лошадка, домой!

Изъ-за синихъ холмовъ
Показалось село...
Конь рванулся—и въ ровъ
Я упалъ тяжело!
Все покрылось тьмой...
Встать хочу—и не смогъ!..
.
Конь вернулся домой,
Не вернется сѣдокъ!

III.

В Е Ч Е Р Ъ.

Солнце скрылось за холмами,
Клонится къ зазату,
Золота на мигъ лучами
Старенькую хату.
Вѣетъ нѣгою прохладной
Вѣтерка дыханье
И затеплилось отрадно
Огоньковъ мерцанье.
Опустилося неслышно
Покрывало ночи,
Спать колося въ нивѣ пышной,
Дремлютъ и цвѣточки.
Люди вышли за ворота—
Шутки, смѣхъ и пѣнье...

Дома быть кому охота
Въ вечеръ воскресенья?

Возвратилися отъры,
Ихъ загнать успѣли,
И пастухъ играетъ старый
Тихо на свирѣли.
Въ небесахъ вечернихъ ярео
Звѣздочка сіяетъ;
У креста съ молитвой жаркой
Женщина рыдаетъ!..
Вотъ народъ собрался вскорѣ,
Полный сожалѣнья...
Да, принеси съ собою горе
Вечеръ воскресенья!

У корчмы кипитъ веселье,
Выпиваютъ шибко,
И замѣтно, что съ похмелья
Завралася скрипка...
Тише! Звонъ раздался ровный
Эхомъ похороннымъ!
Душу колоколь церковный
Надрываетъ стономъ...
Янко, вдуци въ селенье
Подгулявъ съ базара—
Ты не ждалъ ужъ безъ сомнѣнья
Смерти отъ удара?
Эхъ! никто не знаетъ, Боже,
Часа преставленья,
И не всѣ увидятъ тоже
Вечеръ воскресенья!

Э. Михайлова.

ИЗЪ ИСТОРИИ ЦЕХОВЪ

У НАСЪ И ВЪ ЕВРОПѢ.

I.

На разныхъ ступеняхъ культуры, въ тѣхъ поселеніяхъ, гдѣ возникаетъ промышленность, мы находимъ обыкновенно три или четыре цеха. Съ теченіемъ времени число ихъ увеличивается, и тогда мы находимъ непремѣнно семь или двѣнадцать цеховъ. Даже впослѣдствіи, когда число это увеличивается въ данномъ городѣ, четыре, семь или двѣнадцать цеховъ все еще играютъ преобладающую роль. По изслѣдованіямъ Кастіани, среди голофовъ въ Африкѣ мы встрѣчаемъ четыре ремесленныхъ корпораціи—кузнецовъ, башмачниковъ и кожевниковъ (составляющихъ одну корпорацію), рыбаковъ и пѣвцовъ (музыкантовъ). Въ Каартѣ (въ Африкѣ) также существуютъ четыре ремесленныхъ цеха: портныхъ, кожевниковъ, ткачей и пастуховъ. Вообще у негровъ четыре профессиональныхъ группы составляютъ обычное явленіе. Въ Индіи во многихъ общинахъ существуютъ двѣнадцать ремесленныхъ корпорацій. Во многихъ мусульманскихъ странахъ существуетъ отъ семи до двѣнадцати ремесленныхъ группъ, изъ которыхъ каждая имѣетъ своего небеснаго патрона. Такъ, мифическій цирюльникъ Магомета, Салманъ-Панъ, считается патрономъ цирюльниковъ; Даудъ или Давидъ—патрономъ кузнецовъ; Неби-Шидъ—ткачей; Хабибъ—столаровъ; Неби-Эдрисъ—портныхъ, и т. д. Въ городахъ прусской марки существованіе четырехъ цеховъ (Viergewerke)—сукнодѣловъ,

сапожниковъ, пекарей и мясниковъ—констатировано въ очень раннія времена. Представители четырехъ выдающихся цеховъ (*der vier grossen Aemter*)—пекарей, кузнецовъ, портныхъ и сапожниковъ—очень долго играли преобладающую роль въ Любекѣ, причемъ остальные цехи считались зависящими отъ этихъ четырехъ цеховъ. То же самое встрѣчается и во многихъ другихъ городахъ Германіи. Въ Пизѣ мы находимъ семь цеховъ: ткачей, башмачниковъ, шапочниковъ, кузнецовъ, ремесленниковъ, производящихъ стальныя издѣлія, кабатчиковъ, содержателей постоянныхъ дворовъ. Во Флоренціи число цеховъ простирается до двадцати-одного, но изъ ихъ среды выдѣляются семь высшихъ цеховъ. Въ Гентѣ мы находимъ въ 1164 г. четыре цеха: шерстобитовъ, сукнодѣловъ, рыбаковъ и мясниковъ. Въ Брюггѣ мы находимъ четыре цеха: рыбаковъ, мясниковъ, маклеровъ и корабельщиковъ. Во Флоренціи въ 1266 г. было двѣнадцать цеховъ, изъ которыхъ большими считались семь цеховъ: правовѣдовъ, оптовыхъ продавцовъ сукна, мѣняль, ткачей, врачей, ремесленниковъ, шелковыхъ издѣлій, скорняковъ и продавцовъ сукна въ розницу; меньшими считались мясники, башмачники, плотники, столяры, кузнецы и слесари. Въ Шпейерѣ мы находимъ въ началѣ XIV-го в. двѣнадцать цеховъ.

Дифференцированіе цеховъ вызывалось, конечно, потребностью въ появленіи новой отрасли производства; но еще въ гораздо большей мѣрѣ оно вызывалось наслѣдственною привычкою данной группы ремесленниковъ производить извѣстнаго рода издѣлія или употреблять извѣстныя орудія производства, такъ что для производства другихъ издѣлій того же ремесла или для примѣненія новыхъ орудій производства требовалось возникновеніе новаго цеха. Этимъ объясняется существованіе цѣлой массы цеховъ одного и того же ремесла, причемъ этому дифференцированію въ весьма незначительной мѣрѣ способствовало обиліе работы и, слѣдовательно, необходимость сильнаго раздѣленія труда, что видно, между прочимъ, изъ постоянныхъ столкновеній между цехами изъ-за того, что издѣлія одного цеха задѣвали предѣлы, отмежеванные другимъ цехамъ. Такъ, между прочимъ, башмачники раздѣлились на ремесленниковъ, производившихъ новыя издѣлія (*Neumeister*), занимавшихся починкою (*Schuhflicker*) и, наконецъ, изготовлявшихъ туфли. Каждая группа составляла особый цехъ, между прочимъ, въ Любекѣ. Однородное дѣленіе существовало въ Бременѣ, а именно цехъ ремесленниковъ, приготавливавшихъ черныя башмаки (*hi qui nigros calceos operantur*), затѣмъ обыкновенныя башмачники (*Allutarii*), отличав-

шіеся отъ первыхъ тѣмъ, что они не дѣлали черныхъ башмаковъ, и, наконецъ, приготовлявшіе туфли (Pantoffelmacher). Отъ всѣхъ этихъ цеховъ отличались, конечно, кожевники, которые, однако, находились съ башмачниками въ постоянной борьбѣ, такъ какъ башмачники имѣли право сами выдѣлывать кожу, необходимую для издѣлій, а также продавать черную кожу. Въ виду постоянныхъ столкновеній между черными и обыкновенными башмачниками, вызывавшихъ жалобы, споры, взаимные убытки и драки, эти два вида башмачниковъ вынуждены были, наконецъ, въ 1388 году соединиться и составить одинъ цехъ. Въ документѣ, которымъ объединяются оба цеха, прямо указываются мотивы, вызвавшіе стремленіе къ объединенію—*quod propter diversitatem et divisionem ipsorum duorum officiorum quam plurima taedia, dispendia, litigia, querelae et incommoda evenissent civibus nostris et praecipue officiatis in officiis supradictis*. Подобные же мотивы вызвали соединеніе цеха башмачниковъ съ цехами, изготовлявшими туфли, въ 1635 г., т.-е. послѣ продолжительной, болѣе чѣмъ двухвѣковой борьбы. Во вступленіи къ акту соглашенія прямо указывается, что между обоими цехами происходили постоянные недоразумѣнія и споры, такъ какъ башмачники обвиняли цехъ, приготовлявшій туфли, въ томъ, что послѣдній производитъ издѣлія башмачнаго ремесла, и такимъ образомъ лишаетъ башмачниковъ работы. Но если споры между различными видами башмачниковъ могли кончаться сравнительно мирнымъ образомъ, хотя бы послѣ продолжительной борьбы, то споры между башмачниками и кожевниками должны были вызывать непрерывные споры, которымъ, по самому существу этихъ споровъ, не могло быть положено предѣла. Такъ, между прочимъ, цехъ кожевниковъ жалуется въ 1444 г. на одного башмачника за то, что онъ дубилъ кожу для посторонняго лица, и что онъ продалъ дубленую кожу изъ своей лавки. По первой жалобѣ башмачникъ былъ оправданъ городскимъ совѣтомъ, такъ какъ онъ доказалъ, что самъ воспользовался приготовленной для издѣлія кожей. По второму пункту совѣтъ рѣшилъ, что хотя башмачникъ и вынужденъ былъ продать кожу, такъ какъ она могла бы испортиться, но что онъ подлежитъ штрафу за то, что продалъ кожу внѣ того мѣста, которое отведено для этой цѣли по статуту кожевниковъ. Бывали частыя столкновенія въ Бременѣ между башмачниками и торговцами. Такъ, башмачники жаловались въ 1509 г. на то, что торговцы продаютъ готовые башмаки, на что послѣдніе возразили, что они продаютъ несмазные сапоги. Городской совѣтъ призналъ, однако, что торговцы впрямь имѣютъ право

продавать лишь переуки. Не лишено интереса, что въ городѣ Дюренѣ былъ цехъ башмачниковъ для дѣтей и цехъ башмачниковъ для взрослыхъ. Подобно башмачникамъ, и портные въ Любеке дѣлились на два цеха: изготовлявшій новыя издѣлія и починавшій старыя. Между прочимъ, портные, производившіе починку, имѣли право вставлять новые рукава въ старую куртку, готовить кожаныя куртки, и т. д. Понятно, что и они, въ концѣ концовъ, вслѣдствіе постоянной борьбы, должны были соединиться и образовать въ 1514 г. одинъ цехъ. И, конечно, хорошо сдѣлано, такъ какъ извѣстно, что французскіе портные и продавцы стараго платья потратили 30 тысячъ франковъ судебныхъ издержекъ для рѣшенія вопроса о томъ, какое платье можетъ быть названо ношеннымъ, а какое—новымъ. Процессъ этотъ тянулся больше трехъ вѣковъ. Кузнецы, въ свою очередь, все болѣе и болѣе въ теченіе вѣковъ дифференцировались на разные цехи: гвоздарей, ножевщиковъ, слесарей, оружейныхъ дѣлъ мастеровъ. Послѣдніе съ теченіемъ времени опять распадались на цехи ремесленниковъ, изготовлявшихъ племы, щиты, косы и т. д. Любопытно, что чертой дѣленія между двумя цехами, изготовлявшими издѣлія кузнечнаго промысла, было, еще въ XVIII в., „употребленіе напильника, точно такъ же какъ клей отдѣлялъ специальность плотниковъ отъ столярнаго ремесла. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ вѣсь произведенія служилъ демаркаціонной линіей между слесарной и кузнечной областями, тогда какъ специальность игольщиковъ ограничена была употребленіемъ молотка и щипцовъ“ (Alles was unter dem Hammer und den Zange kann und mag gezwungen werden).

Всѣ эти данныя даютъ совершенно достаточное объясненіе для тѣхъ фактовъ цеховой организаціи въ южной Россіи, которые отмѣчены уже въ „Исслѣдованіи о городахъ юго-западнаго края“ В. Б. Антоновичемъ. Такъ, въ уставѣ цеха портныхъ въ Каменцѣ (1723 г.) постановлено было, чтобы мастера, шьющіе гусарскіе костюмы, не осмѣливались поставлять женскую одежду—и обратно, притомъ особе мастера имѣли право подшивать шляпы, „кавалерскія и капланскія“, и т. д. Металлическія издѣлія были распределены между восемью различными цехами: мастера одного дѣлали исключительно оловянные сосуды, другого—волты, третьяго—жестяныя издѣлія, четвертаго—издѣлія изъ желтой мѣди, и т. п. И въ Пруссіи вплоть до XVIII-го в. въ области металлическаго производства царствовали такіе же порядки: существовали особе цехи, занимавшіеся исключительно производствомъ замковъ, производствомъ шпоръ, мелкими работами, относящимися

въ огнестрѣльному оружію, особые мастера подковъ, мастера холоднаго оружія, нѣсколько разрядовъ кузнецовъ и слесарей, шпажники или мастера, специально занимавшіеся оттачиваніемъ сабельныхъ клинковъ, ножевики обыкновенные и мастера длинныхъ ножей, мастера буравчиковъ, особые мастера пилъ, мастера слесарныхъ и плотничьихъ инструментовъ; у мѣдниковъ опять различалось нѣсколько специальностей; у пуговщиковъ существовалъ особый цехъ, приготовлявшій англійскія оловяныя пуговицы, не говоря уже о специальныхъ цехахъ собственно слесарей, игольщиковъ, оловянщиковъ.

Не вызываемое потребностью, такое дифференцированіе мелкихъ производствъ, конечно, значительно тормазило развитіе ремесла, какъ въ южной Россіи, такъ и въ Европѣ, нисколько не обезпечивая благосостояніе ремесленниковъ многообразныхъ цеховъ, и намъ кажется, что Шмоллеръ, упустивъ изъ виду въ своей прекрасной работѣ о ходѣ развитія суконнаго и ткацкаго цеховъ именно ту консервативную жилку, которая лежала въ основѣ дифференцированія производствъ по цехамъ, и приписывая это дифференцированіе лишь прогрессу техники и требованіямъ рынка, во многихъ случаяхъ даетъ превратное понятіе о физиономіи этихъ производствъ во время господства цехового режима. Онъ, какъ и нѣкоторые другіе изслѣдователи, приписываетъ воздѣйствію внѣшнихъ условій и, главнымъ образомъ, событіямъ конца XV-го и начала XVI-го вѣка, то, что лежало въ основѣ цехового устройства съ самыхъ раннихъ временъ. Строгое разграниченіе различныхъ отдѣловъ ткацкаго производства, устанавливаемое гентскими цеховыми статутами въ 1296 г., въ свою очередь подтверждаетъ выставленное нами положеніе. По этимъ статутамъ торговецъ шерстью не долженъ заниматься выдѣлкой шерсти, а также крашеніемъ шерсти и сукна. Сукнодѣлъ не долженъ продавать шерсти оптомъ и не имѣетъ права заниматься окраской шерсти или сукна. Тотъ, кто изготовляетъ голубое, бѣлое или вообще сукно известнаго цвѣта, долженъ воздерживаться отъ изготовленія полосатаго или пестраго сукна; тотъ, кто производитъ аппретуру полосатаго сукна, не долженъ производить аппретуры пестраго сукна; тотъ, кто владѣетъ красильней для голубого или другого цвѣта сукна, не имѣетъ права покупать шерсти или сукна для того, чтобы окрашивать ихъ. Онъ не имѣетъ также права продавать крашеное сукно. Очевидно, основною причиною такихъ пустыхъ запретовъ не могло служить ни стремленіе обезпечить средства существованія за каждымъ отдѣломъ ткацкаго производства, ни требованія надзора

за солидностью производства, какъ это утверждаетъ Шмоллеръ. Въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, дѣйствовали наслѣдственные привычки, санкціонировались старинные порядки, вызванные постепенностью появления извѣстныхъ способовъ производства. Если эти безобразія, существуя въ теченіе дѣлаго ряда вѣковъ, тѣмъ не менѣе производили болѣе тяжелое впечатлѣніе въ позднѣйшія времена, или, вѣрнѣе, вызывали въ эти времена противодѣйствіе со стороны общества и государства, то лишь потому, что общество стало болѣе чувствительнымъ, а на мѣсто безформеннаго конгломерата различныхъ корпорацій, находившихся въ вѣчной борьбѣ между собою и состоявшихъ въ ленной зависимости, такъ сказать, отъ верховнаго властителя, явилась проникнутая духомъ абсолютизма правительственная власть, которая, съ одной стороны, сокрушала все независѣвшее отъ ея произвола, а съ другой стороны имѣла возможность обуздывать всякій чужой произволъ. Весьма, впрочемъ, возможно, что и число безобразій было сравнительно меньше въ болѣе раннія времена, чѣмъ въ XVIII в., такъ какъ ничто до того времени не препятствовало увеличенію ихъ въ ширь и въ глубь. Во всякомъ случаѣ, источниками цеховыхъ безобразій являются не внѣшнія, независящія отъ цеховой организаціи событія, а внутренній исконный строй цеховъ. Вотъ почему мы утверждаемъ, что фізіономія цеховъ въ такъ-называемый періодъ упадка нисколько не отличалась отъ фізіономіи цеховъ въ періодъ такъ-называемаго процвѣтанія ихъ по существу.

Изъ приведенныхъ выше данныхъ о столеновеніяхъ между однородными бременскими цехами можно видѣть, что они нисколько не уступали, по характеру своему, тѣмъ спорамъ, которые происходили, напр., во Франціи въ 1509—1628 г. между трудно переводимыми на русскій языкъ *poulaillers* и *gôtisseurs* о томъ, имѣютъ ли первые (птичники) право продавать жаренныхъ птицъ,—или тѣмъ столеновеніямъ, которыя происходили въ Германіи и вызывали многочисленные процессы по вопросу о томъ, входятъ ли оконныя рамы въ составъ ремесла стекольщиковъ или столяровъ. Такъ, между прочимъ, въ статутѣ фрейбургскихъ стекольщиковъ отъ 1513 г. мы находимъ слѣдующія постановленія, которыя несомнѣнно должны были служить поводомъ къ многочисленнымъ раздорамъ: цирюльники и банщики—сказано тамъ—по прежнему имѣютъ право производить починку стеклянныхъ издѣлій, но они штрафуются за дальнѣйшее посягательство на стеклянное производство; торговцы имѣютъ право по прежнему продавать цвѣтныя и оконныя стекла, но

только стекольщики могутъ продавать стаканы, причѣмъ торговцы не должны препятствовать тому, чтобы стекольщики приобрѣтали стекло на сторонѣ, и т. д., и т. д. Страннымъ можетъ показаться дозволеніе цирюльникамъ и банщикамъ производить починку стеклянныхъ издѣлій, но такое же постановленіе мы встрѣчаемъ въ Шпейерѣ и Франкфуртѣ-на-Майнѣ. Очевидно, фактъ этотъ объясняется тѣмъ, что во всѣхъ этихъ городахъ, какъ это извѣстно по отношенію къ Франкфурту, банщики и цирюльники составляли вмѣстѣ со стекольщиками, малярами, сѣдельщиками—одинъ цехъ. Вотъ почему имъ и принадлежало право производить починку стекла. Тѣ ограниченія въ стекольномъ производствѣ, которыя налагаются на цирюльниковъ, банщиковъ и брадобрѣевъ (представлявшихъ одно и то же ремесло) въ Шпейерѣ, дадутъ намъ возможность выяснитъ, какимъ образомъ брадобрѣи могли принадлежать къ одному цеху со стекольщиками, и вообще, какимъ образомъ въ раннія времена могли появиться цехи, составленные изъ лицъ, производившихъ нѣсколько ремеслъ. Въ Шпейерѣ банщики и брадобрѣи имѣютъ право починять стекла въ крестьянскихъ домахъ: вынимать сломанное стекло и починить его. Если прибавимъ еще, что тѣ же брадобрѣи имѣли въ Шпейерѣ право дѣлать соломенные и вообще плетенныя шляпы, то нельзя будетъ не придти къ заключенію, что эти права они приобрѣли потому, что въ очень раннія времена получали заработковъ, странствуя по селамъ, что, словомъ, промыселъ заработковъ былъ отхожимъ промысломъ, и подобно тому, какъ это мы встрѣчаемъ среди лицъ, занимающихся у насъ отхожими промыслами, одинъ и тотъ же цехъ соединялъ въ себѣ лицъ, производившихъ нѣсколько ремеслъ, или же въ одномъ и томъ же цехѣ были соединены группы лицъ, изъ которыхъ каждая занималась отдѣльнымъ ремесломъ. Данныя, собранныя изслѣдователями нашихъ кустарныхъ промысловъ, проливаютъ свѣтъ на тѣ обстоятельства, благодаря которымъ происходила въ ранніе періоды культуры такая разносторонность ремесленнаго знанія въ однихъ и тѣхъ же лицахъ и такое соединеніе ремеслъ въ одной и той же корпораціи. Мы остановимся поэтому здѣсь нѣсколько ближе на этихъ данныхъ.

Въ четырехъ волостяхъ серпуховскаго уѣзда и одной волости подольскаго уѣзда, московской губерніи, существуетъ промыселъ картинщиковъ, которые въ то же время занимаются набивнымъ промысломъ. Вотъ какимъ образомъ произошло это соединеніе. „Сначала хозяева-набойщики со своими работниками ѣздили на извѣстныя мѣста только для того, чтобы тамъ заниматься набой-

вою холстины; но съ теченіемъ времени, чтобы извлечь больше выгоды изъ своей поѣздки въ дальніе края, они стали забирать съ собою разный мелкій товаръ, и преимущественно картины, которыя и распродавали по приѣздѣ на мѣста, занимаясь въ то же время своимъ промысломъ. Мало-по-малу, между набойщиками такая торговля привилась настолько, что когда ситцы стали вытѣснять набойку, то наши набойщики постепенно перешли въ картинщиковъ. Между набивнымъ и картиночнымъ промысломъ до настоящаго времени сохраняется самая тѣсная связь; смотря по требованію обстоятельствъ, картинщикъ легко становится набойщикомъ, и наоборотъ, набойщикъ также легко становится картинщикомъ. При наймѣ работниковъ хозяева даже выговариваютъ такое условіе, что нанимающіеся берутся дѣлать все то, что будетъ подходяще для хозяина, т.-е. или торговать картинами, или заниматься набойкою¹⁾. Понятно, что лица, занимающіяся продажей картинъ по селамъ, въ то же время продаютъ и книжки дешевыхъ изданій, а на всякій случай забираютъ и ленточки, и врестяки, и пуговики, и всякій другой мелочной товаръ. Такъ какъ этотъ мелочной товаръ имѣетъ меньшее значеніе въ ихъ торговыхъ операціяхъ, чѣмъ картинки, то поэтому они получили названіе картинщиковъ. Однороднымъ условіямъ, т.-е. невозможности прокормиться однимъ ремесломъ, и запросу, предъявляемому мѣстами странствованія ремесленниковъ, слѣдуетъ приписать то, что отхожіе каменщики балахнинскаго уѣзда, нижегородской губерніи, то занимаются гончарнымъ промысломъ, то веретеннымъ промысломъ, то ложкарнымъ. Въ лѣтнюю пору каменщики уходятъ работать по городамъ, зимой же, когда постройка домовъ приостанавливается, становятся горшечниками²⁾. Тѣ изъ каменщиковъ, которые занимаются веретеннымъ промысломъ, въ свою очередь, весной и до поздней осени уходятъ на каменную работу; осенью же сходятся и садятся за свои станки готовить веретена. Такъ же поступаютъ каменщики-ложжари: ложки они производятъ зимою; остальное время занимаются каменной работой и хлѣбопашествомъ. Такое же соединеніе работъ и распределеніе ихъ по временамъ года существуютъ у бронницкихъ и подольскихъ отхожихъ портныхъ (московской губ.). Большинство бронницкихъ портныхъ въ то же время и штукатуры; большинство подольскихъ—печники. Въ портняжныхъ мастерскихъ

¹⁾ „Промыслы московской губ.“, т. VI, в. I, стр. 104, 105.

²⁾ „Труды комиссіи по изслѣд. куст. пром.“, т. IX, 1883, стр. 2496.

они работаютъ только съ осени и до весны, затѣмъ весну и лѣто ходятъ на сторону въ качествѣ штукатуровъ и печниковъ.

Ничего удивительнаго, конечно, нѣтъ въ томъ, что кружевницы въ г. Торжкѣ, тверской губ., въ то же время и золотошвей. „Нужда въ заработкахъ вынудила многихъ золотошвей перейти къ плетенію кружевъ... Переходъ отъ одного промысла къ другому былъ нетруденъ, вслѣдствіе сходства въ техникѣ обоихъ промысловъ. Какъ для одного, такъ и для другого необходимо предварительно составить и нарисовать узоры, потомъ изготовить и наколоть сколки. Дальнѣйшая работа хотя и имѣетъ совершенно различные результаты, но это искусство, по своей незамысловатости, приобрѣтается скорѣе и легче изученія подготовительныхъ приемовъ. Поэтому замѣна одного занятія другимъ, несмотря на крайній консерватизмъ и пристрастіе мастерицъ къ работамъ, издавна заведеннымъ, могла совершиться весьма легко и удобно. Слѣдствіемъ такого перехода оказалось полнѣйшее смѣшеніе промысловъ... Умѣя владѣть боклюшками такъ же хорошо, какъ шиломъ и иглой (орудіями золотошвей), понятно, что мастерицы въ настоящее время берутся за то изъ двухъ руководѣлій, которое въ данную минуту обезпечиваетъ лучшій заработокъ“¹⁾.

Но вотъ что удивительно, что кружевницы города Торжка довольно большими партіями уходятъ на кирпичные заводы подѣ Петербургъ. Фактъ этотъ находитъ свое объясненіе, очевидно, въ томъ, что до проведенія желѣзной дороги чрезъ Торжокъ пролегало петербургско-московское шоссе. Значительная часть населенія—жители Ямской слободы—занималась извозомъ, находилась въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Москвою, а въ особенности съ Петербургомъ. И вотъ, жены ямщиковъ отчасти занимались изготовленіемъ издѣлій, которыя закупались любителями-проѣзжими, отчасти сами отправлялись въ Петербургъ для приобрѣтенія обновокъ и заработковъ. Кружевницы отправляются на кирпичную работу въ началѣ мая, а возвращаются домой въ іюль мѣсяцѣ, когда обыкновенно прекращаются работы на кирпичныхъ заводахъ. Нужно имѣть въ виду и то, что кружевницы-золотошвей по временамъ вызывались въ Петербургъ для производства издѣлій своего ремесла, и очевидно, окончивъ работу по своей специальности, утилизировали время для другой работы.

Уже изъ приведенныхъ до сихъ поръ данныхъ легко видѣть, какъ много поучительнаго можно извлечь изъ характеристическихъ чертъ, представляемыхъ нашими вустарными и отхожими промы-

¹⁾ Тамъ же.

слами для разъясненія непонятныхъ явленій цехового строя въ Европѣ. Данныя о кустарныхъ промыслахъ представляютъ собою такой же интересъ по отношенію къ давно пройденнымъ въ Европѣ ступенямъ развитія ремесла и организациі его, какъ и данныя о русской общинѣ по отношенію въ исторіи поземельной собственности въ Европѣ. Факты живой дѣйствительности, какъ въ области поземельныхъ отношеній, такъ и въ области труда, сохранившіеся у насъ, свидѣтельствуютъ о тѣхъ фазисахъ развитія этихъ сторонъ жизни въ Европѣ, которые для европейскихъ изслѣдователей составляютъ отчасти смутныя, отчасти совсѣмъ забытыя преданія давно минувшихъ дней. Вотъ почему они не находятъ объясненія для фактовъ въ родѣ того, что брадобрѣи въ то же время стекольщики, что каменщики въ то же время и телѣжники и т. д. Вотъ почему они выдумываютъ искусственныя объясненія, предполагая, что ремесла соединились въ одинъ цехъ для политическихъ цѣлей, точно такъ же, какъ для дифференцированія цеховъ они предполагаютъ увеличеніе запроса и прогрессъ техники, т.-е. мотивы цѣлесообразности, которые обыкновенно присочиняются для событій историками вполнѣ случайно, но которые, на самомъ дѣлѣ, оказывали весьма незначительное воздѣйствіе на жизнь.

Въ интересахъ ремесла и развитія культуры нельзя, конечно, считать цѣлесообразнымъ соединеніе кузнечно-слесарнаго ремесла съ судоходствомъ, или прядильнаго и судоходнаго промысла. А между тѣмъ и то и другое существуетъ и неизбѣжно вызывается условіями жизни. Такое соединеніе совершенно разнородныхъ ремеслъ мы встрѣчаемъ въ Суксунѣ, пермской губерніи, и вотъ почему Суксунъ служить однимъ изъ главныхъ пунктовъ, откуда судостроители и судохозяева приобрѣтаютъ шпильки, барочные баржевые гвозди, и т. д. Благодаря этой связи между мѣстомъ производства кузнечно-слесарныхъ издѣлій и мѣстомъ сбыта ихъ, кузнецы ежегодно оставляютъ свои работы въ концѣ апрѣля до 10 мая, поступая на это время судорабочими для сплава по рѣкѣ Сылвѣ каравана съ заводскими металлами или съ огнеупорною глиною, кирпичемъ и другими предметами мѣстнаго производства. Ради сплава судовъ останавливаются работы даже въ кузницахъ лучшихъ мастеровъ, такъ какъ молотобойцы предпочитаютъ воспользоваться временемъ каравана для заработка въ 6—10 дней по 6-ти рублей.

Нужно думать, что судоходный промыселъ былъ для этихъ кустарей первоначальнымъ, основнымъ, а кузнечно-слесарный присоединился только вполнѣ случайно, какъ подсобный, вслѣдствіе

недостатка въ заработкахъ отъ судоходства и прекращенія навигаціи на зиму. Матросы въ это свободное отъ судоходной работы время стали изготовлять кузнечно-слесарныя издѣлія, потребныя для судостроительства. Положеніе это подтверждается однороднымъ фактомъ, встрѣчаемымъ въ Тихвинѣ, новгородской губерніи. Судоходство, которое въ прежнее время было тамъ сильно развито, въ настоящее время значительно упало. Тѣмъ не менѣе, еще до сихъ поръ кузнечный промыселъ для большинства тамошнихъ кустарей не составляетъ главнаго занятія; онъ производится только зимою отъ закрытія до открытія навигаціи, во время которой всѣ кустари нанимаются или на лодки, или на сплавъ лѣса, и ни за что не займутся въ кузницѣ, хотя бы остались совсѣмъ безъ заработка. Насколько кузнечно-слесарный промыселъ былъ связанъ въ Тихвинѣ съ судоходствомъ, видно изъ того, что онъ процвѣталъ во время процвѣтанія судоходства и вымираетъ вмѣстѣ съ упадкомъ послѣдняго.

Наиболѣе любопытны факты соединенія судоходнаго съ прядильнымъ или ткацкимъ промысломъ. Мы встрѣчаемъ ихъ, судя по свѣденіямъ изслѣдователей нашей кустарной промышленности, въ нижегородской и ярославской губерніяхъ. Въ нѣсколькихъ селеніяхъ горбатовскаго уѣзда, нижегородской губерніи, многіе занимаются одновременно судоходнымъ и прядильнымъ промыслами. Лѣтомъ судоходы, зимою—прядильщики. Впрочемъ пряденіемъ въ зимнее время занимаются только судоходы низшаго ранга (матросы, кочегары); лодчанамъ, капитанамъ и водоливамъ нѣтъ нужды заниматься тяжелымъ и плохо оплачиваемымъ прядильнымъ промысломъ. Самое возникновеніе прядильнаго промысла въ этихъ селахъ приписывается, главнымъ образомъ, близости Оки и сильно развитому на ней судоходству, на которое требовалось много снастей, особенно въ прежнее до-пароходное время. Соединеніе ткацкаго промысла съ судоходствомъ отмѣчено г. Исеевымъ въ селѣ Великомъ, ярославской губерніи: „два-три мѣсяца въ году великосель занимается трепаньемъ льна, затѣмъ переходитъ къ ткачеству, торговлѣ полотномъ, работѣ на плотяхъ и баркахъ въ весеннее половодье“.

Существовала одна извѣстная процессія, совершающаяся и у насъ на масляницѣ, гдѣ главную роль играетъ судно, поставленное на колеса. Изъ свѣденій, сообщаемыхъ объ этой процессіи лѣтописцемъ XII-го вѣка, видно, что въ эту корабельную повозку впрягались твачи. На основаніи того, что челнокъ (navicula) играетъ весьма важную роль въ ткацкомъ производствѣ, можно объяснять участіе твачей въ этомъ поѣздѣ тѣмъ,

что это былъ праздникъ ткацкаго ремесла. Эту мысль высказала уже давно извѣстный миеологъ Мангартъ. Изъ приведенныхъ же выше данныхъ оказывается, что ткачи играютъ преобладающую роль въ этой процессіи не только вслѣдствіе ассоціаціи идей, какъ выражается Мангартъ, не только потому, что челнокъ является орудіемъ ткацкаго производства и что ткачи готовятъ разныя снасти для судовъ, но и главнымъ образомъ потому, что ткачи на раннихъ ступеняхъ культуры въ то же время были и судоходами, что они соединяли эти два ремесла. Факты изъ области нашихъ кустарныхъ промысловъ, сопоставленные съ общераспространенностью обычая возить ворабль, снабженный всѣмъ необходимымъ, на колесахъ, неопровержимо свидѣтельствуютъ въ пользу того, что ремесла эти были соединены и въ Европѣ въ очень отдаленныя отъ насъ времена, что и тамъ ткачи занимались судоходнымъ промысломъ.

„Въ формѣ цеха,—говоритъ Шмоллеръ,—въ его правовой и общественной организаціи, долгое время видѣли соотвѣтствующій сосудъ для всевозможныхъ соединеній и общественной группировки. Не только ремесленники, но и ученики, и учителя, и нотариусы, и врачи, баньщики и музыканты, и нищіе, и проститутки, и гробопателы и золотари, организовывались около 1.500 ч. въ цехѣ“.

Мы остановимся только на организаціи нищенствующихъ цеховъ и цеха проституткозъ—уже потому, что существованіе подобныхъ цеховъ является съ перваго взгляда чѣмъ-то совершенно непонятнымъ, рѣжущимъ ухо. Какимъ образомъ нищенство могло быть признано ремесломъ, и неужели проституція могла быть организована въ видѣ цехового учрежденія? Мы имѣемъ свѣденія о существованіи цеховой организаціи нищихъ, между прочимъ, въ Базелѣ, Ульмѣ, Франкфуртѣ. Нищіе жили въ Базелѣ въ опредѣленномъ мѣстѣ, имѣли цеховую организацію, цеховой судъ, который состоялъ изъ 7 торбоносцевъ, не носившихъ, говоря словами стариннаго документа, ни штановъ, ни ножа. Судъ ихъ происходилъ торжественно подъ липой. Предсѣдательствующій держалъ трость въ рукахъ, правое бедро было обнажено, а нога зимою и лѣтомъ погружена во все время суда въ кадку, наполненную водой. По сторонамъ его сидѣли остальные шесть, тоже съ обнаженнымъ правымъ бедромъ. По окончаніи суда предсѣдательствующій ногою опрокидывалъ кадку и выливалъ воду. Этотъ своеобразный судъ существовалъ еще въ XVII вѣкѣ. Прибавимъ, что ихъ суду подлежали также палачи и гробопателы.

Аналогичные факты цеховой организаціи нищихъ мы находимъ и въ западной Россіи.

Въ „Минскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ напечатаны свѣденія объ организаціи нищенства въ мѣстечкѣ Семеховѣ и его окрестностяхъ (случаго уѣзда, минской губ.). Всѣ нищие этой мѣстности на довольно далекомъ пространствѣ составляютъ совершенно правильно-организованную общину, подъ названіемъ нищенскаго цеха, съ выборнымъ изъ среды себя особымъ начальникомъ, съ званіемъ нищенскаго цехмистра, съ особыми правилами и обычаями и съ особымъ нищенскимъ языкомъ. Главный обычай и правило, соблюдаемое членами нищенскаго цеха, слѣдующее: каждый членъ именуется товарищемъ. Для вступленія въ цехъ обязательно соблюденіе нѣкоторыхъ условий. Прежде всего всякій, имѣющій право на нищенство, т.-е. имѣющій какіе-нибудь тѣлесные недостатки и увѣчья, обязанъ пробыть извѣстное время ученикомъ у нищаго-товарища, причемъ онъ вписывается въ особую тетрадь и обязывается вносить въ цеховую братскую кружку опредѣленную плату. Срокъ ученія обыкновенно 6-лѣтній и плата 60 коп.; но желающіе могутъ сократить этотъ срокъ, тогда возвышается и взносная плата иногда до 8 руб. въ годъ. Переименованіе ученика въ товарища совершается съ особою церемоніей. Ученикъ приводится въ собраніе нищихъ. Послѣ привѣтствій съ обѣихъ сторонъ, цехмистеръ экзаменуетъ ученика въ знаніи молитвъ, нищенскихъ кантовъ и нищенскаго языка; затѣмъ ученикъ обязанъ поклониться и поцѣловать руку каждому присутствующему въ собраніи товарищу-нищему, и уже тогда получаетъ право именоваться такимъ же товарищемъ. Въ заключеніе дѣлается угощеніе на счетъ новичка, и здѣсь онъ въ первый разъ садится рядомъ съ другими. Нищенскій цехмистеръ избирается на неопредѣленное время и, большею частью, изъ слѣпыхъ нищихъ; онъ собираетъ цехъ для нужныхъ дѣлъ и для наказанія, между прочимъ, виновныхъ. Наказанія виновныхъ состоятъ, большею частью, въ покупкѣ воска (для братской свѣчи); въ прежнія времена практиковалось и тѣлесное наказаніе. Но самымъ большимъ и позорнымъ наказаніемъ считается обрѣзываніе торбы, т.-е. нищенской сумы; этимъ обрядомъ виновный лишается права на нищенство. Для храненія и расхода цеховыхъ суммъ избирается ключникъ. Собранія нищихъ бываютъ экстренныя и ежегодныя. Послѣднія приурочены въ опредѣленному дню—понедѣльнику первой недѣли великаго поста, или Троицыну дню. Въ этотъ день становится въ церкви новая братская свѣча. Вообще цеховыя нищенскія суммы расходуются, большею частью, на церковныя потребности, и теперь лучшее облаченіе въ Семиховской церкви устроено на средства нищихъ.

М. Д. Линда слышалъ отъ одного старика-нищаго слѣдующія свѣденія объ обширной организаціи, обхватывавшей всѣхъ нищихъ Украины. У нищихъ были свои ватаги и свои атаманы, свои „соцьки и десяцьки“, „чоловѣчи и жиночи“. Эти лица выбирались на весеннемъ сходѣ нищихъ, который чаще всего бывалъ между Переяславомъ и Киевомъ, у Броваровъ, подъ лѣсомъ. Послѣ выборовъ происходилъ судъ надъ виновными, потомъ назначалось приданое для тѣхъ, кто выходилъ замужъ или женился, и особенно для тѣхъ, кто, побрачившись, уходилъ въ міръ, т.-е. выбывалъ изъ нищенства. Эти собранія происходили около весенняго Николая. Другія собранія назначались около 1-го или 2-го Спаса, тамъ же. Независимо отъ указанныхъ, были еще собранія нищихъ возлѣ Курска, во время ярмарки. Въ подольской губ. ватаги нищихъ, ходившихъ щедровать и колядовать, составлялись или изъ малороссовъ, или изъ мазуровъ ¹⁾.

Повторяемъ, на взглядъ современнаго человѣка, цеховая организація нищенства есть явленіе странное, поразительное, но не такимъ оно было въ средніе вѣка. Нужно имѣть въ виду, что нищенство было въ эти времена ремесломъ, какъ и всякое другое. Это видно, между прочимъ, изъ экзамена, требующагося еще въ настоящее время въ русскомъ нищенскомъ цехѣ отъ лица, вступающаго въ цехъ. Отъ него требуется знаніе молитвъ, пѣніемъ которыхъ онъ оплачивалъ за полученіе подаванія. Эти молитвы считались въ средніе вѣка весьма важнымъ эквивалентомъ, и такимъ образомъ нищіе не даромъ получали подаваніе. Нищенство, какъ извѣстно, поддерживалось наиболѣе сильнымъ образомъ раздачей подаванія въ день поминовенія усопшаго и въ другихъ подобныхъ случаяхъ, слѣдовательно съ цѣлью получить соотвѣтствующія молитвы взаимнъ розданныхъ суммъ. Кромѣ этихъ эстренныхъ, хотя и весьма обильныхъ въ прежнія времена случаевъ, нищіе наибольшую жатву имѣли въ праздничные дни, т.-е. въ то время, когда публика больше всего нуждалась въ молитвахъ нищенствующей братіи. Наконецъ, форма цеха для нищихъ, какъ вѣчно странствующихъ изъ города въ городъ, какъ занимающихся отхожимъ промысломъ, была, конечно, вполне подходящей, и описанные выше русскіе нищенствующие цехи очевидно являются наиболѣе примитивною формою цеховой организаціи этого ремесла. Въ европейскихъ городахъ нищіе очень рано осѣли въ опредѣленныхъ городахъ, имѣли своихъ цехмистровъ (Bettlermeister), обязанностью которыхъ являлось устра-

¹⁾ „Кіевская Старина“ 1888 г., т. VII, стр. 313, 315 и 316.

неніе конкурентовъ по нищенству изъ другихъ мѣстъ, за исключеніемъ извѣстныхъ праздничныхъ дней. Такъ, между прочимъ, въ Нюрнбергѣ, по опредѣленію 1478 г., пришлые нищіе имѣли право выпрашивать подаваніе только въ извѣстные праздничные дни, а также два дня въ теченіе каждой четверти года, если они доказали, что знаютъ наизусть „Отче нашъ“, „Богородицу“ и десять заповѣдей. Въ 1522 г., въ томъ же Нюрнбергѣ пришлымъ нищимъ дозволялось выпрашивать милостыню только въ теченіе двухъ дней въ году—въ день всѣхъ святыхъ и въ день поминовенія усопшихъ. Требования, предъявляемыя въ пришлымъ нищимъ нюрнбергскимъ совѣтомъ, относительно ихъ профессиональныхъ знаній, совершенно схожи съ тѣми требованіями, которыя, какъ мы видѣли выше, предъявляетъ у насъ нищенствующій цехъ, а именно, знаніе молитвъ. Вполнѣ понятно, что если цехи вообще находились въ связи съ церковью, то тѣмъ болѣе должны были находиться въ связи съ нею нищенствующіе цехи. Привилегированнымъ мѣстомъ выпрашиванія милостыни была церковная паперть, а льготнымъ срокомъ—церковныя празднества, совпадавшія съ ярмарками. Да и сами церкви и монастыри обязаны были часть своихъ доходовъ удѣлять въ пользу „прокаженныхъ, престарѣвшихъ и немогущихъ нигдѣ главы подклотити“.

Изъ приведенныхъ выше данныхъ о русскихъ нищенствующихъ цехахъ видно, что отъ кандидата въ цеховые нищіе, кромѣ знанія молитвъ, требовалось еще обладаніе какими-либо тѣлесными недостатками или недугомъ. Уже по этому одному есть основаніе заключить, что нищенствующіе цехи не принадлежали къ числу исконныхъ профессиональныхъ цеховъ въ родѣ ремесленныхъ и торговыхъ, что они образовались исподволь, вслѣдствіе выдѣленія изъ среды здоровыхъ членовъ различныхъ братствъ и корпорацій. Нищенствующіе цехи, подобно спеціально-церковнымъ братствамъ, погребальнымъ братствамъ и т. д., дифференцировались изъ болѣе обширныхъ корпорацій, охватывавшихъ всѣ стороны жизни входившихъ въ составъ ихъ лицъ. Нужно имѣть въ виду, что въ средніе вѣка громадный процентъ нищенствующей братіи вербовался изъ прокаженныхъ, которые съ самыхъ раннихъ временъ, какъ свидѣлствуютъ библейскія сказанія, выдѣлялись изъ среды здоровыхъ членовъ общины и питались только подаваніями, хотя для нихъ и устраивались госпитали и богадельни, какъ это предписывается, между прочимъ, и нашимъ Стоглавомъ, но они все-таки должны были питаться отъ „боголюбцевъ“. Для этой цѣли имъ во Франкфуртѣ,

Нюрнбергъ и другихъ городахъ дозволялось являться въ извѣстное мѣсто для выпрашиванія милостыни въ страстную пятницу и вообще въ теченіе всей страстной недѣли. Любопытно, что въ Германіи въ 1430 г. было специальное братство проваженныхъ. Въ составъ его входили проваженные всѣхъ мѣстностей по Рейну. Годичное собраніе его происходило перваго марта въ Майнцѣ. Они вынуждены были сами промыслять о себѣ, такъ какъ частныя пожертвованія и помощь церквей и монастырей все-таки были недостаточны, да притомъ не было тѣхъ общественныхъ органовъ, которые организовали бы содержаніе и пропитаніе нищихъ и проваженныхъ, вѣдали бы этимъ дѣломъ, такъ какъ самаго общества, какое мы привыкли видѣть, не было въ то время, а былъ весьма слабо объединенный конгломератъ всевозможныхъ профессиональныхъ братствъ, имѣвшихъ въ виду лишь благо входившихъ въ составъ ихъ членовъ.

О цеховой организаціи проституткозъ есть обильныя и весьма любопытныя въ историко-культурномъ отношеніи свѣденія въ странахъ западной Европы. Исходя изъ взглядовъ, существующихъ на этотъ предметъ въ настоящее время, Мауреръ полагаетъ, что цеховая организація проституціи установлена городами для того, будто бы, чтобы сдѣлать ее безвредною. Для этой цѣли имъ предписывается селиться въ одномъ опредѣленномъ мѣстѣ, въ одной опредѣленной части города, въ извѣстныхъ домахъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ устанавливается для нихъ особое платѣе. Смущаетъ его, однако, то, что эта мнимо-отверженная группа женщинъ допускается къ участію въ общественныхъ пиршествахъ и увеселеніяхъ, что проститутки являются почетными гостями на свадьбахъ, что онѣ, въ качествѣ депутатовъ, встрѣчаютъ высокопоставленныхъ гостей города, преподносятъ имъ букеты, принимаютъ ихъ на общественный счетъ въ своихъ домахъ, и т. п. Эти факты должны бы нѣсколько видоизмѣнить взгляды Маурера на тѣ цѣли, которыя будто бы преслѣдовались городами при организаціи проституціи. Правда, въ нѣкоторыхъ статутахъ организація проституціонныхъ домовъ мотивируется именно стремленіемъ предотвратить много неизбѣжныхъ золъ. Такъ, нюрнбергскій совѣтъ въ введеніи къ уставу проституціоннаго дома, составленному въ 1470 г., высказывается слѣдующимъ образомъ: „хотя онъ и обязанъ поддерживать честь и добрыя нравы и воспрепятствовать распространенію грѣха и недозволеннаго образа жизни, но для предотвращения большаго зла среди христіанскаго общества необходимо допускать существованіе проституткозъ. Тѣ же мотивы высказываются въ уставѣ

проституціоннаго дома отъ 1472 г. въ городѣ Нёрдлингенѣ. Очевидно, однако, что эти мотивы придуманы впоследствии для оправданія существующихъ учрежденій, что въ болѣе раннія времена проститутки, какъ свидѣлствуютъ указанные уже выше факты и многіе другіе, занимали оригинальное положеніе. Въ Парижѣ онѣ имѣли патронессу, какъ и другіе цехи—св. Магдалину, и въ день этой святой устраивали процессіи. Такія же процессіи онѣ ежегодно совершали и въ Лейпцигѣ. Во главѣ ихъ стояли цехмистры—мужчины или женщины (Frauenmeister, Frauenmeisterinnen). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ представительницы цеха носили названіе „настоятельница“ (въ Авиньонѣ), въ другихъ—„королевы“ (въ Женевѣ). Онѣ ограждались отъ конкуренціи пріѣзжихъ проституткокъ, вообще отъ посягательства на ихъ цеховыя привилегіи, какъ и другіе цехи. Между прочимъ въ Нюрнбергѣ онѣ просятъ въ 1492 г. городской совѣтъ, чтобы онѣ „ради Бога и справедливости“ не допускалъ конкуренціи, такъ какъ имъ иначе трудно будетъ пропитывать себя „честно“. Они сами ограждаютъ себя отъ конкуренціи подобно другимъ цехамъ, бомбардируя помѣщенія не-цеховыхъ. Самое названіе проституткокъ въ средніе вѣка указываетъ на то, что онѣ отнюдь не были заклеены позоромъ. Онѣ назывались *mulières communes*—общими женщинами, *gemeine Frauen*, *freie Frauen*—свободными женщинами и т. д. Онѣ назывались также *fahrende Frauen*—странствующими женщинами, *wandernde Frauen*—кочующими женщинами. Это названіе указываетъ и на происхожденіе цеховъ проституткокъ. Такъ же, какъ и другіе цехи, они возникли изъ отхожаго промысла. Очень долго онѣ странствовали изъ города въ городъ, появлялись во время ярмарки и различныхъ съѣздовъ въ родѣ вселенскихъ соборовъ и рейхстаговъ, сопровождали армію и т. д. Съ теченіемъ времени онѣ осѣдали въ городахъ, въ качествѣ постоянныхъ элементовъ, сохранивъ свою корпоративную организацію. Нужно ли прибавлять, что прежнія „общинныя“ женщины, существовавшія во время господства коммунальнаго брака, съ теченіемъ времени, послѣ замѣны этой формы брака другими, сохранили свое существованіе въ качествѣ отдѣльнаго ремесленнаго цеха, очень долго находившагося въ почетѣ, такъ какъ члены его держались освященныхъ древностью обычаевъ. Уставъ нюрнбергскаго проституціоннаго дома еще въ XV в. опредѣляетъ, что проститутка не имѣетъ права отказаться отъ своей профессіи, ибо эти женщины, говорится въ уставѣ, свободны (*frei*) и, согласно съ своимъ именемъ, должны быть общинными (*gemein*). Согласно съ этимъ, подмастерьямъ

во многихъ городахъ запрещается имѣть постоянную возлюбленную среди этихъ проституткокъ, какъ женщинъ, принадлежащихъ всѣмъ, и въ то же время проституткамъ запрещается имѣть одного постоянного возлюбленнаго и отказываться отъ общенія съ другими. Тотъ же нюрнбергскій уставъ возбраняетъ хозяину проституціоннаго дома дѣлать какія-либо препятствія содержимымъ имъ дѣвушкамъ, если онѣ желаютъ отправиться въ церковь или гулять по улицѣ, ибо, говорится тамъ, онѣ именуются свободными женщинами.

Мы уже указывали, что проститутки участвовали въ качествѣ депутатовъ при приѣмѣ королей, императоровъ и вообще высокопоставленныхъ гостей, встрѣчали ихъ у городскихъ воротъ, подносили вѣнки и букеты, что на время пребыванія этихъ гостей въ городѣ проституціонный домъ былъ открытъ для гостей безвозмездно. Такъ, изъ приѣма Сигизмунда въ 1414 г. въ Бернѣ всей его свитѣ былъ предоставленъ туда свободный доступъ, и Сигизмундъ въ послѣдствіи благодарилъ за эту предупредительность. Очевидно, эти порядки, существовавшіе вплоть до XVI в., имѣютъ связь съ гетеризмомъ гостепримства, который мы находимъ у первобытныхъ народовъ, т.-е. внѣшнимъ символомъ мирныхъ отношеній между гостями и данной общиной является допущеніе его къ общенію съ женщинами этой общины, признаніе его равноправнымъ съ членами общины. Нечего говорить о томъ, что вплоть до первой черты XVI в. проститутки, украшенныя вѣнками, участвовали во всѣхъ торжественныхъ празднествахъ городовъ въ пляскахъ, процессіяхъ и играли въ нихъ даже преобладающую роль. Только въ XVI в. подмастерьямъ стали воспрещать танцы съ проститутками и вообще къ публичнымъ женщинамъ стали относиться съ пренебреженіемъ, какъ къ отверженнымъ. Такъ, между прочимъ, башмачники въ уставѣ 1528 г. постановляютъ: ни одинъ подмастерье не имѣетъ права танцевать съ проституткой или давать ей пить, развѣ еслибы онъ не зналъ, что она проститутка. Нужно имѣть въ виду, что до XVI в. родители отдавали своихъ дочерей, мужья своихъ женъ въ проституціонные дома для заработковъ. Факты эти упоминаются во многихъ уставахъ проституціонныхъ домовъ и, соотвѣтствующимъ образомъ, регулируются. Прибавимъ въ заключеніе, что, подобно другимъ цехамъ, цехи проституткокъ, въ свою очередь, вносили еженедѣльно извѣстную сумму для изготовленія ставниковъ. Такъ, въ Ульмѣ предписывалось, чтобы каждая дѣвушка давала еженедѣльно по одному пфенигу, а хозяинъ по два пфенига для зажиганія восковой свѣчи въ соборѣ въ ночь

на воскресенье. Затѣмъ, въ канунъ каждаго воскресенья и вообще въ кануны важнѣйшихъ праздниковъ, въ особенности же въ кануны Нарьянскихъ дней и въ теченіе всей страстной недѣли никто не допускался въ проституціонный домъ.

II.

Въ нашемъ ремесленномъ уставѣ есть одно любопытное опредѣленіе, которое, однако, заслуживаетъ вниманія, такъ какъ даетъ намъ возможность коснуться одной изъ любопытнѣйшихъ сторонъ цеховой жизни въ Европѣ. Мы говоримъ о статьѣ 208-ой нынѣ дѣйствующаго устава. Статья гласитъ: „если ремесленникъ утаитъ письмо, писанное къ ремесленной или цеховой управѣ, или же къ ремесленному обществу или къ цеху, и не отдастъ онаго по принадлежности, то съ него взыскивается за сіе отъ пяти до пятнадцати рублей въ ремесленную казну; а тотъ, который хотя и не утаитъ, но распечатаетъ письмо, адресованное въ ремесленное общество или въ цехъ, въ ремесленную или цеховую управу, не бывъ къ тому уполномоченъ, подвергается за сіе денежному въ пользу ремесленной казны взысканію отъ одного до трехъ рублей“. Постановленіе это производитъ весьма странное впечатлѣніе: изъ-за чего это ремесленникъ будетъ утаивать письмо, писанное къ ремесленной или цеховой управѣ, и почему такая провинность, еслибы она и могла быть совершенна, специально предусмотрена въ ремесленномъ уставѣ, причемъ взысканіе, налагаемое за этотъ проступокъ, довольно значительно? Мало того: налагается наказаніе даже не только за утайку, но и за распечатаніе такого письма. И какія это такія письма будутъ писаться ремесленному обществу или цеху, содержаніе которыхъ можетъ имѣть столь захватывающій интересъ, что ремесленники станутъ ихъ распечатывать, прежде чѣмъ они дошли до свѣденія ремесленнаго общества или цеха? Впрочемъ статья эта представляетъ собою уже значительно исправленную редакцію 91-ой статьи ремесленнаго положенія 1785 г., которая гласитъ: „Низкакой ремесленникъ не долженъ ни утаить, ни распечатать письмо, писанное къ цѣлой управѣ или цеху, но отдать оное управному старшинѣ и старшинскимъ товарищамъ подъ опасеніемъ пени въ ремесленную казну. Никто же не долженъ писать о дѣлахъ, касающихся до его управы къ другой какой ни есть управѣ внѣ, ниже внутри государства безъ вѣдома управнаго старшины и старшинскихъ товарищей, ниже утаить что къ нему о дѣлѣ касаю-

щемся до его управы писано было, подъ опасеніемъ той же пени“. Вторая половина этой статьи совершенно пропущена въ нынѣшнемъ ремесленномъ уставѣ, ибо по ней выходило, что не только ремесленникъ не имѣетъ права утайвать и распечатывать писемъ, адресованныхъ управѣ, но что онъ не можетъ ни писать самостоятельно, ни получать писемъ, въ которыхъ рѣчь идетъ о „дѣлахъ, касающихся до его управы“.

Оказывается, что постановленіе это заимствовано изъ прусскихъ цеховыхъ привилегій, причемъ оно, благодаря тому, что нѣкоторыя выраженія оригинально пропущены, извращено до неузнаваемости. Въ этомъ можно убѣдиться изъ оригинала этого постановленія, который мы приводимъ въ томъ видѣ, какъ онъ изложенъ въ ремесленномъ уставѣ для западной Пруссіи отъ 1774 г. Статья 40 этого устава гласитъ: „Damit auch alle unnütze Correspondenz zwischen den Gewerkerⁿ hinführo ganzlich wegbleibe; so ist ihnen selbige bey vermeidung 5. bis 20. Rthlr. Strafe zu untersagen. Wann aber solche Fälle sich ereignen mögten, worinnen etwas zu schreiben nöthig wäre, müssen die Briefe anders nicht, denn durch jedes Orts Obligkeit abgelassen und bestellet, mithin bey obiger Strafe von keinem Handwerke an das andere schreiben, noch dieses an jenes abgelassene Briefe erbrochen und beantwortet werden. Einzelne Meister und Gesellen hingegen, sollen auf keine Weise bey Leibes-Strafe; in Handwerks oder vor die ganze Lade ihres Orts gehörigen Angelegenheiten mit einander correspondiren; zu welchem Ende und damit der mit dem Brüderschafts-Siegel bisher vorgenommene Misbrauch auf einmal abgestellt werde, den Gesellen welche ohne dem keine Brüderschaft ausmachen können, kein Siegel gestattet, sondern wo sie sich dessen bisher angemasset, solches, wie bereits Art. 30. verordnet, ihnen abgenommen, und zu Rath-Hause verwahrlich beygelegt werden soll. Wie dann auch alle Abschickungen der Meister und Gesellen an die Zünfte anderer Oerter, so ohne speciale und schriftliche Erlaubnisz der Obrigkeit unternommen werden wollen, gleichfalls bey empfindlicher Strafe verbothen werden“. Для того, чтобы въ будущемъ не происходила ненужная корреспонденція между цехами, — она возбраняется имъ подъ страхомъ наказанія 5—12 талерами штрафа. Еслибъ, однако, были такіе случаи, когда бы оказалось нужнымъ писать, то письма эти должны быть составлены и доставлены не иначе, какъ при участіи мѣстнаго начальства, причемъ подъ страхомъ опредѣленнаго выше наказанія цехи не должны сносятся письменно между собою или вскрывать и давать отвѣты на подобнаго

рода письма; отдѣльные же мастера и подмастерья ни въ какомъ случаѣ не должны, подѣ страхомъ тѣлеснаго наказанія, сноситься между собою письменно о дѣлахъ, имѣющихъ отношеніе къ ремеслу или цеху. Съ какою цѣлью и для предотвращенія всякихъ происходившихъ до сихъ поръ злоупотребленій печатью братства подмастерьевъ подмастерьямъ, которые и безъ того не могутъ составлять братства, не дозволяется имѣть печати, а въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они дерзнули бы записаться ею, она должна быть отобрана и передана на сохраненіе въ ратушу. Вообще подѣ страхомъ чувствительнаго наказанія запрещаются всевозможныя переписки между мастерами и подмастерьями цеховъ различныхъ мѣстъ безъ особаго письменнаго дозволенія начальства.

Приведенная статья ремесленнаго положенія 1785 г. составлена, повидимому, изъ только-что цитированной статьи западно-прусскаго цеховаго устава, причемъ таже, что взаимный контроля надъ этими письмами въ лицѣ мѣстнаго начальства, установленнаго въ прусскихъ цеховыхъ привилегіяхъ, въ ремесленномъ положеніи 1785 г. совершенно возбраняется только переписка между отдѣльными ремесленниками или ремесленниками и управами по дѣламъ, „касающимся его управы“, и нисколько не возбраняются письменныя сношенія между управами и цехами, и вдобавовѣ предписывается отдавать нераспечатанными письма по адресу. Словомъ, вышло постановленіе, смыслъ и цѣль котораго даже послѣ произведенныхъ поправокъ совершенно непонятны.

Уже изъ приведенной выше статьи западно-прусскаго цеховаго устава легко представить себѣ тѣ цѣли, которыя преслѣдовались ею, и тѣ причины, которыми она была вызвана. Статья эта, какъ и однородныя статьи прусскихъ цеховыхъ привилегій, имѣла цѣлью противодѣйствовать союзамъ однородныхъ цеховъ въ различныхъ городахъ и въ особенности союзамъ подмастерьевъ. Источникомъ этихъ опредѣленій въ прусскихъ цеховыхъ привилегіяхъ, а также однородныхъ постановленій въ другихъ нѣмецкихъ территоріяхъ является 6-й параграфъ имперскаго рѣшенія отъ 16-го августа 1731 г., въ которомъ, между прочимъ, сказано: „таже какъ почти трудно представить себѣ, зачѣмъ собственно ремесленникамъ различныхъ мѣстъ, а тѣмъ болѣе территорій, переписываться между собою, въ виду чего собственно лучше бы совсѣмъ уничтожить эту корреспонденцію; но еслибы произошли случаи, когда переписка оказалась бы необходимою, то она должна происходить съ вѣдома начальства и т. д.“

Какое важное значеніе имѣлъ этотъ § имперскаго рѣшенія, видно, между прочимъ, изъ словъ Бемерта, автора одного изъ

лучшихъ изслѣдованій по исторіи цеховъ: „6-ая статья имперскаго рѣшенія, — говоритъ онъ, — заключала постановленіе, которое по справедливости вызывало величайшее ожесточеніе среди нѣмецкихъ ремесленниковъ: мастерамъ и подмастерьямъ была воспрещена переписка съ другими цехами безъ дозволенія мѣстнаго начальства. Тотъ, кто ознакомится съ крупными злоупотребленіями тогдашняго цехового строя и приметъ во вниманіе, что цехи во всей Германіи составляли нѣчто въ родѣ сплоченной фаланги, которая отстаивала сохраненіе цеховыхъ безобразій, объявляли цѣлые города въ опалѣ и т. д., тотъ признаетъ постановленіе имперскаго рѣшенія вполнѣ послѣдовательнымъ, хотя оно не дерзало покончить сразу съ цеховыми безобразіями, ибо именно въ перепискѣ лежала страшная сила этого строгосочлененнаго организма“. Говоря словами того же Бемерта, исторія цеховъ въ XVIII в. есть въ то же время исторія бунтовъ подмастерьевъ. Ближайшимъ поводомъ къ постановленію имперскаго рѣшенія 1731 г. послужилъ бунтъ подмастерьевъ въ 1726 г. въ Аугсбургѣ. Городской совѣтъ въ Аугсбургѣ наложилъ на нѣсколькихъ подмастерьевъ башмачнаго цеха за драку денежный штрафъ. Виновные принуждали своихъ невинныхъ товарищей принять на себя долю штрафа. Тѣ изъ нихъ, которые тотчасъ же высказывали свое согласіе, получали наименованіе „удалыхъ“, несогласовавшіеся — „срамные“ — подвергались жестокимъ надругательствамъ словомъ и дѣломъ со стороны первыхъ. Аугсбургскій городской совѣтъ рѣшился положить предѣлъ этому скандалу. Между ними и удалцами произошло столкновеніе, кончившееся открытымъ бунтомъ. 107 подмастерьевъ оставили городъ. Изъ Фрейберга, куда они удались, они разослали письма своимъ собратьямъ въ Лейпцигъ, Дрезденъ, Берлинъ, Гамбургъ и др. городахъ. Въ этомъ циркулярномъ посланіи они говорятъ, между прочимъ, слѣдующее: „мы вынуждены были возстать съ цѣлью сохранить наши старинныя права, и даемъ вамъ знать, чтобы никто изъ порядочныхъ людей не отправлялся въ Аугсбургъ. Если же онъ пойдетъ и будетъ работать въ Аугсбургѣ, то онъ получитъ заслуженное имъ вознагражденіе. Какое именно — объ этомъ онъ узнаетъ“. Извѣстіе о происшедшемъ въ Аугсбургѣ вызвало шумныя сцены и въ другихъ городахъ. Эти движенія послужили, какъ мы уже сказали, новымъ основаніемъ къ постановленію имперскаго рѣшенія 1731 г.

Запрещеніе переписки между товариществами подмастерьевъ одновременно съ запрещеніемъ переписки между цехами различныхъ городовъ имѣло достаточное основаніе въ томъ, что союзы цеховъ, направленные въ значительной мѣрѣ противъ интересовъ

подмастерьевъ, вызывали противодѣйствіе въ видѣ союза товарищества подмастерьевъ. Такъ, уже въ XIV в. мы находимъ соглашеніе цеховъ не только любекскихъ, гамбургскихъ, висмарскихъ, ростовскихъ, стральзундскихъ, вообще ганзейскихъ городовъ, относительно способа обращенія съ подмастерьями данныхъ ремесль, но и въ прусскихъ городахъ, въ Силезіи, въ городахъ, расположенныхъ по среднему теченію Рейна и Майна, и т. д. Такъ, между прочимъ, цехи кузнецовъ въ Майнцѣ, Вормсѣ, Шпейерѣ, Франкфуртѣ, Гельнгаузенѣ, Ашафенбургѣ, Бингенѣ, Опенгеймѣ и Крейцнахѣ заключаютъ между собою въ 1383 г. соглашеніе, по которому подмастерьямъ во всѣхъ этихъ городахъ запрещается „пропивать вновь вступающаго товарища“, принуждать его къ принятію новаго имени; если подмастерье недоволенъ своимъ мастеромъ, онъ долженъ обратиться къ цехмистру и другимъ мастерамъ; подмастерье, нарушающій договоръ, не можетъ быть принятъ ни въ домъ, ни во дворъ (*weder hausen noch hofen*) къмъ-либо изъ мастеровъ союзныхъ городовъ; точно такъ же должно быть поступлено съ подмастерьемъ, который станетъ отговаривать своихъ товарищей отъ службы у извѣстнаго мастера или, вѣрнѣе, наложить опалу на извѣстнаго мастера.

Постановленія, вошедшія въ составъ этого соглашенія между цехами различныхъ городовъ, сами по себѣ, конечно, не новость. Во всѣхъ статутахъ отдѣльныхъ цеховъ предусматривалось самовольное нарушеніе контракта со стороны подмастерьевъ и учениковъ, допускалось принятіе на службу подмастерья и ученика лишь послѣ того, какъ они окончили счеты съ прежнимъ мастеромъ и получили отъ него отпускъ. Словомъ, бѣглецы подмастерья и ученики всячески побуждались къ тому, чтобы они вернулись къ своимъ хозяевамъ, и цехи принимали всѣ мѣры, чтобы они не могли найти нигдѣ ни крова, ни пристанища. Понятно однако, что цѣль эта не могла быть достигнута безъ взаимныхъ сношеній и переписки между цехами различныхъ городовъ. Сношенія эти и происходили между цехами въ Европѣ по каждому данному случаю, хотя бы предварительнаго соглашенія объ этомъ предметѣ и не было, происходили такъ же и между южно-русскими цехами. Такъ по крайней мѣрѣ слѣдуетъ заключить на основаніи постановленія одного изъ южно-русскихъ цеховыхъ уставовъ, причемъ никакого общаго предварительнаго соглашенія между этимъ цехомъ и однородными цехами другихъ городовъ по данному вопросу не было заключено. Въ этомъ уставѣ (портняжнаго цеха въ Каменцѣ отъ 1723 г.) говорится: „если бы подмастерье или ученикъ, забравши принадлежности работы, свое-

вольно ушелъ отъ мастера, безъ вѣдома его, въ другіе города, то туда слѣдуетъ написать письмо (takowu ma byé opisany do inszych miast) съ тою цѣлью, чтобы въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ его найдутъ, удалили его со службы до тѣхъ поръ, пока онъ не очиститъ и не оправдаетъ себя. Если же онъ явится предъ подмастерской управой (do gospody szeladnej), то онъ долженъ быть наказанъ по обычаю за такой проступокъ”.

Повторяемъ, упомянутыя выше соглашенія и союзы между однородными цехами различныхъ городовъ вызвали противодѣйствіе въ видѣ союза подмастерскихъ товариществъ тѣхъ же и другихъ союзныхъ городовъ. Возможности такихъ союзовъ содѣйствовалъ постоянный обмѣнъ подмастерьевъ между городами, вслѣдствіе обычая странствованія, хожденія по городамъ. И вотъ, когда въ Кольмарѣ подмастерья пекарей учинили стачку въ 1495 г. и ушли изъ города изъ-за того, что имъ не отвели достоюжнаго мѣста въ церковной процессіи, то и братства подмастерьевъ въ сосѣднихъ городахъ—Страсбургѣ, Базелѣ, Фрейбургѣ, Шлетштаттѣ и др., воспретили подмастерьямъ пекарей поступать на службу въ пекарямъ въ Кольмарѣ. Совѣтъ города Кольмара обращается къ другимъ городамъ съ просьбою произвести слѣдствіе о томъ, какія товарищества оказываютъ денежную поддержку стачнувшимся подмастерьямъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ проситъ понудить подмастерьевъ пекарей соответствующихъ городовъ отказаться отъ вмѣшательства въ спорѣ кольмарскихъ пекарей съ ихъ подмастерьями. Соответствующія мѣры были приняты, но онѣ, очевидно, оказались безрезультатными. Такъ, между прочимъ, товарищества брейзахскихъ и страсбургскихъ подмастерьевъ пекарей обращаются къ шлетштаттскимъ письменно съ вопросомъ о томъ, какъ имъ поступить въ данномъ случаѣ. Шлетштаттскіе подмастерья отвѣчаютъ, что тѣ изъ подмастерьевъ, которые позволяютъ себѣ поступать на службу въ Кольмарѣ, не будутъ отнынѣ приниматься ни въ какое товарищество. Согласно съ этимъ указаніемъ и страсбургскіе подмастерья заявляютъ городской ратушѣ, что они нѣкоимъ образомъ не примутъ въ свою среду подмастерьевъ, которые работали въ Кольмарѣ, или работаютъ теперь, до окончанія дѣла. И на требованіе о повиновеніи со стороны ратуши страсбургскіе подмастерья пекарей, въ свою очередь, оставляютъ городъ. Фрейбургскіе подмастерья пекарей хотя и увѣряютъ городской совѣтъ, что они не давали средствъ для поддержки стачки, тѣмъ не менѣе заявляютъ, что они не могутъ уклониться отъ соглашенія, установленнаго ими съ семью братствами сосѣднихъ городовъ, въ виду того, что это повлечетъ для

нихъ значительный вредъ, который будетъ нанесенъ имъ другими товариществами, въ наказаніе за ихъ образъ дѣйствій.

Понятно, что въ виду той поддержки, которую братства подмастерьевъ оказывали подмастерьямъ въ ихъ столкновеньяхъ съ мастерами, цехи всячески противодействовали расширенію силы, значенія и самостоятельности подмастерскихъ товариществъ, старались служить предѣлы ихъ дѣйствія и кругъ предметовъ, подлежащихъ ихъ вѣденію; по возможности стѣсняли самое существованіе ихъ и во всякомъ случаѣ, при содѣйствіи городскихъ совѣтовъ, подчиняли ихъ контролю и надзору мастеровъ и цех-мистровъ. Такъ, въ 1421 г. четыре средне-рейнскихъ города—Майнцъ, Вормсъ, Шпейеръ, Франкфуртъ—устанавливаютъ между собою соглашеніе, по которому подмастерьямъ во всѣхъ этихъ городахъ должно быть воспрещено содержаніе особыхъ мѣстъ для покоевъ, причемъ подмастерьямъ предоставляется на ихъ собраніяхъ обсуждать лишь религиозные интересы товарищества. Соглашеніе это не повело, однако, къ цѣли. Въ 1423 г. произошла стачка портняжныхъ подмастерьевъ. Въ виду этого майнцкій портняжный цехъ въ 1457 году входитъ въ новое соглашеніе съ 20-ю рейнскими городами, по которому существованіе подмастерскихъ товариществъ дозволяется, и принимаются лишь мѣры противъ злоупотребленій, а именно, противъ нарушенія контра-товъ, наложенія опалы на мастера, и т. п.

Необходимость участія мастеровъ въ собраніяхъ подмастерьевъ и вообще контроля и надзора мастеровъ за дѣйствіями товарищества встрѣчается въ большинствѣ статутовъ. Такъ, въ статутѣ фрейбургскихъ башмачныхъ подмастерьевъ, по дополненіямъ отъ 1503 г., требуется присутствіе на собраніи двухъ мастеровъ. Точно также по статуту страсбургскихъ сворняковъ требуется участіе въ собраніи, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда производится судъ надъ вѣмъ-либо, двухъ отряженныхъ для этой цѣли мастеровъ. У страсбургскихъ кожевниковъ въ уставѣ 1477 г. подмастерскимъ ларцомъ завѣдуютъ одинъ подмастерье и одинъ мастеръ. Черезъ посредство прусскихъ цеховыхъ привилегій, которыя въ свою очередь требуютъ, чтобы въ завѣдываніи подмастерскимъ ларцомъ и въ собраніяхъ участвовалъ цеховой старшина (Altmeister), это правило попало и въ наше ремесленное положеніе 1785 г., а затѣмъ и въ нынѣ дѣйствующій ремесленный уставъ, причемъ, благодаря плохому переводу, Altmeister превращенъ въ прошлогодняго цехового старшину. Если не имѣть въ виду приведенныхъ выше фактовъ, свидѣтельствующихъ о сплоченности подмастерскихъ товариществъ въ дѣлѣ борьбы съ

хозяевами и отстаиваніи своихъ интересовъ, то антагонизмъ цеховъ съ братствами и товариществомъ подмастерьевъ, какъ уже указалъ Шанцъ, былъ бы совершенно непонятенъ, ибо въ статутахъ этихъ братствъ и товариществъ рѣчь идетъ почти исключительно или о предметахъ религіознаго свойства, или о поведеніи въ собраніи, на попойкахъ и вообще о взаимныхъ житейскихъ отношеніяхъ. Ничего опаснаго, конечно, не могло заключаться въ наказаніяхъ, налагаемыхъ на подмастерья по рѣшенію самихъ товарищей за дурное поведеніе. Но въ томъ-то и дѣло, что товарищества подмастерьевъ, какъ и цехи, обнимали всѣ стороны жизни ихъ членовъ, и если статуты преимущественно регулировали церковно-обрядовую и житейскую стороны жизни подмастерьевъ, то этимъ, какъ мы уже знаемъ, они весьма мало отличались отъ цеховыхъ уставовъ. На основаніи характера этихъ статутовъ, Шанцъ, какъ это дѣлалъ Вильда, по отношенію къ цеховымъ братствамъ, заключаетъ, что братства подмастерьевъ были исключительно церковными братствами, и что только впоследствии въ нихъ присоединились или отдѣльно отъ нихъ образовались товарищества подмастерьевъ съ свѣтскими цѣлями. Не подлежитъ, конечно, сомнѣнію, что религіозная сторона жизни братства, равно какъ и взаимныя отношенія товарищей, имѣли весьма важное значеніе; но изъ того, что о другихъ предметахъ не упоминается или упоминается весьма мало въ статутахъ, не слѣдуетъ заключать, что это были только религіозныя братства, или только товарищества для устройства веселыхъ попойекъ, что, слѣдовательно, единеніе между подмастерьями слагалось лишь съ тою или другою цѣлью, о которой подробно трактуется въ статутахъ. Уже выше мы видѣли, что съ помощью товариществъ достигались и другія цѣли. Если, слѣдовательно, товарищества подмастерьевъ въ позднѣйшія времена служили орудіемъ для достиженія многихъ цѣлей, хотя въ статутахъ даннаго времени о нихъ ничего не говорится, то нѣтъ основанія приписывать возникновеніе этихъ учрежденій исключительно извѣстнымъ, опредѣленнымъ мотивамъ. Наиболѣе вѣроятнымъ предположеніемъ является, по нашему мнѣнію, то, что подмастерскія братства и товарищества суть то, что именуется въ Малороссіи „парубочьими громадами“, причемъ контингентъ этой громады ограничивается сферой одного ремесла, т.-е. товарищества подмастерьевъ возникали изъ парубочьихъ громадъ, изъ группы людей одного и того же возраста, и являются носителями тѣхъ же цѣлей и задачъ, какія лежали на данной объединенной возрастной группѣ, вмѣстѣ съ специально ремесленными цѣлями. Приговоръ, поста-

новленный магистратомъ города Выгрвы въ 1712 г. по дѣлу, возникшему между членами парубоцкаго братства, говорить объ обычаяхъ, практикуемыхъ въ этихъ братствахъ, какъ объ издавна установленныхъ. Эти братства существуютъ еще въ настоящее время, и по ихъ современной фizioноміи можно судить о прежнемъ характерѣ ихъ. Такъ, между прочимъ, въ м. Хомутцѣ (полтавской губ.) молодецкія братства существуютъ особо *въ каждомъ приходѣ* и избираютъ атамановъ отдѣльно. Въ одномъ приходѣ парубки имѣютъ въ церкви свою икону—Спасителя и звѣзду, и держатъ три ставника. Атаманъ во время великаго поста дѣлаетъ раскладку на парубковъ „по состоянію“ для сооруженія ставника, хоругви и т. п. Начиная ходить на улицу парубокъ, т.-е. вступающій въ хлопій гуртъ, покупаетъ водку и угощаетъ братчиковъ (платитъ магарычъ), а также дѣлаетъ взносъ въ пользу братской кассы. Въ Панскомъ (золотоношскаго уѣзда) „молодецкѣ братство“ варитъ медъ къ рождественскимъ и воскресенскимъ праздникамъ, имѣетъ въ церкви шесть ставниковъ, которые зажигаются на литургіи при чтеніи „Апостола“, причеиъ парубки становятся съ ставниками въ два ряда отъ царскихъ вратъ, и ставники горятъ до тѣхъ поръ, пока на клиросѣ пропоютъ: „И всѣхъ, и вся“. Ежегодно, по рѣшенію братчиковъ, собираютъ со всѣхъ деньги на сооруженіе ставниковъ, хоругвей и т. п., въ дополненіе къ выручкѣ отъ меда. Во время рождественскихъ праздниковъ всѣ парубки собираются въ первый день къ атаману, который угощаетъ ихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ парубки преподносятъ ему подарокъ въ видѣ шолковаго платка или хорошаго пояса. Съ того же дня и почти цѣлую недѣлю продолжается „колядка“. Раздѣлившись на нѣсколько группъ, парубки ходятъ колядовать по домамъ своихъ товарищей, „хозяиныхъ“ сыновей, болѣе или менѣе состоятельныхъ, собирая пожертвованія съѣстными припасами и деньгами. Передъ праздниками парубки нанимаютъ себѣ просторную хату, варятъ тамъ медъ и почти все время праздниковъ проводятъ тамъ же, имѣя общій столъ изъ собранныхъ припасовъ... Въ церкви с. Панскаго насчитываютъ до 20 хоругвей и значковъ, сооруженныхъ молодецкимъ братствомъ, и кромѣ того нѣредко тамошніе „молодки“ жертвуютъ хоругви въ церкви сосѣднихъ селеній. Въ Хомутцѣ, Рѣшетилковѣ, Опошиѣ и многихъ другихъ мѣстахъ также въ каждой церкви есть нѣсколько парубоцкихъ хоругвей, которыя носятъ собирательное имя: „цехъ“, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ: „процессія“... Въ молодецкомъ обществѣ с. Панскаго та особенность, что парубки рѣдко распѣваютъ колядки, но большею частію

сидятъ въ шинкѣ и поютъ мірскія пѣсни. Атаманъ обязательно присутствуетъ при нихъ и старается уладить возникающія нерѣдко между ними ссоры... Въ случаѣ смерти кого-либо изъ членовъ братства его провожаютъ до могилы съ хоругвами братства. Отмѣтимъ здѣсь же, что и во многихъ мѣстахъ Германіи въ настоящее время въ селахъ существуютъ парубоцкія братства, называемыя гильдіями. Наибольшую дѣятельность они обнаруживаютъ въ маѣ, когда происходитъ раздача майскихъ леновъ, т.-е., когда торжественно каждымъ юношей за извѣстный взносъ въ общую кассу для пиршества пріобрѣтается право быть постояннымъ и излюбленнымъ кавалеромъ одной изъ мѣстныхъ дѣвушекъ. Парубоцкія гильдіи эти имѣютъ свои собранія, своихъ выборныхъ представителей, свою кассу и т. д. Въ прежнія времена и въ Европѣ, между прочимъ въ Англіи и Даніи (въ концѣ прошлаго вѣка), взносы, поступавшіе въ кассу парубоцкихъ гильдій, а также вознагражденія постороннихъ лицъ за процессіи, которыя они совершали, шли въ пользу церкви, для изготовленія ставниковъ и т. д.

Сопоставляя эти свѣденія о парубоцкихъ братствахъ съ данными объ организаціи братствъ и товариществъ подмастерьевъ какъ въ Европѣ, такъ и у насъ, нельзя не вывести заключенія, что эти товарищества и братства подмастерьевъ опредѣленнаго цеха выполняли тѣ же функціи, какія выполняли безразличныя парубоцкія братства въ каждомъ приходѣ, а именно: заботились о представительствѣ товарищества или братства при богослуженіяхъ и церковныхъ процессіяхъ, носили факелы, хоругви, жертвовали различныя украшенія для данной церкви или часовни, провожали умершихъ сочленовъ; для всѣхъ этихъ цѣлей давали обязательные взносы воскомъ, пивомъ, виномъ, деньгами, регулировали взаимныя отношенія на сходкахъ и во время пооекъ въ кабакахъ, выбирали представителей товариществъ и братствъ, самостоятельно творили судъ и расправу надъ своими сочленами и т. д.

Въ пользу нашего мнѣнія свидѣтельствуетъ, между прочимъ, обычай, практиковавшійся при переходѣ учениковъ въ подмастерья, а также при вступленіи подмастерья въ товарищество подмастерьевъ тѣхъ городовъ, по которымъ онъ странствовалъ. Ученикъ или подмастерье обязаны были выпить въ три приѣма поднесенный ему однимъ изъ подмастерьевъ привѣтственный напитокъ (Willkomm), состоявшій изъ двухъ квартъ пива, смѣшаннаго съ перцемъ и другими острыми сладобьями. Если онъ не опоражнивалъ его, онъ вносилъ штрафъ въ товарищескую казну.

Только принятый такимъ или подобнымъ образомъ ученикъ считался „сдѣланнымъ“, дѣйствительнымъ подмастерьемъ (gemachter Geselle). Уже въ 1363 г. мы находимъ споръ между подмастерьями ткачей и мастерами относительно требованій, предъявляемыхъ въ ученикамъ для перехода въ подмастерья. Товарищество подмастерьевъ признаетъ недостаточнымъ отбываніе срока ученія, и требуетъ, какъ неизбѣжное условіе, торжественное принятіе въ среду подмастерьевъ. Какъ это обстоятельство, такъ и требованіе выпивки, подтверждаетъ наше предположеніе, что товарищества подмастерьевъ суть не что иное, какъ ограниченныя предѣлами даннаго ремесла парубочія братства. Мы не имѣемъ свѣдѣній о томъ, подносится ли вновь принятому въ парубочія братства члену такой сокрушительный напитокъ, какой былъ въ ходу среди нѣмецкихъ подмастерьевъ, но любопытно то, что почти однородную смѣсь выпиваетъ, между прочимъ, въ орловской губерніи, послѣ крещенія сына и совершенія обряда съ кашей, отецъ новорожденнаго, а именно: берутъ немного каши, смѣшиваютъ съ солью, перцемъ, хрѣномъ, горчицею и всѣмъ прочимъ, что есть на столѣ, зачерпываютъ этой смѣси на большую ложку и подаютъ хозяину, который долженъ съѣсть все поданное, чтобы потрудиться, какъ трудилась въ родахъ его жена. Эту смѣсь приготовляетъ кумъ; предъ кашей и послѣ нея отцу даютъ по ставану вина, причемъ второй ставанъ онъ долженъ закусить тою же смѣсью, которую черпаетъ ручкою ложки. Любопытенъ этотъ фактъ въ томъ отношеніи, что и при принятіи въ товарищество подмастерьевъ во многихъ цехахъ, между прочимъ въ кузнечномъ во Франкфуртѣ, Данцигѣ, Торнѣ, въ эльзасскихъ городахъ и другихъ, требовалось нареченіе новаго имени или, вѣрнѣе, приобрѣтеніе имени (Namenkauf) посредствомъ магарыча, а также совершеніе обряда крещенія, въ шутку или серьезно. Такъ, между прочимъ, въ указѣ 1674 г. Фридрихъ-Вильгельмъ предписываетъ уничтожить водворившіеся во многихъ бранденбургскихъ цехахъ дурные обычаи, заключающіеся въ томъ, что ученики при переходѣ въ подмастерья должны имѣть нѣсколькихъ крестныхъ отцовъ и подвергнуть себя обряду крещенія, при которомъ происходятъ всевозможныя безобразія въ насмѣшку надъ св. таинствами. Очевидно, слѣдовательно, что питье той смѣси, о которой мы говорили выше, находится въ тѣсной связи какъ съ актомъ рожденія, такъ и съ актомъ *возрожденія*, совершающимся при вступленіи ученика въ новую среду, въ новую возрастную группу. Вообще привятіе въ товарищество подмастерьевъ было связано съ различнаго рода испы-

таніями, истязаніями (Hänseln—отсюда, можетъ быть, и слово ганза), которыя въ свою очередь свидѣтельствуютъ, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ обрядами, предшествующими переходу изъ одной возрастной группы въ другую. Въ этомъ отношеніи въ особенности любопытенъ такъ-называемый „прыжокъ мясниковъ“.

Еще въ 1877 году въ послѣдній разъ въ Мюнхенѣ совершался во время масленицы обрядъ жестокаго испытанія надъ учениками изъ цеха мясниковъ. Послѣ того какъ число учениковъ, переходившихъ въ подмастерья, было установлено, всѣ члены цеха отправились въ церковь св. Петра, чтобы присутствовать на богослуженіи. Затѣмъ организовалась процессія: впереди шла музыка, за нею нѣсколько мальчиковъ (сыновей мясниковъ), отъ 4-хъ до 6-ти лѣтъ, ѣхало верхомъ на лошадахъ, ведомыхъ конюхами; за ними слѣдовали, также верхомъ, герои дня, т.-е. тѣ подростки, надъ которыми долженъ былъ совершиться обрядъ крещенія въ подмастерья. Всѣ они были одѣты въ красныя куртки, въ бѣлые передники, на которыхъ привѣшены были блестящія точила. Подмастерья шли за ними пѣшкомъ; послѣдній шелъ старшій подмастерье, его сопровождали носители чашъ, кубковъ и большого привѣтственнаго кубка (Willkomm). Мастера, шедшіе попарно, заканчивали процессію. Процессія направлялась къ Маріинской площади, къ такъ-называемому „Рыбному колодцу“, окруженному массою народа. Здѣсь подростки, удалившись въ ратушу, сбрасывали свое платье и одѣвали плотно прилежавшіе къ тѣлу полушубки, вывороченные шерстью вверхъ, причемъ телячьи и овечьи хвосты, нашитые на полушубкѣ, болтались во всѣ стороны. Въ такомъ видѣ подростки, сопровождаемые криками толпы, три раза обходили колодезь, идя по краю его, и затѣмъ становились на краю спиною къ колодцу. Каждый изъ подростковъ получалъ стаканъ краснаго вина, пригубливалъ и затѣмъ остатокъ выливалъ за спиною въ колодезь. Въ заключеніе старшина подмастерьевъ наносилъ каждому изъ подростковъ три удара въ спину, „съ тѣмъ, чтобы напомнить ему тѣ испытанія, которыя приходится переносить въ жизни“. Такъ совершался обрядъ въ позднѣйшія времена. Но еще въ началѣ XVIII в. (1708 г.) онъ совершался въ гораздо болѣе жестокой формѣ, въ Лейпцигѣ, напримѣръ. Тамъ они должны были сваять въ воду, и только послѣ того, какъ они промакали въ достаточной мѣрѣ, они выходили крещенными въ подмастерья. Оттуда они быстро убѣгали, въ холодное время года, въ ратушу для того чтобы переодѣться. Процессія возвращалась въ цеховой кабакъ, гдѣ происходило пиршество.

Исслѣдователи старины давно уже обратили вниманіе на этотъ обрядъ крещенія въ колодцѣ, или „прыжокъ мясниковъ“, какъ онъ назывался, практиковавшійся съ незапамятныхъ временъ во многихъ областяхъ Германіи. Подыскивались и мифологическія объясненія въ родѣ того, что это есть обрядъ омовенія грѣха, состоящаго въ томъ, что мясники убиваютъ полезное и необходимое въ земледѣліи животное; приурочивали этотъ обрядъ и къ историческимъ фактамъ: будто бы въ Нюрнбергѣ когда-то составилъ заговоръ противъ германскаго императора. Совѣщанія происходили у колодца; мясники узнали объ этомъ и, несмотря на холодъ, спрятались въ колодезь, подслушали тайну и сообщили о ней императору. Съ тѣхъ поръ мясникамъ предоставлено право совершать описанную выше процессію. Переселившіеся изъ Нюрнберга въ Мюнхенъ мясники перенесли сюда и нюрнбергскій обычай. Но мы уже знаемъ, что обрядъ этотъ совершался не только въ Нюрнбергѣ и Мюнхенѣ, но, между прочимъ, и въ Кемптенѣ, Куфштейнѣ, во всей Швабіи и т. д. Народныя сказанія приурочиваютъ возникновеніе этого обряда во времени свирѣпствованія чумы въ Германіи въ 1463 и 1517 гт. Благодаря страшной смертности, улицы оставались пустыми. Тогда мясники устроили процессію и такимъ образомъ оживили городъ, и въ немъ началось обычное движеніе.

Стоитъ, однако, сопоставить описанный выше обрядъ испытанія подростковъ съ тѣми испытаніями, которымъ подвергаются при переходѣ въ высшій возрастъ подростки у всѣхъ народовъ на раннихъ ступеняхъ культуры, и между прочимъ съ тѣми испытаніями, которымъ подвергались подростки въ Германіи въ нѣкоторыхъ другихъ слояхъ общества въ однородные моменты, чтобы видѣть, что мы имѣемъ дѣло съ однородными же истязаніями, и что слѣдовательно дѣленіе на три разряда—мастеровъ, подмастерьевъ и учениковъ—не могло быть чѣмъ-то новымъ въ исторіи цеховъ, а есть остатокъ дѣленія на классы по возрастамъ,—дѣленія, составляющаго существенную черту организаціи первобытныхъ племенныхъ общинъ. Очевидно, что это дѣленіе на три разряда отнюдь не возникло по образу и подобию того дѣленія, которое существовало въ средніе вѣка въ рыцарскихъ орденахъ (пажи, оруженосцы и рыцари), какъ это утверждаетъ Мауреръ; напротивъ, слѣдуетъ думать, что и то, и другое дѣленіе возникло на общей почвѣ первоначальнаго возрастнаго дѣленія членовъ общины.

Вполнѣ понятно, что братства и товарищества подмастерьевъ, какъ уже указано выше, отстаивали всевозможные интересы под-

мастеревъ, между прочимъ по отношенію къ городу, хозяевамъ, и оказывали вліяніе на величину рабочаго дня, на опредѣленіе времени отдыха, на высоту рабочей платы и т. д. Впрочемъ, судя по цеховымъ постановленіямъ относительно продолжительности рабочаго дня, трудно думать, чтобы подмастерья вели съ хозяевами упорную борьбу въ этомъ отношеніи. Рабочій день вообще былъ очень длиненъ: такъ, у корабельныхъ плотниковъ въ Любекѣ, по уставу 1650 г., онъ тянется съ 5 часовъ утра до 6-ти часовъ вечера. У сундучниковъ въ Любекѣ, по уставу 1508 г., и у мебельщиковъ въ Фрейбургѣ, по уставу 1539 г., лѣтомъ и зимою онъ тянулся отъ 4-хъ часовъ утра до 7 ч. вечера. Впрочемъ во многихъ цеховыхъ уставахъ воспрещалась ночная работа, работа при свѣчахъ, въ особенности во французскихъ, причемъ, какъ указываетъ Нейбургъ, могли играть роль отнюдь не интересы рабочихъ, а интересы полицейскаго свойства — опасенія пожаровъ, или же интересы хозяевъ въ томъ смыслѣ, чтобы у всѣхъ мастеровъ даннаго ремесла существовалъ одинъ и тотъ же рабочій день, благодаря чему и высота заработка каждаго хозяина выйдетъ приблизительно одинаковою. Зато почти во всѣхъ цеховыхъ уставахъ, за немногими исключеніями, воспрещается работа по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, что опять-таки слѣдуетъ въ большей мѣрѣ приписать вліянію религіозныхъ требованій, чѣмъ воздѣйствію товариществъ подмастерьевъ. Какъ постановленія европейскихъ цеховыхъ уставовъ относительно продолжительности рабочаго дня, такъ и постановленія относительно числа рабочихъ дней въ недѣлѣ и году вошли въ наше ремесленное положеніе XVIII в., а оттуда и въ нашъ ремесленный уставъ. Статья 153-я гласитъ: „Ремесленные рабочіе часы въ суткахъ суть отъ шести часовъ утра до шести часовъ вечера“; предшествующая 152-ая ст. разъясняетъ: „Ремесленныхъ рабочихъ дней шесть въ недѣлѣ. Въ день же воскресный и двенадцатые праздники ремесленники не должны работать безъ необходимой нужды“.

Упорную борьбу вели товарищества подмастерьевъ въ теченіе среднихъ вѣковъ за сокращеніе числа рабочихъ дней въ недѣлѣ, за предоставленіе имъ свободы не только въ воскресный день, но и въ понедѣльникъ. Изъ постановленій нѣкоторыхъ цеховыхъ статутовъ, между прочимъ портняжнаго въ Любекѣ, отъ 1464 г., мы узнаемъ, что понедѣльникъ былъ признанъ полупраздникомъ для подмастерьевъ, т.-е. они освобождались отъ работы съ утра до полудня понедѣльника, въ иныхъ мѣстахъ каждую недѣлю, въ другихъ — черезъ двѣ недѣли. Впрочемъ въ статутахъ страс-

бургскихъ слесарныхъ подмастерьевъ 1536 г. подмастерьямъ предоставляется свобода съ полудня понедѣльника. Однородное же постановленіе существуетъ въ статутѣ мебельныхъ подмастерьевъ въ Фрейбургѣ 1539 г., причемъ ставится условіемъ, что подмастерья освобождаются лишь въ томъ случаѣ, если въ теченіе недѣли нѣтъ праздника. Авторъ изслѣдованія объ исторіи подмастеревскихъ товариществъ, Шанцъ, вмѣстѣ съ Шталемъ, утверждаетъ, что въ виду продолжительности рабочаго дня въ средніе вѣка, въ виду необходимости посѣщать еженедѣльно баню, въ виду наконецъ того, что въ воскресные и праздничные дни сходки были воспрещены, требованіе подмастерьевъ о предоставленіи имъ свободы въ понедѣльникъ имѣло достаточное основаніе. Весьма возможно, конечно, что эти мотивы поддерживали обычай, но едва ли есть основаніе думать, чтобы требованіе подмастерьевъ о предоставленіи свободы въ понедѣльникъ вызывалось указанными мотивами. Вѣрнѣе всего предположить, какъ указываетъ наиболѣе распространенное названіе этого полупраздника — *der blaue Montag*—синій понедѣльникъ, что онъ вызывался желаніемъ опохмелиться послѣ воскресной гульбы, благодаря которому у каждаго подмастерья оказывались фонари (синяки) подъ глазами. Есть, впрочемъ, и другія названія понедѣльника, а именно: „добрый понедѣльникъ“, „обжорливый“, „чистый понедѣльникъ“. Изъ послѣдняго названія выводили и другое заключеніе, что сначала праздновались только понедѣльники во время поста, причемъ названіе „синій“ придано было понедѣлнику потому, будто, что именно во время поста церкви въ Германіи обрашивались въ синій цвѣтъ. Какъ мы видѣли выше, нѣкоторые цеховые статуты уступали, по отношенію къ понедѣльникамъ, требованію подмастерьевъ. Вообще же празднованіе этого дня считалось безобразіемъ, и за это производились вычеты изъ рабочей платы. Упомянутое уже выше имперское рѣшеніе 1731 г. воспрещаетъ празднованіе понедѣльника. Прусскія цеховыя привилегіи XVIII-го в., въ свою очередь, категорически высказываются противъ празднованія понедѣльника. „Подмастерья, говорится тамъ, не должны праздновать „добрыхъ понедѣльниковъ“ или другіе будніе дни; должны по вечерамъ своевременно являться домой. Если же подмастерье явится послѣ 10 часовъ, то онъ по заявленію мастера, долженъ быть оштрафованъ двумя грошами; если же онъ не явится въ теченіе всей ночи, то шестью грошами“. Однородныя постановленія мы находимъ и въ южно-русскихъ цеховыхъ уставахъ XVIII-го в. Такъ, между прочимъ, въ ст. 19-ой устава каменецкаго портняжнаго цеха 1723 г. говорится: „тѣ изъ

подмастерьевъ, которые выдумывали бы для своеволия праздновать понедѣльники или не ночевали у своихъ мастеровъ, или дома при женѣ мастера и его дочеряхъ пѣли непотребныя пѣсни, или забавлялись насмѣшливыми разговорами, должны быть оштрафованы 3 фунтами воска, а ученики, по старому обычаю, должны быть наказаны въ присутствіи двухъ депутатовъ отъ цеха“.

Наиболѣе существенною чертою, отличающею подмастерья отъ мастера, было то, что онъ не могъ производить работы самостоятельно на свой рискъ и страхъ и долженъ былъ служить по найму у мастера. Такъ опредѣляютъ любекскіе, гамбургскіе цехи, такъ опредѣляютъ статуты другихъ цеховъ, такъ опредѣляетъ и ремесленное положеніе 1785 г. „Буде кто,—говорится тамъ,—ремесленный подмастерья или ученикъ, пока у мастера, у кого возьметъ работу безъ вѣдома мастера, и о томъ въ управѣ мастеръ самъ, или кто иной приносить будетъ жалобу, или инако по дѣлу откроется, то, освидѣтельствовавъ того подмастерья или ученика за то, что взялъ работу безъ вѣдома мастера, наказать содержаніемъ въ тюрьмѣ вдвое столько дней, сколько работалъ безъ вѣдома мастера. Послѣ же тюрьмы ни единый управной мастеръ да не приметъ его“. Въ нынѣ дѣйствующій ремесленный уставъ опредѣленіе это вошло значительно смягченнымъ по отношенію къ санкціи, карающей за нарушеніе его, и вмѣстѣ съ тѣмъ съ весьма важными ограниченіями, сдѣланными въ 1799 году. А именно: „подмастерью, находящемуся въ наймѣ у мастера, запрещается безъ вѣдома его брать и производить работу, причѣмъ, однако, подмастерьямъ дозволяется жить на фабрикахъ и безъ мастера“. Это послѣднее дополненіе, какъ мы уже сказали, внесено въ 1799 г., т.-е. заимствовано изъ обнародованнаго въ 1794 г. прусскаго кодекса, въ которомъ повелѣно не чинить препятствій подмастерьямъ, работающимъ на фабрикахъ. Какъ показалъ г. Молчановскій, это постановленіе является результатомъ продолжительной борьбы между цехами и насаждаемою прусскимъ правительствомъ фабричною промышленностью. Цехи настаивали на томъ, что подмастерье можетъ работать только у цехового мастера, а слѣдовательно и на фабрикѣ, лишь тогда, когда работа производится подъ надзоромъ и контролемъ мастера. Прусская центральная власть то уступала требованіямъ цеховъ, то высказывалась противъ нихъ. Въ теченіе довольно продолжительнаго періода она держалась того мнѣнія, что возможно примирить цеховую организацію труда съ фабричнымъ производствомъ; предписывала, между прочимъ, въ 1766 г. на фабрикахъ шоловыхъ издѣлій держать по одному цеховому ма-

стеру на каждые четыре станка, а на табачныхъ фабрикахъ, закономъ 1787 г., по одному цеховому мастеру на каждыхъ двухъ подмастерьевъ. Въ концѣ концовъ, прусская центральная власть, очевидно, вынуждена была уступить силѣ фактическихъ отношеній и выставила, какъ мы видѣли, общее правило въ 1794 г., по которому подмастерье можетъ работать на фабрикахъ и помимо мастера. Этимъ во всѣхъ областяхъ труда, куда проникло машинное производство, былъ нанесенъ рѣшительный ударъ цеховой организаціи. Произошла нивелировка класса мастеровъ и класса подмастерьевъ. Цеховая организація труда была распатана въ самой своей основѣ, тѣмъ болѣе, что фабрики все болѣе и болѣе стали употреблять не-цеховыхъ рабочихъ, утилизировали и женскій трудъ. Изъ прежней цеховой организаціи могло остаться только дѣленіе на взрослыхъ рабочихъ и подростковъ, на подмастерьевъ и учениковъ. Словомъ, машина, все болѣе и болѣе проникая въ различныя отрасли производства и сокрушая цеховую организацію, повела къ торжеству крупнаго производства, въ видѣ мануфактурныхъ фабрикъ, причемъ тѣ области труда, въ которыхъ еще сохранился ручной трудъ, все болѣе и болѣе примыкали къ домашнему, кустарному производству. Жалкіе остатки цеховъ все еще представляютъ собою средину между фабричною акулой и кустарнымъ карасемъ, но они, очевидно, предназначены исторіей къ гибели.

III.

Для пониманія всевозможныхъ явленій цеховой жизни необходимо постоянно имѣть въ виду, что цехи были искони замѣнены группами, что они только съ трудомъ, какъ и всякая первобытная общественная группа, ассимилировали новыхъ членовъ, что они дѣлали это только по необходимости и только тогда, когда эта необходимость признана была всею группою, а не отдѣльными членами ея. Этимъ объясняется, что такая обыкновенная вещь, какъ принятіе мастеромъ ученика, издавна обставлялась всевозможными формальностями, происходила торжественно, словомъ, была чѣмъ-то въ родѣ усыновленія, единственнаго способа, съ помощью котораго первобытныя общественныя группы могли ассимилировать и на самомъ дѣлѣ ассимилировали новыхъ лицъ. По статутамъ нѣкоторыхъ любекскихъ цеховъ, принятіе ученика происходило въ присутствіи всего цеха. Это, очевидно, была самая ранняя форма принятія ученика въ цехъ, но и тамъ,

гдѣ присутствія всего цеха не требовалось, все-таки принятіе въ цехъ должно было произойти при цеховыхъ старшинахъ. Такія постановленія мы встрѣчаемъ и въ южно-русскихъ цеховыхъ уставахъ. По 9-ой статьѣ устава каменецкаго портняжнаго цеха 1723 г., мальчикъ не можетъ быть принятъ иначе, какъ въ присутствіи двухъ мастеровъ, причемъ онъ долженъ дать два злата въ цеховую казну. По уставной грамотѣ сапожнаго цеха въ Чудновѣ 1749 г., принятіе мальчика должно происходить въ присутствіи цехмистра, причемъ обѣ стороны обязаны внести въ цеховую казну по грошу. Однородное постановленіе мы находимъ въ ремесленномъ положеніи 1785 г. „Буде мастеръ, говорится тамъ, прійметъ ученика, то имѣетъ его представить управному старшинѣ и старшинскимъ товарищамъ... Управный же старшина да прикажетъ ученику быть вѣрнымъ, послушнымъ, почтительнымъ къ мастеру и учиться ремеслу прилежно. При запискѣ ученика въ ученичью книгу управы, отдается на волю управы, имѣетъ ли тотъ ученикъ внести нѣсколько денегъ въ ремесленную казну, что при каждомъ годовомъ сходѣ ремесленныхъ единожды опредѣлить имѣютъ, но не выше пяти рублей“. Требованіе о представленіи ученика цеховому старшинѣ и старшинскимъ товарищамъ, а также о наставленіи, даваемомъ ученикамъ, сохранилось и въ нынѣ дѣйствующемъ ремесленномъ уставѣ.

Этимъ, однако, не ограничивались формальности при принятіи ученика и требованія, предъявляемыя къ нему. Одно изъ наиболѣе раннихъ требованій, а именно о томъ, чтобы мальчикъ былъ свободно рожденнымъ, показываетъ, что гипотеза о происхожденіи цеховой организаціи изъ той организаціи, какая была придана ремеслу при дворахъ феодальныхъ владѣльцевъ, лишена всякаго основанія. Такого постановленія не могло бы быть въ наиболѣе раннихъ цеховыхъ статутахъ, еслибы цеховая организація труда возникла изъ крѣпостной организаціи. Съ этимъ требованіемъ находится въ связи требованіе, предъявляемое, напр., въ Любецѣ, о томъ, чтобы ученикъ не былъ вендскаго происхожденія, такъ какъ венды въ значительной мѣрѣ были порабощены нѣмцами, считались поэтому низшимъ элементомъ.

Наиболѣе интересны съ точки зрѣнія исторіи культуры два требованія, предъявлявшіяся къ ученику, а именно: чтобы онъ былъ законнорожденнымъ, и чтобы онъ не принадлежалъ по происхожденію къ числу лицъ, сопрікосновеніе съ которыми считалось позорнымъ.

Припомнимъ здѣсь, что вопросъ о законномъ рожденіи и за-

конномъ бракѣ игралъ вообще большую роль въ исторіи цеховъ. Бемертъ извлекъ нѣсколько весьма интересныхъ документовъ изъ бременскаго архива по этому предмету. Изъ процесса бременскаго сапожнаго цеха съ сапожникомъ Фишбекомъ, начатаго въ 1616 г., видно, что его и жену исключили изъ цеха, какъ нечестныхъ и не живущихъ въ законномъ бракѣ людей, за то, что жена его родила черезъ три или четыре мѣсяца послѣ брака. Изъ аппеляціи сапожнаго цеха на рѣшеніе бременскаго городского совѣта, который призналъ неправильнымъ постановленіе цеха, видно, что, по обычаямъ цеха, непосредственно послѣ совершенія брака для цеха должно быть устроено пиршество, при которомъ совершается торжественный обрядъ (*solemnis ritus*): два младшихъ мастера кладутъ невѣсту въ постель, а представители цеха должны изслѣдовать ее собственными руками (*mit ihren eidtlichen Handen*) для того, чтобы засвидѣтельствовать фактъ цѣломудрія невѣсты; происходившее до брака незаконное сожителство влечетъ за собою исключеніе этихъ лицъ, а равно и ихъ незаконнаго потомства изъ цеха. Описанный обрядъ носилъ названіе *Bettesetzung*, *Bettbringung*—сажаніе въ кровать. вмѣсто пиршества, связаннаго съ этимъ обрядомъ, допускалась уплата извѣстной суммы, которая называлась: „*das Bettebringengeld*“, взносъ за сажаніе въ кровать. Какъ видно изъ жалобы того же сапожнаго цеха на сапожника Драке, подать эта существовала еще и сто лѣтъ спустя. Въ этомъ документѣ сапожный цехъ заявляетъ, что жена Драке родила уже черезъ 7 недѣль послѣ брака, какъ это видно, между прочимъ, изъ записи въ цеховой книгѣ, въ которой обозначенъ упомянутый взносъ. Въ виду этого цехъ признаетъ необходимымъ исключить жену его изъ общенія съ цехомъ за до-брачное сожителство, а мастера оштрафовать. У того же Бемерта въ одномъ изъ напечатанныхъ имъ документовъ воспроизведена форма свидѣтельства, которое требовалось гильдесгеймскимъ цехомъ для принятія въ цехъ. Четыре свидѣтеля должны были удостовѣрить, что отецъ даннаго лица повелъ мать его въ дѣвственномъ нарядѣ, съ распущенными волосами, въ вѣнѣ, въ церковь для вѣнчанія, и что отъ этихъ супруговъ въ законномъ бракѣ родился данный субъектъ, причемъ ни онъ, ни его родители никому не принадлежатъ въ качествѣ крѣпостныхъ, не происходятъ отъ вендовъ, и также отъ лицъ, принадлежавшихъ къ числу мытниковъ, мельниковъ, баньщиковъ, брадобрѣевъ, трубачей, льнопрядильщиковъ, пастуховъ или другой подозрительной категоріи лицъ. Вопросы о происхожденіи отъ лицъ, занимавшихся позорящими ремеслами, мы коснемся ниже; здѣсь же

прибавимъ, что пиршества и взносы при вступленіи въ бракъ и совершеніи брачнаго сожительства существовали и въ цехахъ другихъ городовъ, между прочимъ въ любекскихъ.

До сихъ поръ мы привели данныя изъ сравнительно болѣе поздняго времени, но несомнѣнно, что эти требованія унаслѣдованы отъ болѣе раннихъ временъ. Объ этомъ можно судить отчасти по характеру упомянутыхъ выше обрядовъ, отчасти по прямымъ свѣденіямъ, имѣющимся объ этомъ предметѣ. По статуту подмастерьевъ скорняковъ въ Страсбургѣ XV в., мастера не должны принимать подмастерья, публично живущаго въ незаконномъ сожительствѣ. Однородное предписаніе имѣется въ статутѣ подмастерьевъ того-же цеха въ Фрейбургѣ: сожительство съ проституткой или вообще въ незаконномъ бракѣ служить препятствіемъ къ принятію въ подмастерья. Въ 1455 г. цехъ ткачей во Франкфуртѣ исключилъ изъ своей среды мастера, вступившаго въ бракъ съ незаконнорожденной дѣвушкой, родители которой, однако, сочетались бракомъ послѣ ея рожденія. Городской совѣтъ отмѣнилъ это рѣшеніе и постановилъ, что ткачъ нѣкимъ образомъ не лишается права на мастерство, вслѣдствіе этого брака, но жена его не можетъ посѣщать общественныхъ увеселеній въ цеховомъ домѣ, ибо въ нихъ могутъ принимать участіе только честныя женщины. Зато въ 1489 г. городской совѣтъ согласился съ рѣшеніемъ цеха, исключившаго мастера вслѣдствіе того, что онъ вступилъ въ бракъ съ дочерью патера, т.-е. съ незаконнорожденною. Любекскіе латники въ уставѣ 1433 г. ставятъ требованіе, чтобы принимаемый въ подмастерья и его жена были вполне безупречны. Статутъ бранденбургскихъ кожевниковъ отъ 1424 г. предписываетъ, чтобы мастеръ, желающій вступить въ бракъ, сосваталъ себѣ дѣвушку, которая достойна цеха. Въ 1429 г. вѣнскіе пекари обращаются съ просьбою къ городскому совѣту утвердить постановленіе цеха, по которому мастеръ или подмастерье не можетъ вступать въ бракъ съ публичною женщиною или вообще съ женщиною, на которой лежитъ пятно. Совѣтъ отказывается въ этой просьбѣ, мотивируя отказъ тѣмъ, что законныя препятствія къ браку могутъ быть установлены только духовенствомъ. Зато статутъ вѣнскихъ банщиковъ 1421 года заключаетъ въ себѣ, между прочимъ, постановленіе, что мастеръ не можетъ принимать на службу подмастерья, не живущаго въ законномъ бракѣ. Въ статутахъ товарищества подмастерьевъ ткацкаго производства въ Ульмѣ, составленныхъ въ самомъ началѣ XV-го вѣка, мы находимъ, между прочимъ, слѣдующее постановленіе: не допускается къ принятію

поповскій сынъ или субъектъ, имѣющій постоянную возлюбленную среди живущихъ въ проституціонномъ домѣ. Если послѣ принятія въ товарищество онъ вступить въ такія отношенія, то представитель товарищества долженъ его увѣщевать, и если эти увѣщанія окажутся безплодными, то товарищи лишаютъ его права производить ремесло. Болѣе снисходительно относятся эти статуты къ подмастерью, живущему не съ проституткой, а вообще въ незаконномъ бракѣ съ какою-либо женщиной. Его штрафуютъ фунтомъ воска. Гамбургскіе рыбаки, уставомъ 1375 г., караютъ лишеніемъ права производить мастерство того, о женѣ котораго ходитъ дурная молва. Почти однородною съ приведенной выше формою свидѣтельства приводитъ Нейбургъ изъ Франкфурта-на-Одерѣ по отношенію къ XV-му вѣку. Свидѣтельство удостоверяетъ, что данное лицо родилось отъ честныхъ людей въ законномъ бракѣ, причемъ четыре восходящихъ предка были нѣмцами свободными, никому не закрѣпощенными, и не происходятъ отъ мытниковъ, льнопрядильщиковъ, банщиковъ, пастуховъ, цирюльниковъ, патеровъ и вообще отъ „подлыхъ“ людей, „какія бы имена они ни носили“. Прибавимъ еще нѣсколько подробностей въ этомъ родѣ: бриценскіе сапожники и кожевники въ уставѣ 1423 г. требуютъ отъ кандидатовъ въ мастера и ихъ женъ, чтобъ они были законнорожденными; такое же требованіе они предъявляютъ къ ученикамъ. У бреславльскихъ столяровъ подобное же требованіе ставится въ уставѣ 1390 года, а у сапожниковъ и кожевниковъ въ Перлсбергѣ—въ 1353 г. Понятно послѣ этого, что и южно-русскіе цехи предъявляютъ подобное же требованіе. Цехи металлическихъ издѣлій въ Каменцѣ отъ 1712 г. требуютъ просто представленія свидѣтельства о рожденіи. Уставъ портняжнаго цеха въ Каменцѣ отъ 1723 г. требуетъ отъ желающаго вступить въ мастера представленія надлежащаго свидѣтельства о законномъ рожденіи, а еслибы онъ былъ женатъ, то и жена должна быть безупречна. Ученикъ, въ свою очередь, долженъ быть законнорожденнымъ.

Мы видѣли выше, что требованія о законномъ бракѣ и законномъ происхожденіи предъявляются уже въ половинѣ XIV-го в. Есть ли основаніе думать, чтобы оно возникло лишь къ этому времени? Въ разрѣшеніи этого вопроса намъ помогутъ указанія, заключающіяся въ описанномъ выше обрядѣ. По обычному праву германскихъ народовъ, бракъ считался законно совершеннымъ лишь тогда, когда совершенъ былъ фактъ сожителства съ вѣдома общины, когда новобрачные *das Bett beschritten*. Описанный обычай „сажанія въ кровать“ представителями цеха, практи-

ковавшійся въ XVII вѣкѣ, есть не что иное, какъ остатокъ стариннаго обычая, который практикуется въ Малороссіи и въ настоящее время. Разница лишь въ подробностяхъ обряда. И смотря потому, что эксперты найдутъ, свадебный обрядъ получаетъ то или другое направленіе и продолженіе ¹⁾.

Совершеніе описаннаго выше обряда въ связи съ другимъ, также описаннымъ у Кистяковскаго, едва-ли вызывается требованіями моногаміи, и если, согласно этому обычаю, отъ невѣсты требуется цѣломудріе до брака, то, очевидно, послѣ брака отнюдь не ставится условіемъ, чтобы дитя было плодомъ брачнаго союза данной женщины съ даннымъ мужчиной. Иначе говоря: формальная законнорожденность извѣстнаго лица можетъ не совпадать съ дѣйствительною законнорожденностью.

Несомнѣнно, что какъ малорусскій обрядъ, такъ и бременскій—весьма древняго происхожденія, что онъ въ болѣе ранніе періоды жизни никоимъ образомъ не былъ предназначенъ для цензуры нравовъ. И въ позднѣйшія времена въ самомъ характерѣ совершенія обряда сохранилось, какъ мы видѣли, столько весьма нецѣломудренныхъ деталей, что трудно допустить, чтобы онъ и въ болѣе раннія времена былъ предназначенъ для цензуры нравовъ. Участіе въ изслѣдованіи представителей цеха, въ свою очередь, заставляетъ заключить, что въ болѣе раннія времена обрядъ этотъ не имѣлъ ничего общаго съ требованіемъ цѣломудрія со стороны невѣсты.

Несомнѣнно однако, что съ теченіемъ времени обрядъ сажанія невѣсты въ кровать сталъ употребляться для удостовѣренія безпорочности невѣсты и законнорожденности дѣтей, но очевидно, что такое измѣненіе характера обряда произошло во всякомъ случаѣ не раньше XIV-го в., и что, слѣдовательно, мы имѣемъ всѣ основанія думать, что и требованія относительно законнорожденности въ томъ смыслѣ, чтобы данное лицо происходило отъ лицъ, сочетавшихся формальнымъ бракомъ, и было рождено не раньше, какъ только чрезъ извѣстное время послѣ совершенія брака, въ свою очередь возникли не раньше этого времени. Это не значитъ, конечно, что до XIV-го в. о происхожденіи лица, принимаемаго въ цехъ, не производилось никакихъ справокъ. Судя по первоначальному смыслу описаннаго выше обряда, въ цехахъ, какъ въ замкнутыхъ общинахъ, практиковалась лишь эндогамія, и въ члены цеха принимались исключительно

¹⁾ Кистяковский: „Къ вопросу о цензурѣ нравовъ у народа. Сборникъ народныхъ юридическихъ обычаевъ“, I, стр. 164. См. также приложенія стр. 175, 176, 179, 182. —Терещенко: „Бытъ русскаго народа“, II, стр. 533, 614.

лица, родившіяся отъ такихъ браковъ. Въ пользу этого предположенія свидѣтельствуя тѣ многочисленныя постановленія цеховыхъ статутовъ, по которымъ члены семейства цеховыхъ мастеровъ, а также сочетавшіяся браками съ дочерьми и вдовами мастеровъ пользуются всевозможными льготами при вступленіи въ цехъ. Въ пользу этого свидѣлствуютъ и постановленія о замѣнѣ цеховъ во многихъ мѣстахъ, иначе говоря, всѣ тѣ мѣры, которыя являются примѣненіемъ основного воззрѣнія, что всякое ремесло есть наслѣдственное достояніе извѣстной группы лицъ.

Такимъ образомъ, если требованіе относительно законнаго брака и законнорожденности въ указанной выше формѣ возникло лишь въ XIV вѣкѣ, то оно все-таки явилось лишь на смѣну болѣе строгаго принципа, по которому лицо, не находившееся въ кровной или родственной связи съ данною группою, вовсе не допускалось въ составъ цеха.

Въ нашъ ремесленный уставъ всѣ эти постановленія европейскихъ цеховыхъ статутовъ не попали потому, что прототипъ его—прусскія цеховыя привилегіи—согласно съ болѣе ранними имперскими постановленіями и, между прочимъ, съ имперскимъ рѣшеніемъ 1731 г. (парагр. 11) категорически возбраняють примѣненіе этихъ правилъ, какъ и правилъ о недопущеніи въ составъ цеховъ лицъ, принадлежащихъ по происхожденію въ позорящимъ ремесламъ.

Мы уже знаемъ, что позорящими ремеслами еще въ XIV в. считались ремесла баньщиковъ, льнопрядильщиковъ, пастуховъ, носильщиковъ. Въ Магдебургѣ къ позорнымъ ремесламъ причисляются и гончары. Мельники и кожевники, а также и ихъ потомство, въ свою очередь, очень рано считаются запятанными. Изъ имперскаго полицейскаго устава отъ 1548 г. мы узнаемъ, что трубачи и барабанщики также причислялись къ людямъ, занимающимся позорнымъ ремесломъ. Изъ имперскаго рѣшенія 1731 г. можно усмотрѣть, что и лица, входившія въ составъ гробовопателей, стражи городской, лѣсной, ночныхъ сторожей и вообще полицейскихъ и судебныхъ урядниковъ, считались вмѣстѣ съ ихъ потомствомъ запятанными своимъ ремесломъ и въ цехи не принимались. Нечего говорить о томъ, что палачи и живодеры и вообще приходившіе въ соприкосновеніе съ трупомъ чловѣка или животнаго считались, вмѣстѣ съ ихъ семействами, опозоренными. Даже въ имперскомъ рѣшеніи 1831 г. живодеры и ихъ семейства до втораго поколѣнія признаются опозоренными и не могутъ быть приняты въ другіе цехи. Только имперское постановленіе 1772 г. снимаетъ съ нихъ безчестіе и признаетъ ихъ правоспособными къ вступленію въ цехи.

Судя по документу начала XVIII-го в., напечатанному въ „Архивѣ юго-западной Россіи“, есть всѣ основанія думать, что и въ южно-русскихъ цехахъ убійство животнаго, въ особенности собаки, считалось позорящимъ для лица, принадлежащаго къ цеху, и подвергало его исключенію. Въ этомъ документѣ рѣчь идетъ о жалобѣ въ ковельскую городскую раду на то, что жалобщика исключили изъ цеха, вслѣдствіе распространившейся клеветы, будто бы онъ убилъ собаку. По словамъ г. Василенко, въ гончарномъ цехѣ мѣстечка Хомутца, миргородскаго уѣзда, до сихъ поръ сохранился обычай, строго соблюдаемый, что поступившій въ цехъ не долженъ ни убивать животныхъ, ни снимать кожу съ палыхъ, иначе его „вытрутъ зъ бумага“, т.-е. вычеркнуть изъ списковъ. Такой обычай, по его словамъ, существуетъ еще теперь во всѣхъ цехахъ въ заштатномъ городѣ Глинскѣ.

Легче всего, повидимому, находятъ себѣ объясненіе признаніе безчестными всѣхъ тѣхъ промысловъ и занятій, гдѣ приходилось, говоря словами г. Молчановскаго, хотя бы и противъ воли (или, вѣрнѣе, именно противъ воли), имѣть соприкосновеніе съ преступниками, съ висѣлицей и орудіями пытки, съ падалюю и мертвецами, съ кожей или шерстью палыхъ животныхъ. Эти занятія считались сами по себѣ позорящими, безчестящими. Кромѣ палачей, живодеровъ, къ числу этихъ занятій принадлежитъ ремесло кожевниковъ и пастуховъ. Баньщики и брадобрѣи, какъ извѣстно, въ болѣе раннія времена были и цирюльники, пускали кровь, лечили навозныя болѣзни и вообще занимались хирургическими операціями, которыя и производились въ баняхъ. Слѣдовательно, и это ремесло могло считаться позорнымъ потому, что приходилось имѣть дѣло съ пролитіемъ крови. Съ точки зрѣнія, устанавливаемой этими фактами, можетъ показаться страннымъ, какимъ образомъ льнопрядильное ремесло попало въ число позорныхъ. Оказывается однако, что въ Мюнхенѣ еще въ 1700 г. на льнопрядильщикахъ лежала обязанность приставить къ висѣлицѣ лѣстницу, когда приходилось вѣшать бѣднаго грѣшника. Затѣмъ, среди прусскихъ эдиктовъ XVII-го в. мы находимъ одинъ отъ 1671 года, въ которомъ курфюрстъ Фридрихъ-Вильгельмъ — въ отвѣтъ на жалобу льнопрядильщиковъ, что ихъ оскорбляютъ и позорятъ за то, что они обязаны приставлять лѣстницы къ висѣлицамъ въ случаѣ казни преступника — облагаетъ штрафомъ въ 100 талеровъ всякаго, кто позволитъ себѣ оскорблять прядильщиковъ и признавать ихъ безчестными. Но если это такъ, если соприкосновеніе какого-либо ремесла съ висѣлицей и казнью могло имѣть позорящее значеніе, то этотъ позоръ долженъ былъ падать на все-

возможныя ремесла, прежде всего на плотниковъ и столяровъ. Еще въ 1500 г., между прочимъ во Франкфуртъ-на-Майнѣ поразительное значеніе этой работы для плотниковъ и столяровъ устранялось тѣмъ, что прибиваніе перекладинъ производилось не отдѣльными членами цеха, а всѣмъ цехомъ въ совокупности. И въ позднѣйшія времена всѣ работы по постройкѣ и ремонту эшафота производились, какъ во Франкфуртъ-на-Майнѣ, такъ и въ другихъ городахъ, всѣми мастерами, подмастерьями и учениками даннаго ремесла. Въ Пруссіи, какъ видно изъ указа 1730 г., для устраненія безчестія, лежавшаго на работѣ по устройству и исправленію эшафотовъ, кромѣ участія цеховъ въ полномъ ихъ составѣ, требовалось, чтобы первый ударъ топора былъ произведенъ членомъ магистрата или однимъ изъ судей, причѣмъ цеху устраивалось угощеніе.

Возможно, что сравнительно большее безчестіе, лежавшее на льнопрядильщикахъ, объясняется именно тѣмъ, что они принимали въ казняхъ, въ особенности въ повѣшеніи, въ болѣе раннія времена самое непосредственное участіе: они изготовляли веревку и обматывали ею шею преступника. Это видно, между прочимъ, и изъ наименованія, которое на нѣмецкомъ языкѣ носила эта веревка—die Leine: льнопрядильщики назывались Leineweber.

Еще труднѣе казалось бы привести въ связь съ указанными ремеслами, имѣвшими отношеніе къ смертной казни, мельниковъ; но и о нихъ, если не въ юридическихъ памятникахъ, то въ народныхъ сказаніяхъ, существуютъ свѣденія, указывающія на то, что они были причастны къ этому дѣлу. Въ pendant къ многочисленнымъ сказаніямъ, свидѣтельствующимъ о существованіи смертной казни въ видѣ размальванія, Либрехтъ указываетъ и на дѣйствительный фактъ, происходившій на Гузратскомъ берегу. Мусульмане опустошили эту страну, и въ наказаніе за это мѣстный владѣтель впоследствии убивалъ ежедневно одного магометанина, размальвая его въ мельницѣ или разбивая въ ступѣ.

Вообще, за исключеніемъ гончаровъ, почти всѣ упомянутыя выше категоріи позорныхъ ремеслъ могли быть признаны въ средніе вѣка безчестящими челоуѣка именно потому, что они въ ранніе періоды принимали участіе въ приведеніи въ исполненіе казней. Лица, входившія въ составъ городской стражи и полицейскихъ и судебныхъ урядниковъ, въ свою очередь очень долго занимались этимъ дѣломъ. Наиболѣе ранней стадіей въ дѣлѣ приведенія въ исполненіе смертной казни слѣдуетъ считать ту, когда сама община, въ полномъ составѣ, присуждая кого-либо къ наказанію, исполняла это наказаніе въ такомъ же составѣ. На это указы-

ваютъ и наиболѣе ранніе способы наказанія: забрасываніе камнями, стрѣлами, копьями. Остаткомъ этого способа наказанія является еще и въ настоящее время, какъ уже указалъ Гриммъ, разстрѣливаніе, производимое не спеціально назначеннымъ для того лицомъ—палачемъ, а товарищами осужденнаго. Да и по отношенію къ повѣшенію очень долго, между прочимъ, въ нѣмецкихъ уставныхъ грамотахъ сохранялись право и обязанность общины производить его сообща. Такъ, въ селѣ Визенбруннѣ, во Франконіи, издавна существовало право жителей вѣшать злодѣя на деревѣ, причемъ всѣ жители должны были держать веревку. Съ теченіемъ времени, однако, народную толпу замѣнялъ представитель ея: древній князь, вообще военный предводитель или жрецъ. Такъ, въ древнемъ Римѣ казнь исполнялъ или понтифексъ, или консулы. Иначе говоря, тѣ лица, къ которымъ перешла значительная часть судебныхъ функцій отъ первобытной общины, сами и исполняли наказаніе. Остаткомъ этого способа исполненія наказанія слѣдуетъ считать то, что не только Іоаннъ Грозный, но и Петръ Великій еще принималъ участіе въ этомъ дѣлѣ. Несомнѣнно, однако, что это были исключенія изъ общаго правила, по которому исполненіе казни, какъ въ Россіи, такъ и въ другихъ странахъ, на соотвѣствующихъ ступеняхъ культуры переходитъ отъ высшихъ представителей суда къ низшимъ представителямъ его, къ ликторамъ въ Римѣ, къ такъ-называемымъ въ Германіи Schergen, Fronboten, Nachrichtern, Scharfrichtern и т. д., т. е. къ городскимъ полицейскимъ и судебнымъ служителямъ и, наконецъ, къ палачамъ. Очень долго и эти лица считаются еще занимающими почетное положеніе въ обществѣ. Самое названіе палача во Франціи—*maistre des hautes oeuvres*—свидѣтельствуетъ о томъ почетѣ, которымъ онъ пользовался. Впослѣдствіи, однако, должность эта сдѣлалась предметомъ всеобщаго отвращенія, и даже завѣдомые преступники не легко рѣшались приниматься за исполненіе его обязанностей. Городскіе и полицейскіе служители, на которыхъ нѣкогда, какъ и на льнопрядильщикахъ и на мельникахъ въ болѣе раннія времена, лежала эта обязанность, въ свою очередь пользовались дурною славою. Иначе говоря, то, что нѣкогда для каждой изъ разсмотрѣнныхъ группъ считалось привилегіей, высшимъ почетомъ, впослѣдствіи служило для опозоренія и обезчещенія.

Въ сущности, рѣшительно непонятно, какимъ образомъ средніе вѣка, которые были полны кровопролитія, всякихъ жестокостей и истязаній, могли считать позорными дѣйствія, относившіяся къ исполненію казни и вообще къ истязанію чловѣка и

пролитію крови. Намъ кажется, что это противорѣчіе между духомъ среднихъ вѣковъ, его повальнымъ жестокосердіемъ, безпощадностью въ дѣйствіяхъ, съ одной стороны, и сентиментальностью взглядовъ, нашедшихъ свое выраженіе въ отношеніи къ извѣстнымъ ремесламъ, съ другой стороны,—находитъ свое объясненіе въ томъ основномъ положеніи, на которое мимоходомъ указано выше, а именно: приведеніе въ исполненіе казней не считалось позорнымъ до тѣхъ поръ, пока исполнители казни были въ то же время и судьями, пока сами судьи—были ли то цѣлыя общины или отдѣльныя лица—исполняли свои собственныя рѣшенія. Но съ тѣхъ поръ, какъ функція судьи отдѣлилась отъ функціи исполнителя рѣшеній, съ тѣхъ поръ какъ цѣлая совокупность лицъ въ видѣ ремесленной общины или отдѣльныя лица въ видѣ судебныхъ служителей и палачей стали приводить въ исполненіе чужія приказанія, чужіе приговоры по лишенію жизни или истязанію чловѣка или животнаго,—съ тѣхъ поръ занятіе это и входящія въ составъ его дѣйствія стали считаться позорными, безчестными тѣхъ, кто по обязанности или за деньги исполняетъ таковаго рода постановленія. Любопытно, что въ вестфальскихъ судахъ приговоръ исполнялся низшимъ членомъ суда еще въ то время, когда исполненіе приговоровъ уже было предоставлено палачамъ, причемъ они считались уже безчестными. Очевидно, слѣдовательно, что участіе въ постановленіи приговора снимало безчестіе съ лица, исполнявшаго приговоръ.

Съ помощью приведенныхъ до сихъ поръ данныхъ намъ удалось привести почти всѣ позорящія ремесла къ одному знаменателю. Впрочемъ остаются еще, кромѣ гончаровъ, трубачи и барабанщики. Не подлежитъ сомнѣнію, что дурная слава, которой они пользовались, обусловливалась тѣмъ, что сопѣльники и гусляры причислялись къ числу скомороховъ. Еще Аванасьевъ собралъ массу данныхъ, свидѣтельствующихъ объ отношеніи духовной и свѣтской власти въ Россіи къ музыкѣ и представителямъ ея. Мы приведемъ только нѣкоторые изъ этихъ данныхъ. Домострой попа Сильвестра называетъ пѣсни, пляски, скаканіе, гудѣніе, бубны, трубы и сопѣли дѣлами богомерзкими, а Стоглавъ вооружается противъ слѣдующихъ явленій: „въ мірскихъ свадбахъ играютъ глумотворцы и органники и смѣхотворцы и гусельники, и бѣсовскія пѣсни поютъ; и какъ къ дереву вѣнчаться поѣдутъ, священникъ съ крестомъ ѣдетъ, а передъ нимъ со всѣми тѣми играми бѣсовскими рыщутъ, а священники имъ о томъ не возбраняютъ. Въ прошлую субботу по селамъ и по погостомъ сходятся мужи и жены на жальникахъ (кладбищахъ) и плачутся

по гробомъ съ великимъ кричаньемъ, и егда начнутъ играти скоморохи, гудцы и прегудницы, они же отъ плача переставше начнутъ скакати и плясати и въ долони бити и пѣсни сатанинскія пѣти“. По этому заявленію соборъ поставилъ въ обязанность священникамъ убѣждать паству, чтобы „въ кое время родителей своихъ поминають, и они бы нищихъ поили и кормили по своей силѣ, а скоморохомъ, гудцомъ и всякимъ игумцомъ запрещали и возбраняли“ тѣми бѣсовскими играми смущать православныхъ. Точно также высказывается Стоглавый соборъ и противъ обычая сходиться въ навечеріи Рождества и Крещенія и на Ивановъ день „творить глумы всякими плясаньми и гуслими“. Приговорною грамотою Троице-сергіева монастыря 1555 г. было определено, чтобы монастырскіе крестьяне въ волостяхъ скомороховъ не держали, а „у котораго сотскаго въ его сотной выймутъ скоморохъ или волхва или бабу-ворожею, и на томъ сотскомъ и на его сотной на стѣ человекъ взяти пени десять рублей денегъ, а скомороха или волхва или бабу-ворожею, бивъ да ограбивъ, выбити изъ волости вонъ, а прохожихъ скомороховъ въ волость не пуцать“. Въ наказахъ монастырскимъ приказчикамъ XVII в. предписывалось наблюдать, чтобы крестьяне „въ бѣсовскія игры, въ сопѣли и въ гусли, и въ гудки и въ домары, и во всякія игры не грали, и въ домѣхъ у себя не держали“. Въ 1636 г. по указу патріарха Іоасафа, дана была память поповскому старостѣ тѣну наблюдать, чтобы на праздники владычни, богородичны и нарочитыхъ святыхъ не было въ Москвѣ безчинствъ; а то „вмѣсто духовнаго торжества и веселія воспримше игры и кощуръ бѣсовскія, повелѣвающія медвѣдчиномъ и скоморохомъ на улицахъ и на торжищахъ и на распутіяхъ сатанинскія игры творити и въ бубны бити, и въ сурны ревети и руками плескати, и плясати и иная неподобная дѣяти“. Противъ тѣхъ же обычаевъ предостерегаетъ и царская окружная грамота 1648 года; она требуетъ, чтобы православные не призывали къ себѣ скомороховъ съ домрами, сурнами, волынками и всякими играми, чтобы медвѣдей не водили и никакихъ бѣсовскихъ дивъ не творили, и по ночамъ на улицахъ и поляхъ, и во время свадебъ пѣсенъ не пѣли и не плясали и въ ладони не били, и скоморошья платья и личинъ на себя не накладывали. Всѣ эти дѣйствія, по словамъ грамоты, указываютъ на забвеніе Бога и православной вѣры; а потому воеводамъ предписывалось отбирать у всѣхъ музыкальные инструменты, ломать и жечь, а тѣхъ, у кого они найдутся, бить батогами и ссылать въ украинныя мѣста. По свидѣтельству Олеарія, еще прежде, при Михаилѣ Ѳедоровичѣ, по распоряженію патріарха,

не только у скомороховъ, но и вообще по домамъ были отобраны музыкальные инструменты — пять возовъ, и публично сожжены, какъ орудіе дьявола. Въ 1657 г. ростовскій митрополитъ Іона приказалъ разослать по селамъ и погостамъ памяти къ священнослужителямъ, съ наказомъ надзирать, чтобы скомороховъ и медвѣжныхъ поводчиковъ нигдѣ не было, и въ гусли, домры, сурны, волынки и во всякія игры не играли и пѣсней „сатанинскихъ“ не пѣли; скоморохамъ и нарушителямъ этого запрета митрополитъ угрожаетъ „великимъ смиреніемъ“ и отлученіемъ отъ церкви ¹⁾.

Значительная доля приведенныхъ распоряженій по отношенію къ музыкѣ и ея представителямъ навѣяна была византийско-аскетическимъ воззрѣніемъ на жизнь. Тѣмъ не менѣе, первоначальнымъ источникомъ отрицательнаго отношенія къ представителямъ музыки слѣдуетъ считать то, что музыканты сохранили характеръ первобытнаго отхожаго промысла со всѣми дурными сторонами кочеванія по разнымъ землямъ въ то время, какъ остальные промыслы стали уже осѣдлыми, постоянными элементами населенія въ каждомъ данномъ мѣстѣ. Еще въ XVI и XVII в. скоморохи, сопѣльники, „гудѣльники“ собирались въ артели и ходили по широкой Руси большими ватагами, нападали по дорогамъ на путниковъ и проѣзжихъ и грабили. „Да по дальнимъ сторонамъ, — говоритъ Стоглавъ, — ходятъ скоморохи, совокупяся ватагами многими до шестидесяти и до семидесяти и до ста человекъ, и по деревнямъ у крестьянъ сильно ѣдятъ и пьютъ, и изъ клѣтей животы грабятъ, а по дорогамъ разбиваютъ“. Особенно привлекали скомороховъ сельскія братчины, гдѣ можно было вдоволь пошировать и что-нибудь заработать своей игрой, пѣснями и плясками; потому въ жалованныхъ и уставныхъ грамотахъ различнымъ сельскимъ общинамъ встрѣчаемъ положеніе: „а скоморохомъ у нихъ сильно (насилно) не играти“; запрещается и княжескимъ чиновникамъ давать имъ разрѣшенія на участіе въ деревенскихъ пирахъ и братчинахъ: „скоморохомъ у нихъ поселской (или волостень) играти не освобождаетъ“. Въ случаѣ насильнаго прихода скомороховъ дозволялось выбивать ихъ изъ селъ и съ братчинъ безнаказанно ²⁾. Въ виду такой роли скомороховъ нельзя не считать вполне правильнымъ сопоставленіе „скомороховъ“ съ скамарами, сдѣланное Шафарикомъ, т.-е. съ разбойниками ³⁾, тѣмъ болѣе, что и слово „пандуры“, т.-е. бандуристы,

¹⁾ Аванасьевъ: „Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу“. Т. I, стр. 342—344.

²⁾ Аванасьевъ: „Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу“. I, стр. 347.

³⁾ Веселовскій: „Разясненія въ области русскаго духовнаго стиха“. VI, X, 1—83. стр. 179.

игроки на бандурѣ, какъ уже указалъ А. Н. Веселовскій, въ то же время обозначаетъ разбойниковъ. Вполнѣ понятно послѣ того, что скоморохи, какъ это подтверждается прямыми данными по отношенію къ Византіи, приведенными А. Н. Веселовскимъ, призывались къ участию въ обрядѣ казни и исполняли ее въ видѣ ремесла, что налагало клеймо позора на исполнителей.

Изъ приведенныхъ только-что данныхъ очевидно, что музыкальный промыселъ носилъ во всей Европѣ такой же характеръ, какъ въ Россіи. Музыканты преимущественно называются тамъ странствующими, вочующими, гулящими, *fahrende Leute*, и нравы ихъ описываются такими же чертами, какъ и нравы нашихъ скомороховъ. Вѣчно голодные, они странствуютъ цѣлыми сотнями. Подобно воронамъ, они собираются въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ происходитъ празднество, свадьба, и отчасти добромъ, отчасти насильно добываютъ себѣ средства существованія пѣніемъ, плясвой, игрой, жонглерствомъ, вожденіемъ медвѣдей, обезьянъ и т. д. Не только цеховые уставы, но и саксонское и швабское зеркало относятся враждебно къ неосѣдлымъ скоморохамъ и шпильманамъ, занимавшимся по временамъ разбоемъ. Саксонское зеркало опредѣляетъ въ качествѣ выкупа за убійство шпильмана тѣнь человека. Обычное право остготовъ и вестготовъ ставитъ получение выкупа наследникомъ убитаго шпильмана въ зависимость отъ слѣдующаго условія: если онъ сумѣетъ удержать за хвостъ молодого волъ, котораго гонять съ горы, рукою, облеченною въ жирную перчатку. Швабское зеркало липало наследства сына, если онъ, противъ воли отца, сдѣлался шпильманомъ, и вообще признавало шпильмановъ и фокусниковъ безправными. Незачѣмъ много распространяться о томъ, что западная церковь издавна считала шпильмановъ отверженными. Какъ въ византійскомъ, такъ и въ германскомъ мірѣ, церковь явилась открытымъ врагомъ шпильмана, званіе котораго причислялось къ крайне грѣховнымъ. Она громила его своею проповѣдью, постановленіями соборовъ, не допускала до причастія и лишь въ исключительныхъ случаяхъ дозволяла ему приобщиться Христовыхъ тайнъ.

Итакъ, есть всѣ основанія думать, что перечисленные выше разряды ремеслъ признавались позорными потому, что лица, занимавшія ими, такъ или иначе, соприкасались съ ягомъ смертной казни и вообще съ мертвыми тѣлами. Такое объясненіе вытекаетъ изъ приведенныхъ до сихъ поръ данныхъ, но очень возможно, что антагонизмъ другихъ ремесленныхъ цеховъ къ лицамъ, занимавшимся указанными ремеслами, гораздо больше проистекалъ изъ того, что какъ они, такъ потомство ихъ, охотно разставались

съ своимъ ремесломъ и выходили изъ своихъ цеховъ для вступленія въ болѣе выгодные и обеспеченные въ матеріальномъ отношеніи цехи мясниковъ, пекарей и т. д. Иначе говоря, антагонизмъ большинства цеховъ къ цехамъ банщиковъ, кожевниковъ, цирюльниковъ, музыкантовъ и т. д. обуславливался съ одной стороны замѣнотостью цеховой организаціи вообще, а съ другой стороны, усиленнымъ стремленіемъ лицъ, принадлежащихъ къ этимъ цехамъ, вторгаться въ сферу дѣятельности другихъ ремеслъ, замѣнять наслѣдственно доставшіяся имъ профессіи другими, болѣе выгодными. Признавъ извѣстныя занятія позорящими и безчестными, а представителей ихъ неспособными къ поступленію во многіе городскіе цехи, они создавали этимъ барьеръ противъ усиленнаго наплыва элементовъ, не дорожившихъ своими занятіями и падшихъ къ замѣнѣ ихъ другими.

Въ заключеніе упомянемъ, что есть и другое объясненіе—Штоля, по которому представители этихъ профессій были, болѣею частью, въ раннемъ періодѣ среднихъ вѣковъ лицами несвободными, крѣпостными. Да и впоследствии ремесла льнопрядильщиковъ, мельниковъ, были въ значительномъ количествѣ случаевъ деревенскими ремеслами въ противоположность другимъ ремесламъ—городскимъ. Намъ кажется однако, что это объясненіе лишено основанія уже потому, что одновременно съ существованіемъ ремесленныхъ общинъ въ городахъ, въ имѣніяхъ крупныхъ помѣстныхъ владѣльцевъ, были не только мельники, льнопрядильщики, музыканты, шуты, но и всевозможнаго рода ремесленники, находившіеся въ крѣпостной зависимости отъ этихъ владѣльцевъ. Если, слѣдовательно, тотъ фактъ, что крѣпостной занимался извѣстнымъ ремесломъ, могъ опозорить самое ремесло, то позоръ долженъ былъ распространяться одинаково на всѣ ремесла. Нѣтъ сомнѣнія, что средневѣковые цехи считали крѣпостное состояніе позорнымъ и, въ виду этого, ограждали себя отъ общенія съ крѣпостными, не принимая ихъ въ цехи. Такъ относились къ крѣпостнымъ и льнопрядильщики, и кожевники, подобно цехамъ другихъ ремеслъ. Затѣмъ, если цехи преслѣдовали деревенскихъ ремесленниковъ, то не потому, что они занимались позорнымъ дѣломъ, а потому, что они конкурировали съ ними, стали работать для сбыта, подобно городскимъ ремесленникамъ.

М. Булишереъ.

ИВАНЪ КУЦЫЙ И ЖЕНА ЕГО ФЕСЬКА

РАЗСКАЗЪ

Изъ южно-русскаго народнаго быта.

Преинтересная это была парочка! Иванъ прозванъ былъ „Куцымъ“ своими односельчанами, и это прозвище совершенно замѣнило его настоящую фамилію „Кравчукъ“, какъ это большею частью случается въ деревняхъ, гдѣ фамиліи имѣютъ значеніе только въ волости, въ подворныхъ спискахъ и въ метрическихъ книгахъ, а въ домашнемъ обиходѣ не представляютъ ничего полезнаго или необходимаго, такъ какъ однофамильцевъ столько, что и разобраться въ нихъ трудно.

На этомъ же основаніи и Феська, жена Ивана Кравчука, носила не его фамилію, а почему-то прозывалась „Апонечка“. Откуда это названіе, что оно обозначаетъ—никто не могъ мнѣ объяснить.

Но Ивана прозвали „Куцымъ“ очень мѣтко. Онъ, въ самомъ дѣлѣ, былъ не просто малорослый, а какой-то коротенькій.

Прихотливая природа посадила туловище его, среднихъ размѣровъ, на очень коротенькія ножки, снабдила длинными руками и увѣнчала большою головою, украшенною копной вѣчно растрепанныхъ волосъ.

Такая несоотвѣтственность отдѣльныхъ членовъ относительно цѣлаго производила впечатлѣніе, будто на Куцомъ все было чудное: не то голова должна бы принадлежать человѣку высокаго роста, не то ноги взяты были отъ маленькаго человѣка. Ну, куцый вышелъ, да и только!

Лицо ему также досталось ужасно смѣшное. Носъ длинный, точно утиный, глаза хитрые, даже будто умные, а улыбка совсѣмъ глупая. Посмотрѣвши на широко улыбающійся ротъ, сказалъ бы иной, что Иванъ „совсѣмъ дурень“, но хитро подмигивающіе глаза не только опровергали такое опредѣленіе, а еще наводили на мысль, что обладатель ихъ, пожалуй, даже очень уменъ. Его же собственное мнѣніе на этотъ счетъ было категорично; онъ положительно высказывалъ, что я-де знаю, „що я дурень!“ а между тѣмъ самъ казалось думалъ: „а попробуйте этому повѣрить!“

Въ сущности, онъ и не былъ „дурнемъ“, но сообразилъ, что казаться такимъ гораздо выгоднѣе, во всякомъ случаѣ несравненно сповойнѣе.

Чисто хохлацкая лѣнь обнаруживалась въ немъ не только въ развалистой походкѣ и вялыхъ движеніяхъ, но и въ безпрекословной покорности женѣ. Всѣ хозяйственные и иные жизненные вопросы рѣшались имъ очень незамысловато: „якъ жинка скаже!“ Зато Феська-Апонечка была премилая баба. Тоже маленькая, но пропорціонально сложенная, всегда „чупурненько“ одѣтая, во всемъ ея обхожденіи проявлялось женское вocketство, тѣмъ болѣе интересное, что она, какъ и мужъ ея, очень близко подходила уже къ сороковой своей веснѣ, и вдобавокъ чрезвычайно далека была отъ общепринятыхъ идеаловъ женской красоты. На сморщенномъ ея личикѣ особенно выдавался красный „кирпачный“, т.-е. курносый носикъ, а маленькіе глаза и ротъ до ушей насколько уже ее не украшали.

Тѣмъ не менѣе мѣстная хроника упоминала о большихъ успѣхахъ Феськи въ молодости, т.-е. еще во время крѣпостного права и освобожденія, когда и „паны за ею припадали“.

Феська была очень милая. Такая „жвавая“—и въ работѣ, и въ разговорѣ, веселая, умная, энергичная! Къ мужу она относилась съ материнской снисходительностью и заботливостью, и въ обиду его никому не давала, хотя сама зорко слѣдила за нимъ и направляла его дѣятельность по собственному усмотрѣнію.

Земельнаго надѣла они не имѣли, такъ какъ, будучи бездѣтными, отказались отъ своей половины въ пользу старшаго много-семейнаго брата. Они оставили за собой только „займище“, гдѣ и теперь растутъ замѣчательныя черешни, какихъ ни у кого въ селѣ нѣтъ, и отъ продажи которыхъ Куцый съ Апонечкой получаютъ ежегодно порядочный доходъ. Да, кромѣ того, у Феськи былъ маленькій капиталъ, который она пускала въ оборотъ за большіе проценты, какъ это водится въ деревняхъ, гдѣ за двад-

цать рублей ссуды берутъ въ процентъ и мѣрку гречки, и нѣсколько гарнцевъ пшена, и гороху, и еще что-нибудь, не считая процентовъ деньгами. Хлѣбъ они зарабатывали, становясь „на сотню“ во время уборки, т.-е. получая, вмѣсто платы за работу, известную часть сятаго ими жита. Зимой жена добывала тоже порядочныя деньги тканьемъ полотна, а мужа она выгоняла на поденную работу къ намъ, въ господскую клуню, гдѣ онъ, по свойственной ему лѣни, старался всегда увильнуть отъ слишкомъ тяжелой работы, предоставляя ее другимъ.

Въ селѣ оба, и мужъ, и жена, пользовались общимъ расположеніемъ, во-первыхъ, потому, что ихъ знали за капиталистовъ, во-вторыхъ, обоихъ любили за ихъ веселый нравъ.

Традиционное зеленое вино удивительно благотворно дѣйствовало на Куцаго.

Онъ не только никогда не лѣзъ въ драгу, хвативъ лишнюю чарку—напротивъ, еще веселилъ и себя, и окружающихъ, своими забавными выходками.

За недостаткомъ дамы для танцевъ, онъ, бывало, серьезнѣйшимъ образомъ обнималъ соломенный кулъ и подъ тактъ заливавшихся скрипки и бубна добросовѣстно продѣлывалъ съ нимъ пѣ вальса, къ великому хохоту и увеселенію собравшейся во кругъ него публики.

Шапка его, не разъ при этомъ слетавшая съ головы, служила постоянно предметомъ его заботъ и поисковъ, и въ этой вознѣ съ кулемъ и шапкой, которыми онъ видимо одинаково дорожилъ, въ серьезной озабоченности не потерять того и другого, заключалось столько добродушнаго и бессознательнаго комизма, что онъ не могъ не заражать и безъ того весело настроенную публику.

Если же Силэнъ и Бахусъ слишкомъ ужъ сильно увлекали Куцаго, и ему грозила опасность лишиться услуги своихъ ногъ, на выручку ему всегда являлась Феська, награждавшая его въ такихъ случаяхъ изобильными головомойками и наставленіями, длившимися во все время пути отъ мѣста увеселенія къ дому, куда она его твердо направляла, не взирая на его убѣдительныя возраженія. Безъ Феськи трудно было бы себѣ представить какое-нибудь торжество въ деревнѣ и особенно свадьбу.

Присутствующимъ и играющимъ какую-нибудь значительную роль на свадьбахъ нуженъ цѣлый ворохъ знанія обычаевъ, пѣсенъ, присказокъ, примѣтъ и проч. Свѣжій человѣкъ совсѣмъ растерялся бы и надѣлалъ бы Богъ знаетъ сколько непоправимыхъ ошибокъ, за которыя во всю жизнь не оборотъся нареканий и

пересудовъ; а бабы всю процедуру наизусть знаютъ и ведутъ замысловатый ходъ дѣла, какъ ни въ чемъ не бывало, успѣвая и „свату“ шепнуть въ-время, что ему дѣлать, и „боярину“ угазывать, гдѣ ему стать, и „дружку“ научить, гдѣ ей сѣсть, и молодымъ кивнуть, когда имъ подобаеъ встать, когда кланяться, и пр., чего и не вспомнишь. А вотъ Феська все это до тонкости хорошо знала! Она придавала своимъ присутствіемъ оживленіе и веселость всему ходу дѣла, а это — не малая услуга при необходимости обязательнаго восьмидневнаго веселья! Свадьба, начинающаяся въ субботу вечеромъ, оканчивается только черезъ недѣлю въ понедѣльникъ утромъ, когда родственники, измученные, исхудалые, больные разѣзжаются по домамъ. Хотя вода (которой израсходуется на 90—100 рублей въ это время) и поддерживаетъ силы публики, но все же нужна значительная нравственная энергія, чтобы подъ конецъ пиршества не поддаться малодушной меланхолии! Съ Феськой-Апонечкой это было немислимо. Въ качествѣ „приданки“, напримѣръ, она всегда была руководительницей остальныхъ и первой заговялой. Нужно знать, что когда молодой торжественно везетъ къ себѣ молодую, то ее сопровождаютъ отъ десяти до пятнадцати молодыхъ, такъ-называемыхъ, „приданокъ“, такъ сказать, для рекомендаціи ее новой семьѣ. Курьезно то, что молодую наврываютъ съ головой длиннымъ полотномъ, а поверхъ нахлобучиваютъ на нее мѣховую шапку мужа: эмблема того, что, по выходѣ замужъ, женщины закрыты весь Божій свѣтъ, и мужъ, какъ глава, долженъ одинъ руководить всѣми ея помышленіями и волей.

Увы! должно признаться, что сама жертва строгаго древняго обычая и кортежъ приданокъ, съ Феськой во главѣ, не безъ улыбки относятся къ этой эмблемѣ будущей супружеской жизни. Слепой поворности мужу никто у насъ не вѣрять. Уѣзжая изъ дома, во все время пути приданки должны въ пѣсняхъ выражать подходящія къ случаю чувства и мысли, причемъ онѣ горланяютъ и визжатъ немилосердно. Въ домѣ молодого принимаютъ молодую и приданокъ съ разными церемоніями и угощеніями, послѣ чего начинается балъ. Вотъ тутъ-то „моторная“ (живая) Феська бывала неподражаема.

Какъ задорно хлопала она въ ладоши, кружась въ залѣ передъ кавалеромъ! Какъ кокетливо пожимала плечиками въ отвѣтъ на любезности „чиловиковъ“ — и какъ неудержимо весело поддразнивала какого-нибудь дремлющаго степеннаго свата!

Будучи обыкновенно руководительницею веселой компаніи, она умѣла въ-время отвлечь подготавливающихся враждебныхъ столк-

новенія между тѣми изъ гостей, которые, подѣ влияніемъ виновныхъ паровъ, любятъ при случаѣ сводить свои старые счеты кулаками. Я, конечно, подразумеваю гостей мужского пола; женщины вообще любятъ веселиться мирно и вротко, и если вносятъ въ свое обхожденіе нѣкоторый задоръ, то отнюдь не съ враждебными намѣреніями.

Впрочемъ Феська бывала неопѣнима не только въ свадьбахъ. Ея познанія въ области приличнаго обхожденія при всѣхъ случаяхъ жизни были очень обширны. Въ роли кумы она и попу умѣла угодить въ церевн, и неопытнаго кума выручить; между „сестричками“,—когда, проводивъ со свѣчами покойника до могилы, онѣ приступаютъ, по возвращеніи съ „цментаря“ (кладбища) къ предложенному угощенію, Феська лучше всѣхъ умѣла въ краткой рѣчи выразить соболѣзнованіе и помянуть всѣ добрыя качества покойнаго...

Не будучи обремененной собственной семьей, она болѣе другихъ жила жизнью сосѣдокъ и односельчанокъ. Бабы завидовали ей, приговаривая, что не диво, если у нея и здоровье не по лѣтамъ, и копѣйка водится:— „Ни крестынъ, ни мерлинъ,—не штука що гроши есть!“—и дѣйствительно рожденіе и смерть въ нашихъ деревняхъ очень разорительны. Сама же Феська на это отвѣчала, бывало, что какъ ни просила у Бога дѣтокъ въ молодости, да не выпросила, а подѣ старость хорошо бы имѣть дочку помощницу: „всежь было бы кому пригорнуть“ (т. е. приласкать),—прибавляла она со вздохомъ.— „Э, на що вамъ той хлопоть!“—утѣшали ее бабы, особенно тѣ, у которыхъ такіе будущіе помощники и помощницы цѣплялись за юбки съ обѣихъ сторонъ, тогда какъ послѣдній по счету, ухватившись за шею, прерывалъ бесѣду самымъ безцеремоннымъ ревомъ.

Какъ бы то ни было, но беззаботная жизнь Куцаго съ Феськой текла мирно и однообразно, и ее можно было назвать вполне счастливой, хотя и безцвѣтной, такъ какъ никакія событія не омрачали и не освѣщали ея.

Но въ одинъ прекрасный день все измѣнилось.

Невѣроятное, неслыханное извѣстіе поразило все село и въ особенности прекрасный полъ. Подѣ строжайшимъ секретомъ старая баба Малачиха сообщила своей пріятельницѣ, бабѣ Мизерѣ, что Феська „понесла“, т. е. ожидаетъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ рожденія ребенка. Всплеснувъ руками отъ неожиданности и выпытавъ все до нитки отъ доврчивой Малачихи, баба Мизера чуть

не вскачь пустилась къ кумѣ, чтобъ первой успѣть сообщить подъ строжайшимъ секретомъ замѣчательную вѣсть. Отъ кумы она направилась къ сосѣдкѣ, затѣмъ къ родственницѣ, затѣмъ еще къ кому-то, но когда дошла до четвертой хаты, то было уже поздно.

Счастливая вѣсть дошла туда раньше ея, съ быстротой электричества.

Господи! какой фуроръ произвела эта новость! Никогда, навѣрное никогда, въ нашемъ селѣ появленіе на свѣтъ крошечнаго существа не ожидалось съ такимъ интересомъ. На водѣ, при полосканіи бѣлья, въ воскресенье на „призбахъ“ подъ хатами только и разговоры было, что объ ожидаемомъ событіи.

Стали считать, сколько лѣтъ она замужемъ, сколько ей самой лѣтъ отъ роду, и все больше и больше дивились.

Бабы въ точности опредѣляли, что она лѣтъ двадцать уже замужемъ, и что ей должно быть лѣтъ 38 или 39! И какъ она доносить въ эти годы? И каково ей будетъ родить?! И, наконецъ, въ тихомолку, стали раскидывать умомъ (такія ужъ эти бабы ехидныя!), кого должно предположить отцомъ будущаго ребенка? Принялись считать впередъ и назадъ, вспоминать, соображать, догадываться, и вдругъ... все себѣ уяснили. На ухо, чтобъ даже стѣны не слыхали, передали другъ другу имя, время, обстоятельства... Все, все.

Нѣсколько времени тому назадъ, когда Марина выходила за мужъ и ее повезли въ сосѣднее село... Феська была въ приданкахъ... Рудый былъ сватомъ у молодого!.. и пошли, и пошли!

Самую Феську постоянно стали теперь навѣщать пріятельницы. Разспрашивали о здоровьѣ, по опыту давали совѣты, учили, какъ вести себя.

Она очень охотно слушала всѣхъ и не скрывала своего восторга. Подчасъ, однако, ее одолѣвалъ страхъ, и она начинала сомнѣваться въ счастливомъ исходѣ ожидаемаго событія, но одна мысль о предстоящемъ счастіи отгоняла самыя опасенія смерти.

Зато Иванъ Куцый ни въ чемъ не сомнѣвался, и его радость не омрачалась ниважными опасеніями. Онъ сіялъ отъ счастья и даже принялъ какой-то несвойственный ему прежде гордый видъ. Улыбался онъ шире, подмигивалъ еще хитрѣе, и съ удовольствіемъ смотрѣлъ на всеобщее сочувствіе къ своей „жинкѣ“. Онъ ее успокоивалъ, увѣряя, что все будетъ благополучно, лишь бы она береглась, и ежедневно самъ сталъ, съ ведрами на боромыслѣ, ходить по воду, гдѣ его встрѣчали добродушныя и веселыя шутки бабъ, хотя никогда ни одною изъ нихъ не было упомянуто о какомъ-либо подозрѣніи касательно супружеской вѣрности Феськи.

Когда онъ возвращался съ полными ведрами, въ его медленной походкѣ и заботѣ не расплеснуть воды сказывалось гордое сознание совершаемаго подвига во имя великаго будущаго событія. Онъ сталъ даже проявлять небывалую прежде живость и развязность въ манерахъ: размахисто ходилъ, спѣшилъ вѣчно куда-то, и не на шутку принялся работать. При первомъ извѣстии объ ожидаемомъ событіи онъ рѣшилъ, что настала пора отобрать отъ брата половину надѣла. „Теперь и мини тая земля потрібна!“ — говорилъ онъ тономъ, не допускавшимъ противорѣчія, и только уговоры жены повременить съ этимъ дѣломъ останавливали его нетерпѣніе немедленно бѣжать въ волость для заявленія своихъ правъ на половину земельного надѣла.

Наконецъ, въ одинъ ненастный февральскій день явилось на свѣтъ такъ страстно ожидаемое маленькое существо. Явилось оно совершенно просто, благополучно; всплкнуло какъ всякое вступающее въ жизнь подобное ему созданище, но врядъ ли когда первый крикъ ребенка звучалъ въ ушахъ родителей такъ чудно-мелодично, какъ въ этотъ разъ!

Баба Малачиха увѣрила потомъ, что сама видѣла, какъ Куцый, взглянувъ на чистенько спеленутую дѣвчурку, засмѣялся и рукавомъ смахнулъ набѣжавшую слезу. Конечно, она не дала ему терять драгоценнаго времени и немедленно командировала его за водкой и за кумами, а сама пошла къ священнику за молитвой, оставивъ мать и ребенка на попеченіе сосѣдки.

По обычаю нашей старины, когда станетъ извѣстнымъ, что въ какой-нибудь хатѣ родился ребенокъ, пріятельницы матери спѣшатъ къ ней съ поздравленіями и предложеніями своихъ услугъ по хозяйству.

Каждая приноситъ какое-нибудь кушанье, состряпанное дома, такъ какъ роженицѣ не до хлопотъ съ угощеніемъ.

Ребенка же стараются всегда окрестить въ тотъ же день, потому, во-первыхъ, что боятся, чтобъ онъ не умеръ, а во-вторыхъ потому, что чѣмъ дольше медлить съ самымъ обрядомъ крещенія, тѣмъ дороже это торжество обходится, въ виду того, что все время нужно угощать дорогихъ гостей водкой.

Къ Феськѣ потянулася цѣлая вереница бабъ съ мисочками, наполненными всякими яствами. Куцый мигомъ слеталъ за „горилкой“, которой, понятно, не пожалѣлъ купить въ достаточномъ количествѣ; кумы, разодѣтыя въ праздничныя платья, въ скорости тоже явились, и къ вечеру однодневная дѣвочка, окрещенная Ганзей, мирно почивала около счастливой матери. Опасенія бабъ относительно здоровья Феськи были, очевидно, неосновательны,

потому что она, какъ и всякая другая въ этихъ случаяхъ, кушала пироги съ капустой и пила водку, и въ хатѣ шель пилъ горой цѣлыхъ два дня.

Съ появленіемъ на свѣтъ Ганзи все измѣнилось въ жизни Куцаго и Феськи.

Колыбель дѣвочки сосредоточила на себѣ всѣ ихъ заботы, весь интересъ ихъ существованія.

Свадьбы, крестины и всѣ торжества въ деревнѣ происходили уже безъ участія Феськи и Куцаго. Даже на поденную работу Иванъ пересталъ ходить, какъ его ни приглашали.

— Бачете, що мини не можно, — отвѣчалъ онъ съ достоинствомъ, качая колыбель. — На кого-жъ я дытуну покину?

— Ну, а жинка дома остается! — возражали ему.

— Ничего вона сама не зробить! У її тоже своя работа есть, а хто-жъ Ганзю заколыше?

Такъ мы больше и не видѣли Куцаго Ивана на работѣ! Онъ нисколько не обижался подтруниваніемъ надъ нимъ прочихъ мужиковъ, и искреннѣйшимъ образомъ обратился въ Ганзину няньку.

Зато въ дѣлѣ о полученіи половины земли отъ брата Куцый выказалъ неожиданную воинственность нрава. Убѣжденія и доказательства, что теперь ему земля такъ же нужна, какъ и брату, потому что у него тоже есть на кого работать — не подѣйствовало на послѣдняго. Тотъ положительно отказался добровольно уступить половину земельного надѣла, ссылаясь на то, что онъ работалъ и платилъ за землю, пока Иванъ „лодарничалъ“, прибавляя, что и теперь онъ не въ состояніи будетъ обработать своей земли, привыкнувъ съ давнихъ поръ валяться на печи, когда люди работаютъ.

Гнусное предположеніе, что онъ, Куцый, способенъ „на печи валяться“, когда работать предстоитъ для Ганзи, окончательно возмутило его.

Не долго думая, онъ накинулся на брата, не ожидавшаго быстрого нападенія, и, схвативъ его за чупрыну, наградила такой потасовкой, отъ которой тотъ долго не могъ придти въ себя.

Послѣ этого все пошло какъ по маслу. Въ волости братьевъ подѣлили совершенно поровну, и Ганзя сдѣлалась наслѣдницей порядочнаго имѣнія, не подозревая, какихъ серьезныхъ дѣлъ была она причиной, вступая въ свѣтъ; она усердно совершала многотрудную жизненную задачу, заданную природой, и медленно, понемногу, со слезами и улыбками, выросла въ хорошенькую дѣвочку.

Феська была безпредѣльно счастлива. Ея жизнь наполнилась

столькими заботами, что у нея ни минуточки свободной не оказалось. Бессонныя ночи, безпокойство и тревога при жалобномъ и, казалось бы, необъяснимомъ плачѣ ребенка, чередовались съ праздничными днями, когда въ первый разъ Ганзя стала „головку держать“, потянула ручки къ матери, улыбнулась ласкамъ Куцаго... Феська рассказывала цѣлыя поэмы о жизни шестимѣсячной Ганзи, о проявленіяхъ ея смышленности; о дѣтскихъ капризахъ; о смѣшныхъ ея выходкахъ, не допуская самой себѣ никакого сомнѣнія, что Ганзя не такая, какъ прочія дѣти, что въ ней все интереснѣе, прекраснѣе. Это подтверждали и Куцый, который одобрительно слушалъ рассказы Феськи, изрѣдка только поправляя неточности ея повѣствованія. Ганзя была всегда очень чистенько и даже элегантно одѣта; рубашечка на ней была тонкая, вышитая на рукавахъ и подпоясанная красной ленточкой, а на головѣ красовался чепчикъ, украшенный бантикомъ изъ всевозможныхъ разноцвѣтныхъ тряпочекъ, составляющій неизбѣжный атрибутъ дѣтской элегантности, въ понятіяхъ нашихъ бабъ. А жидовка Рейзя умудрилась шить для нея „жупанчикъ“ такого замѣчательнаго фасона, какого еще ни одна баба не видала. Вообще, бабы принимали большое участіе въ маленькой Ганзѣ. Избыткомъ усердія въ совѣтахъ касательно здоровья ребенка онѣ чуть-было его не уморили. Въ виду того, что, по недостатку молока, вслѣдствіе немолодыхъ уже лѣтъ, Феська не могла сама выкормить его грудью, пришлось прибѣгнуть къ искусственному вскармленію. Нѣкоторыя бабы совѣтовали ограничиться „жидовской булочкой“ съ сахаромъ и водой; другія рекомендовали толченые сухари изъ чернаго хлѣба, спаренные кипяткомъ, третьи разрѣшали небольшую примѣсь коровьяго молока въ очень ограниченномъ количествѣ, дабы не повредило ребенку. Опасаясь всего вреднаго и стараясь все дѣлать какъ можно лучше, неопытная Феська держала Ганзю на такой строгой діетѣ, что дѣвчонка не на шутку стала хирѣть, и пришлось опять-таки обратиться къ наукѣ Мизерихи и Малачихи для снятія съ нея вліянія „дурнаго глаза“, „пристрита“, „данья“ и прочихъ лихостей, насланныхъ злыми людьми. Феська хотя и не сомнѣвалась, что таинственныя слова, нашептываемыя Мизерихой надъ дѣвчонкой при лунномъ свѣтѣ, помогаютъ, но, находя, что помощь эта слишкомъ медленна, и полагая, что умъ хорошо, а два лучше, пришла еще и къ намъ во дворъ за совѣтомъ.

Завидя издали, что идетъ Феська, неся на одной рукѣ дѣвчонку, а въ другой корзину съ черешнями, дворскія бабы высыпали къ ней на встрѣчу и обступили ее съ любопытствомъ и

добродушнымъ интересомъ, разспрашивая о Ганзѣ и любуясь маленькой дѣвочкой. Феська не скупилась ни на черешни, ни на рассказы, а Ганзя охотно шла на руки отъ одной бабы къ другой, выказывая непримѣрную въ ея лѣта привѣтливость. Даже медвѣдеобразный „парубокъ“ Степанъ, присоединяясь къ группѣ бесѣдовавшихъ бабъ, захотѣлъ попробовать, несмотря на протестъ матери, пойдеть ли дѣвочка къ нему, и, бережно подержавъ ее нѣсколько минутъ, отдалъ Феськѣ только за выкупъ въ нѣсколько горстей черешень.

Бесѣда, касавшаяся, конечно, все-таки той же Ганзи, принимала болѣе и болѣе оживленный интересъ, по мѣрѣ того, какъ выяснилось, что дѣвочка подверглась дурному глазу злыхъ людей и худѣетъ не по днямъ, а по часамъ, хотя и здорова и ни на что не жалуется.

— Ты бы спробовала дивчинѣ дать парнова молова отъ черной коровы, — посовѣтовала толстая коровница.

Но оказалось, что, по совѣту ученой бабы Мизеры, Феська давно ужъ доить черную корову, только разбавляетъ молоко двойной порціей воды, чтобъ „не пошгодить“ ребенку.

— Такъ она-жъ съ голоду у тебя худѣетъ! — воскликнула коровница въ негодованіи, и къ ней присоединились кухарка и другія бабы, доказывая, что баба Мизера изъ ума выжила, что она и прежде ничего не знала, а теперь и вовсе поглупѣла, что неслыханное дѣло, чтобъ полугодовому ребенку разбавляли молоко водою, и пр., и пр.

— Вотъ тебѣ и глазъ! — размѣялась коровница. — Дитя істы хоче, а вона ему воды хае, съ ложечки!

Феська совсѣмъ оторопѣла, но должна была согласиться съ тѣмъ, что вода сама по себѣ мало содержитъ питательности, и что въ заботахъ своихъ о здоровьѣ ребенка она ужъ черезъ край хватила.

— Ты бы ій кашпи съ саломъ дала! — замѣтилъ Степанъ, дождавъ послѣднія черешни: — а то вздумала водою годувать (кормить)! То только паньскія диты голодомъ растутъ, а мужицкому треба кашей найісться, — заключилъ онъ философически.

— Багацько ты самъ выгодавалъ дитей кашей! — не спустила ему Феська, награждая его ласковымъ, но увѣсистымъ туманомъ въ плечи.

Съ парного ли молова отъ черной коровы, съ Мизериного ли шептанія, только съ тѣхъ поръ Ганзя стала поправляться и „расцвѣтатъ якъ розовая квиточка“ (какъ цвѣтокъ розы), по выраженію Феськи.

Когда наступили полевые работы, Ганзя всё дни проводила съ родителями въ своемъ „собственномъ“ полѣ, гдѣ жали ея собственное жито...

Маленькая владѣлица лежала подъ шатромъ, который очень остроумно устроилъ надъ колыбелью Куцый изъ толстыхъ ряденъ, не пропускавшихъ ни солнечныхъ лучей, ни мухъ. Ласковый теплый вѣтерокъ, шуршаніе мѣрно покачивавшихся колосьевъ, долетавшія изъ близняго лѣса веселыя пѣсни всякой пташки и жужжаніе на всё лады неугомонныхъ насѣкомыхъ—вся эта чудесная лѣтняя музыка убаюкивала Ганзю, и благодатный сонъ на чистомъ воздухѣ еще болѣе укрѣплялъ ея силы, а вмѣстѣ со здоровьемъ въ малюткѣ развивался съ каждымъ днемъ прелестный характеръ: она почти никогда не плакала и дѣйствительно оправдывала восторженные рассказы о ней Куцаго и Феськи.

Феськиному счастью, какъ говорится въ сказкахъ, „добрые люди радовались, а злые завидовали“.

Къ первой категоріи принадлежали почти всё матери въ нашемъ селѣ, ко второй относились, по большей части, бездѣтныя молодичи.

Менѣ прочихъ сумѣла скрыть свою озлобленную зависть Горпина Сальчукова, считавшая себя окончательно обиженною счастьемъ, выпавшимъ на Феськину долю.

Эту Горпину на селѣ у насъ не любили, а бабы въ особенности—за ея сварливый нравъ, скупость и недоброжелательство во всёмъ. Она была замужемъ за однимъ изъ самыхъ зажиточныхъ хозяевъ, и домъ ихъ былъ что полная чаша. Все, что составляетъ богатство деревенскаго обывателя, начиная съ большой свѣтлой хаты, большого количества скота и лошадей и кончая сундузами, набитыми всякимъ добромъ, все имѣлось у Горпины; не хватало одного только, душевнаго—счастья.

Сама Горпина и ея старуха мать навопляли добро свое съ неслыханной даже между крестьянами жадностью и неутомимостью; онѣ не только никому не помогали, но даже боялись одолжить на время сосѣдямъ самый незначительный хозяйственный предметъ и вѣчно находились съ ними въ ссорѣ изъ-за ничтожнаго предлога. Единственными ихъ развлеченіями, казалось, были крикъ и брань съ сосѣдями да злословіе между собою. „Постоянно веселая хата!“—говорили не только мужики, но и самъ хозяинъ, добродушный Панась, нерѣдко „утекавшій“ подальше изъ дому, отъ своихъ вѣдьмъ, которыхъ онѣ нѣсколько трусили въ тѣ дни, когда онѣ по какому-нибудь поводу были особенно сердиты.

Одною изъ причинъ вѣчнаго раздраженія Горпины, а можетъ быть и главною было то печальное обстоятельство, что у нея не было дѣтей. Лѣтъ двѣнадцать уже была она замужемъ; и съ каждымъ годомъ ослабѣвала ея надежда имѣть ребенка. Несмотря на свою сухую, эгоистичную натуру, Горпина все-таки не составляла исключенія между прочими бабами, и ея сердце, какъ бы узко оно ни было, жаждало для себя привязанности и именно исключительной, ей одной принадлежавшей. Соображенія чисто хозяйственного свойства о томъ, что столько накопленнаго добра, столько богатства, за неимѣніемъ дѣтей, по ея смерти останется въ наслѣдство ненавистнымъ родственникамъ мужа, были тоже предметомъ ея постоянныхъ сѣтованій, и, въ сущности, Горпина была если и злая, то несчастная женщина. Снисходительности къ себѣ она, впрочемъ, не находила въ своихъ односельчанахъ. Они безъ всякаго милосердія подымали ее на смѣхъ, когда она развѣзжала по всѣмъ извѣстнымъ знахарямъ и знахаркамъ, надеясь, съ помощью ихъ науки, приобрести страстно желаемое благо, въ которомъ ей такъ упорно отказывала природа, и даже относительно ея паломничества въ Почаевъ говорили съ увѣренностью, что Матерь Божія не „послушаетъ“ ее, потому что, отказывая ей въ дѣтяхъ, самъ Господь воздастъ ей за ея скуность относительно ближнихъ.

Понятно, какую зависть возбудило въ Горпинѣ рожденіе маленькой Ганзи!

Когда вѣсть о неожиданномъ событіи распространилась по селу, Горпина съ нескрываемымъ любопытствомъ и интересомъ слѣдила за всѣми разказами бабъ, и хотя между ними соблюдалась величайшая тайна при передачѣ своихъ догадокъ насчетъ происхожденія дѣвочки не отъ Куцаго, но отъ чуткаго уха завистливой женщины не могли укрыться эти „секретныя“ подозрѣнія.

Вообще не въ обычаѣ между нашими бабами выдавать мужу провинившуюся жену; напротивъ, каждая считаетъ своимъ священнымъ долгомъ оградить или защитить виновную отъ справедливаго супружескаго гнѣва, и во всѣхъ романическихъ событіяхъ всегда найдутся свидѣтельницы и поручительницы невинности оклеветанной жертвы.

Таковъ ужъ корпоративный духъ у нашихъ представительницъ прекраснаго, но слабаго пола!

Какъ ни чесался языкъ у Горпины разгласить о предполагаемомъ проступкѣ Фесъки, однако она не рѣшилась на такое противное обычаямъ дѣло, и молчала, пока силъ хватало.

Но видъ счастливой Феськи и расцвѣтающей Ганзи не давалъ ей покоя. Достаточно было малѣйшаго предлога, чтобы пополнить чашу ея терпѣнія, и предлогъ нашелся легко.

Принадлежавшій Горпинаѣ теленокъ забрелъ на Феськинъ огородъ, гдѣ и распорядился по своему усмотрѣнiю: сначала обгрызъ начинавшiя свиваться головки капусты, потомъ попробовалъ молодой фасольки, потомъ, со свойственнымъ телятамъ легкомыслiемъ, распрыгался по всѣмъ грядкамъ, вырывая ногами и лукъ, и чеснокъ, и морковь, и, наконецъ, совершивъ столько преступленiй, удобнѣйшимъ образомъ расположился въ конопляхъ, гдѣ заснулъ самымъ невиннымъ сномъ. Вернувшись съ поля, Фесьба только руками всплеснула, усмотрѣвъ причиненную „шпеду“. Куцый побѣждалъ за хозяйкой злополучнаго теленка, приглашая ее придти самолично посмотреть на результаты его шалостей и требуя уплаты за причиненные убытки.

Явилась Горпина за своимъ теленкомъ, но уплатить что-либо положительно отказалась. Тутъ пошелъ настоящiй содомъ! Горпина кричала изо всѣхъ силъ, Фесьба не уступала въ звучности голоса.

Призывались всевозможныя болѣзни другъ на дружку — и „трясця“, и холера, и „джума“, и сыпались всякiя милосердныя пожеланiя въ родѣ того, чтобы „сгорѣть“, „свита не бачить“, „сказаться“, т.-е. съ ума сойти, и какихъ только любезностей не было высказано! Диапазонъ голосовъ подымался выше и выше, и, какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, сосѣди, заинтересованные поднявшейся суматохой, выбѣжали изъ своихъ хатъ, чтобы послушать „комедiю“, какъ называютъ у насъ вообще всякiй скандалъ.

Исчерпавъ весь запасъ добрыхъ пожеланiй и не помня себя отъ злости, Горпина вдругъ обратилась къ Куцому, который, представивъ огрызаться одной Феськѣ, молча стоялъ въ сторонѣ съ теленкомъ на веревкѣ; Горпина въ краткихъ, но сильныхъ выраженiяхъ высказала ему, что жена обманула его, и что Ганзя — не его дочь.

Трудно описать, что за симъ происходило! Во мгновенiе ока Фесьба вцѣпилась въ очиповъ Горпины и стала тянуть ее за косы.

Она, конечно, сама не справилась бы съ ней, но Куцый, растерявшiйся въ первую минуту до того, что выпустилъ изъ рукъ теленка, вдругъ прискочилъ на помощь женѣ и усердно помогъ ей „накладывать“ злосычной вѣдьмѣ. Горпина, лишенная возможности обороняться, только вопила и выкрикивала, что она

имѣть свидѣтелей, что сама ходила въ Богдашово и тамъ все узнала, что приведетъ самого Рудаго и проч.

Но за каждымъ ея возгласомъ ей приходилось еще хуже, и Богъ знаетъ, чѣмъ кончилась бы „комедія“, обращавшаяся уже въ драму, еслибъ сосѣдки не сочли нужнымъ положить предѣлъ битвѣ, частью словомъ, частью дѣломъ, разведя воюющія стороны. Теленокъ, воспользовавшийся предоставленной ему свободой, поскакалъ домой, а за нимъ побрела побѣжденная и вся красная Горпина, съ помятыми боками и прической.

Вокругъ торжествующей Феськи осталась долго нераскодившаяся группа сосѣдокъ. Общественное мнѣніе было все на сторонѣ Феськи; съ трудомъ находили достаточно сильныя выраженія для осужденія поступка Горпины, и негодованію не было предѣловъ. Куцый не могъ придти въ себя.

— Вона каже: свидѣтелевъ приведе! Я ий покажу свидѣтелевъ!!—разглагольствоваль онъ, поправляя поврежденія на градкахъ и отъ времени до времени потрясая кулакомъ по направленію къ Горпининой хатѣ.

Ни на одну минуту не усомнился Куцый во лживости Горпинина извѣта, и только былъ пораженъ ея коварствомъ и злостью.

— Отто гадюка! Отто видьма! — приговариваль онъ, качая головою, и, наконецъ, за успокоеніемъ пошелъ къ Ганзѣ.

— Ходы, малая, ходы до батька!—Феська не сочла нужнымъ ни однимъ словомъ оправдаться или опровергнуть передъ мужемъ взводимое на нее обвиненіе: она даже, вопреки своей обычной словоохотливости, не пустилась въ продолжительную бесѣду съ бабами и, предоставивъ имъ самимъ выразить свои комментарии о случившемся, молча принялась въ хатѣ за приготовленіе ужина.

За симъ все успокоилось. Горпина порывалась-было поднять опять всю исторію, сбѣгала въ Богдашово и утверждала доподлинно, что Рудый очень ухаживаль за Феськой во время Мариной свадьбы, что они не разставались все время, что даже надъ ними смѣялись, но все-таки не нашла охотниковъ довести объ этомъ до свѣденія Кудаго и вообще разглашать о давно прошедшемъ романѣ, тѣмъ болѣе, что самъ Рудый жилъ мирною семейною жизнью, и даже собственная жена его ни въ чемъ не попрекала. Такъ ничего и не добилась Горпина и не удалось ей помутить Феськинаго счастья.

Прошла зима. Насилу мы дождались, чтобъ она покинула насъ со всѣми своими снѣгами, льдомъ и грязью, безконечными

ночами и пасмурными короткими днями, налагающими по-неволѣ на все населеніе тягостное бездѣйствіе и неимоверную скуку. Но наша весна не долго насъ тѣшить; быстро совершаетъ она свои чудеса и, зародивъ вездѣ и во всемъ надежду на предстоящія блага, оставляетъ насъ, неуловимо исчезая, какъ утренній туманъ подь горячими лучами солнца. Ея мѣсто шагъ за шагомъ завоевываетъ себѣ красное лѣто, и мы не успѣваемъ оглянуться, какъ оно уже на-лицо, возвращая насъ отъ праздничнаго весенняго настроенія къ рабочимъ буднямъ съ ихъ заботой о добываніи насущнаго нашего хлѣба. Не всегда къ намъ милостиво лѣто. Сколько разъ разрушаетъ оно самыя радужныя надежды, подаренныя намъ ласковою весною. Сколько мукъ приноситъ оно съ собою то въ видѣ надвигающейся градовой тучи, то несвоевременно обильными дождями, то отсутствіемъ малѣйшей влаги въ теченіе цѣлыхъ недѣль! Рѣдко, очень рѣдко удается оно вполне радостное для терпѣливаго и неутомимаго земледѣльца.

Въ томъ году, къ которому относится мой рассказъ, лѣто было именно исключительно роскошное. Массы Божьихъ даровъ были щедро разсыпаны по полямъ и лугамъ, и всѣ мы, старъ и младъ, спѣшили посильными трудами собрать эти дары, награждавшіе насъ за всѣ понесенные труды, тревоги и страданія.

Жара стояла чуть не тропическая.

Но на жару привычный земледѣлецъ не жалуется во время жатвы: какъ бы ни пекло солнце, онъ ему радъ, опасаясь, что, въ случаѣ бы оно закрылось тучами и полилъ дождь, несезонный еще хлѣбъ подвергнется гибели.

Жара бы ничего, да бѣда что съ жарой всегда является въ эту пору неизмѣнная ея спутница—холерина. Холодная вода во время испарины, незрѣлые фрукты, сырыя овощи вмѣсто горячей пищи, все это достаточныя предлоги для привязчивой болѣзни. Взрослые люди, большею частью, выходятъ изъ болѣзни благополучно и даже не прекращаютъ работы, развѣ ужъ какой-нибудь слабый „чоловикъ“ проваливается дня два-три, но и тотъ, съ помощью вѣркой перцовки, почувствовавъ облегченіе, спѣшитъ вернуться на свою полосу.

Не такъ легко дается болѣзнь дѣтямъ. Въ рѣдкой хатѣ не находится маленькаго страдальца, за которымъ и уходъ-то плохой, такъ какъ все взрослое населеніе въ полѣ, а хозяевами остаются въ хатѣ какой-нибудь мальчуганъ или дѣвочка лѣтъ семи-восьми.

Фантастическая наука бабы Мизеры не идетъ въ прокъ, когда болѣзнь принимаетъ серьезные размѣры, и крестьяне всегда ищутъ

медицинской помощи въ помѣщичьемъ дворѣ. Такъ ужъ заведено споконъ вѣка, и волей-неволей намъ, не изучавшимъ медицины, женщинамъ, приходится браться за исполненіе врачебныхъ обязанностей.

Въ это лѣто особенно часто приносили ко мнѣ заболѣвшихъ дѣтей, и, благодаря Бога, всѣ мои маленькіе пациенты поправлялись довольно скоро, къ великой радости матерей, которымъ не въ моготу было возиться съ больными дѣтьми въ такую горячую рабочую пору.

Разъ утромъ, когда я собиралась уже идти въ поле къ жнецамъ, меня вызвали къ настойчиво требовавшей меня женщинѣ. Я узнала Феську.

Цѣлый годъ я ея не видала, такъ какъ, живя на концѣ села и не бывая никогда у насъ на работѣ, ей не встрѣчалось надобности приходить во дворъ.

— Ты больна, Феська? — спросила я, взглянувъ на осунувшееся и исхудалое ея лицо.

— Охъ, ни, я здорова, Ганзя моя слаба (больна), вельми слаба! — проговорила она, стараясь придать спокойствіе дрожащему голосу.

— Что-жъ ей такое?

— На животокъ слаба: лежить, не йсть, не пье.

— Давно?

— Охъ, Боже мой милосердый, уже шесть недиль! — воскликнула Феська, ломая руки.

Не время было упрекать ее за то, что такъ запустила болѣзнь — она и сама терзалась упреками.

— Кто що казавъ робить, я все робыла! Всякихъ бабей скликали. Вопы и воскъ выливали, и на уголь воду лили, и що знала, то робыла. Я хтила до двора идты, а воны казали, що не треба, що само пройде. Ажъ козаковой дивчинѣ ликарство помогло, а моей Ганзѣ похудшало. И сама я виновата, що бабей послухала! — Изъ дальнѣйшихъ разсказовъ Феськи мнѣ стало ясно, что положеніе дѣвочки совсѣмъ безнадежно: она ужъ цѣлыя сутки лежала безъ движенія, отказываясь отъ всякой пищи и еле подавая слабые признаки жизни; на спасеніе больного ребенка было мало надежды. Но Феська умоляла испробовать еще всѣ средства, и чтобъ я пошла къ ней „подымиться на дивчину“.

Захвативъ съ собой всякія могущія пригодиться на этотъ случай лекарства, мы съ Феськой отправились на село.

Ни одной слезинки она не проронила, ни одного вопля не издала. Отчаяніе и упреки совѣсти видимо больно грызли ей

душу, но она съ неслышаннымъ у сельскихъ женщинъ мужествомъ не поддавалась нахлынувшему горю. Она не хотѣла вѣрить несчастью, она хотѣла надѣяться. Надежда окрыляла ея шаги, и я еле поспѣвала за нею.

Наконецъ, мы пришли.

Я остановилась у порога, чтобъ передохнуть, а Феська открыла дверь въ сѣни, оттуда другія двери въ хату, и сама прошла впередъ.

На палатахъ, вытянувшись во всю длину, лежала маленькая Ганзя со сложенными на груди ручками.

Личико ея, точно восковое, было поразительно красиво; носикъ вытянулся, тонко очерченныя губки приняли какое-то серьезное выраженіе, золотистые волосики обрамляли бѣленькій лобъ точно ореоломъ. Безукоризненно бѣлая рубашечка и снопъ лучей утренняго солнца, ворвавшійся въ маленькое окно и облившій яркимъ свѣтомъ всю фигурку ребенка, придавали неземной праздничный видъ маленькой страдальцѣ.

Въ тѣни, у ея изголовья, опершись головой о стѣну и закрывъ лицо рукою, стоялъ Иванъ Куцый и тихо плакалъ. Въ хатѣ, кромѣ освѣщенной солнцемъ дѣвочки, все было въ полумракѣ и пахло душистыми травами, затынутыми за образа.

Ребенокъ казался умершимъ.

Феська, однако, не обращая вниманія на плачущаго мужа, подошла къ дѣвочкѣ и, нагнувшись надъ нею, проговорила довольно громко:

— Ганзя, дитятко, отзовись! Голубка моя, скажи, де болить?

Дѣвочка открыла большіе сѣрые глаза и безучастно взглянула на мать.

— Вона все знае, и чуе, и бачыть, тилько говорить ей не можно,—обратилась ко мнѣ Феська съ улыбкой, стараясь ободрить самое себя.

Эта жалобная улыбка была краснорѣчивѣе всякихъ потововъ слезъ.

Нужно было, однако, подготовить несчастную мать къ тому, что ея надежда на спасеніе умирающаго ребенка неосуществима. Ручки и ножки бѣдной дѣвочки были холодны, дыханіе и пульсъ еле слышны.

Смерть, казалось, уже завладѣла маленькимъ созданіемъ и черезъ нѣсколько часовъ все должно было кончиться.

— Знаешь, Феська, — начала я, по возможности сдерживая нахлынувшее волненіе, — я думаю, что не нужно давать ей лекарства; кажется, ужъ не поможетъ. — Она не испугалась и не удивилась.

— Щожъ, барыня,* отъ ликарства смерти не буде! Треба еще и то спробовать,—проговорила она живо.

Такая цѣпкость въ надеждѣ и необыкновенная энергія этой женщины изумляли меня, привыкшую къ малодушію и страху бабъ передъ приближающейся смертью. Мнѣ самой захотѣлось повѣрить чуду.

Всѣ имѣющіяся въ нашемъ распоряженіи средства были испробованы.

Феська бережно, но энергически принялась согрѣвать и растирать исхудалые члены ребенка; она прижимала ее къ груди, укачивала, дышала на нее, казалось, хотѣла вдохнуть часть собственной жизни въ это бѣдненькое, маленькое тѣльце.

Дѣвочка отъ времени до времени открывала глаза и смотрѣла на мать скорѣе удивленно, чѣмъ страдальчески; она ничѣмъ не выражала ощущенія боли и видимо ничего не чувствовала, но все-таки черезъ нѣкоторое время будто согрѣлась немного, и мы дали ей нѣсколько капель лекарства.

Наставивъ Феську, какъ дальше поступать, и приказавъ ей увѣдомить меня о малѣйшей переменѣ, я вышла изъ хаты, мысленно прощаясь навѣки съ бѣдной дѣвочкой.

Куцый Иванъ молча проводилъ меня отъ собакъ. Я замѣтила, обернувшись, что онъ не вернулся въ хату, а присѣлъ на бревно, взявъ лохматую свою голову въ руки, и по судорожнымъ движеніямъ плечь видно было, что онъ громко и неудержимо рыдаетъ по своей дивчинѣ дорогой, по маленькой Ганзѣ.

Ни въ этотъ день, ни на слѣдующій, однако, Феська не приходила и не посылала за мной. Я была убѣждена, что все кончено, и съ тревогой вслушивалась постоянно, не раздастся ли съ церковной колокольни звонъ „по душѣ“.

Вдругъ, на другія сутки, утромъ, вся запыхавшись, прибѣжала Феська.

— Дайте ще тыхъ капель, що давали. Дивчина стала стонать, може теперъ поможе!

— Голубушка, да вѣдь это она передъ смертью стонетъ!— невольно вырвалось у меня.

— Ни, ни, ей трохи получшало. Дайте, дайте капель!

И, получивъ просимое лекарство, она быстрыми шагами пустилась въ обратный путь.

Не застала ужъ бѣдная женщина своей дѣвочки въ живыхъ! Послѣдній вздохъ ребенка принялъ вѣрный ея другъ и нянька— Иванъ Куцый.

Черезъ полчаса короткій трезвонъ возвѣстилъ, что младенче-

свая чистая душа отлетѣла въ тѣ горнія селенія, гдѣ нѣтъ печали и воздыханій...

— Ахъ, якъ вельми хороше ¹⁾ плакала Феська, якъ дивчину хованы (хоронили)!—высказала мнѣ съ наивнымъ восторгомъ, нѣскольбо дней спустя, одна изъ дивчатъ, бывшихъ у насъ на работѣ.

— Какъ это „хороше“?—спросила я съ удивленіемъ.

— А такъ! Иде за трупою (за гробомъ) и такъ обливается слезами, и таки все хорошее причитаетъ! „Сизая моя голубонька, на бога ты мене покинула? Дивчинька моя коханая! На що приходила, на що отлетила? Лучше бы я тебе, ангеляточко, и не знала!..“ Ну и все такое хорошее, да такъ складно говорила.

Тѣмъ и кончилась страница изъ повѣи жизни Куцаго и Феськи. Все, что было въ ней свѣтлаго и теплаго, померкло навсегда.

Возврату въ прошлой беззаботности и веселому спокойствію не было ужъ мѣста послѣ прожитыхъ лучшихъ, ясныхъ дней.

Приобрѣтеніемъ земли ихъ благосостояніе улучшилось, но на что оно имъ? Главную роскошь при избыткѣ средствъ въ крестьянской средѣ все-таки составляетъ водка, веселящая счастливыхъ и одуряющая несчастныхъ. Куцый сталъ понемногу предаваться пьянству, но хмель у него уже былъ невеселый. Говорять, какъ только замутится въ головѣ, ему на память приходитъ извѣтъ Горпины, и онъ съ упреками принимается бить жену, а потомъ ударяется въ слезы и вспоминаетъ маленькую Ганзю. Феська ужасно измѣнилась. Она сгорбилась, постарѣла, потеряла прежнюю живость и, на удивленіе своихъ друзей, поддается пьяному гнѣву мужа, не стараясь даже избѣгнуть его побоевъ. На нее напала какая-то апатія — или, можетъ быть, отзывается въ душѣ ея сознаніе вины своей передъ мужемъ, такъ жестоко наказанной судьбою, если только и въ самомъ дѣлѣ была вина за нею. Богъ ее вѣдаетъ! Она никому объ этомъ не высказывается.

Приносила она мнѣ въ этомъ году своихъ чудесныхъ черешень, и равнодушно, безъ улыбки, „опрокинула“ поднесенный ей стаканчикъ наливки.

— Какъ живешь, Феська?

— Э! якое мое житье! Такъ долго смерть по мене не приходить!—отвѣтила она усталымъ голосомъ.

В. ЛѢСНИЦКАЯ.

¹⁾ „Хороше“ значитъ собственно „красиво“. Существуетъ поговорка: „Що червовно—то хорошо, що солодко—то добре, що писано—то правда“.

СИБИРЬ

И

ИЗСЛѢДОВАНІЯ ЕЯ

Окончаніе.

VII *).

ПОЛЬСКАЯ ЛИТЕРАТУРА О СИБИРИ.—НОВЫЯ ПУТЕШЕСТВІЯ ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКІЯ И АМЕРИКАНСКІЯ.

Въ сжатомъ обзорѣ, каковъ нашъ, сибирскихъ изслѣдованій мы не имѣемъ возможности останавливаться на подробностяхъ личнаго труда путешественниковъ и изыскателей, но къ фактамъ, выше указаннымъ, необходимо прибавить еще нѣсколько примѣровъ замѣчательнаго труда—польскихъ изслѣдователей Сибири. Для поляковъ Сибирь еще съ половины прошлаго вѣка стала мѣстомъ страшной ссылки: еще съ XVII-го столѣтія, а главное со времянь старыхъ конфедерацій прошлаго вѣка, направленныхъ противъ Россіи, со времянь раздѣловъ Польши, а особенно послѣ возстанія 1831 г., броженія сороковыхъ годовъ, возстанія 1863 г., масса поляковъ, которую считали десятками тысячъ, была сослана въ Сибирь, и очень большое число осталось тамъ навсегда. Еще въ прошломъ столѣтіи путешественники отмѣчали въ Сибири цѣлыя польскія селенія, которыя отличались между прочимъ болшею степенью культуры, земледѣльческой и бытовой. Огромный контингентъ поселенцевъ привели два большія возстанія нынѣшняго столѣтія, и такъ какъ

*) См. выше: июнь, стр. 700.

повстанцы были въ особенности люди средняго и частію высшаго круга, то въ сибирскіе села и города совершился обильный притокъ людей съ извѣстнымъ уровнемъ образованія, техническаго и ремесленнаго знанія, промышленной предприимчивости, уровнемъ, который часто былъ гораздо выше мѣстнаго: освоившись съ своимъ положеніемъ, поляки примѣнили къ дѣлу свои средства и заняли видное мѣсто въ жизни сибирскихъ городовъ — это были учителя, художники, врачи, техники, всякаго рода ремесленники, содержатели гостинницъ; они явились въ сибирскомъ обществѣ и т. д. ¹⁾.

Многіе при этомъ приобрѣли благосостояніе, облегчавшее разлуку съ родиной и близкими, но это была необходимость, вынужденный трудъ для средствъ существованія. Въ числѣ сосланныхъ поляковъ нашлись однако люди, послужившіе странѣ ихъ изгнанія и инымъ образомъ, а именно замѣчательными научными трудами, занимающими почетное мѣсто въ исторіи сибирскихъ изслѣдованій и, къ счастью, встрѣтившими признаніе. Назовемъ въ особенности — Дыбовскаго, Чекановскаго, Годлевскаго и Черскаго, имена которыхъ съ 1860-хъ годовъ являются постоянно въ трудахъ Географическаго Общества и его Восточно-сибирскаго Отдѣла.

В. И. Дыбовскій былъ прежде адъюнктомъ по кафедрѣ зоологіи въ главной школѣ въ Варшавѣ; сосланный въ 1864 г. въ Забайкальскій край, онъ съ самаго начала отдался въ новой обстановкѣ природы любимымъ изслѣдованіямъ, гдѣ его товарищами стали Викторъ Годлевскій и Альфонсъ Парвезъ. Годлевскій, по специальности агрономъ, былъ, кромѣ того, ревностный охотникъ и собиратель коллекцій; Парвезъ былъ препараторъ. Къ счастью, Дыбовскій получилъ возможность заняться своими изслѣдованіями; въ 1866—67 они втроемъ дѣлали свои разысканія на восточномъ склонѣ Яблоннаго хребта, вблизи рѣкъ Онона и Ингоды; въ 1867—70 Дыбовскій и Годлевскій работали на южномъ берегу Байкала, а потомъ Дыбовскій сдѣлалъ путешествіе на Амуръ и Усури, гдѣ опять былъ въ 1873—74 г.; въ 1875 онъ былъ на побережьяхъ Манджуріи. Въ 1877, Дыбовскій и Годлевскій вернулись въ Варшаву; но Дыбовскій, несмотря на всѣ убѣжденія его близкихъ, рѣшилъ еще разъ добровольно отправиться въ Сибирь для довершенія своихъ изслѣдованій и, черезъ своихъ друзей въ Географическомъ Обществѣ, получилъ мѣсто окружнаго врача въ Петропавловскѣ въ Кам-

¹⁾ См. любопытную книгу: „Polacy w Syberji, przez Zygmunta Librowicza“. Краковъ, 1884, гдѣ изложена исторія поляковъ въ Сибири до новѣйшаго времени.

чаткѣ. Четыре года онъ провелъ здѣсь съ 1879-го (пятый годъ заняли двѣ поѣздки) и, кромѣ обязанностей „окружнаго врача“ (на пространствѣ Камчатки и Командорскихъ острововъ!), онъ ревностно занимался естественно-историческими поисками, а также изслѣдованіемъ причинъ вымирания мѣстныхъ инородцевъ, и т. п. Между прочимъ, онъ объѣхалъ Камчатку сухимъ путемъ, безъ дорогъ, по лѣсамъ и горамъ, и очень обогатилъ свои коллекціи. Изъ своего зоологическаго собранія по одному экземпляру всѣхъ предметовъ онъ посылалъ въ зоологическій кабинетъ въ Варшавѣ. Въ 1883, онъ вернулся въ Европу морскимъ путемъ, черезъ Суэзь, и принялъ предложенную ему каеэдру зоологіи въ львовскомъ университетѣ¹⁾.

Другой польскій ученый, составившій себѣ славу изслѣдованіями въ Сибири, былъ А. Л. Чекановскій. Сосланный въ Сибирь за участіе въ возстаніи 1863, онъ первое время выносилъ крайнюю нужду, не переставая, однако, заниматься геологіей, которая составляла его основной научный интересъ. Участіе академика Шмидта, въ то время путешествовавшего въ Сибири, помогло Чекановскому выступить на научную дорогу, которая вскорѣ поставила его въ ряду дѣятельнѣйшихъ изслѣдователей Сибири. Съ 1869 года въ изданіяхъ Географ. Общества и его Сибирскаго Отдѣла появляются отчеты и извѣстія о работахъ Чекановскаго по геологическому изслѣдованію иркутской губерніи. Въ 1871 Чекановскій принималъ участіе въ поѣздкѣ астронома Неймана въ Тункинскій край и на озеро Косоголь вмѣстѣ съ Дыбовскимъ, Годлевскимъ и пейзажистомъ Вронскимъ. „Трудъ Чекановскаго по геологіи иркутской губерніи, — читаемъ мы въ исторіи Сибирскаго Отдѣла, — признанъ образцовымъ не только Географическимъ Обществомъ и академіей наукъ, но и заграничными учеными“. Въ концѣ 1872 года Чекановскій предпринялъ трудную, и уже послѣднюю, экспедицію на Нижнюю Тунгузку и Оленекъ, которая продолжалась до 1875 г. и доставила, кромѣ естественно-историческихъ, также много картографическихъ матеріаловъ. Вызванный потомъ въ Петербургъ, гдѣ его торжественно привѣтствовало Географическое Общество, Чекановскій привезъ съ собою богатая коллекція сибирской флоры, окаменѣлостей, минераловъ, предметовъ энтомологіи; коллекціи его были приобрѣтены академіей наукъ; акад. Шифнеру онъ передалъ матеріалы по тунгузскому языку. Самъ Чекановскій, за своими спеціальными работами,

¹⁾ Librowicz, стр. 291—302. Но напрасно авторъ, на стр. 291, повторилъ безмѣрные преувеличенія Райхмана.

не имѣлъ времени для составленія описательной части своихъ путешествій; экспедиція на Оленекъ подробно описана его спутникомъ въ этомъ путешествіи, Ферд. Миллеромъ ¹⁾. Жизнь Чекановскаго кончилась прискорбнымъ образомъ: въ октябрѣ 1876 онъ застрѣлился въ Петербургѣ ²⁾.

Въ трудныхъ обстоятельствахъ началъ свое пребываніе въ Сибири и И. Д. Черскій, котораго съ конца 1860-хъ годовъ мы опять встрѣчаемъ въ ряду усердныхъ изыскателей преимущественно въ Восточной Сибири, по геологій и палеонтологій; въ особенности занимался онъ изученіемъ Байкала. Въ настоящее время, если не ошибаемся, онъ работаетъ въ Петербургѣ надъ дальнѣйшими выпусками Риттеровой „Азіи“.

Назовемъ еще, изъ числа раньше сосланныхъ въ Сибирь поляковъ, плодовитаго писателя Агатона Гиллера (ум. въ іюлѣ 1887). Онъ былъ дважды сосланъ въ Сибирь, въ 1848 и 1854 г., какъ революціонный эmissарь, и въ ссылкѣ, пользуясь снисхожденіемъ властей, усердно собиралъ свѣденія о Сибири, особливо Забайкальѣ, свѣденія о мѣстной природѣ, флорѣ, фаунѣ, этнографіи, торговлѣ и промыслахъ, а также о судьбѣ его ссыльныхъ соотечественниковъ. Главное, собранное имъ, это — богатый матеріалъ для исторіи польской ссылки въ Сибири 1830—48 г. Впослѣдствіи Гиллеръ издалъ нѣсколько сочиненій о Сибири, изъ которыхъ главное есть „Opisanie Zabajkalskiej krainy w Syberji“ (Лейпцигъ, 1867, три тома), которымъ между прочимъ обильно пользовался г. Максимовъ въ книгѣ о Сибири и каторгѣ; кромѣ того, Гиллеръ написалъ „Podróż więźniów etapami do Syberji“ (Путь ссыльныхъ этапами въ Сибирь, — Лейпц. 1866, 2 тома), и „Lista wygnañców polskich do r. 1860“ (списокъ польскихъ изгнанниковъ, — въ „Album Muzeum Narodowego w Rapperswyll“, Познань, 1872). Историкъ поляковъ въ Сибири, на котораго мы сослались выше, указывая большой интересъ сочиненій Гиллера о Сибири,

¹⁾ F. Müller, „Unter Tungusen und Jakuten. Erlebnisse und Ergebnisse der Olenek-Expedition“. Leipz. 1882. Впрочемъ Миллеръ, хотя признаетъ заслуги Чекановскаго, значительную долю ихъ присвоиваетъ себѣ; но Чекановскій былъ и официально руководителемъ экспедиціи. Немногіе собственные рассказы Чекановскаго объ этомъ путешествіи находятся въ его письмахъ въ Геогр. Общество; см. „Извѣстія“ 1874 и 1876 г.

²⁾ Librowicz, стр. 305—308; онъ заимствовалъ свои свѣденія изъ статьи Марьяна Дубецкаго, въ „Tug. Ilustr.“ 1877, № 58. См. также некрологи Чекановскаго въ „Отчетъ“ Геогр. Общества за 1876, и въ „Извѣстіяхъ“ Восточно-сибирскаго Отдѣла, т. VIII, Иркут. 1877, № 1—2. Свѣденія объ Оленекской экспедиціи въ „Отчетъ“ Геогр. Общества за 1874, и очеркъ географической дѣятельности Чекановскаго въ „Извѣстіяхъ“ Геогр. Общ., т. XII, Слб. 1876.

находить, что имъ мѣшаетъ, однако, крайне враждебное отношеніе писателя къ Россіи ¹⁾. Впослѣдствіи, въ 1863, Гиллеръ принималъ весьма дѣятельное участіе въ польскомъ возстаніи, но въ концѣ его остерегся новой ссылки, удалившись въ Австрію.

Еще два польскихъ натуралиста посѣтили, на этотъ разъ добровольно, Сибирь или ея окраины и дали описанія своихъ путешествій. Одинъ былъ Эдвардъ Островскій, профессоръ сельскаго хозяйства сначала въ институтѣ въ Маримонтѣ, потомъ въ харьковскомъ университетѣ, путешествовавшій въ киргизскихъ степяхъ и, кромѣ русскихъ специальныхъ изслѣдованій, издавшій польскую книгу ²⁾; другой — Брониславъ Рейхманъ, отдѣльныя статьи котораго собраны были въ книгу ³⁾.

Судьба поляковъ въ Сибири и ихъ рассказы о ней составляютъ цѣлую маленькую литературу, нерѣдко исполненную бытового и драматическаго интереса. Либровичъ начинаетъ исторію поляковъ въ Сибири очень издавѣка, именно съ XIII-го вѣка, съ путешествія въ среднюю Азію знаменитаго Платона Карпини и Бенедикта „Поляка“ (Benedictus Polonus), причѣмъ и перваго Либровичъ считаетъ также полякомъ. Въ исторіи занятія русскими Сибири онъ вспоминаетъ о полякѣ Черниковскомъ, который игралъ большую роль въ ряду предприимчивыхъ русскихъ авантюристовъ, впервые явившихся въ XVII столѣтіи на Амуръ; потомъ о Павлуцкомъ, дѣйствовавшемъ въ первой половинѣ XVIII-го вѣка въ Камчаткѣ и въ землѣ чукчей. Въ XVII и XVIII вѣкѣ уже цѣлыя массы поляковъ являются въ Сибири ссылными; въ число поляковъ (или, по крайней мѣрѣ, уроженцевъ старой „Польши“) Либровичъ не усомнился занести и нѣкоторыхъ дѣятелей православной церкви въ Сибири, родомъ южноруссовъ, напримѣръ давняго епископа тобольскаго Филовея Лещинскаго и даже знаменитаго св. Инновентія, патрона Сибири, который былъ по имени Кульчицкій (ум. 1731). Очень давно начинаются не столь сомнительные литературные памятники пребыванія поляковъ въ Сибири. Отъ XVII-го вѣка сохранился дневникъ Адама Каменскаго Длужика: взятый въ плѣнъ въ сраженіи съ кн. Юріемъ Долгорукимъ въ октябрѣ 1657 г., Каменскій съ 400 товарищами былъ отправленъ въ Сибирь и, кромѣ тяжелыхъ испытаній своего плѣна, даетъ любопытныя описанія страны, людей и обычаевъ,

¹⁾ Librowicz, стр. 118, 147—149, 165.

²⁾ Listy z podróży odbytej do stepów Kirgiz-Kajsackich, Гродно, 1859.

³⁾ Z dalekiego Wschodu. Wrażenia, obrazki, opisy z dobrowolnej podróży po Syberji. Warszawa, 1881.

которые видѣлъ на пути, кончившемся на Амурѣ ¹⁾. Отъ начала XVIII-го столѣтія остались записки Людвига Сѣнницкаго, польскаго кавальериста, бывшаго долго (1707—1722) въ русскомъ плѣну и ссылкѣ, и который потомъ, получивъ свободу, принялъ католичество и написалъ воспоминанія въ книгѣ, изданной въ Вильнѣ, 1754 ²⁾. Далѣе, мы говорили о походахъ и запискахъ венгерскаго графа и польскаго конфедерата Бенъовскаго, и французскаго полковника въ польской службѣ Белькура. Около того же времени нѣсколько лѣтъ былъ въ русской военной службѣ въ Сибири, потомъ въ Азовѣ Любичъ-Хоецкій, который въ 1776 г. бѣжалъ и оставилъ записки о своихъ приключеніяхъ ³⁾. Въ 1795, приходятъ въ Сибирь сподвижники Костюшки, изъ числа которыхъ впоследствии получилъ особенную извѣстность Іосифъ Копецъ: взятый въ плѣнъ подъ Мацѣвицами, онъ, какъ уроженецъ края, уже принадлежавшаго Россіи, подвергся особо тяжелой ссылкѣ, между прочимъ лишенъ былъ имени и значился только подъ номеромъ. Копецъ былъ сосланъ въ Камчатку и, помилованный при Павлѣ, только черезъ годъ узналъ о своемъ освобожденіи; въ 1810 онъ передалъ исторію своихъ приключеній въ занимательномъ разсказѣ, гдѣ описаніе его личной судьбы связано съ любопытными чертами сибирской жизни и обычаевъ. Записки его были изданы только въ 1837 и возбудили большое вниманіе: къ одному изъ изданій написалъ предисловіе Мицкевичъ, сравнивавшій автора съ знаменитымъ Сильвіо Пеллико ⁴⁾ по его покорности своей участи и надеждамъ на лучшее будущее, если не для себя, то для родины. Первый издатель книги, привывшій, вѣроятно, въ другихъ сочиненіяхъ этого рода къ тону раздраженія и вражды, писалъ въ предисловіи: „Читая путешествіе Копца, мы провинуты были глубокимъ въ нему уваженіемъ по той рѣдкой умѣренности, которая сказывается на каждой страницѣ его сочиненія. Копецъ не раздражается на дурное съ нимъ обхожденіе; его лозунгъ: такъ хотѣло Провидѣніе!

¹⁾ Этотъ дневникъ изданъ А. Маріанскимъ въ сборникѣ „Warta“, Познань 1874.

²⁾ Librowicz, стр. 37—43.

³⁾ Записки его изданы были въ Варшавѣ, 1789 г., потомъ перепечатаны въ сборникѣ: Sybir. Pamietniki Polaków z pobytu na Sybirze. Chelmno, 1864, т. I.

⁴⁾ Kopec Józef. Dziennik podróży przez całą wzdłuż Azję lądem do portu Ochocka, oceanem przez wyspy Kurylskie do niższej Kamczatki i zamtąd napowrót do tegoż portu na psach i jeleniach. Wrocław, 1837. Еще изданія 1863, 1868, кромѣ того, въ упомянутомъ сборникѣ: „Sybir“, т. II, 1865, и въ „Bibliotece ludu polakiego“ (Парижъ, в. а.): въ послѣднемъ изданіи предисловіе Мицкевича.

Относя все къ его святой волѣ, онъ спокойно сноситъ самыя тяжкія испытанія“.

Въ царствованіе имп. Павла сосланъ былъ въ сибирскіе рудники ксендзъ Цецерскій, который въ любопытныхъ запискахъ рассказываетъ о судьбѣ своей и другихъ ссыльныхъ и о самой странѣ, ея жителяхъ и ихъ бытѣ ¹⁾.

Отъ царствованія императора Александра I не осталось, кажется, мемуаровъ подобнаго рода, но цѣлый рядъ авторовъ такихъ произведеній доставило слѣдующее царствованіе. Польское возстаніе 1831 года, послѣдующіе заговоры, дѣло Конарскаго, патриотическія увлеченія молодежи, сильно увеличили за то время контингентъ польской ссылки въ Сибирь, и именно изъ людей болѣе или менѣе образованныхъ: многіе возвратились на родину еще тогда же, другіе—по амнистии новаго царствованія, третьи бѣжали; многіе послѣ выѣхали за границу—отсюда обиліе мемуаровъ, писанныхъ людьми этой эпохи. Многіе изъ авторовъ прошли или каторжную работу въ рудникахъ, или солдатскую службу, жили „на поселеніи“, находили себѣ потомъ различныя профессіи, близко видали и сибирское начальство, и общество. Таковы воспоминанія Рафаэла Блонскаго, Юсіфа Кобылецкаго, Антонія Пауши, Евгенія Жміевскаго, Адольфа Янушевича, Гордона, Конст. Волицкаго, Мигурскаго, Руфина Пьотровскаго, Бронислава Залѣскаго, Агатона Гиллера, Евы Фелинской и др. ²⁾.

Эти рассказы, кромѣ матеріала для исторіи польской ссылки, доставляютъ вообще много любопытнаго и для бытового описанія Сибири и сибирской жизни; многіе рассказы отличаются жизненнымъ драматическимъ интересомъ, напр. исторія несчастнаго Мигурскаго, который сдѣлалъ попытку бѣгства, кончившуюся неудачею, или, въ особенности, исторія Руфина Пьотровскаго, бѣжавшаго съ каторжныхъ работъ изъ-подъ Тары въ 1846 году. Задумавъ планъ бѣгства, Пьотровскій скрылся изъ мѣста своего заключенія и съ фальшивымъ паспортомъ и съ запасомъ денегъ поѣхалъ изъ Тары подъ видомъ купческаго привазчика. Уже на первыхъ порахъ онъ былъ обокраденъ, причемъ у него украли и его фальшивый паспортъ: возвращеніе было немислимо, и даль-

¹⁾ Его записки издалъ Авг. Бѣлѣвскій въ журналѣ „Tygodnik Naukowy“ и отдѣльно: „Pamiętnik księdza Ciecierskiego, przeora Dominikanów wileńskich, zawierający jego i towarzyszyów jego przygody, doznane na Sybirze w latach 1797—1801. Lwów, 1865.

²⁾ Нѣкоторыя подробности изъ ихъ воспоминаній въ книгѣ Либровича, стр. 143—158; о Мигурскомъ, стр. 241—245; о Фелинской, стр. 107, 145, 247; о Пьотровскомъ, стр. 346—352.

нѣйшій путь онъ сдѣлалъ пѣшекомъ подъ видомъ рабочаго, перенося величайшія трудности и каждодневно рискуя быть схваченнымъ; въ вятской губерніи онъ присталъ къ партіи богомольцевъ, которые шли въ Соловецкій монастырь, и попалъ въ Соловки; отсюда пошелъ на Петербургъ, гдѣ пробылъ три дня, затѣмъ моремъ ушелъ въ Ригу и, наконецъ, черезъ Митаву и Полаangenъ пробрался въ Пруссію. Здѣсь, въ Кенигсбергѣ онъ былъ, однако, арестованъ и его намѣревались передать русскимъ властямъ какъ бѣглеца, но онъ успѣлъ избавиться отъ опасности и бѣжалъ въ Парижъ. Только черезъ нѣсколько лѣтъ вышли его записки ¹⁾, которыя возбудили въ свое время большое вниманіе и появились въ цѣломъ рядѣ изданій и переводовъ, а именно, онѣ переведены были на языки французскій, нѣмецкій, англійскій, шведскій, голландскій, датскій ²⁾.

Новый контингентъ смыслныхъ явился послѣ возстанія 1863 г., и новый рядъ польскихъ воспоминаній о Сибири, какъ напримѣръ гр. Кердея, Чаплицкаго, Немоёвскаго, Андриолли (извѣстнаго художника), Пурка, Альбина Кона и др. ³⁾. Кромѣ личныхъ воспоминаній, сибирское изгнаніе отразилось и въ произведеніяхъ художественной беллетристики: таковы рассказы Шиманскаго — талантливо исполненные и проникнутые чувствомъ эпизоды польской ссылки (дѣйствіе—въ Якутской области и на Ленѣ), по манерѣ напоминающіе Короленка ⁴⁾, и основное настроеніе которыхъ—тоска по родинѣ.

Намъ остается сказать объ иностранной европейской литературѣ о Сибири въ новѣйшее время. Мы называли выше рядъ специальныхъ трудовъ знаменитыхъ европейскихъ ученыхъ по географіи и естественно-историческому описанію Сибири, какъ труды Риттера, Гумбольдта, Ганстена, Эрмана, Ледебуря, Котты, — въ новѣйшее время къ нимъ присоединяется имя Элиза Реклю, въ громадномъ трудѣ котораго обширное мѣсто занимаетъ Сибирь и русская средняя Азія (хотя самъ онъ не былъ путешественникомъ въ Сибирь); но, затѣмъ, существуетъ обширная литература другого рода — литература путешествій въ обыкновенномъ

¹⁾ Pamiętniki z pobytu na Syberji, Rufina Piotrowskiego. Poznań, 1866.

²⁾ Либровичъ указываетъ также русское изданіе, сокращенное: „Записки Руфина Пюотровскаго. Россія и Сибирь 1843—1846“, Нордкёпингъ 1862. Недавно вышло новое французское изданіе записокъ.

³⁾ Librowicz, стр. 174—175, 190—194.

⁴⁾ Adam Szymanski, Szki.ce. I. Слб. 1887.

смыслѣ слова, путешествій, цѣль которыхъ не столько ученое изслѣдованіе (часто оно вовсе отсутствуетъ), сколько удовлетвореніе любознательности туриста, желающаго видѣть рѣдко посѣщаемую и оригинальную страну, узнать которую нужно для дополненія свѣденій о русской имперіи. До послѣднихъ десятилѣтій эти путешествія были довольно рѣдки; не легко было добраться до самой Россіи, когда въ ней еще не было желѣзныхъ дорогъ и путешествіе было медленнымъ и скучнымъ дѣломъ. Проведеніе желѣзныхъ путей въ самой Россіи, съ другой стороны занятіе Амура и открытіе пароходства по этой громадной рѣкѣ значительно облегчили доступъ въ Сибирь и послѣднія десятилѣтія, именно съ 60-хъ годовъ, доставили цѣлую массу путешествій въ Сибирь, иногда изъ конца въ конецъ, и всего больше, разумѣется, по главному сибирскому пути. Огромное большинство путешествій—англійскія: во-первыхъ, изъ всѣхъ европейцевъ англичане дѣйствительно туристы по преимуществу; во-вторыхъ, въ ихъ странствіяхъ нерѣдко присутствуетъ старое побужденіе англійскихъ путешественниковъ на сѣверъ и востокъ, именно національный интересъ азіатской политики и торговли. Лондонское географическое общество больше, чѣмъ всѣ другія иностранныя общества этого рода, съ интересомъ слѣдило за русскими открытіями и путешествіями въ Сибирь и средней Азіи; книги европейскихъ ученыхъ и русскія книги по изученію этихъ странъ по прежнему являются въ англійскихъ переводахъ или изложеніяхъ. Какъ прежде переводились на англійскій языкъ книги XVIII вѣка, а потомъ азіатскія путешествія Гумбольдта, Адольфа Эрмана и пр. (еще въ 1842 году снова явились на англійскомъ языкѣ сочиненія Миллера и Паласа о завоеваніи Сибирь и сношеніяхъ Сибирь съ Китаемъ), такъ теперь переводились сочиненія Пржевальскаго, Яворскаго, Венюкова, Абрамова, сочиненія о Туркестанѣ и пр. Съ 30-хъ годовъ начинаютъ размножаться собственно англійскія, и частью нѣмецкія и инныя европейскія путешествія. Въ 1831 г. вышло описаніе кругосвѣтнаго путешествія Бичи (Beechey), вснувшееся Берингова пролива; около того же времени путешествіе Добелля (Peter Dobell) въ Камчатку и Сибирь; миссіонера Свѣна (William Swan); Петра Гордона; мистриссъ Стэллибрэсъ (Stallybrass), вдовы сибирскаго миссіонера; въ 1842 году—извѣстная книга Коттреля ¹⁾; въ 1854—сочиненія Гилля и Тилинга ²⁾.

¹⁾ Ch. Herbert Cottrell, Recollections of Siberia, in the years 1840 and 1841. London, 1842; нѣмецкій переводъ 1846.

²⁾ S. S. Hill, Travels in Siberia, Lond. 1854, 2 тома; нѣмецкій переводъ, Лейпц.,

Путешествія, особливо прямо въ Сибирь, размножаются съ половины 50-хъ годовъ, между прочимъ съ занятія Амура, который вообще привлекалъ теперь большое вниманіе. Таковы книги Гэбершема, Аткинсона, Коллинза, Равенстейна и др. ¹⁾ Нѣсколько путешествій, сдѣланныхъ сухимъ путемъ, описываютъ именно внутреннюю Сибирь и ея окраины, напр., сочиненія американца Кеннана, Вайта, Нокса ²⁾. Назовемъ, далѣе, путешествіе Эдв. Рэ къ лапландцамъ и самоѣдамъ, книги Мильна, Эдена ³⁾; нѣмецкія сочиненія Гейнцельмана, Киттлица, Финша, Юста ⁴⁾. Въ послѣдніе годы большое вниманіе обратила на себя книга Лэнсделя, который сдѣлалъ путешествіе черезъ Сибирь въ 1879 г. съ религіозными и филантропическими цѣлями (осмотръ тюремъ и т. п.), а также путешествіе корреспондента „New York Herald“, Джильдера, разыскивавшего людей съ американскаго парохода „Жаннетты“, погибшаго на сѣверномъ берегу Сибири ⁵⁾.

1855. — *Heinr. Tiling, Eine Reise um die Welt, von Westen nach Osten durch Sibirien und das stille und atlantische Meer. Aschaffenburg, 1854.*

¹⁾ *A. W. Habersham, The North Pacific surveying and exploring expedition, и пр. Philadelphia, 1857.*

— *Thom. Witlam Atkinson, Oriental and Western Siberia, Lond. 1858 (и New-York, 1858), — и ero же: Travels in the regions of the Upper and Lower Amoor and the Russian acquisitions on the confines of India and China, Lond. 1860.*

— *P. M. Collins, A voyage down the Amoor, Lond. 1860.*

— *E. G. Ravenstein, The Russians on the Amur, Lond. 1861.*

— *Comte Henri Russell-Killough, Seize mille lieues à travers l'Asie et l'Océanie, Sibérie... fleuve Amour. Voyage exécuté pendant les années 1853—61. Paris, 1864, 2-е изд. 1866 (Русскій переводъ: Руссель Киллугъ, Черезъ Сибирь въ Австралію и Индію. Спб. 1871, 2-е изд. 1875).*

²⁾ *G. Kennan, Tent life in Siberia. Lond. 1870 (Русскій переводъ: „Кочевая жизнь въ Сибири. Приключенія среди коряковъ и другихъ племенъ Камчатки и сѣверной Азіи“. Пер. А. Кондратьевой. Спб. 1872).*

— *W. H. Whyte, Land Journey from Asia to Europe, Lond. 1871.*

— *P. W. Knox, Overland through Asia. Hartford, Connecticut, 1871.*

³⁾ *Edw. Rae, Land of North Wind; or travels among Laplanders and Samoyedes, Lond. 1875.*

— *J. Milne, Journey across Asia, Lond. 1879.*

— *C. H. Eden, Frozen Asia, Lond. 1879.*

⁴⁾ *Fr. Heinzelmann, Reisen in den mittleren und nördlichen Festländern Asiens. Leipz. 1855.*

— *F. H. von Kittlitz, Denkwürdigkeiten einer Reise nach dem russischen Amerika, nach Mikronesie und durch Kamtschatka. Gotha, 1858.*

— *O. Finsch, Reise nach West-Sibirien im Jahre 1876 im Auftrage des deutschen Nordpolexpedition. Berlin, 1879.*

— *Aus Japan nach Deutschland durch Sibirien von Wilhelm Joest. Mit fünf Lichtdrucken und einer Karte. Köln, 1883.*

⁵⁾ Мы имѣли въ рукахъ уже четвертое изданіе книги Лэнсделя: *Through Si-*

Въ послѣдніе годы обратила на себя вниманіе книга итальянскаго путешественника Стефана Сомье: „Лѣто въ Сибири между остяками, самоѣдами, татарами“ и пр., — большая книга съ прекрасными рисунками и картами. Книга, написанная весьма занимательно, интересна тѣмъ болѣе, что авторъ, специалистъ по ботаникѣ, владѣетъ также этнографическими и антропологическими свѣдѣніями и хорошей наблюдательностью¹⁾.

Многочисленныя сообщенія о новыхъ сибирскихъ и среднеазиатскихъ изслѣдованіяхъ появлялись особенно въ спеціальныхъ изданіяхъ, какъ упомянутыя записки лондонскаго Географ. Общества, или какъ извѣстныя „Geographische Mittheilungen“ Петерманна. На недавнемъ нѣмецкомъ географическомъ съѣздѣ профессоръ бернскаго (теперь петербургскаго) университета Петри поставилъ вопросъ о важности сибирскихъ изученій для европейской науки²⁾. Существуетъ, наконецъ, не мало популярныхъ географическихъ обзорѣній, особливо французскихъ и нѣмецкихъ³⁾.

Намъ остается упомянуть о знаменитой книгѣ Норденшельда. Попытки отысканія „сѣвернаго прохода“, какъ мы видѣли, дѣлались еще съ половины XVI-го вѣка; путешествіе Норденшельда было послѣднимъ изъ этого рода предпріятій: широко задуманное и исполненное на средства, данныя г. Сибиряковымъ и шведскимъ правительствомъ, оно доказало возможность прапти-

beria. By Henry Lansdell. With illustrations and maps. Lond. 1883. Его другая книга: Russian Central Asia, including Kuldja, Bokhara, Khiwa and Merw. Lond. 1885, 2 тома.

— Ice-Pack and Tundra. An account of the search for the Jeannette and a sledge journey through Siberia by William H. Gilder, correspondent of „the New York Herald“, etc. With maps and illustrations. Lond. 1883. Былъ русскій переводъ или изложеніе, В. Майнова („Во льдахъ и снѣгахъ“, Гильдера), котораго мы не имѣли въ рукахъ.

¹⁾ St. Somier, Un estate in Siberia fra Ostiacchi, Samoiedi, Sirèni, Tatari, Kirghisi e Baskiri. Roma, 1835. Подробный отчетъ о ней въ „Сибирскомъ Сборникѣ“ Ядринцева, Спб. 1886, кн. I, стр. 169—195.

²⁾ E. Petri, Die Erschliessung Sibiriens, — въ Verhandlungen des sechsten deutschen Geographentages, Berl. 1886. Ср. бернскую диссертацию, написанную по его инициативѣ: Studien über den Seeweg zwischen Europa und West-Sibirien, von H. Fr. Balmer (Bern, 1885), который воспользовался обширной иностранной и (черезъ посредство г. Петри) русской литературой по этому вопросу.

³⁾ Напр., Лануа (F. de Lanoue, 1865), Фюрта (Camille de Furth, 1866), Сашо (Ostave Sachot, 1875), и нѣмецкія: Этцеля и Вагнера (1864), Альбина Кона и Рих. Андреа (два тома, 2-е изд. 1876), Ланкенау и Эльсница (два тома, 2-е изд. 1881) и друг.

Перечень западно-европейскихъ сочиненій, крупныхъ и мелкихъ, объ азиатскихъ владѣніяхъ Россіи за 1884 и 1885 года, Э. Петри, помѣщенъ въ „Сибирскомъ Сборникѣ“ Ядринцева. Спб. 1886, II, стр. 178—182.

ческаго совершенія этого пути. Здѣсь не было географическаго открытія, — сѣверный берегъ Сибири былъ выясненъ русскими плавателями еще съ XVII-го вѣка, но онъ былъ выясненъ до сихъ только по частямъ или даже только сухимъ путемъ: Норденшельдъ, въ планѣ своего путешествія ¹⁾! предполагалъ убѣдиться и доказать, что для настоящаго морскаго корабля возможенъ путь черезъ Ледовитый океанъ, что этотъ путь не запертъ льдами, и что на худой конецъ онъ можетъ быть сдѣланъ если не за одинъ разъ, то въ два приема съ перезимовкой, — какъ это съ нимъ и случилось. Норденшельдъ отдаетъ, однако, всю справедливость смѣлости и энергіи старыхъ русскихъ плавателей, которые на негодныхъ тогдашнихъ судахъ рисковали на предпріятія, мудренныя и для наилучшихъ новѣйшихъ пароходовъ. Его собственное путешествіе завершало вопросъ, и въ соотвѣтствіе этому онъ въ своей книгѣ, при каждомъ главномъ пунктѣ плаванія своей экспедиціи, дѣлаетъ обзоръ того, что сдѣлано было прежними изслѣдователями, — такъ что его книга есть вмѣстѣ довольно обстоятельная исторія всѣхъ прежнихъ предпріятій для опредѣленія сѣвернаго океана отъ Норвегіи до Камчатки, съ XVI-го вѣка и до новѣйшихъ временъ ²⁾.

Окончивъ съ этимъ отдѣломъ нашего обзора, мы вератцѣ изложимъ далѣе, что сдѣлано для исторіи Сибири, для описанія ея племенъ, опредѣленія сибирскаго типа русской народности, сибирскихъ нравовъ и обычаевъ.

VIII.

СИБИРСКАЯ ИСТОРИОГРАФІЯ.

Намъ должно перейти теперь къ тому, что сдѣлано для историческаго изслѣдованія Сибири. Сдѣлано было не мало, но до

¹⁾ Стр. 27 русскаго изданія.

²⁾ Русскій переводъ: „Путешествіе А. Э. Норденшельда вокругъ Европы и Азіи на пароходѣ „Вега“ въ 1878—1880 г. Перевелъ со шведскаго С. И. Барановскій, заслуж. проф. И. Алекс. университета, при содѣйствіи Э. В. Корיאндера, горнаго инженера“. Спб. 1881. Русскій переводчикъ допустилъ, къ сожалѣнію, ошибки относительно вещей довольно извѣстныхъ: Дежневъ названъ Дешневымъ (стр. 21, 24); рѣка Оленекъ называется Олонкомъ (стр. 20, 26); Виллоуби — Виллугбей (стр. 51); Чекановскій—Чикановскій (стр. 26) и др. Другое изданіе: „Шведская полярная экспедиція 1878—79 г. и пр. Переводъ со шведскаго“. Спб. 1880. Популярное краткое изложеніе: „Вдоль полярныхъ окраинъ Россіи. Путешествіе Норденшельда вокругъ Европы и Азіи въ 1878—1880 г.“ Спб. 1885.

сихъ поръ все еще нѣтъ цѣльной исторіи Сибири, даже цѣльнаго изслѣдованія какого-нибудь отдѣльнаго періода ея. Причинъ этому было много. Въ исторіи самой русской метрополіи Сибирь не имѣла никакого самостоятельнаго значенія, она была всегда только служебной провинціей; люди, специально заинтересованные сибирской исторіей, были преимущественно сами сибиряки, но почти всегда они не были поставлены въ такія условія, чтобы выполнить подобную задачу: или они не имѣли подъ руками всего необходимаго матеріала, или не были достаточно подготовлены въ научномъ отношеніи, или не имѣли досуга; наконецъ, матеріаль для сибирской исторіи такъ разнообразенъ, требуетъ столькокихъ специальныхъ знаній и притомъ такъ мало имѣлъ предварительной разработки, что овладѣть имъ было бы не легко для одного человѣка.

Въ самомъ дѣлѣ, если поставить вопросъ о сибирской исторіи такъ, какъ требовала бы этого настоящая историческая критика,—задачи ея раскидывались бы на цѣлый рядъ сложныхъ вопросовъ, для которыхъ и по настоящее время не собрано достаточныхъ свѣденій. Русскому завоеванію Сибири предшествовала долгая исторія туземной Сибири и сосѣдней средней Азіи, населенной народами финскими, тюркскими, монгольскими; изъ темной глубины древней Азіи они не однажды врываются завоевательными ордами въ болѣе цивилизованныя страны азіатскаго юго-запада и восточной Европы; южныя окраины Сибири были затронуты этими народными переселеніями или даже бывали мѣстомъ ихъ перваго истока. Эта древняя исторія до сихъ поръ очень темна,—между тѣмъ съ нею связаны историческіе вопросы о судьбѣ финскаго племени, нѣкогда имѣвшаго громадное распространеніе; о судьбѣ народовъ тюркскихъ и монгольскихъ, которые владѣли страной наканунѣ прихода русскихъ и до сихъ поръ наполняютъ Сибирь и ея окраины. Съ тѣхъ поръ произошли новыя племенные передвиженія, которыя остаются опять мало выясненными; приходъ русскихъ произвелъ новое броженіе, частію отгоняя чужія племена съ путей русской колонизаціи, частію ассимилируя ихъ. Съ этимъ вмѣстѣ произошли новыя своеобразныя явленія въ складѣ самого русскаго племени: колонизація совершалась двоякимъ образомъ: частію, путемъ правительственныхъ мѣръ; частію, собственной инициативой мѣстнаго населенія, которое само раздвигалось все дальше на свой страхъ, отыскивая новыхъ территорій для земледѣлія и промысла, причемъ промыселъ нерѣдко переходилъ также и въ простой гра-

бежъ туземныхъ инородцевъ. Занятія земли становились новыми русскими областями; худо ли, хорошо ли, въ нихъ водворялась русская власть, но въ странѣ, раскинутой на огромномъ пространствѣ, жители естественно предоставлены были всего чаще самимъ себѣ, и въ результатъ складывался своеобразный бытъ и, наконецъ, особый типъ, самой русской народности. Отъ этихъ первыхъ вѣковъ русскаго господства не осталось почти ни единого разсказа, который сообщилъ бы подробности этого процесса занятія страны русскими и образованія этого новаго народнаго быта; только нѣмецко-русскіе путешественники прошлаго столѣтія доставляютъ объ этомъ почти первыя свѣденія, и этотъ процессъ остается изучать по уцѣлѣвшимъ старымъ актамъ и по современному состоянію сибирской жизни и народа.

Тому, что болѣе или менѣе доступно писанной исторіи, предшествуетъ еще болѣе древняя судьба сибирской территоріи—ея до-историческое прошлое. Новѣйшія находки удостовѣряютъ существованіе въ Сибири каменнаго вѣка, затѣмъ указываютъ на существованіе древнихъ горныхъ работъ, остатки которыхъ, въ такъ-называемыхъ „чудскихъ копахъ“, до сихъ поръ составляютъ мало разъясненную загадку, какъ и тѣ изображенія на скалахъ, рисунки и письма („писаницы“), которыхъ много находятъ особливо на югѣ западной Сибири.

Таковы разнообразныя задачи, предстоящія сибирской исторіи. Для нея нужно, такимъ образомъ, содѣйствіе до-исторической археологіи; изученіе разнообразныхъ восточныхъ народовъ, ихъ языка, древностей и этнографіи; архивныя изслѣдованія; изслѣдованія новѣйшаго гражданскаго быта Сибири, и, наконецъ, изслѣдованіе старыхъ сибирскихъ нравовъ, обычаевъ и современнаго быта. Въ различной мѣрѣ эти задачи уже затронуты въ существующей литературѣ о Сибири; нѣкоторые частные вопросы вызвали нѣсколько, хотя немного, замѣчательныхъ изслѣдованій, но цѣльный историческій вопросъ остается еще безотвѣтнымъ. Дѣло ограничивается до сихъ поръ только опытами.

Мы скажемъ дальше, что сдѣлано было до сихъ поръ для объясненія до-исторической сибирской старины, и остановимся теперь на древнѣйшихъ памятникахъ русской сибирской исторіи.

Историческія свѣденія о Сибири начинаются лѣтописью. До конца XVII вѣка это была почти единственная форма историческаго разсказа, извѣстная въ самой метрополіи. Какъ мы выше замѣчали, первыя извѣстія о Сибири восходятъ у русскихъ довольно далеко. Собственная Сибирь названа въ нашей старой

лѣтописи еще въ началѣ XV вѣка¹⁾; затѣмъ лѣтопись упоминаетъ въ теченіе XV-го и XVI-го вѣка событія, относящіяся до Сибири. Въ XVII столѣтіи мы встрѣчаемъ первые слѣды лѣтописи *собственно сибирской*, которая составлялась на мѣстѣ и ограничивалась только мѣстными событіями. Въ настоящее время извѣстно нѣсколько памятниковъ этого сибирскаго лѣтописанія, но вообще старая сибирская лѣтопись до сихъ поръ не вполне приведена въ извѣстность. Въ старыхъ рукописяхъ находятся памятники, относящіеся къ ней, но до сихъ поръ неопредѣленные съ достаточною точностью. Главныхъ сибирскихъ лѣтописей, какими пользовались до сихъ поръ историки Сибири, было четыре, относящихся къ XVII и XVIII столѣтіямъ.

Первымъ началомъ сибирскаго лѣтописанія считается трудъ тобольскаго архіепископа Кипріана въ началѣ XVII-го вѣка — трудъ, до насъ не дошедшій въ своемъ первоначальномъ видѣ. Кипріанъ, по фамиліи Старорусенковъ, бывшій архимандритъ новгородскаго Хутынскаго монастыря, поставленный патриархомъ Филаретомъ, былъ первымъ архіепископомъ сибирскимъ и тобольскимъ, въ 1621 году. Прибывши въ Тобольскъ, онъ, какъ рассказываютъ, во второй годъ своего церковнаго правленія, „вспомянулъ“ атамана Ермака Тимофеева и „велѣлъ спросить Ермаковыхъ казаковъ, какъ они пришли въ сибирское царство и гдѣ у нихъ съ погаными были бои, и кого у нихъ поганые убили, а казаки принесли ему списки, какъ они пришли въ Сибирь, и о бояхъ“. Сибирскій лѣтописецъ Савва Есиповъ (или Осиповъ), упомянувши объ этомъ, замѣчаетъ, что самъ онъ писалъ „съ писанія прежняго“; полагаютъ, что прежнимъ писаніемъ именно была лѣтопись архіепископа Кипріана²⁾.

Савва Есиповъ, писавшій въ 1636 или 1637 году, былъ дьякъ сибирскаго митрополита, повидимому распространилъ то, что нашель у своего предшественника, но кромѣ того рассказывалъ и то, что видѣлъ „своими глазами“. Извѣстіями его воспользовался уже первый сибирскій историкъ Миллеръ (называющій его Саввой Ефимовымъ), не особенно, впрочемъ, довѣряя его

¹⁾ Подъ 1406—1407 голомъ въ лѣтописяхъ упоминается убійство Тохтамыша ханомъ Шанибекомъ „въ Сибирской землѣ“. См. 4-ю Новгородскую лѣтопись, въ Полномъ Собраніи Лѣтописей, IV, стр. 109; затѣмъ старыя изданія: Лѣтописецъ русскій, 1792; Лѣтописецъ архангелогородскій, 1781; Никоновская лѣтопись, т. V, стр. 8 и друг.

²⁾ Ср. о томъ же слова кунгурской лѣтописи Ремезова, — въ изданіи археограф. комиссіи, стр. 37, статья 135; но Кипріанъ названъ Нектариемъ.

показаніямъ ¹⁾. Лѣтопись Есипова издана была въ первый разъ Спасскимъ, а потомъ, по другому списку, Небольсинимъ ²⁾.

Наравнѣ съ лѣтописью Есипова очень старою считается другая лѣтопись, такъ-называемая „Строгоновская“. Миллеръ не зналъ этой лѣтописи, и въ первый разъ она была найдена и издана Спасскимъ, извѣстнымъ изслѣдователемъ сибирской старины, который сообщилъ ее и Карамзину. Когда собственно эта лѣтопись была составлена — неизвѣстно; рассказъ ея ограничивается только первымъ завоеваніемъ Сибири и оканчивается на временахъ царя Ѳедора Ивановича ³⁾.

Третья лѣтопись, называемая обыкновенно „Тобольскою“ и извѣстная также подъ названіемъ „Ремезовской“, составлена была тобольскимъ боярскимъ сыномъ Семеномъ Емельяновичемъ Ремезовымъ. По словамъ Спасскаго, эта лѣтопись была писана Ремезовыми, то-есть, и отцомъ, Семеномъ Емельяновымъ, и сыновьями (которыхъ было три—Леонтій, Семенъ и Иванъ) между 1650 и 1700 годами. Небольсинъ утверждаетъ прямо, что она составлена во времена Петра Великаго, въ 1697—1699 годахъ. „Тобольская лѣтопись довольно пространна, — говоритъ о ней Спасскій, — и кромѣ древнихъ и новѣйшихъ въ Сибири происшествій, повѣствуетъ о нравахъ и образѣ жизни коренныхъ та-

¹⁾ См. Sammlung russischen Geschichte, т. VIII, 1763, стр. 197—199; Фишера, „Сибирская исторія“, стр. 306—307. Ср. Пекарскаго, „Ист. Акад. Наукъ“, I, стр. 355—356; онъ не замѣтилъ тождества этого Ефимова съ Есиповымъ.

²⁾ „Сказаніе о Сибирской странѣ“, въ „Сибирскомъ Вѣстникѣ“ 1823, и П. Небольсина: „Покореніе Сибири“. Спб. 1849, въ приложеніяхъ.

³⁾ Заглавіе ея слѣдующее: „О взятіи Сибирскія земли: како благочестивому государю Царю и Великому князю Ивану Васильевичу всея Русіи подарова Богъ Сибирское государство обладати ему, государю, и побѣдяти Муртазеліева сына Кучума салтана сибирскаго, и сына его царевича Маметкула взяти жива; и како просвѣти Богъ Сибирскую землю святымъ крещеніемъ и святыми Божіими церквами и утверди въ ней святительскій престолъ архиепископію“. Изданіе Спасскаго въ книжкѣ: „Лѣтопись Сибирская“, содержащая повѣствованіе о взятіи Сибирскія земли русскими, при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ Грозномъ, съ краткимъ изложеніемъ предшествовавшихъ оному событій. Издана съ рукописи XVII-го вѣка“. Спб. 1821, IX и 88 стр., 8°.—Въ „Сибирскомъ Вѣстникѣ“ 1821, ч. XIII, стр. 1—6, помѣщено было „Извѣстіе о вновьнайденной лѣтописи сибирской, вошедшее въ предисловіе къ ея отдѣльному изданію, и въ ч. XIV, стр. 7—25, выписка изъ Карамзина (т. IX), который уже имѣлъ въ рукахъ эту лѣтопись. Въ примѣчаніи Спасскій писалъ: „Почиталъ себя счастливымъ, что доставленіемъ подлинника сей лѣтописи почтеннѣйшему нашему историографу оказалъ ему нѣкоторую услугу. Г. С.“—Куда дѣвался потомъ этотъ подлинникъ лѣтописи, неизвѣстно. Впослѣдствіи эта лѣтопись перепечатана была, съ новыми объясненіями, въ книгѣ Небольсина: „Покореніе Сибири“, въ приложеніяхъ.

мопныхъ обитателей; но обезображена пустыми вымыслами и многими погрѣшностями въ самомъ описаніи происшествій: однако же Миллеръ заимствовалъ свѣденія для своей исторіи сибирской наиболѣе изъ сей лѣтописи“¹⁾. Карамзинъ отвергаетъ лѣтопись Ремезова, считая показанія ея невѣрными²⁾; невысокаго мнѣнія о ней и Небольсинъ, который думаетъ, однако, что и въ ней есть нѣчто, требующее вниманія, событія доведены въ ней до смерти сибирскаго царя или хана Кучума, 1598, и послѣднее отрывочное показаніе (приведенное нами выше) относится, повидимому, къ назначенію перваго архіепископа въ Тобольскъ, въ 1621. Лѣтопись Ремезова открыта была въ первый разъ Миллеромъ въ Тобольскѣ. Въ своей позднѣйшей автобіографической запискѣ онъ рассказываетъ о находкѣ лѣтописи (полученной отъ енисейскаго воеводы Петра Миновича, дяди того, который извѣстенъ заговоромъ и казнью 1764 года), которая есть именно лѣтопись Ремезова³⁾. Миллеръ придавалъ ей большое значеніе, и въ предисловіи къ его сибирской исторіи говорится, что лѣтописи у Ремезова „сочинитель предъ другими больше вѣрить, и оной для полноты хвалить“.

Четвертая и новѣйшая сибирская лѣтопись, съ именемъ автора, есть Черепановская. Эта лѣтопись, извѣстная Карамзину и называемая у него „новою сибирскою лѣтописью неизвѣстнаго автора“, въ первый разъ упомянута была въ печати названнымъ нами прежде академическимъ путешественникомъ Фалькомъ. Въ своемъ путешествіи онъ рассказываетъ: „Въ Тобольскѣ познакомился я съ ученымъ ямщикомъ Козьмою Черепановымъ, умнымъ

¹⁾ Лѣтопись Сибирская, стр. VII.

²⁾ Исторія госуд. Росс., т. IX, пр. 644.

³⁾ „Тобольскій архивъ,—писалъ Миллеръ,—не восходитъ до времени завоеванія Сибири. Объ этомъ событіи извѣстно только изъ лѣтописей, которыя въ передачѣ обстоятельствъ весьма разнствуютъ между собою и потому могутъ возбуждать сильное сомнѣніе. Я былъ такъ счастливъ, что досталъ въ Тобольскѣ старинную сибирскую лѣтопись съ изображениями, которая разъясняетъ всѣ недоумѣнія и противъ которой невозможно возражать. По возвращеніи моемъ, я преподнесъ эту рукопись академической библіотекѣ, какъ особенную драгоценность. Съ нею не существуетъ ни одного списка кромѣ того, который я велѣлъ сдѣлать для собственнаго употребленія. На ней основывается исторія завоеванія, какъ она рассказана мною въ первой части моей Сибирской исторіи“. См. Исторію Алад. Науль, т. I, Сиб., 1870, стр. 322, и предисловіе къ изданію этой лѣтописи, которое сдѣлано было только недавно археографическою комиссіею въ полномъ литографированномъ факсимиле: „Краткая сибирская лѣтопись (Кунгурская) со 154 рисунками“. Спб. 1880,—въ форматѣ подлинной рукописи. Изданіе сдѣлано на счетъ корреспондента комиссіи А. Зоста. Въ рукописи главное мѣсто занимаютъ рисунки, изображающіе разныя событія завоеванія Сибири, а текстъ составляетъ нѣчто въ родѣ объясненія къ картинкамъ.

и достаточнымъ человѣкомъ. Онъ не только порядочный былъ архитекторъ, но зналъ часть математики, механики и даже исторіи. Библиотека его состояла изъ 400 книгъ. Братъ же его Илья Черепановъ сочинилъ сибирскую лѣтопись и, занимаясь ею, не покидалъ своего ямского ремесла¹⁾. Объ этой лѣтописи говорилъ потомъ Спасскій²⁾, который находилъ, что она „достойна вниманія, сколько по содержанію своему, столько же и по сочинителю, который представляетъ рѣдкое явленіе на поприщѣ нашей словесности и въ особенности за 50 лѣтъ предъ симъ: ибо онъ, по званію и ремеслу своему, принадлежитъ къ сословію ямщиковъ города Тобольска“. Спасскій указалъ въ главныхъ чертахъ и составъ этой лѣтописи, гдѣ разсказъ о первомъ занятіи Сибири до 1620 года заимствованъ, большею частію, изъ печатной сибирской исторіи академика Миллера (въ русскомъ переводѣ), а также изъ лѣтописей Ремезова и Есипова; но Черепановъ видимо не зналъ продолженія Миллеровой исторіи, которое печаталось въ „Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ“ 1764 года. Другія извѣстія Черепанова о сибирскихъ происшествіяхъ, о городахъ, управленіи, промышленности, о народахъ, населяющихъ Сибирь, взяты частію изъ тѣхъ же лѣтописей, изъ сочиненія Новицкаго и другихъ источниковъ или собраны самимъ Черепановымъ. Въ своемъ журналѣ Спасскій напечаталъ нѣсколько отрывковъ изъ этой лѣтописи. Наконецъ, подробный обзоръ лѣтописи Черепанова сдѣланъ былъ г. Майковымъ, который, кромѣ источниковъ, указанныхъ Спасскимъ, отмѣчаетъ также ссылки Черепанова на „нѣкоторую сибирскую исторію“ (по поводу родословія Ермака), далѣе на Степенную книгу, хронографъ, прологъ, „лѣтопись о мятежахъ“. По замѣчанію г. Майкова, можно догадываться и о другихъ источникахъ Черепанова; такъ, напримѣръ, въ лѣтопись занесены извѣстія, взятые, повидимому, изъ отдѣльныхъ сказаній, напримѣръ о явленіи иконы въ Абалакѣ, о началѣ судебного хода по Ледовитому

¹⁾ Полное собр. ученыхъ путешествій по Россіи, изданія Акад. Наукъ. Т. VI, Записки путешествія Фалька, стр. 402—403. Одинъ изъ новѣйшихъ сибирскихъ историковъ, Абрамовъ, имѣвшій въ рукахъ списокъ этой лѣтописи, усомнился въ разсказѣ Фалька и замѣтилъ на заглавномъ листѣ рукописи: „Лучше вѣрить, что она, какъ и прочія сибирскія лѣтописи, составлена при здѣшнемъ (т.-е. тобольскомъ) архіерейскомъ домѣ. Есть на это доказательства; а профессору Фальку трудно повѣрить, что онъ ямщика тобольскаго выставилъ на поприщѣ исторіи и когда же? За 80 лѣтъ назадъ тому и въ Тобольскѣ“.—Намъ кажется, напротивъ, что лучше вѣрить Фальку, показанія котораго вообще весьма точны и просты; онъ не могъ выдумать, что видѣлъ Черепанова, и вѣтъ ничего невѣроятнаго, что это былъ начетчикъ, какіе бывали въ то время не особенно рѣдки.

²⁾ Въ „Сибирскомъ Вѣстникѣ“, 1821, часть XIV.

морю, о занятіи Амура, жизнеописанія митрополитовъ Іоанна Максимовича и Филофея Лещинскаго, и пр. Собственныя извѣстія Черепанова сосредоточиваются очевидно около Тобольска, причѣмъ одни имѣютъ чисто мѣстный интересъ, какъ, напримѣръ, свѣденія о дождяхъ, пожарахъ, постройкахъ, другія относятся въ Тобольску, какъ въ главному административному центру Сибири, напримѣръ извѣстія о правительственныхъ распоряженіяхъ, о звѣринныхъ и другихъ промыслахъ, списки воеводъ въ сибирскихъ городахъ, свѣденія о новыхъ земляхъ, о постройкѣ новыхъ остроговъ, о разныхъ происшествіяхъ въ пограничныхъ земляхъ; сообщается также много свѣденій, касающихся церковнаго быта. Все это было взято, вѣроятно, изъ современныхъ записей, а за послѣдніе годы занесено самимъ Черепановымъ ¹⁾.

Мнѣніе г. Майкова, приведенное нами въ примѣчаніи, можетъ свидѣтельствовать о современномъ состояніи разработки старой сибирской лѣтописи. Эта разработка едва начата. Сибирскія лѣтописи изданы пока весьма отрывочно; не приведены въ извѣстность наличные памятники сибирскаго лѣтописанія, не сравнены въ полной мѣрѣ ихъ редакціи, не выяснена хронологія. Между тѣмъ существуетъ въ библіотекахъ цѣлый рядъ лѣтописныхъ рукописей, которыя требовали бы подобнаго пересмотра и, наконецъ, изданія. Эти рукописи были не однажды перечисляемы ²⁾.

Отсутствіе этой критической работы и сравнительнаго изданія текстовъ вело, между прочимъ, къ противорѣчивой оцѣнкѣ самихъ историческихъ данныхъ. До сихъ поръ не освобождено отъ противорѣчій, не только относительно хронологіи, но и по существу,

¹⁾ См. докладъ Л. Н. Майкова въ „Лѣтописи занятій археографической комиссіи“. Вып. VII. Спб. 1884, отд. IV, стр. 44—68, гдѣ помѣщено также нѣсколько вписокъ изъ самой лѣтописи. Г. Майковъ, однако, выразилъ сомнѣніе въ пользѣ и главное въ своевременности изданія этого памятника. Лѣтопись Черепанова весьма сложна по своему составу, а въ настоящее время еще недостаточно выяснились взаимныя отношенія и болѣе старыхъ, болѣе первоначальныхъ источниковъ сибирской исторіи. Далѣе, во второй своей половинѣ лѣтопись Черепанова содержитъ въ себѣ много заимствованій изъ другихъ источниковъ, и потому, какъ памятникъ повдѣйшаго образованія, требуетъ особенно тщательной критики, а для критики таковаго рода, особливо по исторіи Сибири въ XVII и XVIII вѣкахъ, у насъ имѣется еще слишкомъ мало данныхъ“.

²⁾ См., напр., Небольсина, „Покореніе Сибири“, гл. I: „Сибирскія лѣтописи и историки“, стр. 4—11; „Указатель дѣламъ и рукописямъ, относящимся до Сибири и принадлежащимъ Моск. Главному Архиву мн. иностр. дѣлъ“, составл. М. Пущило, М. 1879, гдѣ упомянуто и нѣсколько лѣтописей (стр. 2, 82, 97, 98, 104); ст. „Сибирскія лѣтописи“ въ „Восточномъ Обзорѣннѣ“, 1883, № 38, 40, 44 и 51; „Свѣденія о неизданныхъ сибирскихъ лѣтописяхъ“ А. Оксенова, въ „Литературномъ Сборникѣ“ Н. М. Ядринцева. Сиб. 1885, стр. 446—455.

опредѣленіе перваго факта сибирской исторіи—походоу Ермака. Дѣло въ томъ, что, напримѣръ, исторія завоеванія передается въ двухъ старѣйшихъ сибирскихъ лѣтописяхъ—Саввы Есипова и Строгоновской—весьма несходнымъ, даже противоположнымъ образомъ. Строгоновская лѣтопись (названная такъ не потому, чтобы гдѣ-нибудь ея составленіе прямо было связано со Строгоновыми, а потому, что весь смыслъ ея клонится къ возвеличенію роли Строгоновыхъ въ дѣлѣ завоеванія Сибири) не носитъ на себѣ ни имени автора, ни времени составленія, но считалась нѣкоторыми историками, въ томъ числѣ Карамзинымъ, за древнѣйшую сибирскую лѣтопись, и, согласно съ нею, завоеваніе Сибири изображается въ такомъ смыслѣ, что Ермакъ былъ только исполнителемъ плана Строгоновыхъ, которые потомъ „уступили Сибирь государству“ или „подарили русскаго царя Сибирью“. Между тѣмъ лѣтопись Есипова не знаетъ этой постановки дѣла и излагаетъ его совсѣмъ иначе, считая дѣйствія Ермака вполнѣ самостоятельными, а роль Строгоновыхъ—совершенно второстепенной, такъ какъ нѣкоторая помощь, оказанная ими Ермаку, является только вынужденной. Это противорѣчіе въ различной степени отразилось у историковъ, говорившихъ о завоеваніи Сибири: Строгоновская лѣтопись принята была за авторитетъ въ особенности Карамзинымъ и Устряловымъ (въ книгѣ: „Именитые люди Строгоновы“), но къ совершенно инымъ заключеніямъ приходилъ Небольсинъ. По его мнѣнію, Строгоновская лѣтопись, во-первыхъ, не имѣетъ приписываемаго ей авторитета древности; что она составлена была много позднѣе событій, какъ видно изъ того, что въ ея заглавіи упоминается уже основаніе сибирской архіепископші (1621); авторъ ея, имѣвшій въ рукахъ царскія грамоты Строгоновымъ, по мнѣнію Небольсина, видимо желалъ польстить ихъ роду, приписывая имъ первостепенное участіе въ великомъ государственномъ дѣлѣ. Въ дѣйствительности, по взгляду Небольсина, завоеваніе Сибири давно было обдуманнѣмъ планомъ московскихъ царей и особливо Ивана Грознаго, а Строгоновы въ эпоху завоеванія не были еще такъ вліятельны, и въ ихъ распоряженіи не было столько людей, чтобы предпринять подобную экспедицію или вооружить войско Ермака. Болѣе древнею Небольсинъ считаетъ лѣтопись Саввы Есипова; но какъ этотъ послѣдній памятникъ, такъ и Строгоновская лѣтопись, въ ихъ изданной формѣ, по мнѣнію Небольсина, не представляютъ ихъ первоначальнаго текста; напротивъ, въ старыхъ рукописяхъ и хронографахъ Небольсинъ нашелъ произведенія, которыя казались ему именно первообразами обѣихъ лѣтописей. Въ приложеніи къ своей

книгѣ: „Покореніе Сибири“, онъ напечаталъ въ четырехъ столбцахъ лѣтопись Есипова и Строгоновскую рядомъ съ ихъ первообразами. Это изданіе, очень полезное для будущей критики сибирскихъ лѣтописныхъ текстовъ, конечно, еще не рѣшаетъ вопроса, но оно было хорошимъ началомъ, которое, къ сожалѣнію, еще не имѣло продолженія.

Миллеръ, а потомъ Спасскій, упоминаютъ еще, повидимому, особый разрядъ краткихъ записей, которыя оба они называютъ „простыми лѣтописями“¹⁾; но до сихъ поръ объ этихъ произведеніяхъ, кажется, не было сообщено болѣе точныхъ свѣдѣній. „Простыми лѣтописями“ Миллеръ считалъ, вѣроятно, краткія записи, не представляющія цѣльнаго разсказа и веденныя по отдѣльнымъ мѣстамъ, какъ бы только для личной и мѣстной памяти. Такова, напримѣръ, одна изданная лѣтопись, веденная въ Тобольскѣ, съ 1590 по 1715 годъ²⁾, или лѣтописи Енисейская и Иркутская, о которыхъ упоминаетъ Словцовъ въ „Историческомъ Обзорѣніи Сибири“³⁾, и проч.

Къ источникамъ сибирской исторіи принадлежатъ также старыя описанія географическія. Источникомъ ихъ были главнымъ образомъ отписки служивыхъ людей о своихъ поѣздкахъ и походахъ и доклады въ Москву отъ сибирскихъ властей. Выше мы упоминали, что царскіе посланцы еще съ XVI-го вѣка отпращиваемы были въ среднюю Азію и Китай для собранія свѣдѣній о восточныхъ земляхъ, съ которыми имѣлись въ виду или политическія, или торговыя дѣла. Посланцы подавали о своихъ путешествіяхъ „сказы“, то-есть отчеты, состоящіе, большею частію, изъ голыхъ маршрутовъ, изрѣдка пополняемыхъ краткими свѣдѣніями о видѣнныхъ странахъ, народахъ, ихъ обычаяхъ и о переговорахъ съ ихъ властями. Эти „сказы“ становились руководствомъ для послѣдующихъ путешественниковъ; нерѣдко онѣ выходили за предѣлы приказовъ, списывались, заносились любознательными людьми въ сборники, хронографы, наконецъ послужили матеріаломъ для цѣльныхъ оффиціальныхъ описаній. Такъ, въ извѣстной „Книгѣ

¹⁾ Вотъ, напримѣръ, слова Спасскаго; „Сверхъ того, у нѣкоторыхъ охотниковъ до собранія древностей хранились, а можетъ быть и нинѣ есть, такъ-называемыя простыя лѣтописи, повѣствованія и другіе различные матеріалы для полной сибирской исторіи, болѣе или менѣе уважительные“. „См. Лѣтопись Сибирская“. Сиб. 1821, стр. VII.

²⁾ „Сибирскій лѣтописецъ“, сообщенный извѣстнымъ историкомъ В. Н. Берхомъ въ „Сѣверномъ Архивѣ“ 1826, ч. XIX, стр. 109—139 и 221—251. Это—лѣтописецъ собственно служивый, записывающій назначенія воеводъ, дьяковъ и всякія оффиціальныя извѣстія.

³⁾ Изд. 1836 г., I, стр. XI; II, стр. 302—303.

большому чертежу", нынѣ известная редакція которой относится къ 1627 году, находятся уже довольно подробныя и точныя маршрутныя свѣденія относительно западной Сибири ¹⁾. Въ концѣ XVII-го вѣка составлено было подобное описаніе Сибири: „Списокъ съ чертежа Сибирскія земли“, 1672 г., изданный также Спасскимъ ²⁾. Около 1683 г. составлено было „Описаніе новыя земли, сирѣчь сибирскаго царства“, и пр. Здѣсь разсказано вкратцѣ повореніе Сибири, не совсѣмъ согласно съ лѣтописями Строгоновской и Саввы Есипова, и за известіемъ о смерти Ермака слѣдуетъ географическое описаніе Сибири, или собственно дорожникъ, показывающій разстоянія отъ одного мѣста до другого ³⁾. Далѣе, упомянутый сынъ боярскій Семенъ Ремезовъ, авторъ Тобольской (или Кунгурской) лѣтописи, составилъ въ 1701 году новую „Чертежную книгу Сибири“, на 23 листахъ, гдѣ на первомъ листѣ находится планъ Тобольска, затѣмъ 18 картъ земель, подвѣдомственныхъ сибирскимъ городамъ или острогамъ, отъ Верхотурья и Тобольска до Якутска и Нерчинска, потомъ „Чертежь земли безводной и малоприходной каменной степи“, то-есть степей, прилегающихъ къ Сибири на юго-западѣ, далѣе, сводная карта всей Сибири, подъ названіемъ: „Чертежь всѣхъ сибирскихъ градовъ и земель“; наконецъ, карта Великопермскаго и Печорскаго поморья и карта распредѣленія инородческихъ племенъ ⁴⁾. Наконецъ, мы упоминали выше о путешествіи Спаарія, о книгѣ Новицкаго. Довольно большое количество отписокъ и сказокъ разныхъ посланцевъ къ ханамъ средней Азіи и Монголіи разсыяно по разнымъ историческимъ изданіямъ и до сихъ поръ еще не собрано въ одно цѣлое ⁵⁾.

Статьи о Сибири, правда, краткія, встрѣчаются и въ хронографахъ, которые были въ свое время почти единственными учебными и популярными книгами по исторіи и географіи. Въ „Изборникѣ“, составленномъ Андреемъ Поповымъ изъ хронографовъ, на-

¹⁾ „Книга большому чертежу“ издана была Гр. Спасскимъ; изд. 2-е. Спб. 1838.

²⁾ См. „Временникъ“ Московскаго Общества Исторіи и Древностей, 1849, книга III.

³⁾ „Описаніе... Румянцевскаго Музеума“, Востокова. Спб. 1842, № ССХСІV. Нѣсколько извлеченій изъ этой статьи находится въ приложеніяхъ къ упомянутому нами раньше „Путешествію Спаарія“, въ изданіи Ю. Арсеньева. Спб. 1882.

⁴⁾ Атласъ Ремезова изданъ Археографической комиссіей, 1882.

⁵⁾ Много подобныхъ отписокъ было напечатано Спасскимъ въ „Сибирскомъ Вѣстникѣ“, г. Потанинымъ, Ю. Арсеньевымъ, г. Кобеко и др. Ср. „Географическія свѣденія Книги большого чертежа о Киргизскихъ степяхъ и Туркестанскомъ краѣ“, А. И. Махшеева, въ „Запискахъ Географическаго Общества по отдѣленію этнографіи“, т. VI.

ходятся нѣсколько статей, относящихся въ Сибирь. Напримѣръ, статья „О сибирскомъ царствѣ и о царяхъ того великаго царства“, которая совпадаетъ съ нѣкоторыми отдѣлами лѣтописей Строгоновской и Саввы Есипова ¹⁾; тамъ же статья: „О побѣдѣ на бесерменскаго сибирскаго царя Кучума Муртозелеева и о взятіи сибирскаго царства и о рожденіи царевича Димитрія и о поставленіи града Тоболска и о людехъ ратныхъ, и о разныхъ звѣрехъ и змѣяхъ великихъ и о птицахъ дивныхъ, иже обрѣтаются въ томъ сибирскомъ царствѣ“, гдѣ послѣ краткаго разсказа о завоеваніи Ермакомъ сибирскаго царства сообщаются свѣденія о сибирскихъ народахъ, звѣряхъ, птицахъ и рыбахъ. Наконецъ, статья: „О градѣхъ и рѣкахъ того сибирскаго царства“. Въ старыхъ космографіяхъ, изданныхъ тамъ же А. Поповымъ, находятся двѣ статьи о Сибири, изъ которыхъ одна, въ нѣсколькихъ строкахъ, называетъ Сибирь царствомъ „звѣрообразныхъ людей“, другая курьезна по сказочнымъ подробностямъ о сѣверныхъ сибирскихъ народахъ ²⁾.

Однимъ изъ основныхъ источниковъ для сибирской исторіи остаются акты — современныя официальные бумаги, правительственныя распоряженія, отчеты и т. п., масса которыхъ уже была собрана въ XVIII столѣтіи и остается еще до сихъ поръ несобранной въ сибирскихъ архивахъ и въ центральныхъ архивахъ въ Петербургѣ и Москвѣ. Не перечисляя здѣсь ихъ изданій, мы будемъ имѣть случай упоминать о нихъ при дальнѣйшемъ пересмотрѣ собственно исторической литературы о Сибири.

Во главѣ научной разработки сибирской исторіи стоитъ имя знаменитаго Герарда-Фридриха Миллера (1705—1783), о которомъ намъ случалось уже много разъ говорить. Его называютъ отцомъ сибирской исторіи, и совершенно справедливо: никто съ тѣхъ поръ и до нынѣ—кромѣ развѣ Спасскаго—не положилъ такого труда на собраніе матеріаловъ по исторіи этого края, гдѣ Миллеръ странствовалъ въ теченіе десяти лѣтъ (1733—1743), большею частію вмѣстѣ съ Гмелинымъ, и гдѣ онъ занимался разборомъ сибирскихъ архивовъ и собираніемъ всякихъ свѣденій о сибирской старинѣ, современномъ бытѣ, инородцахъ и т. д. Самъ Миллеръ въ своихъ сочиненіяхъ утилизировалъ только немногое изъ собраннаго имъ матеріала; о цѣнности и обилии этого матеріала можно судить по тому, что въ прошломъ столѣтіи большая

¹⁾ Ср. „Изборникъ“, Москва, 1869, стр. 398 и слѣд.; ср. „Лѣтопись Сибирскую“, Спасскаго, стр. 28 и слѣд.; „Покореніе Сибири“, Небольсина, приложение, стр. 10 и д.

²⁾ „Изборникъ“, стр. 466, 528—529.

масса его вошла въ „Древнюю Библіотеку“ Новикова, а долго спустя этотъ матеріалъ послужилъ для изданія археографической комиссіи, и въ послѣдній разъ изъ него почерпнуто было содержаніе специальныхъ сборниковъ, изданныхъ археографической комиссіей въ 1880-хъ годахъ, черезъ полтора года лѣтъ послѣ того, какъ Миллеръ дѣлалъ свое путешествіе ¹⁾.

Мы не будемъ возвращаться къ путешествію Миллера, о чемъ говорили раньше, и ограничимся указаніемъ того, что въ его ученыхъ трудахъ посвящено Сибири. Наканунѣ своего отъѣзда, въ 1732, Миллеръ началъ изданіе, посвященное вообще различнымъ предметамъ русской исторіи и гдѣ потомъ появились его многія работы о Сибири ²⁾. Путешествіе надолго прервало это изданіе, которое было возобновлено Миллеромъ уже въ 1758 году. По возвращеніи, Миллеръ, кромѣ разныхъ другихъ работъ, занялся составленіемъ сибирской исторіи. Книга печаталась уже съ 1748 года и вышла въ свѣтъ въ 1750 году, на русскомъ языкѣ ³⁾. Книга Миллера была первымъ правильнымъ научнымъ трудомъ по сибирской исторіи: онъ приступилъ къ нему, хорошо подготовившись, и въ то время не было другого чловека, который бы такъ хорошо владѣлъ всѣми относящимися къ предмету источниками. Въ предисловіи, которое составлено было не Миллеромъ, а академической канцеляріей, объясняется, какіе матеріалы имѣлъ авторъ для своего руководства: по указу правительствующаго сената, автору „позволено было сибирскіе архивы по волѣ разсматривать“ и выписывать изъ нихъ „принадлежація

¹⁾ О трудахъ Миллера въ Сибири см. въ Ист. Академіи Наукъ, I, стр. 321—335, 366 и др.

²⁾ G. Fr. Müller, *Sammlung russischer Geschichte*. St.-Pet. 1732—64, 9 томовъ. Десятый дополнительный томъ былъ изданъ Эверсомъ и Энгельгардтомъ. Dorpat, 1816.

³⁾ Мы пользовались вторымъ изданіемъ: „Описаніе сибирскаго царства и всѣхъ происшедшихъ въ немъ дѣлъ отъ начала, а особливо отъ покоренія его Россійской державѣ по сія времена; сочинено Герардомъ Фридрихомъ Миллеромъ, историографомъ и профессоромъ университета Академіи Наукъ и соіетета Англицкаго членомъ. Книга первая. Вторымъ тисненіемъ“. Сиб. 1787, 4°. Эта единственная вышедшая отдѣльно книга сочиненія Миллера заключаетъ слѣдующія главы: I) Извѣстіе о древнихъ приключеніяхъ прежде Россійскаго владѣнія; II) О изобрѣтеніи (т.-е. открытіи) Сибири и о приведеніи оной подъ Россійскую державу донскими казаками; III) О принятіи сибирской земли подъ Россійскую державу; IV) О строеніи городовъ Тюмени, Тобольска, Лозы, Пелыма, Березова, Сургута, Тары и о совершенномъ прогнаніи Хана Кучума изъ Сибири; V) О строеніи городовъ и остроговъ Нарыма, Кецаго, Вержхотурья, Туринска, Мангарыи, Томска и Кузнецка съ нѣкоторыми до сихъ мѣстъ касающимися прежнихъ временъ приключеніями“. О нѣмецкомъ изданіи скажемъ дальше.

къ его намѣренію извѣстія“; кромѣ того, нѣкоторые „приватныя персоны“, а особливо бароны Строгоновы, благосклонно сообщали ему какъ письменныя, такъ и изустныя извѣстія, и наконецъ, „къ не малому его вспоможенію“, попались ему письменныя сибирскія лѣтописи. Поэтому предисловіе успокоиваетъ читателя относительно достовѣрности этой исторіи: „Сего ради благосклонный читатель ни мало сумнѣваться не можетъ о достовѣрности сего описанія, тѣмъ напротивъ, что сочинителю, который кромѣ того *не имѣетъ причины инако писать*, какъ только что нашлось въ вышеповазанныхъ достовѣрныхъ извѣстіяхъ, во-первыхъ должно было всячески о истиннѣ стараться; однако-жъ если впредь о чемъ нибудь больше удостовѣренность будетъ, то по приложенному старанію о усмотрѣнныхъ погрѣшностяхъ въ слѣдующемъ томѣ объявлено, а при новомъ изданіи то самое въ текстѣ поправлено быть имѣетъ“.

Эта опасливость объясняется вообще тогдашними взглядами на печать и въ частности тогдашнимъ положеніемъ Миллера въ академіи. Ученый трудъ былъ дѣломъ официальнымъ, и мы раньше имѣли случай замѣчать, что научныя открытія академикомъ считались казенною собственностью и вмѣстѣ канцелярской тайной, съ которой надо было обходиться съ величайшею осторожностью, особливо если дѣло касалось русской исторіи, даже самой отдаленной. Передъ изданіемъ сибирской исторіи (какъ впрочемъ и послѣ) Миллеру пришлось вынести не мало неприятностей по поводу своихъ ученыхъ трудовъ; онъ былъ не въ ладахъ съ партіей, которая правила тогда академическими дѣлами; въ 1749 году поднятъ былъ шумъ по поводу его диссертациі (на латинскомъ языкѣ!) о происхожденіи русскаго народа, которая была сочтена оскорбительной для достоинства російской имперіи; передъ тѣмъ Крекшинъ, извѣстный (плохой) историкъ Петра Великаго, раздраженный неодобрительнымъ отзывомъ Миллера объ его генеалогическихъ трудахъ, подалъ на него доносъ въ сенатъ, что Миллеръ (котораго указаніями самъ Крекшинъ пользовался) дѣлаетъ въ одной изъ своихъ рукописей выписки унизительныя для русскіхъ (древнихъ) великихъ князей. Самое составленіе сибирской исторіи не обошлось для Миллера безъ большихъ неприятностей. Шумахеръ и Тепловъ, правившіе академіей и относившіеся къ Миллеру враждебно, дѣлали ему всякія влязвы, касавшіяся и его чисто ученой работы. Миллеръ осмѣлился, минуя Шумахера, послать прямо въ Москву къ жившему тамъ президенту академіи Разумовскому предисловіе къ своей книгѣ; Шумахеръ сталъ увѣрять Теплова, имѣвшаго влія-

ніе у Разумовскаго, что предисловіе „больше клонится на распространеніе суетной славы“ Миллера, а относительно желанія Миллера напечатать при исторіи двѣ старыя сибирскія лѣтописи—объяснялъ, что Миллеръ „никакого другого намѣренія не имѣеть, какъ свою исторію увеличить и время проводить“, и что „безопаснѣе“ было бы напечатать лѣтописи и грамоты отдѣльно, „показавъ ихъ напередъ въ надлежащемъ мѣстѣ для апробаціи, ибо онны дѣла такія, о которыхъ разсуждать должны *министры или правительствующій сенатъ*“. Дѣло шло о лѣтописяхъ XVI—XVII-го столѣтія: для этого требовалась апробація министровъ и правительствующаго сената!

Получилась, наконецъ, резолюція Разумовскаго, очевидно, продиктованная врагами Миллера и довольно бессмысленная, о которой академическая канцелярія увѣдомила автора исторіи. Президентомъ академіи было усмотрѣно, что хотя, по разсужденію автора, и нужны доказательства для его исторіи, однако въ лѣтописяхъ „находится не малое число лжебасней, чудесь и церковныхъ вещей, которыя никакого имовѣрства не только недостойны, но и противны регламенту академическому, въ которомъ именно запрещается академикамъ и профессорамъ мѣшаться никакимъ образомъ въ дѣла, касающіяся до закона“ (т.-е. до церковныхъ предметовъ). „А хотя же бы что и до закона не касалось, то не разсуждается за пристойно печатать пустыя сказки и лжи, которыя никакого основанія не имѣють“. Академическая канцелярія (безъ сомнѣнія, по полномочію отъ президента) разсуждала, что такой книги печатать нельзя „подъ именемъ будто бы только древности и стараго сложенія, ибо ложь не касается до склада, но до самаго дѣла“; поэтому рѣшили сибирскую лѣтопись „печатаніемъ оставить до того времени, когда она и другія ей подобныя особливо осмотрѣны будутъ и очищены (!) отъ помянутыхъ непристойныхъ сказокъ, происходящихъ отъ излишняго суетвѣрства“, и самое предисловіе, приготовленное Миллеромъ, было „перемѣнено“.

Это первоначальное предисловіе сохранилось въ архивѣ академіи и заключало въ себѣ, между прочимъ, любопытныя соображенія о старыхъ памятникахъ сибирскаго лѣтописанія ¹⁾.

Въ печатномъ предисловіи говорилось дальше, что академію принято намѣреніе напечатать вмѣстѣ „выписанныя изъ сибирскихъ архивъ важнѣйшія достовѣрныя извѣстія, какихъ въ ака-

¹⁾ Исторія Акад. Наукъ, т. I, стр. 352—356. Упомянутый здѣсь Савва Ефимовъ, какъ ми указывали, есть Савва Есиповъ.

демической архивѣ *тридцать восемь книгъ* хранится“, вмѣстѣ съ тобольскимъ лѣтописцемъ и „съ прочими общими сибирскими лѣтописцами“, но предварительно „очистивъ оныя отъ басней, которыя не принадлежать къ самому дѣлу“. Это очищеніе, придуманное, какъ мы видѣли, не Миллеромъ, а академической канцеляріей, конечно, сдѣлало бы изданіе негоднымъ, — да оно и не состоялось.

Этимъ не кончались придирки. Однажды непріатели его въ академической канцеляріи, желая досадить ему, отняли у него чтеніе корректуры, подъ предлогомъ, что онъ ее задерживаетъ: Миллеру приходилось объяснять, что корректурныя поправки ему необходимы вслѣдствіе плохого перевода его книги, и что въ „другихъ странахъ“ такое распоряженіе сочтено было бы весьма несправедливымъ, „потому что вовсе запрещать дѣлать поправки въ корректурахъ, при печатаніи своихъ сочиненій, значило бы дѣйствовать вопреки обычая всѣхъ ученыхъ и всѣхъ типографій, смѣю сказать — вопреки самаго существа дѣла: здѣсь-то пробуждается болѣе вниманіе сочинителя и гораздо болѣе чѣмъ въ предшествовавшихъ работахъ, потому что здѣсь онъ въ послѣдній разъ можетъ поправить свою работу прежде изданія въ свѣтъ. Тому свидѣтели всѣ тѣ, которые привыкли сами поправлять свои сочиненія“.

Нѣкоторые изъ позднѣйшихъ историковъ отзывались иногда нѣсколько свысока о сибирской исторіи Миллера; это очень несправедливо. Каковы бы ни бывали ошибки Миллера въ другихъ вопросахъ русской исторіи, онъ оставался отличнымъ знатокомъ ея, и въ данномъ случаѣ трудъ его былъ тѣмъ болѣе замѣчательнъ, что онъ приступалъ къ предмету совсѣмъ нетронутому, для котораго онъ самъ собралъ первые источники, въ которому впервые приложилъ историческую критику, чтобы разобраться въ массѣ сложныхъ фактовъ и противорѣчивыхъ показаній. Для своего времени Миллеръ съ большимъ успѣхомъ одолѣлъ эти трудности, и его книга была бы вѣроятно еще любопытнѣе, еслибы надъ нимъ не тяготѣла упомянутая невѣжественная, надоедливая опека. Онъ приступалъ къ своему дѣлу съ учеными приемами только-что возникавшей тогда исторической критики. Для первой главы своего сочиненія Миллеръ воспользовался существовавшей тогда литературой о старой исторіи средней Азии, Монголіи и Китая, какъ переводъ исторіи Абульгази, старыя путешествія къ татарамъ (Плано-Карпини и др.), книги тогдашнихъ ориенталистовъ, Пети дела-Круа, Эрбелата, іезуитовъ Гобаля, Сусіета, какъ сочиненія Витзела, Страленберга (въ второму относится крити-

чески), Дюгальда, Иоанна Бернарда Миллера (объ остякахъ) и пр. Въ послѣдующихъ главахъ онъ стоялъ уже на болѣе твердой почвѣ, имѣлъ передъ собою русскія лѣтописи и грамоты; и такъ какъ послѣднія были еще совершенно неизвѣстны въ печати, то онъ въ примѣчаніяхъ приводитъ ихъ цѣликомъ, какъ напримѣръ грамоты къ Строгоновымъ. Близкое собственное знаніе Сибири, внимательное изученіе уцѣлѣвшихъ остатковъ ея старины въ археологическихъ памятникахъ и преданіяхъ, русскихъ и иногородческихъ, составляли для Миллера чрезвычайно важное дополненіе къ его письменнымъ матеріаламъ. Передавая одно сказаніе о до-русскихъ временахъ Сибири, Миллеръ замѣчаетъ: „сію повѣсть еще и нынѣ у тобольскихъ татаръ изустно слышать можно“; въ Красноярскѣ онъ отыскиваетъ „старога человека изъ аринскаго народа, которой... остался одинъ, которой говорилъ еще аринскимъ языкомъ“; въ третьемъ мѣстѣ онъ замѣчаетъ, что такіе-то историческіе факты „у тобольскихъ татаръ нынѣ совсѣмъ изъ памяти вышли“; дальше, „князецъ“ аялинскихъ татаръ рассказываетъ ему, что съ дѣтства помнитъ еще объ идолопоклонствѣ своихъ родителей и всего тамошняго народа и т. д. ¹⁾ Миллеръ осматрѣлъ, конечно, и тѣ мѣстности, гдѣ происходили послѣднія битвы Ермака, развалины города „Сибири“ и т. п. ²⁾ Историческія соображенія побуждали Миллера вообще отдавать предпочтеніе показаніямъ тобольскаго лѣтописца, т.-е. Ремезова, передъ другими, „общими“ или „простыми“ лѣтописями ³⁾; Тобольскій лѣтописецъ, по его мнѣнію, „сочиненъ первымъ писателемъ, что не токмо по письму, но и по находящимся въ немъ рисункамъ довольно явствуетъ“.

Сибирская исторія доведена въ первомъ томѣ книги Миллера до начала XVII столѣтія. Въ концѣ книги прибавлена „краткая хронологическая роспись сибирской исторіи, съ 1499 по 1618 г., и вромѣ того подробный указатель именной, географическій и предметный“.

Продолженію труда Миллера къ сожалѣнію не посчастливилось: первый томъ остался единственнымъ, — между тѣмъ онъ видимо продолжалъ усиленно работать. Въ 1750 году переводились уже на русскій языкъ 7, 8 и 9-ая главы академическимъ переводчикомъ Голубцовымъ, котораго поправлялъ Модерахъ. Въ февралѣ 1751 года Миллеръ представилъ графу Разумовскому

¹⁾ См. стр. 9, 25, 89, 44 и мн. др.

²⁾ Стр. 108, 148 и др.

³⁾ Стр. 109, 142 и др.

7 главъ, которыя должны были войти во вторую часть его сибирской исторіи. Эти главы разсматривались тогда же въ „историческомъ собраніи“ изъ нѣсколькихъ академиковъ, составлявшемъ своего рода академическую цензуру; и гдѣ однимъ изъ членовъ былъ, между прочимъ, Ломоносовъ. Въ концѣ этого года Ломоносовъ, какъ рассказываетъ историкъ академіи наукъ, представлялъ академической канцеляріи, что онъ, при „свидѣтельствovanіи“ сибирской исторіи Миллера, находилъ непристойными подробности автора о пушкарѣ Ворошильѣ и его худыхъ поступкахъ, такъ какъ, по мнѣнію Ломоносова, „весьма неприлично, когда сочинитель довольно другихъ знатныхъ дѣлъ и приключеній имѣть можетъ“... Далѣе, Ломоносову не нравилось даже упоминаніе о построеніи такихъ церквей, которыя потомъ погорѣли, и выраженіе: „праздность всероссійскаго престола“—въ междоцарствіи. Миллеръ сдѣлалъ поправки по замѣчаніямъ Ломоносова. Въ декабрѣ того же 1751 года историческое собраніе одобрило къ печатанію шесть главъ сибирской исторіи (6—11) и сдѣлало распоряженіе объ ихъ печатаніи. Въ 1752 году одобрены были тѣмъ же собраніемъ главы 12—17-ая, и затѣмъ слѣдующія главы до 22-ой включительно велѣно было, за болѣзнію Голубцова, переводить Модераху. Наконецъ, въ февралѣ 1753 года Миллеръ представилъ еще одну главу своего сочиненія, всего 23 главы; но продолженіе книги все-таки не выходило въ свѣтъ, и историкъ академіи не нашелъ этому никакого объясненія въ дѣлахъ академическаго архива ¹⁾).

Изъ этого продолженія сибирской исторіи напечатаны были въ послѣдствіи только отдѣльныя главы—на нѣмецкомъ языкѣ въ „Sammlung russischen Geschichte“, а по-русски въ издававшихся Миллеромъ „Ежемесячныхъ Сочиненіяхъ“. Въ первомъ изъ этихъ изданій помѣщенъ былъ, во-первыхъ, переводъ пяти главъ перваго русскаго тома, а затѣмъ главы 6—10-ая ²⁾; въ „Ежемесячныхъ

¹⁾ Исторія Акад. Наукъ, т. I, стр. 368, 406—408.

²⁾ Sammlung etc., т. VI, выпуски 2—6, 1761—1762; Sibirische Geschichte, Erstes-fünftes Buch, стр. 109—566, и подробный указатель. Здѣсь выпущены тексты царскихъ грамотъ. Далѣе, Sammlung, т. VIII, выпуски 1—5, 1763, Sibirische Geschichte, sechstes-zehntes Buch, стр. 1—458. Содержаніе этихъ книгъ слѣдующее: VI. Различныя происшествія. Постройки разныхъ церквей и монастырей. Основаніе соленой варницы. Начало нѣкоторыхъ слободъ. Обдорскій городокъ и Туруханскъ. Древнѣйшія открытія на рѣкѣ Енисей и на Ледовитомъ морѣ. Восстанія и воинскіе случаи. VII. Дальнѣйшія открытія и завоеванія по рѣкѣ Енисей; объ основаніи остроговъ и городовъ Маковского, Енисейска, Мелесскаго и Красноярска, и о киргизскихъ происшествіяхъ. VIII. Происшествія въ извѣстныхъ уже областяхъ Сибири относительно русскихъ жителей. Перемѣны въ постройкѣ городовъ. Учрежденіе архи-

Сочиненіяхъ“ (1763, октябрь) Миллеръ помѣстилъ краткій обзоръ сибирской исторіи, именно главы 6 и 7-ую; а потомъ (1764, январь—іюнь) помѣстилъ цѣливомъ главы 6, 7 и 8-ую.

Въ тѣхъ же „Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ“, которыя Миллеръ издавалъ съ 1755 года въ теченіе десяти лѣтъ, онъ помѣстилъ еще нѣсколько изслѣдованій, имѣющихъ отношеніе къ Сибири, напримѣръ: „о первыхъ російскихъ путешествіяхъ и посольствахъ въ Китай“; „о торгахъ сибирскихъ“; „изъясненіе сумнительствъ, находящихся при постановленіи границъ между Російскимъ и Китайскимъ государствами 7197 (1689) года“; „о китовой ловлѣ около Камчатки“; „исторія о странахъ, при рѣкѣ Амурѣ лежащихъ, когда оныя состояли подъ російскимъ владѣніемъ“; описанія морскихъ путешествій по Ледовитому и по Восточному морю, съ російской стороны учиненныхъ¹⁾; „извѣстіе о песопномъ золотѣ въ Бухаріи, о чиненныхъ для онаго отправленіяхъ и о строеніи вѣрностей при рѣкѣ Иртышѣ, которыя имена: Омская, Желѣззинская, Ямышевская, Семипалатная и Устькаменогорская“; „извѣстіе о ландкартахъ, касающихся до російскаго государства съ пограничными землями, также и о морскихъ картахъ тѣхъ морей, кои съ Россією граничатъ“; изъясненіе о нѣкоторыхъ древностяхъ, въ могилахъ найденныхъ²⁾ и пр. Эти статьи большею частію появлялись также и на нѣмецкомъ языкѣ въ *Sammlung*, или въ „Магазинѣ“ Бюшинга и другихъ заграничныхъ ученыхъ изданійхъ³⁾.

епископской каведры въ Tobolsk. Основаніе разныхъ монастырей и слободъ. IX. Продолженіе исторіи западной части Сибири относительно происшествій, какія случились съ тамошними туземными и сосѣдними народами, гдѣ особливо говорится о переговорахъ и войнахъ съ князьями семейства хана Кучума и калмыками. X. Событія знатнѣйшаго калмыцкаго княжескаго рода, который подъ именемъ Джуугарскаго всего выше вознесъ свое могущество. Продолженіе происшествій съ князьями изъ рода хана Кучума и съ мелкими калмыцкими тайшами.

¹⁾ Это—рядъ статей (Ежем. Соч. 1758, январь—май, іюнь—ноябрь), который могъ бы составить цѣлую книгу; онъ тогда же явился по-нѣмецки въ *Sammlung russ. Gesch.*, III, 1753, стр. 1—184 (*Nachrichten von Seereisen, und zur See gemachten Entdeckungen, die von Russland aus längst den Küsten des Fismeeeres und auf dem Ostlichen Weltmeere gegen Japon und Amerika geschehen sind. Zur Erläuterung einer bey der Akademie der Wissenschaften verfertigten Landkarte*), и, какъ мы видѣли раньше, это сочиненіе пользовалось большимъ авторитетомъ въ иностранной литературѣ въ вопросѣ о географіи Ледовитаго океана и сѣверной части океана Восточнаго.

²⁾ Именно, найденныхъ въ Сибири и въ Новороссійскомъ краѣ. Статья: *Von den alten Gräbern in Sibirien*, приписанная Миллеру, находится въ *Haigold's (Шлецеръ) Beylagen zum neu veränderten Russland*, 1770, II, стр. 193—208.

³⁾ См. библиографическія указанія въ Исторіи Акад. Наукъ, I, стр. 409 и слѣд. Отгнѣтимъ еще одинъ трудъ Миллера: въ изданіи книги о Камчаткѣ Штеллера (1774),

И этимъ не ограничились труды Миллера о Сибири. Въ декабрѣ 1752 г. онъ представлялъ академической канцеляріи, чтобы академикъ Фишеръ сдѣлалъ сокращеніе изъ сибирской исторіи, доведенной Миллеромъ до 1660 года, и продолжилъ ее до позднѣйшихъ временъ, а самъ Миллеръ могъ бы заняться общими сочиненіями по русской исторіи, географіи и описанію народовъ, а также—описаніемъ своего путешествія и описаніемъ сибирскихъ древностей. Канцелярія и на этотъ разъ отнеслась къ Миллеру враждебно и дерзко. Въ постановленіи ея сказано было, что „уже извѣстно, что Миллеръ много начинаетъ, а ничего къ концу не приводитъ“, что сочиненіе русской и сибирской исторіи и географіи „въ даль отеладываетъ“ (между тѣмъ какъ на дѣлѣ академія не издавала и того, что было уже Миллеромъ написано, и видимо „ни мало не хочетъ сдѣлать когда-нибудь полное описаніе сибирскаго путешествія, которое онъ, однако, давно уже могъ бы сдѣлать и предупредить доктора Гмелина“... Раньше мы упоминали, что появленіе книги Гмелина было принято въ Петербургѣ съ крайнимъ неудовольствіемъ. Канцелярія постановила передать Фишеру составленіе сокращенія изъ сибирской исторіи Миллера, а самого Миллера обязала „подъ штрафомъ“ непременно исполнить обѣщанное въ его представленіи. По докладѣ всего этого президенту академіи Разумовскому, канцелярія предписала Миллеру „немедленно сочинить“ описаніе путешествія, „предпріятого по высочайшему ея императорскаго величества указу“, и представить въ канцелярію; для сочиненія рѣшено было назначить срокъ, и указаны предметы, какихъ онъ долженъ былъ и какихъ не долженъ касаться въ описаніи; ему приказано было, „чтобы ничего во ономъ не писать какъ тою то, что *народу* (?) въ его удовольствію знать потребно“ (описаніе пути, рѣкъ, селъ, городовъ, достопримѣчательностей, промысловъ, фабрикъ и т. п.), а другое было запрещено. „О мелочахъ и о такихъ случаяхъ, которые до ихъ (академиковъ) однихъ, или до ихъ свиты, или до ихъ корреспонденціи съ канцеляріями, съ конторами и съ прочими мѣстами касаются и къ пользѣ *народной* вовсе не принадлежатъ, какъ напр., въ какое время и въ какое мѣсто пріѣхали, днемъ или ночью, лошади устали или нѣтъ; не терпѣли ли они голоду или жажды, когда обѣдали или ужинали, и что ѣли или пили, багажъ остался ли

упомянутомъ нами раньше, помѣщена въ приложеніи статья Миллера: *Geographie und Verfassung von Kamtschatka aus verschiedenen schriftlichen und mündlichen Nachrichten gesammelt zu Jakutzk, 1737*; слѣд. эта статья составлена до изслѣдованій Крашенинникова и Штеллера.

позади или съ ними вмѣстѣ пришелъ, хорошо или худо въ своихъ квартирахъ приняты были; канцеляріи скоро ли ихъ отправляли и скоро ли давали имъ подводы или квартиры, или нѣтъ—вовсе не упоминать ему въ описаніи путешествія, ибо народу въ томъ все равно, учинено ли то или нѣтъ. Такимъ образомъ, читатель не будетъ читать ненадобныхъ вещей, и намѣреніе того, чему бы надлежало быть во многихъ томахъ, въ одной книгѣ совершится“.

Наставленіе, написанное видимо съ намѣреніемъ уколоть, вмѣстѣ съ тѣмъ было, кажется, внушено и раздраженіемъ противъ Гмелина, въ путешествіи котораго, между прочимъ, были именно неприятны многія изъ подобныхъ „мелочей“, рисовавшихъ жизнь и нравы не только съ показной официальной стороны, но и въ ихъ настоящемъ домашнемъ видѣ. Наставленіе преподано было въ февралѣ 1753, и въ томъ же февралѣ Миллеръ, какъ мы упоминали, представилъ 23 главы своей сибирской исторіи для составленія сокращенія ихъ Фишеромъ, а объ описаніи путешествія упоминалъ, что „оное мало не додѣлано, токмо не все переписано на бѣло, а что переписано, то находится у переводчика Голубцева. И ежели, по мнѣнію канцеляріи, надлежитъ изъ онаго описанія что выключить или ко оному что прибавить, то я прошу меня о томъ увѣдомить“¹⁾.

Несмотря на требованія и настоянія, высказанныя канцеляріей съ такою пошлою придирчивостью, сибирская исторія Миллера осталась неизданной повидимому больше чѣмъ на половину; осталось въ рукописи, въ академическомъ архивѣ, и „описание путешествія, которое императорской академіи наукъ нѣкоторые члены въ Сибири имѣли; сочинено Г. Ф. Мюллеромъ“²⁾...

Таковы были труды для Сибири этого замѣчательнаго чловека, о которомъ съ великимъ уваженіемъ говорилъ и такой суровый и требовательный чловекъ, какъ Шлецеръ („въ образѣ

¹⁾ Раньше, въ одномъ донесеніи Миллера отъ октября 1752, упомянуто, что одна часть его путешествій была имъ „внесена въ архиву при конференціи“ еще въ 1746 году. Ист. Акад. I, стр. 366.

²⁾ Ист. Акад. Наукъ, I, стр. 366—368, 427. Къ тому же путешествію, до пріѣзда въ Сибирь, относятся „Наблюденія историческія, географическія и этнографическія“ и проч., писанныя Миллеромъ во время путешествія отъ Твери до Казани въ 1733 году (тамъ же, стр. 424), оставшіяся также въ рукописи; далѣе: „Nachricht von dreuen im Gebiete der Stadt Casan wohnhaften heidnischen Völkern, den Tscheremissen, Tschuwaschen und Wotiaken“ (Samml. R. Gesch., III, 1758—59, стр. 305—412), статья, составленная Миллеромъ во время пребыванія въ Казани въ 1733 и доконченная на пути къ Тобольску; и, наконецъ, много данныхъ, разсѣянныхъ въ другихъ сочиненіяхъ Миллера.

мыслей Миллера, — говорить онъ между прочимъ, — было что-то великое, справедливое, благородное“). Мало похожъ былъ на него другой академикъ, также путешествовавшій въ Сибири и писавшій ея исторію, Іоганнъ Эбергардъ Фишеръ (1697 — 1771). Уроженецъ Вюртемберга, Фишеръ, хорошій латинистъ, вызванъ былъ въ Петербургъ для преподаванія въ академической гимназіи, въ 1733. Когда въ 1738 Миллеръ, утомленный своими странствіями въ Сибири и заболѣвшій, просилъ о разрѣшеніи возвратиться въ Петербургъ и о посылкѣ вмѣсто него адъюнкта, Фишеръ предложилъ свои услуги и отправился въ путь въ концѣ 1739 года. Онъ возвратился изъ Сибири уже въ 1747 году, но объ его путешествіи остались только весьма неблагоприятныя извѣстія. Миллеръ (который все-таки остался въ Сибири до 1743 г.) встрѣтился съ нимъ лишь ненадолго, но Фишера достаточно видѣлъ въ Сибири Гмелинъ, въ письмахъ котораго сохранились о немъ очень странныя свѣденія; „невозможно описать его вспыльчивости, глупости и дурачества, — пишетъ Гмелинъ, — полагаю очень безплодною для академіи посылку его сюда; онъ ничего не дѣлаетъ и даетъ замѣтить, что ничего не хочетъ дѣлать прежде, чѣмъ не получить инструкціи, а въ этой инструкціи должно быть помѣщено не только то, что имѣетъ онъ дѣлать, но также и указаны средства, какъ слѣдуетъ приняться за всякое дѣло“... Гмелину приходилось даже удерживать ученаго путешественника отъ дракъ. Это былъ, повидимому, педантъ, набитый академическою спѣсью, желавшій командовать и озлоблявшійся тѣмъ, что его амбіція не удовлетворялась ¹⁾). Въ Сибири онъ сдѣлался басней; подчиненная ему команда была имъ выводима изъ терпѣнія, и однажды противъ него крикнули даже: „слово и дѣло“, и онъ подпалъ слѣдствію въ Якутскѣ. Въ ученое изслѣдованіе Сибири онъ оказалъ мало удовлетворителенъ. Нельзя вообще не считать страннымъ его выборъ для сибирской экспедиціи; русская исторія не была вовсе его спеціальностью; онъ очень плохо владѣлъ тогда русскимъ языкомъ, такъ что нуждался въ переводчикѣ; и самое дѣло его, кажется, очень мало интересовало. Повидимому, ѣдучи въ Сибирь,

¹⁾ Въ своемъ донесеніи въ академію, по окончаніи путешествія, онъ пожаловался на этотъ недостатокъ почета: „Ежели правду сказать, то чинъ академикова отъ неискusstныхъ и простыхъ оныхъ народовъ ни во что вышнется. Ежели кто изъ нихъ или въ церкви, или въ публичномъ собраніи, или на банкетѣ присутствуетъ, то тотчасъ заобычное оное и употребляемое, однакожъ ненавистное и несносное пошлнть слово: кто онъ таковъ, въ какомъ онъ рангѣ? Сему когда противиться, то ссора и брани; ежели-жъ умолчать и пропустить, то за истину признають“ и т. д. Его рангъ былъ пока еще не важный, а „пропустить“ онъ никакъ не могъ.

онъ ожидать, что ему не будетъ предстоять никакого самостоятельнаго труда; уже на первыхъ порахъ онъ жаловался президенту академіи барону Корфу, что надѣялся быть спутникомъ одного изъ академиковъ (Миллера или Гмелина), а они оба собираются повидать Сибирь; около того же времени Корфъ велѣлъ-было Миллеру отдать всѣ собранные имъ матеріалы назначенному въ Сибирь вмѣсто него Фишеру. Миллеръ, конечно, отказывался сдѣлать это, отзываясь совершенно справедливо, что безъ этихъ бумагъ все его путешествіе останется безплоднымъ — „не упоминая того, что чужая рука въ недовольномъ знаніи російскаго языка симъ нашимъ походнымъ архивомъ съ такою прибылью пользоваться не можетъ“. Самъ Фишеръ вывезъ изъ Сибири очень немного; даже состоявшій при немъ, вовсе не ученый, переписчикъ Линденау собралъ гораздо больше матеріаловъ.

Съ возвращенія своего Фишеръ, кажется, ничего не дѣлалъ по Сибири до тѣхъ поръ, когда въ декабрѣ 1752 года канцелярія постановила, чтобы онъ составилъ сокращенную сибирскую исторію по книгѣ и рукописнымъ матеріаламъ Миллера. Въ 1757 г. Фишеръ окончилъ свою работу, въ слѣдующемъ году канцелярія поручила Голубцову перевести книгу на русскій языкъ, но вышла она только черезъ много лѣтъ ¹⁾.

О трудѣ Фишера выражаются обыкновенно, что онъ *продолжилъ* сибирскую исторію Миллера; но это надо понимать такъ, что у Фишера разсказъ событій поведенъ нѣсколько дальше, чѣмъ въ *первомъ изданномъ томѣ* Миллера, — а самая книга Фишера вовсе не была его самостоятельнымъ трудомъ, но, какъ выше замѣчено, только сокращеніемъ книги Миллера. Русское изданіе отличается отъ нѣмецкаго тѣмъ, что въ первомъ нѣтъ, во-первыхъ, предисловія, имѣющагося въ нѣмецкомъ, гдѣ говорится, что эта сокращенная исторія Сибири составлена, по просьбѣ исторіографа Миллера, изъ матеріаловъ, привезенныхъ послѣднимъ изъ сибирскаго путешествія; во-вторыхъ, нѣтъ подробнаго указателя. Знавшіе трудъ Фишера по русскому изданію состав-

¹⁾ Sibirische Geschichte von der Entdeckung Sibiriens bis auf die Entdeckung dieses Landes durch die russische Waffen, in den Versammlungen der Akademie der Wissenschaften vorgelesen und mit Genehmigung Derselben ans Licht gestellt von I. Eb. Fischer etc. 2 тома, Спб. 1768. Русскій переводъ: „Сибирская исторія съ самаго открытія Сибири до завоеванія сей земли російскимъ оружіемъ, сочиненная на нѣмецкомъ языкѣ и въ собраніи академическомъ читанная“... Иог. Еберг. Фишеромъ. Спб., 1774, 4°. 681 стр. и двѣ карты. Замѣтимъ кстати, что на картѣ, приложенной къ этому сочиненію, Сахалинъ—названный „Шантаръ“ — изображенъ совершенно отчетливо какъ островъ. — Ср. „Воспоминаніе о Сибири“ Б. Струве, „Р. Вѣстн.“, 1888, июль—объ открытіи пролива Невельскимъ.

ляли о немъ понятіе какъ о трудѣ самостоятельномъ, и, слыша по преданію о томъ, что два эти академика не были особенно въ ладахъ, думали даже, что книга Фишера написана „изъ соперничества“ съ Миллеромъ ¹⁾, когда на дѣлѣ первый только сокращалъ послѣдняго. Дѣло въ томъ, что Фишеръ повторилъ всѣ десять изданныхъ главъ (или, въ нѣмецкомъ изданіи, „книгъ“) Миллера. Это наполнило около $\frac{3}{4}$ его сочиненія; остальная $\frac{1}{4}$ взята изъ тѣхъ главъ сочиненія Миллера, которыя остались неизданными, — но неизвѣстно, воспользовался ли Фишеръ всѣми 23 главами сочиненія Миллера, или нѣтъ, и что стало вообще съ подлиннымъ трудомъ послѣдняго ²⁾. Ученые современники, знавшіе о дѣлахъ русской академіи, какъ извѣстный Бюшингъ, приравнивали „Сибирскую Исторію“ Фишера къ настоящему плагиату.

Мы остановились такъ долго на трудахъ Миллера и Фишера потому, что они надолго остались авторитетнымъ источникомъ свѣденій о сибирской исторіи. Можно сказать, что они и до сихъ поръ не замѣнены равносильными сочиненіями. Позднѣе, на сибирской исторіи, собственно только на завоеваніи Сибири, остановился Карамзинъ въ томъ объемѣ, какой допускали рамки его исторіи, и въ томъ риторическомъ тонѣ, какой отличаетъ вообще его изложеніе. Какъ ни странно сказать, но у стариннаго Миллера было гораздо болѣе яснаго пониманія и характера людей, и свойства событій: для него Ермакъ съ его казаками и сибирскіе туземцы, и весь ходъ дѣла, представлялись гораздо проще и реальнѣе, нежели Карамзину. Кромѣ романтической реторики, существенно было то, что Карамзинъ во главѣ своего изложенія поставилъ Строгоновскую лѣтопись и пришелъ къ слѣдующему выводу: „Строгоновы, сіи усердные, знаменитые граждане, истинныя виновники столь важнаго приобрутенія для Россіи, уступили оное государству“ — заключеніе, исторически не доказанное и которое, вмѣстѣ съ болѣе позднимъ трудомъ Устрялова, объ „Именитыхъ людяхъ Строгоновыхъ“, стало предметомъ подробныхъ опроверженій Небольсина.

¹⁾ Такъ говорится объ этомъ въ „Словарѣ“ свѣтскихъ писателей, митр. Евгенія, II, 292, откуда это ошибочное свѣденіе повторено и Шегловымъ, „Хронологическій Перечень“, Иркутскъ, 1883 г., стр. 245—246, 257—288, гдѣ ошибочно показано и время смерти Фишера (книга Пекарскаго осталась Шеглову неизвѣстна). Тѣ же ошибки повторены и въ „Литер. Сборникѣ“ Ядринцева. Сиб., 1885, стр. 479.

²⁾ О Фишерѣ, см. „Ист. Акад. Н.“, I, стр. 328, 366, 617—636.

Послѣдующій ходъ историческихъ изслѣдованій о Сибири, какъ уже близкій къ намъ, мы расскажемъ вкратцѣ.

Въ новѣйшее время наиболѣе заслуженнымъ дѣятелемъ по исторіи Сибири былъ Гр. Ив. Спасскій; горный инженеръ по специальности, онъ близко изучилъ Сибирь и посвятилъ ей многолѣтніе литературные труды. Съ 1818 до 1825 г. онъ издавалъ „Сибирскій Вѣстникъ“ и потомъ „Азіатскій Вѣстникъ“, до сихъ поръ сохраняющіе свою цѣнность по обильнымъ матеріаламъ для исторіи и описанія Сибири. Каждая книжка „Сибирскаго Вѣстника“ заключала что-нибудь цѣнное. Спасскій печаталъ старыя лѣтописи и другіе памятники сибирской исторіи; описанія мѣстныхъ древностей; путешествія по разнымъ краямъ Сибири, съ подробными описаніями поселеній, свѣденіями по естественной исторіи, съ обозначеніемъ мѣстныхъ промысловъ, народнаго быта и т. п.; рассказы о сибирскихъ нравахъ и обычаяхъ; помѣщалъ статьи о сибирскихъ инородцахъ, описанія сосѣднихъ азіатскихъ земель. Такъ, мы упоминали выше, что въ „Сибирскомъ Вѣстникѣ“ и отдѣльно были имъ напечатаны лѣтописи Строгоновская и Саввы Есипова, и отрывки изъ лѣтописи Черепанова, путешествіе въ Китай казака Петлина въ 1620 году, другое путешествіе туда же боярскаго сына Байкова въ 1654—1658 году и т. д. По своей горной службѣ Спасскій самъ много путешествовалъ по Сибири и далъ потомъ нѣсколько подобныхъ описаній ¹⁾, сосредоточивая въ своемъ изданіи труды лицъ, которые въ то время работали для описанія Сибири и сопредѣльныхъ ей земель; напр. онъ напечаталъ путешествія Геденштрома и Санникова по Ледовитому океану, описаніе Байкала и т. п. ²⁾. Рядъ статей посвященъ быту сибирскихъ инородцевъ ³⁾. Особенно много мѣста дано свѣденіямъ о земляхъ и народахъ, сопредѣльныхъ Сибири, — между прочимъ о старо-русскихъ сношеніяхъ съ ними ⁴⁾.

¹⁾ Укажемъ, напримѣръ: „Путешествіе на Тигирецкіе бѣлки“ (сѣвныя горы, „Сиб. Вѣстникъ“, ч. I; „Путешествіе по южнымъ Алтайскимъ горамъ въ 1809 году“ ч. III, IV, и примѣчанія къ этимъ путешествіямъ, г. VIII.

²⁾ Путешествіе Геденштрома (по Ледовитому морю, въ 1808—1809 г.), „Сиб. Вѣстн.“, ч. XVII—XIX, 1822 г.; „Путешествіе геодезиста Пшеницына и промышленника Санникова по островамъ Ледовитаго моря“, ч. XX; „Описаніе Байкала“, ч. XIII.

³⁾ „Народы, кочующіе въ верху рѣки Енисея“, ч. I, II, V; „Киргизъ-кайсаки большой, средней и малой орды“ (по запискамъ капитана Андреева, съ дополненіями обербергтаутмана П. К. Фролова и самого Спасскаго), ч. IX—X; „Забайкальскіе тунгусы“, ч. XVIII—XX, и проч.

⁴⁾ Напр. „Обозрѣніе Монголіи“, ч. V—VI, сочиненіе А. В. Игумнова, который, по словамъ Спасскаго, „съ давняго времени упражнялся въ восточныхъ языкахъ“;

Между прочимъ Спасскій помѣстилъ нѣсколько переводовъ изъ иностранныхъ книгъ и матеріаловъ, относящихся къ Сибири. Таѣе, онъ издалъ, съ переводомъ, одну латинскую рукопись, неизвѣстнаго иноземнаго автора, прожившаго долго въ Сибири во второй половинѣ XVII-го вѣка ¹⁾; переписку Линнея, Лансмана и Шлецера о Сибири, съ примѣчаніями самого издателя (ч. IX—X); переводы съ китайскаго ²⁾ и пр. Наконецъ, Спасскій старательно собиралъ свѣденія о до-русскихъ и первобытныхъ сибирскихъ древностяхъ; ему принадлежатъ почти всѣ статьи объ этомъ предметѣ ³⁾.

въ 1818 году Игумновъ жилъ въ Верхнеудинскѣ и оканчивалъ тогда монголо-россійскій словарь, составлявшійся имъ съ 1788 года. Отецъ его былъ переводчикомъ монгольскаго и манджурскаго языка, и самъ онъ прежде былъ также переводчикомъ въ Петербургѣ и при духовной миссіи въ Пекинѣ.—„Путешествіе отъ Сибирской линіи до города Бухары въ 1794 и обратно въ 1795 году“ (выбрано изъ записокъ Тим. Степ. Бурнашева, горнаго чиновника), ч. II—III.—„Путешествіе отъ Сибирской линіи до Ташкента и обратно въ 1800 году“.—Выбрано изъ бумагъ Бурнашева и Поспѣлова и дополнено свѣденіями самого издателя. Путешествіе сдѣлано было „по ревности“ русскаго правительства „къ познанію тамошней страны“. Путь лежалъ тогда „черезъ степь, обитаемую киргизъ-кайсаками, которые подобно варварійскимъ морскимъ разбойникамъ не уважаютъ никакими правами человѣчества, и гдѣ свобода и самая жизнь, особенно людей различнаго съ ними закона (т.-е. вѣри), находится во всегданней опасности“ — почему сдѣлано было предварительное сношеніе съ однимъ изъ наиболѣе вліятельныхъ киргизскихъ султановъ. Ч. IV.—„Извлеченіе изъ описанія экспедиціи, бывшей въ киргизскую степь въ 1816 г.“, И. П. Шангина, ч. IX, XI.—Отрывокъ изъ путешествія въ Бухарію въ 1820 и 1821 годахъ, ч. XVIII.—Дневникъ записки переводчика Путимцева въ проѣздѣ его отъ Бухтарминской крѣпости до китайскаго города Кульджи и обратно, въ 1811 году, ч. VII—VIII.

¹⁾ „Сиб. Вѣстникъ“, ч. XVII—XVIII. Тогда же вышло и отдѣльное изданіе: „Повѣствованіе Сибири. Латинская рукопись XVII столѣтія, изданная съ руссійскимъ переводомъ и примѣчаніями Григоріемъ Спасскимъ, С.-Пет. акад. наукъ корреспондентомъ и разныхъ ученыхъ обществъ членомъ“. Спб., 1822 г., 4°, VIII и 48 стр. Впослѣдствіи часть этого текста напечатана, съ новымъ переводомъ, Небольсинъ въ „Покореніи Сибири“, приложеніе, стр. 89—99.

²⁾ О переходѣ тургутовъ въ Россію и обратномъ ихъ удаленіи изъ Россіи въ Зюнгарию, переводъ съ китайскаго С. В. Липовцова, ч. XII.

³⁾ О древнихъ сибирскихъ начертаніяхъ и надписяхъ, ч. I; О сибирскихъ древнихъ курганахъ, ч. II; О древнихъ развалинахъ въ Сибири, ч. III; Памятники древности въ Сибири сѣверной и восточной, ч. IV; О чудскихъ коняхъ въ Сибири (съ рисунками древнихъ горныхъ орудій), ч. VII, и т. д. Потомъ: О забайкальскихъ достопримѣчательностяхъ, ст. Словцова, ч. XV, перепечат. изъ „Казанскаго Вѣстника“, 1821 г.); Письмо къ издателю извѣстнаго А. Н. Оленина о мнимомъ портретѣ Ермака, приложенномъ Спасскимъ къ первой книжкѣ „Сиб. Вѣстника“ и къ изданію Строгоновской лѣтониси: Оленинъ доказывалъ, что это изображеніе не имѣетъ съ Ермакомъ ничего общаго и представляетъ просто какаго-то западно-европейскаго рыцаря XV—XVI вѣка; настоящій портретъ Ермака надо считать несуществующимъ, а взаимѣнъ ходячаго мнимаго портрета Оленинъ предложилъ рисунокъ, который мо-

Приведенныхъ указаній достаточно, чтобы дать понятіе о характерѣ изданія; послѣ онъ издавалъ еще нѣсколько времени другой журналъ ¹⁾, но затѣмъ, отвлеченный другими работами, только изрѣдка обращался къ сибирскимъ изученіямъ, принявъ между прочимъ участіе въ изданіяхъ Географическаго Общества ²⁾. Его труды обращались потомъ, кромѣ его специальности ³⁾, къ русской старинѣ и наконецъ къ древностямъ южной Россіи. Ему принадлежитъ извѣстное изданіе „Книги Большому Чертежу“, а послѣдніе годы своей жизни, проведенные въ Одессѣ, онъ посвящалъ особливо изученію древностей Черноморскаго края ⁴⁾. Спасскій умеръ въ 1864 году ⁵⁾.

Послѣ Спасекаго самымъ крупнымъ писателемъ по сибирской исторіи является Петръ Андр. Словоцовъ (1767—1843), о біографіи котораго мы имѣли недавно случай говорить по поводу новаго изданія книги, главнымъ образомъ составившей его извѣстность ⁶⁾. Біографія его остается нѣсколько темна. Пермскій уроженецъ, учившійся въ тобольской семинаріи, потомъ въ петербургской духовной академіи, гдѣ его товарищемъ и другомъ былъ Сперанскій, онъ былъ потомъ учителемъ въ тобольской семинаріи; по тогдашнему обычаю ему приходилось говорить проповѣди, и за одну изъ нихъ онъ былъ заподозрѣнъ въ политиче-

—
 жезъ, по крайней мѣрѣ, дать понятіе о вѣншемъ вооруженіи завоевателя Сибири; рисунокъ сдѣланъ, видимо, по указаніямъ Оленина, на основаніи упомянутой выше иллюстрированной Ремезовской лѣтописи; рисунокъ (подписанный „К. Брюло“) вмѣстѣ со статьею Оленина помѣщенъ въ XIV-й части „Сиб. Вѣстника“, 1821 г.

1) „Азіатскій Вѣстникъ“, содержащій въ себѣ избранныя сочиненія и переводы по части наукъ, искусствъ и словесности странъ Востока, равно путешествія по нимъ странамъ, и разныя новѣйшія свѣдѣнія“, 6 частей. Сиб. 1825—27.

2) Выше упомянуто изданіе „Списка съ чертежа Сибирскія земли“, 1672 г., во „Временникѣ“ Моск. Общества Ист. и Др., 1849, кн. III, и „Сказанія о великой рѣкѣ Амурѣ“, въ „Вѣстникѣ“ Геогр. Общ. 1858, № 2; затѣмъ имъ были написаны „Очерки изъ быта нѣкоторыхъ сибирскихъ инородцевъ“, тамъ же, 1857, кн. XIX, отд. II.

3) Горный Словарь, 3 т. М. 1841—43.

4) Босфоръ Киммерійскій, съ его древностями и достопамятностями. Гр. Спасекаго. М. 1846; Археолого-нумизматическій сборникъ, содержащій въ себѣ сочиненія и переводы относительно Тавриды вообще и Босфора Киммерійскаго частно. М. 1850.

5) „Отчетъ“ Географич. Общества за 1859 годъ похоронилъ-было его въ этомъ году, смѣшавъ его съ умершимъ тогда профессоромъ физики Спасскимъ; ошибку указалъ П. Халаскій въ „Сѣв. Пчелѣ“ 1860, № 220; затѣмъ некрологъ Гр. Ив. Спасекаго, въ той же газетѣ 1866, № 107.

6) Историческое обозрѣніе Сибири. Петра Словоцова. Книга I, съ 1585 до 1742 г. Москва, 1838. Книга II, съ 1742 по 1823 г. Сиб. 1844. 2-е изд. Сиб. 1886, въ одномъ томѣ. „Вѣстн. Европн“, 1886, ноябрь, стр. 423—428.

ской неблагонадежности, по донесеніи въ Петербургъ былъ арестованъ, допрошенъ у Шешковскаго и сосланъ на Валаамъ; наконецъ, по заступничеству митрополита былъ возвращенъ въ Петербургъ, получилъ мѣсто въ петербургской семинаріи, гдѣ префектомъ былъ другъ его Сперанскій; потомъ поступилъ въ свѣтскую службу и шелъ хорошо, когда случилась съ нимъ новая бѣда—онъ подвергся обвиненію въ лихоимствѣ (1808 г.), былъ переведенъ на службу въ Сибирь и уже только подъ конецъ жизни получилъ разрѣшеніе служить въ Россіи, когда уже не могъ этимъ воспользоваться.

Проповѣдь (изданная въ послѣднее время въ качествѣ историческаго матеріала), за которую Словцовъ подвергся первому преслѣдованію, могла дѣйствительно броситься въ глаза, и хотя странно было дѣлать изъ нея вопросъ о политической злонамѣренности автора и возить проповѣдника—въ запертой каретѣ отъ Тобольска до Петербурга—для допросовъ и ссылки на Валаамъ, но въ литературномъ отношеніи она, пожалуй, заслуживала положенной на нее рецензіи ¹⁾).

Живя на покоѣ, по окончаніи службы, Словцовъ послѣднія тринадцать лѣтъ своей жизни посвятилъ своему историческому труду; но уже и раньше въ печати появлялись его статьи и корреспонденціи изъ Сибири, особливо въ „Московскомъ Телеграфѣ“ Полевого ²⁾). Историческая книга Словцова ставится очень высоко его соотечественниками. Еще недавно сдѣланъ былъ о ней слѣдующій отзывъ: „Сочиненіе Словцова составляетъ эпоху въ сибирской исторической наукѣ. Въ „Историческомъ Обзорѣніи Сибири“ въ первый разъ въ художественной формѣ и согласно съ научными требованіями была передана повѣсть о прошлыхъ судьбахъ сибирской окраины. Словцовъ принадлежитъ къ типу историковъ-художниковъ... Словцова, съ этой точки зрѣнія, можно назвать сибирскимъ Карамзинымъ, хотя послѣднему онъ значительно уступаетъ въ эрудиціи; это, однако, много зависѣло отъ условій, среди которыхъ Словцову приходилось писать свой трудъ. Словцовъ занимался своимъ сочиненіемъ, живя въ Сибири; поэтому онъ не могъ пользоваться всѣми нужными

¹⁾ „Почтеніе это недостойно церковной кафедры. Это есть мечта ума, бредящаго будто сквозь сонъ, кидающагося то къ вѣрѣ, то къ суетудрію, и всегда старающагося прикрыться темнотою рѣчи, чтобы не была замѣчена пустота его“.

²⁾ „Письма изъ Сибири“, „Моск. Телеграфъ“, 1828, XII, стр. 500—508; 1830, III, 289—313; V, 3—24. „Тобольскъ“, тамъ же 1831, XIII, стр. 3—32; XIV, стр. 145—181. Выше упомянуто о его статьѣ въ „Казанскомъ Вѣстникѣ“. Отдѣльно вышла книжка: „Прогулка вокругъ Тобольска, въ 1830 году“. М. 1834.

ему пособиями. „Получая книги изъ столицы, для мелочныхъ иногда справокъ, чрезъ полгода и болѣе, я нерѣдко винилъ себя за предпріятіе историческое“ — такъ заявлялъ самъ Словцовъ“ ...¹⁾ Съ другой стороны, однако, онъ, въ качествѣ сибирскаго историка, имѣлъ то преимущество, что ему открыта была возможность собрать мѣстные свѣденія и видѣть всѣ мѣстныя условія.

Сравненіе съ Карамзинымъ очень рискованное. Принимаемъ въ соображеніе всю разницу въ объемѣ ихъ историческаго горизонта и связанную съ этимъ разницу въ объемѣ необходимыхъ изслѣдованій; но есть громадная разница и въ манерѣ, въ приѣмѣ изложенія. Сколько бы ни упрекали Карамзина въ излишествахъ риторики, это была черта, отвѣчавшая его особенному патриотическому настроенію, притомъ искони приросшая къ его *дарованію*, и въ этомъ смыслѣ естественная, съ которой можно мириться тѣмъ болѣе, что самая мысль всегда отличается ясностью и простотой, а изложеніе — изяществомъ, хотя и манернымъ. Ничего этого именно нѣтъ, или встрѣчается только рѣдко у Словцова: онъ хотѣлъ быть „историкомъ-художникомъ“, но всего чаще онъ — натянутый риторъ, и новѣйшій биографъ справедливо замѣчалъ, что въ трудахъ Словцова „въ высшей степени отразилась система риторически-семинарскаго преподаванія: каждое изъ его сочиненій написано высокимъ слогомъ по всѣмъ правиламъ тогдашней риторики. Преобладаніе внѣшней, такъ сказать, отдѣлки въ нѣкоторыхъ случаяхъ, даже часто, служить ущербомъ самому смыслу рѣчи“²⁾... Эти свойства его стиля, наконецъ, способны раздражить читателя, особливо новѣйшаго, который совсѣмъ отвыкъ отъ старинной риторики. Словцовъ ничего не скажетъ проста; напротивъ, онъ старается обыкновенно придумать фигурный, необычный оборотъ, изысканное уподобленіе и т. п. Отсутствие простоты сказалось и на распорядкѣ самого содержанія: это — не простой послѣдовательный рассказъ, а часто

¹⁾ „Литературный Сборникъ“, Ядринцева, Сиб. 1886, стр. 481.

²⁾ См. „Историч. Обзоріе Сибири“, изд. 1886, предисловіе, стр. 20. Примѣромъ его стиля могутъ послужить первыя строки его исторіи: „Наслѣдство, какое намъ досталось отъ Ермака, есть мраморная пирамида, да память благочестиваго ощущеванія и воздержанія двухъ нравственныхъ навъ, въ которыя, при наступившихъ предпріятіяхъ сомнительной развязки, не разъ онъ одумывался и жилъ съ друзьями по христіански. Да! благоговѣность и чистота суть преимущества вождей, свѣше благословляемыхъ, начиная съ Навина вдохновеннаго до Суворова непостыгутаго, вѣчные символы душевной доблести, какой иначе нельзя бы ни повать, ни изъяснить, при взглядахъ на удивительныя дѣла Ермака Тимофѣевича. Эти два гіероглифа духа его, какъ дѣя Царскія вольчуги, можно бы символически вытесать въ качествѣ барельефовъ на гранитномъ подножіи Тобольской пирамиды“ и т. д.

рядъ историческихъ соображеній, гдѣ авторъ, еще не излагая простыхъ фактовъ, даетъ выводы, и въ результатѣ получается нѣчто неясное для обыкновеннаго, непрigотовленнаго раньше читателя. Этотъ недостатокъ тѣмъ больше неприятенъ въ книгѣ Словцова, что послѣдній дѣйствительно владѣлъ большими свѣденіями о своемъ предметѣ.

Послѣ Словцова не было, до сихъ поръ (за однимъ небольшимъ исключеніемъ), писателя, который поставилъ бы себѣ задачей цѣльное изложеніе сибирской исторіи. Одна изъ причинъ этого—возрастающая трудность самой задачи: обильное накопленіе матеріала и гораздо большая, чѣмъ когда-нибудь прежде, сложность вопросовъ, которые ставятъ себѣ теперь историческое изслѣдованіе.

Въ ряду этихъ матеріаловъ стоятъ, во-первыхъ, довольно многочисленныя описанія различныхъ мѣстностей Сибири. Незначительныя попытки этого рода дѣлались еще въ XVIII столѣтіи; гораздо болѣе важныя труды начинаются въ нынѣшнемъ столѣтіи. Таковы, напримѣръ, нѣсколько книгъ, составленныхъ лицами, принадлежавшими къ самой сибирской администраціи. Историки Сибири до послѣдняго времени вспоминали о подобной старой книжкѣ Семивскаго ¹⁾: въ ней собраны свѣденія историческія, географическія и другія описательныя указанія, карты, планы, рисунки, и въ „примѣчаніяхъ“ (стр. 15—26) приведенъ даже небольшой сборникъ областныхъ простонародныхъ словъ. Въ двадцатыхъ годахъ и послѣ вышло нѣсколько книжекъ сенатора Корнилова, нѣкогда бывшаго сначала иркутскимъ, потомъ тобольскимъ губернаторомъ ²⁾,—въ которыхъ, впрочемъ, гораздо больше мѣста занимаютъ административныя соображенія, чѣмъ описательныя факты. Далѣе, не лишены интереса записки также

¹⁾ „Новѣйшія любопытныя и достовѣрныя повѣствованія о Восточной Сибири, изъ чего многое дониндѣ не было всѣмъ извѣстно. Напечатаны по Высоч. повелѣнію отъ безпримѣрныхъ щедротъ Всемилостивѣйшаго Государя Императора“. Составилъ коллежскій совѣтникъ Семивскій (Николай Вас.). Слб., 1817. Ср. о ней замѣчаніе Словцова, „Истор. Обзорніе“, 1886, стр. X.

²⁾ „Замѣчанія о Сибири“, сенатора Корнилова. Слб., 1828. X и 104 стр., 8°, съ картой, отчасти этнографической. Затѣмъ издано было: „Прибавленіе къ замѣчаніямъ о Сибири“ сенатора Корнилова. Слб., 1829, стр. 109—186, съ двумя картами, и: „Присовокупленіе къ замѣчаніямъ о Сибири“ сенатора Корнилова. Слб., 1835, 20 стр. Этотъ Корниловъ былъ, разумеется, Корниловъ, но онъ измѣнилъ написаніе своей фамиліи, вѣроятно по нерѣдкой тогда и послѣ модѣ переименовывать правописаніе, чтобы отличить свое высокопоставленное имя отъ какихъ-нибудь простыхъ Корниловыхъ.

бывшаго губернатора Пестова объ енисейской губерніи ¹⁾ и записки другого губернатора, Степанова ²⁾, въ свое время извѣстнаго романиста. Не будемъ перечислять другихъ описаній, въ которыхъ разсѣяны иногда немаловажныя свѣденія о разныхъ сторонахъ сибирской жизни ³⁾. Съ сороковыхъ годовъ подобные труды совершаются въ особенности въ связи съ дѣятельностью Географическаго Общества и его двухъ Сибирскихъ Отдѣловъ. Изъ множества частныхъ описательныхъ работъ этого времени укажемъ еще труды Н. А. Абрамова (ум. 1870 г.), сибирскаго уроженца, съ тридцатыхъ годовъ служившаго по учебной части, съ пятидесятихъ — по гражданскому управленію въ западной Сибири и оставившаго множество отдѣльныхъ работъ по сибирской старинѣ, исторіи, географическому описанію и метеорологіи ⁴⁾; далѣе — обширное и многостороннее описаніе енисейскаго края, г. Кривошапкина ⁵⁾, „Описаніе Западной Сибири“ Ипполита Завалишина (М., 1862, два тома), „Иркутскъ и Иркутская губернія“, М. Загоскина (1870), и т. д.

Довольно давно стали появляться въ литературѣ статистическія извѣстія о Сибири. Самой старою была, кажется, работа, сдѣланная въ 1789 г. землемѣрами Восточной Сибири и изданная въ „Древней Росс. Вивліоникѣ“ Новикова. Съ начала нынѣшняго столѣтія издано было нѣсколько официальныхъ статистическихъ работъ, изъ которыхъ наиболѣе богатою и обстоятельно за прежнее время была обширная книга Гатемейстера ⁶⁾.

¹⁾ „Записки объ Енисейской губерніи Восточной Сибири, 1831 года, составлены стат. совѣтн. И. Пестовымъ“. М., 1833. 297 и X стр., съ картой, планами городовъ и рисунками.

²⁾ „Енисейская губернія“, А. П. Степанова. Спб., 1835.

³⁾ Назовемъ, на примѣръ: „О Томской губерніи и о населеніи большой сибирской дороги до иркутской границы“; соч. Василія Хвостова. Спб., 1809.—„Письма о Восточной Сибири“, соч. Алексѣя Мартоса. М., 1827.—„Поездка въ Якутскъ“, изд. Н. (Шукина). Спб. 1838; изд. 2-е. Спб. 1844.—„Поездка въ Забайкальскій край“, В. Поршина. 2 части. М., 1844.—О любопытной книжкѣ Екатерины Авдѣевой скажемъ далѣе.

⁴⁾ „Биографія Николая Алексѣевича Абрамова“. Тобольскъ, 1870, 102 стр., 16¢; „Отчетъ“ Географ. Общества за 1870“, стр. 8—10.

⁵⁾ „Енисейскій округъ и его живнъ“. Сочиненіе М. Ѡ. Кривошапкина (издано Геогр. Общ., на издвненіе В. А. Кокорева). Спб., 1865, больш. 8°, два тома; V, 378, 188, 68, таблицы и карты.

⁶⁾ „Статистическое обозрѣніе Сибири, составленное на основаніи свѣденій, черпнутыхъ изъ актовъ правительства и другихъ достовѣрныхъ источниковъ“. Спб., 1810. (Разборъ этой книги въ „Сиб. Вѣстникѣ“, 1820, ч. XI—XII).—„Статистическое изображеніе городовъ и посадовъ Росс. имперіи по 1825 г., составленное изъ официальныхъ свѣденій, подъ руководствомъ директора департ. полиціи исполни-

Это—очень подробное и обстоятельное описаніе Сибири и внѣшняго быта ея населенія: первый томъ занятъ географическимъ и естественно-историческимъ описаніемъ Сибири—плоскость и возвышенность; воды; мѣстность и почва (долины Оби и Иртыша, Киргизская степь, Алтай, бассейны рѣкъ Енисея, Амура, Лены); климатъ; произведенія Сибири (ископаемыя, царство растительное, животныя); второй томъ посвященъ народонаселенію, статистическому описанію мѣстъ жительства у племенъ кочевыхъ и бродячихъ и населенія осѣдлаго, и городовъ; далѣе,—промысламъ всякаго рода, торговлѣ внѣшней и внутренней и путямъ сообщенія; въ третьемъ томѣ излагается управление Сибири, измѣненія, происходившія въ разное время въ его устройствѣ, и его состояніе въ 1850 г.; далѣе,—статистическія свѣденія о дѣлопроизводствѣ, разнаго рода доходахъ и повинностяхъ, о состояніи различныхъ отдѣльныхъ управленій Географическія описанія весьма точны по тогдашнему состоянію этихъ свѣденій; въ описаніи народонаселенія приведены историческія данныя о различныхъ разрядахъ населенія русскаго и инородческаго, описанія ихъ быта. Статистическій отдѣлъ, кромѣ множества отдѣльныхъ цифръ въ текстѣ, представляетъ длинный рядъ таблицъ: о числѣ народонаселенія Сибири по отчетамъ губернаторовъ по 7-й, 8-й и 9-й ревизіямъ, согласно отчетамъ казенныхъ палатъ о родившихся и умершихъ; о состояніи городовъ; о числѣ сосланныхъ въ Сибирь; о количествѣ и цѣнѣ пушного товара; о количествѣ металловъ, добытыхъ на Алтайскихъ и Нерчинскихъ заводахъ; о торговомъ движеніи; о судоходствѣ и т. д. Цифры по нѣкоторымъ отдѣламъ восходятъ до двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ.

Впослѣдствіи число статистическихъ работъ размножается по отдѣльнымъ предметамъ народной жизни и промысла; много ихъ заключается въ мѣстныхъ официальныхъ изданіяхъ, — кажется, впрочемъ, не поступающихъ въ общее обращеніе; изъ работъ центрального статистическаго вѣдомства уважемъ „Экономическое состояніе городскихъ поселеній Сибири“, обработанное гг. Л. Майковымъ и Раевскимъ и изданное хозяйственнымъ департаментомъ министерства внутреннихъ дѣлъ.

Первый источникъ для описанія Сибири въ ея прошедшемъ представляютъ изданія старыхъ актовъ, грамотъ и т. п. Какъ мы видѣли, собраніе ихъ начато еще въ XVII столѣтіи: въ

тальной, тайнаго совѣтника Штера“. Спб. 1829,—гдѣ есть свѣденія о Сибири.— „Статистическое обозрѣніе Сибири, составленное по Высочайшему Е. И. В. повелѣнію, при сибирскомъ комитетѣ, д. с. с. Гагемейстеромъ“. Спб., 1854, три тома, больш. 8°, со множествомъ статист. таблицъ.

Строгоновской лѣтописи помѣщены уже выписки изъ царскихъ грамотъ XVI вѣка. Громадная масса матеріаловъ по сибирской исторіи, собранная Миллеромъ изъ сибирскихъ архивовъ, становится тѣмъ болѣе цѣнной, что впоследствии многое изъ того, что было имъ списано и сохранено для исторіи, пропало на мѣстѣ отъ пожаровъ и небрежнаго содержанія архивовъ. Самъ Миллеръ воспользовался этимъ матеріаломъ въ своей исторіи и другихъ трудахъ, посвященныхъ Сибири; далѣе, онъ дѣлился имъ съ другими изслѣдователями и, на примѣръ, многое сообщил Новикову для его „Вивліоекки“; впоследствии портфели Миллера послужили для изданій археографической комиссіи ¹⁾. Послѣднимъ изъ этихъ изданій было изданіе памятниконъ по сибирской исторіи XVIII вѣка ²⁾, представляющее чрезвычайно любопытные и разнообразные матеріалы для исторіи Сибири въ Петровское время. Не исчисляя множества отдѣльных актовъ по старой исторіи Сибири, разсѣянныхъ въ разныхъ, между прочимъ мѣстныхъ, изданіяхъ, упомянемъ въ особенности „Матеріалы для исторіи Сибири“ (М. 1867), собранные по сибирскимъ архивамъ г. Потанинымъ; указатель, составленный г. Пудиломъ ³⁾; книгу Бантышъ-Каменскаго о сношеніяхъ съ Китаемъ, изданную г. Флоринскимъ ⁴⁾; историческіе опыты г. Андріевича ⁵⁾.

Въ 1884 году вышла книга Щеглова, подготовлявшаяся въ

¹⁾ На примѣръ, къ Сибири относятся матеріалы, напечатанные во 2-мъ, 3, 4 и 5 томахъ „Актовъ Историческихъ“, изд. 1841—1842 г., въ 12-ти томахъ „Дополненій къ Актамъ Историческимъ“, изд. 1846—1872 г. и во 2-мъ томѣ „Русской Исторической Библиотекы“, изд. 1876 г.—О судьбѣ бумагъ Миллера ср. Ист. Авад. Наука, I, стр. 401 и слѣд.

²⁾ „Памятники сибирской исторіи XVIII вѣка“. Книга первая 1700—1713. Сиб. 1882; большой томъ, XXXII, 551 стр. и указатели личный и географическій (XXXIV стр.) и то же изданіе книга вторая, 1713—1724. Сиб. 1885, XXXIV, 541 стр. и тѣ же указатели (XLI стр.). Такъ какъ, по правиламъ археографической комиссіи, она можетъ употреблять свои средства на изданіе памятниконъ только до 1700 года, то это изданіе сдѣлано на счетъ г. Зоста, которымъ издана была также упомянутая выше Кунгурская лѣтопись.

³⁾ Указатель дѣламъ и рукописямъ, относящимся до Сибири и принадлежащимъ моск. главному архиву мин. иностр. дѣлъ. Составилъ М. П. Пудило. Изд. комиссіи печатанія госуд. грамотъ и договоровъ. М. 1879.

⁴⁾ „Дипломатическое собраніе дѣлъ между Росс. и Китайскимъ государствами съ 1819 по 1792 г.“, составленное по документамъ, хранящимся въ моск. архивѣ госуд. коллегіи иностранныхъ дѣлъ, въ 1792—1803 г. Николаемъ Бантышъ-Каменскимъ. Издано въ память истекшаго 300-лѣтія Сибири В. М. Флоринскимъ, съ прибаленіями издателя. Казань, 1882.

⁵⁾ „Пособіе для написанія исторіи Забайкалья“. В. К. Андріевича. Иркут., 1885, и его же „Историческій очеркъ Сибири“, въ 3-мъ томѣ (Томскъ 1887) доведенный до 1762 года, но состоящій только изъ извлеченій изъ Полнаго Собранія Законовъ.

300-лѣтнему юбилею Сибири и представляющая подробную хронологию событій сибирской исторіи ¹⁾). Авторъ этой книги, Иванъ Вас. Щегловъ, астраханскій уроженецъ, воспитанникъ историко-филологическаго института въ Петербургѣ, былъ учителемъ въ гимназіи енисейской, потомъ иркутской, наконецъ учителемъ въ Троицкосавскѣ, и умеръ еще молодымъ человѣкомъ, не успѣвъ довершить вполне своего труда. Мечтая написать исторію Сибири, Щегловъ увидѣлъ, что для этого недостаетъ еще многихъ предварительныхъ работъ, между прочимъ правильно установленной хронологіи событій сибирской исторіи, и на первый разъ составилъ упомянутый „Перечень“, допечатанный послѣ его смерти ²⁾). Книга составлена съ большимъ трудолюбіемъ; въ сожалѣнію, авторъ не имѣлъ въ провинціальной глуши всѣхъ пособій, необходимыхъ для подобной работы, долженъ былъ нерѣдко брать факты изъ вторыхъ и третьихъ рукъ или приводить устарѣлыя и неточныя свѣденія; по недостаточной опытности онъ въ началѣ работы оставлялъ приводимые факты безъ указанія источниковъ, и только послѣ понялъ необходимость цитаты, которыхъ, впрочемъ, не могъ уже сполна возстановить и отсутствіе ихъ до нѣкоторой степени замѣнить спискомъ пособій, которыми онъ пользовался. При всемъ томъ книга Щеглова можетъ служить съ большою пользою для популярнаго употребленія, но какъ историческое руководство нуждается вообще въ провѣркахъ.

Въ послѣднія десятилѣтія историческое изученіе Сибири особенно оживляется, и его интересы становятся гораздо шире, чѣмъ это было до сихъ поръ. Въ прежнее время была возможна только одна внѣшняя, такъ сказать, официальная исторія Сибири; теперь не только раскрывается многое, о чемъ прежде ходили только устные рассказы, но изслѣдованіе старается проникнуть въ внутренніе процессы, какіе совершались въ сибирской жизни подъ вліяніемъ основныхъ факторовъ ея развитія—условія природныя, племенные, бытовые и административныя. Понятно, что когда это новое направленіе еще только устанавливается, можно указать здѣсь пока только немногія крупныя и цѣльныя работы: надо было выяснитъ точки зрѣнія, распредѣлитъ имѣю-

¹⁾ „Хронологическій перечень важнѣйшихъ данныхъ изъ исторіи Сибири 1032—1882 гг.“ Составилъ И. В. Щегловъ. Изданіе Восточно-Сибирскаго Отдѣла Импер. Русскаго Географическаго Общества подъ редакціей члена Отдѣла В. И. Вагива. Иркутскъ. 1883, 8°, 778 стр. (Вышла книга въ 1884).

²⁾ Послѣсловіе его книги помѣчено апрѣлемъ 1884 года, а въ концѣ мая онъ умеръ. См. его некрологъ и печальныя біографическія подробности въ „Восточномъ Обзорнѣ“, 1884, № 22

щійся матеріалъ и собирать новый; трудность образовывать литературные органы, отсутствіе научнаго центра, какимъ могъ бы быть мѣстный университетъ, до сихъ поръ еще слабая степень образованія въ мѣстномъ обществѣ,—все это заставляло работать въ одиночку, съ неполными средствами. Тѣмъ не менѣе мы имѣемъ въ послѣднее время нѣсколько замѣчательныхъ изданій, которыя обѣщаютъ стать началомъ новой эпохи сибирскихъ изученій. Таковы, напримѣръ, мѣстные работы Сибирскихъ Отдѣловъ Географическаго Общества; таковы сборники работъ по изученію Сибири, постоянно появляющіеся въ послѣднее время, какъ свидѣтельство возрастающаго интереса къ дѣлу,—напримѣръ „Сборникъ историко-статистическихъ свѣденій о Сибири и сопредѣльныхъ ей странахъ“; Сборникъ газеты „Сибирь“; „Литературный Сборникъ“ г. Ядринцева; нѣсколько выпусковъ „Сборника“, издаваемого редакціей „Восточнаго Обозрѣнія“, и самое это изданіе, которое за послѣдніе годы было лучшимъ литературнымъ органомъ, посвященнымъ сибирской жизни, и недавно перенесено изъ Петербурга въ Иркутскъ; далѣе, обширный томъ „Живописной Россіи“ (XI), посвященный Сибири, съ изслѣдованіями гг. Семенова, Ядринцева, Потанина, Мушкетова, Радлова и другихъ. Въ мѣстныхъ изданіяхъ, особливо въ газетѣ „Сибирь“, выходящей въ Иркутскѣ, и въ мѣстныхъ „Памятныхъ книжкахъ“, среди обычнаго газетнаго матеріала разсѣяно много цѣнныхъ фактовъ, рисующихъ мѣстную жизнь, промышленную, бытовую и этнографическую. Изъ отдѣльныхъ трудовъ по исторіи и современному состоянію Сибири укажемъ въ особенности замѣчательную книгу Вагина о дѣятельности въ Сибири Сперанскаго ¹⁾; цѣлый рядъ замѣчательныхъ изслѣдованій Ядринцева ²⁾; нѣсколько работъ Щапова по сибирской исторіи и этнографіи; нѣсколько весьма любопытныхъ статей С. С. Пашкова—родомъ сибиряка и сибирскаго патріота, который обстоятельствомъ своей жизни, къ сожалѣнію, лишенъ былъ возможности сдѣлать нѣчто цѣльное по сибирской исторіи и (вромѣ множества другихъ журнальныхъ статей) оставилъ нѣ-

¹⁾ „Историческія свѣденія о дѣятельности графа М. М. Сперанскаго въ Сибири съ 1819 по 1822 г.“. Собраны В. Вагинимъ. Два тома. Спб. 1872.

²⁾ „Русская община въ торьмѣ и сымкѣ“. Н. М. Ядринцева, Спб. 1873.—„Сибирь, какъ колонія“. — Къ юбилею трехсотлѣтія. — Современное положеніе Сибири. — Ея нужды и потребности. — Ея прошлое и будущее. Н. М. Ядринцева, Спб. 1882. Дополненный нѣмецкій переводъ: *Sibirien. Geographische, ethnographische und historische Studien von N. Jadrinzew. Mit Bewilligung des Verfassers nach dem Russischen bearbeitet und vervollständigt von Dr. Ed. Petri. Mit 14 Tafeln Illustrationen.* Jena. 1886.—Культурное и промышленное состояніе Сибири (по случаю торжества 300-лѣтія Сибири). Н. Ядринцева. Спб. 1884.

сколько любопытныхъ очерковъ сибирской жизни и старины ¹⁾, и проч.

Какіе разнообразныя вопросы изъ прошлаго и настоящаго Сибири подняты теперь сибирскими изслѣдователями, можно видѣть изъ книги Ядринцева: „Сибирь, какъ колонія“, представляющей одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ трудовъ всей сибирской литературы. Авторъ ставитъ въ предѣлахъ своей задачи слѣдующіе широкіе вопросы сибирской исторіи и современнаго экономическаго и нравственно-общественнаго быта: русская народность на Востоцѣ, которая въ особыхъ условіяхъ сибирской природы, быта и смѣшенія съ инородческими племенами приобрѣла здѣсь особый типъ, несомнѣнно своеобразный и еще недостаточно опредѣленный изслѣдователями; инородческій вопросъ о прошломъ и современномъ состояніи инородческихъ племенъ подѣ влияніемъ ихъ столкновеній съ русскимъ колонизаціоннымъ и промышленнымъ движеніемъ, объ ихъ упадкѣ и вымираніи, о возможности или невозможности ихъ сохраненія; колонизація Сибири и современныя переселенія—сложный вопросъ, внутренній русскій и сибирскій, разные роды колонизаціи и разные способы устройства переселеній; ссылка въ Сибирь и положеніе ссыльныхъ; исторія эксплуатаціи богатствъ на Востоцѣ; экономическое положеніе Сибири; управленіе Сибирью, его исторія и современныя задачи; потребность знанія и интересы образованія на Востоцѣ; будущность страны и условія ея благосостоянія. Всѣ эти вопросы, составляющіе самый основной интересъ сибирской жизни, сильно привлекаютъ теперь вниманіе сибирскихъ изслѣдователей и, простираясь по необходимости въ прошедшее, ставятъ для сибирской исторіографіи задачи, въ прежнее время едва затронутыя. Общее положеніе нашей исторической литературы въ это прежнее время было таково, что на долю историковъ оставалась почти только внѣшняя показная сторона прошедшаго; время ближайшее было совершенно недоступно: историки обыкновенно и не доходили до нихъ, и исторія Сибири, какъ и вообще новѣйшая исторія нашей государственной и общественной жизни, только теперь начинаютъ раскрываться въ ихъ настоящемъ, неподдѣльномъ видѣ.

А. Пыпинъ.

¹⁾ См., напримѣръ, „Очерки русскихъ нравовъ въ старинной Сибири“. С. Серафимовича (Шашкова). „Отеч. Зап.“ 1867, № 20—22;—Рабство въ Сибири, историческій очеркъ, „Дѣло“, 1869, кн. 1 и 3;—Сибирское общество въ началѣ XIX вѣка. „Дѣло“, 1879, кн. 1—3 и др.—Статьи Шашкова собраны были однажды въ книгу: „Историческіе этюды“, Спб. 1872 (два тома), но сюда вошли только нѣкоторыя изъ его первыхъ работъ по исторіи Сибири.

СЪ ТОГО СВѢТА

Поэма.

Соч. Дэвидъ-Кристи Муррей.

Съ англійскаго.

„The undiscover'd country, from whose bourne
No traveller returns“.

I.

Юльская луна стояла почти въ зенитѣ совершенно безоблачнаго неба, и ея свѣтъ озарялъ сцену, каковой не видѣлъ человѣческій глазъ вотъ уже слишкомъ тысячу-пятьсотъ лѣтъ. Кругъ, геометрической точности, изъ высокихъ и почтенныхъ дубовъ, посаженныхъ такимъ образомъ, чтобы вѣтви каждаго слегка касались вѣтвей сосѣдняго дерева, замыкалъ пространство земли въ цѣлую милю окружности. Непрерывность лиственной ограды нарушалась только въ четырехъ мѣстахъ. Внутри этого тѣнистаго кольца находился другой кругъ, на разстояніи нѣсколькихъ саженъ, а внутри второго—третій, и такъ далѣе, все болѣе и болѣе суживаясь, и такихъ колець насчитывалось до тридцати-деяти. Тѣнистое кольцо пересѣкалось двумя дорогами, образовавшимися изъ себя крестъ внутри того круга, и въ самомъ центрѣ этой удивительной рощи высилась скала, съ вершины которой двѣ дороги превращались въ четыре, перекрещивавшіяся между собою.

Скала, вокругъ которой былъ посаженъ симметрической лѣсъ, была, подобно всей этой громадной рощѣ, дѣломъ рукъ природы, исправленнымъ и преобразованнымъ человѣческимъ искусствомъ.

Внутри ея, путемъ невѣроятныхъ усилій, высѣчена была пещера, и гранитная глыба такимъ образомъ обращена въ орѣховую скорлупу. Цѣлыя поволовнія неутомимыхъ работниковъ вылуцили весь камень внутри, кромѣ трехъ массивныхъ столбовъ, поддерживавшихъ верхъ скалы.

Грубо-высѣченныя ступени вели къ верхушкѣ скалы, гдѣ стоялъ, обращенный съ востока на западъ, рѣзной жертвенный столикъ.

Изъ четырехъ дорогъ, которыя направлялись черезъ дубовую рощу къ скалѣ, тремя, повидимому, рѣдко кто пользовался. На мягкомъ и упругомъ дернѣ четвертой тропинки виднѣлись ясныя слѣды, доказывавшіе, что по ней часто ходили. А по широкой дернистой прогалинѣ, озаренной яркимъ свѣтомъ луны, двигалась царственная и воинственная фигура. Шаговъ почти не было слышно, такъ какъ ноги ея были обуты въ сандаліи изъ мягкой кожи и касались такъ же беззвучно земли, какъ еслибы были босы. Отъ щиколки и до колѣнъ шли кожаные наколѣнники, а между ними и короткой туникой изъ волчьей шкуры виднѣлись голыя бѣлыя ноги. Черезъ плечо у этого человѣка была наброшена простая волчья шкура и вмѣстѣ съ туникой перехватывалась у талии поясомъ изъ раскрашенной кожи. Мускулистыя руки были совсѣмъ голыя и украшены золотыми обручами, надѣтыми около плеча и удерживавшимися на мѣстѣ выпуклымъ мускуломъ, лежавшимъ пониже. По временамъ мимолетный и короткій блескъ полированного металла доказывалъ присутствіе большого ножа за поясомъ человѣка, а за спиной у него висѣлъ большой щитъ, утыканный гвоздями изъ потемнѣвшаго желѣза, на которыхъ лунныя лучи постоянно играли и переливались. Полуобнаженная грудь и спина, голыя руки и ноги казались мраморными при лунномъ свѣтѣ и еще бѣлѣе отъ контраста съ длинными черными волосами и черной шерстью звѣриной шкуры. У человѣка на лбу надѣтъ былъ золотой обручъ, и его походка какъ бы выражала сознаніе того, что онъ достоинъ своего отличія.

Съ той стороны, съ какой онъ подходилъ къ скалѣ, она выдавалась впередъ точно навѣсъ, и подъ нимъ царилъ темъ. Человѣкъ подошелъ къ скалѣ, не замедляя шага, и скрылся во мракѣ, точно гранитная пастъ поглотила его. А онъ только раздвинулъ завѣсу изъ шкуръ, закрывавшую входъ въ пещеру. Съ полдюжины полуголыхъ фигуръ бросились на него съ ножомъ въ рукѣ.

— Это Фельторъ, король!—завричала одна изъ фигуръ, и всѣ почтительно отступили.

Смолистые факелы горѣли и дымились, порою падая изъ нишъ,

нарочно вырѣзанныхъ для нихъ въ скалѣ. Покой представлялъ собой переплетающуюся съѣтъ движущагося мрака и трепещущаго свѣта, и при красномъ и желтомъ пламени фавеловъ голые члены, сверкавшіе какъ мраморъ при лунѣ, казались теперь бронзовыми.

Фельторъ прошелъ впередъ, не удостоивая никого ни жестомъ, ни взглядомъ, до трехъ сѣрыхъ столбовъ изъ гранита, отдернулъ завѣсу изъ шкуръ на дальнемъ концѣ повоя и скрылся. Секунду или двѣ онъ двигался въ глубокомъ мракѣ, но твердымъ, привычнымъ шагомъ и, отдернувъ третью завѣсу, увидѣлъ тусклую и неровную линію свѣта, трепетавшую между двухъ стѣнъ каменнаго прохода, и новую завѣсу изъ звѣриныхъ шкуръ.

Здѣсь онъ остановился на секунду и затѣмъ, подойдя такимъ же неслышнымъ и гибкимъ шагомъ, какъ у тигра, отодвинулъ послѣднюю завѣсу и вошелъ въ круглый покой, гдѣ два лица—мужчина и женщина—наклонились надъ огнемъ; мужчина высокій и худой, съ длинной, бѣлой бородой, женщина съ необыкновенно граціозной фигурой. Оба съ глубокимъ вниманіемъ наблюдали за чѣмъ-то, и бѣлая борода мужчины перепуталась съ прелестными бѣлокурными волосами женщины, точно серебро съ золотомъ. Ничего не замѣчая, оба были погружены въ свое занятіе; у дѣвушки отъ нетерпѣнія головка раскачивалась взадъ и впередъ, точно у змѣи; старикъ же неподвижно наклонился надъ нею.

Король, не выпуская мѣховой завѣсы изъ руки, молча стоялъ.

— Почти-что готово,—произнесъ старикъ.

Онъ говорилъ въ полголоса, и глухо и странно звучалъ этотъ голосъ въ ушахъ. Свѣтъ двухъ мѣдныхъ свѣтильниковъ, которыми была освѣщена комната, не достигалъ до потолка, но пропадалъ по дорогѣ, и воображенію мерещилась цѣлая вѣчность мрака. Стѣны были обиты звѣриными шкурами. Полъ покрытъ густымъ слоемъ божьяго дерева, и отъ его ароматическаго запаха воздухъ казался тяжелымъ. Безмолвіе казалось здѣсь зловѣщимъ, и его хотѣлось бы нарушить крикомъ.

Глаза короля привованы были къ дѣвушкѣ, и страсть какъ бы отуманивала его лицо.

— Готово!—закричала внезапно дѣвушка и, обернувъ обѣ руки выдубленною кабаньей кожей, лежавшей около нея, сняла съ огня мѣдный котелъ, за которымъ такъ внимательно наблюдала вмѣстѣ съ старикомъ, и поставила на грубый овальный столъ изъ гранита, стоявшій посреди покоя. Всѣ ея движенія были такъ свободны и граціозны, что ими нельзя было не любоваться. Она опустилась на одно колено передъ столомъ и, все еще держа закутанными руками мѣдный котелъ, подняла глаза и сквозь тонкій

и зыбкій столбъ пара, шедшаго отъ котла, увидѣла лицо Фельтора. На секунду животная страсть, которую она прочитала на немъ, какъ бы испугала ее, и она оглянулась назадъ испуганнымъ взглядомъ. Но вдругъ лицо ея озарилось улыбкой кокетливаго торжества, и она громко разсмѣялась.

— И такъ вы все же повинили прелестную Вреду? — сказала она.

Лицо короля помертвѣло, и, все еще придерживая одной рукой завѣсу, другою онъ сдѣлалъ нерѣшительный жестъ. Затѣмъ протянулъ руку и указалъ пальцемъ на мѣдный котель.

— Венегогъ, — спросилъ онъ худого старика, — что это такое?

— Снадобье, — спокойно отвѣтилъ старикъ. — Сегодня ночью все будетъ кончено.

— Сегодня ночью?

— Сегодня ночью.

Отвѣтъ прозвучалъ точно безмятежное эхо. Дѣвушка снова засмѣялась, а Фельторъ снова взглянулъ на нее. Она встрѣтила его взглядъ съ насмѣшливымъ торжествомъ и, приподнявъ котелокъ, стукнула имъ два или три раза о камень, а затѣмъ, вскочивъ на ноги, отвѣсила королю низкій поклонъ.

Она была одѣта въ длинное платье изъ мягкой шерстяной ткани, выбѣленной до бѣлизны снѣга. Это платье схвачено было на лѣвомъ плечѣ и на лѣвомъ бедрѣ широкимъ аграфомъ изъ серебра, а вокругъ талии обвивался широкій поясъ изъ мягкой кожи, и за него затенутъ былъ серебряный ножъ. Обѣ круглыя бѣлыя руки были обнажены, а правое плечо и грудь ничѣмъ неприкрыты. Приподнимая голову послѣ кокетливаго поклона, она поглядѣла на розовую ножку въ кожаной сандали, виднѣвшуюся изъ-подъ платья, и, засмѣявшись, искоса взглянула на Фельтора, отошла отъ него, ловко обнаживъ ногу до колѣна, взглянула снова ему въ лицо, опустила глаза, опять взглянула и вдругъ съ притворной скромностью закрыла лицо руками.

Архи-друидъ съ длинной, волнистой бородой, собранной въ горсть руки, стоялъ и глядѣлъ то на одного, то на другого съ сухой улыбкой. Глаза Фельтора жадно впивались въ молодую дѣвушку, и онъ неохотно отвелъ ихъ и встрѣтился взглядомъ съ старикомъ.

— Почему сегодня ночью? — спросилъ онъ, какъ бы вспоминая про трагическое дѣло, за какимъ пришелъ.

— Завтра можетъ быть слишкомъ поздно, — отвѣчалъ Венегогъ. — Мы и такъ слишкомъ долго ждали.

Нѣкоторое время всѣ молчали. Архи-друидъ отвернулся и, пошаривъ въ углу, закрытомъ кожей, вытащилъ сосудъ изъ шпата.

Затѣмъ, подойдя въ столу, дотронулся рукой до края мѣднаго котла, чтобы испытать его температуру. Находя, что она все еще высока, онъ взялъ котель, предварительно завернувъ руку въ платъе, и медленно выпилъ изъ него жидкость въ сосудъ. Фельторъ наблюдалъ затѣмъ, какъ переливалась жидкость. Замѣтная дрожь пробѣжала у него съ головы до ногъ и лицо его помертвѣло.

Наливъ сосудъ, Венегогъ закрылъ его кускомъ кожи и обвязалъ веревкой. Всѣ его движенія отличались спокойствіемъ, но Фельторъ слѣдилъ за ними, точно околдованный.

Дѣвушка подошла къ нему и положила руку на его голое плечо. Онъ вздрогнулъ и обернулся къ ней.

— Идемъ,—сказала она, глядя ему въ лицо.

Друидъ, съ смертельнымъ ядомъ въ рукахъ, поглядывалъ то на дочь, то на Фельтора. Лобъ Фельтора покрылся пѣтомъ; онъ пошелъ къ завѣсѣ изъ звѣриной шкуры и нетвердою рукой отдернулъ ее. Пройдя черезъ темный проходъ въ сопровожденіи дѣвушки и старика, Фельторъ при входѣ въ большую пещеру опять остановился и прислонился къ стѣнѣ. Дѣвушка охватила его рукой и стала тихонько подтапливать. Онъ повиновался. Люди въ пещерѣ вскочили при его проходѣ и проходѣ друида.

Луна ярко озаряла прогалину, а дубовая аллея казалась изъ чернаго дерева и серебра. Мрагъ въ чащѣ стоялъ непроницаемый, кромѣ тѣхъ просвѣтовъ, куда проникали лунные лучи. Шаговъ по дерну не было слышно, и всѣ трое двигались, точно тѣни. Вдругъ Фельторъ остановился и обернулся.

— Я не хочу, чтобы это было сегодня,—хрипло произнесъ онъ, протягивая руки впередъ, какъ будто желая преградить дальнѣйшій путь своимъ спутникамъ.

— Назаретскій богохульникъ и теперь даже при ней,—отвѣчалъ архи-друидъ.—Пусть она умретъ, не измѣнивъ вѣрѣ отцовъ.

— Она не умретъ!—закричалъ Фельторъ:—она моя жена, моя королева, мать моего ребенка!

— Повелѣніе дано Одиномъ,—отвѣчалъ старикъ безстрастно и невозмутимо покойно.—Она умретъ сегодня ночью и умретъ въ вѣрѣ отцовъ.

— Чего Одинъ хочетъ, то должно совершиться,—сказалъ король,—но это не мое дѣло.

— Нѣтъ, твое,—отвѣчалъ Венегогъ,—и только твое. Черезъ тебя началось это богохульство боговъ.

— Началось черезъ меня? Чѣмъ же я-то виноватъ?

— Развѣ назарянинъ прожилъ бы хотя одинъ день, еслибы ты сказалъ слово? Вѣдь ты король, Фельторъ!

— Король!—завричалъ Фельторъ:—вавой же мужъ королевы король? Въ ея стадахъ нѣтъ быка, который не былъ бы свободнѣе меня. Она велѣла мнѣ быть ея мужемъ, и я ей повиновался.

— И измѣнилъ этой дѣвчкѣ?

И друидъ поглядѣлъ на дочь.

— И послѣ того началась эта ересь, и съ того дня и по сегодня разрослась точно ядовитое зелье по полямъ и лугамъ. Боги устали!

Тутъ спокойствіе впервые измѣнило ему. Высоко поднявъ въ воздухъ сосудъ съ ядомъ, онъ вынулъ другой рукой ножъ изъ-за пояса и метнулъ его остриемъ внизъ въ дернъ. Ножъ глубоко вонзился въ дернъ и затрепеталъ, а лунные лучи заиграли на его рубоюгѣхъ.

— Боги провѣщали, — проговорилъ друидъ, и спокойствіе снова вернулось къ нему, подобно тому какъ облако, изъ котораго пала смертельная молнія, вѣжется вполне спокойнымъ минутой спустя.

— Вотъ моя клятва.

И онъ указалъ на ножъ, все еще дрожавшій у его ногъ въ землѣ, и прошѣлъ дальше, неся сосудъ передъ собою.

Фельторъ глядѣлъ на ножъ и стоялъ молча. Дѣвушка подкралась къ нему.

— Ты говорилъ, что любишь меня, а не ее.

— Да, тебя, а не ее, — мрачно отвѣтилъ онъ;—я думаю, что ты приворожила меня. Почему ты мнѣ мила, а не она? Слыхано ли, чтобы человѣкъ бросалъ пиръ боговъ, чтобы пить медъ съ людьми?!

— Почему нѣтъ, если ему хочется пить? Еслибы ты отрѣзалъ эту руку, — а вѣдь хорошенькая у меня рука?—то изъ нея хлынула бы алая и жаркая кровь. А у твоей Вреды кровь въ жилахъ блѣдная, какъ молоко, и холодная, какъ ледъ. Почему я милѣе тебѣ, чѣмъ она, Фельторъ? да потому, что я женщина, потому что я хочу быть тебѣ милѣе. Развѣ я хромая или слѣпая? развѣ ты единственный мужчина, Фельторъ, который блѣднѣетъ и краснѣетъ, когда я на него погляжу? Я видѣла твои глаза сегодня вечеромъ, Фельторъ.

Голосъ ея поочередно то дразнилъ, то ласкалъ его, и вся ея граціозная фигура соблазнила его.

— Ты когда-то любилъ меня, Фельторъ, — пролепетала она: — неужели же больше не любишь?

Онъ хотѣлъ обнять ее, но она ловко увернулась и захохотала.
— Бѣдный Фельторъ!

Старый друидъ остановился и оглянулся. Они пошли за нимъ. Выйдя изъ рощи, они очутились на большомъ и неровномъ дугу, расчищенномъ изъ-подъ деревьевъ. Вдали бѣлѣлась полоска моря на горизонтѣ. Нѣсколько дальше они прошли мимо кучи лачужекъ изъ глины въ родѣ большихъ ульевъ. Двѣ-три собаки залаяли, но больше никакихъ признаковъ жизни не было въ деревнѣ.

Наконецъ, обойдя низкій холмъ, они подошли къ большому одно-этажному каменному строенію, тяжело и массивно вырѣзавшемуся на свѣтлой полосѣ моря, сливавшейся съ небомъ. Въ саженьяхъ ста отъ дома стояли въ беспорядкѣ кучки людей воинственнаго вида, одѣтыхъ въ волчьи, медвѣжьи и буйволовыя шкуры. Волчьи и медвѣжьи морды дико обрамляли грубые лица; въ рукахъ держали эти люди щиты, копья и топоры. Это дикое воинство отгѣсняло назадъ толпу полуобнаженныхъ мужчинъ и женщинъ и совсѣмъ голыхъ ребятишекъ, постоянно порывавшихся впередъ съ подавленнымъ ропотомъ.

Когда архи-друидъ подошелъ, ропотъ затихъ и толпа разбѣжалась. Вооруженные люди выстроились въ порядокъ. Венегогъ, въ сопровожденіи дочери и короля, прошелъ сквозь ряды, неся сосудъ съ ядомъ. Еслибы народъ зналъ, что онъ держитъ въ рукѣ, то даже общеніе его съ богами не спасло бы отъ опасности быть разорваннымъ на клочки. Самая стража помогла бы народу въ его мщеніи. Друидъ зналъ это, но шелъ невозмутимо впередъ.

Въ тѣ мрачныя времена въ людяхъ мало было жалости, милосердія и любви къ ближнему. Но и тогда уже добродѣтели сіяли и согрѣвали людскія сердца. Онѣ жили въ душѣ у Вреды, и такъ странно казалось, что существо, имѣвшее полную власть карать, только миловало, что народъ обожалъ Вреду, точно она была ангелъ небесный.

II.

Всѣ трое, на глазахъ у всѣхъ, вошли въ домъ. Вьющіяся р-стенія и мохъ одѣвали старыя стѣны. За дверью, которая была какъ разъ такъ высока, чтобы пропустить высокую фигуру друида, находились большія сѣни, окруженные съ трехъ сторонъ стѣнами зданія, а съ четвертой—тремя массивными столбами изъ гранита, между которыми висѣла занавѣсъ изъ шкуры леопарда и изъ красной сирійской шерстяной ткани. Сѣни были открыты

сверху, и луна освѣщала ихъ, вмѣстѣ съ мѣдными зажженными свѣтильниками.

Грубыя фигуры, изображавшія боговъ и воиновъ, были вырѣзаны въ камнѣ стѣнъ и раскрашены красной, желтой и голубой краской. Толстые обломки гранита, отполировавшіеся отъ времени, служили скамьями и столами, и груды шкуръ, наваленныхъ по угламъ, покрывали мѣста, служившія для ночлега слугамъ и стражамъ. Со стороны, противоположной той, гдѣ висѣли занавѣси, было нѣсколько уступовъ въ стѣнѣ, образовавшихъ ниши, сажени въ четыре длиной и шириной каждая. Въ этихъ нишахъ, завѣшанныхъ занавѣсами, помѣщались женщины королевы.

Лиры, арфы, цимбалы и мѣдные трехугольники валялись тамъ и сямъ, и большія прядли, римской фабрикаціи, свидѣтельствовали о женскомъ трудолюбіи.

Громадныя сѣни были полны тѣлохранителями, слугами и женщинами; тамъ и сямъ видѣлся начальникъ, котораго можно было признать по длинной саблѣ, привѣшанной сбоку. Слабое жужжаніе отъ разговоровъ скорѣе чувствовалось, нежели слышалось.

Та часть строенія, которая находилась за занавѣсью, была прикрыта кровлей изъ толстыхъ еловыхъ бревенъ. Смѣлый восточный мореходецъ очевидно нашелъ здѣсь удобный рынокъ для сбыта, и все кругомъ говорило о варварскомъ комфортѣ и роскоши. И всѣ ступали по разнообразнымъ звѣринымъ шкурамъ. Каменныя ложа были покрыты персидскими коврами и шкурами пантеръ, львовъ и антилопъ. Этрусскія вазы, горшки изъ темной глины, на которыхъ греческіе художники изображали дѣянія своихъ боговъ, стояли рядомъ съ кубками изъ янтаря и горнаго хрустала, между тѣмъ какъ издѣлія изъ рога, обдѣланнаго въ золото, и сосуды изъ гранита представляли мѣстную промышленность.

На разстояніи пятнадцати шаговъ отъ занавѣси гранитные столбы раздѣляли строеніе на три покоя; центральный былъ открытъ и служилъ передней для двухъ другихъ. Покой по правую руку служилъ для королевы, покой по лѣвую—для короля. Оба замыкались тяжелыми занавѣсами. Въ открытой передней стояла большая глыба зеленого мрамора, выдолбленная сверху и снабженная мѣдной рѣшеткой. На этомъ алтарѣ горѣлъ огонь изъ еловыхъ шишекъ, вспырнутыхъ смолой, и дымъ столбомъ поднимался къ потолку и выходилъ черезъ непокрытыя сѣни.

Дѣвушка, одѣтая въ четырехугольный платокъ изъ бѣлой шерстяной ткани, завязанный на правомъ плечѣ и подъ правой ру-

кой, все еще держа въ рукѣ еловую шишку, которую собиралась бросить въ огонь, заснула за своимъ занятіемъ и распростерлась у алтаря, безопасно раскинувъ руки.

Двѣ другія сидѣли на грудѣ шкуръ около нея и тихонько разговаривали.

Въ своемъ покоѣ, на ложѣ, покрытомъ шкурами пантеръ, лежала королева Вреда. Она была одѣта въ платье изъ блѣдно-зеленой ткани. Ея бѣлыя, нѣжныя и изящныя руки безсильно повисли. Черныя рѣсницы опустились на мраморныя щеки. Одна обнаженная нога выставилась изъ-подъ шкуры пантеры. Еслибы не тихо вздымавшаяся грудь, то ее можно было бы счесть умершей.

Около нея стоялъ на волѣняхъ престарѣлый, но вдохновенный и мужественный миссіонеръ, первый принесшій вѣсть о спасеніи міра на Британскіе острова, св. Давидъ, странствовавшій изъ Іерусалима въ Антиохію, изъ Антиохіи въ Аѳины, изъ Аѳинъ въ Римъ, изъ Рима въ Галлію и проповѣдывавшій Евангеліе почти на всѣхъ европейскихъ языкахъ и почти всѣмъ европейскимъ племенамъ. На склонѣ дней пылкая душа привела его сюда на встрѣчу новымъ опасностямъ, новымъ трудностямъ, бороться со жрецами и собирать жатву обращенныхъ душъ.

Годы и заботы, безумные восторги и горькое отчаяніе, аскетическое самоотреченіе, голодъ, кораблекрушенія, пытки, тюремное заключеніе—все это измощило его тѣло и превратило въ скелетъ. Онъ претерпѣлъ все, что только можетъ претерпѣть человѣкъ, кромѣ смерти, и на эту послѣднюю взиралъ какъ на вѣчное успокоеніе.

Для многихъ лицо его казалось грознымъ, благодаря неземному спокойствію, какое оно выражало. Оно говорило о сознаніи силы и власти сверхчеловѣческой. Немногіе люди могли выносить его взглядъ безъ внутренняго трепета или страха, потому что его взглядъ, казалось, пронизывалъ насъвозь и читалъ сокрытыя тайны въ сердцѣ. Онъ былъ такъ худъ, измощенъ такими невѣроятными испытаніями почти столѣтней жизни, что то, что отъ него оставалось, было крѣпко и выносливо, какъ дубъ. Пряди волосъ вокругъ его головы посѣдѣли, но все еще завивались, точно проволока. Курчавая борода и брови тоже были сѣды.

Лицо его было темное и морщинистое, и высокій, узкій лобъ весь изборожденъ.

Онъ говорилъ долго и внушительно, но Вреда лежала не шевелясь. Онъ умолялъ, наконецъ. Тогда она открыла глаза и взглянула на него. При этомъ неподвижная правильная масса превратилась въ живое лицо—лицо безконечно печальное и стра-

дальческое. Темная масса волосъ отбѣняла нѣжную блѣдность щекъ. Взглядъ ея выражалъ нѣмую жалобу, какъ это бываетъ у бессловесныхъ существъ.

— Ты можешь помочь мнѣ, — сказала она, — ты помогаешь другимъ, которымъ было еще хуже, чѣмъ мнѣ!

— Я молился, — отвѣчалъ онъ, — но силы исцѣленія мнѣ не дано.

— Исцѣли меня, и я увѣрую.

— Пути Господни неисповѣдимы. Если Ему угодно будетъ, то исцѣленіе воспослѣдуетъ. Намъ сказано: просите и дастся вамъ, — и я неустанно молюсь.

Въ то время, какъ онъ это говорилъ, Вреда, приподнявшая было голову, устало откинулась назадъ. Глаза ея снова сомкнулись, и мраморная блѣдность лица стала зеленовато-сѣрой. Святой взялъ ее за руку, боясь, что наступилъ ея послѣдній часъ; но она оправилась и опять заговорила слабымъ голосомъ и съ закрытыми глазами:

— Я устала. Мнѣ не долго жить. Прощай. До свиданія въ жилищѣ Одина.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ Давидъ. Тамъ не можетъ быть свиданія, милое дитя. На пути, по которому ты идешь, одинъ мракъ. Ты слѣпа, бѣдная страдалница, и по тебѣ болитъ моя душа. Пожалѣй сама себя. Обратись на путь истинный, чтобы, по милосердію Божьему, мы встрѣтились тамъ, гдѣ нѣтъ ни печали, ни воздыханія.

— Быть можетъ, у насъ съ тобой одни пути, — возразила Вреда съ утомленіемъ. — Я не знаю. Если же нѣтъ, то я пойду туда, куда идетъ мой народъ.

И сказавъ это, она умоляла, а лицо ея опять такъ потемнѣло, что святой снова испугался. Онъ всталъ и простоялъ надъ нею нѣкоторое время со сложенными руками и не спуская съ нея глазъ. Снова жалобные глаза раскрылись, и сердце святого такъ умягчилось, что онъ не могъ не заговорить.

— Милое дитя, — началъ онъ, но она остановила его жестомъ, краснорѣчиво выразившимъ такую усталость и такое страданіе, что онъ умолкъ чисто изъ жалости.

— Завтра, — чуть слышно пролепетала она. — Я больше не могу. Приходи завтра.

— Мы не знаемъ, что будетъ завтра. Что такое наша жизнь? Легкій паръ, который появляется на время и затѣмъ исчезаетъ.

Она не отвѣчала, и спустя нѣкоторое время онъ молча ушелъ. Дѣвушки у входа прекратили свою тихую болтовню, когда

онъ. проходилъ мимо нихъ, и съ ужасомъ отскочили, когда онъ вдругъ упалъ на колѣни и принялся горячо молиться на незнакомомъ имъ языкѣ.

Окончивъ молитву, онъ всталъ и, машинально поправивъ потертую шерстяную рясу, вышелъ съ поникшей головой въ большія сѣни, гдѣ тѣлохранители, слуги и служанки разступились, чтобы дать ему дорогу. Онъ шелъ, уставясь глазами въ землю, машинально. Голосъ у дверей вывелъ его изъ задумчивости.

— Ну, что, собака, добился своего?

Давидъ поднялъ глаза и увидѣлъ своего главнаго врага Венегога, стоявшаго передъ нимъ съ чашей въ рукахъ.

— Кто можетъ знать велѣнія Господа, прежде нежели Онъ объявитъ ихъ?!

Глаза его снова устали въ землю, и онъ прошелъ дальше. Съ жизнью Вреды связаны были всѣ его надежды на обращеніе ея народа, и на минуту душа его приуныла. Но вотъ, до ушей его донеслась угроза изъ толпы воиновъ, и онъ обернулся, самъ грозный и властительный. Зоркій взглядъ его нашелъ говорившаго, и онъ двинулся къ нему. Дикарь, въ своей обычной шкурѣ, съ большими бычачьими рогами, отступилъ въ страхъ передъ старикомъ.

— Да,—сказалъ Давидъ,—я умру, когда Богу будетъ угодно. Но мой часъ еще не пробилъ.

И, отвернувшись, ушелъ къ себѣ, никѣмъ больше не тревожимый.

Тѣмъ временемъ Венегогъ, въ сопровожденіи дочери своей Барсельгольды и короля Фельтора, прошелъ черезъ сѣни и достигъ покоя королевы. Послѣ ухода Давида, Вреда заснула, и всѣ трое вошли такъ тихо, что ихъ приходъ ея не разбудилъ.

— Ей вѣдь ли требуется это,—шепнула Барсельгольда, указывая на питье.

— Она поправится безъ этого,—отвѣтилъ друидъ тоже шопотомъ.—Болѣзнь ея не такова, чтобы молодость не справилась съ нею.

Фельторъ понялъ значеніе этого шопота и весь задрожалъ. Вреда пошевелилась на ложѣ, и глаза его приковались къ ней. Она опять пошевелилась и проснулась, и первый взглядъ ея упалъ на мужа. Она съ трудомъ протянула къ нему руки, и улыбка невыразимой нѣжности освѣтила ея лицо.

— Фельторъ!—проговорила она.

Руки ея снова бессильно упали на шкуру пантеры, но глаза продолжали улыбаться, хотя съ страдальческимъ выраженіемъ.

Она не поняла смысла мучительнаго волненія въ лицѣ Фельтора и объяснила печалью по ней и предвидѣніемъ ея близкой кончины. Еслибы была надежда на жизнь, король не былъ бы такъ тронутъ. Она опять протянула руки, взывая:

— Фельторъ!

Ноги у него подошлись, и онъ упалъ на колѣни, закрывъ лицо руками. Вреда улыбалась съ благороднымъ отчаяніемъ, съ трудомъ протянула ослабѣвшую руку и дотронулась до его руки. Онъ вздрогнулъ отъ этой ласки, а она закрыла глаза, мысленно переживая всю горечь и сладость предстоявшей разлуки.

Шопотъ и смѣхъ донеслись изъ сѣней. Венегогъ приподнялъ завѣсу изъ шкуръ и строго замѣтилъ служанкамъ:

— Время ли теперъ смѣяться? Разбудите эту дуру и уберите прочь!

Испуганныя дѣвушки разбудили подругу и ушли. Венегогъ, ни слова не говоря, передалъ чашу съ ядомъ Барсельгольдѣ, которую та преспокойно взяла. Послѣ того друидъ вынулъ изъ углубленія въ стѣнѣ небольшой бокалъ изъ золота, очень оригинальной работы. Въ углу покоя изъ наружной стѣны билъ небольшой фонтанъ воды. Природный ключъ былъ проведенъ сюда, и вода бѣжала, чистая какъ хрусталь, черезъ отверстіе, нарочно продѣланное въ стѣнѣ. Старикъ-жрецъ вымылъ бокалъ, затѣмъ далъ знакъ Барсельгольдѣ подойти и, взявъ чашу съ ядомъ, отлилъ изъ нея въ бокалъ и подаль его дочери, указавъ пальцемъ на королеву.

Фельторъ лежалъ на полу у ложа королевы съ закрытымъ лицомъ. Ея пальцы перебирали его волосы, а взглядъ съ печальной улыбкой былъ устремленъ въ потолокъ. Барсельгольда перешагнула черезъ поверженнаго навзничъ короля и, опустясь на одно колѣно около Вреды, ласково и нѣжно схватила ея рукой за шею. Вреда оглянулась сначала на нее, затѣмъ на бокалъ.

— Къ чему беспокоишь меня? Надежды нѣтъ.

— Мой отецъ свѣдуецъ въ травахъ, — отвѣчала Барсельгольда съ улыбкой. — Онъ не сталъ бы беспокоить тебя по пустому.

Выраженіе лица королевы измѣнилось, и съ помощью Барсельгольды она приподнялась на постели и протянула руку къ друиду.

— Я останусь жива? надежда еще не потеряна?

— Травы, выбранныя мною, имѣютъ большую цѣлебную силу, — отвѣчалъ Венегогъ съ притворнымъ спокойствіемъ. — Онъ спасутъ тебя.

— Слышишь, Фельторь!—завричала королева съ безумной радостью, на минуту вдохнувшей въ нее новыя силы.—Есть надежда, Фельторь! Я не умру! я не разстанусь съ тобою, Фельторь! Фельторь громко застоналъ.

— Дай мнѣ бокаль!—сказала Вреда, опираясь на обѣ руки.

Барсельгольда улыбнулась ей съ многозначительнымъ взглядомъ, поднесла бокаль къ ея губамъ, поддерживая другой рукой свою жертву за шею. Больная уже хотѣла выпить снадобье, какъ вдругъ у входа въ покои послышался крикъ, и темноволосый ребенокъ, лѣтъ трехъ или четырехъ, подбѣжалъ къ ложу, зова мать. Барсельгольда поспѣшно отвела бокаль отъ губъ королевы, боясь, какъ бы содержимое не пролилось, и съ ненавистью поглядѣла на ребенка.

— Я буду жить для тебя, малютка,—прошептала Вреда, прижимая его къ груди,—для тебя и для твоего отца.

Занавѣсь опять раздвинулась и пропустила странное существо, карлика, неувяжаго и горбатаго, но съ пріятнымъ лицомъ. У него были живые, быстрые глаза, а губы безозвательно складывались въ юмористическую усмѣшку. На головѣ красовалась шапка изъ ослиной шкуры, и уши дерзко торчали по обѣимъ сторонамъ. Съ пояса и до ногъ у него спускалась кожаная туника, но жилистыя ноги и волосатая грудь были обнажены.

— Ну, ослиный дуракъ,—обратился къ нему Венегогъ,—что принесло тебя сюда? Хочешь опять попробовать паловъ?

— Къ палвамъ мнѣ не привыкать стать,—отвѣтилъ карликъ съ полу-униженной, полу-юмористической гримасой.—Если моя спина должна отвѣчать за проказы ребенка, ну что-жъ! бѣда велика.

Голова королевы лежала безсильно на рукѣ, обвивавшей ея шею, и дитя заплакало. Венегогъ перешагнувъ черезъ короля, схватилъ плачущаго ребенка и, казалось, хотѣлъ швырнуть его на руки карлика,—однако передалъ его дядькѣ болѣе осторожно, чѣмъ можно было ожидать, судя по лицу и жесту.

— Убирайтесь!—злбно пробормоталъ онъ въ бороду.—Что ты хочешь убить королеву дѣтскимъ ревомъ?

Карликъ охватилъ обѣими руками плачущее дитя и унесъ его, утѣшая и лаская. Крики ребенка доносились все слабѣе и, наконецъ, затихли. Барсельгольда положила голову Вреды на подушку и поднесла бокаль, осторожно стараясь не пролить ни одной капли. Тишина въ комнатѣ воцарилась мертвая.

Глаза Вреды раскрылись и губы пошевелились. Барсельгольда приставила ухо къ ея губамъ.

— Снадобье!

Барксельгольда улыбнулась, кивнула головой, приподняла безпомощную голову, поднесла бокаль къ губамъ и продержала его такъ, пока Вреда не вышла снадобья до послѣдней капли. Дрожь охватила Вреду, а дѣвушка, быстро поднявшись на ноги, выпустила изъ рукъ голову жертвы, вмѣстѣ съ пустымъ бокаломъ. Металль громко зазвенѣлъ, ударившись о плотно убитую землю, просвѣчивавшую между шкурами, и Фельторъ, поднявъ голову, увидѣлъ выраженіе торжества на лицѣ убійцы. Онъ зналъ, что дѣло сдѣлано, и, шатаясь, пошелъ къ завѣсѣ. Венегогъ сильной рукой схватилъ его за грудь.

— Трусъ!—закричала Барксельгольда:—куда ты идешь съ такимъ предательскимъ лицомъ? Какой же ты мужчина!

Она схватила большой кубокъ и рѣшительнымъ, торжествующимъ жестомъ погрузила его въ открытую гранитную бочку съ гальскимъ виномъ и подала ему.

— Обрѣти мужество хотя въ винѣ!—закричала она.

Фельторъ взялъ кубокъ и жадно осушилъ его. Вторично погрузилъ въ бочку съ виномъ и вновь осушилъ.

— Чтѣ со мной?—проговорила Вреда, задвигавшись на ложѣ. —Фельторъ! я горю! я умираю!

— Еще бы!—отвѣчала Барксельгольда съ холоднымъ бѣшенствомъ.—Еще бы! конечно, ты умираешь, Вреда!

— Фельторъ! — закричала королева. — Мой Фельторъ! спаси меня!

— Твой Фельторъ! — сказала Барксельгольда, разнуздывая демона, ютившагося у нея въ груди.—Какъ онъ сталъ твоимъ Фельторомъ? У кого ты украла его, Вреда?

Архи-друидъ поднялъ упавшій бокаль и спокойно, съ серьезнымъ видомъ, обмылъ его въ водѣ.

— Ничтожный начальникъ племени понравился королевѣ,— продолжала Барксельгольда насмѣхаться надъ своей жертвой:— безумецъ не могъ отказаться отъ величія, но сердце его въ немъ не участвовало. Неужели ты воображаешь, что онъ любилъ тебя? Любить тебя, каменное созданіе!

Королева дѣлала страшныя усилія, чтобы приподняться, но силы измѣнили ей. Она обратила взглядъ на Фельтора, но тотъ, скрывъ лицо руками, отвернулъ голову и прислонился къ стѣнѣ. Съ этой минуты взглядъ ея не покидалъ его, кромѣ тѣхъ мгновеній, когда сильная боль заставляла ее закрывать глаза. Разъ, одинъ только разъ, Фельторъ осмѣлился взглянуть на нее. Взглядъ ея былъ такъ страненъ и ужасенъ, что пронзилъ его сердце.

Въ этомъ взглядѣ отражалось безграничное удивленіе и невыразимое страданіе.

Барсельгольда продолжала глумиться надъ умирающей, а друидъ стоялъ молча и улыбался. Вдругъ онъ подошелъ къ ложу. Королева уже съ минуту какъ лежала неподвижно. Онъ положилъ руку ей на плечо. Тѣло подалось отъ его толчка, и голова сватилась на бокъ. Онъ нѣсколько мгновеній спокойно глядѣлъ ей въ лицо, затѣмъ вышелъ вонъ изъ покоя. Барсельгольда прекратила свои бѣшенныя причитанія, и въ покоѣ воцарилось безмолвіе.

Торжественный возгласъ друида донесся изъ сѣней:

— Слушайте, сыны и дщери Тора!

Среди мертвой тишины покоя послышался слабый шумъ и говоръ толпы. Голосъ Венегога снова раздался:

— Ваша королева скончалась!

Наступила минутная тишина, и затѣмъ раздались стоны и вопли.

Фельторъ оглянулся. Барсельгольда бросилась ему на грудь съ торжествующимъ крикомъ:

— Мой Фельторъ! мой!

III.

Все это видѣла и слышала освобожденная душа Вреды. Внезапно, когда тѣло ея испытывало невыразимыя страданія, въ душѣ ея поднялась такая мука, что для выраженія ея нѣтъ словъ, но затѣмъ на нее снизошли небесный миръ и покой. Голосъ Барсельгольды продолжалъ издѣваться, но это не трогало ея. И въ то самое время, какъ она дивилась спокойствію, охватившему ее, голосъ Венегога прокричалъ въ сѣняхъ: — Слушайте, сыны и дщери Тора: ваша королева скончалась!

И Вреда узнала, въ чемъ тайна ея покоя.

Она взглянула съ высоты на бранный покровъ, который обитала, и почувствовала холодную и блѣдную жалость. Она увидѣла Фельтора, содрогавшагося отъ преступныхъ поцѣлуевъ Барсельгольды, и почувствовала, что простила ихъ. Злобная радость Барсельгольды, и страсть, и страхъ Фельтора, были такъ же осязаемы для души королевы, какъ и ихъ тѣлесное присутствіе. Она протянула впередъ руки надъ ихъ головами, безстрастно прощая и прощаясь. Они, какъ испуганные преступники, отскочили другъ отъ друга, и она ли была унесена отъ нихъ, или

они ушли от нея — этого она не знала. Они ушли, и, кромѣ новаго и страннаго мира и покоя, все ушло.

И не стало ни звука, ни безмолвія, ни свѣта, ни мрака, ни тепла, ни холода, ни вышины, ни глубины, ни мѣста и ничего, кромѣ личности, которая жила и была спокойна.

И вотъ изъ этого пустого отрицанія выросло нѣчто осязаемое для души, какъ живая рука осязаема для живой руки, и Вреда узрѣла женщину благороднаго и спокойнаго вида. И будучи новичкомъ въ этомъ состояніи своемъ, Вреда хотѣла бы заговорить и спросить женщину о многомъ, но здѣсь не было рѣчи, да и не было въ ней нужды, потому что душа королевы знала, что женщина ей отвѣтила:

— Спрашивай, и что я знаю, то сообщу тебѣ.

И Вреда пожелала узнать, кто эта женщина, и узнала, что въ бывше дни она была королевой въ Геракліонѣ, и что мужъ убилъ ее.

Душа Вреды подумала, видя, что душа женщины прекрасна: „Вотъ связь между нами, ибо я тоже убита ко волѣ мужа“.

И душа женщины отвѣчала душѣ Вреды:

— Ты прекраснѣе меня, и это будетъ связью между нами.

Тогда Вреда ощутила болѣе нежели покой и миръ, и полюбила прекрасную душу, и нѣкоторое время обѣ души точно слились во-едино, и это доставило имъ тихое удовольствіе.

И Вреда узнала изъ мыслей другой души, что она оставила землю уже триста лѣтъ по земному исчисленію, ибо тутъ не было времени, и до сихъ поръ не встрѣчала еще такой дорогой подруги. И, желая узнать о положеніи дѣлъ въ ихъ новой сферѣ, узнала отъ той, что была королевой въ Геракліонѣ, что здѣсь нѣтъ ни мѣста, ни пространства, ни зрѣнія, ни слуха, но что обитатели этой сферы сознаютъ другъ друга, когда этого пожелаютъ. Формы не существуетъ, но есть сознаніе духа, и когда души любятъ другъ друга, то встрѣчаются, когда того просто только пожелаютъ.

Размышляя о всемъ этомъ и спрашивая, много ли душъ находится въ одной и той же сферѣ, она узнала, что ихъ многое множество, что нація за націей переселалась сюда вѣкъ за вѣкомъ, всѣ земные народы и изъ всѣхъ міровъ, населяющихъ небеса. Но когда Вреда задумалась о другомъ, — душѣ какъ бы не стало.

И, спросивъ объ имени подруги, она узнала, что ее зовутъ Калейрса.

Послѣ того, пребывая въ этой сферѣ, Вреда сообщалась многими душами, но ни съ одной съ такимъ удовольствіемъ, какъ съ Калейрисой. И были души, отъ которыхъ она какъ бы отстранялась, души людей, совершившихъ темныя дѣла на землѣ, когда свѣтъ Божій еще не сіялъ надъ нею.

Но вотъ случилось, что въ то время, какъ она находилась съ Калейрисой, душа ея взала о чемъ-то, и Калейриса мысленно пыталась разъяснить ей, что она чувствуетъ, и мысли Калейрисы говорили Вредѣ:

— Есть сфера, которую я знаю и не знаю. Я знаю, что всѣ души, вступающія въ нее, блаженны, и всѣ ихъ желанія затихаютъ. Въ нашей сферѣ есть души, сообщившія мнѣ, что съ самаго начала положена была жертва, благодаря которой всѣ души войдутъ въ рай. И когда наступило время, жертва была принесена, и это было прежде твоего времени и прежде моего. И плодомъ жертвы явилось то, что всѣ души, которыя живутъ во всѣхъ мірахъ, мало-по-малу приближаются въ совершенствѣ въ совершенству того, кто былъ принесенъ въ жертву, и вступятъ въ рай, когда будутъ того достойны. И есть одинъ, кого на языкѣ людей зовутъ однимъ именемъ, а на языкѣ обитателей другихъ міровъ другими именами, и въ мысляхъ тѣхъ, которые не говорятъ другъ съ другомъ, но мыслятъ сообща. И ликъ его свѣтѣль, свѣтлѣе солнца въ полдень. И онъ посѣщаетъ эту сферу, когда повелѣваетъ Творецъ, и на кого падетъ свѣтъ отъ лика его, тотъ можетъ просить о чемъ хочетъ, и желаніе его исполняется. А желаніе всѣхъ—это быть съ тѣмъ, къ чьему совершенству они стремятся.

Но тутъ Калейриса узнала, что не это отвѣчаетъ желаніямъ Вреды.

И душа Вреды оставалась алчущей и недовольной, пока вдругъ она не узнала, что ей хочется увидѣть своего ребенка, и желаніе это доходить до страданія. И страданіе росло въ душѣ Вреды, пока, наконецъ, оно должно было побѣдить, ибо таковъ порядокъ въ той сферѣ. И пока она боролась, сама не зная съ чѣмъ, и душа ея болѣла, боль вдругъ побѣдила, и она увидѣла своего ребенка какъ бы тѣлесными очами.

Дитя Ванвардъ спалъ одинъ въ хижинѣ. Онъ былъ на два года старше того, какъ она съ нимъ разсталась. Хижина, гдѣ онъ лежалъ, не была покрыта, и небо просвѣчивало сверху, а въ щели дулъ вѣтеръ. Земля была сырая, и ребенокъ лежалъ на ней неприкрытый. Онъ былъ раненъ и кровь струилась изъ ранъ, и душа матери тщетно стремилась помочь ему. И тутъ

видѣніе исчезло, и она вернулась въ собственную сферу, съ воспоминаніемъ о томъ, что видѣла.

И вотъ опять въ душѣ Вреды появилось желаніе еще болѣе сильное, и она страдала до тѣхъ поръ, пока страданіе не побѣдило. И ей позволено было увидѣть свой народъ, и она увидѣла, что онъ страдаетъ, что многіе послѣдователи Давида претерпѣваютъ пытки и сидятъ въ заточеніи, а что Фельторъ король и Барксельгольда королева находятъ радость въ кровопролитіи. И вотъ великое состраданіе къ королю и королевѣ охватило ея душу и къ тому, что ждало ихъ впослѣдствіи. Но вотъ срокъ видѣнія кончился, и она вернулась въ свою сферу, унося воспоминаніе о томъ, что видѣла.

И вотъ, внезапно души стали собираться толпами въ своей сферѣ и познавать одна другую. И онѣ были всѣхъ народовъ и всѣхъ міровъ и всѣхъ временъ, и числа ихъ нельзя было перечесть.

И Вреда узнала, что ожидаютъ вѣстника свѣта, и вотъ свѣтъ его возсіялъ и палъ на многія тысячи и тысячи душъ. И свѣтъ озарилъ также и Вреду, и она узнала, что ея желаніе будетъ исполнено.

И душа ея болѣла, а страданіе возопило въ ней:

— Пусти меня назадъ на землю, туда, гдѣ я жила во мракѣ, и дай просвѣтить мой народъ свѣтомъ истины!

И вотъ она увидѣла себя на землѣ снова облеченною костями и плотью.

IV.

Веселое лѣтнее солнце сіяло надъ лѣсомъ Серфледа, и въ воздухѣ носились громкіе звуки охотничьихъ роговъ. Въ глухой чащѣ лѣса, на естественной прогалинѣ, Барксельгольда съ кокетливой граціей воссѣдала, точно на тронѣ, на трупѣ диваго быка, убитаго за часъ передъ тѣмъ на охотѣ. Легкая шаль изъ кипрской шерсти служила ей платьемъ, подхваченная сбоку и на плечѣ золотыми пряжками. Черезъ правое плечо перекинута была шкура леопарда и придерживалась у талии широкимъ поясомъ изъ краснаго сафьяна. Шерстяное платье распахивалось съ праваго бока, и изъ-подъ него виднѣлась стройная нога, обвитая полосами изъ мягкой кабаньей кожи, зашнурованными ремнями, а отъ колѣнъ и до щиколки охватывалось наколѣнниками изъ распиленнаго бычачьяго рога. Маленькія ножки обуты были въ

мягкій красный сафьянъ, зашнурованный ремнями того же цвѣта. Лѣвая грудь и обѣ руки были обнажены, а пышные бѣлокुरые волосы разметались по плечамъ. Шапочка изъ красного сафьяна, съ золотымъ обручемъ, съ небрежной граціей сидѣла на головѣ.

Пирамида изъ убитой дичи, быковъ, кабановъ, волковъ и медвѣдей, сваленныхъ въ перемежку, возвышалась за ея спиной, а на прогалинѣ толпились группы охотниковъ и ловчихъ. Тутъ видѣлись дикіе на видъ, бородатые, загорѣлые молодцы, и каждый держалъ на сворѣ громадныхъ бульдоговъ, съ широкими бѣлыми лапами, четырехугольными черными мордами, злобныхъ и безмолвныхъ. Эти псы не наполняли воздуха музыкальнымъ лаемъ, когда гнались за звѣремъ; они гонялись за нимъ и умерщвляли его безмолвно. Здѣсь, на привалѣ, иные зѣвали, другіе рычали, но отъ удовольствія и сытости. Люди, приставленные къ нимъ, были одѣты въ родъ грубаго мундира, указывавшаго на ихъ званіе—тунику изъ кабаньей шкуры, шапку такого же рода, причемъ вьлки звѣря торчали у нихъ по обѣимъ сторонамъ головы, а черезъ голыя плечи перекинута была на веревкахъ короткое копье и бычачій рогъ.

Охотники на кабановъ вооружены были короткими копьями; охотники на дикихъ быковъ одѣты были въ туники изъ красного сафьяна и вооружены топорами и пиками. Ловцы сѣтами держали въ рукахъ длинныя сѣти изъ вѣрпкихъ веревокъ и ремней. Тамъ и самъ видѣлись рабы, военноплѣнные изъ другихъ націй, употреблявшіеся для ношенія тяжестей и званіе которыхъ обозначалъ желѣзный ошейникъ вокругъ горла.

Наклонившись къ Барсельгольдѣ, стоялъ нѣкто, котораго по тому времени и мѣсту слѣдовало признать за иностранца. Его костюмъ представлялъ курьезную смѣсь римской цивилизаціи и британскаго варварства. Онъ былъ одѣтъ въ тунику римскаго покроя изъ желтой шерстяной ткани, съ вышитой голубой оторочкой. По верху туники надѣтъ былъ поясъ изъ полированной мѣди съ серебряными звѣздами, и короткая римская сабля мягко бряцала при каждомъ его движеніи. Онъ носилъ металлическіе наколѣнники и деревянные сандали, красные ремни которыхъ были отдѣланы серебромъ. Самой отличительной національной чертой въ его костюмѣ былъ головной уборъ изъ волчьей шкуры, красовавшійся на его золотисто-рыжихъ волосахъ. Волосы были заплетены съ каждой стороны головы, и косы спускались черезъ плечи.

То былъ Освенгъ, вождь націи ленниевъ, покоренной римлянами, а потому презираемой ихъ болѣе стойкими сосѣдами.

Онъ и Барсельгольда чаще бесѣдовали другъ съ другомъ, чѣмъ это было пріятно Фельтору, и король, прислонившійся широкой спиной къ дубу, подносилъ къ губамъ полный рогъ пива, бросая искоса ревнивый взглядъ на чету. Юный Освенгъ съ аффектированными движениями обмахивалъ королеву дубовой вѣтвой и шепталъ ей хвалу съ тѣми ужимками и позами, какія онъ видѣлъ у римскихъ всадниковъ, стоявшихъ гарнизономъ въ Дивѣ. Барсельгольда лукаво поглядывала на него, а когда хвалы становились черезъ-чуръ откровенными даже для той безцеремонной эпохи — отворачивалась съ притворной застѣнчивостью.

Фельторъ, омрачавшійся все сильнѣе и сильнѣе, поднесъ рогъ къ губамъ, осушилъ его, продолжая искоса глядѣть на жену и на ея легкомысленнаго поклонника, и затѣмъ дивнымъ жестомъ швырнулъ рогъ прочь.

Неподалеку отъ королевы и Освенга сидѣла группа сильныхъ и мускулистыхъ воиновъ, доканчивавшихъ свою охотничью трапезу. Среди нихъ находился Редвегъ, великанъ съ сѣдовой бородой, глазами какъ у сокола и соболинымъ же носомъ.

— Эй вы, послушайте-ка, что я скажу! — началъ Редвегъ, пользовавшійся привилегіей говорить правду.

Онъ указалъ на юнаго Освенга голой, волосатой рукой, жестомъ, полнымъ презрѣнія.

— И такого-то теперь величаютъ мужчиной, а онъ зашетааетъ косы, какъ женщина, и любитъ битву, какъ я люблю жажду. Передъ Торомъ ихъ земля ничего не стоитъ. Юноши тамъ точно красныя дѣвушки и подстригаютъ бороды, чтобы придать себѣ женственный видъ. Это такіе молодцы, что не умѣютъ ни пить, ни рисковать шкурой въ бою. Гдѣ тѣ юноши, какихъ я знавалъ въ молодости? И они любили повеселиться. Я самъ люблю пировать. Пиръ — хорошее дѣло послѣ битвы, да и передъ нею. Но все пировать да пировать — когда же драться? — Онъ презрительно сморщилъ свое и безъ того морщинистое, загорѣлое лицо. — Эй, кто тамъ выпилъ весь медъ? Дай мнѣ меду, Додекъ, или я спущу тебѣ шкуру! Ага! не нравится, старый воюка. Ну, ну, не хмурься. Я вѣдь люблю тебя! А почему люблю? Потому что ты сейчасъ готовъ въ драку. Только нѣтъ ужъ, поищи себѣ кого постарше или помоложе, чѣмъ я.

Все вышесказанное было отлично слышно Барсельгольдѣ и Освенгу. Королева сердито засмѣялась, а ея поклонникъ поблѣднѣлъ и, переложивъ дубовую вѣтвь въ лѣвую руку, правую схватился за рукоятку своей короткой сабли.

— Прежде, — продолжалъ Редвегъ, съ хмурой усмѣшкой слѣ-

дивнѣйшій за этимъ жестомъ и подмигивая внимательнымъ слушателемъ:—вождь носилъ длинную саблю, и это было признакомъ его званія. Теперь какъ честь стала короче, такъ и сабли уворовали. И вотъ что скажу вамъ, молодцы: всего хуже изъ всѣхъ худыхъ вещей — это новая манера съ женщинами. Кто разговариваетъ съ кружкой пива прежде нежели выпить ее? „Милое пиво, я смерть пить хочу, а ты, дорогое пиво сладко,—ахъ, какъ сладко! дорогое пиво, мнѣ хочется тебя выпить“. Пей, и дѣлу конецъ!.. Меня зло беретъ, когда вижу, какъ женщинамъ кружить головы разговорами. Женщина—добыча мужчины и всегда ею была, если только онъ не нѣжится, не ломается, не наряжается, какъ женщина, и не заплетаетъ себѣ косы, чтобы уподобиться ей самой и тѣмъ понравиться. Всегда такъ было, молодцы, съ самаго начала міра, когда Одинъ увлекъ Тиру въ древесную чащу, и съ того пошли бритты.

Тутъ воинъ-великанъ увидѣлъ, что глаза всѣхъ присутствующихъ обратились со смѣхомъ на что-то происходившее у него за спиной, и прежде нежели онъ успѣлъ повернуть голову, чья-то мягкая рука схватила его морщинистую шею подъ сѣдоватой бородой и принялась опрокидывать ее назадъ. Повинуясь этимъ мягкимъ движеніямъ, онъ запрокинулъ голову и увидѣлъ Барксельгольду, склонившуюся надъ нимъ и заглядывавшую ему въ глаза съ задорнымъ смѣхомъ. При этомъ Редвегъ раздвинулъ усы и внезапно изъ-подъ нихъ раскрылся ротъ, точно пещера, усаженная зубами ослѣпительной бѣлизны, какъ у собаки, и онъ захохоталъ громко и раскатисто, но безъ всякаго гнѣва. Барксельгольда принялась брать его за уши такъ, точно она собиралась совсѣмъ оторвать ихъ, но онъ смѣялся все громче и громче.

— Какъ странно, ребята,—промолвилъ онъ съ внезапнымъ философскимъ видомъ,—что бабамъ пріятно ласкать то, чему онѣ не могутъ нанести вреда. Моя голова и отъ вина, и отъ сабельныхъ ударовъ стала крѣпка, какъ дубъ, и, право, жалко, что такія нѣжныя ручки ушибаются объ нее. А нѣжныя ручки пристали женскому полу. Почему это—ужь я не знаю. Кто выпилъ весь медъ, Айданъ? Давай его сюда!

Онъ выпилъ и вытеръ бороду загорѣлой рукой.

— Не будетъ больше такихъ дней, какъ встарь,—продолжалъ онъ, когда королева пошла и сѣла на свое мѣсто и опять заговорила съ Освенгомъ.—Не тѣ мужчины теперь; у нихъ нѣтъ мозга въ костяхъ. Я былъ какъ-то въ плѣну у римскихъ легионеровъ въ Дивѣ, и чтожъ? вожди тамъ поютъ подъ звуки музы-

кальныхъ инструментовъ... не арфы, подь которую мужчина можетъ и смѣяться, и бѣсноваться, и рыдать, какъ ему вздумается, но такіе, какіе дѣвушкѣ подь-стать носить, и поютъ они женщинамъ, а женщины—имъ. И эти-то войны побили ленниевъ. Мнѣ тошно, когда я о томъ подумаю. Да, ребята, храбрость пропадаетъ на землѣ, а съ нею уходятъ и прежніе дни. Мы больше такихъ не увидимъ. Мы начали жизнь богами, и съ каждымъ поколѣніемъ люди становятся ничтожнѣе. Они кончатся тогда, когда Гертанъ пойдетъ за великана.

Въ эту минуту произошло движеніе въ толпѣ охотниковъ и егерей; Барксельгольда, въ одно время съ Фельторомъ, взглянула въ ту сторону, чтобы узнать причину, и оба увидѣли высокую, облеченную въ бѣлыя одежды, фигуру Венегога, подходившаго быстрымъ шагомъ, нимало не вредившимъ его величавой осанкѣ. Взглядомъ онъ искалъ короля и дочь, и, увидѣвъ ихъ, махнулъ имъ рукою. Затѣмъ перешелъ черезъ прогалину, и, войдя въ лѣсную сѣнь, сталъ ихъ тамъ дожидаться. Военачальники поднялись съ земли и, собравшись группами, глядѣли вслѣдъ друиду и ушедшимъ за нимъ слѣдомъ королю и королевѣ, такъ какъ такое внезапное появленіе Венегога обозначало нѣчто важное.

Друидъ повернулся и ждалъ, чтобы подошли Барксельгольда и Фельторъ.

— Какія вѣсти?—спросилъ король.

— Плохія вѣсти,—отвѣчалъ Венегогъ:—шуть Гертанъ опять водилъ Ванкарда въ пещеру богохулителя Давида. А прошлою ночью оба, и шуть, и дитя, были орошены водою, и Давидъ произносилъ надъ ними свои заклинанія, и теперь они стали послѣдователями его ереси.

Барксельгольда и Фельторъ поглядѣли другъ на друга; во взглядѣ Фельтора на жену выразилась угроза и недовольство, а она глядѣла на него съ нѣкотораго рода торжествомъ.

— Кто принесъ это извѣстіе?—спросилъ Фельторъ мрачно.

— Я принесъ его,—отвѣтилъ Венегогъ,—довольно съ тебя.

Онъ повернулся къ дочери.

— У тебя нѣтъ дѣтей,—проговорилъ онъ гораздо мягче.

Затѣмъ опять обратился къ Фельтору и съ внезапною холодною яростью и рѣшимостью произнесъ:

— Это отродіе твое можетъ, чего добраго, стать правителемъ страны, и наша трехлѣтняя служба на пользу боговъ можетъ пойти прахомъ. Но будетъ же конецъ этому безумію и этимъ богохулителямъ. Тридцать-три изъ нихъ присутствовали прошлою ночью

на ихъ нечестивыхъ обрядахъ, и тридцать-одинъ уже находятся въ моихъ рукахъ.

— Я не позволю волосу упасть съ головы ребенка, — сказала Фельторъ грозно. — Онъ уже и безъ того искалѣченъ.

— Мы пока не говоримъ о ребенкѣ, — отвѣчалъ Венегогъ. — Гертанъ увелъ его далеко и самъ спасся бѣгствомъ.

— Вангардъ слишкомъ еще юнъ, чтобы боги на него прогнѣвались, — сказалъ Фельторъ. — Развѣ онъ понимаетъ, что надъ нимъ сотворили.

— Мнѣ кажется, Фельторъ самъ подпалъ этой язвѣ, — замѣтила Барксельгольда, улыбаясь.

Король поблѣднѣлъ какъ смерть, повернулся къ ней и пытливо поглядѣлъ на нее.

— Я уже надоѣлъ тебѣ? — спросилъ онъ. — Ты бы хотѣла и меня отправить на тотъ свѣтъ и взять себѣ въ мужа вонъ того — изъ Дивы?

Барксельгольда глядѣла на него загадочнымъ взглядомъ, поднявъ брови, и медленно повачала головой два или три раза, не то съ удивленіемъ отъ этой вспышки ревности, не то въ подтвержденіе сказаннаго.

— Кто знаетъ, — пробормоталъ Фельторъ: — можетъ быть первый рогъ, который я осушу, будетъ и послѣднимъ?

Барксельгольда вдругъ разсмѣялась съ досадною веселостью, и, взявъ насильно его руку, сжатую въ кулакъ, обвила ею свою шею и стала ласкаться къ нему, заглядывая въ его мрачные глаза.

— Ты бываешь по временамъ очень глупъ, Фельторъ.

Нѣжная ласка ея смягчила его, какъ и всегда, и онъ со страстью взглянулъ на нее. Венегогъ сморщилъ носъ съ презрѣніемъ и заговорилъ:

— Гертанъ недавно прошелъ неподалеку отсюда съ ребенкомъ. Онъ пробрался въ одну изъ подземныхъ еретическихъ норъ. Вели найти ихъ и вели положить конецъ этому безумію.

— Дѣлайте какъ хотите, — отвѣчалъ Фельторъ и крилимымъ голосомъ кликнулъ Редвега, который всталъ на его зовъ и съ воинскою поспѣшностью бросился къ нему.

— Гертанъ тутъ, — сказалъ Фельторъ: — онъ унесъ моего ребенка, и полагаютъ, что онъ скрылся съ нимъ въ одно изъ тайныхъ убѣжищъ христіанъ. Возьми съ собой отрядъ людей. Разыщи его и Давида, и приведи ко мнѣ связанными. Но смотри, не позволяй причинить вредъ ребенку!

Редвегъ молча вынулъ свою длинную саблю и махнулъ ею

одному изъ близь-стоявшихъ охотниковъ. Тотъ поднесъ рогъ къ губамъ и протрубилъ сборъ. Немедленно всѣ воины встали и собрались вокругъ Редвега, а онъ выбралъ изъ нихъ нѣсколькихъ и отдалъ имъ какія-то приказанія. Вслѣдъ затѣмъ всѣ воины разошлись по лѣсу въ различныхъ направленіяхъ: на сѣверъ, югъ и востокъ.

Барксельгольда выскользнула изъ объятій Фельтора и, ни слова не говоря, направилась къ Освенгу, стоявшему воелѣ убитаго быка. Король пошелъ-было за ней, но, увидѣвъ, что она остановилась около Освенга, тоже остановился, и, увидя рогъ, брошенный имъ передъ тѣмъ на землю, съ бѣшенствомъ растопталъ его ногами. Послѣ того, опомнившись, отдалъ приказъ собираться въ обратный путь. Послышался звукъ роговъ и людскихъ голосовъ, и черезъ нѣсколько минутъ на широкой, озаренной солнцемъ прогалинѣ воцарились привычныя уединеніе и безмолвіе.

V.

На сѣверномъ берегу Уэльса находится огромный мысъ, господствующій надъ Ирландскимъ моремъ. Когда Тира и Одинъ обзрѣвали вселенную, они избрали этотъ мысъ своимъ жилищемъ, и суевѣрная фантазія керлановъ признала это мѣсто священнымъ. На плоской и обнаженной вершинѣ холма положены были бранные останки Вреды и лежали цѣлыхъ три года, неприкрытые отъ непогоды. Ея же народъ облекъ ея мертвое тѣло въ финикійскій шолкъ, повѣсилъ драгоценныя ожерелья на шею и украсилъ золотымъ обручемъ лобъ. Онъ выстроилъ пирамиду изъ неотесанныхъ камней на берегу крутого обрыва и послѣ торжественнаго обряда похоронъ предоставилъ покойнику безмолвію и разложенію.

Дважды въ день, утромъ и вечеромъ, друидъ взбирался на вершину холма и оживлялъ огонь, тлѣвшій около пирамиды. Въ безвѣтренные дни дымъ отъ огня вздымался высоко въ воздухъ, а въ бурные—метался вправо и влево, и это всегда служило горестнымъ предзнаменованіемъ для народа.

Время отъ времени уединеніе этого кладбища нарушалось появленіемъ людей, посылаемыхъ рубить дрова для поддержанія погребальнаго огня. Между шотландскими пиратами, ладьи которыхъ покрывали море въ той мѣстности, ходили слухи о томъ, что королева лежитъ посреди удивительныхъ сокровищъ, и они бросали алчные взгляды на столбъ дыма, обозначавшій сосѣдство

этихъ совровищъ. Они были очень смѣлые вообще люди, но самый смѣлый изъ нихъ не рѣшился бы коснуться влады, охраняемаго богами.

По смерти Вреды Давидъ пережилъ странныя событія. Жизнь его всегда была необыкновенна, и еслибы его исторію равсказать теперь, то она показалась бы такою же невѣроятной, какъ волшебная сказка. Но во всю свою жизнь, исполненную духовныхъ подвиговъ, ему еще не приходилось испытывать такого непреодолимаго стремленія, какое внезапно овладѣло имъ. Это стремленіе влекло его къ дѣйствию, не имѣвшему, повидимому, никакой цѣли, но онъ повиновался безропотно, ожидая терпѣливо момента, когда значеніе его дѣятельности станетъ для него ясно.

Три мѣсяца спустя послѣ смерти Вреды въ немъ заговорило впервые это пробужденіе силы. Онъ проснулся глубокою ночью и, самъ не зная какъ и почему, пошелъ на то мѣсто, гдѣ была похоронена королева. Съ трудомъ взошелъ онъ на холмъ, безпрестанно спотыкаясь въ потемкахъ, и, достигнувъ подошвы пирамиды, взялъ головешку изъ тлѣвшаго очага, помахалъ ею въ воздухъ, пока она не разгорѣлась яркимъ пламенемъ, и затѣмъ держа факель правой рукой, полѣзъ вверхъ по неровнымъ камнямъ. Пирамида была углублена на верху, и въ этомъ углубленіи лежали бранные останки Вреды. Финикійская шелковая ткань была изорвана въ клочки клювомъ хищныхъ птицъ, а драгоценности сверкали посреди лохмотьевъ при свѣтѣ фавела. Королевскій обручъ, золотыя браслеты, ручные и ножные, почернѣли и выдѣлялись темнымъ пятномъ среди побѣлѣвшихъ костей.

Давидъ, увидя это, громко зарыдалъ, но вскорѣ странное спокойствіе овладѣло имъ, и онъ вернулся въ свою пещеру съ удивительнымъ миромъ въ душѣ.

Но стремленіе къ пирамидѣ часто посѣщало его, и онъ тѣмъ охотнѣе повиновался ему, что посѣщеніе пирамиды всегда сопровождалось удивительнымъ спокойствіемъ, воцарившимся въ его душѣ. А онъ особенно нуждался въ этомъ, потому что число приверженцевъ его съ каждымъ днемъ все уменьшалось, и тѣ немногіе, которые еще оставались, подвергались опасности неминуемой смерти. Многіе уже и умерли жестокою смертью, а многіе другіе отпали, страха ради, отъ новой вѣры. Наконецъ у него осталось не болѣе тридцати главныхъ послѣдователей, тогда какъ при жизни Вреды онъ насчитывалъ ихъ сотнями. Эти послѣдователи прятались по пещерамъ, а ихъ пастыръ велъ жизнь дикаго звѣря, святого и героя. Онъ питался кореньями и лѣсными ягодами и пилъ гнилую воду изъ болотъ. Каждую ночь мѣнялъ

свое убѣжище, не изъ страха, но въ надеждѣ, что самъ Господь направитъ враговъ къ нему и такимъ образомъ сниметъ съ его усталыхъ плечъ бремя обязанности, которая становилась ему не подь силу.

Вѣсти о дѣяніяхъ Фельтора и Барксельгольды, устроивавшихъ языческія оргіи въ домѣ Вреды, часто доходили до него, а также и о дѣяніяхъ Венегога, безпрестанно приносившаго человѣческія жертвы своимъ богамъ.

Такимъ образомъ, три года прошли въ тревогѣ и утомленіи, и надежда на обращеніе страны въ христіанство почти умерла въ немъ.

Онъ сидѣлъ въ одиночествѣ у входа въ пещеру, на скатѣ одного холма. Солнце сѣло съ полчаса тому назадъ, но въ воздухѣ не ощущалось свѣжести, и онъ все еще былъ неподвиженъ и душенъ. На западѣ виднѣлись отблески грозы, а кругомъ все небо было свинцоваго цвѣта. Не слышно было ни одной птицы, ни одного звѣрья; все притаилось по кустамъ. Безмолвіе удручало его сердце, какъ свинець.

Давидъ усталъ тѣломъ и духомъ и, поджидая надвигавшуюся бурю, заснулъ такъ крѣпко, какъ давно уже не спалъ. Голова тяжело склонилась на грудь, руки бессильно повисли вдоль бочковъ, и онъ сидѣлъ точно статуя, изображающая отдыхъ отъ сильнаго утомленія.

Первые раскаты грома пронесли мимо, и первое дыханіе бури стало раскачивать деревья, которыя содрагались и стонали. Быстрыя молніи прорѣзывали темную завѣсу тучъ, но святой ничего не видѣлъ и не слышалъ.

Вдругъ, прежде нежели пала одна капля дождя, въ лѣсу поднялся трескъ, точно кто-то сильный продирается сквозь его чащу. Трескъ слышался все сильнѣе и сильнѣе, и въ тотъ моментъ, какъ тучи разверзлись съ шумомъ, дождь полилъ какъ изъ ведра и посыпался цѣлый потокъ пламени, а громъ загрохоталъ оглушительно, къ пещерѣ подбѣжалъ Гертанъ, неся на плечѣ ребенка. Внезапный порывъ бури такъ оглушилъ и ослѣпилъ его, что въ первую минуту онъ не замѣтилъ дремлющаго святого, но опрометью бросился въ пещеру, спустил ребенка на землю и принялся отряхивать дождь съ волосъ и одежды. Затѣмъ, съ трудомъ переведа духъ, оглядѣлся кругомъ и увидѣлъ Давида, неподвижно сидѣвшаго на дождѣ и вѣтрѣ.

— Ужь не умеръ ли онъ?—громко закричалъ Гертанъ.

Онъ схватилъ старика за руку и почувствовалъ, что она теплая, но дождь лилъ потоками и мочилъ лицо, бороду и голыя

ноги святого, а его грубая шерстяная ряса насквозь пропиталась водою, какъ губка.

Горбунъ охватилъ одной рукою колѣни святого, а другою взялъ его за поясъ и, приподнявъ, осторожно внесъ въ пещеру. Перемена положенія, какъ ни была она мягко совершена, вызвала острую боль въ костяхъ старика, и онъ проснулся и сталъ вырываться изъ рукъ несчаго его.

— Не бойтесь!—закричалъ Гертанъ.

— Зачѣмъ ты пришелъ сюда?—спросилъ Давидъ, когда горбунъ помогъ ему стать на ноги.

Онъ узналъ его голосъ; но въ пещерѣ было такъ темно, что они не могли видѣть другъ друга. Раскатъ грома заглушилъ отвѣтъ Гертана, и онъ на минуту умолъ. Вѣтеръ врывался въ пещеру и приносилъ съ собой брызги дождя.

— Всѣ схвачены!—закричалъ Гертанъ, когда громъ затихъ. —Только королевское дитя да я ушли изъ ихъ рукъ; погоня слѣдуетъ за нами по пятамъ.

Давидъ не отвѣчалъ.

Дитя заплакало въ потемкахъ, и Гертанъ, сидя на каменистомъ полу, взялъ его на руки. Минутами молніи озаряли присутствующихъ въ пещерѣ, и они могли видѣть другъ друга. Святой стоялъ у входа въ пещеру и разсѣянно глядѣлъ во мракъ ночи. Время отъ времени молнія озаряла его высокую, худую фигуру. Но вдругъ его не стало видно. Горбунъ бросился къ тому мѣсту, гдѣ онъ стоялъ за секунду передъ тѣмъ, и облинулся его. Отвѣта не было.

Прежде нежели Гертанъ убѣдился, что Давидъ оставилъ пещеру, старикъ уже поднимался вверхъ на крутой холмъ. Тайственное и непреодолимое желаніе, такъ часто овладѣвавшее имъ, снова проснулось—и съ небывалою силой. Внутренній необъяснимый голосъ гналъ его къ усыпальницѣ королевы, и его истомленное тѣло, несмотря на усталость, которую онъ чувствовалъ какой-нибудь часъ тому назадъ, исполнено было энергіи сверхъестественной. Насквозь промокшая ряса хлестала его по ногамъ и затрудняла движенія; молнія и громъ ослѣпляли и оглушали его, вѣтеръ трепалъ и билъ дождь. Но непреодолимое стремленіе поддерживало его, и онъ съ безумной отвагой шелъ впередъ, спотыкаясь, падая, порою попадая въ ямы съ водою, порою цѣпляясь за терновые кусты, порою обходя кругомъ утесовъ, сляшвомъ крутыхъ, чтобы прямо лѣзть на нихъ.

Наконецъ, избитый и истрепанный, но не ощущая боли, достигъ онъ вершины, и въ этотъ самый моментъ яркія молніи

прорѣзали темноту, такъ непрерывно чередуясь другъ съ другомъ, что можно было бы успѣть сосчитать три. Всѣ расщелины въ сѣрой пирамидѣ, всѣ линіи неровныхъ камней, всякій кустикъ травы и мха и папоротника, наложенные рукой заботливой природы съ тѣхъ поръ какъ королева была снесена сюда, ясно и отчетливо виднѣлись ему. И вдругъ точно сама молнія прокричала ему живымъ голосомъ:—Внемли!

Онъ направился къ подошвѣ пирамиды. Погребальный огонь не потухъ, но чуть тлѣлъ, полузалитый дождемъ. Онъ ухватился за суку, лежавшій подлѣ, и сталъ имъ мѣшать огонь до тѣхъ поръ, пока онъ не разгорѣлся яркимъ пламенемъ, несмотря на дождь, и затѣмъ, взявъ въ руки большую головню, сталъ подниматься на верхъ; дойдя до площадки съ углубленіемъ, гдѣ лежали бранные останки Вреды, онъ увидѣлъ почернѣвшія золотыя украшенія и иныя драгоценности. Но костей не было больше видно.

Въ великомъ смущеніи сталъ онъ на колѣни и поднялся только тогда, когда молитвой подкрѣпилъ душу. Тогда онъ сталъ спускаться съ пирамиды и вдругъ почувствовалъ себя какъ бы въ присутствіи чего-то невидимаго и невѣдомаго. Вся душа его затрепетала, но онъ не могъ сказать—злое или доброе передъ нимъ: громкимъ и дрожащимъ голосомъ спросилъ онъ, что это значить.

И голосъ отвѣтилъ ему изъ мрака:

— Я — Вреда!

VI.

На восточной сторонѣ лѣсовъ Серфледа находилось большое открытое пространство земли, поросшей травой. Здѣсь тридцать-девять громадныхъ камней образовали кругъ. Они размѣщены были во ста ярдахъ другъ отъ друга, и такимъ образомъ, принимая въ расчетъ величину самихъ камней, кругъ былъ немногимъ меньше двухъ третей мили въ діаметрѣ. Камни были неотесаны, неровной формы и величины, и сѣраго, съ пурпурнымъ отгѣнкомъ, цвѣта. На разстояніи около четырехъ-сотъ футъ шелъ другой внутренній кругъ всего изъ тринадцати камней, и этотъ внутренній кругъ имѣлъ около четырехъ ярдовъ въ ширину. Внутри его шелъ третій, еще меньшій кругъ изъ тридцати-деяти камней, между которыми разстоянія было только настолько, чтобы могъ пройти одинъ человѣкъ. Внутри этого послѣдняго

круга земля была обнажена и носила слѣды огня, такъ какъ, по символикѣ круговъ, кругъ боговъ замыкалъ кругъ жизни, а кругъ жизни замыкалъ кругъ смерти; внутри же послѣдняго приносились въ жертву люди посредствомъ сожженія.

Люди были заняты приготовлениями къ великому празднеству Бела, повторявшемуся каждые три мѣсяца. Эти люди принадлежали къ низшему разряду касты жрецовъ и были одѣты въ грубую одежду изъ бараньихъ шкуръ, имѣвшихъ форму простыхъ мѣшковъ, связанныхъ ремнями на плечахъ и спускавшихся до коленъ. Вокругъ талии у каждаго былъ надѣтъ широкій мѣдный ножъ, и сзади на этомъ ножѣ приерѣшено было кольцо, куда просовывались ремни, на которыхъ они волочили за собой тяжести. Три человѣка находились внутри огненного круга и рыли остроконечными заступами землю. Друидъ въ бѣломъ одѣяніи съ вѣнкомъ изъ зеленыхъ дубовыхъ листьевъ на головѣ, держа въ рукѣ жезлъ изъ ясеневаго дерева, стоялъ и надзиралъ за работами. Люди рыли круглую траншею, и она уже достигала одного фута глубины.

Пока одни были заняты этимъ дѣломъ, другіе подсѣкали на опушкѣ гѣса молодыя ясеневыя деревца и, поваливъ ихъ на землю, рубили на дрова, а третьи таскали ихъ на спинѣ въ центральный кругъ. Твердый, вѣско убитый грунтъ былъ заваленъ сухимъ хворостомъ, а на этотъ послѣдній укладывали въ перемежку и свѣжія дрова, и зеленныя вѣтви, пока костеръ, окруженный вырытой траншеей, заваленной срубленными деревьями, не былъ готовъ.

Этимъ заключился первый трудовой день, но на слѣдующій рабочіе и надзиратель снова явились на это мѣсто. Тонкіе стволы деревьевъ были переплетены въ формѣ корзины и образовали плотную, круглую стѣну. Затѣмъ пришелъ отрядъ людей медленнымъ, ровнымъ шагомъ, неся на плечахъ громадную плетенку, ярдовъ четырехъ ширины въ основаніи и такой же вышины, слегка суживавшуюся къ вершинѣ. Дно этой колоссальной плетенки было выложено сучьями и вѣтками, а верхъ открытый.

Эту колоссальную корзину поставили на краю круга, образуемаго древесными стволами, и прикрѣпили посредствомъ безчисленныхъ узловъ изъ зеленого тростника. На этомъ покончилась работа второго дня.

На третій день принесена была другая колоссальная корзина, на этотъ разъ въ формѣ шара, но открытая сверху и снизу, и прежде чѣмъ ее присоединили къ прежнему сооруженію, сбоку прикрѣпили съ каждой стороны длинныя, переплетенныя другъ

съ другомъ вѣтви. Наконецъ, третья корзина, не такая громад-ная, какъ первая двѣ, но тоже открытая сверху и снизу, завершила сооруженіе, представлявшее грубое подобіе человѣческой фигуры. Громадная, безформенная голова, посаженная прямо на безформенный бюстъ, безъ шеи, толстая, гигантскія руки и безобразное туловище — кумирь достойный вѣры, которой служилъ символомъ, вѣры жестокой и безчеловѣчной.

Порою сцены тихой, домашней жизни разыгрывались на этомъ зловѣщемъ мѣстѣ. Женщины приносили жареное или вареное мясо, ломти чернаго хлѣба и кувшины съ водой, и съ ними приходили ихъ дѣти, державшіяся за ихъ короткія туннки и робко глядѣвшія на друида въ бѣломъ одѣяніи и на его подручныхъ. Въ числѣ другихъ пришла пятнадцатилѣтняя дѣвушка, застѣнчивая и любопытная, съ глазами, выражавшими ужасъ и любознательность. Работа была почти окончена, и рабочіе отдыхали, собираясь ужинать. Но сперва жрецъ, благословивъ кувшинъ съ водой, изъ небольшого мѣднаго ковшика, плававшаго на поверхности воды, поочередно полилъ руки рабочимъ, въ то время какъ они пропѣли какой-то медленный гимнъ, и такимъ образомъ когда отъ нихъ удалено было прикосновеніе къ священнымъ предметамъ Бела, они принялись за ужинъ. Дѣвушка заговорила съ однимъ изъ нихъ который, хотя и былъ жрецомъ низшей степени, однако командовалъ цѣлымъ отрядомъ людей.

— Развѣ зеленныя вѣтви будутъ горѣть, Мендаръ?

— Будутъ ли горѣть? Эге! да и какъ еще, и зеленныя, и сухія, всё вмѣстѣ. Онѣ всё успѣютъ высохнуть, прежде нежели Белъ поглотитъ ихъ.

— Должно быть очень больно горѣть, — сказала дѣвушка, помолчавъ съ минуту. — Я наступила на головешку прошлой весной. Это больнѣе, чѣмъ порѣзаться ножомъ.

Человѣкъ сѣлъ на траву съ ножомъ въ одной рукѣ и съ большимъ кускомъ супонаго мяса въ другой, и поглядѣлъ на дѣвушку изъ-подъ нависшихъ бровей.

— Больно ли? Конечно, больно. Но что за дѣло? Вѣдь это мернагали. Они ни на что другое не пригодны.

— Откуда они берутся? — спросила дѣвушка.

— Откуда? Я почему знаю. Ихъ привозятъ изъ Торнабанта. Они ѣдятъ ящерицъ, и корни, и многое подобное. Говорятъ, Белъ любитъ ихъ запахъ. Можетъ быть.

— Громко они кричатъ?

— Громко ли кричатъ? А вотъ сама услышишь, когда на-

ступить праздникъ Бела, если только ты къ тому времени достигнешь совершенности.

— Да я уже почти его достигла въ прошлый праздникъ.

И оглядѣвъ фигуру изъ плетенокъ, она прибавила:

— Да какъ же они туда пройдутъ?

— Кто же, выстроивъ домъ, забудеть про дверь? Видишь вонъ ту веревку? Ну, вотъ возьми мернагаль, свяжи по рукамъ и по ногамъ, привяжи къ веревкѣ и вздерни наверхъ... Видишь дыру въ головѣ? Трахъ! Вотъ онъ туда и упадетъ. Слышно, какъ заскрипитъ плетенка. И чѣмъ глубже онъ падаетъ, тѣмъ ему становится тѣснѣе. И на днѣ они всѣ вертятся, точно червяки въ мѣшкѣ, когда идешь удить рыбу, пока наконецъ дымъ ихъ не задушитъ. Веселое зрѣлище и сердцу пріятное. Я уже двадцать такихъ зрѣлищъ видѣлъ, считая и наступающій праздникъ Бела.

— Развѣ всегда жгутъ однихъ только мернагалеѣ?

— Въ наши времена, когда войны такъ рѣдки, некого больше и жечь. Въ славные былые дни я видалъ сотню ленкиевъ и торнабантовъ, бравыхъ молодцовъ, которые и не пивнуть бывало—наклади ихъ хоть съ гору—пока огонь не станетъ ихъ лизать. Ну, тогда и они запуютъ, конечно. Но все же они твердые ребята; въ несчастію мы теперь съ ними въ мирѣ! А эта дрянь, мернагали, совсѣмъ въ счетъ не идетъ.

Жрецъ въ бѣломъ одѣяніи и зеленомъ вѣнкѣ близко подошелъ и прислушался. Его серьезное лицо раздвинулось въ улыбку, и онъ съ довольнымъ видомъ погладилъ бороду.

— У насъ будетъ на этотъ разъ кое-кто получше мернагалеѣ, Мендаръ, — сказалъ онъ, удостоивая разговоромъ своего подчиненнаго собрата.

Послѣдній всталъ, когда старшій назвалъ его по имени, и почтительно слушать его стоя.

— Пріятная новость, учитель, — сказалъ онъ. — До сихъ поръ я еще ничего объ этомъ не слыхалъ.

— Я слыхалъ отъ нашего великаго отца во имя Одиана, отъ самого Венегога. Тридцать-одинъ приверженецъ новой вѣры обречены на сожженіе.

— Пріятно слышать, — отвѣтилъ другой, и когда друидъ отошелъ, снова сѣлъ и съ довольнымъ видомъ продолжалъ свою трапезу.

— Сорозъ-пять мернагалеѣ да тридцать-одинъ христіанинъ, — обратился онъ со смѣхомъ къ дѣвушкѣ, — это составитъ... — онъ

принялся считать по пальцамъ...—семдесятъ и шесть. Тебѣ будетъ что припомнить, когда ты будешь такъ же стара, какъ я.

Въ этотъ моментъ послышалось отдаленное пѣніе, и процессія, возвращавшаяся съ королевской охоты, показала въдали, направляясь извилами къ лѣсу въ равнину. Звуки пѣнія то замирали, то снова оживали.

Охотники хлопали руками въ то время какъ пѣли, и время отъ времени пускались въ плясъ, который увлекалъ и сосѣдей, пока всѣ не принимались вертѣться и скакать, съ гиканьемъ, криками, съ горящими глазами, разметавшимися волосами и звенящимъ оружіемъ, и лицами, на которыхъ внезапно зажигалась жажда боя. Во главѣ процессіи ѣхали Фельторъ и Барсельгольда; послѣдняя сидѣла по-мужски на несѣданной лошади, и время отъ времени наклонялась къ Освенгу, шедшему съ нею рядомъ, и перекидывалась съ нимъ словами. Шумъ, который производили ихъ воинственные спутники, не позволялъ разговаривать какъ слѣдуетъ, но зато подъ шумомъ можно было промолвиться словомъ, другимъ, не боясь быть услышаннымъ Фельторомъ.

Около короля шелъ молчаливый и невозмутимый Венегогъ. Вдругъ онъ слегка дотронулся до колѣна Фельтора и указалъ пальцемъ на большого плетенаго идола.

— Погляди, — спокойно сказала онъ: — уже готово.

Фельторъ ничего не отвѣчалъ; люди, шедшіе впереди процессіи, замѣтивъ жестъ друида, взглянули въ томъ направленіи, въ какомъ онъ указывалъ, и увидѣли грознаго идола; отвернувшись, они дали знакъ и другимъ. Воинственная пѣсня вдругъ замолкла; одинъ строй за другимъ становился безмолвенъ. Одна кучка пѣвцовъ, раскраснѣвшаяся и обезумѣвшая отъ пѣнія и пляски, вертѣлась и орала, когда всѣ остальные уже замолкли, но ихъ товарищи взяли за плечи и принудили замолчать. Отрядъ, продолжая идти, мрачно опустил голову. Освенгъ забылъ охорашиваться, а Барсельгольда тихо отѣхала отъ своего поклонника.

Такъ двигались они, пока не удалились за милю отъ идола, и тогда пѣсни и пляски возобновились.

Солнце уже садилось, когда они прибыли во дворецъ. Въ большихъ, непокрытыхъ сѣняхъ горѣло четыре громадныхъ костра, разложенныхъ на земляномъ полу. На каждомъ изъ этихъ костровъ жарились на вертелехъ цѣлыя животныя: быки, кабаны или олени. Въ деревянныхъ кувшинахъ и кружкахъ, высѣченныхъ изъ плотнаго камня, налиты были медъ и пиво, а на каменномъ столѣ посреди комнаты навалены горой ломти чернаго хлѣба. Стѣны въ сѣняхъ были увѣшаны гирляндами изъ полевыхъ цвѣтовъ

и дубовыхъ вѣтвей, и при появленіи Фельтора и Барксельгольды хоръ музыкантовъ, съ арфами, рогами и треугольниками, наполнилъ воздухъ своей какофоніей. Входящіе охотники подхватили тѣму, и стѣны задрожали отъ оглушительной и варварской музыки.

Король и королева съ своей ближайшей свитой прошли во внутренней покой, и тамъ уже былъ накрытъ столъ, вокругъ котораго стояли большія деревянные скамьи, отполированные временемъ и столѣтнимъ употребленіемъ. Лососина изъ водъ Ди, дичина и бычачье мясо изъ лѣсовъ Серфледа, варенные бобы, сотовый медъ, кислое молоко—составляли главныя яства на этомъ пиру, а галльское вино и итальянское масло, купленное за дорогую цѣну у римскихъ легионеровъ въ Дивъ, были такой роскошью, какая попадалась только за королевскимъ столомъ.

Въ сѣняхъ охотники принялись работать ножами и топорами надъ приготовленнымъ для нихъ угощеніемъ, и ревностно рубили себѣ куски бычачьяго мяса, кабаньяго мяса и дичины, пока каждый не получилъ своей доли и не принялся пожирать ее, стоя, наклонясь надъ массивными каменными столами или прислонясь къ стѣнѣ. Женщины обносили рога съ медомъ и чернымъ пивомъ, и пирующие жадно пили со смѣхомъ и громкими одобрительными возгласами.

Во время самаго разгара пиршества небо омрачилось и слышались первые раскаты приближающейся бури. Пирующие не обращали на это вниманія, даже и тогда, когда дождь сталъ накрапывать въ непокрытыхъ сѣняхъ. Горящіе факелы были воткнуты мѣстами въ щели стѣнъ и освѣщали красноватымъ пламенемъ пространство по сосѣдству отъ нихъ, но зато въ остальныхъ промежуткахъ казалось еще темнѣе, вслѣдствіе контраста. Барды пѣли и играли, а пирующие хоромъ подтягивали имъ или самостоятельно орали пѣсни; крики притворнаго страха испускались женщинами, когда какой-нибудь сѣдой, старый воинъ сажалъ одну изъ нихъ къ себѣ на колѣни и прикасался щетинистой бородой къ ея щекѣ; хохотъ, ругань, пѣсни, все сливалось въ одинъ оглушительный гамъ. Вдругъ громъ покрылъ все, и молнія ослѣпительно засверкала. Вслѣдъ затѣмъ дождь хлынулъ какъ изъ ведра, и женщины съ крикомъ и смѣхомъ убѣжали къ себѣ, а мужчины прижались къ стѣнкамъ и продолжали веселиться какъ могли, въ то время какъ буря разыгрывалась не на шутку. Дождь, погоняемый вѣтромъ, лилъ потоками; при свѣтѣ молніи можно было видѣть, какія громадныя лужи образовались на полу сѣней. Факелы, костры—потемнѣли и потухли. Мужчины убѣжали изъ-подъ своей плохой крыши и возвращались съ полными рогами меда

и пива. Товарищи ихъ, частью ради шутки, частью изъ жадности, старались вырвать у нихъ напитки изъ рукъ. Одинъ сѣдовласый бардъ, возбужденный бурей и опьяненіемъ, выбѣжалъ на средину сѣней и тамъ принялся плясать, импровизируя оду къ грому, которой никто не слушалъ.

Въ защищенномъ отъ бури и непогоды покоѣ короля и королевы пиръ шелъ безъ перерыва. Фельторъ и Барксельгольда сидѣли во главѣ стола, рядомъ, въ креслахъ изъ массивнаго дуба, обитыхъ дорогими звѣринными шкурами. Фельторъ былъ мраченъ и молчаливъ, а Барксельгольда веселѣе чѣмъ когда-либо и, по-видимому, наслаждалась гнѣвомъ своего господина и повелителя. Освенгъ сидѣлъ возлѣ Барксельгольды, но взгляды короля до такой степени запугали его, что онъ совсѣмъ пересталъ кривляться и жеманиться, и едва рѣшался отвѣчать королеви, когда та съ нимъ заговаривала. Видя это, Барксельгольда дразнила его своимъ вниманіемъ; подавала ему своими пальцами кушанье, пила изъ его чаши, дотрогивалась до его руки, заговаривая съ нимъ, и все время, пока говорила, не выпускала его руки изъ своей. Не разъ Фельторъ хватался за ножъ, но невоамутимый Венегогъ, сидѣвшій около него, клалъ фамилярно ему руку на колѣно и заговаривалъ съ нимъ. Каждый разъ король выпускалъ изъ рукъ рукоятку ножа и, не обращая вниманія на то, что ему говорилъ архи-друидъ, поворачивался къ молодому воину, обязанность котораго состояла въ томъ, чтобы наливать его кубокъ, когда тотъ опорожнялся. Фельторъ хваталъ кубокъ и осушалъ его, а затѣмъ, облокотившись на голый локоть и подперевъ рукою бородатый подбородокъ, упорно смотрѣлъ на Освенга. Но опьяненіе брало свое, и взглядъ его становился все безцѣльнѣе и бессмысленнѣе. Онъ опрокинулся, наконецъ, на спинку кресель и лежалъ съ повисшими руками и закрытыми глазами. Къ Освенгу вернулась храбрость, но Барксельгольда съ внезапнымъ и ледянымъ презрѣніемъ обратила смѣющееся лицо къ отцу. Кислая усмѣшка искривила губы друида, и онъ неслышно засмѣялся.

Бурные порывы пронизали даже и сюда, и при первыхъ же раскатахъ грома и блескѣ молніи Барксельгольда, прикидываясь испуганной, стала лнуть къ Освенгу, къ которому вернулась храбрость, и онъ сталъ снова за нею ухаживать. Венегогъ, положивъ обѣ руки на столъ, глядѣлъ не то презрительно, не то снисходительно. Пиръ и буря разыгрывались, каждое съ своей стороны. Приличія также мало соблюдались въ огражденномъ отъ бури королевскомъ покоѣ, какъ и въ непокрытыхъ сѣняхъ. Одинъ изъ пирующихъ растаялъ во весь ростъ на лавкѣ, а придвор-

ная дама, наклонясь надъ нимъ, играла его бородой, въ то время какъ онъ сонно улыбался ей въ отвѣтъ. Возлѣ него дѣвушка, почти дѣвочка, опьянѣвъ отъ вина, сидѣла на плечѣ у одного изъ предводителей и, махая пустою чашей, распѣвала какую-то нѣсню, въ то время какъ предводитель, осушая кубокъ за кубкомъ, степенно слушалъ исторію про медвѣдя, рассказываемую сосѣдомъ-охотникомъ. Освенгъ растапулся на полу у ногъ Барксельгольды и глядѣлъ ей въ лицо. Она раза два или три толкнула его ногой, и онъ осмѣлился поймать ее.

Громъ точно раздиралъ небо пополамъ, но не могъ угомонить пирующихъ.

Наконецъ, и буря, и пиръ, стали затихать. Блѣдные лучи луны показались на дворѣ, а во дворцѣ пирующие уже почти всѣ уснули, когда Редвегъ вошелъ въ сѣни и прошелъ къ верхнему концу стола. Онъ несъ на рукахъ ребенка Ванкарда, а тотъ крѣпко спалъ въ своей мощной колыбели, хотя волосы и одежда его были пропитаны дождемъ. Вслѣдъ за предводителемъ ввалилась его команда, подталевивая впереди себя шута Гертана, и всѣ въ нерѣшительности остановились у занавѣса, отдѣлявшаго королевскій покой отъ сѣней, не зная, входить или нѣтъ.

Венегогъ и Барксельгольда встали, но Редвегъ и не взглянулъ на нихъ. Приподнявъ свою легкую нощу лѣвой рукой, онъ протянулъ правую къ рогу, полному вина. Осушивъ его до послѣдней капли, онъ ворчливо проговорилъ:

— Ну, развѣ это мужское дѣло охотиться за ребятами и карлами? Посылать отрядъ воиновъ въ погоню за ребенкомъ и шутомъ!...

— Нашелъ архи-еретика?—спросилъ Венегогъ.

— И еще во время пира...—продолжалъ ворчать Редвегъ, не удостоивая жреца отвѣтомъ.

Онъ собралъ ногой груды шкуръ, валавшихся въ беспорядкѣ по полу, и положилъ на нихъ спящее дитя. Венегогъ подошелъ, какъ будто собираясь захватить ребенка въ свои руки.

— Нѣтъ,—сказалъ Редвегъ:—это королевское дитя. Не смѣй его трогать.

— Какъ смѣешь ты такъ со мною говорить, собака!—сказалъ Венегогъ.

— Какъ смѣю?—засмѣялся Редвегъ.—Никого я не боюсь и не боюсь во вѣки. Сунься ко мнѣ, попробуй, и будь это злой духъ или друидъ—ему нездоровится.

Венегогъ злобно поглядѣлъ на него, но старшій воинъ, не отходя отъ ребенка, протянулъ руку, схватилъ остатки холодной

дичины и спокойно принялся ѣсть. Друидъ въ ярости отошелъ отъ него и подошелъ къ Гертану.

— Гдѣ твой господинъ? гдѣ проповѣдникъ лжи? гдѣ онъ?

Шутъ ничего не отвѣчалъ, и Венегогъ, яростно взглянувъ на него, схватилъ хрустальную кружку и изъ всей мочи ударилъ его по головѣ. Гертанъ зашатался и поднесъ руку къ ранѣ.

— Гдѣ онъ?—кричалъ Венегогъ.

Гертанъ молчалъ. Буря улеглась. Немногіе изъ пирующихъ, еще не уснувшіе, бессмысленно глядѣли на эту сцену, а изъ сѣней доносилась воинская пѣсня, прерываемая икотой.

— Гдѣ онъ?—продолжалъ кричать Венегогъ, опять заноса кружку.

Странное пѣніе, радостное и торжествующее, раздавалось въ эту минуту за стѣнами дворца. Одинъ Гертанъ, изъ всѣхъ, кто его слушалъ теперь, уже раньше слышалъ это пѣніе; лицо его оварилось восторженной улыбкой, и рука, прикрывавшая рану, отдѣлилась, какъ бы приглашая присутствующихъ прислушаться.

Странное, торжествующее пѣніе приблизилось къ дворцу, затѣмъ, постепенно удаляясь, замерло вдали: „Я—воскресеніе и жизнь. Вѣрующій въ меня хотя и умретъ, но оживетъ: и кто оживетъ и увѣруетъ въ меня, тотъ никогда не умретъ“.

— Кто это?—спросилъ архи-друидъ.

Поднятая рука его опустилась.

— Это послѣдователи Учителя, за которымъ и я слѣдую,— отвѣчалъ Гертанъ.

— Ну, такъ туда тебѣ и дорога!—сказалъ Венегогъ.—Связать его и присоединить къ остальнымъ!

Онъ медленно кивнулъ на шута, и бѣлая борода его разметалась.

— Вотъ ты погрѣбешься и порадуешься на праздникъ Бела. Взять его!

VII.

Былъ ванунъ праздника Бела. Между кольцомъ изъ тринадцати камней, изображавшимъ кругъ жизни, и кольцомъ изъ тридцати-девяти камней, представлявшимъ кругъ огненной жертвы, были сооружены большіе деревянные подмостки. Эти подмостки возвышались на шесть футъ отъ земли, и на обоихъ концахъ ихъ, а также и по срединѣ, обращенной лицевымъ фасадомъ къ громадному плетеному идолу, шли семь ступеней. Въ центрѣ ихъ лежалъ камень изъ зеленого мрамора, закругленный наверху,

а богами обращенный на сѣверъ и на югъ. По обѣимъ сторонамъ камня, на разстояніи трехъ или четырехъ ярдовъ, стояло кресло, покрытое шкурами. На дернѣ между подмостками и внутреннимъ кольцомъ изъ камней выстроены были жертвенникъ, и на немъ уже горѣлъ жертвенный огонь.

Въ громадномъ дерновомъ кольцѣ, находившемся между первымъ и вторымъ кругами, собрались уже тысячи народа, и новыя тысячи стекались со всѣхъ сторонъ. Здѣсь стоялъ шумъ и гамъ, точно на ярмаркѣ. Продавцы меда и пива, жаренаго мяса, хлѣба и напитка, состоявшаго изъ смѣси жидкаго кислаго пива съ медомъ, очень цѣнившагося въ жаркую погоду, выкликали свои товары. Друиды продавали кусочки высушенной кожи съ кабалистическими знаками, служившими вмѣсто амулетовъ и предохранявшими отъ смерти и несчастія, маленькія деревянные дощечки, способствовавшія услѣшной охотѣ, сушеные глаза волка, съ гарантіей, что уже не менѣе трехъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ волкъ околѣлъ, такъ какъ только тогда они помогали человѣку въ любви; сюда же слѣдуетъ прибавить пробуравленные кусочки неполированной яшмы и горнаго хрустала, предохранявшіе отъ ревматическихъ и иныхъ болей.

У входа сидѣлъ жирный, старый друидъ въ туникѣ изъ волчьей шкуры и въ вѣнѣ изъ дубовыхъ листьевъ (сплетенномъ только сегодня утромъ, но уже поблекшемъ отъ солнечнаго зноя); передъ нимъ стояло три мѣдныхъ кувшина, и въ каждомъ воткнуты были вѣтки божьяго дерева. Кувшинъ по лѣвую руку содержалъ воду изъ священнаго источника Уншдера; во второмъ была вода изъ того же источника, но вдвойнѣ освященная спеціальнымъ благословіемъ друида-хранителя источника, а въ кувшинѣ по правую руку вода была тройнѣ освящена не только тѣмъ, что взята изъ священнаго источника при благословіи друида-хранителя, но еще служила для омовенія рукъ архидруида послѣ жертвоприношенія.

Къ нему подходили всякіе люди съ различными дарами и просили всякихъ милостей. То нѣжная мать подносила больного ребенка и за одну овчину покупала у жирнаго друида самое дешевое изъ его благословеній, благодаря которому дитя освобождилось отъ конвульсій на время прорѣзыванія зубовъ. То человекъ приводилъ къ нему овцу, чтобы друидъ даровалъ ей плодородіе, и платилъ за это грубымъ мѣднымъ слиткомъ. Пороку дѣвушка, краснѣя, смѣясь и стараясь скрыть отъ зрителей то, что она принесла, держала обѣими руками цѣлую связку сушеныхъ волчьихъ глазъ, и для пущей увѣренности въ ихъ дѣйствитель-

ности платила серебряный слитокъ за то, чтобы ихъ окунули въ самую святую воду. Вотъ подходилъ человекъ, хромая отъ старѣлой раны, нанесенной два года тому назадъ отравленной стрѣлой и все незаживавшей. За нимъ двое рабовъ несли кѣлѣу изъ тростника, въ которой бѣшено бился большой пингвинъ. Друидъ съ дѣловымъ видомъ окропилъ его водой и показалъ мѣсто, куда слѣдовало поставить птицу. Его помощники сторожили разнокалиберное стадо овецъ, ковъ, дикихъ гусей, индюшекъ, лѣсныхъ голубей, а также груды звѣриныхъ шкуръ.

Тамъ и сямъ собирався внимательный кружокъ слушателей вокругъ барда, который пѣлъ подъ звуки арфы, и взрывы хохота и одобренія встрѣчали его саги, смотря потому, пересказывалъ ли онъ о геройскихъ дѣяніяхъ боговъ и воиновъ, или же какія-нибудь веселыя привлеченія. Тамъ и сямъ также высказывалъ плясунъ, вымазанный охрой и сажей, и выплясывалъ себѣ на мясо и пиво. Женщины держали на рукахъ дѣтей мужскаго пола, — которымъ съ младенчества разрѣшалось присутствовать на празднествахъ, — высоко поднимая ихъ надъ головами толпы, чтобы они могли видѣть дикія тѣлодвиженія раскрашеннаго шута.

Толпа разсуждала о готовящемся жертвоприношеніи, и тѣ, которые лично знавали христіанскихъ плѣнниковъ, распрашивали и слушали съ любопытствомъ.

— Между ними находится Элькама, — говорила одна женщина внимательному кружку, собравшемуся вокругъ нея. — Ее сожгутъ сегодня, въ честь Бела. И я очень этому рада, потому что...

— Потому что мужчины на нее заглядывались, — перебилъ со смѣхомъ малый лѣтъ двадцати.

— Да, конечно. Ледфель гонялся за нею. Ну, вотъ завтра врядъ ли она ему понравится. Когда ея не станетъ, честныя женщины опять будутъ нравиться мужчинамъ.

Послышались рѣзкіе звуки рога севозъ гвалтъ и шумъ, производимые толпою, и раздались голоса, приглашавшіе къ тишинѣ и безмолвію. Плясуны прекратили пляску, барды прервали пѣсни на половинѣ, продавцы меда и пива умоляли, и жирный друидъ слилъ содержимое трехъ кувшиновъ въ одно и тѣмъ уничтожилъ ихъ цѣлебныя свойства; а затѣмъ, выливъ воду на землю, передалъ кувшины своимъ помощникамъ, а самъ ушелъ. Безусловная тишина воцарилась тамъ, гдѣ за минуту стоялъ оглушительный гамъ.

Затѣмъ послышалась варварская музыка роговъ, трехугольниковъ и человѣческихъ голосовъ, и толпа, бросившаяся было на

встрѣчу музыкѣ, хлынула назадъ и очистила мѣсто для музыкантовъ. Они были одѣты въ бѣлое и опоясаны мѣдными обручами.

За ними шли другіе въ такомъ же нарядѣ, кропя водой изъ кувшиновъ направо и налево вѣтками изъ божьяго дерева. За ними слѣдовала кучка людей, разбрасывавшихъ сѣмена ржи и овса, и вслѣдъ за ними, на извѣстномъ разстояніи шли Фельторъ и Барксельгольда во главѣ воиновъ, предводительствуемыхъ Редвегомъ.

За ними, гуськомъ, шли жрецы Семи-Ужасовъ: жрецъ смерти отъ огня, жрецъ смерти отъ ножа, жрецъ смерти отъ яда, жрецъ смерти отъ истязанія, жрецъ смерти отъ утопленія, жрецъ смерти отъ голода и жрецъ смерти отъ жажды. На нихъ надѣты были дубовые вѣнки, омоченные въ крови и обожженные на огнѣ; въ то время, какъ они проходили, медленно и невозмутимо, народъ разступался съ низкими поклонами. Сзади послѣдняго Ужаса шли плѣнники, подъ суровой стражей, связанные по рукамъ и дико вращавшіе глазами на толпу и другъ на друга. Нѣкоторые изъ нихъ шли выпрямившись во весь ростъ, съ спокойными лицами, а нѣкоторые даже и пѣли, хотя стража и била ихъ по губамъ, чтобы заставить замолчать.

Вслѣдъ за плѣнниками шли жрецы, вѣстники Семи-Радостей. Они были въ дубовыхъ вѣнкахъ, въ бѣломъ одѣяніи, съ широкими красными кушаками. Они шли тоже гуськомъ: вѣстникъ радости охоты, вѣстникъ радости войны, вѣстникъ радости любви, вѣстникъ радости пира, вѣстникъ радости плодородія, вѣстникъ радости долга къ королю и вѣстникъ радости повиновенія богамъ.

Затѣмъ шелъ отрядъ высшаго ордена жрецовъ, и ихъ рангъ обозначался шириной краснаго пояса, а за ними шелъ Венегогъ въ красномъ одѣяніи, съ наклоненной головой, держа въ правой рукѣ жертвенный ножъ.

Разступавшаяся толпа не скоро осмѣлилась сомкнуться постѣ прохода этой грозной фигуры.

Музыканты, шествовавшіе во главѣ процессіи, заняли мѣста на концахъ подмостковъ, а люди, кропившіе водой и сыпавшіе хлѣбнымъ зерномъ и овсомъ, помѣстились возлѣ нихъ. Фельторъ и Барксельгольда взошли на подмостки и молча сѣли на приготовленные кресла. Редвегъ, съ отрядомъ воиновъ, тоже взошелъ на подмостки и помѣстился сзади короля и королевы. Жрецы Семи-Ужасовъ прошли впередъ и размѣстились по лѣвую руку. Плѣнныхъ, какъ стадо, прогнали между жертвеннымъ огнемъ и плетенымъ идоломъ, а вѣстники радостей выстроились справа. Друиды въ бѣломъ и красномъ стали по лѣвую и по правую

руку короля и королевы, а Венегогъ взошелъ по центральнымъ ступенямъ и остановился у жертвенника съ ножомъ въ рукахъ.

Нѣкоторое время царила тишина, затѣмъ послышался продолжительный и громкій звукъ рога. Затѣмъ еще и еще, семь разъ сряду. Толпа заволновалась, и время отъ времени слышался крикъ нетерпѣнія или боли. Вскорѣ въ густой толпѣ образовались семь какъ бы корридоровъ, частью отъ усилій друидовъ и воиновъ, частью отъ стараній самой толпы.

Опять наступила тишина, и съ подмостковъ можно было видѣть, какъ народъ сталъ на колѣни и поклонился до земли въ великомъ страхѣ, а изъ образовавшихся въ толпѣ промежутковъ выступило по дѣвушѣ, обнаженной съ головы до ногъ и несшей въ рукѣ незажженный факель. То были перворожденные дочери семи великихъ предводителей, и онѣ явились отъ имени семи дочерей Тиръ: Лерны, богини примиренія; Гемдамы, богини молитвы; Уоры, богини плодородія; Тенкомбы, богини искренности; Айштары, богини земныхъ плодовъ; Сомбы, богини запаха жертвы, и Нельбарки, богини тепла. Въ противоположность загорѣлымъ и огрубѣвшимъ лицамъ, рукамъ и ногамъ этихъ женщинъ, тѣло ихъ было нѣжно и бѣло какъ слоновая кость. Нѣкоторыя, повидимому, сознавали жертву скромности, приносимую ими; другія же какъ будто гордились ею, такъ какъ только красивѣйшимъ, благороднѣйшимъ и невиннѣйшимъ дѣвамъ выпадало на долю страшное дѣло, а именно: поджечь костеръ, разложенный подъ плетенымъ идоломъ, когда послѣдній будетъ полонъ человѣческихъ жертвъ.

Онѣ выстроились между группой плѣнниковъ и жертвенникомъ, и каждая воткнула въ жертвенный огонь принесенный ею факель, и когда факелы загорѣлись, престарѣлый друидъ положилъ на мраморный осколокъ, передъ которымъ Венегогъ стоялъ съ ножомъ въ рукахъ, змѣю, привязанную къ толстому суку. Медленнымъ и ловкимъ ударомъ архи-друидъ пробилъ животъ пресмыкающемуся, и престарѣлый друидъ, спустившись со ступенекъ, бросилъ его въ жертвенный огонь. Затѣмъ другой друидъ, мрачный и обросшій волосами, положилъ на мраморъ связанную ящерицу и ножъ—и распоролъ ее отъ головы до хвоста, и она была брошена въ огонь. Затѣмъ принесены были въ жертву: лѣсной голубь, заяцъ, ягненокъ и коза.

Послѣ этого толпа снова заволновалась, предвкушая болѣе страшную жертву. Дикій, непрерывный вопль ужаса раздавался изъ среды плѣнниковъ въ то время, какъ стража связывала ихъ по рукамъ и по ногамъ. Громадная толпа молча глядѣла, уста-

вивъ глаза и вытянувъ шею. Одинъ изъ мернагалей, болѣе сильный, чѣмъ товарищи, съ мужествомъ отчаянія боролся и сопротивлялся до послѣдней крайности, но остальные покорались своей участи безпревословно.

Изъ среды плѣнниковъ одного человѣка притащили на подмостки несвязаннымъ. То былъ Гертанъ, шутъ. У подножія лѣстницы онъ остановился и оглядѣлся, но надежды на спасеніе не было, и во взглядахъ тысячи людей, глазѣвшихъ на него, онъ не прочиталъ сожалѣнія. Стража подталкивала его, и онъ поднялся на подмостки. Зловѣщая тишина была нарушена заклинаніями Венегога. Друиды, толпившіеся вокругъ него, повторяли ихъ. Человѣкъ съ блестящимъ ножомъ въ зубахъ взобрался на плетенаго идола и, достигнувъ верхушки, усѣлся, оглядѣлся и попробовалъ остріе ножа пальцемъ. Стража внизу начала хватать жертвы и бросать ихъ одного за другимъ. Друидъ, стоявшій возлѣ, связывалъ ихъ по рукамъ и по ногамъ.

Четверо стражей, притащившихъ Гертана, схватили его за руки и за ноги. Архи-друидъ уже занесъ ножъ. Вдругъ раздался голосъ:

— Остановись!

Венегогъ поглядѣлъ внизъ и увидѣлъ Давида, стоявшаго въ промежуткѣ между подмостками и костромъ.

— Часъ насталъ, — сказалъ онъ, медленно опуская ножъ. — Бель самъ выбралъ свою жертву. Тащите его сюда!

Нѣсколько человѣкъ сбѣжали съ широкой лѣстницы, но вдругъ остановились. Въ эту самую минуту они увидѣли женщину въ мѣховой мантіи, стоявшую около святаго, и всѣ узнали въ ней Вреду, бывшую свою королеву.

Ножъ выпалъ изъ рукъ Венегога, и онъ задрожалъ съ головы до ногъ. Женщина взопла на подмостки и остановилась около него. Онъ глядѣлъ на нее во всѣ глаза, откинувъ назадъ голову. Но сходство съ Вредой уже пропало, хотя лицо носило выраженіе неземного спокойствія и было сверхъестественной красоты.

При первомъ взглядѣ на нее, Барксельгольда вскочила съ крикомъ и подбѣжала къ Фельтору; но онъ тоже всталъ и жестомъ непреодолимаго отвращенія, которому она не въ силахъ была противиться, отогналъ ее прочь. И затѣмъ оба, блѣдные и трепещущіе, глядѣли на гостью, лицо которой уже утратило сходство съ Вредой.

Женщина повернулась, махнула рукой и заговорила. Голосъ ея былъ мягокъ и тихъ, но весь народъ услышалъ ее.

— Я запрещаю это жертвоприношеніе.

Она снова обратилась къ Венегогу, который, весь дрожа, отошелъ отъ жертвенника. Стража освободила Гертана, и онъ, сойдя съ жертвенника, въ ужасѣ и удивленіи взглянулъ ей въ лицо, упалъ на колѣни и поцѣловалъ ея платье.

— Запрещаешь?—повторилъ Венегогъ.

Глаза его почти выкатились изъ орбитъ, и онъ ухватился своими когтеобразными пальцами за вѣнокъ изъ дубовыхъ листьевъ, надѣтый у него на головѣ.— Кто же ты?

— Я—небесный посланникъ.

Друидъ затрясся. Взглядъ ея остановился на немъ съ выраженіемъ спокойнаго сожалѣнія, котораго нельзя было вынести. Онъ, высоко вздымая руки въ воздухъ, громко вскрикнулъ:

— Расходитесь! Сегодня Белъ останется голоднымъ!

VIII.

Теплый вѣтеръ, напоенный ароматомъ лѣсныхъ растений, колышетъ траву обширныхъ пастбищъ и лѣниво подгоняетъ бѣлыя и сизыя облачка, плавающія надъ отдаленнымъ моремъ. Нѣжная музыка вѣтра смѣшивается съ гвѣніемъ безчисленныхъ птицъ и съ безпечнымъ лепетомъ ручейка, стремящагося въ рѣку и тамъ и сямъ застаивающагося въ большихъ прудахъ, любимыхъ мѣсто-пробываніяхъ лѣнивыхъ карасей. Шутъ съ голыми ногами залѣзъ въ ручеекъ и, прислонясь спиной къ ивѣ, мечтательно смотритъ вдаль, а около него играетъ ребенокъ Ванкардъ, катаясь на скошенной травѣ. Высоко въ безоблачной синевѣ лѣтнаго неба разносится чистая и ясная трель жаворонка.

— Гертанъ,—вдругъ произнесъ ребенокъ,—я голоденъ.

Шутъ вышелъ изъ задумчивости и, протанувъ руку къ мѣшку, лежавшему около него, раскрылъ его, вынулъ изъ него и разложилъ на травѣ: копченый оленій языкъ, пригоршню кореньевъ и краюху чернаго хлѣба.

— Жалкое угощеніе для принца,—сказалъ Гертанъ,—но лучшаго не достать.

Здоровый аппетитъ ребенка не побрезгалъ грубой пищей, и шутъ любовно глядѣлъ на дитя, улетавшее съ удовольствіемъ предложенныя яства.

— Развѣ я принцъ, Гертанъ? — спросилъ Ванкардъ, глядя на своего покровителя.

— Еще бы нѣтъ!—отвѣчалъ Гертанъ.—Вѣдь ты единственный сынъ королевы керлановъ—самой большой націи въ странѣ,

господствовавшей надо всѣми другими до прихода римлянъ. Но нѣтъ таковаго храбраго волка, который бы не встрѣтилъ другого, храбрѣйшаго.

— Моя мать была королева?—спросилъ ребенокъ.

— О, да, и могла бы быть ею до сихъ поръ. Она теперь находится вмѣстѣ съ великими королями и королевами и войнами минувшаго времени. И ты современемъ попадешь туда.

— А ты, Гертанъ, развѣ нѣтъ?—спросилъ ребенокъ.

— Нѣтъ. Тамъ не мѣсто для меня. Тамъ мѣсто только для королей и правителей, мужей войны и совѣта. Къ счастью, есть рай и для бѣдныхъ и несчастныхъ, хотя мы только недавно объ этомъ узнали.

Грубый и веселый голосъ зрѣлъ на разстояніи двухсотъ или трехсотъ ярдовъ по рѣкѣ:

У медвѣда когти длинныя и острые,
У выдры зубы острѣе и бѣлыя,
У волка зубы желтыя и крѣпкія,
А у собаки нашего короля—смѣлыя.

И затѣмъ послышалось: ого! ого!—и громкій лай собакъ.

— Старикъ Серль!—закричалъ ребенокъ, весело вскакивая съ земли.

Шутъ поймалъ его за руку и, отвѣдя въ кусты, сталъ оглядываться, куда бы лучше скрыться.

— Червякъ, убѣгающій отъ вороны, могъ бы не трудиться, еслибы только хорошенъко поразмыслилъ,—сказалъ онъ съ философской покорностью.—Серль бѣгаетъ скорѣе, чѣмъ я, и притомъ съ нимъ собаки. Да и съ какой стати ему вредить мнѣ?

Онъ остановился и далъ знакъ дитяти, и тотъ послѣдовалъ его примѣру; затѣмъ, взявъ Ванкарда за руку, онъ пошелъ на встрѣчу пѣвцу, который остановился, завидя ихъ. Онъ былъ старъ и худъ и полу-нагъ; тѣло его побурѣло отъ загара и непогоды; лысая голова была неприкрыта и блестѣла точно мѣдная вычищенная кастрюля на солнцѣ.

— Эге! да это ты? Я и не воображалъ больше встрѣтиться когда-либо съ тобой, — кричалъ вновь прибывшій. — Ну что, сладко ли послужить жаркимъ для Бела? Тебя чуть-чуть не зажарили въ послѣдній разъ, какъ я тебя видѣлъ.

Гертанъ, успокоенный, подошелъ ближе.

— Куда дѣвалъ ослиныя уши? — продолжалъ спрашивать Серль, угрюмое лицо котораго распустилось въ улыбку до ушей. — Какъ жаль, что ты ихъ лишился. Тебѣ они теперь болѣе пристали, чѣмъ когда-нибудь. Свободный верланъ гоняется за чу-

жими богами и чуть было не попадаетъ на жаркое за это! Скажи-ка, милый, если Одинъ, Тира и Занферъ не хороши для тебя, то развѣ мало новыхъ боговъ въ Дивѣ—изъ камня и изъ золота и серебра, дорогихъ боговъ? Ты опять попалъ въ милость?—внезапно спросилъ онъ, взглядывая на Ванкарда.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ шутъ.— Но дитя любить меня и прибѣгаетъ ко мнѣ, когда только можетъ.

— Онъ не очень-то похожъ на королевскаго сына, — проворчалъ Серль себѣ въ бороду.— Не то было бы, будь королева жива!

— Увы!—печально согласился Гертанъ.

— Есть безумцы, которые говорятъ, что она воскресла, — продолжалъ Серль.— Я самъ это подумалъ, когда она стала между тобой и Венегогомъ. Но когда снова поглядѣлъ на нее, то увидѣлъ, что она такая же королева, какъ и я. Но я скажу тебѣ, кто она, по моему...

Голосъ его сталъ тише, и онъ робко оглядѣлся.

— Это вернулась къ намъ Аштали.

— Аштали? — повторилъ шутъ.

— И никто другой,—отвѣчалъ Серль.— У нея такое лицо, именно такое... Кроткое какъ лунный свѣтъ и такое же холодное. А ужъ красива и мила... да ужъ чтò говорить, меня слеза прошибла, на нее гляючи, точно я баба какая. И гдѣ она ни покажется, она свѣтитъ точно солнце, и всѣ сердца согрѣваются. Ни о комъ больше не говорятъ, какъ о ней. Одни говорятъ, что это наша королева воскресла; другіе—что она прибыла изъ Галліи или еще откуда-то; но всѣ южане черные, какъ эти римляне, а у нея кожа бѣлая, какъ молоко. Но, по моему, это Аштали, богиня мира.

— Всего проще было бы спросить у нея, — сказалъ Гертанъ.

— Ты думаешь?—отвѣтилъ Серль съ гримасой.— Ну-ка, попробуй! Говорю тебѣ, что она вселяетъ ужасъ въ человѣка. Да чего лучше: Меолнъ и Тегъ сватались—было за ножи вчера. Тегъ прибилъ собаку Меолна, да въ прошломъ году они ухаживали за одной и той же дѣвушкой,—ну, такъ вотъ давно уже точили другъ на друга зубы. А она только подошла къ нимъ и сказала: „какъ? неужели братья-близнецы могутъ алкать крови другъ друга?“—И они выронили ножи и въ удивленіи стали и поглядѣли другъ на друга.

— А почему она узнала, что они близнецы?

— Она видитъ насквозь человѣка, и чтò онъ думаетъ—

она ему сейчасъ скажетъ; это Аштали; кто бы могъ помѣшать жертвоприношенію, какъ не она. Она и Белъ всегда были на ножахъ. Говорятъ, что Венегогъ ходитъ мрачный какъ туча, да и не мудрено. Белъ голоденъ, и Венегогу придется за то отвѣчать.

— Какъ думаешь, она долго съ нами пробудеть?—спросилъ Гертанъ тревожно.

— Можетъ быть. Народу надоѣли эти убійства и сожженія, а съ тѣхъ поръ какъ Барсельгольда стала королевой, мы ничего другого не видимъ. Никто не въ обидѣ, когда мернагалеи отдаютъ Белу на съѣденіе; но когда дѣло доходитъ до честныхъ керлановъ, то это другое дѣло. Кому пріятно на это глядѣть!

Старикъ пугливо обернулся, проговоривъ это, вдругъ испугавшись, что ребенокъ его услышитъ. Но Ванкардъ гонялся за бабочкой, и онъ вздохнулъ съ облегченіемъ.

— Опасно говорить объ этомъ, — сказалъ Гертанъ, понявъ его. — Дитя любить и тебя, и меня; но одно неосторожное слово, сказанное имъ, можетъ погубить насъ обоихъ.

Серль кивнулъ головой и, позвавъ собаку, пошелъ дальше, не говоря больше ни слова. Ванкардъ подбѣжалъ къ карлику и, охвативъ обѣими руками его ногу, любовно прислонился къ нему головой. Гертанъ погладилъ спутанныя кудри мальчика и наклонился, чтобы поцѣловать его.

Солнце заходило, и безмолвныя сумерки окутывали землю, когда на небѣ еще догорали послѣдніе лучи зари. Соловей робко загѣлъ въ роцѣ надъ рѣвкой, точно былъ неувѣренъ, что часъ его наступилъ.

— Кто такое Аштали?—спросилъ ребенокъ, внезапно взглядывая на Гертана серьезными темными глазами.

— Откуда ты знаешь про Аштали?—улыбнулся ему Гертанъ.

— Серль говоритъ, что Аштали вернулась. Кто такая Аштали?

— Сядь, — сказалъ Гертанъ, — и я тебѣ все расскажу. Взгляни вонъ туда вдаль. Тамъ живетъ она, и ее зовутъ богиней синевы небесъ и вѣстницей мира для людей. Она внучка Одина и Тиры, но вышла замужъ за молодого воина, и у нихъ родился славный мальчикъ, какъ ты. А Синакъ, богъ кипящихъ ключей, ненавидѣлъ воина, потому что самъ хотѣлъ жениться на Аштали; но онъ былъ дурень собой и золь сердцемъ. И вотъ Синакъ превратился въ змѣю и ужалилъ ребенка, который умеръ... Сиди смирно. Слышишь вонъ ту птицу? Первая, которая такъ загѣла, прилетѣла съ могилы ребенка, и отъ нея про него узнали. Аштали искала ребенка вездѣ, потому что извѣстно, что онъ живетъ

среди птицъ, но всё они поютъ на одинъ ладъ, и она такъ и не нашла его. Поэтому Аштали всегда ходитъ грустная, но человекъ, который съ нею встрѣчается, бываетъ счастливъ, потому что она приноситъ съ собою миръ, и горе не можетъ жить въ той же странѣ, гдѣ она... Но какой же я дуракъ, что набиваю голову ребенка этими баснями старой вѣры, когда мнѣ слѣдовало бы пересказывать ему истину, открытую мнѣ!

Наступило молчаніе, и ребенокъ думалъ о томъ, что слышалъ, а Гертанъ думалъ свою думу. Сумерки сгущались, и вдругъ невыразимо нѣжный голосъ произнесъ.

— Ванкардъ!

Шутъ бросился на колѣни, увидя передъ собой фигуру, закутанную въ бѣлое. Фигура опустилась передъ ребенкомъ на землю и протянула ему руки. И дитя бросилось въ ея объятія со слезами и рыданіями.

— Мама!—закричалъ Ванкардъ въ восторгѣ.—Мама! мама!

Гертану показалось сѣвось мракъ, окружавшій ихъ, что глаза Вреды смотрять на него. Но вдругъ Ванкардъ вскрикнулъ въ ужасъ:

— Нѣтъ, ты не мама!

При этомъ возгласѣ, полномъ дѣтскаго отчаянія, Гертанъ снова взглянулъ и увидѣлъ не Вреду, но величественную женщину невыразимой красоты, кротко улыбающуюся и окруженную сіяніемъ, подобнаго которому онъ еще не видывалъ. Сіяніе озарило какъ бы и его, и весь страхъ и тревога исчезли изъ его сердца.

— Будешь ли ты любить меня, Ванкардъ? — спросила она.

Ребенокъ, вмѣсто отвѣта, обхватилъ ее за шею обѣими руками и поцѣловалъ.

Когда она говорила, въ голосѣ ея было нѣчто такое, что будило въ Гертанѣ какія-то неясныя воспоминанія. Она прижимала ребенка къ груди и съ большой нѣжностью цѣловала его, а Ванкардъ отвѣчалъ на ея поцѣлуи страстными поцѣлуями. Шуту казалось, что ребенокъ хочетъ вознаградить себя за все прошлое время, когда никто не ласкалъ его. У Гертана навернулись слезы на глазахъ, глядя на него.

Онъ уже не испытывалъ прежняго страха, но какое-то чувство благоговѣнія, мѣшавшее ему задавать вопросы, толпившіяся въ его умѣ. Кто была она, эта странная припелица, являвшая сердца людей, какъ воскъ? Аштали? Давидъ отвергалъ всѣхъ друидическихъ богинь и такъ же мало почиталъ поэтическія легенды бардовъ, какъ и безобразныя измышленія друидовъ. Но

можетъ быть какъ вѣра Давида, такъ и сладкія грезы гѣвцовъ одинаково справедливы?

Пока онъ размышлялъ объ этомъ, Вреда заговорила съ нимъ.

— Не думай объ этомъ, Гертанъ. Дитя ползаетъ, пока не начнетъ ходить, но придетъ время, и онъ станетъ на ноги и пойдетъ.

Когда Ванкардъ обнималъ Вреду, то правая рука его прижималась къ ней, но кисть висѣла какъ плеть, безсильная. Она взяла эту бѣдную ручку и стала ее ласкать. На ней были перерѣзаны сухожилія и остался отъ того шрамъ.

— Это дѣло рубъ Ганума, — сказала Вреда.

— Гертанъ говоритъ, что я все-таки буду хорошимъ современемъ, — сказалъ Ванкардъ. — Я научусь биться лѣвой рукой, и тогда они выберутъ меня королемъ, хотя я и не могу держать меча правой рукой. И когда я стану королемъ, я прикажу Редвегу или Элангару или кому-нибудь убить Ганума.

— Ганума! — повторила Вреда: — но онъ только повиновался приказаніямъ Венегога; слуги должны исполнять волю господина.

„Ахъ! — подумалъ Гертанъ, — дай только ребенку вырасти, онъ проучитъ ихъ обоихъ“.

— Не учи дурному ребенка, Гертанъ, — сказала Вреда. — Любите враговъ вашихъ и дѣлайте добро творящимъ вамъ зло.

Мысли шута жгли ему сердце точно раскаленнымъ углемъ, но кроткій голосъ падалъ на его сердце, какъ прохладная роса. Онъ слышалъ это изреченіе отъ Давида, но находилъ его труднымъ. Теперь же ему показалось, что въ немъ именно истина и добро.

— Ты обязался придти на собраніе сегодня ночью, Гертанъ, — продолжала Вреда. — Пойдемъ вмѣстѣ.

Она встала, держа ребенка за руку, и пошла впередъ. Гертанъ слѣдовалъ въ нѣкоторомъ разстояніи. Дитя лепетало что-то на своемъ дѣтскомъ языкѣ, и Вреда нѣжно наклонялась къ нему, выслушивая его. Онъ совсѣмъ пересталъ ее бояться и весело и довѣрчиво болталъ. Наконецъ, они дошли до опушки лѣса, и Вреда увѣреннымъ шагомъ повела ихъ по тропинкѣ, гдѣ переплетающіяся деревья и ихъ низко опущенныя вѣтки образовали такую темень, какъ въ лѣтнюю полночь. Пройдя нѣсколько шаговъ, они вышли на просѣку, гдѣ стояли двѣ мазанки изъ глины. Рѣчка, пропадавшая-было, здѣсь вновь появлялась, образуя множество каскадовъ и музыкально журча. Человѣкъ пять-шесть суетились около мазанокъ, и двое изъ нихъ, завидя Вреду, стали на колѣни, а чей-то голосъ произнесъ.

— Это Аптали!

Кто-то подбѣжалъ и упалъ къ ногамъ Вреды съ безсвязными воплями, цѣлуя ея платье и дико рыдая.

— Дѣвочка здѣсь,—сказала Вреда. Принесите мнѣ факель, чтобы я могла ее видѣть.

Кто-то подбѣжалъ къ тлѣющему около мазаноеъ костру, вытащилъ изъ него головешку и помахалъ ею въ воздухѣ до тѣхъ поръ, пока она не разгорѣлась яркимъ пламенемъ. Затѣмъ, вернувшись, привелъ за руку дѣвушку лѣтъ пятнадцати; блѣдное лицо ея говорило о перенесенной только-что опасной и тяжелой болѣзни. Свѣтъ факела озарилъ фигуру женщины, съ сѣдыми разметавшимися по плечамъ волосами, стоявшую на колѣняхъ передъ Вредой со сложенными руками и заплаканными глазами, призывая на нее прерывистымъ голосомъ благословенія всѣхъ боговъ. Дѣвушка протянула руку и слабо улыбнулась. Вреда взяла ее за протянутую руку.

— Вчера она умирала!—закричала старуха.—Соль Леноръ ничего не могъ для нея сдѣлать. Сегодня она встала и ходила. И это ты сдѣлала, одна ты.

— Я знаю траву, которая растетъ недалеко отсюда,—сказала Вреда.

Она остановилась и положила руку на лобъ дѣвушки. Затѣмъ взяла опять Ванкарда за руку, махнула Гертану и пошла впередъ. Немногіе люди, окружавшіе ее, разступились передъ нею съ боязливымъ благоговѣніемъ. Ванкардъ молча шелъ рядомъ нѣкоторое время, но, когда они прошли просѣку и опять углубились въ лѣсъ, внезапно спросилъ:

— Ты Аптали? Они зовутъ тебя Аптали.

Гертанъ, задерживая дыханіе, подошелъ ближе, чтобы услышать ея отвѣтъ.

— Нѣтъ, милый. Никакой Аптали не существуетъ. Это просто басня.

— А Гертанъ мнѣ про нее рассказывалъ,—сказало дитя.

— Онъ хотѣлъ позабавить тебя,—отвѣтила Вреда.—Аптали никакой нѣтъ.

— Но если ты не Аптали,—осмѣлился вмѣшаться въ разговоръ Гертанъ,—то кто же ты? Скажи свое имя.

Гертанъ ждалъ отвѣта, но Вреда въ смущеніи молчала. Народъ сразу обозвалъ ее Аптали, и до сихъ поръ никто не спрашивалъ, какъ ее зовутъ. Но въ то время, какъ она шла молча и въ нерѣшительности, она почувствовала внезапно, что у нея на душѣ стало тепло и радостно, и какъ будто чей-то голосъ проговорилъ:

— Почему не назваться тебѣ, мама, именемъ? Мы вѣдь съ тобою точно одна душа?

И она узнала, чей это голосъ, и, прежде нежели ребенокъ успѣлъ повторить свой вопросъ, отвѣтила ему:

— Зови меня Калеріей.

Луна взошла, и ея свѣтъ мягко пробирался сквозь листья. Тропинка была окутана легкой дымкой, и туманъ клубился по лѣсу, переливая всѣми оттѣнками жемчуга и опала, а деревья и листья подернуты были легкой синевою. Всѣ птицы примолкли, за исключеніемъ одного только соловья, распѣвавшаго въ лѣсной чащѣ и нарушавшаго тишину и спокойствіе ночи своими страстными жалобами.

И въ то время, какъ Вреда и дитя шли рука объ руку, а Гертанъ въ нѣкоторомъ разстояніи позади ихъ, медленное пѣніе достигло ихъ ушей и замерло. Немного спустя, густой и торжественный голосъ послышался среди ночного безмолвія. По мѣрѣ ихъ приближенія, голосъ становился все явственнѣе. То былъ голосъ Давида, возгласившаго торжественное моленіе Богу.

Оставшіеся въ живыхъ приверженцы его стояли на колѣняхъ или сидѣли около него на травѣ въ лѣсу, среди тумана, озаренные свѣтомъ луны.

Вреда жестомъ остановила Гертана, и Ванкардъ молча сталъ около нея.

А. Э.

ГРЕКО-БОЛГАРСКАЯ РАСПРЯ

ВЪ

ШЕСТИДЕСЯТЫХЪ ГОДАХЪ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

До конца тридцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія Болгарія находилась въ поработеніи не только у турокъ, но и у своихъ единовѣрцевъ, грековъ, благодаря духовной юрисдикціи, которую присвоилъ себѣ надъ этою страню греческій константинопольскій патріархъ. Только послѣ обнародованія султаномъ Абдуль-Меджидомъ, въ 1839 году, извѣстнаго гюльханійскаго гатти-шерифа, до нѣкоторой степени ослабившаго правитвовавшійся прежде на всѣхъ ступеняхъ турецкой правительственной администраціи безграничный произволъ и поставившаго задачу хотя бы нѣкоторое охраненіе и обезпеченіе личныхъ и имущественныхъ правъ всѣхъ, безъ различія религіи и племени,—и болгары осмѣлились заявить свой голосъ противъ ничѣмъ неограниченной зависимости ихъ отъ греческаго духовенства, подготовлявшаго поглощеніе Болгаріи панэллинизмомъ. Въ сороковыхъ годахъ въ Болгаріи появлялись только жалобы сначала на притѣсненія, вымогательства и злоупотребленія греческихъ архіереевъ, причеиъ изрѣдка высказывалось желаніе о замѣщеніи ихъ архіереями болгарскаго происхожденія. Съ пятидесятыхъ годовъ стало обнаруживаться болѣе уже опредѣленное стремленіе къ тому, чтобы пастыри, посылаемые греческимъ константинопольскимъ патріархомъ, были непременно болгарскаго происхожденія, или, по крайней мѣрѣ, владѣли бы вполнѣ болгарскимъ языкомъ. Встрѣченный же въ Константинополѣ отказъ побудилъ

болгарь — прямо возстановить древнюю самостоятельность ихъ церкви. Это было въ самомъ концѣ пятидесятихъ годовъ, а въ началѣ 1860 года вожди болгарской общины въ Константинополѣ громко заявили, что, въ виду противныхъ правиламъ вѣры и церкви дѣйствій константинопольскаго патріарха и посылаемыхъ имъ въ болгарскія епархіи архіереевъ, болгарскій народъ не можетъ болѣе, по своей религіозной совѣсти, признавать ихъ своими архипастырями; что онъ отрицаетъ ихъ власть надъ собою, основанную на нарушеніи канонѣвъ, и провозглашаетъ единственными законными духовными архипастырями своихъ болгарскихъ архіереевъ, находившихся при болгарской церкви въ Константинополѣ. При этомъ болгары были увѣрены, что султанское правительство, какъ правительство иновѣрное, не будетъ вмѣшиваться въ церковныя дѣла своихъ христіанскихъ подданныхъ и, въ виду заявленій со стороны представителей болгарской національности, безъ труда признаетъ болгарскую іерархію, какъ существующую *de facto*. Приведеніе такого плана въ дѣйствіе должно было начаться протестомъ противъ поминаенія патріаршаго имени, при церковной службѣ въ день пасхи того же 1860 года; эту службу долженъ былъ совершать въ болгарской національной церкви епископъ макаріопольскій Иларіонъ, болгаринъ по происхожденію; онъ былъ настоятелемъ этой церкви и всѣми силами старался о возстановленіи древней болгарской іерархіи. Дальнѣйшее исполненіе вышеупомянутаго плана болгарскихъ представителей въ Константинополѣ вызвало уже цѣлый рядъ событій, наполнившихъ собою весь 1860-й годъ; постараемся въ настоящемъ историческомъ очеркѣ воспроизвести эти событія, какъ по собственнымъ воспоминаніямъ изъ того времени, такъ и руководясь греческими и болгарскими источниками.

I.

Мысль—заявить торжественно о томъ, что болгарскій народъ не признаетъ болѣе власти константинопольскаго патріарха надъ собою—не была представлена на предварительное разсмотрѣніе совѣта изъ почетнѣйшихъ людей болгарской общины въ Константинополѣ, какъ то практиковалось всякій разъ, когда предстояло сдѣлать какой-либо важный шагъ по церковно-народнымъ дѣламъ. Было извѣстно, что нѣкоторые изъ членѣвъ общины, считая первымъ дѣломъ постройку начатаго въ столицѣ оттоманской порты большого болгарскаго храма, для успѣха коей, по ихъ мнѣнію,

было необходимо поддерживать хорошія отношенія къ патриархату, воспротивятся такому рѣшительному расторженію всякой связи съ послѣднею. Съ другой стороны, не оставалось никакого сомнѣнія, что задуманный планъ будетъ успѣшно приведенъ въ исполненіе даже и безъ формальнаго его одобренія совѣтомъ, такъ какъ многіе изъ его членовъ были частнымъ образомъ посвящены въ тайну и раздѣляли убѣжденіе въ пользѣ новаго шага противъ патриархата. Двое изъ главныхъ руководителей болгарской общины, Христо Топчилещовъ и хаджи Никола Минчоглу, явившіеся въ то время къ различнымъ турецкимъ государственнымъ людямъ, и въ частности къ Аали-пашѣ, для ходатайства по болгарскому церковному дѣлу, одобрили планъ новой проектированной противъ патриарха демонстраціи, и взяли на себя отвѣтственность за нее предъ правительствомъ. Иларіонъ макаріопольскій, безъ согласія котораго была невозможна демонстрація, самъ стоялъ твердо за нее, хотя ему не безъизвѣстно было, что главная отвѣтственность въ глазахъ патриархата падеть на него одного. Такимъ образомъ, всѣ необходимыя для исполненія плана элементы были на лицо. Препятствія со стороны паствы не могло быть. Отъ того безотчетнаго благоговѣнія, какое нѣкогда возбуждало въ болгаряхъ одно имя „Великой Церкви“, не оставалось болѣе почти никакого слѣда, послѣ тѣхъ обвиненій и критики въ печати, предметомъ коихъ было все высшее греческое духовенство. Агенты католической пропаганды, съ своей стороны, ничего такъ не желали, какъ видѣть, хотя бы часомъ раньше, такой скандалъ въ средѣ православныхъ болгаръ, какъ исключеніе имени патриарха изъ церковныхъ молитвъ, по желанію собравшагося на богослуженіе въ торжественный христіанскій праздникъ народа. Потому къ заутренѣ въ первый день пасхи 1860-го года, 3-го апрѣля, въ болгарскую церковь, въ Фанарѣ, поспѣшили, кромѣ дѣйствительно набожныхъ людей, также и всѣ тѣ, которые отдались-было въ руки католической пропаганды, частію по своекорыстнымъ видамъ, частію по легкомыслію и легвовѣрію. Эти люди съ нетерпѣніемъ ждали минуты, когда, по установленному порядку, провозглашалось на литургіи, совершаемой Иларіономъ макаріопольскимъ, многолѣтіе вселенскому патриарху. Патриарху возглашалось многолѣтіе при архіерейскомъ служеніи, какъ извѣстно, по окончаніи гнѣнія „Трисвятаго“, происходящаго предъ чтеніемъ апостола. Въ день пасхи, какъ и въ нѣкоторые другіе великіе праздники, вмѣсто „Трисвятаго“ поется: „Елицы во Христа крестистесь“. Когда, по окончаніи этой гнѣсни, діаконъ произнесъ первыя слова многолѣтія: „Святѣйшему

Кириллу“,—то нѣсколько обращенныхъ къ нему, согласно предварительному уговору, голосовъ—внезапно остановили его, громко замѣтивъ, что не слѣдуетъ болѣе поминать имя патріарха. Это замѣчаніе уже громко подтвердилъ весь присутствовавшій въ церкви народъ, послѣ чего между собравшимися послѣдовало нѣкоторое совѣщаніе, которое удостовѣрило, что дѣйствительно весь присутствующій въ церкви народъ согласенъ, чтобы имя патріарха болѣе не поминалось, и что всѣ требуютъ замѣнить его имя именемъ султана. Въмѣсто установленнаго для патріарха многолѣтія было, вслѣдствіе того, провозглашено многолѣтіе султану. Руководителямъ было хорошо извѣстно, что такое дѣло, какъ исключеніе имени патріарха изъ молитвъ въ церкви, непосредственно ему подчиненной и стоящей возлѣ самой его кафедръ, нарушаетъ его права, признанныя и утвержденныя множествомъ султанскихъ фирмановъ; что патріархъ, власть котораго сохранялась еще во всей полнотѣ, потребуетъ содѣйствія турецкой власти для устраненія происшедшаго безпорядка и для наказанія виновниковъ. До того времени, за сопротивленіе власти греческаго патріарха, за безпорядки и смуты, происходящія по церковной части среди подчиненныхъ ему христіанъ, были наказываемы, по его одному слову, не только духовныя, но и свѣтскія лица. Съ другой стороны, турецкіе сановники стояли еще въ то время слишкомъ высоко по отношенію къ болгарскимъ передовымъ людямъ, чтобы послѣднимъ возможно было, не стѣсняясь, объяснить, въ продолжительной съ ними бесѣдѣ, происшедшіе въ болгарской церкви нарушеніе правъ патріарха. Греки имѣли и въ этомъ отношеніи превосходство надъ болгарами. Кромѣ патріарха и синодальныхъ митрополитовъ, которые, по самому своему положенію, могли легче видѣться и свободнѣе объясняться съ министрами и сановниками высокой перты, нежели скромные и боязливые болгарскіе представители, — многіе свѣтскіе люди изъ грековъ были близко знакомы съ высокопоставленными лицами изъ турокъ и видѣлись съ ними весьма часто. При такихъ неравныхъ отношеніяхъ болгаръ и грековъ къ турецкимъ министрамъ и сановникамъ, при сохраненіи правъ и привилегій патріарха во всей ихъ силѣ, отвѣтственные предъ правительствомъ высокой перты болгарскіе передовые люди не могли не опасаться дурныхъ для себя послѣдствій отъ несоблюденія установленнаго въ церкви порядка и нарушенія правъ патріарха. Въ виду сего имъ необходимо было не только выставить фактъ непоминовенія патріаршаго имени въ болгарской церкви, какъ слѣдствіе всеобщаго народнаго неудовольствія противъ высшаго церковнаго правитель-

ства, но и обставить его изъявленіемъ чувствъ преданности и благодарности въ султану, такъ чтобы министры Порты принуждены были, волею-неволею, посмотрѣть на дѣло снисходительно. Вотъ почему инициаторами было придумано провозгласить, вмѣсто установленнаго для патріарха многолѣтія, многолѣтіе султану. Хотя, по ученію апостола, молитва о „предержащихъ властяхъ“ обязательна, но въ болгарскихъ церквахъ до того времени не было обычая совершать молитву о султанѣ или возглашать ему многолѣтіе. Опасеніе, чтобы не навлечь на себя гнѣвъ порты за поступокъ противъ патріарха, заставило болгаръ ввести несуществовавшій до того времени обычай.

Султану было провозглашено многолѣтіе въ такихъ выраженіяхъ: „Многолѣтна да сотворить Господь Богъ, държавѣйшаго, тишайшаго и благодѣтельѣйшаго нашего царя султана Абдуль-Меджида ефендимисъ (нашего государя). Господи, сохрани его на многая лѣта“ ¹⁾.

Послѣ того какъ хоръ пропѣлъ эти слова, литургія была продолжена обычнымъ порядкомъ, но когда, по освященіи даровъ, нужно было, по церковному уставу, вознести имя патріарха самимъ служащимъ архіереямъ, Иларіонъ магаріопольскій произнесъ вмѣсто того: „всякое епископство православныхъ“, т.-е. онъ исполнилъ порядокъ поминовенія, свойственный самостоятельнымъ архіепископамъ. Это онъ сдѣлалъ не только потому, что народъ вновь потребовалъ не помянуть болѣе имени патріарха, но и для того, чтобы поставить на видъ, что въ его лицѣ возстаетъ древне-болгарская самостоятельная іерархія или „священноначальство“, какъ чаще говорятъ болгары.

Послѣ литургіи пѣвчіе пропѣли въ честь и хвалу султану слѣдующую пѣсню:

Веселися нашъ народъ,
Бога прославяй
И за мирный свой животъ
Царя благодаряй.
Боже, царя съхрани,
Подари му дълги дни,
Славно да живѣй
Султанъ Меджидъ,
Абдуль Меджидъ.
Даръ божественъ ты огрѣ,
Отъ успокоеніе
Простотата се спрѣ,
Тръгна на ученіе.

¹⁾ См. газету „България“, годъ II, стр. 85, 108.

Боже царя съхрани и проч.
 Много годинъ живъ буди,
 Царю сильный, славный,
 Вышній да благослови
 Трона ти държавный.
 Боже, царя съхрани и проч. ¹⁾.

Для болѣе надежнаго огражденія себя отъ преслѣдованій патріарха, болгарскіе руководители распорядились, чтобы гѣвчїе иѣли эту гѣсню на балконѣ болгарскаго подворья у церкви въ теченіе цѣлаго дня.

За вечернею, совершаемой по мѣстному обычаю въ полдень, съ чтеніемъ Евангелія на разныхъ языкахъ, нѣкоторые молодые люди потребовали, въ видѣ новой демонстраціи противъ греческой іерархіи, чтобы Евангеліе не читалось на греческомъ языкѣ. Хотя въ томъ имъ не было отказано, но выходка ихъ и не привлекла особаго вниманія.

Въ теченіе дня, вышеупомянутые два представителя болгарскаго народа предъ высокою портою, Хр. Топчилещовъ и хаджи Н. Минчоглу, съ согласія коихъ была сдѣлана демонстрація, увѣдомивъ турецкихъ министровъ о всемъ, что произошло на утреннемъ богослуженіи въ болгарской церкви, возвратились отъ нихъ вполне довольные, такъ какъ послѣдніе не только не выбрали ихъ, но все время слушали съ улыбкой на лицѣ. Выходило, что какъ порта, такъ и болгары, были одинаково довольны совершонною демонстраціею, хотя, конечно, причины самого удовольствія не были одинаковы для той и другой стороны. Не менѣе обрадованы были демонстраціею также и агенты латинской пропаганды. Болгары радовались, полагая, что ожиданія ихъ сбудутся, т.-е. что порта не заставитъ ихъ подчиниться снова патріарху, и признаетъ, напротивъ, ихъ собственную іерархію. Порта была довольна тѣмъ, что дѣйствіемъ болгаръ отрывалась перспектива для смуть въ православно-восточной церкви, которая приведутъ къ ея потрясенію, къ отторженію болгаръ отъ православія и, вслѣдствіе того, къ уменьшенію русскаго вліянія среди христіанскаго населенія имперіи. Радость агентовъ пропаганды происходила отъ открывавшагося ей шанса на скорый успѣхъ ея дѣла среди болгаръ.

Но происшедшая въ болгарской церкви въ первый день пасхи демонстрація серьезно взволновала грековъ. Греческіе митропо-

¹⁾ Газ. „България“, годъ II, стр. 85.—„Български Книжници“, книжка первая, за апрѣль 1860 г.

литы и передовые свѣтскіе люди немедленно отправились по посольствамъ и конанамъ (домамъ) турецкихъ министровъ, чтобы расположить умы противъ болгаръ. Въ однихъ мѣстахъ они представляли поступокъ болгаръ какъ плодъ русскихъ подстрекательства и интригъ, а въ другихъ они выставляли его какъ дѣйствіе враждебныхъ православію пропагандъ, смотря по мѣсту, гдѣ имъ приходилось вести разговоръ о событіи дня. Между болгарами разнеслась-было тогда молва, что нѣкоторые изъ грековъ донесли, между прочимъ, высовой портѣ, что хоръ болгарскихъ пѣвчихъ пѣлъ многолѣтіе не султану, а русскому государю. Этому слуху современники изъ болгаръ вѣрили до того, что избранные послѣ демонстраціи изъ среды болгарскаго народа представители для ходатайства предъ подлежащими властями по народному дѣлу вынуждены были потомъ опровергать слухъ путемъ газетъ.

Изъ греческой печати въ Константинополѣ, главнымъ представителемъ коей была тогда газета „Византія“, было ясно видно, что греки смотрѣли на поступокъ болгаръ не только какъ на нарушеніе церковныхъ правилъ, наносившее ущербъ канонической власти патріарха, но и какъ на посягательство на права самого „ромейскаго“ (греческаго) народа. Константинополь считается епархіею вселенскаго патріарха, а по церковнымъ правиламъ, ни одинъ епископъ не долженъ священнодѣйствовать въ епархіи другого епископа безъ его согласія и благословенія. Константинопольскій епископъ, вдобавокъ, есть глава епископовъ и митрополитовъ подвѣдомой вселенскому престолу области, изъ коихъ каждый обязанъ помянуть имя его при служеніи. Вслѣдствіе сего, въ Константинополѣ установился обычай, чтобы какъ прибывшіе изъ провинціи епархіальные архіереи, такъ и епископы, состоящіе настоятелями какой-либо церкви, обращались за разрѣшеніемъ и благословеніемъ къ патріарху, не только когда намѣреваются совершить литургію, но и когда пожелаютъ формально присутствовать при богослуженіи, съ посохомъ въ рукахъ и одѣтые въ мантию.

Иларіонъ маваріопольскій, не вознесши имени патріарха при совершеніи литургіи въ первый день пасхи и вмѣсто того помянувъ, въ качествѣ автокефальнаго архіепископа, „всякое епископство православныхъ“, на слѣдующій день присутствовалъ также при богослуженіи, одѣтый въ мантию, не испросивъ на то предварительнаго разрѣшенія патріарха. Въ глазахъ грековъ это было не простое нарушеніе церковныхъ правилъ, а явное возмущеніе епископа противъ каноническаго его начальства. Пат-

патріархъ не обращалъ вниманія на то, что непоминовеніе его имени въ болгарской церкви произошло по желанію собраннаго въ ней народа, и что оно было выраженіемъ крайняго неудовольствія, вызваннаго невниманіемъ къ правамъ и законнымъ желаніямъ болгарскаго народа. Онъ видѣлъ тутъ одно лишь нарушеніе канонѳвъ и возмущеніе противъ него подчиненнаго ему епископа. Поэтому, созвавъ 9-го апрѣля синодъ въ засѣданіе, онъ пригласилъ и Иларіона для отвѣта и объясненія. Болгарскій епископъ свазался больнымъ и не явился въ синодъ. Патріархъ, спустя четыре дня, позвалъ его снова. На этотъ разъ Иларіонъ рѣшился представиться въ синодъ. Спрошенный патріархомъ о причинахъ своего анти-каноническаго поступка, онъ далъ объясненіе, что принужденъ былъ сообразоваться съ желаніемъ народа, дабы удержать его въ православіи. Болгарскій народъ,—сказалъ позванный къ суду епископъ,—глубоко негодуетъ противъ Великой Церкви, не принявшей во вниманіе его желаній, и есть большая опасность, что пропаганда, воспользовавшись такимъ негодованіемъ, оторветъ его отъ православія. Дабы тому воспрепятствовать, онъ долженъ былъ, не имѣя возможности остано-вить волненіе, идти вслѣдъ за теченіемъ, ибо въ этомъ только случаѣ онъ могъ бы сохранить вліяніе между своими соплеменниками въ интересѣ православія. Синодъ, однако, не убѣдился въ томъ, что Иларіонъ говоритъ правду. Онъ заподозрилъ болгарскаго епископа въ неискренности, и поэтому настоятельно потребовалъ отъ него, чтобы онъ постарался образумить народъ своими совѣтами и не допускалъ на будущее время подобныхъ безпорядковъ въ вѣрнной ему церкви. Иларіонъ отвѣчалъ на это, что онъ увѣщевалъ уже народъ и будетъ увѣщевать его и впредь, но не ожидаетъ никакого успѣха отъ своихъ увѣщаній. Онъ просилъ синодальныхъ владыкъ, чтобы и они взяли на себя трудъ поучить народъ, такъ какъ всѣ они имѣютъ мѣстопробываніе вблизи самой болгарской церкви и легко могутъ, когда пожелають, непосредственно преподавать ему свои наставленія. Синодъ понялъ изъ такого отвѣта, что бесполезно настаивать на томъ, чтобы самъ епископъ болгарской церкви добровольно позаботился объ устраненіи безпорядка. Вслѣдствіе сего патріархъ потребовалъ „тавриромъ“ (письменнымъ представленіемъ) отъ высвой порты наказанія виновнаго архіерея. Въ прежнія времена порта немедленно исполняла такія представленія патріарха. Судя по этому, можно было думать, что Иларіонъ будетъ сейчасъ же схваченъ и высланъ въ одинъ изъ отдаленнѣйшихъ монастырей для заключенія въ башнѣ. Но такъ какъ турецкіе

государственные люди порѣшили эксплуатировать отношенія болгаръ къ патріарху, то „таверизъ“ его святѣйшества оставленъ былъ безъ послѣдствій.

Улыбка, съ которою министры порты встрѣтили разсказъ двухъ руководителей болгарской общины въ Константинополѣ о происшедшей противъ „Великой Церкви“, демонстраціи, безсиліе послѣдней возстановить уваженіе къ каноническому порядку въ средѣ названной общины—подали поводъ болгарамъ думать, что они находятся на пути исполненія своихъ желаній, и что болгарская іерархія, съ Иларіономъ макаріопольскимъ во главѣ, будетъ признана. Вслѣдствіе того духовенство болгарской церкви въ Константинополѣ стало поступать со дня на день смѣлѣе. Священники этой церкви начали смѣло совершать обряды вѣнчанія и крещенія, не обращая болѣе вниманія на заведенные обычаи и порядки, требовавшіе, чтобы намѣревающіеся вступить въ бракъ обращались къ самому патріархату за разрѣшеніемъ бракосочетанія, и чтобы вѣнчаніе или крещеніе совершалось если не самими священниками прихода, въ коемъ находятся женихъ или родители ребенка, то во всякомъ случаѣ съ ихъ согласія. Болгарамъ казалось, что соблюдать эти порядки, послѣ того, какъ они столь торжественно отвергли власть патріарха, значило бы признавать ее на дѣлѣ и тѣмъ подорвать провозглашенное ими въ день пасхи собственное „священноначальство“. Иларіонъ макаріопольскій, хотя и не вполне раздѣлялъ преобладавшій тогда среди болгаръ оптимизмъ и опасался, что, можетъ быть, патріарху удастся снова сослать его куда-нибудь, какъ удавалось прежде,—и на этотъ разъ, вѣроятно, уже навсегда,—выказывалъ, однако, время отъ времени, своими дѣйствіями то же, что болгарская іерархія возобновлена, и что онъ считаетъ себя первымъ ея представителемъ. Кромѣ того, что онъ не испрашивалъ болѣе благословенія у патріарха для присутствія при богослуженіи въ мантии, онъ въ скоромъ времени, а именно 24-го апрѣля, рѣшился совершить и божественную литургію безъ его разрѣшенія,—преступленіе весьма тяжкое въ глазахъ греческихъ архіереевъ, со стороны непосредственно подчиненнаго патріарху епископа. Соплеменники Иларіона въ Константинополѣ давно уже желали видѣть, чтобы онъ совершалъ божественную службу, не испрашивая на то патріаршаго благословенія. Имъ казалось, что если само болгарское духовенство, сами представители болгарской возобновленной іерархіи—выказываютъ своими дѣйствіями, что они считаютъ актъ ея возобновленія законнымъ, то не только турки, но и всѣ вообще мало-по-малу

признаютъ ее также законною. Образоваться такому взгляду на дѣло между болгарами не мало способствовала латинская пропаганда, рассчитывавшая, что чѣмъ болѣе разобщается болгарская церковь отъ вселенскаго патріархата, тѣмъ удобнѣе будетъ подчинить ее папѣ.

Иларіонъ былъ увѣщиваемъ болгарскими руководителями совершить божественную службу 23-го апрѣля, въ день св. великомученика и побѣдоносца Георгія, въ который, какъ въ одинъ изъ значительнѣйшихъ христіанскихъ праздниковъ на Востокѣ, должно было собраться въ церковь необыкновенное множество народа со всѣхъ концовъ и предмѣстій Константинополя. Но еще колеблясь, новопровозглашенный болгарскій „священноначальникъ“ почувствовалъ себя тогда вдобавокъ нездоровымъ, вслѣдствіе чего и отказался служить въ тотъ день. На слѣдующій день приходилось воскресенье. Иларіону стало лучше, и онъ рѣшился, наконецъ, отслужить обѣдню. Стекшійся по этому случаю въ необыкновенномъ множествѣ народъ, увидавъ, что Иларіонъ безпрепятственно совершилъ литургію въ качествѣ независимаго главы собственной болгарской церкви, разошелся въ полной надеждѣ, что нарушенныя греческимъ патріархомъ права болгарской церкви будутъ снова восстановлены.

Совершеніе службы Иларіономъ безъ патріаршаго благословенія побудило его святѣйшество возобновить передъ портой свое представленіе о необходимости усмиренія болгарскаго епископа. Патріархъ отправилъ по этому случаю на имя подлежащаго турецкаго министра новый „табриръ“, въ коемъ просилъ подвергнуть Иларіона заслуженному имъ наказанію. Но порта опять не нашла цѣлесообразнымъ уважить его ходатайство.

„Возобновленная“ болгарская самостоятельная іерархія имѣла, кромѣ Иларіона, другого еще вѣрнаго представителя въ лицѣ бывшаго великаго митрополита Авсентія, который, подобно Иларіону, сознательно рѣшился отложиться отъ „Великой Церкви“ и стать во главѣ новой болгарской іерархін. Авсентій получилъ образованіе и воспитаніе въ рыльскомъ монастырѣ, въ братіи коего онъ причислялся. Онъ достигъ архіерейскаго сана, еще до появленія греко-болгарской распри, благодаря слѣдующему обстоятельству. Ведя въ 1830—1835 жизнь монаха въ названномъ монастырѣ, онъ имѣлъ случай понравиться своею точностью и исполнительностью тогдашнему епископскому владыкѣ, греку Артемію, проводившему часть лѣта въ семь монастырѣ. Артеміи задержалъ при себѣ молодого монаха и рукоположилъ его въ діаконы. Авсентій служилъ вѣрно и усердно своему владыкѣ,

и Артемій, цѣня эту вѣрность и усердіе, выказывалъ Авесентію все болѣе и болѣе довѣрія и, наконецъ, сдалъ на руки его всю хозяйственную часть митрополи. Между тѣмъ Авесентій отличался въ архіерейскомъ домѣ не одною лишь честною и усердною службою. Благодаря своей любознательности и трудолюбію, онъ могъ въ самое непродолжительное время выучиться греческому языку, почти исключительно употреблявшемуся въ архіерейскомъ домѣ. Вслѣдствіе сего у Артемія зародилась мысль передать самое управленіе епархіей своему вѣрному и честному діавону изъ болгаръ, а самому отправиться на жительство въ Константинополь, куда, кромѣ старыхъ привычекъ и воспоминаній, его давно тянули удобства и пріятность столичной жизни, по которымъ онъ тосковалъ въ глухомъ и скромномъ болгарскомъ городѣ. Епархія интересовала греческаго владыку лишь какъ помѣстье, дававшее ему извѣстные доходы. Авесентій былъ уже испытанъ, какъ вѣрный и хорошій звономъ, такъ что владыкѣ можно было быть вполне увѣрену, что онъ будетъ собирать доходы отъ епархіи и управлять всѣмъ хозяйствомъ митрополи лучше его самого. Черезъ посредство друзей въ столицѣ Артемію удалось получить отъ патриархата одобреніе его мысли, и вотъ, въ одинъ прекрасный день, Авесентій неожиданно возводится въ санъ епископа и получаетъ въ управленіе вюстендильскую епархію, въ качествѣ викарія оной, а Артемій отправляется въ Константинополь. Епископъ-болгаринъ управлялъ епархіею около десяти лѣтъ, внося, по собственнымъ его словамъ, ежегодно митрополиту-греку Артемію по двѣ тысячи турецкихъ лиръ (болѣе 20 тысячъ рублей). Сумма эта, немаловажная и нынѣ, считалась тогда весьма значительною. Но Авесентій собиралъ отъ епархіи болѣе двухъ тысячъ турецкихъ лиръ, ибо онъ посылалъ эту сумму Артемію уже по покрытіи изъ сборовъ всѣхъ расходовъ архіерейскаго дома и по удержаніи своего жалованья. Послѣ десяти лѣтъ управленія вюстендильскою епархіею, Авесентій былъ назначенъ герцеговинскимъ митрополитомъ. Онъ пробылъ въ этомъ званіи въ Мостарѣ десять лѣтъ, послѣ чего былъ отправленъ митрополитомъ въ Велесъ съ порученіемъ управлять въ то же время и сосѣднею вюстендильскою епархіею и посылать по прежнему доходы съ оной владыкѣ Артемію, который, будучи тѣмъ временемъ назначенъ „Великою Церковью“ на александрійскую патриаршю каеэдру, не былъ принятъ мѣстными христіанами и египетскимъ правительствомъ, вслѣдствіе чего и остался безъ епархіи. Еще когда вселенскій патриархатъ, желая назначить на каеэдру Александріи своего кандидата безъ спроса ея жителей, предло-

жить-было сію каведру Артемію, послѣдній, полагая, что проектъ патріархата не удастся, условился съ нимъ, что если александрійскіе христіане его не примутъ, то онъ сохранить за собою доходы съ кюстендильской епархіи. Опасеніе Артемія сбылось. Послѣ того какъ онъ былъ рувоположенъ въ Константинополь александрійскимъ патріархомъ, египетское правительство, согласно желанію мѣстныхъ христіанъ, возразило, что вмѣшательство вселенскаго патріархата въ дѣла александрійской церкви противно обычаю и несогласно съ каноническою самостоятельностью послѣдней. Артемій, не имѣя вслѣдствіе того возможности отправиться въ Александрію, остался по прежнему жить въ Константинополь, титулуясь „бывшимъ александрійскимъ патріархомъ“ и получая доходы кюстендильской епархіи, которые собиралъ и посылалъ ему велесскій митрополитъ Авесентій. Авесентію было обѣщано, что, по смерти Артемія, онъ будетъ назначенъ кюстендильскимъ митрополитомъ; но когда Артемій умеръ, то кюстендильская епархія была вновь передана архіерею изъ грековъ, а Авесентій былъ назначенъ диррахійскимъ митрополитомъ, безъ предварительнаго однако спроса, принимаетъ ли онъ это новое назначеніе. Удивленный такимъ поступкомъ патріархата, Авесентій отправляется въ Константинополь и заявляетъ, что онъ не приметъ этого назначенія. На основаніи его заявленія патріархатъ посылаетъ въ Дураццо другаго архіерея, а Авесентія оставляетъ безъ епархіи. Это было въ 1859 году. Авесентій, имѣя въ виду, что онъ былъ назначенъ на диррахійскую каведру безъ предварительнаго его на то согласія, и что онъ не принялъ этого назначенія, полагалъ потому, что ему не слѣдуетъ называться „бывшимъ диррахійскимъ митрополитомъ“, какъ сталъ послѣ того титуловать его, по существующему обычаю, патріархатъ. Онъ подписывался до самой смерти „бывшимъ велесскимъ митрополитомъ“, хотя это было несообразно съ порядками патріархата и общепринятыми обычаями.

Авесентій, изъявивъ теперь согласіе стать вмѣстѣ съ Иларіономъ во главѣ „возобновленной“ болгарской іерархіи, не оскорбился или, по крайней мѣрѣ, ничѣмъ не выразилъ, что оскорбляется тѣмъ, что, по отрицаніи патріаршей власти, „священноначальникомъ“, т.-е. патріархомъ болгарской церкви, былъ провозглашенъ не онъ, а Иларіонъ, хотя послѣдній былъ тогда лишь простымъ епископомъ безъ епархіи, а онъ, Авесентій, былъ уже старымъ митрополитомъ, управлявшимъ, въ теченіе десятилѣтій, разными епархіями. Напротивъ, онъ подалъ примѣръ необыкновеннаго терпѣнія и скромности, уступая Иларіону первое мѣсто, даже при

богослуженіи, когда случалось священнодѣйствовать имъ обоимъ вмѣстѣ. Правда, Иларіонъ превосходилъ его умомъ и образованіемъ, но много ли такихъ, которые, преклоняясь предъ такимъ превосходствомъ, добровольно уступаютъ, ради того, свое старшинство младшимъ ихъ въ чиноначаліи?

Авсентій, хотя и стоялъ на второмъ планѣ въ новомъ фазисѣ, въ который вступила болгаро-греческая распря послѣ сдѣланнаго константинопольскими болгарами заявленія, въ день пасхи, показалъ, однако, своими дѣйствіями, что принимаетъ на себя одинаковую съ Иларіономъ отвѣтственность. Онъ сознавалъ правоту болгарскаго дѣла во всей ея полнотѣ и, имѣвъ возможность изучить вблизи духъ и стремленія высшаго греческаго духовенства, былъ глубоко убѣжденъ, что послѣднее никогда не согласится добровольно признать самостоятельность болгарской іерархіи. Поэтому онъ присоединился къ новому движенію своего народа со всею искренностью сердца, и въ день пятидесятницы служилъ литургію въ болгарской церкви, въ Фанарѣ, безъ патріаршескаго разрѣшенія, съ благоговѣніемъ и восторгомъ, свойственными лишь чистой и спокойной совѣсти.

Поступокъ константинопольскихъ болгаръ въ день пасхи послужилъ примѣромъ подражанія для соплеменниковъ ихъ въ провинціи. Послѣдніе прекратили также, другъ за другомъ, возглашеніе именъ своихъ мѣстныхъ архіереевъ, замѣнивъ его именемъ султана. Во многихъ мѣстахъ это было сдѣлано въ праздникъ святыхъ славянскихъ просвѣтителей, Кирилла и Меодія. Съ прерваціемъ возглашенія именъ греческихъ архіереевъ и отверженіемъ патріархата, болгары вездѣ провозглашали священноначальникомъ своей церкви Иларіона макаріопольскаго. Съ цѣлью огражденія себя отъ преслѣдованія со стороны греческихъ властей предъ гражданскою властью, живущіе въ провинціи болгары, поминая имя султана, возглашали также ему, по примѣру своихъ соплеменниковъ въ Константинополѣ, вышеприведенное многолѣтіе и пѣли пѣсню: „Веселися, нашъ народъ“.

Замѣчательно, что въ этому движенію присоединились также нѣкоторые изъ самихъ греческихъ архіереевъ, видя, что порты остается равнодушною къ представленіямъ патріархата о наказаніи виновниковъ онаго, а послѣдній не въ состояніи самъ внушить уваженіе къ своей власти. Первымъ поступилъ такъ софійскій митрополитъ Гедеонъ, который согласился помянуть имя Иларіона вмѣсто имени патріарха, заявивъ, что онъ будетъ во всемъ сообразоваться съ желаніями мѣстной болгарской общины. Мало того, совершая 29-го іюня, въ день святыхъ пер-

воверховныхъ апостоловъ, божественную литургію, Гедeonъ самъ возгласилъ многогѣтіе болгарскому священноначальнику словами: *Ἰλαρίωνος τοῦ ἱεραρχοῦ πάσης Βουλγαρίας πολλά τὰ ἔτη* ¹⁾. Въ отвѣтъ симиъ словамъ его, пѣвчіе восторженно пропѣли со всѣмъ народомъ по-болгарски: „Многая му лѣта Иларіону, болгарскому священноначальнику“. Спусти нѣсколько времени, однако, Гедeonъ усомнился въ успѣхъ болгарскаго дѣла и не исполнилъ обѣщаній, которыя онъ далъ своей паствѣ, полагая, что болгары будутъ освобождены отъ подчиненія патріарху; онъ питалъ надежду, что, раздѣляя ихъ образъ мыслей, можетъ и на будущее время остаться митрополитомъ въ Софіи. Что многіе изъ находившихся въ болгарскихъ епархіяхъ греческіе архіереи были готовы поддержать болгарское дѣло, еслибы были увѣрены, что болгары достигнутъ своихъ желаній,—убѣдительнымъ тому доказательствомъ можетъ послужить примѣръ филиппопольскаго митрополита Паисія, который, впрочемъ, присоединяясь къ болгарамъ по причинѣ такого убѣжденія, остался имъ вѣрнымъ до самой смерти.

Исключая изъ церковныхъ молитвъ имена греческихъ архіереевъ и признавая своимъ священноначальствомъ, вмѣсто патріархата, начальство болгарской въ Константинополѣ церкви въ лицѣ Иларіона, болгары въ провинціи, частью поддерживаемые изъ Константинополя, а частью подражая другъ другу, также заявляли о расторженіи связи съ греческимъ духовенствомъ и о провозглашеніи собственной іерархіи—правительству высокой порты. Путешествіе верховнаго визиря, Мехмеда Кыбырзали-паши, принятое имъ лѣтомъ 1860 года по поводу циркуляра русскаго министра иностранныхъ дѣлъ князя Горчакова, послужило болгарамъ весьма удобнымъ къ такому заявленію случаемъ. Этимъ циркуляромъ русскаго министра, какъ извѣстно, указывалось, что, вопреки обѣщаннымъ въ гатти-гумаюнѣ 1856 г. реформамъ и облегченіямъ, христіанамъ въ европейской Турціи дѣлаются по прежнему обиды и притѣсненія, и требовалось, чтобы европейскіе дворы напомнили портѣ принятія ею на себя обязательства. Тогдашнимъ союзникамъ Турціи, Англіи и Франціи, показалось, что таковой шагъ императорскаго кабинета можетъ повести къ изслѣдованію состоянія христіанъ въ турецкой имперіи отъ имени пяти великихъ державъ. Дабы тому воспрепятствовать и отклонить иностранное вмѣшательство во внутреннія дѣла государства, Англія и Франція посовѣтовали турецкому правительству поспѣшить самому развѣдать состояніе

¹⁾ „Иларіону, іерарху всей Болгаріи, многая лѣта“.

подвластныхъ султану христіанъ. Съ этою цѣлью султанъ Абдуль-Меджидъ назначилъ верховнымъ визиремъ Мехмеда Кыбрызынашу, поручивъ ему немедленно отправиться въ Румелію, т.-е. европейскую Турцію, дабы разузнать обстоятельно о состояніи ея населенія и, если окажутся злоупотребленія со стороны властей, наказать виновниковъ оныхъ. Злоупотребленія происходили преимущественно въ нишскомъ округѣ. Поэтому верховный визирь отправился прямо въ Нишъ. На его пути туда и обратно, христіане мѣстностей, чрезъ которыхъ онъ проѣзжалъ, подавали ему прошенія и адреса, въ коихъ они высказывали свои нужды, желанія и жалобы. Болгары почти всадѣ жаловались ему, между прочимъ, и на греческихъ архіереевъ, прося султанское правительство освободить ихъ отъ ига греческаго патріархата и признать ихъ собственную іерархію. Изъ тѣхъ же болгарскихъ мѣстностей, чрезъ которыя верховному визирю не лежалъ путь, прошенія посылались прямо въ Константинополь—въ томъ же смыслѣ.

Независимо отъ прошеній, послывавшихся изъ округовъ, болгары пользовались также всякимъ другимъ случаемъ для ходатайства предъ султанскимъ правительствомъ о признаніи и утвержденіи возобновленной болгарской іерархіи. Такъ, въ сентябрѣ 1860 г., бывшіе на узунджовской ярмаркѣ болгарскіе купцы, замѣтивъ въ своей средѣ представителей изъ всѣхъ населенныхъ болгарскимъ народомъ мѣстъ, не упустили случая отправить съ ярмарки отъ лица всего своего народа на имя султана прошеніе, съ цѣлью поставить на видъ, что, вопреки увѣренію грековъ, вопросъ о болгарской іерархіи возбужденъ далеко не нѣсколькими лицами, а выражаетъ желанія всѣхъ болгаръ, которые всѣ единогласно просятъ его величество признать народное болгарское „священноначальство“ въ лицѣ нервосвященнаго Иларіона. Къ этому прошенію прилагалась подпись 750 именитыхъ болгаръ изъ 32 городовъ.

Посылая подобныя прошенія правительству, живущіе въ провинціи болгары отправляли въ то же время другъ за другомъ, на имя преосвященнаго Иларіона, адреса, въ коихъ заявляли ему, что они отказываются отъ греческаго константинопольскаго патріарха, прерываютъ всякое сношеніе съ нимъ и съ зависящими отъ него архіереями, и подчиняются начальству болгарской въ Константинополѣ церкви, коего представителемъ состоитъ онъ. Въ этихъ адресахъ Иларіонъ нерѣдко титуловался, подобно константинопольскому патріарху, *всесвятѣйшій*. Они были составлены большею частію по слѣдующему образцу, высланному изъ Константинополя:

„Высокопреосвященнѣйшій владыко, милостивѣйшій архипастырь и отецъ! нижеподписавшіеся жители (такого-то) округа, смиренно цѣлуя священную вашу руку, доводимъ до вашего свѣденія, что и насъ также, какъ и прочихъ нашихъ соотечественниковъ, константинопольскій патріархъ, уничтоживъ, въ противность церковнымъ постановленіямъ нашу народную іерархію, давно уже заставилъ своими злоупотребленіями и нарушеніями законовъ подумать о способѣ освобожденія нашего отъ него; но пока божественному Провидѣнію не угодно было опредѣлить особое на то время, мы продолжали стонать подъ его притѣснительною властію. Теперь, узнавъ неожиданно, что соотечественники наши въ Константинополѣ торжественно отказались отъ нея, мы вышли также изъ терпѣнія и съ радостью отвергли богоненавистную власть греческаго духовенства, исключивъ изъ церковныхъ молитвъ имя патріарха и посланнаго имъ архіепископа, вмѣсто поминовенія коихъ постановили молиться о благоденствіи чадолубивѣйшаго государя нашего султана Абдуль-Меджида и о вашемъ высокопреосвященствѣ, какъ о священноначальникѣ нашемъ. Объ этомъ поступѣ мы увѣдомили правительство высокой порты особыми прошеніями, въ коихъ просили его признать нашимъ духовнымъ начальствомъ только то начальство, которое слѣдуетъ указаніямъ своей совѣсти и законамъ своей религіи, т.-е. мы сами признаемъ начальство, состоящее при нашей народной церкви въ Константинополѣ, которую считаемъ истинною духовною матерью нашею. Сіе же самое мы нынѣ сообщаемъ и вашему высокопреосвященству, удостовѣряя приложеніемъ нашихъ подписей и печатей, что мы отнынѣ будемъ радостно признавать нашимъ церковнымъ начальствомъ начальство при нашей народной церкви въ Константинополѣ, отъ коего зависимыи объявляемъ себя нынѣ, сообразно постановленіямъ нашей религіи, и къ коему будемъ обращаться по всѣмъ своимъ религіознымъ нуждамъ и дѣламъ. Настоящее посланіе даетъ вамъ право ходатайствовать, въ качествѣ нашего уполномоченнаго и объ утвержденіи султанскимъ правительствомъ нашей зависимости отъ начальства вышеназванной церкви, и о признаніи имъ нашей возобновленной іерархіи. Въ надеждѣ, что вы не лишите насъ вашего отеческаго отвѣта на настоящее посланіе наше, мы остаемся вашими смиренными во Христвъ чадами“.

Эти адреса, вмѣстѣ съ послывшимися высокой портѣ прошеніями, ободряли Иларіона среди неизвѣстности и сомнѣнія, и онъ время отъ времени рѣшался дѣйствовать какъ дѣйствительный автокефальный болгарскій архіепископъ. Такъ, когда жи-

тели Балчива (варненскаго округа), которые уже заявили, что они вовсе отвергаютъ власть греческаго патріархата и не признаютъ болѣе своимъ архипастыремъ поставленнаго ею въ Варнѣ архіерея, просили Иларіона рукоположить имъ священника, то онъ охотно исполнилъ ихъ просьбу. Рукоположеніе было совершено въ болгарской церкви, въ Фанарѣ, и новорукоположенный священникъ отправился послѣ сего благополучно въ Балчикъ, дабы занять тамъ свой приходъ.

Новое движеніе болгаръ противъ константинопольскаго патріархата застало послѣдняго въ весьма неблагоприятномъ положеніи для успѣшной съ болгарамъ борьбы. Распри, возникшая между вліятельными греческими митрополитами, съ одной стороны, и передовыми людьми изъ свѣтской среды, съ другой — касательно новаго порядка управленія патріархатомъ, выработаннаго такъ-называемымъ у грековъ „народнымъ собраніемъ“ (ἐθνικὸν συνέλευσις), еще не стихла. Регламентъ, содержавшій этотъ порядокъ, не былъ еще утвержденъ портою. Недовольная имъ сторона пускалась во всевозможныя интриги, лишь бы султанское правительство не утвердило его, а другая — всячески ухищрялась, чтобы не дать ей возможности достигнуть того. Обѣ партіи преслѣдовали другъ друга съ ожесточеніемъ. Патріархъ Кириллъ, предсѣдательствовавшій въ „народномъ собраніи“ и старавшійся держаться средины между двумя спорящими сторонами, не угодилъ, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, ни той, ни другой. Изнеможенный среди трудностей, съ которыми приходилось ему бороться, и которыя увеличились съ новымъ движеніемъ болгаръ, упрекаемый обѣими спорящими партіями въ слабости и бездѣйствіи, онъ въ скоромъ времени послѣ состоявшейся въ день пасхи демонстраціи константинопольскихъ болгаръ подалъ въ отставку. Но порта не спѣшила принять его отставку, такъ какъ желала сперва рассмотреть и утвердить выработанный народнымъ собраніемъ регламентъ, дабы будущій патріархъ былъ выбранъ не по старому, а по новому порядку. Наконецъ, когда этотъ регламентъ былъ уже достаточно ею рассмотрѣнъ, она разрѣшила святѣйшему Кириллу подать установленнымъ порядкомъ прошеніе объ отставкѣ, что его святѣйшество и исполнилъ 11-го мая. При всемъ томъ порта опять не спѣшила отвѣтить патріарху, по обычаю, „бужурлтіей“, т.-е. приказомъ, что отставка его принята, и что необходимо назначить, до выбора новаго патріарха, мѣстоблюстителя патріаршаго престола. Прежде чѣмъ отправить въ патріархатъ такую „бужурлтію“, султанское правительство позаботилось о дополненіи главы регламента касательно избранія патріарха особыми поста-

новлениями, дававшими ему ручательство, что избранный патриархъ не будетъ изъ неприятныхъ ему лицъ. Министръ иностранныхъ дѣлъ, отъ котораго зависѣлъ тогда департаментъ исповѣданій, пригласилъ къ себѣ 6-го іюня нѣкоторыхъ изъ греческихъ архіереевъ и вліятельныхъ свѣтскихъ людей и объявилъ имъ что, такъ какъ патриархъ долженъ пользоваться довѣріемъ правительства, то необходимо постановить въ регламентѣ, что списокъ кандидатовъ на патриаршій престолъ представляется на разсмотрѣніе порты предварительно избранія, причемъ она вычеркиваетъ изъ него имена лицъ, не пользующихся ея довѣріемъ. Министръ порекомендовалъ имъ созвать членовъ „народнаго собранія“ для разсмотрѣнія его предложенія. Это обстоятельство встревожило снова противниковъ новаго регламента, которые, видя, что имъ вообще перестали-было заниматься, также мало говорили о немъ, и они принялись снова работать противъ его примѣненія. Такъ какъ митрополиты-геронты, бывшіе душою оппозиціи противъ новаго регламента, были высланы правительствомъ въ свои епархіи, то единомышленники ихъ въ Константинополѣ, узнавъ, что „народное собраніе“ будетъ снова созвано въ засѣданіе, сдѣлали всевозможныя усилія, чтобы приглашены были для участія въ засѣданіи также и эти митрополиты. Послѣдніе, привыкшіе находиться всегда поближе къ дѣламъ, пламенно также желали возможно скорѣе возвратиться въ Константинополь; это желаніе еще болѣе усилилось у нихъ послѣ того, какъ начались приготовленія къ избранію новаго патриарха, ибо всякому изъ нихъ хотѣлось если не самому занять патриаршую кафедру, то, по крайней мѣрѣ, видѣть воссѣдшимъ на нее своего друга. Предстоявшее избраніе патриарха привело въ движеніе также и архіереевъ, находившихся въ столицѣ. Газета „Византія“ горько упрекала ихъ за то, что „они ежедневно толпятся въ домахъ иностранныхъ посольствъ и пашей“, съ цѣлью похлопотать въ пользу своей кандидатуры на патриаршій престолъ и убѣдить, кого слѣдуетъ, въ необходимости пригласить въ столицу для участія въ избраніи патриарха также митрополитовъ-геронтовъ.

Осуждая ихъ, греческая газета упрекала также и патриарха въ недѣятельности. Но приверженцы владыкъ-геронтовъ не успѣли въ своемъ домогательствѣ. Засѣданіе народнаго собранія состоялось въ отсутствіе геронтовъ. Предложеніе министра о предварительномъ пересмотрѣ правительствомъ списка кандидатовъ было имъ одобрено. Оно постановило, однако, при семъ, что такъ какъ списокъ кандидатовъ будетъ представляемъ на предварительное разсмотрѣніе правительства, то избранное, по одобреніи имъ сего

списка, на патриаршую кафедру лицо будетъ занимать своей посты, не ожидая утвержденія порты въ своемъ званіи.

Такъ дополненная глава регламента объ избраніи патриарха была утверждена султанскимъ правительствомъ и получила силу закона. Вскорѣ послѣ того, а именно 5-го іюня, порта извѣстила патриарха, что она освобождаетъ его отъ должности. Въ тотъ же день святѣйшій Кирилль, созвавъ къ себѣ архіереевъ, состоявшихъ членами синода, простился съ ними и оставилъ патриаршій домъ. Замѣчательно, что одинъ изъ такихъ архіереевъ, а именно никейскій митрополитъ Іоанникій, отвѣчая на прощальную рѣчь его святѣйшества, позволилъ себѣ обратиться къ нему нѣсколько уворизненныхъ словъ, сказавъ, что церковь во время его патриаршества была поставлена въ прискорбное положеніе. Надо думать, что никейскій митрополитъ имѣлъ въ виду, порицая патриарха въ минуту оставленія имъ кафедры и полного безсилія, обратиться на себя общее вниманіе, какъ на ревнителя славы и величія патриаршаго престола, ибо онъ и былъ послѣ того избранъ мѣстоблюстителемъ онаго на время его сиротства. Три дня спустя послѣ оставленія кафедры святѣйшимъ Кирилломъ, а именно 8-го іюля, члены синода были созваны, чтобы выслушать султанскій привазъ о его увольненіи и рассмотреть утвержденную портою главу регламента объ избраніи патриарха. Они нашли въ этой главѣ нѣкоторыя измѣненія, которыхъ, по ихъ мнѣнію, нельзя было допустить, и рѣшили обратиться на то вниманіе порты, также какъ и указать ей на необходимость установить, что патриархъ утверждается правительствомъ непосредственно по своемъ избраніи и прежде, чѣмъ представится министрамъ, какъ высказалось о томъ и „народное собраніе“ въ своемъ недавнемъ засѣданіи. Послѣ сего они приступили къ избранію мѣстоблюстителя патриаршаго престола, что и сдѣлали, замѣчаетъ „Византія“, послѣ большихъ между собою состязаній и преній.

По новому регламенту объ избраніи патриарха, мѣстоблюститель патриаршаго престола долженъ былъ прежде всего пригласить подвѣдомыхъ престолу архіереевъ, чтобы каждый изъ нихъ означилъ въ особомъ бюллетенѣ, кого изъ своихъ собратій онъ считаетъ заслуживающимъ патриаршаго званія. Такіе бюллетени архіереевъ должны были прислать въ патриархатъ въ теченіе 41 дня по осиротѣніи патриаршей кафедры. По прошествіи сего срока, нужно было созвать избирательное собраніе, въ составъ коего должны были войти: 1) члены синода и всѣ случайно находящіеся въ Константинополѣ епархіальные архіереи; 2) свѣтскіе члены смѣшаннаго совѣта при патриархатѣ; 3) представители двадцати-

восьми из болѣе извѣстныхъ и обширныхъ епархій; 4) агенты (капу-кехан) Валахїи, Молдавіи и Сербїи; 5) князь Самоса, если онъ въ столицѣ; 6) трое изъ патріаршихъ сановниковъ, логоветъ и двое другихъ; 7) трое изъ старѣйшихъ сановниковъ имперїи перваго и втораго классовъ; 8) двое изъ служащихъ по военной части и состоящихъ въ чинѣ полковника и трое изъ гражданскихъ чиновниковъ; 9) четверо изъ наиболѣе извѣстныхъ ученыхъ; 10) пятеро изъ купцовъ; 11) одинъ изъ банкировъ; 12) десятеро изъ ремесленниковъ, и 13) двое представителей отъ приходоу Константинополя и Босфора. Избирательное собраніе должно было вскрыть присланные архіереями бюллетени, отмѣтить имена указанныхъ въ оныхъ кандидатовъ и присовокупить къ нимъ своихъ, если таковыя одобрены одною третью его членовъ. Составленный такимъ образомъ списокъ всѣхъ кандидатовъ нужно было представить портѣ, имѣвшей право вычеркнуть изъ него негодныхъ ей лицъ, еслибы таковыя оказались, послѣ чего собраніе должно было тайною подачей голосовъ выбрать троихъ изъ невычеркнутыхъ портоу кандидатовъ. Изъ этихъ же троихъ кандидатовъ архіереи должны были, по призванїи святаго Духа въ церкви, выбрать, тайною также подачею голосовъ и простымъ большинствомъ, одного, котораго тутъ же и провозглашали патріархомъ.

Высокая порта сперва утвердила изъ новаго регламента только главу объ избранїи патріарха, дабы предстоявшее избраніе премника святѣйшаго Кирилла совершилось по новому узаконенїю; прочія же части регламента она удержала у себя для разсмотрѣнїя ихъ въ болѣе досужное время. Патріаршій намѣстникъ обратился съ циркуляромъ къ архіереямъ объ указанїи ими кандидатовъ немедленно по полученїи утвержденной портоу главы регламента, но вражда и недовѣріе противныхъ другъ другу партій послѣ сего не только не прекратились, но еще болѣе усилились. Вскорѣ по избранїи патріаршаго намѣстника, приверженцы новаго регламента потребовали отъ него снарядить комиссію изъ двухъ духовныхъ и двухъ свѣтскихъ лицъ, которая бы надзирала за правильнымъ примѣненїемъ новыхъ постановленїй относительно избранїя патріарха. Двухъ свѣтскихъ должно было, по ихъ мнѣнїю, взять изъ среды членовъ „народнаго собранїя“, выработавшаго новый регламентъ, такъ какъ существовало сомнѣнїе, будутъ ли архіереи, которые вообще не одобряли этого регламента, прилагать его добросовѣстно.

Намѣстникъ и синодъ сперва приняли это требованіе, но потомъ отвергли его. По совѣщанїи между собою, они нашли,

что не слѣдуетъ допускать вмѣшательства свѣтскихъ людей въ дѣла церкви. Этотъ отказъ огорчилъ членовъ „народнаго собранія“. Но такъ какъ требованіе ихъ не было предусмотрено регламентомъ, то имъ нельзя было настаивать на его исполненіи. Намѣстникъ возражалъ, что онъ не въ правѣ исполнять то, о чемъ нѣтъ ни постановленія въ регламентѣ, ни распоряженія правительства. Члены собранія принуждены были ограничиться протестомъ, который они обнародовали въ газетахъ. Въ этомъ греческомъ документѣ содержатся горькія для высшаго греческаго духовенства истины. Происходя отъ такихъ авторитетныхъ и пользующихся общимъ уваженіемъ между греками лицъ, какими были члены собранія, выработавшаго новый регламентъ, онъ служитъ непререкаемымъ свидѣтельствомъ справедливости жалобъ болгаръ противъ греческихъ архіереевъ. Онъ заслуживаетъ поэтому особеннаго вниманія. Адресованный на имя патріаршаго намѣстника, протестъ былъ составленъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Велика отвѣтственность вашего преосвященства въ нынѣшнія смутныя времена. Отъ васъ, а не отъ кого-либо другого потребуется отчетъ о хорошемъ или дурномъ управленіи народными церковными дѣлами. Поэтому мы къ вамъ обращаемъ сіи слова, которыя вы должны выслушать и сообщить также прочимъ находящимся около васъ членамъ іерархіи.

„Систематическое пренебреженіе священными церковными правилами и ужасныя злоупотребленія, совершаемыя съ давнихъ поръ, поколебали религиозныя убѣжденія сыновъ православной церкви и ослабили ихъ уваженіе къ священному клиру. На имя Великой Церкви, какъ и на имя правительства подано было донинѣ не мало жалобъ, но ничего не было сдѣлано для превращенія поводовъ къ нимъ, равно какъ и весьма рѣдко онѣ получали успокоивающее народъ разрѣшеніе, ибо защитить того, коего виновность не подлежала сомнѣнію, считалось, какъ и теперь еще выражаются, *братолюбивою обязанностью святительскаго состраданія*.

„Въ виду чрезмѣрнаго зла, правительство вынуждено было составить временное собраніе для выработки новаго регламента. Это собраніе должно было сдѣлать большія усилія для успѣшнаго исполненія своей задачи, такъ какъ ему предстояла борьба съ приверженцами системы, избилующей злоупотребленіями, но, благодаря Божіей помощи, оно окончило свою миссію. Теперь нужно примѣнить на дѣлѣ его постановленія относительно избранія патріарха. Отъ добраго успѣха въ семъ будетъ зависѣть будущее „ромейскаго“ (т.-е. восточно-римскаго) народа, и пат-

риаршій намѣстникъ, который имѣетъ большое вліяніе на исходъ избранія, принесетъ большую пользу, если станетъ на добрый путь.

„Мы, члены народнаго собранія, не хотѣли входить въ споръ относительно избранія намѣстника, которое присвоили себѣ преобладающіе въ столицѣ архіереи, такъ какъ считали это дѣло мало-важнымъ; но назначеніе двухъ лицъ и 36 свѣтскихъ членовъ собранія для наблюденія за примѣненіемъ утвержденной правилами части регламента имѣетъ въ глазахъ нашихъ большую важность. Вы согласились на наше предложеніе о семь назначеніи вмѣстѣ со всѣми архіереями, но не исполнили его. Вы возразили, что для исполненія его вамъ нужно получить приказаніе порты, между тѣмъ какъ вы приняли безъ ея приказанія въ число членовъ синода не имѣющихъ на то права архіереевъ. Если поискать, то можно бы было найти еще и другія доказательства вашего пристрастія. При такомъ направленіи архіереевъ, сосредоточеніе въ ихъ рукахъ управленія народными дѣлами и примѣненіе новыхъ постановленій объ избраніи патриарха лишаетъ всякаго основанія надежды народа на лучшій порядокъ. Вслѣдствіе сего мы снимаемъ съ себя отвѣтственность за послѣдствія, но вмѣстѣ съ тѣмъ удерживаемъ за собою право предохранять народные интересы отъ ущерба, который можетъ имъ нанести произвольный образъ дѣйствія вашего преосвященства и прочихъ архіереевъ“.

Противившіеся введенію новыхъ порядковъ архіереи отвѣтили на этотъ протестъ брошюрой, въ коей доказывалось, что члены такъ-названнаго народнаго собранія — самозванцы, ибо послѣднее уже распущено; что выработанный этимъ собраніемъ регламентъ можетъ приобрести законную силу, лишь если онъ получитъ одобреніе патриархата и народа, которые, нѣтъ сомнѣнія, не дадутъ сего одобренія. Нынѣшнее потрясеніе церкви, — говоритъ далѣе авторъ брошюры, — дѣло немногихъ нѣвѣихъ свѣтскихъ и духовныхъ лицъ, которые, привлеки на свою сторону патриарха и воспользовавшись простотою представителей изъ провинціи, нарушили права народа и узаконили такіе порядки, какіе, большею частію, требовались ихъ личными интересами. Эти самыя немногія лица теперь принялись представлять весь народъ и заправлять его дѣлами.

Вслѣдствіе таковой борьбы между двумя партіями созваніе избирательнаго собранія, долженствовавшее произойти въ 41-й день послѣ отставки патриарха, т.-е. 17-го августа, было отсрочено. Въ составъ избирательнаго собранія должны были, какъ выше упомянуто, войти свѣтскія лица разныхъ категорій, какъ-то:

государственные и патриаршіе сановники, ученые и проч. Этихъ лицъ нужно было предварительно указать поименно. При взаимномъ недовѣрїи двухъ партій трудно было придти имъ къ согласію въ рѣшеніи сего вопроса. При томъ большая часть временно пребывавшихъ въ то время въ Константинополѣ епархіальныхъ митрополитовъ прибыли сюда, вызванные патриархатомъ для отвѣта на поданныя противъ нихъ жалобы и обвиненія. Между тѣмъ давнишній обычай освятилъ то, чтобы случайно находящіеся въ столицѣ митрополиты участвовали въ засѣданіяхъ синода. Возникъ поэтому вопросъ, должны ли и эти, уже подсудимые, архіереи участвовать въ избраніи патриарха. Новый регламентъ давалъ это право всѣмъ случайно находившимся въ Константинополѣ епархіальнымъ архіереямъ наравнѣ съ членами синода. Приверженцы новаго регламента не имѣли никакого довѣрїя къ подсудимымъ архіереямъ. Ихъ противники находили, напротивъ, нужнымъ защищать ихъ при обсужденіи возникшаго вопроса. Разъ въ патриархатѣ уже порѣшили настаивать, чтобы синодъ состоялъ только изъ не-подсудимыхъ архіереевъ, но этотъ проектъ не получилъ формальнаго одобренія. Между тѣмъ порта дала, по случаю предстоявшаго избранія патриарха, позволеніе возвратиться въ Константинополь всѣмъ митрополитамъ-геронтамъ, которые хотя и были высланы изъ столицы, вслѣдствіе своего сопротивленія новому регламенту, но, будучи, по старымъ узаконеніямъ, членами синода по праву, должны были принять участіе въ этомъ избраніи. Съ прибытіемъ ихъ въ столицу противная новымъ порядкамъ партія усилилась и начала пытаться, не будетъ ли возможно выхлопотать у порты позволеніе, чтобы патриархъ былъ избранъ по старымъ узаконеніямъ, бывшимъ до того времени въ силѣ. Кромѣ ходатайствъ передъ портою со стороны патриаршаго намѣстника, всѣ члены синода, за исключеніемъ митрополитовъ Арты, Амасіи и Меленика, отнесли въ министру съ прошеніемъ, въ коемъ, представляя прискорбное положеніе церковно-народныхъ дѣлъ, изо дня въ день все болѣе ухудшавшихся, вслѣдствіе отсрочки избранія патриарха, просили его распустить выработавшее новый регламентъ собраніе, которое они называли временною комиссіею, такъ какъ безъ этого нельзя было избрать патриарха согласно церковнымъ правиламъ, народнымъ привилегіямъ и новому регламенту. Пресвященные митрополиты-геронты знали, что, съ распущеніемъ сего собранія, они приобретутъ прежнее свое вліяніе на дѣла, и что послѣ того они мало-по-малу поставятъ все по своему. Но ихъ прошеніе не было уважено султанскимъ правительствомъ,

которое было болѣе склонно поддерживать приверженцевъ новаго регламента, чѣмъ ихъ противниковъ. Порта была заинтересована въ примѣненіи сего регламента, выработаннаго по ея распоряженію, основанному на гатти-гумаюнѣ 1856 года. Оно должно было послужить доказательствомъ, что этотъ гатти-гумаюнъ приводится мало-по-малу въ исполненіе.

Члены народнаго собранія, вопреки желанію архіереевъ, приняли также участіе въ поименномъ означеніи лицъ изъ разныхъ категорій чиновниковъ, которые должны были войти въ составъ избирательнаго собранія. По означеніи этихъ лицъ, не было болѣе причины отлагать избраніе патріарха, вслѣдствіе чего было рѣшено созвать избирательное собраніе на 20-е сентября. Въ первомъ засѣданіи сего собранія нужно было вскрыть бюллетени архіереевъ и составить по нимъ каталогъ кандидатовъ на патріаршую каеэдру. По этимъ бюллетенямъ кандидатами оказались: бывшій константинопольскій патріархъ Анеимъ изъ Ефеса, котораго звали также, по мѣсту его рожденія, Куталианосъ (35-ю голосами), бывшій константинопольскій патріархъ Григорій (17-ю голосами), бывшій константинопольскій патріархъ Анеимъ Византійскій (1 голосомъ), александрійскій патріархъ (5-ю голосами) и митрополиты визичскій (8-ю голосами), нивейскій (1 голосомъ), дервонскій (1 голосомъ), солунскій (1 голосомъ), серресскій (3-мя голосами) и бруссенскій (1 голосомъ). Къ нимъ избирательное собраніе прибавило, съ своей стороны, халкидонскаго митрополита.

Между греками господствовало мнѣніе, что въ такое смутное и критическое для патріархата время нужно выбрать въ патріархи человѣка энергичнаго, рѣшительнаго, опытнаго и мудраго, который могъ бы, какъ выражалась газета „Византія“, возвратить церковь въ прежнее ея положеніе, т.-е. остановить болгаръ въ новомъ ихъ движеніи и привести ихъ въ прежнее подчиненіе патріархату. „Дѣло,--воскликала греческая газета,--идеть не о чемъ-либо малозначительномъ и самомъ по себѣ ничтожномъ. Священнѣйшіе интересы и привилегіи нашего народа находятся въ опасности, если не будетъ возведено на патріаршую каеэдру лицо, надѣленное необходимыми для того качествами“. Такимъ лицомъ общественное мнѣніе, между греками, считаетъ бывшаго константинопольскаго патріарха Анеима Куталианоса, того самаго, который, по такому же указанію общественнаго мнѣнія, былъ выбранъ патріархомъ въ 1871 году, и чрезъ нѣсколько времени послѣ того провозгласилъ болгаръ схизматиками. Этимъ объясняется, что въ числѣ указанныхъ архіерейскими бюллетенями

кандидатовъ онъ имѣлъ наибольшее число голосовъ. Но митрополиты-геронты не желали видѣть его патріархомъ, такъ какъ не ладили съ нимъ, и знали, что онъ не будетъ дѣйствовать заодно съ ними. По этой причинѣ они, когда переданъ былъ на разсмотрѣніе порты списковъ кандидатовъ, адресовали подлежащему министру прошеніе, въ коемъ просили исключить изъ списка Анеима Куталианоса, котораго они осыпали, по этому случаю, всевозможными клеветами. „Съ какою совѣстію,—спрашивала газета „Византія“,—сіи честные старцы призовутъ на себя Всесвятого Духа предъ избраніемъ главы церкви и народа, послѣ того какъ они столь явно высказались противъ кандидата, возведенія коего на патріаршую кафедру желаетъ почти весь народъ“. Порты не исключила, однако, Анеима Куталианоса изъ списка кандидатовъ, и онъ, на второмъ засѣданіи избирательнаго избранія, на коемъ, по регламенту, всѣ члены, духовные и свѣтскіе, должны были выбрать изъ всѣхъ кандидатовъ только троихъ, получилъ наибольшее число голосовъ. Но патріархомъ имѣлъ быть провозглашенъ тотъ изъ этихъ трехъ кандидатовъ, котораго укажутъ архіереи тайною подачею голосовъ, происходящею въ церкви по призваніи Святого Духа, а они могли выбрать и того изъ нихъ, который получилъ наименьше голосовъ. Исходъ голосованія въ церкви зависѣлъ также отъ рѣшенія вопроса, будутъ ли участвовать въ этомъ голосованіи и подсудимые архіереи; этотъ вопросъ былъ поднимаемъ и прежде, но остался безъ рѣшенія. По избраніи трехъ кандидатовъ, во второмъ засѣданіи избирательнаго собранія приступлено было также къ разрѣшенію и этого вопроса, но, при обсужденіи его, страсти послѣдователей противныхъ другъ другу партій до такой степени разгорѣлись, что пренія между ними окончились ругательствами и побоями, и вопросъ остался нерѣшеннымъ, вслѣдствіе чего подача голосовъ архіереями въ церкви была отложена до рѣшенія этого вопроса. Въмѣсто того, чтобы попытаться придти къ соглашенію между собою и не вмѣшиваться въ дѣло мусульманскаго правительства, обѣ партіи отнеслись къ портѣ съ жалобами и обвиненіями другъ противъ друга. Каждая изъ нихъ старалась убѣдить турецкихъ министровъ, что право на ея сторонѣ. Порты порѣшила, что въ подачѣ голосовъ, происходящей въ церкви между одними архіереями, должны принять участіе всѣ архіереи. Послѣдніе собрались послѣ того въ церковь, но выбрали не Анеима Куталианоса, а одного изъ геронтовъ—визическаго митрополита Іоакима, который и вступилъ на патріаршую кафедру подъ именемъ Іоакима II.

II.

Раздоръ между приверженцами и противниками новаго регламента въ средѣ греческаго общества и духовенства, столь явно для всѣхъ обнаружившійся по случаю избранія патриарха и приведшій греческихъ передовыхъ людей къ весьма неслестнымъ отзывамъ о направленіи высшаго греческаго духовенства, послужилъ для болгаръ неоспоримымъ доказательствомъ отпаденія греческихъ архіереевъ отъ христіанскаго духа и закорененія ихъ во злѣ. Они оправдывали такими, происходившими въ самомъ нѣдрѣ „Великой Церкви“, скандалами свой поступокъ по отношенію къ патриархату и видѣли въ нихъ поощреніе для себя къ постоянству въ стремленіи добиться признанія своей, фактически уже существующей, іерархіи. При семъ избраніи патриарха подало имъ поводъ снова заявить какъ правительству порты, такъ и патриархату, что они будутъ держаться въ сторонѣ отъ всего, что дѣлается въ послѣдней. Въ числѣ 28 епархій, коимъ новый регламентъ предоставилъ право посылать представителей въ избирающее патриарха собраніе, находилось также нѣсколько чисто болгарскихъ, какъ напримѣръ софійская, тырновская, виддинская. Бывъ приглашены патриархатомъ послать своихъ представителей, живущіе въ этихъ епархіяхъ болгары вообще оставили безъ вниманія это приглашеніе, но нѣкоторые изъ нихъ сдѣлали по этому случаю письменное заявленіе, что, разъ отказавшись отъ патриархата и признавая надъ собою „священноначальство“ болгарской въ Константинополѣ церкви, они не могутъ участвовать въ избраніи патриарха, какъ чуждаго имъ и принадлежащаго другому племени духовнаго начальника. Такъ точно поступили и руководители болгарской въ Константинополѣ общины, которыхъ патриархатъ пригласилъ-было также принять участіе въ засѣданіяхъ выборнаго собранія, съ цѣлью какъ польстить самолюбію этихъ влиятельныхъ между всѣми ихъ соплеменниками людей, такъ и показать всѣмъ, что онѣ одинаково призываетъ грековъ и болгаръ къ принятію участія въ избраніи общаго имъ духовнаго начальника. „Получилъ я, — отвѣчалъ патриаршему намѣстнику одинъ изъ такихъ болгаръ, — ваше посланіе, отъ 15-го сего сентября, коимъ вы, съ одобренія священнаго синода и передовыхъ людей вашего народа, приглашаете меня присутствовать въ собраніи, которое созывается на 20-ое сентября для выбора патриарха. Такъ какъ болгарскій народъ, что вамъ извѣстно, отказался признавать надъ собою власть вселенскаго патриарха, и такъ какъ все, что

послѣ того сдѣлано или будетъ впредь сдѣлано въ патриархатѣ, не можетъ болѣе имѣть никакого значенія для него, то и я, какъ членъ болгарскаго народа, раздѣляя его чувства и образъ мыслей, не могу присутствовать въ томъ собраніи и принять участіе въ предстоящемъ избраніи“.

Избраніе патриарха произошло въ началѣ октября, т.-е. въ четвертый мѣсяцъ со дня отставки святѣйшаго Кирилла, и въ седьмой со дня возобновленія болгарской народной іерархіи въ лицѣ Иларіона и Авксентія. Если избраніе патриарха было на нѣкоторое время отложено, то это объяснялось желаніемъ порты и греческаго общества, чтобы патриархъ былъ выбранъ по новому регламенту, для разсмотрѣнія и утвержденія коего правительствомъ требовалось извѣстное время, также какъ и для приспособленія его необходима была извѣстная подготовка, существовавшая, между прочимъ, устранивъ и сопротивленіе высшаго духовенства введенію новыхъ порядковъ. Но между болгарами шли по этому случаю другого рода толки. Болгары предполагали, видя отсрочку выборовъ патриарха, что, должно быть, султанское правительство имѣетъ въ виду признать болгарскую ерархію, для каковой цѣли потребовалось бы также выдѣлить изъ патриархата болгарскія епархіи, и потому оно распорядилось отложить выборы. Въ „бератѣ“, который выдается патриарху по его избраніи, исчисляются всѣ его права и привилегіи, а также опредѣляются границы подвѣдомой ему церковной области, въ которую включаются также тырновское, охридское и шипекское архіепископства. Если Порта имѣетъ въ виду признать особое управление для болгарскихъ епархій, то она должна исключить ихъ изъ „берата“ патриарха, а это легче сдѣлать — толковали между собою болгары — пока еще не занятъ патриаршій престолъ и не выданъ новый „бератъ“. Но вотъ, наконецъ, патриархъ былъ выбранъ, а также и „бератъ“ ему выданъ, — между тѣмъ болгарскій вопросъ остался безъ разрѣшенія. Это обстоятельство смутило до нѣкоторой степени болгаръ, тѣмъ болѣе, что вскорѣ по избраніи патриарха разнесся слухъ, что для разрѣшенія болгарскаго вопроса будетъ снаряжена смѣшанная коммиссія изъ болгаръ и грековъ, которая должна разсмотрѣть жалобы болгарскаго народа противъ высшаго греческаго духовенства, но прежде того болгары должны идти „поцѣловать руку у новаго патриарха“, иными словами, подчиниться вновь патриархату. Этотъ слухъ вскорѣ подтвердился и съ оффиціальной стороны. Завѣдывавшій департаментомъ исповѣданій турецкій министръ иностранныхъ дѣлъ, пригласивъ къ себѣ преосвященнаго Иларіона, сообщилъ ему, что порта

находить цѣлесообразнымъ учредить смѣшанную комиссію для разсмотрѣнія жалобъ болгаръ противъ патріархата, но прежде сего болгарамъ необходимо исполнить извѣстную формальность по отношенію къ новому патріарху, т.-е. имъ необходимо засвидѣтельствовать сему послѣднему почтеніе свое, какъ высшему своему духовному начальнику. Противъ назначенія смѣшанной комиссіи для обсужденія ихъ жалобъ и желаній болгары не имѣли ничего возразить, хотя оно не предвѣщало скорого разрѣшенія ихъ дѣла. Рѣшеніе всѣхъ болѣе или менѣе важныхъ вопросовъ всегда и вездѣ готовится предварительнымъ ихъ изученіемъ посредствомъ комиссій. Но соединенное съ симъ назначеніемъ условіе, чтобы болгары предварительно изъявили свою покорность патріарху, подрывало цѣликомъ почву, на которую они стали въ день пасхи отверженіемъ власти „Великой Церкви“ и провозглашеніемъ собственной народной іерархіи. Оно показывало, что построенный ими передъ пасхой силлогизмъ, будто порта не затруднится признать собственную болгарскую іерархію, если болгары заявятъ, что совѣсть не позволяетъ имъ считать греческихъ архіереевъ своими архипастырями, и что таковыми для нихъ могутъ быть лишь народные ихъ архіереи,—не имѣлъ убѣдительной силы для турокъ. Но болгарскіе руководители въ Константинополѣ знали, что еслибы они подчинились снова патріарху, то они тѣмъ показали бы всѣмъ своимъ соплеменникамъ, что надежда на признаніе портой недавно провозглашеннаго собственнаго болгарскаго „священноначальства“, которую они имъ подавали и которою могли парализовать дѣйствія римской пропаганды, не имѣла никакого основанія. Они вмѣстѣ съ тѣмъ подверглись бы подозрѣнію, что не радѣютъ о народныхъ интересахъ, и подтвердили бы клеветы органа пропаганды, будто они направляютъ народныя дѣла сообразно лишь своимъ корыстнымъ видамъ.

Въ описываемое нами время болгарамъ надлежало бороться не только съ греками, но и съ римскою пропагандой, которой покровительствовали Франція и Австрія, и которой благопріятствовало само турецкое правительство. Имъ нужно было такъ умно вести свое дѣло, чтобы ни греки, ни пропаганда, не могли осуществить свои предположенія по отношенію къ нимъ. Борьба съ послѣднею была тѣмъ труднѣе, что она успѣла разставить свои сѣти повсюду въ Болгаріи и даже заманила въ нихъ немаловажную часть болгарской интеллигенціи. При семъ римской пропагандѣ благопріятствовала въ высшей степени самая суть греко-болгарской распри. Тогда какъ греки не только противились восстановленію болгарской іерархіи, но и стремились похоронить

навсегда болгарскую народность, латинская пропаганда сулила болгарамъ, безъ всякихъ съ ихъ стороны жертвъ, полное осуществленіе ихъ желаній объ отдѣльномъ отъ грековъ управленіи болгарской церкви и самостоятельномъ существованіи и развитіи болгарской народности. Одною только строкою, а именно, что они принимаютъ унію съ римскою церковью, болгары упразднили бы всё усилія грековъ ко вторичному ихъ поработенію и освободились бы навсегда отъ нихъ. Никакія подозрѣнія, никакія клеветы не тревожили бы ихъ послѣ такого заявленія. Пропаганда вдобавокъ столь искусно умѣла заманивать болгаръ въ свои сѣти и столь хитро пользовалась всякимъ обстоятельствомъ среди хода греко-болгарской распри, которую турецкое правительство по временамъ искусственно направляло въ ея пользу, что всякая помѣха ея планамъ и предохраненіе болгарскаго народа отъ предстоявшей ему опасности должны считаться однимъ изъ самыхъ счастливыхъ событій въ новой болгарской исторіи.

Католическая пропаганда дѣйствовала явно и тайно. Явная ея дѣятельность совершалась посредствомъ органа ея, газеты „България“, руководимой Драганомъ Цанковымъ ¹⁾, а тайная заключалась во всевозможныхъ интригахъ, по соглашенію съ турками, для направленія греко-болгарской распри въ пользу католицизма, въ подѣупахъ и обѣщаніяхъ всякихъ благъ отъ французскаго покровительства. Доводы, которые приводила газета „България“ для убѣжденія болгаръ въ необходимости и пользѣ принятія уніи съ римскою церковью, состояли въ слѣдующемъ. Константинопольскій патріархъ не только не имѣетъ канонической власти надъ болгарами, но и самъ—неканоническій патріархъ. Онъ никогда не согласится допустить отдѣльное отъ патріархата болгарское церковное управленіе, а султанъ, въ которому болгары обращаются съ просьбою объ этомъ, не можетъ того сдѣлать, ибо онъ не папа и не патріархъ. Но если и предположить, что болгарамъ, наконецъ, было бы даровано самостоятельное церковное управленіе или, что тоже, была бы признана провозглашенная ими народная независимая іерархія, то эта іерархія не принесетъ имъ большой пользы, ибо болгарскіе архіереи, подобно греческимъ, лишены хорошаго воспитанія и

¹⁾ Газета „България“, отвѣтственнымъ издателемъ и редакторомъ коей былъ Драганъ Цанковъ, была органомъ папской миссіи въ Константинополѣ, состоявшей изъ лазаристовъ. Послѣдніе, дабы склонить болгаръ къ принятію уніи, дѣлали черезъ эту газету всевозможные нападки и на греческое духовенство, и на всю восточную православную церковь, также какъ и на всѣхъ, кто сопротивлялся совѣтамъ, какіе подавались ими болгарамъ.

благочестія, тогда какъ еслибы болгарскій народъ обратился къ папѣ и призналъ бы его власть надъ собою, то тогда было бы кому наблюдать за болгарскими архіереями, и вся болгарская община имѣла бы опытнаго и мудраго кормчаго. Обращеніе болгаръ къ папѣ произвело бы хорошее впечатлѣніе и на турецкое правительство, ибо оно преградило бы Россіи путь къ вліянію среди болгаръ, тогда какъ этотъ путь былъ бы ей открытъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ существованіемъ самостоятельной болгарской іерархіи, и въ этомъ заключается одна изъ главныхъ причинъ, почему высокая порта никогда не согласится признать для болгаръ особую самостоятельную іерархію, которая, въ самомъ дѣлѣ, была бы не чѣмъ инымъ, какъ чистою „башибузучною“ іерархіею. Ходатайство о такой іерархіи не будетъ принято во вниманіе правительствомъ порты и по той еще причинѣ, что оно подаетъ поводъ къ предположенію, что болгары, получивъ церковную самостоятельность, пожелаютъ себѣ и политической. Противники соединенія съ римскою церковью — орудіе Россіи. Это люди, обольщенные русскими деньгами. Они служатъ Россіи за получаемыя ими отъ нея деньги въ ущербъ интересамъ своего собственнаго народа.

Если католическій органъ почти каждадневно трубилъ, что учрежденіе независимой отъ патріарха и папы болгарской іерархіи откроетъ широкой путь вліянію Россіи между болгарами, если онъ столь явно клеветалъ на руководителей болгарскаго народа, дѣйствовавшихъ въ духѣ православія и въ интересъ самостоятельнаго развитія болгарской народности, будто они — орудіе Россіи, то можно себѣ представить, сколь неразборчивы должны были быть агенты латинской пропаганды въ выборѣ тайныхъ средствъ для достиженія цѣли. Тогдашнимъ вождямъ болгарскаго народа надлежало раскрывать всѣ ихъ интриги и всѣ ихъ козни, опровергать всѣ ихъ софизмы и клеветы. Они должны были поддерживать въ народѣ убѣжденіе въ правотѣ его дѣла, внушать ему надежду на успѣшный исходъ борьбы и увѣщевать его не уклоняться отъ прямого пути, несмотря на трудности и препятствія, которыми онъ былъ усѣянъ. Вотъ для примѣра отрывокъ изъ тѣхъ рѣчей, съ коими они обращались къ народу, чтобы предостеречь его отъ неправильныхъ сужденій и ошибочныхъ увлеченій по поводу вышепомянутыхъ неблагопріятныхъ возобновенію независимой іерархіи извѣстій, которыя агенты пропаганды старались эксплуатировать.

„Тщетно нѣкоторые усиливаются увѣрять всѣхъ, что если болгары не освободятся отъ греческой іерархіи, то они на долгое

время, если не навсегда, останутся подъ ея игомъ, и потому необходимо имъ поспѣшить перемѣною вѣроисповѣданія приобрести покровительство папы. Увлекаемая внушенными имъ мыслями, вѣрность и цѣну коихъ они не провѣрили и не могутъ провѣрить, побуждаемые еще своекорыстными расчетами, эти люди, безъ сомнѣнія, не понимаютъ всецѣльнаго дѣйствія прогресса, которому новые порядки имперіи открываютъ столь благоприятную почву. Еслибы кто, назадъ тому десять или пятнадцать лѣтъ, сталъ имъ говорить о настоящемъ отношеніи болгаръ къ греческимъ архіереямъ, находящимся въ презрѣніи всего народа и выгнаннымъ изъ своихъ епархій, то оно бы показалось имъ гораздо менѣе правдоподобнымъ, чѣмъ признаніе оттоманскимъ правительствомъ нашей народной независимой іерархіи, достигнутое одними честными и законными средствами. Если болгарское населеніе могло, на разстояніи этихъ пятнадцати лѣтъ, оцѣнивъ по достоинству низкій уровень нравственнаго состоянія греческаго духовенства, почувствовать ненависть къ нему и пожелаало замѣнить его собственнымъ, которое, одушевляясь благочестіемъ и патриотизмомъ, подчинялось бы дѣйствительному состоянію страны и согласнымъ съ условіями вѣка порядкамъ, то что было бы по истеченіи новыхъ пятнадцати лѣтъ? Мы не сомнѣваемся, что если бы греческое духовенство продолжило, вопреки нашимъ основательнымъ ожиданіямъ, свое господство надъ болгарами еще десять лѣтъ, то оно бы само себя приготовило окончательное паденіе. Уже теперь греческіе архіереи стали посмѣшищемъ своихъ паствъ, принужденные прибѣгать, вмѣсто прежнихъ угрозъ, къ ласкательствамъ и подкупамъ для сохраненія за собою занимаемыхъ ими мѣстъ. Что же будетъ позже, когда нынѣшнее пятнадцатилѣтнее поколѣніе вступитъ въ возмужалый возрастъ и будетъ управлять народными дѣлами? Мы не сомнѣваемся, что господство греческихъ архіереевъ само по себѣ прекратится. Самый патриархатъ, нѣвогда грозный и могущественный, а нынѣ униженный и презираемый, придетъ мало-по-малу въ полное безсиліе, благодаря благотворнымъ порядкамъ, которые вводитъ въ страну турецкое правительство, и вліянію образованія, которое все болѣе и болѣе распространяется въ народѣ, несмотря на встрѣчаемыя къ тому со стороны ея представителей препятствія.

„Вотъ что было бы, еслибы греческіе архіереи успѣли, по нѣкоторымъ непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, удержаться на своихъ мѣстахъ и на этотъ разъ, и болгары остались бы подъ ихъ номинальною властью! И такой результатъ получился бы

лишь вслѣдствіе одного презрѣнія, которое они неминуемо навлекутъ на себя со стороны народа. Мы не упоминаемъ о той моральной силѣ, которую болгары приобретутъ въ теченіе этого времени, о томъ значеніи, котораго они достигнутъ въ глазахъ порты своимъ трудолюбіемъ, честностью, вѣрностью и покорностью, о тѣхъ близкихъ отношеніяхъ къ именитымъ лицамъ имперіи, въ которыхъ будутъ находиться болгарскіе народные дѣятели, вслѣдствіе своего просвѣщеннаго и вѣрнаго служенія общему отечеству. Чтобы убѣдиться во всемъ этомъ, достаточно взглянуть безъ предубѣжденія на прошедшее.

„Къ чему теперь можетъ служить и какой результатъ можетъ имѣть переимѣна вѣроисповѣданія, которое мы хранили въ теченіе вѣковъ, и для чего бы мы отступили отъ вѣры нашихъ предковъ, какъ то совѣтуютъ намъ съ такимъ усердіемъ нѣкоторые обманутые умы? Еслибы теперь болгары, всѣ или часть ихъ, согласились допустить какую-нибудь переимѣну въ своихъ религиозныхъ вѣрованіяхъ, то это они сдѣлали бы не по убѣжденію, а въ видахъ освободиться отъ греческаго духовенства. Но заслуживаетъ ли уваженія тотъ человѣкъ, а еще болѣе тотъ народъ, который мѣняетъ свои религиозныя вѣрованія ради приобрѣтенія нѣкоторыхъ общаемыхъ ему миссіонерами правъ? Увѣрены ли мы, что намъ непремѣнно будутъ даны общаемыя теперь права и сзумѣемъ ли мы сохранить ихъ за собою? Почему не предположить, что тотъ, кто прежде лгалъ, можетъ солгать и теперь? Католическіе монахи позволяли и позволяютъ себѣ всякую ложь въ видахъ распространенія папства. Какого добра могутъ болгары ожидать отъ папы и его монаховъ, когда его собственные подданные жалуются и негодуютъ противъ него, и когда папское духовенство, которое само себя восхваляетъ, проникнуто развратомъ и властолюбіемъ? Горе тому народу, который думаетъ приобрѣсть права переимѣною своей религіи, который вѣритъ лживымъ обѣщаніямъ папскихъ монаховъ, и который, вмѣсто того, чтобы добиваться освобожденія отъ извѣстной незаконной власти собственнымъ постояннымъ трудомъ, подчиняетъ себя для того другой, еще болѣе незаконной, и такимъ образомъ мѣняетъ лишь начальство, не приобрѣтая ничего существеннаго! Онъ отдается въ распоряженіе духовенства, которое всегда стремилось къ владычеству, и которое готово употреблять всевозможныя средства для достиженія сей цѣли.

„Когда мы напомнили нѣкоторымъ расположеннымъ въ пользу католицизма лицамъ, предпочитающимъ лучше подчиниться папѣ и принять унию, чѣмъ подождать извѣстное время и увѣщевать

народъ къ терпѣнью и постоянству, что папскіе монахи могутъ и не исполнить обѣщаній, которыя они даютъ, и что они, какъ болѣе сильные, болѣе опытные и хитрые, чѣмъ греческіе, будутъ нами распоряжаться какъ имъ угодно,—то мы получили отъ нихъ отвѣтъ: „въ такомъ случаѣ мы отступимъ отъ католиковъ и примемъ другое вѣроисповѣданіе по своему свободному выбору“. Такимъ образомъ они будутъ переходить отъ исповѣданія къ исповѣданію, пока отыщутъ такое, которое, само по себѣ, доставляло бы имъ все, что нужно для ихъ счастья и спокойствія, не требуя отъ нихъ никакихъ трудовъ и жертвъ. Можно ли не видѣть, что это самыя негѣныя разсужденія, которыя могутъ удовлетворять лишь людей безсовѣстныхъ и поверхностныхъ? Какъ не понять, что если мы сами не очнемся и не станемъ дѣятельно работать для блага своего народа, а будемъ лишь опираться на чужое покровительство, то нами всегда будутъ заправлять иноплеменники, которые, подобно грекамъ, будутъ пользоваться нашею простотою и недѣятельностью. Напрасно нѣкоторые обольщаются, что такое духовенство, какъ католическое, можетъ быть полезно для какого-либо народа, а особенно для народа простого и непредусмотрительнаго. Въ настоящее время почти нигдѣ не встрѣчается духовенство, вполне отвѣчающее высотѣ своего призванія. Если мы, болгары, домогаемся выйти изъ подчиненія грекамъ, то мы домогаемся того съ цѣлью устроить свои церковныя дѣла, согласно требованіямъ нашего вѣроисповѣданія, и приобрѣсть существованіе въ имперіи, какъ отдѣльный народъ, дабы мы имѣли возможность развиваться, подъ могущественнымъ покровительствомъ султана, самостоятельно, согласно собственнымъ нашимъ нуждамъ и интересамъ, а не подъ вліяніемъ и воздѣйствіемъ того или другого иноплеменнаго духовенства, которое навязывало бы намъ, подъ тѣмъ или другимъ видомъ, свою волю. Никто изъ насъ и не думаетъ, безъ сомнѣнія, что наше собственное духовенство, достигнувъ независимости, будетъ, само по себѣ, въ состояніи вести народъ къ прогрессу. Оно также будетъ находиться подъ вліяніемъ, но это вліяніе будетъ происходить изъ среды самого народа, вслѣдствіе чего и само духовенство будетъ пронизуемо духомъ народнымъ. Если наше духовенство и не станетъ сразу на подобающую ему высоту совершенства, то оно всегда будетъ идти къ сей цѣли, такъ какъ, въ виду требованій вѣка, ему будетъ отказано въ полной независимости, столь часто благопріятствующей воснѣнью въ невѣжествѣ. Напротивъ, оно будетъ поставлено въ извѣстную зависимость отъ самого народа, который, стремясь къ цивилизаціи,

будетъ увлекать его за собою, или лучше, народъ и духовенство будутъ совмѣстно дѣлать успѣхи въ развитіи и совершенствѣ, ибо духовенство будетъ исходить изъ среды самого народа. Такъ какъ народъ и духовенство будутъ находиться во взаимодѣйствіи другъ къ другу, то они будутъ воздерживать другъ друга отъ крайностей. Если же духовенство не будетъ зависѣть отъ самого народа, а будетъ, напротивъ, признавать своимъ главою лицо, не имѣющее сочувствія въ болгарамъ и занятое собственными интересами, то оно непременно удалится отъ народа и, подчинившись чужому влиянію, будетъ распространять сіе влияніе и въ народѣ. Можно ли будетъ тогда сказать, что переменною вѣроисповѣданія мы достигнули цѣли своихъ желаній? Если такая могущественная и просвѣщенная страна, какъ Франція, сочла нужнымъ, реформируя свои учрежденія, ограничить также власть папы въ своихъ предѣлахъ, то намъ ли считать малозначащею эту самую власть, тяготящую и донинѣ надъ нѣкоторыми народами, вопреки ихъ желанію? Напрасно, слѣдовательно, говорятъ обольщенные и подкупленные ревнители папства: „мы не потеряемъ, но выиграемъ; мы сохранимъ также безъ перемены свое вѣроисповѣданіе, ибо останемся при тѣхъ же обрядахъ и догматахъ, которые и теперь соблюдаемъ“. Развѣ это не переменна религіознаго вѣрованія, если послѣ того, какъ мы признавали невидимымъ главою церкви Христа, станемъ признавать видимымъ главою всей церкви и намѣстникомъ Божьимъ на землѣ римскаго папу? Но, признавъ его разъ намѣстникомъ Божьимъ на глазахъ правительства и всего міра, мы лишаемся права жаловаться противъ него, если онъ станетъ требовать отъ насъ безпрекословнаго исполненія своей воли, ибо всякій можетъ намъ возразить тогда: „нужно было вамъ подумать объ этомъ прежде, чѣмъ вы признали его намѣстникомъ Божьимъ; теперь же вы не въ правѣ не повиноваться ему“.

Въ разсужденіяхъ и совѣтахъ, содержащихся въ вышеприведенныхъ строкахъ, ясно отражалось, что прежняя надежда о скоромъ признаніи правительствомъ порты болгарской іерархіи улегчилась въ виду новаго оборота дѣлъ, послѣдовавшаго за избраніемъ патріарха, и что въ глазахъ тогдашнихъ руководителей величайшее зло, котораго можно было опасаться отъ этого неблагоприятнаго оборота, заключалось въ отлученіи народа отъ православія и увлеченіи его въ сѣти пропаганды. Греки и знать не хотѣли объ этой опасности. Они не видѣли ея сами, и не вѣрили тѣмъ, которые указывали имъ на нее. Они думали, что все, что говорилось имъ про эту опасность, говорилось съ цѣлью

напугать ихъ и заставить ихъ сдѣлать уступки болгарамъ. Они заботились лишь о томъ, чтобы удержаться въ своемъ привилегированномъ положеніи по отношенію къ болгарамъ. Дѣлая видъ предъ русскими, что они сокрушаются скорбью въ виду бѣдственнаго положенія болгарской церкви, и объясняя сіе положеніе дѣйствіями латинской пропаганды, греки въ то же время увѣряли турокъ и европейцевъ, что движеніе болгаръ вызвано интригами Россіи, панславизма. Съ другой стороны, ученые люди изъ ихъ среды, какъ свѣтскіе, такъ и духовные, усердно занимались составленіемъ газетныхъ статей и брошюръ, въ коихъ усиливались доказать неосновательность требованій и желаній болгаръ. Эти брошюры, вмѣсто того, чтобы производить на болгаръ то дѣйствіе, которое имѣлось въ виду ихъ авторами, еще болѣе ихъ раздражали и вооружали противъ грековъ, служа яснымъ доказательствомъ упрямства и нежеланія послѣднихъ признать существованіе болгарской народности и ея право на самостоятельное развитіе. Такое раздраженіе, между прочимъ, произвела между болгарамъ брошюра, изданная осенью 1860 г., съ одобренія патріархата, старшимъ секретаремъ патріаршаго синода, Григоріемъ, нынѣ митрополитомъ кизичскимъ, и доказывавшая, что Болгарія съ самаго начала находилась въ подчиненіи константинопольскому патріаршему престолу, и что православная болгарская церковь никогда не признавалась самостоятельною церковью.

Нежеланіе грековъ дать удовлетвореніе болгарамъ и ихъ старанія парализовать болгарское движеніе благопріятствовали какъ нельзя лучше видамъ пропаганды. Турецкое правительство, которое давно уже опредѣлило свою роль въ развивавшейся драмѣ, и не думало заставить грековъ очнуться, внушительно заявилъ ему, что оно считаетъ требованія болгаръ справедливыми, какъ того ожидали послѣдніе. Напротивъ, своими отзывами о болгарскихъ жалобахъ оно ободряло грековъ смотрѣть равнодушно на эти требованія. Такое дѣйствіе долженъ былъ произвести на нихъ, между прочимъ, отзывъ верховнаго визиря въ поданномъ имъ султану рапортѣ относительно результатовъ его путешествія по областямъ европейской Турціи. Этотъ рапортъ былъ обнародованъ въ газетахъ въ концѣ ноября. По поводу жалобъ противъ греческихъ архіереевъ, поданныхъ ему болгарами при этомъ путешествіи, верховный визирь ограничился въ своемъ рапортѣ лишь замѣчаніемъ, что между другими злоупотребленіями и нехорошими сторонами въ положеніи христіанъ онъ примѣтилъ и такую еще, которую нужно возможно скорѣе сгладить. Такою нехорошею стороною было не особенно назидательное поведеніе нѣкоторыхъ изъ

членовъ высшаго греческаго духовенства. Верховный визирь отдаетъ справедливость большей части греческихъ архіереевъ, но не можетъ не замѣтить, что есть между ними и такіе, которые не обращаютъ вниманія на свою миссію и позволяютъ себѣ неприличныя ихъ сану злоупотребленія. Но онъ надѣется, что выработанный составленною ad hoc комиссіею („народное собраніе“, по терминологіи грековъ) регламентъ, который будетъ представленъ въ непродолжительномъ времени на утвержденіе его величества, „положить конецъ этому порядку вещей, унижительному для духовенства и обидному для христіанъ“. О томъ, что болгары просятъ признанія своей возобновленной іерархіи и выдѣленія отъ грековъ, верховный визирь не промолвилъ ни слова, какъ будто бы никто и нигдѣ не говорилъ ему объ этомъ, и какъ будто бы ему неизвѣстно было возбужденіе подобнаго вопроса. Изъ его рапорта можно было всякому увѣриться, что султанское правительство не имѣетъ въ виду исполнить просьбу болгаръ о признаніи ихъ независимой іерархіи. Агенты пропаганды, которые пользовались всѣми обстоятельствами, чтобы поставить на видъ болгарамъ, что ихъ желанія могутъ быть исполнены лишь подъ условіемъ обращенія ихъ къ папѣ, хотя бы въ двухъ только словахъ, не преминули указать имъ, для той же цѣли, на отзывъ верховнаго визиря относительно способа, которымъ могли бы быть устранены злоупотребленія высшаго греческаго духовенства и удовлетворены жалобы, возбужденныя этими злоупотребленіями.

Озадаченные такимъ образомъ со всѣхъ сторонъ, вожди болгаръ не потеряли, однако, мужества. Далекіе отъ мысли сдѣлать какой-либо шагъ передъ папой, они не менѣе устранились отъ всякаго общенія съ патриархатомъ. Они стояли твердо на почвѣ, на которую столь торжественно стали въ день пасхи, полагая, что избранный ими способъ борьбы противъ греческаго духовенства рано или поздно приведетъ ихъ въ цѣли. Заключение, которое выводили агенты пропаганды изъ рапорта верховнаго визиря, они опровергали всевозможными доводами; приказъ же имъ султанскаго правительства подчиниться патриарху они порѣшили отклонить новымъ прошеніемъ, въ коемъ, выставляя свой взглядъ на вопросъ въ самыхъ рельефныхъ чертахъ, они объясняли причины, не позволяющія имъ явиться къ патриарху для выраженія ему уваженія и поворности.

„Императорскому правительству извѣстно,—говорили они въ семь прошеній,—что болгарскій народъ, который всегда считалъ

своимъ счастьемъ быть послушнымъ и поборнымъ своему законному государю, состоитъ въ имперіи подъ властію иноплемennаго духовенства, а симъ самымъ и подъ властію иноплемennаго народа, принадлежащаго также къ райямъ султана. Греческое духовенство и греческій народъ пользуются, вслѣдствіе своего привилегированнаго положенія, всѣми царскими милостями и правами, а болгары считаются совершенно безправными. Греческій народъ, однако, не довольствуется этимъ. Онъ стремится еще слить болгарскую народность съ греческою для усиленія послѣдней въ будущей ея борьбѣ противъ оттоманской имперіи. Патріархатъ присвоилъ себѣ власть надъ болгарами вопреки правиламъ вѣры, съ цѣлью содѣйствовать тому же плану греческаго народа. Архіереи, которыхъ онъ посылаетъ въ Болгарію, противъ воли мѣстнаго населенія и вопреки правиламъ вѣры и церкви, въ одно и то же время обираютъ его и навязываютъ ему употребленіе греческаго языка въ церквахъ и училищахъ. Этотъ образъ дѣйствій греческихъ архіереевъ, какъ явно несогласный съ правилами нашей вѣры, огорчаетъ насъ до глубины сердца. Греческое духовенство подкапываетъ также своею безнравственною жизнію добрые нравы населенія, вслѣдствіе чего религія, вмѣсто того, чтобы служить улучшенію нравовъ, дѣлается причиною ихъ порчи. Болгарскій народъ неоднократно жаловался султанскому правительству на греческое духовенство, но, увидавъ, что на его жалобы не обращается никакого вниманія, и что ихъ не приняло въ соображеніе и собраніе, которое было созвано въ патріархатѣ для выработки новаго рагламента, онъ рѣшился, руководясь правилами своей вѣры, исключить имя патріарха и всѣхъ назначенныхъ имъ архіереевъ изъ своихъ церковныхъ молитвъ, какъ имена людей богопротивныхъ. Поступокъ этотъ, какъ внушенный самою религіею, не можетъ считаться преступленіемъ въ глазахъ султанскаго правительства. Болгарскій народъ ожидалъ, что послѣ того, какъ онъ расторгнулъ на почвѣ религіи узы своего подчиненія греческому духовенству, султанское правительство будетъ, съ своей стороны, считать эти узы несуществующими болѣе и признаетъ его народную іерархію, коей единственно онъ можетъ, по правиламъ своей вѣры, подчиняться. Если его ожиданія не сбылись, то причиною того, очевидно, клеветы и невѣрное объясненіе этихъ правилъ со стороны греческаго духовенства. А что болгарскій народъ, порѣшивъ отложиться отъ греческаго патріархата и заявить просьбу о признаніи его народной іерархіи, руково-

дился правилами своей вѣры, въ томъ султанское правительство могло бы легко увѣриться справкою у знающихъ сіи правила лицъ. Съ другой стороны, болгарскій народъ, прося о признаніи его іерархіи, имѣеть цѣлью войти въ непосредственныя отношенія въ султанскому правительству, дабы служить непосредственно сему правительству, а не народу, состоящему, также какъ и онъ, райею. Признаніемъ болгарской іерархіи и султанское правительство не причинить вреда ни патриарху, ни кому-либо другому, а лишь совершить актъ правосудія. Константинопольскій патриархъ не считается начальникомъ въ православной церкви съ правами, какія предоставлены папѣ въ католической. Напротивъ, онъ—одинъ изъ многихъ патриарховъ. Болгары поэтому думаютъ, что если греки имѣють четырехъ патриарховъ и одного автокефальнаго архіепископа (випрсаго), то можно было бы предоставить право также и имъ имѣть хотя одного автокефальнаго архіепископа, относительно посвященія котораго они не нуждаются въ обращеніи въ патриарху, такъ какъ таковой архіепископъ находится уже въ ихъ средѣ. Болгары отказались отъ патриарха, какъ отъ еретика и безбожника, повинаясь голосу своей религіозной совѣсти. Теперь имъ велятъ отдать ему честь. Болгары просятъ султанское правительство не принуждать ихъ дѣлать то, что противно ихъ совѣсти. Патриарха болгары извѣстнымъ образомъ отлучили отъ церкви, а церковное отлученіе ведетъ за собою превращеніе сношеній съ отлученнымъ до его исправленія. Еслибы представители болгарскаго народа посѣтили послѣ сего патриарха, то поступокъ ихъ, не согласуясь съ требованіями ихъ совѣсти, произвелъ бы еще раздѣленіе и расколъ въ народѣ. Императорскому правительству извѣстно, что въ столицѣ его императорскаго величества издается болгарская газета, редакціею коей заправляютъ папскіе монахи ¹⁾. Эта газета, кромѣ того, что ежедневно глумится надъ болгарскимъ вѣроисповѣданіемъ, постоянно также твердитъ, что августѣйшій нашъ государь лишень возможности признать самостоятельность нашей іерархіи, еслибы доже того хотѣлъ, въ виду чего она, увѣщевая ежедневно народъ подчиниться папѣ и испросить у него іерархіи для себя, выставляетъ болгарскихъ представителей, ходатайствующихъ передъ высокою портою о признаніи болгарской іерархіи, безумцами и предателями. Съ тѣхъ поръ какъ разнесся слухъ, что высокая порта велѣла послѣднимъ сдѣлать посѣщеніе патриарху, упомя-

¹⁾ Рѣчь идетъ о газетѣ „България“ и ея редакторѣ Драганѣ Цанковѣ.

нутая газета каждый день твердить, что вот ея слова блистательно оправдались. „Вот новое доказательство,—говорит она,— что султанское правительство не может, помимо папы, признать нашу іерархію: продавшіе себя болгарскіе представители и архіереи должны теперь поклониться патріарху“. Народъ, не вида оправданія своихъ ожиданій, недоумѣваетъ, кому вѣрить—своимъ представителямъ или папскому листку. Если теперь болгарскіе представители и архіереи посвятятъ патріарха, то кромѣ того, что слухъ о семъ посвѣщеніи произведетъ самъ по себѣ дурное впечатлѣніе на народъ, но названный листокъ представитъ его еще въ самомъ невыгодномъ для нихъ свѣтѣ, чтобы опозорить и заклеить ихъ для своей цѣли. Тогда народъ потеряетъ надежду на успѣхъ въ своемъ домогательствѣ и разбредется во всѣ четыре стороны. Болгарскому народу будетъ весьма прискорбно видѣть, что онъ раздѣляется по исповѣданію лишь потому, что не признается его іерархія. Не менѣе будетъ о томъ сожалѣть и потомство, когда прочтеть въ исторіи причины сего раздѣленія. Обладающіе здравымъ смысломъ люди не вѣрятъ, конечно, нелѣпости, будто августѣйшій нашъ государь не имѣетъ, какъ то твердить уже два года папскій листокъ, возможности признать независимость нашей церковной іерархіи, такъ какъ эта іерархія признавалась его предшественниками въ теченіе многихъ лѣтъ до упраздненія оной, происшедшаго назадъ тому 90 лѣтъ, по интригамъ греческаго патріархата, а гатти-гумаюнъ 1856 года возобновляетъ всѣ древнія права, уступленныя когда-либо христіанамъ оттоманскими государями. Въ виду всего этого, вѣрно-подданные болгары просятъ императорское правительство, во имя пожалованныхъ имъ августѣйшимъ ихъ государемъ султаномъ Абдуль-Меджидомъ правъ, внигнуть въ ихъ положеніе и, не заставляя ихъ сдѣлать предварительно посвѣщеніе греческому патріарху, считающемуся отступникомъ отъ ихъ вѣры, признать имѣющуюся у нихъ іерархію, чтобы болгарское населеніе получило удовлетвореніе своему религіозному чувству и успокоилось. Эта милость императорскаго правительства еще болѣе привяжетъ болгарскій народъ къ престолу оттоманскихъ государей“.

Болгары имѣли въ виду косвенно выразить въ этомъ прошеніи свое негодованіе противъ турецкаго правительства, допускаяшаго листокъ католической пропаганды глумиться надъ православнымъ исповѣданіемъ и осыпать бранью всѣхъ тѣхъ, которые отвергали ея совѣты, и направлявшаго все къ тому, чтобы раздѣлить болгарскій народъ по вѣроисповѣданію на нѣсколько частей. Не имѣя

возможности связать прямо турецкими государственными людьми, что они стремятся раздробить единый болгарский народ, дабы навсегда ослабить его, болгарские представители и вожди высказывали это стороною, говоря, что болгарскому народу будетъ весьма прискорбно видѣть, что онъ раздѣляется по исповѣданію лишь потому, что не признается его іерархія, и что не менѣе будетъ о томъ скорбѣть и потомство, когда прочтеть въ исторіи причины сего раздѣленія. Это непрямо высказанное сѣтованіе не могло, конечно, заставить турокъ перемѣнить свою политику. Очень мало беспокоились, безъ сомнѣнія, турецкіе государственные люди того времени, что болгарскому народу будетъ когда-то прискорбно узнать, что его раздѣленіе въ отношеніи вѣроисповѣданія произошло вслѣдствіе ихъ отказа признать его іерархію, или что представители и вожди національнаго болгарскаго движенія сѣтуютъ на нихъ за политику, направленную къ такому раздѣленію. Главное, что занимало турокъ, это — достиженіе преслѣдуемой ими цѣли, а достигнуть цѣли у нихъ было много шансовъ. Благодаря стараніямъ пропаганды, среди болгаръ было уже довольно замѣтное теченіе въ пользу уніи. Правительству султана слѣдовало лишь направлять ходъ распри болгаръ съ греками такъ, чтобы это теченіе все болѣе и болѣе усиливалось, что оно и дѣлало, приглашая болгарскихъ вождей съизнова подчиниться патріарху.

Агенты проваганды усугубили свои дѣйствія, когда стало явнымъ для всѣхъ, что турецкое правительство не имѣетъ намѣренія признать болгарскую іерархію. Поставляя на видъ, сколь унижительно было бы для болгаръ, если бы они снова поборились патріарху, тогда какъ они могли достигнуть цѣли своихъ желаній однимъ лишь произнесеніемъ имени папы, эти агенты подстрекали въ то же время, чрезъ преданныхъ имъ людей, рабочий болгарскій людъ въ Константинополѣ сходиться на подворье болгарской церкви для заявленія, что если возобновленная болгарская іерархія не будетъ признана правительствомъ, то онъ не подчинится снова патріарху, а обратится въ папѣ. Между тѣмъ и двое изъ вождей національнаго движенія пришли, съ своей стороны, къ мысли, что не худо было бы сдѣлать шагъ въ пользу уніи, такъ какъ такой шагъ могъ бы заставить патріархатъ очнуться ¹⁾.

¹⁾ Поступокъ этихъ двухъ лицъ, хотя и вполне заслуживающій осужденія, надобно строго отличать отъ поведенія людей, дѣйствовавшихъ какъ орудія пропаганды. Эти лица сознавали, что болгарскому народу не слѣдуетъ отступать отъ своего православнаго вѣроисповѣданія и отдавать себя въ руки папъ, но они думали, что если

Ободряемые тайно этими вождями, болгарскіе простолюдины все болѣе и болѣе демонстрировали въ пользу уніи. Въ то самое время, когда происходили эти демонстраціи, случилось обстоятельство, которое дало возможность агентамъ пропаганды окончательно склонить умы среди рабочихъ въ пользу уніи. Священникъ изъ Балчика, котораго Иларіонъ рукоположилъ въ іюнѣ въ болгарской, въ Фанарѣ, церкви, былъ арестованъ въ началѣ декабря, по требованію варненскаго владыки, отправленъ въ Константинополь и сданъ здѣсь въ патриархатъ. Ему удалось, однако, убѣжать изъ патриархата и скрыться въ недалекой отстоящую отъ него болгарскую церковь. Переодѣвшись здѣсь, онъ немедленно отправился въ католическій монастырь Санъ-Венедетто, въ Галатѣ, объявилъ себя тамъ уніатомъ и тѣмъ спасся отъ всякихъ дальнѣйшихъ преслѣдованій. Это обстоятельство, представленное и объясненное листкомъ пропаганды, какъ очевидное доказательство тому, что для освобожденія болгаръ отъ греческаго патриархата другого пути кромѣ уніи съ римскою церковью нѣтъ, произвело сильное впечатлѣніе на простые умы, которымъ агенты пропаганды постыжились воспользоваться для ускоренія провозглашенія уніи. Это произошло 18-го декабря 1860 въ домѣ латинскаго архіепископа, монсиньора Брюнони, гдѣ присутствовали по этому случаю, кромѣ архіепископа, армяно-католическій патриархъ, монсиньоръ Гассунъ и многіе другіе члены латинскаго и армяно-католическаго духовенства. Въ этотъ же день передъ монсиньоромъ Брюнони и монсиньоромъ Гассуномъ, окруженными многочисленнымъ духовенствомъ, предстало нѣсколько болгарскихъ духовныхъ лицъ въ сопровожденіи многочисленной толпы своихъ соплеменниковъ, большею частію простолюдиновъ, и, заявивъ о своемъ желаніи принять унію съ римскою церковью, вызванномъ притѣсненіями и злоупотребленіями греческаго духовенства, они подписали предварительно приготовленный о семъ актъ. Порта, которой армяно-католическій патриархъ донесъ объ образованіи новой религіозной общины подъ вѣдомствомъ и поворовительствомъ папы, объявила, что она согласна признать ее на правахъ прочихъ религіозныхъ общинъ. Но изъ лагеря православныхъ болгаръ отзывались сильнымъ протестомъ противъ такого уклоненія нѣ-

часть болгаръ приметъ временно унію съ римскою церковью, то весь православный міръ вознегодуетъ противъ патриархата, и онъ будетъ принужденъ сдѣлать потребныя уступки болгарамъ. Тѣ же люди, которые редактировали газету „България“, какъ Драганъ Цанковъ, прямо стремились отлучить навсегда болгарскій народъ отъ православной церкви, отождествясь съ исконными противниками православія и врагами восточнаго славянства.

СКОЛЬКИХЪ ЛИЦЪ ОТЪ ПРЯМОГО ПУТИ И ПРАВОСЛАВНО-НАЦІОНАЛЬНОЙ ЦЕРКВИ; ЗАВЯЗВАШАСЯ ПО ЭТОМУ СЛУЧАЮ СЪ НОВОЮ СИЛОЮ БОРЬБА МЕЖДУ ДВУМА ЛАГЕРЯМИ КОНЧИЛАСЬ ЧЕРЕЗЪ НѢСКОЛЬКО ВРЕМЕНИ ПОРАЖЕНІЕМЪ И РАЗСТРОЙСТВОМЪ БОЛГАРО-УНІАТСКОЙ ОБЩИНЫ. УСИЛІЯ БОЛГАРСКАГО НАРОДА ПО ПРЕЖНЕМУ НАПРАВИЛИСЬ КЪ ДОСТИЖЕНІЮ ЦЕРКОВНОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ПУТЕМЪ ХОДАТАЙСТВА ПЕРЕДЪ ПОРТОЮ О ПРИЗНАНІИ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ БОЛГАРСКОЙ ЦЕРКВИ, НЕЗАВИСИМОЙ КАКЪ ОТЪ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКАГО ПАТІАРХА, ТАКЪ И ОТЪ РИМСКАГО ПАПЫ.

Ө. Стояновъ-Бурмовъ.

ПЕРЕУТОМЛЕНИЕ УЧАЩИХСЯ

и

ЕГО ПОСЛѢДСТВІЯ.

Конецъ XIX-го столѣтія въ Европѣ характеризуется многими особенностями въ области наукъ, искусствъ, строя общественной жизни и между прочимъ—громаднымъ нервнымъ возбужденіемъ интеллектуально-развитой части народонаселенія. Безпрерывно усиленныя воспримчивости впечатлѣній, чрезмѣрно отзывчивыя рефлективныя явленія нервной системы, слѣдующія быстро за полученными раздраженіями, и часто нецѣлесообразныя слѣдствія изъ худо направленныхъ рефлексовъ—даютъ тому времени, въ которое мы живемъ, характеристику по преимуществу нервного вѣка. Доказательство этой вполнѣ основательной характеристики не трудно получить. Стоитъ обратиться къ врачамъ, и они констатируютъ значительное возрастаніе изъ года въ годъ нервныхъ расстройствъ не только у слабыхъ женщинъ, но и у мужчинъ, пользовавшихся довольно крѣпкимъ тѣлосложеніемъ. Стоитъ справиться съ статистикой, и она докажетъ намъ замѣчательное переполненіе въ послѣднее время больницъ для душевно-больныхъ. Все это слѣдствія роковой причины XIX вѣка—переутомленія нервной системы, чрезмѣрной ея раздражительности, воспримчивости и усиленно-непосильной дѣятельности.

До послѣдняго времени на долю гигиены выпадали заботы объ охраненіи нормальнаго теченія отправленій въ органахъ растительной жизни человѣка. Гигиенѣ предоставлялось изучать, открывать, устранять причины вредныхъ вліяній со стороны вдыхаемаго воздуха, воспринимаемой пищи и т. д. Предполагалось, что *in corpore sano—sana mens*: если обезпечить здоровье тѣла, то само собой будетъ въ немъ и здоровая мысль, здоровая душа. Теперь мы убѣждаемся, однако, болѣе и болѣе въ томъ, что старая аксіома перестаетъ быть

таковой. По меньшей мѣрѣ старое положеніе слѣдуетъ измѣнить въ обратную сторону, принявъ, что *mens insana—corpus insanum*.

Дѣйствительно, можемъ ли мы представить себѣ нормальными растительныя отправления тѣла при ненормальностяхъ нервной системы, всѣмъ управляющей въ нашемъ организмѣ?

Поэтому задачи гигиены страшно усложняются, и область ея забота чрезмерно вырастаетъ. Если и прежде въ гигиеническихъ трактатахъ существовали отчасти указанія на гигиену ума или нервной дѣятельности вообще, то должно сознаться, — указанія эти имѣли столь фельетонный характеръ, унаслѣдованный отъ праотцевъ Иппократа, Цельза и др., что въ серьезныхъ сочиненіяхъ по гигиенѣ эту сторону дѣла всегда обходили молчаніемъ.

Для того, чтобы сказать что-либо положительное о нормальныхъ условіяхъ нервной, мозговой дѣятельности, необходимо изучить ее также, какъ мы изучили процессъ дыханія, пищеваренія. Изучить въ той же степени процессъ мозговой дѣятельности людей до сихъ поръ наукѣ не удалось. Весьма понятно—почему. Растительные процессы совершаются и проявляются непрерывно и болѣе или менѣе однообразно у всѣхъ. Мѣняясь же, подъ вліяніемъ изученныхъ условій, они видоизмѣняются въ опредѣленныхъ границахъ, доставляя легкую возможность наблюдателю изучать ихъ. Наконецъ, совершенно аналогичные процессы у животныхъ даютъ намъ полную возможность путемъ опыта доканчивать наше изученіе. Не то съ изученіемъ условій умственнаго труда человѣка. Остается единственнымъ средствомъ изученія *наблюденіе*, — а оно вполне доступно натуралисту только въ клиникѣ надъ больными людьми. Здоровые же очевидно такой клиники доставить ему не могутъ.

Изученіе явленій удастся всего успѣшнѣе, если начинаютъ его съ самыхъ элементарныхъ ихъ стадій и постепенно восходятъ до болѣе сложныхъ. Элементарныя явленія умственной дѣятельности ближе всего могутъ быть изучаемы педагогами, могущими дать поэтому самыя цѣнныя указанія для физиологии и гигиены мышленія. Вотъ почему мнѣ казалось всегда и теперь, и я вполне убѣжденъ въ этомъ, что изученіе условій нормальной и ненормальной умственной, нервной дѣятельности человѣка гигиена можетъ достигнуть прежде всего при помощи педагоговъ. Нѣтъ большой бѣды въ томъ, что педагогамъ неизвѣстны въ точности данныя физиологии, медицины, такъ какъ при извѣстныхъ условіяхъ, согласившись въ направленіи, которое можетъ принять ихъ совмѣстный трудъ съ гигиенистами, при вполне разработанной программѣ, которой будутъ наблюдатели слѣдовать, ими можетъ быть собранъ громадный цѣнности матеріалъ для рѣшенія поставленныхъ вопросовъ. Мы знаемъ, что многія дан-

ныя, собиравшіяся даже при несравненно менѣе благоприятныхъ обстоятельствахъ, приводили, однако, къ установленію мировыхъ законовъ природы. Возможно ли было бы открытіе закона передвиженія штормовъ безъ массы цифровыхъ метеорологическихъ записей, доставлявшихся людьми почти несвѣдущими въ области физической географіи? Могли ли бы быть разработаны математически законы рождаемости, смертности, долговѣчности жизни—безъ метрическихъ книгъ, ведомыхъ людьми, чаще всего неполучившими даже никакого образованія? Поэтому я полагаю, что быть можетъ нѣтъ другого вопроса, гдѣ такъ неразрывно была бы связана работа гигиенистовъ и педагоговъ, какъ именно въ изученіи гигиены мозговыхъ отравленій. Къ этой совмѣстной работѣ еще болѣе и настоятельнѣе побуждаетъ не общій вопросъ о нервозности современныхъ поколѣній, стоящій въ зависимости отъ самыхъ главныхъ причинъ,—но давно уже возникшее подозрѣніе о причинной связи многихъ случаевъ этой нервозности съ недостатками школьнаго обученія. Если ненормальность умственной работы допустить въ школахъ, то въ виду того обстоятельства, что современный человѣкъ до $\frac{1}{3}$ своей жизни посвящаетъ школѣ, придется признать неблагоприятное вліяніе ея на всю послѣдующую жизнь ея воспитанниковъ, на ихъ здоровье, на ихъ силы, на ненормальность всей ихъ нервной дѣятельности. Есть ли, однако, основанія для столь тяжкаго обвиненія школы? Существуютъ ли доказательства, вмѣняющія ей эту страшную вину? Западно-европейская литература съ теченіемъ времени даетъ на эти вопросы болѣе и болѣе утвердительные отвѣты. Признавая важность этихъ обвиненій и несомнѣнный интересъ, ими представляемый съ чисто-практической точки зрѣнія, я рѣшился подробнѣе изслѣдовать вопросъ о переутомленіи, вызываемомъ школой, и изложить мнѣнія, существующія о томъ же на Западѣ въ литературахъ французской и нѣмецкой. Вопросъ о переутомленіи издавна и горячо обсуждается на Западѣ. Въ Германіи болѣе 50 лѣтъ назадъ говорили уже о переутомленіи, вызываемомъ школой. На третьемъ директорскомъ съѣздѣ въ Вестфаліи обращали вниманіе еще въ 1826 году на значительное число болѣзней, стоявшихъ въ связи съ школьнымъ обученіемъ. Уменьшеніе свѣжей, цвѣтущей ювонеской силы, общительности и веселости, объясняли чрезмѣрнымъ напряженіемъ, вызываемымъ главнымъ образомъ 9—10 ч. классной работы въ низшихъ и 10—12 ч. въ высшихъ классахъ школы. Въ 1829 г. явился уже циркуляръ министерства объ уменьшеніи работъ, задаваемыхъ ученикамъ на домъ. Въ 1836 г. д-ръ Лоренцеръ изъ Оппельна опубликовалъ свое сочиненіе: „Zum Schutze der Gesundheit in den Schulen“. Лоренцеръ обвинялъ тяжелое гимназическое обученіе въ томъ, что оно обезсиливаетъ и нервируетъ са-

мую высшую нѣмецкую молодежь, предназначенную для общинной, государственной службы и научной дѣятельности,—ту молодежь, въ руках которой будутъ судьбы всей отечественной культуры. Упреки Лоренцера возбудили столь жаркую полемику и такъ взволновали общество, что правительство нашлось вынужденнымъ высказаться, что Лоренцеръ „хотя въ нѣкоторыхъ пунктахъ не вполне безоснователенъ, однако въ общемъ преувеличиваетъ факты“.

Въ 1869 г. появился въ печати докладъ Вирхова министру народнаго просвѣщенія о школьныхъ болѣзняхъ.

Съ тѣхъ поръ вопросъ о школьныхъ болѣзняхъ и переутомленіи не перестаетъ непрерывно занимать Германію. Баумейстеръ говорить, что, „сколько ему извѣстно, нѣтъ въ Германіи ни одного представительнаго учрежденія, которое въ послѣдніе годы не поднимало бы вопроса о переутомленіи, даже повторно, и не требовало бы помощи противъ него“. Въ 1877 году докладъ Финкельбурга на съѣздѣ нѣмецкихъ гигиенистовъ въ Нюрнбергѣ о гигиенѣ школъ рѣзко затронулъ и вопросъ о переутомленіи и обратилъ на себя вниманіе всѣхъ. Послѣ этого доклада вопросъ подвергся оживленному обсужденію многихъ спеціалистовъ и вызвалъ единогласное рѣшеніе о необходимости ограниченія объема преподаванія и задаваемыхъ ученикамъ на домъ уроковъ.

Дрезденскій съѣздъ нѣмецкихъ гигиенистовъ въ 1879 году, послѣ блестящихъ рѣчей педагога Алекси и д-ра Холибеуса, постановилъ даже, чтобы въ гимназіяхъ часы уроковъ не длились болѣе 24 въ недѣлю, т.-е. 4 урока на день, и чтобы время для приготовленія уроковъ на дому ограничивалось въ низшихъ классахъ $\frac{1}{2}$ ч.—1 ч., въ среднихъ—1 ч.—2 ч., въ высшихъ—2—3 ч.

Съѣздъ врачей въ Бокумѣ въ 1888 г. представилъ министру народнаго просвѣщенія обширную записку о переутомленіи.

Вопросъ о школьномъ переутомленіи, говорятъ эти врачи, обсуждался и прежде, но теперь онъ является безспорно всюду, не только въ Германіи, предметомъ заботы и спеціалистовъ, и всѣхъ вообще образованныхъ людей. Дурныя послѣдствія переутомленія тяжело дѣйствуютъ не только временно и преходящимъ образомъ на одинъ моментъ, но длятся цѣлыми десятилѣтія, тяготѣя надъ цѣлыми классами гражданъ, и именно образованныхъ классовъ, лишь медленно освобождая ихъ отъ своего плачевнаго вліянія. Почти всѣ врачи и многочисленныя педагоги признаютъ переутомленіе и прямо высказываются по этому поводу въ брошюрахъ, общественныхъ собраніяхъ, въ комиссіяхъ и при всякомъ другомъ благопріятномъ случаѣ. Обсуждали съ своей стороны тотъ же вопросъ врачи Бокума и просили между прочимъ министерство обратить вниманіе на то, чтобы пре-

подаваніе въ низшихъ классахъ, отвѣчающихъ 11—13 году жизни учениковъ, было въ отвлеченныхъ предметахъ уменьшено и замѣнено нагляднымъ обученіемъ. Въ среднихъ классахъ, по мнѣнію врачей, совмѣстно съ нагляднымъ обученіемъ можетъ примѣняться по преимуществу формальное развитіе ума и лишь начатки отвлеченнаго мышленія, соотвѣтственно возрастной степени зрѣлости. Только въ трехъ высшихъ классахъ, гдѣ ученики, уже съ окончаніемъ 16 года, развились достаточно, можно и должно заниматься исключительно развитіемъ ихъ абстрактнаго мышленія, допускаемого лишь въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Затѣмъ врачи полагали, что въ школѣ ученикъ долженъ учиться и упражняться, дома же обязанъ работать лишь настолько, насколько это необходимо для развитія его самостоятельной инициативы въ области обученія и изощренія памяти. Должно быть оставлено время и для упражненій въ такихъ самостоятельныхъ областяхъ дѣятельности, къ которымъ ученики имѣютъ талантъ и склонность, каковы—музыка, рисованіе, литература и т. д. Прежде всего требуется, *чтобы учитель принадлежалъ не къ первокласснымъ ученымъ, а теоретически и практически подготовленнымъ педагогамъ*, думали врачи Бокума.

Съ 1882 года, даже со второй половины 70-хъ годовъ, начинаются уже уступки учебнаго вѣдомства въ Германіи, чему доказательствомъ служатъ новые учебные планы Баваріи, Вадена, Саксоніи, Гессена.

Обращаясь къ Франціи, второй странѣ, гдѣ особенно много было говорено противъ переутомленія, мы видимъ, что и здѣсь вопросъ о немъ былъ поднятъ уже весьма давно. Не будемъ останавливаться на мнѣніяхъ творца „Эмиля“, и не будемъ придавать значеніе его преувеличеніямъ, въ родѣ: „L'homme qui médite est un animal dégradé“, но упомянемъ, что еще въ концѣ прошедшаго столѣтія знаменитый Peter Franck, отецъ медицинской полиціи, принадлежавшій по происхожденію Франціи, по научной дѣятельности—Германіи и даже по административной—отчасти Россіи, такъ какъ въ немъ, напр., петербургская медико-хирургическая академія имѣла своего перваго президента, — уже возставалъ противъ переутомленія въ школахъ. Франкъ указываетъ, что оно обезсиливаетъ мускулатуру учениковъ и замедляетъ нормальное кровообращеніе. Франкъ указываетъ на то, что еще нѣжныя и мягкія фибры мозговой ткани слишкомъ рѣзко возбуждаются послѣднимъ обремененіемъ памяти, и какъ противобѣсъ требовалъ по примѣру древнихъ восстановленія гимнастики. Еще въ 1844 году историкъ Тьерръ говорилъ слѣдующее: „Мы справились у самыхъ извѣстныхъ профессоровъ, и всѣ они утверждаютъ, что теперь стремятся вводить въ головы дѣтей слишкомъ много знаній, и ихъ умъ сгибается подъ тяжестью такого бремени“.

Появившийся въ 1868 году и надѣлавшій много шума памфлетъ академика Victor de Larqad'a, подъ громкимъ названіемъ: „L'éducation homicide“, содержитъ массу рѣзкихъ обвиненій противъ строгихъ французскихъ школъ. „Одиннадцать часовъ, въ теченіе которыхъ—говорить Лапрадъ—тѣло ребенка должно застывать ради подчиненія режиму, составляютъ лишь меньшую среднюю величину ежедневнаго плѣненія ученика“. Въ 1874 г. Жюль Симонъ, говоря о необходимости реформъ въ обученіи, обращаетъ вниманіе на то, что „не спрашиваютъ никогда о числѣ дѣтей, покидающихъ школу истощенными и больными, но приводятъ въ извѣстность лишь число успѣшно окончившихъ курсъ“. „Мы не хотимъ понять,—говоритъ тотъ же авторъ,— что необходимо воспитывать не только умъ, но и тѣло, и заботиться о послѣднемъ въ той же разумной мѣрѣ, въ какой мы ухаживаемъ за домашними животными. Можно подумать, что гигиена скотнаго двора важнѣе для насъ, чѣмъ наша собственная, и что два главнѣйшихъ условія счастья—здоровье и сила—для насъ ничего не значатъ. Ученіемъ имѣлъ свои 3 свободныхъ промежутка въ день, но всѣ вмѣстѣ они не даютъ ему болѣе 2 часовъ“. Наконецъ въ 1887 году вопросъ о переутомленіи возникъ и въ парижской медицинской академіи, благодаря докладу, внесенному въ нее Ланьо. Факты, имъ сообщенные, были въ теченіе преній поддержаны мнѣніями и наблюденіями многихъ извѣстныхъ ученыхъ, и академія приняла слѣдующее заключеніе: „Медицинская академія обращаетъ вниманіе общественныхъ властей на необходимость измѣнить, согласно законамъ гигиены и потребностямъ физическаго развитія дѣтей и юношей, существующій режимъ учебныхъ учреждений“. Вмѣстѣ съ тѣмъ академія высказалась за ограниченіе программъ преподаванія.

Во Франціи точно также общественное мнѣніе достигло уже того, что при министерствѣ народнаго просвѣщенія существуетъ съ 1882 г. особая школьная гигиеническая коммиссія, въ которой принимаютъ участіе извѣстные спеціалисты по гигиенѣ. Тѣмъ не менѣе надежды на близкій поворотъ къ лучшему многіе не питаютъ, и Ларже въ парижскомъ гигиеническомъ обществѣ, въ прошедшемъ году, весьма сочувственно повторялъ мысли Бреала и Жюля Симона. Первый изъ нихъ, говоря о высшемъ совѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія, полагалъ, что его члены, погруженные сами въ традиціонные предразсудки, въ нихъ же удерживаютъ и другихъ, воспитывая новыхъ поколѣній такъ, какъ они были воспитаны сами. Жюль Симонъ признался, что для того, чтобы реформы состоялись, необходимо сначала переимѣнить составъ преподавателей. Не мудрено, что столь отчаянный взглядъ создается въ послѣднее время у многихъ во Франціи и въ Германіи. Предразсудки весьма сильны. Апатія, неподвижность

установившихся убѣжденій, укоренившаяся привычка къ нимъ и неохота дать себѣ трудъ выникнуть въ возраженія со стороны новаго потока идей, представляются самыми естественными явленіями, всегда и всюду встрѣчавшимися въ исторіи культуры. Прибавимъ къ этому еще и тѣ особыя, своеобразныя орудія борьбы, которыми злоупотребляютъ защитники оспариваемаго status quo. Какъ ни странно само по себѣ явленіе, но слѣдуетъ искренио признаться, что на массу дѣйствуютъ иной разъ гораздо болѣе банальныя фразы и даже просто слова, а не факты. Какъ въ „темномъ царствѣ“ Островскаго слова: „металлъ“ и „жупель“ вызываютъ эффектъ, такъ на интеллигенцію Европы вліяетъ слово: „реакція“. Достаточно сказать, что пониженіе требованій въ школьномъ образованіи ведетъ къ реакціи, и защитники естественныхъ правъ молодости попадаютъ въ разрядъ реакціонеровъ, которыхъ умъ съ трудомъ выслушиваетъ, и отъ которыхъ отворачиваются. Но тѣмъ не менѣе придетъ время, и истина станетъ всѣмъ ясна, какъ теперь она ясна лишь для людей, спеціально изучившихъ дѣло изъ массы фактическаго матеріала, доказывающаго печальныя послѣдствія школьнаго переутомленія.

Остановимся теперь на этихъ фактахъ, собранныхъ заграничною литературой.

Когда-то,—говоритъ Рейссъ,—молодежь прежней Франціи,—принадлежала ли она дворянству или буржуазіи, предназначалась ли она арміи, адвокатурѣ или духовенству,—проходила курсъ физическаго воспитанія. Гимнастика, фехтованье, верховая ѣзда, плаваніе, танцы, занимали первое мѣсто въ программахъ обученія и имѣли настолько же значенія, какъ изученіе литературы. Умъ не обременяли, правда, но достигали того, что воспитывали людей съ желѣзнымъ здоровьемъ, способныхъ выносить громадныя труды. Теперь же, съ системой воспитанія общепринятой, утомляютъ умъ, отягощаютъ память массой непонятыхъ свѣденій, и какъ результатъ современнаго гимназическаго обученія производятъ намъ образчики человѣческаго вида, который на парижскомъ жаргонѣ правильно обозванъ „дохленькимъ“—„petit-crévé“.

Хотя,—оговаривается Рейссъ,—онъ нимало не склоненъ къ тому, чтобы стремиться возстановить всецѣло старыя порядки, но не слѣдуетъ пренебрегать совершенно опытомъ прошлыхъ временъ и должно удержать отъ него то, что полезно.

Ланьо въ своемъ докладѣ показалъ, что изъ 1.000 призывныхъ вообще Франція получаетъ 540 солдатъ, а изъ 1.000 окончившихъ курсъ въ гимназіяхъ—только 425, т.-е. на 25% болѣе негодныхъ для службы. Сходныя съ этими указанія имѣемъ мы изъ доклада Финкельбурга, и хотя онъ приводитъ данныя прусскаго статистическаго

бюро съ оговорками, но все же они говорят ясно, что, изъ 17.246 зарегистрированныхъ вольноопредѣляющихся за 5 лѣтъ, лица, не прошедшія гимназій, дали отъ 40 до 50% неспособныхъ, гимназисты же — 85%, т.-е. почти вдвое болѣе. Цифры эти могутъ сдѣлаться весьма понятными, если обратить вниманіе въ отдѣльности на тѣ органы тѣла, которые перерождаются ненормально подъ вліяніемъ школы.

Котельманъ, изслѣдуя развитіе мышцъ у учениковъ низшихъ и высшихъ классовъ, пришелъ къ интересному и въ то же время печальному выводу. вмѣсто того, чтобы съ возрастомъ развиваться болѣе и болѣе—сократительность мышцъ нижнихъ конечностей падаетъ. Самый ростъ тѣла задерживается во время школьныхъ занятій и ненормально быстро пополняется за время вакацій.

Что касается глазъ, то массой наблюденій доказано, что дѣти, вступая въ школу съ нормальнымъ зрѣніемъ, приобрѣтаютъ близорукость, и иногда въ сильной степени, поведая ея. Близорукость растетъ параллельно съ классами, и къ послѣднему классу гимназій число учениковъ съ нею доходитъ до $\frac{1}{2}$ всѣхъ кончающихъ ученіе и иногда болѣе. Въ Гейдельбергѣ, напр., были выпуски, имѣвшие до 100% близорукихъ. Причиною этого явленія не только дурное освѣщеніе, печать учебниковъ и вечернія работы, но, какъ объясняетъ извѣстный физиологъ и специалистъ по глазнымъ болѣзнямъ Донбергъ — усиленный приливъ крови къ мозгу и глазу во время длительныхъ занятій. Добровольскій, Жаваль и другіе видятъ причину также въ судорогѣ приспособляющихъ глазъ мышцъ и въ раздраженіи ихъ, причиняемомъ быстрой смѣной приспособленія глаза во время занятій.

Фактъ чрезмѣрныхъ приливовъ крови къ мозгу дѣтей въ школѣ выражается въ частыхъ головныхъ боляхъ и носовыхъ кровотеченияхъ. Беккеръ въ Дармштатѣ нашелъ въ школахъ до 27% съ головными болями и до 11,3% съ кровотечениями. Въ восьмомъ классѣ гимназій головныя боли доходили до 80,8%.

Въ политехнической школѣ Парижа опредѣлено 27% головныхъ болей. Въ Нейшателѣ Гильомъ опредѣлилъ до 40%, и до 20%—носовыхъ кровотеченій. Причиною этому не одно наклонное положеніе головы во время письма и другихъ занятій, но, какъ показалъ Вирховъ, это стоитъ въ зависимости отъ слабого, поверхностнаго дыханія во время внимательнаго выслушиванія объясненія. Замѣчено, что болѣе внимательные ученики часто инстинктивно помогаютъ восстановленію кровообращенія, дѣлая по временамъ глубокіе вздохи. Застой крови въ сердцѣ при поверхностномъ дыханіи вызываетъ воспрепятствованное опорожненіе отъ венозной крови мозга, и такимъ образомъ являются приливы.

Вѣроятно тѣ же отчасти причины ведутъ и къ школьному зобу, исчезающему во время вакацій и возобновляющемуся съ занятіями.

Особенно большое вліяніе сидячая жизнь школы оказываетъ на органы пищеваренія. Число учениковъ, страдающихъ запорами, катаррами, потерей аппетита, невареніемъ пищи, доходитъ до $\frac{1}{2}$ и даже больше. Генле и здѣсь доказалъ, что причиной служитъ, между прочимъ, то обстоятельство, что вмѣстѣ съ усиленной работой чувствительныхъ нервовъ и мозга падаетъ соотвѣтственно энергія двигательныхъ нервовъ, а слѣдовательно и тѣхъ, которые управляютъ движеніями желудка и кишекъ, особенно въ связи съ только-что указаннымъ замедленіемъ дыханія и сердцебиеніями при умственной усиленной работѣ. Вызываемое расстройство питанія всѣми этими запорами и катаррами ведетъ къ большому истощенію силъ школьничковъ и развиваетъ задатки, если они были, и золотухи, и чахотки. То обстоятельство, что статистика Берлина даетъ для возраста 5—10 лѣтъ 4,8% умершихъ отъ чахотки, а въ школьномъ, между 10—15 годами—уже 12,9%, между 15—20 годами даже 31,8%, можетъ быть объяснено не вліяніемъ школьныхъ занятій собственно, а школьныхъ и жилыхъ помѣщеній; однако нельзя не обратить вниманія и на работы Вирхова и Рюле, доказывающихъ причинность туберкулеза отъ ослабленнаго дыханія, столь рѣзко обусловливаемого школой, какъ мы видѣли ранѣе.

Наконецъ неправильное и утомительно долгое сидячее положеніе при школьныхъ занятіяхъ даетъ по Гильому изъ 731 ученика 218 съ искривленіями позвоночника; по Эйленбергу такіа искривленія встрѣчаются именно въ школьномъ возрастѣ въ 225 случ. изъ 300 и по Рагов'у—въ 60%.

Такимъ образомъ, мы видимъ, до какой степени серьезны послѣдствія перерожденій, вызываемыхъ школой,—послѣдствія, которыя отражаются не только на внѣшнемъ видѣ школьныхъ „petits crévés“ и на ихъ физикѣ, но также и на умственномъ и на нравственномъ организмѣ. Уже а priori трудно было бы согласиться съ тѣмъ, что, вліяя на тѣло, школа одновременно оставляетъ неприкосновеннымъ нормальное развитіе нервно-мозговой дѣятельности его. Однихъ видоизмѣненій въ развитіи остальныхъ тканей было бы достаточно, чтобы вызвать уклоненія въ отравленіяхъ нервной. Но никто изъ насъ не забываетъ, что помимо того существуютъ доказательства, что школа утомляетъ организмъ своихъ воспитанниковъ умственно. Результатомъ того является цѣлый новый рядъ нервныхъ болѣзней.

Кюборнъ, дѣлавшій докладъ IV-му международному гигиеническому конгрессу въ Женевѣ, въ 1882 году, вызвавшій общее сочувствіе, говоритъ, что, по статистическимъ даннымъ Бельгіи, между ея уче-

никами серьезные нервные болѣзни составляютъ 18%, т.-е. занимаютъ второе мѣсто въ числѣ остальныхъ.

Когда въ Англіи усилились протесты противъ переутомленія, вызываемаго школами, и даже появились запросы въ палатѣ депутатовъ и лордовъ по этому поводу, то Кригтонъ Браунъ и Робогліати показали значительное увеличеніе смертности отъ мозговыхъ болѣзней у школьничковъ.

Профессоръ Potain говоритъ: „чрезмѣрные умственные напряженія, продолжаемыя безъ мѣры, недостатокъ сна, не дающій органамъ необходимаго отдыха, считаются причинами, подготовляющими или вызывающими гиперемическія и воспалительныя явленія въ мозгу, и именно хроническіе диффузные периненцефалиты“... „Очень часто, если мозговая усталость не вызываетъ настоящаго болѣзненнаго состоянія, она приводитъ къ умственному ослабленію, болѣе или менѣе длительному, т.-е. къ весьма важному функціоальному разстройству, имѣющему значеніе для будущаго. Вслѣдствіе переутомленія, по Макферсону изъ Глазгова, ученики, начиная уставать, впадаютъ въ болѣзненное состояніе, причины котораго родители не понимаютъ“... „Усиленное обученіе, преждевременное обремененіе знаніями, повидимому, ведетъ, кромѣ того, къ уничтоженію личной инициативы, силы воли, нравственной энергіи и твердости характера“.

Мейнертъ, специалистъ по нервнымъ болѣзнямъ, въ своемъ докладѣ австрійскому правительству выражается еще опредѣленнѣе.

Нѣкоторыя душевныя болѣзни,—говоритъ онъ,—иногда суть послѣдствія гимназическаго переутомленія. Большое число болѣзненныхъ случаевъ не попадаетъ въ дома умалишенныхъ, но лечится дома въ качествѣ нейрастениковъ. Половыя возбужденія, обусловливаемыя приливами, вызываемыми школьною сидячею жизнью, способствуютъ нейрастеніямъ и душевнымъ болѣзнямъ. Вредныя послѣдствія переутомленія даютъ себя чувствовать не только въ юности, но и въ зрѣлыхъ лѣтахъ, предрасположеніемъ къ помѣшательству. Наслѣдственность душевныхъ болѣзней дѣлаетъ отвѣтственнымъ школьное переутомленіе и за послѣдующія поколѣнія, за ихъ умственную несостоятельность. Болѣе и болѣе часто повторяющіяся самоубійства суть печальныя симптомы прогрессирующей нейрастеніи.

Проф. Баумейстеръ сообщаетъ, что по даннымъ статистическаго прусскаго бюро отъ 1868 по 1881 г. число самоубійць-юношей въ возрастѣ отъ 10 до 20 л. значительно возросло—съ 165 до 260 въ годъ. Хотя при этомъ замѣчаютъ, будто это не доказываетъ вліянія именно школы, такъ какъ и вообще число самоубійць возрастаетъ; въ виду же увеличившагося контингента послѣднихъ, можно было думать о сравнительномъ уменьшеніи числа юношескихъ самоубійствъ,

тѣмъ не менѣе не слѣдуетъ упускать изъ вида только-что приведеннаго мнѣнія Мейнерта и того, что взрослые самоубійцы — продуктъ тѣхъ же школъ.

Директора дома для умалишенныхъ, Госсе и Снелль, изъ своихъ наблюдений утверждаютъ, что переутомленіе въ гимназіяхъ положительно вводитъ въ эти дома большее количество гимназистовъ, чѣмъ прежде, что согласуется съ мнѣніями ранѣе приведенными.

Въ чемъ же, однако, искать умственного переутомленія?

Въ указанномъ нами ранѣе докладѣ Кюборна IV-му международному конгрессу гигиены указывается число часовъ школьныхъ занятій. Оказывается, что если въ Англіи ихъ выпадаетъ на долю ученика отъ 20 до 30 въ недѣлю, то въ Швеціи число это возрастаетъ уже до 28—32, въ нѣкоторыхъ провинціяхъ Германіи—еще болѣе, а во Франціи доходитъ до 40—48, и къ этимъ часамъ необходимо еще прибавить на приготовленіе къ урокамъ отъ 2 до 4 часовъ; такимъ образомъ, въ день это можетъ дойти до 8¼ часовъ умственной работы *по оффициальнымъ счѣтеніямъ*.

Кажется, этимъ уже достаточно объясняется причина умственного утомленія. Если взрослые и сильные рабочіе всюду добиваются извѣстныхъ трехъ восьмерокъ—8 ч. на сонъ, 8 ч. на отдыхъ и 8 только часовъ на работу, то эти требованія, издавна подкрѣпляемые для фабричныхъ различными статистическими, врачебными, гигиеническими и экономическими соображеніями, тѣмъ болѣе должны были бы быть умѣстными и въ примѣненіи къ трудной умственной работѣ развивающагося дѣтскаго организма. Однако, какъ увидимъ дальше, и только-что указанныя цифры вѣрны лишь съ своей формальной, оффициальной стороны. На самомъ же дѣлѣ дѣти трудятся и болѣе сроки, и при худшихъ условіяхъ нравственнаго возбужденія, чѣмъ фабричныя рабочіе.

Важнѣе всего при этомъ выдается то обстоятельство, что увеличеніе часовъ школьной работы не есть необходимая необходимость даже при существующихъ программахъ, какъ доказываетъ это проф. Баумейстеръ, сравнивая число часовъ между гимназіями Пруссіи, Баваріи и другихъ провинцій Германіи. Ежегодное число часовъ во всѣхъ классахъ въ Саксоніи 309, а въ Баваріи 261.

— Развѣ саксонцы столь тупы, что имъ нужно на 20 часовъ болѣе школьной работы, чѣмъ баварцамъ?—спрашиваетъ Баумейстеръ.—Или баварцы менѣе имѣютъ способныхъ людей взрослыхъ, чѣмъ саксонцы, получившіе болѣе уроковъ въ школѣ? Или вюртембергцы, употреблявшіе до 12 ч. въ недѣлю на латынь, умнѣе остальныхъ? Но,—замѣчаетъ Баумейстеръ,—усиленнымъ филологическимъ обученіемъ ихъ не доказывается ихъ умственная зрѣлость.

Нѣкоторыя провинціи Германіи уступили, наконецъ, требованіямъ времени, и теперь въ Эльзась-Лотарингіи число часовъ съ 1883 г. уменьшено до 255, въ Баденѣ съ 1883 г.—до 275, въ Саксоніи—до 284, въ Вюртембергѣ—до 287, а въ Баваріи уже съ 1874 года считаютъ достаточнымъ 227 часовъ.

Если раздѣлимъ эти числа 7 дней недѣли на 9, такъ какъ въ нѣмецкихъ гимназіяхъ имѣется 9 классовъ: Sexta—нашъ упраздненный, Quinta—нашъ 1-й, Quarta—2-й, Niedere Tertia—3-й, Obere Tertia—4-й, Niedere Secunda—5-й, Obere Secunda—6-й, Niedere Prima—7-й, и Obere Prima—8-й,—то получимъ среднимъ числомъ отъ 3.6 до 4.5 часовъ въ день школьныхъ уроковъ.

Главный центръ тяжести, впрочемъ, не въ этихъ официальныхъ часахъ уроковъ. Уменьшенія ихъ добиться легче, такъ какъ, съ сокращеніемъ часовъ преподаванія, трудъ учителей, отъ которыхъ оно зависитъ, не увеличивается. Труднѣе же всего бороться противъ занятій на дому, противъ чрезмѣрныхъ уроковъ, задаваемыхъ учителями, и неумѣстной требовательности ихъ, никѣмъ не контролируемой.

Директоръ гимназіи Алекси, участвующій въ сѣздахъ нѣмецкихъ гигиенистовъ, хотя и полагаетъ, что возраженія по поводу гимназическихъ программъ преувеличены, допускаетъ, однако, самъ чрезмѣрность домашней работы высшихъ классовъ.

Обсуждая время школьныхъ уроковъ, приготовляемыхъ на дому, Алекси, доказывая ихъ необременительность для низшихъ классовъ, беретъ, однако, слишкомъ умѣренныя цифры. Такъ напр., на приготовленіе уроковъ изъ закона Божія, латыни, математики, онъ кладетъ по $\frac{1}{2}$ часа, для географіи — $\frac{1}{4}$ часа. Всего у него выходитъ въ недѣлю 10 ч., около 1 ч. 40 м. въ день. Но онъ забываетъ то, что учителя часто даютъ ученикамъ переписывать цѣлыя страницы, рѣшать десятки задачъ, выучивать наизусть длиннѣйшія стихотворенія или дѣлать сложные переводы. Время опредѣляется, такъ сказать, не сущностью требованій нормальныхъ, но неумѣлостью или ожесточеніемъ учителей. Самъ Алекси сознается, даже при его оптимистическомъ взглядѣ, что въ высшихъ классахъ приготовленіе уроковъ на дому требуетъ уже по $5\frac{1}{2}$ часовъ въ день, что съ 35 часами классовъ даетъ 68 часовъ, или 11 часовъ ежедневнаго труда—*почти половину сутокъ!* Что же значить, послѣ этихъ вычисленій извѣстнаго педагога, знатока дѣла, умѣреннаго защитника дѣтей, трудъ взрослому фабричнаго, о которомъ столько кричали, въ сравненіи съ трудомъ неокрѣпшаго, развивающагося гимназиста?

Поэтому, д-ръ Гозеусъ предлагаетъ установить, чтобы домашняя работа ограничивалась для низшихъ классовъ 2 часами, для сред-

нихъ—3 и для высшихъ—4 часами. Но и эта мѣра лишь для учениковъ съ хорошиими способностями. Такъ какъ ежедневная работа въ 9—10 часовъ даже для взрослога, при постоянствѣ ея, тяжба, то тѣмъ болѣе она непосильна для учениковъ мало-способныхъ.

Третій тзисъ врачей Бокума требуетъ, чтобы ученикъ въ школѣ учился и упражнялся и мало работалъ на дому. Но особенно подробно разбирають врачи Бокума самый характеръ преподаванія, его методу. Обращая вниманіе на необходимость осторожнаго обращенія съ нѣжнымъ мозгомъ ребенка, врачи Бокума настаиваютъ, чтобы въ низшихъ классахъ не утомлять ума дѣтей такими отвлеченными представленіями, которыя ему не могутъ быть свойственны. Не зная хорошо еще родного города, какія понятія могутъ они составить объ уровнѣ мѣстностей, имъ чуждыхъ, о переплетеніяхъ бассейновъ различныхъ рѣкъ и ихъ притоковъ, обо всѣхъ Гудзонъ-бэй, Бофингсъ-бэй и т. д. Особенно врачи вооружаются противъ переутомленія низшихъ классовъ отвлеченною методою изученія древнихъ языковъ, непосильной этому возрасту, слѣдствіемъ чего бываетъ то, что всѣ жалуются на плохіе успѣхи въ латинскомъ языкѣ, не взирая на массу его уроковъ. Вдвое менѣ времени и классовъ потребовалось бы на изученіе того же въ болѣе зрѣломъ возрастѣ и при менѣе абстрактной методѣ обученія. Врачи полагають, что абстрактныя тонкости грамматики даже и въ среднихъ классахъ едва ли полезны. Съ физиологической точки зрѣнія гораздо удобнѣе постепенное усвоеніе знаній. Обогащеніе въ среднихъ классахъ усвоеніемъ формъ языка, записомъ словъ, знакомствомъ съ чтеніемъ на этомъ языкѣ, безусловно облегчило бы вѣнецъ обученія—обученіе абстрактныхъ тонкостей строенія фразъ въ высшихъ классахъ.

Взамѣнъ абстрактныхъ вещей, въ низшихъ классахъ слѣдовало бы обратить большее вниманіе на изощреніе памяти, которая въ этомъ возрастѣ особенно сильна и теперь мало изощряется. Въ среднихъ лѣтахъ умѣстно преподаваніе геометріи, имѣющей конкретный характеръ обученія, и вообще принять правиломъ, чтобы въ этомъ возрастѣ удалять всякій отвлеченный балластъ, не заставляя дѣтей выучивать аксіомы, а наглядно представляя имъ находить таковыя. Въ этомъ возрастѣ врачи рекомендуютъ особенно обученіе дѣтей естествознанію, дающему имъ богатый запасъ удовольствій въ знакомствѣ съ природою при каждой прогулкѣ въ полѣ.

Гаусманъ заботился о томъ, чтобы дѣтей не заставить тяготиться классомъ, не заставить скучать. Какъ можно принудить ребенка серьезно погрузиться въ изученіе ему несимпатичнаго знанія? Это почти немислимо даже для зрѣлаго ума. Часы скуки въ классѣ для ребенка потерянные часы. Интересное же изложеніе предмета дѣй-

ствуетъ возбуждающимъ образомъ. Поэтому д-ръ Стефанъ, Гаусманъ и другіе горячо стоятъ за восстановление идей Песталоцци, Денцело, Тюрка, Гривера и др., защищавшихъ наглядное преподаваніе.

Помимо того проф. Баумейстеръ полагаетъ, что самыя цѣли обученія должны быть понижены и задачи упрощены. Иначе обремененіе самихъ учителей извѣстными требованіями ставитъ въ невозможность улучшать методы. Теперь же методы направлены не только къ переутомленію умственному, но и къ перераздраженію нравственному, при усиленной погонѣ въ короткій срокъ за намѣченной и трудно достижимою цѣлью. Къ счастью, говоритъ Баумейстеръ въ 1883 г., что тѣ провинціи Германіи, гдѣ еще классное время велико, нашли уже вынужденными уменьшить требованія относительно изученія древнихъ языковъ: Такъ, саксонское правительство официально протестуетъ противъ увлеченія гимназій въ обученіи языкамъ, указываетъ на различіе ихъ университетскаго преподаванія и гимназическаго, и предостерегаетъ учителей отъ чрезмѣрныхъ требованій. Экстемпорали вюртембергскимъ правительствомъ ограничены двумя разами въ мѣсяцъ; гессенское правительство не дозволяетъ по экстемпоралимъ оцѣнивать знаніе учениковъ, но допускаетъ ихъ лишь какъ личное пособіе въ преподаваніи учителю. Экстемпорали по Баумейстеру являются самымъ ужаснымъ зломъ. Учитель диктуетъ; ученикъ долженъ моментально переводить диктуемое на чуждый языкъ и записывать, что медленно мыслящія головы не могутъ дѣлать скоро; но учитель не ждетъ, онъ гонитъ впередъ; раздраженіе неудачей еще болѣе задерживаетъ спокойное мышленіе ученика, и нервное возбужденіе достигаетъ своего апогея. Къ тому же часто диктантъ экстемпоралий есть искусственно подобранный сводъ синтаксическихъ правилъ и вызываетъ въ ученикѣ отчаянное ощущеніе мучительнѣйшей работы вмѣсто пріятнаго чувства способности воспроизвести задачу. Весь способъ служить скорѣе къ изощренію присутствія духа во время опасности, къ воспитанію боевой готовности, а не къ тому, чтобы узнать степень свѣденій ученика. Медленно мыслящія головы—не всегда дурныя головы. Зная же, что экстемпорали служатъ для оцѣнки способностей, ученики раздражаются еще болѣе. Еще болѣе прибавляетъ къ этому выставка отиѣтовъ. Хотя извѣстная степень возбужденія самолюбія бываетъ необходима, но когда отиѣтки получаютъ при подобныхъ ненормальныхъ условіяхъ, онѣ, кромѣ раздраженія несправедливостью ихъ, ничего другого вызывать не могутъ. Упоминаетъ Баумейстеръ и о вліяніи однообразныхъ уроковъ, слѣдующихъ одинъ за другимъ безъ смѣны предметовъ, столь необходимой для освѣженія ума, и объ ужасныхъ учебникахъ со всѣми тонкостями синтаксиса для низшихъ классовъ, и о неосмысленномъ обремененіи

памяти, обязанной въ баденскихъ гимназіяхъ, въ низшихъ классахъ, одолѣвать ежегодно по 1.300 латинскихъ вокабулъ,—и указываетъ на примѣръ Швейцаріи, принявшей изученіе языковъ лишь съ 12-лѣтняго возраста. Испытаніе зрѣлости теперь значительно ослаблено въ Эльзасъ-Лотарингіи, гдѣ уже даютъ такіа тѣмы, которыя ученикъ среднихъ способностей можетъ одолѣть безъ подготовки. Такое пониженіе требованій существенно необходимо въ виду преобладающей массы среднихъ и слабыхъ способностей среди учениковъ. Нельзя нивелировать всѣ способности, говорить Финкельбургъ, по высшей мѣрѣ требованій. Фихте совѣтовалъ тому, кто имѣетъ дурной характеръ, непремѣнно выработать лучший. Нельзя такого же совѣта дать ученику, чтобы онъ при слабой головѣ постарался добыть себѣ лучшую. Чему же удивляться, говоритъ далѣе тотъ же ученый, если даже у здороваго по внѣшнему виду ученика вниманіе слабѣетъ, и по преимуществу вслѣдствіе чрезмѣрнаго отягченія памяти вмѣсто требующагося въ извѣстномъ возрастѣ возбужденія мышленія? Борьба за существованіе въ гимназіи развиваетъ почву для настоящихъ психозовъ и отравляетъ всю будущую жизнь человѣка. „Я почиталъ бы, заявляетъ Алекси, жестокимъ устранять всѣ медленно мыслящія головы отъ университетскаго образованія и высшихъ карьеръ, такъ какъ онѣ всегдѣ не дурныя головы. Это было бы нравственной потерей для націи. Именно среди такихъ лицъ, которыя съ трудомъ идутъ по жизненному пути, встрѣчаемъ мы наилучшіе характеры, а въ нихъ теперь большой недостатокъ. Лица, туго проходящія школу, часто дѣлаются позже способнѣйшими людьми въ наукѣ и практикѣ жизни. Неспособность людей по обученію ихъ опредѣлять было бы черезъ-чуръ рано“.

Такимъ образомъ, по Уффельману, должно признать не только переутомленіе умственное, но и перерожденіе вслѣдствіе постоянныхъ и чрезмѣрныхъ требованій и возбужденія самолюбія дѣтей; они находятся въ лихорадочномъ состояніи, въ непрерывномъ раздраженіи, теряютъ аппетитъ, сонъ, и наконецъ за всѣмъ этимъ наступаетъ періодъ слабости и утомленія. Условія школьной жизни столь сложны, что утомленіе организма ученика не можетъ быть исчерпано одной какою-либо причиною. Всѣ онѣ—въ связи одна съ другою, всѣ взаимно дѣйствуютъ одна на другую, и въ результатѣ совмѣстнаго ихъ вліянія страдаютъ тѣло и душа ученика.

Профессоръ Левенталь, издавшій прекрасное сочиненіе въ 1887 г. о школѣ, указываетъ на троякій родъ школьныхъ отношеній, подлежащій изученію. Это—нравственное развитіе учениковъ, ихъ отношенія между собою и отношенія къ учителямъ. Ученики обычно не поклоняются правдѣ—агуть, плутуютъ, обманываютъ учителей, подсказы-

вають, списываютъ и т. д. Но не обусловливается ли это отчасти виною методы обученія и надзора со стороны учителей? Часто отношенія учениковъ между собою натянуты. Новички иногда преслѣдуются даже съ ожесточеніемъ и тоже бываютъ мало способными или физически слабыми, выносящими постоянно и насмѣшки, и всякаго рода неприятности въ теченіе всего періода обученія. Учителей боятся, часто смѣются надъ ними, любятъ рѣдко и смотрятъ на нихъ не какъ на друзей, а какъ на недруговъ, которыхъ можно обманывать безъ угрызеній совѣсти. Не любятъ и учрежденія, обучающаго ихъ, входятъ въ него съ грустью, выходятъ съ радостью и вспоминаютъ о гимназій съ отвращеніемъ. Причина всего этого лежитъ по Левенталю и въ большомъ числѣ учениковъ въ классѣ. Для учителя немислимо заниматься равню со всѣми и всѣхъ наблюдать. Однихъ онъ выставляетъ въ пользу другихъ. Лѣнливые, мало одаренные, тупые отстаютъ. Опереженные товарищами, они не могутъ равняться съ ними. Учитель съ своей стороны, имѣя многихъ и вынужденный выполнять серьезную программу, ему вмѣняемую въ обязанность, кончаетъ тѣмъ, что забываетъ думать о такихъ отсталыхъ и смотритъ на нихъ какъ на отпѣтыхъ. Они плетутся съ трудомъ. Оставляютъ заведеніе съ ложно направленнымъ умомъ, ожесточеннымъ сердцемъ противъ счастливыхъ товарищей и заполняютъ ряды неудачниковъ, непонятыхъ и недовольныхъ. Въ ихъ средѣ, говоритъ Левенталь, и находятся всегда люди, готовые на всякіе компромиссы, въ ихъ средѣ и подбираются худшіе враги общественнаго порядка, болѣе опасные для него и болѣе ожесточенные бойцы.

Въ чемъ же, однако, искать спасенія, какія мѣры необходимы, чтобы ослабить задачи учителей, дать имъ болѣе свободы для выполнения ихъ существеннѣйшихъ обязанностей, болѣе внимательности ко всѣмъ обучаемымъ, болѣе справедливости, и чтобы облегчить работу учащихся?

Изученіе греческаго и латыни, говоритъ Рейссъ въ „Annales d'hygiène“ прошедшаго года, остается основой гимназическаго образованія. Цивилизація нашего времени есть дочь этихъ двухъ древнихъ культуръ. Но требуется ли по этому случаю безусловно тратить время столь долго и столь бесполезно для того, чтобы втолковать ученикамъ всѣ тонкости греческой и латинской грамматики? Результаты обыкновенно неутѣшительны. Черезъ 10 лѣтъ обученія, нѣтъ ученика, способнаго оцѣнить въ оригиналѣ красоты *Виргилія* или *Софокла* или высокой слогъ *Цицерона* и *Демосеена*.

Профессоръ Эмаркъ пишетъ: „какъ профессоръ клиники, я имѣлъ случай убѣждаться въ неправильности развитія моихъ слушателей. Я нахожу, что лишь самое малое число ихъ способны быстро и правильно

оцѣнивать самыя естественныя явленія и даже ихъ излагать. Точно будто рассудокъ ихъ извращенъ и потерялъ свою свѣжесть, занимающаяся постоянно мелочами грамматическихъ правилъ“.

Профессоръ Видеманъ въ Лейпцигѣ тоже сознается, что и въ Германіи много было защитниковъ облегченія обученія при помощи замѣны древнихъ языковъ новыми, но онъ боится, чтобы такая замѣна не уменьшила числа ученыхъ въ его отечествѣ. Алекси, наоборотъ, полагаетъ, что изученіе латыни и греческаго должно быть значительно понижено. „Теперь, чрезмѣрное изученіе ихъ породило такую къ намъ неприязнь и столькихъ враговъ, что разумное пользованіе ими только ослабитъ эту вражду и вновь возстаповитъ ихъ значеніе. Такъ какъ въ математикѣ также теперь можно признать могущественное средство для умственного развитія, то нѣтъ никакой необходимости отдавать половину учебнаго времени древнимъ языкамъ. Современное ихъ преподаваніе не оставляетъ ученику времени даже воспользоваться ими для своего развитія. Стилистика превращена въ бесполезную фразеологию, и грамматическое обученіе выродилось въ мелочное и безплодное занятіе. Учитель, имѣя предъ собою экзамены зрѣлости, также не можетъ, съ 1856 г., когда введены въ Пруссіи экстемпорали, обходиться безъ нихъ, имъ посвящаетъ большую часть времени, такъ что изъ всей учебной жизни ученика 100 полныхъ дней падаетъ только на писаніе экстемпоралій. Гдѣ же взять времени для болѣе разумнаго пользованія классиками? Прѣжнее изученіе латинскаго языка, бывшее цѣлью, теперь не можетъ быть иначе какъ средствомъ образованія. Прѣжде научныя сочиненія писались не иначе, какъ на латинскомъ языкѣ. Теперь этого не существуетъ болѣе, и новыя языки для чтенія научныхъ сочиненій болѣе древнихъ дѣлаются необходимыми. Цѣлью можетъ быть только знаніе языковъ для ознакомленія юношества съ высокими твореніями греческихъ и латинскихъ авторовъ, коими ученики должны облагораживаться и одушевляться. Слѣдовательно и грамматика должна быть не цѣлью, а средствомъ къ цѣли. Ни греческихъ, ни латинскихъ стилистовъ теперь не требуется болѣе. „Мы должны согласиться,—говоритъ д-ръ Холибеусъ на дрезденскомъ съѣздѣ гигиенистовъ,—что наше общее образованіе черпается не изъ однихъ латинскихъ и греческихъ классиковъ, но и изъ новѣйшихъ сочиненій на языкахъ: французскомъ, англійскомъ и итальянскомъ. Поэтому одинъ латинскій насъ уже не удовлетворитъ. Потребность реформы относительно обученія древнимъ языкамъ давно повсюду сознается. Нѣмецкіе ученики, вслѣдствіе ненормальнаго распредѣленія времени и затраты на латынь, лучше знаютъ,—говоритъ Алекси—внзвзей династій Танталидовъ и Лабдакидовъ, чѣмъ нѣмецъ-

кихъ королей. Лучше знаютъ они объ военныхъ обычаяхъ, чѣмъ болѣе для нихъ полезныя вещи практической жизни“.

Боннскій университетъ въ 1869 году заявлялъ о полномъ невѣжествѣ гимназистовъ въ математикѣ и естественныхъ наукахъ, не дающемъ даже возможности читать спеціальныя курсы. Дюбуа Реймонъ, украшеніе берлинскаго университета и врачебной науки, въ своемъ сочиненіи „Culturgeschichte und Naturwissenschaft“, утверждаетъ, что современное гимназическое образованіе не въ состояніи подготовить слушателей къ изученію медицины. Онъ жалуется не только на большое невѣжество въ древнихъ языкахъ, но и на недостаточное знаніе отечественнаго языка, на дурной нѣмецкій языкъ, въ которомъ онъ убѣдился болѣе чѣмъ на 3.000 экзаменаціонныхъ работъ. Особенно недостаточны математическія познанія и естественно-историческая подготовка молодыхъ людей, затрудняющая даже университетскія лекціи. Фокъ, въ Вюрцбургѣ, какъ экзаменаторъ, тоже заявляетъ о недостаточности современной гимназической подготовки. То же самое говорятъ профессора Гюнтеръ въ Грейфсвальдѣ и Розеръ въ Марбургѣ.

Итакъ, въ Германіи и Франціи констатировано, что современная система гимназическаго образованія, построенная на громадной затратѣ времени для изученія тонкостей древнихъ языковъ, не достигаетъ цѣли, напрасно возлагая непосильный трудъ на молодыя силы и извращая нормальную дѣятельность нервной системы и всего организма учениковъ. Реформы признаны необходимыми, и о нихъ всюду говорятъ громче и громче.

При такомъ положеніи вопроса на западѣ Европы о переутомленіи учащихся, позволительно спросить у лицъ компетентныхъ, стоящихъ близко къ дѣлу обученія и воспитанія: насколько тотъ же вопросъ можетъ касаться и нашей родной почвы? Есть ли необходимость и для насъ основательно имъ заняться?

Съ своей личной точки зрѣнія я нахожу громадное сходство въ положеніи гимназическаго обученія въ Германіи съ нашимъ, со всѣми мелочными даже условіями, съ неудобствами и ихъ послѣдствіями. Сознавая свою некомпетентность въ чисто педагогической сторонѣ вопроса, я не могу, однако, съ врачебно-санитарной точки зрѣнія не высказаться въ положительномъ смыслѣ о томъ, что переутомленіе и у насъ существуетъ, чему можно найти много доказательствъ. Причины же его должны быть указаны соединенными силами врачей и педагоговъ, если съ ихъ стороны такая задача покажется возможною и достижимою. Думаю, что въ отдѣльности—трудъ тѣхъ и другихъ, для рѣшенія такой задачи, былъ бы безплоднымъ.

Въ томъ случаѣ, еслибы мой взглядъ былъ признанъ имѣющимъ

нѣкоторыя основанія, то въ будущемъ, казалось бы, съ самаго начала было бы удобнѣе дифференцировать задачу. Изъ всего вышеназложеннаго видно, до какой степени вопросъ сложенъ, отъ сколькихъ самыхъ разнообразныхъ фактовъ зависитъ переутомленіе. Гораздо успѣшнѣе могла бы двигаться разработка предполагаемой задачи, если бы ее можно было расчленить на части, и я съ своей стороны полагаю, что легче всего задача эта дѣлится на три почти самостоятельныя части.

Переутомленіе можетъ быть тѣлеснымъ—въ зависимости отъ дурной вентиляціи, длительного сидячаго положенія и т. п.; оно можетъ быть умственнымъ—отъ утомительной и непосильной работы для неразвившагося еще мозга ребенка или юноши, и, наконецъ, оно можетъ быть нравственнымъ—отъ неправильнаго отношенія учителей къ ученикамъ и недостатка справедливости.

Если при рѣшеніи первой части нашей задачи потребуются, по преимуществу, гигиеническія данныя и результаты уже сдѣланныхъ изысканій, то во второй, главнымъ образомъ, поле дѣйствія должно быть за педагогами при обсужденіи нормальнаго объема, содержанія и способа примѣненія программъ для обученія; въ третьей же части придется и гигиенистамъ, и педагогамъ отдать себя на судъ общества, на судъ отцовъ и матерей и выслушать указанія, диктуемыя имъ наболѣвшимъ сердцемъ.

Заранѣе соглашась, что *sine ira et studio* разработать вопросъ о томъ, есть ли и у насъ то зло, противъ котораго такъ возстаютъ въ Европѣ, и въ какомъ оно размѣрѣ—очень трудно. Но то, что трудно, не недостижимо.

А. Доврославинъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 августа 1888 г.

ЗЕМСКІЕ ФИНАНСЫ.

Итоги земскихъ сборовъ въ истекающее двадцатипятилѣтіе земства.— Отношеніе доходовъ населенія къ земскимъ сборамъ въ различныхъ губерніяхъ.— Различіе въ обложеніи движимаго и недвижимаго имущества.— Способы обложенія имущества земствами, и уклоненія отъ обложеній.— Земскія недоимки.— Обязательныя и необязательныя расходы.— Общіе итоги.

Перваго января будущаго года исполнится двадцать-пять лѣтъ со времени обнародованія Высочайшаго указа, которымъ повелѣно открыть земскія учрежденія въ 33 губерніяхъ европейской Россіи. Въ основаніи этого великаго акта, какъ говорится въ объяснительной запискѣ къ Положенію о земствахъ, лежало признаніе со стороны законодательной власти, что мѣстные интересы и нужды, ближе всего касаясь населенія, могутъ быть и удовлетворяемы наиболѣе цѣлесообразно самимъ же мѣстнымъ населеніемъ. Изъ 33-хъ губерній, перечисленныхъ въ указѣ 1 января 1864, относительно которыхъ законодательная власть сочла возможнымъ довѣрить населенію заботы о весьма многихъ сторонахъ своей общественной жизни, земскія учрежденія до сихъ поръ не введены только въ губерніи оренбургской, но зато къ нимъ присоединены въ разное время область бессарабская и губернія уфимская. Такимъ образомъ, къ настоящему времени у насъ имѣется 34 такъ-называемыхъ земскихъ губерній. Нужно сказать, что при самомъ введеніи земскихъ учрежденій весьма трудно было предвидѣть, во что они сложатся. Дѣло въ томъ, что законодательная власть не начертала для дѣятельности этихъ общественныхъ органовъ строго опредѣленныхъ рамокъ относительно большинства сторонъ хозяйственной жизни населенія и его нуждъ. Въ Положеніи довольно глухо говорится, что земскимъ учрежденіямъ предоставлено „попеченіе о народномъ образованіи, здравіи, развитіи торговли и промышленности, благосостояніи населенія и т. д.; точно также имъ предоставлено право

возбуждать ходатайства передъ высшимъ правительствомъ, касающіяся мѣстныхъ хозяйственныхъ пользъ и нуждъ губерніи или уѣзда". Но ни объемъ права, ни объемъ обязанностей во всѣхъ этихъ отрасляхъ „попеченія" Положеніемъ для земства не установлены. Создать фисіономію ихъ поэтому вполне предлежало будущему, въ зависимости отъ характера дальнѣйшихъ отношеній къ земствамъ законодательной власти, мѣстныхъ особенностей и общаго теченія общественной и экономической жизни государства. Дѣйствительно, при преобладаніи въ нашей государственной жизни „циркуляровъ", позднѣйшія „разъясненія" и „дополненія" административной власти, ея отношенія къ возбуждаемымъ земствами ходатайствамъ, едва ли не въ большей степени опредѣлили значеніе земскихъ учреждений для развитія нашей областной жизни, чѣмъ самое Положеніе. Съ другой стороны, въ зависимости отъ условій и особенностей каждой мѣстности, отъ различнаго участія въ земскомъ представительствѣ отдѣльныхъ группъ населенія, ее составляющихъ, самая земская дѣятельность въ разныхъ областяхъ далеко не отличается однообразіемъ въ своихъ заботахъ о хозяйственныхъ нуждахъ края.

Всѣ указанныя условія не могли не отразиться и на положеніи земскихъ финансовъ—главнаго нерва всѣхъ дѣлъ. Въ зависимости отъ совокупности ихъ находится самый размѣръ средствъ, которыми располагаютъ земства для своей дѣятельности на удовлетвореніе нуждъ мѣстнаго населенія, способы образованія этихъ средствъ и ихъ расходованія. Можно сказать даже, что финансовая сторона земскаго хозяйства является наиболѣе чувствительнымъ показателемъ тѣхъ благопріятныхъ или неблагопріятныхъ условій, которыми обставлено его веденіе, и тѣхъ недостатковъ, которые кроются въ самой организаціи земскихъ учреждений. Общій итогъ земскихъ средствъ въ первый годъ дѣйствія этихъ учреждений составлялъ свыше 14 мил. р. Затѣмъ, черезъ пять лѣтъ, по смѣтѣ въ 1873 г. сборы эти возросли до 24 мил. р. Еще черезъ пять лѣтъ, въ 1877 г., они составляли уже болѣе 33 мил. р. Въ 1883 году доходъ увеличился до 38¹/₂ мил. р. Наконецъ, въ 1885, послѣднемъ, за который имѣются точныя данныя, общій смѣтный бюджетъ всѣхъ земствъ равняется 42.800 т. р. Такимъ образомъ, земскія средства съ 1868 г. по 1885 почти утроились,—возросли съ 14 мил. р. до 42.800 т. р. Но этотъ показатель возрастанія земскихъ доходовъ долженъ быть нѣсколько уменьшенъ въ виду того, что въ 1868 земскія учреждения существовали въ 32 губерніяхъ, а въ 1884—въ 34-хъ. Если затѣмъ мы раздѣлимъ общую сумму сборовъ на число земскихъ губерній, то окажется, что средній бюджетъ для каждой изъ нихъ равнялся въ 1868 г. 453 т. р., а въ 1885 г.—1.258 т. Естественно, что разныя губерніи болѣе или менѣе удаляются отъ этой средней цифры

бюджета и даже съ весьма значительными колебаніями. Такъ, почти „въ конкурс“ находится бюджет пермской губ., достигшій въ 1885 г. 2.867 т.; нѣсколько приближаются къ ней губерніи вятская и полтавская, съ доходомъ въ 1.900 т. р.; антиподами же ихъ служатъ губерніи олонецкая съ бюджетомъ въ 548 т. р. и смоленская—757 т. р. Въ общемъ среднюю цифру превышаетъ бюджетъ 16-ти губерній, въ остальныхъ же 18-ти онъ ниже ея. Къ первой группѣ, въ нисходящемъ порядкѣ размѣра земскихъ сборовъ, принадлежатъ губерніи: пермская, вятская, полтавская, самарская, московская, тамбовская, херсонская, харьковская, курская, воронежская, казанская, екатеринославская, таврическая, рязанская, черниговская и владимірская; во второй: саратовская (бюдж. 1.244 т. р.), нижегородская, новгородская, орловская, тверская, с.-петербургская, симбирская, псковская, пензенская, костромская, бессарабская, уфимская, вологодская, калужская, тульская, ярославская, смоленская и олонецкая.

Такое различіе въ размѣрахъ земскихъ сборовъ по разнымъ губерніямъ находится въ зависимости прежде всего отъ пространства ихъ, плодородія почвы и развитія промышленности. Такъ, въ пермской губ. подлежитъ обложенію 27.257 т. десятинъ земли, между тѣмъ какъ въ вятской, непосредственно слѣдующей за нею въ этомъ отношеніи, количество облагаемой земли составляетъ только 13 мил. д. Затѣмъ въ пермской губерніи сборъ съ промышленныхъ и торговыхъ заведеній, составляя около 750 т. р., уступаетъ по своимъ размѣрамъ только московской губ. Бюджетъ этой послѣдней высокъ исключительно благодаря ея промышленному развитію, при которомъ сборъ съ торговыхъ и промышленныхъ заведеній болѣе чѣмъ въ два раза превосходитъ сборъ съ земли. Что касается полтавской губ., то здѣсь высокій итогъ земскихъ сборовъ обуславливается плодородіемъ почвы; при 4 мил. д. облагаемой земли, обложеніе ея достигаетъ здѣсь наивысшей цифры, именно, почти 32 коп. съ десятины. Противоположностью этой губ. служитъ вологодская, съ количествомъ облагаемой земли, простирающимся свыше 26 мил. дес., но съ среднимъ обложеніемъ ея въ 2,8 съ десятины, благодаря чему земскій бюджетъ значительно ниже средняго. Въ наибѣднѣйшей по бюджету земской губерніи—олонецкой—количество облагаемой земли также значительно выше средняго, составляя до 10 мил. д.; обложеніе же ровно 5 к. съ десятины, при весьма низкомъ доходѣ отъ промышленныхъ и торговыхъ заведеній.

Но указанные нами факторы, какъ-то: количество земли, ея плодородіе и развитіе промышленности, только отражаются на земскихъ бюджетахъ и вовсе не находятся другъ отъ друга въ полной и

правильной зависимости. Другими словами, размѣръ земскихъ сборовъ по губерніямъ далеко не всегда правильно соотвѣтствуетъ доходамъ ихъ населенія. Къ сожалѣнію у насъ не имѣется почти никакихъ данныхъ, по которымъ можно было бы хотя приблизительно вычислить общій доходъ населенія каждой губерніи. Но несоотвѣтствіе доходности съ размѣромъ земскихъ сборовъ и безъ того бросается въ глаза. Очевидно, напр., что доходы населенія московской губ., съ ея безчисленными фабриками и заводами, снабжающими своими произведеніями всю Россію, далеко превосходятъ доходы несчастныхъ обитателей вятской губ.—между тѣмъ земскіе сборы даютъ въ послѣдней бѣльшую цифру. Что же касается ярославской губ., то по размѣру своего земскаго бюджета она стоитъ третьей отъ конца, непосредственно передъ вошедшей въ поговорку бѣднѣйшей смоленской губ. и пустынной олонѣцкой. Точно также и вообще губерніи, богатая исключительно доходами отъ промышленности, отдають на земскія нужды мѣньшую часть ихъ, чѣмъ губерніи земледѣльческія. Это будетъ и вполнѣ понятно, если мы припомнимъ, что обложеніе промышленныхъ доходовъ ограничено закономъ, между тѣмъ какъ для обложенія земледѣльческаго дохода никакого предѣла для земства не установлено. Дѣйствительно, закономъ 21 ноября 1866 г. доходы отъ промышленности и торговли собственно изъяты изъ земскаго обложенія; привлекаются же къ нему эти промыслы только косвенно, посредствомъ обложенія помѣщичьихъ, занимаемыхъ торговыми и промышленными заведеніями, и процентнаго сбора съ патентовъ. Но само собою разумѣется, что ни доходность помѣщичьихъ, ни стоимость патента нисколько не опредѣляютъ доходности самаго предпріятія. Такимъ образомъ, возможность правильнаго соотвѣтствія между размѣромъ доходовъ населенія и высотой земскаго бюджета прежде всего устраняется тѣмъ, что промышленные и торговые доходы по закону не привлекаются къ земскому обложенію наравнѣ съ доходами отъ земледѣлія. Благодаря этому, изъ двухъ губерній съ одинаковою доходностью высшій земскій бюджетъ всегда даетъ губерніи земледѣльческая, а не промышленная.

Если мы затѣмъ обратимся въ губерніямъ по преимуществу земледѣльческимъ, то и здѣсь соотвѣтствіе между доходами населенія и размѣромъ земскихъ сборовъ проявляется далеко не съ полною правильностью. Довольно любопытно въ этомъ отношеніи сравнить, напр., губерніи самарскую и вятскую. По занимаемому пространству (132 кв. в. и 134) онѣ почти одинаковы. Но процентъ пахатныхъ земель въ самарской равенъ 47, а въ вятской—30. Кромѣ того, самарская губ. по плодородію своей почвы справедливо считается жит-

ницей Россіи, а земля вятской губ. относится къ наименѣе плодороднымъ въ Россіи ¹⁾.

Между тѣмъ среднее обложеніе десятины по обѣимъ губерніямъ равно 10 к., благодаря чему и земскій бюджетъ нѣсколько выше все-таки въ вятской губ. Еще большій контрастъ представляютъ между собою губерніи саратовская и казанская, изъ которыхъ первая по пространству почти на одну треть больше второй. Процентъ пахатныхъ земель въ первой—60, во второй—48. Между тѣмъ земскій бюджетъ казанской губ. составляетъ 1.404 т., а бюджетъ саратовской губ.—1.243 т. Разница же эта происходитъ вслѣдствіе того, что черноземъ саратовской губ. обложенъ 14 коп. съ десятины, а худшая почва казанской—18-ю. Это несоотвѣтственное доходности обложеніе земли въ разныхъ губерніяхъ зависитъ отъ доброй воли самихъ земцевъ, которымъ предоставлено устанавливать обложеніе по ихъ усмотрѣнію. Естественно, что случайный составъ земскихъ представителей и ихъ личные взгляды, при неорганизованности нашихъ выборовъ и случайности ихъ, играютъ въ этомъ очень большую роль. Но нельзя не обратить вниманія, что въ значительной степени при этомъ сказывается и установленный въ разныхъ губерніяхъ неодинаковый составъ представителей отъ различныхъ классовъ населенія. Такъ, относительно первыхъ двухъ губерній—самарской и вятской—мы видимъ, что въ самарской губ. общее число уѣздныхъ гласныхъ по всей губерніи равно 381; изъ нихъ 186 гласныхъ представляютъ интересы крупнаго землевладѣнія и 183—сельскихъ обществъ. Въ вятской на 218 гласныхъ, отъ сельскихъ обществъ приходится 107, и отъ крупныхъ землевладѣльцевъ—78. Такимъ образомъ, въ первой губерніи гласные отъ крупныхъ землевладѣльцевъ составляютъ 49%, а во второй—35%, представительство же отъ сельскихъ обществъ въ обѣихъ губерніяхъ почти одинаково, колеблясь отъ 47 до 49%. Аналогичные выводы мы получимъ и при сопоставленіи характера представительства въ двухъ другихъ губерніяхъ. Въ саратовской губ. на общее число гласныхъ въ 531 чел. крупные землевладѣльцы дадутъ 258 представителей, а сельскія общества—204; въ казанской первые—126, вторые—145, при общемъ числѣ гласныхъ въ 313 человекъ. Здѣсь, какъ видно, разница въ процентномъ отношеніи крестьянскаго представительства еще сильнѣе; именно, въ саратовской губ. гласные отъ крупныхъ землевладѣльцевъ составляютъ 48%, а отъ сельскихъ обществъ 38%, между тѣмъ какъ въ казанской первая группа даетъ 40%, а вторая 46%.

¹⁾ Дворянскимъ банкомъ земля вятской губ. опредѣляется отъ 1 р. 80 к. до 12 р. за дес., въ самарской—отъ 8 р. до 40.

Такимъ образомъ, высота обложенія земли, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сумма общихъ земскихъ сборовъ находятся въ весьма значительной зависимости отъ характера земскаго представительства, и онѣ выше въ губерніяхъ съ преобладающимъ крестьянскимъ представительствомъ. Дѣйствительно, изъ взятыхъ нами четырехъ губерній — въ саратовской число гласныхъ отъ крупныхъ землевладѣльцевъ превышаетъ таковое отъ сельскихъ обществъ (48% и 38%) на 10%; въ самарской они почти одинаковы; въ казанской число гласныхъ отъ сельскихъ обществъ на 6% выше, чѣмъ отъ помѣщиковъ, и въ вятской — на 14%. Почти соответственно этому располагается и высота обложенія земли. Такъ, саратовская губ., наиболѣе населенная изъ нихъ, съ арендными цѣнами, почти вдвое превышающими цѣны самарскія, но обложеніе десятины въ ней только на 4 к. выше двухъ слѣдующихъ губерній и на 4-ре к. ниже обложенія въ губерніи казанской. Точно также земля самарской губ. доходитъ, чѣмъ въ двухъ остальныхъ, и обложеніе земли въ ней одинаково съ вятской и на 8 к. ниже, чѣмъ въ казанской. Сдѣланный нами выводъ относится не только къ четыремъ указаннымъ губерніямъ и не представляется случайнымъ. Справедливость его можно подтвердить и сопоставленіемъ обложенія во всѣхъ другихъ губерніяхъ. Обложенность земли въ казанской губ. равна, какъ мы сказали, 18 к. съ десятины, и такую же высоту обложенія мы видимъ, напр., въ губ. орловской съ представительствомъ отъ крупнаго землевладѣнія, хотя сравнивать плодородіе почвы въ обѣихъ этихъ губерніяхъ даже не приходится. Затѣмъ въ другой помѣщичьей губ., симбирской, обложеніе это еще ниже на 2 р. Точно также обложеніе одинаково съ казанскою въ черноземныхъ, но помѣщичьихъ губерніяхъ — бессарабской, воронежской, самарской, саратовской, тульской, и ниже его — въ губ. екатеринославской и херсонской. Если мы перейдемъ къ отдѣльнымъ уѣздамъ одной и той же губерніи, то и въ этомъ случаѣ выводъ нашъ окажется справедливымъ. Такъ, въ полтавской губ. выше прочихъ — 45 к. съ десятины — земля обложена въ зеньковскомъ, гдѣ сельскія общества даютъ 48% гласныхъ, а крупное землевладѣніе — 35%; за нимъ слѣдуютъ гадячскій и кременчугскій, въ которыхъ представительство отъ обѣихъ группъ почти одинаково. Но въ полтавскомъ уѣздѣ, гдѣ гласные отъ помѣщиковъ составляютъ 49%, а отъ обществъ — 36%, налогъ съ десятины земли достигаетъ только 33 к. Между тѣмъ арендные цѣны въ послѣднемъ уѣздѣ даже выше, чѣмъ въ трехъ первыхъ.

Изъ этихъ данныхъ состоянія земскаго обложенія земли въ разныхъ губерніяхъ совершенно очевидно, что губерніи съ исключительно крестьянскимъ землевладѣніемъ и преобладающимъ крестьян-

скимъ же представительствомъ даютъ на земскія нужды большій процентъ отъ доходности земли, чѣмъ губерніи помѣщичьи. Мы особенно долго остановились на этомъ явленіи въ виду существующаго у насъ, ни на чемъ не основаннаго, но всеми повторяемаго мнѣнія, что земское самоуправленіе яко бы въ тягость крестьянамъ. Они-де совсѣмъ не интересуются земскимъ дѣломъ и очень тяготятся земскими налогами. Почему же эти налоги тѣмъ выше, чѣмъ крестьянамъ больше предоставлено участія въ земскомъ самоуправленіи? Отвѣтитъ удовлетворительно на этотъ вопросъ иначе нельзя, какъ признавши неправильнымъ ходячее мнѣніе о равнодушіи крестьянъ къ земскому дѣлу. Дѣйствительно, не трудно видѣть, что организація земской помощи во всѣхъ ея видахъ въ гораздо большей степени необходима и выгодна для крестьянъ, чѣмъ для помѣщиковъ. Такъ, медицинскою помощью и народною школою, отнимающими у большинства земствъ до половины ихъ бюджетовъ, пользуются исключительно одни крестьяне. Слѣдовательно крестьяне и наиболѣе заинтересованы въ хорошей ихъ постановкѣ, между тѣмъ какъ для помѣщиковъ эта помощь, если говорить о непосредственномъ пользованіи ею, часто не окупить даже дѣлаемыхъ ими для этого расходовъ въ видѣ уплаты налога. Для помѣщиковъ, далѣе, устроены всевозможныя казенныя школы, и общеобразовательныя, и спеціальныя,—а крестьянинъ долженъ создать ихъ самъ себѣ на началахъ самопомощи, организовавшею земствами.

II.

По смыслу Положенія о земскихъ учрежденіяхъ, земствамъ предоставлено извлекать средства для своей дѣятельности посредствомъ обложенія *всѣхъ* имуществъ, приносящихъ доходъ и находящихся въ губерніяхъ или уѣздахъ. Обложеніе это должно было соотвѣтствовать ихъ цѣнности или доходности. Однако, право земскаго обложенія на подобныхъ началахъ распространяется далеко не на всѣ имущества. Уже новымъ узаконеніемъ отъ 21-го ноября 1866 г. принципъ земскаго обложенія по цѣнности и доходности имущества могъ распространяться только на *недвижимыя имущества*, т.-е. земли и дома; что же касается капиталовъ, вложенныхъ въ торговыя или промышленныя предпріятія, то на нихъ принципъ подоходнаго обложенія не распространяется. Указаннымъ закономъ, какъ мы уже говорили, обложенію подлежатъ лишь помѣщенія, въ которыхъ находятся торговыя и промышленныя заведенія, въ зависимости отъ ихъ цѣнности или доходности, другими словами, отъ арендной на нихъ платы. Самые же обороты торговыхъ и промышленныхъ заведеній

привлекаются въ обложенію только посредствомъ отчисленія въ пользу земствъ извѣстнаго процента съ торговыхъ и промышленныхъ свидѣтельствъ. Сборъ послѣдняго рода не долженъ превышать: съ каждаго гильдейскаго свидѣтельства и патентовъ на выдѣлку и продажу спиртныхъ напитковъ—25%, вносимой въ казну цѣны ихъ, съ прочихъ же торговыхъ заведеній—10%. Неодинаковое право, предоставленное земствамъ для обложенія разнаго рода имущества, прежде всего отражается, какъ мы видѣли, на различіи въ общей суммѣ земскихъ сборовъ по разнымъ губерніямъ, не находящихся вслѣдствіе этого въ правильномъ соотвѣтствіи съ доходами ихъ населенія. Затѣмъ и вообще земскіе сборы въ большей степени ложатся на земельныя имущества, чѣмъ на промышленныя и торговныя. Такъ, въ 1883 г. по всѣмъ 34 губерніямъ сборъ съ земель составлялъ 21 мил. р., а съ промышленныхъ и торговыхъ заведеній—только 6 мил. р.! Насколько здѣсь велико несоотвѣтствіе между доходностью и обложенностью этихъ двухъ родовъ имущества, при отсутствіи у насъ требуемыхъ данныхъ, трудно судить. Но оно бросается въ глаза каждый разъ, когда мы останавливаемся на характерѣ земскихъ сборовъ въ такъ-называемыхъ промышленныхъ губерніяхъ. Изъ всѣхъ ихъ—въ одной московской земскій сборъ съ торговли и промышленности въ два раза превышаетъ сборъ съ земель. Но и это отношеніе все-таки окажется чрезвычайно неблагоприятнымъ для земель, если принять во вниманіе полный упадокъ земледѣлія въ московской губерніи и чрезвычайное развитіе ея промышленности, заработками отъ которой по преимуществу и живетъ мѣстное населеніе. Изъ остальныхъ промышленныхъ губерній земля даетъ нѣсколько меньшую сумму сборовъ, чѣмъ торговля и промышленность, въ с.-петербургской. Что же касается губерній: ярославской, владимірской, нижегородской, тверской, то здѣсь преимущественнымъ предметомъ земскаго обложенія является земля. Насколько при этомъ обложенность земли выше обложенности торговли и промышленности, можно судить по отдѣльнымъ вычисленіямъ, сдѣланнымъ земствами. Такъ, въ самарской губ., по вычисленію губернской управы, земли обложены въ размѣрѣ 9% съ ихъ доходности, а промышленныя и торговныя заведенія—0,4%. Къ аналогичнымъ же выводамъ пришли и другія земства.

Естественно, поэтому, что земства уже тотчасъ послѣ изданія закона 21-го ноября 1866, столь стѣсняющаго равномерность въ обложеніи, начали обращаться къ правительству съ ходатайствами объ отмианіи этого ограниченія. Черниговское губернское собраніе возбуждало такое ходатайство еще въ 1867 г. „Раздѣляя вполнѣ взглядъ г. министра внутреннихъ дѣлъ,—говорится въ журналѣ,—что правительство не должно руководствоваться въ своихъ мѣропріятіяхъ одно-

сторонней заботливостью объ исключительныхъ пользахъ того или другого класса населенія, но обявано ограждать всё части этого населенія отъ такихъ тягостей, которыя несправедливы въ отношеніи къ нимъ и вредны въ отношеніи къ общимъ государственнымъ интересамъ, собраніе постановило: ходатайствовать объ измѣненіи закона 21-го ноября въ установленномъ порядкѣ“¹⁾. Въ послѣдующіе года подобныя ходатайства возбуждаются уже десятками. Новгородское губернское собраніе въ своемъ ходатайствѣ указало, что, благодаря закону 21-го ноября, сборъ съ торговыхъ и промышленныхъ заведеній падаетъ, въ то время, когда съ земель онъ возрастаетъ—именно, съ первыхъ, съ 1866 по 1884 г., онъ упалъ на 15%, а со вторыхъ возросъ на 12%.²⁾ Земскія собранія сессіи прошедшаго года возобновили эти ходатайства. Такъ, самарское собраніе единогласно приняло докладъ управы, въ которомъ предполагается „ходатайствовать передъ правительствомъ о предоставленіи земскимъ учрежденіямъ, въ измѣненіе закона 21-го ноября 1866 и 5-го іюня 1884 гг., права самостоятельнаго обложенія всѣхъ вообще торговыхъ и промышленныхъ предпріятій, въ томъ числѣ акціонерныхъ обществъ и товариществъ, равно какъ и заведеній для продажи и выдѣлки напитковъ, съ условіемъ оцѣнки земствомъ ихъ оборотовъ и доходности на тѣхъ же началахъ, какъ эта оцѣнка производится въ отношеніи другихъ предметовъ земскаго обложенія; кромѣ того, ходатайствовать, чтобы было установлено взиманіе въ пользу земства извѣстнаго процента съ доходности денежныхъ капиталовъ“³⁾. Ходатайства эти особенно усилились послѣ привлеченія къ обложенію процентнымъ сборомъ промышленныхъ и торговыхъ заведеній, а также денежныхъ капиталовъ, со стороны самого правительства. Но на удовлетворительные результаты отъ своихъ ходатайствъ земства пока не имѣютъ никакихъ поводовъ рассчитывать.

Затѣмъ имѣется и еще нѣсколько категорій имущества, которыя или вовсе не подлежатъ несенію земскихъ налоговъ, или облагаются въ извѣстной нормѣ безо всякаго соотвѣтствія съ ихъ доходностью и цѣнностью. Изъ имущества вовсе неподлежащихъ обложенію—главнымъ образомъ обращаютъ на себя вниманіе казенные заводы, фабрики и торговныя заведенія. По этому поводу министерство внутреннихъ дѣлъ въ 1868 г. разъяснило, что изъ казенныхъ имущества по смыслу Положенія къ несенію налоговъ привлекаются лишь земли. Въ то же время министерство вошло съ представленіемъ въ государственный

¹⁾ Сводъ постановл. черниговскаго губ. зем. собр. 1865—82 г. Одесса, 1884.

²⁾ Обзоръ дѣятельности земскихъ учрежденій новгородской губ. за 1883 г. Новгородъ, 1884 г.

³⁾ „День“, 1888 г., № 15.

совѣтъ о дополненіи земскаго Пол. примѣчаніемъ, освобождающимъ казенныя промышленныя заведенія отъ обложенія сборами въ пользу земствъ. Государственный совѣтъ, однако, не нашелъ возможнымъ согласиться съ этимъ законопроектомъ и предоставилъ министру внутреннихъ дѣлъ разрѣшать этотъ вопросъ особо для каждаго случая, а затѣмъ, „по ближайшимъ указаніямъ опыта“, внести новое общее представленіе. Но и черезъ 15 лѣтъ послѣ этого рѣшенія государственнаго совѣта, на ходатайство с.-петербургскаго губ. собранія о скорѣйшемъ разрѣшеніи вопроса о привлеченіи казенныхъ фабрикъ и заводовъ къ земскому обложенію, министерство внутреннихъ дѣлъ отвѣтило, что означенный вопросъ *предположено* подвергнуть обсужденію въ особой комиссіи при министерствѣ финансовъ. Дѣйствительно, разрѣшеніе этого вопроса въ пользу земствъ имѣетъ много за себя данныхъ въ виду того, что весьма значительная часть государственныхъ фабрикъ и заводовъ эксплуатируется не казною, а *частными* лицами. Если въ первомъ случаѣ, существуя для удовлетворенія государственныхъ потребностей,—какъ-то: вооруженія, кораблестроенія и т. д.,—они являются бездоходными, то во второмъ—приносятъ арендаторамъ ихъ иногда весьма значительный доходъ. Важность разрѣшенія этого вопроса для земствъ видна изъ того, что, напримѣръ, въ петербургской губ. къ такимъ полуказеннымъ заводамъ относится огромная часть сталелитейныхъ и судостроительныхъ заводовъ, учрежденныхъ казною и сланныхъ затѣмъ въ аренду частнымъ обществамъ. Не меньше подобныхъ заводовъ въ сибирскомъ районѣ нашей горной промышленности.

Другою важною категоріей цѣнностей, ускользающихъ отъ земскаго обложенія, являются имущества желѣзно-дорожныхъ обществъ. Извѣтіе это сдѣлано на томъ основаніи, что такія имущества черезъ извѣстный промежутокъ времени поступаютъ въ распоряженіе казны. Несравненно болѣе важнымъ въ этомъ случаѣ намъ кажется то соображеніе, что большинство нашихъ желѣзно-дорожныхъ обществъ пользуется, въ видѣ гарантій, субсидіями отъ государства, и слѣдовательно всякій новый расходъ уплатить въ концѣ концовъ то же государство. Но подобное соображеніе вовсе уже непримѣнимо къ тѣмъ весьма многимъ линіямъ, которыя даютъ акціонерамъ значительный чистый доходъ. Кромѣ того, въ послѣднее время само правительство съ фискальной точки зрѣнія измѣнило свой взглядъ на желѣзно-дорожныя предпріятія. Теперь доходы обществъ обложены процентнымъ сборомъ. Кромѣ того, еще при бывшемъ министрѣ финансовъ выработанъ былъ законопроектъ, которымъ въ отношеніи несенія государственныхъ налоговъ желѣзныя дороги приравняются къ прочимъ промышленнымъ предпріятіямъ. Новый министръ фи-

яновъ не отказался отъ этого законопроекта, и, по слухамъ, онъ внесенъ уже въ государственный совѣтъ. Согласно проекту, всѣ конторы правленій желѣзно-дорожныхъ обществъ, конторы мѣстныхъ и вокзалы должны будутъ брать, наравнѣ съ прочими торговыми заведеніями, промысловые билеты и торговые документы, а въ томъ числѣ — гильдейскія свидѣтельства для самихъ обществъ и приказчицы для служащихъ. Если этотъ законопроектъ, хотя бы въ отдѣльныхъ частяхъ, будетъ осуществленъ, то для земствъ должно послѣдовать разрѣшеніе облагать имущества желѣзно-дорожныхъ обществъ на одинаковыхъ основаніяхъ съ прочими промышленными заведеніями. Однородными съ имуществами желѣзныхъ дорогъ и также изъятими отъ земскаго обложенія признаны и имущества предпріятій „для снабженія жителей водою“. Это изъятіе еще болѣе странно, такъ какъ акціонеры водопроводныхъ обществъ въ большинствѣ случаевъ получаютъ очень крупный дивидендъ. Наконецъ, къ имуществамъ, не облагаемымъ налогами въ пользу земствъ, относятся еще слѣдующія: принадлежащія церквамъ, монастырямъ и другимъ духовнымъ учрежденіямъ, имущества дворцовыя и находящіяся въ завѣдываніи кабинета Его Величества, а также и нѣкоторыя имущества частныхъ лицъ, пользующихся льготами, каковы: переселенцы, нѣкоторые кочевые инородцы и т. д.

Нужно замѣтить, что въ началѣ своей дѣятельности, кромѣ обложенія имуществъ по ихъ цѣнности и доходности, земства пытались найти и другіе источники доходовъ. Такъ, по земской росписи на 1867 г. нѣкоторыя земства удержали прежній *подушный сборъ* на губ. зем. повинности, взимаемый по прежнему уставу о зем. повинностяхъ. Но министерство внутреннихъ дѣлъ признало подобный сборъ незаконнымъ со стороны земствъ и предписало губернаторамъ пріостановить взиманіе его. Точно также нѣкоторыя земства ходатайствовали объ установленіи одинаковаго со всѣхъ крестьянъ сбора на содержаніе сельскихъ школъ, а равно о продленіи взиманія рублеваго сбора съ бывшихъ дворовыхъ. Но оба эти ходатайства не были удовлетворены, съ указаніемъ на 9 ст. Полож. о земствахъ, по которой къ обложенію привлекаются только имущества, а не лица.

Кромѣ обложенія имуществъ, источникомъ земскихъ доходовъ, хотя и въ весьма незначительной степени, являются проценты съ капиталовъ, переданныхъ земствамъ и вновь ими образованныхъ, пособія отъ казны на разныя сооруженія, плата съ населенія за пользованіе медицинскою помощію, судебныя пошлины, пени и т. д. Въ общемъ эти „разные доходы“ дали земствамъ, въ 1885 г., 2.600 т. р. при общей суммѣ сборовъ въ 42 м. 860 т. р.

III.

Самый способ обложенія земствами имущества заключается въ томъ, что уѣздныя управы должны вести земскія окладныя книги, въ которыя вносятся всѣ находящіяся въ предѣлахъ уѣзда и подлежащія земскому сбору недвижимыя имущества, съ означеніемъ противъ каждаго имущества его цѣнности или доходности, въ зависимости отъ которыхъ и долженъ быть исчисленъ окладъ слѣдующаго съ него въ пользу земства сбора. Но для выполненія этого правила земства, при ихъ возникновеніи, не имѣли собственно никакихъ данныхъ. Поэтому имъ предоставлено было самимъ собирать свѣденія не только о цѣнности и доходности имущества, но даже о существованіи самихъ имущества. Другими словами, земствамъ надлежало сдѣлать перепись всѣмъ имуществамъ, исчислить ихъ доходность или цѣнность, и затѣмъ уже устанавливать налогъ. Въ отношеніи земли это сводится къ нанесенію на планы всего уѣзда классификаціи почвы по плодородію и опредѣленію количества угодій разныхъ классовъ у каждаго владѣльца; затѣмъ, для вычисленія доходности, кромѣ урожайности угодій каждаго разряда, нужно опредѣлить среднюю стоимость собраннаго съ единицы пространства продукта и среднюю же стоимость обработки ея, что въ результатѣ и даетъ чистую доходность десятины каждаго класса земли; если, наконецъ, эту послѣднюю выведенную цифру помножить на количество десятинъ каждаго класса, имѣющихся въ дачѣ, то тогда и получится общая чистая доходность всего даннаго земельного имущества. Подобный трудъ, какъ видно, является по истинѣ гигантскимъ, требующимъ огромныхъ затратъ и, понятнo, совсѣмъ непосильнымъ для земствъ ¹⁾. Большинство земствъ дѣйствительно даже и не дѣлало попытокъ къ такому рода точному отысканію доходности каждаго имущества. Однако труды нѣкоторыхъ отдѣльныхъ земствъ заслуживаютъ въ этомъ отношеніи вниманія. Таковы, на примѣръ, „Матеріалы для оцѣнки земельныхъ угодій“, собранные статистическимъ отдѣленіемъ при черниговской губернской земской управѣ. Отдѣленіе брало каждую межевую дачу и на мѣстѣ исчисляло главные элементы доходности различныхъ ея угодій: стоимость обработки, аренднаыя цѣны на каждый видъ угодій и т. д. Что же касается количества подобныхъ угодій въ каждой дачѣ, то данными для этого губернская управа пользовалась изъ плановъ межевой палаты. Въ 1885 г. разме-

¹⁾ Нужно замѣтить, на земства возложена и раскладка госуд. поз. сбора,—по этому участіе правительства въ подобныхъ расходахъ земли было бы вполне справедливымъ.

жованными въ губерніи оказались три четверти всей земли, доходность которыхъ и опредѣлена точно губернской управой; относительно остальныхъ доходность исчислена приблизительно.

У огромнаго большинства земствъ, однако, отсутствуютъ сколько-нибудь точныя данныя для опредѣленія доходности и цѣнности земли, какъ главнаго предмета обложенія. Многія земства, въ началѣ своей дѣятельности, даже устанавливали простой подесятинный сборъ съ земли безъ всякаго отношенія къ ея цѣнности и доходности. Но подобнаго рода обложеніе было кассировано министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Дѣло отъ этого, однако, нисколько не измѣнилось къ лучшему, и сборъ этотъ остался съ тѣмъ же характеромъ, только въ замаскированномъ видѣ. Обыкновенно назначается одна и та же оцѣнка стоимости или доходности десятины земли по всему уѣзду, и затѣмъ, якобы сообразно ей, устанавливается размѣръ налога. Надо сказать, впрочемъ, что такихъ земствъ теперь очень мало. Большинство ихъ, хотя приблизительно, но старается классифицировать земли по доходности какъ относительно отдѣльныхъ мѣстностей уѣзда, такъ и отдѣльныхъ угодій одной и той же мѣстности. Подобная классификація земли по плодородію и доходности, приближающаяся къ дѣйствительному положенію дѣлъ, не представляется дѣломъ невыполнимымъ даже при отсутствіи точныхъ данныхъ. Составляясь въ подавляющемъ большинствѣ изъ сельскихъ хозяевъ, земскія собранія всегда могутъ съ приблизительною вѣрностью раздѣлить уѣздъ на полосы, соответственно общей доходности земли въ каждой изъ нихъ. Точно также собранію извѣстны и отдѣльные виды угодій, различающіеся по своей доходности, равно какъ и приблизительная доходность каждаго изъ нихъ. Земли обыкновенно дѣлятся на усадебныя, огородныя (на югѣ конопляники, виноградники, бабчи, табачныя плантаціи и т. д.); пахатныя (часто нѣсколькихъ разрядовъ), сѣнокосы—поемные, луговые, болотныя и т. д.; лѣса — строевыя, дровяныя, смѣшанныя, кустарники (очень часто въ зависимости отъ близости къ сплавному рѣкамъ); пастбища и земли неудобныя. При этомъ обыкновенно не дѣлается различія между землями крестьянскими и помѣщичьими, хотя арендныя цѣны на первыя всегда ниже, чѣмъ на вторыя. Нѣкоторые земцы, въ оправданіе подобнаго несоответствія, заявляютъ, что во вниманіе должна приниматься нормальная, возможная доходность, а не дѣйствительно существующая у каждаго владѣльца и находящаяся въ зависимости отъ способовъ пользованія землею. Такимъ образомъ, если крестьяне свои земли истощили, то изъ этого не слѣдуетъ, что онѣ должны быть и оцѣниваемы ниже. На это можно возразить, что крестьяне въ свою очередь обращаютъ въ пахатныя и сѣнокосныя угодья такія земли, которыя у помѣщиковъ

вовсе не эксплуатируются и въ качествѣ „неудобныхъ“ не несутъ и никакихъ налоговъ. Между тѣмъ, примѣняя принципъ нормальной, *возможной* доходности, большинство такихъ „неудобныхъ“ помѣщичьихъ земель слѣдовало бы привлечь къ обложенію, какъ *моушмилъ* давать доходъ“¹⁾.

Изъ общихъ способовъ опредѣленія цѣнности и доходности земли останавливается на себѣ вниманіе система, принятая черниговскимъ губернскимъ земствомъ и нѣкоторыми уѣздными земствами саратовской губ. Заключается она въ вычисленіи доходности земли при томъ предположеніи, что эксплуатація ея производится при помощи сдачи участковъ крестьянамъ исполу. Такимъ образомъ, въ черниговской губ. элементами доходности признаны: та доля урожая, которая получается землевладѣльцемъ отъ спольщика, и доплата деньгами или отработками, которые дѣлаетъ тотъ же спольщикъ. Всѣ эти элементы доходности, т.-е. урожайности земли cadaго разряда, количество десятинъ въ дачѣ разныхъ разрядовъ и главныя условія испольной сѣмки въ данной мѣстности имѣются въ „Матеріалахъ для оцѣнки земель“. Но въ нѣкоторыхъ дачахъ вовсе не встрѣчается испольная сѣмка. Въ такихъ случаяхъ доходность ея исчислялась по условіямъ испольной сѣмки, существующимъ въ ближайшихъ дачахъ той же урожайности. Мотивомъ для принятія подобныхъ основаній доходности губернской управѣ послужило то обстоятельство, что при ничтожномъ развитіи батраческаго хозяйства въ губерніи нѣтъ данныхъ для точнаго опредѣленія издержекъ производства. Значительная часть владѣльческихъ земель, составляющихъ собственную запашку, обрабатывается, по словамъ доклада, не по найму, а отработками за сдаваемые исполу земли.

Для выясненія правильности опредѣленія доходности земли на подобныхъ основаніяхъ нужно принять во вниманіе тѣ особыя условія аренды, которыя иногда создаются въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ подъ вліяніемъ мнѣгоразличныхъ обстоятельствъ. Рента или арендная плата есть чистый доходъ отъ земли, получающійся послѣ вычета изъ валовой доходности издержекъ текущаго производства, процентовъ на затраченный капиталъ и вознагражденія предпринимателя. Такъ учить насъ политическая экономія. На самомъ же дѣлѣ арендная плата сплошь и рядомъ бываетъ выше нормальной ренты. Это случается тогда, когда земледѣлецъ не можетъ найти заработка нигдѣ, кромѣ снимаемой имъ земли, такъ какъ собственное хозяйство

¹⁾ На послѣднемъ губ. земск. собраніи нижегородской губ., губернаторъ, основываясь на докладѣ податнаго инспектора, обратилъ вниманіе собранія на тотъ фактъ, что въ архангельскомъ уѣздѣ худшія надѣльныя земли крестьянъ облагаются выше, чѣмъ несравненно лучшія помѣщичьи.

съ одной стороны, не обезпечиваетъ ему удовлетворенія всѣхъ нуждъ, а съ другой — не поглощаетъ всего имѣющагося въ распоряженіи земледѣльца рабочаго времени. При такихъ условіяхъ арендаторъ можетъ отдавать въ пользу землевладѣльца не только проценты на затраченный капиталъ (свой хозяйственный инвентарь), предпринимательскую прибыль, но и часть издержекъ производства, т.-е. арендаторъ получить съ снимаемаго участка меньше дохода, чѣмъ онъ могъ бы получить въ качествѣ наемнаго рабочаго за обработку его. Ни для кого не тайна, что таковы именно условія аренды во всей черноземной малоземельной полосѣ Россіи ¹⁾. Мы не говоримъ уже о пастбищахъ и прославленныхъ „отрѣзкахъ“, которые сдаются тѣмъ дороже, чѣмъ они нужнѣе для крестьянъ и безо всякаго отношенія къ ихъ нормальной доходности.

Такимъ образомъ, вычисляя доходность земли по доходу отъ испольной сдачи ея, къ обложенію собственно привлекается не только земля, но и выгоды отъ операцій надъ крестьянскимъ трудомъ. Въ оправданіе такого обложенія въ докладѣ намѣчается, что „доходность земли есть результатъ не только естественныхъ условій ея производительности, но и *общественныхъ условій данной мѣстности*“. Съ этимъ нельзя не согласиться, если имѣть въ виду лицъ, пользующихся указанными „общественными условіями“. Но безусловно несправедливо, что подобная оцѣнка „вполнѣ вѣрна и для хозяйствъ, основанныхъ на собственной обработкѣ“, такъ какъ-де во вниманіе должна приниматься „возможная доходность“ ²⁾. Дѣло въ томъ, что какъ съ краткосрочной сдачей земли за деньги, такъ и особенно съ испольной, соединяется хищническая эксплуатація земли. Заплатившему высокую аренду земледѣльцу нужно возможно менѣе затратить и возможно болѣе выжать изъ земли, чтобы не остаться въ убыткѣ. Земля поэтому быстро истощается и даже превращается иногда въ вовсе негодную для пользованія. Естественно, что не всѣ землевладѣльцы желаютъ такъ хищнически относиться къ своей собственности и закрывать глаза на будущее въ интересахъ данной минуты. Едва-ли, слѣдовательно, привлеченіе землевладѣльцевъ обѣихъ категорій, на одномъ и томъ же основаніи доходности отъ испольной сдачи, можно считать справедливымъ. Но этотъ принципъ уже вовсе непримѣнимъ къ землямъ крестьянъ, которые поставлены вѣдъ всякой

¹⁾ См. „Русскій Вѣстникъ“ 1880 г., августъ. „Крестьянское дѣло и его постановка“. — Новосельскій: „Средства къ подъему производительности силъ Россіи“. Спб., 1883 г. Мы ссылаемся на изслѣдователей, стоящихъ за развитіе помѣщичьяго хозяйства.

²⁾ „Земскій Сборникъ Черниговской Губ.“ 1885 г., №№ 1 и 2.

возможности пользоваться „общественными условіями данной мѣстности“ и могутъ являться только объектомъ подобнаго пользованія.

Но если вообще для „мѣстныхъ людей“ не трудно установить подраздѣленіе облагаемой земли на разряды и вычислить доходность каждаго изъ нихъ, то несравненно труднѣе опредѣлить размѣръ каждаго вида угодій, находящихся въ отдѣльномъ земельномъ имуществѣ. Относительно крестьянскихъ земель, въ лицѣ выкупныхъ актовъ, плановъ и надѣльныхъ записей, имѣются на этотъ счетъ почти точныя данныя. Совсѣмъ не то мы видимъ въ отношеніи земель частнаго владѣнія. Здѣсь все основывается на собственныхъ „показаніяхъ владѣльцевъ“. Между тѣмъ сами земскія собранія къ этимъ показаніямъ относятся чрезвычайно недовѣрчиво. Дѣйствительно, практика показываетъ, что въ большинствѣ случаевъ земство не имѣетъ точныхъ свѣдѣній не только о размѣрахъ земель каждаго разряда, но и объ общемъ количествѣ ихъ въ уѣздѣ. Въ послѣднемъ отношеніи бывали случаи по-истинѣ грандіозныхъ открытій. При сличеніи, напр., показаній частныхъ владѣльцевъ съ данными межеванія по новгородской губ. обнаружилось, что отъ обложенія уклонялось до 400 т. десятинъ частновладѣльческой земли ¹⁾. Въ полтавской губ. количество подобныхъ земель превышаетъ 600 т. дес.; вообще же, по отзыву межевой палаты, въ каждомъ уѣздѣ этой губерніи отъ земскаго обложенія уклоняется до $\frac{1}{4}$ всѣхъ земель частнаго владѣнія ²⁾. Въ черниговской губ. только по одному остерскому уѣзду открыто статистическимъ отдѣленіемъ 140 т. д. необлаговшея земли. Въ золотоншскомъ уѣздѣ полтавской губ., по даннымъ генеральнаго межеванія, извѣстны 52 т. д. свободныхъ отъ обложенія, т.-е. 14% всей облагаемой земли; но кому онѣ принадлежать—управа до сихъ поръ опредѣлить не можетъ ³⁾. Въ елецкомъ уѣздѣ работа землемера въ 1879 г. открыла почти 10 т. д. необлаговшея земли ⁴⁾.

Естественно, что земства прибѣгаютъ къ самымъ различнымъ способамъ отысканія уклоняющихся отъ обложенія земель. Дѣло доходило даже до назначенія премій „открывателямъ“. Такъ, сольвычегодское земское собраніе въ 1879 г. постановило: если открыются и необлаговшея земли, то „открывателю таковыхъ будетъ выдаваться вознагражденіе въ теченіе 3-хъ лѣтъ по 10% съ каждаго рубля, вырученнаго за увеличенный налогъ съ таковыхъ земель, о чемъ управа сообщить черезъ печатныя объявленія всѣмъ волостнымъ прав-

¹⁾ „Обз. дѣят. зем. уч. новгор. губ.“ Новг., 1883 г.

²⁾ „Систематическій сводъ пост. и распор. полтавск. губ. земства за первые шесть трехлѣтій“. Полтава, 1885 г. вып. I, стр. 272.

³⁾ „Кіев. Слово“ 1888 г.

⁴⁾ „Земскій Ежегодн.“ за 1879 г., изд. 1882 г.

леніямъ" ¹⁾. Боровичское собраніе поручило управѣ „уплачивать землемѣрамъ за открытія ими земли, которыя были открыты землевладѣльцами, годовой окладъ земскаго сбора съ открытыхъ земель" ²⁾. Хорольское земство оказалось еще щедрѣе и предоставило въ пользу землемѣровъ 8-ми-лѣтній сборъ съ открываемыхъ ими земель ³⁾. Затѣмъ нѣкоторыя земства изыскивали средства побудить и самихъ владѣльцевъ показывать правильнѣе размѣръ своихъ земель. Для этого они ходатайствовали о предоставленіи себѣ права взыскивать съ открытыхъ земель налогъ за все время дѣйствія земскихъ учрежденій или принадлежности земли данному владѣльцу. Но ходатайство это не было уважено на томъ основаніи, что сами землевладѣльцы о размѣрахъ своихъ земель часто имѣютъ довольно смутное представленіе. Точно также большинство земствъ ходатайствовало о возложеніи на нотаріусовъ обязанности извѣщать управы обо всѣхъ данныхъ, совершаемыхъ въ ихъ конторахъ купчихъ и закладныхъ крѣпостей. Подобныя же данныя о цѣнности и доходности земель земства стараются добыть и изъ свѣденій или плановъ, представляемыхъ при залогѣ земельныхъ имуществъ въ банкахъ. Наконецъ, многія земства прибѣгаютъ къ найму землемѣровъ для описанія и приведенія въ извѣстность всѣхъ земель въ уѣздѣ, равно какъ и къ образованію для той же цѣли комиссій изъ среды самихъ гласныхъ.

Такимъ образомъ, преобладающее большинство земствъ не имѣетъ и до сихъ поръ сколько-нибудь точныхъ данныхъ о количествѣ и качествѣ частновладѣльческихъ земель. Результатомъ такого положенія дѣлъ является прежде всего высшая обложенность крестьянской земли сравнительно съ частновладѣльческою, такъ какъ о первой имѣются точныя данныя, а обложеніе второй основывается исключительно на не всегда вѣрныхъ показаніяхъ самихъ владѣльцевъ. Вообще въ 1885 г. десятина земли разныхъ владѣльцевъ облагалась земствами въ слѣдующемъ размѣрѣ: сельскихъ обществъ—17 к., частныхъ владѣльцевъ—13 к., городовъ—19 к., удѣла—8 к., казны—4 к., среднее же облож. дес.—12 к. ⁴⁾. При этомъ заслуживаетъ вниманіе и отношеніе земства къ владѣльческимъ и крестьянскимъ землямъ въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ губерніяхъ. Такъ, въ бессарабской области въ 1871 г. въ окладныя книги занесено было крестьянскихъ земель 811 т. д., а прочихъ—2.285 т. д. Въ зависимости отъ этого и сборъ

¹⁾ „Земскій Ежегодникъ“ за 1879 г. (519).

²⁾ Ibid. (542).

³⁾ Ibid. (552).

⁴⁾ „Статист. данныя по примымъ налогамъ. Земскія повинности“. Изд. департ. окладн. сборовъ. Сиб., 1888 г.

съ первыхъ земель давалъ тогда 63 т. р., сборъ со вторыхъ—176 т. р.¹⁾ Затѣмъ къ 1883 г. количество крестьянскихъ земель въ земскихъ окладныхъ книгахъ возросло до 1.353 т. д., а „прочихъ“ уменьшилось до 1.719 т. д., благодаря чему сборъ съ первыхъ увеличился до 160 т. р., т.-е. болѣе чѣмъ въ 2½ раза, а сборъ со вторыхъ за эти тринадцать лѣтъ еще нѣсколько упалъ, именно до 162 т. р.²⁾ Въ противоположность бессарабской области, какъ губерніи съ исключительно помѣщичьимъ земскимъ представительствомъ, въ вятской обложіе крестьянскихъ земель возросло слабѣе, чѣмъ прочихъ. Здѣсь въ указанныя 13 лѣтъ сборъ съ крестьянскихъ земель возросъ съ 881 т. р. до 1.170 т., а съ прочихъ—съ 147 т. до 680 т. р., т.-е. въ первомъ случаѣ увеличеніе равно 32%, а во второмъ—на 312%. Въ этомъ отношеніи къ губерніи вятской, по относительному возрастанію обложіи разныхъ земель, примыкаютъ казанская, пермская и вологодская, тѣ немногія губ., въ которыхъ помѣщичье представительство уравнивается крестьянскимъ. Противоположную категорию составляютъ бессарабская область и губ. симбирская, пензенская, владимірская, тамбовская и херсонская. Во всѣхъ прочихъ процентъ усиленія обложіи для земель всѣхъ категорій почти одинаковъ. Въ 1871 г. сборъ съ крестьянскихъ земель по окладу составлялъ 7.476 т. р., въ 1883 г.—13.371; съ прочихъ земель—5.628 т. и 10.156 т. р. Въ обоихъ случаяхъ увеличеніе нѣсколько менѣе 100%. Но возрастаніе сборовъ съ земель частновладѣльческихъ должно было бы происходить гораздо сильнѣе, приближаясь въ этомъ отношеніи къ губ. вятской, въ виду того, что размѣры крестьянскихъ надѣловъ, и даже съ распредѣленіемъ по угодіямъ, были извѣстны съ самаго начала дѣйствія земскихъ учреждений, между тѣмъ какъ частновладѣльческія земли только постепенно еще разыскивались. Слѣдовательно на возвышеніе сборовъ съ послѣднихъ должны были вліять два фактора—и усиленіе обложіи, и возрастающее количество самихъ земель, привлекаемыхъ къ обложію. Указанное нами соотношеніе еще болѣе усилится въ сторону большей обложенности крестьянскихъ земель, если мы остановимся не на окладныхъ смѣтахъ, а на дѣйствительныхъ поступленіяхъ. Тогда мы увидимъ, что въ томъ же 1883 г. съ крестьянъ сбора поступило 11.600 т. р., а съ прочихъ земель—8.743 т. р.

Насколько вообще крестьянскія земли, сравнительно съ ихъ цѣнностью и доходностью, облагаются выше частновладѣльческихъ, опре-

¹⁾ Сводъ свѣдѣній о земскихъ доходахъ и расходахъ съ 1871 г. по 1880 г. Изд. хоз. деп. мин. внутр. дѣлъ. Спб., 1884 г.

²⁾ Доходы и расходы губ. и уѣздн. земствъ за 1883 г. Изд. центр. стат. ком. Спб., 1886 г.

дѣлать трудно. Хотя у крестьянъ дѣйствительно процентъ удобныхъ земель нѣсколько значительнѣе, но зато частновладѣльческія земли доходнѣе. Съ другой стороны, весьма часто случается, что сборъ съ крестьянскихъ земель превышаетъ сборъ съ частновладѣльческихъ даже при значительномъ преобладаніи въ губерніи частновладѣльческаго землевладѣнія. Для новгородской губ., напр., разница въ пользу преобладанія частновладѣльческаго землевладѣнія надъ крестьянскимъ равна 10⁰/₀, въ екатеринославской—4,5⁰/₀, въ смоленской—11⁰/₀, въ таврической—13⁰/₀ ¹⁾. Между тѣмъ, ни въ одной изъ этихъ губерній не наблюдается хотя бы абсолютнаго превышенія сборовъ съ частновладѣльческихъ земель.

Всего сборъ съ земель даетъ земствамъ 28 мил. р., изъ которыхъ 56⁰/₀ поступаетъ съ крестьянскихъ земель, 33⁰/₀ частновладѣльческихъ, и 12⁰/₀ казны, удѣла и городовъ. Между тѣмъ землевладѣніе въ земскихъ губерніяхъ распределяется такъ: крестьянамъ принадлежить 40⁰/₀, частнымъ владѣльцамъ—32⁰/₀, казнѣ—26⁰/₀, удѣламъ—2⁰/₀. Анализъ способовъ обложенія земствами другихъ имуществъ не представляетъ большого интереса, отчасти въ виду сравнительной ничтожности ихъ цѣнности, отчасти же невозможности примѣнять къ промышленнымъ и торговымъ заведеніямъ принципа обложенія ихъ по доходности.

Изъ другихъ недвижимыхъ имуществъ сравнительно значительную цифру дохода въ земскія кассы даютъ городскія строенія. Циркуляромъ министерства внутреннихъ дѣлъ 1867 г. и сенат. указомъ 1875 г. для оцѣнки ихъ земскимъ учрежденіямъ представляется назначать отъ себя депутатовъ „во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда существующія онымъ оцѣнки (со стороны думъ), по какимъ-либо причинамъ будутъ признаны ими недостаточными“. Но этимъ правомъ земства почти не пользуются, такъ какъ самихъ городскихъ оцѣночныхъ комиссій, куда они могли бы назначать депутатовъ, не существуетъ. Затѣмъ многія земства желали предпринять самостоятельную оцѣнку, несмотря на громадные нужные для этого расходы, но съ исполненіемъ подобныхъ постановленій пріостановились въ виду послѣдовавшаго Высочайше утверж. мнѣнія государственнаго совѣта 25-го октября 1875 г. о производствѣ оцѣнки недвижимыхъ имуществъ во всѣхъ значительныхъ городахъ, причѣмъ въ составъ оцѣночныхъ комиссій могли быть допущены и представители отъ земствъ. Но это постановленіе ждетъ своего исполненія и до сихъ поръ. Что касается существующихъ оцѣнокъ городскихъ имуществъ, сдѣланныхъ

¹⁾ „Статист. Врем.“, вып. Б. Изд. центр. статист. ком. Сиб., 1886 г.

думами, то онѣ до крайности низки. Относительно, напр., Петербурга обнаружилось, что незначительная часть его домовъ, заложившая въ кредитномъ обществѣ, оцѣнена имъ въ большую сумму, чѣмъ всѣ дома столицы вмѣстѣ оцѣнены думою для обложенія. Благодаря этому, даже въ петербургской губ. сборъ съ земель составляетъ 368 т. р., а городскія имущества Петербурга даютъ губ. земству только 116 т. р. Москва даетъ земству 30 т. р. дохода, такъ какъ недвижимыя имущества первопрестольной губернскимъ земскимъ сборомъ вовсе не облагаются. Выше другихъ земскій сборъ съ городскихъ имуществъ въ губерніяхъ: херсонской—193 т. р., ярославской—131 т. р. и пермской—106 т. р. Въ общемъ сборъ съ городскихъ недвижимыхъ имуществъ составлялъ въ 1885 г. 2.344 т. р., а съ недвижимыхъ имуществъ сельскихъ—444 т. р. Такъ какъ обложеніе земель равно приблизительно 10% ихъ чистой доходности, то чистую доходность городскихъ имуществъ нужно опредѣлить въ 23 мил. р. Изъ этого можно видѣть, насколько они слабо обложены земствами.

Что касается промышленныхъ и торговыхъ заведеній, то, благодаря своему привилегированному положенію въ отношеніи земскаго обложенія, они также даютъ сравнительно незначительную сумму дохода, именно, вмѣстѣ около 7 мил. р., которая и распределяется между ними почти поровну. Для оцѣнки самихъ имуществъ этой категоріи—земства, такъ какъ и для оцѣнки земли, не имѣютъ точныхъ свѣдѣній. Весьма немногія изъ нихъ, московское напр., организовало періодическія комиссіи, которыя вычисляютъ стоимость и доходность не только самихъ промышленныхъ помѣщеній, но и содержащихся въ нихъ механическихъ приспособленій. Торговныя помѣщенія, въ большинствѣ случаевъ кабаки, оцѣняются по мѣстности, въ которой они находятся. Вообще же земства по возможности стараются смягчить законъ 21-го ноября 1866 г., облагая торговныя и промышленныя заведенія по высшей нормѣ, чѣмъ прочія недвижимыя имущества. Но противъ такого поползновенія земскихъ учреждений у хозяевъ торговыхъ и промышленныхъ заведеній есть тоже довольно дѣйствительное средство въ видѣ фиктивныхъ арендныхъ контрактовъ, которые она заключаетъ иногда съ фиктивными же владельцами помѣщеній. Имѣя подобный контрактъ, каждый изъ нихъ считаетъ возможнымъ документально доказывать неправильность земской оцѣнки. Кромѣ того, въ прежнее время представители промышленности и торговли были довольно равнодушны къ земскому хозяйству; но когда земское обложеніе нѣсколько чувствительно коснулось ихъ кармановъ, то въ обладателяхъ ихъ живо проснулся интересъ къ дѣятельности этихъ учреждений, и они, одинъ за другимъ, стали

предъявлять свои права на участіе въ выборахъ ¹⁾). Такимъ образомъ, въ губерніяхъ промышленныхъ—москoвской, владимірской и нѣкоторыхъ другихъ купцы мало-по-малу вытѣсняють представителей землевладѣнія и забирають земское хозяйство въ свои руки. Московское земство въ виду этого даже ходатайствовало о законодательномъ установленіи минимальнаго числа представителей на земскихъ собраніяхъ отъ землевладѣльцевъ.

Земля, строенія въ городахъ и селахъ, а также промышленныя и торговыя заведенія—и являются источниками земскихъ доходовъ. Если мы затѣмъ сдѣлаемъ вычисленіе относительнаго значенія имуществъ разныхъ категорій съ точки зрѣнія земскихъ доходовъ, то увидимъ, что земли даютъ наибольшую сумму, именно, 66,7% всѣхъ поступленій; сборъ съ торговыхъ документовъ—10,3%; сборы судебныя, штрафы и вообще „разныя“ доходы—10,1%; сборъ съ промышленныхъ заведеній—6,5%, съ прочихъ недвижимыхъ имуществъ—5,9%.

Съ данными о земскихъ сборахъ съ имуществъ разныхъ категорій весьма любопытно сопоставить нынѣшнее пользованіе правомъ на представительство въ земствахъ со стороны владѣльцевъ этихъ имуществъ. Обыкновенно, если въ основаніе правъ на представительство кладется имущественный цензъ, то самый объемъ правъ соотвѣтствуетъ цѣнности имуществъ, ихъ доходности или же размѣру поступающихъ съ нихъ сборовъ, какъ это принято нашимъ Городовымъ Положеніемъ. Земское представительство хотя тоже основано на имущественномъ цензѣ, но разныя категоріи собственниковъ пользуются правомъ представительства безъ всякаго соотвѣтствія съ цѣнностью ихъ имуществъ и размѣромъ поступающихъ съ нихъ сборовъ. Такое соотвѣтствіе хотя отчасти и соблюдается, но вообще принято за правило, чтобы число гласныхъ отъ крестьянскихъ обществъ и отъ крупныхъ землевладѣльцевъ составляло меньше половины. При этомъ въ видѣ „баланса“ наше законодательство воспользовалось гласными отъ городовъ. Эти послѣдніе предназначены на роль нелицепріятныхъ посредниковъ въ предполагавшейся борьбѣ между крестьянскими обществами и крупными землевладѣльцами. Въ виду этого устроено такъ, что и гласные отъ крестьянъ, и гласные отъ помѣщиковъ, будучи въ меньшинствѣ, но перетянувши на свою сторону нелицепріятныхъ свидѣтелей, всегда сопоставятъ двѣ равныя величины, или даже большинство. Для примѣра возьмемъ любой уѣздъ. Саратовскій уѣздъ—число гласныхъ отъ помѣщиковъ 34, отъ

¹⁾ Кромѣ землевладѣльцевъ, право на участіе въ земскихъ собраніяхъ крупныхъ землевладѣльцевъ имѣютъ: лица, владѣющія недвижимостью не ниже 15 т. р. цѣнностью, или же имѣющія годовой оборотъ производства не менѣе какъ на 6 т. р.

крестьянъ—19; разность между ними, равная 14, и приходится на долю представительства отъ городовъ. Въ самарскомъ уѣздѣ—первые составляютъ 29 чел., вторые—21, и городовъ—9. Между тѣмъ въ этомъ послѣднемъ уѣздѣ сборъ съ крестьянскихъ земель равенъ 54 т. р., съ помѣщичьихъ—24 т. р.; слѣдовательно, при представительствѣ по размѣрамъ имущественнаго ценза, сельскія общества должны были бы пользоваться представительствомъ, болѣе чѣмъ вдвое превышающимъ помѣщичье. Въ настоящее же время мы видимъ прежде всего весьма значительный процентъ представителей отъ городовъ, сравнительно съ тѣмъ ничтожнымъ доходомъ, который они даютъ земствамъ. Затѣмъ и преобладаніе крестьянскаго представительства надъ помѣщичьимъ замѣчается только въ губ. пермской, вологодской, вятской, казанской и олонцевой, гдѣ частное землевладѣніе почти не существуетъ ¹⁾. Во всѣхъ прочихъ преобладаетъ частновладѣльческое представительство, хотя земли частновладѣльческія оцѣнены выше крестьянскихъ только въ обл. бессарабской и губ. херсонской, екатеринославской и немногихъ другихъ. Въ общемъ же по земской оцѣнкѣ стоимость и доходность крестьянскихъ земель ²⁾ относятся къ стоимости частновладѣльческихъ, какъ 56 къ 31, или первыя выше вторыхъ въ 1,8 раза. Такимъ образомъ, при принципѣ представительства по доходности и цѣнности имущества, какъ это вездѣ практикуется, у насъ большинство земствъ оказались бы мужицкими, подобно вятскому и пермскому, которыя, нужно замѣтить, составили себѣ прочную репутацію наиболѣе дѣятельныхъ земствъ.

Теперь намъ остается только сказать нѣсколько словъ о раскладкѣ губернскаго земскаго сбора. По закону губернскимъ земскимъ собраніямъ предоставлено для этого или пользоваться данными уѣздныхъ земствъ и поручить имъ разложить общую сумму сбора на всѣ имущества по своему усмотрѣнію, или же взять за основаніе свои собственныя данныя, облагая отдѣльно каждое имущество уѣзда. Большинство губернскихъ земствъ держится перваго способа, какъ болѣе легкаго. Это не совсѣмъ правильно, такъ какъ, при подобномъ способѣ, чѣмъ выше какое-нибудь уѣздное земство облагаетъ доходность своихъ имущества, тѣмъ болѣе на него падаетъ и губернскаго сбора, хотя бы имущества другихъ уѣздовъ были доходнѣе. Такимъ образомъ, въ убыткѣ оказываются бѣднѣйшіе уѣзды. Затѣмъ многія гу-

¹⁾ Изъ этихъ губ. въ пермской съ частновл. земель поступ. 26% сбора, съ земель крестьянскихъ—46%; въ вятской — съ первыхъ 3%, со вторыхъ — 43%; въ вологодской—11% и 53%. Между тѣмъ частное землевладѣніе даетъ здѣсь около половины гласныхъ.

²⁾ „Стат. данныя по прям. налогамъ“. Изд. деп. оклади. сб. Спб., 1888 г.

берскія земства выговариваютъ себѣ весь доходъ съ извѣстнаго рода имущества въ уѣздахъ или же часть его, а недостающую сумму раскладываютъ. Такими имуществами чаще всего бываютъ торговныя свидѣтельства, такъ какъ земскій сборъ съ нихъ взимается казначеями при продажѣ, почему на этой статьѣ дохода никогда и не бываетъ недоимокъ. Изъ 38 мил. р. общей суммы земскихъ сборовъ, губерскіе въ 1883 г. составляли 7 мил. р.

IV.

Слабую сторону земскихъ финансовъ составляютъ недоимки, которыхъ за плательщиками накапливается съ каждымъ годомъ все больше и больше. Это явленіе нужно отнести прежде всего на счетъ общаго экономическаго кризиса, который былъ пережитъ населеніемъ Россіи въ послѣдніе годы, и который не закончился и теперь. Въ 1883 г. недоимки составляли уже по всѣмъ земскимъ губерніямъ почти 38% оклада; въ нѣкоторыхъ же, новгородской и валужской, онѣ перевалили и за 50%. Но особенно возросло накопленіе недоимокъ въ послѣдовавшіе два года, когда къ общему кризису присоединился во многихъ мѣстностяхъ неурожай, даже и упадокъ цѣнъ на хлѣбъ. Такъ, въ славяносербскомъ уѣздѣ екатеринославской губ., при годовомъ бюджетѣ въ 63 т. р., цифра недоимокъ составляла 124 т. р., или почти 200% годового оклада. Въ уфимской губ. общая сумма недоимокъ достигла въ 1884 г. 889 т. р. при бюджетѣ въ 700 т. р. По петербургскому уѣзду недоимка къ 1-му января 1886 г. возросла до 136 т. р., или 50% оклада, и т. д. Изъ этихъ примѣровъ видно, что въ послѣдующіе годы въ недоимкахъ до 50% оклада уже насчитываются весьма многія земства.

Естественно, что накопленіе недоимокъ отражается чрезвычайно невыгодно на всей земской дѣятельности, и ставятъ эти учрежденія въ чрезвычайно затруднительное положеніе при выполненіи назначенныхъ смѣтъ и даже своихъ обязательствъ передъ служащими. Въ кассѣ, напр., орловской управы вятской губ. къ 1-му января 1886 г. въ наличности имѣлось 1 р. 3½ к., а невыполненныхъ расходовъ оставалось на 58 т. р. Тамбовская земская управа доложила собранію 1884 г., что къ 1-му января 1885 г. въ кассѣ у нея состоятъ около 2 т. р., между тѣмъ какъ расходовъ предстоитъ на 30 т. Изъ доклада новолодожской управы видно было собранію той же сессіи, что въ теченіе 2/3 года поступила только одна треть оклада. При такихъ условіяхъ, говорится въ докладѣ, „буквально идетъ вѣчное перебиваніе изъ копейки въ копейку, и въ кассѣ бываетъ по-

стоянное безденежье. Всѣ безъ исключенія платежи, даже жалованье служащимъ на малыхъ окладахъ, неизбѣжно должны приостанавливаться до послѣдней возможности. Земство, имѣя массу должниковъ-неплательщиковъ, само кругомъ въ долгу и граничитъ съ банкротствомъ". Въ островскомъ уѣздѣ псковской губ., какъ должно было собранію, „ревизія земскаго хозяйства показала, что управѣ придется покупать не тамъ, гдѣ выгоднѣе, а тамъ, гдѣ вѣрять въ долгъ. Точно также всѣ подряды и поставки для земства принимаютъ только люди состоятельные, могущіе ожидать полученія денегъ, за что, конечно, земство переплачиваетъ лишнее“ ¹⁾. Въ прошломъ году, судя по газетнымъ свѣденіямъ, положеніе земствъ, вслѣдствіе накопленія недоимокъ, было особенно затруднительно. Такъ, въ кассѣ лайшевской управы казанской губ. къ 1-му марта имѣлось всего 4 р. 86 к. Въ виду этого управа должна была прекратить даже платежи по обязательнымъ расходамъ. Далѣе, предсѣдатель олонцево-лодейнопольскаго съѣзда мировыхъ судей обратился съ формальнымъ донесеніемъ къ г. министру юстиціи о плачевномъ положеніи мѣстныхъ судей, изъ которыхъ иные по году не получаютъ содержанія. Особенно печально при этомъ положеніе низшихъ служащихъ, напр. сельскихъ учителей. Не получая жалованья по цѣлымъ мѣсяцамъ, они принуждены жить впроголодь или прибѣгать къ дорого стоящему кредиту. Что касается служащихъ по выбору, то они, конечно, стоя ближе къ кассѣ, и содержаніе свое получаютъ исправнѣе. Довольно характерный фактъ въ этомъ отношеніи произошелъ на послѣднемъ земскомъ собраніи уржумскаго уѣзда вятской губ. Дѣло въ томъ, что собраніе 1885 г., въ виду безденежья, постановило дѣлать вычеты изъ жалованья сельскихъ учителей въ размѣрѣ 25%. Гласные отъ крестьянъ нынѣшняго собранія предложили либо отменить эту мѣру вовсе, либо распространить ее на всѣхъ остальныхъ служащихъ, т.-е. предсѣдателя и членовъ управы, мировыхъ судей и т. д. Собраніе отклонило оба эти предложенія, но послѣднее изъ нихъ не было принято, только благодаря перевѣсу предсѣдательскаго голоса ²⁾. Въ настоящемъ году также получены свѣденія о затруднительномъ положеніи многихъ земствъ, вслѣдствіе отсутствія въ кассахъ денегъ и слабого поступленія сборовъ. Если, какъ мы сказали, причины усиливающихся недоимокъ заключаются преимущественно въ общемъ экономическомъ кризисѣ, то все-таки нельзя обойти и причинъ этого явленія, хотя и второстепенныхъ, но отражающихся на земскихъ кассахъ чрезвычайно неблагоприятно.

¹⁾ „Земскій Ежегодн.“ за 1884 годъ.

²⁾ „Новости“, 1881 г., № 1.

Прежде всего всякаго изслѣдователя состоянія земскихъ финансовъ поражаетъ тотъ, повидимому, странный фактъ, что за представителями крупныхъ недвижимыхъ имуществъ числятся сравнительно большія недоимки, чѣмъ за крестьянами. Такъ, въ 1883 году недоимки съ имуществъ разныхъ категорій имуществъ по отношенію къ слѣдующему съ нихъ окладу составляли: съ крестьянскихъ земель—36%, съ недвижимыхъ имуществъ въ городахъ и селахъ—42%, съ частно-владѣльческихъ земель—44%, съ торговыхъ и промышленныхъ заведеній—46%, съ земель казны и удѣла—15%, съ торговыхъ документовъ поступленіе на 5% превысило окладъ. Такимъ образомъ, въ отношеніи имуществъ первыхъ четырехъ категорій, чуть ли не оказывается, что самые состоятельные владѣльцы имущества являются и наименѣе аккуратными плательщиками земствъ. Относительно отдѣльныхъ земствъ непропорціональность между размѣромъ недоимокъ и состоятельностью недоимщиковъ разныхъ категорій еще болѣе поразительна. Такъ, въ восьми губ. недоимки за частными землевладѣльцами достигли 50% оклада, между тѣмъ какъ неаккуратность крестьянъ въ такой мѣрѣ замѣчается лишь въ одной губерніи. Что касается промышленныхъ заведеній, то недоимки съ нихъ по многимъ губ. достигаютъ 60% оклада. Въ славяносербскомъ уѣздѣ въ минувшемъ году общая сумма недоимокъ въ 124 т. распредѣлялась между плательщиками слѣдующимъ образомъ: первое мѣсто занимаютъ частные владѣльцы—57 т. р. недоимки, или 200% слѣдовавшаго съ нихъ оклада; второе — луганскій механической заводъ, съ недоимкою въ 26 т. р., или 150% оклада; за крестьянами же числится только 14 т. р., или 70% оклада. Далѣе, екатеринбургское земское собраніе 1880 г. ходатайствовало передъ министрами внутреннихъ дѣлъ о содѣйствіи земству относительно уплаты недоимки, числящейся за имуществомъ кабинета Его Величества, а также недоимокъ съ текущихъ платежей по имѣнію принца Ольденбургскаго ¹⁾. Въ той же пермской губ. многіе заводы не платили земскихъ сборовъ со дня введенія у насъ земскихъ учреждений. Въ екатеринославской губ. къ числу самыхъ неаккуратныхъ плательщиковъ принадлежатъ углепромышленники и винокуренные заводчики: въ 1887 г. первые изъ нихъ внесли только 23% оклада, а со вторыхъ не поступило ни копейки. По брянскому уѣзду за однимъ мальцовскимъ товариществомъ числится въ 1884 г. до 20 т. р. недоимки, и за владѣльцами городскихъ имуществъ—почти 17 т. р.

Причины такого явленія, какъ накопленіе недоимокъ за состоятельными классами, кроется, конечно, прежде всего въ самой орга-

¹⁾ „Земскій Ежегодн.“ за 1880 г.

низации земскаго представительства. Составляя большинство въ земскихъ собраніяхъ, гласные отъ крупныхъ землевладѣльцевъ не имѣютъ и особаго расчета побуждать эту группу плательщиковъ къ болѣе аккуратному взносу земскихъ сборовъ. Очень часто, напр., наиболѣе крупными недоимщиками оказывались предсѣдатели собранія и управы, члены ея и другія выборныя должностныя лица. Кромѣ того, земства не располагаютъ вообще сами никакими средствами для взысканія сборовъ. Они въ этомъ отношеніи находятся въ полной зависимости отъ энергіи и даже личныхъ взглядовъ полиціи и губернской администраціи. Но само собою понятно, что энергія полиціи болѣе направлена къ взысканію платежей съ крестьянъ, чѣмъ владѣльцевъ крупныхъ имуществъ. Въ то время какъ имущество крестьянъ сплошь и рядомъ назначается въ продажу за недоимки, единственный примѣръ подобнаго рода представился въ истекшемъ году въ курской губ., когда по рыльскому уѣзду назначено было къ продажѣ 360 имуществъ. Изыскивая съ своей стороны средства побудить крупныхъ землевладѣльцевъ къ болѣе аккуратнымъ взносамъ платежей, земства, однако, до сихъ поръ не пришли ни къ какимъ опредѣленнымъ результатамъ. Такъ, устюжское (новгор. г.) собраніе 1880 г. постановило поручить управѣ печатать на первой страницѣ „Голоса“ и „Нов. Времени“ именныя приглашенія недоимщикамъ о взносовъ земскихъ сборовъ. Но эта мѣра такъ, кажется, и не практикуется. Затѣмъ на весьма многихъ собраніяхъ возбуждался вопросъ о лишеніи недоимщиковъ права на земское представительство. Бессарабское земское собраніе возбудило даже въ этомъ смыслѣ ходатайство, но министерство внутреннихъ дѣлъ отвѣтило, что, въ виду предстоящаго общаго пересмотра основаній земскаго представительства, въ удовлетвореніи даннаго ходатайства нѣтъ необходимости. Насколько, впрочемъ, это ходатайство было искренне—это другой вопросъ. По крайней мѣрѣ на собраніи нынѣшняго года предложена была несравненно болѣе мягкая мѣра—подвергать вычетамъ изъ жалованья тѣхъ земскихъ недоимщиковъ, которые находятся на земской службѣ, однако мѣра эта была отвергнута огромнымъ большинствомъ.

Что касается накопленія недоимокъ за крестьянами, то здѣсь отсутствіе у земствъ собственныхъ органовъ для взиманія налоговъ отражается на земскихъ кассахъ еще болѣе неблагоприятно, благодаря произвольному зачисленію, со стороны полиціи, земскихъ платежей въ государственныя. О произволѣ этомъ можно судить по многочисленнымъ и непрерывнымъ ходатайствамъ земствъ. Такъ, тотемское уѣздное земское собраніе 1884 г. постановило: въ виду того, что казенныя платежи съ сельскихъ обществъ поступаютъ исправно, благодаря причисленію къ нимъ и земскихъ сборовъ, вновь просить

губернатора сдѣлать распоряженіе какъ о взысканіи земскихъ недоимокъ, такъ и о томъ, чтобы уплачиваемые крестьянами земскіе сборы не были обращаемы, по вліянію полицейскихъ чиновъ, въ казенные платежи, и это вліяніе простирается до того, что, по требованію полиціи, переписываются показанія сборщиковъ сельскихъ обществъ, вынуждаемыхъ въ объявленіяхъ въ казначейство, вмѣсто земскихъ сборовъ, въ которые деньги собраны, вносить деньги въ казенные платежи". Вологодское собраніе постановило просить губернатора „сдѣлать распоряженіе, чтобы уплачиваемые плательщиками земскіе и страховые сборы не были обращаемы по настоянію полиціи въ казенные платежи. Затѣмъ вятское губ. зем. собраніе, „принимая во вниманіе, что причиною значительнаго возростанія недоимокъ земскихъ сборовъ съ сельскихъ обществъ служить произвольное и несправедливое распредѣленіе поступающихъ сборовъ лицами, завѣдывающими взысканіемъ таковыхъ, постановило повторить ходатайство... въ томъ смыслѣ, чтобы платежи распредѣлялись пропорціонально суммамъ слѣдуемыхъ сборовъ — казенныхъ и земскихъ". На подобное же ходатайство смоленскаго земства министерство внутреннихъ дѣлъ отвѣтило, что по этому поводу возникъ общій вопросъ, который предположено подвергнуть на обсужденіе [особой комиссіи¹⁾]. Въ настоящее же время, какъ извѣстно, казначей обязаны отчислить въ пользу земства только 12% изъ поступающихъ къ нимъ сборовъ, если сборъ не распредѣленъ самимъ сборщикомъ. Но это правило не соблюдается, во-первыхъ, въ томъ отношеніи, что въ пользу земствъ не достается часто и этой крупицы, а во-вторыхъ, и сборы съ подробными объявленіями отъ сборщиковъ распредѣляются часто такъ, какъ бы этихъ объявленій не было. Въ результатъ и фактически исправные земскіе плательщики оказываются неожиданно для себя его недоимщиками.

Для устраненія подобнаго произвола со стороны полиціи земства неоднократно ходатайствовали о дозволеніи имъ имѣть своихъ собственныхъ сборщиковъ налоговъ. Но ходатайства эти отклонялись въ виду, между прочимъ, и тѣхъ напрасныхъ расходовъ со стороны земствъ, которыхъ потребуетъ содержаніе агентовъ фиска. Но подобный мотивъ отказа находится въ полномъ противорѣчій съ укоренившимся обычаемъ, по которому земства ассигнуютъ отъ себя добавочное содержаніе чинамъ полиціи, какъ бы въ видѣ вознагражденія за труды по сбору ими земскихъ платежей. Не трудно, однако, видѣть, что взиманіе земскихъ сборовъ вовсе не прибавляетъ труда полиціи, а особенно въ такой мѣрѣ, которая соответствовала бы

1) „Земскій Ежегодн.“ за 1879 и 1884 гг.

земской прибавкѣ. А эта прибавка—около 1000 р. для исправника и 600 для становаго пристава—составляетъ почти половину и для послѣднихъ даже двѣ трети ихъ государственнаго содержанія. Поэтому въ прибавкѣ нельзя не видѣть скорѣе той, блаженной памяти, особой „благодарности“, которая давалась чиновнику, въ рукахъ котораго находилась судьба обывателя. Дѣйствительно, въ земской практикѣ былъ такой случай. Уржумское (вятской губ.) земство, вслѣдствіе плохого состоянія своей кассы, сократило содержаніе всѣмъ служащимъ въ земствѣ, а въ томъ числѣ и размѣръ „вознагражденія“ исправника. Тогда исправникъ зачислилъ всѣ сборы въ государственные платежи, а земскую кассу оставилъ уже и вовсе безъ копѣйки.

Тѣ же недоимки заставляютъ земства прибѣгать для удовлетворенія текущихъ нуждъ къ самымъ разнообразнымъ видамъ кредита. Наиболѣе распространенный способъ—это кредитъ уѣздныхъ земствъ у губернскаго, у котораго имѣются запасный и разнаго рода спеціальныя капиталы. Но при такихъ условіяхъ земскіе капиталы таютъ очень быстро. Такъ, вологодское земство еще въ 1879 г. принуждено было уже отказываться въ ссудахъ уѣзднымъ земствамъ, „въ виду неимѣнія въ наличности запаснаго капитала“, и кромѣ того собраніе утвердило сдѣланное управою позаймствованіе 70 т. руб. изъ губ. продовольственнаго капитала. Губ. земскому собранію уфимской губ. въ 1884 г. было доложено, что къ 1-му сентября запаснаго капитала числится 460 т. р., въ наличности же имѣется только 50 т., а если исключить кредитъ на случай борьбы съ эпидеміями, то капитала должно считаться 20.000 р. У тульскаго земства въ томъ же году оставалось запаснаго капитала 22 т. р. изъ 172 т. Бессарабское земство, кромѣ запаснаго капитала, истратило еще 186 т. р. изъ страхового. Поэтому въ настоящее время большинство уѣздныхъ земствъ перешло къ займамъ у частныхъ лицъ, нерѣдко за очень высокій процентъ. Наконецъ, многія земства и вовсе не имѣютъ возможности кредитоваться, за отсутствіемъ лицъ, которыя пожелаали бы довѣрить земствамъ свои капиталы. Неудобство отыскивать для себя кредитъ осложняется еще тѣмъ обстоятельствомъ, что положеніемъ о земствахъ не предусмотрѣна возможность возникновенія для этихъ учрежденій дѣлать займы. Такимъ образомъ, очень часто они заключаются на имя земскихъ должностныхъ лицъ.

Вопросъ объ организаціи болѣе правильнаго кредита возникалъ на земскихъ собраніяхъ неоднократно. Здѣсь имѣлось въ виду не только удовлетвореніе текущихъ нуждъ, но и совершеніе такихъ капитальныхъ расходовъ, которые затруднительно дѣлать на счетъ текущихъ доходовъ. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія

записка, представленная курскому губернскому собранію гласнымъ Арнольди. Въ запискѣ этой указывается, что „земство упустило и упускаетъ до сихъ поръ изъ виду одну, можно сказать, аксіому всякой хозяйственной дѣятельности, аксіому, гласящую, что расходы, имѣющіе окутиться черезъ длинный рядъ годовъ и производимые для блага многихъ поколѣній, не могутъ быть дѣлаемы силами одного поколѣнія и изъ источниковъ, способныхъ дать средства только для, такъ сказать, дневного пропитанія одного поколѣнія“. Всякій предприниматель для совершенія капитальныхъ затратъ прибѣгаетъ къ кредиту. „Но такого кредита не имѣетъ только одно земство. Неопредѣленность положенія земства въ ряду другихъ учрежденій закрываетъ ему кредитъ со стороны тѣхъ частныхъ капиталистовъ, которые готовы были бы снабжать земскія учрежденія даже краткосрочною ссудою; долгосрочныя же ссуды—а только такія ссуды и возможны для земства, желающаго вести свое хозяйство на правильныхъ экономическихъ началахъ—рѣшительно ему недоступны. Работая на настоящее и на будущее поколѣнія, земство не удовлетворяетъ ни того, ни другого. Будущее забракуетъ тѣ жалкія лачуги, которыя земство строитъ ему въ видѣ школъ и больницъ; настоящее... жалуется на то, что ему даютъ меньше, чѣмъ съ него берутъ“. Въ заключеніе г. Арнольди предложилъ „просить правительство объ открытіи земству, какъ коллективной единицѣ, долгосрочнаго кредита, съ спеціальнымъ назначеніемъ производить изъ него расходы, необходимые для удовлетворенія потребностей болѣе или менѣе значительнаго промежутка времени“. Однимъ изъ такихъ способовъ кредитоваться, по мнѣнію г. Арнольди, могло бы быть дозволеніе выпускать долгосрочныя *земскія облигаціи*. Вопросъ этотъ, однако, въ общемъ разработанъ земствами очень мало и не получилъ никакого дальнѣйшаго движенія въ смыслѣ его разрѣшенія въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ.

Такое положеніе вопроса о земскомъ кредитѣ тѣмъ менѣе желательно, что, въ сущности, земства, какъ мы сказали, пользуются имъ въ довольно широкихъ размѣрахъ; отсутствіе же законодательныхъ на этотъ счетъ указаній и гарантій дѣлаетъ подобный кредитъ лишь болѣе дорогимъ. Дѣйствительно, земства теперь принуждены уже тратить на погашеніе долговъ и уплату процентовъ иногда очень значительную часть своего бюджета. Такъ, въ 1885 г. расходъ для всѣхъ земствъ по этой статьѣ составлялъ 1.131 т. р. При 43 милліонахъ руб. общихъ расходовъ эта сумма пока, конечно, не особенно обременительна. Но для отдѣльныхъ земствъ это отношеніе платежей по долгамъ къ бюджету часто бываетъ гораздо болѣе неблагоприятно. Для вятскаго губернскаго земства такіе платежи со-

ставляютъ болѣе 10% бюджета, для казанскаго—почти 30%, пермскаго—10%, самарскаго—15% и уфимскаго—12%. Но послѣдніе два года были особенно тяжелыми для земскихъ финансовъ, и нужно думать, что и долги земства за этотъ промежутокъ значительно возросли противъ указанныхъ нами.

V.

Что касается земскихъ расходовъ, то характеръ каждаго изъ нихъ и общія условія, при которыхъ они производятся и которыми вызваны, могутъ быть всесторонне разсмотрѣны только при изслѣдованіи отдѣльныхъ отраслей земскаго хозяйства, соответствующихъ этимъ расходамъ. Мы же остановимся лишь на общей картинѣ расходованія земствами своихъ средствъ. Расходы земства, какъ извѣстно, раздѣляются на обязательные и необязательные. Въ первомъ относятся: дорожная повинность, подводная и этапная повинность, воинская, содержаніе судебно-мировыхъ учреждений и учрежденій общественнаго призрѣнія и затѣмъ нѣкоторыя другія потребности мѣстнаго гражданскаго управленія, какъ-то: квартирныя полиціи, судебнымъ слѣдователямъ и т. д. Расходы необязательные созданы самими земствами, почему они и не отличаются однообразіемъ. Такъ, одни земства тратятъ солидныя суммы на организацію статистики, другія вовсе не знаютъ этого расхода; то же можно сказать и о расходахъ земства по поднятію экономическаго благосостоянія населенія. Въ общемъ, однако, эти необязательные расходы земствъ выше обязательныхъ, что, конечно, свидѣтельствуетъ о самодѣтельности земствъ, не ограничивающихся выполненіемъ обязанностей, только предписанныхъ имъ закономъ. Въ 1885 г. обязательные расходы принимали 18 мил. р. земскаго бюджета, а необязательные—почти 25 м. Между тѣмъ въ началѣ дѣятельности земства отношеніе между этими расходами было обратное, и еще въ 1871 г. обязательные составляли 11.400 т. р., необязательные—8.600 т. р. Первое превышеніе необязательныхъ расходовъ послѣдовало въ 1876 г., а въ 1880 разница эта равнялась 5 мил. р. Такимъ образомъ, съ 1871 г. по 1885 г. обязательные расходы возросли на 65%, а необязательные—болѣе чѣмъ на 200%.

Въ ряду необязательныхъ расходовъ первое мѣсто принадлежитъ расходамъ на организацію медицинской помощи для населенія, которые составляли въ 1885 г. 21% земскаго бюджета; затѣмъ слѣдуетъ народное образованіе съ расходомъ въ 16%. Эти двѣ статьи земскихъ расходовъ и вообще занимаютъ по своимъ размѣрамъ вы-

дающееся мѣсто въ земскихъ бюджетахъ. Что же касается другихъ крупнѣйшихъ статей земскаго расхода, какъ обязательныхъ, такъ и необязательныхъ, то онѣ по своимъ размѣрамъ составляютъ: подводныя повинности и содержаніе мировыхъ учреждений по 11% бюджета, содержаніе земской администраціи (въ томъ числѣ стат. бюро и техникумъ)—9% ¹⁾, дорожная повинность—7%. Изъ этихъ расходовъ, сравнительно съ 1871 г., особенно возросли: на народное здравіе—съ 2 мил. до 17,5, или на 875%; на народное образованіе—съ 8 мил. до 15 мил., или на 1000%; по дорожной повинности—на 100%; содержаніе земской администраціи—только на 40%. Изъ этихъ сопоставленій очевидно, что растутъ въ земскихъ смѣтахъ по преимуществу расходы производительныя, дѣлаемые на удовлетвореніе нуждъ бѣднѣйшихъ классовъ населенія.

Затѣмъ заслуживаетъ вниманія и характеръ расходныхъ смѣтъ въ различныхъ земствахъ. Такъ, земства дворянскія особенно любятъ расходы на организацію медицинскон помощи, крестьянскія—на народное образованіе, хотя и въ первомъ отношеніи расходы ихъ не ниже среднихъ. Губерніи, напр., симбирская, владимірская, псковская расходуютъ на медицину до 28% всей смѣты. Въ отношеніи же народнаго образованія на первомъ мѣстѣ стоятъ губерніи вятская, казанская и пермская, между тѣмъ какъ дворянскія губерніи проявляютъ съ этой стороны чрезвычайную скупость; бессарабское, напр., земство и симбирское отпускаютъ на народное образованіе до 9% смѣты, тульское и тамбовское—11% ²⁾. Кромѣ того, дворянскія земства склонны хорошо вознаграждать своихъ выборныхъ должностныхъ лицъ. Такъ, судебно-мировыя учреждения обходятся земствамъ Бессарабіи чуть ли не въ 20%, орловской—16%, черниговской 15%, между тѣмъ какъ олонцевоѣ—9%, периской—8,7%, вятской—8,4. Содержаніе земской администраціи въ той же Бессарабіи отнимаетъ 17% бюджета, въ тульской—16%, въ пермской 9,9%; въ вятской—7,6%.

Затѣмъ, обращаетъ на себя вниманіе еще организація контроля за правильностью расходованія земскихъ суммъ земскими исполнительными органами, т.-е. управами. Прежде всего не всѣ управы хранятъ свои деньги въ казначействахъ; если это до сихъ поръ не привело къ крупнымъ растратамъ, то мелкія бывали не разъ. Самый контроль со стороны собраній выражается въ образованіи ими изъ своей среды ревизіонныхъ комиссій. Эти комиссіи образуются или только на

¹⁾ „Новое Время“ недавно увѣряло, что расходы на содержаніе земской администраціи поглощаютъ иногда до 1/4 земскихъ сборовъ.

²⁾ При этомъ заслуживаетъ вниманія, что, напр., земства Бессарабіи удѣляютъ на сельскія школы 19 т. р. и средн. учебн. заведенія—33 т. р.

время собраній, или же остаются постоянными контрольными органами. Второй способъ контроля, конечно, является болѣе дѣйствительнымъ и совершеннымъ. Но въ обоихъ случаяхъ члены ревизионныхъ комиссій, не обладая ни достаточнымъ количествомъ свободнаго времени, ни нужными бухгалтерскими познаніями, рѣдко могутъ производить провѣрку дѣйствій управы съ должною тщательностью. Но особенно этотъ контроль ослабѣваетъ, когда земское кормило попадаетъ въ руки большинства, преслѣдующаго цѣли личной наживы. Тогда большинство утверждаетъ всякіе самые неправильные и произвольные расходы своихъ исполнительныхъ органовъ, оставляя безъ послѣдствій протесты меньшинства ¹⁾. Иногда такимъ путемъ управамъ благополучно сходятъ съ рукъ даже злоупотребленія, имѣющія уголовный характеръ. Какъ ни рѣдки и ни временны подобныя случаи, въ практикѣ земскаго самоуправленія они все-таки бывали. Поэтому вообще желательно было бы установленіе такого контроля надъ правильностью расходовапія управами земскихъ суммъ, который являлся бы вполне независимымъ, подобно тому, какъ это существуетъ для прочихъ государственныхъ учреждений. Оглашая злоупотребленія и устанавливая ихъ несомнѣнность, независимый контроль препятствовалъ бы нынѣшнему замалчиванію ревизіями грѣховъ своихъ исполнительныхъ органовъ.

Постараемся теперь подвести итоги всему сказанному нами о состояніи земскихъ финансовъ. Денежныя средства земствъ съ каждымъ годомъ возрастаютъ, но они не находятся въ прямой зависимости съ размѣромъ доходовъ населенія. Населеніе промышленныхъ губерній, благодаря закону 20-го ноября 1866 г., жертвуетъ меньшей долей своихъ доходовъ на земскія нужды, чѣмъ губерній земледѣльческихъ. Затѣмъ точно также населеніе въ губерніяхъ съ преобладающимъ крестьянскимъ представительствомъ, облагаетъ себя большими земскими сборами, чѣмъ въ губерніяхъ съ преобладающимъ помѣщичьимъ представительствомъ. Главнымъ предметомъ земскаго обложенія являются земельныя имущества; доходы же отъ торговыхъ и промышленныхъ заведеній почти вполне изъяты отъ земскаго обложенія. Изъ земель высшій налогъ несутъ земли крестьянскія, чѣмъ помѣщичьи, отчасти благодаря преобладанію помѣщичьяго представительства, а отчасти благодаря болѣе точнымъ даннымъ о наличномъ количествѣ и качествѣ первыхъ. Слабую сто-

¹⁾ Нѣчто подобное случилось на послѣднемъ московскомъ экстр. губ. собраніи, когда обнаружилось, что дорожная комиссія не представила почти никакихъ оправдательныхъ документовъ на израсходованіе ея 400 т. р.

рону земскихъ финансовъ составляютъ недонмки, которыя накапливаются по преимуществу на наиболѣе имущихъ земскихъ плательщикахъ. Происходить это какъ по причинѣ той же односторонности въ земскомъ представительствѣ, такъ и вслѣдствіе лишенія земскихъ органовъ права на свою собственную организацію взиманія сборовъ. Въ началѣ своей дѣятельности земства принуждены дѣлать капитальные расходы, которые не могутъ быть покрыты текущими доходами—между тѣмъ возможность пользоваться долгосрочнымъ кредитомъ для нихъ отсутствуетъ. Что касается земскихъ расходовъ, то они возрастаютъ по преимуществу по необязательнымъ статьямъ; особенно возрастаютъ расходы земствъ на организацію медицинской помощи и народное образованіе. Расходы на народное образованіе особенно значительны у крестьянскихъ земствъ, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ и наименѣе тратятъ на содержаніе должностныхъ лицъ. Контроль земскихъ собраній за правильностью расходованія суммъ управами очень слабъ и часто неспособенъ къ раскрытію злоупотребленій.

Такимъ образомъ, нельзя не сознаться, что состояніе изслѣдованной нами отрасли земскаго хозяйства довольно далеко отъ блестящаго. Но, какъ мы видѣли, въ этомъ повинны не одни земства. Затѣмъ, обо всемъ нужно судить относительно. Особенно часто, напр., приходится слышать про обремененіе земскими платежами крестьянскихъ земель и о сравнительно льготномъ положеніи этого класса въ губерніяхъ не-земскихъ. Дѣйствительно, мы видимъ, что въ не-земскихъ губерніяхъ и крестьянскія, и помѣщичьи земли обложены почти въ одинаковомъ размѣрѣ по 7 к. съ десятины, въ то время какъ въ земскихъ губерніяхъ первыя обложены 17 к., а вторыя—12 к. Такъ, прежде всего въ не-земскихъ губерніяхъ цѣликомъ на крестьянахъ лежатъ повинности: дорожная, подводная и воинская. Отбывается она крестьянами натурою, и помѣщики тамъ вовсе отъ нихъ освобождены. Между тѣмъ въ земской статьѣ за 1885 г. расходъ по этимъ статьямъ равнялся 8-ми слишкомъ мил. р., или пятой части земскаго бюджета. Раздѣлите эти 8 мил. на 81 мил. дес. облагаемой въ земскихъ губерніяхъ крестьянской земли, и окажется, что только расходы по этимъ повинностямъ составили бы почти 10 к. за дес., еслибы онѣ отбывались исключительно крестьянами, какъ это мы видимъ въ губерніяхъ не-земскихъ. Исключивши же указанна 10 к., мы придемъ къ выводу, что крестьянская земля, и въ земскихъ, и въ не-земскихъ губерніяхъ, облагается по 7 к.

Затѣмъ нужно имѣть въ виду, что въ не-земскихъ губерніяхъ школы содержатся исключительно на счетъ мірскихъ сборовъ, между тѣмъ какъ въ земскихъ—на счетъ земскихъ сборовъ. Въ москов-

скомъ, напримѣръ, округъ на сельскія школы расходуется до 1.300 тыс. руб., изъ которыхъ крестьянами вносится только 25%, въ виленскомъ же округѣ изъ общей суммы 400 т. р. на крестьянъ падаетъ до 60%. Если мы возьмемъ кievскій округъ, въ которомъ есть губерніи земскія и не-земскія, то окажется, что крестьяне непосредственно участвуютъ въ расходахъ на школу: въ губерніяхъ черниговской—въ размѣрѣ 17%, въ полтавской—25% руб. зем., а въ кievской—почти 70%, подольской—55% и волынскій 50%¹⁾. То же слѣдуетъ сказать и о медицинской помощи, которая въ губерніяхъ не-земскихъ содержится, въ видѣ одного фельдшера на волость, исключительно на счетъ мірскихъ сборовъ²⁾. Естественно поэтому, что въ не-земскихъ губерніяхъ хотя обложение земель земскимъ сборомъ и ниже, но зато соотвѣтственно выше по размѣрамъ мірскіе сборы. Такъ, эти послѣдніе въ земской полтавской губерніи падаютъ на десятину—23 к., и на душу—64 к.; въ не-земской кievской—на десятину 59 к. и на душу—1 р. 37 к.³⁾ Въ результатъ окажется, что въ полтавской губерніи всѣхъ сборовъ на удовлетвореніе хозяйственныхъ нуждъ приходится на крестьянскую десятину—54 к., а для кievской—60 к., т.-е. въ послѣдней еще на 6 к. выше.

Но, затѣмъ, у крестьянина земскихъ губерній есть лучшая школа, есть несравненно шире поставленная медицинская помощь, которая въ не-земскихъ губерніяхъ отсутствовала до послѣдняго времени. Отсюда очевидно, что отъ введенія земскихъ учреждений крестьянинъ даже не проигралъ и въ томъ отношеніи, чтобы ему пришлось больше платить, чѣмъ платить крестьянинъ въ губерніяхъ, лишенныхъ этихъ учреждений; что яко бы привилегированное положеніе этихъ послѣднихъ губерній, какъ плательщика, только сказка, созданная воображеніемъ недруговъ земскаго самоуправления,—воображеніемъ, не обуздываемымъ, къ сожалѣнію, изученіемъ существующихъ фактовъ. На самомъ дѣлѣ оказывается, что, при всѣхъ неблагоприятныхъ условіяхъ и несовершенствахъ въ самой организаціи, земства являются все-таки несравненно лучшими хозяевами, чѣмъ администрація.—В. Б.

¹⁾ Стат. Временн., серія III, вып. I. 1884 г.

²⁾ Такая помощь, въ размѣрѣ двухъ врачей на уѣздъ, вводится въ губерніяхъ западнаго края только съ нынѣшняго года.

³⁾ „Мірскіе сборы“. Изд. центр. стат. комитета.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го августа 1888.

Русско-германское сближеніе. — Пребываніе германскаго императора въ Россіи. — Газетные толки и споры. — Отношеніе Германіи къ болгарскому вопросу. — Миротлюбивыя попытки и ихъ вѣроятныя цѣли. — Упадокъ „буланжизма“ во Франціи. — Роль президента Карно. — Семейно-политическій кризисъ въ Сербіи. — Положеніе дѣлъ въ Болгаріи.

Новый императоръ Германіи, какъ говорилось въ газетахъ, не ограничился заявленіемъ своего миролюбія въ тронныхъ рѣчахъ и манифестахъ, а тотчасъ же перешелъ отъ словъ къ дѣлу, съ рѣшительностью и энергіею молодости, и дѣйствительно, онъ посѣтилъ, одинъ за другимъ, русскій, шведскій и датскій дворы, и заключилъ посѣщеніемъ кн. Бисмарка въ его лѣтней резиденціи. Поѣздка Вильгельма II въ Россію, при ея обстановкѣ, служила какъ бы признакомъ какого-то поворота въ германской или общеевропейской политикѣ. Особенное вниманіе было обращено на то, что, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ натянутости и глухого взаимнаго неудовольствія, со стороны Германіи сдѣланъ былъ первый шагъ къ непосредственному сближенію обоихъ правительствъ, и этотъ важный шагъ сдѣланъ былъ монархомъ, который до своего воцаренія считался воплощеніемъ идеаловъ прусской военной партіи. Пятидневное пребываніе молодого императора въ Петергофѣ (отъ 7-го (19) до 12-го (24) іюля) привѣтствовалося большинствомъ газетъ какъ залогъ упроченія мира въ Европѣ: вмѣстѣ съ опасностью русско-германскаго „конфликта“ устранялась, какъ будто, перспектива франко-русскаго союза, которая наиболѣе безпокоила общественное мнѣніе Германіи. Присутствіе въ свитѣ Вильгельма II министра иностранныхъ дѣлъ графа Герберта Бисмарка и его секретарей какъ бы указывало на политическій характеръ происходившихъ совѣщаній. Но рѣшались ли какіе-нибудь опредѣленные политическіе вопросы или только подготавливалась почва для дружескаго улаженія существующихъ затрудненій—во всякомъ случаѣ, заинтересованные народы могли бы только выиграть отъ состоявшагося сближенія, если оно дѣйствительно состоялось.

Одно только обстоятельство смущало оптимистовъ—непонятное имъ поведеніе берлинской оффиціозной печати во время петергофскихъ празднествъ. Сравнительно скромныя сужденія русскихъ газетъ о вѣроятныхъ результатахъ поѣздки императора Вильгельма II вызы-

вали необычайно рѣзкій отпоръ со стороны собственныхъ органовъ князя Бисмарка. „Norddeutsche Allgemeine Zeitung“ говорила все это время объ „азиатскомъ высокомѣрїи и азиатскомъ невѣжествѣ“ нашихъ газетныхъ „патріотовъ“, о ихъ „безстыдномъ самохвальствѣ“, по поводу высказаннаго ими предположенія о томъ, что потребность взаимнаго сближенія чувствуется больше въ Берлинѣ, чѣмъ въ Петербургѣ. Безтактно было, разумѣется, приписывать „первый шагъ“ императора Вильгельма II болѣе настоятельной нуждѣ Германіи въ дружбѣ Россіи; но и нѣмецкія газеты были неправы, возражая въ непріязненномъ тонѣ противъ ошибочныхъ выводовъ русской печати и стараясь въ то же время низвести значеніе обсуждаемаго событія на степень простого акта международной вѣжливости. Еслибы путешествіе германскаго императора не имѣло особыхъ политическихъ мотивовъ, то первый визитъ сдѣланъ былъ бы, безъ сомнѣнія, ближайшему союзнику въ Вѣнѣ; родственныя же связи, на которыя ссылаются нѣмецкіе оффиціозы, давно уже утратили важность въ политикѣ; онѣ не мѣшали прежнему охлажденію между Берлиномъ и Петербургомъ и не мѣшаютъ также теперешней натянутости между дворами берлинскимъ и лондонскимъ. Говорятъ, что отзывы германскихъ оффиціозныхъ газетъ вызывались лишь желаніемъ успокоить общественное мнѣніе Австро-Венгріи; но для этой цѣли достаточно было категорически заявить, что ничего противнаго интересамъ союзниковъ Германія не предпринимала и не предприметъ, какъ это и было заявлено не разъ въ „Norddeutsche Allgemeine Zeitung“, въ „Post“ и въ другихъ вліятельныхъ нѣмецкихъ газетахъ. Нѣкоторые проникательные публицисты высказывали даже смѣлую догадку, что рѣшеніе отправиться въ Петербургъ принято было Вильгельмомъ II помимо совѣтовъ князя Бисмарка, и что этимъ будто бы объясняется недовольство печати, послушной внушеніямъ канцлера; но не стоитъ даже останавливаться на подобномъ предположеніи, которое кажется тѣмъ болѣе нелѣпнымъ, что старшій сынъ князя Бисмарка сопровождалъ императора съ своей дипломатической канцеляріею, чего не могло бы быть при несогласіи въ возрѣніяхъ на предпринятую поѣздку, и, наконецъ, поѣздка заключилась визитомъ кн. Бисмарку.

Въ дѣйствительности, дружескій шагъ Германіи могъ имѣть двойную цѣль: во-первыхъ, показать всему міру, что германская политика ставитъ мирные интересы своей имперіи и всей Европы выше соображеній мелочнаго національнаго самолюбія, и, во-вторыхъ, сдѣлать серьезную попытку завоевать личное расположеніе къ Германіи въ средѣ высшихъ правительственныхъ сферъ Россіи, въ видахъ избѣжанія ненужныхъ пререканій и международныхъ кризисовъ. Реальныя уступки берлинскаго кабинета, о которыхъ упоминали наши

газеты, не могли имѣть мѣста уже потому, что главная забота русской дипломатіи—болгарскій вопросъ—находится внѣ предѣловъ непосредственнаго воздѣйствія Германіи, и что до сихъ поръ всякое положительное предложеніе нашего правительства по этому предмету встрѣчало безусловную поддержку въ Берлинѣ. Въ чемъ же могла бы выразиться уступчивость князя Бисмарка, если официальные наши требованія всегда удовлетворялись Германією, и если даже теперь мы не домогаемся ничего такого, что противорѣчило бы нѣмецкимъ официальнымъ воззрѣніямъ? Имперскій канцлеръ можетъ, правда, употребить свое вліяніе, чтобы побудить Австро-Венгрію присоединиться къ дипломатическимъ мѣрамъ, предлагаемымъ Россією относительно Болгаріи; но это давленіе на австрійскую политику уже пускалось въ ходъ и раньше безъ особеннаго успѣха, такъ какъ оно не могло идти далѣе извѣстной черты, опредѣляемой существованіемъ австро-германскаго союза и специальными интересами монархіи Габсбурговъ на Балканскомъ полуостровѣ. Нельзя же рассчитывать на то, что Германія обнаружитъ невниманіе къ этимъ австрійскимъ интересамъ и разоидетъ изъ-за нихъ съ своимъ вѣрнѣйшимъ союзникомъ, въ угоду нашимъ „патріотамъ“. Притомъ мы сами не выработали еще опредѣленной программы дѣйствій въ болгарскомъ вопросѣ и ограничивались лишь теоретическими заявленіями, которыя остались бы безъ практическаго результата даже въ томъ случаѣ, еслибы всѣ великія державы были вполне согласны съ нами. Нѣсколько разъ дипломатія торжественно заявляла, что положеніе дѣлъ въ Болгаріи противорѣчитъ буквальному смыслу берлинскаго трактата, и въ сущности никто этого не отрицаетъ; вся задача въ томъ, возможно ли возстановить порядокъ, предшествовавшій филиппопольскому перевороту, и какъ этого достигнуть безъ европейской войны. Такъ какъ употребленіе силы отвергалось нашей дипломатією, а словесные или письменные протесты не приводили ни къ чему, то остается лишь попрежнему слѣдовать политикѣ пассивнаго выжиданія, для которой помощь Германіи намъ совершенно не нужна. Наши патріоты должны бы первые радоваться неудачѣ попытокъ возстановленія дипломатическаго status quo въ Болгаріи, ибо въ какое положеніе были бы они поставлены, еслибы имъ пришлось добиться возвращенія Восточной Румелии подъ власть Турціи, согласно берлинскому трактату? Необходимо было отказаться отъ формальной точки зрѣнія, противорѣчащей нашимъ интересамъ и традиціямъ на Востокѣ, и этотъ отказъ, повидимому, совершился самъ собою: теперь нѣтъ уже и рѣчи объ обратномъ расторженіи Болгаріи на двѣ половины, и дѣло идетъ только объ устраненіи принца Кобургскаго посредствомъ совокупнаго дипломатическаго воздѣйствія европейскихъ кабинетовъ. Германія

будто бы обѣщала свое участіе въ этой новой дипломатической кампаніи, но и она не обѣщаетъ быть болѣе блестящею, чѣмъ предшествовавшія предпріятія подобнаго рода. Положеніе принца Фердинанда, полагають, непрочно въ Болгаріи; если онъ не удержится на занятомъ имъ княжескомъ престолѣ, то скорѣе вслѣдствіе внутренняго кризиса и разлада въ самой странѣ, а не подъ вліяніемъ заявленій дипломатіи. Да и соотвѣтствуетъ ли достоинству великихъ державъ—составлять коалицію противъ одного принца, котораго выбрали себѣ болгары? Не лучше ли предоставить самимъ болгарамъ распорядиться своею судьбою? Какъ бы то ни было, въ области болгарскаго вопроса Германія ничего существеннаго намъ предложить не можетъ. Еще менѣе можно ожидать какой-либо перемѣны въ финансовой и экономической политикѣ Берлина: въ этой сферѣ каждое государство руководствуется своими собственными интересами, безъ вниманія къ дружбѣ или неудовольствію сосѣдей, какъ это видно и изъ нашихъ мѣръ относительно нѣмцевъ царства польскаго. Простое сближеніе между двумя могущественными имперіями есть фактъ настолько значительный, что нѣтъ вообще надобности связывать его съ какимъ-нибудь специальнымъ дѣломъ, озабочивающимъ дипломатовъ въ данное время. Понятна поэтому та сдержанность, съ какою оцѣниваются непосредственныя практическія послѣдствія петергофскаго свиданія въ оффиціозной печати, и между прочимъ въ нашемъ „Journal de St.-Petersbourg“.

Въ Германіи господствуетъ убѣжденіе, что добрымъ отношеніямъ ея съ Россією мѣшаетъ „панславистская“ партія, имѣющая будто бы большой вѣсъ въ дѣлахъ нашей внѣшней политики; отсюда неустанная, горячая полемика нѣмецкихъ оффиціозовъ съ предполагаемыми органами этой мнимой партіи. Въ настоящее время берлинскіе публицисты отдають справедливость миролюбію „панславистскихъ“ газетъ, объясняя этотъ поворотъ, по обыкновенію, авторитетными внушеніями свыше; между тѣмъ полемика не затихла, а, напротивъ, приняла болѣе желчный и рѣшительный оттѣнокъ, со стороны нѣмецкой печати. Слова объ „азіатствѣ“ и „безстыдствѣ“ встрѣчались не часто въ „Norddeutsche Allgemeine Zeitung“ даже въ самомъ разгарѣ русско-германскихъ газетныхъ пререканій. Нѣмецкіе оффиціозы хотять какъ будто показать, что дружба съ Россією не могла бы существовать на почвѣ тѣхъ притязаній, которыя предъявляются нашими такъ-называемыми панславистами, и что склонность къ взаимному сближенію можетъ остаться безплодною, если она не раздѣляется и русскимъ обществомъ, представляемымъ нѣкоторыми газетами.

Дальнѣйшая поѣздка императора Вильгельма II въ Стокгольмъ и

Копенгагенъ не лишена была также общаго политическаго интереса. Германія, какъ будто, попыталась загладить прошлое относительно Даніи, и серьезный шагъ въ этомъ направленіи могъ быть сдѣланъ только монархомъ, не принимавшимъ личнаго участія въ прусскихъ побѣдахъ 1864 года. При всей скромности политическаго значенія Даніи, это небольшое государство могло бы причинить много заботъ и непріятностей германскому правительству, при наступленіи новой франко-нѣмецкой войны, особенно еслибы первыя военныя дѣйствія были неудачны для нѣмцевъ; поэтому желаніе примириться съ датскимъ народомъ было дѣломъ разумной, предусмотрительной политики, и въ то же время оно было любезностью по отношенію къ русской императорской фамиліи, связанной близкимъ родствомъ съ королевскимъ домомъ Даніи. Очевидно, ни одна мелочь не упускается изъ виду для достиженія наиболѣе выгодной группировки державъ на случай столкновенія съ Франціею, и остается только надѣяться, что эти миролюбивыя усилія на востокѣ и на сѣверѣ не разрѣшатся взрывомъ воинственности противъ западной сосѣдки, не имѣющей ни союзниковъ, ни надежныхъ друзей въ Европѣ. Истинный характеръ новаго царствованія будетъ зависеть отъ того, какое положеніе займетъ правительство императора Вильгельма II относительно французской республики.

Внутренняя жизнь Германіи характеризуется теперь соперничествомъ торжествующихъ консервативныхъ партій: національ-либералы отказались отъ соглашенія съ консерваторами и рѣшились дѣйствовать самостоятельно на выборахъ; консерваторы въ тѣсномъ смыслѣ вздумали отдѣлиться отъ бисмаркистовъ, опираясь на солидарность своихъ мнѣній съ тенденціями и симпатіями двора, и органы князя Бисмарка нападаютъ на отступниковъ, помышляющихъ будто бы сблизиться съ католическою партіею центра. Такъ-называемые свободомыслящіе, или собственно либералы—въ полномъ загонѣ; имъ ставить въ вину сочувствіе къ англійской „камарильѣ“, окружавшей Фридриха III, и одобреніе тогдашней закулисной борьбы съ имперскимъ канцлеромъ. Противники князя Бисмарка добились тогда отставки Путцкаммера; но на его мѣсто назначенъ теперь товарищъ и ближайшій помощникъ бывшаго министра, Герфуртъ, такъ что либералы ничего не выиграли отъ происшедшей перемѣны.

Республиканское правительство Франціи, долго уступавшее первую роль генералу Буланже, заняло вновь подобающее мѣсто въ странѣ и одержало, въ короткое время, цѣлый рядъ успѣховъ, которые, по видимому, упрочили положеніе министерства Флоке. Засѣданіе палаты

депутатовъ, происходившее 12-го іюля (н. ст.), было однимъ изъ самыхъ бурныхъ, какія запомнятъ дѣятели французскаго парламента. Въ этотъ день генераль Буланже неожиданно произнесъ или, вѣрнѣе, прочиталъ обвинительную рѣчь противъ депутатовъ и въ заключеніе предложилъ просить президента республики о принятіи мѣръ къ распущенію нынѣшней палаты. Само собою разумѣется, что большинство прерывало рѣчь постоянными возгласами и протестами, которые, однако, мало смущали оратора. Президентъ совѣта министровъ, Флокé, отвѣчалъ генералу въ высшей степени ѣдко и подъ вліяніемъ общаго возбужденія перешелъ на почву чисто личную. Онъ выразилъ удивленіе, что обличителемъ бездѣйствія палаты является депутатъ, почти не бывающій вовсе на ея засѣданіяхъ; онъ напомнилъ далѣе, что республиканцы не имѣютъ въ своихъ рядахъ чловѣка, посѣщавшаго передніа у принцевъ, что онъ всегда былъ чуждъ имъ, и что нынѣшняя слава его поддерживается нѣмцами, доставляющими массы его фотографическихъ карточекъ изъ Германіи. По мнѣнію Флокé, сущность великой революціи, годовщину которой собирались праздновать французы, заключается, прежде всего, въ признаніи первенства гражданской выборной власти передъ военною, чего, очевидно, не понимаетъ Буланже. Оратору едва удалось договорить до конца; буланжисты и члены правой стороны шумѣли и возражали, республиканцы аплодировали съ увлеченіемъ. Буланже произнесъ какія-то слова, которыхъ нельзя было слышать; а когда президентъ предоставилъ ему слово, то оказалось, что онъ хотѣлъ лишь обвинить министра въ „безстыдной лжи“. Тотчасъ послѣ засѣданія Флокé послалъ къ Буланже секундантовъ, и на слѣдующій день утромъ произошла дуэль на шпагахъ между главою французскаго министерства и бывшимъ военнымъ министромъ. Къ общему удивленію публики и въ великому смущенію буланжистовъ, „штатскій“ побѣдилъ военнаго, представитель гражданской власти одолѣлъ генерала, и герой, отъ котораго ждали разгрома нѣмцевъ, не выдержалъ натиска шестидесятилѣтняго адвоката-министра. Буланже получилъ серьезную рану въ шею, но рана не была опасна; несравненно опаснѣе былъ для него тотъ нравственный ударъ, который нанесенъ былъ шпагою Флокé и который какъ бы закрѣпилъ собою пренебрежительныя слова его въ палатѣ. Дуэль 13-го іюля подорвала силу легенды, представлявшей генерала Буланже какимъ-то исключительнымъ героемъ, призваннымъ совершить великіе подвиги. Въ глазахъ впечатлительныхъ и увлекающихся народныхъ массъ должно неизбѣжно пострадать обаяніе героя, побѣжденнаго безъ особенныхъ усилій первымъ попавшимся противникомъ. Невольно возникаетъ въ умахъ предположеніе, что чловѣкъ, не сѣумѣвшій до-

стигнуть успѣха въ единоборствѣ съ простымъ адвокатомъ, можетъ потерпѣть неудачу и въ болѣе грандіозномъ военномъ дѣлѣ — въ борьбѣ съ германскою арміею. Общественное довѣріе и сочувствіе переносится отъ Буланже на смѣлаго и находчиваго министра, который столь же хорошо владѣетъ шпагою, какъ и словомъ. Извѣстно, что до сихъ поръ самымъ позорнымъ поступкомъ Жюль Ферри считалось уклоненіе его отъ дуэли съ Буланже, котораго онъ называлъ „кафе-шантаннымъ Сентъ-Арно“; тогда генералъ, считая бой на шпагахъ слишкомъ неравнымъ въ виду своего несомнѣннаго превосходства надъ не-военнымъ противникомъ, предлагалъ поединокъ на пистолетахъ, но поставленныя имъ условія борьбы не были приняты Ферри. „Intransigeant“ и другія популярныя газеты вспоминали эту исторію при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, уличая ненавистнаго имъ дѣятеля въ постыдной трусости, въ „нежеланіи дать убитъ себя генералу“, и т. п. Теперь мнимое превосходство Буланже въ искусствѣ владѣть оружіемъ улетучилось сразу, и самъ Рошфоръ отдастъ справедливость энергіи и ловкости Флокэ. Для посторонняго наблюдателя можетъ показаться страннымъ, что глава правительства великой державы и бывший военный министръ рѣшаются колоть другъ друга шпагами, и притомъ въ присутствіи не только обычныхъ свидѣтелей, но и самого начальника полиціи, хотя поединки запрещены и преслѣдуются закономъ. Но такова сила общаго, крѣпко установившагося обычая, что никто во Франціи не можетъ уклониться отъ дуэли, признанной необходимою въ данномъ случаѣ, и что сами правители и министры подаютъ примѣръ другимъ въ этомъ отношеніи. Флокэ не могъ не вызвать оскорбившаго его генерала; онъ долженъ былъ сдѣлать вызовъ и ради личнаго своего достоинства, и ради авторитета власти, которую онъ представляетъ, наконецъ уже ради того, чтобы не подвергнуться упрекамъ и насмѣшкамъ, выпавшимъ на долю Ферри. Дуэли министровъ съ дѣятелями оппозиціи случались не въ одной Франціи; между прочимъ, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, прусскій министръ-президентъ графъ Бисмаркъ вызывалъ профессора Вирхова, и дуэль не состоялась вслѣдствіе вмѣшательства студентовъ, не допустившихъ знаменитаго ученаго до единоборства.

Въ самый день дуэли между Флокэ и Буланже послѣдовало торжественное открытіе памятника Гамбетты, воздвигнутаго на Карусельской площади, между зданіями Лувра и бывшимъ тюльерійскимъ дворцомъ, и побѣдитель Флокэ говорилъ рѣчь, какъ ни въ чемъ не бывало; ему была сдѣлана шумная овація, какой давно уже не удостоивался ни одинъ изъ министровъ. Французы привѣтствовали шпагу, а не краснорѣчіе или остроуміе Флокэ; буланжисты должны

были молчать. Раненый генераль Буланже не былъ уже депутатомъ; онъ сложилъ съ себя полномочія въ концѣ засѣданія 12-го іюля, ссылаясь на то, что палата стѣсняетъ свободу слова. Буланже имѣлъ въ виду продолжать народную агитацію около своего имени, выступая поочередно кандидатомъ въ разныхъ мѣстностяхъ страны; онъ, правда, въ свое время обѣщаль избирателямъ сѣвернаго департамента служить имъ вѣрнымъ представителемъ въ палатѣ, но такіа обѣщанія даются только для того, чтобы ихъ не исполнять. Буланже послѣдшилъ выставить свою кандидатуру въ Ардешъ, гдѣ предстояли выборы 22-го іюня (н. ст.) для замѣщенія открывшейся вакансіи, — причемъ не дождался даже исхода дуэли: настолько онъ былъ убѣжденъ въ побѣдѣ надъ Фловэ. Между тѣмъ шпана измѣнилась, популярность поблекла, и генераль получилъ на половину меньше голосовъ, чѣмъ соперникъ его, оппортунистъ Боссье. Въ воззваніи къ избирателямъ онъ предлагалъ народу быть судьей между нимъ и палатою, и народъ рѣшительно высказался противъ него. Въ то же время въ департаментѣ Роны избранъ былъ оппортунистъ, а въ Дордони — бонапартистъ; за Буланже подано было ничтожное количество голосовъ. Умѣренная республиканская печать признала его окончателно похороненнымъ и дала полную волю своему торжеству; оппортунистскія газеты отдѣляли его безопасно, и даже солидная „République Française“ увлеклась до того, что выразила свое ликование въ грубой, площадной брани. Французская оппортунистская пресса никогда не отличалась тактомъ и самообладаніемъ; она содѣйствовала во многомъ успѣху Буланже своими безконечными разсужденіями о его диктатурѣ и его личности, своими ежедневными комментаріями по поводу каждаго его слова и шага, своими смѣшными припадками отчаянія и трусости въ виду ожидаемаго будто бы водворенія буланжистской имперіи. Теперешнія выходки оппортунистовъ могутъ только оживить симпатіи къ человѣку, который покажется раненымъ львомъ передъ толпою разсвирѣбѣвшихъ его враговъ. Оппортунисты ликуютъ еще въ другомъ отношеніи: они начинаютъ завоевывать утраченныя позиціи въ парламентѣ и въ странѣ; палата выбрала бюджетную комиссію изъ лицъ, принадлежащихъ въ большинствѣ къ партіи Ферри и Рибо, и предсѣдателемъ назначенъ бывший министр-президентъ Рувье; послѣдніе выборы въ нѣкоторыхъ департаментахъ указываютъ какъ будто на поворотъ общественнаго мнѣнія въ пользу оппортунистовъ, и послѣдніе надѣются, что имъ удастся вновь достигнуть власти, подѣ влияніемъ реакціи противъ недавняго буланжистскаго возбужденія. Они стараются утилизировать въ этомъ смыслѣ личный авторитетъ и популярность

президента Карно, который въ послѣднее время заставляетъ много говорить о себѣ въ французской печати.

Карно совершенно иначе понимаетъ почетную роль главы государства, чѣмъ его предшественникъ Гриви; онъ добросовѣстно тратитъ свое жалованье на блескъ представительства, на щедрую оффиціальную благотворительность, на частныя провинціальныя поѣздки, на роскошныя балы и обѣды въ Елисейскомъ дворцѣ. Онъ внесъ свѣтскую жизнь въ скучную прежде резиденцію французскихъ номинальныхъ правителей, и въ этомъ отношеніи его пріятныя функціи значительно облегчаются искусствомъ и умомъ г-жи Карно. Онъ сталъ президентомъ говорящимъ и дѣйствующимъ, тогда какъ Гриви былъ безмолвною, завуалирою фигурою, выступавшею на сцену лишь въ рѣдкихъ случаяхъ. Карно устраиваетъ великолѣпныя охоты, принимаетъ приглашенія въ разные города Франціи, участвуетъ въ празднествахъ и банкетахъ, произноситъ симпатичныя рѣчи и приобретаетъ мало-по-малу популярность въ народѣ. Въ день обычнаго національнаго праздника, 14-го іюля (въ память взятія Бастиліи), состоялся въ Парижѣ, на Марсовомъ полѣ, около построекъ всемірной выставки, грандіозный банкетъ, на который приглашены были мэры всѣхъ французскихъ городовъ и мѣстечекъ, въ количествѣ болѣе двухъ тысячъ человекъ. Президентъ Карно обратился къ собранію съ привѣтственною рѣчью отъ имени республики; онъ указалъ на великія преимущества демократическаго строя, на господство труда и законности, которое мэры найдутъ въ Парижѣ, и слова его были нѣсколько разъ прерываемы восторженными рукоплесканіями. Французы начинаютъ видѣть предъ собою живого правителя, а не безгласную величественную мумію. Чтобы дополнить иллюзію, Карно перенесъ свою резиденцію на дѣтніе мѣсяцы въ замокъ Фонтэнблѣ, съ которымъ связано столько разнообразныхъ историческихъ воспоминаній и традицій. Французы довольны президентомъ, который хорошо исполняетъ свои обязанности; но стремленіе оппортунистовъ извлечь пользу изъ этого обстоятельства основано на явной ошибкѣ, даже если предположить, что, по личнымъ своимъ взглядамъ и убѣжденіямъ, Карно дѣйствительно солидаренъ съ партіею умѣренныхъ республиканцевъ. Президентъ республики не можетъ принадлежать къ тому или другому лагерю; онъ съ одинаковымъ безпристрастіемъ относится ко всѣмъ политическимъ группамъ большинства, стараясь быть вѣрнымъ исполнителемъ конституціи. Онъ лично едва ли сочувствовалъ радикаламъ, и однако онъ образовалъ радикальное министерство Флокэ, когда того потребовало настроеніе палаты и общественнаго мнѣнія; онъ съ такимъ же спокойствіемъ призываетъ Клемансо, когда наступитъ очередь для послѣдняго, и роль президента

останется еще довольно сильною, если она будетъ заключаться въ умиротворяющемъ посредничествѣ между партіями и въ соблюденіи необходимой послѣдовательности и спокойствія при рѣшеніи текущихъ государственныхъ вопросовъ. Даровитый и авторитетный президентъ,—какимъ былъ бы, напримѣръ, покойный Гамбетта,—могъ бы надолго упрочить и возвысить республику; Карно также можетъ значительно содѣйствовать примиренію съ республикою консервативныхъ элементовъ, занимающихъ еще очень много мѣста въ среднихъ и высшихъ слояхъ французскаго общества.

Крайне печальный кризисъ разыгрался въ Сербіи, гдѣ политика давно уже перепуталась съ интимными семейными недоразумѣніями въ средѣ королевской фамиліи. Преслѣдуя своихъ политическихъ противниковъ, король Миланъ причислилъ къ нимъ и свою супругу, королеву Наталію, которая будто бы поддерживала сношенія съ оппозиціею и противодействовала, по возможности, австрофильскому направленію министровъ. Какъ русская по происхожденію, по родственнымъ связямъ и симпатіямъ, королева считалась высшей представительницею и защитницею русскаго вліянія въ Сербіи, тогда какъ австрійскія тенденціи короля были всѣмъ извѣстны. Развился ли политическій антагонизмъ изъ семейнаго или наоборотъ—сказать трудно; но обѣ стороны сохраняли внѣшній декорумъ официальнаго общенія, пока внутренній разладъ не сдѣлался уже непоправимымъ. Король Миланъ, подозрительный отъ природы, опасался закулиснаго вмѣшательства королевы въ политическія дѣла страны; онъ боялся какого-нибудь смѣлаго шага, который привелъ бы къ устраненію его отъ престола и къ переходу власти въ руки его супруги. Мысль объ учрежденіи регентства казалась многимъ вполне естественною и неизбѣжною, еще послѣ неожиданнаго разгрома сербскихъ войскъ болгарами, въ началѣ 1886 года: нелѣпное и преступное нападеніе на Болгарію было дѣломъ самого Милана, и постыдная неудача падала всецѣло на его личную отвѣтственность; поэтому никого не удивило тогда предположеніе короля отречься отъ престола въ пользу сына; не удивилась этому и не возражала, какъ говорить, и королева Наталія. Миланъ не исполнилъ своего намѣренія, ибо его подданные проявили гораздо больше терпѣнія и спокойствія, чѣмъ онъ ожидалъ; но съ тѣхъ поръ онъ сталъ жертвою постоянныхъ опасеній и подозрѣній, для которыхъ легко было всегда найти подходящую пищу. Король Миланъ предоставилъ королеву воспитывать сына за границею, въ Германіи, съ запрещеніемъ обратнаго пріѣзда въ Бѣлградъ безъ его согласія; онъ предлагалъ

заключить въ этомъ смыслѣ формальную сдѣлку, которая имѣла бы силу до 1893 года. Королева, соглашаясь жить въ Висбаденѣ для воспитанія сына, отказалась подписать предложенный ей письменный актъ, какъ несомвѣстный съ правами и обязанностями, вытекающими изъ законнаго брака. Король Миланъ полагалъ, что королева Наталія думаетъ возвратиться въ Сербію и что, имѣя въ своихъ рукахъ наслѣднаго принца, она можетъ произвести переворотъ, опираясь на своихъ приверженцевъ и на упадокъ популярности короля. Подъ вліяніемъ этихъ, вѣроятно фантастическихъ, страховъ, Миланъ рѣшился прибѣгнуть къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Онъ считалъ нужнымъ отобрать сына къ себѣ и въ то же время потребовать формальнаго развода. Королева протестовала; она не находила законныхъ поводовъ къ разводу и обратилась къ сербскимъ министрамъ и духовенству; ей отвѣчали ссылкой на волю короля. Уполномоченныя лица ѣздили изъ Бѣлграда въ Висбаденъ и обратно, для переговоровъ, которые не приводили ни къ чему. Наконецъ, Миланъ обратился официально къ прусскому правительству съ просьбою истребовать отъ королевы Наталіи его сына и передать его уполномоченному для этой цѣли генералу Протичу, сербскому военному министру. Безполезные протесты и колебанія королевы приняты были нѣмецкою полиціею за сопротивленіе, а предполагаемые сборы къ секретному отъѣзду побудили усилить полицейскій надзоръ. Королевъ назначенъ былъ часъ для отдачи сына, и въ то же время ей объявлено было что она должна выѣхать изъ предѣловъ Германіи черезъ десять часовъ послѣ отъѣзда наслѣднаго принца. Объ этихъ распоряженіяхъ возвѣстила заранѣе „Norddeutsche Allgemeine Zeitung“. Малѣйшая тѣнь противодѣйствія властямъ со стороны иностранца считается въ Пруссіи, какъ и вездѣ, достаточнымъ основаніемъ къ немедленной высылкѣ. Сербскій наслѣдникъ былъ выданъ матерью 13-го іюля, и неприятое порученіе короля Милана было исполнено нѣмецкою полиціею. Полиція сдѣлала больше, чѣмъ просилъ король, — она удалила и королеву изъ Висбадена. Это изгнаніе королевы послѣ драматической сцены отобранія у нея сына могло бы смягчить сердце короля; но онъ, руководимый, какъ говорятъ, важными политическими причинами, продолжалъ усиленно хлопотать о разводѣ и началъ формальный бракоразводный процессъ въ бѣлградской духовной консисторіи. Такъ представляется дѣло по имѣющимся заграничнымъ свѣденіямъ.

Кто болѣе виноватъ въ этойъ грустной исторіи, получившей значеніе обще-европейскаго скандала, объ этомъ судить трудно. Насколько основательно обвиненіе королевы въ стремленіи играть самостоятельную политическую роль — неизвѣстно; но общее сочувствіе

несомнѣнно находится на сторонѣ королевы Наталіи, какъ женщины и матери. Даже австрійскія газеты, не имѣющія повода быть довольными сербскою королевою, не скрываютъ своего мнѣнія о черезъ-чуръ поспѣшныхъ и энергическихъ дѣйствіяхъ короля Милана. Особенными симпатіями къ королевѣ проникнуты статьи „Neue Freie Presse“. Нечего и говорить о впечатлѣніи, произведенномъ этою исторіею на придворные кружки австрійской столицы, гдѣ Миланъ принимался на правахъ союзнаго „монарха“, со всѣми подобающими его сану почестями. Въ этихъ аристократическихъ сферахъ не принято рѣшать семейныя дѣла публично и превращать супружескія соглашенія въ формальные акты или въ шумные процессы; тѣмъ болѣе должно было поражать Вѣну обращеніе къ иностранному правительству для полицейскихъ мѣръ противъ королевы, которую этотъ шагъ Милана оскорблялъ вдвойнѣ: какъ супругу и какъ мать. Австрійскія газеты замѣчали, что такія дѣйствія могутъ только повредить авторитету сербской монархіи внутри страны и внѣ ея; при этомъ невольно припоминалось, что Миланъ Обреновичъ есть все-таки только внукъ крестьянина Милана. Что касается русской печати, то въ ней высказывалось почему-то наибольшее негодованіе противъ нѣмецкихъ властей, поступившихъ столь круто съ королевою Наталіею. Но справедливо ли негодовать на простыхъ исполнителей чужой воли, когда эта воля опирается на ясный и безспорный законъ? Король Миланъ имѣлъ несомнѣнное право требовать выдачи ему сына, въ силу признаваемыхъ не въ одной Сербіи преимуществъ отцовской власти передъ материнскою. Отказывать ему въ исполненіи этого законнаго требованія не было никакого основанія, а остальное вытекало уже само собою изъ неловкой и щекотливой задачи, возложенной на нѣмецкихъ полицейскихъ агентовъ. Приписывать берлинскому кабинету какое-то особое политическое участіе въ этомъ дѣлѣ—значитъ просто выдумывать небывлицы.

Семейно-политическій кризисъ, такъ некрасиво разрѣшенный королемъ Миланомъ, находится въ тѣсной связи съ неопредѣленнымъ внутреннимъ состояніемъ Сербіи, съ частыми шатаніями политики и съ труднымъ положеніемъ королевской власти со времени злосчастной болгарской войны. Лавируя между различными партіями, не довѣряя самому видному изъ сербскихъ государственныхъ дѣятелей, Ристичу, опасаясь заговоровъ и возмущеній, король мѣняетъ свои министерства безъ видимой причины, приближаетъ къ себѣ то Гарашанина, то Савву Груича, то Николу Христича, не давая ни одному изъ нихъ осуществить какую-либо опредѣленную политическую программу. Къ Николѣ Христичу, какъ человѣку энергическому, онъ обращается всякій разъ, когда ему кажется необходимымъ водвореніе

„крѣпкой власти“; но и Христичъ не вполне удовлетворилъ его, такъ какъ не согласился на отгѣну или передѣлку конституціи, весьма мало стѣснительной для правительства въ Сербіи. Непокойный, переѣнчивый характеръ Милана, недостатокъ уваженія къ правамъ народа и невниманіе къ интересамъ страны—могутъ дѣйствительно вызвать движеніе въ пользу регентства королевы Наталіи. Опасность для короля Милана можетъ возникнуть именно тогда, когда онъ сочтетъ ее уже устраненною. Собственныя ошибки и слабости его скорѣе приведутъ къ критической развязкѣ, чѣмъ предполагаемыя возни и интриги оппозиціи.

Шатко и неопредѣленно попрежнему внутреннее состояніе Болгаріи. Министръ-президентъ Стамбуловъ не ладилъ одновременно и съ принцемъ Кобургскимъ, и съ консервативными членами кабинета; глухой правительственный кризисъ продолжается уже давно, и существующее положеніе дѣлъ поддерживается только благодаря сознаваемой всѣми необходимости избѣгнуть отставки министерства при настоящихъ обстоятельствахъ. Партіи, враждебныя нынѣшнимъ министрамъ—многочисленные сторонники Цанкова, Каравелова, Радо-славава и другихъ—ждутъ только установленія болѣе спокойныхъ и нормальныхъ условий въ Болгаріи, чтобы принять дѣятельное участіе въ общественныхъ дѣлахъ. Пока судьба княжества не рѣшена еще европейскою дипломатіею ни въ ту, ни въ другую сторону, до тѣхъ поръ временной режимъ Стамбулова останется въ силѣ, и ни одна изъ партій не рискнетъ взять на себя отвѣтственность управленія. Неизвѣстность, въ какой находится принцъ Фердинандъ относительно собственной своей участи въ ближайшемъ будущемъ, не позволяетъ ему дѣйствовать самостоятельно и заставляетъ его твердо держаться министерства, призвавшаго его на престолъ. Такимъ образомъ, для Стамбулова создано положеніе, напоминающее диктатуру; ему невольно подчиняются и несогласные съ нимъ консервативные министры, и опасавшійся его принцъ Кобургскій. Нельзя отказать болгарскому министру-президенту въ энергіи и ловкости; но нерѣдко слишкомъ энергическія распоряженія его порождаютъ большія неудобства. Недавно онъ приказалъ занять военною силою участки желѣзной дороги, принадлежащій турецкому правительству и эксплуатируемый французскою компаніею, въ предѣлахъ Восточной Румеліи, на разстояніи 47 километровъ; на мѣсто прежняго персонала назначены служащіе изъ болгаръ, и дорога фактически взята въ завѣдываніе правительства. Достигнувъ такого „совершившагося факта“, Стамбуловъ ссылается на законъ, по которому желѣзныя дороги княжества должны находиться въ исключительномъ управленіи казны; онъ утверждаетъ также, что принятая имъ мѣра вызывается инте-

ресами безопасности, и что имущественныя права Турціи и частныхъ лицъ не затрогиваются сдѣланнымъ захватомъ. Смѣлый *coup de main* 14-го іюля является тѣмъ болѣе непонятнымъ, что онъ былъ рѣшенъ кабинетомъ безъ вѣдома и согласія двухъ консервативныхъ министровъ, Начевича и Стоилова, которые потомъ протестовали и хотѣли выйти въ отставку; только съ трудомъ устроено было примиреніе. Для Болгаріи менѣе чѣмъ когда-либо желательно теперь раздражать Турцію и давать ей поводъ къ дипломатическому вмѣшательству, а между тѣмъ произвольная мѣра Стамбулова вынуждаетъ порту дѣйствовать для охраны ея интересовъ, и второстепенный, повидимому, фактъ можетъ имѣть весьма невыгодныя послѣдствія для княжества. Эти странные скачки отъ крайней осторожности къ рискованнымъ рѣшеніямъ характеризуютъ отчасти безпокойное политическое состояніе Болгаріи, находящееся подъ Дамокловымъ мечомъ европейскаго вмѣшательства.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го августа, 1888.

— *Воспоминаніе* о поѣздѣ въ Константинополь, Каиръ и Іерусалимъ въ 1887 году.
А. Коптева. Издано въ пользу православнаго палестинскаго общества. Спб.
1888.

Авторъ замѣчаетъ въ предисловіи, что, предпринимая свою поѣзду ко святымъ мѣстамъ Палестины, онъ не имѣлъ въ виду печатать впоследствии свои воспоминанія о путешествіи; но въ дорогѣ онъ велъ дневникъ и по возвращеніи рѣшился издать его, въ предположеніи, что, быть можетъ, его книга послужитъ нѣкотораго рода путеводителемъ для отправляющихся въ святую землю; онъ предупреждаетъ притомъ, что онъ не писатель, и желаетъ снисхожденія къ своему описанію.

Путешествіе г. Коптева было очень непродолжительно: въ полтора мѣсяца, съ 28-го марта по 13-е мая, онъ, отплывши изъ Одессы, посѣтилъ Константинополь, Александрію, Каиръ, гдѣ успѣлъ осмотрѣть главныя достопримѣчательности; затѣмъ изъ Каира черезъ Измаилію и Портъ-Саидъ на Суэзскомъ каналѣ отправился въ Яффу, осмотрѣлъ довольно подробно свята мѣста въ Іерусалимѣ и окрестности, и, наконецъ, черезъ Яффу сдѣлалъ обратный путь съ остановками въ Бейрутѣ, Александреттѣ, Смирнѣ и еще разъ въ Константинополѣ. Въ описаніяхъ г. Коптева найдется немного новаго: его справочныя средства были весьма немногочисленны — два-три русскихъ путеводителя, какъ, напримѣръ, „Путеводитель по Константинополю“ архимандрита Антонія, другой путеводитель по святой землѣ, изданный Ильинскимъ скитомъ на Аѳонѣ, и т. п. Отсюда онъ прямо беретъ свои историческія познанія, а затѣмъ описываетъ святыни Іерусалима и окрестностей по собственнымъ впечатлѣніямъ. Такимъ образомъ, книга не представитъ новаго для описанія страны, но дѣйствительно можетъ быть путеводителемъ для богомольцевъ, которые не предъ-

явятъ большихъ требованій для изученія страны; наибольшая доля книги занята именно священными воспоминаніями и описаніемъ нынѣшняго состоянія историческихъ мѣстностей. Въ предисловіи авторъ ручается, что его показанія безпристрастны и вѣрны. Дѣйствительно, авторъ умѣлъ быть безпристрастнымъ, напр., въ изображеніи того, какъ дѣйствуютъ на Востокѣ миссіи различныхъ христіанскихъ исповѣданій: онъ не однажды указываетъ, какъ дѣятельны и внимательны къ своимъ интересамъ, напр., миссія католическая и протестантская, и какъ, напротивъ, небрежна и недѣятельна миссія греческая. Съ этой противоположностью авторъ встрѣтился уже въ Каирѣ: здѣсь онъ указываетъ нѣсколько мѣстностей, которыя связываютъ по преданію съ пребываніемъ святаго семейства въ Египтъ; одні мѣстности находятся въ рукахъ православныхъ или магометанъ, другія—у коптскихъ католиковъ; у православныхъ онѣ находятся въ крайней бѣдности и небреженіи, у католиковъ, напротивъ, содержатся очень заботливо. „Невольно задаешь себѣ вопросъ, — говоритъ авторъ:—почему же католики, завладѣвъ какимъ-либо святымъ мѣстомъ, умѣютъ устроить и обставить его заботливо, а православные греки относятся ко всему апатично и неумѣло? Не мудрено поэтому, что католическая пропаганда идетъ быстрыми шагами впередъ, а православная если и двигается, то весьма медленно“ (стр. 65). Въ Яфѣ устроенъ русскій странноприимный домъ, но устроенъ не совсѣмъ удобно, и путешественники направляются чаще въ *италианскую* гостинницу, устроенную, впрочемъ, русскими. Авторъ говоритъ объ этомъ нѣсколько неясно: „въ лѣвой сторонѣ (на выѣздѣ изъ Яфѣ) показались селенія, какъ намъ сообщилъ нашъ возница, нѣмецкая колонія, основанная какимъ-то русскимъ барономъ Устиновымъ (?). Разъ поселившись въ краѣ, нѣмцы, конечно, привлекаютъ къ себѣ родичей изъ густонаселенной Германіи, сплочиваются въ плотную массу, захватываютъ въ свои руки разныя отрасли промышленности и забираютъ себѣ окружающее мѣстное населеніе въ кабалу“ (стр. 90—92). Какой русскій баронъ и зачѣмъ онъ основалъ въ Палестинѣ нѣмецкую колонию, мы не совсѣмъ понимаемъ.

Греческій элементъ на Востокѣ, отъ Константинополя до Иерусалима, мало удовлетворяетъ нашего путешественника. Въ Константинополѣ патріархъ, котораго посѣтилъ г. Коптевъ, не показался ему расположеннымъ къ русскимъ. Въ первый разъ г. Коптевъ былъ на греческомъ богослуженіи на островѣ Сирѣ: „служеніе было соборное (это было въ великій четвергъ), при многочисленномъ стеченіи народа. Греческое пѣніе поразило насъ своею дисгармоніею, отчаяннымъ (!) крикливымъ и гнусавымъ напѣвомъ... Для непривычнаго уха такое пѣніе слушать невозможно или, лучше сказать, такое пѣніе можетъ

слушать только тотъ, у кого совсѣмъ не развито ухо, или кто совсѣмъ ничего не слышитъ“ (стр. 36). Праздникъ пасхи г. Коптевъ встрѣтилъ въ Александріи. Въ великую субботу вечеромъ нашъ путешественникъ услышалъ въ городѣ усиленную стрѣльбу и сначала не могъ понять, что это значить, и послѣ только догадался, что наступаетъ великій праздникъ, который греки всегда встрѣчаютъ стрѣльбой и пусканіемъ фейерверковъ. Отправившись въ церковь, — говоритъ авторъ, — „мы, въ удивленію нашему, встрѣтили въ оградѣ храма обширную толпу народа, бросающую подъ ноги бураки, шутихи и т. п., такъ что мы съ трудомъ могли пробраться въ храмъ... Воскресная служба еще не начиналась, но происходило уже пѣніе псалмовъ полунощницы. Пѣніе и здѣсь ужасное: это не пѣніе въ св. храмѣ, а какое-то противное завываніе, которое потрясаетъ всю нервную систему“. Путешественникъ рѣшилъ отправиться въ другую церковь, гдѣ долженъ былъ служить патриархъ (александрійскій), въ надеждѣ найти тамъ больше благочинія. Но и тамъ вышло не лучше... „Служеніе началось ровно въ часъ крестнымъ ходомъ вокругъ церкви. Пока все было чинно, благопрістойно; духовенство вошло во внутренній дворъ, окруженный колоннадой съ хорами, гдѣ была масса народа. Едва духовенство запѣло священныя, дорогія всякому христіанину слова: „Христосъ воскресъ“, какъ раздался колокольный звонъ, полетѣли вверхъ ракеты, затрещали бураки, шутихи и хлопущи, народъ поднялъ крикъ... Все это, вмѣстѣ взятое, представляло какую-то дикую, не-христіанскую толпу. Священники должны были приостанавливаться во время своего служенія и буквально подпрыгивать на мѣстѣ, потому что подъ ногами у нихъ разрывались бураки и шутихи, изъ-за треска которыхъ не было слышно духовнаго пѣнія, несмотря на то, что греки немилосердно орали... По возвращеніи духовенства въ церковь для продолженія служенія, масса народа разошлась, такъ что церковь казалась почти пустою“ (стр. 43—45)... Путешественника поражалъ контрастъ этого зрѣлища съ тѣмъ настроеніемъ, въ какомъ встрѣчается этотъ праздникъ у насъ, даже въ бѣдныхъ сельскихъ церквахъ... Въ Іерусалимѣ г. Коптевъ нашелъ другую непривлекательную черту—систематическое обирание богомольцевъ въ греческихъ монастыряхъ и при осмотрѣ святынь принудительной покупкой свѣчъ, записями, пожертвованіями (ср. стр. 90).

Авторъ, кажется, не совсѣмъ согласенъ съ тѣми разсказами, которые въ недавнее время (напримѣръ, въ книгѣ д-ра Елисеева) изображали очень темными красками положеніе русскихъ богомольцевъ въ Іерусалимѣ, но и по его собственнымъ наблюденіямъ такъ-называемыя „русскія постройки“ въ Іерусалимѣ, именно та часть ихъ, какая предназначена для простаго народа, не весьма удовле-

творительны: его собственная картина (стр. 217—221) мало чѣмъ отличается отъ описаній д-ра Елисеева.

Въ Иерусалимѣ нашъ путешественникъ опять страдаетъ отъ греческаго пѣнія. Въ праздникъ св. Георгія Побѣдоносца совершалъ служеніе патріархъ (іерусалимскій) съ двумя митрополитами и нѣсколькими священниками, но патріаршая капелла была не лучше прежнихъ. „Пѣвческій хоръ состоялъ всего изъ четырехъ человѣкъ: двое изъ нихъ, раскрывъ ротъ и не произнося ни одного слова, тянули въ носъ одну ноту, а главный монахъ, мотая головою, выкрикивалъ, что называется, благимъ матомъ какіе-то горловые звуки, изрѣдка только произнося и слова. Ужаснѣе этого пѣнія ничего нельзя себѣ и представить. Пѣніе это не только не возвышаетъ душу, не только не располагаетъ ее къ молитвѣ, но, напротивъ, раздражаетъ и заставляетъ бѣжать вонъ изъ храма. Наше русское торжественное пѣніе, такъ благоговѣйно дѣйствующее на молящагося, въ сожалѣнію, можно сказать, не существуетъ въ Палестинѣ, исключая небольшого хора изъ 4 или 6 человѣкъ, недурно поющихъ на русскихъ постройкахъ въ Иерусалимѣ“ (ст. 207—208). Авторъ приходитъ даже къ мысли, что этому обстоятельству, т.-е. ужасному греческому пѣнію, слѣдуетъ приписать, что мѣстные магометане, принимающіе христіанство, предпочитаютъ православію католичество: католическіе храмы содержатся болѣе опрятно, и пѣніе, болѣе стройное, съ аккомпаниментомъ органа, производитъ болѣе благопріятное впечатлѣніе. Но, кромѣ этого, авторъ замѣчаетъ и другое, вѣроятно еще болѣе существенное обстоятельство: „католическіе есендзы стоятъ далеко выше по образованію, нежели греческіе монахи, въ рукахъ которыхъ находится вся православная пропаганда“ (стр. 208). Указавъ, какое впечатлѣніе оказываетъ внѣшняя обстановка, г. Коптевъ напоминаетъ, что, благодаря этому, и русскіе приняли нѣкогда православную вѣру: „но надо предполагать,—не могъ авторъ не прибавить еще разъ,— что въ то время у грековъ было болѣе стройное, гармоничное пѣніе, нежели нынѣ; иначе посламъ Владимира Св. трудно бы было увлечься ихъ пѣніемъ“.

Кромѣ пропаганды католической, съ большимъ успѣхомъ дѣйствуетъ протестантская. Авторъ указываетъ нашему православному палестинскому обществу на примѣръ, подаваемый протестантами. Главными орудіями для распространенія православія должны служить *школа и пріютъ*. „Примѣромъ могутъ служить протестанты, у которыхъ наплыва богомольцевъ нѣтъ, а между тѣмъ протестантская пропаганда въ краѣ очень усиливается. Во всей Палестинѣ, гдѣ только существуютъ латинскія миссіи, встрѣчаются и учрежденія протестантовъ. Нѣмецкіе протестанты распространяютъ свою пропа-

ганду безъ особенно шумныхъ воззваній, разумною своею системою и чрезъ посредство образованныхъ своихъ проповѣдниковъ. Увеличивающееся протестантское населеніе, располагая большими денежными средствами, какъ въ Палестинѣ, такъ и въ Сиріи, скупаетъ земли, образуя колоніи, и тѣмъ много способствуетъ и развитію протестантской пропаганды. *Въ каждомъ селеніи, которое устроивается нѣмцами, гдѣ бы то ни было, первымъ дѣломъ являются школа и церковь*“ (стр. 227).

Если вспомнить, что авторъ, человекъ благочестивый и патристически настроенный, вовсе не склоненъ ни къ неумѣреннымъ требованіямъ, ни къ оужденію, приведенныя слова его заслуживаютъ особеннаго вниманія. Итакъ, требуются разумная система, образованность дѣйствующихъ лицъ и школа. Въ неизбѣжной необходимости всего этого нѣтъ никакого сомнѣнія; къ сожалѣнію, у насъ до сихъ поръ это мало понимается; если нашъ путешественникъ видитъ эти условія въ дѣятельности протестантовъ—очевидно, что они принесены въ Палестину протестантами изъ господствующаго взгляда и обычая ихъ родины, гдѣ есть и разумная система, и образованіе, и школа. Такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ успѣхи, желаемыя нашимъ путешественникомъ въ Палестинѣ, должны быть прежде всего приготовлены дома.

— С. О. Платонова. *Древне-русскія сказанія* и повѣсти о смутномъ времени XVII вѣка, какъ историческій источникъ. Спб., 1888.

Авторъ этой книги въ первый разъ выступаетъ въ литературѣ съ трудомъ значительнаго объема и выступаетъ весьма удачно. Выборъ темы, давно требующей вниманія изслѣдователей, указываетъ, что авторъ умѣетъ хорошо найтись въ историко-литературныхъ вопросахъ; обработка темы исполнена съ обширной начитанностью въ подлежащей литературѣ и съ большимъ критическимъ тактомъ. Тема эта—историческая литература смутнаго времени, т.-е. литература современныхъ сказаній и повѣстей. Число этихъ произведеній довольно велико: они начали появляться еще во время самой смуты и затѣмъ въ особенности въ царствованіе Михаила Федоровича, когда смута видимо закончилась съ утвержденіемъ новаго порядка вещей, и частію при Алексѣѣ Михайловичѣ; но во второй половинѣ XVII-го вѣка прямыя воспоминанія о той эпохѣ прекращаются, и писавшіе о ней или передѣлывали прежнія сказанія, или вносили уже легендарный элементъ. Внѣшняя форма этихъ произведеній очень разнообразна: большею частію, они называются „повѣстями“ или „сказаніями“ и

представляютъ болѣе или менѣе цѣльные рассказы событій; другія были „житіями“ и носятъ характеръ, свойственный такимъ произведениямъ церковной литературы; третьи называются „лѣтописцами“ и дѣйствительно рассказываютъ событія по годамъ, и т. п. Но исторія не есть главный и единственный интересъ, какой имѣли въ виду авторы этихъ произведеній; напротивъ, нерѣдко писатели имѣли въ виду не столько точный и послѣдовательный рассказъ событій, сколько цѣль публицистическую или нравоучительную.

Какъ историческій источникъ, эта литература занимаетъ важное мѣсто въ ряду матеріаловъ для изученія смутнаго времени, вмѣстѣ съ официальными документами и сказаніями иностранцевъ; она и обратила на себя вниманіе, когда начались первые опыты научной историографіи въ прошломъ столѣтіи. Долгое время, однако, извѣстны были лишь очень немногіе памятники этой литературы: знали только сказаніе Авраамія Палицына и двухъ-трехъ лѣтописцевъ, какъ вообще до Карамзина знали только крупнѣйшія произведенія старой рукописной литературы. Въ первый разъ обширное знакомство съ историческими памятниками о смутномъ времени является у Карамзина, изложеніе котораго, съ многочисленными цитатами изъ рукописей, надолго, а иногда и до новѣйшаго времени сохраняло значеніе первоисточника. Послѣ Карамзина, многое изъ этихъ рукописей было издано; въ трудахъ новѣйшихъ ученыхъ начата и критическая оцѣнка тѣхъ или другихъ памятниковъ, но она была только начата, и г. Платоновъ предпринялъ теперь составить полный критическій разборъ этой литературы, въ справедливомъ убѣжденіи, что правильное изслѣдованіе смутнаго времени возможно будетъ только послѣ подробной критической оцѣнки его источниковъ.

Г. Платонову предстояла не малая задача. Нужно было прежде всего собрать и изучить всѣ рукописные, въ большинствѣ неизданные, тексты, относящіеся къ смутному времени, что было нелегко уже по той причинѣ, что эти рукописи разбросаны по множеству библіотекъ. Нелегко было установить и самое изложеніе. Всего лучше, говорить авторъ, было бы расположить обзоръ въ хронологическомъ порядкѣ, — но относительно многихъ сказаній время составленія ихъ остается неизвѣстнымъ, а иногда памятники разнаго времени было удобнѣе разсматривать вмѣстѣ по внутренней близости ихъ содержанія; но вообще авторъ желалъ, выдѣливъ наиболѣе важные памятники, опредѣлить на нихъ постепенное развитіе этой литературы о смутномъ времени и указать особенности произведеній разныхъ эпохъ. Историческая повѣрка самыхъ показаній этихъ источниковъ не входила въ планъ автора, и дѣйствительно это должно быть уже задачей историка; онъ хотѣлъ только опредѣлить значеніе самыхъ памятни-

ковъ: указать время составленія того или другого произведенія и личность составителя; выяснить цѣли, какими онъ руководился, и обстоятельства, въ которыхъ онъ писалъ; найти источники его свѣденій и степень достовѣрности его рассказовъ. Въ нѣкоторыхъ, хотя лишь немногихъ случаяхъ эта внѣшняя исторія памятника болѣе или менѣе извѣстна (какъ, напр., сказаніе Палицына не однажды подвергалось весьма внимательному изслѣдованію), и автору нужно было только проверить выводы прежнихъ критиковъ; но большинство текстовъ, напротивъ, извѣстно очень мало или до сихъ поръ было вовсе неизвѣстно, и здѣсь авторъ подробно знакомитъ читателя съ самымъ ихъ содержаніемъ.

Такъ поставилъ свою задачу г. Платоновъ, и выполняетъ ее весьма обстоятельно. Чтобы объять, по возможности, всю современную событіямъ историческую литературу, автору пришлось пересмотрѣть множество рукописныхъ текстовъ въ библіотекахъ и архивахъ петербургскихъ, московскихъ и также провинціальныхъ (болѣе ста рукописей), сличать ихъ тексты, и т. д., и болшею частію автору приходилось впервые опредѣлять ихъ исторію — графическое и литературное значеніе. Прежде всего онъ останавливается на произведеніяхъ, которыя составлены были еще до окончанія смутнаго времени. Первое мѣсто онъ даетъ здѣсь такъ-называемому „Иному сказанію“; это имя оно получило потому, что присоединяется обыкновенно къ сказанію Авраамія Палицына, какъ его дополненіе, но написано оно собственно раньше; какъ и многія другія произведенія этого рода, оно образовалось изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ статей, которыя потомъ были внѣшнимъ образомъ связаны въ одно цѣлое, и первая, старѣйшая изъ его составныхъ частей относится еще къ 1606 году. Далѣе, принадлежать сюда: „повѣсть“ патриарха Іова о житіи царя Ѳедора Ивановича, „Плачь“ о плѣненіи и конечномъ разореніи московскаго государства, сказанія о чудесныхъ видѣніяхъ въ Нижнемъ-Новгородѣ и Владимірѣ, и пр. Къ царствованію Михаила Ѳедоровича относится нѣсколько важныхъ историческихъ памятниковъ. Старѣйшимъ изъ нихъ былъ „Временникъ“ нѣкоего дьяка Ивана Тимоеева, очевидца многихъ событій смутнаго времени, который начинаетъ свой рассказъ еще отъ временъ Грознаго и доводитъ приблизительно до 1619 года. „Временникъ“ Тимоеева въ свое время не получилъ распространенія и сохранился въ единственной рукописи (въ библіотекѣ Флорищевой пустыни), которая извѣстна была Строеву, но такъ какъ донныѣ остается неизданной, то ею до сихъ поръ еще не пользовались какъ историческимъ матеріаломъ. Г. Платоновъ подробно излагаетъ содержаніе этого памятника, который очень любопытенъ и какъ новый источникъ для исторіи смутнаго времени, и въ литера-

турномъ отношеніи, какъ образчикъ стариннаго дьяческаго писательства. Вторымъ историческимъ рассказомъ временъ Михаила Ѳеодоровича г. Платоновъ ставитъ сказаніе Палицына, законченное около 1620 года и состоящее опять изъ нѣсколькихъ статей, писанныхъ на пространствѣ нѣсколькихъ лѣтъ и затѣмъ чисто внѣшнимъ образомъ объединенныхъ. Далѣе, г. Платоновъ даетъ первый обстоятельный разборъ историческихъ статей князя Хворостинина, князя Катирева-Ростовскаго, князя Шаховскаго, рукопись патріарха Филарета и проч. Затѣмъ онъ переходитъ къ памятникамъ второстепеннымъ и позднѣйшимъ, какъ напримѣръ цѣлый рядъ сказаній біографическаго характера—о царевичѣ Дмитріѣ, князѣ Скопинѣ-Шуйскомъ, патріархѣ Филаретѣ, ростовскомъ затворникѣ Ирнархѣ, архіепископѣ астраханскомъ Ѳеодосіѣ, о чудесахъ преподобнаго Сергія и проч. Г. Платоновъ перечисляетъ потомъ произведенія компилятивнаго характера, наконецъ останавливается вратцѣ на сказаніяхъ мѣстныхъ, относительно которыхъ оговаривается, что не могъ ознакомиться съ ними съ достаточной полнотой, какъ потому, что ему трудно было собрать ихъ списки, разсыянные по бібліотекамъ, такъ и потому, что опѣнка ихъ требовала бы ближайшаго знакомства съ исторіей и топографіей данныхъ мѣстностей, что было для него затруднительно.

Несмотря на этотъ, сознательно сдѣланный, пробѣлъ, трудъ г. Платонова обнимаетъ всѣ главнѣйшія современныя сказанія о смутномъ времени и составляетъ весьма важное приобрѣтеніе для изученія старой исторіографіи и вообще литературы XVII-го вѣка. Въ чисто историческаго интереса, разобранные имъ памятники представляютъ также большой интересъ литературный: въ заключительныхъ страницахъ своей книги (стр. 343—353) г. Платоновъ дѣлаетъ весьма любопытныя замѣтки объ общихъ свойствахъ тогдашняго историческаго авторства. Писатели какъ будто всего меньше заботились о точномъ изложеніи событій: цѣли ихъ были всего меньше историческія, какъ мы понимаемъ ихъ теперь, и гораздо больше благочестиво-церковныя, обличительныя и морально-поучительныя. „Письменность XVII-го вѣка,—говоритъ авторъ,—не сознавала всей цѣнности искренняго лѣтописанія“; „въ большинствѣ сказаній о смутѣ изслѣдователь имѣетъ предъ собою не безхитростныя записи о фактахъ, не простодушныя впечатлѣнія очевидцевъ, а рассказы, отразившіе на себѣ или условныя литературныя вкусы вѣка, или агіографическую точку зрѣнія, или поэтическое творчество, личное и народное“. Г. Платоновъ именно указываетъ, что здѣсь очень часто мы встрѣчаемъ то же условное отношеніе къ историческому факту, какое отмѣтилъ г. Ключевскій относительно старой литературы житій. Простой фактъ казался какъ будто неважнымъ, ненужнымъ самъ по себѣ; онъ

требовался только какъ подтвержденіе впередъ установленной точки зрѣнія, или какъ матеріалъ для риторическихъ украшеній. Политическій смыслъ движенія былъ мало затронутъ историками. По давнему представленію русскихъ людей, всякое народное бѣдствіе бываетъ карой Промысла за грѣхи, а счастливый исходъ—наградой за раскаяніе и обращеніе къ Богу; писатели стараются объяснить, „ѣихъ ради грѣхъ попусти Господь свое наказаніе“, и разногласіе начинается въ опредѣленіи грѣховъ: у однихъ, это были грѣхи Бориса, у другихъ—грѣхи цѣлаго общества; затѣмъ на событія смутнаго времени смотрятъ какъ на борьбу православія съ иновѣріемъ и русской народности съ ея вѣковыми врагами, и при этомъ Борисъ обвиняется даже въ ересяхъ армянской и латинской, или Шуйскій обвиняется въ томъ, что „измѣнилъ праведное существо“ и „внималъ бѣсовскимъ ученіямъ“. „На взглядъ писателей XVII-го вѣка,—говоритъ авторъ,—сословныя отношенія смутной эпохи не заслуживали того вниманія, съ какимъ относятся къ нимъ позднѣйшіе изслѣдователи, и вслѣдствіе этого лишь у немногихъ сказателей находимъ мы летучіе намеки на сословныя мѣры Бориса, на борьбу общественныхъ элементовъ въ ополченіи Ляпунова и т. п. Національныя заслуги героевъ смутной эпохи вызываютъ со стороны сказателей восторженные диэпранбы этимъ героямъ. Но среди похвалъ трудно найти какія-нибудь твердыя данныя для ясной характеристики того или другого лица: ясно видно, что сказателя интересуетъ не столько сама личность, сколько извѣстныя стороны ея дѣятельности. Такая односторонность изображенія дѣлаетъ его неточнымъ, сообщаетъ лицамъ невѣрный колоритъ, исторію превращаетъ въ панегирикъ“. Въ подобныхъ условіяхъ изслѣдователь долженъ въ особенности дорожить тѣми подробностями разсказа, гдѣ старинный писатель высказывается ненамѣренно, проговаривается, забывая о своей предвзятой цѣли, и дѣйствительно здѣсь иногда можно уловить факты и мысли писателя, не вполне согласныя съ его, такъ сказать, официально заявляемой точкой зрѣнія. Вообще историкъ долженъ принять въ соображеніе характеръ и общественное положеніе писателя, обстоятельства, въ которыхъ онъ писалъ, и распространенные взгляды его времени и его круга. Это особенно необходимо для такихъ сложныхъ и запутанныхъ періодовъ исторіи, какъ смутное время, и книга г. Платонова является весьма полезнымъ приобрѣтеніемъ нашей исторической литературы.

—*Путеводитель по Кавказу.* По порученію генералъ-адъютанта князя Дондукова-Корсакова, Главноначальствующаго гражданскою частью на Кавказѣ, составилъ *Е. Вейденбаумъ.* Съ 12 рисунками и дорожною картою. Тифлисъ, 1888.

Литература путеводителей начинаетъ у насъ размножаться, но до сихъ поръ не можетъ установиться у насъ тотъ извѣстный типъ подобныхъ изданій, какой давно принятъ въ европейскихъ путеводителяхъ и составляетъ дѣйствительно весьма практичную форму такихъ сочиненій. Всякій, бывавшій за границей, знаетъ эти „гиды“; Бэдекеръ и Мёррей стали нарицательными именами; кажется, образецъ былъ бы близко подъ руками, а между тѣмъ авторы нашихъ путеводителей все еще не могутъ понять, чѣмъ должна быть такая книга... Г. Вейденбаумъ говоритъ, что его путеводитель есть „первый въ литературѣ опытъ систематическаго обзорѣнія Кавказскаго края во всей его совокупности“; на дѣлѣ уже много лѣтъ назадъ появился путеводитель по Кавказу г. Владимірова, достигшій недавно втораго изданія: какой же, однако, это былъ путеводитель? Г. Владиміровъ даетъ, конечно, не мало свѣденій, какія должны быть въ путеводителѣ, но гораздо больше онъ даетъ читателю своихъ беллетристическихъ упражненій въ изображеніяхъ картинъ природы, правоописательныхъ сценахъ и очеркахъ и т. п., которымъ было бы мѣсто въ какомъ-нибудь фельетонѣ, и которыя совершенно неумѣстны и надобдливны въ путеводителѣ. Нѣсколько лѣтъ назадъ, въ Литературномъ Обзорѣніи „В. Европы“, упомянуто было о подобномъ путеводителѣ по Волгѣ, составленномъ г. Монастырскимъ, который прямо заявлялъ, что, кромѣ сообщенія справочныхъ свѣденій, онъ считаетъ своей обязанностью „увеселять“ читателя, и увеселяетъ болтовней сомнительнаго достоинства. Такимъ образомъ, у насъ все еще не могутъ понять, что „Путеводитель“ есть только справочная книга, состоящая изъ фактическихъ свѣденій разнаго рода объ описываемой странѣ и также свѣденій, спеціально нужныхъ путешественнику: о направленіяхъ дорогъ, средствахъ и цѣнахъ передвиженія, гостинницахъ, мѣстныхъ обычаяхъ и т. п.; но если авторъ путеводителя самъ желаетъ предаваться восхищенію красотами природы, рисовать картины нравовъ, блистать остроуміемъ и пр.,—онъ долженъ искать для этого другого помѣщенія.

Книга г. Вейденбаума, къ счастью, избѣгла этого недостатка; авторъ отнесся къ своей задачѣ болѣе серьезно и сообщаетъ много полезныхъ свѣденій объ исторіи, географіи и этнографіи Кавказа, быть можетъ, даже больше, чѣмъ нужно для обыкновеннаго путешественника, и меньше, чѣмъ понадобилось бы читателю, который пожелалъ бы имѣть больше подробностей о тѣхъ или другихъ досто-

примѣчательностяхъ края; для этой послѣдней цѣли авторъ хорошо бы сдѣлалъ, еслибы при слѣдующемъ изданіи своей книги прибавилъ указаніе главнѣйшихъ сочиненій по исторіи и описанію края. Кавказъ имѣетъ весьма обширную литературу, и изъ нея полезно было бы указать главныя сочиненія о природѣ, народахъ и исторіи Кавказа.

Но какъ путеводитель собственно, книга г. Вейденбаума имѣетъ крупныя недостатки, и увидѣть ихъ онъ можетъ самъ, сличивъ свою книгу съ любымъ путеводителемъ Бадекера, Мэррея, Жоанна и проч., а именно: книга, достаточно обстоятельная для обыкновеннаго читателя, недостаточна для *путешественника*; въ ней нѣтъ дорожныхъ свѣденій. Въ иностранныхъ путеводителяхъ есть обыкновенно подробная мѣстная карта; въ книгѣ г. Вейденбаума есть карта, но крайне неудовлетворительная, указывающая только самыя крупныя города, гдѣ нѣтъ даже обозначенія губерній и областей, не говоря объ этнографическихъ границахъ племенъ; горныя хребты означены слабо, и т. д.; путевыхъ свѣденій совсѣмъ нѣтъ, и напр., при весьма подробномъ историческомъ и географическомъ описаніи военно-грузинской дороги, не сказано, какъ, въ какихъ экипажахъ и по какимъ цѣнамъ по ней ѣздить, и, пріѣхавъ въ Тифлисъ, гдѣ остановиться. Иностранные путеводители даютъ путешественнику всякія указанія относительно экскурсій въ сторону отъ большихъ дорогъ; г. Вейденбаумъ знаетъ только большія дороги: онъ упоминаетъ, напр., объ изслѣдованіяхъ г. Ковалевскаго въ Сванетіи, но на картѣ читатель напрасно будетъ искать эту Сванетію; ея нѣтъ совсѣмъ.

Внѣшность книги, хотя приличная для обыкновеннаго изданія, для путеводителя неудобна. Во-первыхъ, слишкомъ большой форматъ, невозможный для книги, которая назначается быть карманною. Далѣе, путеводители иностранные выпускаются обыкновенно въ легкомъ, но вмѣстѣ прочномъ переплетѣ; здѣсь книга даже плохо сброшюрована, такъ что при перелистываніи рассыпается. Рисунокъ на оберткѣ просто ужасенъ, и лучше было бы ему совсѣмъ отсутствовать.

Вызывая замѣчанія критики, г. Вейденбаумъ приглашаетъ присылать подобныя указанія „непосредственно на имя генераль-адъютанта князя Александра Михайловича Дондукова-Корсакова“; намъ хотѣлось бы думать, что мы можемъ довести настоящую замѣтку до свѣденія автора путемъ журнала, не безпокая никого.—А. П.

— Матеріалы для оцѣнки земельныхъ угодій, собранные Черниговскимъ Статистическимъ Отдѣленіемъ при Губернской Земской Управѣ. Кролевецкій уѣздъ. Т. XV. П. П. Червинскаго. Черниговъ 1887 г.

Земско-статистическіе труды по черниговской губерніи давно обратили на себя особое вниманіе своими качествами. Въ этомъ отношеніи черниговская губернія заняла одно изъ самыхъ первыхъ мѣстъ въ ряду русскихъ губерній. Теперь изданіе этихъ трудовъ закончено, и предъ нами послѣдній (XV) томъ ихъ, относящійся къ кролевецкому уѣзду, описанному извѣстнымъ статистикомъ П. П. Червинскимъ.

Вновь вышедшій томъ, помимо обычнаго интереса, представляемаго текущею статистикою, обращаетъ на себя вниманіе тѣмъ, что даетъ сравненіе экономическихъ данныхъ, относящихся къ двумъ эпохамъ, раздѣленнымъ между собой періодомъ болѣе столѣтія, именно данныхъ „румянцевской описи“ 1767 года и данныхъ нынѣшняго времени.

Извѣстно ходячее мнѣніе, будто положеніе народа въ прежнее время было завиднѣе, что въ старину жилось привольнѣе, что прежде люди долѣе жили, меньше было семейныхъ раздѣловъ и т. п. Между тѣмъ параллель, о которой идетъ рѣчь, далеко не согласуется съ такимъ понятіемъ и придаетъ ему значеніе предразсудка. Изъ 10 полковъ, на которые дѣлилась въ прошломъ вѣкѣ Малороссія, „опись“ разыскана собственно по пяти полкамъ; приводимыя изъ нея свѣденія относятся къ 33 селеніямъ, главнымъ образомъ къ казакамъ и „посполитымъ“ (крестьянамъ), т.-е. къ двумъ главнымъ сословіямъ того времени. Число душъ въ той мѣстности, къ которой относятся показанія описи 1767 года, было 23.360; по ревизіи 1858 г., ихъ считалось 36.163, а по переписи 1883 г. выходитъ уже 46.132. Такимъ образомъ, приростъ населенія послѣ 1767 г. въ первые девяносто лѣтъ былъ почти такой же, какъ въ послѣднія 25 лѣтъ! Вотъ до чего чувствительна была разница бытовыхъ условій давнихъ и нынѣшнихъ.

Далѣе, въ прошломъ столѣтіи младшіе возрасты были относительно многочисленнѣе, т.-е. составляли ббльшій процентъ въ общей массѣ населенія, а стариковъ и старухъ теперь въ полтора раза больше, чѣмъ было въ старину—вотъ каковъ отвѣтъ на ходячее мнѣніе, будто прежде люди долѣе заживались на свѣтѣ. Если раздѣлить общую цифру населенія уѣзда на число дворовъ или хозяйствъ, то на каждое хозяйство теперь придется 5,6 душъ обоюга пола, тогда какъ, по румынцевской описи, выходитъ 6,3. Стало быть, стремленіе къ раздѣламъ и дробленію семей въ прежней Малороссіи было почти такое же, какъ теперь; итакъ, опять колеблетъ предразсудокъ, будто

стремленіе къ дѣламъ составляетъ преимущественно особенность послѣдняго времени. Къ подобнаго же рода выводу приводитъ и сравненіе хозяйствъ по числу ихъ рабочихъ силъ; такъ, хозяйства съ однимъ рабочимъ въ 1767 г. представляли 55%, а теперь 61%, а хозяйства съ тремя и болѣе рабочими прежде было 12¹/₂%, а теперь 7³/₄%, т.-е. хотя число хозяйствъ малорабочихъ и увеличилось на счетъ многорабочихъ, но въ общей массѣ переменна эта вовсе не велика.

Интересно также сравненіе, — насколько измѣнилась въ хозяйствахъ роль наемной рабочей силы. При сличеніи таблицъ обѣихъ переписей оказывается, что казаки и „посполитый“ въ прошломъ столѣтіи пользовались для своего хозяйства посторонней рабочей силой въ размѣрѣ по крайней мѣрѣ вдвое большемъ, противъ нынѣшнихъ хозяевъ, т.-е. самостоятельнаго труда было меньше.

Переходимъ къ характеру землевладѣнія. Въ 33 селеніяхъ уѣзда, по румянцевской описи, на каждую сотню душъ обоого пола приходилось 136 десятинъ эксплуатируемой земли; по переписи же 1883 г., въ этихъ селеніяхъ приходится на сотню душъ 123 десятины. Ясно, что съ увеличеніемъ населенія шла почти въ той же мѣрѣ разработка земель подъ лѣса. Казаки прежде были надѣлены землею лучше, чѣмъ теперь, а крестьяне хуже; теперь же послѣдовало значительное уравненіе. Разница между этими двумя группами, мало замѣтная въ настоящее время, въ старину была гораздо рѣзче. Неравенство между хозяйствами въ старину было гораздо чувствительнѣе, даже помимо сословнаго распредѣленія. Больше было многоземельныхъ и безземельныхъ, а теперь увеличилось число среднихъ владѣльцевъ; напр., безземельныхъ и огородниковъ въ старину было 28%, а теперь 9%; зато имѣющихъ отъ 15 до 500 десятинъ было 27%, теперь же только 8³/₄%.

Опять долгій періодъ оказывается періодомъ уравненія. Населеніе прошлаго вѣка было и бѣднѣе скотомъ по общей цифрѣ, причѣмъ еще и распредѣленіе скота отличалось большею неравномѣрностью.

Перейдемъ къ промысламъ. Большое сосредоточеніе замѣчается теперь собственно въ винокуреніи. Эта отрасль была прежде вольнымъ промысломъ въ Малороссіи; существовала масса мелкихъ винокуренъ, находившихся въ рукахъ казаковъ и крестьянъ. По румянцевской описи, въ уѣздѣ было 367 винокуренъ, а въ настоящее время ихъ только 5, которыя вырабатываютъ, однако, 236.000 ведеръ водки вмѣсто прежнихъ 122.000. По отношенію къ цифрѣ населенія производство измѣнилось мало: прежде на 100 жителей производилось 509 ведеръ, а теперь 487. Напротивъ, пчеловодство развилось въ большей даже степени, чѣмъ умножилось населеніе. Въ прошломъ

столѣтіи числилось около 3.000 колодъ пчель, а теперъ имѣется въ тѣхъ же самыхъ селеніяхъ болѣе 13.000.

Приведенныя данныя показываютъ, что въ старину и жилось въ экономическомъ отношеніи вовсе не привольнѣе нынѣшняго, и богатство страны дѣлилось менѣе ровно, и промыслы были слабѣе, и вѣтъ человѣческой короче, и, такимъ образомъ, наше воображеніе грѣшитъ совсѣмъ несправедливымъ украшеніемъ старины. Иначе сказать, ходъ экономической жизни положительно направлялся къ лучшему, а не къ худшему, хотя, конечно, и нынѣшнее положеніе совершенно основательно насъ не удовлетворяетъ, оставляя „желать очень многого“.

Подтверженіе такого заключенія статистическимъ изслѣдованіемъ могло бы имѣть очень важное значеніе для нашего знанія. Однако необходимо сдѣлать нѣкоторыя оговорки: достаточны ли были въ прошломъ столѣтіи гарантіи того, чтобы произведенная опись могла давать дѣйствительно вѣрное изображеніе тогдашней экономической жизни, и таковы ли были общія условія тогдашней жизни, чтобы количество эксплуатируемой земли, число скота и пчель и т. п. могли быть точнымъ мѣриломъ благосостоянія? Что касается способовъ тогдашней статистики, то довольно характерную картинку ихъ даетъ приводимая въ томъ же статистическомъ трудѣ цитата изъ „Исторіи Руссовъ“.

„Графъ Румянцевъ въ 1767 г. повелѣлъ учинить всему народу и его имѣнію генеральную опись, которая, какъ въ своемъ родѣ, такъ и способъ ея произведенія, была новостью необыкновенная. Комисіонерами къ тому наряжены въ каждый повѣтъ штабъ-оверъ-и унтеръ-офицеры со многими писарями и рядовыми изъ великороссійскихъ консистующихъ полковъ и гарнизоновъ, кои, зная только строить и ранжировать солдатъ и ихъ школить, поступали по тѣмъ правиламъ и съ поселянами. Въ каждомъ селеніи выгоняли народъ изъ жилищъ его на улицы, не обходя никого, и даже самыхъ ссушихъ младенцевъ, строили ихъ ширенгами и держали такъ на всякихъ погодахъ, въ ожиданіи прохода по улицамъ главныхъ комисіонеровъ, кои, дѣлая имъ перекличку, замѣчали cadaго на грудяхъ крeйдю и угольями, чтобы съ другими не замѣшался. Ревъ скотскій и плачь младенцевъ издали возвѣщали о приближеніи къ нимъ комисіонеровъ съ многочисленною ассистенціею. Послѣ людей и скотовъ принимались за помѣщиковъ и владѣльцевъ. Отъ нихъ требованы были крѣпости и доказательства на владѣніе помѣстьями и землями, и тутъ-то потрясали всѣ сокровища cadaго... Опись она, со всѣми ея страшными слѣдствіями и поисками, не имѣла своего окончанія и нечаянно уничтожилась. Возгорѣвшаяся съ турками

война за дѣла польскія дала малороссіянамъ другую работу... Малороссіяне, несмотря на тогдашнюю свою тягость и безпримѣрныя заботы, прославляли Бога, имъ тако благодѣтельствовавшего, приписывая промыслу Его открытіе войны на избавленіе ихъ отъ генеральной описи и ея послѣдствій, грозившихъ, по ихъ мнѣнію, разрушеніемъ собственности и стяжанія каждаго“.

Понятно, что къ такому источнику надо относиться съ осторожностью.—*О. В.*

— *Л. Федоровичъ. Теорія денежнаго и кредитнаго обращенія. Одесса, 1888.*

Обширный трудъ г. Федоровича имѣетъ всѣ признаки ученой диссертации: въ немъ масса цитатъ, множество фактическихъ и литературныхъ свѣденій, много балласта, но, къ сожалѣнію, мало системы. Тема, избранная авторомъ, представляетъ большой практической интересъ, и отъ новой специальной работы по этому предмету можно было бы ожидать поучительныхъ указаній по затронутымъ въ книгѣ вопросамъ. Авторъ подробно излагаетъ и разбираетъ теоріи, которыя не разъ уже были излагаемы и разбираемы до него; онъ приводитъ факты, извѣстные изъ учебниковъ, и повторяетъ, на примѣръ, по исторіи банковъ много такихъ свѣденій, которыя гораздо полнѣе и лучше изложены въ книгахъ г. Кауфмана. Урывками говорится и о Россіи, въ разныхъ мѣстахъ, безъ определенной логической связи, безъ надлежащей послѣдовательности и безъ всякой попытки научнаго освѣщенія и объясненія фактовъ. Въ отдѣлѣ о кредитномъ обращеніи разсказывается кое-что и о русскихъ кредитныхъ билетахъ, отъ 1843 года до 1858 г. (стр. 411—417). Разсуждая о „девальваціи“, авторъ останавливается на исторіи русскихъ ассигнацій и на реформѣ Канкринна; затѣмъ, послѣ разсказа о бумажныхъ деньгахъ въ Сѣверной Америкѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ государствахъ, помѣщается общій обзоръ попытокъ восстановленія валюты въ Россіи съ 1810 до 1887 г. (стр. 591—627). Въ этомъ обзорѣ дѣлается, на примѣръ, скачокъ отъ 1812 года къ 1853 г., съ упоминаніемъ лишь указовъ 1843 года. Для чего авторъ нагромоздилъ столько ненужнаго матеріала объ иностранныхъ банкахъ, хорошо изученныхъ другими, болѣе опытными изслѣдователями, и почему онъ такъ круто обошелся съ исторіей нашего денежнаго обращенія, — понять трудно. Г. Федоровичъ съ особенною обстоятельностью говоритъ о томъ, о чемъ писали у насъ другіе, и онъ удивительно кратокъ тамъ, гдѣ слѣдовало бы изложить плоды своихъ собственныхъ соображеній. Написанная въ такомъ родѣ книга въ 627 печатныхъ страницъ можетъ свидѣтель-

ствовать о трудолюбіи автора, но она не можетъ быть призвана полезнымъ вкладомъ въ нашу спеціальную политико-экономическую литературу.

— Подготовительныя мѣры къ восстановленію обращенія звонкой монеты. Спб. 1887.

Много дѣльнаго и справедливаго высказано въ этой анонимной брошюрѣ, авторъ которой очевидно хорошо изучилъ исторію законовъ и правительственныхъ мѣръ относительно денежнаго обращенія въ Россіи. Намъ кажется только, что авторъ слишкомъ формально смотритъ на причины упадка цѣнности кредитныхъ билетовъ; онъ слишкомъ много значенія придаетъ законодательнымъ запрещеніямъ или дозволеніямъ, какъ будто послѣднія могутъ существенно вліять на условія кредита. По мнѣнію автора, источникъ всего зла заключается въ допущеніи вывоза за границу и ввоза оттуда обратно нашихъ бумажныхъ денегъ; къ этой мысли авторъ возвращается постоянно, хотя приводимые въ ея пользу доводы едва ли могутъ быть признаны вполне убѣдительными. Пока кредитные билеты составляютъ предметъ биржевыхъ сдѣлокъ и спекуляцій, до тѣхъ поръ нельзя избѣгнуть вывоза и ввоза ихъ тѣмъ или другимъ способомъ; запрещеніе пересылать бумажки по почтѣ и черезъ таможи очень легко обходилось бы, напр., отправкою спеціальныхъ артельщиковъ съ денежными суммами, какъ это практикуется и теперь. Подобныя мѣры не устраняютъ колебаній курса, а эти колебанія придаютъ кредитнымъ билетамъ характеръ биржевыхъ бумагъ и вводятъ ихъ въ круговоротъ азартной спекулятивной игры. Чтобы положить конецъ колебаніямъ курса, нужно было уравнивать бумажныя деньги съ металлическими и возобновить размѣнъ. Очень можетъ быть, что справедливо было бы признать торговлю кредитными билетами незаконною и запретить нашимъ банкамъ участіе въ такихъ операціяхъ; но насколько это запрещеніе могло бы оказывать реальное дѣйствіе на биржевые обороты—можно видѣть изъ того, что у насъ сдѣлки на разницу запрещены закономъ, и однако это не помѣшало развитію и процвѣтанію такихъ сдѣлокъ. Такъ же точно и ростовщичество, преслѣдуемое закономъ, безпрепятственно существуетъ въ жизни. Билеты французскаго или англійскаго банка свободно вывозятся за предѣлы страны, и однако эти бумаги недоступны никакимъ колебаніямъ и не могутъ быть предметомъ спекуляцій.

Авторъ вноситъ даже сантиментальные мотивы въ обсужденіе финансовыхъ вопросовъ. „Не можетъ подлежать спору, — говоритъ онъ, — что для національнаго самолюбія англичанъ, французовъ и

нѣмцевъ лестно, что бумажныя ихъ деньги имѣютъ всемірное хожденіе наравнѣ съ золотомъ; но по этой причинѣ русское національное чувство должно возмущаться, что наши бумажныя деньги, которыми народъ продолжаетъ оказывать прежнее довѣріе, цѣнятся иностранцами и нашими космополитическими биржами и банками въ половину противъ ихъ нарицательной стоимости, и посему для насъ гораздо достойнѣе устранить эти знаки изъ международныхъ сдѣлокъ, пока иностранцы не согласятся принимать ихъ на одинаковыхъ съ своими бумажными деньгами основаніяхъ“ (!) (стр. 22). Едва ли отъ правительства зависитъ „устранить“ наши бумажки изъ заграничнаго оборота, пока онѣ не замѣнены другими; а уже совсѣмъ неосновательно ожидать, чтобы иностранцы принимали наши кредитные билеты наравнѣ съ золотою монетою, когда самъ нашъ государственный банкъ цѣнитъ эти билеты на половину ниже золота и не могъ бы мѣнять ихъ выше биржевого курса.

Болѣе основательно указаніе автора на „безконтрольность“ кредитныхъ операций, какъ на одну изъ главнѣйшихъ причинъ слабости нашего кредита. „Вся кредитная часть, ежегодные платежи по которой равняются 278.591.694 руб., поглощая болѣе трети обыкновенныхъ доходовъ, изъяты изъ той повѣрки и надзора, которой подвергаются всѣ прочія государственныя учрежденія“ (стр. 36). Нельзя не согласиться съ авторомъ, что „обстоятельное обсужденіе финансовыхъ предположеній въ высшей государственной коллегіи предпочтительнѣе той таинственности, которою сопровождаются теперь мѣропріятія по этой части“. Правда, и теперь выслушиваются совѣты экспертовъ, нерѣдко „банковыхъ авторитетовъ, посвящаемыхъ въ тайны задуманныхъ предположеній“; но эти дѣятели, „за крайне рѣдкими исключеніями, смотрятъ обыкновенно на всякую предпринимаемую мѣру съ узкой личной точки зрѣнія и заботятся не о пользѣ государственной, а прежде всего объ извлеченіи собственныхъ выгодъ“. По словамъ автора, „закулисные совѣты и содѣйствіе не могутъ не представляться серьезнымъ зломъ, устранить которое возможно только предлагаемымъ способомъ, т.-е. подчиненіемъ всѣхъ операций государственнаго кредита завѣдыванію одного центрального высшаго установленія въ имперіи“ (стр. 35).

Обзоръ финансовыхъ мѣръ за послѣднее двадцати-пятилѣтіе приводитъ автора къ убѣжденію, что „наша внутренняя въ этомъ отношеніи политика была явно неустойчива, и эта неустойчивость ввергла государство въ чрезвычайные непроезводительные расходы“. Но если неустойчивость была присуща нашей финансовой политикѣ, то нечего уже удивляться, что и кредитные билеты наши неустойчивы въ цѣнѣ. Недостатокъ контроля дѣлаетъ возможными такіе факты, ко-

торые несомнѣстимы съ заботами о поддержаніи государственнаго кредита. „Нѣсколько разъ—говорить авторъ—повторялась даже такая странность, что за сожженіемъ извѣстнаго числа билетовъ почти тотчасъ дѣлались новые выпуски и каждый разъ въ большемъ количествѣ противъ суммы, только-что изъятой. Последнюю попытку, предпринятую по указу 1-го января 1881 года, касательно изытія въ теченіе восьми лѣтъ 400 милліоновъ временно выпущенныхъ кредитныхъ билетовъ, постигла прежняя участь. Хотя для такого изытія было заключено на 150 милліоновъ процентныхъ займовъ, но кредитныхъ билетовъ предано сожженію только на 87 милліоновъ и въ обращеніи ихъ осталось на 330 милліоновъ“ (стр. 63). Имѣя въ виду подобныя обстоятельства, указывающія на истинную причину нашего финансоваго кризиса, авторъ могъ бы оставить въ сторонѣ вопросъ о запрещеніи или разрѣшеніи вывоза бумажныхъ денегъ за границу. Вообще, въ брошюрѣ собрано не мало интересныхъ фактическихъ данныхъ, которыя дѣлають чтеніе ея весьма полезнымъ для всѣхъ интересующихся вопросомъ о нашихъ злополучныхъ кредитныхъ билетахъ.

—*Anatole Leroy-Beaulieu. La France, la Russie et l'Europe. Paris, 1888.*

Въ февралѣ текущаго года появилась въ „Revue des deux Mondes“ статья неизвѣстнаго автора подъ приведеннымъ выше заглавіемъ: она обратила на себя вниманіе въ Европѣ не только по своему содержанію, но и потому, что авторомъ ея считали графа Парижскаго или герцога Омальскаго. Анатолий Леруа-Болье объясняетъ теперь, что онъ скрылъ свое имя съ умысломъ. „Безъименность—часто лучший способъ привлечь читателей и возбудить ихъ довѣріе. Самый скептическій и разочарованный читатель имѣетъ еще вкусъ къ таинственному. Анонимъ имѣетъ на себѣ обаяніе неизвѣстности“. Но статья была не совсѣмъ анонимна; она была подписана тремя звѣздочками, а такъ подписывался герцогъ Омальскій въ „Revue des deux Mondes“. Леруа-Болье, впрочемъ, можетъ быть, думалъ высказывать мнѣнія, которыя раздѣляются Орлеанскими принцами и большинствомъ французскихъ монархистовъ. Развивъ свои мысли, изложенныя въ журналѣ, съ большей подробностью, авторъ присоединилъ еще обширную главу объ англо-русскихъ отношеніяхъ и статью о Катковѣ, —и вотъ составила дѣлая книга.

Леруа-Болье старается доказать, что внутреннее состояніе Франціи при республикѣ не позволяетъ рассчитывать на заключеніе внѣшнихъ союзовъ, и что, съ другой стороны, Россія находится не въ лучшемъ

положеніи, вслѣдствіе отсталости своихъ административныхъ и общественныхъ порядковъ. Между обоими государствами было всегда мало общаго въ политическихъ симпатіяхъ и традиціяхъ; только въ послѣдніе годы, подъ вліяніемъ охлажденія между Россією и Германією, русская дипломатія стала смотрѣть на Францію, какъ на возможную союзницу въ европейской политикѣ. Но, по мнѣнію автора, французы увлеклись гораздо дальше, чѣмъ слѣдуетъ, и дѣлали авансы, которые принимались лишь свысока. „Нѣкоторые, въ своемъ увлеченіи Сѣверомъ, желали какъ будто бросить Францію въ объятія Россіи. Доходило до того, что обращались къ русской печати и къ русскимъ представителямъ съ вопросами о кандидатахъ въ президенты или въ министры. Можно было подумать, что русскому посланнику при французской республикѣ хотятъ навязать роль Репина и уполномоченныхъ Екатерины II въ Варшавѣ наканунѣ раздѣла Польши. Достойны ли эти приемы таковой страны, какъ Франція? Развѣ такимъ способомъ можно заставить цѣнить ее дружбу? Для нашей старой Франціи Людовика XIV и Наполеона многіе демократы ищутъ какъ бы покровителя, а не союзника“. Франція не можетъ отказаться отъ своихъ традиціонныхъ интересовъ на Востока, гдѣ сталкиваются противоположныя стремленія Россіи и Австро-Венгріи. Существованіе могущественной Австріи, по словамъ Леруа-Болье, безусловно необходимо для Франціи. „Въ тотъ день, когда австрійская монархія исчезла бы или сократилась бы до разшѣровъ венгерскаго королевства, настала бы конецъ французскому могуществу. Предъ лицомъ Германіи, увеличенной нѣмецкими провинціями Австріи, Франція занимала бы меньше мѣста въ Европѣ, чѣмъ Испанія... Разсматривая совокупность континентальной политики, нельзя не видѣть, что первый интересъ Франціи—поддержаніе Австріи, если не въ точныхъ ея нынѣшнихъ границахъ, то по крайней мѣрѣ въ ея историческомъ объемѣ и значеніи. Каждая изъ нихъ можетъ оставаться великою державою только до тѣхъ поръ, пока другая сохраняетъ этотъ же характеръ“. Авторъ возлагаетъ какія-то особенныя надежды на Австрію; онъ считаетъ еще возможнымъ ея отдѣленіе отъ Германіи и сближеніе съ Россією. „Когда Австрія, успокоенная насчетъ Галиціи и нижняго Дуная, дѣйствовала бы въ согласіи съ Россією,—прусская гегемонія перестала бы существовать. Наша бѣдная Европа могла бы тогда вздохнуть свободно. Она могла бы прекратить вооруженія, разоряющія ее, и не чувствовала бы себя вынужденною налагать на себя финансовыя и военныя тягости, дѣлающія ее неспособною выдерживать конкуренцію Америки“.

Очевидно, все это — чистѣйшая фантазія. По своему разнородному племенному составу и по географическому положенію между

Германію, Италію и Россію, австрійская монархія совершенно не призвана играть въ современной Европѣ ту рѣшающую роль, о которой мечтаетъ Леруа-Больё. Центральная нѣмецкая имперія слишкомъ сильна, и союзъ съ нею слишкомъ выгоденъ, чтобы гдѣ-нибудь могло возникнуть предположеніе о переходѣ Австріи на сторону Россіи и Франціи. Не отъ Австріи зависить смягчить бремя милитаризма въ Европѣ и облегчить экономическое положеніе народовъ. Не во власти вѣнскаго кабинета уничтожить прусскую гегемонію. Притомъ авторъ забываетъ свои собственныя сужденія о неудобствахъ русскаго союза для французовъ, когда предлагаетъ этотъ же союзъ австрійцамъ.

Между Франціею и Россіею, говорится далѣе, не было бы равенства ни въ степени риска, ни въ опасностяхъ военныхъ неудачъ, въ случаѣ совмѣстныхъ дѣйствій противъ Германіи. „До сихъ поръ непріятельское нашествіе ни разу не имѣло успѣха въ Россіи и всегда почти удавалось во Франціи. Чтобы отдѣлаться отъ враговъ, сѣверная имперія можетъ завлечь ихъ въ свои глубины... Она какъ будто лишена органическихъ свойствъ; она не имѣетъ ни мозга, ни сердца, гдѣ можно было бы нанести ей смертельный ударъ“. Другое дѣло Франція: послѣ первой же битвы непріятель можетъ очутиться въ Шампани, а послѣ второй — явиться подъ фортами Парижа. Неравны также шансы заключенія выгоднаго мира. Между имперіями—разсчеты совсѣмъ иные, чѣмъ съ республикою; „несчастная война могла бы легко окончиться примиреніемъ трехъ имперій и новымъ священнымъ союзомъ противъ революціи, олицетворенной парижскою коммунаю“. Авторъ приходитъ къ тому заключенію, что миръ необходимъ для французовъ, какъ и для русскіхъ, и что крайняя сдержанность есть единственная политика, обязательная теперь для Франціи. Остается однако безъ отвѣта вопросъ, какъ поступить французамъ и на что рассчитывать имъ, если война все-таки окажется для нихъ неизбѣжною? Французская республика до сихъ поръ ни на шагъ не отступала отъ принципа пассивной осторожности во внѣшнихъ дѣлахъ, и однако опасность франко-германскаго столкновенія возникаетъ періодически, съ большею или меньшею силою. Едва ли даже самые горячіе изъ французскихъ патриотовъ стремятся устроить формальный союзъ съ Россіею, для болѣе успѣшнаго нападенія на Германію; надѣяться же на русскую помощь въ случаѣ бѣды — вполне позволительно французамъ, при существующихъ международныхъ отношеніяхъ. Они могутъ разсуждать такъ: если въ былое время русскія войска сражались во имя чуждыхъ имъ интересовъ Австріи или Пруссіи, то почему Россіи не вмѣшаться для спасенія Франціи отъ разгрома, который отразился бы притомъ вредно на интересахъ Россіи?

Дипломатическое внимательство въ этомъ смыслѣ, нѣтъ сомнѣнія, было бы всегда и вполне справедливо, и законно; оно давало бы право говорить о скрытомъ, молчаливомъ союзѣ между двумя націями, хотя и весьма далекими одна отъ другой по учрежденіямъ и идеямъ.

Вторая половина книги посвящена главнымъ образомъ политикѣ Англіи и Россіи въ Средней Азіи и на Востоке. По мнѣнію автора, нельзя ожидать поворота въ чувствахъ англичанъ относительно французовъ и русскихъ; симпатіи Англіи останутся, въ концѣ-концовъ, на сторонѣ Германіи и ея союзниковъ. Заключительная статья о Катковѣ—значеніе котораго авторъ, подобно многимъ другимъ иностранцамъ, преувеличиваетъ до чрезвычайности—не имѣетъ собственно связи съ остальнымъ содержаніемъ книги. Вообще трудъ Леруа-Болье не производитъ цѣльнаго впечатлѣнія; самую интересною его частью остается та, которая была напечатана въ „Revue des deux Mondes“ и о которой упоминалось у насъ въ свое время въ одномъ изъ Иностранныхъ Обозрѣній.— Л. С.

Въ теченіе іюля мѣсяца поступили въ редакцію слѣдующія книги и брошюры:

- Апраксинъ, А. Д.* Алзаковы, ром. изъ великосвѣтскаго быта. Спб. 1888. Стр. 186. Ц. 1 р.
- Бобржинскій, М.* Очеркъ исторіи Польши. Перев. съ польск. Н. И. Карѣва. Т. I. Спб. 1888. Стр. 291. Ц. за 2 т. 5 р.
- Божеряновъ, И. Н.* Великая Княгиня Екатерина Павловна, четвертая дочь имп. Павла I, герцогиня Ольденб., корол. Виртембергская. Спб. 1888. Стр. 84. Ц. 1 р. 25 к.
- Веселовскій, В. Д.* Колыбель русскаго флота. Историч. очеркъ. Воронеж. 1888. Стр. 125. Ц. 1 р. 25 к.
- Дебольскій, протоіер. Г. С.* Житіе Св. Равноапостольнаго князя Владиміра. Спб. 1888. Стр. 16. Ц. 10 к.
- Евреиновъ, Г. А.* Запѣтки о мѣстной реформѣ. Спб. 1888. Стр. 130. Ц. 1 р.
- Ковалевскій, П. И.* Пьянство, его причины и леченіе. Кіевъ, 1888. Стр. 113. Ц. 50 к.
- Королевъ, Ф. Н.* Сельско-строительное искусство. Вып. 2-й. Спб. 1888. Стр. 121—362, съ 312 чертежами. Ц. 2 р. 40 к.
- Леманъ, Ан.* Орель. Разсказъ. Кіевъ. 1888. Стр. 16.
- Мальшевскій, проф. И. И.* Житіе Св. Равноапост. князя Владиміра. Спб. 1888. Стр. 16.
- Мантегацца, П.* Физиологія любви. Перев. съ итальянск. С. и М. Спб. 1888. Стр. 254. Ц. 1 р. 50 к.
- Мартенсъ, Ф.* Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россією съ иностранными державами. Т. VIII. Трактаты съ Германією, 1825 — 1888 гг. Спб. 1888. Стр. 747.

Муррель, В. Массажъ, какъ способъ леченія. Перев. съ нѣм. д-ра В. Б. Панченко. Спб. 1888. Стр. 148. Ц. 75 к.

Неручевъ, М. В. Бессарабское табаководство въ 1884—1886 гг. Кишиневъ. 1888. Стр. 18.

Огиевскій, М. Кіевскіе охотники. Кіевъ. 1888. Стр. 71. Ц. 20 к.

Рышковскій, Н. Братское слово Л. Н. Толстому. Кіевъ. 1888. Стр. 24.

Тальнихинъ, А. Гипнотизмъ и его значеніе въ настоящее время и въ будущемъ. Саратовъ. 1888. Стр. 105.

Тоть, П. Дж. Теплота. Перев. съ англ. Н. С. Дрентельна, п. р. С. А. Усова. Спб. 1888. Стр. 444. Ц. 3 р.

Тютчевъ, Ф. Ф. Сочиненія. Спб. 1888. Стр. 303. Ц. 1 р. 50 к.

Успенскій, Д. Дезинфекція желѣзно-дорожн. вагоновъ въ мирное и военное время. Спб. 1888. Стр. 104.

Шекстиръ. Полное собраніе сочиненій въ переводѣ русскихъ писателей. Н. В. Гербеля. Спб. 1887—1888 г. Четвертое изданіе. Ц. 12 р.

Hennequin, Em. La critique scientifique. Par. 1888. Стр. 243.

Viel-Griffin. Ansaens. Poëme dramatique. Par. 1888.

— Видъ на урожай въ Полтавской губерніи 1888 г. (въ началѣ іюня) по сообщеніямъ корреспондентовъ. Полтава. 1888. Стр. 24.

— Историческій очеркъ дѣятельности Московскаго Городскаго Кредитнаго Общества (1863—1888). М. 1888. Стр. 111.

— Общественное хозяйство города Москвы въ 1883—1887 гг. Историко-статистическое описаніе. Ч. I, вып. 1. Состав. М. П. Шенкинъ. М. 1888.

— Отчетъ по Хозяйственному Земледѣльческому Училищу за 1887 г. Харьковъ. 1888. Стр. 69.

— Статистика слѣпыхъ въ Россіи по переписи 1886 г. Центр. Статист. Комит. мин. вн. дѣлъ. Спб. 1888. Стр. 222.

— Статистика за торговля на Българското Княжество съ чуждитъ държави за 1884 година. София. 1887. Стр. 1026.

ЗАМѢТКА.

Ученныя потуги.

—Чувство законности и мировая юстиція, сочиненіе проф. К. Н. Яроша. Харьковъ. 1888 г.

Авторъ каждаго издающагося сочиненія, будетъ ли оно чисто беллетристическое или научное, популярное или доступное только спеціалистамъ, непремѣнно долженъ имѣть опредѣленную цѣль—художественную, публицистическую или научную. Отъ такого же писателя, какъ г. Ярошъ, читающая публика въ правѣ ожидать еще и обстоятельнаго знакомства съ предметомъ, серьезнаго отношенія къ нему и тѣхъ или иныхъ положительныхъ выводовъ, которыми авторъ могъ имѣть въ виду подѣлиться со своимъ читателемъ.

Потому-то, обращаясь во вновь изданной брошюрѣ проф. Яроша: „Чувство законности и мировая юстиція“, естественно поставить вопросы: какую положительную цѣль имѣлъ ученый юристъ, издавая это свое „сочиненіе“? Какія мысли свои и заключенія желалъ онъ развить здѣсь въ назиданіе читающей публикѣ? На эти вопросы и постараемся отвѣтить, разсмотрѣвъ трудъ автора.

Этотъ трудъ распадается на двѣ отдѣльныя части. Въ первой авторъ обсуждаетъ вопросъ, насколько развито въ нашемъ обществѣ чувство законности, и придя къ заключенію, что оно развито недостаточно, обращается затѣмъ къ разсмотрѣнію причинъ, обуславливающихъ такое печальное явленіе. Останавливаться на разсмотрѣніи первой части брошюры не будемъ, а займемся исключительно второю, какъ болѣе важною, частью, гдѣ авторъ оцѣниваетъ существующія у насъ административныя и судебныя установленія, какъ органы общественной власти, способныя поддерживать и развивать въ обществѣ самое чувство законности.

Авторъ сѣтуетъ на трудность найти у насъ законную защиту правъ и интересовъ, *проистекающую, прежде всего, изъ многочисленности властей, которымъ подвѣдомственно регулированіе текущаго бытѣ жизни обывателя.* Онъ указываетъ на отсутствіе простоты въ обозначеніи предѣловъ компетентности различныхъ властей, какъ

на камень претенвенія въ дѣлѣ законнаго огражденія интересовъ. Какъ примѣръ, подтверждающій это замѣчаніе, приводится случай съ крестьянкою, подавшею мировому судѣ жалобу на обиду при раздѣлѣ наслѣдства, и которой судья въ разсмотрѣннн жалобы отказалъ по неподсудности. „Куда, куда я ни хѳдила — сѣтовала крестьянка:—была и у слѣдователя, и въ земской управѣ, и въ сиротскомъ судѣ... Нѣту толковы!“.. Въ сѣтованіи и самого г. Яроша, и упоминаемой имъ крестьянки, едва ли есть, однако, какое-либо серьезное основаніе. Предѣлы вѣденія различныхъ нашихъ судебныхъ учреждений опредѣлены законодателемъ достаточно ясно и настолько просто, насколько это въ дѣйствительности возможно, хотя, не отрицаемъ, что можетъ найтись крестьянка, не понимающая даже самыхъ простыхъ вещей,—но что же изъ этого слѣдуетъ? Гражданскіе иски между крестьянами на суммы, не превышающія 100 р., и мелкія уголовныя дѣла о личныхъ обидахъ и кражахъ на сумму 30 р. подсудны волостнымъ судамъ, находящимся, такъ сказать, подъ рукою у каждаго крестьянина и крестьянки. Границы подсудности между мировымъ судомъ и общими судебными учреждениями обозначены также съ возможной опредѣленностью, рѣдко порождающей недоразумѣнія. Если наплась крестьянка, которая, минуя свой волостной судъ, куда ей всего естественнѣе и ближе было обратиться, предприняла цѣлое путешествіе по различнымъ административнымъ, словеснымъ и судебнымъ мѣстамъ, то безтолковость этой бѣдной женщины ничего не доказываетъ въ пользу голословно высказаннаго г. Ярошемъ положенія. Другой рассказъ о крестьянинѣ, который видоизмѣнялъ редакцію своего прошенія мировому судѣ въ надеждѣ сдѣлать искъ свой подсуднымъ мировому суду, точно также представляетъ не болѣе какъ образчикъ невѣжества и наивности. Устранить проявленіе такихъ случаевъ едва ли возможно законодателю.

Далѣе, г. Ярошу не нравится строгое отдѣленіе власти судебной отъ власти административной. На мѣстѣ теперешнихъ мировыхъ судей ему, повидимому, желалось бы видѣть лицъ, облеченныхъ властью и административною, и судебною. Положеніе полиціи, возбуждающей только преслѣдованіе противъ провинившагося въ извѣстнаго рода проступкахъ и затѣмъ выступающей въ мировомъ судѣ въ роли обвиняющей стороны, представляется ему унижательнымъ для полицейскихъ властей. Указывается на право, будто бы предоставленное закономъ мировому судѣ, не только давать полиціи порученія, но и дѣлать полицейскимъ чинамъ „предостереженія“. На всѣ эти замѣчанія, не подерѣвленные никакими сколько-нибудь серьезными доводами, возражать подробно не приходится. Неудобство совмѣщенія въ одномъ и томъ же учрежденіи какъ административныхъ, такъ и судебныхъ

обязанностей, признано не одними теоретиками, но и практическими государственными дѣятелями всѣхъ странъ. Намъ, русскимъ, помнящимъ еще дореформенное время съ земскими и иными, подчиненными администраціи судами, менѣе чѣмъ кому-либо прилично увлекаться мыслию о сосредоточеніи судебной власти въ рукахъ административныхъ чиновниковъ. Принципіальные доводы противъ соединенія судебной и административной властей, выработанные наукою, безъ сомнѣнія, хорошо извѣстны ученому юристу, и рѣшать вопросъ въ обратномъ смыслѣ, не опровергнувъ общепризнанныхъ положеній, едва ли для него простительно. На мнѣніе покойнаго И. С. Аксакова въ подтвержденіе своего взгляда г. Ярошъ ссылается напрасно: извѣстный нашъ публицистъ до конца дней своихъ былъ сторонникомъ нашего нынѣшняго гласнаго суда и благословлялъ замѣну имъ дореформенныхъ судовъ съ ихъ канцелярскою тайною и взяточничествомъ. Обязанность полиціи констатировать фактъ проступка и выступать въ роли обвинителя отнюдь не можетъ ронять ея достоинства. Дѣлать полицейскимъ чинамъ предостереженія мировой судья права не имѣетъ; г. Ярошъ приводитъ 53-ю ст. уст. гр. суд. въ редакціи давно уже отиѣненной. Въ настоящее время, въ случаѣ невыполненія полицейскими чинами своихъ обязанностей относительно производства дознанія, судья имѣетъ только право сообщить объ этомъ прокурорской власти. При самомъ разборѣ дѣла судьей, роль обвинителя не представляетъ затѣмъ ничего сколько-нибудь неловкаго для полицейскаго чиновника. Сцена, приведенная г. Ярошемъ изъ очерка А. Носа, обнаруживаетъ недоразумѣніе: полицейскій, подвергавшійся перекрестному допросу, очевидно былъ по дѣлу *свидѣтелемъ*, а не *обвинителемъ*, такъ какъ подвергать допросу сторону обвиняющую законъ не допускаетъ.

Обращаясь специально къ мировому суду, авторъ требуетъ, чтобы онъ удовлетворялъ прежде всего тремъ условіямъ: близости, простотѣ и скорости.

Нельзя, конечно, отрицать того обстоятельства, что при размѣрахъ нашихъ уѣздныхъ мировыхъ участковъ не мало поселковъ находится въ довольно значительномъ разстояніи отъ камеры мѣстнаго судьи. Это неудобство могло бы быть уменьшено только увеличеніемъ повсемѣстно числа судей; но это обусловило бы значительное увеличеніе расходовъ, что было бы, конечно, обременительно для всего населенія уѣзда. Съ большими разстояніями намъ въ Россіи волей-неволей приходится мириться, и при этомъ нужно сказать, что разстояніе въ 20—30 верстъ не испугаетъ нашего сельскаго обывателя. Нужно при томъ добавить, что законъ предоставляетъ земскимъ собраніямъ назначать пунеты, гдѣ должна находиться камера судьи, и такимъ

образомъ помѣщать судъ въ центрѣ участка. Если правомъ своимъ многія земства не пользуются, то это не вина закона. Что касается до произвольныхъ отлучекъ участковыхъ судей, то противъ нихъ правительствующимъ сенатомъ приняты серьезныя мѣры, и судьи, дозволяющіе ихъ себѣ, могутъ быть подвергнуты дисциплинарнымъ взысканіямъ. Обязательное представленіе ежемѣсячныхъ вѣдомостей о всѣхъ судебныхъ засѣданіяхъ и числѣ разсмотрѣнныхъ за мѣсяцъ дѣлъ въ значительной степени затрудняетъ такія отлучки судьи. Слѣдовательно, высшая судебная власть не упускаетъ изъ виду интересовъ тяжущихся.

Судопроизводство у мировыхъ судей представляется затѣмъ г. Ярошу и слишкомъ сложнымъ, и недостаточно общепонятнымъ по дѣлопроизводству своему. Въ критикѣ своей авторъ не разграничиваетъ производства по дѣламъ уголовнымъ отъ производства по дѣламъ гражданскимъ. Понятно однако, что условія того и другого производства должны существенно различаться во многомъ, а потому говорить о нихъ совмѣстно едва ли возможно при серьезномъ отношеніи къ предмету. Въ виду этого, я позволю себѣ раздѣлить то, что смѣшалъ въ одно г. Ярошъ, и разберу сперва его критическія замѣчанія, относящіяся къ уголовному судопроизводству.

Авторъ требуетъ, чтобы уголовный процессъ былъ возможно простъ. Чтобы выяснитъ, насколько нашъ уставъ уг. суд. удовлетворяетъ этому требованію, очертимъ вкратцѣ весь ходъ процесса по уголовнымъ дѣламъ, подсуднымъ мировымъ судьямъ. По всѣмъ проступкамъ, нарушающимъ права частнаго лица, законъ предоставляетъ потерпѣвшему непосредственно обращаться съ жалобою къ судѣ и требовать наказанія виновнаго (ст. 3 уст. уг. суд.). Жалоба можетъ быть какъ письменная, такъ и словесная; послѣдняя записывается самимъ судьей со словъ жалующагося. Разъ жалоба занесена, судья назначаетъ день разбора и вызываетъ повѣстками какъ стороны, такъ и свидѣтелей. По явѣ сторонъ на судъ, самый процессъ разбирательства сводится главнымъ образомъ на допросъ выставленныхъ сторонами свидѣтелей; показанія ихъ записываются судьей въ протоколъ и грамотными изъ свидѣтелей подписываются. Затѣмъ и обвинителю, и обвиняемому предоставляется высказать свои доводы, и судья, взявъ по совѣсти весь представленный сторонами матеріалъ, постановляетъ свой приговоръ.

Какъ ни требователенъ г. Ярошъ относительно простоты процесса, но едва ли и онъ найдетъ возможнымъ упростить въ чемъ-либо процедуру только-что изложенную. Она не требуетъ даже знанія грамоты отъ сторонъ; ни обвинитель, ни обвиняемый, не нуждаются здѣсь, въ сущности, ни въ какомъ повѣренномъ. Порядокъ обжалованія при-

говора обязательно объясняется судьей сторонамъ вслѣдъ за самымъ объявленіемъ приговора. Апелляціонный или кассационный отзывъ можетъ быть предъявленъ недовольною стороною въ двухъ-недѣльный срокъ, и опять словесно. Подача его обусловливаетъ переходъ дѣла на разсмотрѣніе съѣзда мировыхъ судей. Апелляторъ можетъ просить о вызовѣ и передпросѣ подъ присягою свидѣтелей противной стороны (159 ст. уст. уг. суд.), можетъ представить своихъ свидѣтелей и новыя доказательства. Свидѣтели опрашиваются, выслушиваются объясненія сторонъ и заключеніе товарища прокурора, и затѣмъ постановляется съѣздомъ свой приговоръ, коимъ утверждается, отмѣняется или видоизмѣняется приговоръ судьи. Вотъ въ большинствѣ случаевъ весь уголовный процессъ въ двухъ инстанціяхъ мирового суда. Любопытно знать, что нашелъ бы возможнымъ упростить въ немъ г. Ярошъ?

Въ чемъ же г. Ярошъ находитъ возможнымъ упрекнуть производство по уголовнымъ дѣламъ у мировыхъ судей, съ точки зрѣнія простоты процесса? Прежде всего ему не нравится, что по дѣламъ о личныхъ обидахъ, предусмотрѣнныхъ ст. 139—143 уст. о наказ., обвинитель обязывается указать мѣсто жительства обвиняемаго, а судья освобождается отъ обязанности производить розыскъ его. Но если принять во вниманіе, что всѣ проступки, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, имѣютъ значеніе исключительно по отношенію къ потерпѣвшему, что преслѣдованіе за нихъ можетъ быть начато только по его жалобѣ, и что отъ него же зависитъ прекратить дѣло примиреніемъ во всякій моментъ производства его, то станетъ вполне понятнымъ требованіе закона, чтобы обвинитель указалъ мѣсто жительства обвиняемаго. Возложеніе на общественную власть обязанности производить самостоятельно розыскъ обвиняемаго, напр., въ нанесеніи обиды словомъ, было бы обремененіемъ ея массою хлопотъ. Къ тому же, по меньшей мѣрѣ, естественно требовать, чтобы лицо, отъ воли котораго зависитъ преслѣдовать или не преслѣдовать обвиняемаго, указало суду, гдѣ найти этого послѣдняго. Далѣе, г. Ярошъ сѣтуетъ на ненаказуемость насилій, совершаемыхъ мужьями надъ женами. Такія сѣтованія ученаго юриста оказываются, однако, неосновательными. Къ побоямъ, нанесеннымъ мужемъ женѣ и представляющимъ характеръ насилія, примѣняется 142-ая ст. уст. о наказ., и виновный приговаривается къ наказанію. Не наказуются только личныя обиды жены мужемъ—и наоборотъ. Не нравится автору и то, что 119-ая ст. уст. уг. суд., предоставляющая судѣ разрѣшать вопросъ о виновности или невиновности подсудимаго по внутреннему убѣжденію, требуетъ, однако, чтобы убѣжденіе это основывалось на имѣющихся въ дѣлѣ данныхъ, а не являлось простымъ выраженіемъ лич-

наго произвола судьи. Основательность, скажу болѣе—необходимость такого ограниченія произвола судьи не требуетъ доказательствъ, и можно только удивляться сужденію г. Яроша. Роль судьи въ уголовномъ процессѣ представляется ему не болѣе, какъ ролью посторонняго зрителя, не заинтересованнаго сущностью дѣла и слѣдящаго только за ходомъ борьбы состязующихся. Это замѣчаніе опять не вѣрно. Отношеніе къ дѣлу посторонняго зрителя въ существѣ своемъ иное, чѣмъ отношеніе къ нему судьи, обязаннаго изслѣдовать и рѣшить, кто и насколько правъ или виновенъ. Если судья самъ не разыскиваетъ свидѣтелей, то онъ лично подвергаетъ допросу свидѣтелей обѣихъ сторонъ; онъ предлагаетъ часто вопросы и самимъ сторонамъ, онъ обязанъ стараться этимъ путемъ выяснитъ факты въ ихъ дѣйствительномъ видѣ, и только послѣ всего этого постановляетъ свой приговоръ по убѣжденію совѣсти. Какой же болѣе активной роли для судьи желать бы г. Ярошъ? Замѣнить объективнаго судью обвинителемъ было бы едва ли въ интересахъ справедливости.

Замѣчаніе г. Яроша о размноженіи у насъ лжесвидѣтелей имѣтъ основаніе; но въ появленіи этой язвы едва ли можно винить мировую юстицію. Напротивъ, опытному судѣе часто удается умѣльнымъ допросомъ изобличить ложность свидѣтельскаго показанія, а 119-ая ст. уст. гр. суд. даетъ ему полное право не дать вѣры показаніямъ, заподозрѣннымъ имъ въ фальши. Наконецъ, при очевидности лжи со стороны свидѣтеля, онъ можетъ быть и привлеченъ къ суду, а законъ нашъ къ лжесвидѣтельству относится не мягко. Слѣдовательно, если лжесвидѣтельство и пускаетъ корни въ нашей деревнѣ, то почву для этого доставляетъ не судъ, а иные, виѣ его лежащіе, элементы.

Вотъ все, что нашель сказать г. Ярошъ противъ уголовного процесса въ мировомъ судѣ съ точки зрѣнія требованія возможно болѣшей простоты въ производствѣ. Въ сущности, замѣчанія его или не имѣютъ вѣса, или не относятся прямо къ вопросу о простотѣ производства. Теперь переходимъ къ замѣчаніямъ автора на гражданскій процессъ въ мировомъ судѣ.

Начнемъ и здѣсь съ краткаго изложенія гражданскаго процесса. Лицо, считающее себя въ правѣ предъавить споръ о правѣ гражданскомъ, можетъ обратиться къ судѣе съ изложеніемъ своего иска не только письменно, но и словесно. При этомъ истецъ представляетъ имѣющіяся у него письменныя доказательства иска или указываетъ свидѣтелей. Одновременно съ этимъ уплачиваются исковыя пошлины и листовой десятикопѣечный сборъ. Судья, послѣ этого, вызываетъ стороны и свидѣтелей, если таковыя указаны, во времени, назначенному имъ для разбора дѣла. Когда искъ основанъ на без-

спорныхъ документахъ, истецъ имѣеть право просить судью объ обезпеченіи взысканія немедленнымъ арестомъ имущества отвѣтчика. Разбирательство дѣла происходитъ устно, и, по рассмотрѣніи представленныхъ истцомъ доказательствъ и сдѣланныхъ отвѣтчикомъ возраженій, судья постановляетъ свое рѣшеніе, которое, при безспорности иска, можетъ быть допущено къ немедленному исполненію. Апелляціонная жалоба въ сѣздѣ мировыхъ судей и здѣсь можетъ быть принесена словесно. Вотъ, въ существенныхъ чертахъ, весь процессъ, и, конечно, ничего болѣе простаго предложить нельзя. Усложненія, на которыя сѣтуеть г. Ярошъ, зависятъ не отъ самого строя процесса, а отъ большей или меньшей сложности тѣхъ отношеній между сторонами, разсматривать которыя часто приходится суду. Уставъ гражданскаго судопроизводства долженъ былъ предусмотрѣть возможныя усложненія и указать правила для выхода изъ нихъ. Въ этихъ - то безусловно необходимыхъ указаніяхъ закона г. Ярошъ и усматриваетъ ту казуистику, на которую онъ пеняетъ. Прежде всего онъ утверждаетъ, будто мировой судья отказывается въ рассмотрѣніи исковъ, вытекающихъ изъ договоровъ аренды земли, какъ неподсудныхъ ему въ силу 1 п. 31 ст. уст. гр. суд. Здѣсь авторъ впадаетъ въ крупную ошибку. Указанный законъ воспрещаетъ мировымъ судьямъ принимать къ рассмотрѣнію своему „иски о правѣ собственности или о правѣ на владѣніе недвижимостью, утвержденномъ на формальномъ актѣ“. Такъ, судья не въ правѣ разбирать спора о правѣ собственности на недвижимое имѣніе; не можетъ онъ разрѣшать спора и о правѣ владѣнія недвижимостью, основанному на вводномъ листѣ. Изъ этого, однако, отнюдь не слѣдуетъ, чтобы споры, возникающіе изъ арендныхъ договоровъ о землѣ и по суммѣ иска не превышающіе 500 р., были неподсудны мировому судѣ. Это не составляетъ да и не составляло спорнаго вопроса съ самаго учрежденія гласнаго суда. Споры по наслѣдованію опять неподсудны мировому суду только тогда, когда они касаются правъ на недвижимость или же возникаютъ между крестьянами и не превышаютъ суммы 100 р. Слѣдовательно, первое замѣчаніе г. Яроша объясняется только весьма своеобразнымъ пониманіемъ имъ смысла 1 п. 31 ст. уст. гр. суд. Второе замѣчаніе заключаетъ въ себѣ осужденіе непринятія свидѣтельскихъ показаній въ доказательство долга. Законъ дѣйствительно требуетъ подтвержденія долга письменнымъ обязательствомъ и потому не допускаетъ допроса свидѣтелей въ доказательство займа. Но, осуждая такое требованіе закона, имѣлъ ли г. Ярошъ въ виду то, что самъ онъ говоритъ о распространеніи лже-свидѣтельства не только въ средѣ подонковъ городского, но и въ средѣ сельскаго населенія? Подумалъ ли онъ о томъ, что если теперь,

за отсутствіемъ письменнаго долговаго документа, иной довѣрчивый заимодавецъ, положившійся на совѣсть лица, котораго ссудилъ деньгами, и лишень бываетъ возможности взыскать съ должника данную ему сумму, — зато всѣ сколько-нибудь состоятельные люди избавлены отъ постоянной опасности подвергаться взысканіямъ въ пользу разныхъ проходимцевъ, подыскавшихъ себѣ двухъ-трехъ беззащитныхъ лжесвидѣтелей. Съ допущеніемъ доказывать существованіе долга свидѣтелями открылся бы весьма удобный и безопасный способъ черпать деньги въ чужомъ карманѣ. Этого-то и не хотѣлъ допустить законодатель, и предпочелъ пожертвовать интересами отдѣльныхъ, слишкомъ довѣрчивыхъ, заимодавцевъ, чѣмъ отдавать всѣхъ состоятельныхъ людей въ жертву всякимъ мошенникамъ.

Не нравится г. Ярошу и то, что законъ устанавливаетъ шестимѣсячный срокъ со дня нарушенія владѣнія, для предьявленія исковъ о возстановленіи его мировымъ судьей. Конечно, продолжительность этого срока могла быть установлена та или другая, но основанія для точнаго ея опредѣленія въ этомъ случаѣ были весьма серьезныя. Законодатель, имѣя вообще въ виду оградить фактическихъ владѣльцевъ недвижимой собственности отъ нарушеній ихъ владѣнія, предоставилъ разрѣшеніе исковъ о возстановленіи нарушеннаго владѣнія мировому суду, какъ наиболѣе простому и скорому. При этомъ требуется отъ истца установить только фактъ владѣнія и констатировать нарушеніе его; въ разсмотрѣніе самаго права владѣнія судья входитъ не разрѣшается. Предоставляя, однако, фактическимъ владѣльцамъ такую льготу на упрощенный процессъ возстановленія владѣнія, законодатель потребовалъ отъ нихъ предьявленія иска въ шестимѣсячный срокъ со дня самаго нарушенія владѣнія. Такое требованіе, во-первыхъ, отнюдь не стѣснительно, такъ какъ всякій, чье владѣніе нарушается и интересы отъ того страдаютъ, естественно долженъ спѣшить добиться возстановленія своего владѣнія. Шести мѣсяцевъ, конечно, болѣе чѣмъ достаточно даже и для самаго медлительнаго человѣка, чтобы собраться заявить судья о своемъ требованіи. Во-вторыхъ, самый способъ установленія факта и размѣровъ нарушенія владѣнія почти исключительно чрезъ опросъ свидѣтелей сдѣлался бы мало пригоднымъ и цѣлесообразнымъ при разсмотрѣніи дѣла спустя продолжительное время послѣ самаго случая нарушенія. Необходимыя подробности изглаживаются современемъ изъ памяти свидѣтелей, и можетъ понадобиться, для выясненія дѣла, разсмотрѣніе документовъ, опредѣляющихъ права тяжущихся на спорную недвижимость. Вотъ почему, пропустившему шестимѣсячный срокъ предоставляется искать возстановленіе своего права только путемъ болѣе формальнымъ. Добавлю, что случаи пропуска срока на предьяв-

леніе мировому судѣ искъ о возстановленіи нарушеннаго владѣнія встрѣчаются въ дѣйствительности только какъ весьма рѣдкое исключеніе. Заявляю я это на основаніи моей восемнадцатилѣтней практики въ харьковскомъ мировомъ округѣ, гдѣ мелкое крестьянское землевладѣніе очень распространено, и гдѣ, поэтому, число исковъ о возстановленіи нарушеннаго владѣнія сравнительно большое. Если шестимѣсячнаго срока никогда почти не пропускаютъ крестьяне, не прибѣгающіе, въ большинствѣ случаевъ, къ посредству повѣренныхъ, то людямъ, принадлежащимъ къ болѣе образованнымъ сословіямъ, ссылаться, въ этомъ случаѣ, на невѣденіе требованія закона — не приходится.

Предубѣжденный взглядъ г. Яроша усматриваетъ усложненіе процесса въ требованіи закона, чтобы искъ предъявлялся по мѣсту постоянного или временнаго жительства отвѣтчика. Ужъ не желалъ ли бы онъ предоставленія истцу права предъявлять искъ по мѣсту собственнаго своего мѣстопребыванія? Для истцовъ это было бы, конечно, удобно, но что сказали бы лица, привлекаемыя къ отвѣту часто совершенно неосновательно, — или, по мнѣнію г. Яроша, законъ обязанъ охранять интересы однихъ истцовъ? Осуждаетъ авторъ и процедуру врученія повѣстокъ сторонамъ и свидѣтелямъ; но въ чемъ она можетъ быть измѣнена — онъ не поясняетъ.

Возможность постановленія опредѣленій по частнымъ вопросамъ, возможность существованія законныхъ основаній для предъявленія отводовъ, для привлеченія къ дѣлу третьихъ лицъ и т. п. частнаго усложненія процесса признаются г. Ярошемъ за недостатки въ самомъ строѣ процесса судопроизводства. Онъ не желаетъ видѣть того, что сложность самихъ взаимныхъ отношеній лицъ, предъявляющихъ свой споръ на разсмотрѣніе суда, дѣлаетъ неизбѣжнымъ установленіе и правилъ для разрѣшенія частныхъ вопросовъ, выдвигаемыхъ практикою жизни. Что бы сказалъ самъ г. Ярошъ, еслибы законъ, игнорируя все многообразіе и сложность гражданскихъ сдѣлокъ между людьми, организовалъ судъ, по своей элементарной простотѣ и неизмѣнности формы процесса способный только разсѣвать, а не разбирать въ подробностяхъ взаимныя неудовольствія сторонъ? Можно съ увѣренностью сказать, что авторъ самъ испугался бы своего упрощеннаго суда.

Въ заключеніе разсматриваемаго отдѣла брошюры, г. Ярошъ утверждаетъ, что сельское населеніе недовольно мировымъ судомъ и предпочитаетъ свой волостной судъ. Онъ ссылается въ подтвержденіе этого на „Труды“ комиссіи о волостныхъ судахъ.

Состоя непрерывно съ 1869 г. членомъ харьковскаго съѣзда мировыхъ судей, я лично могу увѣрить г. Яроша, что то, что онъ утверж-

дасть, далеко не вѣрно. Крестьяне не только не избѣгаютъ обращаться къ мировымъ судьямъ съ исками, но сплошь и рядомъ, въ случаяхъ самыхъ незначительныхъ правонарушений, предъявляютъ иски именно мировымъ судьямъ, а не волостному суду. При этомъ, случаи предъявленія отвѣтчикомъ отвода о неподсудности дѣла относительно рѣдки. Къ тому же очень часто истецъ умышленно увеличиваетъ сумму иска свыше 100 р., чтобы устранить возможность спора о подсудности, а затѣмъ остается вполне удовлетворенъ присужденіемъ ему судьей иногда какихъ-нибудь 5—6 р., вмѣсто требовавшейся имъ значительной суммы. Число уголовныхъ дѣлъ объ обидахъ между крестьянами, разбираемыхъ мировыми судьями за неявленіемъ сторонами спора о подсудности, также весьма значительно. Скажу даже, что если отводы и заявляются иногда, то дѣлается это стороною явно неправою, рассчитывающею на возможность пустить въ своемъ волостномъ судѣ въ дѣйствіе магарычъ или личное вліяніе на сельскихъ заправиль. Объ аналогичномъ положеніи дѣла и въ предѣлахъ другихъ мировыхъ округовъ также не разъ мнѣ приходилось получать свѣденія. Слѣдовательно и послѣдній выводъ г. Яроша далеко не можетъ быть признанъ за вѣрный вообще.

Обращаемся, наконецъ, къ послѣднему отдѣлу замѣчаній автора, въ которыхъ онъ критикуетъ уставы—за проволочки, будто бы допускаемыя ими въ производствѣ дѣлъ.

Г-нъ Ярошъ указываетъ прежде всего на то, что послѣ подачи судѣй жалобы или исковой просьбы сторонамъ приходится ожидать полученія повѣстокъ о вызовѣ на судъ черезъ двѣ недѣли, мѣсяцъ и даже болѣе. Относительно этого слѣдуетъ замѣтить, во-первыхъ, что назначеніе дня разбирательства дѣлается судьей обыкновенно немедленно по принятіи жалобы или исковой просьбы, такъ что лицу, подавшему прссьбу лично, объ этомъ объявляется тутъ же, и повѣстки посылаютъ ему не приходится. Самый день разбирательства дѣла назначается по расчету времени, необходимаго для извѣщенія повѣстками отвѣтчика (обвиняемаго) и указанныхъ стороною свидѣтелей. Въ уѣздахъ, гдѣ повѣстки приходится вручать черезъ волостныя правленія, дѣйствительно нельзя назначить разборъ дѣла ранѣе чѣмъ черезъ 10—15 дней. При спорахъ между горожанами срокъ этотъ сокращается часто до 2—3 дней. Какъ же, однако, избѣжать необходимости извѣщенія отвѣтчика (обвиняемаго) и свидѣтелей о днѣ разбора дѣла? Или г. Ярошъ допускаетъ возможность рѣшать дѣла по одной просьбѣ истца или обвинителя, безъ вызова противной стороны? Отсрочка разбирательства за неявкою свидѣтеля, на допросѣ котораго настаиваетъ сославшаяся на него сторона, опять не по-сердцу г. Ярошу. Но какъ же въ такихъ случаяхъ поступать: неужели допустить отказъ сторонѣ

въ возможности подтвердить свое право, о которомъ она заявляетъ? Неявка отвѣтчика (или обвиняемаго), получившаго повѣстку, не препятствуетъ постановленію заочнаго рѣшенія. Этого г. Ярошъ не осуждаетъ, но онъ видитъ допущеніе затяжки въ предоставленіи законномъ отвѣтчику (обвиняемому) права на подачу отзыва о вторичномъ разсмотрѣнн дѣла въ двухнедѣльный срокъ со дня полученія имъ копии съ заочнаго рѣшенія. Неужели г. Ярошъ отнятіемъ—у обвиняемаго и приговореннаго заочно къ наказанію—права на подачу отзыва желаетъ лишить его всякой возможности остановить исполненіе приговора, состоявшагося безъ оцѣнки его оправданій? Копія съ заочнаго приговора получается обвиняемымъ весьма часто уже по истеченіи срока на принесеніе апелляціи. Столь же часто неявка обвиняемаго къ разбирательству дѣла обуславливается вполне законными причинами, и у него имѣются несомнѣнные доказательства невиновности. Или всѣмъ этимъ законъ, по мнѣнію автора, долженъ былъ пренебречь во имя одной только скорости окончанія производства дѣла во что бы то не стало? Иначе нѣсколько обставлено постановленіе заочнаго рѣшенія въ гражданскомъ процессѣ. Здѣсь, помимо обезпеченія иска, въ дѣлахъ безспорныхъ допускается и предварительное исполненіе заочнаго рѣшенія, а это дѣйствительный коррективъ противъ стараній отвѣтчика затянуть производство дѣла: до подачи отзыва на заочное рѣшеніе взысканіе оказывается уже нерѣдко произведеннымъ, и это отнимаетъ у отвѣтчика самый поводъ къ подачѣ отзыва. Двухнедѣльный срокъ на подачу отзыва на заочный приговоръ (или рѣшеніе) едва ли имѣетъ право признавать слишкомъ продолжительнымъ г. Ярошъ, находящій, какъ мы видѣли выше, недостаточнымъ шести мѣсяцевъ для предъявленія исковъ о возстановленіи нарушеннаго владѣнія. То же самое слѣдуетъ сказать и относительно двухнедѣльнаго срока на подачу апелляціоннаго и кассационнаго отзывовъ на приговоры мировыхъ судей по уголовнымъ дѣламъ. По дѣламъ гражданскимъ, гдѣ срокъ на обжалованіе рѣшенія судьи мѣсячный, по всѣмъ безспорнымъ дѣламъ (ст. 138 уст. гр. суд.) допускается предварительное исполненіе, а рѣшенія по искамъ, не свыше 30 р., приводятся въ исполненіе независимо отъ обжалованія рѣшенія судьи въ кассационномъ порядкѣ. Наконецъ, разсрочка взысканія допускается только при самомъ постановленіи рѣшенія и включается въ текстъ резолюціи; при томъ законъ опредѣляетъ самыя условія, при которыхъ она можетъ быть допущена. Слѣдовательно, въ дѣйствительности, уставы судопроизводства отнюдь не даютъ обвиняемымъ и отвѣтчикамъ возможности безосновательно оттягивать постановленія и исполненія судебныхъ рѣшеній. Всѣ указанныя замѣ-

чанія г. Яроша оказываются поэтому лишенными дѣйствительнаго основанія.

Этимъ, въ сущности, и заканчиваются замѣчанія г. Яроша на уставы уг. и гр. судопроизводства. Слѣдуютъ въ заключеніе общія сѣтованія на то, что при усматриваемой авторомъ сложности и продолжительности процесса людямъ по-неволѣ приходится или прибѣгать къ самоуправству, или отказываться отъ преслѣдованія нарушителя права или обидчика. Для иллюстраціи приводятся примѣры, но они едва ли подтверждаютъ то, что желалъ довать авторъ. Указывается, съ одной стороны, на затруднительность для домохозяина выжить изъ дома занимающаго квартиру, но не платящаго за нее денегъ жильца. Здѣсь упускается изъ виду, что такіе иски возникаютъ почти исключительно въ городахъ, что здѣсь разборъ дѣла слѣдуетъ обыкновенно весьма скоро за подачею исковой просьбы, и что, наконецъ, въ виду 138-ой ст. уст. гр. суд., рѣшеніе судьи о выводѣ изъ квартиры жильца всегда почти допускается къ предварительному исполненію. Слѣдовательно, ожидать вывода изъ квартиры неплатящаго денегъ жильца домохозяину, обратившемуся къ мировому судѣю, приходится въ дѣйствительности весьма не долго. Случай съ помѣщицею, которую обругалъ нищій, въ томъ видѣ, въ какомъ сообщаетъ его г. Ярошъ, ровно ничего не доказываетъ. Случай съ артелью работницъ на табачной плантаціи въ окрестностяхъ Севастополя точно также ничего не говоритъ въ подтвержденіе тезисовъ г. Яроша. Онъ свидѣтельствуетъ развѣ о томъ, что мошенникъ можетъ надувать своихъ контрагентовъ, но онъ не подтверждаетъ, чтобы обманъ сходилъ безнаказанно съ рукъ по винѣ закона. Наконецъ, послѣдній примѣръ юноши, желавшаго скорѣе уплатить незначительный денежный штрафъ за проступокъ, въ которомъ онъ обвинялся, чѣмъ подвергнуться вызову на судъ второю инстанціею, очевидно не болѣе какъ фельетонный анекдотъ, а никакъ не аргументъ, что-либо доказывающій.

Изъ всего, имъ самимъ высказаннаго, г. Ярошъ не выводитъ никакихъ опредѣленныхъ, положительныхъ заключеній, а ограничивается общимъ замѣчаніемъ о необходимости „какихъ-либо измѣненій, которыя привели бы законоположенія наши въ согласіе съ требованіями живой дѣйствительности“. Вотъ весь плодъ разсужденій автора, плодъ очевидно тощій и не оправдывающій даже механическаго труда, затраченнаго на написаніе 57 печатныхъ страницъ.

Разсмотрѣвъ, одно за другимъ, всѣ замѣчанія г. Яроша о кажущихся ему несовершенствахъ нашей мировой юстиціи и констатировавъ отсутствіе, въ итогѣ автора, какого-либо положительнаго вывода, за исключеніемъ избитаго общаго мѣста, что существующее вызы-

васть-моль желаніе усовершенствованій въ будущемъ, мы возвращаемся къ двумъ вопросамъ, поставленнымъ нами съ самаго начала, а именно: какую положительную цѣль имѣлъ ученый юристъ, издавая свое „сочиненіе“? Какія мысли и заключенія желалъ онъ развить въ назиданіе читателю?

Если г. Ярошъ имѣлъ въ виду подвергнуть наши судебныя уставы серьезной критикѣ и обнаружить ихъ дѣйствительныя недостатки, то выполнилъ онъ свое намѣреніе, по меньшей мѣрѣ, неудачно. За мѣчанія автора, какъ мы видѣли, или обличаютъ его недостаточное знакомство съ текстомъ самихъ уставовъ и съ существующею судебною практикою (примѣрами могутъ служить его замѣчанія на 1 п. 31 ст. уст. гр. суд., его сѣтованіе по поводу ненаказуемости будто бы насилій мужа надъ женою, его заявленіе о трудностяхъ, встрѣчающихся при редактированіи и подачѣ исковой просьбы, и нѣкоторыя другія), или оказываются совершенно неосновательными, какъ заключающія въ себѣ требованія, послѣдствій которыхъ самъ авторъ, по видимому, не взвѣсилъ. Къ послѣдней категоріи слѣдуетъ, на примѣръ, отнести замѣчанія относительно заочныхъ приговоровъ, вызова сторонъ къ разбирательству дѣла, и нѣк. друг. Въ итогѣ, вся совокупность замѣчаній г. Яроша не выдерживаетъ даже поверхностной критики: по разборѣ ихъ ничего въ результатѣ не остается, и самъ авторъ заключилъ свое „сочиненіе“ самымъ избыточнымъ общимъ мѣстомъ. Въ виду этого, трудно опредѣлить и самую цѣль автора при изданіи разсмотрѣнной брошюры.

Точно также и на второй вопросъ отвѣтъ получается весьма мало удовлетворительный для автора. Онъ самъ, въ заключительныхъ словахъ своихъ, выражаетъ, что не имѣетъ, въ сущности, ничего сообщить читателю, кромѣ общей заключительной фразы. Для этого писать и издавать брошюру не стоило, особенно лицу, самое положеніе котораго обязываетъ его относиться серьезно и къ предмету, о которомъ онъ берется писать, и къ читающей публикѣ, имѣющей право ожидать отъ него не фельетонныхъ приемовъ сужденій, а зрѣло взвѣшенныхъ выводовъ.

Д. ДЕЛАРЮ.

Харьковъ, 1888.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1-го августа 1888.

Канунъ тысячелѣтія христіанства въ Россіи.—Рѣчь о. Іакова Новицкаго.—Итоги первыхъ девяти вѣковъ, и задачи послѣдняго вѣка.—Наши крупныя городскія хозяйства и ихъ общественное управленіе.—Результаты дѣятельности одесскаго городского общественнаго управленія за послѣднія 10 лѣтъ до 1887 г. включительно, и современное финансовое положеніе города.—Общественное хозяйство города Москвы за двадцать-пять лѣтъ: 1863—1887 гг.

На долю нынѣ живущихъ поколѣній выпало проводить въ вѣчность предпослѣднее, девятое столѣтіе—и вступить въ послѣднее, которымъ закончится при слѣдующихъ уже поколѣніяхъ полное тысячелѣтіе окончательнаго утвержденія христіанства въ Россіи. Въ 988 году внучъ великой княгини кіевской св. Ольги, великій князь кіевскій Владиміръ святой, вмѣстѣ съ рукою византійской царевны Анны, принялъ св. крещеніе, почти еще за сто лѣтъ до полного раздѣленія вселенской церкви на восточную и западную—во второй половинѣ XI-го вѣка. Значеніе великаго акта, введшаго насъ въ общую семью историческихъ народовъ, и притомъ самостоятельнымъ ея членомъ—для насъ таково же, каковымъ было для всего міра утвержденіе христіанства въ всемірной римской имперіи въ IV-мъ вѣкѣ, при римскомъ императорѣ Константинѣ Великомъ, избравшемъ тогда же новою столицей древнюю Византію—съ того времени Константинополь.

Настоящее повсемѣстное въ Россіи торжественное чествованіе этого, такъ сказать, кануна тысячелѣтія христіанства въ Россіи, въ день памяти св. Владиміра, 15-го іюля, совершалось нынѣ въ первый разъ—и притомъ, можно сказать, всенародно, такъ какъ уничтоженіе крѣпостного права принадлежитъ къ крупнымъ итогамъ, хотя и не далекаго, но уже прошедшаго времени, а не къ числу тяжелыхъ задачъ будущаго. Странно было бы, въ самомъ дѣлѣ, даже и представить всенародное торжество, каковымъ было настоящее, сто или двѣсти лѣтъ тому назадъ, когда пришлось бы встрѣтиться въ жизни съ такимъ гражданскимъ порядкомъ, какового не знала эпоха введенія христіанства въ Россіи, ни даже предшествующая ей эпоха язычества. Конечно, узы народнаго невѣжества, грубость общественныхъ нравовъ—не могутъ быть отмѣняемы какимъ-нибудь актомъ, въ одинъ день, какъ былъ отмѣненъ ихъ постоянный источникъ—крѣпостное

право, но то, что сдѣлано уже для просвѣщенія народа усиліями правительства, земства и городовъ, а для исправленія общественныхъ нравовъ—путемъ земской и судебной реформы, въ какую-нибудь четверть вѣка, говорить о легкой возможности воспользоваться предстоящею послѣднею сотнею тысячелѣтія христіанства въ Россіи такъ, что наше ближайшее потомство уже не услышитъ, при повтореніи юбилейнаго торжества, тѣхъ сѣтованій на темноту народной массы и безнравіе общества, какими сопровождались размышленія о настоящемъ торжествѣ въ наше время. Если достаточно было двадцати-пяти лѣтъ для того, чтобы намъ уже теперь казалось многое изъ недавней дѣятельности почти сказочнымъ, то тѣмъ болѣе возможно, что, вѣкъ спустя, наше потомство будетъ въ состояніи точно также относиться къ нашей, далекой для нихъ, современности, какъ мы теперь относимся къ сравнительно болѣе близкой.

Нѣтъ сомнѣнія, что умственное и нравственное состояніе нашихъ народныхъ массъ дѣйствительно не таково, чтобы можно было, судя по нимъ, заключить, что насъ отдѣляютъ уже девять вѣковъ отъ эпохи введенія христіанства, всеобщаго источника новѣйшей цивилизаціи, и доказательства тому у всѣхъ предъ глазами, ими наполняются почти ежедневно столбцы газетъ, а публичность суда и ничѣмъ не стѣсняемая доступность для печати обсуждать и сообщать все, что касается дѣятельности земскихъ и городскихъ учреждений, сдѣлали только болѣе очевиднымъ то, что прежде оставалось у прежнихъ учреждений въ тѣни. Намъ случилось наканунѣ самаго торжества встрѣтить, между прочимъ, въ газетахъ весьма интересную рѣчь, произнесенную ректоромъ витебской духовной семинаріи, о. протоіереемъ Іаковомъ Новицкимъ, именно на эту самую тему—о томъ умственномъ и нравственномъ убожествѣ народныхъ массъ и общественной распущенности, среди которыхъ застало насъ настоящее празднество.

„Что же сдѣлано для религіозно-нравственнаго просвѣщенія народа,—вопрошаетъ ораторъ, конечно, имѣя въ виду, главнымъ образомъ, дѣятельность церкви,—не говоримъ въ теченіе девяти вѣковъ, ибо судить объ этомъ не мѣсто и не время (?), а что сдѣлано для этой цѣли въ нашъ просвѣщенный вѣкъ? Далеко ли ушелъ въ наше время русскій народъ по тому пути, какой указанъ и завѣщанъ ему Владиміромъ святымъ?

„Съ глубокимъ прискорбіемъ мы должны констатировать фактъ, что впередъ онъ не ушелъ, а сдѣлалъ не мало шаговъ назадъ, что уровень религіозно-нравственнаго развитія народа значительно понизился въ наше время, подъ влияніемъ духа (!) нашего времени“...

„Основные религіозныя представленія и понятія народа такъ же

темны и сбивчивы, главные догматы вѣры такъ же неопредѣленны, какъ и въ прежнее время, попрежнему нашъ народъ опутанъ множествомъ грубыхъ суевѣрій и нелѣпныхъ предрасудковъ, попрежнему онъ стоитъ съ закрытыми глазами передъ книгой живота вѣчнаго— не понимаетъ смысла и значенія обрядовъ православной церкви не разумѣетъ того, что видитъ и слышитъ въ храмѣ Божиѣмъ; попрежнему, наконецъ, даже молиться, какъ должно, не умѣетъ!..

„Столь же мрачную картину представляетъ и нравственная жизнь народа. Нравственность народа стоитъ въ прямой зависимости отъ религіозности его. Какъ бы ни были темны и неправильны религіозныя представленія народа, какъ бы ни были нелѣпы предрасудки и суевѣрія, которыми восполняетъ народъ дефицитъ въ религіозныхъ познаніяхъ своихъ, они неизбѣжно являются главными регуляторами нравственной дѣятельности его“, и т. д.

Какъ ни печаленъ такой приговоръ, высказанный притомъ столь компетентнымъ сравнительно съ нами лицомъ, но, признаемся, трудно было бы и не намъ возражать ему въ виду дѣйствительныхъ фактовъ будничной народной жизни, свидѣтельствующихъ объ основательности приговора; мы не можемъ только хорошо уразумѣть, что хотѣлъ сказать почтенный ораторъ, объясняя ухудшеніе нравовъ народныхъ и пониженіе его умственныхъ силъ „вліяніемъ *духа* нашего времени“. Если онъ подъ этимъ разумѣетъ такъ-называемое „глетворное вліяніе Запада“, то и онъ, вѣроятно, согласится съ нами, что до народныхъ массъ не вполнѣ достигла даже еще простая русская грамотность, а о проникновеніи „духа нашего времени“ въ народъ не можетъ быть и рѣчи. Ораторъ, правда, указываетъ въ одномъ мѣстѣ, что въ нашъ „гуманный, просвѣщенный вѣкъ“—проводниками цивилизаціи въ народѣ являются нерѣдко фабрики, заводы и т. п. цивилизующія силы“; но тогда зачѣмъ же было говорить, что умственные и нравственные силы народа понизились, будто бы, „подъ вліяніемъ духа нашего времени“? Насколько непонятно послѣднее, настолько справедливо первое, а въ такомъ случаѣ не слѣдовало ли бы оратору отдать справедливость „духу нашего времени“, такъ какъ этотъ духъ именно и состоитъ въ томъ, чтобы замѣнить „фабрики, заводы и т. п. цивилизующія силы“—народною школою, облегчить опасности тяжелаго народнаго труда медицинскою помощью, улучшить народный бытъ устройствомъ крестьянскихъ банковъ, однимъ словомъ, сдѣлать все то, что является для государства и общества возможнымъ въ первый разъ только послѣ уничтоженія вѣрноподданнаго права, и что было почти невысказано въ эпоху его господства.

Между тѣмъ ораторъ, очевидно, стоитъ на той точкѣ зрѣнія, что „духъ нашего времени“ и „фабрики, заводы и тому подобныя цивилизующія силы“, т.-е. трактиры, кабаки, —одно и то же! — такъ какъ далѣе онъ говоритъ уже слѣдующее:

„Измѣнить указанное отношеніе (т.-е. умственное и нравственное паденіе народа) не могутъ никакія реформы (?), никакія улучшения (?!) народнаго быта. Потому-то и *величайшее* событіе, совершившееся въ наше время въ жизни народа и долженствовавшее, повидимому (?), оказать самое благотворное вліяніе на народную нравственность—разумѣемъ освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости—на дѣлѣ не только не улучшило (!) народной нравственности, но повело (!!) къ печальнымъ въ нравственномъ отношеніи послѣдствіямъ. Освобожденный отъ рабства физическаго и не владѣя достаточной для нравственнаго самоопредѣленія степенью развитія (которой, скажемъ мимоходомъ, онъ вовсе не имѣлъ, именно благодаря крѣпостному праву, при которомъ и никогда бы ея не достигъ), нашъ народъ быстрыми шагами пошелъ по пути нравственной распущенности. Порочность возросла (?) количественно и качественно; усилилось пьянство, ослабѣло чувство законности; умножились насилія и несправедливости всякаго рода“,—но остановимся на этомъ, такъ какъ и этого болѣе чѣмъ довольно, для того, чтобы выяснилась сама собою основная мысль оратора о злосчастныхъ и бѣдственныхныхъ послѣдствіяхъ „освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости“, которое, однако, онъ тутъ же называетъ „величайшимъ“ событіемъ нашего времени—эпитетъ не вполне соответствуетъ воззрѣніямъ того же оратора на пагубныя послѣдствія этого „величайшаго событія“. Но дѣло въ томъ, что событіе было дѣйствительно „величайшимъ“,—только ораторъ самопроизвольно связалъ съ нимъ вышеописанныя явленія народной жизни; объяснять ихъ уничтоженіемъ крѣпостнаго права было бы столь же основательно, какъ еслибы кто объяснялъ дождливые дни лѣта 1861 года освобожденіемъ крестьянъ въ февралѣ того же года. Крѣпостное право, хотя въ разныхъ формахъ, но существовало повсюду — и повсюду уже уничтожено, притомъ вовсе не такъ давно; почему же нигдѣ уничтоженіе крѣпостнаго права не повлекло за собою никакихъ печальныхъ послѣдствій, въ родѣ исчисленныхъ ораторомъ въ Россіи? Очевидно, почтенный ораторъ принялъ „post hoc“—послѣ того—за „propter hoc“—потому. Да еще и самый „post hoc“ требуетъ доказательствъ: очень возможно, что, при болѣе точномъ сравненіи умственнаго и нравственнаго уровня народа въ наше время и сто лѣтъ тому назадъ, оказалось бы, что какъ ни худо настоящее, но все же оно

гораздо лучше того, что остается позади, хотя бы уже и потому, что послѣднее не подавало и надежды на что-нибудь лучшее.

На нынѣшнемъ торжествѣ 900-лѣтія присутствовало не мало представителей единовѣрныхъ намъ славянъ, но зато отсутствовали наши же ближайшіе соплеменники, исчисляемые милліонами; это—старовѣры и вообще сеетанты, которыхъ, притомъ, никто не упрекаетъ въ тѣхъ порокахъ, которые ставятся въ вину другой части нашего народа. Нельзя не пожелать, чтобы такое ихъ отсутствіе не повторилось при новомъ и еще болѣе торжественномъ юбилей, сто лѣтъ спустя. Въ нашемъ же прошедшемъ есть образцы того, какъ нѣкоторыя мѣры содѣйствовали къ нашему сближенію съ старовѣрами, и какъ нѣкоторыя еще болѣе затрудняли это сближеніе,—и этого уже довольно, чтобы знать, чѣмъ слѣдуетъ руководиться въ будущемъ для достиженія вышеназванной цѣли. Во всякомъ случаѣ это составляетъ одну изъ существенныхъ задачъ будущаго.

Въ отношеніи внѣшнемъ, политическомъ, введеніе христіанства въ Россію путемъ именно восточной римской имперіи, а не западной, привело къ результатамъ самымъ желательнымъ, въ смыслѣ внѣшней духовной независимости нашей народной церкви, что нельзя не признать самымъ существеннымъ благомъ въ судьбѣ каждой страны. Эпоха введенія христіанства въ Россію была уже началомъ политическаго паденія восточной римской имперіи и разложенія ея цивилизаціи, сдѣлавшаго ее потомъ легкою добычею турокъ въ XV столѣтіи, а потому, при отдаленности Россіи, политическое вліяніе Византіи не могло имѣть для нея тѣхъ же послѣдствій, какія испытали другія славянскія народности, или совсѣмъ эллинизированныя, или поставленныя въ тѣсную церковную зависимость отъ Константинополя. Въ теченіе двухсотлѣтняго тяжелаго для насъ періода монгольскаго ига Византія не сдѣлала никакихъ усилій къ тому, чтобы освободить своихъ новыхъ единовѣрцевъ—такъ слабы были политическія связи между нами и византійскою имперіею; а когда мы окончательно свергли монгольское иго, она почти вслѣдъ затѣмъ была уже завоевана турками, вслѣдствіе полного своего нравственнаго изнеможенія. Правда, изъ Византіи къ намъ проникали первыя начала наукъ и искусствъ, но, къ сожалѣнію, для самой Византіи эта эпоха была, какъ мы уже сказали, эпохою паденія цивилизаціи, а потому о вліяніи ея на наши нравы—современные намъ славянофилы могли бы съ полною основательностью сказать то же и почти тѣми же словами, что они говорятъ теперь о „глетворномъ“ вліяніи Запада, съ тою только разницею, что современный намъ Западъ имѣетъ

мало общаго съ тѣмъ положеніемъ, въ какомъ находилась Византія наканунѣ ея завоеванія турками.

Какова могла бы быть наша участь, еслибы мы не успѣли достигнуть самостоятельности народной церкви, можно судить по тому положенію, какое испытали на себѣ другія славянскія народности, оставаясь въ духовномъ подчиненіи у византійскаго духовенства. Читатели могутъ познакомиться ближе съ этимъ вопросомъ по статьѣ, помѣщенной у насъ выше: „Греко-болгарская распря въ шестидесятихъ годахъ“ вышшняго вѣка, Э. С. Бурмова-Стоянова, бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ въ Болгаріи; онъ писалъ по личнымъ воспоминаніямъ, а слѣдовательно былъ близко знакомъ и съ предметомъ изслѣдованія, и съ дѣйствующими лицами,—дѣйствіе же происходило какихъ-нибудь 25 лѣтъ тому назадъ!

Если взгляды на значеніе „величайшаго“ событія нашей новѣйшей исторіи, подъ которымъ разумѣютъ уничтоженіе крѣпостного права, бывають иногда, какъ мы только-что видѣли, крайне оригинальны и своеобразны, — то, съ другой стороны, дѣятельность земскаго и городского общественнаго управленія хотя и обращаетъ на себя вниманіе и нашего общества, и печати, но, къ сожалѣнію, помимо предвзятыхъ идей, такому вниманію далеко не соответствуетъ степень серьезнаго знакомства и въ обществѣ, и въ печати, съ дѣятельностью этого управленія, съ ея условіями и результатами. Не будемъ говорить о земствѣ,—ему у насъ посвящено выше Внутреннее Обзорѣніе, по случаю наступающаго 25-лѣтія земства, 1-го января 1889 г. Остановимся на городскомъ общественномъ управленіи, которому исполнится въ будущемъ году 15 лѣтъ,—и это тѣмъ болѣе кстати, что недавно появились въ Москвѣ и Одессѣ отчеты за цѣлые прошедшіе періоды мѣстнаго городского общественнаго управленія: въ Одессѣ вышелъ въ свѣтъ „Отчетъ за десятилѣтіе, 1878—1887 гг.“, а въ Москвѣ появился первый выпускъ отчета по городскому хозяйству за 25-лѣтіе, т. е. за десятилѣтній періодъ до введенія Городоваго Положенія 1870 г., и за 15 лѣтъ по введеніи его въ дѣйствіе въ 1873 г. Начнемъ съ менѣе крупнаго городского хозяйства, и затѣмъ перейдемъ къ болѣе крупному: въ Одессѣ около 220 тыс. жителей, а въ Москвѣ—до 750.000; въ Петербургѣ, безъ пригородовъ, 862 тысячи (1881 г.).

О степени важности Одессы, какъ одного изъ нашихъ первоклассныхъ городовъ, можно заключить уже изъ того, что она одна

(кромѣ Риги) въ Городовомъ Положеніи 1870 г. приравняется очень часто къ столицамъ, и многія исключенія, допущенныя закономъ для послѣднихъ, допускаются также и для Одессы, какъ весьма важнаго портового города и одного изъ главныхъ центровъ нашей отпускной и преимущественно хлѣбной торговли. Впрочемъ, это послѣднее обстоятельство было причиною также и того, что восточная война 1877 года нигдѣ не отразилась столь неблагоприятно на благосостояніи города и его финансахъ, какъ именно въ Одессѣ: въ 1878 г. одесское городское общественное управленіе испытало тяжкій кризисъ, который прежде всего выразился въ огромномъ для Одессы дефицитѣ городского бюджета: на 1878 г. по росписи было исчислено доходовъ всего на 1.340.000 руб., а расходовъ предстояло на 1.617.000 руб., т.-е. около 300 тысячъ дефицита! Прошло съ того тяжелаго времени не болѣе 10 лѣтъ, и городская роспись Одессы на текущій 1888 годъ представляетъ уже слѣдующую, по истинѣ завидную для другихъ городовъ картину: на 1888 г. исчислено доходовъ—2.734.000 р., а расходовъ—2.605.000 р., т.-е. около 130.000 остатка!! При этомъ нужно еще замѣтить, что послѣдняя городская роспись, заключенная въ Одессѣ съ дефицитомъ, была въ 1879 году. Такое быстрое исправленіе, можно сказать, отчаяннаго финансоваго положенія города, когда въ 1878 году текущій доходъ могъ покрыть только $\frac{3}{4}$ расходовъ, а десять лѣтъ спустя не осталось и помину о такомъ дефицитѣ,—вызоветъ еще большее удивленіе, если привести въ подробности тѣ факты, которыми ознаменовало свою дѣятельность одесское городское общественное управленіе именно въ теченіе этихъ самыхъ десяти лѣтъ. Уравновѣшеніе городской росписи, перешедшее, наконецъ, въ текущемъ году въ значительное превышеніе доходовъ надъ расходами, произошло, какъ оказывается, вовсе не путемъ отказа городу въ удовлетвореніи его нуждъ и потребностей, — напротивъ, одесская городская дума въ послѣднее десятилѣтіе отличалась особенною предприимчивостью и успѣла дать на дѣлѣ своему городу многое изъ того, чтó еще до сихъ поръ составляетъ предметъ только проектовъ и плановъ даже для столичныхъ городовъ имперіи. Какъ ни важно благоустройство и увеличеніе больницъ, но то, чтó уменьшаетъ потребность въ больницахъ, какъ, наприм., оздоровленіе города устройствомъ канализаціи—должно быть поставлено еще выше. Одесса имѣетъ канализацію, и именно въ послѣднія 10 лѣтъ, несмотря на упомянутыя финансовыя затрудненія, дѣло распространенія канализаціи росло постоянно, а мимоходомъ получалась и новая польза, а именно, благодаря канализаціи, городъ могъ приступить къ орошенію и оплодотворенію солончаковъ, обращенныхъ

такимъ образомъ въ огорды; въ отношеніи канализаціи и Петербургъ можетъ серьезно позавидовать Одессѣ. Особенно послѣднее пятилѣтіе выдалось по чрезвычайной дѣятельности одесскаго городского общественнаго управленія на разныхъ поприщахъ исполненія имъ обязанностей, возлагаемыхъ на думу и закономъ, и довѣріемъ избирателей. Такъ, въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ городское общественное управленіе соорудило центральную скотобойню, какую и мы, въ Петербургѣ, имѣемъ также не очень давно; помимо чрезвычайно важнаго санитарнаго значенія скотобойни, она приноситъ городу Одессѣ дохода около 250.000 рублей ¹⁾, и слѣдовательно служить хорошею поддержкой городскихъ средствъ. Въ этотъ же періодъ времени городъ отстроилъ казарменныхъ помѣщеній на 257 т. р., инвалидный домъ на 100 человекъ и отдѣленіе богадельни; открылъ городскихъ и народныхъ училищъ болѣе чѣмъ на 1.800 учащихся, съ тремя ремесленными отдѣленіями; замостилъ тесанымъ камнемъ до 20.000 погонн. саж. (40 верстъ) улицъ; отстроилъ одинъ изъ лучшихъ театровъ въ Россіи, на мѣсто сгорѣвшаго 15 лѣтъ тому назадъ, и центральную электрическую станцію; образовалъ богатые питомники, давшіе возможность покрыть городъ самою разнообразною растительностью, и т. д. Но первое мѣсто въ городской росписи Одессы, какъ и многихъ другихъ городовъ, всегда занимало и теперь занимаетъ болыничное и благотворительное дѣло, на которое отпускается въ послѣднее время свыше полумилліона рублей,—и именно въ послѣднее пятилѣтіе одесская городская управа устроила для городской больницы паровую прачешную (50 тыс. руб.), одно изъ условій наилучшаго удовлетворенія требуемой чистоты больничнаго бѣлья, и дезинфекціонную камеру со всѣми приспособленіями. Мы далеко не кончили бы перечисленія всего сдѣланнаго городомъ въ послѣдній періодъ дѣятельности его общественнаго управленія, если бы ко всему названному присоединили еще устройство новаго кладбища, раскинутаго на 48 десятинахъ, и анатомическаго дома на старомъ кладбищѣ. Но и связаннаго довольно, чтобы судить о степени дѣятельности одесскаго городского общественнаго управленія въ теченіе послѣдняго десятилѣтія, открывшагося въ 1878 году тяжелымъ финансовымъ кризисомъ, какъ мы выше сказали, послѣ восточной войны. Быть можетъ, однако, одесская городская дума, для исправленія своихъ финансовъ и удовлетворенія вышепоименованныхъ расходовъ, обременила городъ тяжелыми налогами? Но въ этотъ періодъ времени одесскою управою

¹⁾ При 220.000 населенія г. Одессы; г. Петербургъ получаетъ, при 862.000 жит.—281.000 руб., т.-е. относительно менѣе.

введено всего два налога: налогъ на лошадей частныхъ лицъ и налогъ на театральныя представленія; первый слишкомъ ничтоженъ (около 9.000 руб.), чтобы повліять на улучшение кассы, а второй введенъ только въ половинѣ прошедшаго года. Размѣръ опѣночнаго сбора въ Одессѣ даже пониженъ въ послѣднее время до 7% (вмѣсто разрѣшенныхъ закономъ 10%); адреснаго же и больничнаго сбора, занимающаго такое видное мѣсто, напримѣръ, въ больничномъ бюджетѣ г. Петербурга, вовсе не существуетъ въ Одессѣ. О введеніи больничнаго налога въ Одессѣ, по примѣру столичныхъ городовъ, городская дума обратилась, правда, съ ходатайствомъ предъ высшимъ правительствомъ, но разрѣшенія его до сихъ поръ не послѣдовало, а безъ того, конечно, было бы трудно требовать отъ города новыхъ затратъ, послѣ понесенныхъ уже имъ на больничное дѣло, хотя, разумѣется, все, что могло бы содѣйствовать къ удовлетворенію ходатайства думы въ настоящемъ случаѣ, было бы вмѣстѣ и содѣйствіемъ къ успѣху больничнаго дѣла въ Одессѣ. Впрочемъ само одесское городское общественное управленіе смотритъ, повидимому, иначе на это дѣло — и, по нашему мнѣнію, не безъ основанія: финансовое отдѣленіе одесской городской управы, перечисляя то, что городу предстоитъ еще сдѣлать въ близкомъ будущемъ на пользу общества, такимъ образомъ заключаетъ введеніе къ своему послѣднему отчету о десятилѣтней дѣятельности одесскаго городского общественнаго управленія:

„Многія нужды города (Одессы) требуютъ еще удовлетворенія. Не говоря уже о томъ, что нѣкоторыя обязательства, принятыя на себя городомъ, какъ, наприм., постройка зданія для ремесленнаго училища и содержаніе его, постройка зданія для народныхъ чтеній (кромѣ существующей уже городской публичной библіотеки), устройство пріюта для сиротъ женскаго пола (для мальчиковъ уже существуетъ), пособіе на открытіе медицинскаго факультета и т. п., остаются пока безъ выполненія, — слѣдуетъ также озаботиться присвоеніемъ средствъ на удовлетвореніе другихъ потребностей, хотя не безусловно обязательныхъ для города, но тѣмъ не менѣе необходимыхъ, а потому и неотложныхъ. Къ нимъ безспорно можно причислить прежде всего постройку дома и колоніи для умалишенныхъ, больницъ, устройство дренажа между Херсонскимъ и Нарышкинскимъ спусками; затѣмъ постройку моста на Полицейской улицѣ, устройство на площадяхъ торговыхъ помѣщеній, соотвѣтствующихъ своему назначенію, и т. п. Само собою разумѣется, — заключаетъ финансовое отдѣленіе одесской городской управы, — что на производство означенныхъ расходовъ текущихъ средствъ города будетъ недостаточно; необходимо

поэтому озаботиться объ увеличеніи городскихъ доходовъ, а источникомъ къ подобному увеличенію могло бы послужить установленіе въ Одессѣ *квартирнаго налога*, вопросъ о которомъ уже давно ждетъ разрѣшенія“.

Итакъ, въ Одессѣ, очевидно, не настаиваютъ на больничномъ налогѣ, а указываютъ, и весьма основательно, на квартирный налогъ, какъ на лучшее средство къ упорядоченію городскихъ финансовъ и связаннаго съ ихъ судьбою всего городского хозяйства. Нельзя не сознаться, что какъ въ этомъ отношеніи одесское городское общественное управленіе стоитъ далеко впереди многихъ другихъ, такъ и въ другихъ отношеніяхъ, напримѣръ по вопросу о содержаніи городского общественнаго управленія. Послѣ всего, что мы выше исчислили, говоря о его дѣятельности, можно было бы ожидать, что съ умноженіемъ исполнительнаго дѣла одесской городской управы, содержаніе управленія должно значительно возрасти, — но на дѣлѣ вышло совсѣмъ иное: въ 1878 г., когда общая сумма текущихъ доходовъ и расходовъ простиралась почти до 3 милліоновъ, на содержаніе общественнаго управленія было израсходовано 162.000 руб., т.-е. $5\frac{1}{2}\%$; — въ 1887 г. общая сумма доходовъ и расходовъ возросла до 4.315.000 р., содержаніе же общественнаго управленія поднялось съ прежнихъ 162 т. р. на 172 т. р., т.-е. въ процентномъ отношеніи даже понизилось, такъ какъ составляло уже не $5\frac{1}{2}\%$, а всего 4%. Такое умѣренное развитіе стоимости содержанія одесскаго городского общественнаго управленія нельзя не признать вполне нормальнымъ и вполне образцовымъ.

Но какъ бы ни были велики заслуги предъ городомъ Одессою ея общественнаго управленія — все это, по нашему мнѣнію, не должно служить основаніемъ къ тому, чтобы его дѣятельность поставлена была внѣ всякой критики, хотя бы въ силу французской пословицы: *le mieu est l'ennemi du bien*. Впрочемъ и само одесское управленіе, какъ мы видѣли, вовсе не собирается опочить на лаврахъ, исчисляеть свои недоимки и стремится только къ тому, чтобы добыть то, что называется *perquis regium*, т.-е. деньги. Въ числѣ недоимокъ упомянуты и больницы. Мы отказались еще въ прошедшій разъ отъ обсужденія тѣхъ мѣръ, которыя были приняты мѣстной администраціею въ послѣднее время для побужденія города къ улучшенію больничнаго дѣла, а теперь считаемъ такое обсужденіе еще болѣе неумѣстнымъ послѣ того, какъ одесская городская дума, по предложенію городского головы, г. Маравали, единогласно постановила обжаловать дѣйствія администраціи въ правительствующій сенатъ. Но разъ мы указали свѣтлыя стороны дѣятельности одесскаго городского общественнаго управленія, — спра-

ведливость требуетъ указать и тѣ „тѣни“, которыя послужили поводомъ къ послѣднимъ событіямъ, наложеннымъ въ нашей послѣдней хроникѣ. Эти „тѣни“ больничнаго дѣла въ Одессѣ были замѣчены, правда, не теперь, а два года тому назадъ, при личномъ осмотрѣ г. генералъ-губернаторомъ больницъ осенью 1886 года, и состояли въ слѣдующемъ, какъ о томъ была увѣдомлена одесская городская управа:

1) Скорбные листы не во всѣхъ палатахъ ведутся съ одинаковою тщательностью, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ таковыхъ и совсѣмъ не было.

2) Отсутствие большей части ординаторовъ, въ день, назначенный для осмотра, служило препятствіемъ къ полученію необходимыхъ объясненій о ходѣ болѣзни и лишало возможности надлежащимъ образомъ ознакомиться съ медицинскимъ персоналомъ больницы.

3) Не всѣ части зданія больницы содержатся въ должной исправности; есть флигеля и отдѣленія, небрежно отремонтированныя, въ коихъ вслѣдствіе того замѣчаются сырость и нечистота.

4) Посуда, употребляемая больными въ палатахъ, содержится въ недостаточной чистотѣ, особенно между оловянными предметами нѣкоторые попадались въ грязномъ видѣ.

5) Въ кухнѣ тоже усмотрѣна была нелуженая посуда.

6) Бѣлья для больныхъ далеко не достаточно; оказалось, что по количеству больныхъ такого недостаетъ даже на три смѣны.

7) Въ цейхгаузѣ не установлено такого порядка, при которомъ вещи срочныя, исправныя, идущія въ постоянное употребленіе больныхъ, были бы рѣзко отдѣлены отъ ветоши и хлама, отнюдь не подлежащихъ назначенію въ очередь для ношенія.

8) Храненіе собственной одежды больныхъ ведется безъ надлежащей системы и обнаруживаетъ совершенное отсутствіе заботливости: вещи больныхъ, пришедшихъ съ заразными болѣзнями, не отдѣлены отъ прочихъ вещей и могутъ служить источникомъ зараженія; также грязное бѣлье, принесенное больными, постоянно остается все время невымытымъ, въ какомъ видѣ и выдается по выпискѣ больныхъ, къ явному ущербу для ихъ здоровья.

9) Комнаты, занимаемыя сестрами милосердія, крайне тѣсны и вовсе не обеспечиваютъ имъ совершенно заслуженнаго послѣ тяжелыхъ трудовъ отдыха, по отсутствію спокойствія и уюта. Представляется совершенно необходимымъ нанять для нихъ особое помѣщеніе вблизи зданія больницы, увеличивъ взаимнъ того просторъ для больныхъ отводомъ комнатъ этихъ подъ палаты.

„Независимо этихъ частныхъ недостатковъ, упущеній и безпоряд-

новъ“, было найдено, что „самая постановка административной части въ одесской городской больницѣ въ высшей степени неправильна и нецѣлесообразна“, что и послужило поводомъ, какъ мы видѣли, къ пересмотру Высочайше утвержденнаго больничнаго устава 1850 г. въ особой комиссіи при одесскомъ градоначальствѣ и къ выработкѣ новаго.

Что же касается частныхъ недостатковъ, упущеній и безпорядковъ въ городской больницѣ, найденныхъ два года тому назадъ, въ октябрѣ 1886 г., то одесское городское общественное управленіе, какъ то и слѣдовало ожидать, посѣвшило воспользоваться сдѣланными ему указа- ніями и возстановить порядокъ. Уже въ февралѣ слѣдующаго 1887 года оно сообщило, что со стороны городского общественнаго управленія приняты слѣдующія мѣры:

1) Поручено и. д. старшаго врача имѣть постоянное и неослабное наблюденіе, чтобы скорбные листы во всѣхъ палатахъ велись съ надлежащею тщательностью и вообще съ точнымъ соблюденіемъ предписанныхъ на сей предметъ въ уставѣ лечебныхъ заведеній правилъ, а также чтобы ординаторы являлись въ палаты въ опредѣ- ленные тѣмъ уставомъ часы и оставались при своихъ занятіяхъ по мѣрѣ дѣйствительной необходимости.

2) Учрежденъ болѣе строгій надзоръ за ремонтными работами въ зданіяхъ больницы, и строжайше вмѣнено въ обязанность смотрителю больницы постоянно слѣдить за тѣмъ, чтобы посуда въ пала- тахъ и въ кухнѣ больницы содержалась въ должной чистотѣ и опрят- ности.

3) Количество больничнаго бѣлья постепенно пополняется до необходимаго комплекта, для каковой надобности, по росписи 1887 г., ассигновано 12.690 р. 31 к.

4) Въ бѣлевомъ цейнгаузѣ больницы вещи срочныя, исправныя и идущія въ постоянное употребленіе больныхъ по возможности рѣзко отдѣлены отъ негодныхъ.

5) Вещи больныхъ, пришедшихъ въ больницу съ заразными болѣзнями, складываются отдѣльно отъ прочихъ вещей и, по распо- ряженію дежурнаго ординатора, или подвергаются уничтоженію, съ вознагражденіемъ собственниковъ вещей по цѣнамъ понятыхъ и по- лицейскаго чиновника, или же предназначаются для дезинфекціи, а грязное бѣлье обыкновенныхъ, вновь поступающихъ, больныхъ, немедленно послѣ снятія съ нихъ, передается въ стирку и хранится уже вымытымъ до востребованія.

Для болѣе правильнаго и немедленнаго дезинфекцированія вещей заразныхъ больныхъ, какъ поступающихъ въ больницу, такъ и поль-

зующихся въ городѣ внѣ больницы, устроена, на городскія средства, новая дезинфекціонная камера съ необходимымъ для этого усовершенствованнымъ аппаратомъ, каковая въ скоромъ времени начнетъ свое дѣйствіе (она уже дѣйствуетъ и ежегодно стѣбитъ городу свыше 5.000 руб.).

6) Что касается замѣченныхъ неудобствъ въ помѣщеніи для служащихъ при больницѣ сестеръ, то при всемъ желаніи устранить эти неудобства назначеніемъ другого, соотвѣтственнаго для нихъ помѣщенія, Городская Управа вынуждена воздержаться съ этимъ до окончанія начатыхъ ею переговоровъ съ мѣстнымъ управленіемъ Краснаго Креста относительно числа сестеръ, имѣющихъ оставаться при больницѣ на дальнѣйшее время, но какъ только этотъ вопросъ выяснится и установится то или другое по этому предмету соглашеніе, со стороны городского общественнаго управленія будетъ сдѣлано немедленно все отъ него зависящее, чтобы помѣщеніе сестеръ обставлено было всѣми необходимыми для нихъ удобствами.

По приведеніи, такимъ образомъ, въ порядокъ вышеупомянутыхъ частныхъ недостатковъ, упущеній и безпорядковъ еще въ прошедшемъ году, оставался, слѣдовательно, одинъ вопросъ о самой „поставкѣ административной части въ одесской городской больницѣ“, признанной неправильною и нецѣлесообразною, хотя и основанною на нынѣ дѣйствующихъ Высочайше утвержденныхъ законоположеніяхъ. Но это уже чисто-законодательный вопросъ, лежащій внѣ сферы самодѣятельности какъ мѣстной администраціи, такъ и городского общественнаго управленія.

Въ апрѣлѣ нынѣшняго года исполнилось первое двадцати-пятилѣтіе городского общественнаго управленія, какъ на старыхъ, такъ и на новыхъ началахъ, въ г. Москвѣ, въ то время, какъ въ Петербургѣ оно существуетъ уже слишкомъ 40 лѣтъ. Въ 1846 г. было введено въ дѣйствіе „петербургское“ Городовое Положеніе, а 17 лѣтъ спустя, 10 апрѣля 1863 г. — „московское“; и то, и другое, въ 1873 г., были замѣнены общимъ для всѣхъ городовъ имперіи Городовымъ Положеніемъ 18-го іюня 1870 года. Сорокалѣтній періодъ Петербурга и двадцатипятилѣтній — Москвы рѣзко раздѣляются на двѣ части, мало сходныя между собою, и гранью ихъ служить именно годъ введенія нынѣ дѣйствующаго Городового Положенія, т.-е. 1873-й годъ. До этого года, по прежнимъ своимъ мѣстнымъ Положеніямъ 1846 и 1862 гг., обѣ Думы, называвсь „общинами“, были,

однако, сословныя и имѣли значеніе только совѣщательныхъ собраній: существенныя ихъ постановленія и самая городская роспись утверждались для того, чтобы войти въ силу, а петербургская дума (распорядительная, т.-е. Управа) имѣла, сверхъ того, въ своей средѣ „члена отъ короны“; распорядительная дума (городская управа) была подчинена сенату, начальнику губерніи и военному генералъ-губернатору, по распоряженію котораго только и могла созываться и закрываться общая дума; онъ же окончательно рѣшалъ „разномыслия“ между общею и распорядительною думою, утверждалъ городского секретаря, сословныхъ старшинъ, членовъ распорядительной думы и торговой депутаціи, а губернаторъ могъ всегда, когда находилъ то нужнымъ, предсѣдательствовать въ распорядительной думѣ. Но и это еще не все: сверхъ вышеупомянутыхъ трехъ подчиненій, общественное управленіе было подчинено еще прокурорскому надзору, какъ въ лицѣ общей, такъ и распорядительной думы; товарищъ прокурора или стряпчій присутствовали при ежемѣсячномъ свидѣтельствovanіи городскихъ суммъ. Только съ 1873 г. всѣ городскія думы сдѣлались безсословными и въ предѣлахъ, указанныхъ закономъ, самостоятельными; контроль за ихъ дѣйствіями предоставленъ теперь мѣстному губернатору или градоначальнику, а сужденіе о правильности или неправильности дѣйствій—особому присутствію по городскимъ дѣламъ, состоящему изъ лицъ правительственныхъ и выборныхъ (городской голова и предсѣдатели губернской управы и мирового съѣзда), подъ предсѣдательствомъ губернатора или градоначальника; но и постановленія такого присутствія могутъ быть обжалуемы въ сенатъ. Итакъ, современное городское общественное управленіе собственно составляетъ не вторую часть петербургскаго сорокалѣтія и московскаго двадцатипятилѣтія, а совершенно другую ихъ исторію, не имѣющую ничего общаго съ первою частью.

Отсюда, въ послѣднее время, возникъ вопросъ: который изъ двухъ вышеупомянутыхъ порядковъ предпочтительнѣе? Рѣшался этотъ вопросъ чисто съ личной точки зрѣнія: тѣ, которые усматривали въ новомъ порядкѣ лишеніе прежнимъ легкимъ способамъ распоряжаться городскими дѣлами и кассою, были на сторожѣ прежняго порядка—и наоборотъ. Но и тѣ и другіе забывали, что правительство, безъ сомнѣнія, нашло необходимымъ отмѣнить прежній порядокъ, конечно, не потому, что при томъ порядкѣ процвѣтало городское хозяйство—напротивъ: именно паденіе городского хозяйства только и могло быть главною причиною, побудившею правительство отмѣнить прежній порядокъ и ввести тотъ порядокъ, при которомъ, какъ доказалъ опытъ, городское хозяйство процвѣтаетъ у всѣхъ другихъ народовъ. Ко-

нечно, по этому поводу можно замѣтить, что опять опытъ же доказалъ, что тѣ порядки, которые у другихъ народовъ приносятъ несомнѣнную пользу, у насъ, какъ оказалось, не принесли и десятой доли такой пользы. Но, во-первыхъ, для правильности опыта недостаетъ времени: десять, пятнадцать лѣтъ въ жизни общественной—не то, что въ жизни отдѣльнаго человѣка, да и наслѣдство, полученное отъ прежнихъ порядковъ, было не таково, чтобы можно было исправить его въ столь короткое время; наконецъ, и противники должны согласиться, что хоть одна десятая часть пользы принесена, между тѣмъ какъ прежніе порядки, очевидно, не представляли въ будущемъ надежды и на такой скромный размѣръ пользы, или, иначе, они не были бы отиѣнены. Главная же причина малыхъ успѣховъ въ нашемъ городскомъ хозяйствѣ состоитъ именно въ томъ, что новый порядокъ хотя и заимствованъ у другихъ, гдѣ процвѣтаютъ хозяйства, но не вполне; такъ на примѣръ, самое существенное—выборное право—у насъ, за исключеніемъ остзейскихъ городовъ (гдѣ, сказать мимоходомъ, и городское хозяйство стоитъ потому несравненно выше), ограничено такимъ образомъ, что лучшія силы не имѣютъ доступа къ участию въ городскомъ общественномъ управленіи. Очевидно, что наши городскіе порядки только по вѣнности имѣютъ нѣкоторое сходство съ городами сосѣднихъ странъ, но въ существѣ весьма отличны отъ нихъ; а потому всякое сравненіе нашихъ результатовъ съ результатами другихъ городовъ—само по себѣ неправильно.

Московская городская дума, еще въ концѣ 1886 г., въ виду приближенія упомянутого 25-ти-лѣтія, постановила ознаменовать день 10-го апрѣля 1888 г. составленіемъ полного свода всѣхъ доходовъ и расходовъ города за истекшій періодъ, съ подробными историческими и статистическими объясненіями по каждому предмету общественнаго хозяйства, съ тѣмъ, чтобы къ 10-му апрѣля былъ напечатанъ первый выпускъ этого изданія. Въ исполненіе этого постановленія, въ назначенный думою срокъ и явился 1-й выпускъ первой части, подъ заглавіемъ: „Общественное хозяйство города Москвы въ 1863—1887 гг.“, составленный М. П. Щепкинымъ (всего 334 страницы in 4°, и четыре вѣдомости съ таблицами свода городскихъ доходовъ и расходовъ за 1863—1872 г. и за 1873—1886 г.). Такой трудъ, появляющійся, если не ошибаемся, впервые, гдѣ оказываются сопоставленными результаты городского хозяйства до и послѣ 1873 года, можетъ послужить, лучше всякихъ разсужденій, къ выясненію вопроса о преимуществахъ и недостаткахъ двухъ способовъ городского хозяйства. Въ настоящемъ, первомъ выпускѣ перваго тома мы находимъ пока одніи вступительныя главы, съ историческимъ очеркомъ формъ состав-

ленія городскихъ росписей и ихъ сводомъ за 24 года по новой классификаціи ¹⁾.

Изъ такихъ сводовъ видно, что въ первый 10-ти-лѣтній періодъ дѣйствія московскаго „Положенія“ 1862 г., отъ 1863 до 1872 г., расходы городскіе возросли на 1 миллионъ (въ 1863 г.—1.665.000 руб.; въ 1872 г.—2.707.000 руб.); а въ 10-ти-лѣтній періодъ дѣйствія общаго Городового Положенія 1870 г., отъ 1873 г. до 1882 г., расходы возросли на 2½ миллиона (въ 1882 г.—5.202.000 руб.), въ послѣдніе же 4 года (1883—1886)—еще на 450 тысячъ руб. (въ 1886 г.—5.642.000 руб.). Первое мѣсто въ росписи 1886 г. занимаетъ расходъ на полицію и пожарную часть—1.424.000 р., т.-е. свыше 25% всѣхъ расходовъ, а второе мѣсто занимаетъ городское общественное управленіе—600.000 р., т.-е. свыше 10½%; по сравненію съ стоимостью того же предмета въ Одессѣ, нельзя не признать такой процентъ слишкомъ высокимъ, а потому мы скорѣе готовы предположить, что въ составъ расходовъ на городское общественное управленіе въ московской росписи внесены и такіе предметы, которые собственно не относятся къ содержанію городского общественнаго управленія въ собственномъ смыслѣ этого слова. Вообще говоря, росписи нашихъ городовъ составляются такъ своеобразно, что нѣтъ почти никакой возможности дѣлать относительныя сравненія между ними. Но и за всѣмъ тѣмъ расходъ на управленіе въ Москвѣ намъ представляется весьма значительнымъ—въ Одессѣ такой же расходъ не превышаетъ, какъ мы видѣли, 4% всѣхъ городскихъ расходовъ.

Весьма утѣшительны результаты дѣятельности московскаго городского управленія по народному образованію: въ первое десятилѣтіе (1863—1872) средній расходъ въ годъ на этотъ предметъ былъ всего 33.000 р., а во второе, когда управленіе сдѣлалось самостоятельнымъ (1873—1882)—162.000 р.; въ послѣдніе же 4 года онъ возросъ до 415.000 р., т.-е. свыше 8% всѣхъ расходовъ.

Дефициты городскихъ росписей въ Москвѣ обнаруживаютъ постоянный ростъ: въ періодъ 24 лѣтъ было всего 5 лѣтъ безъ дефицита (послѣдній въ 1878 г.). Въ 1877 г. дефицитъ достигъ колоссальной цифры—2.104.000 р.; въ 1886 г.— послѣдній отчетный для со-

¹⁾ Классификація городскихъ доходовъ и расходовъ, какъ извѣстно, считается до сихъ поръ однимъ изъ трудныхъ предметовъ: составленная классификація въ московскомъ изданіи имѣетъ много хорошихъ сторонъ, но при этомъ не принято въ ображеніе требованіе Городового Положенія—раздѣлять расходы, прежде всего, на „обязательныя“ и „необязательныя“; это дало бы еще болѣе понятія о томъ, что, собственно, составляетъ ту сумму, которою могутъ распорядиться вообще городскія думы для удовлетворенія нуждъ обывателей.

ставителей свода—дефицитъ равнялся 687.000 р. Но здѣсь мы должны повторить вышесказанное нами: при разнообразіи пріемовъ составленія росписей очень трудно судить объ истинномъ значеніи дефицитовъ нашихъ городовъ. Такъ, и въ настоящемъ случаѣ оказывается, дѣйствительно, что тотъ колоссальный, миллионный дефицитъ 1877 г. произошелъ оттого, что 1 миллионъ рублей, пожертвованный г. Москвою на нужды турецкой войны, дѣликомъ занесенъ въ роспись „обыкновенныхъ“ расходовъ на 1877 годъ! Надобно думать, что при болѣе правильныхъ пріемахъ составленія городскихъ росписей и другіе такъ-называемые „дефициты“ сведутся къ гораздо болѣе скромнымъ цифрамъ...

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.

ІЮЛЬ — АВГУСТЪ, 1888.

Книга седьмая. — Іюль.

	СТР.
Пьянство и воровъа противъ него. — II. — Окончаніе. — И. И. ЯНЖУЛА.	8
Въ первый разъ у заурени. — Народный разсказъ Л. К. Лазаревича. — Съ серб- скаго. — Н. Г.	89
Лудвигъ Гольбергъ, Георга Брандеса. — Съ датскаго. — А. Т.—ВА.	86
Муса. — Романъ въ двухъ частяхъ. — Часть вторая. — I—VI. В. Д. КАРЕНИНА. Русскій эпосъ и новыя его изслѣдователи. — Г. Халайскій и Дамбергъ. — АЛЕКСАНДРА ВЕСЕЛОВСКАГО.	81 144
Чудаки. — Разсказъ. — В. ДЪДЛОВА.	166
Новѣйшіе критики парламентаризма. — III. — Окончаніе. — Л. З. СЛОНИМСКАГО Элегія. — В. МИНСКАГО.	224 248
Современныя виллетристы. — Г. А. Маттеи; М. Н. Альбовъ; А. Чеховъ. — К. К. АРСЕНЬЕВА	245
Исторія крестьянскаго вопроса въ Россіи. — „Крестьянскій вопросъ въ Россіи“, В. И. Семевскаго. — А. В.—НЪ.	262
Хроника. — Императоръ Вильгельмъ I. — Старая и новая Германія. — XII— XV. — Окончаніе. — Е. И. УТИНА.	301
Внутреннее Овозраженіе. — Законъ 4-го апрѣля о сбереженіи лѣсовъ. — Преграды, встрѣчавшіяся на его пути; категоріи лѣсовъ, подпадающія подъ его дѣй- ствіе; составъ лѣсоохранительныхъ комитетовъ. — Усиленіе уголовной кары за лѣсными порубки. — Основныя положенія о промышленныхъ училищахъ; слухи о проектируемыхъ измѣненіяхъ въ положенія реальныхъ училищъ. — Законъ о вольныхъ людяхъ. — Распространеніе дѣйствія крестьянскаго посемельнаго банка въ царство польское.	346
Замѣтка. — Наши финансовыя недуги. — Кредитныя билеты, ихъ упадокъ и восстановленіе. — Л. С.	366
Иностранное Овозраженіе. — Императоръ Фридрихъ III. — Polemica газетъ по поводу его болѣзни. — Политическое значеніе его царствованія. — Пер- выя акты Вильгельма II и ихъ особенности. — Положеніе дѣла въ Австро- Венгріи и во Франціи	378
Литературное Овозраженіе. — Письма и бумаги Петра В., т. I. — Проф. Пет- ровъ, Лекціи по всемірной исторіи, т. II—III. — А. П. — Земскія повин- ности, т. I. — В. Александренко, Англійскій тайный совѣтъ и его исто- рія, т. I, ч. I-ая. — К. К. — Новыя книги и брошюры.	392
Замѣтка. — Новый отчетъ о вѣдѣнной торговлѣ за 1887 годъ	406
Изъ Общественной Хроники. — Слухи о предстоящихъ перемѣнахъ въ уст- ройствѣ средняго и высшаго женскаго образованія. — Вопросъ о „все- сословности“ женскихъ гимназій, въ связи съ книгою г-жи Пиллеръ. — Проектируемыя вновь высшія женскія курсы по иностраннымъ языкамъ и по другимъ предметамъ. — Открытіе томскаго университета. — Новое со- общеніе саратовскаго губернатора. — Переходъ больничнаго дѣла въ Одессѣ изъ рукъ городского общественнаго управленія подъ ближайшее наблюденіе врачабнаго инспектора полиціи.	410
Вильноградскій Листокъ. — Петербургъ до его основанія, Г. А. Немирова. Вып. I. — Исторія девятнадцатаго вѣка, Г. Гервинуса. Т. VI. — Лекціи по исторіи римской литературы, В. И. Модестова. — Государственная служба въ теоріи и въ дѣйствующемъ правѣ Англіи, Франціи, Германіи и Цислейтанской Австріи, проф. Н. О. Кушлевскаго.	

Книга восьмая. — Августъ.

стр.

Муся.—Романъ въ двухъ частяхъ.—Часть вторая.—VII-XV.—Окончаніе.—В. Д. КАРЕНИНА	433
Вторая половина XVIII вѣка, въ письмахъ братьевъ гр. С. и А. Воронцовыхъ.—I-VII.—А. БРИКНЕРА	519
Воскресенье.—Поэма Сирокомли.—О. МИХАЙЛОВОЙ	548
Изъ истории пеховъ у насъ и въ Европѣ.—Очеркъ.—М. И. КУЛИШЕРА	564
Иванъ Кудий и жена его Феюшка.—Разсказъ изъ южно-русскаго народнаго быта.—В. ЛѢСНИЦКОЙ	603
Сибирь и послѣдованія ея.—VII. Польская литература о Сибири.—Новыя путешествія западно-европейскія и американскія.—VIII. Сибирская исторіографія.—Окончаніе.—А. Н. ПЫПИНА	622
Съ того свѣта.—Поэма.—Соч. Давидъ-Кристи Муррей.—Съ англійскаго.—I-VIII.—А. Э.	669
Греко-болгарская распря въ шестидесятыхъ годахъ.—Историческій очеркъ.—I-II.—Ф. СТОЯНОВА-БУРМОВА	718
Хроника.—Церкутомляніе учащихъся и его послѣдствія.—А. П. ДОБРОСЛАВИНА	760
Внутреннее Овозраженіе.—Земскіе финансы.—Итоги земскихъ сборовъ за истекшее двадцатипятилѣтіе земства.—Отношеніе доходовъ населенія къ земскимъ сборамъ въ различныхъ губерніяхъ.—Различіе въ обложеніи движимаго и недвижимаго имущества.—Способы обложенія имущества земствами, и уклоненія отъ обложеній.—Земскія недоимки.—Обязательныя и необязательныя расходы.—Общія итоги	779
Иностранное Овозраженіе.—Русско-германское сближеніе.—Пребываніе германскаго императора въ Россіи.—Газетные толки и споры.—Отношеніе Германіи къ болгарскому вопросу.—Миролюбивыя попытки и ихъ вѣроятныя дѣла.—Упадокъ „буланжизма“ во Франціи.—Роль президента Карно.—Семейно-политическій кризисъ въ Сербіи.—Положеніе дѣлъ въ Болгаріи	813
Литературное Овозраженіе.—Воспоминанія о повѣздѣ въ Константинополѣ, А. Коптева.—Древне-русскія сказанія и повѣсти о смутномъ времени XVII-го вѣка, С. Ф. Платонова.—Путеводитель по Кавказу, Е. Вейденбаума.—А. П.—Матеріалы для оцѣнки земельныхъ угодій. Крелевецкій уѣздъ, П. П. Червинскаго.—Ф. В.—Теорія денежнаго и кредитнаго обращенія, Л. Федоровича.—Подготовительныя мѣры къ восстановленію обращенія звонкой монеты.—La France la Russie et l'Europe, par A. Legou-Beaulieu.—Л. С.—Новыя книги и брошюры	827
Замѣтка.—Ученія потуги.—„Чувство законности и мировая истица“, сочиненіе проф. К. Н. Яроша.—Д. Деларю	849
Изъ Овещественной Хроники.—Каиуть тысячелѣтія христіанства въ Россіи.—Рѣчь о. Іакова Новицкаго.—Итоги первыхъ десяти вѣковъ, и задатки послѣдняго вѣка.—Наши крупныя городскія хозяйства и ихъ общественное управленіе.—Результаты дѣятельности одесскаго городского общественаго управленія за послѣдніа 10 лѣтъ, до 1887 г. влючительно, и современное финансовое положеніе города.—Общественное хозяйство города Москвы за двадцать-пять лѣтъ: 1868—1887 гг.	862
Библиографическій Листокъ.—Замѣтки о мѣстной реформѣ, Г. А. Евреянова.—Великая княгиня Еватерина Павловна, И. Н. Вахерянова.—Физиологія любви, Паоло Мантегацци.	

БИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Замѣтки о вѣстной реформѣ. Г. А. Евреиновъ. Топ. Правит. Свѣта. Спб., 1888. Стр. 130. Ц. 1 р.

Вопросъ о мѣстной реформѣ обсуждался въ послѣднее время многими и съ различныхъ сторонъ, тѣмъ не менѣе авторъ новаго изслѣдованія того же предмета взялъ на себя трудъ пересмотрѣть его основаній, въ надеждѣ болѣе счастливо мнѣвать въ Сивиллу, и Харибду. „Если,—говоритъ Евреиновъ,—еще недавно либеральныя увѣщанія обнаруживали значительное вліяніе при оцѣнѣ достоинства учреждений (земскихъ и городскихъ), то въ настоящее время взаимная этика увѣщаніями реакціи породила столь же *безотчетное прославленіе* сословно-политическаго строя управления, господствовавшаго у насъ до преобразования прошлаго царствованія,—причемъ нерѣдко уминенно закрывають глаза на отрицательныя результаты дѣятельности учреждений этого типа“. Авторъ полагаетъ, что въ въ недостаткахъ реформы лежатъ причины нашей „неурядицы“, такъ какъ остались и остаются жѣсткости, которыхъ не коснулись реформы, но и тамъ дѣла идутъ не лучше. Отдавая справедливость почтеннымъ сторонамъ дѣятельности земства, авторъ уязвляетъ на слабое его участіе въ припятіи жѣрѣ къ улучшенію сельскаго хозяйства, за недостаткомъ денегъ,—между тѣмъ крушился часть сборовъ идти на содержаніе властей и ихъ разлѣды, причемъ уязвляется, что этотъ недостатокъ отличать не одинъ „новый“ учрежденія: если 17 милліоновъ стоить земское управленіе, то и полицейское обходится государству болѣе 15 милліоновъ, что вовсе не ограждаетъ безземельныя сельскихъ жителей. Городовое Положеніе 1870 г., во мнѣнію автора, вовсе не нуждается въ допѣ, а требуетъ только поправки и техническихъ улучшеній. Несколько выработанный авторомъ планъ соответствуетъ его же исходной точкѣ—мы остановимся на этомъ подробнѣе при ближайшемъ разсмотрѣніи этого, во всякомъ случаѣ, интереснаго и заслуживающаго вниманія труда.

Великая княгиня Екатерина Павловна, четвертая дочь имп. Павла I, герцогиня Ольденбургская, королева вюртембергская (1788—1818 г.). Биографическій очеркъ, съ приложеніемъ портрета и автографа. Состав. И. Н. Важеняновъ. Спб., 1888. Стр. 87.

Во всѣхъ титулахъ, поименованныхъ въ главнѣ очерка, слѣдуетъ еще присоединить наиболѣе интересній для насъ и наиболѣе характеризующій личное значеніе и, кн. Екатерины Павловны въ эпоху царствованія ея брата, имп. Александра I: ея первый свурругъ, Георгъ Ольденбургскій, отецъ современнаго имп. вокопнаго принца Петра Георгиевича, былъ главнуправляющимъ путями сообщенія и генералгубернаторомъ тверскимъ, повгородскимъ и ярославскимъ; резиденціею ея была Тверь. Отецъ принца Георга былъ лишенъ Наполеономъ своего герцогства, и сину пришлось удалиться изъ Твери въ Ярославль, вслѣдствіе занатія Наполеономъ Москвы, вскорѣ послѣ чего пр. Георгъ и сваччался, незадолго до паденія французовъ изъ Россіи. Екатерина Павловна успѣла только пере-

жить паденіе незнакомнаго ей врага, Наполеона, выйдя вторично замужъ за вюртембергскаго принца, вступившаго вскорѣ на королевскій престолъ, и скончалась въ 1818 г., тридцать лѣтъ отъ роду. Ея вліяніе на имп. Александра I-го было такъ велико, благодаря ея уму и характеру, что имя Екатерины Павловны не можетъ быть обойдено при изложеніи его царствованія. Непримиримая ненависть къ Наполеону сдѣлала изъ нея нечто подобное знаменитой королеви прусской Луизѣ: ей принадлежить не только мысль и планъ народнаго освобоченія 12-го года, но отчасти и приведеніе ихъ въ исполненіе. Но эта же самая ненависть къ Наполеону возбуждала въ ней ненависть ко всему французскому, и тѣмъ самымъ опредѣляла ея роль во внутренней нашей исторіи той эпохи. Нѣтъ сомнѣнія, она не осталась безъ вліянія на императора при паденіи представителя „французской“ партіи—Сперанскаго; ея близкімъ другомъ былъ Карамзинъ, а у нея въ Твери, въ 1811 г., былъ прочтенъ императору извѣстный „Записку о старой и новой Россіи“, вызвавшую въ послѣднемъ неудовольствіе: „и,—пишетъ Карамзинъ о своемъ чтеніи,—не имѣлъ счастья быть согласенъ съ императоромъ Ею мнѣніемъ“.—Александръ I-й простился съ истерическимъ крайне холодно. Только вліяніемъ Екатерины Павловны можно объяснить то, что вскорѣ императоръ измѣнилъ свой взглядъ на „Записку“. Въ Вюртембергѣ, несмотря на какое-нибудь три года ея високаго положенія королеви, она оставила добрую память, какъ основательница „дома трудолюбія“ и прирѣчій; но и тамъ она сохранила ненависть ко всему „французскому“, измѣнившему и въ Германіи весь ея старій политическій бытъ; за мѣсяцъ до смерти она писала Карамзину: „Писаю болѣе (мнѣ), а читайте менѣе конституцій германскихъ, которыя не нное, какъ совершенный надоръ. Съ тѣхъ поръ, какъ я болѣе вижу національнныя репрезентаціи, выучилась я цѣнить весь словъ: хорошіе законы, которые исполняютъ—вотъ лучшая конституція“. А какъ сдѣлать, чтобы хорошіе законы исполнялись—неумолимая смерть не дала ей времени ихъ обдумать, ни рѣшить этого вопроса, и подкосила жизнь этой выходящей изъ ряду женщины того времени, среди волнаго расцвѣта ея физическихъ и умственныхъ силъ.

Физиология любви. Паоло Мантегацца. Пер. съ 2-го итал. изд. С. и М. Спб. 1888. Ц. 1 р. 50 к.

Уже десять лѣтъ тому назадъ вывели въ свѣтъ итальянскій оригиналъ; на него въ свое время обратили вниманіе наши журналы, а теперь, появившаяся и переводъ, вызвавшій, впрочемъ, желаніемъ сдѣлать поправку къ полюбившимся и у насъ болѣе или менѣе безобразнымъ, но оригинальнымъ трактатамъ на ту же тему, которую избралъ и П. Мантегацца. Но Мантегацца также не разрѣшилъ трудной задачи, какая предостовитъ каждому въ изслѣдованіи подобнаго сюжета: до сихъ поръ, начиная съ глубокой древности, единственными комментаторами любви были поэты—иногда любви,—а новѣйшіе комментаторы этого чувства усваиваютъ следителю фундаціи побужденій съ опитными свидѣніями амура. Мантегацца въ этомъ отношеніи не составляетъ исключенія.

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОДПИСКѢ

въ 1888 г.

(Двадцать-третій годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

— выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ, отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
		Янв.	Іюль	Янв.	Апр.	Іюль	Окт.
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 80 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкой	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес.	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ осуд. почтов. союза	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкой и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе.—Вместо разорочки годовою подписки на журналы, подписка по полугодіямъ, въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года, въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается—безъ повышенія годовою цѣны подписки.

Съ перваго іюня открыта подписка на 2-ую половину и 3-ью четверть года.

Ближние магазины, при годовою и полугодовой подпискѣ, пользуются обычнымъ уступкою.

ПОДПИСКА принимается — въ *Петербургѣ*: 1) въ Конторѣ журнала, на Вас. Остр., 2 лин., 7; и 2) въ ея Отдѣленіяхъ, при книжн. магаз. К. Риккера, на Невск. просп., 14, и А. Цвиерлинга, Невск. пр., 46, противъ Гостин. Двора;—въ *Москвѣ*: 1) въ книжн. магаз. Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ Мосту; Н. П. Карбасникова, на Моховой, домъ Коха, и 2) въ Конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи.—Иногородные обращаются: 1) по почтѣ, въ Редацію журнала, Спб., Галерная, 20; и 2) лично—въ Контору журнала.—Тамъ же принимаются извѣщенія и ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Примѣчаніе.—1) *Почтовый адресъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства, съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если имѣть такое учрежденіе въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика.—2) *Переимѣна адреса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иногородные, доплачиваютъ 1 руб. 50 коп., а иногородные, переходя въ городскіе—40 коп.—3) *Жалобы* на неисправность доставки доставляются исключительно въ Редацію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышеупомянутыхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, *не позже* какъ по полученіи слѣдующей книги журнала.—4) *Высланы* по полученію журнала выслываются Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложить къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми ярлыками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:

Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., 2 лин., 7.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., Авазем. пер., 7.

